This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav. 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1903.

Стр.

I.—РИМЪ И РИМСКАЯ „РЕЛИГІЯ".—Очеркъ.—I-VI.—**О. Ф. Зѣлинскаго** . . 5

II.—ЗАКОНЪ ЖИЗНИ.—Повѣсть.—I-X.—**П. Д. Боборыкина** 38

III.—ПО ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ. — Путевыя замѣтки.—I. Отъ Москвы до Кургана. — II. Отъ Кургана до Омска. — III. Омскъ и Барабa.—IV. Красноярскъ.—**Эд. Циммермана** 107

IV.—МОЯ ЖИЗНЬ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—1832-1884 гг.—Воспоминанія и замѣтки.—I-III.—**А. В. Романовича-Славатинскаго** . . 138

V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. При свѣтѣ вечерняемъ.—II. „* * *".—**А. М. Жемчужникова** 198

VI.—ЖИТЕЙСКІЕ ТОЛЧКИ.—Разсказъ.—**Нат. Стаховичъ** 200

VII.—ЦАРИЦА АДРІАТИКИ.—Изъ путешествія по европейскому югу.—**Е. Л. Марковой** 216

VIII.—ЙЁРИТЪ УЛЬ.—Эскизъ.—Jörn Uhl, Rom v. G. Frenssen.—I-VIII.—Съ нѣм.—**И—ны С—вой** 276

IX.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Истекшій 1902-ой годъ.—Интересъ къ обществѣ къ работамъ уѣздныхъ комитетовъ. — Первые шаги губернскихъ комитетовъ.—Вопросъ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ.—Мѣры по поводу недорода 1902-го года.—Новый ветеринарный законъ.—Оригинальная промышленная школа. — По вопросу о мелкой земской единицѣ.—Московское губернское земское собраніе 342

X.—НЕДОЧЕТЫ СОСЛОВНЫХЪ ПРОГРАММЪ.—С. С. Вехтѣевъ, Хозяйственные итоги истекшаго сорокалѣтія и жѣры къ хозяйственному подъему. — **В. В.** 359

XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Международная политика въ Европѣ за истекшій годъ.—Македонскій вопросъ и „Правительственное сообщеніе".—Новая дипломатія въ области балканскихъ дѣлъ.—Внутреннія дѣла въ Германіи, Австріи, Англіи и Франціи.—Венецуэльскій конфликтъ 377

XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Мелкая земская единица. Сборникъ статей. — II. Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ Германіи, М. Я. Герценштейна. — III. Г. Гауптманъ, Собраніе сочиненій, съ нѣм. пер К. Бальмонта. — **Г—анъ.** —IV. Альбомъ выставки 1852—1902 г., въ память Гоголя и Жуковскаго.—Гоголь на родинѣ. — V. Православное духовенство, очерки, повѣсти и разсказы, Н. И. Соловьева.—Д.—VI. Образовательная Библіотека, серія V, 2: Проф. Погодинъ—Религія Зороастра; проф. Джексонъ—Жизнь Зороастра.—Z.— Новыя книги и брошюры 390

XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Jakob Wassermann. Der Moloch.—**З. В.** 414

XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Чествованіе памяти Некрасова. — Своеобразный взглядъ на свободу печати.—Замѣчательныя слова, сохраняющія свое значеніе по прошествіи почти полувѣка. — Преемственность идеализма въ русскихъ университетахъ. — Столѣтіе юрьевскаго (дерптскаго) университета.—Школьный вопросъ въ разныхъ концахъ Россіи.—По поводу проекта Городового Положенія для г. Петербурга. 423

XV.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Общества вспомоществованія учащихся и учившихся въ нарочныхъ училищахъ Спб. Учебнаго Округа, памяти М. Н. Капустина, бывшаго Попечителя Округа 439

XVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Шванебахъ, П. Х., Наше податное дѣло.—Конишгемъ, В., Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. — Варюковичъ, В., Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. — Веселовскій, Юр., Друзья и защитники животныхъ въ соврем. франц. беллетристикѣ. — Андреевскій, С. А., Литературные очерки.

XVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1903-го года
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ъ LXVII. — ТОМЪ DCCXCIII — 1/14 ЯНВАРЯ 1903

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

1,26-46

P Slav 176.25

~~Slav 30.2~~

Sever fund

8209

РИМЪ

и

РИМСКАЯ „РЕЛИГІЯ“

ОЧЕРКЪ.

I.

Современный Римъ представляетъ взору наблюдателя любопытное и въ извѣстныхъ отношеніяхъ трагическое зрѣлище: зрѣлище борьбы живого и жаждущаго жизни существа со своимъ чрезмѣрно великимъ прошлымъ. Достаточно вдуматься въ значеніе происшедшей съ нимъ метаморфозы, когда бывшая столица міра превратилась въ столицу второстепеннаго европейскаго государства, значеніе этой—если можно такъ выразиться—девальваціи Вѣчнаго-Города, чтобы понять ту жгучую боль, которую исконные обитатели испытываютъ отъ сознанія этой диспропорціональности между прошлымъ и настоящимъ, между символомъ и дѣйствительностью. Противъ этой боли есть только одно средство—мечта, утопія: „Римъ дважды продиктовалъ міру свои законы—онъ продиктуетъ ихъ ему и въ третій разъ“... Отсюда тѣ порывы, тѣ болѣзненныя и изнуряющія потуги, о плачевныхъ послѣдствіяхъ которыхъ мы слышимъ иногда; это—не что иное, какъ почти патологическія явленія въ сознаніи города, чувствующаго себя наслѣдникомъ великаго имени и тяготящагося своимъ положеніемъ, какъ столицы средней руки и „космополиса“ сомнительнаго достоинства.

И нѣтъ сомнѣнія, что эти потуги еще не разъ заставятъ говорить о себѣ; все-же, пока онѣ не увѣнчаются успѣхомъ—а успѣхъ въ предѣлахъ ближайшаго будущаго неправдоподобенъ—Римъ останется для цивилизованнаго міра тѣмъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ: громаднымъ городомъ-памятникомъ, свидѣтелемъ и символомъ культурныхъ стремленій европейскаго человѣчества. И можно сказать по истинѣ: такимъ городомъ-памятникомъ онъ былъ во всѣ времена, о которыхъ помнитъ исторія. Цѣпь памяти растягивается, чѣмъ болѣе звеньевъ прибавляется къ прошлому; но мы не можемъ указать времени, когда бы взоры людей не были обращены къ прошлому, когда бы принадлежащія прошлому звенья не казались больше и лучше тѣхъ, которыя наростали въ настоящемъ. Не только современные римляне любуются твореніями эпохъ Сикста Пятаго или Юлія Второго, не только Гибеллины папской эпохи мечтали о міровой власти цезарей, не только оппозиція императорскаго времени воздыхала, при видѣ форума, о свободномъ словѣ республиканскихъ ораторовъ — и они, эти республиканскіе ораторы, видѣли въ прошломъ величіе своего Рима: какъ горы надъ холмами, такъ надъ Цицеронами и Помпеями возвышались Сципіоны и Павлы эпохи великихъ войнъ. А тамъ поднимались Регулы и Фабриціи, а за ними—Деціи и Папиріи, далѣе—Коріоланы и Камиллы, вплоть до исполиновъ сказочной старины, сыновей и собесѣдниковъ безсмертныхъ боговъ, Ромуловъ и Нумъ. Всегда римлянинъ видѣлъ свое прошлое окруженнымъ ослѣпительной зарей, при свѣтѣ которой всѣ лица и предметы выростали до предѣловъ неземного и чудеснаго; причину этой иллюзіи объясняетъ намъ историкъ Рима, Ливій, который самъ ей подчинялся сознательно и охотно—сознательно какъ историкъ, охотно какъ римлянинъ—„miscendo humana divinis“... Всѣ или почти всѣ памятники древняго и новаго Рима прямо или косвенно—памятники религіозные. Римъ и религія издревле состоятъ въ таинственномъ родствѣ; недаромъ самое слово „религія“, принятое всѣми культурными народами и ни въ одномъ не замѣненное словомъ самобытнаго происхожденія—создано Римомъ. „Религія“—это не то, что вѣра, или исповѣданіе, или благочестіе; это—таинственная цѣпь, „связывающая“ (religans) насъ съ чѣмъ-то выше насъ, въ чемъ бы оно ни заключалось. Мы можемъ прекратить всѣ практики благочестія, можемъ отказаться отъ всѣхъ догматовъ, составляющихъ какое-нибудь исповѣданіе, можемъ даже потерять всякую вѣру—но мы остаемся религіозны до тѣхъ поръ, пока отводимъ въ

своемъ міросозерцаніи извѣстную область великому Непознаваемому и сознаемъ всю нашу относимость къ нему.

Такъ понималъ самъ Римъ свою религію; такъ отъ него научились понимать ее всѣ религіозные люди всего культурнаго міра. Религія Рима, такимъ образомъ, не то же, что̀ христіанство или католицизмъ, хотя она и можетъ, конечно, заключаться и въ томъ, и въ другомъ. И въ этомъ состоитъ всемірное значеніе Рима также и въ нынѣшнія времена, далеко выходящее за предѣлы той области земного шара, которая объединена съ нимъ единствомъ исповѣданія. Можно даже сказать: чѣмъ менѣе міросозерцаніе человѣка укладывается въ рамки опредѣленнаго исповѣданія, тѣмъ болѣе будетъ онъ чувствовать притягательную силу Рима, какъ мірового религіознаго центра. Примѣръ этому мы видѣли и у насъ въ очень недавнемъ прошломъ: величіе Рима не умаляется тѣмъ превратнымъ и низменнымъ толкованіемъ, которому онъ подвергся и подвергается, благодаря убожеству и узости взглядовъ толкователей.

Въ виду этого, и исторія развитія *римской религіи* представляетъ особый интересъ: изслѣдуя ее, мы изслѣдуемъ исторію развитія религіи на ея родной почвѣ. Это положеніе можетъ показаться парадоксальнымъ: мы такъ свыклись, со словъ нѣкоторыхъ филологовъ и историковъ послѣдняго столѣтія, съ представленіемъ о Римѣ какъ о какой-то культурной Харибдѣ, которая поглотила Грецію и Востокъ и, украсивъ себя ихъ доспѣхами, ничего своего цивилизованному міру не дала! И въ матеріальномъ отношеніи это представленіе—съ нѣкоторыми оговорками—остается справедливымъ, какъ это мы увидимъ и въ настоящемъ очеркѣ. Но въ томъ-то и заключается ошибка упомянутыхъ ученыхъ, что они слишкомъ подчеркиваютъ матеріальную сторону и забываютъ о томъ, что̀ при всѣхъ неоспоримыхъ заимствованіяхъ составляетъ исконное достояніе Рима. И нигдѣ важность этой ошибки не сказывается такъ сильно, какъ въ затронутомъ нами здѣсь вопросѣ. Фактъ греческихъ и восточныхъ заимствованій несомнѣненъ; ихъ объемъ таковъ, что никакое представленіе о нихъ нельзя будетъ назвать преувеличеннымъ; все-таки, если насъ спросятъ: „да что̀ же останется отъ римской религіи, если устранить изъ нея всѣ греческіе и восточные элементы?“—мы вправѣ будемъ отвѣтить: „останется—religio“.

И всѣ эти заимствованія, не лишая римскую религію ея характера, какъ самобытнаго достоянія римской почвы, придаютъ въ то же время изученію ея развитія особую прелесть: значеніе Рима, какъ города-памятника, выступаетъ здѣсь съ особенной

силой. Произведите, освоившись съ Римомъ и его музеями, хронологическій смотръ его археологическимъ сокровищамъ: грубые и безвкусные, но таинственные въ своей добровольной простотѣ остатки первобытной эпохи смѣняются грубыми же, но заносчивыми произведеніями этрусскаго искусства, наводнившими Римъ во времена Тарквиніевъ; за ними идутъ, уже съ первыхъ годовъ республики, творенія греческихъ художниковъ въ послѣдовательномъ чередованіи стилей—отъ первоначальной строгости современниковъ Коріолана до пышности александрійской эпохи, за которой послѣдовала реакція. Въ одно время съ ней состоялось вторженіе восточныхъ мотивовъ, преимущественно египетскихъ; вскорѣ за нимъ послѣдовалъ упадокъ, а затѣмъ и перерожденіе подъ вліяніемъ христіанства. Всѣ эти метаморфозы римскаго искусства сопровождались соотвѣтственными метаморфозами римской религіи; мало того, они были ими вызываемы. И современный изслѣдователь римской археологіи очень поверхностно отнесется къ своей задачѣ, если онъ, изучая преемство и чередованіе художественныхъ стилей, обойдетъ своимъ вниманіемъ внутреннюю сторону изучаемыхъ явленій—развитіе римской религіи.

Такимъ образомъ, эта религія представляетъ намъ совершенно своеобразное, нигдѣ, кромѣ Рима, не наблюдаемое зрѣлище. Въ Индіи старинная религія Ведъ порождаетъ брахманизмъ, который въ дальнѣйшемъ органическомъ развитіи выдѣляетъ изъ себя буддизмъ—именно выдѣляетъ, такъ какъ новая религія, будучи прямымъ отрицаніемъ старой, не могла ужиться съ ней и, вытѣсненная силой, должна была искать себѣ послѣдователей внѣ предѣловъ своей первоначальной родины. Въ Иранѣ равнымъ образомъ новая религія—религія Заратустры—органически выростаетъ изъ стариннаго многобожія, но, продолжая жить и дѣйствовать на первоначальной почвѣ, мало-по-малу опять подчиняется ея вліянію и принимаетъ въ себя нѣкоторые ея элементы. На берегахъ Іордана чудесно зародившаяся религія любви, послѣ кратковременнаго бурнаго сожительства съ іудаизмомъ, окончательно выдѣляется изъ него, оставляя іудаизмъ въ его прежней самобытной чистотѣ. Въ Греціи религія Аполлона, будучи—быть можетъ и даже вѣроятно—не-греческаго происхожденія, тысячью нитей срастается съ первобытной религіей Зевса и становится, благодаря этому, самымъ яркимъ показателемъ греческаго генія. Вездѣ мы имѣемъ органическое развитіе, процессъ естественной эволюціи и ассимиляціи; въ Римѣ—не то. Эволюція римской религіи состояла въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ наслоеній, которыя не ассимилировались съ первоначальной почвой рели-

гіозныхъ представленій: чужое такъ и оставалось чужимъ и познавалось какъ таковое. Его вліяніе на сердца римлянъ объясняется только тѣмъ, что они въ этомъ чужомъ узнавали элементъ родственный тому, что̀ было для нихъ роднымъ, и въ то же время сознавали, что тамъ онъ воплощенъ ярче, сильнѣе, дѣйствительнѣе; имя этому элементу—religio. И вотъ причина, почему христіанство нашло именно въ Римѣ такую благодарную почву: будучи отрицаніемъ всѣхъ прочихъ религій тогдашняго цивилизованнаго міра, съ іудаизмомъ включительно, оно было только послѣднимъ фазисомъ развитія римской религіи. Уже давно было замѣчено, что война, объявленная христіанствомъ Риму, касалась не того, что̀ въ немъ было исконно римскаго, а позднѣйшихъ греческихъ и восточныхъ наслоеній; достаточно было этимъ наслоеніямъ отпасть—и Римъ, и „христіанство“ познали другъ друга и другъ съ другомъ слились. Греческій великій Панъ умеръ, когда надъ его міромъ возсіялъ Крестъ; но римская religio не только продолжала жить,—она еще сильнѣе воспылала подъ новымъ знаменемъ.

II.

Все-же должно признать, что не развитыя только-что соображенія были причиной изученія того, что̀ мы нынѣ называемъ римской религіей: когда оно началось,—ни своеобразный характеръ ея эволюціи, ни ея гармонія съ христіанствомъ не сознавались. Объ эволюціи и рѣчи не было; всѣ явленія изучаемаго предмета понимались какъ сосуществующія, внѣ категорій времени—въ чемъ, впрочемъ, заключалась доля истины. Равнымъ образомъ, и гармоніи съ христіанствомъ не находили и не искали; совершенно напротивъ: именно, антагонизмъ воскрешаемаго великаго языческаго Рима съ папскимъ и послужилъ стимуломъ къ изученію „древностей“ перваго, съ его религіей включительно. Торжество Возрожденія при папскомъ дворѣ не измѣнило этого положенія дѣлъ: гуманисты, дававшіе папамъ Николаю V и Юлію II языческій титулъ „Pontifex maximus“, даже не подозрѣвали, до какой степени они были правы—они просто угождали своему гуманистическому стремленію перенести, вмѣстѣ съ чистой и звучной латынью Цицерона, также и всю обстановку древняго Рима въ новый.

Когда, затѣмъ, центромъ изученія и воспроизведенія античности стала Франція, римская религія пріобрѣла въ глазахъ ученыхъ и общества новый интересъ, но все-же не тотъ, о кото-

ромъ выше говорили мы. Древній Олимпъ окружалъ образованнаго человѣка повсюду: онъ глядѣлъ на него съ перекрестковъ чинныхъ аллей королевскихъ парковъ; онъ улыбался ему съ разукрашенныхъ потолковъ золоченыхъ залъ; онъ разговаривалъ съ нимъ съ подмостковъ театровъ; онъ то-и-дѣло мелькалъ передъ нимъ на страницахъ его любимыхъ книгъ. Олимпъ же этотъ безразлично обнималъ и греческихъ, и римскихъ боговъ; всѣ они одинаково подходили подъ общее понятіе: „древняя миѳологія“. И въ этомъ была доля правды: въ сущности, Горацій и Овидій понимали своихъ боговъ немного иначе.

Затѣмъ, англо-германскій неогуманизмъ объявилъ войну французскому классицизму; но его побѣда была въ значительной степени побѣдой эллинизма надъ романизмомъ, интересъ къ которому значительно понизился, пока его не воскресилъ Нибуръ; воскресилъ же онъ его подъ знаменемъ критики. Критика была третьей пѣстуньей римской религіи; въ ея вѣдѣніи она пребываетъ и понынѣ. Нельзя сказать, чтобы она баловала свою питомицу; вѣрная своему имени, означающему по-гречески „выдѣленіе“, она главнымъ образомъ старалась „выдѣлить“ изъ римской религіи все то, что̀ принадлежало другимъ народамъ и спеціально Греціи. „Древняя миѳологія“ была забракована; на ея мѣстѣ появилась „греческая миѳологія“ и, рядомъ съ нею, гораздо болѣе блѣдная и убогая „римская миѳологія“. Всѣ миѳы, до троянской войны включительно, поступали въ первую; скитанія Энея на пути изъ Трои въ Италію образовали пограничную область; ну, а Латинъ съ Аматой, альбанскіе цари, сказаніе о Ромулѣ и Ремѣ — это уже „римская миѳологія“. Но, какъ ни была бѣдна область этой послѣдней—и ея не оставляли неприкосновенною; во имя той же критики, ее то-и-дѣло урѣзывали, доказывая, что тотъ или другой римскій миѳъ—не что иное, какъ перелицовка такого-то греческаго, произведенная не то услужливымъ грекомъ, не то римскимъ поэтомъ, ради вящшей славы его родины. Подъ-конецъ, „римская миѳологія“ улетучилась.

Къ счастью, этотъ отрицательный результатъ былъ не единственнымъ плодомъ научной дѣятельности въ „критическую“ эпоху: параллельно съ выдѣленіемъ чужеземнаго шло пріобщеніе родного, оставившаго слѣды какъ въ литературѣ, такъ и въ непосредственныхъ памятникахъ жизни древняго Рима, произведеніяхъ искусства—преимущественно строительнаго—и особенно надписяхъ. Расширеніе и изученіе этого матеріала составляло вторую зиждительную сторону дѣятельности новой науки: что̀ теряла римская миѳологія, то выигрывала римская религія. Всѣмъ

извѣстно имя геніальнаго ученаго, навсегда связанное съ исторіей этой дѣятельности—имя Теодора Моммзена; его работы уже съ давнихъ поръ лежали въ основѣ всѣхъ изложеній римской религіи, поскольку эти послѣднія претендовали на научность, но своего изложенія онъ, занятый другими капитальными трудами, не далъ и, конечно, уже не дастъ.

Зато мы знали, что одинъ изъ его талантливѣйшихъ учениковъ, Георгій Виссова, уже цѣлый рядъ лѣтъ работаетъ надъ тѣмъ, чтобы самостоятельно, хотя и въ духѣ своего учителя, восполнить этотъ пробѣлъ и дать намъ стоящее на высотѣ науки изложеніе римской религіи. Доказательство своей компетентности онъ представилъ въ довольно почтенномъ числѣ изслѣдованій, изъ которыхъ нѣкоторыя были настоящими шедѣврами и озаряли совершенно новымъ свѣтомъ темную область первоначальной римской религіи; къ нимъ принадлежитъ и рядъ статей, которыя этотъ неутомимый ученый обнародовалъ въ издаваемой имъ же огромной „Реальной энциклопедіи классической древности“. Теперь его труды, поскольку они касаются римской религіи, закончены: весной настоящаго года появилась его книга о ней, озаглавленная: „Religion und Kultus der Römer“ (Мюнхенъ, 1902). Это сочиненіе знаменуетъ собой новый этапъ въ развитіи нашей науки: данъ сводъ всему, что было сдѣлано до сихъ поръ—притомъ сводъ до того солидный и полный, что даже въ терпѣливой и усидчивой нѣмецкой филологіи найдется немного равныхъ ему—и вмѣстѣ съ тѣмъ положено основаніе дальнѣйшимъ изысканіямъ. Автору настоящаго очерка, вложившему, въ свое время, и свою лепту въ науку о римской религіи, пріятно было убѣдиться, что и его работы приняты во вниманіе и вошли въ составъ научной системы нѣмецкаго филолога; но, разумѣется, не это чисто личное побужденіе, не то маловажное для науки обстоятельство, что нѣсколько кирпичей въ обширномъ зданіи Виссовы обозначены его именемъ, заставило его взяться за перо. Нѣтъ; какъ человѣкъ, съ давнихъ поръ занимающійся римской религіей, но не ею исключительно, я съ особымъ интересомъ и, можно сказать, волненіемъ, прочелъ ученое и талантливое изложеніе автора и, при чтеніи, невольно пріобщалъ къ нему элементы, сознательно устраненные авторомъ, какъ несоотвѣтствующіе строго-филологической физіономіи его книги—элементы общерелигіознаго, историко-философскаго характера... Спѣшу тутъ оговориться: словами „сознательно устраненные“, я не хочу сказать, что авторъ не придавалъ имъ значенія—въ этой узости взглядовъ, свойственной нѣкоторымъ

филологамъ-ремесленникамъ, Виссову никакъ упрекнуть нельзя. Совершенно наоборотъ: именно потому, что онъ сознавалъ ихъ важность, онъ не желалъ допускать ихъ съ дилеттантскимъ произволомъ, полагая въ то же время, что для строго научнаго ихъ сліянія съ его матеріаломъ время еще не созрѣло. Но то, что̀ еще неосуществимо для крупнаго руководства, скорѣе можетъ удаться въ предѣлахъ небольшого очерка, въ которомъ мы вправѣ ограничиться изображеніемъ руководящихъ идей и иллюстрацій къ нимъ и не обязаны освѣщать каждую частность въ духѣ теоріи и указывать мельчайшимъ фактамъ ихъ мѣсто въ общей системѣ. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ шансы получить картину интересную и если не во всемъ тождественную съ истиной, то гораздо болѣе къ ней приближающуюся, чѣмъ ходячія представленія.

Эта картина и будетъ содержаніемъ слѣдующихъ главъ.

III.

На своей начальной ступени римская религія представляетъ намъ довольно туманный „полидемонизмъ“, съ нѣкоторыми примѣсями „анимизма“ и „тотемизма“... Это положеніе вполнѣ справедливо—все-же оно, даже со всѣми иллюстраціями, которыя могутъ быть приведены, даетъ намъ не болѣе чѣмъ внѣшнюю рамку, въ которую была заключена римская религія на искомой ступени ея развитія. Если мы желаемъ проникнуть въ ея душу, мы должны выразиться такъ: въ началѣ была religio. И прежде, чѣмъ идти дальше, мы должны спросить себя, въ чемъ же состояла она, эта religio.

Для этого лучше всего будетъ сравнить между собою два божества, позднѣе отождествленныя одно съ другимъ—греческую Дэметру и римскую Цереру; здѣсь, къ счастью, процессъ чувствованія и мышленія у обоихъ народовъ вполнѣ ясенъ. Что̀ такое Дэметра? Это прежде всего, употребляя выраженіе д'Аннунціо, символъ „возрожденія хлѣба“; въ этомъ отношеніи она отчасти совпадаетъ съ римской Церерой, почему и была отождествлена съ нею. Но это далеко не все. Присущая греческому духу трансцендентность заставляетъ его выдѣлить силу, производящую это возрожденіе, въ особое божество, живущее особой, личной жизнью. Дэметра „изобрѣла“ хлѣбопашество и земледѣліе вообще; она въ древнія времена отправила къ людямъ своего посла и предтечу Триптолема— его прозрачное имя представляетъ

его символомъ трижды вспаханной нивы—для того, чтобы онъ научилъ ихъ воздѣлывать землю; художники любили изображать этотъ великій моментъ, когда благодатная богиня съ лицомъ, дышащимъ добротой и любовью, вручила послушному юношѣ-ученику драгоцѣнные колосья и передала ему, для болѣе быстраго передвиженія, свою колесницу, запряженную крылатыми драконами. Но это только одна сторона дѣятельности и значенія Дэметры: ея дары положили конецъ кочевой жизни человѣчества; она сдѣлала его осѣдлымъ, заставила его основать общину и повиноваться ея законамъ: эллинъ любилъ Дэметру и поклонялся ей какъ „Дэметрѣ-законодательницѣ"—Dêmêter thesmophoros. И это еще не все: погружаясь въ великое таинство возрожденія хлѣба, эллинъ поражался чудесной идеей чередованія смерти и рожденія, бытія и небытія. Зерно, извлеченное изъ колоса и преданное землѣ, благодаря ея силѣ, вновь всходитъ на поверхность, вновь превращается въ колосъ. Значитъ, нѣтъ гибели, нѣтъ исчезновенія, есть только временное пріостановленіе жизни; такъ, вѣрно, и насъ послѣ смерти ждетъ новая жизнь, и послѣ недолговременнаго пребыванія въ подземномъ мракѣ, мы снова увидимъ солнечный свѣтъ. Въ религію Дэметры вошелъ догматъ о продолженіи жизни за предѣлами смерти, выраженный въ миѳѣ о Дэметрѣ и ея „дочери" (Korê), похищенной у нея богомъ смерти, и затѣмъ возвращенной матери, которая здѣсь только, на этой ступени своего развитія, явилась дѣйствительно „матерью" (Dê-mêtêr). Затѣмъ, самый миѳъ о потерявшей свое дѣтище матери занялъ фантазію эллиновъ: вся прелесть человѣческой материнской любви была перелита въ образъ этой богини, ставшей настоящею Mater dolorosa древности. Все это сдѣлалось содержаніемъ элевсинскаго культа Дэметры—знаменитыхъ на всѣ времена „элевсинскихъ мистерій". Какъ видно изъ этой краткой характеристики, греческая религія Дэметры имѣла въ своемъ ядрѣ чувство — религіозное чувство, вызываемое таинственнымъ событіемъ „возрожденія хлѣба"—но это ядро отовсюду обросло другими чувствами и представленіями, продуктами размышленія и фантазіи.

Если мы теперь желаемъ понять римскую Цереру, то мы должны отбинуть все то, что въ греческой Дэметрѣ было продуктомъ размышленія и фантазіи. Мало того: мы должны отрѣшиться отъ того трансцендентальнаго метода чувствованія, который повелъ въ Греціи къ представленію о Церерѣ какъ о свѣтлоликой, ласковой богинѣ: никакого антропоморфизма римская религія первоначально не знала. Мы должны воскресить

передъ собой по возможности конкретно и полно картину волнующейся нивы, какою ее видѣлъ римскій земледѣлецъ—человѣкъ, живущій настоящимъ и совершенно забывшій о томъ, что его предки были кочующими скотоводами или охотниками. Пшеница уже выколосилась, но еще не зацвѣла; любо смотрѣть, какъ при каждомъ дуновеніи вѣтра наклоняются ея сочные, упругіе стебли, любо слушать таинственный рокотъ этихъ зеленыхъ волнъ. И вотъ, то, что онъ видитъ, что онъ слышитъ—это и есть Церера, или, вѣрнѣе, то, что ему любо въ томъ, что онъ видитъ и слышитъ; не представленіе, а чувство лежитъ въ основаніи религіи. Церера—это та сокровенная сила, которая объявляется въ ростѣ хлѣба; она сулитъ крестьянину богатый урожай и наполняетъ его сердце сладкимъ чувствомъ обезпеченности, но она же можетъ и обмануть навѣянныя ею надежды: ростъ можетъ остановиться, колосья, не успѣвъ налиться, станутъ блѣднѣть и сохнуть, зеленая нива преждевременно зажелтѣетъ болѣзненной желтизной—къ сладкому чувству надежды примѣшивается страхъ... Это еще не все, religio складывается не только изъ этихъ двухъ чувствъ; впрочемъ, прежде чѣмъ продолжать, остановимся на нихъ.

Тутъ прежде всего бросается въ глаза контрастъ между греческой и римской религіей: насколько та трансцендентна, настолько эта *имманентна*. Вѣрующій грекъ нисколько бы не удивился, если бы ему гдѣ-нибудь на дорогѣ встрѣтилась его Дэметра въ видѣ высокой и полной женщины, съ ласковой улыбкой на лицѣ; римлянинъ никогда въ такой женщинѣ не призналъ бы своей Цереры,—она объявляется ему исключительно въ ростущемъ хлѣбѣ. Затѣмъ, я нарочно сказалъ: въ *ростущемъ* хлѣбѣ: пока хлѣбъ еще не взошелъ, а посѣянный покоится въ землѣ, его вѣдаетъ не Церера, а Сатурнъ; когда онъ уже выросъ и цвѣтетъ—Флора; когда онъ готовъ къ жатвѣ—Консъ (Consus). Какъ видно отсюда, божество обитаетъ не въ предметѣ, а въ актѣ; чувство надежды и страха вездѣ одинаково, но оно различно окрашивается, смотря по тому, въ какомъ фазисѣ находится выражающій его предметъ, и съ измѣненіемъ этой окраски измѣняется и соотвѣтствующее ей божество. Мы только-что назвали римскую религію имманентною; теперь мы можемъ прибавить еще одно опредѣленіе: будучи имманентна, она не субстанціальна, а *актуальна*. Прошу читателя запомнить это опредѣленіе и не смущаться мнимыми исключеніями, которыя ему подскажетъ его эрудиція; дѣйствительно, встрѣчаются примѣры, въ которыхъ однообразіе и постоянство акта вызываетъ иллюзію суб-

станціальности. Мы ими еще займемся, и тогда призрачность этой субстанціальности станетъ очевидною.

Нетрудно понять, что актуальность религіи имѣетъ предположеніемъ ея имманентность; дѣйствительно, если представить себѣ соединеніе принципа актуальности съ принципомъ трансцендентности, то получатся явныя нелѣпости, постоянно нарождающіяся и исчезающія божества. Полезно будетъ прибавить теперь же, что эти нелѣпости не замедлили явиться; мы увидимъ, какъ римской религіи пришлось, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, принять въ себя принципъ трансцендентности; это повело къ двойственности и противорѣчивости, которая дала обильную пищу критикамъ. Первоначальной римской религіи эти критики не касались; она была вполнѣ цѣльна и послѣдовательна, опираясь на единство чувства, этого источника всякой религіи. Но необходимымъ послѣдствіемъ актуальности римской религіи была, въ-третьихъ, *расплывчатость* ея религіозныхъ представленій; не было и не могло быть строгой разницы между Сатурномъ и Церерой, Церерой и Флорой, Флорой и Консомъ, какъ не было опредѣленной грани между зародившимся и ростущимъ, ростущимъ и цвѣтущимъ, цвѣтущимъ и наливающимся хлѣбомъ. Какъ сами акты переходили одинъ въ другой, такъ и сопровождающія ихъ чувства безсознательно претерпѣвали соотвѣтствующія метаморфозы, а съ чувствами чередуются и божества. Римскія божества, такимъ образомъ, по самой своей природѣ способны къ постоянной *дифференціаціи и интеграціи*: чѣмъ ближе человѣкъ стоитъ къ дѣлу, тѣмъ болѣе будетъ онъ склоненъ къ первой, чѣмъ далѣе—ко второй. Земледѣлецъ съ замираніемъ сердца глядитъ на ростущій хлѣбъ: ахъ, кабы Церера была къ нему милостива!—Внезапно на колосьяхъ появляется ржа. Логика велитъ думать, что Церера разгнѣвалась; но чувство вражды и отвращенія, вызываемое видомъ гибнущаго отъ ржи хлѣба, до того различно отъ того, которое ассоціировалось съ именемъ Цереры, что для него потребовался новый религіозный эквивалентъ. Возникъ особый демонъ ржи, Robigus: для его умилостивленія праздновался особый праздникъ, Robigalia (25 апрѣля), причемъ народъ толпами отправлялся къ рощѣ Робига и закалывалъ въ его честь рыжую собаку... Впрочемъ, мы касаемся тутъ новой, составной части римской religio, о которой рѣчь будетъ потомъ... Мы дали только примѣръ дифференціаціи религіозныхъ представленій; она естественно вызывалась близостью человѣка къ дѣлу. Наоборотъ, его удаленіе отъ дѣла поведетъ къ интеграціи. Для живущаго въ пыльномъ и душномъ Римѣ ремеслен-

ника акты посѣяннаго, цвѣтущаго, ростущаго и пожинаемаго хлѣба не сопровождаются никакими чувствами; для него существуетъ только актъ покупаемаго хлѣба, т.-е. хлѣба вообще, который онъ будетъ ассоціировать либо съ однимъ изъ названныхъ земледѣльческихъ божествъ—а именно, въ силу историческихъ условій, съ Церерой—либо съ божествомъ новымъ, ad hoc созданнымъ, Анноной („дешевизной урожая"). При вольности какъ дифференціаціи, такъ и интеграціи, можно будетъ сказать, что римская религія пребываетъ въ неустойчивомъ равновѣсіи между двумя полюсами, имѣя къ обоимъ одинаковое стремленіе: дифференціація вела ее къ полюсу пандемонизма, интеграція—къ полюсу пантеизма. Оставимъ пока первый, займемся вторымъ. Согласно сказанному, мы должны будемъ признать, что пантеизмъ, заключавшійся потенціально въ римской религіи, былъ пантеизмомъ актуальнымъ. Это сразу отличаетъ его отъ пантеизма Спинозы, который былъ именно пантеизмомъ субстанціальнымъ, и сближаетъ съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое имѣетъ свое начало въ Гераклитѣ, а свой вѣнецъ въ Шопенгауерѣ. Дѣйствительно, мы какъ нельзя лучше поймемъ и оцѣнимъ римскую религію, говоря — языкомъ нѣмецкаго философа,—что она была *поклоненіемъ міровой Волѣ* въ ея различныхъ проявленіяхъ. Это не значитъ, разумѣется, что римляне были шопенгауеріанцами; это значитъ только, что въ основѣ ихъ религіознаго міросозерцанія лежало то чувство, которое названный геніальный философъ научилъ насъ понимать. Мы можемъ даже идти дальше, пользуясь тѣмъ же языкомъ, и сказать: *римскія божества были объективаціями міровой Воли*; этимъ мы сразу выражаемъ то, что̀ ихъ отличаетъ отъ всякихъ другихъ божествъ.

Міровая Воля, по ученію все того же философа, намъ непосредственно понятна, благодаря тому, что она живетъ въ насъ самихъ въ видѣ нашей личной воли; эта глубокая мысль объясняетъ намъ двѣ другія стороны римской религіи. Одна изъ нихъ—это та, которую мы затронули выше; аналогичность міровой Воли съ нашей личной должна была навести римлянина на ту же мысль, которая для другихъ народовъ была послѣдствіемъ антропоморфическихъ или тэріоморфическихъ представленій объ ихъ божествахъ—на мысль о возможности вліять на эту волю путемъ даровъ и убѣжденій. Конечно, одной этой возможности было мало: надобно было знать, какъ ее приводить въ дѣйствительность, какъ молиться, какія и какъ приносить жертвы. Къ счастью, люди обладали этимъ знаніемъ, пріобрѣвъ его двоякимъ путемъ. Первымъ было откровеніе; предполагалось, что бо-

жество во времена оны добровольно вступило въ общеніе съ людьми и указало имъ обряды его умилостивленія. Такими людьми были исполины сказочной старины, Ромулъ и Нума, собесѣдники боговъ. Ихъ завѣты должны были быть соблюдаемы свято, ни одно слово не должно было быть пропущено въ молитвѣ, ни одно движеніе въ обрядѣ — иначе весь актъ былъ недѣйствителенъ или даже гибеленъ для справляющаго. Но это еще не все: если божество открылось тѣмъ исполинамъ, то благодаря тому, что они были болѣе прочихъ ему родственны—о возможности такого родства скажу ниже. А отсюда слѣдуетъ, что продолженіе этого общенія возможно только подъ условіемъ продолженія самаго родства, т.-е., только для тѣхъ, кто происходилъ отъ избранниковъ божества. Другими словами: обряды должны были передаваться по наслѣдству; съ устраненіемъ преемственности устраняется и возможность общенія съ божествомъ. Вотъ причина упорства, обнаруженнаго патриціатомъ въ борьбѣ съ плебеями.

Вторымъ путемъ былъ случай или опытъ: о томъ, что̀ однажды усмирило гнѣвъ божества, предполагали, что оно и впредь можетъ его усмирить. Конечно, и тутъ требовалось строгое соблюденіе разъ установленнаго ритуала, но наслѣдственности не требовалось, такъ какъ не было откровенія, а было только простое и общедоступное наблюденіе связи между причиной и слѣдствіемъ.

Какъ бы то ни было, но при природной богобоязненности римлянъ ритуалъ, добытый двумя только-что указанными путями, былъ очень обширенъ и сложенъ, а при ихъ строгихъ требованіяхъ къ точности и полнотѣ исполненія—и довольно труденъ; чистота его передачи изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ которой зависѣло благосостояніе государства, была возможна только при существованіи жречества и особыхъ жреческихъ коллегій. Въ этомъ ничего особеннаго нѣтъ: жречества мы имѣемъ и у другихъ народовъ; Римъ въ отношеніи ихъ только количественно отличается. Но это количественное различіе довольно разительно: какъ бы то ни было, а понтифики, авгуры, весталки, значительно превосходятъ достоинствомъ и важностью греческихъ жрецовъ и жрицъ; мы можемъ это объяснить тѣмъ, что греческіе боги, именно въ силу своего человѣкоподобія, были много „гуманнѣе“ тѣхъ отвлеченныхъ и страшныхъ въ своей отвлеченности объективацій всемірной Воли, которымъ поклонялись римляне.

IV.

Въ предъидущей главѣ мы попытались охарактеризовать сущность первоначальной римской религіи, ея внутреннюю, душевную сторону; ея внѣшняя сторона, непосредственно представляющаяся взору наблюдателя, состоитъ, какъ было сказано выше, въ туманномъ „полидемонизмѣ“, съ нѣкоторыми элементами „анимизма“ и „тотэмизма“. Къ ней, къ этой внѣшней сторонѣ, мы переходимъ теперь.

Римскій полидемонизмъ, будучи основанъ на обоготвореніи знаменательныхъ для человѣческой жизни моментовъ, былъ умножаемъ до бесконечности. Умножается онъ, во-первыхъ, путемъ дифференціаціи: такъ, въ молитвахъ Церерѣ упоминаются двѣнадцать различныхъ божествъ, имена которыхъ обозначаютъ различныя полевыя работы—отъ вспахиванья нивы до уборки хлѣба; столько же приблизительно божествъ предполагалось дѣйствующими при зачатіи и рожденіи человѣка; нѣсколько меньшее число—при совершеніи жертвоприношенія, которое, какъ важный и рѣшающій моментъ, само обоготворялось и давало поводъ къ возникновенію новаго божества, отдѣльнаго отъ того, кому жертва приносилась. Все это были странные и непонятные для позднѣйшаго времени факты. Но дифференціація шла только однимъ путемъ: были возможны и другіе. Когда галлы приближались къ Риму, послышался таинственный голосъ, возвѣстившій о ихъ прибытіи; почти два столѣтія спустя, Аннибалъ, придвинувъ свои рати къ Риму, внезапно отступилъ и освободилъ городъ отъ страха. Несомнѣнно, тутъ сказалась божья сила; но какая? къ кому обратиться съ благодарными молитвами? Грекъ, при своемъ трансцендентномъ образѣ мышленія, призналъ бы въ обоихъ благотворныхъ событіяхъ дѣйствіе либо своего родного божества—Аѳины, если онъ былъ аѳинянниномъ, Діоскуровъ, если спартанцемъ,—либо того, которое было „ближайшимъ“ къ совершившемуся событію, Зевса Всемолвнаго (Zeus Panomphaios) и Аполлона Отвратителя; римлянинъ, согласно имманентному характеру своей религіи, преклоняется передъ самыми моментами, ставитъ алтари „богу Молвящему-Говорящему“ (Ajus Locutius) и „богу Возвращающемуся“ (deus Rediculus). Не мало насмѣшекъ посыпалось со временемъ на эти эфемерныя божества:—что же это, говорили, богъ Молвящій-Говорящій всего только разъ заговорилъ, и потомъ обрекъ себя на вѣчное молчаніе? Богъ Возвращающійся ни разу, ни до, ни послѣ Аннибала, не проявилъ

своей дѣятельности?—Эти насмѣшки, однако, основаны были на коренномъ непониманіи того, что̀ составляло самую сущность первоначальной римской религіи—ея актуальной имманентности.

Въ приведенныхъ примѣрахъ она очевидна; а такъ какъ на нихъ мы непосредственно наблюдаемъ возникновеніе римскихъ божествъ, то для насъ они особенно драгоцѣнны, и мы должны, согласно методу новѣйшей психологіи, взять ихъ за исходную точку въ нашемъ разсужденіи. Но было бы ошибкой думать, что весь римскій полидемонизмъ укладывается въ формулу, которую мы изъ нихъ извлекаемъ.

„Всемірная Воля“—сказалъ я выше—намъ непосредственно понятна, благодаря тому, что она живетъ въ насъ самихъ въ видѣ нашей личной воли; эта мысль объясняетъ намъ двѣ стороны римской религіи... Объ одной уже была рѣчь; она состояла въ предположеніи возможности воздѣйствія на отдѣльныя объективаціи этой Воли путемъ даровъ и молитвъ. О другой сторонѣ мы должны поговорить здѣсь, такъ какъ она представила собой новый путь къ безконечному умноженію римскаго полидемонизма. Дѣло вотъ въ чемъ.

Если живущая во мнѣ воля родственна всемірной Волѣ, то, допуская божественность этой послѣдней, я долженъ признать такую же божественность, хотя и количественно мéньшую, и за первой; и такъ, во мнѣ живетъ божество, божество личное, индивидуальное. Римляне такъ и вѣровали; индивидуальное божество, пребывающее въ каждомъ человѣкѣ, они называли его *„геніемъ“*. Слово это намъ знакомо и привычно: но именно поэтому оно можетъ легко дать поводъ къ недоразумѣніямъ. Слѣдуетъ твердо помнить, что римскій геній—нѣчто совершенно своеобразное, не встрѣчающееся въ другихъ религіяхъ и поэтому не поддающееся объясненію посредствомъ аналогичныхъ явленій у другихъ народовъ. Это, прежде всего, не то, что̀ мы нынѣ называемъ геніемъ—своего рода духъ-хранитель, сопровождающій насъ на нашемъ жизненномъ пути; послѣдній—трансцендентное греческое представленіе, встрѣчающееся уже у Гезіода и попавшее, чрезъ народную вѣру, въ неоплатонизмъ, а отсюда въ христіанство, причемъ латинскій терминъ genius былъ только переводомъ греческаго daimôn. Это, затѣмъ, и не душа—все равно, понимать ли это слово въ платонически-христіанскомъ, или въ матеріалистическомъ смыслѣ: идея безсмертія, связанная съ первымъ, вовсе не была первоначально присуща римскому генію, который былъ, по словамъ Горація, „смертнымъ богомъ человѣческой природы“—naturae deus humanae mortalis; отъ второго же

его отдѣляла узость и опредѣленность его значенія исключительно какъ *волевого* принципа нашей жизни. Геній—это то, что въ насъ хочетъ; кто живетъ, какъ ему хочется, тотъ „угождаетъ своему генію (indulget genio)“; кто силой размышленія заглушаетъ въ себѣ естественные позывы воли, тотъ „обижаетъ генія (defrudat genium)“. Передъ нами человѣкъ капризный, сегодня хотящій одного, завтра другого; что значитъ эта измѣнчивость? „Это знаетъ его геній“, говоритъ Горацій.

Итакъ, римская религія признавала геніевъ, какъ представителей или показателей волевого начала въ отдѣльныхъ индивидуумахъ; были ли и эти божества подвержены дальнѣйшей дифференціаціи и интеграціи? Дифференціаціи—нѣтъ; дробленіе Воли не идетъ дальше индивидуумовъ, этихъ крайнихъ вѣтокъ великаго мірового дерева. Но интеграція была возможна; она естественно совершалась по ступенямъ соціальной организаціи человѣчества. Первой высшей единицей, связывающей людей, была семья, домъ; римляне поклонялись генію дома—Лару. Семьи связывались воедино сельской общиной (pagus); и онѣ, эти сельскія общины, имѣли своихъ Ларовъ. Другими единицами были родъ, курія, коллегія—всѣмъ имъ покровительствовали ихъ геніи. Высшей единицей, наконецъ, было племя; племеннымъ геніемъ римлянъ былъ Марсъ. И тутъ мы находимъ слѣдъ того тотэмизма, о которомъ рѣчь была выше: Марсъ, геній римскаго племени, представлялся римлянамъ подъ видомъ волка. Представленіе это идетъ въ разрѣзъ съ той имманентностью, которая во всемъ прочемъ является характернымъ признакомъ римской религіи; мы не ошибемся, признавъ въ немъ пережитокъ гораздо болѣе древней и грубой эпохи, чѣмъ та, которую мы, въ силу обстоятельствъ, назвали и называемъ первоначальною. Впрочемъ, психологическаго противорѣчія могло и не быть: болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ эпоху имманентнаго мышленія Марсъ подчинился общему теченію, и волкъ превратился въ простой, чисто-внѣшній символъ бога; знатоки ветхозавѣтной критики припомнятъ аналогичный примѣръ изъ исторіи развитія іеговизма.

Шире по своему объему и важнѣе другой вопросъ: согласуемо ли представленіе о геніяхъ съ тѣмъ принципомъ актуальности, въ которомъ мы признали характерную особенность римской религіи? Несомнѣнно согласуемо; это доказывается уже этимологіей слова „genius“, коренное значеніе котораго—„рождающій, производящій“. Геній относится къ живому человѣку совершенно такъ же, какъ Церера къ растущему хлѣбу; и именно современная психологія—прошу вспомнить Вундта и его „принципъ

актуальности" въ примѣненіи къ человѣческой душѣ, какъ „связи явленій сознанія"—помогаетъ намъ разобраться въ этихъ, быть можетъ, не сразу понятныхъ явленіяхъ. Со всѣмъ тѣмъ, придется признать, что уже просто въ силу большей живучести человѣка въ сравненіи съ быстро ростущимъ и зрѣющимъ хлѣбомъ, съ представленіемъ объ индивидуальномъ геніѣ гораздо легче могла сочетаться иллюзія субстанціальности, а съ геніемъ высшихъ соціальныхъ группъ и подавно. Говорю: „могла"; дѣйствительно утверждать мы тутъ ничего не можемъ. Идея субстанціи вообще является абстракціей въ сравненіи съ непосредственно ощущаемымъ и воспринимаемымъ актомъ; никто не поручится намъ за то, что римляне до самаго конца нашей эпохи не представляли себѣ даже Ларовъ и прочихъ высшихъ геніевъ sub specie actus. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то, что римская религія той эпохи не знала чисто субстанціальныхъ боговъ, играющихъ такую важную роль въ религіяхъ другихъ народовъ; не было у нихъ божества солнца, луны, моря; не было бы и божества земли, если бы не одно обстоятельство, о которомъ слѣдуетъ поговорить особо, такъ какъ оно заводитъ насъ въ совершенно иную область религіозныхъ представленій и этимъ довершаетъ картину римскаго полидемонизма.

Всѣмъ извѣстно, что „земля" по-гречески называется gê или gaia, по-латыни terra; Gê была у грековъ древней почтенной богиней; Terra, напротивъ, въ циклѣ древне-римскихъ божествъ не встрѣчается вовсе; ея культъ засвидѣтельствованъ лишь для позднихъ временъ и объясняется вліяніемъ греческихъ представленій. Итакъ, богиня Terra не существуетъ; зато есть богиня Tellus, а у насъ это слово тоже переводится черезъ „земля". Совершенно вѣрно; но чтобы вникнуть въ его первоначальное значеніе, мы должны взять его въ древнѣйшей молитвенной формулѣ, въ которой оно намъ сохранилось: понтифики, говоритъ намъ Варронъ, молятся Telluri, Tellumoni, Altori, Rusori. Итакъ, Tellus встрѣчается въ числѣ божествъ, блюдущихъ зарожденіе хлѣба; ихъ четыре, въ соотвѣтствіи съ четырьмя актами, на которые, согласно произволу жреческой дифференціаціи, распадается это зарожденіе. Если мы теперь вспомнимъ, что въ честь Tellus справлялся 15-го апрѣля праздникъ Фордицидій, причемъ ей приносилась въ жертву стельная корова (forda bos), то правильность этого пониманія станетъ очевидною; ясно, что Tellus—не вообще земля, а спеціально „собирающаяся родить нива". Итакъ, можно будетъ сказать, что tellus относится къ terra, какъ актуальное понятіе къ субстанціальному, и что поклоненіе пер-

вой и непоклоненіе второй еще разъ доказываетъ актуальный характеръ римской религіи. И еслибы все дѣло заключалось только въ этомъ—не стоило бы и затрогивать вопроса о поклоненіи Землѣ.

Но нѣтъ; оно имѣетъ и другую сторону. Когда оба Деція, герои латинскихъ и самнитскихъ войнъ, рѣшили своей смертью добыть побѣду для Рима—они торжественнымъ заклинаніемъ посвятили себя, какъ повѣствуетъ лѣтопись, Telluri et Manibus. Тутъ мы встрѣчаемъ божество Земли въ обществѣ страшныхъ душъ преисподней, а онѣ заводятъ насъ въ область, совершенно отличную отъ той, въ которой мы вращались до сихъ поръ. Анимизмъ—въ томъ тѣсномъ смыслѣ слова, въ которомъ его употребляетъ Тэйлоръ,—присущъ всѣмъ религіямъ древняго и новаго міра и во всѣхъ вызываетъ аналогичныя чувствованія и представленія; насколько было неправильно выводить всю религію грековъ, римлянъ и др. изъ анимизма, т.-е. культа душъ—какъ это пытались сдѣлать Фюстель де-Куланжъ и Липпертъ,—настолько же было бы превратно подводить римскій анимизмъ подъ общія понятія римской религіи, извлеченныя и развитыя нами въ предъидущей главѣ. Религія имѣетъ не одинъ только корень, а нѣсколько; пора примириться съ этой мыслью и отказаться отъ религіознаго монизма, ведущаго только къ произвольнымъ и насильственнымъ конструкціямъ. Культъ міровой Воли—это одинъ корень, создавшій спеціально римскую религію и для нея одной характерный; его обѣ отличительныя примѣты—имманентность и актуальность. Анимизмъ—другой корень, общій для всѣхъ религій; онъ не имманентенъ и не актуаленъ. Правда, нельзя также сказать, чтобы онъ былъ трансцендентенъ, такъ какъ трансцендентность предполагаетъ какое-нибудь отношеніе между понятіями, между тѣмъ какъ духи умершихъ живутъ самобытной жизнью, внѣ всякаго отношенія къ тѣмъ, которые были нѣкогда ихъ носителями; но зато субстанціальность имъ присуща въ полномъ смыслѣ слова. Совершенная разнородность представленій о душахъ умершихъ—„добрыхъ богахъ“ (di Manes), какъ ихъ изъ страха называли—сказывается и въ томъ, что нѣтъ никакой возможности поставить ихъ въ разумную связь съ геніями живыхъ; было бы неправильно полагать, слѣдуя позднимъ источникамъ, что геніи, послѣ смерти, превращаются въ „Мановъ“—геній не существуетъ послѣ разрушенія того, что было его носителемъ. Нѣтъ; оба эти понятія возникли на почвѣ различныхъ міросозерцаній. Между ними такъ же мало общаго, какъ и между чувствами, лежащими въ ихъ основѣ—разумнымъ

страхомъ передъ волей живого существа и безотчетнымъ ужасомъ, который внушалъ загробный міръ.

О римскомъ анимизмѣ подробно распространяться нечего; онъ намъ непосредственно понятенъ; въ самыхъ просвѣщенныхъ среди насъ живетъ, по вѣковому наслѣдству, чувствительная струнка, вздрагивающая при мысли о томъ, что за предѣлами смерти. Въ этомъ насъ можетъ убѣдить описаніе римскихъ Фералій, заупокойнаго праздника, справляемаго ежегодно въ февралѣ мѣсяцѣ въ честь умершихъ душъ—описаніе, принадлежащее перу Овидія и стоящее въ его поэтическомъ „Календарѣ“ (Fasti, кн. II, стр. 533 и сл.).

Есть и могиламъ почетъ; ублажайте родителей души,
Скромною данью любви чтите холодный ихъ прахъ!
Скромны желанія Мановъ: милѣй имъ роскошныхъ даяній—
Ласка; нежадныхъ боговъ мракъ преисподней таитъ.
Имъ въ приношенье годна—съ отслужившимъ вѣникомъ черепица
(Много такого добра въ римскихъ канавахъ лежитъ),
Хлѣбъ, размягченный въ винѣ, да фіалокъ пахучихъ немного,
Нѣсколько зеренъ пшена, соли щепотки двѣ-три.
Хочешь пышнѣй—твоя воля; душа же и этому рада;
Только, воздвигши очагъ, вспомни молитву прочесть.

Этотъ обычай Эней, благочестья достойный учитель,
Нѣкогда въ земли твои—ввелъ справедливый Латинъ:
Душу отца своего погребальными чтилъ онъ дарами—
Такъ онъ народы твои—долгу любви научилъ.
Все-же однажды средь долгой сумятицы войнъ непрерывныхъ
Память „родительскихъ дней“ буйная брань унесла.
Быстро настигла насъ кара, и вызванный знаменьемъ лютымъ
Дымъ погребальныхъ костровъ долго глаза намъ слѣпилъ.
Есть и ужаснѣе слухъ: что могилы покинули „дѣды“
И средь ночной тишины жалобный подняли плачъ...
Да! по латинскимъ полямъ, и по улицамъ Рима носилась
Съ воемъ туманной толпой душъ безтѣлесная рать.
Тутъ позабытую честь оскорбленнымъ вернули курганамъ—
Мору конецъ, и конецъ грознымъ явленьямъ насталъ.

Чтите отцовъ! А пока—потерпи, молодая вдовица:
Лучше пусть „чистаго“ для свадебный факелъ твой ждетъ.
Да и тебѣ (хоть невѣстой зоветъ тебя мать въ нетерпѣньи),
Дѣва, кривое копье пусть не расчешетъ волосъ.
Свѣточъ, Гименъ, убери и отъ мрачнаго пламени дальше
Скрой! Не такіе огни скорбнымъ могиламъ горять.
Пусть и боговъ въ ихъ святыняхъ закрытая дверь охраняетъ,
Пусть ихъ холодный алтарь безъ ѳиміама стоитъ;
Нынѣ прозрачныя души, тѣла погребенныя бродятъ—
Нынѣ надъ гробомъ своимъ яства вкушаетъ упырь...

V.

Такова сущность первоначальной римской религіи какъ въ ея внутреннемъ естествѣ, такъ и во внѣшнихъ формахъ ея проявленія; дальнѣйшее изложеніе будетъ посвящено историческому развитію этого первоначальнаго ядра вплоть до того момента, когда оно слилось съ христіанствомъ. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ нему, мы должны отвѣтить на одинъ вопросъ, который, вѣроятно, уже съ первыхъ строкъ теоретическаго изложенія былъ поставленъ читателемъ—вопросъ о *цѣнности* очерченной нами религіи. Правда, вопросъ этотъ самъ по себѣ не достаточно ясенъ; мы должны, для его выясненія, поставить дальнѣйшій вопросъ: въ чемъ заключается мѣрило цѣнности религіи вообще?—и вполнѣ увѣрены, что большинство читателей отвѣтитъ на него такъ: „въ ея нравственномъ вліяніи на человѣка“. Это, дѣйствительно, самый естественный и, казалось бы, самый разумный отвѣтъ.

Интересно, однако, что самые передовые богословы протестантскаго лагеря его правильности не признаютъ. Мораль и религія,—говорятъ они,—два различныя, обособленныя другъ отъ друга проявленія духовной жизни человѣка: тотъ роняетъ достоинство религіи, кто дѣлаетъ ее орудіемъ нравственности—ея чистота возможна только подъ условіемъ выдѣленія изъ нея „моралиэма“. Интересно это потому, что этотъ несостоятельный по ихъ мнѣнію моралиэмъ они считаютъ характерной особенностью католической, т.-е. римской религіи, чуждой первоначальному христіанству; а если онъ произошелъ не изъ христіанскаго корня, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что мы должны искать его зародышей именно въ исконно-римскомъ элементѣ. И дѣйствительно, мы ихъ тамъ найдемъ; надо только умѣть искать. Постараемся пояснить это на примѣрѣ.

Церера хранитъ ростущій хлѣбъ; ея благосклонность обезпечена тому, кто свято соблюдаетъ свои обязательства по отношенію къ ней, молится и приноситъ положенныя жертвы согласно ея волѣ, объявленной праотцамъ во времена оны. Хлѣбъ, не успѣвъ налиться, погибъ; это значитъ, что въ священнодѣйствіяхъ въ честь Цереры была допущена ошибка, которую и надлежитъ выяснить. Мысль, что гнѣвъ Цереры вызванъ, напр., нанесенной кліенту обидой, не могла и въ голову придти римлянину той эпохи: объ этой обидѣ Церера ничего не знаетъ, да она ея и не касается. Какъ видно, изъ такого рода отношеній

нравственность развиться не могла; но въ томъ-то и дѣло, что эти отношенія не были единственными.

Изъ эпохи индо-европейскаго единства римляне унаслѣдовали представленіе о древнѣйшемъ богѣ неба—Юпитерѣ. Въ силу актуальнаго характера своей религіи они ограничили его дѣятельность свѣтовыми явленіями дневного неба (во мракѣ ночного неба, напротивъ, объявляется другое божество, Сумманъ, первоначально тожественное съ Юпитеромъ), особенно самымъ страшнымъ изъ нихъ—молніей; эта послѣдняя такъ и называется Юпитеромъ (Jupiter fulgur). Здѣсь сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо сказывался волевой характеръ движущей силы: на глазахъ у всѣхъ разгнѣванный богъ поражалъ свою жертву, непосредственно и неизбѣжно, и притомъ со всеобозрѣвающей высоты; само собою должно было зародиться мнѣніе, что онъ сознательно караетъ своего оскорбителя, будучи свидѣтелемъ всего, что происходитъ на землѣ. Изъ этого мнѣнія развился обычай—тамъ, гдѣ никакая людская сила не можетъ быть блюстительницей обязательства,—призывать въ свидѣтели и блюстители Юпитера; такъ-то Юпитеръ сталъ богомъ клятвы, Jupiter Fidius. Обязательства между гражданами охраняются царемъ, который въ случаѣ нарушенія караетъ нарушителя; но кто будетъ охранять обязательства царей и общинъ? Одинъ Юпитеръ. Когда, поэтому, состоялось первое событіе въ римской исторіи, о которомъ мы узнаемъ—сліяніе племени Марса съ племенемъ Квирина,—блюстителемъ договора и взаимныхъ обязательствъ былъ сдѣланъ Юпитеръ; какъ покровитель новой общины, онъ занялъ мѣсто выше племенныхъ боговъ ея составныхъ частей. Воззрѣніе это нашло себѣ конкретное выраженіе въ сакральной жизни новаго Рима: отнынѣ въ немъ было три старшихъ жреца (фламина), причемъ фламинъ Юпитера былъ старше и почтеннѣе и фламина Марса, и фламина Квирина.

Возвышеніе Юпитера—первый результатъ эволюціи римской религіи, который мы можемъ признать такимъ. Его значеніе очень велико; оно сказывается, насколько намъ дозволено судить, въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ.

Во-первыхъ, былъ сдѣланъ важный шагъ впередъ на пути къ субстанціализаціи римской религіи: Юпитеръ, какъ хранитель создавшаго государство договора, не могъ не представляться постоянно обитающимъ тамъ, гдѣ рѣютъ тучи и грохочутъ громы, тамъ, откуда нечестивцы должны были ждать быстрой кары за свои злодѣянія. Характеръ имманентности римской религіи этимъ утраченъ не былъ: не было нужды представлять себѣ—а тѣмъ

болѣе изображать—Юпитера въ видѣ человѣка или вообще живого существа. Онъ могъ оставаться таинственной силой, живущей въ поднебесьѣ и объявляющейся въ его свѣтовыхъ феноменахъ. Важно было то, что богъ уже не отожествлялся со своимъ объявленіемъ; кто говорилъ: „такъ да погубитъ меня Юпитеръ"..., поднимая правую руку къ безоблачной лазури, тотъ несомнѣнно чаялъ въ ней постоянно присутствующаго бога, блюстителя его клятвы и карателя клятвопреступленія.

Карателя клятвопреступленія... Этимъ мы приблизились ко второму пункту. Нравственность не составляетъ элемента религій на ихъ первоначальной ступени; ея пріобщеніе бываетъ результатомъ эволюціи, часто даже иноземныхъ вліяній. Такъ и римскія божества первоначально были безразличны къ нравственности—всѣ, не исключая и Юпитера, такъ какъ наказаніе оскорбителя само по себѣ есть только проявленіе силы въ дѣлѣ личной мести, а не торжества нравственнаго принципа. Такимъ оно стало лишь тогда, когда грозный властитель перуновъ былъ признанъ блюстителемъ *договора*; отнынѣ онъ, наказывая, мстилъ уже не за себя, а за попранную правду. Конечно, вѣрность договору еще не составляетъ всей нравственности; можно даже сказать, что она даже не входитъ въ составъ нравственности, относясь всецѣло къ области права. Первое возраженіе справедливо, но не затрогиваетъ сущности дѣла; пусть нравственность одною только своей частью врѣзалась въ религію—этимъ все-таки былъ сдѣланъ важный починъ, плодотворный для будущихъ временъ. Что касается второго возраженія, то мы должны придать ему болѣе общее значеніе: не одна только религіозная нравственность римлянъ, а вся ихъ религія и вся ихъ нравственность носитъ юридическій, договорный характеръ. Риму выпало на долю,—сильнѣе, чѣмъ какому бы то ни было народу въ мірѣ, развить правовой элементъ человѣческой души; въ этомъ заключается едва ли не наибольшая часть его мірового значенія. Необходимымъ условіемъ для этого было проникновеніе правовыхъ понятій и правовой окраски во всѣ проявленія его индивидуальной и общественной жизни. Спеціально за религіей Рима правовой характеръ остался надолго—вплоть до нашихъ дней. Но объ этомъ здѣсь говорить не приходится.

Третій пунктъ стоитъ въ связи со вторымъ и ему обязанъ своимъ значеніемъ; онъ состоитъ въ прикрѣпленіи, если можно такъ выразиться, Юпитера къ римской общинѣ. Конечно, національные или общинные боги существовали и раньше, но это ихъ существованіе, будучи вполнѣ естественнымъ, не выдѣляло

еще Рима изъ числа прочихъ общинъ и племенъ Италіи и земного шара. Пусть Марсъ особенно печется о благополучіи подданныхъ Ромула, Квиринъ—о преуспѣяніи сосѣдней сабинской общины; въ этомъ ни для кого обиды не было, пока Церера всѣхъ одинаково надѣляла хлѣбомъ, Палесъ всѣмъ одинаково ростила скотъ, Юпитеръ надо всѣми одинаково простиралъ свои грозовыя тучи. Теперь не то: покровитель и блюститель договора, создавшаго римскую общину, сталъ естественно покровителемъ и самого Рима; отдавая себя подъ личную опеку высшаго бога, Римъ присвоивалъ себѣ значеніе его избраннаго народа. Ничего подобнаго не видимъ мы въ Греціи: какъ у Гомера вседержитель Зевсъ тѣмъ же отеческимъ взоромъ смотритъ и на ахейцевъ, и на троянцевъ, взвѣшивая залоги побѣды обоихъ народовъ на тѣхъ же неподкупныхъ вѣсахъ, такъ и до позднѣйшихъ временъ Греція сохранила представленіе о справедливомъ для всѣхъ народовъ высшемъ божествѣ, предоставляя ретивой дѣвѣ Палладѣ осѣнять своей десницей свой излюбленный городъ Аѳины и молиться за него своему державному отцу. Зато эволюція, подобная той, которую видѣли берега Тибра, свершилась еще раньше на берегахъ Іордана; и здѣсь, и тамъ, ея значеніе усугублялось тѣмъ, что племенное божество, будучи признаваемо высшимъ божествомъ, было въ то же время представителемъ нравственности. Стоитъ вдуматься въ смыслъ этихъ синтезовъ; говоря: „нашъ племенной богъ есть высшій богъ“, народъ-избранникъ говорилъ: „наше торжество несомнѣнно“; говоря: „нашъ богъ есть справедливый богъ“, онъ говорилъ: „наше торжество будетъ торжествомъ правды“. Въ этихъ двухъ вѣрованіяхъ—залогъ безсмертія; и въ самомъ дѣлѣ, идею вѣчности воплотили два образа въ исторіи человѣчества: на западѣ—Вѣчный Римъ, на востокѣ—Вѣчный жидъ.

Да, вдуматься во все это стоитъ,—въ сходства и еще болѣе въ различія. Іудея свое племенное божество объявила высшимъ; Римъ, напротивъ, свою судьбу поручилъ высшему изъ италійскихъ боговъ. Отсюда тамъ—запретъ народу-избраннику почитать какого бы то ни было бога: богъ Израиля—ревнивый богъ. Здѣсь ничего подобнаго: ворота Рима гостепріимно открыты для боговъ-покровителей общинъ, граждане которыхъ нашли себѣ пріютъ въ его стѣнахъ. Мыслимъ ли тамъ обычай, подобный римской „эвокаціи“: „*Богъ ли, богиня ли, въ чьей опекѣ состоитъ народъ и городъ карѳагенскій, васъ я прошу, вамъ поклоняюсь, у васъ молю милости, чтобы вы оставили народъ и городъ карѳагенскій, покинули ихъ урочища, ограды, святыни и*

стѣны, отдѣлились отъ нихъ и навели на этотъ городъ страхъ, ужасъ, забвеніе и, свободные, пришли въ Римъ ко мнѣ и къ моимъ; чтобы наши урочища, ограды, святыни и стѣны были вамъ пріятнѣе и предпочтительнѣе, чтобы вы стали покровителями мнѣ, народу римскому и воинамъ моимъ такъ, чтобъ мы это знали и чувствовали; если вы это сдѣлаете, я даю обѣтъ построить вамъ храмъ и учредить игры въ честь васъ".

Израиль воевалъ прежде всего съ богами своихъ враговъ; горе какому-нибудь Дагону, если его храмомъ овладѣетъ рать Іеговы! Римъ почтительно обращался съ богами побѣжденныхъ общинъ, т.-е., говоря другими словами, съ самыми нѣжными и священными чувствами самихъ побѣжденныхъ. Отсюда—дальнѣйшее различіе. Послѣдствіемъ побѣдъ Рима были союзы съ покоренными общинами и ихъ принятіе въ составъ римскаго государства; послѣдствіемъ побѣдъ Израиля было бы уничтоженіе или порабощеніе побѣжденныхъ, еслибы эти побѣды состоялись. Но, къ счастью для человѣчества, залоги безсмертія, дарованные его геніемъ обоимъ безсмертнымъ народамъ, были различны: Риму—безпредѣльность власти, Израилю—несокрушимость страданія.

VI.

Тотъ фазисъ римской религіи, показателемъ котораго была троица: Юпитеръ—Марсъ—Квиринъ,—оставилъ на все время существованія язычества память о себѣ въ верховномъ жречествѣ: до признанія христіанства государственною религіею, старшими жрецами Рима были фламины Юпитера, Марса и Квирина. Но живымъ былъ онъ лишь въ самый ранній періодъ римской исторіи, въ тотъ, который въ исторической легендѣ соотвѣтствуетъ правленію четырехъ первыхъ царей. При Тарквиніяхъ та старинная троица была смѣнена другой—капитолійскою троицею, состоящею изъ Юпитера „всеблагого и всевышняго" (Jupiter Optimus Maximus), Юноны и Минервы. Постараюсь выяснить причину и смыслъ этой перемѣны.

Римская община, созданная договоромъ между городами Марса и Квирина и опекаемая хранителемъ этого договора, Юпитеромъ, естественно льнула къ тому племени, къ которому принадлежали ея коренные граждане, къ племени латинскому; ея мѣсто было въ союзѣ городовъ этого племени, во главѣ котораго стоялъ самый крупный изъ нихъ—полумиѳическая Альба (ея имя живетъ и понынѣ въ имени живописныхъ альбанскихъ

горъ и мѣстечка Альбано на чудномъ Альбанскомъ озерѣ). Богомъ-покровителемъ этого союза былъ, разумѣется, опять Юпитеръ — Юпитеръ Вселатинскій; на самой высокой изъ окружающихъ Альбу горъ, гдѣ близость грознаго метателя перуновъ ощущалась самымъ непосредственнымъ образомъ, происходило ежегодно „вселатинское празднество“ въ честь его. Римъ былъ вначалѣ лишь скромнымъ членомъ союза и участникомъ празднества, но уже при третьемъ царѣ—такъ повѣствуетъ традиція—произошла рѣшительная война между нимъ и Альбой, послѣдствіемъ которой были слiяніе альбанской общины съ Римомъ и переходъ гегемоніи къ этому послѣднему. Теперь надо помнить, что въ сакральномъ дѣлѣ латинскихъ городовъ главную роль играла богиня, почитаемая подъ именемъ то Юноны, то Діаны (этимологически эти имена тожественны и означаютъ „небесная“); въ смутахъ, послѣдовавшихъ за римской побѣдой, о ней естественно было вспомнить. Преданные Юпитеромъ, латины стали искать убѣжища у своей родной богини, роща которой—nemus Dianae—дала имя второму, еще болѣе живописному озеру Альбанскихъ горъ (lacus Nemorensis, lago di Nemi). Римъ созналъ необходимость дать въ своихъ стѣнахъ пріютъ этой богинѣ, ставшей религіознымъ символомъ латинскаго единства. Мы не знаемъ, сколько съ этою цѣлью было сдѣлано „эвокацій“, но, повидимому, онѣ оказались безуспѣшными; богинѣ было хорошо на берегахъ ея прелестнаго озера, она не обнаруживала никакого желанія переселиться въ Римъ. Тогда было приступлено къ обману... Разсказъ о немъ столь наивенъ и характеренъ для грубой старины, что было бы жаль не передать его словами вѣрнаго пересказчика римской легенды—Тита Ливія.

„Путемъ частыхъ убѣжденій, царь Сервій Туллій склонилъ представителей латинскихъ городовъ за-одно съ римскимъ народомъ выстроить Діанѣ въ Римѣ храмъ—это было равносильно признанію, что главенство, изъ-за котораго было ведено столько войнъ, принадлежитъ отнынѣ Риму. Правда, латины, послѣ столькихъ неудачъ, перестали даже мечтать о немъ; но тогда одному изъ сабинскихъ гражданъ представился случай частнымъ починомъ вернуть власть своей общинѣ. Въ сабинской странѣ, говорятъ, родилась у одного хозяина удивительная по росту и величинѣ корова. Ея появленіе было признано знаменіемъ, каковымъ оно и было, и вѣщатели предсказывали, что какой общины гражданинъ принесетъ ее въ жертву Діанѣ, той общинѣ будетъ принадлежать власть. Въ первый же удобный

для жертвоприношенія день сабиняниНъ приводитъ корову въ Римъ къ храму Діаны и ставитъ ее у алтаря. Тогда римскій настоятель храма, помня о предсказаніи, говоритъ ему: „Что ты дѣлаешь, гость? Хочешь нечестиво принести жертву Діанѣ? Омой сначала руки въ живой водѣ: ниже, въ долинѣ, течетъ Тибръ". Встревоженный гость, желавшій, ради исполненія знаменія, чтобы все было совершено по уставу, тотчасъ спустился къ Тибру: тѣмъ временемъ римлянинъ заклалъ корову Діанѣ". Теперь матка была поймана; рой послѣдовалъ за ней. Роща Діаны попрежнему продолжала зеленѣть на берегу lacus Nemorensis, но ея политическое значеніе пропало, священнодѣйствія мало-по-малу пришли въ упадокъ, настоятелями стали дѣлаться бѣглые рабы... Однимъ словомъ, завелись тѣ порядки, которые Э. Ренанъ такъ эффектно описалъ въ своей философской драмѣ: „Le prêtre de Némi".

Но династія Тарквиніевъ, обезпечившая Риму главенство среди латинскихъ городовъ, была сама этрусскаго происхожденія; благодаря ей, Римъ сталъ средоточіемъ и латинскаго, и этрусскаго міра. Если религіозной представительницей латинства была латинская богиня Діана, или Юнона, то Этрурія видѣла свою покровительницу въ своей родной или, по крайней мѣрѣ, уродненной богинѣ Минервѣ. И вотъ, могущественная династія рѣшается наконецъ создать религіозный символъ, знаменующій новую политическую эру этрусско-латинскаго единства подъ эгидой Тарквиніевъ: въ противовѣсъ культу вселатинскаго Юпитера на Альбанской горѣ, Юпитеру сооружается храмъ на Капитоліи, и этотъ Юпитеръ нарекается „всеблагимъ и всевышнимъ", дабы всѣ знали, что покровительствуемый имъ союзъ превосходитъ своимъ величіемъ всѣ другіе; а въ сопрестольницы ему даются Юнона и Минерва, богини обоихъ соединенныхъ на берегахъ нейтральнаго Тибра племенъ. Новая троица была, такимъ образомъ, повтореніемъ старой, но на болѣе высокой, всеиталійской ступени; владыка молній и клятвъ опять былъ признанъ покровителемъ и блюстителемъ договора, но уже не между крошечными общинами Марса и Квирина, расположившимися на двухъ прибрежныхъ холмахъ, а между двумя племенами, самыми способными и могущественными въ Италіи.

Этотъ разъ онъ обманулъ гордыя надежды своего гордаго почитателя: послѣдній изъ Тарквиніевъ долженъ былъ покинуть городъ, который его роду былъ обязанъ своимъ кратковременнымъ величіемъ, а съ его изгнаніемъ распалось и то искусственное единство, символомъ котораго былъ капитолійскій храмъ.

Не мало времени прошло, не мало крови было пролито, пока оно не было возстановлено на болѣе прочной подкладкѣ, пока республиканскій Римъ не вернулъ себѣ въ его полномъ объемѣ наслѣдія своихъ царей; кто освоился надлежащимъ образомъ съ римской душой, тотъ не будетъ сомнѣваться въ томъ, что именно существованіе Капитолія, этого наглядnаго изображенія отвлеченной формулы власти, поддерживало въ римлянахъ вѣру въ неизбѣжность его возстановленія. И это значеніе символа власти осталось за Капитоліемъ даже и тогда, когда всеиталійская роль Рима стушевалась передъ его всемірной ролью, когда союзъ Юноны и Минервы показался его хранителямъ такимъ же незначительнымъ, какимъ въ эпоху его заключенія казался союзъ Марса и Квирина. Съ ростомъ Рима росло и величіе Капитолія; вскорѣ его невредимость стала залогомъ существованія Рима и его власти:

Пусть Капитолій стоитъ, и блистательный
Римъ побѣжденными въ битвѣ мидійцами
Править со властію законодательной,

—гласитъ у Горація (Оды, III, 3, пер. Фета) рѣшеніе боговъ, обезпечивающее вѣчность городу Ромула;

..и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ—

—такъ утѣшаетъ себя самъ поэтъ въ своемъ знаменитомъ „Памятникѣ“, соединяя мечту о собственной славѣ съ неоспоримой и несомнѣнной вѣчностью символа существованія и власти Рима.

Но, увеличивая до безконечности римскія надежды и римскія силы, твореніе чужеземныхъ этрусскихъ царей въ то же время внесло въ римскую религію такіе элементы, которые ее сначала въ значительной степени извратили, а затѣмъ — развратили и погубили. Къ изслѣдованію этихъ элементовъ мы обращаемся теперь; прошу читателя имѣть въ виду, что ему придется ознакомиться съ самымъ важнымъ кризисомъ, который—вплоть до введенія христіанства—когда-либо переживала римская религія.

Мы видѣли, что характернымъ признакомъ исконно-римской религіи была имманентность, и притомъ имманентность актуальная. Сознаніе аналогичности живущей въ природѣ божественной воли съ той, которую мы непосредственно ощущаемъ въ насъ самихъ, вело къ признанію возможности воздѣйствія на эту волю—воздѣйствія такого же, какому доступна и воля человѣка;

отсюда—молитвы, обѣты, жертвоприношенія. Мѣсто, гдѣ происходили священнодѣйствія въ честь бога, естественно считалось посвященнымъ ему; это была ограда, роща или горная вершина. Сооружать храмы не было никакой надобности—и дѣйствительно древнѣйшій Римъ не зналъ храмовъ; если Веста почиталась въ крытой часовнѣ, то потому только, что нужно было защитить священный огонь, въ которомъ она жила, отъ дѣйствій непогоды, вообще же святилища до-Тарквиніевской эпохи были открытыя. Еще менѣе могла придти въ голову римлянину мысль изобразить Цереру или Юпитера въ человѣческомъ образѣ; ваять женщину или мужчину, и затѣмъ сказать: „это—та таинственная сила, которая живетъ въ волнующейся нивѣ или въ сверкающей молніи“ —показалось бы ему чудовищной нелѣпостью.

Въ совершенно иномъ положеніи находилась сѣверная сосѣдка Рима, Этрурія. Мы не можемъ разобрать тѣ запутанныя нити, которыя соединяютъ ея обитателей, тусковъ или (по-гречески) тирренцевъ, съ до-историческими пелазгами на берегахъ Эгейскаго моря; знаемъ только, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, Этрурія въ отношеніи религіи и искусства была кореннымъ образомъ эллинизована. Конечно, ея даровитый и вдумчивый народъ очень несовершенно воспринялъ зародыши греческихъ художествъ —тогда тоже еще грубыхъ—и, сочетавъ ихъ со своей природной угловатостью, произвелъ нѣчто довольно дикое и уродливое; возсоздать на италійской почвѣ свободу и естественность греческаго искусства смогла лишь новѣйшая Этрурія, наслѣдница крови и имени той античной, Тоскана. Но при всемъ томъ, къ сѣверу отъ Тибра существовало все то, что было прямымъ отрицаніемъ римской религіи—существовали, кромѣ религіозной архитектуры, еще и религіозныя ваяніе и живопись. Тарквиніи были этрусками по происхожденію; основывая культъ Юпитеру и его сопрестольницамъ на Капитоліи, они выстроили ему настоящій храмъ по этрускому образцу и, что было важнѣе всего, поставили въ немъ по глиняному изображенію всѣхъ трехъ божествъ. Это значитъ: Юпитеръ, Юнона, Минерва, живутъ въ видѣ исполинскихъ человѣкоподобныхъ существъ, независимо отъ тѣхъ явленій, въ которыхъ сказывается ихъ сила; это значило еще— въ силу нелогичнаго, но неизбѣжнаго отожествленія изображаемаго съ изображеніемъ—они живутъ въ своемъ излюбленномъ храмѣ на священной римской горѣ и оттуда охраняютъ цѣлость Рима и его державы. Представленіе объ имманентности божества было оставлено; греческая трансцендентность была навязана римской религіи, вопреки ея исконному духу и характеру.

Разумѣется, мы должны признать вполнѣ возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что то, что намъ нынѣ кажется переломомъ, было въ дѣйствительности постепеннымъ переходомъ, и что Тарквиніи, сооружая и украшая капитолійскій храмъ, не шли въ разрѣзъ съ общественнымъ сознаніемъ. Тибръ не очень строго отдѣлялъ латинскую Италію отъ этруской; этрускіе ремесленники и художники цѣлыми артелями жили и работали въ Римѣ, распространяя тамъ культъ своей Минервы, которая, кажется, именно потому была признана богиней всякихъ ремеслъ и искусствъ и эквивалентомъ греческой Аѳины. Это, однако, не умаляетъ значенія самаго кризиса; въ душѣ каждаго вѣрующаго переходъ отъ имманентности къ трансцендентности былъ скачкомъ; между обоими представленіями—„Юпитеръ-Молнія“ и „Юпитеръ-Громовержецъ“—никакая постепенность невозможна. Постепенность невозможна; но возможно, по крайней мѣрѣ на долгій періодъ времени, совмѣстное существованіе. „Законъ совмѣстимости“, установленный Липпертомъ для общерелигіозной эволюціи человѣчества, долженъ быть примѣненъ и здѣсь; Юпитеръ-Громовержецъ и подобныя ему человѣкообразныя божества были трансцендентными наслоеніями на имманентной подпочвѣ, которая, однако, продолжала вліять на религіозныя представленія вѣрующихъ и направлять ихъ чаянія и мысли. Результатомъ была флуктуація религіознаго мышленія, сдѣлавшая римскую религію безоружной въ столкновеніи съ другими націями. Постараемся теперь же опредѣлить въ главныхъ чертахъ характеръ этой флуктуаціи.

Прежде всего, религіозная реформа Тарквиніевъ коснулась лишь незначительной части римскаго политеизма. Юпитеръ, Юнона, Минерва—это были отнынѣ, если можно такъ выразиться, кристаллизованныя божественныя естества съ ярко очерченнымъ обликомъ и характеромъ; ихъ кругъ увеличился съ теченіемъ времени, но все-же онъ остался безконечно малымъ въ сравненіи съ той огромной массой актуально-имманентныхъ божествъ, среди которой безпрепятственно дѣйствовали обѣ зиждительныя силы римской религіи — дифференціація и интеграція,—направляя ее попеременно къ обоимъ ея полюсамъ: пандемонизму и пантеизму. По прежнему римскіе жрецы въ своихъ „индигитаментахъ“ дѣлили божество возрожденія хлѣба на дюжину частичныхъ божествъ, представителей божественныхъ актовъ; болѣе чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ реформы былъ учрежденъ культъ богу „Молвящему-Говорящему“, болѣе чѣмъ черезъ три столѣтія—„богу Возвращающемуся“, не говоря о массѣ такихъ же учрежденій, о ко-

торыхъ, вслѣдствіе ихъ преходящаго значенія, не сохранилось памяти въ традиціи. Правда, съ другой стороны мы не должны преувеличивать значенія этого численнаго превосходства: Юпитеръ „всеблагій и всевышній“ былъ все-таки Юпитеръ и, какъ такой, несравненно болѣе дѣйствовалъ на фантазію, чѣмъ сотни боговъ „Молящихъ-Говорящихъ“. Послѣдніе быстро нарождались и быстро исчезали въ сознаніи вѣрующихъ, точно листья въ лѣсу; даже изъ тѣхъ, которымъ были присвоены постоянные праздники, нѣкоторые потускнѣли до того, что ученые классической эпохи затруднялись сказать о нихъ что-либо опредѣленное.

Затѣмъ, и представленія о кристаллизовавшихся божествахъ были подвержены, благодаря подпочвѣ имманентности, постояннымъ колебаніямъ. Юпитеръ-Громовержецъ обиталъ съ одной стороны на небесахъ, съ другой — въ своемъ капитолійскомъ храмѣ (не говоря уже о другихъ); но, при всемъ томъ, каждая отдѣльная молнія была тоже Юпитеромъ, Jupiter Fulgur. Церера кристаллизовалась, какъ мы это увидимъ, въ первые же годы республики и, будучи отожествлена съ греческой Дэметрой, стала носительницей всего богатаго цикла миѳовъ о ней; это не помѣшало, однако, поэту Овидію, при всемъ греческомъ характерѣ его образованія, слѣдующимъ образомъ описать актъ милости со стороны благодатной богини („Метаморфозы“, VIII, 780):

...кивнула Церера
Ласково—и отъ движенья прекраснаго лика богини
Заколыхались густымъ урожаемъ покрытыя нивы.

Подражаніе Гомеру тутъ ясно (Иліада, I, 528, пер. Гнѣдича):

Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями;
Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы, и потрясся Олимпъ многохолмный.

Но, помимо своей воли, подражатель внесъ въ свое описаніе исконно-римскую черту, которой нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ: волненіе зрѣющей нивы—это и есть улыбка Цереры.

Наконецъ,—и это прямой выводъ изъ второго пункта,—дѣйствіе обѣихъ враждующихъ силъ, дифференціаціи и интеграціи, не остановилось даже и передъ кругомъ кристаллизовавшихся трансцендентныхъ божествъ. Казалось, изображая Юпитера подъ видомъ исполина-громовержца, давая ему индивидуальныя черты, Римъ навсегда обезпечивалъ его отъ дальнѣйшаго дробленія или сліянія; на дѣлѣ вышло не такъ. Съ одной стороны, признаніе трансцендентности и человѣкоподобія Юпитера повело къ тому, что ему былъ присвоенъ геній, аналогичный съ геніемъ людей

—genius Jovis; этимъ изъ представленія о богѣ была вновь устранена та опредѣленность, которая такъ претила римскому сознанію, и подготовлена почва для послѣдовательной интеграціи съ геніями другихъ божествъ. Съ другой стороны, актуальность, не уживающаяся съ представленіемъ о трансцендентныхъ богахъ, могла быть спасена путемъ обоготворенія отдѣльныхъ ихъ качествъ или дѣйствій. Это дѣлалось и раньше—знаменательнымъ примѣромъ былъ культъ Юпитера-Остановителя (Stator), учрежденный, по преданію, Ромуломъ, въ благодарность за то, что Юпитеръ, по его обѣту, „остановилъ“ бѣгство его разбитой рати. Это было настоящимъ обоготвореніемъ акта—почитаніемъ божественной силы, сказавшейся въ мгновенномъ прекращеніи страха бѣгущихъ воиновъ, и по существу своему нѣчто совершенно иное, чѣмъ схожія явленія греческой религіи, въ родѣ культа Аполлона Boêdromios (т.-е. „приходящаго на помощь въ бою“), или Геракла-Отвратителя. Тамъ актъ ясно сознавался какъ актъ опредѣленно представляемаго бога; здѣсь обоготворялся самый актъ.—Повторяю: примѣры такого обоготворенія встрѣчались и раньше, въ эпоху полной (или почти полной) имманентности римской религіи; теперь, когда рядъ боговъ сталъ трансцендентнымъ, оно сдѣлалось естественной отдушиной для стремленія къ имманентности, этой неизгладимой особенности римской религіи. А съ ней была дана возможность безконечной дифференціаціи: обоготворяя различныя качества и акты божества, римлянинъ послѣдовательно дробилъ его естество, создавая изъ одного бога цѣлую группу новыхъ. Интересный образчикъ такого дробленія разсказываетъ намъ Светоній изъ жизни императора Августа. Этотъ послѣдній посвятилъ Юпитеру на Капитоліи, гдѣ уже находился историческій храмъ бога, новое капище, назвавъ его именемъ „Юпитера-Громовержца“ (Jupiter Tonans). Понятно, что онъ сталъ усерднымъ посѣтителемъ своего храма, и не менѣе понятно, что примѣръ государя заразительно подѣйствовалъ на подданныхъ. И вотъ однажды Юпитеръ Капитолійскій явился Августу во снѣ съ жалобой на Юпитера Громовержца, обвиняя его въ томъ, что онъ отвлекаетъ у него почитателей; Августъ, однако, не растерялся и отвѣтилъ оскорбленному богу, что онъ приставилъ къ нему Громовержца лишь въ качествѣ привратника. Чтобы подчеркнуть это его качество, онъ, проснувшись, приказалъ украсить крышу новаго храма колокольчиками—на подобіе тѣхъ колокольчиковъ, которые имѣлись у дверей римскихъ домовъ. Такъ точно и Людовикъ XI, если вѣрить Вальтеръ-Скотту, извинялся передъ Клерійской Богоро-

дицей въ предпочтеніи, которое онъ оказывалъ ея „преблаженной сестрѣ", Богородицѣ Эмбрѣнской.

Существенная разница между греческимъ и римскимъ воззрѣніемъ на чествуемаго подъ своимъ эпитетомъ бога — между Jupiter Stator и Apollôn Boêdromios, чтобы взять тѣ же примѣры—сказалась въ томъ дальнѣйшемъ развитіи, которое этотъ обычай получилъ у римлянъ и не получилъ у грековъ; это развитіе заключалось въ томъ, что качество, за которое богу воздавалось почитаніе, мало-по-малу было отдѣляемо отъ бога и обоготворяемо какъ такое. Стоитъ вдуматься въ психологію этого акта. Юпитеру, какъ покровителю вѣрности договорамъ, былъ воздвигнутъ храмъ на Квириналѣ, какъ Dio-Fidio; греки переводили имя бога по-своему черезъ Zeus Pistios—и были, вѣроятно, убѣждены въ томъ, что понимаютъ его точно также, какъ и его непосредственные почитатели. И все-таки они ошибались. Грекъ, при мысли о Zeus-Pistios, думалъ прежде всего о своемъ Зевсѣ, образъ котораго онъ представлялъ себѣ вполнѣ точно, приписывая ему среди другихъ качествъ и то, о которомъ идетъ рѣчь. Римлянинъ, напротивъ, говоря о Dius-Fidius, думалъ не столько о Юпитерѣ, сколько о самомъ актѣ соблюденія вѣрности, въ которомъ онъ чувствовалъ божественную силу; въ его умѣ не Юпитеръ, а сама вѣрность была господствующимъ представленіемъ, и ему было безразлично, воздавалъ ли онъ ей почитаніе какъ Dio-Fidio или просто какъ Fidei. И дѣйствительно, мы видимъ, какъ Fides отдѣляется отъ бога, который былъ ея носителемъ, и обособляется въ отдѣльное божество, связь котораго съ Юпитеромъ сказывается лишь въ томъ, что ему строится храмъ по сосѣдству съ Капитолійскимъ. Такъ „счастливая" и „всепобѣждающая" Венера сначала получила храмы подъ названіемъ Venus Felix и Venus Victrix, а затѣмъ эти качества были обоготворены, какъ Felicitas и Victoria, и имъ были выстроены капища рядомъ съ храмомъ ихъ бывшей носительницы. Конечно, со временемъ и эта послѣдняя связь должна была исчезнуть—чему содѣйствовало также и то, что одно и то же качество могло принадлежать различнымъ богамъ. Была Venus Victrix, но былъ и Jupiter Victor; положимъ, побѣда Венеры — не то же, что побѣда Юпитера, но интеграція была возможна, и она дала —Викторію просто, независимо отъ того или другого божества. Благодаря этой легкости отдѣленія эпитетовъ, получился новый источникъ увеличенія римскаго пантеона; онъ былъ использованъ очень дѣятельно, и въ Римѣ появились храмы Надежды (Spes), Согласія (Concordia), Цѣломудрія (Pudicitia), Благочестія (Pietas),

Благополучія (Salus) и многихъ другихъ родственныхъ божествъ. „Богами да почитаютъ также и тѣ качества, благодаря которымъ человѣку достается доступъ въ небеса, какъ Благоразуміе, Доблесть, Благочестіе, Вѣрность; и этимъ добродѣтелямъ да воздвигаются храмы, но отнюдь не порокамъ“,—говорилъ позднѣе Цицеронъ („О законахъ“, II, § 19), и его слова вполнѣ совпадаютъ съ практикой его предковъ. Такимъ образомъ, стремленію римлянъ къ интеграціи была дана новая пища, и можно теперь уже предвидѣть, какъ они ею воспользуюся. Прежде всего ясно, что кристаллизовавшимся божествамъ придется, какъ несоотвѣтствующимъ народному сознанію, мало-по-малу ступеваться передъ этими олицетворенными добродѣтелями, которыя были по самому существу своему гораздо божественнѣе. А затѣмъ, посредствомъ простой логической работы мысли, эти добродѣтели должны были интегрироваться, причемъ было безразлично, сольются ли онѣ въ одну высшую единицу—идею добра—или же сгруппируются вокругъ всеобъемлющаго божества, которое будетъ сдѣлано носителемъ ихъ всѣхъ. Который изъ этихъ двухъ путей былъ избранъ —это покажетъ наша слѣдующая глава.

Еще разъ: трансцендентность капитолійской троицы была новымъ, очень важнымъ наслоеніемъ римской религіи, но она не уничтожила того характера имманентности и актуальности, который ей былъ присущъ съ самаго начала; обѣ теоріи—если это слово здѣсь допустимо — существовали рядомъ и отлично уживались другъ съ другомъ, согласно закону совмѣстимости. Не будь этой совмѣстимости, капитолійскій храмъ не могъ бы стать тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ,—національной святыней Рима, символомъ его власти и залогомъ его существованія.

Ѳ. Зѣлинскій.

ЗАКОНЪ ЖИЗНИ

ПОВѢСТЬ.

I.

Швейцаръ остановилъ на лѣстницѣ жильца одной изъ квартиръ третьяго этажа.

— Барыня уѣхавши, Владиміръ Сергѣичъ, и приказали доложить, что къ обѣду могутъ и не попасть-съ...

— Почему?

— У госпожи Штаркъ заболѣла дочка. Сюда остальныхъ дѣтей неревезутъ, чтобы, значитъ, не заразились...

— Что же такое?

— Слышно—дифтеритъ.

Ясоновъ слегка поморщился.

— Хорошо!

Онъ сталъ подниматься выше, подбирая полы своей шинели съ бобровымъ воротникомъ. Въ шляпѣ-цилиндрѣ, онъ смотрѣлъ мужчиной очень большого роста. Худощавое, интересное лицо, съ красивой русой бородой и тонкимъ продолговатымъ носомъ, выступало изъ-подъ стоячаго воротника.

Онъ и въ тѣлѣ былъ худощавъ и поднимался по ступенькамъ живо, походкой еще совсѣмъ молодого человѣка; а ему давно уже за тридцать.

У своей квартиры онъ еще разъ позвонилъ: на нижній звонокъ швейцара что-то не отпирали.

Отворила кухарка, а не горничная.

Онъ этого не любилъ.

— А гдѣ Паша?—спросилъ онъ.

— Въ комнатахъ убираетъ, — отвѣтила кухарка, солидная пожилая женщина, немного хмураго лица.

— А-а!

Ясоновъ отдалъ ей шинель и, по боковому корридорчику, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Ему сейчасъ же сдѣлалось не по себѣ.

„Вѣдь это — цѣлая пертурбація!“ — подумалъ онъ именно этимъ словомъ.

„Пертурбація“!

Это выбьетъ его изъ колеи—неизвѣстно, на сколько времени...

Полчаса назадъ онъ распрощался съ своей аудиторіей подъ дружный взрывъ рукоплесканій.

Рѣдко былъ онъ въ такомъ ударѣ. Все выливалось въ яркую, изящную форму. Никакой неловкости, никакого исканія словъ, что̀ еще недавно съ нимъ бывало отъ неизбѣжнаго волненія, какъ только поднимается на каѳедру.

Читаетъ онъ уже третій годъ, любимъ слушателями, а все еще не можетъ освободиться отъ нервности.

Но сегодня онъ, уже черезъ какихъ-нибудь десять минутъ, вполнѣ владѣлъ собою.

Особенно удалось ему изложеніе одной системы. Это была импровизація. По конспекту лекціи, онъ долженъ былъ изложить эту систему гораздо кратче; но ему, во время самой лекціи, пришли новыя подробности, и онъ подцвѣтилъ ими характеристику не только мыслителя, но и человѣка.

Никогда онъ не возвращался домой, послѣ лекціи, въ такомъ молодомъ, бодрящемъ настроеніи, какъ сегодня.

И заранѣе смаковалъ то, какъ онъ, передъ обѣдомъ, немножко отдохнетъ въ кабинетѣ, такъ, минутъ двадцать—не больше; потомъ просмотритъ газеты — онъ утромъ ихъ не читалъ — и въ пять часовъ сядетъ за столъ съ своей Леной.

И вдругъ все это пойдетъ вверхъ дномъ!..

Ясоновъ, войдя въ кабинетъ, весь обставленный красивыми книжными шкафами, — окнами на дворъ,—аккуратно раздѣлся тутъ же; повѣсилъ фрачную пару въ платяной шкафъ, въ маленькой угловой уборной, надѣлъ домашній костюмъ.

Прилечь на диванъ—какъ онъ всегда дѣлалъ—ему что-то не хотѣлось. Онъ нѣсколько разъ прошелся по довольно просторному кабинету, потирая руки — жестъ, являвшійся у него непроизвольно, всякій разъ, если что-нибудь выйдетъ неожиданное, нарушающее его привычки или плавное теченіе мыслей.

Сумерки уже сгущались. Онъ прикоснулся къ кнопкѣ. Надъ письменнымъ столомъ зажглись мгновенно три лампочки.

Къ столу онъ не присѣлъ, а продолжалъ ходить маленькими шагами, поглядывая на столъ, на шкафы, на всю обстановку.

Съ какой любовью, съ какими заботами все это было выбрано, куплено, разставлено и разложено, за послѣдніе три года, въ этой квартирѣ, куда они—молодые—въѣхали послѣ обязательной заграничной поѣздки.

Онъ не коллекціонеръ, не библіофилъ, у него нѣтъ никакой маніи по этой части; но всегда, со студенческихъ годовъ, у него была заботливость о своихъ книгахъ, о письменномъ столѣ, всякихъ „принадлежностяхъ", объ уютномъ кабинетѣ и разныхъ видахъ холостого комфорта во всемъ, что его умственный режимъ и тѣ наслажденія, какія даетъ тихая, но спорая работа въ красиво и удобно обставленномъ кабинетѣ.

Послѣ обѣда онъ не отдыхаетъ. Почти каждый день жена садится за піанино, и подъ ея милую—хотя и не виртуозную—игру онъ ходитъ по гостиной и думаетъ.

Думаетъ—не зря, не отрывками, а по извѣстной программѣ. У него всегда есть готовый сюжетъ: или завтрашняя лекція, или глава книги—его докторская диссертація,—а то такъ вопросъ, всплывающій по поводу чего-нибудь, прочитаннаго наканунѣ, или утромъ, въ тѣ самые часы, которыми онъ всего сильнѣе дорожитъ.

Но какъ же *теперь* быть?

Вѣдь если швейцаръ не напуталъ, то сюда, въ ихъ квартиру, ввалятся цѣлыхъ двое дѣтей и, конечно, съ ихъ бонной, нѣмкой.

Если заболѣла дѣвочка, то это будутъ двое мальчиковъ—шести и четырехъ лѣтъ. Они очень балованные, шумные; кажется, меньшой—плакса?

И гдѣ же ихъ помѣститъ Лена?

Конечно, въ спальнѣ! Больше некуда.

А сама должна будетъ перейти спать въ свой тѣсный, крохотный будуарчикъ. Ему придется ночевать здѣсь, на турецкомъ диванѣ.

Спальня—просторная, съ двумя кроватями. На одной будетъ спать бонна, на другой—оба крикуна.

И утромъ, когда онъ—въ полнѣйшей тишинѣ, работалъ здѣсь, съ восьми часовъ утра—мальчишки будутъ болтать, кусить или ревѣть, или бѣгать и стучать чѣмъ попало.

Дѣти встаютъ рано, часовъ въ семь; поднимется и бонна.

А кабинетъ его—черезъ узкій корридорчикъ—дверь въ дверь, противъ спальной.

Владиміръ Сергѣевичъ сталъ нервно щелкать пальцами, что̀ съ нимъ бываетъ очень рѣдко. Онъ привыкъ, съ отроческихъ лѣтъ, сдерживать себя, „презирать“ всякую распущенность и, не считая себя нисколько „себялюбцемъ“, также искренно презирать всякую излишнюю нервность, а еще болѣе напускную чувствительность.

Какъ же это Лена такъ распорядилась, даже не дождавшись его возвращенія?

Это ему рѣшительно не понравилось.

Она—вполнѣ самостоятельная личность—во всемъ—это такъ; но тутъ дѣло идетъ не объ одной *ея* личности.

Ихъ двое—мужъ и жена—два равноправныхъ существа!

У каждаго—своя свобода и свои права на извѣстныя условія разумнаго и „цѣлесообразнаго“ существованія.

Развѣ онъ — хоть и считается по закону *главой* семьи и хозяиномъ квартиры, собственникомъ двухъ третей всей обстановки—способенъ былъ бы въ чемъ-нибудь распорядиться и *за нее*, не получивъ ея согласія?

Тысячу разъ—нѣтъ!

У нея—свои знакомые; у него — свои, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ.

Никогда и ни подъ какимъ видомъ не навяжетъ онъ ей новаго знакомаго, не то что уже противъ ея желанія; но и тогда, если это лицо не произвело на нее непріятнаго впечатлѣнія.

Вотъ идетъ третій годъ, какъ они женаты; но онъ не помнитъ, чтобы когда-либо привелъ, не предупредивъ ее, обѣдать даже кого-нибудь изъ своихъ теперешнихъ коллегъ или школьныхъ товарищей.

Правда и то, что и Лена вела себя по той же программѣ.

Она даже педантична по этой части. Если ей случается, невзначай, или по разсѣянности, вскрыть письмо, адресованное ему,—она приноситъ его съ извиненіемъ.

Не даромъ же она слыветъ „заядлой“ поборницей полной взаимной свободы и независимости.

Владиміръ Сергѣевичъ началъ чувствовать, что онъ полегонечку раздражается.

Ему захотѣлось узнать — въ чемъ тутъ дѣло. Горничная Паша, бойкая и смышлёная „интеллигентка“—такъ они ее звали съ Леной—все ему толково разъяснитъ.

Онъ заглянулъ сначала въ столовую—квадратную комнату,

небольшую, нарядную, увѣшанную блюдами, съ поставцомъ въ русскомъ стилѣ.

Столовая оказалась еще темной, а сейчасъ пробило половину пятаго.

Онъ освѣтилъ ее. Столъ не накрытъ.

Это его ущемило.

— Паша!—крикнулъ онъ, пріотворяя дверь въ спальню.— Вы здѣсь?

— Здѣсь, баринъ.

— Почему не накрыто къ обѣду?

Паша—вся красная, съ влажнымъ лбомъ—рослая, франтоватая дѣвушка, въ чепчикѣ и шолковомъ фартукѣ—показалась на порогѣ.

— Простите Христа-ради, Владиміръ Сергѣичъ!—заговорила она, часто сыпля слова и нѣсколько отдуваясь.—Барыня кушать не будутъ. Ждутъ гостей... Вотъ, надо было все приготовить въ спальнѣ. Дѣти Аделаиды Ѳедоровны и съ мамзелью... пріѣдутъ сейчасъ. И для барыни надо было все уставить въ угловой. Простите! Я духомъ накрою вамъ. Елена Дмитріевна говорили—ихъ вамъ къ обѣду не ждать. Опоздаютъ.

Значитъ, все это—правда, и швейцаръ ничего не перевралъ.

Надо было смириться передъ совершившимся фактомъ. Сейчасъ привезутъ тѣхъ крикуновъ—и неизвѣстно, на сколько недѣль будетъ здѣсь—„дымъ коромысломъ“.

Онъ прошелъ въ гостиную, но свѣта не пускалъ, и въ полутемнотѣ сталъ ходить по этой очень красивой и модной комнатѣ, отдѣланной бѣлымъ, съ нѣжно-палевой матеріей, по англійскимъ рисункамъ.

Лена не увлекается повѣтріемъ того, что зовутъ „modern style“; но она находитъ, что въ архитектурѣ и отдѣлкѣ комнатъ стиль этотъ очень изященъ и легокъ.

Стало быть, Лена не могла иначе поступить, какъ согласиться на перевозъ тѣхъ мальчишекъ-крикуновъ въ ихъ квартиру.

Можетъ быть, она сама предложила это своей кузинѣ Штаркъ.

Эта Аделаида Ѳедоровна—двоюродная сестра Лены по матери—всегда производила на нее „давленіе“.

Такъ повелось еще съ дѣтства Лены. Онѣ росли вмѣстѣ. Адель на пять лѣтъ старше ея.

И еще гимназисткой Лена во всемъ подражала Адели. Та ей „импонировала“ и своей рослой, теперь уже отяжелѣвшей фигурой, и тономъ, и тѣмъ, какъ она умѣла себя поставить въ

семьѣ, въ классѣ, потомъ барышней-невѣстой, потомъ женой и хозяйкой своего салона и дамой-патронессой.

Мужъ ея — полунѣмецъ по отцу — хотя и „воитель“ изъ „моментовъ“, то-есть изъ ученыхъ офицеровъ, и въ подполковничьемъ чинѣ, но Аделаида Ѳедоровна вертитъ имъ и такъ, и этакъ. Въ домѣ она, безусловно, первый нумеръ.

Лена могла бы, по всему складу своихъ идей, принциповъ и привычекъ — держать себя посамостоятельнѣе. Но въ томъ-то и дѣло, что въ ней развито *фамильное чувство*.

Она дорожитъ своей умственной и соціальной эмансипаціей; а сама очень часто является „жертвой родового быта“, какъ онъ давно уже прозвалъ ее.

Лена нашла это прозвище остроумнымъ и вѣрнымъ: она сама способна подтрунивать надъ собою; но оно такъ! „Родовой бытъ“ и то, что̀ онъ же—по Спенсеру—назвалъ ея „обрядовымъ правительствомъ“, владѣютъ ею, если не во всѣхъ мелочахъ жизни, то во всякій крупный моментъ—вотъ въ родѣ такого переселенія мальчишекъ Адели къ нимъ на неопредѣленное время.

Со стороны Адели довольно-таки безцеремонно было: соглашаться на предложеніе Лены, даже если та первая стала просить объ этомъ.

Просить—врядъ-ли; но сказать сейчасъ же: „перевези ихъ къ намъ“—*на это* она весьма и весьма способна.

Штарки—далеко не бѣдные люди, куда состоятельнѣе ихъ обоихъ! Адель выходила замужъ съ порядочнымъ капиталомъ. Мужъ—землевладѣлецъ, гдѣ-то въ западномъ краѣ, и по должности у него хорошій окладъ.

А въ довершеніе всего, они живутъ въ казенной квартирѣ!

Развѣ нельзя было отдѣлить совсѣмъ дѣвочку?.. У нихъ тамъ чуть не двѣнадцать комнатъ. Можно было бы изолировать больную.

Наконецъ—поселить мальчиковъ съ бонной въ отелѣ! Они могли бы позволить себѣ такой расходъ. Какихъ-нибудь полтораста—двѣсти рублей!..

Но онъ понимаетъ—почему такъ вышло.

Адель начала, конечно, причитать: „въ гостинницѣ комнатъ никогда не провѣтриваютъ; можетъ быть, жилъ какой-нибудь грудной, если не тифозный“!

Сколько разъ они съ Леной возмущались этимъ жестокимъ эгоизмомъ нынѣшнихъ матерей и отцовъ, этими барскими страхами жизни и смерти, по поводу всякаго заболѣванія.

Къ счастью, ни его, ни ее такъ не держали. Матери и отцы любили ихъ,—оба они съ Леной разомъ осиротѣли—но тогда

еще не было такого повальнаго малодушія и жаднаго эгоизма охранительныхъ мѣръ.

А ихъ отцы и матери, когда были дѣтьми, знали еще менѣе такіе порядки. Никогда ихъ не выселяли изъ дому, при первомъ подозрѣніи, что у Манечки или Петруши показалась въ горлѣ подозрительная краснота.

Съ какимъ сочувствіемъ читали они суровыя обличенія такого „баловства“ у автора „Плодовъ просвѣщенія“, и какъ они заливались смѣхомъ, когда смотрѣли ту сцену, гдѣ барыня впадаетъ чуть не въ истерику, при видѣ троихъ мужиковъ, изъ курской губерніи, гдѣ появилась какая-то повальная болѣзнь.

И долго они говорили „макрóбы“ вмѣсто—„микрóбы“, какъ называетъ, въ этой комедіи, буфетчикъ, объясняющій мужикамъ, что это—„такія козявки“.

Вотъ теперь и Лена, и онъ—жертвы барско-фамильнаго малодушія.

И это дѣлается у завзятыхъ „интеллигентовъ“. Адель и ея мужъ—ученый „мóментъ“—довольно-таки кичатся своимъ „умственнымъ цензомъ“, какъ выражается подполковникъ Штаркъ, говорящій не иначе, какъ книжнымъ языкомъ.

— Пожалуйте кушать! — окликнула Паша, показываясь въ дверяхъ гостиной.—Простите... темень здѣсь какая.

— Не надо освѣщать,—довольно сухо отозвался Владиміръ Сергѣевичъ, переходя, съ горничной, въ столовую, гдѣ, едва-ли не въ первый разъ, долженъ былъ обѣдать въ одиночествѣ.

Борщóкъ отзывался дымомъ, а ватрушка была сыровата.

Но онъ ничего не сказалъ—у него было правило: не дѣлать никакихъ замѣчаній прислугѣ по всему, что̀ не касалось прямо его.

Онъ еще не кончилъ обѣда, когда раздался сильный звонокъ.

— Барыня!—крикнула Паша, пробѣгая въ переднюю.

„Вавилонское плѣненіе начинается“,—подумалъ онъ, всталъ, кинулъ салфетку на столъ и пошелъ въ переднюю, ожидая, что „вся орàва“ ввалится сейчасъ же.

— Лодя! Милый!.. Прости!

Съ этими словами бросилась къ нему жена, не снимая шубы.

Лицо у нея было на небывалый ладъ возбуждено.

— Ты уже знаешь?—спросила она, положивъ руки на его плечи.

— Да... Ты всѣхъ ихъ привезла?

— Нѣтъ, они сейчасъ будутъ... Надо ихъ покормить. Паша! Скажите сейчасъ же Натальѣ. И три прибора... мальчикамъ и Fräulein,—назвала она по-нѣмецки бонну.

И, отведя мужа въ уголъ, она въ полголоса поспѣшно заговорила:

— Ты понимаешь... я не могла отказать. Адель адски перепугана! Докторъ сейчасъ же предписалъ вспрыски сывороткой.

— Ты сама ей предложила? — спросилъ Владиміръ Сергѣевичъ, напирая на слово „ты".

— Такъ вышло, Лодя... Но больше двухъ недѣль это не продлится! Захватили сейчасъ же. Дѣвочка крѣпкая... ты знаешь...

— Знаю,—выговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Дѣлать ей упреки онъ счелъ бы совершенно непозволительнымъ.

Она и сама понимаетъ: каково ему придется... особенно по утрамъ.

„*Ананкэ*"!—выговорилъ онъ мысленно по-гречески фатальное слово: рокъ!!

II.

И только черезъ три недѣли въ квартирѣ Ясоновыхъ водворилась тишина.

Кончилось „вавилонское плѣненіе".

Елена Дмитріевна выдержала этотъ искусъ, снаружи, кротко и ласково, но съ глазу на глазъ съ мужемъ,—особенно когда стало уже заходить за полмѣсяца—то полушутливо, то серьезно выражала и свое недовольство.

Сегодня они, въ первый разъ, обѣдали одни, въ квартирѣ, гдѣ все налажено по прежнему.

Но нашествіе „юной орды"—такъ называлъ Владиміръ Сергѣевичъ—оставило-таки по себѣ и матеріальные слѣды.

Въ будуарѣ Елены Дмитріевны меньшой мальчикъ „раскокалъ" цѣнную фарфоровую статуэтку, въ спальнѣ была порвана кружевная гардина и оказалось пятно на коврѣ. А одинъ позолоченный стульчикъ и совсѣмъ развалился: они играли въ поѣздъ желѣзной дороги и садились на тонкія ножки, поставивъ стулъ спинкой книзу.

Сердиться на шалуновъ—безполезно. Елена Дмитріевна только разъ, когда старшій ударилъ чѣмъ-то о колпакъ лампы, сдѣлала легкое замѣчаніе боннѣ.

Та—сейчасъ же—въ слезы, и послѣ того хозяйка уже ни во что не входила.

— Уфъ!—передохнулъ Ясоновъ, когда они, сидя одинъ противъ другого, начинали обѣдъ.

— Уфъ!—повторила Елена Дмитріевна и прищурила свои большіе каріе глаза.

Глаза эти—главная краса ея маленькаго, худого личика.

Ей пошелъ двадцать-седьмой годъ, а она все еще смотритъ дѣвочкой-подросткомъ.

Такою полюбилъ ее мужъ, давно, когда она еще ходила въ темно-коричневомъ платьѣ выпускной гимназистки; а онъ уже пріѣхалъ изъ Германіи, куда былъ посланъ на казенный счетъ—по своему предмету.

Она перестала расти по пятнадцатому году; такъ и осталась она маленькой,—съ чѣмъ помирилась, когда начали ей шить длинныя платья.

Головка ея—въ темнорусыхъ волнистыхъ волосахъ—сохранила все тотъ же дѣвическій складъ и привычные повороты вправо и влѣво, которые такъ нравились Ясонову, да и теперь нравятся.

Лицо—худое, но съ здоровымъ, ровнымъ, слегка розовымъ оттѣнкомъ кожи; родимое пятно надъ правой губой, густыя брови, придающія лицу что-то смѣлое и сильное; чудесные зубы, маленькій ротъ и круглый подбородокъ—и добрый, и настойчивый.

Для Ясонова Лена—рѣдкій „экземпляръ“, въ которомъ „женственное—„das Weibliche“—сложилось такъ характерно, а взяло такъ мало матеріи.

Вся она—миніатюра; но всѣмъ своимъ „я“ изображаетъ собою „микрокосмъ“.

Уже въ первый годъ ихъ супружества, Лена любила шутить на ту тему, что вотъ онъ, такой длинный-длинный, съ „коломенскую версту“, и полюбилъ такую „фитюлю“, какъ она.

И сегодня, послѣ „нашествія иноплеменныхъ“, они сидятъ и радостно смотрятъ другъ на друга.

Она не любитъ, когда кто-нибудь—въ томъ числѣ и ея кузина Адель—намекнетъ на то, что она влюблена, до сихъ поръ, въ своего „благовѣрнаго“.

Самое это прибауточное слово: „благовѣрный“—ненавистно ей.

Но она—несмотря на все „credo“ самостоятельной женщины—чувствуетъ силу своей привязанности и считаетъ это не рабствомъ, не оковами, а большимъ счастьемъ; только не находитъ нужнымъ объ этомъ распространяться.

Владиміръ Сергѣевичъ это знаетъ и щадитъ ея щепетильность.

„Маленькія всегда съ душкомъ“,—повторяетъ онъ про себя;

но этотъ „душо́къ“ и всѣ ея „интересы“ не мѣшаютъ ей быть прекрасной женой, покладливой, дѣятельной, отличной хозяйкой, заботиться не только о томъ, что́ *ему* нужно, но и о своихъ туалетахъ.

Будь у нея больше времени—она бы сама съумѣла отдѣлать шляпку и скроить себѣ кофточку, и даже цѣлое платье.

Опять она въ своей „похожа́лкѣ“, которая къ ней такъ идетъ. „Похожа́лка“ эта—капотъ-платье—въ видѣ мѣшка, съ кружевнымъ борко́мъ, изъ мягкой шолковой матеріи, съ красивымъ рисункомъ по сѣровато-голубоватому фону.

И раньше они оба не долюбливали возни съ дѣтьми, того особеннаго захватывающаго „обсахариванья“ своихъ Манечекъ и Петрушъ потому только, что они—*ихъ* дѣти, того новѣйшаго баловства, которое дѣлаетъ всякаго „мальчишку“ и „дѣвчонку“ домашними идолами, и готовитъ въ будущемъ „уродовъ“.

Какъ общественный дѣятель, Елена Дмитріевна, конечно, стояла за все, что́ нужно дѣлать для дѣтей, но не въ этой домашней, буржуазно-барской формѣ.

Въ мужѣ своемъ она нашла, по этой части, полнѣйшаго сочувственника. Онъ къ дѣтямъ равнодушенъ, а съ ихъ инцидента еще строже относится къ нимъ.

— Знаешь, Лена,—заговорилъ Владиміръ Сергѣевичъ, принимаясь за второе блюдо: — я какъ-то слышалъ, за границей, возгласъ одного брюзги-француза, насчетъ этихъ „ангеловъ“. Ѣхалъ я изъ Парижа на море. И въ нашемъ отдѣленіи ребенокъ, не русскій, у кормилицы, при очень франтоватой матери, все время задавалъ концертъ. Когда его унесли на какой-то станціи, старикъ-брюзга, съ красной ленточкой въ петлицѣ, передернулъ плечами и сказалъ вслухъ въ видѣ афоризма: „il faut parquer les malades, les aliénés, les chiens et les enfants“!

Оба разсмѣялись.

— Да, это великая обуза и помѣха всему! — убѣжденно и немного сдвинувъ брови, выговорила Лена.

И, сдержавъ себя, спокойнѣе и мягче продолжала:

— Адель... была замѣчательная дѣвушка...

— Ты ею увлекалась,—подсказалъ онъ.

— Можетъ быть, Лодя. Мы не станемъ этого касаться! Но согласись... она прямо выдѣлялась изъ всѣхъ своихъ товарокъ. И вотъ, въ какихъ-нибудь десять лѣтъ—она только насѣдка. Ничто для нея не существуетъ, кромѣ ея цыплятъ!

— Однако она могла же ихъ оставлять у насъ цѣлыхъ три недѣли? Заѣзжала разъ въ три-четыре дня.

— Потому что Мися—ея главный идолъ... Красавица!

— Точно они ее, съ этихъ лѣтъ, готовятъ въ морганатическія супруги какому-нибудь владѣтельному герцогу!

Лена взглянула на мужа.

Если онъ такъ язвительно шутитъ, значитъ ему пришлось, въ эти три недѣли, слишкомъ солоно.

Конечно! Другой бы, на его мѣстѣ, поднялъ страшную бурю. Тѣмъ болѣе, что онъ не долюбливаетъ ни Адели, ни, въ особенности, ея „момента", который, каждый день, жаловалъ къ нимъ, и утромъ, и вечеромъ, и ни разу не извинился, какъ слѣдуетъ, ни передъ нимъ, ни передъ Леной за такой несносный „постой"—точно будто такъ тому и быть слѣдуетъ.

И виновата—*она!*

— Ну, Лодя, милый!—она протянула ему свою хорошенькую, совсѣмъ бѣлую руку, безъ колецъ.—Прости меня еще разъ. Ничего такого больше не случится.

Помолчавъ, она добавила:

— Какъ мать, Адель могла переполошиться. Но у Мѝси былъ вовсе не дифтеритъ... какъ слѣдуетъ; просто ангина съ бѣлыми пятнышками, а не съ плёнками. Отъ впрыскиванія сыворотки ее только ударило въ жаръ и усилило ея нервность... Со второй недѣли ни малѣйшей опасности не было!

— А послѣ того Аделаида Ѳедоровна изволила продержать у насъ своихъ баши-бузуковъ еще ровно двѣнадцать дней.

— Ты тайно считалъ, Лодя?

— Еще бы!

Они опять засмѣялись, и Владиміру Сергѣевичу сдѣлалось немного совѣстно за свое недоброе чувство... Лена не меньше была выбита изъ колеи, чѣмъ онъ, а готова все забыть.

Правда, ему мѣшалъ шумъ, какой поднимали тѣ „баши-бузуки", раннимъ утромъ; но на ней лежали всѣ заботы по столу; она должна была присматривать и за бонной, и за дѣтьми. Однѣ ванны для меньшого—Ясоновъ прозвалъ его „Мамàй"—какая возня! А своей прислуги Аделаида Ѳедоровна не соизволила отрядить—все изъ-за преувеличенныхъ страховъ.

— Это поучительно! — сказала Лена, сдѣлавъ свой милый поворотъ головы—точно она смотритъ вверхъ изъ окна.

Мужъ ея и ей самой, и своимъ близкимъ знакомымъ, говаривалъ не разъ, что поворотъ головы и взглядъ Лены дѣлаютъ ее похожей на того изъ херувимовъ, который у Рафаэля, въ Сикстинской Мадоннѣ, смотритъ вверхъ, подперевъ голову рукой.

— Поучительно?—повторилъ Ясоновъ.

— Весьма! Во-первыхъ, Лодя, я должна, наконецъ, признать, что ты глубоко правъ... Во мнѣ сидитъ пережитокъ родового быта. Никакого престижа Адель для меня не имѣетъ, какова она теперь... не прежняя Адель Поморцева, а подполковница Штаркъ, супруга тошнѣйшаго момента и мать трехъ идоловъ.

— Распознала?

— Распознала... Что дѣлать?! Это—какъ у мужиковъ... Быть—сильнѣе всего. Бывало, папа—когда былъ мировымъ судьей—читаетъ имъ цѣлое поученіе о безуміи: ухлопать на свадьбу сто рублей и больше, прямо разсердится. А они въ отвѣтъ: „Какъ же не сыграть свадьбы, батюшка Митрій Лексѣичъ... Помилосердствуй“!

Лена забавно подражала сѣверному мужицкому говору на „онъ“.

— Такъ и ты?

— Такъ и я!.. А во-вторыхъ,—продолжала она такъ же весело:—я еще больше благословляю небо за то, что мы съ тобой, Лодя,—закоренѣлые холостяки.

Это была ихъ всегдашняя шутка.

Оба чувствовали себя „холостяками“, хотя и жили душа въ душу.

Но Владиміръ Сергѣевичъ женился уже тридцатилѣтнимъ мужчиной, со всѣми привычками молодого ученаго. И жизнь съ женой—въ сущности—мало измѣнила его. Про него уже никто бы не сказалъ: „Ясоновъ обабился“.

Первая Елена Дмитріевна огорчилась бы этимъ страшно. Для нея мужчина долженъ оставаться личностью и въ бракѣ, хотя бы и въ такомъ, гдѣ все основано на взаимной любви.

— „Лодя любитъ меня, — говоритъ она обыкновенно; но я для него—совсѣмъ не божокъ, не кумиръ!.. Изъ-за любви ко мнѣ онъ не поступится тѣмъ, что для него дороже всего: его убѣжденіями, тѣмъ, что онъ считаетъ правдой и нравственнымъ закономъ“.

Почти то же если не говорилъ, то думалъ и Владиміръ Сергѣевичъ.

Не любилъ онъ избитыхъ цитатъ, но дѣлалъ исключеніе для одной, хотя она—изъ самыхъ избитыхъ:

„Amicus Plato, sed magis amica—veritas“.

И обоимъ стало по-дѣтски весело, что заживутъ они по прежнему, въ этой квартирѣ, гдѣ все такъ отвѣчаетъ ихъ внутренней жизни, идеямъ и вкусамъ, привычкамъ и настроеніямъ.

— Ахъ, жаль, что у насъ нѣтъ шампанскаго! — подумалъ вслухъ Ясоновъ.

— Можно послать... Лодя?!

И, одумавшись, она прибавила:

— Не будемъ очень радоваться. Натерпѣлись... это правда; но вѣдь никакой особенной бѣды не вышло. Адель все-таки хорошая женщина... по своему. И страстная мать. То же самое со всякой можетъ случиться.

Про себя, она подумала:

„И со мною, будь у насъ дѣти".

Мужъ точно догадался, и съ выразительнымъ жестомъ правой руки воскликнулъ:

— Да идетъ мимо насъ съ тобой чаша сія!

Лена весело кивнула головой.

Въ этомъ они давно однѣхъ мыслей и однихъ желаній.

И безъ шампанскаго они протянули другъ къ другу рюмки съ виномъ и чокнулись.

Вспоминая годы житья въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ, Владиміръ Сергѣевичъ возгласилъ студенческое:

— „Prosit"!

— „Prosit"!—повторила Лена.

Имъ не хотѣлось что-то говорить о разныхъ очередныхъ „сурьезностяхъ" — и сторонникъ, и своихъ.

Послѣ обѣда Лена раскрыла піанино—въ первый разъ послѣ нашествія малолѣтнихъ и заиграла любимую мужемъ Рубинштейновскую: „Mélodie en fa".

Подъ красивое, мечтательно-бодрящее наростаніе звуковъ Ясонову особенно хорошо думалось.

Онъ походилъ сначала подъ музыку по гостиной, а потомъ перешелъ къ себѣ и тамъ прилегъ немного на кушетку, въ темнотѣ.

Ему надо было готовиться къ лекціи, и онъ съ наслажденіемъ подумалъ о томъ, что ни малѣйшаго шуму въ квартирѣ не будетъ.

Тѣ „ангелы" засыпали не раньше десятаго часа, и въ самые, для него, драгоцѣнные часы—отъ семи до девяти—когда онъ приступалъ къ вечерней работѣ, поднимали несносную бѣготню по всѣмъ комнатамъ, кромѣ его кабинета, куда онъ ихъ не пускалъ.

Но не сразу сталъ онъ обдумывать лекцію.

Его теплая, помолодѣвшая мысль витала вокругъ той маленькой женщины, что играла въ гостиной уже другую мелодію

Рубинштейна—ту самую, которую онъ, еще гимназистомъ, слыхалъ—на большихъ концертахъ—въ исполненіи Антона Григорьевича...

Когда яростныя „bis“ не смолкали, а безумно-пылкія поклонницы взбирались на эстраду и, неистово хлопая, влекли геніальнаго мастера на эстраду—онъ двигался нетвердой походкой, весь въ испаринѣ, съ непокорными, кудластыми прядями волосъ по всему Бетговенскому лбу, садился и начиналъ—почти всегда—эту мелодію.

Въ ея музыкальныхъ фразахъ есть что-то еще болѣе бодрящее, сильное и убѣжденное, тò именно, чтò ему всегда нужно, передъ тѣмъ, какъ онъ сядетъ вплотную за работу.

Тогда мысли летятъ стройно, не перегоняя другъ дружку, и ложатся раздѣльными рядами, ведя къ обобщеніямъ, по строго логической нити, чтобы привести къ заключительному синтезу.

Вѣдь и это своего рода музыка, и она даетъ высшую духовную радость.

Давно Ленѣ такъ не удавалась экспрессія нѣкоторыхъ оборотовъ этой Рубинштейновской мелодіи.

И какъ *мужественно* она играетъ!

Потому что у нея душа не маленькой женщины, а сильнаго и большого мужчины.

Нужды нѣтъ, что ее называютъ „феминисткой“. Онъ не любитъ этого слова и никогда его не употребляетъ. Но ея феминизмъ—прямое доказательство того, что она чужда всего мелкоженскаго, всякаго вздора, всѣхъ ѳховъ и ѧховъ огромнаго большинства женщинъ, даже самыхъ развитыхъ и природно выдающихся.

У нея общественные интересы связаны со служеніемъ высшимъ задачамъ современной женщины; но насѣдкой, такой вотъ, какъ чадолюбивая подполковница, Аделаида Ѳедоровна Штаркъ, она не будетъ—а главное, *не желаетъ* быть.

Она не любитъ, когда кто-нибудь скажетъ:

„Домъ безъ дѣтей—какъ это печально“!

Они этого не находятъ. Вѣдь тѣ два „Мамая“, которые бушевали здѣсь—могли бы быть ихъ мальчиками. А можетъ, и еще шумнѣе, и еще несноснѣе?! И неужели потому только надо было бы считать ихъ „ангелами“, дѣлать изъ нихъ своихъ болванчиковъ, что они—*ихъ* дѣти, а не чужія?

Владиміру Сергѣевичу сдавалось, что въ эти минуты у его умненькой и чрезвычайно чуткой подруги въ головѣ такія же мысли.

Елена Дмитріевна, играя, наслаждалась тѣмъ, что она вотъ свободна, глубоко и всесторонне свободна, а выше свободы—ничего нѣтъ въ жизни, ничего!

Какъ бы мужъ и жена ни спѣлись, какія бы чувства ни связывали ихъ—родись ребенокъ, и начнется *рабство*.

Оно неизбытно—это рабство! Тогда мать, изъ-за судьбы своихъ чадъ, способна все переносить.

Или наоборотъ... Мужъ впадетъ въ постыдное рабство передъ матерью своихъ дѣтей и упадетъ въ глазахъ жены—такой, какъ она.

И радость ея все возростала и сказывалась въ тѣхъ „ritardando“ и „accelerando“, которыя выдѣлывали ея худенькіе пальцы, не настолько короткіе, чтобы не сладить съ хватками Рубинштейновской мелодіи.

„Не хочу!“—повторяла она про себя; и это „не хочу“ относилось все къ тому же, о чемъ думалъ и мужъ ея.

Они женаты третій годъ. Это уже не малое ручательство за то, что и дальше домъ ихъ будутъ сентиментально называть любительницы готовыхъ французскихъ фразъ: „une maison sans enfants“.

Полный мракъ обволакивалъ ее передъ пюпитромъ піанино. Но она знала наизусть то, что̀ играла, и руки ея увѣренно бѣгали по клавишамъ.

Еще побродила Лена, наигрывая что-то тихое, баюкающее.

И когда захлопнулась доска инструмента, Владиміръ Сергѣевичъ привсталъ, потомъ совсѣмъ поднялся и сѣлъ къ своему рабочему столу.

То же сдѣлала и Елена Дмитріевна.

У обоихъ есть всегда что-нибудь на очереди.

Онъ началъ готовить лекцію; она—писать рефератъ для очередного засѣданія того общества, гдѣ она секретаремъ.

III.

По дорогѣ на свою лекцію, Ясоновъ, дня два-три спустя, вышелъ изъ вагона конки—онъ любилъ этотъ способъ передвиженія—на перекресткѣ, и черезъ минуту входилъ въ подъѣздъ отеля.

Онъ зналъ, что застанетъ того, кто предупредилъ его наканунѣ депешей о своемъ пріѣздѣ изъ Москвы, съ сегодняшнимъ скорымъ поѣздомъ.

Пріѣхалъ его дядя, меньшой братъ матери, Павелъ Ильичъ Вороновъ—извѣстный писатель.

Ясонову досадно было, что нѣтъ у нихъ лишней комнаты поселить его у себя. А пріѣхалъ тотъ пожить съ недѣлю, „взять порцію Петербурга", какъ онъ обыкновенно говорилъ.

Уступить ему совсѣмъ свой кабинетъ—на это Ясоновъ не рѣшился.

Его утѣшало то, что и дядя не пошелъ бы на это, ни за что, не желая кого-нибудь и въ чемъ-нибудь стѣснять.

Даже будь у нихъ лишняя комната въ квартирѣ—для друзей—онъ и тогда не согласился бы.

Какъ подлинный закоренѣлый холостякъ (а не такіе фиктивные, какъ они съ Леной), онъ проповѣдывалъ неизмѣнно: безусловную необходимость жить всегда такъ, чтобы тратить ничтожный minimum времени и душевной энергіи на матеріальныя заботы, почему и прожилъ весь вѣкъ въ отеляхъ и garnis, и заграницей, и въ Россіи.

Обзаводиться квартирой, по его теоріи, это—поступать въ „крѣпостное услуженіе", къ вещамъ и къ тысячѣ заботъ обо всякомъ „вздорѣ". А что изъ этого вздора неизбѣжно—то всякій порядочный отель или сносное garni могутъ доставить за пять рублей въ Россіи, за десять франковъ въ Швейцаріи и Франціи и за восемь марокъ у нѣмцевъ.

Швейцаръ показалъ ему, въ сѣняхъ—по какому корридору подняться.

У него найдется еще полтора часа до лекціи. Если дядя предложитъ ему закусить—здѣсь же, въ ресторанѣ отеля—онъ согласится. А тотъ завтракалъ неизмѣнно въ двѣнадцать.

Постучавшись, онъ вошелъ въ тѣсноватый нумеръ, гдѣ кровать была отгорожена ширмами; а слѣва, у окна, стояло маленькое бюро.

Павелъ Ильичъ дописывалъ письмо.

— А!.. Володя! Милый! Сію минуту...

Вороновъ сдѣлалъ росчеркъ, приложилъ листокъ къ пропускной бумагѣ и задѣлалъ конвертъ—все это безъ торопливости, методически.

— Ну, здравствуй!

Они поцѣловались.

Дядя былъ порядочнаго роста, но на полголовы ниже племянника, съ сѣдой, коротко остриженной головой и бородкой, еще очень свѣжій, плотный въ тѣлѣ, одѣтый въ синій сьютъ.

— Какимъ вы смотрите молодцомъ! — не желая льстить, вскричалъ Ясоновъ.

— Не сглазь! Садись... Хочешь чего-нибудь? Стаканъ чаю? Или не останешься ли позавтракать? А?

Павелъ Ильичъ говорилъ высокимъ, молодымъ голосомъ, немного отрывисто и очень скоро, точно диктуя вслухъ.

Но произношеніе было не петербургское. Несмотря на свои частыя поѣздки за границу, гдѣ онъ живалъ подолгу—въ немъ бывалый человѣкъ распозналъ бы легко коренного москвича; скорый темпъ рѣчи не отзывался, правда, московскимъ разговорнымъ масломъ; но интонаціи отдѣльныхъ словъ были настоящія московскія.

Онъ и родился въ Старой-Конюшенной, и учился въ старой столицѣ.

Никогда и нигдѣ Павелъ Ильичъ не служилъ и въ паспортной книжкѣ значился „кандидатомъ правъ".

— Такъ позавтракаешь со мной?

— Охотно, дядюшка.

— А обѣдать я бы успѣлъ и съ вами, да твоя Лена переполошится.

— Я ее предупредилъ, на всякій случай.

— Спасибо... Вы въ которомъ?

Ясоновъ зналъ, что дядя раньше шести не обѣдаетъ; но они и объ этомъ переговорили съ Леной.

— Въ шесть.

— Кажется... вы раньше обѣдаете? Пожалуйста, изъ-за меня не стѣсняйтесь.

— Да нѣтъ же, дядюшка!

— А теперь идемъ.

Они спустились въ ресторанъ и сѣли въ буфетной комнатѣ, у окна, выходящаго на улицу. Никого еще не было.

Павелъ Ильичъ—человѣкъ строгихъ привычекъ во всемъ. Онъ не признавалъ русскихъ закусокъ, исключеніе дѣлалъ только для зернистой икры, которую ѣлъ даже съ рябчиками—„поостзейски", какъ всегда пояснялъ онъ, — ненавидѣлъ куреніе, вообще—любилъ распространяться о томъ „варварствѣ" и „возмутительномъ эгоизмѣ", съ которыми курильщики, въ Россіи, злоупотребляютъ своей „антисоціальной слабостью": не только вездѣ отравляютъ воздухъ, но за обѣдомъ часто и самъ хозяинъ, въ присутствіи дамъ, начинаетъ курить со второго блюда.

„Со второго!"—съ ужасомъ повторяетъ онъ каждый разъ, поднимая вверхъ указательный палецъ.

И на этотъ разъ Павелъ Ильичъ съѣлъ одинъ маленькій сандвичъ съ икрой. Водки онъ не пьетъ, и у него есть цѣлая теорія, по которой въ Россіи три четверти мужчинъ образованнаго класса—„тайные и явные алкоголики".

— Гораздо больше простого народа!—всегда прибавитъ онъ.

Ясоновъ тоже не пилъ водки, что̀ дядя особенно одобрялъ въ немъ.

Мягкій свѣтъ изъ окна, отраженный на свѣжемъ снѣгѣ, падалъ на лицо Павла Ильича.

„Молодцомъ смотритъ дядя!—подумалъ Ясоновъ.—Интересный мужчина!"

Между ними, по годамъ, было не больше пятнадцати лѣтъ разстоянія. Дядѣ врядъ ли перевалило за пятьдесятъ. Посѣдѣлъ онъ рано; но на щекахъ и на лбу ни одной замѣтной морщины.

— Какой вы свѣжій, дядюшка! Завидный женихъ!—прибавилъ Ясоновъ вслухъ.

— Не сглазь!.. А отчего?

— Отъ холостого званія—скажете?

— Полагаю! Статистика противъ меня—я знаю. Но въ ней все не тотъ подборъ фактовъ.

— Въ какомъ же смыслѣ?—весело и заинтересованно спросилъ Ясоновъ.

Онъ любилъ „разносы" стараго холостяка, всегда обоснованные смѣлыми парадоксами, и въ пріятной формѣ.

Вообще, у Павла Ильича все, что̀ онъ говорилъ и дѣлалъ, выходило отчетливо и мягко. Выше культурности онъ ничего не признавалъ въ жизни, находя, въ то же время, что „хорошій москвичъ" культурнѣе петербуржца.

— Хотя у васъ и есть *панель* и *прешпектъ*,—прибавлялъ онъ обыкновенно.

— Въ статистикѣ,—продолжалъ Вороновъ, принимаясь за первое блюдо завтрака, — обыкновенно все валятъ въ кучу, и критерій одинъ—продолжительность жизни. Холостяковъ умираетъ больше, чѣмъ женатыхъ. Ergo,—холостая жизнь вредна. Но какихъ холостяковъ?—спрошу я. Всякихъ неудачниковъ, которые женатыми еще менѣе выдержали бы натискъ жизни. А возьми двоихъ мужчинъ одинаковой стойкости въ борьбѣ за жизнь, одинаковаго здоровья и той же умственной силы — сомнѣваюсь, чтобы женатый прожилъ дольше холостого. Ужъ, конечно, не могъ бы онъ столько же надѣлать дѣла, сколько свободный индивидъ. Одна треть энергіи ушла бы на жену и дѣтей!

Ясоновъ тихо улыбался. Доводы дяди были все тѣ же, что̀ и прежде; но форма ихъ варьировалась.

— Когда я начиналъ свое университетское ученіе и ходилъ въ лабораторію, мой наставникъ,—онъ назвалъ громкое имя ученаго, уже давно умершаго,—говаривалъ мнѣ, бывало: „Вороновъ, пожалуйста не женитесь, не сдавши на доктора“. Онъ думалъ, что изъ меня выйдетъ ученый естествоиспытатель; а я очутился въ кандидатахъ правъ. „Не обвѣнчайся я мальчишкой,—продолжалъ мой наставникъ,—я бы давно уже взялъ докторскую степень; а теперь, вотъ, долженъ подзубривать, какъ студентъ—отцомъ семейства!“

Ясоновъ давно зналъ, что Павелъ Ильичъ считается „мизогѝномъ“, и не особенно преклоняется передъ феминизмомъ. По второму пункту онъ всегда себя сдерживалъ въ присутствіи Лены, съ которой, до сихъ поръ, видался мало и рѣдко, раза два въ годъ, проѣзжая Петербургомъ за границу и обратно.

Ему хотѣлось, чтобы между дядей и племянницей, хотя только по мужу, установились болѣе родственныя отношенія. Лена находила, что у него съ ней не тотъ „genre“, что онъ говоритъ съ ней всегда въ снисходительно-шутливомъ тонѣ.

Но сегодня, за обѣдомъ, они могутъ „пѣть въ унисонъ“, если рѣчь зайдетъ о недавнемъ ихъ „вавилонскомъ плѣненіи“.

И онъ сейчасъ же разсказалъ ему про ихъ „трагикомическій инцидентъ“.

Вороновъ все время улыбался и поддакивалъ головой.

— А что̀ если такая же кутерьма водворится у васъ самихъ?—спросилъ онъ, подмигнувъ.

— Боже избави!—искренней нотой вырвалось у Ясонова.

— Зарока нельзя давать! Славянское племя плодущее. Это не французы! И наконецъ, тутъ желаніе или нежеланіе супруга въ разсчетъ не принимается...

— И Лена не стремится...

— Да-а?—протянулъ Вороновъ.

— По крайней мѣрѣ до сихъ поръ оно такъ.

— Твоя Лена—по прежнему—въ движеніи? Общества, рефераты, популярныя книжки?

— Отъ этого наша интимная жизнь не теряетъ... Увѣряю васъ, дядя, дома у насъ все держится ею...

— Не сомнѣваюсь!

— И ни съ какой другой женщиной я не могъ бы имѣть столько духовнаго комфорта. Мнѣ работается нисколько не хуже,

чѣмъ бывало... даже и за границей, а гораздо лучше. Тогда слишкомъ многое развлекало и усерднаго магистранта.

И тутъ онъ заговорилъ о своей докторской диссертаціи. Павелъ Ильичъ очень заинтересовался и, положивъ локти на столъ и подавшись немного впередъ своей благообразной сѣдой головой, слушалъ съ одобряющей усмѣшкой.

— Въ добрый часъ, Володя!.. А все-таки ты раньше бы выдержалъ на доктора, еслибъ...

— Поспѣшность для спеціалиста по исторіи мышленія— никуда не годится, дядя!

— Ну, будь по твоему.

Они встали изъ-за стола, очень довольные другъ другомъ. Вороновъ обѣщалъ быть ровно въ шесть.

— И скажи твоей женѣ, что прошлогодній завтракъ оставилъ во мнѣ пріятнѣйшее воспоминаніе. Раковины съ рыбой подъ бешемелью были... удивительно приготовлены!..

Все тотъ же разговоръ и на ту же главную тему продолжался и въ столовой Ясоновыхъ.

Лена „притуалетилась“ — надѣла розоватое fichu Marie-Antoinette, откуда ея шея выплыла—такая бѣлая и тонкая.

Ясоновъ все еще немного побаивался, какъ бы жена его не нашла, что у дяди-резонера все еще не тотъ „genre“ съ племянницей.

Но все, что онъ говорилъ сейчасъ—было ей по нутру. Она искренно смѣялась, когда Павелъ Ильичъ съ юморомъ выражалъ изумленіе предъ ея „добродѣтелью“—все по поводу „нашествія молодой орды“.

Къ концу обѣда, послѣ очень тонкихъ похвалъ хозяйкѣ— особенно за два блюда,—Вороновъ, обратившись къ Ленѣ,—она сидѣла противъ него,—началъ:

— Вотъ вы скажете, что я— неисправимый брюзга... старая дѣва мужского пола... а какъ же мнѣ не находить, что для нѣкоторыхъ мужчинъ бракъ—нѣчто фатальное... и не тогда, когда они несчастны въ супружествѣ; а тогда, если ихъ Клитемнестры —онъ произносилъ: *Клютаймнэстры* — прилипнутъ къ нимъ, какъ плющъ къ дубу?! Pardon за это сравненіе-гососо!..

— Я не стану съ вами спорить, mon oncle...—весело отозвалась Лена.—И я знаю такіе примѣры...

— Позвольте... вотъ сейчасъ я былъ у одного такого добровольнаго мученика. Я ѣду за границу, а онъ возвращается оттуда ко второму семестру.

Онъ назвалъ имя профессора одного изъ провинціальныхъ университетовъ.

— Большая умница!

— Не правда ли?—откликнулся Вороновъ на возгласъ племянника.

— Отличная голова!.. Тонкій, изящный писатель. Хоть онъ и не по моей спеціальности, но въ его этюдахъ—такая глубина мысли и такіе пріемы психическаго анализа...

— Вотъ видишь!.. И что же? Онъ—жалкій рабъ нѣкоторой „Клютаймнэстры", которая мнитъ себя махровымъ цвѣткомъ интеллигенціи. У этого человѣка нѣтъ воли, онъ не можетъ вамъ сказать сразу: будетъ онъ съ вами завтракать или нѣтъ. Два года назадъ у нихъ было чадо. Тогда это составляло еще нѣкоторую диверсію, а теперь въ грудные младенцы окончательно произведенъ мужъ. Развѣ такія матроны и множество другихъ не представляютъ собою антисоціальный элементъ?

— Еще бы!—вырвалось восклицаніе у Лены.

Она не хотѣла задобривать „дяденьку"; но ей—въ эту минуту—представилась одна изъ ненавистныхъ ей свѣтскихъ dames-patronesses. Онѣ вѣдь, въ сущности, ничего не знаютъ выше своего тщеславнаго „я", безумно рядятся, декольтируются, тратятъ на себя Богъ знаетъ какія деньги!

— Сюжетъ—интересный, — выговорилъ Ясоновъ въ тонъ женѣ.—Что бы вамъ, дядя, предложить его, въ видѣ лекціи, комитету женскаго собранія?

— Еслибы у меня было больше задора, я бы выступилъ публично съ такой conférence. У насъ еще не такъ, какъ за границей, мечется въ глаза царство хищницъ... и не тѣхъ только, которыя,—выражаясь патетически—„заклеймены позоромъ", а самыхъ законныхъ супругъ, всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ пшюттокъ, на которыхъ мужчины, въ своемъ безуміи, работаютъ или, лучше, хапаютъ кýши, на всякаго рода эксплуатаціи чужого труда.

— Какъ это вѣрно!—вскрикнула Лена.

— Встаньте, въ Парижѣ, на перекресткѣ въ Елисейскихъ-Поляхъ, когда изъ Булонскаго Лѣса течетъ волна экипажей. Сосчитайте, сколько тутъ всажено милліоновъ въ кровныхъ лошадей, экипажи, ливрейную прислугу, туалеты, брилліанты! И—во всемъ этомъ—женщина цинически попираетъ основу всякой нравственности: *коли не поработаешь, то и не поѣшь*!

— Именно цинически попираетъ!—подхватила Лена.

— А скачки? Вѣдь вся эта вакханалія, снобизмъ и азартъ дѣлаются для *нея же*? Проигрываютъ и выигрываютъ куши,

чтобы содержать *ее*... *ее*, и никого больше; чтобы разоряться на *нее*, дѣлать себѣ рекламу въ лицѣ *ея*!

— Вѣрно, вѣрно!—все возбужденнѣе поддакивала Лена.

И, обернувшись къ мужу, быстро спросила:

— Развѣ это не такъ, Лодя?

— Конечно такъ,—согласился онъ.

— И всѣ ее *содержатъ*!—брезгливо выговорила Лена.—Она давно потеряла всякій стыдъ!—добавила она еще сильнѣе.

— Стало... я вовсе не заявляю парадокса,—что этакая женщина—а она царитъ вездѣ!—самый ядовитый, разъѣдающій ингредіентъ общественнаго организма? Она только безстыдно тратитъ и сорѝтъ и ничего не вызываетъ, кромѣ соблазна, безпробуднаго тщеславія, чванства и всякихъ чувственныхъ поползновеній...

— Но не всѣ же такія?—тихо спросилъ Ясоновъ.

— Кто же тебѣ говоритъ это? — остановила его Лена и даже взяла его за руку.—Но для каждой личности, трудовой и мыслящей—захватъ, какой производятъ такія женщины—вездѣ, и за границей, и у насъ—прямое оскорбленіе! Прежде... я бывала на субботахъ Михайловскаго театра... а теперь мнѣ прямо противно...

— Не слишкомъ ли это большой ригоризмъ? — вставилъ Ясоновъ.

— Вовсе нѣтъ, Лодя!

И сдѣлавъ жестъ своей маленькой рукой черезъ столъ,—она разсмѣялась.

— Вотъ видите... mon oncle... вы выдаете себя за... какъ, бишь, это?..

— За *мизогина*,—подсказалъ ей мужъ.

— Да, т.-е. за ненавистника женщинъ; и возмущаетесь такимъ царствомъ хищниковъ и трутней женскаго пола. Стало, вы должны сочувствовать тѣмъ изъ насъ, кто хочетъ быть равноправной... съ мужчиной; а для этого главное средство—трудъ, заработокъ, матеріальная независимость.

— Аминь,—шутливо проговорилъ Вороновъ.

— Мы къ этому и стремимся...

— И я вамъ препятствовать не буду. Я не охотникъ только до сектантскаго феминизма, по которому женщина желаетъ сама впасть во многіе виды мужскихъ дефектовъ. Это ей же невыгодно. А больше я ни въ какихъ ехидствахъ противъ вашей сестры не повиненъ!

Всѣ трое засмѣялись.

— И замѣтьте,—закончилъ „закоренѣлый“ холостякъ свою проповѣдь: — эти прожигательницы, всаживающія милліоны на украшеніе своего грѣшнаго тѣла—на половину матери, хоть частенько и противъ своей воли. Онѣ производятъ на свѣтъ достойныхъ преемницъ. И такъ пойдетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; все съ бо̀льшими безсовѣстностью и цинизмомъ...

— Зачѣмъ? — остановила Лена. — Надо вѣрить въ другое будущее.

— Будь по вашему!—согласился дядя.

IV.

Выдался такой денёкъ!..

Съ девяти часовъ утра Елена Дмитріевна—по собственному выраженію—„рыщетъ“ по городу. Врядъ ли удастся ей вернуться во̀-время къ обѣду. Это случается съ ней уже въ третій разъ, даже и послѣ „вавилонскаго плѣненія“.

А ея Лодя держится за пятичасовой обѣдъ. Онъ, бѣдный, приходитъ голодный, а закусить—до ея возвращенія—значитъ, портить обѣдъ.

— Но какъ же быть?

„Дѣло“ не ждетъ. И въ извѣстные дни наберется его столько, что и въ сутки не передѣлаешь.

До двѣнадцати она была на Острову, занималась текущимъ письмоводствомъ и разными хозяйственными распоряженіями по „общежитію“. Потомъ надо было заѣхать въ редакцію, гдѣ дожидались ее корректуры. За ними пришлось посидѣть больше часа. Ошибокъ оказалось бездна. И какъ она себя ни сдерживала—все-таки очень волновалась, хотя и совершенно безполезно.

Только, въ началѣ четвертаго, по счету третій извозчикъ везъ ее обратно, за Екатерининскій каналъ, въ мѣстность около Садовой, гдѣ—дома, набитые мастеровыми.

Сани подвезли ее, по набережной, къ воротамъ одного изъ такихъ домовъ.

Здѣсь она не была уже нѣсколько дней, и это ее мозжило. Чтобы все хорошо шло, надо навѣдываться непремѣнно черезъ день.

Но концы длинны; необходимо побывать, въ одинъ день, въ разныхъ мѣстахъ.

„Лодя правъ,—думала Лена, еще по дорогѣ: —я занимаюсь

„совмѣстительствомъ“. У меня, по крайней мѣрѣ, пять или шесть учрежденій или обществъ, гдѣ я—самымъ усернымъ членомъ“.

А какъ быть? Вѣдь это сдѣлалось не разомъ; накоплялось понемножку...

Но изъ всѣхъ отдѣловъ „совмѣстительства“—какъ въ шутку называетъ ея мужъ—вотъ этотъ, куда она теперь пріѣхала—едва ли не самый для нея дорогой.

Это—ея пріютъ для заброшенныхъ дѣтей. Явились они на свѣтъ всѣ—и мальчики, и дѣвочки—среди того люда, что̀ кишитъ въ самыхъ ужасныхъ ночлежныхъ домахъ и углахъ этой мѣстности. Многіе были брошены матерьми. Объ отцахъ и говорить нечего! Не мало и дѣтей профессіональныхъ воровъ и мазуриковъ; почти у всѣхъ если не матери, то отцы—пьяницы.

Лена, своей легкой и скорой походкой, проникла на длинный дворъ, обставленный со всѣхъ сторонъ старыми, облѣзлыми каменными строеніями.

Посрединѣ шли не то сараи, не то жилыя помѣщенія, и вдоль нихъ навалены горы корзинокъ—самыхъ дешевыхъ, для всякаго съѣстного товара.

Тутъ ютятся одни только корзинщики—низменный видъ заработка, гдѣ всего больше самаго одичалаго и непутёваго народа, живущаго чуть не въ повалку.

Справа, въ двухъ-этажномъ корпусѣ, съ закоптѣлой штукатуркой, вдоль второго этажа, идетъ побурѣвшая деревянная „галдарейка“, до-нельзя грязная, съ обмерзлыми ступенями. Съ нея на дворъ выливаютъ помои и бросаютъ всякую нѣчисть.

Отъ всего этого идетъ отвратительный запахъ, даже и въ сильно морозные дни.

Но она привыкла ко всѣмъ этимъ благоуханіямъ.

Они ударили ей въ носъ и на лѣстницѣ, по которой она стала подниматься, войдя въ дверь, безъ навѣса, слѣва отъ воротъ, на задахъ пяти-этажнаго дома, выходящаго на набережную.

Что̀ же дѣлать! Нѣтъ средствъ взять другую квартиру. Но когда онѣ двѣ, съ пріятельницей ея, Любой Петрининой, взялись за это дѣло, по идеѣ одного милѣйшаго старичка-благотворителя,—онѣ не мечтали о томъ, чтобы „спасать“ больше дюжины дѣтей. А теперь у нихъ уже цѣлыхъ три дюжины, и надо мириться съ большой тѣснотой.

Но какъ же быть? Лучше тѣснота, чѣмъ тотъ „адъ“, откуда они добывали этихъ дѣтей.

Лѣстница—чугунная, довольно-таки скользкая; но Лена не боится упасть. Она такъ же легко и быстро поднялась въ третій этажъ.

Дверь до сихъ поръ еще не обита клеенкой. Онѣ съ Любой разсчитываютъ на то, что одинъ лавочникъ, съ Садовой, подаритъ имъ, къ праздникамъ, клеенки и на эту дверь, и на половики.

Она съ усиліемъ отворила дверь, откуда сейчасъ же повалилъ паръ.

Кухня помѣщается при входѣ, за перегородкой, и отъ нея также идутъ неизбѣжные запахи.

Къ ней сейчасъ же высыпала дѣтвора. Ученье кончилось, и дѣти играли въ самой большой комнатѣ, гдѣ приспособлено было кое-что и для гимнастики.

— Елена Дмитріевна! Здравствуйте! Барыня! Милая!

Ее облѣпили, какъ всегда.

— Тише, тише!—останавливала надзирательница, пожилая особа, въ темномъ,—строгая въ лицѣ, но добрѣйшая и очень разсѣянная.

Лена знала, что дѣти ее ни чуточки не боятся, зато любятъ.

Они только-что пообѣдали. Обыкновенно она попадала передъ обѣдомъ и пробовала кушанье. Съ кухаркой у нея скрытая борьба.

Готовить она умѣетъ; но умудряется—и при постоянномъ контролѣ—по малости воровать.

Лена хотѣла-было ее протурить, но удержала практическая Люба, доказывая ей, что „всѣ кухарки воруютъ“! По крайней мѣрѣ, эта не пьяница и не грубіянка.

Но за ней водился и еще одинъ очень непріятный недочетъ: она грязна—и сама, и по кухнѣ. Взяли ей поденщицу-судомойку, но чистоты все-таки не больше, чѣмъ прежде.

Сейчасъ же Лена завернула за перегородку въ кухню, а надзирательница увела дѣтей въ большую комнату.

— Прасковья, здравствуйте!—окликнула Лена кухарку, которую онѣ обѣ съ Любой долго упрашивали носить чепчикъ.

Фартукъ на ней—какъ всегда—грязный-прегрязный.

Лена не выдержала.

— Развѣ у васъ нѣтъ ничего почище, Прасковья?

Она брезгливо дотронулась до края фартука.

— Убираемся, барыня.

Судомойка, у окна, съ чѣмъ-то возилась.

— Все равно!.. Я много разъ просила васъ, Прасковья... А теперь... какъ вамъ угодно—буду требовать.

— Воля ваша!

— Покажите мнѣ, что вы сегодня забирали.

Кухарка была грамотная, но она лѣнилась приготовлять—во-время—репортички, т.-е. утромъ, послѣ того, какъ придетъ съ базара.

Она должна была доставлять ихъ надзирательницѣ.

Та стояла тутъ же въ дверяхъ.

— Елена Дмитріевна!—начала она нервно:—я каждый день говорю ей, чтобы она записывала сейчасъ же въ книжку или диктовала мнѣ.

— Не справилась, барыня! Нынче постиру́шка была и много всякой всячины...

— Я прошу васъ!—остановила ее Лена, сдерживая себя.—Нельзя же быть такой упорной!

Съ этими словами Лена прошла въ послѣднюю комнату, минуя тѣсноватый дортуаръ для дѣвочекъ и мальчиковъ,—въ ихъ „канцелярію", какъ онѣ, въ шутку, звали съ Любой.

Вся хозяйственная часть лежала на ея плечахъ. Надзирательница вела отчетность, но въ бухгалтеріи была не особенно искусна. Приходилось провѣрять ее, что́ стѣсняло Лену. Та, какъ разъ, обидится. А другую—за тѣ „гроши", какіе она получаетъ—не скоро найдешь.

А потомъ надо перетолковать и насчетъ дѣтей.

Не мало набиралось, за два, за три дня, всякихъ шалушекъ и разбирательствъ.

Наказанія были самыя легкія, и надзирательница находила, что они недостаточны, при всей ея мягкости.

„Экзекуція"—безусловно не допускались.

Сотрудница Лены—Любовь Яковлевна Петринина—тоже разрывалась на части по нѣсколькимъ обществамъ,—брала на себя внѣшнія хлопоты: привлекать членовъ, отыскивать жертвователей, устроивать вечера́, „клянчить"—какъ онѣ сами называли—у кого только можно, а главное—„оббивать пороги" у разныхъ артистовъ и артистокъ, писателей и лекторовъ,—не говоря уже о тѣхъ безконечныхъ мытарствахъ, чрезъ которыя надо проходить, чтобы добиться разрѣшенія.

Въ женскомъ дортуарѣ няня, чисто одѣтая, въ чепчикѣ, остановила Лену.

— Матушка барыня... Кругликова Лиза вчерась заболѣла.

— Какъ же мнѣ Эмилія Степановна ничего не сказала?

Надзирательница подошла какъ разъ въ эту минуту.

— Простите, Елена Дмитріевна, я не успѣла вамъ доложить.

— Что́ съ ней?

Нянька сказала въ полголоса:

— Горло захватило. Жаръ есть.

— Какъ же вы мнѣ не дали знать вчера?

Дѣвочка лѣтъ семи—черноглазенькая, полная—лежала въ кровати, вся въ бѣломъ. Щеки разгорѣлись, горло обвязано.

— Здравствуй, Лиза... Что ты чувствуешь?

— Не знаю... уже съ трудомъ пролепетала дѣвочка, и на глазахъ сейчасъ же показались слезы.

— Дайте мнѣ ложку!

Лена въ пріютѣ пріучилась къ роли лекарки. Къ доктору обращались рѣдко. До сихъ поръ не было еще никакой дѣтской эпидеміи.

Но они такъ бѣдны, что нѣтъ особой лазаретной комнаты, да и помѣщеніе такое тѣсное, что съ прилипчивыми болѣзнями это было бы еще хуже.

Принесли ложку. Лена посадила дѣвочку противъ свѣта, придержала ея уже побѣлѣвшій языкъ своимъ платкомъ,—не подумавъ о возможности заразиться,—заставила раскрыть широко ротъ и протянуть звукъ: „а-а“.

Это не удалось съ перваго пріема—непроизвольныя движенія дѣвочки мѣшали до трехъ разъ.

Одного быстраго и остраго взгляда внутрь зѣва достаточно было Ленѣ, чтобы увидать уже замѣтныя пленки.

— Ахъ, Боже мой!—вырвался у нея возгласъ.

— Неужели дифтеритъ?—шопотомъ спросила надзирательница.—Температуру я ставила—всего только тридцать-восемь градусовъ.

— Нужды нѣтъ! Есть пленки! Надо послать къ Валерію Петровичу. Я напишу записку. Пошлите сейчасъ же! А я заѣду къ Любови Яковлевнѣ,—Лизу надо сегодня же перевезти въ больницу.

Лиза не была ея любимицей. Вообще, она воздерживалась отъ какихъ бы то ни было пристрастій, и ее даже удивило то, что она, въ первую минуту, такъ испугалась.

Можетъ, это не настоящій смертельный дифтеритъ, а то, что называется у французовъ: „angine couenneuse“. Но пленки несомнѣнно есть.

Она распорядилась тотчасъ: купить лимонъ и сокомъ его, черезъ каждую четверть часа, смазывать гортань и зѣвъ дѣвочки.

Это средство рекомендуетъ всегда и ихъ докторъ Перцовъ—ихъ пріятель съ мужемъ, безвозмездный врачъ пріюта, по спеціальности „гинекологъ“, но искусный и по дѣтскимъ болѣзнямъ.

Дорогой Лена, чувствуя, что у нея разгоралось лицо, торо-

пила все извозчика, боясь не захватить дома свою пріятельницу Петринину. Обыкновенно, она къ пяти часамъ—дома; но какое-нибудь „экстренное дѣло“ могло погнать ее изъ дому; а у нея всегда „экстренныя дѣла“. Она еще болѣе ея—„совмѣстительница“.

Этотъ пріютъ произвелъ поворотъ въ общественныхъ симпатіяхъ и взглядахъ Лены.

Она долго не выносила слова: „благотворительность“, и всего сильнѣе боялась, чтобы ее не считали одною изъ тѣхъ безчисленныхъ „дамочекъ“, которыя отъ скуки, изъ рисовки, ханжества, или глупой моды, занимаются „добрыми дѣлами“.

Только то, что могло служить дѣлу „освобожденія“ женщины, привлекало ее. Она желала поддерживать тѣхъ, кто стремится къ высшему образованію или отвоевываетъ себѣ права—и только!

Остальное пусть будетъ достояніемъ тѣхъ, кто „играетъ въ благотворительность“.

Мужъ не противорѣчилъ ей; находилъ, однако, что это „немножко односторонне“.

Такихъ же взглядовъ держалась и ея alter ego, старшая по лѣтамъ подруга и сотрудница, Люба Петринина, еще болѣе ея энергичная и преданная „женской идеѣ“.

Но эта же Люба втянула ее въ пріютъ.

Заброшенность дѣтей—слишкомъ ужасная вещь! Тутъ ея феминистская доктрина не устояла. Она вошла въ это дѣло всей душой; но все-таки не соглашалась считать его избитой формой благотворительности, надъ чѣмъ ея Лодя слегка подтруниваль, повторяя:

„—У женщинъ логика—о двухъ концахъ, на каждую категорію разума“.

Пріютъ же сблизилъ ее съ дѣтскимъ царствомъ. Всѣ эти мальчишки и дѣвчонки, грязные, въ болячкахъ, озорные и часто порочные, дѣлались для нея все дороже, хотя она и въ этомъ не желала сознаваться, увѣряя себя, что она: „только исполняетъ свой гражданскій долгъ“.

Вотъ сейчасъ ее просто въ сердце кольнуло и подъ колѣнями захолодѣло, когда она на ярко-красной, напряженной слизистой оболочкѣ схватила своими острыми глазами зловѣщія бѣлесоватыя пятна.

А все-таки у нея, до сихъ поръ, нѣтъ никакого даже тайнаго желанія—„произвести на свѣтъ“ такую вотъ дѣвочку—даже такую хорошенькую, какъ эта „Лизунька“.

И зачѣмъ такое количество дѣтей, особенно у того люда, что̀ кишитъ въ окрестностяхъ Садовой, во всѣхъ этихъ пристанищахъ бѣдноты, всяческой грязи, одичанія, звѣроподобной чувственности, всѣхъ видовъ матеріальнаго и нравственнаго паденія?

И тотъ же вопросъ она всегда поворачивала и въ сторону тѣхъ сферъ, гдѣ *сытые* преобладаютъ, гдѣ родители живутъ въ безпробудномъ „жуирствѣ".

Ихъ „проженитýра"—Лена произносила съ иронiей это передѣланное слово—будетъ только наполнять рады или трутней, вивёровъ и вивёрокъ, или безпардонныхъ хищниковъ. И половина изъ нихъ кишитъ немощами истыхъ дѣтей вѣка—неврастенiей, безумiемъ, постыдными болѣзнями, ракомъ и всѣмъ сонмомъ наслѣдственныхъ недуговъ, ведущихъ яко бы высококультурное человѣчество къ жалкому вырожденiю.

Черезъ часъ—было уже около шести—Лена спѣшила домой. Бѣдный Лодя, навѣрное, заждался ея. И она бранила себя за то, что впопыхахъ забыла о телефонѣ, въ квартирѣ Петрининой: она могла бы предупредить мужа, чтобы онъ садился за столъ и не ждалъ ее.

У Любы она попала на цѣлое совѣщанiе. Но та обѣщала ей—тотчасъ послѣ обѣда—поѣхать хлопотать о принятiи дѣвочки въ больницу, а пока она протелефонируетъ въ три мѣста.

Петринина—необыкновенно дѣятельна, и ей до нея далеко. До сегодня Лена точно забывала, что та—мать семейства, что у нея цѣлыхъ три дѣвочки—почти уже дѣвицы, очень крупные подростки. Она ихъ почти-что никогда не видала. Ихъ свиданiя съ Любой всегда въ засѣданiяхъ, или—въ такiе часы—у нея, когда дѣвочки въ гимназiи.

И вотъ сегодня онѣ—въ полномъ сборѣ; выбѣжали къ ней въ переднюю, и потомъ—когда совѣщанiе кончилось—съ чѣмъ-то приставали къ матери.

Въ первый разъ нашла Лена, что онѣ слишкомъ были предоставлены самимъ себѣ. У нихъ—странный видъ, рѣзковатые голоса, манеры, походка.

„Если уже имѣть дѣтей,—думала Лена, гораздо строже, чѣмъ когда-либо,—то нельзя же такъ забывать свои материнскiя чувства и обязанности"?..

Но тутъ же она сдержала эти мысленные попреки.

„Не все ли равно, въ сущности, съ какими манерами выровняются эти будущiя *дѣвули*"?

Она такъ и употребила про себя это петербургское жаргонное слово: „дѣвýли".

Лена говоритъ до сихъ поръ какъ гимназистка, презирающая институтскіе порядки: „классу́ха“, вмѣсто *классная дама*, и „нача́лка“, вмѣсто *начальница*.

V.

Въ кабинетѣ Владиміра Сергѣевича стоялъ полусвѣтъ надвигающихся раннихъ сумерекъ.

На диванѣ, противъ его кресла, сидитъ гость.

Они разговариваютъ уже больше получаса.

Гость наклонилъ голову, и весь горбится, положа руки на колѣни.

— Да, другъ... когда я попадаю къ господамъ, предающимся разнымъ утѣхамъ жизни, я говорю про себя: — „Дайте срокъ!“...

Голосъ его звучалъ глухо. Онъ смотрѣлъ еще совсѣмъ не старымъ человѣкомъ, такихъ же почти лѣтъ, какъ Ясоновъ, но въ лицѣ—и утомленіе, и растерянность: впалые глаза, то тревожный, то подавленный взглядъ, блѣдность. Волосы серебрились на вискахъ и въ бородѣ.

Одѣтъ онъ—во все черное.

— Бѣдный ты мой Желтухинъ!—тронутымъ голосомъ сказалъ Ясоновъ, и подавшись въ креслѣ, прикоснулся рукой къ его колѣну.

— Противно, братъ, изображать изъ себя казанскую сироту. Надо нести ношу жизни и не плакать... А тяжко!..

Этотъ Желтухинъ былъ его университетскій товарищъ, всего годомъ старше и на другомъ факультетѣ — не на словесномъ, а на юридическомъ.

Его хотѣли оставить при университетѣ; но онъ слишкомъ рано женился, и на ученую дорогу не попалъ; очутился въ провинціи на службѣ, бойко пошелъ по ней, былъ всегда доволенъ своимъ положеніемъ, женой и двумя дѣвочками, считался „душою“ общества, веселый и подвижный, гостепріимный и съ необыкновенной молодостью души.

Его всегда называли, когда хотѣли привести примѣръ — на рѣдкость—жизнерадостнаго человѣка.

Вотъ уже съ годъ, какъ онъ лишился жены. Этотъ ударъ онъ вынесъ вѣроятно потому только, что въ немъ давно сказался страстный отецъ—какихъ Ясоновъ еще не видалъ никогда.

И вотъ теперь его дѣвочки захватили его еще сильнѣе. Онѣ его заботятъ чрезвычайно. Изъ-за ихъ здоровья и ученья онъ

перемѣнилъ мѣсто службы, взялъ должность—съ мéньшимъ жалованьемъ—на югѣ. Но и тамъ его начала преслѣдовать неудача.

Старшая дѣвочка стала хворать, и тамъ, въ губернскомъ городѣ, никто не можетъ опредѣлить хорошенько ея болѣзнь.

Меньшая — здоровенькая; но ее нельзя оставить безъ призора. Бонны тамъ порядочной не найти.

За этими двумя дѣлами и пріѣхалъ онъ сюда.

Лена взялась отыскать бонну, и сейчасъ она разъѣзжаетъ къ своимъ пріятельницамъ по этому дѣлу.

Старшую дѣвочку придется оставить здѣсь, въ какой-нибудь лечебницѣ—и это сокрушаетъ отца.

Вчера, за обѣдомъ, когда Желтухинъ, со слезами на глазахъ, говорилъ про нее—Еленѣ Дмитріевнѣ стало его ужасно жалко, и она чуть-было не сказала:

— Да оставьте ее у насъ!

Но она взглянула на мужа и воздержалась.

Еслибъ и нашлось мѣсто для больной дѣвочки — а особой комнаты тоже вѣдь нѣтъ,—то какъ же обрекать Лодю риску—имѣть такую постоялицу?

Но она не могла подавить въ себѣ возгласъ:

— Ахъ, дѣти, дѣти!

— Сокрушили они тебя, Николай!—сказалъ Ясоновъ, заглянувъ въ глаза товарищу.

Про себя, онъ прибавилъ:

„Ужъ очень ты самъ сокрушаешься! Нельзя такъ уничтожаться передъ дѣтьми—хотя бы и собственными“.

Рѣшили обратиться сначала къ ихъ пріятелю, доктору Перцову. Онъ по спеціальности — гинекòлогъ; но лечитъ и дѣтей. Обѣ эти области связаны одна съ другою.

Если онъ самъ не возьметъ на себя постановку рѣшительной діагнозы, то доставитъ консультацію у извѣстнаго спеціалиста и дастъ хорошій совѣтъ—въ какой лечебницѣ оставить дѣвочку.

Ясоновъ посмотрѣлъ на часы и всталъ.

— Теперь время отправляться. Мы доберемся къ Перцову минутъ въ тридцать и попадемъ какъ разъ къ его возвращенію домой.

— Ты его предупредилъ?—все тѣмъ же тревожно перехваченнымъ голосомъ спросилъ Желтухинъ и также поднялся.

— Разумѣется... По телефону говорили.

— Вотъ и теперь сердце у меня не на мѣстѣ... Сидитъ она одна въ нумерѣ...

— Что же съ ней сдѣлается?

— Ахъ, другъ, какъ ты такъ можешь говорить?.. Сейчасъ тяжелыя мысли... Будь ты самъ свидѣтель того, что потеря матери можетъ вызывать въ душевной жизни такой дѣвочки...

Онъ положилъ руку на плечо Ясонова.

— Ты счастливецъ!.. И такъ проживешь всю жизнь.

— Кто же за это можетъ ручаться?

— И не желайте дѣтей!

Ясоновъ хотѣлъ сказать:

„Глядя на тебя—кто же пожелаетъ“?

Онъ взялъ его за обѣ руки.

— Все уладится, Николай. Ты хоть немножко бы подумалъ о себѣ самомъ.

Тотъ только махнулъ рукой.

— Ну, ѣдемъ!

Изъ-за этого визита къ доктору обѣдъ у нихъ будетъ позднѣе; хорошо, если они угодятъ къ шести. Да врядъ ли и Лена вернется къ этому часу.

— Такъ ты не отобѣдаешь съ нами?—спросилъ онъ, выходя съ нимъ въ прихожую.

— Нѣтъ... Прости, голубчикъ. Вѣдь и безъ того Маруся безъ меня съ двухъ часовъ... Когда же я къ ней попаду?..

У него сдѣлалось такое страдальческое лицо, что Ясоновъ больше не настаивалъ.

И дорогой Желтухинъ все время сокрушался о своихъ дѣвочкахъ.

Ни единаго слова не сказалъ онъ дорогой про себя, про то—какъ онъ устроился на новомъ мѣстѣ, какое общество нашелъ въ губернскомъ городѣ, есть ли шансы быть переведеннымъ на другое, болѣе видное, или въ Москву, въ Петербургъ.

Все сводилось только къ тому: что будетъ съ его дочерьми, какъ пойдетъ здоровье старшей и воспитаніе младшей?

Это было трогательно, и, въ то же время, дѣлалось какъ-то обидно за него.

Какъ будто онъ, своей особой, не существуетъ, потерялъ всякое собственное „обличье“.

Самой страстной и тревожной матери впору быть такой!

На то и созданы женщины. Это ихъ призваніе...

Ясоновъ перебилъ себя вопросомъ:

„А еслибъ Лена вдругъ стала такой же, какъ его товарищъ,—былъ ли бы я доволенъ“?

Развѣ они вдвоемъ—въ послѣднее время—не вели разговоровъ о томъ: какъ такое обожаніе дѣтей имъ не по душѣ?

Ну, а онъ самъ? Вдругъ у него родится сынъ или дочь. И онъ—изъ мужчины съ „холостымъ“ складомъ идей, привычекъ и вкусовъ—превратится въ точно такого же отца, какъ вотъ этотъ Желтухинъ.

Можетъ, еще сильнѣе!

Эта мысль прямо испугала его, и онъ, обернувшись лицомъ къ своему товарищу, выговорилъ съ особой интонаціей:

— Такъ нельзя, Желтухинъ! Чортъ возьми! У каждаго изъ насъ есть своя физіономія, свой долгъ передъ собственной личностью и передъ обществомъ.

Желтухинъ ничего не отвѣтилъ.

Онъ, кажется, и не разслышалъ этихъ словъ. Взглядъ его красивыхъ голубыхъ глазъ уныло-тревожно былъ устремленъ куда-то. Его наполняли только вопросы: что̀ выйдетъ изъ визита къ доктору Перцову, какую діагнозу поставитъ онъ Марусѣ и удастся ли хорошо помѣстить ее въ лечебницѣ?

Но чѣмъ же онъ—Ясоновъ—болѣе застрахованъ отъ такой же участи, какъ и этотъ бѣдный Желтухинъ?

Что̀ же изъ того, что у нихъ съ Леной, вотъ уже третій годъ, какъ нѣтъ дѣтей и ничего не похоже на то, что они будутъ?..

А вдругъ?

Ему стало немного стыдно, что этотъ вопросъ такъ смущаетъ его.

Неужели они оба—и его милая, чуткая Лена, и онъ самъ, считающій себя „альтруистомъ“—такъ малодушно и себялюбиво боятся—*чего?* Жизни, ея неизбытныхъ и вѣчныхъ устоевъ.

Отвѣтить на этотъ вопросъ, поставленный ребромъ самому себѣ—онъ затруднился и сдѣлалъ надъ собой внутреннее усиліе, чтобы мысль сейчасъ же пошла въ другую сторону.

Сани только-что переѣхали рѣку и стали подниматься на берегъ.

Докторъ Перцовъ жилъ все тамъ же, въ пяти минутахъ ѣзды отъ набережной, въ большомъ красивомъ домѣ, съ монументальнымъ подъѣздомъ.

Сегодня нѣтъ у него пріема. Онъ принимаетъ четыре раза въ недѣлю: два—за плату; а два—всѣхъ желающихъ—безплатно.

— Нашъ пріятель—докторъ Перцовъ,—заговорилъ Ясоновъ, когда они взяли по улицѣ, идущей параллельно съ набережной,—человѣкъ съ рѣдкой душой! Ты не смущайся тѣмъ, что у него

такой воинственный видъ; у него только усы страшны, а самъ онъ незлобивъ, какъ младенецъ. Довольно забавно то, что онъ съ виду майоръ, въ своемъ сюртукѣ съ погонами, а по спеціальности — гинекòлогъ.

— Значитъ, постоянно возится съ родильницами?

— Разумѣется. И съ женскимъ поломъ вообще, и съ дѣтьми. Во Франціи онъ былъ бы: „le major" — какъ тамъ зовутъ военныхъ врачей.

Въ такомъ, болѣе веселомъ тонѣ они поднимались къ доктору, по широкой круглой лѣстницѣ, во второй этажъ.

Швейцаръ доложилъ имъ, что Перцовъ только-что вернулся домой.

Горничная сейчасъ же провела ихъ по узковатой пріемной, въ кабинетъ — обширный, съ окнами на два фронта, гдѣ обстановка сейчасъ же указывала на его спеціальность.

Желтухинъ приготовился, входя въ этотъ кабинетъ, къ воинственному виду доктора.

Перцовъ оказался плотнымъ, средняго роста блондиномъ, дѣйствительно съ такими усами, которые расходились въ разныя стороны, въ видѣ ятага́новъ. Но лицо полное, румяныя щеки, ласковые, игривые глаза.

Онъ смотрѣлъ военнымъ, и по усамъ, и по формѣ, съ погонами и значкомъ, но никакъ не выраженіемъ лица и манерами.

Въ общемъ — что-то мягкое и бодрящее.

— Вотъ, Валерій Петровичъ, товарищъ мой, Желтухинъ.

Рукопожатіе доктора было такое же мягкое — чувствовалась кожа и гибкость суставовъ гинекòлога.

— Душевно радъ! Присядьте!

Онъ усадилъ Желтухина противъ себя, у письменнаго стола. Ясоновъ присѣлъ на уголъ кушетки, которая — какъ онъ сообразилъ — служила и паціенткамъ Перцова.

Онъ долженъ былъ подавить въ себѣ нѣкоторое брезгливое чувство.

Все тутъ говорило о женщинѣ, какъ матери, о ея чисто женскихъ недугахъ и „физіологическихъ" болѣзняхъ. И все это выставлялось, какъ рѣзкій контрастъ съ видомъ майора, съ его погонами, пуговицами, знакомъ и янычарскими усами.

Перцовъ уже зналъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же вызвался уладить все: пріѣхать завтра осмотрѣть дѣвочку, которая была бы напугана всей обстановкой его кабинета, пригласить спеціалиста по нервнымъ болѣзнямъ, если онъ найдетъ, что нужна еще до-

полнительная консультація, а потомъ разсудить—въ какой лечебницѣ оставить ее здѣсь и на какой срокъ.

И все это было сказано кругло, опредѣленно, голосомъ пріятнаго тэмбра, и почти все время Перцовъ держалъ его за руку и слегка нажималъ—привычка акушера-хирурга.

Желтухинъ, тронутый всѣмъ этимъ, вдругъ расплакался—сначала беззвучно, а потомъ громко, почти какъ женщина.

Докторъ быстро всталъ и похлопалъ его по плечу.

— Полноте, голубчикъ! Вонъ у васъ какъ надерганы нервы! Все приведемъ въ порядокъ. Завтра же вы будете вполнѣ фиксированы.

— Спасибо! спасибо!—еле выговорилъ Желтухинъ и порывисто обнялъ Перцова.

— Подвинтите себя... Это необходимо вамъ, какъ чадолюбивому отцу. А то вы и на вашу дѣвочку будете дѣйствовать совсѣмъ не въ желательномъ направленіи. Такъ ли?

— Такъ, такъ!—растерянно выговорилъ Желтухинъ, отирая щеки, влажныя отъ слезъ.

За позднимъ обѣдомъ—Лена не ожидала его раньше половины седьмого—Ясоновъ разсказывалъ женѣ сцену въ кабинетѣ Перцова.

— Бѣдный! Но какъ же такъ волноваться?—сказала она, немного выпятивъ нижнюю губу своего пышнаго и маленькаго рта.

— Ты видишь... до чего доводитъ чадолюбіе.

— Есть на все мѣра. Право, нынѣшніе отцы во сто разъ хуже матерей!

— Валерій Петровичъ пристыдилъ его немножко.

Помолчавъ, Владиміръ Сергѣевичъ что-то вспомнилъ.

— Перцовъ спрашивалъ о тебѣ, Лена. Хотѣлъ къ тебѣ завернуть.

— Лично ко мнѣ? У него есть какое-нибудь дѣло? По пріюту? Или что-нибудь другое?

— Нѣтъ. Говоритъ: давно не производилъ нѣкоторой „анкэты“.

— Это зачѣмъ? — Лена даже наморщила лобъ. — Мнѣ не нужно его совѣтовъ.

Она до сихъ поръ—большая неохотница до медицинскихъ консультацій. Здоровьемъ своимъ она постоянно довольна. Лечиться—терпѣть не можетъ, и въ прошломъ году—только по настоянію мужа—послала за докторомъ, когда ея инфлюэнца

осложнилась воспаленіемъ уха, и нужно было сдѣлать тотчасъ же проколъ.

За ней водилось даже своего рода кокетство: никогда ни на что не жаловаться—до крайняго предѣла, чѣмъ и доказывать, что женщина гораздо выносливѣе мужчины.

— Развѣ женщина можетъ быть когда-либо увѣрена, что она безусловно здорова? —съ усмѣшкой въ глазахъ спросилъ Ясоновъ.

— Полно, Лодя! Съ какой стати ты это говоришь? Тебѣ бы надо радоваться, что твоя жена презираетъ всякую ипохондрію.

— Кто же виноватъ въ томъ, что у васъ такая сложная физіологія?

— Ну, по части нервности, неизвѣстно—кто кого переще-голяетъ!.. Помилуй, твой Желтухинъ—солидный мужчина, pater familias... И вдругъ разрыдался! Дѣвочку полечатъ. Ничего у нея не окажется опаснаго. И знаешь, Лодя,—оживленно продолжала Лена, — это поучительный примѣръ... твой товарищъ! Если онъ пойдетъ по этому пути, то сведетъ себя совсѣмъ на нѣтъ. Это хуже аскетизма, хуже всякой захватывающей страсти.

— Пожалуй!

И оба они, взглянувъ другъ на друга, почувствовали въ эту минуту особое довольство.

Они оба—за тысячу верстъ отъ всякаго такого фатальнаго чадолюбія. Если сегодня—дорогой—ему представился ехидный вопросъ: застрахованъ ли онъ самъ отъ того, что теперь гнететъ его товарища Желтухина, то въ настоящую минуту имъ владѣла полнѣйшая увѣренность въ томъ, что ничего подобнаго ни съ нимъ, ни съ его Леной не будетъ.

Въ ней должно быть то же чувство, быть можетъ—еще въ усиленной степени.

И онъ не ошибался. Лена жалѣла Желтухина, но къ этой жалости примѣшивался и внутренній протестъ.

Такая слабость и въ женщинѣ недопустима, даже если она и молодая мать! А главное — „чаша сія“ отъ нея отошла, и Боже избави мечтать о ней, особенно въ ближайшемъ будущемъ!

VI.

Въ спальнѣ ранній утренній свѣтъ пробивается сквозь опущенныя сторы.

Владиміръ Сергѣевичъ крѣпко спитъ. Его ровное дыханіе чуть слышится, съ ритмическими поднятіями и опущеніями.

Но Елена Дмитріевна давно проснулась, часами двумя раньше своего привычнаго вставанія.

Еще вчера, съ вечера—мужъ былъ на какомъ-то засѣданіи и вернулся поздно—она почувствовала себя нехорошо.

Какая-то небывалая тяжесть въ головѣ и во всемъ тѣлѣ заставила ее лечь раньше обыкновеннаго.

Когда мужъ вошелъ вчера въ спальню, она не спала, но ничего ему не сказала про то, какъ себя чувствуетъ.

— Ты спишь, Лена?—окликнулъ онъ ее.

— Засыпаю, —отвѣтила она.

Но заснула она далеко не сразу.

И сны были тревожные, съ очень тяжкими ощущеніями. Сначала ее какъ будто все подвѣшивали и растягивали ей тѣло снизу, за ноги. А потомъ она видѣла золото... много червонцевъ.

Ей вспомнилось, когда она проснулась, что няня ей говаривала:

„Золото видѣть—къ слезамъ“.

О чемъ же ей плакать? Не о себѣ же?

Но она тотчасъ же пристыдила себя.

Въ первыя секунды она не распознавала хорошенько—какъ себя чувствуетъ.

Но какъ только подняла она голову—тотчасъ же ощутила родъ дурноты.

Это ее удивило, но не испугало. Пугаться „за себя“ она считала слишкомъ малодушнымъ.

Она оставляла это другимъ: „представительницамъ прекраснаго пола“.

Но съ какой же стати такое катаральное состояніе головы?

Она не ѣла ничего на ночь. Обѣдъ былъ самый скромный. Желудокъ у нея образцовый, лучше, чѣмъ у мужа. Никакихъ „болѣстей“ въ такомъ вкусѣ за ней не водится.

Простуда?

Она вспомнила, что въ ночномъ столикѣ долженъ оказаться термометръ, еще съ того времени, когда она болѣла инфлюэнцой. Тогда температура поднималась до сорока градусовъ.

Тихонько, чтобы не разбудить мужа, она выдвинула ящикъ столика—онъ стоялъ между кроватями—и нащупала термометръ.

Трудно будетъ разглядѣть градусъ; но она все-таки попробуетъ.

Такъ же беззвучно отвинтила она металлическую трубочку, вынула градусникъ, два-три раза сильно встряхнула его и поставила себѣ.

Недомоганіе не проходило. Она начала бояться—какъ бы оно не усилилось.

„Вотъ удовольствіе!“—мысленно выговорила она, возмущаясь такой глупой неожиданностью.

Какъ разъ сегодня ей надо быть все время въ разъѣздахъ, а дома, съ утра, приготовить цѣлый отчетъ, который она не смогла кончить вчера вечеромъ—такъ ей было не по себѣ.

Не дѣлая ни малѣйшаго движенія, пролежала она навзничь добрую четверть часа—сколько полагается для опредѣленія температуры.

Свѣту немного прибавилось. Она могла бы и поднять сторы на обоихъ окнахъ; но это разбудитъ мужа.

Зрѣніе у нея хорошее, какъ и всѣ остальные органы чувствъ. Она чуточку близорука; зато—на маленькомъ разстояніи—можетъ найти бисеринку на темномъ коврѣ и читать „нонпарейль“—все равно, что крупный „цицеро“.

Поставила она градусникъ на тридцать—не больше. Безъ особеннаго усилія разглядитъ она—сколько теперь градусовъ.

Тридцать-пять съ десятыми—ниже красной черты: значитъ—меньше нормы, для многихъ. Ей помнится, что у нея обычная температура—около тридцати-шести.

Стало... отъ желудочнаго разстройства?

Ни о чемъ другомъ она не подумала.

„Пустякъ! — радостно выговорила она про себя. — Приму соды... или магнезіи—и все наладится“!..

Но самочувствіе не дѣлалось лучше.

Вотъ-вотъ, надо будетъ поднимать тревогу.

Еще съ полчаса она перемогалась; но выдержитъ ли до той минуты, когда проснется мужъ?

Владиміръ Сергѣевичъ повернулся на другую сторону и раскрылъ глаза.

— Лена!—окликнулъ онъ.—Ты не спишь?

Обыкновенно онъ раньше вставалъ на цѣлый часъ.

— Нѣтъ, милый.

Голосъ у нея былъ слабый.

— Что съ тобой?

— Ничего!

Но она тотчасъ же откинула одѣяло и спустила ноги.

Ей сдѣлалось совсѣмъ плохо.

Опять сумерки, и уже вечерніе.

Лена, въ пеньюарѣ, ходитъ по комнатамъ, одна, въ небываломъ томительномъ настроеніи.

То, что случилось утромъ, само по себѣ — вздоръ.

Ну, просто, разстройство отъ какой-нибудь неосторожности въ ѣдѣ или легкой простуды ногъ.

Но мужъ ужасно переполошился — мужчины вѣдь гораздо больше трусы! — сталъ ее опять укладывать въ постель и настаивалъ на приглашеніи доктора. Но она не согласилась; въ угоду ему полежала еще съ часъ, потомъ рѣшительно объявила, что встанетъ. Ничего нѣтъ: головѣ полегчало, головокруженія и ничего остального не является.

Настояла и на томъ, чтобы онъ отправился читать лекцію.

Мужъ не сразу согласился и, уходя, взялъ съ нея слово, что она посидитъ дома. Она имѣла слабость обѣщать, и вотъ теперь мается дома.

Принималась она работать; но какъ только присядетъ къ столу и начнетъ — сейчасъ же голова глупая и снова тѣ же утреннія противныя ощущенія.

Хотѣла телефонировать Любѣ — раздумала: все равно, той нѣтъ дома, съ утра; а заставлять ее заѣзжать попозднѣе — совѣстно: конецъ большой. Лучше подождать обѣденнаго часа, и тогда поговорить съ ней, по телефону, насчетъ всѣхъ текущихъ дѣлъ и попросить съѣздить, на другой день, въ ихъ пріютъ.

Какое-то неиспытанное чувство не хочетъ отстать отъ нея: неопредѣленная тревога, ожиданіе чего-то, а нѣтъ никакихъ признаковъ лихорадочнаго состоянія.

Еслибъ она не дала слово мужу посидѣть дома — она непремѣнно бы поѣхала въ пріютъ. У той дѣвочки, у которой захватило горло, правда, не оказалось дифтерита; но все-таки она еще лежитъ. Кто знаетъ, — можетъ, ей хуже? Ее ждали туда, какъ всегда, послѣ двухъ. Они — такіе бѣдненькіе, что не могли еще завести телефона.

Все это начало ее мозжить гораздо сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Она не любитъ нервно волноваться; а теперь она поддается своей тревогѣ. Недовольство и тоска оттого, что не можетъ заниматься, все ростутъ.

Тутъ что-то подозрительное и за себя обидное.

Пробовала она присаживаться къ піанино, сыграть что-нибудь наизусть. Но, съ первыхъ звуковъ, ей стало прѣсно, почти несносно. Ноты звенятъ въ ушахъ, поднимаютъ внутри жуткое чувство.

Она захлопнула крышку и стала ходить по всѣмъ тремъ комнатамъ въ надвигающихся сумеркахъ.

Звонокъ!

Лена сильно обрадовалась, сама выбѣжала въ переднюю, раньше горничной, и сама отомкнула задвижку входной двери.

— Лодя!—окликнула она, растворяя дверь на площадку; швейцаръ еще не освѣщалъ лѣстницы.

— Нѣтъ, не Лодя, а Ва̀ля!—отвѣтилъ ей гость пріятнымъ баритономъ.

— Валерій Петровичъ!

— Собственной особой.

И съ этими словами докторъ Перцовъ вошелъ въ прихожую.

— Васъ послалъ Лодя?

— Не скрою!

— Зачѣмъ это? Изъ-за такихъ пустяковъ!

— А вы зачѣмъ изволите сами выходить въ переднюю?

Докторъ взялъ ее за руку и подвинулъ назадъ изъ прихожей.

— Какой этотъ Лодя трусъ! Ничего у меня нѣтъ.

— Позвольте... дайте снять пальто.

Съ нею Перцовъ держался всегда шутливаго тона. Она къ этому привыкла; но ей иногда казалось, что онъ „не беретъ ее въ серьёзъ“, и на ея важнѣйшіе интересы смотритъ по пословицѣ: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось“.

— Ручки что-то холодны. Пожалуйте-ка, пожалуйте сюда!

Перцовъ прошелъ впередъ, въ спальню.

— Да право же, Валерій Петровичъ, у меня ничего нѣтъ!..

Ей сдѣлалось вдругъ чрезвычайно непріятно. Зачѣмъ онъ такъ безцеремонно идетъ прямо въ спальню? Съ какой стати будетъ она слушаться его, если вдругъ онъ скажетъ:

„Милая моя барынька, извольте лечь. Я долженъ васъ осмотрѣть“.

А онъ, кажется, собирается давать ей консультацію.

Перцовъ подвелъ ее къ креслу, сѣлъ напротивъ, на пуфикѣ, взялъ за обѣ руки и такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми, сказалъ:

— Вы, голубчикъ, не извольте брыкаться. То, что̀ мнѣ передалъ Владиміръ Сергѣевичъ, нуждается... въ нѣкоторомъ обслѣдованіи.

И онъ не выпускалъ ея рукъ изъ своихъ. Въ спальнѣ уже свѣтило электричество. Кто его пустилъ—Лена не знала. Должно быть, горничная.

Глаза доктора—правда, добрые—пристально смотрѣли на нее, и ей дѣлалось жутко отъ такого взгляда, точно онъ хотѣлъ проникнуть ей внутрь.

— Право же, это вздоръ! — повторяла она, чувствуя, что сильно конфузится.

Въ голосѣ ея задрожали слезы.

— Насильно я васъ не стану обслѣдовать, милая барынька; но вѣдь вы — Елена Дмитріевна Ясонова, то-есть особа безъ дамскихъ „цѝрлихъ-манѝрлихъ“.

Никогда еще тонъ Перцова не казался ей такимъ неподходящимъ.

Еслибъ она себя не сдерживала, она бы способна была крикнуть ему:

„Оставьте всю эту ненужную болтовню“!

Мягкія его руки держали ее. И, какъ всегда, онъ слегка нажималъ ими.

И это раздражало ее.

Она чуть-было не расплакалась.

Докторъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ, поднялъ ее съ кресла и самъ всталъ.

— Я пойду въ кабинетъ покурить. Позовите меня... когда приготовитесь.

Это было выговорено такимъ же мягкимъ тономъ, но не допускавшимъ возраженій.

Слезы навернулись на ея глазахъ.

Она стояла по срединѣ комнаты, съ опущенной головой, не зная, что̀ ей дѣлать: „приготовиться“ къ консультаціи доктора или выбѣжать къ нему, въ кабинетъ, и объявить, что она ничего такого не желаетъ, что она здорова, что все это—вздоръ!

Но на это у нея не достало духу. Какое-то непонятное безволіе проникало въ нее.

Докторъ уѣхалъ. Прошло больше четверти часа; а она—уже одѣтая—сидѣла, забившись въ уголъ дивана, въ той же комнатѣ, въ полутемнотѣ, точно пригвожденная къ одному мѣсту.

Неужели *это*—фактъ?

Перцовъ объявилъ ей, что она—„въ такомъ положеніи“. И даже сталъ ей выговаривать—почему она такъ долго это скрывала, а потомъ подшучивать надъ ея наивностью, приличной какой-нибудь „Backfisch“—подростку, а не женщинѣ на третьемъ году супружества.

— Этого быть не можетъ!—крикнула она, вскочивъ.

Онъ расхохотался.

— Чудесъ не бываетъ, Елена Дмитріевна. А не вѣрите мнѣ —обратитесь къ кому угодно!

Обидчиваго оттѣнка въ этомъ возгласѣ не было; онъ держался все такого же тона—точно съ маленькой дѣвочкой.

— Это ужасно! — почти простонала она и тихо заплакала.

Перцовъ подошелъ къ изголовью, взялъ ее за руку и, наклонивъ надъ ней свое круглое лицо, съ торчащими усами, сказалъ еще болѣе дурачливымъ тономъ:

— *Шэменъ-зи зіхъ!*

Онъ любилъ такія нѣмецкія словечки, которыя произносилъ нарочно съ усиленнымъ русскимъ выговоромъ.

Ей неудержимо захотѣлось крикнуть ему:

„Ступайте вонъ! Я не могу васъ видѣть“!

А онъ все придерживалъ ея руку и тихо говорилъ, глядя на нее своими веселыми, круглыми глазами:

— Вы храбры. Чего же трусить? Отдайтесь тому, что̀ мать-природа устроила, въ своей великой мудрости. Все равно, она заставитъ радоваться... хотя бы и круто пришлось. Но вы у насъ образцовый экземпляръ женской организаціи, въ сокращенныхъ размѣрахъ...

Что-то еще онъ говорилъ въ томъ же родѣ; но она не слыхала.

Слезы больше не текли. Внутри точно все сжалось въ комокъ. Еслибъ ей не было стыдно, она бы стала бить кулаками или бросила бы чѣмъ попало, попадись ей въ руки какая-нибудь вещь.

Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ дѣтскихъ лѣтъ —ее не схватывало такое ѣдкое чувство возмущенія и гнѣва съ сознаніемъ безсилія передъ чѣмъ-то роковымъ и безпощаднымъ.

А теперь, въ своемъ углу, какъ дѣвчонка, оставленная безъ обѣда, въ темной комнатѣ, она, вся сжавшись въ комокъ,— точно парализованная въ движеніяхъ,—сидитъ и „пережевываетъ“ ударъ судьбы.

Чувство презрительной жалости къ самой себѣ примѣшивается ко всему этому.

Она—какъ тысячи и милліоны другихъ „бабенокъ“—обречена все на ту же долю. И она также...

Рѣзкое слово чуть не слетѣло съ ея губъ—то самое, какимъ она такъ любитъ клеймить женщинъ, которыя только и дѣлаютъ, что производятъ на свѣтъ, кормятъ, пеленаютъ и моютъ своихъ ребятъ.

И она—такая же!

Новый припадокъ душевной боли сталъ душить ее.

— Лена! Гдѣ ты? Что съ тобой?

Отъ голоса мужа она вздрогнула, вскочила, подбѣжала къ нему. Руки ея судорожно схватили его за плечи.

— Что такое? Валерій Петровичъ былъ? Что онъ сказалъ?

— Что сказалъ? — повторяла она сдавленнымъ голосомъ.— Что сказалъ? Объявилъ, что я...

Она не могла докончить, и тутъ только разрыдалась.

Владиміръ Сергѣевичъ посадилъ ее на диванъ и обнялъ.

Онъ сталъ тихо цѣловать Лену въ голову. Свои собственныя душевныя перипетіи онъ перенесъ на бѣдное существо, которое должно будетъ подчиниться своей участи.

Дай онъ ходъ тому, что его пугало,—онъ долженъ былъ бы разрыдаться вмѣстѣ съ Леной...

VII.

Туманъ застилаетъ все. Мокрый снѣгъ слѣпитъ глаза, врываясь подъ верхъ тряской и звенящей пролетки.

Извозчикъ попался Ясонову плохой, дрожки вонючія, съ мокрымъ сидѣньемъ, безъ шинъ. Онъ взялъ его на набережной, не желая дожидаться прохода конки.

Ѣдетъ онъ домой обѣдать — какъ всегда, въ тѣ дни, когда у него лекціи.

Но онъ—точно другой совсѣмъ человѣкъ...

Ѣдетъ домой съ такимъ настроеніемъ—какъ будто тамъ ждетъ его неминучая бѣда.

Гдѣ то время, когда онъ возвращался къ себѣ всегда пріятно возбужденный, съ чувствомъ легкой усталости послѣ хорошо прочитанной лекціи?

И какъ онъ сталъ читать?

Изъ рукъ вонъ плохо! Онъ это самъ сознаётъ. Пропали его мягкая, отчетливая дикція, способность къ импровизаціи, цѣпкая память, позволявшая ему проговорить лекцію съ небольшимъ конспектомъ.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ не чувствуетъ себя на каѳедрѣ тѣмъ же человѣкомъ, какъ въ началѣ зимы.

И съ каждымъ разомъ все хуже. Пришлось приносить съ собою тетрадь и безпрестанно заглядывать въ нее.

А чуть онъ начнетъ говорить „отъ себя“—чувствуетъ без-

престанно какія-то внутреннія задержки, ищетъ словъ. Или теряетъ нить изложенія, перескакиваетъ черезъ цѣлые параграфы. Еслибъ онъ училъ наизусть то, что̀ прибавить къ лекціи—навѣрное, это было бы еще хуже. Онъ способенъ былъ бы останавливаться, забывать отдѣльныя слова или начала періодовъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ряды слушателей рѣдѣютъ.

Сегодня это особенно было замѣтно.

Лена начинаетъ сильно маяться. Перцовъ что-то отъ него скрываетъ; но сквозь его шутливо-бодрящій тонъ пробивается что-то недоброе—и въ ближайшемъ будущемъ.

Никогда онъ не имѣлъ привычки считать дни и мѣсяцы. Это было бы прилично институткѣ, которая отрываетъ числа на календарѣ и записываетъ, сколько еще остается дней до выхода.

И онъ это теперь дѣлаетъ! Каждый день, утромъ, подходя къ письменному столу, онъ срываетъ листокъ съ жирной черной или красной цифрой и мысленно считаетъ—сколько, приблизительно, осталось до... до „событія“.

Событіе это надвигается.

Утромъ онъ, срывая листокъ, увидалъ, что сегодня—первое апрѣля. Вотъ уже около шести мѣсяцевъ, какъ *оно* началось... и остается еще сто дней съ чѣмъ-то.

„Сто дней!“—повторилъ онъ роковую цифру, получившую всемірную извѣстность. Роковые сто дней—отъ высадки на южный берегъ Франціи до отреченія въ Фонтэнбло.

Сталъ онъ ловить себя и на такомъ малодушіи. Сорветъ листокъ календаря, стоящаго на письменномъ столѣ, противъ портрета Лены, прочтетъ, на оборотѣ, пословицу или изреченіе и какъ бы ищетъ въ нихъ хорошей или дурной примѣты.

Развѣ онъ когда-либо считалъ себя способнымъ на такой атавизмъ суевѣрія?

Но жизнь всему научитъ и все передѣлаетъ по своему.

Вотъ онъ, черезъ четверть часа, будетъ дома. Квартира та же, та же мебель, та же прислуга; но прежняя жизнь—отлетѣла. Въ нее клиномъ вбивается *нѣчто,* и это *нѣчто* будетъ, съ каждымъ днемъ, все грознѣе и безпощаднѣе выступать передъ ними обоими, рости и рости. Прежде было чуть замѣтнымъ пятномъ, а теперь уже съ большое грозовое облако.

И весь порядокъ жизни—не тотъ. Лена долго крѣпилась, выѣзжала, носила корсетъ, скрывала отъ всѣхъ свое состояніе; но вдругъ слегла, и еслибъ не энергическая помощь Перцова—вышло бы что-нибудь неладное.

Было ли это хоть немного *умышленно*—онъ боялся до-

пытываться. Но послѣ того она какъ-то сразу ослабла, она—такая крѣпкая и выносливая — сдѣлалась до-нельзя впечатлительной, потеряла аппетитъ, не можетъ ничѣмъ вплотную заняться.

Ихъ обѣды—почти-что въ тягость для нихъ обоихъ. Ей надо много лежать. Этого требуетъ докторъ и грозитъ рецидивомъ. Онъ и безъ того началъ съ нѣкоторыхъ поръ говорить какими-то экивоками.

Обѣдать одному, хоть и въ той же уютной и хорошо обставленной столовой—сиротливо. Чувствуешь себя скучающимъ холостякомъ, точно нанимаешь комнату „отъ жильцовъ", съ правомъ обѣдать одному въ хозяйской столовой.

Его кабинетъ теперь—и спальня. Спитъ онъ на турецкомъ диванѣ. Проснувшись рано, боится произвести малѣйшій шумъ. Лена засыпаетъ поздно, потому что цѣлыми днями лежитъ и встаетъ также поздно; и сонъ у нея сталъ болѣзненно чуткій.

Піанино давно замолкло. Нѣтъ и помину о тѣхъ милыхъ, творческихъ минутахъ, когда онъ ходилъ въ гостиной или у себя въ кабинетѣ, слушая ея игру, и обдумывалъ свои лекціи и главы диссертаціи.

Диссертація идетъ черепашьимъ ходомъ. Нѣтъ никакого подъема. Можно бы, по вечерамъ, работать въ библіотекахъ, гдѣ ничто не потревожитъ: но ему „неловко" — оставаться подолгу внѣ дома.

Вотъ это чувство *неловкости*, котораго онъ не зналъ въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ супружества, подкралось и подавляетъ, поддерживаетъ какое-то кисло-угнетенное душевное состояніе. Мозгъ дѣйствуетъ туго. Охота къ перу, къ стройному и колоритному изложенію—совсѣмъ почти пропала.

И это еще— *продрдмы*... А что предстоитъ дальше?

Такія вотъ мысли овладѣваютъ имъ, буквально, каждый разъ, когда онъ возвращается домой—все равно, передъ обѣдомъ или вечеромъ, изъ какого-нибудь засѣданія, на которомъ онъ обязанъ быть.

Ему дѣлается почти стыдно, когда онъ попадетъ на зарубку „событія". Если вести себя вполнѣ честно и послѣдовательно, то ему слѣдовало всѣмъ и каждому жаловаться на то *нѣчто*, которое, вопреки желанію его и жены, уже стало фактомъ и идетъ своимъ законнымъ и неотвратимымъ путемъ,—неотвратимымъ...

Но онъ ничего никому не говоритъ. Даже съ Леной у нихъ уже нѣтъ дуэтовъ съ жалобами и протестующими возгласами.

Имъ обоимъ дѣлается неловко, прямо совѣстно; но онъ знаетъ —знаетъ навѣрное, что она не смирилась, что въ ней нѣтъ никакого радостнаго предвкусія.

Стало быть, они скрываютъ, хитрятъ другъ съ другомъ, боятся своихъ изліяній.

Да и какъ же иначе?! Вѣдь тотъ „родовой бытъ", которымъ онъ когда-то поддразнивалъ ее—насчетъ родственниковъ и родственницъ—въ чемъ же онъ торжествуетъ, какъ не въ *этомъ?* Вѣдь *это*—начало всякаго рода.

А принято радоваться, когда это случится. Избѣгаютъ говорить объ этомъ, потому что такъ „принято"; но предполагается, что сами родители—въ особенности будущая мать—въ восторгѣ и давно уже поглощены заботами о томъ существѣ, которое должно явиться черезъ столько-то мѣсяцевъ.

У нихъ еще нѣтъ никакихъ приготовленій. Будуаръ Лены превратится въ ея спальню; а спальня будетъ дѣтской. Нанимать другую квартиру—въ концѣ сезона—немыслимо. Надо ее искать лѣтомъ, которое они, во всякомъ случаѣ, проведутъ на дачѣ или въ деревенской усадьбѣ.

Никакихъ нѣтъ еще заказовъ и покупокъ—кроватки, бѣлья; не заходитъ и разговора о томъ, кто будетъ кормить... мать или мамка.

Угнетающія мысли смѣняются въ немъ полосами апатіи. Онъ стыдитъ себя тогда за малодушіе, начинаетъ усиленно работать. Мужчина, съ своимъ особеннымъ складомъ души, съ сознаніемъ своего мужского „я"—просыпается въ немъ.

Что-то въ родѣ не радости—нѣтъ!—но самодовольства ощущаетъ онъ иногда при мысли, что будетъ отцомъ.

„Я—отецъ! Я даю жизнь новому существу—развѣ это пустякъ"?

И въ такія минуты ему дѣлается смѣшна его подавленность. Чего же тутъ хандрить? Все это такъ просто и обыденно!

Бояться за Лену—тоже преждевременно. Если будетъ слушать доктора, то все обойдется прекрасно.

Мужчина вступаетъ въ свои права—въ такія минуты бо́льшаго самообладанія. Нельзя же мужу отождествлять себя съ матерью и, по меньшей мѣрѣ, духовно проходить черезъ всѣ страхи, недуги и ужасы ея положенія? Или продѣлывать то, что у первобытныхъ народовъ было о́бязательнымъ: символически представлять собою женщину въ теченіе цѣлыхъ недѣль, установленныхъ обычаемъ?

Этотъ вопросъ не такъ давно пришелъ ему, разсмѣшилъ его, и ему стало гораздо легче.

А вѣдь опять-таки, если быть послѣдовательнымъ, то надо вернуться къ эпохѣ „матріархата“.

Сегодня ему не пришло ни одной такой веселящей мысли, и онъ возвращался послѣ лекціи, которую самъ нашелъ неудачной, въ особенно хандрящемъ и тревожномъ настроеніи.

Какъ всегда, первый его вопросъ горничной:

— Какъ барыня? Отдыхаетъ?

И сегодня горничная отвѣтила ему:

— Изволятъ лежать.

Она и кухарка врядъ ли особенно радуются приближенію „событія“.

Пообѣдалъ Владиміръ Сергѣевичъ спѣшно и очень неаппетитно.

Съ тѣхъ поръ какъ барыня ослабла, столомъ никто не занимается. Кухарка должна готовить Ленѣ особо. И горничную она часто требуетъ; поэтому и служба гораздо небрежнѣе во всемъ.

Но онъ молчитъ. И сегодня ничего не сказалъ; а супъ пахнулъ дымомъ и рябчикъ совсѣмъ сухой, да и не очень свѣжій.

Изъ кабинета, куда онъ зашелъ, чтобы взять книжку журнала — предложить ее Ленѣ, — онъ приблизился къ дверямъ спальни, на цыпочкахъ.

Лена задремала, когда онъ пришелъ, и звонокъ, къ счастью, не разбудилъ ее.

— Это ты?—окликнула она изъ-за двери.

Она лежала не на постели, а на кушеткѣ, въ полусидячей позѣ.

Дня настолько прибавилось, что пускать свѣта не надо. Когда онъ вошелъ, Лена нервнымъ движеніемъ отбросила какую-то брошюрку на низенькій столъ.

И онъ тотчасъ же узналъ, какая это брошюрка — по розовой обложкѣ.

Онъ ее купилъ, на дняхъ, на Невскомъ, принесъ, прочелъ и оставилъ у себя, не желая ее давать женѣ; а она, бродя по комнатамъ, увидала ее на его письменномъ столѣ.

— Какъ ты?—спросилъ онъ теперешнимъ тускловатымъ тономъ, цѣлуя ее въ лобъ.

Лена—въ пеньюарѣ изъ синяго фуляра съ бѣлымъ кружевнымъ воротникомъ. Лицомъ она скорѣе похорошѣла; но блѣдна,

съ унылыми глазами. Фигура ея обезображена раньше, чѣмъ бы можно было ожидать; но это—удѣлъ слишкомъ мелкихъ женщинъ. Даже и полулежачая поза не помогаетъ ей.

Она взяла розовую брошюру со стола и, не отвѣчая на его вопросъ, возбужденно воскликнула:

— Вотъ они, мужчины! Мудрецы! Геніальные проповѣдники!..

— Что такое?

Но онъ тотчасъ же понялъ въ чемъ дѣло. И зачѣмъ только онъ покупалъ эту книжку? Носящій, на углу Невскаго и Владимірской, сталъ усиленно приставать къ нему, и онъ далъ ему цѣлый гривенникъ вмѣсто пятачка.

— Ты прочелъ?—спросила Лена еще нервнѣе.

— Прочелъ.

— Какъ же это... послѣ разноса самой идеи брака... и вдругъ женщина оказывается рабой, обреченной на рожденіе дѣтей... безпрерывное, фатальное?

Она бросила брошюру на столъ.

Ясоновъ присѣлъ на край кушетки.

— Зачѣмъ ты только портишь глаза? Здѣсь темно.

— Нѣтъ! Скажите пожалуйста!—продолжала она, волнуясь. —Развѣ въ этомъ не сказывается жестокій эгоизмъ мужчины?

— Въ чемъ же?—тихо обронилъ Ясоновъ.

— Мудрятъ! Сегодня такъ, завтра иначе! Сегодня я проповѣдую противъ всякаго общенія мужа съ женой. А прошло нѣсколько лѣтъ... полная перемѣна: по книгѣ Бытія—производи на свѣтъ въ страданіяхъ и будь счастлива, исполняя велѣніе свыше... Ха, ха!

Никогда еще не слыхалъ онъ такихъ звуковъ въ голосѣ Лены. И глаза ея блеснули недобрымъ блескомъ.

Ему захотѣлось что-то возразить; но онъ побоялся раздражать ее.

— Какъ ты кушала?

— Кушала я,—съ ироніей повторила Лена,—очень неважно. Аппетитъ былъ... Кажется, онъ будетъ все усиливаться, — продолжала она съ той же интонаціей,—но наша кухарка неузнаваема! Все у нея—или сырое, или сгорѣло. И безъ соли! Хоть бы она влюбилась!

Раздался звонокъ.

— Кто бы это?—спросилъ Ясоновъ, поднимаясь.—Въ этотъ часъ!

— Иди! Прими! Тебѣ будетъ менѣе тоскливо.

И это было сказано не просто.

Въ столовой онъ столкнулся съ Любой Петрининой.

Она двигалась — плечистая, виднаго роста, громко дыша отъ подъема по лѣстницѣ, пышащая здоровьемъ.

„Эта могла бы произвести на свѣтъ еще дюжину!“—вскричалъ онъ про себя.

Но его недобрый всзглясъ смѣнился другимъ чувствомъ—почти благодарности за этотъ визитъ: Ленѣ Петринина принесетъ съ собою другое настроеніе.

— Ну, какъ Лена?

— Ничего... Хандритъ.

— Трусить еще рано!—замѣтила Петринина своимъ зычнымъ голосомъ, проникая въ спальню.

Онъ не пошелъ за нею.

Петринина посидѣла не больше получаса. По уходѣ ея, Лена опять забилась въ уголъ, вся сжавшись въ комокъ.

Разговоръ съ Любой разстроилъ ее; нервы натянулись какъ струны; она не заплакала, но ея кулачки сжимались, и она судорожно вздыхала.

Сильнѣйшія неудачи по пріюту и по другому обществу!

Ни вечеръ, ни чтеніе не состоятся. Для вечера нѣтъ никакого „гвоздя“, и зала несвободна до Святой; чтеніе не разрѣшили по простой программѣ, а требуютъ текста. Авторъ упрямится.

Пріюту грозитъ... прямо банкротство.

„И пускай! И пускай!“—беззвучно повторяла она.

Теперь-то и надо было бы усиленно дѣйствовать; а она—какъ какой-то мѣшокъ—должна валяться, предаваться уходу за своей особой, не существовать, какъ самостоятельное существо, уничтожаться передъ тѣмъ, что будетъ!..

Такъ просидѣла она еще съ четверть часа. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло.

— Елена Дмитріевна! Голубчикъ! Гдѣ вы?

Жирный голосъ такъ и пролился по комнатѣ.

— А! Это вы, Вѣра Ивановна!

Какъ ей была невыносима эта пособница и блюстительница, которая всю свою жизнь будетъ практиковать все по той же спеціальности.

Ее прислалъ Перцовъ. Она—ученая... совсѣмъ круглая, какъ шаръ, съ такими же румяными щеками, какъ и у доктора.

— Голубчикъ... Что же это вы забились?.. И какъ неудобно сидите! Ай-ай! Извольте-ка прилечь, какъ слѣдуетъ. А лучше бы на постельку.

И ея пухлыя руки берутъ ее за плечи. Отъ нея пахнетъ противными духами, гдѣ есть мускусъ. А отъ волосъ—такихъ же жирныхъ, какъ и она вся, и ея голосъ, и блескъ ея огромныхъ на выкатѣ глазъ—отдаетъ слащавой помадой.

Ей нестерпимо захотѣлось крикнуть ей:

„И вы не могли догадаться, что я не хочу *этого*, не хочу?! И вотъ до чего довели меня"!

А пухлыя губы Вѣры Ивановны приговаривали, точно она малолѣтняя:

— Недолго подождать... Ягоды поспѣютъ. И мы поспѣемъ!

VIII.

Въ квартирѣ стоитъ особеннаго рода тишина.

Ни одного возгласа, ни малѣйшаго шума ни въ господскихъ комнатахъ, ни у прислуги; но постоянное движеніе изъ кухни въ спальню. Промелькнетъ бѣлый платокъ „сестры". Покачиваясь на коротких ногахъ, проплыветъ Вѣра Ивановна.

Она сегодня — главная распорядительница. Докторъ былъ вчера, а сегодня, къ разсвѣту—Вѣра Ивановна ночевала здѣсь—началось...

Безъ хирургической помощи дѣло не обойдется. Вѣра Ивановна это знаетъ не со вчерашняго дня. Знаетъ—еще лучше ея—и Валерій Петровичъ. Но онъ не хочетъ пугать.

Вѣру Ивановну смущаетъ вопросъ: говорить ли Владиміру Сергѣевичу, что *все* не можетъ обойтись безъ механической помощи?

Изъ ея практики она давно вывела то заключеніе, что мужья въ *этотъ* день—совершенно ненужная подробность. Только наводятъ уныніе, малодушничаютъ, болтаются зря, а въ самую рѣшительную минуту отъ нихъ меньше пользы, чѣмъ отъ какой-нибудь кухонной судомойки. Даже послать за чѣмъ нибудь—и то напутаютъ.

Она много разъ и выпроваживала мужей изъ квартиры. Нѣкоторые сейчасъ слушались, точно ждали сами, что ихъ вытурятъ; а другіе—упирались.

Ясоновъ для нея—„ни то, ни сё". Ничего не говоритъ особенно нервнаго, но смотритъ узникомъ, котораго заперли—неизвѣстно на сколько времени.

Но есть и такіе мужья, которыхъ она зоветъ „бодрилы". Тѣ рады, точно это ихъ именины или они выиграли двѣсти тысячъ.

Тѣ часто мѣшаются не въ свое дѣло; но, по крайней мѣрѣ, хорошо дѣйствуютъ на больную, а иногда и на нее самое.

Владиміръ Сергѣевичъ—вовсе не „бодрило". Онъ, должно быть, и труситъ, а главное, совсѣмъ не радуется.

И то сказать: чего же особенно радоваться, если уже есть „осложненія"—положимъ, не Богъ знаетъ какія? Ей самой приходилось дѣйствовать за врача, хотя, по закону, она и не имѣетъ на это права, кромѣ самыхъ крайнихъ случаевъ.

На это она всегда говоритъ словами изъ писанія, которыя она разъ подслушала у богатыхъ старообрядцевъ, гдѣ принимала.

Тѣ любятъ повторять: „По нуждѣ, и закону премѣненіе бываетъ"!

Но тутъ все происходитъ по правиламъ науки. Валерій Петровичъ—великій мастеръ своего дѣла, и быть подъ его началомъ—большое удовольствіе и не малая честь.

Все приготовлено. И мамку она сама привезетъ.

Ее берутъ, на всякій случай, и какъ кормилицу. Больная еще ничего не говорила, что хочетъ сама кормить и вообще никакихъ мечтаній насчетъ будущаго новорожденнаго себѣ не позволяетъ.

Это скорѣе нравится Вѣрѣ Ивановнѣ. Ей уже пріѣлись обыкновенныя сладости молодыхъ супруговъ, ихъ неумѣренные восторги и безконечная болтовня.

А иные еще до самаго „событія"—перессорятся нѣсколько разъ изъ-за того: кто будетъ—мальчикъ или дѣвочка, и какое дать имя ребенку...

Вѣра Ивановна, подойдя къ двери, прислушалась. Стоновъ нѣтъ. Значитъ—пауза. Но такъ долго длиться не можетъ. Вотъ теперь и улучить минуту—заглянуть къ Владиміру Сергѣевичу.

Онъ ходилъ съ поникшей головой, по ту сторону письменнаго стола, и читалъ газету.

При самомъ легкомъ скрипѣ двери, онъ поднялъ голову.

— Можно къ вамъ, Владиміръ Сергѣевичъ?

— Пожалуйте! Ну что?

— Ничего еще. Лежитъ тихо.

— Доктору телефонировали?

— Нѣтъ еще. Ждемъ его.

— Вы бы напомнили... по телефону.

— Онъ не забудетъ. Да его, навѣрное, и нѣтъ дома.

Ясоновъ отложилъ газету и подошелъ къ ней.

— Извините... мы еще не поздоровались.

— Ничего!.. Развѣ я гостья. Ха, ха!

— Присядьте пожалуйста.

Они сѣли рядомъ на турецкій диванъ.

— Все ли тамъ идетъ, какъ надо? — тихо выговорилъ онъ.

— А то что же?

Она прищурилась на него.

— Вы, пожалуйста, Вѣра Ивановна, не скрывайте отъ меня ничего...

— Чего скрывать?

„Лучше теперь сказать“,—подумала она.

— Я не знаю... Но я вижу, по вашимъ глазамъ, что будетъ что-то особенное.

— Пожалуй и будетъ!—проговорила она и усиленно улыбнулась.

Онъ вскочилъ.

— Что же именно?

— Я еще не знаю.

— Операція?

— Ну, ужъ и операція! Вы сейчасъ и жупела пускать. Этакую операцію я и сама дѣлаю... когда и закону премѣненіе бываетъ,—выговорила она съ подмигиваньемъ праваго глаза.

— Однако..., чего же ждать?

— Мальчика или дѣвочку, Владиміръ Сергѣевичъ, а предсказывать не берусь... до этого не дошла. Чу!.. Тамъ что-то не ладно, пробѣжала сидѣлка. До пріятнаго свиданія... И знаете что?

— Что такое?

— Уѣхали бы вы по добру, по здорову!

— Куда?

— Ха, ха! Мало ли мѣстъ? Мужья въ такой день—только лишняя обуза.

И она выбѣжала изъ кабинета.

Ясоновъ сталъ усиленно прислушиваться. Какъ будто стоны за глухими стѣнами.

А докторъ не ѣдетъ.

Взяться за телефонъ? Онъ въ передней. Ему стало страшно выйти въ корридоръ. Еслибъ можно было, онъ забился бы... куда-нибудь въ темный чуланчикъ.

Одно его утѣшало, что не увидитъ онъ сегодня подполковницы Штаркъ. Она бы здѣсь командовала, какъ опытная мать семейства, прошедшая много разъ черезъ тѣ „мытарства“, которыя грозятъ бѣдной Ленѣ.

Ея нѣтъ въ городѣ. Она изволила отправиться въ Ригу, на

Штрандъ, нанимать дачу въ Маіоренгофѣ, и просила его телеграфировать о приближеніи „событія“; но онъ этого не сдѣлалъ.

И Лена ему не напомнила. Она знаетъ, что Адель стала бы ее муштровать, какъ дѣвчонку.

„Уѣхать?“—вдругъ раздался въ головѣ его соблазнительный вопросъ.

„Это подло!“—отвѣтилъ онъ; но ему вспомнились всѣ интонаціи Вѣры Ивановны. Онъ слыхалъ отъ кого-то изъ знакомыхъ, что тотъ всегда скрывался.

А если выйдетъ что-нибудь роковое? Гдѣ же его будутъ искать?

Оставить адресъ? Сидѣть у кого-нибудь въ чужой квартирѣ? У него, по близости, нѣтъ ни одного пріятельскаго дома. Въ ресторанѣ? Въ читальнѣ?

И вдругъ ему пришелъ на память разсказъ одного товарища, старше его года на три, учившагося въ Дерптѣ, когда еще тамъ былъ обязателенъ нѣмецкій языкъ.

„— Спишь мертвымъ сномъ... Часъ второй ночи. На дворѣ метель. Вдругъ сильный стукъ въ дверь. Чухонецъ-сторожъ, коверкая по-нѣмецки, кричитъ благимъ матомъ: „Буртъ, буртъ!“ Это онъ хочетъ сказать: „Geburt“. Вскакиваешь, мечешься, какъ угорѣлый, бѣжишь, по вьюгѣ, на верхъ, на гору, гдѣ клиника, запыхаешься, входишь въ переднюю—на-встрѣчу сидѣлка и съ масляной улыбкой объявляетъ: „ist schon aus“.

Вотъ такъ бы и онъ скрылся на полдня, позвонилъ бы вечеромъ, и Вѣра Ивановна крикнула бы ему:

— Все благополучно кончено!

Стонъ прервалъ его мысли.

Онъ весь захолодѣлъ, пересталъ ходить и легъ на диванъ.

Лена лежитъ съ закрытыми глазами. Въ спальнѣ—на минуту—она одна.

Но сейчасъ вернется сестра; сейчасъ влетитъ жизне-радостная и сладко-настойчивая Вѣра Ивановна.

Не то страшитъ Лену: что будетъ дальше. Она не хочетъ распускать себя. До послѣдней крайности она станетъ себя сдерживать.

Но она, вотъ сейчасъ, въ эту самую минуту, больше уже не принадлежитъ себѣ.

Это возмущаетъ ее.

Она—какъ *вещь*! Что природа хочетъ, то съ ней и сдѣлаетъ.

Но и это—не самое обидное. Величайшая обида въ томъ, что она вещь и въ рукахъ всѣхъ этихъ пособницъ, сестры, молчаливой и чопорной, и Вѣры Ивановны—болтливой и всевѣдущей.

Она должна имъ рабски повиноваться. Будь она просто больна, даже и очень серьезно—у нея все-таки было бы больше воли. А тутъ... Точно какое священнодѣйствіе...

Природа не сломила ея протестующаго духа. Въ ея маленькомъ тѣлѣ сидитъ большая душа. Никто и ничто, до сихъ поръ, не властвовало надъ нею... И меньше всего мужъ!

Она его любитъ; но она не раба его, даже не подчиненная, ни въ чемъ.

А теперь, она—*раба*, она—*вещь*!

И сколько разъ, съ раннихъ часовъ сегодняшняго утра—ей хотѣлось крикнуть:

„Оставьте меня! Уйдите! Вы мнѣ противны! Я хочу быть одна... что бы со мной ни случилось“!

Была такая минута, не сегодня, а много дней назадъ, когда она впервые почувствовала, что живое существо шевельнулось...

Ее мгновенно ударило въ краску, и тотчасъ затѣмъ не то страхъ, не то изумленіе вызвали въ ней никогда не испытанный трепетъ.

Была ли это радость? Она не знаетъ. Но что-то трудно выразимое и... роковое.

А теперь... она чувствуетъ только обиду... почти нестерпимую.

Кто-то вошелъ. Должно быть сестра, потому что Вѣра Ивановна навѣрное бы заговорила своимъ масляннымъ, подбадривающимъ тономъ.

Лена сжала вѣки, чтобы никого и ничего не видѣть.

И такъ пролежала съ минуту, довольная хоть тѣмъ, что не раздается голоса Вѣры Ивановны.

Она хотѣла-было повернуться на бокъ и вскрикнула.

И почувствовала, что никакое усиліе воли не поможетъ. Надо отдаться высшей волѣ—чего-то всесокрушающаго.

Все свое исчезало передъ чѣмъ-то, въ чемъ уже началась жизнь, и эта жизнь идетъ отъ нея.

Она смирилась.

Въ кабинетѣ Перцовъ, въ длинномъ балахонѣ, держалъ за обѣ руки Владиміра Сергѣевича и въ полголоса, ласково взглядывая на него, говорилъ:

— Ручаюсь вамъ за исходъ. Во всемъ, душа моя, лотерея, лото! Одной выпадетъ отличный нумеръ, другой—похуже, а третьей

—и совсѣмъ неважный. Но брендить не слѣдуетъ; а то я обижусь. Сколько же приходится продѣлать то же?.. По нѣскольку разъ въ день.

— Хорошо, хорошо,—растерянно повторялъ Ясоновъ.

— А лучше бы вамъ удалиться совсѣмъ.

— Я не могу.

— Позвольте ключъ... Я бы васъ заперъ.

— Зачѣмъ же это?

— Да вы ничего и не услышите.

— Съ хлороформомъ?

— Конечно.

— Боже мой!

— Ха, ха! Что же вы думаете, что мы вашу Лену уморимъ раньше срока? Ну, довольно. Коли вы, милый человѣкъ, не ручаетесь за себя—позвольте запереть васъ. А лучше—пожалуйте-ка отсюда вонъ!

Перцовъ взялъ его за плечи и, тихонько выпроводивъ изъ корридора въ столовую, захлопнулъ за нимъ дверь.

Ясоновъ, въ первыя минуты, прислушивался съ замираніемъ сердца.

Ничего не слышно.

„Она впала въ безпамятство“,—подумалъ онъ, и ему сдѣлалось, въ первый разъ, страшно, по-дѣтски страшно.

Вотъ его Лена лежитъ, какъ живой покойникъ, мертвенно-блѣдная, послѣ приступа возбужденности отъ хлороформа, когда она бредила, металась въ мучительной борьбѣ съ потерей сознанія.

Самъ онъ никогда не проходилъ черезъ такое состояніе. Ему никогда не дѣлали операціи. Онъ не соглашался и на гипнозъ. Его пугало такое таинственное состояніе души, когда вы—рабъ въ рукахъ того, кто вамъ что-нибудь внушилъ.

А ему-то бы и слѣдовало все это испытать! Какой же онъ психологъ? Какъ можетъ онъ распространяться, съ каѳедры, о разныхъ психологическихъ тонкостяхъ, если онъ самъ не испыталъ ничего внѣ самыхъ обычныхъ, банальныхъ ощущеній и „воспріятій“?

То—книжка; а тутъ—жизнь, съ своей вѣчной тайной и съ безсиліемъ человѣка—освѣтить эту предвѣчную тайну такъ, чтобы все въ ней было такъ же ясно, какъ въ математическихъ выкладкахъ.

Тишина все та же. Ему кажется, что она тянется, по крайней мѣрѣ, четверть часа; а прошло всего четыре минуты.

Онъ перешелъ, на цыпочкахъ, въ гостиную и сѣлъ въ уголъ, у окна. Глаза его остановились на рисункѣ спинки высокаго стула. Завитушки эти повторяются вездѣ и на шитьѣ портьеръ.

Въ нихъ и сидитъ „modern style“. Эти завитушки и Ленѣ, и ему нравились, какъ что-то очень изящное. Но теперь вся отдѣлка гостиной, всѣ эти „затѣи“ вдругъ выставились передъ нимъ во всей своей убогой суетѣ.

Что за дѣтство, что за жалкая потребность тѣшить себя модными игрушками?.. Вонъ тамъ, за двумя дверьми, происходитъ послѣдній актъ драмы...

Промахнись увѣренный въ себѣ врачъ—и актъ нарожденія новаго существа омрачится смертью.

И мать, и ребенокъ, могутъ оба погибнуть. А стильныя завитушки останутся на тѣхъ же мѣстахъ, и онъ будетъ смотрѣть на нихъ, каждый разъ, переживая заново то, что теперь щемитъ его душу.

И то, что возмущало его Лену, полчаса назадъ, всколыхнуло и его. Онъ почувствовалъ это, впервые, съ такой обидной ясностью: и онъ—рабъ; никуда онъ не уйдетъ отъ того, что теперь всѣ они, тамъ, дѣлаютъ съ бѣдной маленькой женщиной... съ его женой, съ его Леной.

— Владиміръ Сергѣевичъ! Куда вы забились? — раскатисто зазвучалъ окликъ Вѣры Ивановны.

Ясоновъ вскочилъ.

— Что? что?

— Сына Богъ далъ! Пожалуйте!

IX.

Солнце заглянуло во дворъ, гдѣ—противъ оконъ спальни—продолговатый садикъ.

Лена проснулась и сейчасъ же поглядѣла влѣво; въ простѣнкѣ розовѣетъ кроватка съ кружевнымъ пологомъ.

Тамъ спитъ *онъ*... Сережа! Ему всего три недѣли. Мать его уже выходитъ въ остальныя комнаты; а вчера, въ первый разъ, ѣздила кататься.

Послѣ завтра она непремѣнно поѣдетъ, съ мужемъ, за городъ, брать дачу. Изъ-за нея они во-время не перебрались изъ города, и вотъ теперь сидятъ здѣсь въ духотѣ и шумѣ. Съ улицы доносится стукъ, пахнетъ известкой и горячимъ асфальтомъ. На дворѣ начнутся тоже какія-то работы.

Надо бѣжать! Надо брать дачу—чего бы она ни стоила.

Идутъ первые дни іюля. Жара становится, съ каждымъ днемъ, все несноснѣе.

Сережа спитъ. Онъ былъ тревоженъ вчера, съ вечера, и долго не засыпалъ. Сильно кричалъ.

Родился онъ худенькимъ и нервнымъ, съ прекраснымъ лбомъ и огромными глазами, какъ у нея.

Ему была приготовлена кормилица—здоровенная *дѣвица* и уже не „перворождающая".

Ее оставили въ нянькахъ, а не въ кормилицахъ.

Съ перваго же дня—Леной овладѣло неудержимое стремленіе кормить самой.

Перцовъ согласился на это.

Протестовалъ мужъ; но она такъ огорчилась, что онъ притихъ.

Никогда она такъ не плакала... Прямо заревѣла, какъ крестьянская баба.

И когда ей уступили—она какъ бы съ удивленіемъ оглядѣла самое себя.

Неужели это она—прежняя Елена Дмитріевна Ясонова?

Да, это *она*! Но съ первой же минуты, въ ней уже нѣтъ той убѣжденной единомышленницы своего мужа, когда они оба чувствовали себя закоренѣлыми холостяками.

Въ первые дни она немного стыдилась... и притаила въ себѣ радость, охватившую ея душу.

Не скрылось отъ нея то, что ея Лодя—когда Вѣра Ивановна показала ему сына—ничего не сказалъ, даже не измѣнился въ лицѣ, а сейчасъ же бросился къ ней.

Она не огорчилась, а только пожалѣла его. Тутъ только поняла она, какое мужчина—*половинчатое* существо.

Они лишены того, что̀ дано въ удѣлъ только женщинѣ.

Они и тутъ могутъ дѣйствовать только умомъ или *черезъ* привязанность къ женщинѣ, къ матери своего ребенка.

Они достойны глубокой жалости!..

Упрековъ она ему не дѣлала.

И точно рукой сняли съ нея—съ того дня, когда она начала сама кормить—всякую нервность. Ни слезъ, ни капризовъ, ни хандры, ни раздраженія.

Что-то близкое къ психическому чуду.

Съ глазу-на-глазъ съ своей совѣстью она не скрываетъ того, что ей такъ—„изумительно хорошо"! Зачѣмъ ей требовать, чтобы кто-нибудь другой имѣлъ такое же чувство?

Не надо! Да и ни одинъ отецъ не въ силахъ его испытать.

И никакихъ изліяній вслухъ не нужно—они только ослабятъ чувство. Или могутъ показаться слащавыми, смѣшными.

Это—ея храмъ! Она одна въ немъ молится... Ея святая святыхъ...

Лена тихо поднялась и подошла къ кроваткѣ. Свѣтъ смягчали сторы. Въ спальнѣ, за ночь, сдѣлалось душно. Но она боялась поднять и раскрыть немного окно.

Беззвучно опустилась она передъ кроваткой, и пальцы ея маленькой бѣлой руки откинули пологъ.

На подушкѣ, въ кружевцахъ, розовѣла круглая головка съ темноватымъ пушкомъ, немного склоненная на бокъ.

— Сережа!.. Милый!..

Шопотъ ея страстно ласкалъ это маленькое созданіе.

Она не могла устоять. Ея губы тянулись къ щекѣ сына.

И она застыла въ созерцаніи младенца.

Чуть-чуть скрипнула дверь; но Лена, вся поглощенная любованіемъ, не разслышала.

Ясоновъ тихо вошелъ и остановился въ портьерѣ. Не сразу понялъ онъ—что такое дѣлаетъ его жена.

Ребенокъ спитъ, а Лена, на колѣняхъ, нагнувшись къ головкѣ, смотритъ, смотритъ и не можетъ оторваться.

Онъ хотѣлъ-было уйти.

Но его кольнуло.

Неужели *онъ* не тронутъ этимъ зрѣлищемъ? Кто же мѣшаетъ ему подойти, стать рядомъ съ женой и предаться тому же созерцанію?

Стало быть, въ немъ чего-то нѣтъ.

Но группа, сама по себѣ, такъ красива...

Ему вспомнилась знаменитая картина Корреджіо.

„Вѣдь это также обожаніе младенца?“—подумалъ онъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ отъ двери.

Лена быстро повернула голову и тотчасъ же поднялась.

— Это ты?

Лена сразу покраснѣла.

Мужъ точно поймалъ ее.

— Ты такъ рано проснулся? — выговорила она шопотомъ, подставляя ему лобъ.

Ясоновъ поцѣловалъ и взялъ ее за руку.

— Хорошо спитъ?—такъ же шопотомъ спросилъ онъ ее и немного отвелъ въ сторону.

— Да! — радостно откликнулась она. — А къ ночи долго маялся... Хочешь взглянуть?

Она подвела его къ кроваткѣ.

Будь въ немъ такое же чувство, какъ и въ ней, онъ — еслибъ не опустился на колѣни, то хоть наклонилъ бы голову, чтобы полюбоваться *ихъ* первенцемъ. Даже и для отца такіе трехнедѣльные младенцы... это нѣчто неосмысленное и довольно безобразное... голая голова, комокъ краснаго тѣла, искаженнаго гримасой, когда не спитъ и не питается.

Ясоновъ обнялъ жену и поцѣловалъ ее въ голову.

Она вздрогнула. Этотъ тихій поцѣлуй тронулъ ее и пресѣкъ ходъ ея обличительныхъ мыслей, направленныхъ на мужчину.

Она отвела его къ двери въ ея будуарчикъ, гдѣ было свѣтлѣе, чѣмъ въ спальнѣ.

Тамъ они присѣли на короткій диванчикъ—для двоихъ.

— Ты совсѣмъ изведешь себя...—началъ онъ такъ же тихо и привлекая ее къ себѣ.—Въ которомъ часу могла ты заснуть?

— Не смотрѣла на часы.

— Будто?

— Часа въ два.

— А сегодня проснулась чѣмъ свѣтъ?

— Полчаса передъ тѣмъ, какъ ты вошелъ.

— И засталъ тебя... въ созерцаніи?...

Онъ не докончилъ и сдержалъ свою усмѣшку.

— Ты находишь это смѣшнымъ? — спросила Лена неопредѣленнымъ тономъ, въ которомъ не было, однако, прямого недовольства или стѣсненія.

— Почему же смѣшнымъ?

— Скажи прямо... я не обижусь, Лодя.

— Разъ въ тебѣ такое чувство...

— Это уклончиво... Такъ не надо!

Она прильнула къ нему головой. Ото всей ея пополнѣвшей фигурки вѣяло теплотой. Маленькая рука—лѣвая—покоилась на его колѣнахъ.

— Такъ не надо!—повторила Лена тронутымъ голосомъ.— Что жъ! Я не стану запираться.

— Въ чемъ же, милая?

— Ты, какъ мой товарищъ, изъ того времени, когда мы были оба такіе холостяки — имѣешь право, Лодя, подтрунивать надо мною...

— Съ какой стати?

— Можетъ, ты, когда одинъ-на-одинъ съ собою, и думаешь

такъ: „И моя Лена не выдержала, и въ одно мгновеніе ока превратилась... въ насѣдку, не лучше своей кузины, Адели Штаркъ“! А можетъ, и хуже...

— Ну, ужъ и хуже!—остановилъ онъ тономъ снисходительнаго друга.

— Я не знаю... поймалъ ли ее мужъ въ такомъ созерцаніи... надъ кроваткой ея Миси... десять лѣтъ назадъ...

Лена мило покачала головой и, поднявъ ее, поглядѣла на него глазами, полными тихой усмѣшки... почти дѣтской.

— Я и не оправдываюсь, Лодя. Жизнь пересилила. Она... выше нашихъ взглядовъ и теорій.

— Да, пересилила,—повторилъ Ясоновъ.

— Вотъ видишь, Лодя... Мы — женщины — не можемъ застраховать себя отъ того, что̀ будетъ. Мы сами себя не знаемъ... до того момента... пока... оно заговоритъ... Ты назовешь это инстинктомъ. Я не обижусь. Какіе мы съ тобой были холостяки!.. И я все время возмущалась. Ты самъ знаешь. А вотъ теперь у меня такая радость, такая радость! Несказанная!

Она опять припала головой къ его плечу и тихо заплакала.

А въ немъ мужское чувство не сдавалось.

Что̀ же послѣ того *онъ*, какъ ея мужъ, какъ любимый человѣкъ, съ которымъ она—когда-то — такъ свободно и радостно соединила свою судьбу?

Значитъ, теперь все это отошло назадъ? Предметъ обожанія—вонъ то неосмысленное маленькое созданіе, которое сейчасъ начнетъ хныкать или пищать.

— Прости!.. — шептала Лена, не поднимая головы.—Тебѣ обидно то, что̀ я сейчасъ сказала?.. Но эта самая радость... отъ кого же она идетъ?..

„Не отъ меня“,—подумалъ онъ, но ничего не сказалъ.

— Видишь, Лодя...—заговорила она, крѣпче прижимаясь къ нему:—только *это* даетъ чувство великой тайны. И сама ты — уже не существуешь... Никакихъ счетовъ, никакихъ требованій! Ни ревности, ни самолюбія... ничего. Это знали только... подвижники, христіане первыхъ вѣковъ. Можетъ, и теперь *это* доступно особымъ вѣрующимъ натурамъ?

Онъ не хотѣлъ возражать; но въ немъ не смирялись мужскіе протесты.

При такомъ идолопоклонствѣ—до чего же можно дойти? До крайнихъ предѣловъ того жестокаго родительскаго себялюбія, надъ которымъ они такъ долго смѣялись съ нею.

— И еслибъ во мнѣ,—продолжала Лена,—заговорило то...

прежнее... я была бы безсильна передъ моимъ теперешнимъ счастьемъ.

„Вотъ оно что!“—воскликнулъ Ясоновъ про себя.

Прежде Лена не любила это слово „счастье“, смѣялась надъ непомѣрной погоней за этимъ миражемъ; никогда онъ не слыхалъ отъ нея—даже въ минуты самыхъ пылкихъ ласкъ—страстныхъ возгласовъ: „Какъ я счастлива“!

Она не носила личины. Она жила съ нимъ полной жизнью прочной взаимной привязанности. А теперь выходитъ, что настоящаго счастья она все-таки не испытывала. Значитъ, чувство къ нему никогда не захватывало ее такъ, какъ теперь? А источникъ этихъ блаженныхъ состояній лежитъ вонъ тамъ, въ кроваткѣ, и, когда проснется, будетъ требовать, чтобы его сейчасъ же накормили.

Эти быстрые и ядовитые вопросы не стыдили его, и ни разу они не смягчались тѣмъ, что вѣдь источникъ высшаго счастья Лены—*ихъ* сынъ, что *онъ*—отецъ его.

Что изъ этого? Да, отецъ; да, Сережа — сынъ любимаго мужа.

Но эта любовь теперь только подробность, а не первенствующій моментъ жизни.

„Вотъ оно—пресловутое „Ewig Weibliche“, которое начало гулять по свѣту, послѣ Гётевскаго Фауста!“—подумалъ онъ этими именно словами.

Десятки, сотни мужей впали бы въ глупо-умиленное настроеніе. Ихъ отцовское тщеславіе подсказало бы имъ, прежде всего, то, что въ сынѣ мать вдвойнѣ обожаетъ отца, т.-е. ихъ самихъ.

Но онъ не можетъ впасть въ такой самообманъ.

— Лодя!—громче окликнула Лена, поднявъ голову:—ты можешь это понять? И зачѣмъ я стала бы скрывать дольше?.. И во мнѣ была борьба, всѣ эти дни... послѣ рожденія Сережи.

Звукъ ея голоса, съ внутренней вибраціей — касался его уха, но не проникалъ ему въ душу, не вызывалъ въ немъ умиленія.

Изъ спальни донесся дѣтскій плачъ.

Лена мгновенно вскочила и бросилась къ двери.

Раздался сильный звонокъ. Это она зоветъ няньку. Такъ продолжалось еще нѣсколько секундъ; потомъ все смолкло. Сережу кормятъ.

Ясоновъ все еще сидѣлъ на диванчикѣ, въ неопредѣленной позѣ.

Онъ думалъ:

„Она не хочетъ скрывать своего блаженства. Зачѣмъ же и мнѣ обманывать себя? Этого блаженства я не испытываю. Можетъ быть, я — дурной отецъ, безсердечный эгоистъ, неспособный на то, чтобы, забывая о себѣ, радоваться".

„Но чему радоваться? — продолжалъ онъ, и голова его — привычная къ діалектикѣ — заиграла свободно. — Чему радоваться? Тому, что этотъ ребенокъ — *мое* чадо? Но вѣдь это тоже эгоизмъ, и одинъ изъ самыхъ упорныхъ и жестокихъ видовъ себялюбія. Радоваться за нее, за любимую женщину? Въ этомъ есть смыслъ. Но это все-таки не самое чувство къ ребенку, къ новому живому существу".

Одно онъ знаетъ: впервые, между нимъ и Леной, между душевнымъ міромъ каждаго — такой громадный пробѣлъ.

Чѣмъ его наполнить?

Ихъ прежняго, идеальнаго лада не будетъ, даже если она заразила бы его, со временемъ, тѣмъ же обожаніемъ, той же неизреченной „радостью" о которой сейчасъ говорила такъ проникновенно.

Пріотворивъ дверь въ спальню, онъ остановился.

Лена сидѣла въ большомъ креслѣ и кормила Сережу.

Нянька прибирала что-то, беззвучно переходя отъ кроватки къ большому зеркальному шкафу съ бѣльемъ.

Лицо Лены говорило ему, въ эту минуту, какъ она поглощена своимъ дѣломъ — такимъ обыденнымъ и „животненнымъ", — прибавилъ онъ мысленно.

А въ глазахъ у нея — небывалое выраженіе высшаго довольства.

„Священнодѣйствуетъ", — выговорилъ онъ мысленно и двинулся тихонько къ выходной двери.

Она подняла голову.

Нѣжная краска проступила на ея щекахъ. Все еще стыдливое чувство сказалось въ ея взглядѣ, которымъ она проводила его изъ комнаты.

Только у себя въ кабинетѣ Ясоновъ вспомнилъ, что онъ еще не пилъ кофе и хорошенько не привелъ себя въ порядокъ.

Но о прежней пунктуальности въ обиходѣ ихъ жизни теперь надо „отложить попеченіе".

Барыня вся поглощена тѣмъ, что̀ идетъ въ спальнѣ. Съ „великихъ" дней пошло все по другому.

Онъ подошелъ къ окну, раскрылъ его, и его потянуло изъ города, изъ этихъ каменныхъ ящиковъ. Лена хочетъ непремѣнно ѣхать сама смотрѣть дачу.

Но и туда перевезутъ тотъ же кумиръ, и жизнь будетъ сведена къ нему...

X.

Давно Ясоновъ не попадалъ въ эту часть великолѣпнаго парка. Онъ шелъ съ той дачи, которую сейчасъ смотрѣлъ—по пути къ вокзалу.

Въ сухую, ясную погоду—какъ здѣсь хорошо! Не вѣрится, что это въ трехъ четвертяхъ часа ѣзды отъ Петербурга. Но перемѣнится погода—и будетъ сырость на дачахъ.

Изъ двухъ дачъ, подходящихъ по цѣнѣ и расположенію, Лена, навѣрное, выберетъ не эту, а другую, въ Царскомъ, которая ему совсѣмъ не нравится. Правда, не очень далеко отъ Садовъ, но на дворѣ.

Зато тамъ сухо. Въ прошломъ году она не испугалась бы сырости... а теперь?..

Есть третье существо. Оно—регуляторъ всего.

Спускаясь по дорожкѣ къ водѣ, онъ вспомнилъ вдругъ одну картинку изъ заграничныхъ экскурсій, тамъ, въ его любимомъ Шварцвальдѣ. Еще прошлой осенью онъ мечталъ взять долгій отпускъ и очутиться тамъ съ Леной, къ половинѣ русскаго мая.

Какъ тамъ дышется, что за прогулки, какое чудесное настроеніе, сколько идей и цѣлыхъ „концепцій“ приходитъ во время прогулокъ, особенно подъ вечеръ!

Вотъ одинъ изъ такихъ любимыхъ концовъ всплылъ передъ нимъ, въ цѣломъ рядѣ картинъ.

Онъ спускается къ лѣсному озеру. Съ пригорка, гдѣ онъ остановился,—во ста шагахъ отъ маленькаго Gasthof'a, гдѣ только-что выпилъ кружку темнаго пива, — открывается задумчивая, нѣжно зеленѣющая лощина и тамъ вдали—такія же вѣчно зеленыя горы, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ.

Онъ возьметъ сейчасъ, спустившись по боковой дорожкѣ, въ густой боръ—туда, гдѣ „Волчье ущелье“—Wolfschlucht—напоминавшее ему всегда первыя дѣтскія впечатлѣнія отъ второго акта Веберовскаго „Волшебнаго стрѣлка“.

Вернешься въ отель къ девяти вечера, съ пріятной усталостью во всемъ тѣлѣ, и сядешь на террасѣ ужинать...

Какая молодость духа! Точно тебѣ восемнадцать лѣтъ, и ты—студентъ, носящій трехцвѣтную шапочку и ленту черезъ плечо.

Но и тебя, профессора, потянетъ въ оба университета,—

каждый изъ нихъ подъ бокомъ: до одного—два часа ѣзды, до другого—всего часъ со скорымъ поѣздомъ.

Опять очутишься въ той аудиторіи, гдѣ старецъ—Несторъ философскихъ каѳедръ—такъ блистательно излагаетъ тѣ самыя системы, о которыхъ читалъ и десять лѣтъ назадъ, когда Ясоновъ попалъ впервые въ эту древнюю аудиторію, живя въ городкѣ съ самой симпатичной „alma mater".

„И все это—*тютю*!"—подумалъ онъ съ довольно-таки горькимъ юморомъ.

Вторая половина лѣта пройдетъ на петербургской дачѣ. Съ двадцатыхъ чиселъ августа зачастятъ дожди; а можетъ быть и раньше подползутъ холодные дни. Надо будетъ топить. Молодая трепетная мать начнетъ волноваться изъ-за своего чада. Какъ легки простуды! Съ какой быстротой бываютъ поражены грудные младенцы острыми желудочными разстройствами или воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ,—не говоря уже объ остальныхъ смертныхъ опасностяхъ.

Ему тутъ сейчасъ же пришла на память тревога съ *яко бы* дифтеритомъ Мйси, Аделиной дочери. Съ того „вавилонскаго плѣненія" все вѣдь и началось...

Но къ чему все это перебирать?...

Опять воспоминаніе. И такое же отчетливое, какъ и та шварцвальдская картина.

Это было нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда Лена—и тайно, и явно—возмущалась, не хотѣла помириться съ своимъ новымъ состояніемъ.

Какъ рельефно всплыло передъ нимъ все: комната, какой стоялъ въ ней сумрачный свѣтъ, какъ жена его сидѣла вся въ комкѣ, какъ она бросила на столикъ жиденькую брошюрку въ розовой обложкѣ, какъ горько и язвительно заговорила о мудрствованіяхъ автора, который сначала проповѣдывалъ мораль анахоретовъ, а потомъ приказываетъ женщинамъ нести свое бремя, повторяя то, что въ началѣ „Книги Бытія" начертано такими грозными словами.

А теперь—куда дѣвались протесты маленькой феминистки?

Безплодно—и столько же безсмысленно—было бы и его фрондёрство! На оцѣнку громаднаго большинства—и безнравственно, сухо, бездушно, почти отвратительно...

Но развѣ не тотъ же мудрецъ, который такъ возмутилъ Лену—сравнилъ жену съ ношей за плечами? Идти можно, можно и работать; но ежесекундно чувствуешь ее. И такъ будетъ до гробовой доски котораго-нибудь изъ двухъ членовъ союза.

„И твой Сережа—первый вкладъ въ это бремя. Вкладъ еще маленькій—фунтовъ въ десять-двѣнадцать; а за нимъ пойдутъ и другіе вклады, даже если и не будетъ больше дѣтей".

На площадкѣ, передъ кіоскомъ, куда собиралась военная музыка, гуляло и бѣгало много дѣтей. Кормилицы, бонны, гувернантки, матери—цѣлое царство феминизма, но не такого, которому Лена мечтала остаться вѣрной всю жизнь.

Кто ее знаетъ?! Можетъ быть, она умудрится сочетать одно съ другимъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что оно такъ и будетъ. И у нея явятся двѣ цѣли въ жизни. Изъ нихъ одна—великая и несмолкаемая „радость"—ея теперешнее слово... А другая—какъ пріятный придатокъ, въ передышку между восторгами материнства.

Ясоновъ—почти со злобой—оглядѣлъ всю эту дѣтвору, съ ихъ неизбѣжнымъ конвоемъ. Все вѣдь, въ сущности, дѣлается для нихъ, для этихъ „ангеловъ", и до рожденія, и послѣ, когда они превратятся въ самыхъ противныхъ подростковъ, въ родѣ вонъ тѣхъ дѣвочекъ, что расхаживаютъ павами, въ громадныхъ шляпахъ и бантахъ изъ лентъ, подъ кружевными зонтиками, и „флёртируютъ" съ питомцами разныхъ заведеній, изъ которыхъ выйдутъ тоже...

Онъ поискалъ мысленно слова и выговорилъ вслухъ:

— De jolis Cocò!..

Ясоновъ только-что переодѣлся по домашнему и не успѣлъ еще зайти къ женѣ—доложить ей о дачахъ въ Царскомъ и Павловскѣ—какъ, послѣ сильнаго звонка въ передней, къ нему ввалилась чета Штарковъ.

Первой показалась ожирѣлая фигура Адели, съ ужасающимъ бюстомъ, въ батистовомъ платьѣ и въ шляпѣ, поднимавшейся въ видѣ щита, покрытаго цвѣтами.

Толстыя руки были съ локтя полуоткрыты.

За ней выступалъ своимъ кадетскимъ шагомъ супругъ—въ бѣломъ кителѣ новаго образца.

— Не ждали?—крикнула Адель.—Мы сюрпризомъ!

Надо было сказать имъ какую-нибудь банальность.

— Поздравляю!

Подполковникъ стиснулъ ему руку и прибавилъ:

— Нашего полку прибыло!

Онъ на цѣлую голову ниже жены, сухъ въ груди и очень бѣлокуръ.

— Поймали голубчика? А?—заговорила Адель своимъ при-

бауточнымъ тономъ и потрепала его по плечу.—Ѳедя! Онъ что-то не очень радуется! А Лена молодцомъ? Я ее еще не видала...

— Пожалуйте!—полусконфуженно промолвилъ Ясоновъ.

— Мы, вотъ, должны были бросить Штрандъ. Ѳедя получилъ экстренную командировку въ Финляндіи. И вотъ, со всей нашей командой перебираемся туда... искать дачу. Вы счастливецъ!.. У васъ больше вакаціонныхъ мѣсяцевъ, чѣмъ занятій. Ну, я пойду къ Ленѣ. Ѳедя! покури, а потомъ придешь поздравить Лену.

Все это подполковница высыпала, точно она у себя дома и распоряжается своей Мисей и обоими буянами.

Ясоновъ остался съ глазу-на-глазъ съ подполковникомъ.

Тотъ тотчасъ же закурилъ, точно обрадовавшись, что ему дозволили затянуться.

Эта чета прилила еще яду ко всему, что̀ онъ, съ утра, перечувствовалъ. Передъ нимъ сидѣлъ не простой „моментъ", а возсѣдало символическое лицо.

Штаркъ шелъ хорошо по службѣ, быстро дѣлалъ свою карьеру; но при своей супругѣ онъ только *мотивъ* супружеской жизни—„какимъ буду и я",—добавилъ про себя Ясоновъ.

И при этомъ онъ самодоволенъ, влюбленъ въ свою интеллигенцію, воображаетъ себя образцовымъ военнымъ писателемъ.

— Еще разъ поздравляю! — заговорилъ Штаркъ, затянувшись.—Вижу, вы еще не освоились съ своимъ новымъ положеніемъ. Теперь ужъ—ау! Ничего не подѣлаешь!

Какъ всѣ полу-нѣмцы, подполковникъ любилъ словечки вульгарнаго жаргона.

— Но не правда ли, милѣйшій Владиміръ Сергѣевичъ, никто изъ насъ не можетъ считать свое существованіе полнымъ и законномѣрнымъ, прежде чѣмъ не дастъ жизнь себѣ подобнымъ и не испытаетъ того, что̀ доставляетъ вамъ высокое чувство родительства?

„Сколько онъ выпалитъ ещѐ такихъ истинъ?"—спросилъ, про себя, Ясоновъ и слегка кивнулъ головой.

— Конечно, во всемъ этомъ нѣкоторое бремя. Но тутъ только познаете вы глубину евангельскаго реченія: „Бремя мое легко...*есть*",—прибавилъ онъ отъ себя.

Ясоновъ опять кивнулъ головой.

— Елена Дмитріевна сама кормитъ?

— Да.

— Признаюсь... мы этого съ Адель не ожидали. Это дѣлаетъ ей честь!.. Даже въ Парижѣ происходитъ сильнѣйшая пропаганда... по этому вопросу. Мы съ Адель, прошлой весной, по-

пали на представленіе пьесы: „Les remplaçantes“. Она и у насъ шла. Но по-русски не понравилась. А вѣдь и у насъ многія дамы воздерживаются отъ исполненія этой священнѣйшей обязанности...

Ясоновъ чуть не выговорилъ:

— Аминь.

Раскатистый голосъ Адели вторгся въ кабинетъ.

— Ѳедя!—крикнула она мужу на ходу:—Лена желаетъ тебя видѣть. Иди! Поцѣлуй и новорожденнаго... Владиміръ!—окликнула она Ясонова.—Онъ на васъ еще мало похожъ; но будетъ длинный—это сейчасъ видно. Только Лена его слишкомъ кутаетъ. Это опасно! Какъ разъ простудится. И сейчасъ... congestion à la tête. И того и гляди—воспаленіе мозговой оболочки!..

— Полно, Адель... зачѣмъ же пугать!—остановилъ ее мужъ.

— Моей опытности она можетъ вѣрить. Ну, иди! Я подожду тебя... И долго намъ нельзя засиживаться, ты знаешь.

Помѣстившись на креслѣ, гдѣ только-что сидѣлъ ея мужъ, Адель пододвинулась къ Ясонову и положила обѣ мясистыя руки на его колѣни.

— Ваша Лена теперь въ остромъ періодѣ обожанія... своего чада. Это пройдетъ. А что нужно—останется.

Засмѣявшись своимъ рѣзкимъ, самоувѣреннымъ смѣхомъ, она поглядѣла на него вбокъ.

— Вы, кажется, не находитесь въ эмпиреяхъ? Это можетъ придти послѣ. И даже очень! Тогда мужъ дѣлается слюняемъ. Вотъ у Ѳеди большое дѣтолюбіе. И еслибъ я его сразу не дрессировала, по этой части, онъ бы портилъ мнѣ всю механику *дѣтовѣдѣнія*. Ха, ха! Это я его дразню, увѣряю, что онъ изобрѣлъ новый терминъ въ родѣ *отечествовѣдѣнія* и *мясовѣдѣнія*, на кулинарныхъ курсахъ! Есть и такія слова!..

А ея узкіе, заплывшіе глазки добавляли:

„Нечего, нечего, милѣйшій *филозофъ*! Теперь ты не станешь кичиться своей умственной и всякой другой свободой. Ты теперь у насъ въ когтяхъ, какъ и тысячи другихъ умниковъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю“.

Но, по крайней мѣрѣ, она не выпаливала истинъ подполковника Штарка.

— Я дала Ленѣ нѣсколько совѣтовъ... насчетъ устройства спальни... на дачѣ... Она сбирается сама. Вамъ нравится въ Павловскѣ? Это немыслимо! И она стойтъ за Царское. Я ее одобрила. Въ Павловскѣ—ни подъ какимъ видомъ!

Она это замѣтила ему, точно онъ артельщикъ, котораго посылали искать дачу.

И его кольнуло предчувствіе.

Теперь у Лены такая вооруженная съ головы до пятъ союзница, не допускающая никакихъ „но“. Ея „моментъ“—тоже ученый, а какъ онъ образцово дрессированъ!..

— Я готовъ!—раздался изъ-за портьеры окликъ мужа. Владиміръ Сергѣевичъ! Всего хорошаго!

Не сразу стряхнулъ съ себя Ясоновъ то, что принесли съ собою супруги Штаркъ—какую-то особенную обиду. Вотъ и онъ зачисленъ въ тотъ же цехъ, какъ и этотъ тошный „моментъ“, начиненный благомысленными общими мѣстами.

Онъ вспомнилъ, что еще не видалъ Лены. Она ждетъ. Надо ей доложить о дачахъ.

Можетъ быть, она въ эту минуту кормитъ? Зачѣмъ ей мѣшать? Да она и все еще немножко стѣсняется, когда войдешь въ это время въ спальню.

Нѣсколько разъ прошелся онъ позади своего письменнаго стола.

Мысль перелетѣла къ тому, что на этомъ письменномъ столѣ должно бы быть доведено до конца.

Его диссертація!

А гдѣ ея конецъ? На что ушли послѣдніе два мѣсяца?

Даже больше.

И сейчасъ же выскочилъ въ головѣ ихъ разговоръ съ дядей, зимой, когда тотъ приводилъ слова своего наставника: „Вороновъ, не женитесь, прежде чѣмъ не выдержите на доктора“!

Пророческія слова!

Машинально присѣлъ онъ въ кресло и глубоко задумался.

Кто же авторъ этого запоздавшаго теперь сочиненія?

Если не философъ, въ подлинномъ смыслѣ, если не создатель *своей* системы, то мыслитель, оцѣнщикъ чужихъ системъ, считающій себя и психологомъ?

Почему же этотъ психологъ, этотъ мыслитель, не взялъ человѣка въ руки—мужчину, мужа, не заставилъ его разобраться построже въ томъ, что въ немъ, до этой минуты, копошится?

Щеки его стали блѣднѣть.

Онъ считаетъ себя мыслителемъ, а его ничтожное „я“ такъ карабкается и ершится... передъ чѣмъ? Передъ великой тайной бытія! Это ничтожное „я“ поднимаетъ бунтъ противъ предвѣч-

ныхъ устоевъ вселенной, которыя нашли въ живыхъ существахъ высшую форму развитія и сознанія...

И онъ мнитъ себя психологомъ!

Точно онъ самъ—со всѣми рессурсами и тонкостями своей интеллигенціи—свалился готовымъ съ неба или вышелъ изъ головы Зевса, какъ эллинская богиня Мудрости?!

Ему стало стыдно. И только другой стыдъ удерживалъ его отъ того, чтобы тотчасъ же побѣжать къ Ленѣ и повиниться.

Минута колебанія пролетѣла. Онъ всталъ и перешагнулъ черезъ узкій корридорчикъ.

Лены не было въ спальнѣ.

Кроватка стоитъ на обычномъ мѣстѣ, въ простѣнкѣ. Должно быть, Сережа спитъ.

Онъ прошелъ на цыпочкахъ мимо нея и заглянулъ въ будуаръ.

— А! Лодя! Ты вернулся! Ну, что скажешь?

Она сидѣла у бюро. Онъ поднялъ ее и посадилъ на диванчикъ.

— Что съ тобою?—спросила она.—Ты чѣмъ-то разстроенъ?..

— Нѣтъ! Я пришелъ... чтобы...

Онъ не договорилъ, обнялъ ее за талію и припалъ головой къ ея плечу.

„Такъ будетъ лучше!“—приказалъ онъ самому себѣ.

П. Боборыкинъ.

ПО
ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ
ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ

Путевыя замѣтки.

I.—Отъ Москвы до Кургана.

Тихоокеанскія желѣзныя дороги въ Америкѣ и Сибири. — Административная граница Сибири.—Челябинскъ и врачебно-питательный пунктъ.—Виды по дорогѣ.

Находясь въ Санъ-Франциско, лѣтъ тридцать тому назадъ, я провожалъ знакомаго мнѣ купца, г. Пахолкова, собиравшагося тогда переѣхать моремъ въ Сибирь: заказавъ въ Америкѣ рѣчной пароходъ, онъ имѣлъ въ виду перевезти его на фрахтовомъ суднѣ, съ тѣмъ, чтобы открыть на своемъ пароходѣ рейсы по Амуру и Шилкѣ. Закупивъ въ Санъ-Франциско разные товары, нашъ предпріимчивый землякъ задумалъ снабжать ими береговыхъ поселенцевъ незадолго передъ тѣмъ присоединеннаго къ Сибири Амурскаго края. Замѣтимъ кстати, что это былъ первый частный пароходъ, открывшій непосредственныя торговыя сношенія Соединенныхъ-Штатовъ съ сибирскими странами. Уѣзжая, г. Пахолковъ приглашалъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ на Амуръ; но, проѣхавъ по только-что проложенной тогда изъ Нью-Іорка къ Тихому океану дорогѣ, я намѣревался затѣмъ посѣтить южные штаты Союза, а возвращаться въ Америку съ Амура было бы довольно затруднительно; потому я и отказался отъ ра-

душнаго приглашенія нашего земляка. Иное дѣло, если бы въ то время открыто было движеніе по сибирской желѣзной дорогѣ: тогда я могъ бы, добравшись на пароходѣ по Амуру и Шилкѣ до города Срѣтенска, проѣхать по рельсамъ до самой Москвы и совершить такимъ образомъ кругосвѣтное путешествіе. Когда рельсы по Манчжуріи будутъ окончательно проложены до Владивостока, то такое путешествіе вокругъ свѣта на самомъ дѣлѣ можно будетъ легко совершить дней въ сорокъ, и даже въ болѣе короткій срокъ.

Вообще, проложеніе рельсовыхъ путей въ Америкѣ и Сибири къ берегамъ Тихаго океана само собой наводитъ на сравненіе обѣихъ тихоокеанскихъ дорогъ, тѣмъ болѣе, что лѣтъ тридцать тому назадъ Соединенные-Штаты были почти такъ же рѣдко населены, какъ наши азіатскія владѣнія въ настоящее время. И вообще, Штаты во многихъ отношеніяхъ напоминали собою Россію.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что самыя условія, какими сопровождались постройки желѣзныхъ дорогъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Сибири, отчасти, можно сказать, представляютъ близкое сходство между собою. И дѣйствительно, въ Европѣ, какъ извѣстно, рельсовые пути проходятъ обыкновенно по мѣстамъ болѣе или менѣе густо заселеннымъ и составляютъ какъ бы продуктъ высшаго развитія культуры; тогда какъ въ Америкѣ и въ Сибири желѣзныя дороги проводились по пустынямъ или мало населеннымъ мѣстностямъ и служатъ какъ бы проводниками высшей культуры въ дѣвственные края. Благодаря отчасти этимъ условіямъ, ни въ Америкѣ, ни въ Сибири почти не приходилось прибѣгать къ экспропріаціи земель подъ дорогу, такъ какъ послѣднія составляютъ государственную собственность; а потому самыя издержки производства значительно сокращались. Мало того, какъ тамъ, такъ и тутъ, открывалась возможность съ постройкой дороги связать колонизаціонную дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продажу свободныхъ земель переселенцамъ. Россія, однако, въ этомъ случаѣ пользуется нѣкоторымъ преимуществомъ передъ Соединенными-Штатами въ томъ отношеніи, что ея желѣзная дорога, проходя отчасти по пустыннымъ мѣстамъ, обоими концами своихъ рельсовъ примыкаетъ къ густо населеннымъ культурнымъ странамъ: на западѣ—къ Европѣ съ ея 390-милліоннымъ, а на востокѣ—къ Китаю, Кореѣ и Японіи съ ихъ 400-милліоннымъ населеніемъ. Для того, чтобы вполнѣ воспользоваться этимъ преимуществомъ, оказывается необходимымъ населить все пространство между обоими концами

рельсовъ, а это и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ Великой сибирской желѣзной дороги...

Замѣтимъ еще, что въ свое время не мало удивлялись огромному протяженію американской тихоокеанской дороги. И дѣйствительно, тогда это было самое длинное разстояніе, какое приходилось пробѣгать локомотиву. Точно также и въ настоящее время русскій рельсовый путь по своей длинѣ превосходитъ не только всѣ существующія европейскія, но даже и американскія желѣзныя дороги. И въ самомъ дѣлѣ, отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско въ 1870 году мнѣ пришлось проѣхать около 5.000 верстъ; тогда какъ отъ исходнаго пункта сибирской дороги, отъ Челябинска до Владивостока насчитывается болѣе 6.000, а до Портъ-Артура наберется всего около 7.000 верстъ. Если же считать отъ береговъ Балтики, т.-е. отъ Петербурга до Тихаго океана, то все разстояніе, пробѣгаемое паровикомъ, будетъ доходить почти до 9.000 верстъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности по поводу сходства обѣихъ тихоокеанскихъ дорогъ, перехожу къ описанію моей поѣздки.

Выѣхавъ изъ Москвы 16-го мая 1901 года, я въ тотъ же день вечеромъ долженъ былъ въ Тулѣ пересѣсть въ другой вагонъ, а между тѣмъ тутъ же на вагонахъ третьяго класса стояла надпись: „Безъ пересадки до Челябинска“. Мало того, пассажирамъ перваго и второго классовъ пришлось еще разъ пересаживаться въ Батракахъ. Довольно обширное селеніе Батраки составляетъ узелъ желѣзныхъ дорогъ, выходящихъ изъ Тулы и Рязани; а потому здѣсь въ 1885 году была открыта первая переселенческая контора: она обязана была снабжать переселенцевъ свѣдѣніями по отысканію свободныхъ земель въ Сибири. Здѣсь же стала производиться первая правильная регистрація переселенцевъ. Въ настоящее время такая регистрація совершается въ Челябинскѣ и въ другихъ городахъ по сибирской желѣзной дорогѣ.

Прибывъ черезъ два дня въ Самару и переночевавъ въ ней, я утромъ, гуляя по городу, завернулъ въ открытую здѣсь столовую для переселенцевъ: подъ обширнымъ навѣсомъ на столбахъ тянутся длинные столы со скамьями по обѣ стороны; на нихъ могутъ размѣститься человѣкъ триста. Возлѣ навѣса помѣщена кухня съ обширною печью; въ нее вставлены котлы, въ которыхъ варились щи съ говядиной. Довольно значительная порція этихъ щей съ кускомъ говядины и краюхой хлѣба стоитъ пять копѣекъ. Эта столовая служитъ какъ бы первымъ этапомъ

для переселенцевъ, если нѣкоторымъ изъ нихъ случается пробыть иной день въ городѣ.

Отъ Самары поѣздъ сначала шелъ, то по равнинамъ, то, по холмистой мѣстности съ значительно развитымъ хлѣбопашествомъ. Затѣмъ потянулись лѣса, а вслѣдъ за ними показались обнаженныя скалы, представлявшія хотя невысокіе, но весьма живописные горные виды. Около двухъ часовъ пополудни поѣздъ достигъ высшей точки Уральскаго хребта по рельсовому пути и перевалилъ на восточный скатъ горы. Тутъ на стоящей близъ станціи пирамидѣ съ одной стороны значится надпись: „Европа", а съ другой—„Азія".

— Вотъ мы и въ Азіи!—воскликнулъ сидѣвшій рядомъ со мной молодой человѣкъ, повидимому купеческаго званія.

— Пока еще нѣтъ! — возразилъ помѣстившійся противъ насъ господинъ въ форменной фуражкѣ.

— Какъ же? А на столбѣ-то съ этой стороны показана Азія.

— Мало ли что! Это по ученымъ географіямъ Уралъ признается границей Европы; но мы пока находимся еще въ оренбургской губерніи, а она, какъ извѣстно, причисляется къ Европейской Россіи.

И въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что Азія въ административномъ отношеніи начинается собственно съ тобольской губерніи, такъ что даже Челябинскъ, этотъ, такъ сказать, исходный пунктъ сибирской желѣзной дороги, находясь въ оренбургской губерніи, не признается азіатскимъ городомъ, по крайней мѣрѣ въ административномъ смыслѣ.

Проѣхавъ по горной странѣ восточнаго Урала, поѣздъ вскорѣ проникъ въ область, изобилующую золотыми пріисками, а затѣмъ вновь пошелъ по равнинной мѣстности земледѣльческаго характера и вечеромъ засвѣтло подкатился къ станціи Челябинскъ.

Самый городъ находится въ четырехъ верстахъ отъ станціи; но онъ меня не интересовалъ. Я имѣлъ въ виду познакомиться съ здѣшнимъ врачебно-питательнымъ переселенческимъ пунктомъ, для чего и остановился въ одной изъ мелкихъ гостинницъ раскинутаго при станціи поселка, этого, такъ сказать, перваго созданія новой желѣзной дороги. Дѣло въ томъ, что на челябинскую станцію изъ внутреннихъ сибирскихъ областей за послѣдніе года доставлялись значительныя партіи хлѣба въ зернѣ для отправки въ Европейскую Россію. Благодаря этому, поселокъ, по имени Никольскій, и разросся въ теченіе послѣдняго пятилѣтія

до степени мѣстечка, въ которомъ насчитывается около четырехъ тысячъ жителей.

Здѣшній переселенческій пунктъ считается наиболѣе важнымъ, такъ какъ состоящій при немъ особо назначенный для того чиновникъ направляетъ прибывающихъ сюда переселенцевъ въ надлежащія мѣста внутрь Сибири. Отправившись наступившимъ утромъ—по указанію хозяина гостинницы—по широкой улицѣ поселка, я почти на концѣ его вышелъ на площадку, окруженную со всѣхъ сторонъ раскинутыми врозь срубными домиками, всего около двадцати-пяти числомъ. Въ нихъ могутъ удобно помѣститься до полуторы тысячи человѣкъ. Пройдя немного далѣе по той же улицѣ, я въ переулкѣ увидѣлъ въ отдѣльномъ домѣ больницу съ семьюдесятью кроватями. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, въ обширномъ каменномъ строеніи помѣщается кухня. Въ большихъ котлахъ, вставленныхъ въ вытянутую вдоль громадную печь готовился харчъ. Изъ этой кухни отпускается до двухъ тысячъ дешевыхъ, но сытныхъ порцій: а именно, за пятнадцать копѣекъ съ человѣка, каждый изъ переселенцевъ получаетъ полфунта мяса, два фунта чернаго хлѣба, щи, кашу и чай съ двумя кусками сахара. Сюда слѣдуетъ еще прибавить бани въ особомъ помѣщеніи и прачешную. Переселенцы пользуются всѣмъ этимъ за весьма умѣренную плату.

Между прочимъ, я разговорился здѣсь съ молодымъ парнемъ, покинувшимъ свое село въ тверской губерніи. По его словамъ, онъ былъ изъ села, принадлежавшаго во время оно графу Шереметеву; что меня отчасти удивило,—такъ какъ бывшіе крѣпостные графа искони слыли если не богачами, то, большею частью, зажиточными крестьянами. Этотъ молодой переселенецъ отправлялся теперь въ томскую губернію не по нуждѣ, а скорѣе по соблазнительнымъ слухамъ, на поиски отводимаго казною пятнадцати-десятиннаго надѣла. Надо прибавить, что онъ принадлежалъ къ числу такъ-называемыхъ самовольныхъ переселенцевъ, т.-е. такихъ, которые покидаютъ свое село, не заручившись разрѣшеніемъ отъ мѣстнаго начальства. Когда я замѣтилъ, что по правиламъ самовольнымъ переселенцамъ не даютъ казенной земли, то, махнувъ рукой, онъ воскликнулъ: „Эхма! авось пристроюсь какъ-нибудь! Вѣдь міръ не безъ добрыхъ людей! А дома-то отъ батьки житья не стало“.

И вотъ онъ, убѣгая отъ старика-отца, взялъ въ волости паспортъ и отправился какъ бы на заработки. Теперь же этотъ парень надѣется примкнуть къ какой-нибудь партіи переселен-

цевъ, а не то пристать къ старожиламъ, которые, какъ увѣряли его, охотно примутъ въ свою общину холостого здороваго малаго.

Тутъ же, на переселенческомъ пунктѣ мнѣ пришлось встрѣтить нѣсколько человѣкъ, возвращавшихся назадъ въ Россію даже цѣлыми партіями. Многіе изъ нихъ уходили оттого, что не оказалось въ наличности подходящихъ свободныхъ участковъ. По регистраціи, какъ мнѣ сообщили, оказывается, что вообще обратныхъ переселенцевъ насчитывается около двадцати процентовъ въ годъ. Однако, въ 1901 году такое обратное движеніе чрезвычайно усилилось, что̀ несомнѣнно состоитъ въ связи съ неурожаемъ, постигшимъ за прошлое лѣто западныя области Сибири.

Сколько ни приходилось слѣдить за колонизаціей въ разныхъ частяхъ свѣта, нигдѣ не случалось встрѣчаться съ такимъ значительнымъ количествомъ возвращающихся домой переселенцевъ. А при всемъ томъ нельзя не обратить вниманіе на то, что ни одно правительство, ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, не оказывало столько пособій, не предоставляло столько льготъ своимъ колонистамъ, какъ администрація переселенческаго дѣла въ Россіи. Выселяясь изъ Европы за море въ иныя части свѣта, колонистъ составляетъ какъ бы отрѣзанный ломоть для своей родины. Хотя Англія, Германія и Франція высылаютъ своихъ подданныхъ отчасти въ собственныя владѣнія, однако эти ихъ колоніи все-таки раскинуты за морями, въ другихъ частяхъ свѣта. Напротивъ того, переселеніе крестьянъ въ Россіи совершается въ одномъ и томъ же совмѣстномъ государствѣ, составляющемъ неразрывное цѣлое владѣніе. Эту, такъ сказать, внутреннюю колонизацію русскихъ земледѣльцевъ на Востокѣ можно развѣ сравнить съ подобнымъ, совершавшимся за послѣднія десятилѣтія переселеніемъ американскихъ фермеровъ съ восточныхъ штатовъ на дѣвственныя земли дальняго Запада. Но американское правительство, предоставляя фермерамъ отыскивать себѣ болѣе для нихъ прибыльные участки въ новыхъ обмежеванныхъ территоріяхъ, вовсе притомъ не заботится объ ихъ водвореніи на избранныхъ ими земляхъ, лишь бы послѣднія были въ свое время надлежащимъ порядкомъ заявлены у мѣстнаго правительственнаго агента. Сами фермеры, какъ люди болѣе или менѣе достаточные, не пользуются притомъ даже удешевленными эмигрантскими поѣздами; а, переѣхавъ къ избранному мѣсту въ обычномъ пассажирскомъ поѣздѣ, устроиваютъ тамъ новое хозяйство своими средствами, не прибѣгая ни къ какимъ пособіямъ отъ правительства.

Иное дѣло въ Россіи: нашимъ крестьянамъ зачастую не-

мыслимо было бы обойтись безъ административной помощи, и правительство въ широкихъ размѣрахъ надѣляетъ ихъ разнаго рода пособіями. Однихъ врачебно-питательныхъ пунктовъ, на которыхъ переселенцы пользуются пріютомъ и дешевой горячей пищей, по всему протяженію желѣзной дороги отъ Челябинска до Срѣтенска насчитывается всего девятнадцать, вмѣстѣ съ больницами при нихъ. Въ случаѣ крайней нужды, переселенцу даже безплатно отпускается харчъ. Помимо значительнаго пониженія желѣзно-дорожнаго тарифа, переселенческимъ управленіемъ производится даже, въ случаѣ нужды, выдача путевыхъ ссудъ, въ размѣрѣ пятидесяти рублей на семью для колонистовъ въ Западную Сибирь. Если же они ѣдутъ далѣе, то могутъ получить до ста рублей. Сверхъ того, выдается также ссуда на хозяйственное устройство не свыше ста рублей. Потомъ разрѣшается ссуда, необходимая для посѣва на двѣ десятины и еще на продовольствіе. Для своихъ построекъ переселенцы могутъ заимствовать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ. По истеченіи трехъ лѣтъ, колонисты обязуются уплачивать свой долгъ по ссудамъ ежегодными взносами въ теченіе десятилѣтняго срока. За послѣдніе года на такія ссуды израсходовано свыше милліона рублей. Такого же рода денежныя пособія выдаются еще на созиданіе общественныхъ мельницъ, для рытья колодцевъ и тому подобныхъ устройствъ. Мѣстами администрація устроила лѣсные склады, въ которыхъ лѣсъ продается гораздо дешевле рыночныхъ цѣнъ. Точно такъ же организованы казенные склады земледѣльческихъ орудій и машинъ, отпускаемыхъ новоселамъ по крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

Помимо всѣхъ этихъ административныхъ пособій, оказываемыхъ колонистамъ, даже мѣстныя частныя общества принимаютъ участіе въ оказаніи помощи нуждающимся новоселамъ. Этими обществами на разныхъ пристаняхъ, тамъ, гдѣ случается значительное скопленіе переселенцевъ, устроены особые бараки, съ больницами при нихъ. Сверхъ того здѣсь и тамъ открыты на частныя средства безплатныя столовыя, а въ иныхъ мѣстахъ организованы также врачебные пункты. Общество, сверхъ того, открыло свои склады лѣсныхъ матеріаловъ и земледѣльческихъ орудій, выдаваемыхъ переселенцамъ въ ссуду. Администрація, кромѣ того, предоставляетъ льготы колонистамъ. Благодаря этому, послѣдніе избавляются въ теченіе трехъ лѣтъ отъ взноса платежей въ казну и отъ военной повинности.

Для того, чтобы сельское населеніе могло надлежащимъ порядкомъ воспользоваться всѣми этими пособіями, переселенческимъ управленіемъ издаются ежегодно дешевыя брошюрки для

народа, подъ заглавіемъ: „Сибирское переселеніе“. Эти книжечки, въ количествѣ 400.000 экземпляровъ, разсылаются земскимъ управамъ и учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Въ появившихся доселѣ шести выпускахъ простымъ, но толковымъ языкомъ излагаются: краткое описаніе Сибири, правила для переселенія на казенныя земли, также все, что̀ нужно знать каждому ходоку. Дѣло въ томъ, что крестьяне, получившіе разрѣшеніе переселиться, обязаны выслать впередъ ходока для пріисканія подходящаго участка. Въ своихъ справочныхъ изданіяхъ управленіе относится съ крайнею осторожностью къ сообщаемымъ народу полезнымъ свѣдѣніямъ и, давая благіе совѣты эмигрантамъ, строго предостерегаетъ ихъ отъ разныхъ встрѣчающихся препятствій и затрудненій. Такъ, между прочимъ, въ послѣднемъ, шестомъ выпускѣ дается крестьянамъ совѣтъ „отложить переселеніе до той поры, когда Сибирь поправится послѣ неурожая“, постигшаго ее прошлымъ лѣтомъ. Въ томъ же выпускѣ, сверхъ того, упоминается, что изъ 51.999 ходоковъ, прошедшихъ въ 1900 году изъ Сибири домой, какъ значится по регистраціи въ Челябинскѣ, только 8.656 человѣкъ заявили, что они, намѣтивъ подходящіе участки, намѣрены вернуться въ Сибирь съ обществомъ, снарядившимъ ихъ въ путь; а 43.343 человѣка, осмотрѣвшись, пришли къ убѣжденію, что на родинѣ лучше—и вовсе не намѣрены переселяться. Итакъ, изъ ходоковъ 71% не могли пріискать надлежащихъ участковъ для своихъ обществъ, а потому администрація совѣтуетъ крестьянамъ быть, во всякомъ случаѣ, крайне осторожными.

Ознакомившись, насколько успѣлъ, съ главнымъ переселенческимъ пунктомъ, я, затѣмъ, направился по желѣзной дорогѣ далѣе, на востокъ. Отъ Челябинска поѣздъ все еще катилъ по равнинамъ оренбургской губерніи, и лишь на двухсотой верстѣ оттуда подошелъ къ административной границѣ Сибири, въѣхавъ въ территорію тобольской губерніи.

Сибирскіе вагоны первыхъ двухъ классовъ устроены подобно тѣмъ, что ходятъ по рязанской дорогѣ: они состоятъ обыкновенно изъ весьма удобныхъ купэ, въ которыхъ, на ночь, располагаются четыре постели. Благодаря удобному устройству вагоновъ, переѣзды, въ теченіе двухъ-трехъ сутокъ, по обширнымъ протяженіямъ Сибири меня нисколько не утомили. По пути, скоро заводились знакомства съ пассажирами—и время проходило безъ томительной скуки. Такъ какъ дорога проложена въ одну колею, то на станціяхъ устроены разъѣзды. Тутъ иногда приходилось по нѣскольку минутъ поджидать встрѣчный поѣздъ.

Если онъ былъ еще далеко отъ станціи, то пассажиры зачастую выскакивали изъ вагоновъ и пускались по лугамъ, собирая разсыпанные по нимъ красивые цвѣты.

По пути, я нѣсколько разъ заходилъ въ вагоны третьяго класса, съ тѣмъ, чтобы побесѣдовать съ ѣхавшими въ нихъ переселенцами. Они сидѣли на деревянныхъ скамьяхъ, по двое съ каждой стороны протянутаго посреди вагона прохода; а ночью укладывались спать на такихъ же нарахъ, расположенныхъ съ каждой стороны прохода попарно, одинъ—внизу, другой—вверху. По самой сибирской дорогѣ, начиная отъ Челябинска, ходятъ еще вагоны удешевленнаго четвертаго класса съ такими же двухъ-ярусными нарами для спанья.

Вотъ, мы подъѣзжаемъ къ станціи, гдѣ назначена остановка минутъ на десять или болѣе. Тутъ обращаютъ на себя вниманіе кирпичные домики, въ сторонѣ отъ главнаго станціоннаго строенія, съ надписью надъ входомъ: „кипятокъ—безплатно". Пассажиры, съ котелками и чайниками, устремляются къ этимъ домикамъ и, нацѣдивъ кипятку изъ вставленнаго въ печь котла, завариваютъ въ своихъ вагонахъ чай; потомъ приглашаютъ къ себѣ въ гости знакомыхъ, и когда поѣздъ вновь двинулся въ путь, то, за чайными приготовленіями, составляются компаніи съ веселыми бесѣдами.

На большихъ станціяхъ, съ буфетами, стоятъ довольно долго, такъ что можно, не торопясь, напиться чаю, позавтракать или пообѣдать. Судя по выставленной на столѣ таксѣ, порціи не дороже тѣхъ, что значатся вообще въ Россіи. Но для третьеклассныхъ пассажировъ имѣются тутъ же еще особаго рода буфеты, которые одинъ изъ пассажировъ прозвалъ „бабьими". Эти буфеты помѣщаются обыкновенно возлѣ станціи, но въ открытомъ полѣ: передъ длиннымъ столомъ располагается цѣлый рядъ крестьянокъ изъ сосѣднихъ поселковъ съ разными продуктами. Тутъ, на столѣ, предлагаются пассажирамъ бутылки съ молокомъ, крестьянскія печенья, даже горячіе блины, вареная баранина, рыба, печеныя яйца, картофель и тому подобныя снѣди, продаваемыя за весьма дешевыя цѣны. Торговля эта наноситъ, конечно, не малый ущербъ буфету третьяго класса, но разрѣшается начальствомъ, такъ какъ служитъ значительнымъ подспорьемъ для малодостаточныхъ переселенцевъ. Эти столы съ ихъ продажными продуктами окружены обыкновенно густыми толпами третьеклассныхъ пассажировъ. Запасаясь здѣсь въ дорогу разнаго рода провизіей, они затѣмъ, не торопясь, съѣдаютъ, по пути, свои покупки.

Замѣчу здѣсь кстати: на отдѣльныхъ станціяхъ я видѣлъ выставленныя наружу объявленія, касательно пріема и выдачи почтовой корреспонденціи. На такое устройство правленіемъ отпущены особыя средства, съ цѣлью облегчить поселенцамъ сношенія съ ихъ бывшими сообщинниками въ покинутой ими Россіи. Сверхъ того, на тѣхъ же станціяхъ значатся „ссудосберегательныя кассы". Благодаря этому учрежденію, рабочій людъ можетъ тутъ же внести въ кассу свой заработокъ и сохранить, такимъ образомъ, лишнюю копѣйку на черный день.

II. — Отъ Кургана до Омска.

Гостинница „Яръ". — Маслодѣльное производство. — Ишимская степь. — Скотоводство. — Петропавловскъ. — Киргизы. — Старожилы. — Желѣзнодорожные мосты.

Отъѣхавъ верстъ на сорокъ къ востоку отъ границы тобольской губерніи, поѣздъ, въ часъ по-полуночи, остановился у станціи Курганъ. Покинувъ вагонъ, я сдалъ багажъ носильщику, который и вынесъ его къ извозчику. Экипажъ, въ родѣ короткой долгуши на дрожинахъ, показался мнѣ, правда, сомнительнаго свойства; зато лошаденка, небольшого роста, оказалась весьма шустрая и безъ кнута быстро примчала къ расположенному вблизи, на правомъ берегу рѣки Тобола, городу Кургану. Это — первый сибирскій городъ, какой приходится посѣтить проѣзжающимъ по здѣшней желѣзной дорогѣ. Мой возница подвезъ меня къ гостинницѣ, не очень-то приглядной съ виду, но носящей зато громкое прозвище „Ярь", въ память — какъ мнѣ объяснилъ хозяинъ — извѣстной въ Москвѣ ресторація, гдѣ онъ нѣкогда состоялъ, будто бы, метрдотэлемъ. Номеръ, въ который меня отвела служанка, оказался крайне непривлекательнымъ; но въ дорогѣ не слѣдуетъ быть слишкомъ взыскательнымъ, особенно въ пустынномъ краѣ. Путешествуя по Америкѣ, я зачастую довольствовался по неволѣ и не такими покоями. Взглянувъ, однако, на кровать въ отведенномъ мнѣ номерѣ, я замѣтилъ, что тутъ не было ни простыни на тюфякѣ, ни одѣяла, ни подушки, и обратилъ на это вниманіе служанки.

— Дадимъ все, — сказала горничная, — но за это у насъ полагается особая плата.

Зная уже изъ Челябинска объ этой приплатѣ, заведенной, какъ оказалось, во всѣхъ гостинницахъ Сибири, я, разумѣется, не возражалъ, памятуя, что въ чужой монастырь со своимъ уста-

вомъ не ходятъ. Въ такой приплатѣ полагается по 10 копѣекъ за простыню, по 15—за подушку, 15—за одѣяло и еще за двѣ свѣчи—20 коп. въ каждую ночь.

Выглянувъ, утромъ, со второго этажа въ окно, я увидѣлъ разсѣянные въ разныя стороны домишки. Хотя Курганъ существуетъ, въ качествѣ уѣзднаго города, около ста-двадцати лѣтъ, но съ виду онъ до сихъ поръ скорѣе похожъ на большую деревню. Выходя изъ гостинницы и пробираясь по немощеной, грязной послѣ дождя улицѣ, я не безъ труда добрелъ до расположеннаго близъ станціи переселенческаго пункта. Отсюда переселенцы направляются по участкамъ, раскинутымъ большею частью къ юго-востоку отъ города, преимущественно по плодороднымъ степнымъ мѣстамъ на сѣверѣ киргизской окраины. Такимъ образомъ, каждому изъ переселенческихъ пунктовъ назначенъ извѣстный районъ, куда переселенческіе чиновники и обязаны направлять прибывающихъ на мѣсто колонистовъ.

Довольно густо населенная область, примыкающая къ Кургану, славится въ Сибири своимъ земледѣліемъ и въ особенности скотоводствомъ. Этой мѣстности приписывается главнѣйше починъ широко развившемуся въ южныхъ областяхъ тобольской губерніи производству сливочнаго масла. Здѣсь, впрочемъ, издавна уже приготовлялось въ значительномъ количествѣ топленое коровье, такъ называемое русское масло. Но въ прежнее время не было ни мастеровъ, ни надлежащихъ средствъ для производства, а также для дальней перевозки чухонскаго масла. Лишь съ той поры, какъ проведена въ Сибирь желѣзная дорога, открылась возможность развить такое маслодѣліе въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Обращаемъ вниманіе на это обстоятельство въ особенности потому, что даже компетентные знатоки Сибири нерѣдко пессимистически отзывались по поводу проводимой въ пустынный край желѣзной дороги, утверждая, что слѣдовало бы помедлить проложеніемъ рельсовъ до тѣхъ поръ, пока въ краѣ не возникнетъ промышленное развитіе. При этомъ какъ бы упускается изъ виду, что для всякаго промышленнаго производства необходимы мастера и орудія, а въ пустынномъ краѣ не обрѣтается ни тѣхъ, ни другихъ. Благодаря лишь паровому транспорту и оказывается возможнымъ ввести въ дѣвственный край, вмѣстѣ съ развивающейся колонизаціей, также и промышленное производство. Подтвержденіемъ могутъ служить даже такія простыя, несложныя, но широко развившіяся вдоль по желѣзной дорогѣ сливочно-маслодѣльныя производства. И въ самомъ дѣлѣ, лишь съ открытіемъ парового движенія оказалось возможнымъ снабдить

маслодѣльные заводы сепараторами и умѣлыми мастерами. На закрытой недавно выставкѣ маслодѣлія въ Курганѣ экспонировали слишкомъ триста фирмъ. На состоявшемся послѣ того съѣздѣ маслодѣловъ постановлено въ настоящее время устроивать такіе съѣзды ежегодно, расширить сѣть народныхъ школъ въ Западной Сибири, основать спеціальныя училища маслодѣлія, издавать „молочную“ газету. Для перевозки сливочнаго масла при желѣзной дорогѣ устроены особые вагоны-ледники бѣлаго, молочнаго цвѣта. Въ нихъ льдомъ поддерживается низкая температура. Съѣздъ постановилъ увеличить число этихъ вагоновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ускорить въ нихъ перевозку. Сверхъ того, имѣется въ виду учредить прямой скорый поѣздъ, который предполагается отправлять изъ Сибири въ Ригу разъ въ недѣлю. Въ лѣтнее же время, во избѣжаніе порчи масла въ дорогѣ, поѣздъ этотъ будетъ составляться исключительно изъ вагоновъ-ледниковъ.

Даже въ настоящее время сливочное масло въ значительномъ количествѣ препровождается черезъ Ревель въ Гамбургъ и Лондонъ. По этому поводу съѣздъ рѣшилъ также назначить отъ себя представителя для защиты интересовъ маслодѣловъ въ Англіи. Въ истекшемъ году, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, провезено черезъ сибирскую границу свыше пятисотъ пудовъ масла, и наибольшее количество его было доставлено изъ курганской области. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помышляютъ даже объ открытіи сыроваренъ; но до сихъ поръ все еще великъ спросъ на знающихъ дѣло мастеровъ. Послѣдніе, конечно, не замедлятъ наѣхать по желѣзной дорогѣ, точно такъ же, какъ съ переселенцами понаѣхало уже не мало всякихъ другихъ опытныхъ мастеровъ въ родѣ плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ; между ними появились тоже искусные строители водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ, также вѣялокъ и молотиловъ.

Однако, здѣшнее маслодѣліе не обошлось безъ нѣкоторой борьбы съ препятствіями. Посѣтивъ одного изъ здѣшнихъ маслодѣловъ, я узналъ отъ него, между прочимъ, что въ какомъ-то обширномъ поселкѣ въ прошломъ году община пріобрѣла сепараторъ и завела у себя общественное производство сливочнаго масла. Но, вотъ, въ село явился одинъ изъ мѣстныхъ комерсантовъ и предложилъ крестьянскому міру продать ему сепараторъ и поставлять ему же молоко по сорока копѣекъ за пудъ. Для достиженія своей цѣли, сказанный комерсантъ подкупилъ главныхъ воротилъ сельскаго общества и старосту. Послѣдніе уговорили крестьянъ согласиться на предложеніе купца, а онъ, сверхъ того, выставилъ нѣсколько ведеръ вина, и въ концѣ кон-

цовъ завладѣлъ „молоканкой“, какъ крестьяне называютъ сепараторъ. Потомъ купецъ завелъ весьма доходную маслодѣльную фирму, лишивъ, такимъ образомъ, крестьянъ поселка значительной прибыли. Это дѣло, безъ сомнѣнія, мало говоритъ въ пользу господствующей въ Сибири сельской общины въ борьбѣ ея съ капиталистическими покушеніями.

Мой знакомый маслодѣлъ сообщилъ мнѣ еще другое извѣстіе, изобличающее, между прочимъ, крайнее невѣжество здѣшнихъ поселянъ. Въ южныхъ областяхъ тобольской губерніи за послѣднее время установилось полнѣйшее бездождіе, такъ что краю грозилъ неурожай. А между тѣмъ, въ этой мѣстности за послѣдніе четыре года широко развилось маслодѣльное производство. Благодаря выгодному сбыту этого продукта, всѣхъ обуяла лихорадка маслодѣлія, и въ краѣ обнаружилась небывалая дотолѣ въ Сибири кипучая дѣятельность. Однако, мѣстные крестьяне стали крайне подозрительно относиться къ этому непривычному для нихъ дѣлу. Когда въ краѣ на телятъ напала большая смертность, то поселяне приписали это маслодѣлію и особенно заведенію сепараторовъ. „Дѣло въ томъ,—объяснилъ мой знакомый,—что крестьяне, сбывая выгодно молоко, лишали телятъ нормальнаго питанія, и послѣдніе, конечно, хилѣли“. Сепараторъ тутъ, какъ видно, ни при чемъ. Но вотъ, среди лѣта, когда краю опять стала угрожать засуха, крестьяне мірскимъ приговоромъ постановили, чтобы запрещено было продавать молоко маслодѣламъ, и, сверхъ того, потребовали уничтоженія „молоканокъ“, такъ какъ онѣ, будто бы, и причиняютъ бездождіе. Крестьяне грозили даже лишить жизни самихъ маслодѣловъ, такъ что послѣдніе спасались бѣгствомъ, и для возстановленія спокойствія въ краѣ потребовалось даже вмѣшательство мѣстной администраціи.

Выѣхавъ изъ Кургана въ часъ по полуночи, я удобно проспалъ въ купэ до самаго разсвѣта. Когда же проснулся и оглядѣлся въ окно, то мнѣ показалось, что передо мной разстилается новый край; для меня тутъ все было ново: по обѣ стороны рельсовъ словно волнами раскинулась Ишимская степь, съ разсыпанными по ней въ большомъ числѣ свѣтлыми озерами. Вода въ нихъ большею частью горько-соленая и мало пригодная для питья. Здѣшняя мѣстность и носитъ даже названіе „горькой линіи“. Мнѣ страннымъ казалось, что на озерахъ почти вовсе не было видно птицъ, тогда какъ ѣхавшій съ нами охотникъ увѣрялъ, что въ тростникахъ водится много всякой дичи. Кое-гдѣ по степи попадаются перелѣски. Мелкая трава успѣла уже—

въ концѣ мая — пожелтѣть отъ солнечныхъ лучей. А между тѣмъ, воздухъ былъ довольно свѣжій: на развѣшанныхъ въ вагонахъ термометрахъ Реомюра оказалось даже среди дня не болѣе шести градусовъ тепла. Когда я заявилъ моему сосѣду по купэ, что, по моемъ выѣздѣ изъ Москвы, почти двѣ недѣли тому назадъ, тамъ было уже гораздо теплѣе, то онъ возразилъ: „У насъ, въ Сибири, развѣ въ іюлѣ бываетъ такъ тепло, какъ въ Москвѣ". И дѣйствительно, въ іюлѣ, какъ оказывается, въ Ишимской степи термометръ также поднимается иногда до тридцати градусовъ; зато, въ январѣ, бываетъ болѣе сорока градусовъ мороза; такъ что разность между наивысшей и наименьшей температурами превышаетъ даже семьдесятъ градусовъ. Несмотря на то, Ишимская степь, по своему плодородію, считается одною изъ житницъ Сибири. А все-таки, попадавшіеся по пашнямъ всходы овса показались мнѣ весьма скудными. Мой сосѣдъ удостовѣрялъ меня, что съ самой весны въ степи не было дождей, и оттого трава и всходы такъ оскудѣли.

Для меня, впрочемъ, было ново также то, что эти пашни не тянулись узкими полосами, какъ при русскихъ деревняхъ, а напротивъ, разстилались правильными широкими четыреугольниками, иногда въ цѣлую десятину и болѣе величиною. Пашни здѣшнихъ поселянъ могли на самомъ дѣлѣ раскинуться такими широкими площадями, благодаря именно тому, что здѣшнимъ крестьянамъ отводится на душу по пятнадцати десятинъ земли.

Попадавшіеся по пути поселки представились мнѣ тоже какъ бы въ новомъ видѣ. Это были уже не тѣ встрѣчающіяся повсюду по Великоруссіи избы, съ растрепанными соломенными крышами, похожими издали на свирды прогнившей соломы. Здѣсь, напротивъ, начиная съ самаго Челябинска, мнѣ представлялись просторныя, тесомъ крытыя избы, зачастую въ шесть оконъ съ лицевой стороны.

Новую особенность являли для меня также виднѣвшіяся по обѣ стороны рельсовъ изгороди, прясла которыхъ состоятъ изъ горизонтальныхъ жердей въ три ряда. Ими окружаются значительныя поляны, называемыя паскотинами; тутъ пасутся лошади и рогатый скотъ, не вѣдая пастуха. Мнѣ показалось это новшествомъ, такъ какъ у насъ въ селахъ тверской и другихъ губерній такими же тынами огораживаютъ обыкновенно хлѣбныя поля, а скотина подъ присмотромъ пастуха ходитъ по пустошамъ и открытымъ выгонамъ.

Въ одномъ мѣстѣ такая изгородь напомнила мнѣ всюду встрѣчающіеся въ Америкѣ такъ называемые фэнсы. Такая ограда

состоитъ изъ расколотыхъ вдоль бревенъ, сложенныхъ концами другъ на дружкѣ зигзагомъ, такъ что каждое звено съ другимъ составляетъ то входящій, то выходящій тупой уголъ. Вышиною въ ростъ человѣка—такая ограда служитъ надежною охраною для пасюотины.

Мѣста, гдѣ рельсы пересѣкаются проселочными дорогами, также напоминали мнѣ американскіе порядки. По такимъ перекресткамъ американцы выставляютъ обыкновенно на двухъ высокихъ столбахъ продолговатую доску, предписывая на ней проѣзжающимъ, чтобы они осматривались по обѣ стороны рельсовъ. Въ Сибири же у такого проѣзда на столбикѣ прибита квадратная доска съ лаконическою надписью: „Берегись поѣзда". Такимъ образомъ, и здѣсь тоже сберегается лишній расходъ на сторожей; въ Сибири, впрочемъ, изрѣдка все-таки встрѣчаются при перекресткахъ и сторожа, проживающіе въ домикахъ возлѣ полотна желѣзной дороги.

Миновавъ нѣсколько разъѣздовъ и станцій, съ ихъ безплатными кипятками и торгующими разною снѣдью крестьянками, поѣздъ подошелъ къ впадающей въ Иртышъ рѣчкѣ Ишимъ, давшей названіе обширной степи. Переѣхавъ эту рѣку по желѣзному мосту, локомотивъ поднялся съ вагонами на другой берегъ и подкатилъ къ большой станціи Петропавловскъ. Здѣсь, на платформѣ показалось нѣсколько человѣкъ узкоглазыхъ киргизовъ, составляющихъ въ качествѣ кочевниковъ главное населеніе киргизской степной окраины.

Мѣстность, по которой мы проѣзжали, служитъ поприщемъ обширнаго скотоводства. Эта отрасль сельскаго хозяйства для Сибири вообще имѣетъ весьма важное значеніе, и если вѣрить показаніямъ сибирскихъ статистиковъ, то количество крупнаго и мелкаго скота доходитъ до 25 милліоновъ головъ. При всемъ томъ скотоводческое хозяйство, по небрежности кочевниковъ, нерѣдко подвергается разнымъ невзгодамъ и въ особенности неизбѣжнымъ повальнымъ болѣзнямъ, сильно разоряющимъ здѣшнихъ поселянъ. Простой народъ, по невѣжеству, не довѣряетъ ветеринарамъ, и потому зачастую скрываетъ извѣстіе о появившейся эпизоотіи. Опоздалыя мѣры, принимаемыя врачами, оказываются большею частью тщетными. Обязательное страхованіе скота могло бы еще послужить болѣе надежною мѣрой, но такое средство было бы возможно только при существованіи земства, а оно, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не введено въ Сибири.

Несмотря на эти невзгоды, въ Петропавловскѣ и его окрестностяхъ открыто много салгановъ, и вообще по всей мѣстности,

расположенной близъ сѣверной окраины далеко раскинувшейся къ югу Киргизской степи, перерабатываются въ значительныхъ размѣрахъ разные продукты скотоводства. Благодаря здѣшнимъ заводамъ, изъ Петропавловска въ разные концы Россіи и Европы, помимо коровьяго масла, вывозится значительное количество мороженаго мяса, разныхъ невыдѣланныхъ кожъ, овечьей и козьей шерсти, конскаго волоса, роговъ и копытъ. Сверхъ того, отправляются черезъ Ревель за границу овчины и козлины; а въ Берлинъ и Гамбургъ идетъ большое количество упакованныхъ въ бочонки кишекъ на колбасное производство. Напомнимъ также, что мороженое мясо поставляется даже въ Кронштадтъ, гдѣ оно служитъ пищею морскимъ командамъ.

Замѣтимъ кстати, что до проложенія желѣзной дороги значительная часть этихъ продуктовъ забрасывалась и пропадала даромъ, за недостаткомъ средствъ сообщенія. Въ настоящее время, напротивъ того, промышленность степного скотоводства, благодаря паровому транспорту, станетъ, конечно, еще болѣе расширяться съ годами. Однако, для болѣе успѣшнаго развитія скотоводства, необходимо прежде всего заселить киргизскія окраины русскими колонистами. А между тѣмъ, по этому поводу русской администраціи предстоитъ преодолѣть немалыя затрудненія. И въ самомъ дѣлѣ, правители киргизскихъ степей давно убѣдились въ необходимости ввести туда русскій элементъ: они поощряли переселеніе въ степи; но киргизы съ своей стороны, какъ исконные владѣтели этихъ обширныхъ пространствъ, недружелюбно принимали русскихъ переселенцевъ. Вторгаясь мѣстами самовольно, послѣдніе нерѣдко силой захватывали киргизскія земли. Вслѣдствіе этого происходили бурныя столкновенія, доходившія даже до убійства. Киргизы мстили за захваты своихъ пастбищъ покражами лошадей—барантой, какъ это называется у нихъ; а русскіе поселяне въ такихъ случаяхъ нерѣдко прибѣгали къ самосуду, къ такъ называемому у американцевъ линчу, и отплачивали за баранту лишеніемъ жизни.

Для устраненія подобныхъ неурядицъ, областная администрація постановила правиломъ, чтобы поселенцы арендовали земли у киргизовъ, обращаясь притомъ непосредственно къ тѣмъ обществамъ или лицамъ, которымъ принадлежитъ арендуемая земля. Поощряя аренду киргизскихъ земель, уѣздные начальники всячески пытались уговорить туземцевъ, чтобы они допускали крестьянъ къ водворенію. Послѣдніе иногда на арендуемыхъ участкахъ спѣшили выстроить церкви, въ увѣренности, что киргизская земля, на которой вооруженъ крестъ, окончательно останется

за ними. А между тѣмъ, не мѣшаетъ замѣтить, что сами переселенцы оказываются крайне неусидчивыми; порвавъ связь съ родными мѣстами, они не скоро пріурочиваются къ новому поселенію и все думаютъ, какъ бы найти получше мѣста. Выпахавъ до истощенія степную цѣлину и привыкнувъ къ такому хищническому хозяйству, они не желаютъ перейти къ другой, болѣе раціональной системѣ земледѣлія, а потому только и помышляютъ о томъ, какъ бы пріискать новый плодородный участокъ.

Желая, съ одной стороны, удовлетворить переселенцевъ, а съ другой—не обездолить кочующихъ киргизовъ, администрація за послѣднее время приступила наконецъ къ обстоятельному изученію землевладѣнія и хозяйства туземнаго населенія, имѣя въ виду выяснить, какое пространство земли необходимо предоставить кочевникамъ для прокормленія ихъ семействъ. Сверхъ того, начальство пытается всячески побудить самихъ киргизовъ перейти къ осѣдлому образу жизни. На такой конецъ недавно былъ даже предложенъ проектъ ссудныхъ кассъ для туземцевъ. Эти кассы имѣютъ цѣлью выдавать киргизамъ ссуды на удовлетвореніе хозяйственныхъ и семейныхъ нуждъ, главнѣйше съ тѣмъ, чтобы пріурочить кочевниковъ къ осѣдлости. Однако, привыкнувъ искони къ кочевому скотоводству по обширнымъ луговымъ пространствамъ своихъ родныхъ областей, киргизы туго поддаются такимъ приманкамъ и крайне негодуютъ на новые порядки, возникшіе съ проведеніемъ желѣзной дороги.

Надо сознаться на самомъ дѣлѣ, что этотъ паровой двигатель, овладѣвая дѣвственнымъ краемъ и внося въ него несомнѣнныя блага цивилизаціи, составляетъ для этихъ кочевниковъ грозную роковую силу, расшатывая до основанія сложившіеся испоконъ вѣка устои ихъ быта.

Не одни кочевники терпятъ тяжкія невзгоды отъ проведенія рельсовыхъ путей: сибирскимъ старожиламъ они также пришлись не по нраву. Иначе оно и быть не могло: въ минувшее блаженное время они ни о какихъ надѣлахъ не вѣдали; всякій пахалъ на полномъ раздольѣ, гдѣ ему приглянется, и, выпахавъ въ одномъ мѣстѣ до того, что земля истощалась и начинала давать скудные урожаи, старожилъ переходилъ на другую новину. Прежде сибиряки, бывало, даже охотно принимали въ свою общину приходившихъ изрѣдка изъ Россіи новыхъ поселенцевъ, такъ какъ, явившись безъ средствъ въ Сибирь, эти пришельцы на первыхъ порахъ зачастую поступали къ нимъ въ батраки и представляли такимъ образомъ для нихъ подспорье дешеваго

труда. Но, вотъ, по рельсамъ внутрь страны нахлынули стаи голодныхъ переселенцевъ, и старожилы стали опасаться, какъ бы, съ водвореніемъ этихъ новыхъ пришельцевъ въ ихъ селеніяхъ, не стали вводиться новые, непригодные для нихъ россійскіе порядки; а потому старые сибиряки всячески стараются избавиться отъ этихъ новыхъ поселенцевъ. Тѣмъ еще болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ завелись новые порядки землеустройства, въ силу которыхъ старожиламъ начали отводить по 15 десятинъ удобной земли на душу, а затѣмъ у нихъ отбирались лишнія земли для ожидаемыхъ изъ Россіи пришельцевъ. Если же старымъ поселеніямъ отводилось свыше 15 десятинъ на душу, то старожилы обязывались принимать до полнаго комплекта новыхъ членовъ въ свое общество.

Покинувъ Петропавловскъ, поѣздъ пошелъ вдоль южной границы тобольской губерніи, потомъ врѣзался въ сѣверную окраину Киргизской степи. По сторонамъ синѣли здѣсь и тамъ горько-соленыя озера все той же Ишимской степи. Подойдя къ Иртышу, поѣздъ перекатилъ черезъ рѣку по превосходному длинному желѣзному мосту. Замѣтимъ здѣсь кстати,—сколько бы желѣзная дорога ни страдала, до поры, до времени, отчасти отъ недостатковъ постройки, отъ проложенія легковѣсныхъ рельсовъ, однако, что касается желѣзныхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ широкія рѣки, то они вообще по ихъ сооруженію являютъ, можно сказать, послѣднее слово техническаго искусства. Такъ что со временемъ, когда легковѣсные рельсы замѣнятся болѣе солидными и устранятся другіе недостатки дороги, эти мосты останутся нетронутыми въ своемъ настоящемъ видѣ. Переѣхавъ на другой, правый берегъ Иртыша, поѣздъ въ девятомъ часу вечера подошелъ къ станціи Омскъ.

III.—Омскъ и Бараба.

Крѣпость —Мертвый Домъ.—Знамя Ермака.—Кадетскій корпусъ —Базаръ.—Переселенческій пунктъ.—Колонисты-нѣмцы.—Отдѣлъ Географическаго общества.—Барабинская степь.—Обь.—Ново-Николаевское.—Тайга.—Заимки.—Грабежи.—Почтовый трактъ.

Самый городъ расположенъ въ трехъ верстахъ отъ станціи, какъ разъ въ углу, при впаденіи р. Оми въ Иртышъ. Новая гостинница въ Омскѣ оказалась весьма солидною: въ ней были опрятные и удобные номера, отопленіе водяное; но такъ какъ въ городѣ не устроенъ еще водопроводъ, то приходится подвозить

въ домъ ежедневно по двадцати и болѣе бочекъ воды. Можно было воспользоваться и ванной, что̀ вмѣстѣ съ бѣльемъ стоило рубль.

Когда я вышелъ на немощеную улицу, то меня крайне поразила непролазная грязь: нельзя было спуститься съ дощатаго тротуара, не рискуя увязнуть въ крайне липкой почвѣ. Несмотря на то, что въ Омскъ переведена была резиденція генералъ-губернатора, что городъ служитъ средоточіемъ управленія степного края, что это—самый населенный городъ тобольской губерніи, весь онъ состоитъ большею частью изъ деревянныхъ домовъ, и кое-гдѣ лишь попадаются каменныя зданія общественныхъ учрежденій, въ родѣ мужской и женской гимназій, техническаго училища, фельдшерской школы, да сверхъ того еще нѣсколько частныхъ каменныхъ домовъ. А впрочемъ, за послѣдніе года, этотъ служившій въ прежнее время пустымъ угломъ, съ преобладаніемъ чиновничьяго люда, городъ, подъ вліяніемъ парового транспорта сталъ видимо измѣнять свой обликъ. Въ немъ появились банки, конторы разныхъ торговыхъ фирмъ, заводы; сюда наѣзжаютъ комми-вояжёры, купцы не только русскіе, но также иностранные. Образовавшійся въ трехъ верстахъ отъ Омска поселокъ Царскій-Хуторокъ разростается изо дня въ день.

Добравшись по грязи кое-какъ до деревяннаго моста, перекинутаго черезъ рѣчку Омь и перейдя на другой берегъ рѣки, я по раскинутому вблизи саду пробрался на прямую улицу и увидѣлъ передъ собою не очень высокія, каменныя, желтоватаго цвѣта ворота, похожія на тріумфальную арку. На нихъ подъ карнизомъ значится надпись: „Омская 1791 года“. Я вошелъ въ бывшую омскую крѣпость, выстроенную на защиту русскихъ поселенцевъ отъ нападавшихъ на нихъ въ былое время туземцевъ. Пройдя съ сотню шаговъ по прямой улицѣ, я направо увидѣлъ обширныя каменныя казармы. Далѣе, наискось противъ нихъ, стоитъ небольшой домъ дисциплинарной роты, передъ которымъ прохаживался солдатъ съ ружьемъ. Здѣсь, какъ увѣрялъ хозяинъ гостинницы и какъ предполагаютъ мѣстные жители вообще, и находилась, будто бы, тюрьма, въ которой протомились четыре года на каторгѣ нашъ славный романистъ Достоевскій и поэтъ Дуровъ. Однако, такое предположеніе оказывается невѣрнымъ, въ чемъ легко убѣдиться по описанію въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ Достоевскаго. Тамъ именно сказано: „Острогъ нашъ стоялъ на краю (а не внутри) крѣпости, у самаго крѣпостного вала“. Въ настоящее время на этомъ краю

крѣпости, на мѣстѣ бывшаго Мертваго Дома, стоятъ новыя зданія.

Проходя далѣе, я внутри упраздненной крѣпости, помимо казармъ, замѣтилъ еще нѣсколько каменныхъ домовъ военнаго вѣдомства, а именно—военнаго суда, больницы, интендантства и пр. Такимъ образомъ, внутренній районъ лишенной прежнихъ стѣнъ крѣпости до сихъ поръ сохранилъ свой воинственный обликъ. А далѣе, на другомъ концѣ оказались еще другія, такія же, какъ видѣнныя мною прежде, каменныя ворота, съ надписью: „Тарскія 1791 г.". Эта арка фронтомъ обращена къ небольшому, лежащему по направленію къ сѣверу, на лѣвомъ берегу Иртыша, городу Тара.

Въ началѣ своего существованія Омскъ служилъ казацкою станицею, и казаки выстроили здѣсь свою церковь, а именно Никольскую. Посѣтивъ эту казачью церковь во время совершавшагося въ ней молебна, я обратился къ пожилому дьячку съ вопросомъ, гдѣ находится помѣщенное здѣсь казаками знамя Ермака. Привѣтливо улыбнувшись, дьячокъ подвелъ меня къ лѣвому краю алтаря и указалъ на стоявшую здѣсь высокую хоругвь. На блестящемъ бронзовомъ древкѣ насажена такая же бронзовая красивая рама, въ которую и вставлено не очень большое старое знамя, перевезенное усердными казаками изъ Березова. На одной сторонѣ красками изображено, какъ Архангелъ Михаилъ поражаетъ копьемъ дьявола, а на другой—какъ святой Дмитрій низвергаетъ въ пропасть Кучума.

На другой сторонѣ улицы, противъ храма вытянулось довольно длинное каменное, выбѣленное зданіе съ широкой лѣстницей, на платформѣ которой высилось шесть бѣлыхъ колоннъ, а надъ ними значилась надпись: „Сибирскій кадетскій корпусъ".

Проходя берегомъ Иртыша внизъ по теченію, я набрелъ на базарные ряды, раскинувшіеся на нѣсколько возвышенной площади. Эти ряды своими лавчонками и шалашами напомнили мнѣ расположенные, по воскреснымъ днямъ, рынки въ Москвѣ на Сухаревской площади. За чертой города, куда я вскорѣ вышелъ, находился поселокъ, при которомъ въ разныхъ концахъ возвышалось около двадцати вѣтряныхъ мельницъ съ вертящимися крыльями. Эти мельницы, какъ мнѣ говорили, воздвигнуты прибывшими изъ Россіи переселенцами.

Въ полуверстѣ отъ желѣзнодорожной станціи посѣтилъ я переселенческій пунктъ, подобный челябинскому, но не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Тутъ, на отгороженномъ довольно просторномъ дворѣ стояло всего двѣ большія срубныя избы, на-

значенныя для переселенцевъ; а сверхъ того, въ особенномъ домѣ помѣщалась скромная библіотека. Снаружи, за оградой, на площадкѣ было раскинуто съ дюжину киргизскихъ юртъ, крытыхъ темно-сѣрыми кошмами. Лѣтомъ онѣ также служатъ пріютомъ въ случаѣ чрезмѣрнаго накопленія переселенцевъ. Рядомъ съ этимъ пунктомъ расположенъ казенный складъ земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Хозяинъ гостинницы сообщилъ мнѣ, что верстахъ въ сорока отъ Омска, къ югу, недавно возникло селеніе, въ которомъ водворились преимущественно нѣмцы, какъ надо полагать, выходцы изъ нѣмецкихъ колоній по Волгѣ. У нихъ чистенькіе, выбѣленные дома и всѣ хозяйственныя постройки въ отличномъ видѣ. Они занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, и производятъ значительное количество льна и сливочнаго масла.

Не доѣзжая до Омска, на станціи у Петропавловска я уже узналъ, что недалеко оттуда также появились нѣмецкіе колонисты лютеранскаго вѣроисповѣданія. Затѣмъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что на сѣверо-востокѣ отъ Омска значится около полутораста тысячъ десятинъ частновладѣльческой земли, изъ которой половину уже пріобрѣли себѣ нѣмцы. Они, сверхъ того, дѣятельно разъискиваютъ новыя продажныя земли. Хотя, по общимъ правиламъ, вся земля въ Сибири, за исключеніемъ Алтайской области, составляетъ собственность государства и признается казенною, однако, въ былые года правительство продавало въ тобольской губерніи земли частнымъ лицамъ. И вотъ въ Омскѣ, какъ говорятъ, появились уже агенты, съ тѣмъ чтобы скупать такіе участки. Во всякомъ случаѣ, однако, если судить по всѣмъ сообщаемымъ свѣдѣніямъ, трудолюбивые нѣмецкіе колонисты пріобрѣтаютъ земли не въ видахъ спекуляціи, а напротивъ, съ цѣлью продуктивной земледѣльческой дѣятельности, и въ этомъ отношеніи они, конечно, составляютъ весьма производительный для Сибири элементъ колонизаціи.

Въ особомъ зданіи города помѣщается Западно-сибирскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества. Въ издаваемыхъ имъ запискахъ сообщаются интересныя свѣдѣнія по изслѣдованіямъ Западной Сибири. Въ томъ же зданіи этого Отдѣла помѣщаются музей, библіотека и метеорологическая станція. По поводу послѣдней замѣтимъ кстати, что комитетъ сибирской желѣзной дороги за послѣднее время снабдилъ значительными средствами метеорологическія станціи вдоль рельсоваго пути и вокругъ Байкала, положивъ такимъ образомъ прочное начало организаціи правильной метеорологической службы въ Сибири. Такое цѣле-

сообразное распоряженіе комитета имѣетъ главною цѣлью снабжать желѣзнодорожное начальство заблаговременно предостереженіями касательно угрожающихъ метелей вдоль рельсовъ и бурь на Байкалѣ.

Въ томъ же Отдѣлѣ Географическаго Общества истекшею зимою производились научно-популярныя чтенія, сборъ съ которыхъ назначался въ пользу потерпѣвшихъ отъ прошлогодняго неурожая. Всего было прочитано около двадцати лекцій. Въ нихъ принимали участіе мѣстный врачъ, учитель гимназіи, метеорологъ, служащій при здѣшней станціи, и преподаватель кадетскаго корпуса. Предметами для чтенія служили: „Пищевые продукты", „Атмосфера земли", „Жизнь Радищева", „Политическое дѣленіе Африки", „Дыхательные органы человѣка". Однако, наиболѣе умѣстною и полезною для Омска оказалась лекція подъ заглавіемъ: „Принципы оздоровленія городовъ вообще и въ частности по примѣненію къ городу Омску". Лекторъ весьма основательно выяснилъ при этомъ невозможныя санитарныя условія Омска съ его непролазною грязью и крайне испорченною водой. Выводы почтеннаго лектора могли бы, пожалуй, послужить полезнымъ указаніемъ не только для Омска, но вообще для всѣхъ немощеныхъ городовъ въ Сибири.

Пробывъ въ Омскѣ два дня, я въ одиннадцатомъ часу вечера поѣхалъ далѣе по желѣзной дорогѣ. Утромъ на разсвѣтѣ передъ нами во всѣ стороны разстилалась Барабинская степь съ разсыпанными по ней во множествѣ солеными озерами и молодыми березками. Барабу и называютъ здѣсь поэтому „березовою степью". Изъ озеръ самое большое, Чаны, раскинулось въ 45 верстахъ къ югу отъ рельсовъ. Березовыя рощицы или, какъ ихъ зовутъ мѣстные жители, *колки*, картинно разрослись мѣстами по растянутымъ вдоль степи подъемамъ, словно по грядамъ, по такъ называемымъ здѣсь *гривамъ*. На широкихъ верхнихъ площадяхъ послѣднихъ залегаетъ черноземная почва, покрытая мѣстами зеленѣющими нивами. Благодаря этимъ гривамъ, съ подъемами по отлогому склону съ одной стороны и спускомъ по такому же скату съ другой, степь напоминаетъ собою взволнованную поверхность американскихъ степей. Трава по Барабѣ ростетъ отчасти жестковатая; здѣсь нигдѣ не видать мягкой муравы, какою покрываются обыкновенно русскіе луга. Зато по сибирскимъ степямъ попадаются цвѣты, какихъ не приходится видѣть у насъ въ Россіи. Изъ густой зелени мѣстами ярко выглядываютъ цѣлыми купами оранжевыя головки тюльпановъ. Народъ мѣтко прозвалъ ихъ „огоньками". Въ иныхъ мѣстахъ показывались нарциссы; здѣсь и

тамъ на кустикахъ росли одинокіе, крупные, но только не махровые піоны. По той же степи осенью, на возвратномъ пути, я видѣлъ также много прекрасныхъ лилій яркаго желтаго цвѣта. На станціяхъ мальчики и дѣвочки изъ сосѣднихъ поселковъ, бѣгая по платформѣ, предлагаютъ пассажирамъ за гроши большіе букеты красивыхъ пестрыхъ цвѣтовъ.

Подъѣхавъ рано утромъ къ станціи Карачи, я въ недавно раскинувшемся по сосѣдству поселкѣ, Новопокровскомъ, съ удивленіемъ замѣтилъ, что крыши новыхъ избъ покрыты не тесомъ, какъ вездѣ въ сибирскихъ деревняхъ, а дерновой землей. Дѣло въ томъ, что въ степи крупныя деревья давно порублены, а ростетъ только мелкая береза; потому въ такихъ мѣстахъ лѣсъ вообще дорогъ, и тесъ на крышѣ замѣняется дерномъ.

Въ иныхъ селахъ случалось видѣть торчащія кверху надъ глубокими колодцами длинныя слеги очеповъ, извѣстныхъ у народа подъ названіемъ журавъ. Дѣло въ томъ, что вода въ сосѣднихъ озерахъ зачастую бываетъ крайне дурного качества, а потому поселянамъ приходится рыть колодцы на значительную глубину. Однако, въ той же степи попадаются озера, прославившіяся своими цѣлебными свойствами. Ѣхавшіе въ одномъ купэ со мною двое пассажировъ, страдавшіе ревматизмомъ, на одной изъ станцій покинули вагонъ съ тѣмъ, чтобы на лошадяхъ направиться къ такому цѣлебному озеру на югѣ, по имени Инголъ.

На разсвѣтѣ другого дня, поѣздъ подошелъ къ Оби, и передъ нами, вдоль праваго холмистаго берега рѣки, на нѣсколько верстъ въ длину вытянулось громадное село Ново-Николаевское. Издали, какъ казалось, оно было скорѣе похоже на городъ. Это за послѣднія пять-шесть лѣтъ развившееся селеніе составляетъ также продуктъ животворной силы парового двигателя. Переѣхавъ прекраснымъ желѣзнымъ мостомъ черезъ широкую Обь, мы на другой сторонѣ поднялись къ станціи того же имени. Тутъ у подъѣзда пассажировъ поджидали извозчики, экипажи которыхъ состояли большею частью изъ простыхъ плетенокъ. Немалое число экипажей служило уже свидѣтельствомъ значительнаго населенія въ мѣстечкѣ. По всему видно, что этотъ поселокъ въ не очень далекомъ будущемъ преобразуется въ настоящій городъ.

Покинувъ эту станцію, поѣздъ перенесъ насъ въ холмистую мѣстность, покрытую отчасти перелѣсками. Пересѣкши нѣсколько рѣчекъ по деревяннымъ мостамъ и переѣхавъ потомъ черезъ впадающую въ Обь рѣку Томь по желѣзному мосту, поѣздъ врѣ-

зался въ мѣстность, покрытую дѣвственнымъ лѣсомъ, такъ называемою здѣсь тайгою. Чернѣющіе обгорѣлые пни по обѣ стороны рельсовъ, мрачный, непривѣтливый боръ, состоящій большею частью изъ хвойныхъ деревъ, плотно разросшихся по топкому грунту, представляли крайне неприглядную картину. А когда, впослѣдствіи, я задумалъ-было проникнуть внутрь тайги, то убѣдился на дѣлѣ, что это было труднѣе исполнить, чѣмъ пройти по первобытному тропическому лѣсу, съ его ліанами и цѣпкими растеніями, въ Америкѣ. Вообще, мнѣ нигдѣ на свѣтѣ не случалось попадать въ такую суровую, непривѣтливую лѣсную глушь. Тутъ я понялъ, отчего наши крестьяне, которымъ въ настоящее время, за недостаткомъ иныхъ угодьевъ, предлагаютъ селиться въ тайгѣ, безъ оглядки возвращаются назадъ, въ покинутые ими родные края. Тѣмъ еще болѣе, что въ этомъ бору на людей и на скотину нападаетъ цѣлая туча комаровъ, оводовъ и тому подобныхъ жестокихъ насѣкомыхъ, извѣстныхъ въ Сибири подъ общимъ названіемъ „гнусъ“. Встрѣчавшіеся по пути рабочіе спасались отъ этого неумолимаго гнуса, покрывая голову черною волосяною сѣткой, а не то просто чернымъ тюлемъ.

Проѣзжая тайгою, я въ одномъ мѣстѣ замѣтилъ, что на деревьяхъ въ лѣсу содрана кора у самаго комля. Это мѣсто, какъ оказалось, было заселено, и поселенецъ, какъ было видно, очертилъ здѣсь лѣсъ, по выраженію сибиряковъ, т.-е. для того, чтобы заявить свое право на владѣніе занятымъ имъ участкомъ, онъ снялъ кору у комля деревьевъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ высыхаютъ и падаютъ, а не то ихъ срубаютъ и жгутъ на мѣстѣ. Затѣмъ, поселенецъ расчищаетъ землю, распахиваетъ, засѣваетъ ее и такимъ образомъ заводитъ вдали отъ какого-нибудь поселка свой отдѣльный хуторъ, или „заимку“, какъ говорятъ сибиряки. Все это живо напоминаетъ мнѣ подобные же пріемы такъ-называемыхъ въ Америкѣ скваттэровъ. Они, подобно заимщикамъ, очерчиваютъ лѣсъ, воздѣлываютъ въ немъ почву и становятся неотъемлемыми владѣтелями захваченнаго ими участка. Къ сожалѣнію, однако, наши заимщики нерѣдко лишались права на владѣніе своей заимкой: когда, по мѣрѣ сгущенія населенія, количество свободныхъ участковъ сильно сокращалось и заимочная форма становилась стѣснительною для сосѣднихъ поселенцевъ, то заимка, со всѣми прилежащими къ ней землями, зачастую насильственными мѣрами вводилась въ составъ сосѣдняго селенія съ его общиннымъ строемъ. Такимъ образомъ, несмотря на мнимое изобиліе земель въ Сибири, наши сибирскіе скваттэры, эти настоящіе піонеры земледѣльческой культуры въ

краѣ, нерѣдко лишались своего права на владѣніе участкомъ, тогда какъ они сами своими трудами успѣли обратить безпріютную тайгу въ плодородныя пашни.

Однако, съ 1898 года, отъ министерства земледѣлія послѣдовало распоряженіе такого рода: заимки, хозяева которыхъ прочно водворились на нихъ, выдѣлялись при разверсткѣ участковъ въ отдѣльные отрубы такъ, чтобы оставались въ пользованіи за заимщиками. Благодаря такому постановленію, послѣдніе усвоиваютъ себѣ отвоеванныя ими у лѣса земли, если и не въ полную собственность, то все-таки въ безсрочное владѣніе, какъ оно вообще установлено въ Сибири по части казенныхъ земель...

Около часу по полудни поѣздъ сталъ подходить къ станціи, прозванной Тайгою, такъ какъ она окружена таежною мѣстностью. Пообѣдавъ на этой станціи, мы двинулись далѣе. Тутъ я случайно узналъ о совершившейся здѣсь не такъ давно странной пропажѣ. Въ вокзалѣ перваго класса между пассажирами сидѣла дама, какъ бы въ ожиданіи отходящаго поѣзда, и повидимому безпечно оглядывала пассажировъ. Потомъ, поднявшись со стула, она подозвала носильщика и, указавъ на чемоданъ, велѣла вынести послѣдній на платформу. Чемоданъ, какъ оказалось, принадлежалъ купцу, который тѣмъ временемъ, попивая пиво, былъ занятъ интереснымъ разговоромъ съ пріятелемъ. Когда послышался звонокъ, купецъ хватился своей клади, но ея уже не было на мѣстѣ. Поиски купца и прислуги оказались тщетными: дама исчезла вмѣстѣ съ чемоданомъ. Его, правда, впослѣдствіи нашли недалеко отъ церкви, но онъ былъ уже пустъ. Купецъ подалъ жалобу въ правленіе желѣзной дороги, какъ будто кто-нибудь, помимо него самого, былъ виноватъ въ этомъ. Для разбора этого дѣла былъ вызванъ чиновникъ, но, разумѣется, и онъ ничего не могъ тутъ подѣлать.

Эта станція, съ раскинувшимся при ней поселкомъ, съ самаго возникновенія ея вообще прослыла наиболѣе опаснымъ мѣстомъ по желѣзной дорогѣ. При всемъ томъ рельсовый путь, несмотря даже на окружающую непривѣтливую, опасную мѣстность, и здѣсь послужилъ поводомъ къ развитію поселка. Надо замѣтить, что отъ этой станціи проложена особая вѣтвь къ городу Томску. И вотъ, до настоящаго времени то-и-дѣло слышатся жалобы обитателей поселка на кражи и грабежи. По улицамъ ночью ходить опасно: нападенія и драки доходятъ зачастую до убійства. И неудивительно: вѣдь окружающія станцію, едва доступныя таежныя дебри испоконъ вѣка служили излюбленнымъ при-

тономъ бѣглыхъ каторжанъ и всякаго рода бродягъ. Выходя изъ своихъ берлогъ, эти варнаки и наводятъ ужасъ на жителей поселка. Грабежи, впрочемъ, нерѣдко случаются также въ иныхъ мѣстахъ; въ виду непрекращающихся нападеній на поѣзда по линіи Средней сибирской дороги, управленіемъ выписано было для вооруженія станціонныхъ и линейныхъ агентовъ нѣсколько сотенъ винтовокъ и значительное количество боевыхъ патроновъ.

Мнѣ пришлось, по выѣздѣ изъ Омска, третью ночь провести въ вагонѣ. Утромъ на зарѣ мы переѣхали по желѣзному мосту черезъ довольно широкую рѣку Чулымъ, впадающую въ Обь. Вслѣдъ затѣмъ поѣздъ подкатилъ къ станціи Ачинска. Этотъ уѣздный городъ енисейской губерніи расположенъ верстахъ въ двухъ отъ станціи, на пресловутомъ Сибирскомъ трактѣ. Начиная почти съ самой Тайги, рельсы все время пролегаютъ по близости этого тракта, а мѣстами даже пересѣкаютъ его. Поѣздъ несся по холмистой мѣстности, гдѣ все еще показывались таежные лѣса. Вечеромъ, но еще засвѣтло, мы подъѣхали къ станціи Красноярска, въ которомъ рельсы опять сошлись съ завернувшимъ также въ этотъ городъ старымъ Сибирскимъ трактомъ. Отсюда послѣдній тянется до Иркутска, и затѣмъ, послѣ переправы черезъ Байкалъ, онъ заворачиваетъ на югъ и доходитъ до Кяхты.

Въ былое время по этому тракту изъ Иркутска тянулись обозы съ цибиками чая, вывезеннаго изъ Кяхты, и съ другими товарами; также нагруженные золотомъ ящики, подъ конвоемъ вооруженнаго отряда. По немъ же проходили этапами отправленные изъ Москвы „по Владиміркѣ“ ссыльные въ Сибирь. Пассажиры, пользуясь подорожной, проѣзжали по тракту на лихихъ тройкахъ. Вспоминая то блаженное время, ямщики до сихъ поръ сильно негодуютъ на огненнаго коня за то, что онъ лишилъ ихъ прежней утѣхи—проскакать на своихъ тройкахъ.

Оказывается, впрочемъ, что желѣзная дорога не совсѣмъ еще убила извозный промыселъ, а только сократила его размѣры и уменьшила стоимость провоза. Дѣло въ томъ, что зимой, съ установленіемъ саннаго пути изъ Томска въ Иркутскъ, до сихъ поръ чуть ли не ежедневно отправляются на лошадяхъ цѣлые обозы. Благодаря чрезвычайно дешевой перевозкѣ, несрочные товары въ особенности охотно препровождаются на коняхъ. Дешевизна фрахта объясняется тѣмъ, что въ Иркутскѣ постоянный спросъ на лошадей, отправка которыхъ по желѣзной дорогѣ обходится довольно дорого; благодаря же перевозкѣ кладей на лошадяхъ, предназначаемыхъ для продажи, оплачиваются такимъ образомъ расходы по доставкѣ ихъ въ вагонахъ. На лѣто, однако,

прекращается извозный промыселъ, и въ замѣнъ его бывшіе ямщики въ настоящее время принялись за хлѣбопашество.

IV.—Красноярскъ.

Продѣлки извозчиковъ.—Улицы города.—Набережная и музей.—Развалины часовни.—Видъ съ горы.—Антикварно-книжная торговля.—Городской садъ.—Лѣсные пожары.—Сибирскій трактъ.

Покинувъ вагонъ на станціи, я взялъ извозчика и сказалъ ему, чтобы онъ везъ меня въ гостинницу „Россія". Однако, онъ сталъ увѣрять, что тамъ нѣтъ свободныхъ номеровъ, и отвезъ меня въ какое-то старое подворье. На другой же день я случайно узналъ, что извозчикъ предпочелъ подворье оттого, что получаетъ тамъ извѣстную мзду за каждаго доставляемаго имъ пассажира. Хозяева отелей на своихъ карточкахъ предупреждаютъ, правда, пассажировъ, чтобы они не вѣрили извозчикамъ, разглашающимъ, будто въ отелѣ нѣтъ свободныхъ номеровъ; но такъ какъ изъ отелей не высылаютъ агентовъ на станцію, то такое предупрежденіе оказывается обыкновенно запоздалымъ.

Улицы Красноярска оказались, правда, немощеными; однако, прямыя и широкія, онѣ подъ прямымъ угломъ пересѣкаются правильными переулками, и обстроены довольно значительными по величинѣ домами, отчасти каменными. Вообще, Красноярскъ уже больше походитъ на настоящій городъ, чѣмъ Курганъ. Близъ вокзала стоитъ обширное каменное зданіе техническаго училища. Двѣ гимназіи, мужская и женская, также помѣщаются въ прекрасныхъ каменныхъ зданіяхъ. Широкая главная улица въ сухую погоду поливается: при мнѣ по ней проѣзжалъ водовозъ съ кадкой и, черпая оттуда ведромъ воду, разливалъ ее по сторонамъ. Эта процедура оказалась нелишнею, такъ какъ иначе по здѣшнимъ немощеным улицамъ пыль поднимается густыми тучами. Остальныя улицы, однако, все-таки не поливаются. Тротуары состоятъ изъ досокъ. Пріятно было прогуляться по такому дощатому тротуару вдоль набережной Енисея. Тутъ же рядомъ тянется, сверхъ того, бульваръ, а на водѣ близъ берега стоятъ купальни и нѣсколько конторъ пароходныхъ пристаней.

Проходя по набережной, я увидѣлъ надъ каменнымъ домомъ вывѣску съ надписью: „Музей". Однако, онъ, какъ оказалось, въ теченіе лѣта закрытъ. Объяснивъ сторожу, что я въ городѣ проѣздомъ и посуливъ ему на чай, я все-таки успѣлъ проникнуть въ музей и осмотрѣть его. Въ немъ, впрочемъ, выставлена

не очень значительная коллекція предметовъ, касающихся большею частью изученія инородческаго племени. Выходя изъ одной залы, я надъ противоположною дверью увидѣлъ надпись: „Третье народное училище". За этой дверью, внутри обширнаго помѣщенія, разставлены столы со скамейками для учащихся. Было какъ разъ вакаціонное время, и ученики были распущены.

Проходя по улицамъ, я по временамъ заглядывался на бѣлую часовню, которая высилась на вершинѣ такъ-называемой Караульной горы. Эта гора крутыми скатами, покрытыми красноватымъ мергелемъ, спускается къ рѣчкѣ Качѣ, протекающей по городу и впадающей въ Енисей. Отъ этого красноватаго крутояра городъ и заимствовалъ свое названіе. Бѣлая часовня наверху манила меня на гору, которая съ виду, какъ показалось мнѣ, поднималась немногимъ выше нашихъ Воробьевыхъ горъ со стороны Москвы-рѣки. Я переѣхалъ по мостику черезъ рѣчку Качу и, поднявшись немного по скату, миновалъ раскинутый по немъ поселокъ. Отсюда торная тропа легкимъ подъемомъ привела меня прямо къ часовнѣ. Взглянувъ на нее вблизи, я былъ крайне разочарованъ, такъ какъ увидѣлъ передъ собою нѣчто въ родѣ развалинъ недостроеннаго храмика. Вышиной около пяти саженей, эта восьмиугольная, кирпичная и выштукатуренная постройка, съ заостренной черной крышей, была увѣнчана шарообразной верхушкой съ вызолоченнымъ на ней крестомъ. Въ постройкѣ продѣланы были три обширныхъ прохода для предполагаемыхъ дверей и четыре большихъ окна, но безъ рамъ. Кругомъ и внутри ничего не было, за исключеніемъ крупныхъ камней и обвалившейся штукатурки. Началъ строить эту часовню какой-то мѣстный золотопромышленникъ и по неизвѣстной причинѣ, не достроивъ, покинулъ ее въ настоящемъ видѣ.

Присѣвъ на одинъ изъ валявшихся возлѣ часовни дикихъ камней и оглядѣвшись кругомъ, я былъ вполнѣ вознагражденъ при видѣ раскинувшейся передо мною широкой живописной картины: внизу, у подножія горы пробиралась рѣчка; по другую сторону ея расположился правильными улицами городъ, вытянувшись вдоль берега по сю сторону Енисея, а вправо, не въ дальнемъ разстояніи, виднѣлся великолѣпный желѣзнодорожный мостъ, перекинутый черезъ широкую рѣку. На другой сторонѣ Енисея вытянулся хребетъ Кунсумскихъ горъ, покрытыхъ отчасти остроконечными, отчасти куполовидными сопками. У подножія хребта здѣсь и тамъ раскинуты довольно крупныя селенія. Вдосталь налюбовавшись этой картиной, недосягаемой ни для фотографіи, ни даже для кисти художника, я прежнимъ путемъ спустился съ горы.

Проходя по улицамъ, я случайно набрелъ на здѣшній базаръ, расположившійся своими лавчонками противъ стоящаго среди площади Рождественскаго собора. Надъ входомъ въ одну изъ лавокъ значилась надпись: „Антикварно-книжная торговля". Меня, разумѣется, крайне заинтересовала эта антикварія, и, вступивъ въ лавку, я попросилъ хозяина показать мнѣ, какими древними изданіями онъ торгуетъ. Къ моему крайнему изумленію, онъ указалъ на сочиненія Боборыкина, не такъ давно изданныя редакціей „Нивы". Они были отнесены къ антикварнымъ, вѣроятно, потому что были крайне истрепаны и испачканы. Впрочемъ, хозяинъ предложилъ мнѣ еще томъ стихотвореній Пушкина, затѣмъ также сочиненія Лермонтова. Иныхъ антикварныхъ произведеній я такъ и не могъ добиться, съ чѣмъ и покинулъ лавку.

Проходя, на другой день, по Воскресенской улицѣ, которая признается главною, и осматривая магазины, я по вывѣскамъ замѣтилъ, между прочимъ, что въ городѣ совмѣстно съ кондитерскими помѣщаются обыкновенно колбасные продукты. Какое отношеніе состоитъ между колбасой и конфектами,—это осталось для меня загадкой. Тутъ же, по приклеенному къ стѣнѣ объявленію, мнѣ пришлось узнать, что въ городскомъ саду въ этотъ день назначена музыка. Я и отправился въ садъ. Около него, на улицѣ торговцы бакалеями на лоткахъ предлагали лакомства проходящей публикѣ. Тутъ же продавалось мороженое и стоялъ также низенькій шкапчикъ съ разными холодными квасами, сельтерской и лимонной водой. Такіе шкапчики съ прохладительными напитками попадаются обыкновенно въ сибирскихъ городахъ по улицамъ и перекресткамъ.

При входѣ въ садъ, у стола сидѣлъ господинъ и собиралъ съ каждаго посѣтителя по десяти копѣекъ за входъ. Тутъ же вблизи разведена клумба, поросшая красивыми цвѣтами. Далѣе, усыпанная пескомъ дорожка вела къ открытому въ саду ресторану, а возлѣ него на эстрадѣ помѣщалось съ дюжину музыкантовъ, игравшихъ на скрипкахъ, флейтахъ, фаготахъ и тому подобныхъ инструментахъ. Среди довольно многочисленной публики, гулявшей по саду и сидѣвшей на скамьяхъ вокругъ эстрады, насколько я могъ замѣтить, не попадалось ни фэшіонебльныхъ щеголей, ни даже сановитыхъ купцовъ; по наружному виду мнѣ казалось, что она состояла бо́льшею частью изъ класса людей, относящихся къ такъ-называемымъ разночинцамъ, отчасти также изъ мелкихъ чиновниковъ. Да и по улицамъ города вообще не приходилось встрѣчать иной публики. Иначе оно и быть не

могло: аристократія въ Сибири не водворилась, оттого уже, что здѣсь никогда не существовало крѣпостного права, а потому и не было помѣщиковъ-дворянъ. А богатые золотопромышленники и именитые купцы большею частью разъѣзжаются въ разныя стороны по своимъ дѣламъ, въ особенности лѣтомъ. При томъ, въ настоящее время, пользуясь желѣзными дорогами, многіе изъ нихъ подолгу проживаютъ въ Москвѣ или Петербургѣ.

Проходя далѣе по дорожкамъ, я замѣтилъ, что въ глубинѣ садъ болѣе походитъ на паркъ: тамъ раскинулись густыя рощи, поросшія соснякомъ, пихтой и березой, между которыми пролегали, впрочемъ, чистыя, пескомъ посыпанныя дорожки.

Послѣ трехъ-дневнаго пребыванія въ Красноярскѣ, я вечеромъ вновь занялъ мѣсто въ вагонѣ, и поѣздъ двинулся далѣе по холмистой мѣстности, покрытой то березами, то соснами, а мѣстами и тайгою. Вдали виднѣлись горныя возвышенности. Утромъ, на зарѣ, показался въ сторонѣ густой, поднимавшійся клубомъ дымъ. Тамъ гдѣ-то горѣлъ лѣсъ. Проѣзжая по дорогѣ, я давно уже обратилъ вниманіе на встрѣчавшіяся по обѣ стороны рельсовъ гари въ тайгѣ съ почернѣвшими обгорѣлыми пнями на елани, какъ называютъ сибиряки вообще обнаженныя площади въ лѣсу. Сперва мнѣ казалось, что пожары причиняются вылетающими изъ трубы локомотива искрами. Но меня по этому поводу увѣряли, что такіе пожары повторяются каждой весною совсѣмъ отъ другихъ причинъ: бо́льшею частью отъ небрежности самихъ поселянъ, а также промышляющихъ въ тайгѣ охотниковъ и инородцевъ. Лѣсничіе рѣдко могутъ добиться толку, отчего загорѣлось въ лѣсу. Иной разъ покажется дымокъ, и его легко было бы захватить съ самаго начала. Но извѣстное дѣло,— упустишь огонь, не потушишь. А загораются лѣса бо́льшею частью раннею весной, какъ разъ въ такую пору, когда крестьяне выѣзжаютъ въ поле на посѣвъ; такъ что лѣсничіе не въ состояніи собрать изъ отдаленныхъ деревень народъ для тушенія огня. Такимъ образомъ зачастую погораетъ по нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ цѣннаго лѣса. Вообще, число лѣсничествъ въ Сибири крайне ограниченное, а при всемъ томъ лѣса служатъ важнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: во многихъ мѣстахъ заготовляются для локомотивовъ и пароходовъ дрова,—ихъ сплавляютъ также въ города. Сверхъ того, существуютъ еще другіе промыслы: крестьяне изготовляютъ полозья для саней, приготовляютъ также лопаты, ведра, совки и проч. Но для всякаго такого промысла необходимо брать билетъ у лѣсничаго, который иногда живетъ верстъ за сто отъ поселка.

А потому крестьяне нерѣдко жалуются, что имъ приходится тратить много времени, лишь бы получить разрѣшеніе на рубку лѣса. Въ настоящее время, сверхъ того, администрація, въ видахъ охраненія лѣсовъ, сочла необходимымъ оградить отъ включенія въ участки наиболѣе цѣнныя лѣсныя площади, которыя такимъ образомъ и причисляются къ казеннымъ лѣснымъ дачамъ.

Нашъ поѣздъ все время продолжалъ двигаться въ сосѣдствѣ упомянутаго Сибирскаго тракта. Близъ станцій, гдѣ приходилось намъ останавливаться, то-и-дѣло показывались старыя селенія на самомъ трактѣ, постройки которыхъ своимъ прекраснымъ внѣшнимъ видомъ свидѣтельствовали о зажиточности проживавшихъ въ нихъ крестьянъ. Мѣстами попадались также вызванныя желѣзною дорогой новыя селенія, занятыя бо̀льшею частью выходцами изъ среднихъ черноземныхъ губерній. Эти новоселы повидимому также пользовались уже значительнымъ довольствомъ.

Въ одномъ изъ селеній близъ станціи Тельмы на Сибирскомъ трактѣ находится извѣстная въ Сибири тельминская суконная фабрика, принадлежащая Бѣлоголовому. На фабрикѣ, какъ оказывается, изготовляется лишь русское простое сукно грубаго качества. Не стоило бы, пожалуй, упоминать объ этомъ, но въ Сибири вообще промышленное производство до сихъ поръ такъ мало развито, что всякая попытка въ этомъ родѣ возбуждаетъ въ сибирякахъ сильныя надежды на будущіе успѣхи мѣстныхъ промышленныхъ производствъ. Этому, конечно, должны способствовать улучшенія путей сообщенія. До настоящаго времени, однако, Сибирь, какъ всякая молодая колонія, по неволѣ покупаетъ втри-дорога привозныя мануфактурныя издѣлія, а свои вывозные продукты земледѣлія и скотоводства продаетъ по крайне низкой цѣнѣ. Нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что желѣзная дорога послужитъ не только для вывоза сибирскихъ продуктовъ, но привлечетъ также производительныя силы въ страну и такимъ путемъ вызоветъ развитіе промышленной дѣятельности въ болѣе широкихъ размѣрахъ, какъ уже и въ настоящее время она успѣла даже на нашихъ глазахъ вызвать нѣкоторые промыслы...

Пройдя еще нѣсколько десятковъ верстъ лѣвымъ берегомъ Ангары и пересѣкши деревяннымъ мостомъ впадающую въ нее рѣку Иркутскъ, поѣздъ раннимъ утромъ подкатилъ къ станціи Иркутска.

Эд. Циммерманъ.

МОЯ ЖИЗНЬ

и

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

Настоящее уныло...
Что прошло, то будетъ мило.
Пушкинъ.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.
Хомяковъ.

Когда впереди зіяетъ могила, а назади бьетъ ключомъ прошлая жизнь, полная испытаній, приключеній и впечатлѣній,—тянешься къ этому прошлому, былому. Вспоминается оно, разсказывалъ бы о немъ. Вотъ почему старость любитъ писать мемуары, которыми такъ изобилуютъ всѣ европейскія литературы, не исключая и нашей, русской. Въ этихъ мемуарахъ заключается иногда драгоцѣнный матеріалъ для психологическаго изученія людей, для пониманія общественныхъ эволюцій. Но для этого необходимо, чтобы мемуары были правдивы и объективны, и чтобы личность ихъ автора не становилась на ходули, охорашиваясь, но скрывалась бы за повѣствуемыми событіями, простая и чистосердечная.

Я переживаю теперь моментъ, когда меня тянетъ къ себѣ прошлое, былое; когда душа полна воспоминаній о немъ и хочется разсказать и другимъ о томъ, что было, да былью поросло. Я переживаю моментъ, когда хочется писать мемуары. Съ Божьей помощью, я принимаюсь за нихъ, помышляя только о томъ, чтобы они были правдивы и объективны; чтобы они не увеличивали литературнаго балласта, но были бы назидательны для читателя, заключая въ себѣ поучительный матеріалъ для изученія русскихъ людей и русской общественной жизни.

I.

Мое рожденіе. — Природа и люди: родное село, родители, родные и памятные знакомые.

Я родился 3-го іюля 1832 года въ селѣ Войтовѣ, полтавской губерніи, переяславскаго уѣзда. Это было чудное время малороссійской косовицы, на которую такъ любила смотрѣть моя мать. Да и какъ было не любоваться этимъ чуднымъ зрѣлищемъ: подъ дружными взмахами косъ пятидесяти-шестидесяти крѣпостныхъ косарей, съ высокимъ, широкоплечимъ атаманомъ во главѣ—Кондратіемъ Шевчекомъ, за которымъ шелъ есауломъ Алексѣй, садовникъ,—вылегала въ покосы душистая трава степи, изукрашенной цвѣтами, ягодами, букеты которыхъ собирались въ покосахъ, въ которыхъ нерѣдко попадались и перепелиныя гнѣзда. Въ дѣтствѣ я самъ любилъ созерцать эту косовицу, лежа на копнѣ душистаго сѣна и глядя на безоблачное голубое небо.

Возвратясь съ косовицы домой, мать моя разрѣшилась отъ бремени сыномъ-первенцомъ, котораго нарекли именемъ Александръ. Это имя было выбрано, вѣроятно, по желанію отца, въ память Благословеннаго императора, котораго такъ чтилъ мой отецъ и при которомъ проходила его гусарская молодость. Мальчикъ родился съ опухшимъ правымъ глазомъ. Тогдашній кіевскій операторъ Кауфманъ разрѣзалъ опухшія вѣки, но глаза подъ ними не оказалось. Мальчикъ остался съ однимъ лѣвымъ глазомъ. Говорили, что неумѣлая повитуха причинила такое горе семьѣ. Какъ бы тамъ ни было, этотъ физическій недостатокъ имѣлъ огромное психическое вліяніе на ребенка, предопредѣливъ, можно сказать, его судьбу. Отличавшійся отъ другихъ людей физиче-

скимъ недостаткомъ, думалъ ребенокъ, онъ долженъ отличаться отъ нихъ заслугами и талантами: онъ долженъ быть поэтомъ, литераторомъ, ученымъ, профессоромъ. Меня въ дѣтствѣ называли то поэтомъ, то профессоромъ и, можетъ быть, не даромъ: чуть ли не съ десяти лѣтъ я началъ вести дневникъ и писать стихи— сначала малорусскіе, поддавшись вліянію Шевченка, котораго такъ превосходно декламировала моя мать, полу-француженка,— а потомъ русскіе, очарованный Кольцовымъ. Мое родное село Войтово—чудесное село: большое, со многими прудами, окаймленное рощами. Какое-то свѣтлое, какое-то веселое. Въ районѣ глубокаго чернозема оно стояло на песчаной почвѣ, и поэтому я не помню, чтобы въ немъ когда-нибудь бывала грязь. Густо населенное, оно имѣло два прихода; посреди его красовалась каменная церковь прекрасной архитектуры, сооруженная графомъ Безбородко. Два приходскихъ священника, вѣчно враждовавшіе между собою, поочередно отправляли въ ней богослуженіе. На паперти ея—могилы именитыхъ обывателей, и между прочими могила моего дѣда по матери, генералъ-лейтенанта французской службы, съ которымъ мы встрѣтимся ниже.

Это село Войтово было основано въ половинѣ семнадцатаго вѣка выходцемъ изъ Сербіи Думитрашко, по смерти котораго досталось его племяннику Марку. Прикосновенный къ заговору Мазепы, онъ былъ сосланъ Петромъ въ Сибирь, а Войтово было конфисковано и передано переводчику кіевской губернской канцеляріи Корбу. У меня и теперь сохраняется воспоминаніе о Корбиной греблѣ на рѣкѣ Нѣдрѣ, подъ самымъ Войтовымъ. Генеральный судья Андрей Яковлевичъ Безбородко, отецъ знаменитаго канцлера, выпуталъ изъ Сибири Марка Думитрашко, которому были возвращены его конфискованныя имѣнія. Въ благодарность за такую услугу, Безбородко получилъ въ подарокъ село Войтово, часть котораго и понынѣ принадлежитъ его потомкамъ. Другую часть онъ отдѣлилъ своему родственнику Судовщикову, отъ котораго черезъ жену его, Анну Григорьевну Шостакъ, имѣніе перешло къ дочерямъ послѣдней—моей теткѣ и матери.

Другими частями села и примыкавшими къ нему землями владѣли другіе помѣщики, вѣроятно изъ простыхъ казаковъ. Болѣе крупными были по окраинамъ Подгаецкіе и Нестеровскіе, а въ центрѣ—множество мелкоты: Василенки, Филомы, Садковскіе, Пикуловскіе и др. владѣтели нѣсколькихъ душъ крѣпостныхъ, къ которымъ мы, „стодушевые“, относились высокомѣрно и пренебрежительно, а отецъ не считалъ ихъ достойными даже зна-

комства, которое секретно поддерживала мать, женщина привѣтливая и общительная. Усадьба наша была на самой окраинѣ села. Живо припоминается мнѣ огромный дворъ, обнесенный кленами, покрытый зеленой травой; бѣлый, соломой крытый домикъ, окруженный чуднымъ садомъ, разведеннымъ искусной рукой просвѣщеннаго французскаго генерала. Съ лѣвой стороны былъ садъ фруктовый, ягодный, а съ правой—англійскій садъ съ длинной аллеей, на половину рябиновой, на половину осокоревой, которая мнѣ, дитяти, представлялась безконечно длинною; на концѣ которой, казалось, живутъ какіе-то темные духи, куда мы такъ боялись забѣгать. И теперь, въ старости, я живо помню эту чудную аллею и каждое ея деревцо. Но особенно я помню густую, какъ темная ночь, липовую аллею, подходящую къ мостику, перекинутому черезъ сажалку, за которой шла густымъ лѣсомъ дорожка, приводящая къ огромному пруду, изъ котораго однажды выловили чуть не сто пудовъ карасей. Мнѣ кажется, что и теперь я вдыхаю ароматъ воды и очерета, которымъ заросли берега. Я помню также превосходный кустъ можжевельника, подъ которымъ я зубрилъ заданные гувернанткой уроки, а кругомъ дома—куртины, засаженныя превосходными кустарниками, и цѣлыя плантаціи цвѣтовъ—левкоевъ, анютиныхъ глазокъ, изъ которыхъ моя мать умѣла составлять такіе чудные букеты. Какъ будто я вижу эти букеты, украшавшіе нашу гостиную, въ которой припоминается огромное старинное трюмо, пріобрѣтенное изъ мебели гетмана Разумовскаго, остатками которой украшались дома многихъ малороссійскихъ помѣщиковъ. Чудесно умѣла составлять букеты моя мать! Особенной красотой отличались георгины, которыя тогда начали появляться въ цвѣтникахъ Малороссіи. Каждая изъ нихъ имѣла свое названіе. Общей любимицей была „Александрина“—темно-гранатная, почти черная цвѣтомъ. Георгины эти доставлялъ Христіани, единственный кіевскій садовникъ въ то время—садовникъ-эстетикъ, не мало содѣйствовавшій развитію садоводства въ Кіевѣ и окрестныхъ губерніяхъ.

На лонѣ чудной природы, такимъ образомъ, развивалось мое дѣтство, и я съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ сдѣлался обожателемъ этой чудной природы. Высокая, зеленая трава, бѣлокорая береза, роскошный кустъ красной бузины надъ сажалкой казались мнѣ живыми существами, а бабочки, мотыльки и божьи коровки—завѣтными Божьими созданіями, къ которымъ человѣкъ обязанъ бережно относиться. Щебетанье птичекъ, которыми такъ изобиловалъ нашъ дремучій садъ, казалось мнѣ лучше всякой музыки,

а соловьиная пѣсня доставляла моей дѣтской душѣ такое же наслажденіе, какъ пѣніе Патти дилеттанту.

Впечатлѣнія этой чудной природы неизгладимо запечатлѣлись на всю мою жизнь, сообщивъ мнѣ ту наклонность къ пантеизму и романтизму, которые съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ составляли основную черту моей нравственной физіономіи. И теперь, въ старые годы, я отношусь къ природѣ съ дѣтскою любовью: выращенныя мною ели и другія деревья—мои истинные друзья, представляющіеся мнѣ существами, чувствующими всякую боль, если только сломать хоть одну вѣточку.

Близкое сродство съ великой природой—научилъ меня мой опытъ—должно быть основою всякой дѣтской школы.

Моя мать, Клеопатра Генриховна, была младшей дочерью Анны Григорьевны Шостакъ, рожденной отъ ея второго брака съ генераломъ французской службы, Генрихомъ Осиповичемъ Тирингомъ. Когда и почему онъ эмигрировалъ въ Россію, я съ точностью не знаю. Имя его я встрѣтилъ въ „Полномъ собраніи законовъ", когда, по случаю войны съ Франціей въ 1805 году, предписывалось пребывавшихъ въ Малороссіи французовъ интернировать въ Черниговѣ. Знаю также, что императоръ Александръ I назначилъ моему дѣду пенсію. Человѣкъ высокаго европейскаго образованія, онъ превосходно зналъ медицину, и въ Малороссіи пріобрѣлъ репутацію искуснаго врача, лечившаго многихъ богатыхъ помѣщиковъ, которые уплачивали иногда гонораръ натурою—крѣпостными душами обоего пола, преимущественно ремесленниками. Я не знаю, когда онъ встрѣтилъ вдову Судовщикову, урожденную Шостакъ, и вступилъ съ нею въ бракъ. Моя мать отъ этого брака, можно думать, родилась въ 1814 году, такъ какъ въ годъ ея смерти, въ 1844 году, ей насчитывали 30 лѣтъ. Къ сожалѣнію, все это—даты приблизительныя: фамильныхъ бумагъ въ нашемъ семейномъ архивѣ не сохраняли, и отъ моего дѣда досталось мнѣ только нѣсколько разрозненныхъ рукописей, да подорожная отъ Страсбурга до Парижа, но и этихъ я не умѣлъ сберечь. Слышалъ я, что послѣ смерти дѣда всѣ его бумаги были сожжены опекунами сиротъ-дѣвочекъ, такъ какъ опекуны эти, люди необразованные, изъ мѣстнаго мелкопомѣстнаго дворянства, считали генерала Тиринга франкмасономъ, отъ котораго не должно было оставаться и духу въ ихъ родномъ православномъ селѣ.

Женившись на вдовѣ Судовщиковой и осѣвшись въ имѣніи жены, мой дѣдъ занялся устройствомъ имѣнія: онъ переселилъ въ село Войтово доставшихся ему, въ видѣ гонорара, крѣ-

постныхъ—столяровъ, кондитеровъ, колбасниковъ, садовниковъ. Эти Тиринговскіе крестьяне отличались другимъ типомъ отъ крестьянъ туземныхъ: большею частью это былъ народъ рослый, красивый, умѣлый. Видно, что дарили не жалѣя, а можетъ быть, и по выбору самого генерала-врача.

Живо припоминается мнѣ статный, хотя уже и пожилой столяръ Иванъ, въ огородѣ котораго росъ занимавшій насъ очень виноградъ; припоминается также чудесная фигура садовника и банщика Семена Андреевича съ его дѣтьми: садовникомъ Алексѣемъ да булочницей Марусей, которую очень любила моя мать. Вообще, крестьяне, принадлежавшіе моей матери, замѣтно отличались видомъ отъ крестьянъ, выпадавшихъ на долю ея старшей сестры, Варвары, рожденной отъ перваго брака моей бабки. Я помню, какъ мы, дѣтьми, рыдали, что нѣсколько отборныхъ материнскихъ крестьянъ, и въ числѣ ихъ нашъ любимецъ сапожникъ Северинъ, заложенныхъ *закладною на упадъ*, могли перейти къ помѣщику Задорожному, у котораго была занята сумма подъ этотъ живой закладъ. Замѣчательно, съ какою быстротою акклиматизировалось въ Малороссіи крѣпостное право, введенное Екатериною II въ концѣ XVIII вѣка: въ началѣ прошлаго столѣтія оно составляло уже укоренившійся институтъ со всѣми его прелестями.

Отдавшись устройству женина имѣнія, генералъ Тирингъ развелъ чудесный садъ, во фруктовой части котораго произрастали такіе фрукты, какіе тогда рѣдко можно было найти въ садахъ сосѣднихъ помѣщиковъ: что за бонкретьены, что за венгерки и шпанки, къ которымъ мы подкрадывались, несмотря на крики Ивана Пупа, неизмѣннаго сторожа въ нашемъ фруктовомъ саду! До того въ моей памяти врѣзался вкусъ этихъ чудныхъ плодовъ, что, кажется, я и теперь ихъ вкушаю. И по смерти дѣда этотъ фруктовый садъ поддерживался стараніями отца, а особенно тетки, Варвары Александровны, подъ наблюденіемъ которыхъ вѣчно щепилъ и окулировалъ садовникъ Алексѣй, наученный этому хитрому дѣлу престарѣлымъ отцомъ своимъ, Семеномъ Андреевичемъ, великороссомъ. Въ селѣ примитивной культуры Думитрашки и Корба повѣяло западно-европейской цивилизаціей: появилась суконная фабрика, больница, аптека; появились всяческіе ремесленники. Въ дѣтствѣ я слышалъ много разсказовъ о причудахъ генерала Тиринга, ужасно коверкавшаго русскій языкъ. Фигура его, дѣйствительно, не подъ стать была переяславльскому дворянству, изъ среды котораго она выдѣлялась своимъ образованіемъ. Онъ, конечно, былъ чужимъ. Онъ умеръ

задолго до моего рожденія—примѣрно, въ 1818 году. Я его поэтому помнить не могъ, но я полюбилъ его невѣдомую личность, а чрезъ него и его отчизну—прекрасную Францію, которую всегда считалъ какъ бы вторымъ отечествомъ. Эту франкоманію я сохранилъ до старыхъ дней. Меня въ дѣтствѣ даже называли французомъ и находили, что я во многомъ похожъ на своего дѣда генерала и наружностью, и темпераментомъ. Мать моя осталась малюткой послѣ смерти своихъ родителей. Мало заботились о ней и ея воспитаніи опекуны, сами люди грубые, необразованные. Вдоволь натерпѣлась она въ дѣтствѣ. Ея единоутробная сестра, Варвара Александровна, была гораздо старше ея годами. Она рано вышла замужъ за мѣстнаго помѣщика Гулака, но скоро разошлась съ нимъ. Между сестрами не было ничего общаго. Это были двѣ натуры діаметрально противоположныя, между которыми не могло быть искренней симпатіи. Тетка была сдержанная и сосредоточенная, умная и начитанная; мать была экспансивна и сердечна, милаго французскаго нрава. Онѣ прожили всю свою жизнь вмѣстѣ, но никогда другъ друга не любили, да и во всей семьѣ къ теткѣ не питали особой симпатіи, но, признавая ея достоинства, относились къ ней почтительно. Она очень любила музыку, чтеніе, цвѣты и кофе.

Матери едва исполнилось четырнадцать лѣтъ, и она не разставалась еще съ куклами, какъ къ ней присватался сосѣдній небогатый помѣщикъ, отставной лубенскій гусаръ, Василій Семеновичъ Романовичъ-Славатинскій — мой отецъ. Бывалый и довольно образованный, пылкаго темперамента и съ чудесными гусарскими усами, онъ, кажется, влюбилъ въ себя обѣихъ сестеръ, но могъ жениться только на младшей, хотя она и была ребенкомъ. Отецъ мой родился въ 1800 году, на хуторѣ Супоевкѣ, переяславльскаго уѣзда, неподалеку отъ Репнинскаго имѣнія Яготинъ. Предокъ его, Романовичъ, воспитывался въ какой-то польской школѣ, гдѣ получилъ фамилію: Славатинскій. Дѣдъ отца, Ѳеодоръ, служилъ при гетманѣ Разумовскомъ въ войсковой старшинѣ. Отецъ его, Семенъ Ѳедоровичъ, уже былъ россійскимъ дворяниномъ, родъ котораго внесли въ дворянскую родословную книгу полтавской губерніи—чуть ли не въ VI-ую часть. О немъ мнѣ мало разсказывали, и характерныя черты его личности мнѣ неизвѣстны. Знаю только, что онъ былъ человѣкъ небогатый, владѣвшій въ переяславльскомъ уѣздѣ имѣніемъ Супоевкой, едва ли болѣе 50—60 душъ крѣпостныхъ. Знаю также, что онъ былъ женатъ дважды, и что отъ перваго брака у него были сынъ Кириллъ и дочь Алёна. Вторично онъ женился на моей

бабкѣ, Агаѳьѣ Ивановнѣ—нѣжинской гречанкѣ. Отъ этого брака оставались въ живыхъ мой дядя—Яковъ и мой отецъ—Василій.

Дядя Кириллъ Семеновичъ былъ человѣкъ лихого, отчаяннаго нрава, которому море было по колѣно. Я помню, что онъ служилъ первымъ по времени окружнымъ начальникомъ государственныхъ имуществъ въ переяславльскомъ уѣздѣ, когда была учреждена эта должность въ 1837 году. Какъ во снѣ припоминается мнѣ теперь, какіе балы задавалъ онъ въ Переяславлѣ, гдѣ стоялъ тогда пѣхотный полкъ съ командиромъ, полковникомъ Носакинымъ, во главѣ, котораго зналъ и полюбилъ государь Николай I за 14-е декабря. Вспоминаю, какъ, подъ звуки полкового хора, моя мать, искусная танцорка, носилась въ мазуркѣ и вальсѣ, а отецъ игралъ въ вистъ. Мы же, малютки, совсѣмъ сонныя, ждали поздняго ужина, чтобы отвѣдать крема и той пирамиды, которую такъ искусно приготовлялъ дядюшкинъ поваръ. Всѣ эти картины давняго прошлаго рисуются въ моемъ воображеніи и теперь, несмотря на многіе протекшіе годы. Свою бѣдовую жизненную авантюру, преисполненную отважныхъ эпизодовъ, дядя Кириллъ покончилъ въ Казани, гдѣ онъ служилъ частнымъ приставомъ, и откуда, по смерти его, его супруга пріѣхала къ намъ въ то время, когда мы жили уже въ другомъ имѣніи, въ селѣ Гольцахъ, лохвицкаго уѣзда, которое досталось теткѣ и матери отъ ихъ двоюроднаго брата, Ивана Иларіоновича Шостака, умершаго въ юношескомъ возрастѣ. Тетка моя Алёна Семеновна вышла замужъ за генерала Лобко. Это была суровая женщина, гордая своимъ генеральствомъ. Я помню ея деревянный домъ на Подолѣ, преисполненный генеральскаго этикета. Какъ сквозь густую сѣтку припоминаю ея сыновей, гвардейцевъ, Павла и Льва, Алексѣя и Семена, изъ которыхъ послѣдній былъ, помнится, студентомъ московскаго университета. Если не ошибаюсь, сынъ Льва Львовича, Павелъ Львовичъ Лобко,—теперешній государственный контролеръ. Лучше я помню кузину Марью Львовну, вышедшую замужъ за нашего родственника Кобелякскаго, но скоро овдовѣвшую. Бабка моя, Агаѳья Ивановна, вышла замужъ въ такіе годы, что играла въ куклы со своей падчерицей Алёной. Она была женщина малообразованная, съ трудомъ писавшая нужныя письма, и вмѣстѣ женщина довольно добрая, но нрава тяжелаго и неуживчиваго, а понятіями своими едва ли превосходила Гоголевскую Коробочку. Мы, внучата, любили бывать у нея, въ ея старосвѣтскомъ супоевскомъ домѣ, въ каморкахъ котораго всегда находилось не мало лакомствъ для внучатъ. Я живо помню эту милую, но не-

уживчивую старушку; помню и ея стараго кучера Павлушку, дремлющаго на козлахъ оригинальной брички, какъ будто вырѣзанной изъ тыквы. Подъ-конецъ своей жизни она переселилась къ намъ, въ Гольцы, отдавъ свое имѣньице умному и дѣловитому Якову Семеновичу. Она умерла, когда я уже былъ въ высшихъ классахъ гимназіи. Дядюшка Яковъ Семеновичъ—высокаго роста, стройный и красивый—былъ человѣкъ тонкаго практическаго ума и вкрадчивыхъ, обольстительныхъ манеръ. Мало учившійся, но свѣдущій, онъ былъ большой поклонникъ науки и просвѣщенія. Служилъ онъ въ конной артиллеріи и, выйдя въ отставку, женился на Софьѣ Даниловнѣ Сулимѣ—изъ довольно извѣстной малороссійской фамиліи. Поселившись въ Супоевкѣ, онъ владѣлъ доставшейся ему частью отцовскаго имѣнія. Состояніе небольшое; пошли дѣти, а средства—скудныя. Захотѣлось разбогатѣть. Его постоянно поддерживали сосѣдніе помѣщики Бутовичи, люди довольно состоятельные, сыновья бывшаго витебскаго губернатора. Къ нимъ дядюшка Яковъ Семеновичъ до конца дней своихъ сохранялъ дружескія и почтительныя отношенія. Переяславльское дворянство выбрало его капитанъ-исправникомъ, а долго спустя потомъ онъ былъ главноуправляющимъ сенатора Васильчикова. Я хорошо вспоминаю его, жившаго въ одномъ изъ этихъ имѣній—Петровкѣ. Какое роскошное, высоко-культурное имѣніе и какой стройный хозяйственный режимъ! Прекрасная суконная фабрика, образцовая овчарня съ овцеводами-нѣмцами, громадный превосходный садъ, завѣдываемый превосходнымъ садовникомъ-полякомъ; сельская школа, прекрасная больница... Куда все это дѣлось? Что со всѣмъ этимъ сталось? Остались ли какіе слѣды этого барскаго высоко-культурнаго помѣстья, которымъ такъ образцово управлялъ Яковъ Семеновичъ? И сколько было въ Малороссіи такихъ культурныхъ пунктовъ, которые мало-по-малу исчезали подъ напоромъ иной струи текущаго времени, переходя изъ рукъ бояръ въ руки цѣловальниковъ, фальсифицировавшихъ вино, которымъ они опаивали русскій народъ!

Большая часть дѣтей Якова Семеновича умирала въ молодые годы. Изъ сыновей оставался въ живыхъ мой двоюродный братъ Измаилъ, учившійся въ нѣжинскомъ лицеѣ князя Безбородко въ то время, когда я былъ въ тамошней гимназіи. Тупой и лѣнивый, онъ учился очень плохо, дѣлая школьную карьеру только благодаря протекціи помощника попечителя, Юзефовича, имѣвшаго дѣловыя отношенія съ его отцомъ. Эпикуреецъ и сластёна, мой бѣдный кузенъ надѣлалъ много долговъ въ нѣжинскихъ кондитерскихъ Неминай и Стефанѣева: его постигла грозъ-

ная расправа суроваго отца, отправившаго студента-сына на конюшню! По окончаніи лицея, кузенъ Измаилъ служилъ въ драгунскомъ тверскомъ полку, и по выходѣ въ отставку, покорный и почтительный, онъ исполнилъ волю отца—женился на дочери одного изъ Бутовичей, осуществивъ такимъ образомъ мечту старика породниться съ этой чтимой имъ дворянской фамиліей. Младшій братъ Якова Семеновича, мой отецъ Василій Семеновичъ, былъ человѣкъ совсѣмъ иного типа. Если Яковъ Семеновичъ былъ человѣкомъ дѣла и практической смекалки, то его братъ былъ человѣкъ словъ и фразы, а пожалуй и теоретическихъ обобщеній. Учился онъ сначала въ какомъ-то нѣжинскомъ пансіонѣ, гдѣ учились дѣти мѣстныхъ дворянъ, какъ, напримѣръ, Катериничъ. Здѣсь онъ выучился говорить изрядно по-нѣмецки, затѣмъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ прошелъ суровую школу дворянскаго полка. Много разсказовъ слышалъ я потомъ отъ него о режимѣ этой военной школы: о засѣканіяхъ до смерти, о крысахъ, попадавшихся въ гречневой кашѣ, которою кормили кадетъ, о томъ, какъ однажды экономъ корпуса, раскланиваясь съ начальствомъ, попалъ въ котелъ, въ которомъ варились кадетскія щи... Много слышалъ я разсказовъ отъ отца, да всего не припомню. Разсказывалъ онъ мастерски. Онъ былъ, вообще, человѣкъ даровитый и отмѣннаго дара слова. Либералъ и романтикъ, вольтерьянецъ до атеизма, поклонникъ декабристовъ и немножко сепаратистъ-украинофилъ, онъ былъ истинное дитя своего вѣка—сентиментально-романтическаго въ теоріи и на словахъ,—грубаго и крѣпостническаго на дѣлѣ и въ практикѣ. По истинѣ это былъ Sturm-und Drangperiode въ эволюціи русскаго общества, наложившій характерную печать на всю эпоху Александра I, съумѣвшаго сочетать Сперанскаго съ Аракчеевымъ, основаніе русскихъ университетовъ—съ образованіемъ военныхъ поселеній. Такъ и отецъ мой умѣлъ сочетать либерализмъ декабристовъ съ безжалостными истязаніями крѣпостныхъ. На его нравственной физіономіи, какъ въ зеркалѣ, отразилась Александровская эпоха. Не даромъ онъ такъ чтилъ память Благословеннаго императора и такъ не уважалъ его преемника, болѣе прямого и послѣдовательнаго. Къ памяти декабристовъ онъ относился съ піэтетомъ, и въ его секретномъ бюро бережно хранились ихъ реликвіи—„Войнаровскій“, Рылѣева, и послѣдняя книжка „Полярной Звѣзды“. Мудрѣйшимъ изъ смертныхъ онъ считалъ бориспольскаго помѣщика Василія Лукича Лукашевича, прогулявшагося въ Петербургъ, чтобы погостить въ казематѣ Петропавловской крѣпости, по подозрѣнію въ сепара-

тизмѣ. Вообще, о декабристахъ и 14-мъ декабря, о всѣхъ герояхъ этой драмы, мнѣ въ дѣтствѣ приходилось слушать нерѣдко. Въ нашей небольшой библіотекѣ, отъ которой мнѣ достались только разрозненные томы Карамзина на ряду съ „Иванами Выжигиными“, „Панами Подстоличами“, „Черными женщинами“ Греча и „Амалатъ-Беками“ Марлинскаго и др. подобнаго рода книгами, хранился докладъ Блудова, который я съ жадностью прочитывалъ еще гимназистомъ. Я живо помню, какъ перепугалъ насъ однажды пріѣздъ голубого мундира изъ арміи Бенкендорфа, чины которой рыскали тогда по городамъ и весямъ, прислушиваясь и присматриваясь. Не знаю, почему онъ заѣхалъ въ наше Войтово, но помню, что онъ у насъ обѣдалъ. Остановлюсь еще на нравственной физіономіи моего отца: она очень сложна и разнообразна. При томъ онъ имѣлъ огромное вліяніе на мое умственное развитіе. Отъ этого вліянія я сталъ освобождаться только къ концу своего университетскаго курса, когда я позволилъ себѣ и къ его личности отнестись критически. А до того времени я подражалъ ему во всемъ: и его вольтерьянскому атеизму, и его декабристскому либерализму, и его романтизму à la Марлинскій. Подлавшись его діалектикѣ и остроумію, я повторялъ себѣ не только его мысли, но даже изреченія. А между тѣмъ примѣръ едва ли стоилъ подражанія: такъ мало было въ его міровоззрѣніи цѣлостнаго и послѣдовательнаго, такъ много эклектическаго и сброднаго. Но закравшееся въ молодую душу вліяніе не могло не оставить въ ней слѣда на всю жизнь. Это обнаруживалось особенно относительно житейскаго режима и аккуратности въ работѣ: режимъ этотъ былъ своеволенъ и распущенъ; готовность къ работѣ—неровная и лѣнивая.

Женившись еще въ молодые годы на женщинѣ съ достаткомъ, отецъ тотчасъ же надѣлъ халатъ, закурилъ трубку своего Жукова, набитую крѣпостнымъ Ефимомъ, и этого парадного костюма онъ не оставлялъ въ теченіе всей своей жизни. Въ веденіи своего хозяйства онъ былъ фантазеръ и небреженъ. Хозяйничанью онъ предпочиталъ чтеніе романовъ. Гоголя онъ не признавалъ и, конечно, считалъ его ниже Марлинскаго; критику Булгарина и барона Брамбеуса онъ считалъ выше критики Бѣлинскаго. Любя очень чтеніе, онъ почти никогда не выписывалъ ни газетъ, ни журналовъ, а популярною тогда „Библіотекою для чтенія“ бо́льшею частью снабжалъ его просвѣщенный сосѣдъ, Захарій Алексѣевичъ Бутовичъ,—одинъ изъ немногихъ помѣщиковъ, регулярно выписывавшій періодическія изданія. Книги брались на прокатъ у Мусатова, развозившаго литературу вмѣстѣ съ балыкомъ и

конфектами по помѣщичьимъ захолустьямъ. Пріѣздъ этого Мусатова былъ нашимъ праздникомъ. Въѣзжало во дворъ нѣсколько русскихъ кибитокъ, битомъ набитыхъ разнымъ товаромъ. Подавался ихъ реестръ, въ которомъ значилось: икра астраханская, халва греческая, пастила коломенская, сельди копченыя, книги московскія. Вносились лубочные ящики этихъ московскихъ книгъ, изъ которыхъ выбирались для чтенія тетушкой Варварой Александровной, какъ болѣе понимающей литературу. Такъ, я помню, однажды былъ выбранъ „Вѣчный Жидъ", авторъ котораго, „Эжень Сю, въ полтавской губерніи имѣлъ, конечно, бо́льшую славу, чѣмъ на своей родинѣ. Книги покупались очень рѣдко, и маленькая разнокалиберная библіотека почти не пополнялась. Помню, что однажды были привезены изъ Кіева стихотворенія Подолинскаго; помню, какъ были пріобрѣтены изданные Смирдинымъ альманахи „Новоселье", въ которомъ была помѣщена повѣсть Гоголя „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ", и „Сто русскихъ литераторовъ", портретами которыхъ мы любовались, споря, кто изъ нихъ будетъ покрасивѣе: сестрѣ Сашенькѣ нравился Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, закутанный въ свой романтическій испанскій плащъ, а я отдавалъ предпочтеніе Николаю Алексѣевичу Полевому, и тѣмъ болѣе, что его очень уважалъ мой отецъ, всегда утверждавшій, что „Московскій Телеграфъ"—лучшій изъ русскихъ журналовъ. А что̀ любилъ отецъ, то любилъ я. Его герои были моими героями: я чтилъ Александра I и не любилъ императора Николая; я не могъ простить Паскевичу-Эриванскому, что онъ обошелъ Ермолова; я чтилъ князя Николая Григорьевича Репнина и Граббе, а современные министры и генералъ-губернаторы казались мнѣ мелкотой; фигуры Рылѣева и Пестеля, несмотря на то, что послѣдній по-аракчеевски обращался со своими солдатами вятскаго пѣхотнаго полка, казались мнѣ недосягаемо высоки. Отецъ такъ умѣлъ вышутить и осмѣять, что не поздоровилось бы сановникамъ, которые не соотвѣтствовали ни его политической программѣ, ни элементамъ, входившимъ въ сложный умственный составъ моего отца; можно еще прибавить, что онъ былъ склоненъ къ масонству и мистицизму, и въ его библіотекѣ почетное мѣсто занимали Юнгъ, Эккартсгаузенъ и Штиллингъ, съ которыми и я познакомился въ дѣтствѣ. Въ этой наклонности къ мистицизму отецъ мой, можетъ быть, хотѣлъ слѣдовать примѣру Наполеона I, наилюбимѣйшаго имъ героя, который вѣрилъ также въ гадальщицъ и амулеты. Еще одно слово: насколько отецъ мой былъ неровенъ въ работѣ, можетъ быть усмотрѣно изъ того,

что онъ имѣлъ терпѣніе своимъ чуднымъ почеркомъ переписать всю „Исторію руссовъ“ Конисскаго, но лѣнился, когда дѣло касалось хозяйства. Таковъ былъ оригинальный и сложный типъ моего покойнаго отца, котораго я чтилъ въ молодые годы, но который не выдержалъ критики въ мои годы, болѣе зрѣлые. Это былъ человѣкъ несомнѣнно даровитый, умный, необычайно краснорѣчивый и довольно образованный, но, дитя своего вѣка, онъ захирѣлъ въ своемъ халатѣ, въ своемъ деревенскомъ захолустьѣ, оставилъ массу долговъ, два разоренныхъ хорошихъ имѣнія и большую семью, почти не получившую никакого образованія. Умеръ онъ въ годъ смерти моей первой жены, въ 1864 году, и похороненъ на общемъ войтовскомъ кладбищѣ, въ крѣпкомъ дубовомъ гробу, заблаговременно приготовленномъ. Миръ праху твоему, и хорошій, и странный человѣкъ!

Въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ отчетливо обрисовываются фигуры ближайшихъ друзей нашей семьи, Судовщиковыхъ и Танскихъ. Судовщиковы считались въ дальнемъ родствѣ съ Безбородками: имѣнія ихъ были какъ бы частями Безбородкинскихъ, какъ, напримѣръ, въ Войтовѣ и Оржицкомъ хуторѣ, пирятинскаго уѣзда. Ихъ было нѣсколько братьевъ и двѣ сестры: Татьяна Васильевна Приходько—забавная и суетливая женщина, надъ которой позволяли себѣ потѣшаться ея племянники, и Любовь Васильевна Кобылякская, многочисленные сыновья которой были близкими друзьями нашей семьи. Особенно памятенъ мнѣ Степанъ Николаевичъ, вѣчно гостившій у насъ, и котораго мы, дѣти, очень любили. Мнѣ также памятны двѣ его сестры, Варвара и Марья Николаевны, изъ которыхъ первая воспитывалась въ домѣ какой-то графини Толстой, гдѣ она получила отмѣнное образованіе. Это была женщина умная и дѣловитая, державшая въ рукахъ своего лѣниваго мужа, Илью Ивановича Маркевича, заправлявшая всѣми хозяйственными дѣлами и много заботившаяся о томъ, чтобы дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ. Она очень любила мою мать и ѣзжала нерѣдко къ намъ въ Войтово. Я живо помню ея старомодную зеленую карету и маленькаго форейтора; живо помню, какъ ея сынъ Николай, о воспитаніи котораго такъ много радѣла мать, еще будучи ученикомъ 1-й кіевской гимназіи, пугалъ насъ ружьемъ, гоняясь за нами по нашему войтовскому саду. Отъ природы онъ надѣленъ былъ талантами, успѣшно окончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ, но изъ него вышелъ эксцентричный неудачникъ. Мать моя также очень уважала Варвару Николаевну и ѣзжала къ ней на балы въ село Туровку, прилуцкаго уѣзда. Съ Судовщиковыми и Кобылякскими насъ пород-

нилъ Александръ Васильевичъ, первый мужъ моей бабки Анны Григорьевны и отецъ Варвары Александровны, единоутробной сестры моей матери. Изъ этихъ Судовщиковыхъ я помню только Василья Васильевича и его чудную семью, но помню хорошо: это одно изъ дорогихъ моихъ воспоминаній. Василій Васильевичъ Судовщиковъ былъ человѣкъ довольно образованный: онъ служилъ въ артиллеріи и порядочно владѣлъ французскимъ языкомъ. Участвуя въ какой-то войнѣ, онъ былъ контуженъ въ голову. Это, можетъ быть, послужило причиной его душевной болѣзни, которая сначала носила буйный характеръ. Разсказывали, что когда приносили вѣрноподданническую присягу императору Николаю I-му въ сельскихъ церквахъ, больной, выдавая себя за фельдъегеря изъ Петербурга, останавливалъ присягавшихъ словами: „Остановитесь, клятвопреступники! Вы присягаете незаконному императору“! Много повозилась молодая жена со своимъ буйно-помѣшаннымъ мужемъ. Не помогали никакія врачеванія, но мало-по-малу буйное помѣшательство улеглось, и Василій Васильевичъ сдѣлался тихимъ и спокойнымъ, въ родѣ тѣхъ симпатичныхъ душевно-больныхъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ романахъ Диккенса. И замѣчательно: моральное вліяніе на него его умной супруги было такъ велико, что въ обществѣ, среди людей, онъ казался совсѣмъ нормальнымъ человѣкомъ. И только тогда, когда оставался наединѣ или съ нами, дѣтьми, онъ давалъ волю своей больной душѣ, то хохоча, то разговаривая самъ съ собою, то командуя деревьями въ саду, то разсказывая намъ, дѣтямъ, что онъ не поручикъ артиллеріи, а архіерей, и на свѣтлый праздникъ мы увидимъ его въ митрѣ. Живо припоминаю я глубоко симпатичную, высокую и тучную фигуру Василія Васильевича, въ застегнутомъ до верху сюртукѣ, обсыпанномъ душистымъ нюхательнымъ табакомъ, бренчащимъ на своей гитарѣ. Онъ страстно любилъ дѣтей и по цѣлымъ днямъ готовъ былъ играть съ нами. Мы сами очень его любили, тѣмъ болѣе, что онъ былъ большой забавникъ: онъ обладалъ необыкновеннымъ мастерствомъ копировать всѣхъ, воспроизводя физіономію, ужимку и рѣчь оригинала.

Вспоминается мнѣ, какъ онъ однажды, проживая у насъ въ Гольцахъ, осмѣивалъ нашего репетитора, Александра Осиповича Мачтета, отца недавно умершаго литератора. Но одно слово и даже взглядъ супруги—и Василій Васильевичъ преображался, перемѣняя разговоръ и придавая другое выраженіе своему лицу. Эта супруга—Александра Григорьевна, урожденная Волховская, моя крестная мать. Это была женщина недюжинная по своему

уму, граціи и такту. Помѣщица средней руки, дочь незнатныхъ дворянъ нѣжинскаго уѣзда, она смотрѣла истинной, прирожденной аристократкой. Ея небогатый домъ въ Оржицкомъ хуторѣ и вся его обстановка съ неизмѣннымъ этикетомъ были поставлены вполнѣ на барскую ногу. Для насъ, вольныхъ дѣтей вольнаго Войтова, бывать въ этомъ строго этикетномъ домѣ было сущимъ наказаніемъ, а бывать въ немъ приходилось очень часто: между моими родителями и Александрой Григорьевной была тѣсная дружба. Александра Григорьевна очень любила мою мать, обращаясь съ нею нерѣдко какъ съ ребенкомъ: ея ласковыя слова: „ахъ, Клеопатра!“—и теперь раздаются въ ушахъ моихъ. Мать моя, выросшая безъ призора, среди крѣпостныхъ сверстницъ и подругъ, не могла не уважать такую представительницу вкуса, приличій и comme il faut. Но для насъ, дѣтей, ея пріѣзды не могли быть пріятны: она насъ муштровала, дисциплинировала, всегда находя, что у насъ дѣтское дѣло ведется не такъ, какъ бы слѣдовало. Меня, своего крестника, она особенно любила. Вспоминаю, что первая монета, которую я имѣлъ въ рукахъ, серебряный рубль—былъ подаренъ мнѣ ею. Меня озадачило такое богатство, и я ломалъ свою дѣтскую голову, что̀ бы пріобрѣсть за него, и рѣшилъ купить себѣ новые панталоны.

У Александры Григорьевны было нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ оставались только двое: сынъ Евгеній да дочь Софья. Евгеній былъ человѣкъ блестящихъ способностей, замѣчательнаго литературнаго таланта, рѣдкой діалектики, и онъ нѣсколько приближался къ типу Рудина. Онъ былъ значительно старше меня, но былъ мнѣ очень близокъ и имѣлъ на мое умственное развитіе рѣшительное вліяніе: онъ вывелъ меня изъ міра „Амалатъ-Бековъ“ и „Черныхъ женщинъ“ и ввелъ въ свѣтлую сферу Гоголя и Бѣлинскаго. Подъ ударами его сарказмовъ палъ мой сентиментальный романтизмъ, замѣнившійся скептическимъ реализмомъ. Онъ, конечно, былъ человѣкомъ недюжинныхъ талантовъ. Съ нимъ мы встрѣтимся еще ниже, съ бо̀льшими подробностями. Съ его сестрой Софьей Васильевной я сблизился уже впослѣдствіи, когда она вышла замужъ за моего брата Владиміра, который такъ безжалостно и такъ безтолково разбилъ ея жизнь. Я увидѣлъ въ ней гордую и благородную женщину, мужественно переносившую несчастія, и не могъ не проникнуться къ ней уваженіемъ и симпатіей. Я радуюсь, что она здравствуетъ и теперь и, избалованная достаткомъ въ прежнее время, весело примиряется со скромной долей кастелянши кіевскаго института

благородныхъ дѣвицъ. Встрѣчи съ ней мнѣ всегда напоминаютъ лучшія времена милаго прошлаго.

Близко къ нашей семьѣ стояли также Танскіе: Николай Ивановичъ и его кузина Анна Васильевна. Во времена моего дѣтства они жили въ селѣ Пилипчичахъ, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Войтова, что мы ходили туда пѣшкомъ, а оттуда къ намъ, въ цилиндрѣ и испанскомъ плащѣ, приходилъ Николай Ивановичъ. Онъ очень любилъ нашу семью и особенно чтилъ отца за его умъ и эрудицію. Какъ будто вчера я его видѣлъ, когда въ страшный для нашей семьи моментъ смертельной болѣзни матери, послѣ родовъ сына Ипполита, онъ составлялъ ея духовное завѣщаніе, которое въ присутствіи всей семьи она подписывала дрожащей рукою. На этотъ разъ Господь Богъ спасъ ее, но она не выдержала послѣднихъ родовъ сына Платона и пала жертвой многоплодія и ранняго выхода замужъ. Николай Ивановичъ Танскій былъ оригинальный типъ, достойный кисти Диккенса: по истинѣ это былъ малороссійскій Самуилъ Пиквикъ, со всѣми его комичными и симпатичными чертами. Наивный и легковѣрный, ребенокъ на практикѣ и энтузіастъ возвышенныхъ идей, онъ страстно любилъ старину и въ особенности ту, которая касалась его знаменитаго рода Танскихъ. Я рѣдко встрѣчалъ человѣка, способнаго къ такимъ генеалогическимъ увлеченіямъ. По матери онъ считалъ себя въ родствѣ съ Паліемъ, а по отцу онъ велъ свой родъ отъ графа Танскаго. Доказать право своей фамиліи на этотъ титулъ было его завѣтной мечтой, для осуществленія которой онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни хлопотъ. Генеалогія его, богатаго помѣщика, въ конецъ разорила. Въ молодые годы, по окончаніи, помнится мнѣ, педагогическаго института, Николай Ивановичъ предпринялъ путешествіе по Галиціи и Буковинѣ, чтобы собрать возможно болѣе документовъ, касавшихся его знаменитаго рода. Изъ-за границы онъ вывезъ и странный акцентъ своей оригинальной рѣчи: его „або-то“ слышится мнѣ и теперь—такъ часто слышалъ я его въ дѣтствѣ. Фамильными документами были набиты сундуки небольшого, крытаго соломой, дома Пилипчичей, и для перевода ихъ съ латинскаго на русскій постоянно занимался студентъ кіевской духовной академіи. Домъ въ Пилипчичахъ, какъ сказалъ я, былъ небольшой и крытый соломой. Но гдѣ же родичу Палія и потомку графовъ Танскихъ удовлетвориться такимъ жильемъ? И вотъ, переяславльскій Пиквикъ затѣялъ постройку огромнаго деревяннаго дома, чуть ли не феодальнаго замка, въ своемъ прекрасномъ саду. Деревянный остовъ этого оригинальнаго деревян-

наго палаццо и теперь мерещится въ моей памяти; но этотъ палаццо такъ же не былъ достроенъ, какъ не было доказано право Танскихъ на графскій титулъ. А между прочимъ высокоблагородный человѣкъ, кроткій настолько, что боялся оскорбить грубымъ словомъ своего крѣпостного, въ это время огульнаго сѣченія, онъ разорился въ конецъ. Ничего не вѣдая въ хозяйствѣ и довѣряясь совѣтникамъ и дальнимъ родственникамъ, постоянно вертѣвшимся около него, Николай Ивановичъ потерялъ все свое состояніе, и оба его имѣнія, Пилипчичи и Мокіевка, нѣжинскаго уѣзда, были проданы чуть ли не съ молотка. А куда дѣвались тѣ документы и другіе остатки старины, которые онъ такъ бережно собиралъ? Картину, изображающую молящуюся семью Палія, и на которую я глядѣлъ въ дѣтствѣ въ Пилипчичахъ, я потомъ видѣлъ въ коллекціи памятниковъ малороссійской старины В. В. Тарновскаго. Потерявши состояніе, Николай Ивановичъ пріютился въ маленькомъ хуторкѣ Анновкѣ, принадлежавшемъ его кузинѣ. Здѣсь я видѣлъ его послѣдній разъ, когда, въ іюлѣ 1850 года, ѣхалъ поступать въ студенты университета св. Владиміра. Онъ благословилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ тогдашнему декану юридическаго факультета Иванишеву, котораго по наивности своей считалъ своимъ другомъ, а тотъ, вѣроятно, осыпалъ сарказмами простодушнаго и легковѣрнаго малороссійскаго Пикквика. Мнѣ очень дорога память этого рѣдкаго и превосходнаго человѣка, который всегда съ особеннымъ расположеніемъ относился ко мнѣ, провидя въ моихъ дѣтскихъ наклонностяхъ будущаго ученаго и профессора—званіе, которое онъ считалъ превыше всѣхъ другихъ. Душа освѣжается, когда припоминаешь, что на Руси, на берегахъ Нѣдры и Супоя, гдѣ кишмя-кишѣла ругань, сплетня и интрига, водились такія свѣтлыя, кристальныя души.

Полновѣсная кузина Николая Ивановича, Анна Васильевна, не представляла своей особой ничего замѣчательнаго. Малообразованная, она чтила высшій тонъ и высшее образованіе нашей семьи. Она была присяжной кумой моей матери, разноцвѣтный шолковый гардеробъ которой составлялся изъ цѣлаго ряда ризокъ, преподнесенныхъ на крестинахъ Анной Васильевной. Въ картинахъ дѣтства, рисующихся въ моихъ воспоминаніяхъ, должна была занять мѣсто и фигура Анны Васильевны, медоваго варенья которой я не могу забыть и теперь. Мѣсто въ этихъ картинахъ должны занять также нашъ домашній врачъ, Гавріилъ Ивановичъ Баталинъ, служившій въ жандармскомъ дивизіонѣ въ Борисполѣ. Онъ перелечилъ насъ всѣхъ: отца, мать и

дѣтей. Мы его ужасно любили и всегда радовались его пріѣзду въ Войтово. Живо припоминаю его добрую трехгубую физіономію, когда онъ въ ступкѣ растиралъ порошокъ и развѣшивалъ его дозы. Аптека была такъ далеко, что врачъ, пріѣзжавшій въ деревню, всегда долженъ былъ захватывать съ собой запасы лекарствъ. Сынъ его, Анатолій Гавриловичъ, служившій при градоначальникѣ Треповѣ, сдѣлалъ въ Петербургѣ блестящую врачебную карьеру. Вспоминаю также и другого врача, Шульца, который былъ моимъ крестнымъ отцомъ; онъ служилъ домашнимъ врачомъ у какого-то сосѣдняго магната. Красный какъ ракъ и сѣдой какъ лунь, онъ женился на нашей первой гувернанткѣ, Юстинѣ Готфридовнѣ Герисвальдъ, которую мы очень любили, и поэтому не могли простить старику Шульцу, что онъ лишилъ насъ ея. Весь этотъ рядъ фигуръ, связанныхъ съ воспоминаніями о моемъ дѣтствѣ, завершу фигурой акушерки Антонины Карловны, привозимой изъ Переяславля. Пока мы жили въ Войтовѣ, она принимала почти всѣхъ насъ. Какъ живая стоитъ она предъ моими глазами, съ длиннымъ дымящимся чубукомъ въ зубахъ. Въ ея сундучкѣ, обыкновенно, какъ говорила она, скрывается нашъ будущій братъ или сестра, и мы ужасно хотѣли заглянуть въ этотъ сундучокъ, чтобы узнать этотъ секретъ... Среди такой природы и такихъ людей проходило мое дѣтство. Впечатлительный и воспріимчивый, съ пламеннымъ воображеніемъ и горячимъ сердцемъ, подчасъ преобладавшимъ надъ холоднымъ разсудкомъ, я развивался подъ прямыми и косвенными вліяніями изображенной мною среды: систематическаго и дисциплинированнаго воспитанія у насъ не водилось.

II.

Наше семейство.—Сестра Сашенька и дружба съ нею.—Привольное и безграмотное дѣтство.—Первыя дѣтскія воспоминанія: землетрясеніе, пожаръ, первая смерть, голодъ, убійство фаворитки, первая заутреня.—Раздѣлъ наслѣдства.—Начало ученія.—Гувернантки.—Учителя.—Приготовленіе въ гимназію въ Кіевѣ.

Наша семья постепенно разросталась, и въ годъ смерти матери, въ 1844 году, состояла изъ четырехъ сестеръ и семи братьевъ. Все это были дѣти разнаго возраста, разныхъ типовъ и характеровъ; старшія выдѣлялись въ отдѣльную группу, которая состояла изъ двухъ сестеръ и меня. Мы учились вмѣстѣ, между нами была общая связь. Въ эту группу входила и Сашенька, дочь Варвары Александровны, свыкшаяся съ нашей семьей.

Это было милое и свѣтлое созданіе: рѣзвая и хорошенькая, она пѣла какъ пѣвчая птичка, надѣлена была музыкальнымъ талантомъ; всѣ ее любили и всѣхъ любила она. Въ дѣтствѣ она была истиннымъ моимъ другомъ: всегда мы играли вмѣстѣ; вмѣстѣ мы сооружали винокурни, строили домики, разводили сады и цвѣтники. Чудесное время! Завѣтное воспоминаніе! Подруга моего дѣтства, Сашенька была моимъ истиннымъ другомъ и утѣшеніемъ всей моей жизни: къ ея любви и поддержкѣ я обращался въ мои трудныя минуты, и всегда встрѣчалъ въ ней любовь и участіе. Я и теперь проникнутъ къ ней искренней братской любовью, и радостна была бы для меня встрѣча съ нею. Съ другой ея сестрой, Варенькой, которая была самой старшей въ семьѣ, я сошелся уже впослѣдствіи, въ студенческіе годы, но эта связь была иного рода—разсудочная, книжная. Изъ братьевъ я болѣе другихъ любилъ Евгенія—даровитаго и болѣе образованнаго, но жизнь не удалась ему. Ближе всѣхъ лѣтами подходилъ ко мнѣ Владиміръ, съ которымъ мы шли параллельно. Вмѣстѣ мы готовились въ гимназію, вмѣстѣ поступили въ нее, но ни дружбы, ни согласія между нами быть не могло. Красавецъ и любимецъ матери, Владиміръ былъ человѣкомъ дикаго, буйнаго нрава; онъ не могъ справиться со своими страстями, которыя управляли имъ. При нашей совмѣстной жизни онъ не давалъ мнѣ покоя: я учился и размышлялъ; онъ игралъ въ карты и всячески промышлялъ, чтобы добыть деньгу. Черкесская папаха и борьба съ горцами какъ разъ были по немъ. Такъ онъ и сдѣлалъ, отправившись служить на Кавказъ.

Привольно было наше дѣтское житье-бытье: играмъ и пѣснямъ съ крѣпостными дѣвками не было и конца. Этихъ дѣвокъ полонъ былъ домъ. Дѣла никакого онѣ не дѣлали; у насъ не было того, что водилось въ другихъ помѣщичьихъ мэнажахъ: вязанья чулокъ и кружевъ, вышиванья въ пяльцахъ и т. п. Праздныя тунеядки, онѣ отдавались играмъ и развлеченьямъ съ панычами и барышнями, пѣли намъ пѣсни, разсказывали сказки и сельскія сплетни. На барскихъ хлѣбахъ откормленныя и красивыя, онѣ постоянно состояли въ амурахъ. Какое событіе я помню прежде всѣхъ изъ моего отдаленнаго дѣтства? Прежде всего припоминается мнѣ, какъ мы, дѣти и горничныя, сидя на полу вокругъ ночника, вдругъ почувствовали колебаніе почвы. Полусонный, я жмусь къ обожаемой нянѣ; но вотъ почва заколебалась, и я живо помню, какъ нашъ войтовскій домъ зашатался, и полъ, на которомъ мы сидѣли, то подымался, то понижался. Поздно, пора въ дѣтскую постель, но любопыт-

ство: „что это такое?“—превозмогаетъ. „Это китъ,—объясняютъ мнѣ,—повернулся, и покачнулась земля“. А вотъ и другое воспоминаніе. Въ гостиной, передъ сальной свѣчой, съ ея неизмѣннымъ спутникомъ, щипцами на лоткѣ, сидятъ родители, то бесѣдуя, то читая. Мать благословила уже всѣхъ дѣтей, что дѣлала она постоянно, и дѣти улеглись въ постельки. Лакей Ефимъ, встревоженный, вбѣгаетъ съ крикомъ: „пожаръ“! Общая суета и паника. Дѣло, помнится, было поздней осенью или зимой. Насъ, дѣтей, наскоро повытаскивали изъ постелей, позакутывали и перенесли на кухню. Тамъ мы и ночь провели, и ночь превеселую. Утромъ разглядѣли, что тревога была преувеличена, и насъ перенесли домой.

Глубоко врѣзалось въ моей памяти впечатлѣніе первой смерти. Это впечатлѣніе было такъ глубоко и интенсивно, что я какъ будто чувствую его и теперь. Была страшно снѣжная зима. Дворъ былъ заваленъ высокими сугробами снѣга, въ которыхъ между кухней и домомъ былъ прорытъ узкій корридоръ. На кухнѣ мучится въ горячкѣ любимый нами парень Иванъ, братъ тетушкиной Алёнки, нашей любимой горничной. Ежедневно мы справляемся о ходѣ его болѣзни, молясь Богу о его выздоровленіи. Но, вотъ, во дворъ въѣзжаютъ сани съ какимъ-то деревяннымъ ящикомъ. Сани подъѣзжаютъ къ кухнѣ, и оттуда выносятъ и кладутъ въ этотъ ящикъ нашего милаго Ивана, чтобы отвезти его на кладбище, гдѣ уже приготовлена для него могила. Какая-то странная смѣсь горя, тоски и укора наполняетъ дѣтскую душу, а тѣло дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ. Вторую смерть мнѣ довелось видѣть ближе. Это была смерть нашей гувернантки Марьи Петровны. Я въ щелочку двери наблюдалъ надъ ея фигурой, и мнѣ казалось, что она мало-по-малу претворяется въ землю... Помню ея похороны и ужасъ этой сцены, объявшій дѣтскую душу. Смерть производитъ болѣзненныя и тяжкія впечатлѣнія на дѣтей. Жизнь молодой душѣ представляется безконечною, и она не можетъ примириться съ ея исчезновеніемъ. Всѣми своими силами молодая душа протестуетъ противъ того, съ чѣмъ миритъ насъ возрастъ, и чего мы даже желаемъ въ старости. А вотъ еще воспоминаніе изъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ. Неурожай, а за нимъ голодъ; хлѣба у крестьянъ совсѣмъ нѣтъ. Ѣдятъ съ лебедой, ѣдятъ съ жолудями. Отъ такой пищи пухнутъ и умираютъ. Но хлѣба нѣтъ и по сосѣдству. У одной Минички въ Круповѣ непочатый уголъ, но она продаетъ слишкомъ дорого: четыре рубля ассигнаціями пудъ. Покупаютъ, кто можетъ; и въ закрома Минички вмѣсто продан-

наго хлѣба сыпались мѣдяки, которымъ счета не было. Но кто можетъ платить такія деньги? Отецъ открылъ амбары для своихъ крестьянъ, позволивъ имъ выбрать весь запасъ зерна и муки. Но его семья осталась сама безъ хлѣба, и мы, воспитанные на булкахъ и папошникахъ, давились почти такимъ хлѣбомъ, какимъ питались парижане во время нѣмецкой осады и образцы котораго я видѣлъ въ Musée Cluny. Прибавлю еще одно кровавое воспоминаніе. У сосѣдняго помѣщика, Ѳ. П., была фаворитка-ключница, игравшая роль Аракчеевской Настасьи Минькиной. Ее постигла судьба этой фаворитки всесильнаго временщика. Она грубо обращалась съ крестьянами, у которыхъ накопилась злоба противъ нея. Однажды, во время молотьбы хлѣба, она вошла въ клуню и, приставая къ работникамъ, стала имъ выговаривать, что они-де работаютъ лѣниво, что ихъ-де нужно наказать. Тогда ее повалили на полъ и цѣпами размолотили, будто снопъ хлѣба. Въ это время наказаніе обыкновенно совершалось на мѣстѣ преступленія. Я гулялъ съ отцомъ по двору. Мимо проѣзжалъ исправникъ, сопутствовавшій палачу. Отецъ подошелъ къ нему, вступилъ въ разговоръ и попросилъ его показать орудіе наказанія, знаменитый кнутъ, отмѣненный „Уложеніемъ о наказаніяхъ“. Мнѣ и теперь видится этотъ кнутъ, котораго я долго не могъ забыть. Такъ ужасно было впечатлѣніе, имъ произведенное. Помню, что у покойнаго профессора Кистяковскаго, собиравшаго криминальный музей, я увидѣлъ тотъ же кнутъ, напоминавшій мнѣ страшное впечатлѣніе дѣтства. Печальны мои первыя воспоминанія: землетрясеніе, пожаръ, смерть, голодъ, убійство фаворитки. Но на томъ вся жизнь наша стоитъ, что горькое перевѣшиваетъ сладкое.

Вотъ, впрочемъ, и свѣтлое воспоминаніе: первая заутреня, видѣть которую мы съ Сашенькой давно мечтали. Заутреню будетъ служить нашъ любимецъ отецъ Иванъ, а не отецъ Василій, котораго мы почему-то не любили. Можетъ быть, потому, что въ его приходѣ были Подгаецкіе, которыхъ мы, не знаю почему, не жаловали. Въ столовой пахнетъ пасхальнымъ столомъ, заставленнымъ тюлевыми и сливочными бабами, печь которыя мать была большая мастерица; возлѣ нихъ—поросенокъ съ хрѣномъ въ зубахъ; ягненокъ колючкомъ, украшенный барвинкомъ; сало, толщиной котораго гордилась мать; крашенки и писанки. Ухъ, какъ это вкусно! А мы, вѣдь, почти весь постъ постились. Ахъ! какъ бы поскорѣе разговляться! Но пора къ заутренѣ. Раннее и свѣжее весеннее утро, пріятный холодъ пронимаетъ молодое дѣтское тѣло. Но вотъ мы въ церкви. Сквозь стекло купола я вижу го-

лубое безоблачное небо; слышится утренній крикъ пѣтуха. Маленькій и миленькій отецъ Иванъ служитъ, возглашая: „Христосъ воскресе!“ — „Воистину воскресе!“ — вторимъ мы ему, и дѣтскую душу наполняетъ какая-то радость, счастье, блаженство. Такъ въ нашей жизни свѣтлое переплетается съ темнымъ, воспоминаніе о голодѣ — съ воспоминаніями первой заутрени, которую я до гробовой доски не забуду.

Еще эпизодъ изъ блаженнаго безграмотнаго дѣтства: раздѣлъ наслѣдства послѣ смерти юноши Шостака. Какъ живо я помню его желтое, какъ воскъ, лицо съ горячечными, черными глазами, когда онъ угасалъ отъ костоѣды въ Кіевѣ, гдѣ часто навѣщали его мои родители, которыхъ онъ любилъ болѣе другихъ родныхъ. Юный, онъ угасъ, оставивъ дальнимъ роднымъ нѣсколько имѣній въ полтавской губерніи. Съѣхались для раздѣла кузены моей матери: Милорадовичи, изъ которыхъ я лучше запомнилъ Николая Ивановича, Корсунъ Яковъ Николаевичъ, панфиловскій Ильяшенко, Булюбашъ. Дѣлить нужно было крестьянъ пятьсотъ. Сколько споровъ и разногласій запечатлѣла моя дѣтская память! Какой сюжетъ для комедіи Гоголя! Мой отецъ, какъ человѣкъ болѣе развитой и образованный, взялъ перевѣсъ надъ сонаслѣдниками, подчинившимися его рѣшенію раздѣлиться по жребію. Кинули жребій: дрожащими руками вынимались бюллетени съ надписями имѣній. Мать вынула село Гольцы, къ которымъ отецъ прикупилъ въ мѣстечкѣ Чернухахъ винокуренный заводъ, сдѣлавшійся главнымъ источникомъ дохода и побудившій переселиться изъ чудеснаго Войтова въ неприглядные Гольцы, скоро сдѣлавшіеся второй нашей резиденціей. Раздѣлъ окончили распредѣленіемъ движимости: запасовъ меда, вина, построекъ. Два амбара съ оригинальной земляной кровлей, поросшей травой, перевезены были Корсуномъ изъ Голецъ въ доставшійся ему Старый хуторъ.

Этимъ эпизодомъ завершился періодъ моего безграмотнаго дѣтства, за которымъ послѣдовало ученіе и періодъ дѣтства грамотнаго. Для помѣщиковъ, живущихъ по деревенскимъ захолустьямъ, вопросъ воспитанія дѣтей былъ вопросомъ трудно разрѣшимымъ: педагоговъ тогда было мало въ городахъ, а въ деревняхъ можно было пріобрѣтать самыхъ сомнительныхъ. Родители поѣхали въ Кіевъ и привезли оттуда нашу первую гувернантку, Юстину Готфридовну Герисвальдъ, дочь фортепіаннаго мастера. Вмѣстѣ съ тѣмъ было пріобрѣтено тогдашняго фасона фортепіано, чтобы обучать старшихъ сестеръ музыкѣ. Я помню впечатлѣніе, когда раздались первые звуки этого фортепіано,

подъ искусными пальцами гувернантки. Правда, у насъ и прежде былъ флигель, принадлежавшій музыкальной теткѣ, но онъ былъ въ залогѣ у Подгаецкой, которая иногда ссужала деньги подъ залогъ болѣе или менѣе цѣнныхъ вещей. Правда, это было не по-сосѣдски, но Ольга Павловна Подгаецкая, набившая карманы культурой лука, въ денежныхъ дѣлахъ была безпощадна. Вспоминаю, кстати, ея свадебный обѣдъ, на который взяли и насъ, дѣтей. Кушанье разносилось по чинамъ и значенью гостей. Но, вотъ, слуга подалъ прежде гостю низшаго ранга, и хозяйка, выругавъ во всеуслышаніе лакея, приказала прежде подать какому-то присутствовавшему маіору. Сколько помню, m-lle Герисвальдъ выучила меня грамотѣ;—это было осенью. Я бѣгалъ по саду, какъ бы прощаясь съ своей безграмотной волюшкой. Меня зовутъ—не дозовутся: страшно не хочется садиться за азбуку. Помнится, въ это время у насъ въ домѣ присутствовалъ Николай Ивановичъ Танскій: онъ удивлялся, какъ это внукъ генерала Тиринга, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ, и будущій ученый профессоръ—не хочетъ учиться; но я сѣлъ за азбуку, и дѣло пошло на ладъ: я скоро сталъ читать. Писать же я учился подъ наблюденіемъ отца, замѣчательнаго каллиграфа. Чтобы не расходовать даромъ довольно цѣнной тогда писчей бумаги, приготовлялась дома какая-то прозрачная бумага, на которой писались разведеннымъ мѣломъ палки, которыя потомъ стирались, и можно было писать вновь.

Наша первая гувернантка была честная нѣмка, добросовѣстно учившая, чему могла и какъ могда. Не запомнилъ я ни ея педагогическихъ пріемовъ, ни ихъ результатовъ. Сестры начали изрядно бренчать на фортепіано, и я помню, съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ музыку, стоя въ саду у открытаго окна. Юстину Готфридовну мы очень любили и познакомились съ ея семьей: къ намъ въ Войтово пріѣзжали ея отецъ, сестра и братъ, который насъ, дѣтей, ужасно пугалъ, внезапно вскрикивая: „я тебя съѣмъ“! И мы, вздрагивая, убѣгали отъ него, а онъ за нами гонялся. Намъ было жалко разстаться съ милой и доброй Юстиной, и мы не могли простить Шульцу, что онъ лишилъ ея насъ.

Нужна была новая гувернантка: вмѣсто прежней некрасивой, но честной нѣмки, появилась изящная и кокетливая полька—Паулина Осиповна Костецкая, бывшая прежде гувернанткой у кіевскаго богача Шіянова. Не помню, кто привезъ ее изъ Кіева, и чему и какъ она учила насъ. Помню только, что она превосходно пѣла и превосходно кокетничала. Романтикъ и поклон-

никъ прекраснаго пола, отецъ не устоялъ, а мать приревновала: отправила Костецкую—въ Кіевъ, замѣнивъ новой гувернанткой. Эта третья наша гувернантка была Марья Петровна. Высокая, пожилая и, кажется, очень кроткая; но едва только начала она ученіе, какъ слегла въ постель и умерла, оставивъ намъ въ наслѣдство свое выморочное имущество—огромный красный сундукъ, наполненный мелочами, который, какъ можно было думать, покойница очень берегла и цѣнила. Не знаю, почему появилась опять въ нашемъ домѣ Костецкая, но скоро замѣнили ее четвертой гувернанткой, Настасьей Герасимовной, если не ошибаюсь, изъ полтавскаго института. Мы вообще были склонны любить нашихъ гувернантокъ—полюбили и ее, рыжую и въ веснушкахъ. Чему она учила сестеръ, не знаю, но помню, что я главнымъ образомъ изучалъ по книгѣ Арсеньева географію Испаніи. Одинъ Богъ вѣдаетъ, почему именно Испаніи, а не другой какой страны.

Періодъ гувернантокъ кончился, и въ результатѣ было то, что я выучился читать, кое-какъ писать, да зналъ, что Испанія къ сѣверу граничитъ Пиринеями, а къ западу Португаліей. Эта обширная эрудиція стоила родителямъ большихъ хлопотъ и затратъ. Но что они сами, недоучившіеся, могли больше сдѣлать при педагогической безпомощности не только деревенскаго, но и городского обитателя того времени? Къ этому времени относится смертельная болѣзнь моей матери послѣ рожденія брата Ипполита. Отъ жестокой родильной горячки ее спасло только усердіе и искусство незабвеннаго Гавріила Ивановича Баталина. Я обожалъ свою мать, хотя она любила меня меньше, чѣмъ Владиміра. Моя дѣтская душа изнывала отъ горя. Въ моей памяти неизгладимо запечатлѣлась торжественная сцена, когда мы всѣ собрались вокругъ постели умирающей, когда она подписывала дрожащей рукой духовное завѣщаніе въ пользу отца, написанное Николаемъ Ивановичемъ Танскимъ. Радость моя была безконечна, когда мать начала поправляться и, изнеможенная, исхудалая, съ бритой головой, начала оставлять свое ложе и выходить къ намъ. Какъ красива казалась она мнѣ тогда, и какъ я жадно цѣловалъ ея руки—ея славныя, хорошо знакомыя мнѣ руки, которыя столько разъ дѣлили лакомства между нами!

Опытъ гувернантокъ не удался. Начался опытъ гувернеровъ. Первымъ является баронъ Иванъ Петровичъ Дескотьé, полковникъ швейцарской службы. Не знаю, имѣлъ ли онъ право называть себя барономъ и полковникомъ, но я хорошо помню его оригинальную воинственную фигуру: лысую голову съ огромнымъ шрамомъ на лбу и неизмѣнный военный сюртукъ синяго

цвѣта съ красными лацканами. Онъ пробылъ у насъ года два и выучилъ изрядно говорить по-французски, безжалостно надѣвая марку, какъ называлъ онъ деревянную дощечку на шнуркѣ, за всякое употребленіе русскаго языка. Наше ученіе состояло главнымъ образомъ въ переводѣ Телемака и въ зубреніи французской грамматики Шапсаля. Мнѣ и теперь представляется фигура неутѣшной Калипсо, а изъ грамматики Шапсаля я и теперь могъ бы цитировать нѣкоторые вытверженные параграфы. Баронъ совершилъ съ нами одинъ переѣздъ въ Гольцы, гдѣ перезимовавъ, мы опять возвратились въ Войтово; но бѣдный баронъ очень любилъ водочку, которая разгорячала его симпатичный нравъ. Его ссоры съ дворовыми, а особенно съ лакеемъ Ефимомъ и ключницей Дунькой надоѣли родителямъ, и они замѣнили его другимъ изъ дома помѣщика Чучмарева, сослуживца моего отца по лубенскому гусарскому полку. Совершенно другого типа былъ этотъ Иванъ Васильевичъ Гросманъ. Онъ называлъ себя питомцемъ вѣнскаго университета, но скорѣе былъ бердичевскимъ евреемъ. Но прежде чѣмъ онъ появился въ нашемъ домѣ, замѣнивъ барона Дескотье, былъ у насъ недолго еще одинъ педагогъ: это былъ Познякъ—типъ, характеризующій педагогію добраго стараго помѣщичьяго времени. Случилось такъ, что когда былъ разсчитанъ Дескотье—услышавъ, можетъ быть, объ этомъ, къ намъ во дворъ появился человѣкъ, съ виду совершенный босякъ, но съ дипломомъ дерптскаго университета. Онъ предложилъ отцу занять вакансію нашего учителя. Поклонникъ дерптскаго университета, съ которымъ онъ, можетъ быть, былъ знакомъ по стихамъ Дельвига и Языкова, отецъ обрадовался такой дорогой находкѣ. Обшитый и обмытый, босякъ сѣлъ на предсѣдательское мѣсто за нашимъ учебнымъ столомъ. Но недолго просидѣлъ онъ на немъ. Величественная ключница Дунька давно къ нему присматривалась съ иронiей, особенно когда онъ, какъ будто изнѣженный и избалованный, закрывши платочкомъ голову, шествовалъ изъ своего помѣщенія въ нашу учебную комнату: страсть педагога къ алкоголю была открыта, и, пробывши у насъ безъ году недѣлю, онъ былъ разсчитанъ. Дерптскаго студента и смѣнилъ студентъ вѣнскій—Иванъ Васильевичъ Гросманъ. Это былъ маленькій, юркій человѣкъ, съумѣвшій поддѣлаться къ отцовскимъ вкусамъ. Онъ былъ поэтому въ силѣ и холѣ. Съ нимъ вмѣстѣ явился и учитель музыки для дочерей, бѣлокурый юноша Нарцисъ, служившій постоянно мишенью для насмѣшекъ отца и Гросмана. Скоро музыку сестрамъ сталъ преподавать полякъ Захаркевичъ—оригинальный амбулаторный маэстро. Онъ почти жилъ въ своей

громадной кибиткѣ, въ которой разъѣзжалъ по полтавскимъ помѣщикамъ, обучая ихъ дочерей музыкѣ. Его считали учителемъ музыки несравненнымъ и дорого платили ему за уроки. Сестрой Сашенькой онъ гордился, какъ лучшей своей ученицей. Съ переѣздомъ нашимъ въ Гольцы, онъ сталъ наѣзжать и туда, просиживая за уроками нѣсколько дней. Его смѣнилъ Мартынъ Осиповичъ Черноцкій, тоже полякъ, игравшій замѣчательно на скрипкѣ. Я помню звуки его хорошей скрипки, когда, забравшись въ обрывъ, примыкавшій къ сосѣднему лѣсу, онъ съ артистическимъ увлеченіемъ отдавался ей. Неразлучнымъ его спутникомъ былъ вышколенный имъ пѣтухъ, котораго онъ, кажется, выучилъ подпѣвать его скрипкѣ. Человѣкъ талантливый, маэстро этотъ такъ же любилъ алкоголь и такъ же скоро разстался съ нами. Гросманъ началъ свои занятія еще въ Войтовѣ, но продолжалъ ихъ и въ Гольцахъ, въ которые мы переселились, если не ошибаюсь, въ 1842 году. Намъ жалко было Войтова, гдѣ каждый кустикъ, каждое деревцо были намъ знакомы съ самаго начала нашей жизни; жалко было нашего бѣлаго, привѣтливо выглядывавшаго дома, жалко было и чудеснаго фруктоваго сада. А ужъ какъ жалко было разстаться съ нашей прекрасной церковью, въ которой мы были у первой заутрени, и съ о. Иваномъ, нашимъ любимцемъ! А ужъ о моей старушкѣ нянѣ, о нашихъ любимыхъ крестьянахъ и особенно Алексѣѣ садовникѣ—и говорить нечего. Мы обливались горькими слезами, когда въ громадную зеленую карету—издѣліе экипажныхъ мастеровъ Николая Ивановича Танскаго—посадили насъ съ матерью и беременной тогда сестрой Вѣрой. Нашъ громоздкій поѣздъ двинулся въ путь, и разстались мы съ Войтовымъ, которое теперь, въ старые годы, представляется мнѣ однимъ изъ лучшихъ пунктовъ земного шара. Въ самомъ дѣлѣ я и теперь не могу понять, что побудило отца перемѣнить мѣстопребываніе семьи, промѣнявъ родной уѣздъ и родное наше село на чужой уѣздъ и неприглядные Гольцы.

Гольцы въ самомъ дѣлѣ были неприглядѣе въ сравненіи съ нашимъ славнымъ Войтовымъ. Правда, гористый лохвицкій уѣздъ далеко живописнѣе ровнаго и степного переяславльскаго. Не даромъ первый иногда называли малороссійской Швейцаріей: лохвицкій уѣздъ могъ соперничать пейзажами съ лубенскимъ. Не забылъ я до сихъ поръ такихъ чудныхъ видовъ, какъ Чернухи, Остаповка, Бѣлоусовка и др.: горы да овраги, группы пирамидальныхъ дубовъ, изрѣдка протекающіе источники чистой воды. Много было подобныхъ пунктовъ и въ нашемъ имѣніи: ненаглядный окопъ со всѣми своими урочищами,

въ которыхъ культивировались плантаціи табака и чудесные баштаны. Но наша усадьба въ Гольцахъ не представляла ничего привлекательнаго: она лежала въ центрѣ села; какъ разъ противъ нашего дома стоялъ въ развалинахъ домъ мелкопомѣстнаго помѣщика Долинскаго, имѣніе котораго, за лютое обхожденіе его жены съ крѣпостными, давно взято было въ опеку. Страхъ пронималъ насъ, когда въ этомъ опустѣломъ домѣ намъ показывались комнаты, гдѣ истязались крѣпостныя дѣвки, которыхъ злая помѣщица ревновала къ мужу. Кругомъ былъ хорошій фруктовый садъ, плоды котораго дѣлались жертвами ловкаго ползуна, брата Мити. За этимъ садомъ—длинный, предлинный сельскій выгонъ; справа—сельское кладбище, гдѣ теперь покоится моя мать; слѣва—усадьба, другого мелкопомѣстнаго, Долинскаго, гдѣ проживала пара, напоминавшая старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя. Дальше за усадьбой—чудный березовый лѣсъ, въ которомъ мы нерѣдко устроивали пикники, а за нимъ извивается дорога въ Безсалы, куда я впослѣдствіи ѣздилъ верхомъ къ своей невѣстѣ. Старая деревянная церковь, которая потомъ была замѣнена новой, была возлѣ самаго дома, изъ котораго иногда можно было выслушать богослуженіе. Но богослуженіе совершалъ чуднòй отецъ Романъ, а не нашъ милый войтовскій о. Иванъ. Фруктовый садъ, примыкавшій къ усадьбѣ, былъ очень печаленъ: сортà фруктовъ самые первобытные, да и фруктовыя деревья не держались на дурной почвѣ и скоро высыхали. Не было ни куртинъ съ чудными кустарниками, ни такихъ цвѣтовъ, какъ въ Войтовѣ. Словомъ, обмѣнъ Войтова на Гольцы легъ тяжелымъ камнемъ на дѣтскую душу, которая по временамъ изнывала отъ тоски по родному селу. Начатое въ Войтовѣ ученіе Гросманъ продолжалъ и въ Гольцахъ. Педагогическій методъ не измѣнился: та же неутѣшная Калипсо, то же зубреніе грамматики Шапсаля и географіи Арсеньева. Право, не помню, учился ли я ариѳметикѣ? Единственною прибылью было, что я выучился читать по-нѣмецки и Гросманъ привезъ мнѣ въ подарокъ изъ Кіева нѣмецкую книгу. Недолго, впрочемъ, онъ продолжалъ насъ учить: онъ почему-то не поладилъ съ отцомъ и былъ разсчитанъ. Мы остались безъ учителя. Но каковы были результаты нашего ученія у четырехъ гувернантокъ и трехъ учителей? Я кое-какъ читалъ и плохо писалъ, зналъ границы Испаніи и гроты Калипсо, но болѣе не вѣдалъ ничего, даже четырехъ правилъ ариѳметики! Время шло, и мнѣ было уже одиннадцать лѣтъ. Тогда заговорило сердце моей дорогой матери, и она сдѣлала сцену отцу за то, что тотъ не радѣлъ о нашемъ воспитаніи, и что насъ пора уже отдать въ гимназію.

Въ селѣ Луговикахъ, лохвицкаго уѣзда, владѣлъ небольшимъ имѣніемъ Владиміръ Юрьевичъ Савицкій, съ которымъ отецъ завязалъ дружескія отношенія еще въ то время, когда мы жили въ Войтовѣ, и онъ по винокуреннымъ дѣламъ ѣздилъ въ село Гольцы. Отецъ воспринималъ одного изъ сыновей Савицкаго, и когда послѣдній продавалъ свое имѣніе и имущество, то купилъ у него на сломъ домъ, коляску и семью крестьянина Табачника. Я помню, какъ этотъ сломанный домъ сначала перевозили въ Войтово, а потомъ — въ Гольцы, гдѣ любимый нами Михайло плотникъ сложилъ его въ новый домъ, который такъ и остался не вполнѣ оконченнымъ, такъ какъ тому же Михайлѣ скоро пришлось сдѣлать для усопшей матери дубовый гробъ, а по смерти матери всѣ дѣла остались неоконченными. Этотъ Савицкій, продавъ свое лохвицкое имѣньице, переселился въ Кіевъ, гдѣ, по протекціи всесильнаго тогда Писарева, получилъ мѣсто помощника инспектора студентовъ. Отецъ затѣялъ отвезти меня и брата Владиміра въ Кіевъ, помѣстить насъ на квартирѣ у Савицкаго и найти студента-репетитора, который бы приготовлялъ насъ въ гимназію: меня—во второй, а брата—въ первый классъ. Задумано—сдѣлано. И вотъ, въ сентябрѣ, въ нашей новой колескѣ, съ неизмѣннымъ кучеромъ Ѳедькой, у котораго еще долго послѣ освобожденія крестьянъ болѣла спина отъ щедрыхъ палокъ, миніатюрнымъ форейторомъ Петрушкой и камердинеромъ отца, Иваномъ Ѳедоровичемъ, умѣвшимъ сладко дремать на запяткахъ, пустились въ путь. Заѣхали къ моей крестной, въ Оржицу, гдѣ присоединился къ намъ ея сынъ, Евгеній, окончившій тогда курсъ черниговской гимназіи и колебавшійся въ выборѣ университета—съ серебряными или золотыми пуговицами—въ Харьковѣ или въ Кіевѣ.

Не забыть мнѣ до смерти то впечатлѣніе, какое на меня произвели чудные пейзажи Кіева, и особенно видъ величественнаго зданія университета св. Владиміра, когда мы стали спускаться по Университетскому спуску. Это было въ 1843 году, а университетъ былъ оконченъ въ предъидущемъ, и поэтому сіялъ своей новизной. Это было, дѣйствительно, прекрасное, грандіозное зданіе, достойное строительнаго генія императора Николая. Мы прямо подъѣхали къ университету, и насъ высадили у квартиры Савицкаго. Она помѣщалась тогда тамъ, гдѣ теперь квартира экзекутора.

Жутко показалось намъ въ этомъ казенномъ помѣщеніи, когда родители насъ оставили. Репетиторъ былъ уже припасенъ. Это былъ казеннокоштный студентъ перваго семестра

юридическаго факультета, сынъ небогатаго помѣщика въ селѣ Харьковцахъ, пирятинскаго уѣзда, Александръ Осиповичъ Мачтетъ. Дальній родственникъ нашихъ сосѣдей по Гольцамъ, онъ навѣстилъ ихъ лѣтомъ, по окончаніи курса 2-ой кіевской гимназіи, и познакомился съ моими родителями. Я помню, какъ онъ, подъѣхавъ къ крыльцу, выпрыгнулъ изъ экипажа. Очень помню его длиннополый сѣрый сюртукъ и студенческую фуражку. Помню, какъ онъ басомъ декламировалъ Кольцова: „Моя юность цвѣла подъ туманомъ густымъ,—и что ждало меня, я не видѣлъ за нимъ“—слышится мнѣ и теперь. Коренастый и сутуловатый, съ ярко-краснымъ румянцемъ на лицѣ, онъ имѣлъ чисто калмыцкій типъ. Отецъ такого развитого и талантливаго писателя, какимъ былъ его сынъ, покойный Мачтетъ, на студенческой скамьѣ мечталъ только о томъ, какъ бы сдѣлаться когда-нибудь уѣзднымъ стряпчимъ или судьей.

Въ первый разъ я разстался съ родительскимъ домомъ и своей семьей; тосковалъ я по нимъ ужасно; испытывалъ почти mal du pays. Въ Войтовѣ я захватилъ въ саду комокъ родной земли и хранилъ его, какъ завѣтную святыню. Въ Кіевѣ я часто бывалъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ какъ мать почти всегда брала съ собой меня и Владиміра. Гостинницъ тогда почти-что не было, а были постоялые дворы. Въ одномъ изъ нихъ, на Печерскѣ, мы всегда и останавливались. Печерскъ тогда былъ центромъ Кіева, а двѣ его улицы—Никольская и Московская—были лучшими улицами въ Кіевѣ. Здѣсь были знаменитыя кондитерскія Финке, Бекерса. Въ Никольскихъ рядахъ были самые шикарные магазины,—напримѣръ, лучшій мануфактурный магазинъ Бульцева, перешедшій потомъ на Крещатикъ, въ домъ Эйсмана. Днѣпръ былъ тогда полноводнѣе, и этихъ ужасныхъ мелей, предсказывающихъ его исчезновеніе, еще не было. Цѣпного моста не существовало, а большею частью была переправа на паромѣ, на лѣвомъ берегу пристававшая къ знаменитому трактиру Рязанова, славившагося своимъ чаемъ и маринадами. Сооруженіе крѣпости на Печерскѣ, столь озабочивавшее императора Николая, сдвинуло Кіевъ со стараго мѣста и потянуло его внизъ. Университетъ сталъ его притягивать къ себѣ: появилось Новое-Строеніе, которое начало постепенно застроиваться. Въ 1843 году на немъ были разбросаны деревянные домики. Крещатикъ только-что началъ подниматься, но и на немъ стояли деревяшки. Единственное выдававшееся зданіе было зданіе, въ которомъ помѣщалась 2-ая гимназія, на углу Лютеранской улицы. Крещатикъ оканчивался деревяннымъ балаганомъ, гдѣ

помѣщался театръ, и гдѣ теперь Европейская гостинница. Въ этомъ театрѣ я въ первый разъ видѣлъ сцену, и не могу забыть того впечатлѣнія, которое произвелъ на меня „Шельменко-деньщикъ“ и балерина Адель, танцовавшая въ антрактахъ. На моихъ глазахъ засаживался Бибиковскій бульваръ тополями и осокорями, которые уже исчезаютъ. Онъ оканчивался у теперешней Владимірской улицы, за которою между университетомъ и Миниховымъ валомъ, тянувшимся вдоль Подвальной и Прорѣзной улицъ, шелъ длинный пустырь, на которомъ возвышались деревянные амбары, гдѣ хранились интендантскіе склады. Ботаническій садъ оканчивался тогда Траутфетеровской горкой, за которою, вплоть до Митрополичьей рощи, было пустое пространство, на которомъ стояли палатки какого-то лагеря.

Таковъ былъ нашъ Кіевъ-красавецъ въ 1843 году, когда мы съ братомъ Владиміромъ стали приготовляться въ гимназію подъ кровомъ университета св. Владиміра. Этотъ университетъ сталъ близокъ и родственъ моей отроческой душѣ съ первыхъ дней пребыванія въ немъ. Какъ будто я предчувствовалъ, что придется служить ему почти всю мою жизнь. Мечтой моей сдѣлалось быть студентомъ словеснаго факультета или, какъ тогда называли, перваго отдѣленія философскаго факультета. Мечту эту я лелѣялъ въ теченіе всего моего гимназическаго курса, и только случайныя обстоятельства сдѣлали изъ меня не словесника, а юриста. Въ моей отроческой памяти живо запечатлѣлась жизнь университета въ 1843 году.

Попробую свести въ порядокъ мои разсѣянныя воспоминанія.

Еще не была разорвана связь университета съ Кременцомъ и Вильной; но послѣ закрытія университета и дѣла Канарскаго полонизмъ въ немъ пріутихъ, такъ что онъ былъ замѣтнѣе въ пятидесятыхъ годахъ, когда я былъ студентомъ. Попечителемъ округа былъ тогда князь Давидовъ, котораго я много разъ видѣлъ въ университетской церкви, гдѣ я бывалъ каждое воскресенье. Мнѣ и теперь мерещится его камергерскій ключъ. Помощникомъ его былъ Юзефовичъ, но онъ не имѣлъ еще того значенія и той власти, какими пользовался впослѣдствіи. Вліяніе правителя канцеляріи, Лазова, преобладало.

Ректоромъ университета былъ чудесный человѣкъ, Василій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Студентами правилъ отставной гвардейскій полковникъ Сычуговъ, которому помогали пять субъ-инспекторовъ: трое изъ нихъ—Троцкій, Гудимъ-Левковичъ и Савицкій—жили въ зданіи университета, а двое—Леванда и Стешинскій—жили внѣ университета. Троцкій и Гудимъ-Левковичъ вѣдали

студентовъ казеннокоштныхъ, а своекоштными, раздѣленными на три участка, завѣдывали остальные. Ежедневно педель являлся къ Савицкому съ рапортичкой о студентахъ его участка: кто изъ нихъ боленъ, кто—нашалилъ, кто—куда-то дѣвался. На основаніи такихъ рапортичекъ, представлялся докладъ инспектору. Всѣхъ студентовъ было тогда отъ четырехсотъ до пятисотъ. Я постоянно изучалъ ихъ списокъ, изъ котораго я и понынѣ помню фамиліи: Батезатъ, Думкель, Дьяченко, Чалый и др. Студенты дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первые жили въ камерахъ четвертаго этажа, а для слабогрудыхъ отведено было помѣщеніе во второмъ этажѣ, гдѣ теперь профессорская лекторія. Меня и брата очень баловали казеннокоштные студенты; мы часто хаживали въ ихъ камеры за бумагой и карандашами. Всегда я видѣлъ ихъ въ халатахъ и фуражкахъ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ. Они должны были держать семестровки, и поэтому—заниматься болѣе своекоштныхъ. Большинство своекоштныхъ были сыновья помѣщиковъ западныхъ и малороссійскихъ губерній, и бо́льшею частью—люди достатка. Между ними встрѣчалось не мало титулованныхъ: графы Тышкевичъ и Нелинъ, князья Дабижа, Яблоновскій и др. Помню я слухъ о дуэли графа Тышкевича съ графомъ Нелинымъ. Болѣе достаточные студенты квартировали у профессоровъ, чтобы пройти университетскій курсъ безъ работы. За это они платили большія деньги. Сколько помню, квартирантовъ держали профессора: Новицкій, Дьяченко, Ѳедотовъ-Чеховскій и, помнится, Ставровскій. Вообще, студенчество въ то время было запечатлѣно дворянскимъ аристократическимъ характеромъ: демократическіе элементы едва проступали. Меня особенно интересовали профессора словеснаго факультета, и въ моей памяти хорошо запечатлѣлись фигуры нѣкоторыхъ изъ нихъ. Помню я, напримѣръ, прекрасную фигуру Максимовича, который читалъ тогда лекціи по найму,—когда въ университетской церкви онъ внимательно вслушивался въ блѣдную проповѣдь о. Скворцова. Помню франтоватую фигуру Ореста Марковича Новицкаго, о которомъ, когда онъ еще былъ преподавателемъ переяславльской семинаріи, сложили пѣсню:

„Неподражаемая штанность,
И баки черныя до плечъ".

Помню, какъ онъ катилъ со своей красивой женой въ колясцѣ à la Юзефовичъ. Помню я элегантную фигуру Костыря, когда онъ, на своей парѣ въ оглобли, пріѣзжалъ на лекціи. Вспо-

минаю я и серьезную фигуру Авсенева, который читалъ „Исторію души“ [1]). Изъ профессоровъ другихъ факультетовъ я помню Вальтера, Дьяченко и Ѳедотова: мальчикомъ я бѣгалъ въ университетскую церковь, чтобы видѣть, какъ всѣ они трое вѣнчались. Какъ живая, предо мною стоитъ и фигура молодого Караваева, когда онъ заходилъ въ анатомическій театръ, который тогда помѣщался въ сѣверной части университетскаго зданія. Трупарня была на сѣверномъ дворѣ. Я однажды забѣжалъ въ нее, но и до сихъ поръ не могу забыть того ужаса, который произведенъ былъ смрадомъ и видомъ синихъ труповъ. Таковы мои воспоминанія объ университетѣ въ 1843 году, въ которомъ, черезъ тринадцать лѣтъ, мнѣ пришлось сѣсть на каѳедру, которую имѣю честь занимать сорокъ-шестой годъ и съ которой до гробовой доски не хотѣлось бы разстаться.

Занятія съ Мачтетомъ шли довольно успѣшно. Въ промежутки между уроками я зачитывался „Паномъ Подстоличемъ“, котораго захватилъ изъ нашей домашней библіотеки. Ужасно я полюбилъ этого литовскаго пана, любуясь его образцовымъ хозяйствомъ...

Подходило Рождество 1843 года. За нами пріѣхала тетушка, чтобы увезти насъ на святки домой. Нашей радости и конца не было. На прощанье съ Кіевомъ я, одиннадцатилѣтній стихоплетъ, написалъ стихи:

„Прощай, Кіевъ,
Съ крутыми горами,
Съ злыми врагами...
Швідко я побачу рідну Україну:
Тамъ и люди пріятнійши,
Земля зеленійша“...

Подъ вліяніемъ Шевченка многіе тогда стали писать малорусскіе стихи, и я, ребенокъ, потянулся за взрослыми поэтами. Была безснѣжная зима, безъ саннаго пути. Мы всѣ вмѣстѣ съ нашимъ репетиторомъ Мачтетомъ усѣлись въ бричкѣ и покатили по броваровскому шоссе. Здѣсь случилось съ нами маленькое происшествіе. Посреди шоссейной дороги виденъ былъ какой-то черный предметъ, надъ которымъ крестилась какая-то баба, прося насъ избавить ее отъ него. Кучеръ Ѳедька подхватилъ его на

[1]) Авсеневъ взялъ, какъ-то, изъ университетской библіотеки книгу Strauss'a: „Das Leben Jesu“, но читать ее не могъ равнодушно, и кончилъ тѣмъ, что бросилъ ее въ топившуюся печь и сжегъ, чтобы она не подала кому-либо другому повода къ соблазну („Біографич. Словарь профессоровъ и препод. универс. св. Владиміра“).

козлы. Оказалось, что это изящная шкатулка изъ краснаго дерева. Остановились мы въ Броварахъ, чтобы кормить лошадей: запыхавшійся верховой объѣзжалъ постоялые дворы, допытываясь, не поднялъ ли кто изъ проѣзжихъ оброненную шкатулку. Кучеръ объяснилъ, что она была поднята нами. Когда тотъ получилъ ее, то сказалъ, что она принадлежитъ князю Голицыну и что въ ней хранится пятьсотъ тысячъ денегъ. Вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ отецъ никогда не могъ простить теткѣ и ея спутнику, студенту-юристу, что они не съумѣли воспользоваться законнымъ правомъ находки. Пріѣхали, наконецъ, домой. Что за счастье и блаженство обнять мать, перецѣловать сестеръ и братьевъ! Вотъ и святки со всѣми своими развлеченіями. Особенно часто мы ѣздили въ ближайшую Бѣлоусовку, гдѣ проживали лучшіе наши знакомые помѣщики, Петровскіе, и жена одного изъ нихъ—интересная Катерина Ивановна—моя первая любовь, мои первыя любовныя записочки. Мнѣ и теперь слышатся пѣтые ею слабымъ голосомъ романсы, и особенно:

„Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи! —
Твоя наука не поможетъ"...

Но веселое время скоро проходитъ. Прошли праздники, и въ половинѣ января, когда въ тогдашнее время начинались контракты, мы возвращены были опять въ Кіевъ, къ тому же Савицкому, чтобы продолжать ученіе подъ руководствомъ того же Мачтета. Установился санный путь, и мы славно катили въ герметически закрытомъ возкѣ, обитомъ внутри зеленымъ войлокомъ. Пріѣхали въ Кіевъ въ разгаръ контрактовъ, и отецъ нашелъ какого-то не то управляющаго, не то арендатора, Ивана Григорьевича Вавиловскаго, который съ тѣхъ поръ какъ бы приросъ къ нашей семьѣ, хотя совсѣмъ намъ былъ ненуженъ; но у отца была слабость довѣряться первому встрѣчному, за что нерѣдко онъ и бывалъ наказанъ. Да и вообще въ дворянскихъ нравахъ того времени не было охраны неприступности домашняго очага отъ всякаго лишняго посторонняго человѣка. Тогда почти во всякой дворянской семьѣ можно было найти лишняго человѣка, сдѣлавшагося не то другомъ, не то совѣтникомъ. А въ нашей семьѣ не мало было такихъ друзей и совѣтниковъ, о которыхъ и вспоминать тошно. Возобновленныя занятія пошли изрядно: студентъ Мачтетъ, конечно, лучше понималъ педагогію, чѣмъ доморощенные педагоги Войтова. Вспоминаю свѣтлый праздникъ—обѣдню и заутреню въ университетской церкви въ 1844

году. Торжественнѣе богослуженія я никогда не видѣлъ: въ церкви чуть не всѣ профессора университета—въ полной парадной формѣ; представители кіевскаго beau monde'а; попечитель князь Давидовъ съ Юзефовичемъ; многолюдная группа студентовъ въ мундирахъ съ треуголками. Ни души изъ простонародья: ревностный къ своему дѣлу церковный староста, профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій, не допустилъ бы этого. Пошла чудесная весна, а съ нею прогулки въ Ботаническомъ саду, который тогда разбивался и засаживался, или какая-то сложная игра въ мячъ съ Шустерусами, дѣтьми университетскаго чучельника. Въ маѣ мѣсяцѣ наша мать, побывавъ на свадьбѣ у Николая Ивановича Танскаго, выдававшаго свою племянницу Марью Кирилловну замужъ за лохвицкаго помѣщика Сукова, пріѣхала въ Кіевъ, чтобы забрать насъ домой, гдѣ бы мы продолжали наше приготовленіе въ гимназію съ тѣмъ же Мачтетомъ, который провелъ цѣлое лѣто въ Гольцахъ. Выборъ гимназіи сдѣланъ былъ отцомъ—это была нѣжинская гимназія. Нѣжинъ считался малороссійскими Аѳинами. Университета въ Кіевѣ еще не было, а гимназія высшихъ наукъ замѣнила для мѣстнаго дворянства Кіево-Братскую академію, въ которой когда-то воспитывались Безбородки, Завадовскіе и др. По всей Малороссіи гремѣла слава заведенія, въ стѣнахъ котораго учились Гоголь, Кукольникъ, Гребенка и др.

Понятно, что выборъ отца остановился на Нѣжинѣ, и онъ началъ собираться туда. Захарій Алексѣевичъ Бутовичъ посовѣтовалъ ему устроить насъ у старшаго учителя гимназіи, Якова Калиниковича Дубницкаго. Цѣна за содержаніе назначалась весьма приличная, а денегъ въ запасѣ не было. Прежде всего нужно было достать ихъ. Отецъ поѣхалъ со мной въ Лохвицу и въ моемъ присутствіи молилъ еврея—откупщика Дунаецкаго, который не мало поживился отъ нашей винокурни, молилъ ссудить ему нужную сумму. Послѣдовалъ категорическій отказъ. Послѣдовали новыя мольбы, адресованныя къ мѣстному авантюристу Сурину, который внялъ этимъ мольбамъ и далъ нужную сумму. Но дорого обошелся семьѣ этотъ заемъ: образовался долгъ, отъ котораго нельзя было никакъ освободиться, несмотря на всяческія погашенія. Деньги положили въ карманъ, сѣли въ коляску шестерней и покатили въ Нѣжинъ, въ сентябрѣ 1844 года.

III.

Пріемные экзамены и поступленіе въ гимназію.—Житье-бытье у учителя гимназіи, Дубницкаго.—Смерть матери.—Нѣжинъ.—Лицей и его директоръ.—Гимназія, ея ученики и преподаватели.—Прохожденіе гимназіи.—Общая квартира Шапошникова.—Окончаніе курса гимназіи.

Сомнѣваюсь, чтобы мы были хорошо приготовлены къ пріемному экзамену, и если выдержали его удовлетворительно—я во второй, а братъ въ первый классъ,—то благодаря протекціи старшаго учителя, Дубницкаго, у котораго на квартирѣ мы были устроены. Хорошо помню, какъ насъ, щегольски одѣтыхъ матерью, привезли въ гимназію и ввели въ конференцъ-залу, въ которой производились экзамены. Забилось сердце и стало жутко и страшно. Законоучитель Мерцаловъ спросилъ меня о рожденіи Моисея: я бойко началъ: „Во время *вышеупомянутаго* притѣсненія израильтянъ въ Египтѣ родился Моисей".—„Но вы же объ этомъ не упоминали",—сказалъ Мерцаловъ. Я сбился и не могъ продолжать. Отъ меня онъ перешелъ къ Владиміру, предложивши ему вопросы, и спросилъ его: „Какая будетъ тринадцатая заповѣдь"? Братъ смѣшался и не могъ отвѣтить. Когда мы объ этомъ передавали матери, то она сказала: „Было бъ тебѣ, Володя, отвѣтить, что тринадцатая заповѣдь запрещаетъ спрашивать о томъ, чего нѣтъ въ книгѣ". Не помню, какъ я отвѣчалъ изъ другихъ предметовъ. Я въ особенности боялся ариѳметики, въ которой былъ совсѣмъ слабъ. Но экзаменъ признали удовлетворительнымъ: меня приняли во второй классъ, а брата—въ первый. Возвращаясь изъ гимназіи, какъ радостно и торжественно подкатили мы къ знаменитому въ Нѣжинѣ магазину Куликовыхъ, въ которомъ родители покупали нужное и лишнее. Дорогая мать не нарадовалась нашему успѣху. Портному Ицкѣ были заказаны гимназическіе сюртуки, которыми мы не могли вдоволь налюбоваться. Насъ сдали Дубницкому, и на прощанье мать крѣпко обняла насъ и перекрестила, какъ бы предчувствуя, что видитъ насъ въ послѣдній разъ и что уже близокъ ея послѣдній часъ.

Семья Дубницкаго состояла изъ него и его молодой, прехорошенькой жены, Лизаветы Людвиговны, на которой онъ недавно женился. Это была дочь Піотровскаго, содержателя пансіона и учителя танцевъ. Молодая и хорошенькая, она едва ли была довольна своимъ мужемъ, некрасивымъ и чахоточнымъ. Поклонница Жоржъ-Зандъ, всѣ романы которой она перечитала, она жаждала любви и приключеній. Къ семьѣ принадлежали и два

брата: Николай, ученикъ седьмого класса, и Иванъ—пятаго. Оба они не были надѣлены особыми талантами, но учились прилежно, весьма аккуратно исполняя всѣ обязанности гимназиста. Николай все говорилъ о своемъ поступленіи въ московскій университетъ, гдѣ онъ хотѣлъ слушать въ особенности Морошкина: имена другихъ тогдашнихъ профессоровъ едва ли ему были извѣстны. Квартира наша была въ домѣ Науменка съ высокимъ крыльцомъ, съ котораго открывались виды на печальные пейзажи вѣчно-грязнаго Нѣжина. Жилось намъ кое-какъ. Лизавета Людвиговна была скуповата, и мы часто бывали впроголодь: мягкая булка, которая стоила тогда 5 копѣекъ ассигнаціями, съѣдалась съ жадностью. Мы скоро начали ходить въ гимназію, иногда по-колѣно въ грязи. Меня томила какая-то тоска, какое-то тяжелое предчувствіе. Мысль о томъ, что моя дорогая мать умретъ, не давала мнѣ покоя. Эта мысль лишала меня сна. Я думалъ, не переживу я ее и совершу самоубійство, проглочу кусокъ зеленаго стекла разбитой бутылки и подавлюсь имъ. Во снѣ и наяву представлялся мнѣ ея возлюбленный обликъ. Надъ моей постелью висѣли крахмальныя юбки г-жи Дубницкой, и я однажды увидѣлъ лицо матери, глядѣвшее на меня изъ-за этихъ юбокъ. Такъ чутка юная душа къ ожидаемому горю. Все это испытывалось мною въ октябрѣ, а 20-го числа этого мѣсяца моя мать истекла кровью, и ея не стало. Смерть ея долго скрывали отъ насъ, и она стала извѣстна намъ только въ декабрѣ, когда привезли насъ на святки домой. Братъ Владиміръ, хотя и былъ любимцемъ матери, меньше чуялъ и чувствовалъ ея болѣзнь и смерть. Хорошо я помню первое впечатлѣніе гимназіи. Когда я увидѣлъ роскошныя ветлы въ гимназическомъ саду, я подумалъ: не изъ нихъ ли вырѣжутъ розги, которыми меня такъ больно высѣкутъ? Первыя впечатлѣнія вообще были горькія и тяжелыя. Первый день въ классѣ не порадовалъ меня: учитель ариѳметики, съ урока котораго я началъ ученіе, Францъ Антоновичъ Куликовскій, съ которымъ я не ладилъ и впослѣдствіи, показался мнѣ весьма непріятнымъ; шумѣвшіе въ перемѣну товарищи показались мнѣ грубыми, неблаговоспитанными шалунами. Съ тяжелой тоской въ сердцѣ я окончилъ свой первый день въ гимназіи, о которой, однакожъ, осталось у меня самое свѣтлое и симпатичное воспоминаніе.

Городъ Нѣжинъ еще сохранялъ въ это время слѣды своей греческой національности: встрѣчались дома необычной въ русскомъ городѣ архитектуры, принадлежавшіе владѣльцамъ съ греческими фамиліями. Встрѣчались физіономіи греческаго типа, а

иногда и греческіе костюмы. Настоятелемъ греческой церкви былъ архимандритъ, истый грекъ, совершавшій богослуженіе на греческомъ языкѣ; а въ греческомъ александровскомъ училищѣ, въ которомъ учились греки-мальчики, директоромъ былъ Манцевъ, съ самой греческой физіономіей и съ самымъ не-русскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе, малороссійскіе элементы преобладали, и малорусскій Нѣжинъ былъ однимъ изъ самыхъ малороссійскихъ городовъ: едва ли гдѣ можно было встрѣтить столько Наливаекъ, Дорошенокъ, Полуботокъ, Самусей и Паливодъ, какъ въ спискахъ учениковъ нѣжинскихъ учебныхъ заведеній. Едва ли гдѣ были болѣе малороссійскіе нравы и обычаи, какъ въ окрестностяхъ этого эксъ-греческаго города. Гимназія высшихъ наукъ, а потомъ лицей, несомнѣнно имѣли животворное, культурное вліяніе на край и его интеллигенцію: дворянское общество нѣжинскаго уѣзда было гораздо просвѣщеннѣе, чѣмъ въ лохвицкомъ или переяславльскомъ уѣздахъ. Троцины, Раковичи, Макаровы, Почеки и др. были бы подъ стать хоть столичному дворянству. Лицей имѣлъ еще одно важное значеніе—онъ былъ школой, въ которой подготовлялись профессора для университета св. Владиміра: изъ него къ намъ перешли Бунге, Незабитовскій, Лашнюковъ, Яснопольскій. Замѣна лицея историко-филологическимъ институтомъ была медвѣжьей услугой просвѣщенію края. Посвященный спеціальности, въ которой край нуждался такъ мало, институтъ не могъ имѣть съ нимъ органической связи и сдѣлался мѣстомъ воспитанія не сыновей мѣстнаго дворянства, а семинаристовъ, интересовавшихся интернатомъ и казеннымъ иждивеніемъ. Даже такіе талантливые профессора института, какъ Аристовъ по русской исторіи, Гротъ по философіи и Зенгеръ, плѣнявшій аудиторію своими лекціями по римской исторіи, не могли возбудить въ мѣстномъ обществѣ такихъ симпатій къ институту, какія оно имѣло къ лицею. Преобразованіе института въ такое учебное заведеніе, въ какомъ болѣе нуждается край, было бы хоть нѣкоторымъ искупленіемъ вины насадителей классической филологіи въ отечествѣ, которому она такъ мало нужна.

Во главѣ нѣжинскихъ учебныхъ заведеній стоялъ директоръ лицея, Христіанъ Адольфовичъ Экебладъ. Личность его заслуживаетъ, чтобы мы на немъ остановились. Онъ былъ профессоромъ харьковскаго ветеринарнаго института, когда на немъ остановился выборъ перваго попечителя вновь образованнаго кіевскаго учебнаго округа, фонъ-Брадке, умѣвшаго цѣнить и выбирать людей. Шведъ по происхожденію, онъ былъ преисполненъ русскаго патріотизма и цивизма. Провозглашенная графомъ Ува-

ровымъ формула—православіе, самодержавіе и народность,—исповѣдывалась имъ, какъ святая, непререкаемая истина. Мягкій и гуманный, онъ глубоко чтилъ величественную фигуру императора Николая и его внутреннюю политику считалъ вѣнцомъ политической мудрости. Въ его лояльной душѣ не было мѣста сомнѣнію, что государь, лучше котораго Россія никогда не имѣла, ведетъ ее по правильному пути. Вкусы и симпатіи чтимаго императора были его вкусами и симпатіями: онъ очень не любилъ поляковъ, и къ учившимся въ его заведеніяхъ лицамъ польскаго происхожденія онъ относился съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ. Живо припоминаю его ультра-форменную фигуру въ однобортномъ форменномъ сюртукѣ и фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ, когда онъ размѣреннымъ шагомъ прогуливался по живымъ мостовымъ богоспасаемаго града Нѣжина, какъ выражался поэтъ Гербель. Мѣстное общество чтило его, можетъ быть, болѣе, чѣмъ мѣстныя власти—полиціймейстера и приставовъ: онъ не бралъ ничего, но поддерживалъ дисциплину и порядокъ болѣе тѣхъ, которые не клали охулки на свою руку. Христіанъ Адольфовичъ, несомнѣнно, былъ первымъ человѣкомъ въ Нѣжинѣ; можно сказать, онъ былъ его властелиномъ—такъ внушительно онъ умѣлъ изображать своей особой принципъ власти. Торжественнѣйшими минутами въ его жизни были тѣ, когда, по случаю предстоящаго проѣзда государя черезъ Нѣжинъ, онъ надѣялся, что обожаемый императоръ удостоитъ посѣтить лицей. Насъ, гимназистовъ, на нѣсколько дней собиралъ онъ тогда въ зданіи гимназіи, чтобы научить, какъ стоять передъ монархомъ, выкрикивая: „ура!“ и „здравія желаемъ!“. Насъ кормили въ это время казенной пищей, и еслибы кто-нибудь изъ учениковъ гимназіи гулялъ по городу въ ожиданіи дня пріѣзда государя, онъ подвергался строгому наказанію—иногда даже исключенію. Особенно курьезны были наши военныя построенія и церемоніальные марши по гимназическому двору подъ предводительствомъ надзирателя, Силы Ивановича Шишкина, отставного драгунскаго маіора, въ отставномъ мундирѣ и треуголкѣ съ развѣвающимся султаномъ. Я помню, какъ хохоталъ Герценъ, когда я ему разсказывалъ объ этихъ сценахъ изъ дальнихъ лѣтъ—изъ жизни прежней. Конечно, все это были странности нашего директора, но онѣ искупались его благородной душой, его добрымъ сердцемъ и педагогическимъ тактомъ. Онъ искренно любилъ насъ, своихъ вышколенныхъ и дисциплинированныхъ питомцевъ. Я вспоминаю нѣжный, любящій взглядъ его косыхъ глазъ, когда мы попарно проходили мимо него въ сборную залу ежедневно утромъ передъ

урокомъ слушать евангеліе. Во главѣ каждаго класса шелъ его старшій. Эти старшіе были особенно любимы Экебладомъ: они умѣли воплощать въ своихъ особахъ его воззрѣнія на соблюденіе формы и уваженіе къ предержащей власти. Христіанъ Адольфовичъ былъ, несомнѣнно, лучшимъ директоромъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ, а руководимыя имъ учебныя заведенія не уступали учебнымъ заведеніямъ самаго Кіева, строемъ и порядкомъ которыхъ такъ гордился г. Юзефовичъ.

По выходѣ въ отставку, Экебладъ переселился въ Петербургъ и скоро потерялъ зрѣніе; но и потерявъ его, онъ продолжалъ интересоваться науками, и даже издалъ изслѣдованіе, помнится, по психологіи, которое мнѣ показывалъ его любимый ученикъ, библіотекарь университета св. Владиміра, покойный Кириллъ Алексѣевичъ Царевскій. Въ Петербургѣ Христіанъ Адольфовичъ и умеръ.

Къ сожалѣнію, объ инспекторѣ лицея и гимназіи, Павлѣ Николаевичѣ Іеропесѣ, у меня не сохранилось такихъ свѣтлыхъ воспоминаній. Грекъ изъ Смирны—я не знаю, какимъ образомъ онъ попалъ въ Россію и дослужился до чина коллежскаго совѣтника. Онъ былъ человѣкъ совершенно необразованный и круглый невѣжда... Разсказывали, что однажды, предсѣдательствуя на экзаменѣ изъ географіи, вызванному къ отвѣту ученику онъ сказалъ: „Начерти Африку и поставь всѣ города Испаніи“. И это весьма могло быть. Онъ вѣчно молчалъ, только сопѣлъ, да жевалъ жвачку: человѣческаго слова, бывало, отъ него не услышишь. Сѣканцію онъ очень чтилъ и по обычнымъ субботамъ, и въ другіе дни. Я только удивлялся, какъ такой гуманный директоръ, какъ Экебладъ, могъ терпѣть такое зло. Палачи Іеропеса—Кузьма и Гаврило—работали чуть не каждый день. Особенно часто подвергался этой карѣ мой братъ Владиміръ, плохой ученикъ и большой шалунъ. Припоминаю такой случай: мы жили у монастырской ограды, въ домѣ Бѣлянкина. Мимо насъ ежедневно проходили на службу такъ называемые панычи, канцелярскіе служители нѣжинскихъ присутственныхъ мѣстъ. Владиміръ постоянно дразнилъ ихъ словомъ: „крючокъ“! „Панычи“ терпѣли, терпѣли, да и подали жалобу инспектору. Позвали виноватаго Владиміра, но не знаю, почему позвали и невиннаго меня. Я долженъ былъ быть свидѣтелемъ страшной сцены, когда Кузьма и Гаврило жестоко истязали брата. Ну, былъ ли толкъ у инспектора подвергнуть такой нравственной пыткѣ юношу ни въ чемъ неповиннаго! Таковъ ужъ былъ нашъ Іеропесъ. Помощникомъ его былъ Сила Ивановичъ Шишкинъ, отставной дра-

гунскій маіоръ. Его военный сюртукъ съ бѣлымъ воротникомъ мерещится мнѣ и теперь. Онъ былъ старикъ простоватый и почти-что глуповатый. Мы его не любили, хотя онъ этого и не заслуживалъ. Ему особенно досаждали пансіонеры, не подлежавшіе его компетенціи. Почти-что ему въ лицо они напѣвали пѣсенку:

„Силой онъ,
„Говоритъ,
„Нареченъ,
„Говоритъ.
„А жена
„Говоритъ:
„Сатана,
„Говоритъ,
„Силу жметъ,
„Говоритъ,
„Силу бьетъ,
„Говоритъ,
„По усамъ,
„Говоритъ,
„По щекамъ,
„Говоритъ".

Іеропеса смѣнилъ Марачевскій, а Шишкина—Лихошерстовъ, но едва ли отъ этой перемѣны мы что-нибудь выиграли. Преемникомъ гимназіи высшихъ наукъ, прославленной славнымъ именемъ Гоголя, былъ физико-математическій лицей князя Безбородко, скоро преобразованный въ юридическій. Это преобразованіе и первый составъ преподавателей преобразованнаго лицея—дѣло рукъ незабвеннаго Неволина. Живя на квартирѣ у учителя Дубницкаго, который водилъ тѣсное знакомство съ профессорами лицея, я часто видѣлъ ихъ и о каждомъ изъ нихъ сохранилъ отчетливое представленіе. Лицей состоялъ изъ трехъ курсовъ, между которыми распредѣлялись тогдашніе лицеисты, число которыхъ тогда доходило до 60—70 человѣкъ. Немногіе изъ нихъ, человѣкъ 10—15, жили въ лицейскомъ интернатѣ на иждивеніи графа Безбородко. Большинство же принадлежало къ людямъ достаточнымъ, а нѣкоторые изъ нихъ, сыновья харьковскихъ богатыхъ купцовъ и малороссійскихъ помѣщиковъ, располагали очень хорошими средствами и могли прокучивать въ Нѣжинѣ большія деньги. Притономъ ихъ была кондитерская „Неминай". Вели они себя весьма прилично, и скандальныя студенческія исторіи—въ родѣ разбитія часового еврейскаго магазина на главной улицѣ—бывали довольно рѣдко. Неопрятные зама-

рашки попадались какъ исключеніе; большею частью лицеисты имѣли весьма пристойный видъ. Я засталъ у нихъ серебряныя пуговицы, какъ у харьковцевъ и казанцевъ, но скоро онѣ были замѣнены золотыми, какъ у кіевлянъ. Изъ среды ихъ выдѣлялась небольшая группа аристократовъ, носившихъ фуражки-конфедератки и студенческія шинели особаго покроя. Особенно я помню изъ этой группы стройнаго, красиваго блондина Гербеля, который жилъ у профессора Тулова. Онъ имѣлъ прирожденный литературный талантъ, и еще на лицейской скамьѣ писалъ прекрасные стихи, воспѣвавшіе геройскія похожденія студентовъ. Служа потомъ въ военной службѣ, онъ не оставлялъ своихъ литературныхъ занятій, и обогатилъ русскую литературу цѣлымъ рядомъ изданій, ознакомившихъ русское общество съ выдающимися поэтами западной Европы. Нѣкоторые изъ лицеистовъ были люди высокообразованные и развитые: студенты Троцина, Данельскій, Захаровъ, Лашнюковъ, Ланге и др. могли бы быть украшеніемъ любого университета.

Составъ преподавателей, можетъ быть, былъ подобранъ Неволинымъ изъ его лучшихъ учениковъ—порука, что онъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Самымъ талантливымъ считался Михаилъ Андреевичъ Туловъ, читавшій на первомъ курсѣ теорію словесности, а на второмъ—исторію русской литературы. Съ лицомъ, напоминающимъ Пушкина, онъ слылъ за лѣниваго сибарита, но надѣленъ былъ эстетическимъ вкусомъ и даромъ изящнаго слова. Его лекціи о прекрасномъ производили фуроръ, и о нихъ говорили даже въ уѣздѣ. Акимъ Константиновичъ Циммерманъ былъ крестникомъ ректора Неволина. На первомъ курсѣ онъ читалъ общую часть юридической энциклопедіи съ исторіей иностранныхъ законодательствъ и государственные законы, а на второмъ—исторію философіи права. Его лекціями студенты восхищались. Можно думать, что воспріемникъ хорошо выучилъ книгу своего крестнаго и декламировалъ ее съ каѳедры. Лекціями по государственнымъ законамъ, компилировавшими статьи соотвѣтствующихъ томовъ свода, были менѣе довольны, но и Неволинъ читалъ подобнымъ же образомъ, мало разработавъ свой курсъ по государственнымъ законамъ.

Русскую исторію на первомъ курсѣ и статистику на второмъ преподавалъ Гаевскій, который нерѣдко исполнялъ должность отсутствующаго или больного Іеропеса. Эта должность, можетъ быть, болѣе была по немъ, чѣмъ должность профессора. Изъ учителей гимназіи, онъ не отличался талантомъ, а эрудиція его едва ли шла далѣе краткаго учебника Устрялова. Статистика же,

вѣроятно, шла еще хуже. Его замѣнилъ И. В. Лашнюковъ, человѣкъ большихъ дарованій. Ученикъ Павлова, онъ преподавалъ не повѣствовательную фактическую исторію, а прагматическую, философскую. Слава о его лекціяхъ ходила по нѣжинскому уѣзду, въ которомъ онъ игралъ выдающуюся роль, такъ какъ помѣщики считали за особую честь вести съ нимъ знакомство.

Гражданское право общее и *особенное,* какъ тогда называли законы государственнаго благоустройства, читалъ на второмъ курсѣ Пій Никодимовичъ Даневскій. Онъ былъ женатъ на дочери Экеблада, умной и образованной Софьѣ Христіановнѣ, которая была очень дружна съ нашей хозяйкой. Она часто съ мужемъ бывала у Дубницкихъ, и поэтому я такъ хорошо запомнилъ этого профессора. Его бритое лицо и низко остриженная черная шевелюра, его густой басъ—какъ будто и теперь передо мною. Можно думать, что онъ мало былъ склоненъ къ научной и профессорской дѣятельности, и что его болѣе тянула служба государственная, на которую онъ скоро и перешелъ, сдѣлавъ на ней изрядную карьеру, достигнувъ званія сенатора...

Впрочемъ, двѣ работы его: „О мѣстныхъ законахъ“ и „Исторія государственнаго совѣта“, имѣютъ и теперь нѣкоторое значеніе. Преподаваніе его, можно думать, состояло въ чтеніи и толкованіи статей свода законовъ: Даневскій обладалъ юридическимъ смысломъ, и такое толкованіе могло быть очень назидательнымъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ весьма развитыхъ студентовъ приготовлялъ къ экзамену гражданское право: онъ заучивалъ статью за статьею X тома.

Отставной сенаторъ Пій Никодимовичъ поселился съ своей супругой въ лохвицкомъ уѣздѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ усадьбу и въ ней скоро умеръ. Сынъ его, Всеволодъ Піевичъ, защитившій у насъ диссертацію на степень доктора международнаго права, былъ человѣкъ болѣе академическаго призванія и болѣе блестящихъ профессорскихъ дарованій. Своимъ басомъ и отчасти наружностью онъ мнѣ напоминалъ отца. Въ харьковскомъ университетѣ онъ занималъ каѳедру сначала международнаго, а потомъ уголовнаго права. Пылкій буршъ неукротимаго нрава, онъ растратилъ свое здоровье и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ вдову съ четырьмя дѣтьми.

Уголовное право съ законами благочинія на третьемъ курсѣ преподавалъ Максимовичъ. Прилежный ученикъ Богородскаго, онъ старался возможно полнѣе и обстоятельнѣе излагать свой предметъ. Но, не надѣленный лекторскимъ талантомъ, онъ излагалъ скучно и вяло.

Мы начали характеристики преподавателей лицея съ Тулова, который считался самымъ талантливымъ изъ нихъ. Закончимъ характеристикой Николая Христіановича Бунге, который могъ бы быть звѣздою первой величины не только въ нѣжинскомъ лицеѣ, но и въ любомъ европейскомъ университетѣ. Въ 1845 году онъ былъ назначенъ на мѣсто Глушановскаго, занимавшаго каѳедру законовъ казеннаго управленія и перешедшаго на службу въ Кіевъ синдикомъ въ университетъ св. Владиміра. Я помню, какъ юный и едва бривщійся Бунге, по пріѣздѣ въ Нѣжинъ, дѣлалъ обычные визиты и въ томъ числѣ Дубницкому, у котораго я тогда жилъ. Съ тѣхъ поръ и до перехода его на службу въ Петербургъ товарищемъ министра финансовъ я наблюдалъ надъ его дѣятельностью и могу считать себя хорошо освѣдомленнымъ о его личности. Николай Христіановичъ былъ человѣкъ рѣдкаго по своей привлекательности и симпатичности нрава. Брезгливо относившійся ко всему непросвѣщенному и грубому, онъ былъ очень склоненъ къ сарказму и насмѣшкѣ.

Но въ немъ живой и находчивый умъ сочетался съ мягкимъ, благороднымъ сердцемъ. Онъ привлекалъ людей своими мягкими, изящными манерами, своей обходительностью и привѣтливостью. Это была не аффектація, но натура, проникнутая европеизмомъ до мозга костей; онъ страстно любилъ науку и вѣрилъ въ силу знанія. Просвѣщенный, онъ жаждалъ, чтобы просвѣщеніе распространялось по русской землѣ, въ которой онъ относился съ искреннимъ, горячимъ патріотизмомъ. Молодой, онъ сходился и дружилъ съ молодыми лицеистами, если только находилъ въ нихъ людей способныхъ и съ жаждой знанія. И какъ же онъ заботился объ этихъ друзьяхъ-студентахъ! Онъ училъ ихъ иностраннымъ языкамъ, вводя въ сокровищницу европейской литературы. Я помню, какъ отъ него приносились Байронъ, Шиллеръ, Гёте: Захаровъ, Данельскій, Рененкампфъ, пользовавшіеся вниманіемъ и симпатіей Бунге, могли бы подтвердить это. Въ Нѣжинѣ, какъ потомъ въ Кіевѣ, онъ былъ центромъ кружка, къ которому примкнули лучшіе люди. Таковъ былъ человѣкъ, которому поручили преподаваніе на третьемъ курсѣ такого сухого предмета, какъ законы казеннаго управленія. Но онъ съумѣлъ оживить этотъ предметъ, введя въ него въ широкихъ размѣрахъ свой возлюбленный предметъ—политическую экономію, которая тогда не преподавалась на юридическомъ факультетѣ, на которомъ учился Бунге, но на который ему указывала дружба съ профессоромъ Вернадскимъ. Въ Нѣжинѣ онъ обработывалъ свою теорію кредита, сущность которой, въ видѣ академической рѣчи, была

изложена на лицейскомъ актѣ. Я помню докторскій диспутъ Бунге въ 1851 году, когда онъ свой трактатъ о кредитѣ защищалъ на степень доктора политической экономіи. Въ томъ же году онъ перешелъ на службу въ университетъ св. Владиміра, которому послужилъ долго, честно и на каѳедрѣ—сначала по историко-филологическому, а потомъ по юридическому факультету, сначала политической экономіи и статистики, а потомъ полицейскаго права—и по администраціи, какъ деканъ и какъ ректоръ коронный и дважды выбранный. Миръ праху твоему, даровитый и честный труженикъ! Будь побольше на Руси такихъ людей, не было бы Некрасовскаго вопроса: „Кому на Руси жить хорошо?“

Кромѣ характеризованныхъ нами преподавателей, въ лицеѣ преподавали протоіерей Мерцаловъ и лекторà: французскаго языка Лельевръ, Нессонье и Ганотъ, и нѣмецкаго — Клернеръ. Но такъ какъ они преподавали и въ гимназіи, то о нихъ я скажу ниже, когда буду припоминать составъ ея преподавателей. Живо вспоминается мнѣ бѣлое зданіе лицея, окаймленное густымъ лицейскимъ садомъ, по которому когда-то прогуливался Гоголь. Въ этомъ же зданіи помѣщалась и наша гимназія. Оно было воздвигнуто графомъ Безбородко и—прелестной архитектуры, къ сожалѣнію обезображенной пристройками, приспособляемыми къ помѣщенію института. Я какъ будто вижу и теперь у длинной колоннады главнаго фронтона столь памятную мнѣ фигуру нашего директора, въ неизмѣнномъ однобортномъ форменномъ кафтанѣ. Щуря свои косые глаза, онъ присматривается къ собирающимся изъ различныхъ закоулковъ Нѣжина гимназистамъ, торопящимся въ классы. Уже Гаврило позвонилъ второй звонокъ,—нужно поспѣть къ евангелію, которое неизмѣнно читалось каждый день, и чтеніе котораго предшествовало урокамъ. По колѣно въ классической нѣжинской грязи бредутъ и малютки, и великовозрастные, въ вѣтромъ подбитыхъ шинеляхъ, съ книгами и тетрадями подъ мышкой, такъ какъ ранцевъ тогда не существовало. Наша гимназія, руководимая такимъ педагогомъ, какъ Христіанъ Адольфовичъ, была одною изъ лучшихъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ. Съ нею могла соперничать развѣ черниговская, на долю которой выпалъ такой директоръ, какъ Невѣровъ, другъ Грановскаго, и такой учитель исторіи, какъ Стиславскій,—да развѣ полтавская, славная такими учителями, какъ Александръ Стронинъ и Палѣвичъ, и такими воспитанниками, какъ Котляревскій, Захаровъ, Бекманъ, Португаловъ и др. Сравнительно же съ гимназіями правобережными,

заднѣпровскими, въ которыхъ еще не угасла польщизна, наша лѣвобережная гимназія была значительно лучше. Не то чтобы въ ней было много выдающихся учителей,—бо́льшая часть изъ нихъ были если не плохими, то посредственными,—но ею управлялъ такой директоръ, какъ Экебладъ, назначенный такимъ попечителемъ, какъ фонъ-Брадке. Сторонникъ средней школы единаго типа, дающей общее образованіе, а не подготовку къ спеціальной профессіи, незабвенный министръ Уваровъ не допускалъ въ гимназіи никакого раздвоенія. Бифуркація явилась только въ 1849 году, когда на мѣстѣ высокопросвѣщеннаго Уварова сидѣлъ обскурантный князь Ширинскій-Шихматовъ. Съ четвертаго класса онъ ввелъ преподаваніе греческаго языка и законовѣдѣнія, предоставивъ ученикамъ выборъ того или другого предмета; но, если только память не измѣняетъ мнѣ, поступленіе въ университетъ не обусловливалось такимъ выборомъ: въ него могли поступать и греки, и законовѣды, если только они имѣли аттестатъ и успѣшно выдержали вступительный въ университетъ экзаменъ, которому не подвергались только одни медалисты. До вышеозначенной бифуркаціи въ гимназіи въ такомъ полугреческомъ городѣ, какимъ былъ Нѣжинъ, греческій языкъ вовсе не преподавался, а ограничивались однимъ латинскимъ, начиная съ перваго класса, но преподаваніе послѣдняго было такъ основательно, что ученики седьмого класса могли свободно читать Горація и Цицерона;—такъ было, по крайней мѣрѣ, у насъ, когда учителемъ латинскаго языка былъ даровитый Валерьянъ Станиславовичъ Коперницкій. По моему крайнему разумѣнію, эта гимназія уваровскаго типа была истинно гуманной школой. Основными ея предметами были: исторія, словесность и математика. Я придаю особенное значеніе правильно поставленному преподаванію исторіи въ средней школѣ. Едва ли какая-нибудь другая наука такъ способна развивать юный умъ, выработывая широкое, правильное міровоззрѣніе. Опытъ и испытанія, пережитыя народомъ и человѣчествомъ,—великое назиданіе. Напомню мой личный опытъ. Нашъ учитель исторіи, Григорій Ѳедоровичъ Яковенко, недоучившійся, былъ учитель весьма посредственный. Нашъ учебникъ—трехтомный курсъ Смарагдова—учебникъ достоинства сомнительнаго. Но когда къ окончательному экзамену я изучилъ всѣ три тома—древнюю, среднюю и новую исторію – какая картина общечеловѣческаго мірового развитія нарисовалась въ моемъ молодомъ умѣ; какія перспективы и какія мысли зароились, когда я обнялъ весь ходъ міровой эволюціи человѣчества! Не могу забыть, какъ умственно былъ развитъ девятнадцати-

лѣтній Рененкампфъ, когда изъ черниговской гимназіи, гдѣ исторію преподавалъ Стиславскій, онъ поступилъ въ лицей. Я тогда очень сдружился съ нимъ: насъ сближало одинаковое стремленіе къ знанію и развитію, одинаковое поклоненіе идеѣ, а не факту. И можно ли было тогда думать, что изъ этого свѣтлаго юноши, блестящаго ученика блестящаго учителя исторіи, выйдетъ такой недоброй памяти товарищъ, ректоръ, городской голова? Талантливые уроки исторіи поставили его на правильный путь, съ котораго сбили его искушенія жизни, столь опасныя для эгоистической натуры. Въ годъ моего поступленія въ гимназію еще преподавались психологія въ пятомъ, логика въ шестомъ и статистика въ седьмомъ классѣ; сколько помню, въ послѣднемъ классѣ преподавалась еще аналитика, но министерской программой 1845 года всѣ эти предметы были упразднены.

Въ первые годы моего поступленія уроки бывали до обѣда и послѣ обѣда. Эти послѣобѣденные уроки были и для приходящихъ учениковъ крайне неудобны: на-скоро пообѣдавъ, мы бѣжали въ гимназію, гдѣ ждали насъ раннія сумерки и мрачные классы, а это на молодую душу наводило меланхолическое, угнетающее настроеніе. Мы были очень довольны, когда, съ моимъ переходомъ въ четвертый классъ, эти послѣобѣденныя занятія были упразднены.

Помню я также ревизіи гимназіи, производимыя окружнымъ начальствомъ. Ревизіи князя Давидова я не засталъ, такъ какъ она была до моего поступленія въ гимназію. Я хорошо помню ревизію помощника попечителя, Юзефовича, и попечителя Траскина. Первая производилась, когда я былъ въ третьемъ классѣ, а вторая, не помню,—въ четвертомъ или пятомъ. Помнится, была еще ревизія инспектора казенныхъ учебныхъ заведеній, Могилянскаго. Юзефовичъ, отставной уланскій ротмистръ, сохранилъ и въ званіи попечителя пріемы военнаго человѣка, эскадроннаго командира. Питомецъ московскаго благороднаго пансіона, онъ былъ человѣкъ не безъ образованія, человѣкъ салона—прекраснаго французскаго языка. Въ двадцатыхъ годахъ онъ велъ знакомство съ Пушкинымъ и другими литераторами того времени, и самъ былъ человѣкъ не безъ литературныхъ наклонностей. Его стихотворенія печатались въ альманахахъ того времени и переписывались деревенскими барышнями въ ихъ альбомы. Вращаясь въ университетскомъ профессорскомъ кругу, онъ на лету хваталъ всякія знанія, которыхъ въ дѣйствительности не имѣлъ, въ чемъ иногда и попадался. Разсказываютъ, что однажды былъ диспутъ на степень магистра русской словес-

ности: защищалась диссертація о Батюшковѣ. Когда окончились возраженія оппонентовъ, сидѣвшій около Юзефовича профессоръ Костырь, нерѣдко подтрунивавшій надъ нимъ, сказалъ: „А дефендентъ не упомянулъ о драмахъ Батюшкова"! Юзефовичъ, услышавъ и желая порисоваться своими глубокими свѣдѣніями, смѣло и громко сказалъ: „Отчего же вы, г. дефендентъ, не разобрали драмъ Батюшкова, которыхъ онъ такъ много написалъ"? Se non è vero, è ben trovato: во всякомъ случаѣ, это—эпизодъ, характеризующій смѣлость эксъ-улана и его эрудицію.

Но важнѣйшая ошибка Юзефовича состояла въ томъ, что онъ воображалъ, будто бы авторитетъ власти, устанавливающей порядокъ и дисциплину, поддерживается громкимъ басомъ и грубымъ, неделикатнымъ обращеніемъ съ учителями и подчиненными чиновниками, какъ будто эти лица имѣютъ такое же отношеніе къ нему, какое имѣли вахмистры его эскадрона. Эта прелестная манера вполнѣ сказалась на ревизіи. Въ третьемъ классѣ я учился хорошо: былъ аудиторомъ изъ геометріи и географіи, сидѣлъ на скамьѣ „прилежнѣйшихъ", какъ гласила прибитая на ней табличка. Другая скамья была для „отличнѣйшихъ", и ежемѣсячно, сообразно отмѣткамъ, происходило разсаживаніе на этихъ скамьяхъ, сидѣть на которыхъ было гордостью учениковъ.

Изъ географіи у меня стояло пять, и преподававшій ее учитель, Моисей Григорьевичъ Левдикъ, надѣялся, что я поддержу его на ревизіи. Но вышло совсѣмъ иначе—и я былъ причиною грознаго выговора, полученнаго имъ отъ грознаго ревизора. Дѣло было такъ: я поздно возвратился съ каникулъ и пропустилъ уроки, въ которыхъ трактовалось о рѣкахъ Сибири. Ревизоръ вызывалъ лучшихъ учениковъ, вызвалъ и меня, предложивъ вопросъ о сибирскихъ рѣкахъ—единственный вопросъ, на который я не могъ отвѣчать. Ну, да и расходился же Юзефовичъ! Ну, да и наругался же онъ надъ перепуганнымъ Левдикомъ, къ чести котораго скажу, что онъ не перемѣнилъ своихъ прежнихъ отношеній ко мнѣ.

Другая ревизія прошла иначе. Толстый-претолстый Траскинъ, которому едва ли приставало быть попечителемъ, ввалился въ классъ. Съ трудомъ взобравшись на каѳедру, онъ предложилъ нѣсколькимъ ученикамъ нѣсколько вопросовъ по разнымъ предметамъ, остался доволенъ ихъ отвѣтами—и ревизія кончилась.

Такова была провѣрка хода гимназическихъ занятій въ то доброе старое время. Нерѣдко вспоминали тогда и о предшествовавшихъ ревизіяхъ профессоровъ Ставровскаго и Ѳедотова, ревизовавшаго ихъ. Вспоминали, какъ много пироговъ и дру-

гихъ съѣстныхъ припасовъ положила въ тарантасы отъѣзжающихъ въ Кіевъ ревизоровъ Анна Ермолаевна, супруга директора.

Въ то крѣпостное, дворянское время въ русской школѣ не было мѣста русскому человѣку, если только онъ принадлежалъ къ податному состоянію. Большинство приходящихъ были дѣти недостаточныхъ родителей—мѣщанъ, купцовъ, мелкихъ потомственныхъ и личныхъ дворянъ, которые употребляли послѣднія средства, чтобы дать дѣтямъ приличное воспитаніе. Правда, въ это доброе старое время это воспитаніе стоило дешевле—за право ученія мы платили, напримѣръ, пять рублей, да шестой—на врача, но все-таки нужны были деньги. Въ этой толпѣ полуобутыхъ, полуодѣтыхъ и голодныхъ ребятишекъ выдѣлялись немногіе, болѣе достаточные, пребывавшіе то въ общей квартирѣ, содержимой Шапошниковымъ, то на квартирахъ учителей и другихъ именитыхъ обывателей. Большинство же приходящихъ ютилось въ домишкахъ грязныхъ нѣжинскихъ закоулковъ. Вокругъ репетитора, ученика изъ высшихъ классовъ, собиралась группа въ нѣсколько человѣкъ и жила вмѣстѣ. Нанималась дешевая квартира, провизія и крѣпостная кухарка доставлялись изъ деревни—и кое-какъ жилось-поживалось. Евреевъ, въ мое время, въ нѣжинской гимназіи не было ни одного. Отъ этого учащагося пролетаріата рѣзко отдѣлялись пансіонеры, жившіе въ интернатѣ. Немногіе изъ нихъ были люди небогатые, воспитывавшіеся на счетъ графа Безбородко, а большинство платило хорошія деньги и принадлежало къ довольно богатымъ дѣтямъ преимущественно мѣстныхъ дворянъ. Эти пансіонеры были излюбленными чадами Экеблада. Они рѣзко отдѣлялись отъ приходящихъ товарищей: сидѣли на отдѣльной скамьѣ, носили отличавшее ихъ платье—куртку, тогда какъ у насъ былъ сюртукъ; воротникъ ихъ мундира украшенъ былъ двумя петлицами, тогда какъ у насъ была только одна. Это было неподходящее къ условіямъ школы примѣненіе того сословнаго обособленія, которое привито было къ русскому обществу законодательствомъ Екатерины II.

Эти пансіонеры, выхоленные и откормленные маменькины сынки, говорящіе на иностранныхъ языкахъ, большею частью были учениками тупыми и нерадивыми. Недурно учились только тѣ изъ нихъ, которые были на иждивеніи графа Безбородко,—напримѣръ, Курдюмовъ, Айгустовъ, Царевскій и др., а у платящихъ иногда существовалъ принципъ, которому они твердо слѣдовали,—не только не учить уроковъ, но даже ничего, абсо-

лютно-таки ничего не читать. Самодовольная тупость и невѣжество нѣкоторыхъ изъ нихъ были изумительны. Кое-какъ ихъ перетаскивали изъ класса въ классъ, благодаря протекціи и заступничеству, а иногда и за уроки, которые брали нѣкоторые изъ нихъ у податливыхъ учителей. Теперь заговорили о возстановленіи интернатовъ въ гимназіяхъ для дворянскихъ дѣтей. Но если только эти интернаты будутъ напоминать собою прежніе благородные пансіоны, такъ ужъ лучше ихъ не возстановлять.

Учителя гимназіи, въ мое время, раздѣлялись на старшихъ и младшихъ. Первые имѣли право засѣдать въ педагогическомъ совѣтѣ, получать нѣсколько повышенные оклады и быть по должности однимъ классомъ выше, что̀ давало право на галуны на обшлагахъ рукавовъ мундировъ. Другіе этихъ важныхъ правъ не имѣли. Къ старшимъ учителямъ принадлежали учителя, преподававшіе въ четырехъ высшихъ классахъ и, помнится, законоучитель; къ младшимъ принадлежали всѣ прочіе. Старшими учителями въ мое время были: Коперницкій, Бончъ-Осмоловскій, Дубницкій, а потомъ—Симоновъ и Яковенко. О каждомъ изъ нихъ нѣсколько словъ. Валерьянъ Станиславовичъ Коперницкій преподавалъ латинскій языкъ, замѣнивъ собою Корсака, отъ котораго уже слишкомъ вѣяло Вильной или Кременцомъ. Коперницкій былъ талантливый и высокообразованный человѣкъ, съ обширными познаніями и правильными пріемами преподаванія. Онъ училъ не только синтаксису и просодіи, но, увлекаясь одами Горація и рѣчами Цицерона, онъ сообщалъ это увлеченіе и своимъ ученикамъ, помогая имъ постигать духъ классиковъ. Пламенный энтузіастъ, онъ былъ страстнымъ польскимъ патріотомъ. Возстановленіе Рѣчи Посполитой было для него, уроженца кіевской губерніи, завѣтной мечтой. Это сгубило его: скомпрометированный въ повстаніи 1863 года, онъ попалъ въ ссылку. Возвратившись оттуда, былъ учителемъ гимназіи въ Варшавѣ, гдѣ и окончилъ свой бурный вѣкъ. Для меня его память очень симпатична: до его польскихъ увлеченій мнѣ не было дѣла, а его образованность и умъ имѣли вліяніе и на мое образованіе, и въ моихъ гимназическихъ воспоминаніяхъ онъ является одною изъ самыхъ рельефныхъ фигуръ.

Осипъ Осиповичъ Бончъ-Осмоловскій былъ старѣйшимъ учителемъ гимназіи. Онъ преподавалъ геометрію съ тригонометріей и физику съ космографіей. Онъ гордился тѣмъ, что учился математикѣ въ Харьковѣ у профессора Осиповскаго и былъ товарищемъ знаменитаго Остроградскаго. Себя самого онъ считалъ не менѣе знаменитымъ математикомъ, хотя мы этого не призна-

вали. Бывало, онъ разрѣшитъ какую-нибудь геометрическую теорему и, самодовольно ухмыляясь, гордо посматриваетъ на насъ, какъ бы говоря: „смотрите-де, какой я молодецъ"! Но мы находили его преподаваніе неудобопонятнымъ. Я же, враждовавшій всегда съ математикой, откупался уроками, которые бралъ передъ экзаменомъ: это не мѣшало ни моимъ переводамъ изъ класса въ классъ, ни моему окончанію гимназіи. Русскую словесность, церковно-славянскую грамматику, реторику, піитику и исторію русской литературы преподавалъ сначала Яковъ Калиниковичъ Дубницкій, у котораго я жилъ на квартирѣ. Онъ зналъ свое дѣло, преподавалъ хорошо и отлично декламировалъ. До сихъ поръ мнѣ помнится, какъ выразительно онъ читалъ:

„Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ...
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ"!

Онъ превосходно читалъ это: его интонаціи запечатлѣлись у меня въ памяти. Недостаткомъ его было то, что онъ не отрѣшился еще отъ фигуръ и троповъ Кошанскаго и задавалъ намъ учить: „Се Роска Флакка зракъ..." и т. д. Мнѣ кажется, что онъ не признавалъ ни Гоголя, ни Бѣлинскаго, и склонялся къ школѣ романтическо-реторической. Я его очень любилъ уже за одно то, что онъ — словесникъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ взаимностью уже за одно то, что я буду словесникомъ. На моихъ глазахъ онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра русской словесности, представилъ и защитилъ диссертацію о Карамзинѣ — въ рукописи, какъ тогда водилось до самаго Пирогова, потребовавшаго, чтобы диссертаціи были печатныя. Я помню его горе, когда у него умеръ маленькій сынокъ, надъ которымъ въ лицейской церкви я всю ночь читалъ псалтирь, перемѣняясь со Стефаномъ Пономаревымъ, теперь извѣстнымъ библіографомъ. Я помню преждевременную смерть Дубницкаго и торжественныя похороны, когда гробъ несли гимназисты, и я въ ихъ числѣ. Дубницкаго замѣнилъ Матвѣй Терентьевичъ Симоновъ, преподававшій тѣ же предметы, а меня учившій въ шестомъ классѣ піитикѣ, а въ седьмомъ — исторіи русской литературы. Это былъ человѣкъ совершенно другого типа. Онъ былъ въ курсѣ новѣйшихъ литературныхъ понятій и понималъ значеніе Гоголя и Бѣлинскаго. Казачій сынъ, онъ горячо любилъ Малороссію — ея чудную природу, ея прелестныя пѣсни. Это былъ человѣкъ нѣжнаго сердца, но производилъ впечатлѣніе человѣка грубаго, характера стой-

каго и могучаго. Онъ не надѣленъ былъ даромъ слова и, ходя по классу, медленно диктовалъ намъ урокъ на слѣдующій разъ. Онъ любилъ, чтобы мы писали сочиненія. Я помню, какъ я подалъ ему разборъ повѣсти Гоголя „Шинель", въ которомъ старался доказать, что это—не повѣсть, а драма. Въ другой разъ, я написалъ о воспитаніи, стараясь показать, какъ должно воспитывать человѣка. Источникомъ моихъ мыслей были, конечно, статьи Бѣлинскаго, которыми я зачитывался на гимназической скамьѣ. Я, вообще, въ гимназіи имѣлъ репутацію развитого и литературнаго малаго. Помню, какой эффектъ на Экеблада произвело мое сочиненіе на окончательномъ экзаменѣ. Мнѣ предложили тему: „Будущая жизнь". Сопоставивъ и сличивъ гадательные дары съ видимыми и осязаемыми, я заключилъ стихами:

А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ.
И сердца рѣчь живая.
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой.
А тамъ? Тамъ страшно!

Все это было прочтено съ такимъ юнымъ паѳосомъ, что увлеченный Экебладъ вскрикнулъ: „Молодецъ! славно!",—а Симоновъ одобрительно улыбнулся. Хорошо, что не слышалъ Мерцаловъ, а то бы онъ пробралъ меня за такія языческія воззрѣнія на загробную жизнь. Я Симонова очень любилъ: насъ сближалъ и общій физическій недостатокъ—у меня не было праваго глаза, а у него—лѣваго. Оставивъ службу въ гимназіи, Симоновъ служилъ въ государственномъ контролѣ, потомъ онъ было директоромъ земской лубенской гимназіи, превосходно ее поставившимъ. Землевладѣлецъ лубенскаго уѣзда, онъ былъ дважды избираемъ мировымъ судьей, но отказался отъ должности земскаго начальника, основной идеѣ которой онъ не сочувствовалъ. Къ сожалѣнію, я съ нимъ не встрѣчался ни разу послѣ выхода изъ гимназіи, и узналъ о его кончинѣ въ 1900 году отъ его дочери и внучки, съ которыми случайно пришлось встрѣтиться. Григорій Ѳедоровичъ Яковенко преподавалъ всеобщую исторію по Смарагдову и русскую—по пространному—Устрялова. Онъ былъ недоучившимся студентомъ педагогическаго института и только благодаря протекціи своего отца, служившаго въ синодѣ, получилъ мѣсто старшаго учителя въ Нѣжинѣ. Лѣнивый и избало-

ванный, онъ не имѣлъ ни обширнаго образованія, ни большихъ познаній. Сначала онъ совсѣмъ не зналъ преподаваемаго предмета; но, обладая большою памятью, онъ такъ тонко и обстоятельно изучилъ учебники, что замѣчалъ малѣйшій промахъ при отвѣтѣ урока. Рѣдко тогда онъ что-нибудь объяснялъ намъ, но, нахмурясь, шагалъ по классу, выслушивая наши уроки. Часто сносясь съ Петербургомъ, гдѣ служилъ его отецъ, онъ привозилъ оттуда модное, изящное платье и всегда прекрасно былъ одѣтъ. Любуясь его жилетами, мы считали его первѣйшимъ нѣжинскимъ щеголемъ и сердцеѣдомъ. Онъ-таки и побѣдилъ сердце хорошенькой вдовы Дубницкой и женился на ней.

Таковы были наши старшіе учителя, а теперь я перейду къ характеристикѣ младшихъ. Младшими учителями были: Терешкевичъ, Левдикъ, Троцкій и Куликовскій. О каждомъ изъ нихъ—нѣсколько словъ. Терешкевичъ преподавалъ латинскій языкъ въ трехъ низшихъ классахъ. Это былъ оригинальнѣйшій и типичнѣйшій человѣкъ. Говорили, что въ университетѣ онъ занимался философіей и написалъ диссертацію на золотую медаль. Тогда этому послѣднему придавали большое значеніе. Преподавалъ онъ сурово и грозно. Я помню, какъ мы заучивали всѣ латинскіе неправильные глаголы и, не переводя духа, ему пересказывали. Онъ завелъ странную систему: вызывать охотниковъ получить пять. Если только такой охотникъ отвѣчалъ несоотвѣтственно этой отмѣткѣ, того Терешкевичъ угощалъ обильными щелчками и ставилъ на колѣни. Этимъ щелчкамъ и „на колѣни“ онъ отдавался съ увлеченіемъ. Сидя на каѳедрѣ, онъ былъ окруженъ толпою учениковъ, наказанныхъ любимымъ его способомъ. Однажды былъ такой случай. Стоялъ на колѣняхъ Сергѣй Риттеръ. Это былъ ученикъ плохой, лѣнивый, но наблюдательный и остроумный. Зная мелочное самолюбіе учителя, онъ обратился къ своему сосѣду съ вопросомъ: „Какъ ты думаешь, какая цѣпочка у г. учителя, мѣдная или золотая?“—„Конечно, мѣдная“,—отвѣчаетъ тотъ.—„Можно ли, чтобъ такой учитель, какъ Терешкевичъ, носилъ цѣпочку мѣдную, а не золотую? Эта цѣпочка, конечно, золотая“. Это такъ польстило Терешкевичу, что онъ простилъ Риттера, а его собесѣдника продержалъ на колѣняхъ до конца класса. Мы его очень боялись, да и было чего. Съ вѣчной гримасой недовольства, курчавой головой, съ рукой, всегда готовой надавать щелчковъ. Такимъ онъ припоминается мнѣ. Особенно онъ былъ смѣшонъ, когда въ своей „коясочкѣ“, какъ выговаривалъ онъ слово „колясочка“, на парѣ своихъ „гошадокъ“, какъ выговаривалъ онъ слово „лошадокъ“, въ старой бобровой

шапкѣ и закутанный въ грязную енотовую шубёнку, медленнымъ шагомъ двигался изъ своей отдаленной квартиры на урокъ въ гимназію. Всѣ потѣшались надъ нимъ, и разсказывалось о немъ много анекдотовъ. Говорили, напримѣръ, что однажды на свои именины онъ пригласилъ директора и товарищей. Самъ же, раздѣвшись, улегся въ постель, приготовивъ угощеніе. Съѣхались гости; онъ встрѣчаетъ и привѣтствуетъ ихъ, лежа въ постели, и, не двигаясь съ мѣста, приглашаетъ ихъ выпить и закусить. Таковъ былъ этотъ самородокъ-учитель, и такихъ самородковъ тогдашнее время выдѣлывало не мало.

Моисей Григорьевичъ Левдикъ преподавалъ русскую грамматику въ четырехъ—и географію въ трехъ классахъ. Въ университетѣ онъ былъ юристомъ и неожиданно сдѣлался педагогомъ, и педагогомъ изрядnымъ. Особенно удачно шло преподаваніе русской грамматики, которую мы хорошо знали, боясь его подзатыльниковъ. Щелчковъ онъ не любилъ, предпочитая драть за уши и за чубъ, что случалось нерѣдко и въ довольно тяжеломъ видѣ. Къ преподаванію географіи онъ относился съ меньшимъ усердіемъ, но и здѣсь дѣло шло недурно. Онъ обращалъ особое вниманіе на черченіе географическихъ картъ.

Ученики къ экзамену должны были приготовить коллекцію картъ всѣхъ пройденныхъ государствъ. Мнѣ черченіе не удавалось. Только одну Швецію я могъ начертить; поэтому экзаменаціонная тетрадка картъ заказывалась мною товарищамъ,—какъ теперь помню,—Шперку или Сенплинскому, промышлявшимъ этимъ дѣломъ для добыванія денегъ. Кромѣ вышеозначенныхъ предметовъ, Левдикъ преподавалъ въ четвертомъ классѣ стихосложеніе. Я помню тоненькую книжку этого стихосложенія, по которой мы учили о ямбахъ, хореяхъ и гекзаметрахъ. Помню примѣръ одного изъ этихъ размѣровъ: „Мать Дарью, Дарью кликала домой:— Подь, Дарья, Дарья, Дарьюшка, домой“! Таковы были изучаемые нами образцы русской поэзіи. Въ четвертомъ классѣ географію Россіи преподавалъ Троцкій. Чему и гдѣ онъ учился—не знаю, но знаю, что это было бѣдное, запуганное созданіе, и достаточно было вскрикнуть: „Экебладъ идетъ!“ — чтобъ его, блѣднаго какъ смерть, забила лихорадка. Ненавистнѣйшимъ для меня учителемъ былъ Францъ Антоновичъ Куликовскій, наружность котораго вызывала во мнѣ брезгливое чувство. Высокій и худой, съ желтовато-блѣднымъ лицомъ, маленькими насмѣшливыми глазёнками и огромными бакенбардами,—я просто переносить его не могъ. Онъ мнѣ также платилъ взаимностью. Но свои предметы—ариѳметику и алгебру—онъ преподавалъ прекрасно, даже

съ нѣкоторымъ увлеченіемъ. Въ какомъ восхищеніи онъ бывалъ, когда какой-нибудь Бенкевичъ, Дейкунъ-Мочиненко или Корачевскій-Волкъ смѣло и находчиво разрѣшали предлагаемыя имъ головоломныя задачи. Зато съ какой ироніей съуживались его глазки и сжимались его губы, когда къ доскѣ онъ вызывалъ меня или подобнаго мнѣ математика. Какъ дразнилъ онъ насъ поставленной плохой отмѣткой, показывая свой маленькій, аккуратненькій журнальчикъ: „Вотъ тебѣ ноль, кругленькій, хорошенькій, какъ бубликъ!“ Или: „Вотъ тебѣ единичка, прямая, какъ палочка!“ и т. д. Но скажу къ чести злопамятно вспоминаемаго мною педагога, что онъ не любилъ ни щелчковъ, какъ Терешкевичъ, ни подзатыльниковъ, какъ Левдикъ, и на колѣни почти никогда не ставилъ.

Французскій языкъ преподавалъ старый баккалавръ Сорбонны Лельевръ, доставшійся еще отъ гимназіи высшихъ наукъ. Преподавалъ онъ невозможно. Онъ былъ совершенно глухой. Иногда вмѣсто Лафонтена или Шапсаля ученикъ говорилъ ему „Отче нашъ“, а онъ его похваливалъ и ставилъ удовлетворительную отмѣтку. По временамъ его замѣнялъ надзиратель пансіона Ганотъ—типическій галльскій пѣтухъ по хвастливости и фразерству. Потомъ онъ былъ назначенъ лекторомъ, а пока Лельевра замѣнилъ Мессонье, преподававшій отлично, но, къ сожалѣнію, очень недолго; на мѣсто его былъ назначенъ какой-то молодой французъ, фамилію и личность котораго я не припомню. Нѣмецкій языкъ преподавалъ Иванъ Ѳедоровичъ Клернеръ, учившійся въ дерптскомъ университетѣ. Это былъ вполнѣ образованный человѣкъ и превосходный преподаватель. Законоучителемъ въ лицеѣ и гимназіи былъ о. Иванъ Мерцаловъ, человѣкъ всѣми уважаемый, съ большими познаніями, но крайне болѣзненный и раздражительный. Типическій великороссъ, онъ былъ человѣкъ могучаго характера. Мы его боялись и уважали. Бывало, накинется онъ на кого-нибудь въ классѣ за какой-нибудь пустякъ и, раздражаясь, постепенно доходитъ до сильнѣйшаго гнѣва, превращая пустякъ въ какой-нибудь серьезный проступокъ, подлежащій самымъ строгимъ карамъ. Въ этихъ выговорахъ и нравоученіяхъ пройдетъ иногда весь урокъ. Говорили, что прежде онъ не былъ такъ раздражителенъ и что эта раздражительность вызывалась его болѣзнью и семейными обстоятельствами. Семью онъ имѣлъ большую, состоявшую изъ многочисленныхъ сыновей, въ числѣ которыхъ были и два Ивана. Заботился онъ много о нихъ, но изъ нихъ вышли авантюристы и неудачники. Не могу припомнить пріемовъ его преподаванія, но помню, что катехи-

зись и священную исторію мы знали прекрасно. Литургику же въ наше время вовсе не преподавали. Мое лучшее воспоминаніе о Мерцаловѣ—это его священнослуженіе въ лицейской церкви. Онъ по истинѣ былъ вдохновенный художникъ, способный расположить къ молитвѣ самаго небогомольнаго человѣка. Припоминаю то религіозное настроеніе, въ которомъ я бывалъ въ лицейской церкви, когда слушалъ и созерцалъ служеніе о. Мерцалова. Къ тому же и хоръ изъ гимназическихъ пѣвчихъ, подъ регентствомъ студента Пршибисова, былъ превосходенъ: дивное соло гимназистика Трубницкаго въ „Господи помилуй“ мнѣ слышится и теперь. Я встрѣчалъ потомъ только одного священника, вдохновенное и художественное служеніе котораго напоминало мнѣ о. Мерцалова. Это былъ незабвенный Назарій Антоновичъ Ѳаворовъ, покойный профессоръ богословія въ нашемъ университетѣ, незамѣнимый и оплакиваемый нами до сихъ поръ.

Таковъ былъ составъ преподавателей, которые учили меня въ гимназіи, пройденной мною въ шесть лѣтъ. Я былъ хорошимъ ученикомъ только во второмъ и третьемъ классахъ, изъ которыхъ я переходилъ съ похвальными листами, а съ четвертаго класса сталъ учиться плохо, свысока посматривая на учителей и ихъ преподаваніе. Изъ пятаго въ шестой я перешелъ съ передержкой изъ алгебры, а изъ шестого въ седьмой—изъ нѣмецкаго языка. Да и до ученія ли мнѣ было? Я постоянно влюблялся: то въ бальзаковскихъ дамъ, бывая дома на каникулахъ, то въ роменскихъ актрисъ, посѣщая ежегодно съ семьей ильинскую ярмарку, соблазны и прелести которой мнѣ памятны до сихъ поръ. Эта пресловутая ильинская ярмарка порядочно разстроивала дѣла отца: занимались деньги на тяжелыхъ условіяхъ, продавались на-скоро продукты, на-скоро и по дешевой цѣнѣ. Нельзя сказать, чтобы въ это время я особенно любилъ чтеніе и чтобы я книги предпочиталъ преферансу, въ которомъ мы упражнялись частенько.

Проживъ два года у учителя Дубницкаго, мы стали жить подъ управленіемъ репетитора моего брата, Ивана Павловича Скрипцова, на другихъ квартирахъ, и между прочимъ въ домикѣ милой старушки Бѣлянкиной, у монастырской ограды, гдѣ потомъ жили студенты Рененкампфъ и Остроградскій. Но этотъ способъ скоро показался отцу неудобнымъ, и насъ помѣстили въ общей квартирѣ Шапошникова. Квартира эта была поставлена прекрасно. Дисциплина была довольно строгая; порядокъ—строгій и правильный; для занятій съ квартирантами и для надзора за ними содержались три репетитора, имена которыхъ я помню:

студентъ Савченко-Бѣльскій—для математики, и ученики седьмого класса, Сѣриковъ и Вотчевъ—для всѣхъ другихъ предметовъ. Они предсѣдательствовали за нашимъ обѣденнымъ столомъ, и за нашу малѣйшую провинность жаловались хозяину, человѣку вспыльчивому и сердитому. Я помню, какъ я, однажды, но не знаю уже, за что̀ и про что̀, вытащенъ былъ Савченкомъ изъ-за обѣденнаго стола и отведенъ къ Шапошникову, который, потузивши меня, поставилъ на колѣни въ присутствіи своей супруги. Это было для меня тѣмъ болѣе обидно и больно, что наканунѣ я говорилъ съ нею о разныхъ стихотвореніяхъ и „Фаустѣ“ Гёте, съ которымъ я тогда познакомился по переводу Губера. Господствующая роль въ этой квартирѣ принадлежала великовозрастнымъ силачамъ, передъ физической силой которыхъ все преклонялось и съ которой считался самъ хозяинъ. Эти великовозрастные силачи, къ которымъ мы относились съ подобострастіемъ—о, какъ помню я ихъ имена!—были: Мартосъ, Ракочій, Акинъ, Костенецкій и Парохомскій. Они жили въ отдѣльной комнатѣ, къ которой мы подходили на цыпочкахъ. Возможное примѣненіе ихъ кулака, который они нерѣдко хвастливо показывали, устрашало насъ ужасно.

Въ моихъ воспоминаніяхъ пребываніе въ квартирѣ Шапошникова—одинъ изъ самыхъ пріятныхъ гимназическихъ эпизодовъ. Домъ стоялъ въ огромномъ графскомъ саду—частью англійскомъ, частью фруктовомъ. Посреди сада былъ прекрасный прудъ, изъ котораго мы почти не вылѣзали, то купаясь, то занимаясь навигаціей во время гимназическихъ уроковъ, за что̀ однажды и были оштрафованы. Особенно хорошо я помню прогулки по этому саду въ лунныя осеннія ночи, свѣтлыя какъ день. Въ саду на ночное выпускались лошади арендатора. Мы ихъ ловили и устроивали веселыя кавалькады; считая себя въ то время поэтомъ, я все это описывалъ не-безупречными стихами. Въ гимназіи я рѣдко дружилъ и близко сходился съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, особенно избѣгалъ бывать на „ты“. Товарищи, въ свою очередь, не могли питать расположенія ко мнѣ, гордому, недоступному, считавшему себя болѣе развитымъ и воспитаннымъ—чуть не аристократомъ среди плебеевъ. Отъ гимназіи сохранилось у меня двѣ-три привязанности, и только одна истинная любовь—ко Льву Ивановичу Ждановичу. Вмѣстѣ съ нимъ я былъ и въ университетѣ, пока онъ его не бросилъ и не затерялся для меня. Онъ потомъ появился въ Кіевѣ, чтобы держать экзаменъ на степень кандидата правъ, и я своего однокашника экзаменовалъ по своему предмету. Это былъ чрезвычайно симпатичный,

чрезвычайно способный, но страшно распущенный человѣкъ и неутомимый картежникъ. Тѣмъ не менѣе, до конца дней его я сохранилъ къ нему самыя нѣжныя и дружескія отношенія, и мнѣ было очень жаль милаго Левочки, когда я узналъ изъ газетъ о его смерти. Изъ моихъ сожителей по квартирѣ Шапошникова ближе всѣхъ ко мнѣ были Затыркевичъ и Соллогубъ. Съ первымъ сближала меня наша общая любовь къ Лермонтову, всѣ стихотворенія котораго были имъ переписаны его изящнымъ и четкимъ почеркомъ. Имѣніе родителей Затыркевича находилось въ селѣ Блотницѣ, прилукскаго уѣзда, гдѣ жилъ и знаменитый генералъ Граббе, о которомъ я слышалъ отъ него много разсказовъ. Онъ и самъ имѣлъ наклонность къ военной службѣ, въ которую и поступилъ по окончаніи лицея. А до того онъ составлялъ потѣшныя роты и наслаждался ихъ муштрованіемъ. Вообще, онъ былъ славный и честный человѣкъ и считался у насъ въ классѣ первымъ юмористомъ и анекдотистомъ. Онъ прекрасно писалъ сочиненія и, въ особенности, описанія природы, и я удивляюсь, какъ изъ него не вышелъ писатель въ родѣ, напримѣръ, Гребенки, котораго и онъ очень уважалъ. Другой мой сожитель, Самсонъ Петровичъ Соллогубъ, былъ человѣкъ иного типа, не особенно надѣленный дарами. Маленькій, аккуратненькій, онъ былъ человѣкъ теплой, доброй души, и его приходилось мнѣ потомъ экзаменовать, когда, найдя для себя непосильнымъ медицинскій факультетъ, онъ задумалъ выдержать экзаменъ на кандидата факультета юридическаго. Припоминаю, что вмѣстѣ съ нимъ мы приготовляли нѣкоторые предметы: я—на магистра, онъ—на кандидата. Съ благодарностью я вспоминаю его товарищеское участіе и искреннюю радость, когда онъ присутствовалъ и на моей вступительной лекціи, и на моихъ диспутахъ—магистерскомъ и докторскомъ. Небольшой и слабосильный, онъ считалъ своимъ призваніемъ бороться за правду съ большими и сильными міра. Онъ палъ жертвой этой неравной борьбы: его несправедливо заключили въ конотопскую тюрьму, въ которой онъ и умеръ. Миръ праху твоему, хорошій, добрый товарищъ!

Мы тѣшились кавалькадами въ графскомъ саду въ чудесныя осеннія ночи 1847 года. А между тѣмъ къ Нѣжину подбиралась холера и стала уносить свои жертвы. Гимназія была закрыта и ученики распущены по домамъ. Я съ братомъ и двумя лохвичанами наняли подводу и, усѣвшись съ горемъ пополамъ на узкой телѣгѣ, пустились въ путь. Живо припоминаю это путешествіе въ прохладное осеннее время. По пріѣздѣ домой, я

самъ скоро заболѣлъ холерой, накинувшись съ жадностью на осеннія груши.

Эта холерная осень 1847 года—эпоха въ исторіи моего умственнаго развитія. Къ намъ пріѣхалъ Евгеній Васильевичъ Судовщиковъ, который тогда перешелъ изъ харьковскаго университета въ кіевскій. Начались мои „приватиссимы", полуночныя бесѣды или, лучше сказать, монологи, которые я жадно слушалъ. Судовщиковъ отлично говорилъ, а я отлично его слушалъ. Судовщиковъ былъ прирожденный мыслитель и литераторъ. Слушатель Новицкаго, онъ поклонялся тогда Гегелю, съ которымъ познакомилъ меня, засадивъ за его эстетику въ русскомъ переводѣ. Другими его кумирами были Гоголь и Бѣлинскій. Все это было воспринято и мною, и мои прежнія литературныя понятія, и мои прежнія увлеченія Марлинскимъ и Кукольникомъ разбиты были въ прахъ. Какъ рылся я въ портфелѣ Судовщикова, выбирая разныя его выписки на лоскуткахъ бумаги, которыя я перечитывалъ и переписывалъ! Для меня на свѣтѣ не было человѣка умнѣе Судовщикова, курточки котораго я донашивалъ въ дѣтствѣ, а въ отроческіе годы усвоивалъ его вкусы и понятія. Я сталъ даже подражать его манерамъ, которыя были не безъ аффектаціи и жеманства,—сталъ, подобно ему, другимъ говорить колкости, а барышнямъ—каламбуры. Несомнѣнно, благодаря его „приватиссимамъ", я перешагнулъ и переросъ гимназію. Послѣ полуночныхъ бесѣдъ по философіи,—какими мнѣ могли показаться объясненія моихъ учителей? Послѣ эстетики Гегеля и трактата о волѣ Судовщикова, отвергавшаго волю,—какими могли показаться мнѣ мои учебники? Въ январѣ 1848 года я возвратился въ квартиру Шапошникова, преисполненный высокомѣрія и презрѣнія къ гимназіи. Стоитъ ли учить уроки? Стоитъ ли слушать учителей? И я почти-что до окончанія гимназіи не училъ этихъ уроковъ, не слушалъ этихъ учителей, а распѣвалъ пѣсню, которая была въ большомъ ходу у насъ и сочиненіе которой мы приписывали Пестелю. Эту залихватскую пѣсню я помню и теперь:

„Друзья, неужто станемъ
Надъ книгой цѣлый вѣкъ коптѣть?
Всѣ книги въ печку! Перестанемъ
Надъ ними сгорбившись сидѣть!
Зарядимъ ружья, пистолеты,
И ну прохожихъ всѣхъ стрѣлять!
Себѣ ихъ звонкія монеты
По праву сильныхъ отбирать!"

Такія-то пѣсни пѣвали мы подъ бдительнымъ окомъ Экеблада. Я совершенно преобразился: язвилъ критикой учителей, говорилъ колкости товарищамъ, считая ихъ людьми неразвитыми; гимназію считалъ недостойной гегельянца. Переставъ совсѣмъ учить уроки, я удивляюсь, какъ я могъ, хотя и съ передержкой, перейти въ шестой классъ. Для ученика такого высокаго ранга дисциплина квартиры Шапошникова казалась уже неподходящей, и мы съ братомъ переселились на квартиру, которую содержала на главной улицѣ прилукская помѣщица Маркевичъ, съ сыномъ которой—прилукскимъ панычомъ со всѣми его нравами и распущенностью—я еще прежде сошелся. Это былъ ученикъ четвертаго класса, но казался уже вполнѣ установившимся эпикурейцемъ-крѣпостникомъ. Я могъ выдержать едва полгода жизни въ обществѣ прилукскихъ панычей, съ вѣчными картами и болтовней. Затѣмъ, обзаведясь крѣпостнымъ слугой Дмитріемъ, набивавшимъ мою трубку вакштафомъ, подобно тому, какъ Ефимъ набивалъ трубку отцу, я переселился въ сосѣдній домъ Манцева, въ которомъ и прожилъ послѣдніе полтора гимназическихъ года, сначала вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ, а по увольненіи его изъ гимназіи и переходѣ моемъ въ седьмой классъ я жилъ одинъ со своимъ Дмитріемъ. Припоминаю пріѣздъ въ это время почетнаго попечителя лицея, графа Кушелева-Безбородко, который былъ тогда государственнымъ контролеромъ. Съ нимъ были два сына. Въ моей памяти запечатлѣлся старшій, который былъ тогда въ послѣднемъ классѣ Александровскаго лицея. Впослѣдствіи онъ издавалъ „Русское Слово“ и разорился на меценатствѣ. Помѣстившись въ графскихъ покояхъ, графъ пробылъ въ Нѣжинѣ нѣсколько дней, устроивая развлеченія для учащихся. Его темно-синіе очки, ласковое, привѣтливое лицо и теперь носится предо мною. Въ седьмомъ классѣ я уже совершенно пересталъ заниматься тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ. Я сталъ заниматься преимущественно исторіей русской литературы и исторіей живописи: все, что̀ касалось Пушкина или Грибоѣдова, Мурильо или Рубенса, записывалось и бережно вносилось въ тетрадь. Учебниковъ у меня совсѣмъ не было. Я промѣнялъ ихъ на собраніе критикъ и рецензій „Отечественныхъ Записокъ“. Мечты объ университетѣ и словесномъ факультетѣ не покидали меня, и я считалъ дни, которые отдѣляли меня отъ университета. Приближалось уже время окончательныхъ экзаменовъ. Я засѣлъ за приготовленіе къ нимъ, что̀ мнѣ было очень трудно, такъ какъ прежде я не училъ уроковъ, а нужно было выдержать по всѣмъ предметамъ по всѣмъ классамъ.

Но молодая энергія преодолѣла трудности: я подготовился изрядно, а уроки у Бончъ-Осмоловскаго обезпечили мнѣ экзаменъ по математикѣ. Экзамены начались передъ святой и производились очень торжественно. За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, предсѣдательствовалъ самъ директоръ въ обществѣ ассистента и экзаменатора. Мы были въ мундирахъ; взявъ билетъ, мы его обдумывали въ глубокой амбразурѣ окна. Это обдумыванье иногда выручало насъ изъ бѣды: пансіонеры на шнуркѣ съ третьяго этажа спускали книгу, и мы по ней просматривали вынутый билетъ. Случалось взять билетъ застрахованный, такъ какъ страхованье это практиковалось нами въ широкихъ размѣрахъ; нѣкоторые даже хвастались числомъ застрахованныхъ билетовъ. Тогда спущенная на шнуркѣ книга спасала отъ дурной отмѣтки. Экзаменъ прошелъ для меня благополучно, и только изъ нѣмецкаго языка была маленькая заминка, но меня выручили въ совѣтѣ Симоновъ и Коперницкій, и я получилъ аттестатъ. Изъ гимназіи я вынесъ немного; однако въ этомъ виновата была не гимназія, но я самъ. Кто лучше въ ней учился, тотъ вынесъ изрядный запасъ свѣдѣній. Воспоминаніе объ этой гимназіи и всѣхъ моихъ учителяхъ для меня всегда было симпатично, а городъ Нѣжинъ, гдѣ протекли мои отроческіе годы, и до сихъ поръ милъ моему сердцу. Однажды меня спросили: „Какіе города мнѣ больше нравятся“? Я отвѣтилъ: „Нѣжинъ, Кіевъ и Гейдельбергъ“—города моей молодости, города моего ученья.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПРИ СВѢТѢ ВЕЧЕРНЕМЪ.

Какъ на зѣмлю вѣстникъ ночи
Сходитъ тихій свѣтъ вечерній
И потомъ, съ прощальной лаской,
Онъ ее на сонъ грядущій,
Уходя, благословляетъ,—
Такъ желалъ бы я предъ смертью,
Мирной думой успокоенъ,
Оглянуть духовнымъ взоромъ
Долгой жизни путь пройденный
И проститься съ нимъ любовно.

Помню дѣтство, помню юность
И всѣ жизни переходы
Черезъ мужественный возрастъ
Вплоть до старости глубокой.
Впечатлительной душою
Какъ любилъ я жизнь земную!
Какъ предъ ней бывалъ я веселъ
И порой какъ плакалъ горько!..
Еслибъ жизнь уму и сердцу
Ничего не даровала
Кромѣ слезъ и кромѣ смѣха,—
И тогда бъ воскликнуть можно:
Стоитъ жить на этомъ свѣтѣ!

А меня она, благая,
Награждала свыше мѣры.
Не богатствомъ, не почетомъ,
И не тѣмъ показнымъ блескомъ,
Что вѣковъ сѣдая мудрость
Называетъ суетою,—
Нѣтъ, она мнѣ указала,
Въ сферахъ духа, непрерывный
Наслажденія источникъ;
И я радости земныя
Изъ него обильно черпалъ...

II.

* * *

Жалко старцу видѣть, какъ толпа людская,
Случая слѣпого и страстей игралище,
Гонится за счастьемъ, силы напрягая,
Словно призовые кони на ристалищѣ.

Самъ въ душѣ онъ чуетъ строй необычайный:
Будто бы загробный зовъ порою слышится;
Будто бы тяжелый занавѣсъ предъ тайной
Хоть еще не поднятъ, но уже колышется.

И о всемъ житейскомъ мысля не тревожно,
Не стыдясь ошибки, не гордясь побѣдою,—
Онъ лишь полонъ думой: „о, коль было бъ можно
„Воспринять мнѣ вѣрой то, чего не вѣдаю!“

Алексѣй Жемчужниковъ.

1901.
Ильиновка

ЖИТЕЙСКІЕ ТОЛЧКИ

РАЗСКАЗЪ.

У Чертковыхъ обѣдали гости.

Былъ пятый часъ зимняго вечера, когда въ столовой засуетилась и зазвенѣла посудой прислуга.

Въ кабинетѣ въ это время доигрывали послѣдній роберъ; партнёры перекидывались отрывистыми:

— Три пики!—пассъ, пассъ!—Четыре бубны!—Пассъ!..

Въ залѣ велись серьезные разговоры. Говорили о политикѣ, о будущемъ Россіи, о народныхъ театрахъ и воскресныхъ чтеніяхъ;—порицали ошибки и бездѣятельность попечительствъ о народной трезвости.

Кто-то разсказалъ, что мѣстное попечительство затѣвало когда-то устроивать танцовальные вечера въ чайной, да ничего не вышло: выписали откуда-то органъ за восемьсотъ рублей, а онъ оказался порченый; стали чинить, выписали мастера, струнъ,—все это стало еще около ста рублей,—и опять ничего не вышло; такъ теперь и стоитъ безголосая машина, вызывая насмѣшки посѣтителей чайной.

— Не только насмѣшки, но и досаду! Вѣдь даромъ брошена почти тысяча рублей, а на эти деньги много чего можно бы сдѣлать!..

Хозяйка озабоченно посмотрѣла на свои золотые часики и пошла въ кабинетъ. Подойдя къ игрокамъ, она спросила въ полголоса у мужа:

— Скоро кончите?

— Безъ козырей!—Три бубны!—перекидывались винтёры, не обращая на нее вниманія.

— Слышишь, Поль: скоро кончите?—повторила она громче, съ легкимъ раздраженіемъ.

— Сейчасъ, Сонечка, сейчасъ!.. Четыре трефы!—провозгласилъ Павелъ Ильичъ, внимательно разобравъ карты.

Софья Львовна, съ досадливой гримасой, направилась въ столовую.

— Къ барину опять калужинскіе мужики пришли!—тревожнымъ шопотомъ доложила ей горничная: —второй разъ пришли сегодня!.. утромъ сколько часовъ дожидались...

— Скажи, чтобы завтра...

— И то ужъ который день ходятъ!..

— Ну, такъ пошли ихъ въ канцелярію, къ письмоводителю.

— Просятъ, нельзя ли самого барина увидать?

— Ахъ, Боже мой!.. Если же нельзя!

Софья Львовна снова заглянула въ кабинетъ; тамъ одинъ изъ партнёровъ сдавалъ карты: игра, значитъ, затянется по крайней мѣрѣ минутъ на десять, и въ это время она успѣетъ повидаться съ сыномъ.

— Жоржику подавали обѣдать?—обратилась Софья Львовна къ горничной, встрѣтивъ ее въ корридорѣ, ведущемъ въ дѣтскую.

— Баричъ откушали въ половинѣ третьяго, какъ только пришли изъ гимназіи.

Свѣженькій, десятилѣтній Жоржикъ давно уже сидѣлъ у стола, освѣщеннаго небольшой лампой, передъ раскрытой книжкой. Онъ поминутно заглядывалъ въ учебникъ и, откинувшись на спинку стула, твердилъ скороговоркой:

— Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни скота его...

Сбившись, онъ опять смотрѣлъ въ книжку и начиналъ снова:

— Не пожелай жены... и т. д.

Онъ усердно зубритъ, а въ то же время думаетъ, почему это ему такъ не везетъ съ этими заповѣдями? На экзаменѣ на нихъ же срѣзался... Зналъ отлично и по порядку, и въ разбивку, но священникъ не просто спросилъ, а вдругъ: „разскажите, говоритъ, что вы знаете о синайскомъ законодательствѣ“? А кто его зналъ, что это такое? Ну, конечно, и стопъ! Теперь вотъ никакъ не удается осилить эту противную десятую!..

Жоржикъ шумно вздохнулъ.

— Не пожелай жены...—еще разъ началъ онъ и, сбившись на томъ же словѣ, стукнулся лбомъ въ книжку и громко заплакалъ.

— Жоржинька, дорогой мой! О чемъ это? — вскрикнула Софья Львовна, подбѣгая къ сыну.

— Я... я, мама, не могу!.. десятую за-а-повѣдь не могу-у!.. все на скотѣ сбиваюсь!..

— Дорогой мой! Ты вѣрно перезубрилъ! Отложи на послѣ, а теперь займись чѣмъ-нибудь другимъ.

— Я, мама, задачу стану рѣшать... Я уже начиналъ, да бросилъ: очень трудная, вотъ посмотри...

— Нѣтъ, голубчикъ, сейчасъ мнѣ некогда, меня тамъ гости ждутъ... Надо ихъ звать обѣдать...

— А что у васъ нынѣче сладкое?.. Ты мнѣ...

— Пришлю, пришлю! Пломбиръ и фрукты...

— А ты, мама, любишь гостей? они веселые?.. Разскажи, мама, о чемъ вы тамъ разговариваете и какъ вамъ тамъ весело?..

Его хорошенькіе глазки еще не высохли отъ слезъ, а на губахъ уже блуждала улыбка.

— Мы разсуждаемъ о многомъ, о хорошемъ, но теперь ты этого не поймешь; вотъ когда выростешь...

— Нѣтъ, нѣтъ, мамочка!.. Я все—все пойму!.. Ей-ей, пойму!.. Я постараюсь понять, только разскажи!..

Онъ весь дрожалъ, тормошилъ мать за рукавъ, впиваясь въ ея глаза своимъ молящимъ и горѣвшимъ отъ любопытства взоромъ.

— Ну, хорошо, хорошо! Я разскажу, только потомъ. Сейчасъ я уйду, а ты учи уроки. Будешь учить?..

— Буду, буду. Честное слово!.. А ты разскажешь?

— Непремѣнно! Сегодня же, когда гости уѣдутъ!

Она наскоро поцѣловала Жоржика, отстранила его протянутыя къ ней ручонки и быстро, почти бѣгомъ, вышла. Мальчуганъ проводилъ ее затуманеннымъ взоромъ и задумался. Онъ думалъ о томъ, какъ хорошо быть взрослымъ. Не нужно учить скучные уроки, не нужно вставать утромъ рано, когда въ комнатѣ холодно и такъ крѣпко хочется спать!.. Взрослые постоянно веселятся, ѣдятъ сколько угодно сладкаго и, главное, все понимаютъ! Хоть бы ужъ поскорѣй вырости!.. Вырости бы, какъ въ сказкѣ, въ одну ночь! Легъ маленькимъ, а всталъ— большой!.. Проснулся, а на стулѣ, возлѣ кровати, уже не блуза съ кожанымъ поясомъ, а черный сюртукъ, брюки, жилетъ съ золотыми часами!.. На лицѣ усы, какъ у папы, борода!..

Жоржикъ самодовольно усмѣхнулся.

...Сейчасъ одѣлся бы—да къ гостямъ!.. Сидѣлъ бы тамъ за столомъ и слушалъ, какъ они говорятъ... И было бы весело, а

теперь, вотъ, сиди здѣсь и скучай!.. Одна надежда, что мама разскажетъ обо всемъ...

Мальчуганъ вздохнулъ, вспомнивъ, что далъ мамѣ честное слово выучить за то уроки.

...Не случилось бы опять такъ, какъ было недавно: онъ сдержалъ слово и выучилъ, а мама своего не сдержала, не взяла его на репетицію, некогда ей было... Теперь ей постоянно все некогда... съ тѣхъ поръ, какъ переѣхали сюда, въ городъ...

Онъ вспомнилъ, какъ хорошо было въ деревнѣ: тамъ мама очень рѣдко ѣздила въ гости, а гувернантка, Августа Карловна, никогда не бывала въ гостяхъ и постоянно разговаривала съ нимъ, читала ему такія славныя книжки. А раньше, когда еще не было Августы Карловны, няня разсказывали ему такія чудныя сказки!... Зимой на лежанкѣ такъ тепло и хорошо... Слушаешь-слушаешь про „Ивана-царевича“ или про „Жаръ-птицу“ да и задремлешь... А если большой морозъ, то стоитъ, бывало, насчитать двѣнадцать лысыхъ и громко крикнуть:—„Тресни ихъ лысина, переломися морозъ!“—и на другой день непремѣнно потеплѣетъ... А лѣтомъ?.. Боже, какъ хорошо лѣтомъ въ саду!.. Особенно, когда зацвѣтутъ яблони, груши... Все кругомъ такъ бѣло, душисто!.. Лежишь, бывало, на травѣ и глядишь на голубое небо, на ласточекъ, стрѣлами летающихъ въ вышинѣ... А тутъ, въ этомъ гадкомъ городѣ, онъ постоянно одинъ... И ему все противно: и гимназія, и гости, изъ-за которыхъ мамѣ все некогда, и папина служба да клубъ, изъ-за которыхъ тоже и папѣ все некогда. Тутъ всѣмъ некогда, и о чемъ ни спросишь—сейчасъ: „ты еще малъ, не поймешь“!... А вѣдь это скучно, ужасно скучно!..

Горничная принесла Жоржику стаканъ чаю и тарелку съ пирожнымъ и фруктами.

— Вотъ, сколько вамъ мамаша прислали,—заговорила она, ставя все на столъ;—вы бы и мнѣ удѣлили хоть немножко, а то, за гостями, никогда и не попробуешь: сколько ни подай,—все учистятъ!

— Бери, Маша, бери, да не ужасъ сколько, а такъ, чтобы и мнѣ осталось хоть половину...

Въ кухнѣ калюжинскіе мужики все еще ждали: они надѣялись, что, можетъ быть, баринъ приметъ ихъ.

— Что, милая дѣвушка,—обратился къ горничной сѣдой какъ лунь Харитонъ:—можетъ, таперь-отъ барину бы доложить? Наобѣдались, слышь, господа?..

— Какое тамъ! Къ нему и не подступишься: то въ карты рѣзался, а сейчасъ—съ гостями гогочетъ! А барыня только шипитъ: нельзя да нельзя!..

Мужики переглянулись между собой.

— Какъ же таперя намъ быть, сватъ Егоръ?

— Буде ужъ по домамъ доведется ѣхать!—глухо отозвался Егоръ, угрюмо насупившись.

— Ахъ-ти, горе какое! Горе наше горькое!—вздыхая и разводя руками, повторялъ старикъ.

— Какое у тебя, дѣдушка, горе?.. Какое?—приставалъ къ нему вбѣжавшій въ кухню Жоржикъ..—Какое горе?

— А такое, паренёкъ...—началъ-было Харитонъ.

— Ну, чего тамъ безъ дѣла болтать съ дитёй!—сурово оборвалъ старика Егоръ.—Айда на хватеру!

Мужики ушли, а Жоржикъ приставалъ къ кухаркѣ.

— Скажи, Василиса, какое у старика горе?

— Свое у нихъ горе, хрестьянское,—сухо отозвалась кухарка.

— Василисушка, милая, скажи!..

— Да, какъ же! Тебѣ скажи, а ты сейчасъ мамашѣ донесешь, али папашѣ...

— Вотъ тебѣ крестъ, не скажу! Ей-ей, не скажу!..

Василиса упорно молчала.

— Хочешь, я тебѣ дамъ апельсинъ и пирожнаго?

— Что пирожное?—нѣсколько мягче заговорила Василиса:—я тебѣ и такъ скажу; только вотъ малъ еще ты, не поймешь, пожалуй...

Жоржикъ вскипѣлъ.

— Да что же это, точно сговорились всѣ: малъ да не поймешь, только и слышу! Это неправда! Я все понимаю!.. Все хочу знать!—кричалъ онъ, топая ногами и гнѣвно сжимая кулаки.

— Полно-ка, полно тебѣ!—ласково улыбнулась Василиса.—Вишь, какъ расхорохорился! — Ладно ужъ, пожалуй разскажу, только ты никому ни словечка!

Мальчикъ снова забожился; Василиса начала:

— Хрестьяне эти изъ деревни Калюжи, ходоки они мірскіе... Міръ, значитъ, обчество выбрало ихъ охлопотывать одно дѣло...

— Какое дѣло?

— Такое, вишь, дѣло, что денегъ своихъ они доискиваютъ съ казны. Хотятъ, чтобы казна платила имъ за винную лавку, какъ допрежъ купцы за кабаки платили... А ежели, молъ, казна не хочетъ платить,—пусть лавку изничтожитъ! Намъ, молъ, ее

не надобно... Вотъ они, ходоки эти самые, и ходятъ все къ папашѣ твоему, чтобы, значитъ, охлопоталъ имъ это дѣло,—а папашѣ все недосужно... увидать его никакъ не могутъ...

— Это вотъ и есть ихъ горе?

— А то какъ же? Знамо, дѣло мужицкое, бѣдное, кажный грошъ дорогъ, кажная денежка горбомъ-потомъ добыта, а тутъ даромъ въ городу прохарчились да ни съ чѣмъ и домой убрались...

— А на что имъ деньги? Можетъ быть, на церковь?

— Да ужъ тамъ это ихнее дѣло. На то ли, на другое ли, а только каждому свое дорого; кому же денежки надоѣли, али не милы?..

— Я завтра папѣ скажу, чтобъ онъ поговорилъ съ этими мужиками... сдѣлалъ бы имъ все,—проговорилъ задумчиво Жоржикъ, послѣ долгой паузы.

— А меня выдашь? На вотъ! А сейчасъ что обѣщалъ?..

Жоржикъ сконфузился: онъ совсѣмъ забылъ, что далъ слово молчать. Но какъ же быть: и мужиковъ жалко, и Василису нельзя выдавать.

— А ты лучше вотъ что: скажи, будто подслушалъ все это самъ. Слышалъ, молъ, какъ мужики промежъ собой сказывали. А папашѣ-то обсказать пожалуй-что и не лишнее, потому какъ мужики, не только эти, а и всѣ другіе шибко на него злобятся да обижаются...

— За что? Вѣдь папа не знаетъ?.. Ему никто, вѣрно, не говорилъ, а вотъ, какъ я ему скажу...

— Какъ, поди, не знаетъ! Начальникъ вѣдь онъ и долженъ понимать... Послушалъ бы ты, какъ про него хрестьяне судачатъ! Что, молъ, это и за начальникъ такой, что добыть его никакъ невозможно...

— Какъ же они смѣютъ за глаза осуждать папу? Какъ они смѣютъ?.. Развѣ это хорошо?

— На вотъ! Какъ же и не осуждать? Поставленъ на службу, и жалованье ему идетъ изъ хрестьянскаго трудового капиталу, а онъ все только свои господскія дѣла правитъ, а въ мужицкія—нисколько не вникаетъ. Когда мужикъ ни пришелъ—все ему недосугъ: то въ клубъ, то въ гости уѣхалъ, то почиваетъ, то обѣдаетъ, то въ карты, какъ вотъ нонѣ, играетъ. Ну, вотъ, хрестьяне и злобятся!.. Собираются, слышь, жалобу подавать губернатору. Намъ, молъ, такого начальства не надо. Задаромъ, молъ, только жалованье получаетъ!.. Али наша, молъ, мужицкая копѣйка щербата?.. Шибко ругаютъ мужики папашу! Сидятъ тутъ, въ кухнѣ, и чего-чего только не наслушаешься!..

Жоржикъ постоялъ-постоялъ въ раздумьи и тихо повернулся къ выходу. Онъ даже забылъ, что прибѣгалъ въ кухню, чтобы напиться квасу.

— Смотри же, меня, чуръ, не выдавать! — крикнула ему вслѣдъ Василиса.

— Не бойсь, не выдамъ!

Въ сосѣдней комнатѣ часы пробили десять, а Жоржикъ все обдумывалъ, какъ и кому разсказать про мужиковъ: папѣ или мамѣ? И потомъ его смущала боязнь, какъ бы не попасться во лжи и не выдать Василису.

Онъ хорошо знаетъ, что лгать грѣшно и стыдно, а если сказать правду—значитъ, не сдержать даннаго Василисѣ слова, что̀ опять-таки не хорошо, не честно... А что если все такъ оставить? Никому ничего не говорить? Но вѣдь жаль мужиковъ, хотя они и гадкіе за то, что папу за-глаза осуждаютъ; сказали бы ему честно и прямо въ глаза, что онъ нехорошо служитъ, и, вообще, чѣмъ они недовольны... А можетъ, они и сказали бы, можетъ, для того и ходятъ, чтобы все это папѣ высказать?.. Тогда надо непремѣнно, чтобъ папа выслушалъ ихъ,— иначе это будетъ несправедливо...

Жоржикъ остановился, наконецъ, на томъ, что скажетъ мамѣ, но постарается не смотрѣть ей прямо въ зрачки, когда будетъ выгораживать Василису, потому что ужъ онъ знаетъ: какъ только онъ скажетъ неправду и встрѣтится съ мамиными глазами, то непремѣнно покраснѣетъ, смутится и все выболтаетъ... Тогда опять повторится то, что̀ было, кажется, два года тому назадъ: онъ, какъ-то, нечаянно проговорился насчетъ прислуги—и въ домѣ вышелъ настоящій переполохъ; Василиса и Маша на него косились и шипѣли; папа и мама ссорились—и было такъ тяжело! Папа на маму кричалъ, говорилъ, что она во всемъ виновата, что она не умѣетъ избавить его отъ разныхъ непріятностей и дрязгъ, что онъ размѣняется... Онъ хотѣлъ тогда спросить у мамы, что̀ значитъ размѣняться, но она все плакала, а потомъ онъ самъ забылъ. Такъ и до сихъ поръ онъ не знаетъ, что̀ это значитъ, но тогда это слово показалось ему такимъ страшнымъ, что у него мурашки по спинѣ забѣгали. Жоржику показалось, что папа, вотъ-вотъ, распадется на части, какъ полѣнья, горящія въ печкѣ... или, можетъ быть, папа разсыплется по полу въ разныя стороны мѣдяками и серебромъ—и папы уже не будетъ!.. Какъ онъ былъ тогда глупъ! Теперь ужъ онъ по-

нимаетъ, что размѣняться—это что-то относительно ума или честности, а вовсе не значитъ, что, вотъ, буквально, какъ рубль, размѣнять на мелочь... А вотъ и мама идетъ...

— Господи! Дай, Господи, чтобы я все хорошо ей разсказалъ!—въ сильномъ волненіи прошепталъ онъ.

— А ты еще не спишь? Голубчикъ мой, это же невозможно: вѣдь уже десять часовъ!..

— Я, мама, сейчасъ лягу, только ты...

— Если чего не выучилъ, я велю разбудить пораньше.

— Ахъ, нѣтъ! Я, видишь ли, слышалъ въ кухнѣ, что мужики папу бранятъ... ругаютъ...

— Какъ? Что?.. папу бранятъ?—всполошилась Софья Львовна, ничего не понимая.

— Они, мужики, говорятъ, что папа—гадкій, что онъ нехорошо служитъ, что онъ лѣнивый и нехор-о-шій!.. Что онъ... онъ... Они... его нена-а-ви-и-дятъ!.. Какъ они смѣютъ? Мнѣ жа-алко папу!..

Миловидное лицо Жоржика исказилось, слезы ручьемъ полились по щекамъ.

— Успокойся, дорогой мой! Перестань же, мой милый мальчикъ! Все это—пустяки, вздоръ!—говорила Софья Львовна, вытирая Жоржику слезы.

— Значитъ, мужики врутъ, что папа нехорошій?

— А ты еще сомнѣвался? — строго проговорила Софья Львовна.—Какъ же ты смѣешь? Какъ ты смѣлъ?—еще строже добавила она, озабоченно хмуря брови.

— Я не зналъ... я не буду...

— Такъ знай же разъ навсегда, что папа твой хорошій, и ты никогда не долженъ думать о немъ дурно... Слышишь, никогда!

— Я, мама, никогда больше не буду!.. А мужики еще за что-то на папу сердятся, я не помню, забылъ (онъ чуть не сказалъ: „не понялъ“, но во-время спохватился и замѣнилъ это ненавистное слово другимъ), но они хотятъ на папу жаловаться губернатору... Хотятъ писать жалобу.

Софья Львовна еще больше нахмурилась.

— Повторяю—все это вздоръ!—съ оттѣнкомъ досады проговорила она, но сейчасъ же смягчилась и уже съ улыбкой продолжала:—пустяки все это; объ этомъ никому не надо говорить, и даже самъ ты выбрось изъ головы, забудь, какъ будто и не было...

— Хорошо, я постараюсь забыть какъ можно скорѣй.

— Вотъ и прекрасно; а теперь ложись и спи спокойно.

Жоржикъ вздохнулъ съ облегченіемъ: острой боли обиды и безсильнаго гнѣва, вызвавшихъ слезы, вдругъ не стало, на душѣ стало легко и весело. Ему захотѣлось хоть немного продлить веселье.

— Хорошо, мама, я сейчасъ ложусь, но пока буду раздѣваться, ты разскажешь то, что̀ обѣщала, про гостей и про то, какъ вы всѣ веселитесь,—говорилъ онъ, ласкаясь къ матери и жадно заглядывая ей въ глаза.

— Завтра, Жоржинька, завтра, дорогой мой; теперь нельзя: надо спѣшить на репетицію.

— У васъ опять театръ?

— Да, мы даемъ спектакль въ пользу бѣдныхъ дѣтокъ, чтобъ имъ было хорошо, чтобъ они были въ теплѣ и хорошо бы учились...

— Я, мама, тоже хочу хорошо учиться, но...

— Знаю, знаю—ты у меня умникъ! Ну, прощай же, Господь съ тобой! Ты любишь свою маму?

— О, мамочка!..

Онъ быстро обхватилъ руками и судорожно сжалъ шею матери. На порогѣ Софья Львовна обернулась и, осѣнивъ сына крестомъ, ласково сказала:

— Не забудь, мой дорогой, Богу помолиться!

— Спаси, Господи, и помилуй папу, маму и меня, грѣшнаго!—закончилъ свои молитвы Жоржикъ, и вдругъ вспомнилъ, что сегодня онъ очень грѣшенъ, такъ какъ повѣрилъ глупымъ мужикамъ и усомнился въ правотѣ папы. Необычайная нѣжность къ отцу охватила мальчика, и ему страстно захотѣлось проститься съ отцомъ на ночь, поцѣловать его крѣпко-крѣпко! Папа не любитъ прощаться, когда играетъ въ карты, но теперь онъ въ столовой: оттуда слышенъ его голосъ.

Жоржикъ обернулся, поправилъ волосы и вышелъ.

Павелъ Ильичъ и человѣкъ пять гостей, сидя за столомъ, курили и пили. Вино развязало всѣмъ языки; пользуясь отсутствіемъ хозяйки дома, вели холостецкій разговоръ, густо приправляя его разными пикантными подробностями.

Чертковъ былъ въ ударѣ и говорилъ больше всѣхъ; лицо его горѣло, глаза искрились, улыбка то-и-дѣло смѣнялась громкимъ смѣхомъ.

„Какой папа красивый!“—восхищался про себя Жоржикъ, стоя у косяка дверей.

Его не замѣчали: собесѣдники были слишкомъ заняты разговоромъ; прислугу Павелъ Ильичъ отпустилъ, такъ какъ не выносилъ присутствія слугъ, когда ему хотѣлось быть на-распашку.

„Папа лучше всѣхъ!“—продолжалъ восхищаться Жоржикъ. Онъ забылъ, зачѣмъ шелъ къ отцу, и стоялъ въ нѣмомъ восторгѣ. Не понимая, о чемъ говорятъ, и даже не стараясь понять, онъ глядѣлъ на веселыя лица, слышалъ смѣхъ, и ему было весело. Опомнившись, наконецъ, онъ было-шагнулъ къ столу, но какъ-разъ въ это время кто-то сказалъ:

— Пора, господа, пора въ клубъ.

Всѣ разомъ поднялись, шумно задвигали стульями, смѣхомъ и восклицаніями заканчивая разговоръ. Въ ушахъ Жоржика то-и-дѣло проносились отрывистыя фразы въ такомъ родѣ:

— Вотъ женщина! а? каково?..

— Н-да, женщина съ перцемъ!..

— Господа, за женщинъ! — говорилъ Чертковъ, наполняя стаканы.—Чокнемся въ послѣдній разъ.

Всѣ чокнулись, осушили стаканы и двинулись гурьбой къ противоположной двери.

Жоржикъ такъ и остался никѣмъ не замѣченный.

— „Вино, веселье и любовь—вотъ жизни наслажденье!“—громко запѣлъ Павелъ Ильичъ, удаляясь вслѣдъ за гостями. Минуты двѣ въ прихожей раздавались говоръ и смѣхъ; но вотъ стукнула выходная дверь, щелкнулъ замокъ, топотъ ногъ по лѣстницѣ затихъ, и вся квартира Чертковыхъ точно замерла.

Жоржикъ постоялъ немного въ раздумьи, потомъ подошелъ къ столу, придвинулъ къ себѣ вазу съ фруктами и сталъ ѣсть; уничтоживъ остатки винограда и грушу, онъ опять съ минуту раздумывалъ. Спать ему не хотѣлось: онъ разгулялъ совсѣмъ сонъ; уроки можно доучить завтра, такъ какъ мама велитъ разбудить пораньше... Пойти развѣ почитать?..

Вдругъ глаза мальчика загорѣлись, изъ-за полненькихъ алыхъ губокъ засверкали два ряда ровныхъ бѣлыхъ зубовъ. Онъ отыскалъ нѣсколько недопитыхъ бутылокъ, поставилъ ихъ группой около отцовскаго стакана, туда же помѣстилъ ящикъ съ сигарами, самъ взобрался на стулъ, гдѣ сейчалъ сидѣлъ отецъ.

Все это дѣлалъ онъ не спѣша, внимательно и серьезно, съ такой миной, какъ будто онъ рѣшалъ трудную задачу. Но когда налилъ стаканъ вина, взялъ въ руку сигару, на его лицѣ снова заиграла радостная улыбка.

...Онъ большой, онъ взрослый, совсѣмъ какъ папа!.. Онъ не

рѣшался закурить сигару: разъ, какъ-то, онъ было-попробовалъ затянуться—и его стошнило; но онъ держалъ ее въ лѣвой рукѣ, между указательнымъ и среднимъ пальцами, солидно подносилъ ее ко рту и дѣлалъ видъ, будто выпускаетъ дымъ; правой рукой онъ то крутилъ воображаемые усы, то поднималъ стаканъ и отпивалъ большими глотками вино. Вино было вкусное и не очень крѣпкое, но послѣ стакана у Жоржика слегка закружилась голова. О, какъ хорошо быть большимъ!..

Онъ налилъ еще, осушилъ стаканъ залпомъ и откинулся на спинку стула; его бросило въ жаръ, мысли въ головѣ спутались и запрыгали, дѣйствительность мѣшалась съ вымысломъ. Ему казалось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ уже взрослый, такой же, какъ недавно сидѣвшіе тутъ гости. И вдругъ въ мозгу его пронеслись послѣднія фразы, сказанныя кѣмъ-то изъ гостей; Жоржикъ захохоталъ и громко произнесъ:

— Вотъ женщина!.. Вотъ женщина съ перцемъ!..

Онъ поднялъ высоко стаканъ и визгливо прокричалъ каждый день почти напѣваемое отцомъ:

— „Вино, веселье и любовь—вотъ жизни наслажденье“!..

— А я, вотъ, мамашѣ скажу, что вы полуночничаете!—заговорила пришедшая за посудой горничная.—Вамъ бы теперь спать, а утромъ пораньше встать да урки поучить...

— Урки!.. Ха-ха-ха!.. Мнѣ, Маша, учиться уже не надо... потому не... не надо, что я уже большой!.. Какъ папа!—бормоталъ Жоржикъ, быстро пьянѣя и завязая на каждомъ словѣ.

— Господи, батюшка!—воскликнула горничная, догадавшись, наконецъ, что мальчикъ пьянъ.

— Пойдемъ-ка, пойдемъ скорѣй въ дѣтскую! Того и гляди—господа вернутся!..

— Не хочу... въ дѣтскую!..

Маша схватила его подъ мышки, чтобы стащить со стула, а Жоржикъ тянулся ручонкой къ ея щекѣ и продолжалъ бормотать:

— Хочу... какъ папа!.. Папа тебя щипалъ!..

— Скажите, пожалуйста! И онъ туда же! А ты прежде вырости съ папу, да тогда и разговаривай!..

— Я уже выросъ!.. я выросъ!—бормоталъ мальчуганъ, всхлипывая.

Развѣ не обидно, что онъ и курилъ, и пилъ, и пѣсню папину спѣлъ, а теперь ему оставалось только ущипнуть Машу, чтобы быть совсѣмъ какъ папа,—и вдругъ противная Машка не позволяетъ!

Съ трудомъ уложила его Маша и сейчасъ же пошла подѣлиться новостью съ Василисой.

— А Жоржинька-то нашъ напился!..

— Да что ты врешь?

— Вотъ-те крестъ! Насилу языкомъ ворочаетъ, а туда же: „хочу, говоритъ, щипать тебя, какъ папа щиплетъ“!.. Ха-ха-ха!..

— Ну, дѣвка, ты не больно-то выхохатывай! Лучше побереги мальчонку, какъ бы чего не случилось... Дитё холеное, нѣжное!.

Изъ клуба Чертковы вернулись въ пятомъ часу. Послѣ репетиціи были танцы, а Павелъ Ильичъ игралъ въ карты. Софья Львовна уснула сейчасъ же и спала какъ сурокъ; Павелъ Ильичъ, напротивъ, томился безсонницей: въ клубѣ онъ продулся въ пухъ, да и нервы себѣ измочалилъ, проигрывая роберъ за робероиъ. А тутъ еще жена подбавила: не могла оставить до завтра эту глупѣйшую исторію съ калужинскими мужиками! Жоржикъ, видите ли, впечатлителенъ и воспріимчивъ, дурной примѣръ ему... Скажите, Америку открыла! Съ своимъ куринымъ умомъ, да еще и нотаціи читать вздумала: живешь праздно, не занимаешься службой!.. А сама? Спектакли да танцы—вотъ и всѣ ея интересы... Даже книжка ей противна!.. Только и читаетъ описаніе картинокъ въ „Нивѣ“, да свои дурацкія роли зубритъ... И туда же еще: „запустилъ службу“! Развѣ онъ самъ этого не понимаетъ? Не страдаетъ, не мучится? Отлично знаетъ, что у него кругомъ безпорядки, все запущено... Онъ каждый день собирается приняться за работу, но все что-нибудь мѣшаетъ, а если и нѣтъ никакой помѣхи, то просто страшно приняться какъ слѣдуетъ: только копни эту чертовщину — и всѣ его промахи всплывутъ, какъ сало на водѣ... Писаря—доки, собаку съѣли на канцелярщинѣ и живо раскусятъ, что самъ онъ ничего въ ней не понимаетъ. Хорошо еще, что предсѣдатель—тупица, трусъ, держится въ съѣздѣ только секретаремъ, а самъ тоже не знаетъ службы и боится ревизовать волостныя правленія да канцелярію... Однако, не сегодня—завтра онъ долженъ же обревизовать, и ужъ, конечно, прикраситъ и раздуетъ въ своихъ донесеніяхъ!.. Тогда—конецъ, придется уходить, покуда не прогнали... Уходить—куда? Имѣніе заложено-перезаложено, того и гляди—пойдетъ съ молотка... Да и вообще родная Украйна, эта бывшая житница Россіи, теперь ужъ сильно оскудѣла... И ухитрились же родители прожить изрядное состояніе, а ему, единственному сыну, оставить только долги... Пришлось служить,—а какой онъ службистъ?

Ему и участокъ объѣзжать совѣстно: старшины, писаря, старосты насквозь его видятъ, но теперь они, по крайней мѣрѣ, молчатъ, а прижми-ка ихъ—самого, бестіи, подведутъ!..

Павелъ Ильичъ повернулся на другой бокъ.

...Да и стóитъ ли очень-то хлопотать и заботиться о мужикахъ? Чтò они ему? Онъ охотно облагодѣтельствовалъ бы ихъ, еслибъ могъ это сдѣлать безъ всякихъ усилій, однимъ своимъ словомъ или взмахомъ руки, да и то едва-ли бы это доставило ему большое удовольствіе... Не вѣритъ онъ въ искренность борцовъ за правду, не вѣритъ въ ихъ скорбь за меньшую братію... Все это—ложь, лицемѣріе, пустое фразерство!.. Въ лучшемъ случаѣ—самообманъ, соломинка утопающаго... Утопающаго въ морѣ отчаянія отъ сознанія, что, въ сущности, вся человѣческая жизнь—одна сплошная нелѣпость и безсмыслица...

— А, тоска, тоска!—шумно вздыхаетъ Чертковъ.

Ему жаль себя до боли въ сердцѣ, почти до слезъ.

...Онъ—умнѣе, честнѣе, лучше другихъ, и почему-то онъ закабаленъ, долженъ служить, тянуть лямку и жить этимъ чиновничьимъ двадцатымъ да, по-мѣщански, сводить концы съ концами. Жизнь запрягла его въ ярмо, изъ котораго нѣтъ возможности вырваться!..

Павелъ Ильичъ нервно сбросилъ одѣяло, подошелъ къ жениной кровати и уставился злыми глазами на крѣпко спавшую Софью Львовну.

— Бревно!—прошипѣлъ онъ,—такъ и вѣкъ свой проживетъ, не мучась, не сознавая своего тунеядства!..

Онъ съ шумомъ отдернулъ штору; блѣдный зимній разсвѣтъ ворвался въ спальню.

— Поль, ты что это такъ рано? — лѣниво открывая хорошенькіе глазки, спросила Софья Львовна:—опять безсонница?.. А, нервы!.. Выпей валеріанки, брому...

— Какъ она глупа! Какъ безнадежно глупа!—говорилъ самъ себѣ Павелъ Ильичъ, кидая ненавистные взгляды на жену, успѣвшую уже снова уснуть, свернувшись кошечкой и подложивъ подъ голову пухленькія ручки.

— О, какъ она глупа, какъ безнадежно глупа!—мысленно повторилъ Чертковъ.—И какъ она могла ему понравиться?.. Эти завитки на лбу, эта мѣщанская свѣжесть, веселые глаза, звонкій смѣхъ и румяныя щеки—все это вульгарно, пóшло до тошноты!..

Павелъ Ильичъ съ гадливымъ отвращеніемъ покосился на

жену и, еще разъ шумно вздохнувъ, бросился въ изнеможеніи на свою кровать.

Былъ второй часъ, когда онъ всталъ, кислый и мрачный, какъ мглистая осенняя ночь.

Софьи Львовны уже не было дома: она встала въ полдень, на-скоро одѣлась и, въ полной увѣренности, что Жоржикъ, по обыкновенію, въ гимназіи, уѣхала.

— А барыня?—обратился Павелъ Ильичъ къ Машѣ.

— Давно уѣхамши.

Маша налила барину чай и, подавая стаканъ, проговорила:

— Баричъ нынче не пошли въ гимназію...

— Почему?

— Они захворали...

Павелъ Ильичъ всталъ и лѣниво побрелъ въ дѣтскую. Жоржикъ лежалъ пластомъ. Онъ нѣсколько разъ пытался встать, но нестерпимая головная боль и тошнота валили его снова.

— Что съ тобой? Простудился, что-ли?

— Не знаю... У меня гадко во рту и тошнитъ... и голова болитъ... а животъ—нѣтъ... не болитъ...

Павелъ Ильичъ позвонилъ и сталъ-было распекать горничную за то, что не сказала барынѣ о болѣзни Жоржика; но Маша, настроенная Василисой, рѣшилась разсказать все какъ было, всю правду. Павелъ Ильичъ кинулся къ Жоржику.

— Ты, говорятъ, вино пилъ? Правда это? говори!..

Мальчикъ, молча, таращилъ глаза.

— Говори же, отвѣчай скорѣй—ты напился?

— Не знаю... Я много пилъ вина и... курилъ сигару... и пѣлъ, какъ ты... и веселился...

— А!.. Ты былъ пьянъ, каналья!—наступалъ отецъ, закипая гнѣвомъ.

— Я не зналъ... я хотѣлъ какъ большой, какъ ты самъ и какъ всѣ гости!..

— Ахъ ты, щенокъ! Съ этихъ поръ курить и пить!..

— Вѣдь ты самъ...

— Такъ вотъ же тебѣ, вотъ!

Не помня себя отъ бѣшенства, Павелъ Ильичъ схватилъ лежавшій на стулѣ кожаный поясъ и съ размаха хлестнулъ имъ сына.

Въ комнатѣ раздался громкій вопль; лицо мальчика исказилось на мигъ отъ ужаса и боли; еще мигъ—и онъ потерялъ сознаніе.

Онъ пришелъ въ себя—и взглядъ его упалъ на маму; она ласково успокоивала его, давала ему нюхать спиртъ, потомъ ему давали какія-то капли; подъ обаяніемъ материнской ласки, онъ живо успокоился и крѣпко уснулъ.

Проснулся онъ поздно ночью и больше уже не могъ уснуть. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ, и въ первую минуту пробужденія подумалъ, что видѣлъ какой-то непріятный сонъ; но черезъ мигъ явилось сознаніе дѣйствительности; сердце мальчугана сжалось и тоскливо заныло. Мысли въ головѣ закружились, запрыгали.

...Теперь онъ навсегда потерянный человѣкъ: Августа Карловна говорила, что побои страшно унижаютъ человѣка, и если кто побитъ, тотъ уже навсегда потерялъ себя!.. Папа—недобрый, потому что не выслушалъ оправданія: вѣдь онъ, Жоржикъ, не зналъ, что вино пить и курить нельзя, нехорошо. И почему же нехорошо, если самъ папа любитъ вино и сигары?.. Мама часто говоритъ, что папа—хорошій, а между тѣмъ...

Голова мальчика усердно работала. Онъ вспомнилъ и мужиковъ, и все, что говорила про папу Василиса, и опять вспомнилъ съ болью въ сердцѣ, что отецъ страшно обидѣлъ, оскорбилъ его, сдѣлалъ его навсегда потеряннымъ; онъ—не добрый, мама неправду говоритъ, что папа—хорошій, когда онъ—злой...

— Такъ ему и надо, такъ и надо: пускай его мужики ругаютъ и Василиса осуждаетъ!—шепталъ Жоржикъ:—мнѣ его нисколько не жалко!.. И маму тоже—зачѣмъ она вретъ?..

Эти первые житейскіе толчки значительно повліяли на отношенія мальчика къ родителямъ.

Онъ охладѣлъ къ нимъ и замкнулся въ себѣ.

Его дѣтски-пытливый умъ сталъ зорко наблюдать, искать разъясненій всему непонятному и дѣлать выводы не въ пользу отца и матери.

— Отчего ты такой вялый, скучный?—говоритъ иногда Павелъ Ильичъ, косясь съ раздраженіемъ на сына:—хоть бы ты порѣзвился, пошалилъ!..

Жоржикъ равнодушно отмалчивался.

Оставаясь одинъ, онъ часто задумывался, уставясь куда-то въ пространство не-дѣтски печальнымъ взоромъ. Въ душу ребенка уже запала первая искра скорби; онъ познакомился съ тоской и сомнѣніями, не понимая еще смысла этихъ словъ.

— Дорогой мой, милый мой мальчикъ!—обращается къ сыну Софья Львовна: —ты любишь свою маму?

Жоржикъ холодно, безъ увлеченія, прикладывается къ ея рукѣ и старается улизнуть куда-нибудь.

— Отчего онъ такой? — шепчетъ Софья Львовна, глядя на мальчика съ недоумѣніемъ и грустью.—Скоро онъ совсѣмъ ко мнѣ охладѣетъ, а за что? Я ли не люблю его, не забочусь о немъ?..

На глаза ея набѣгаютъ слезы и скатываются по щекамъ... Но вотъ кто-то подъѣхалъ... Звонокъ... Маша побѣжала отворять. Софья Львовна вытираетъ слезы, припудривается, обмахивается платкомъ и выходитъ къ гостямъ.

Нат. Стахевичъ.

ЦАРИЦА АДРІАТИКИ

Изъ путешествія по европейскому югу.

Когда кто долго не заглядывалъ въ Европу, и притомъ видѣлъ мимоѣздомъ только лицо ея, а не внутреннюю душу,—Европа чаруетъ такого человѣка, даже пресытившагося впечатлѣніями многихъ десятковъ лѣтъ,—какъ чаруетъ юношу давно не виданная имъ возлюбленная красавица...

Европа—красавица, этого никто не отниметъ отъ нея.

Послѣ нашей плоской, скучной, бѣдной и неустроенной равнины—вокругъ васъ какія-то живописныя сновидѣнія, фантастическія декораціи, будто нарочно устроенныя для эффектной сцены, чтобы обворожить глаза и сердце ваши. Послѣ блѣдныхъ тусклыхъ и постныхъ тоновъ родного пейзажа, послѣ его расплывчатыхъ, неопредѣленныхъ очертаній, вдругъ сочная, вся растворенная солнечными лучами, блещущая яркость красокъ, вездѣ—и на землѣ, и на небѣ; радостное разнообразіе смѣлыхъ, ясныхъ и изящныхъ линій, повсюду обильно начертанныхъ рукою Всемогущаго Художника, въ зигзагахъ горныхъ силуэтовъ, въ чудно округленныхъ припухлостяхъ холмовъ, въ острыхъ шпицахъ готическихъ церквей, въ зубчатыхъ стѣнахъ и башняхъ полуразрушенныхъ замковъ и даже въ характерныхъ кровляхъ, лѣсенкахъ и фронтончикахъ домовитыхъ деревенскихъ жилищъ...

Мы несемся теперь съ неразлучною спутницею всѣхъ моихъ многочисленныхъ странствованій—по землямъ, морямъ и по морю житейскому,—черезъ послѣдніе отроги Тирольскихъ и Штирійскихъ Альпъ, въ блаженную солнечную Италію, къ голубой Адріатикѣ, еще всѣ полные впечатлѣній шумной и прекрасной Вѣны, давно намъ знакомой, но всегда одинаково привлекатель-

ной, изъ которой трудно скоро вырваться, заѣхавъ разъ изъ нашей россійской глуши.

Съ нами въ купэ почтенный образованный вѣнецъ, который, однако, далеко не раздѣляетъ нашихъ слишкомъ розовыхъ взглядовъ на его родной городъ. Культурныя требованія европейца оказываются совсѣмъ не того масштаба, какъ смиренное довольство всѣмъ, что̀ даютъ, нашего брата, русскаго, не смѣющаго ничего требовать ни отъ судьбы, ни отъ людей...

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мы въ этомъ отношеніи просто непостижимый народъ. Что̀ ни дѣлается съ нами, въ какой бѣдѣ, въ какихъ лишеніяхъ ни приходится намъ сидѣть,—мы все думаемъ, что это еще хорошо, что могло бы быть еще куда хуже!

Хватили человѣка по физіономіи, носъ на бокъ своротили; онъ объ этомъ не горюетъ, а доволенъ, что глазъ ему не вышибли...

„Слава Богу, говоритъ, что въ глазъ не попалъ, на волосокъ бы ближе—остался бы на вѣкъ кривымъ!..“

Спалили у человѣка его домъ,—онъ опять благодаритъ Бога, опять хвалится:

„Хорошо еще, говоритъ, что гумна не сожгли, уберегъ Богъ, а то бы бѣда! безъ хлѣба вся семья бы осталась...“

Неурожай у него, рожь-кормилица совсѣмъ не родилась,—русскій человѣкъ и тутъ утѣшаетъ себя:

— Слава Богу, что хоть овсишко мало-мальски родился, хоть скотинку есть чѣмъ кормить...—скажетъ онъ вамъ.

Австріецъ увѣряетъ насъ, что его великолѣпная, полная жизни Вѣна совсѣмъ не похожа на столицу.

— Въ Вѣнѣ слишкомъ мало движенія, мало настоящей городской жизни,—повѣствуетъ онъ.—Ночной жизни,—Nachtleben,—какъ въ Парижѣ и Берлинѣ, у насъ совсѣмъ не существуетъ, развлеченій чрезвычайно мало; оттого иностранцы не задерживаются долго въ Вѣнѣ... Заглядываютъ только мимоходомъ,—осмотрятъ кое-что въ два-три дня—и прочь. Берлинъ—совсѣмъ другое дѣло; Берлинъ теперь—истинный Weltstadt, міровой городъ; ростетъ страшно быстро, увеличивается и богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Это, дѣйствительно, столица Германіи... А у насъ въ Вѣнѣ даже новаго Hofburg'а вотъ уже сколько лѣтъ не могутъ достроить... Работъ внутри вовсе не производится, и, вѣроятно, онъ такъ и останется неоконченнымъ... Милліоны тутъ нужны, а парламентъ денегъ не даетъ...

А мы, въ своей россійской наивности, были просто подавлены богатствомъ, роскошью и шумною жизнью старой австрійской

столицы, налюбовавшись на тысячи щегольскихъ экипажей и упряжекъ ея роскошныхъ гуляній въ чудномъ паркѣ Пратера, потолкавшись въ ея обильныхъ и изящныхъ магазинахъ, насмотрѣвшись на великолѣпные дома, отели, дворцы, музеи, академіи, театры ея всевозможныхъ Ринговъ...

Зато поѣзда высокоцивилизованныхъ австрійцевъ — избави Богъ какіе! Русскіе вагоны пріучили насъ къ изрядной тряскѣ, но все-таки, какъ говорится, въ мѣру, по-божьи. На здѣшнихъ же дорогахъ, изъ Вѣны черезъ Амстетенъ на Понтеббу, Удино и Венецію,—не только трясетъ немилосерднымъ образомъ, такъ что рискуешь проглотить собственный языкъ и зубы, но кромѣ того еще безбожно кидаетъ васъ изъ стороны въ сторону, и вагоны все время прыгаютъ словно по косогору, опускаясь то однимъ, то другимъ плечомъ и стуча своими желѣзными костяками будто подъ ударами огромнаго кузнечнаго молота, такъ что ежеминутно ожидаешь, что, вотъ-вотъ, эта отчаянная морская качка и эта оглушающая васъ зловѣщая стукотня вышвырнутъ безумно несущійся поѣздъ изъ рельсовъ, и вагоны ваши начнутъ взлетать другъ на друга и разбиваться другъ о друга, какъ пасхальныя яйца.

Перенеслись черезъ Драву, пронеслись мимо живописныхъ городковъ Фразеха, Вилаха, Тарвиса, Понтафеля, и очутились наконецъ въ Понтеббѣ,—уже на порогѣ Италіи...

Эти государственные „пороги“ такъ же досадны путешественнику, обремененному багажомъ, какъ должны быть досадны рѣчные пороги плывущимъ на судахъ... Особенно когда на таможнѣ ни одинъ носильщикъ, ни одинъ сторожъ, а часто и ни одинъ чиновникъ не говоритъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ говорите вы, и вы съ вашими сундуками, чемоданами, коробками и мѣшками очутитесь въ роли глухонѣмого среди непонятно для васъ галдѣющей, толкающейся и куда-то бѣгущей толпы...

Впрочемъ, надо отдать справедливость иностранцамъ, и итальянцамъ въ особенности, что они на своихъ таможняхъ относятся къ багажу путешественниковъ самымъ великодушнымъ образомъ.

Теперь мы въ иизменныхъ долинахъ Тальяменто, Ливенцы, Пьяве, Силе, въ тѣхъ природныхъ воротахъ, которыя издревле давали проходъ изъ средней Европы въ равнины Италіи наро-

дамъ и ихъ боевымъ ратямъ, и черезъ которыя такимъ образомъ протекало столько важныхъ, часто роковыхъ событій старой и новой итальянской исторіи...

Равнина тутъ такая ровная, что ея многочисленнымъ рѣкамъ течь почти невозможно, и онѣ то-и-дѣло застаиваются болотами, озерами, лагунами, пока доберутся съ грѣхомъ пополамъ къ морю. Но здѣшній трудолюбецъ-итальянецъ, мало похожій по своей изумительной хозяйственности на итальянца-южанина, охотника полежать въ сладостномъ far-niente, носомъ кверху, на горячихъ голышахъ голубого моря,—обратилъ эти болотистыя низины въ сплошные сады, огороды и поля. Тутовыя деревья разсажены у него въ прозаическомъ ранжирѣ, аллеями, словно ряды выстроившихся солдатъ, а между ними—грядки травы, овощей, хлѣбовъ. Деревья обчищены, всѣ до послѣдней вѣточки, такъ что торчатъ только стволы съ узловатыми основаніями сучьевъ. Это дѣлается не по прихоти, а по крайней нуждѣ. Какъ ни привѣтливъ итальянскій югъ, а все-таки приходится топить если и не домъ, то хотя кухню, а лѣсовъ нѣтъ; нѣтъ другихъ дровъ, кромѣ тутовыхъ сучьевъ,—дерево равно неприхотливое, выносливое и гонкое; сколько его ни руби,—оно ежегодно выгонитъ изъ себя цѣлую густую крону длинныхъ молодыхъ вѣтвей... Къ тому же шелковичный червь только и ѣстъ, что нѣжные листья однолѣтнихъ побѣговъ, а шелковичный червь тутъ важнѣе самого человѣка, его хозяина. Въ хозяйствѣ сѣвернаго итальянца все дѣлается въ угоду этой крошечной жадной гадинѣ, и пока съ нея не взята драгоцѣнная дань въ видѣ шолковыхъ нитей, всѣ помѣщенія семьи, всѣ ея труды и заботы, все время ея—поглощены исключительно потребностями шелковичнаго червячка, приготовленіемъ ему его жилища, его пищи, уходомъ за нимъ, уходомъ за его кокономъ, и проч., и проч. Хорошо еще, что жизнь этого дарового работника, этого микроскопическаго фабриканта шолка, проходитъ такъ быстро,—всего какихъ-нибудь мѣсяцъ, полтора,—а то онъ изводилъ бы бѣдныхъ южанъ! Уже по миніатюрнымъ клѣточкамъ тутовыхъ огорожей вы сразу видите, на какіе жалкіе атомы раздроблена тутъ земельная собственность. По неволѣ обработаешь ее какъ цвѣтной горшокъ не только лопатою, но хоть и собственными пальцами. Тѣмъ удивительнѣе, что съ такихъ ничтожныхъ клочковъ люди могутъ жить такъ хорошо, какъ они здѣсь живутъ: одѣваются прилично, ѣздятъ прилично, орудія всѣ имѣютъ, какія нужно, домá себѣ строятъ въ три и четыре этажа, съ мебелью, съ часами, съ книжкою и газетой, словомъ, вполнѣ по-людски, а не

по-скотски. И о недоимкахъ въ податяхъ при этомъ—никакого понятія. Тяжкая тѣснота жизни не гонитъ этотъ даровитый народъ въ безнадежное равнодушіе къ своей участи, не принижаетъ его вкусовъ, потребностей и привычекъ до грязи и распущенности, а выковываетъ изъ него неутомимаго и настойчиваго борца съ судьбой и природой, успѣвающаго даже и при такихъ трудныхъ условіяхъ отвоевать себѣ необходимую степень благосостоянія и житейскихъ удобствъ. Правда, много помогаетъ ему и югъ съ его цѣнными продуктами земли, съ его свободою отъ шестимѣсячныхъ снѣговъ и морозовъ. Но все-таки главная его сила—въ немъ самомъ, въ сравнительной культурности его духа, выработанной долгими вѣками его исторіи и школою новаго времени. А югъ ежеминутно напоминаетъ себя. Теперь нашъ мартъ, у насъ еще чуть трогаются льды на рѣкахъ, чуть протаиваютъ на поляхъ снѣга, а тутъ уже озими въ полъ- и въ три четверти аршина ростомъ, вездѣ цвѣты, вездѣ густая трава; миндаль, персики, груши осыпаны нѣжнымъ снѣгомъ своихъ душистыхъ букетовъ, какъ у насъ въ концѣ мая! Рабочіе толпами отдыхаютъ на этой травѣ въ однѣхъ рубашкахъ. Добрыхъ два лишнихъ мѣсяца тепла и суши выпадаетъ, сравнительно съ нами, на долю счастливыхъ жителей юга!

Весело встрѣчаетъ насъ, сѣверныхъ гостей, прекрасная Италія—такимъ радостно-свѣтлымъ и теплымъ утромъ, вся въ вѣнкахъ цвѣтовъ и зелени, разстилая передъ очарованными глазами нашими словно праздничныя ризы свои—эти полныя жизни и плодородія равнины... Зеленыя горы, усыпанныя живописными городками, деревеньками, замками, башнями колоколенъ, шпилями церквей, картинно вырѣзаются на фонѣ другихъ, далекихъ горъ, на зубчатой бѣлоснѣжной цѣпи выглядывающихъ изъза нихъ Альпійскихъ великановъ, на глубокой синевѣ весенняго неба,—и все дальше и дальше уходятъ вправо, въ глубины горизонта, словно одинъ сплошной громадный городъ, все шире и шире давая просторъ прибрежной равнинѣ, все ближе подготовляя насъ къ сплошной низинѣ венеціанскихъ окрестностей...

Горы красивы, горы поэтичны, но горы и жестоки, горы безконечно тяжелы для населенія, у котораго они отнимаютъ своими скалами и обрывами столько кормящаго его плодороднаго пространства... Чтобы жить съ горами, человѣку нуженъ такой же желѣзный характеръ, такіе же желѣзные мускулы, какъ и ихъ каменное нутро...

Прошлые вѣка, какъ я уже сказалъ, оставили не одно воспоминаніе въ живописной равнинѣ, черезъ которую мы проѣзжаемъ. Этими природными воротами между Альпами и моремъ Аттила, „бичъ Божій", прорвался нѣкогда къ цвѣтущимъ городамъ Италіи изъ своихъ придунайскихъ степей. Вестъ-готскія и лонгобардскія орды однѣ за другими двигались на завоеваніе Италіи черезъ эти же прибрежныя равнины; здѣсь же заставилъ подписать мирный договоръ, послужившій погребальнымъ благовѣстомъ для царицы Адріатики, великій корсиканецъ, уничтоживший впервые тысячелѣтнюю независимость когда-то могучей венеціанской республики.

Когда поѣздъ нашъ миновалъ городъ Удино, мы были почти въ виду селенія Кампоформіо печальной памяти, именемъ котораго окрещенъ былъ, въ 1797 году, этотъ злополучный для Италіи историческій актъ...

Здѣсь же проходили, въ 1848 году, и войска суроваго Радецкаго, подавившаго уже на нашей памяти минутную вспышку венеціанской свободы...

Въ Удино мнѣ пришлось разыскивать начальника станціи и объясняться съ нимъ волею-неволею по-итальянски, чтобы поправить свое неумѣстное упущеніе. По желѣзнодорожнымъ правиламъ я долженъ былъ, при самомъ въѣздѣ въ Италію, еще въ Понтеббѣ, предъявить наши билеты кругового путешествія, купленные нами въ Вѣнѣ у извѣстной компаніи Кука, и проштемпелевать ихъ печатью станціи, безъ чего билеты эти не имѣютъ силы. Но я, по русскому обычаю, прозѣвалъ Понтеббу...

Холмъ, на которомъ высится старый замокъ и башни Удино, по преданію, былъ насыпанъ Аттилою, который хотѣлъ полюбоваться съ его вершины на разрушеніе нѣкогда богатой и многолюдной Аквилеи, одной изъ важнѣйшихъ гаваней древняго Рима въ Адріатическомъ морѣ. Въ Удино же и памятникъ злосчастнаго кампоформійскаго мира, подаренный городу Наполеономъ, не знаю, по наивности или въ насмѣшку.

Въ Удино поѣздъ стоитъ недолго, въ буфетѣ завтракать рискованно, а между тѣмъ въ желудкѣ моемъ давно пробилъ адмиральскій часъ; поэтому я отъ души былъ доволенъ, когда какой-то догадливый малый всунулъ намъ въ вагонъ, болтая что-то мнѣ непонятное, два деревянныхъ подноса-поставца, въ гнѣздахъ которыхъ стояли аппетитно пахнувшія для голоднаго желудка тарелки съ разными яствами, закусками, дессертомъ, и даже стаканы и графины съ виномъ...

Я нахожу этотъ обычай очень милымъ, когда въ поѣздѣ нѣтъ вагона-столовой, а у путешественниковъ нѣтъ времени и охоты бѣгать на станціи, разыскивать что-нибудь поѣсть. За тарелку супа, два мясныхъ блюда, пирожное, сыръ, обильный дессертъ и графинъ краснаго вина, не считая хлѣба, взяли съ каждаго по четыре франка, что, конечно, было очень милостиво.

Проѣхали хорошенькій городокъ Порденоне, свѣтло-улыбающійся изъ зеленыхъ чащъ каштановъ, туй, кипарисовъ; проѣхали чрезвычайно картинный Конельяно, откуда желѣзная дорога круто загибаетъ на югъ и перебѣгаетъ по длиннѣйшему деревянному мосту черезъ разливы Пьяве...

Тутъ все тѣснѣе и чаще — городки, виллы, сады; каждый окрестный холмъ увѣнчанъ шпилями храмовъ, башнями замковъ. Это уже дачи венеціанцевъ. Невольно усомнишься, глядя на это обиліе церквей на каждомъ шагу и въ Австріи, и въ Италіи,— дѣйствительно ли религіозное чувство такъ уже ослабѣло въ народѣ въ нашъ ученый вѣкъ? Судя по внѣшнимъ проявленіямъ этого чувства — съ такимъ выводомъ трудно согласиться. По крайней мѣрѣ, деревенскій народъ,—для котораго дождь и солнце, тепло и холодъ, урожай и недородъ далеко не то, что для промышленнаго скептическаго горожанина,—повидимому, еще сильно нуждается въ Богѣ и не забываетъ Его.

За Конельяно—Тревизо, за Тревизо — Деместре, послѣдній городокъ передъ Венеціею, можно сказать, его сухопутный пригородъ. Равнина, разстилающаяся за Конельяно, начинаетъ мало-по-малу переходить въ сѣть болотъ, озеръ, лагунъ, каналовъ, перемѣшанныхъ съ островками, земляными валами, ограждающими клочки сѣнокосовъ и пастбищъ, и наконецъ словно проваливается въ громадной сплошной лагунѣ, захватывающей отъ края до края все открывающееся передъ нами пространство. Это такъ-называемая венеціанцами Мертвая лагуна, Laguna morta, въ отличіе отъ другого такого же громаднаго бассейна водъ, окружающаго Венецію не со стороны земли, а со стороны моря, отъ котораго отдѣляютъ ее природныя плотины узкихъ и длинныхъ острововъ,—по-итальянски Lido... То уже будетъ Живая лагуна, Laguna viva, не съ стоячими, какъ здѣсь, а съ текущими и даже изрядно волнующимися водами, совсѣмъ напоминающими море.

Поѣздъ нашъ несется теперь тоже по морю своего рода. Изъ вагона мы не видимъ узкой каменной тесьмы, протянутой

на цѣлыхъ три съ половиною версты прямо какъ струна черезъ Мертвую лагуну, а намъ видна справа и слѣва только одна необхватная гладь неподвижно застывшихъ водъ. Это вызываетъ полную иллюзію зрѣнія и смущаетъ воображеніе. Впрочемъ, каменная нить эта кажется узенькой только по сравненію съ просторомъ окружающихъ ее водъ; на самомъ же дѣлѣ это—колоссальное сооруженіе во вкусѣ древняго Рима, цѣлый безконечный рядъ дамбъ и мостовъ, съ многими сотнями арокъ для протока воды и проѣзда судовъ. По обоимъ краямъ этой гигантской плотины—надежныя ограды и дорожки для пѣшеходовъ.

Венеція плохо видна со стороны Местре; характерныя старинныя зданія ея загораживаются здѣсь громоздкими новѣйшими постройками какихъ-то казармъ или фабрикъ, такъ что вы подъѣзжаете къ вокзалу, если позволительно такъ выразиться, еще не чувствуя Венеціи.

И вдругъ вы сразу перенесены совсѣмъ въ новый, незнакомый вамъ міръ... Улицъ нѣтъ, земли нѣтъ, экипажей нѣтъ; нѣтъ лошадей, нѣтъ пыли, нѣтъ шума и грохота колесъ... Вы очутились въ лодкѣ какого-то страннаго фасона,—лодкѣ-птицѣ, съ высоко задранною длинною шеею, съ поднятымъ вверхъ хвостомъ,—среди трепещущей пестрозеленой зыби, охваченные мягкимъ, влажнымъ дыханіемъ водъ, въ радостной нѣгѣ, пропитанной огнями солнца и вмѣстѣ насыщенной здоровою свѣжестью моря,—бодрящей атмосферѣ, которую знаетъ только одна Венеція.

Гондола—это такая же оригинальность, такая же красота Венеціи, какъ и ея каналы, ея дворцы, ея колокольни... Венеція безъ гондолы и гондольера такъ же немыслима, какъ безъ палаццо Дожей и собора св. Марка. Гондолы придаютъ Венеціи ея характерную физіономію и составляютъ исключительную прелесть ея жизни. Венеціанская гондола—сама грація, само изящество. Несмотря на свой обязательный трауръ, болѣе подходящій своимъ сплошнымъ чернымъ цвѣтомъ къ гробовымъ колесницамъ, чѣмъ къ этимъ легкокрылымъ вмѣстилищамъ всякихъ земныхъ радостей и житейской суеты,—гондола производитъ впечатлѣніе чего-то въ высшей степени поэтическаго и жизненнаго. Она такъ гордо и высоко несетъ свою рѣзную стальную голову, она такъ легко скользитъ своимъ круторебрымъ корпусомъ по глади водъ, почти не погружаясь въ нихъ, такъ быстро и стройно поворачивается отъ малѣйшаго движенія весла, съ ловкостью извиваясь между стаями другихъ такихъ же длинношеихъ черныхъ птицъ,—что

на нее невольно пріучаешься смотрѣть какъ на что-то живое. Мѣдныя и бронзовыя украшенія гондолы—по завѣту старины—тоже все въ образѣ тритоновъ, нереидъ, драконовъ,—такъ что жизнь проникаетъ и общій видъ, и каждую отдѣльную подробность ея...

Гондольеръ, почти рождающійся на гондолѣ, вѣкъ живущій на ней и на ней умирающій, такъ и относится къ своей гондолѣ какъ къ возлюбленной. Онъ до такой тонкости изучилъ ея характеръ и нравы, что не ошибется ни на полъ-вершка, налегая на весло, и не задѣнетъ однимъ волоскомъ за край чужой посудины, когда ему приходится протискиваться сквозь тѣсноту столпившихся въ узкомъ каналѣ гондолъ, пароходовъ и лодокъ... Словно сама гондола его проникается въ этихъ случаяхъ чувствительностью магнитной стрѣлки и мгновенно отталкивается отъ соприкосновенія съ себѣ подобными... Это тѣмъ удивительнѣе, что гондольеръ работаетъ весломъ всегда съ одной только стороны, умѣя направлять свою гондолу то вправо, то влѣво такимъ или другимъ упоромъ весла въ массивную дубовую кривулю, придѣланную къ борту гондолы. Еще болѣе меня удивляло, какъ это ухитряется гондольеръ сохранять равновѣсіе и не клюнуть носомъ въ воду, наваливаясь всею тяжестью своего корпуса на весло и стоя въ эту минуту почти на одной ногѣ. А грести имъ частенько приходится очень сильно и торопливо... Особымъ крикомъ какой-то хищной птицы предупреждаютъ они при поворотахъ каналовъ идущія на встрѣчу лодки, и мнѣ не случалось видѣть, чтобы при самыхъ неожиданныхъ встрѣчахъ быстро выплывающихъ изъ-за угла гондолъ онѣ хотя бы разъ столкнулись другъ съ другомъ.

Гондольеры не мало придаютъ граціозности движеніямъ и всему облику гондолы. Хотя теперь, къ сожалѣнію, все болѣе исчезаетъ прежній живописный нарядъ гондольеровъ, замѣняясь большею частью прозаическою войлочною шляпою съ полями и космополитическимъ пиджакомъ или блузой; но для парадныхъ случаевъ и у гондольеровъ богатыхъ частныхъ гондолъ сохраняются еще, вмѣстѣ съ кокетливыми беретами набекрень, граціозныя разноцвѣтныя куртки съ широкими кушаками, короткіе панталоны и чулки стараго изящнаго фасона.

Въ этомъ нарядѣ гондольеръ ловокъ и статенъ, и когда его рослая, сильная фигура, граціозно налегающая на весло, вырѣзается вмѣстѣ съ изящнымъ силуэтомъ змѣеголовой гондолы на золотомъ фонѣ заката гдѣ-нибудь у Георгія Маджоре или на

Canale Grande,—то сердце художника не можетъ смотрѣть безъ волненія на такую картину.

Мы на гондолѣ высадились въ свой Grand Hôtel d'Italie на Canale Grande, и сейчасъ же, наскоро позавтракавъ, на гондолѣ же отправились кататься по Венеціи.

Гондолы тутъ вездѣ, на каждомъ шагу. Въ другихъ большихъ городахъ вы имѣете дѣло съ толпою, съ прохожими, съ проѣзжими,—здѣсь только съ гондолами. Гондолы цѣлыми стаями, какъ отдыхающія птицы, стоятъ на своихъ пристаняхъ, у колоссальныхъ дверей дворцовъ и отелей, у церквей, у базаровъ между пестро расписанными столбами. Эти столбы—своего рода конюшенныя стойла этихъ водяныхъ рысаковъ, удерживающія ихъ отъ проказъ волны, которая иначе угнала бы ихъ куда-нибудь далеко. Венеціанскія красавицы дѣлаютъ свои визиты въ разукрашенныхъ деревянною рѣзьбою, бронзовыми фигурами, испанскою тисненою кожею, восточными коврами, но все-таки обязательно черныхъ крытыхъ гондолахъ, съ щегольски разодѣтыми молодыми гондольерами, которые терпѣливо дремлютъ въ ожиданіи своихъ барынь у подъѣздовъ аристократическихъ палаццо. Въ гондолахъ устроиваются по вечерамъ прогулки въ веселой компаніи; съ гондолъ раздаются концерты пѣнія и музыки; изъ гондолъ пускаютъ по ночамъ любезные итальянцу фейерверки; въ гондолахъ зарождаются, сплетаются и расплетаются всевозможные любовные романы. Словомъ, гондола—одинъ изъ самыхъ интимныхъ и необходимыхъ органовъ жизни венеціанца.

Въ старое время, о которомъ столько разсказываютъ старые путешественники и старые хроникёры, эта роль гондолъ въ сердечной жизни любвеобильныхъ венеціанцевъ была еще неизмѣримо важнѣе, чѣмъ въ нашъ сравнительно равнодушный и разсудительный вѣкъ, безжалостно вычеркивающій изъ жизни человѣка всякіе слѣды былой поэзіи и былыхъ страстей...

Венеціанцы прежнихъ дней, правда, слишкомъ ужъ широко и совсѣмъ ужъ безъ удержу предавались увлекательной поэзіи безпечнаго наслажденія и свободной любви, частенько кончавшейся зловѣщимъ вмѣшательствомъ кинжала и шпаги...

Теперь уже мало умѣстна для современнаго венеціанца извѣстная старая пѣсня:

„Гондольеръ молодой, взоръ мой полонъ огня,
Я стройна, молода, ты свезешь ли меня...“

Но еще лордъ Байронъ, этотъ восторженный жрецъ и пѣвецъ любви, упивался до сыта, до пресыщенія—любовью вене-

ціанскихъ красавицъ и дѣлилъ съ ними поэтическія тайны безмолвныхъ гондолъ... Его „Чайльдъ Горольдъ“ полонъ страстныхъ отзвуковъ этой безумно-восторженной жизни,—къ сожалѣнію, слишкомъ быстро сжигавшей своимъ сладостно-ядовитымъ огнемъ и духъ, и тѣло геніальнаго поэта. Въ минуты своего мрачнаго расположенія духа, подавленный безнадежнымъ созерцаніемъ австрійской неволи, заковывавшей, въ его время, былую „дочь океана и царицу земли“—по его живописному выраженію,—Байронъ утѣшалъ себя воспоминаньями прежней счастливой жизни Венеціи, „когда волны мелодично вздыхали при звукѣ пѣсни, толпа гондолъ скользила подъ лучами луны, слышался говоръ милыхъ созданій, величайшимъ грѣхомъ которыхъ было развѣ только то, что слишкомъ сильно билось сердце ихъ отъ счастья“...

Ко времени Байрона, дѣйствительно, жизнь венеціанцевъ и венеціанокъ въ сферѣ любви была уже далеко не та, что какой-нибудь вѣкъ назадъ.

Одинъ хорошо образованный французскій путешественникъ первой половины XVIII-го вѣка, человѣкъ свѣта и свѣтскихъ вкусовъ, сообщаетъ въ своихъ остроумныхъ письмахъ къ пріятелямъ очень мѣткія и интересныя свѣдѣнія о нравахъ тогдашняго венеціанскаго общества и особенно венеціанскихъ дамъ, которыхъ онъ имѣлъ случай узнать очень близко.

„Нѣтъ мѣста на свѣтѣ, гдѣ свобода и распущенность господствовали бы такъ всецѣло, какъ здѣсь, говоритъ онъ о Венеціи. Только не вмѣшивайтесь въ дѣла правительства, и затѣмъ дѣлайте что̀ угодно. Не говорю уже о томъ дѣлѣ, которое служитъ источникомъ происхожденія насъ самихъ и нашихъ наслажденій. Этимъ здѣсь также мало шокируются, какъ и всякимъ природнымъ отправленіемъ. Однако, здѣшняя кровь такъ спокойна, что, несмотря на удобство масокъ, ночныхъ встрѣчъ, узкихъ улицъ и мостовъ безъ перилъ, откуда можно столкнуть человѣка въ море, прежде чѣмъ онъ это замѣтитъ,—въ теченіе цѣлаго года едва ли случается четыре подобныхъ исторіи,—да и то между иностранцами. Изъ этого вы видите, какъ неосновательны въ настоящее время ходячія мнѣнія о стилетахъ венеціанцевъ.

„Почти то же нужно сказать и о ихъ ревности къ своимъ женамъ. Но это обстоятельство требуетъ разъясненія. Среди здѣшнихъ нобилей, какъ только дѣвушка дѣлается невѣстою, она надѣваетъ маску, и никто уже не можетъ ее видѣть, кромѣ ея жениха и тѣхъ, кому онъ это позволитъ, что̀ случается крайне рѣдко. Выйдя же замужъ, она дѣлается общественною собствен-

ностью цѣлой семьи,—вещь хорошо придуманная, ибо устраняетъ необходимость предосторожностей и обезпечиваетъ наслѣдниковъ крови. Часто младшій членъ семьи носитъ имя мужа; но, кромѣ того, обычай требуетъ имѣть любовника. Считалось бы безчестіемъ для женщины, если бы она не имѣла кого-нибудь публично своимъ кавалеромъ. Но политика играетъ въ этомъ вопросѣ большую роль. Нельзя выбрать себѣ любовника иначе какъ нобиля, и изъ числа ихъ такого, который бы имѣлъ доступъ въ сенатъ и совѣты, котораго фамилія была бы настолько могущественна, чтобы она могла прикрыть грабежи, и которому можно бы было сказать:—милостивый государь, завтра мнѣ необходимо столько-то голосовъ для моего брата или мужа. Однако, когда два человѣка сговорятся, далеко не трудно воспользоваться тайнами гондолы, куда дамы всегда входятъ безъ провожатыхъ. Это—священное убѣжище. Не слыхано, чтобы когда-нибудь гондольеръ госпожи выдалъ ее мужу. Его на другой же день утопили бы товарищи. Такая практика дамъ немного сократила доходы монахинь, которыя нѣкогда однѣ держали въ своихъ рукахъ эту статью. Впрочемъ, и до сихъ поръ изрядное число ихъ съ достоинствомъ и даже съ соревнованіемъ поддерживаетъ старую репутацію, ибо въ настоящую минуту, напримѣръ, идетъ жестокая ссора между тремя городскими монастырями за то, кому изъ нихъ удастся поставить любовницу новому папскому нунцію, котораго ждутъ".

По словамъ этого наблюдателя, свѣтлѣйшая республика арестовала во время его пребыванія около пятисотъ человѣкъ, промышлявшихъ сводничествомъ, которые доходили до такой откровенности, что предлагали каждому желающему на площади св. Марка г-жу прокуратессу такую-то, или г-жу сенаторшу такую-то, такъ что, случалось, мужу предлагали его собственную жену. Венеціанскіе нобили до того не стѣснялись въ этихъ дѣлахъ, что, выходя изъ зала совѣта, на глазахъ всей публики, спокойно садились въ гондолы съ куртизанками, которыхъ содержали.

Я посѣтилъ Венецію въ такую эпоху моей жизни и въ такой прозаическій вѣкъ, когда отъ гондолъ и гондольеровъ уже не требуется никакихъ таинственныхъ услугъ,—и когда не чувствуется поэтому никакой охоты забираться подъ гостепріимный кровъ со всѣхъ сторонъ запертой черной кабины.

Эти черныя будки, слава Богу, очень ловко снимаются, и вы можете спокойно возлежать на длинныхъ мягкихъ тюфяч-

кахъ гондолы, не заслоняя отъ себя ничѣмъ ни солнца, ни голубого неба, ни самой красавицы Венеціи, на которую пріѣхали полюбоваться.

Хотя и совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, я тоже, лежа въ гондолѣ, отъ души могъ повторить слова жизнерадостнаго французскаго путешественника: „c'est un doux séjour de jouissance qu'une gondole"!

И правда, нигдѣ не отдохнутъ такъ нервы, не успокоится духъ вашъ, нигдѣ не насытится вашъ глазъ такими утѣшающими, тихо-радостными впечатлѣніями, какъ въ долгой, неспѣшной прогулкѣ по каналамъ Венеціи.

Здѣсь какой-то особенный, бодрящій и вмѣстѣ умиряющій воздухъ, здоровое дыханіе могучаго моря, безъ его ужасовъ и тревогъ. Граціозная птица-гондола беззвучно, чуть взрѣзая темно-зеленое стекло канала, скользитъ по немъ легко и плавно, безъ малѣйшихъ толчковъ и качанья, а вы себѣ покойно сидите или лежите въ сладостномъ душевномъ кейфѣ, молча наслаждаясь пробѣгающими мимо васъ,—словно перемѣнныя картины какой-нибудь восхитительной панорамы,—ни съ чѣмъ несравнимыми, непохожими ни на что вамъ знакомое, берегами этой единственной въ своемъ родѣ, чудной рѣки.

Упруго-жидкая дорога ваша, глубокая, прямая и широкая, какъ проливъ моря, все мигаетъ и трепещетъ весело расплесканными по ея хрустальной ряби горячими огнями солнца, а изъ ея синезеленыхъ пучинъ прямо, какъ отвѣсные утесы изъ глубинъ моря, поднимаются съ обѣихъ сторонъ сплошными стѣнами необозримые ряды палатъ и дворцовъ...

Эти дома-дворцы вы увидите только въ Венеціи и нигдѣ больше какъ въ ней. Они не громоздятъ цѣлыми десятками яруса на ярусъ, какъ дома-исполины Нью-Іорка и Чикаго; они не сверкаютъ, какъ кидающійся въ глаза нарядъ богатаго выскочки, яркими красками, затѣйливыми формами, обиліемъ пышныхъ и вычурныхъ украшеній; они не поражаютъ васъ вымученнымъ разнообразіемъ и базарною новомодностью своего архитектурнаго стиля.

Нѣтъ, это—истинные дома-аристократы, проникнутые глубокимъ и неподдѣльнымъ изяществомъ, воспитаннымъ вѣками художественныхъ вкусовъ и привычекъ, недоступнымъ для хвастливаго подражанія вчера только разжившемуся мѣщанину. Это—настоящія художественныя созданія, художественно обдуманныя, художественно выработанныя, полныя художественной простоты, величія и строгости... Тоны ихъ, правда, поблекли, мраморы ихъ

потускнѣли и почернѣли отъ копоти вѣковъ; вѣка эти даже провели кое-гдѣ, словно морщины на лицѣ старика, глубокія трещины въ стѣнахъ ихъ, стерли съ этихъ стѣнъ и карнизовъ, какъ румянецъ со щекъ, много одѣвавшихъ ихъ въ юности мраморныхъ и иныхъ украшеній... Уже не одинъ изъ этихъ дворцовъ кажется теперь погруженнымъ въ какой-то черно-бѣлый трауръ—отъ осѣвшей на немъ многовѣковой пыли и сырости. Но все-таки глазъ вашъ чувствуетъ, что кругомъ васъ—драгоцѣнныя произведенія искусства, всѣ проникнутыя одною художественною мыслью, дающею характерный смыслъ каждой отдѣльной подробности, каждой частной варіаціи общаго всѣмъ имъ стиля. Мало того, вы чувствуете, что эти ряды дворцовъ съ кружевными мраморными балконами, съ изящными стрѣльчатыми арками мраморныхъ галерей, услаждающіе вашъ глазъ удивительной гармоніей своихъ линій и строгою пропорціональностью своихъ частей,—что это вмѣстѣ съ тѣмъ олицетворившійся въ камнѣ былой характерный и интересный вѣкъ, что это самъ сошедшій теперь со сцены исторіи, когда-то славный, могущественный и талантливый венеціанскій народъ...

Хотя нѣтъ теперь въ этихъ омертвѣвшихъ представителяхъ славнаго прошлаго ни Бальби, ни Джустиніани, ни Морозини, ни Коньяро, хотя въ знаменитомъ историческомъ палаццо Фоскари теперь пребываетъ высшее коммерческое училище, въ другихъ такихъ же знаменитыхъ сосѣдяхъ его то стеклянный заводъ, то шолковая фабрика, то пожарное депо или торговля древностями, но цари все-же продолжаютъ смотрѣть царями, какъ Лиръ въ одеждѣ безумца.

„Но храмъ разрушенный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ..."

И когда окидываешь неподкупленнымъ взглядомъ, не задаваясь скептицизмомъ и напускною требовательностью,—эти живописные ряды выростающихъ изъ воды жилищъ смѣлаго и даровитаго населенія, которое, вѣка тому назадъ, съумѣло до такой степени смирить море и овладѣть моремъ, что построило на его пучинахъ цѣлый громадный мраморный городъ, обратило его воды въ свои улицы и переулки, моремъ создало себѣ могущественную власть, богатство, обширныя владѣнія, всесвѣтную торговлю и всесвѣтное уваженіе, то получаешь какое-то удивительно цѣльное и характерное впечатлѣніе отъ этой своеобразной и какъ бы внутренно обязательной архитектуры, наглядно выразившей стойкую, строго опредѣленную и вмѣстѣ изящную

жизнь, прожитую когда-то здѣсь властительною республикою счастливыхъ торговцевъ и богачей...

Этотъ рядъ художественныхъ дворцовъ — не только своего рода музей удивительныхъ архитектурныхъ памятниковъ старины, но вмѣстѣ и настоящій музей венеціанской исторіи, ибо въ этой тринадцати-вѣковой исторіи нѣтъ такого славнаго имени, которое не было бы воплощено въ какой-нибудь изъ этихъ мраморныхъ палаццо...

Тутъ проходятъ по очереди передъ вами, какъ на смотру, давно знакомыя имена Дандоло, Бальби, Контарини, Джустиніани, Фоскари, Гримини, Барбаро, Корнаро, Бембо, Манина...

Въ одномъ изъ этихъ дворцовъ жилъ кипрскій король, гербы котораго до сихъ поръ украшаютъ древнія стѣны; въ другомъ, глубоко старинномъ, показываютъ окна, у которыхъ сидѣла нѣкогда Дездемона, обратившаяся, въ устахъ мѣстнаго преданія, въ историческое лицо; а вонъ тотъ дворецъ, на правой сторонѣ канала, недалеко отъ крутого поворота его у подножія великолѣпнаго Фоскари,—тоже знаменитость своего рода—палаццо Мочениго, гдѣ юный лордъ Байронъ, въ своемъ страстномъ увлеченіи нѣгою юга и красотою итальянокъ, предавался безумному разгулу, такъ губительно подточившему его духъ и его силы... Этотъ эпизодъ изъ жизни автора „Донъ-Жуана“ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько минутъ.

Главною героинею его похожденій въ палаццо Мочениго была простая итальянская крестьянка, Маргарита Коньи, такая же булочница по ремеслу и такая же могучая красавица съ роскошными формами, какъ и Рафаэлева Форнарина. Байронъ обмѣнялъ на нее другую свою возлюбленную, Марьяну Сегати, тоже женщину не высокаго рода, жену венеціанскаго лавочника... Его поэтическая фантазія рисовала ему этихъ грубыхъ и изрядно глупыхъ итальянскихъ красавицъ въ ореолѣ несказаннаго изящества.

„Марьяна въ высшей степени обладаетъ изяществомъ и элегантностью антилопы,—писалъ онъ.—У нея огромные черные восточные глаза съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, которое такъ рѣдко встрѣчается среди европейцевъ, даже среди итальянцевъ. Словомъ, я не могу описать впечатлѣнія этого рода глазъ, производимаго по крайней мѣрѣ на меня“...

Но эта „элегантность“ не мѣшала, однако, обладательницамъ губительныхъ черныхъ глазъ—обращаться съ поэтомъ-лордомъ, въ минуты ежечасныхъ ссоръ, съ грубостью взбеленившихся базарныхъ торговокъ и выражать ему свою ревность самымъ

осязательнымъ способомъ, выдирая волоса и глаза у соперницъ и поизвозчичьи ругая своего непостояннаго любовника.

Правда, и нравы молодого лорда, населившаго палаццо Мочениго цѣлымъ гаремомъ одалисокъ своего рода, слишкомъ часто давали законный поводъ его страстнымъ подругамъ приходить въ неистовство и устроивать жестокія домашнія баталіи, отъ которыхъ бѣдный поэтъ частенько спасался ночью изъ своего роскошнаго дворца въ гондолы Canale Grande.

Къ счастью для великаго поэта, новая страсть его къ графинѣ Гвиччіоли облагородила и смирила его буйные порывы; онъ почерпнулъ въ любви къ этой дѣйствительно изящной женщинѣ,—семнадцатилѣтней женѣ шестидесятилѣтняго богача-аристократа,—новые мотивы для своей могучей лиры, и въ эту эпоху своей любви успѣлъ создать лучшія свои поэтическія произведенія—„Манфреда“, „Каина“, „Небо и Землю“, первыя пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“ и „Донъ-Жуана“, высоко поднявшія его безъ того уже могучій талантъ.

Трогательна была повѣсть любви молодой Терезы Гвиччіоли. Она была сразу поглощена этою внезапно вспыхнувшею страстью, увидѣвъ въ первый разъ знаменитаго поэта.

„Его благородное лицо, такое красивое, звукъ его голоса, его манеры, множество очарованій, окружавшихъ его, дѣлали изъ него существо столь отличное отъ всѣхъ тѣхъ, кого я видѣла до тѣхъ поръ, столь высшее, что впечатлѣніе, полученное мною, было очень глубоко. Съ самаго этого вечера мы видѣлись съ нимъ ежедневно во все время моего пребыванія въ Венеціи“,—признавалась графиня въ своихъ запискахъ.

Трогательно было и увлеченіе ею Байрона.

„Въ этомъ словѣ, прекрасномъ на всякомъ языкѣ, но еще болѣе прекрасномъ на твоемъ, amor mio, заключено все мое существованіе въ этомъ и другомъ мірѣ,—написалъ онъ ей на листкахъ ея книги;—и я больше чѣмъ люблю тебя, и не могу перестать любить“.

Жизнь любви и поэтическаго творчества такъ тѣсно сроднила Байрона съ Венеціей, что, говоря о Венеціи, созерцая Венецію,—невозможно не вспоминать о геніальномъ пѣвцѣ ея, который, во всякомъ случаѣ, любилъ Венецію гораздо больше, чѣмъ свой туманный Альбіонъ, и чувствовалъ, что истинною родиной его свободнаго поэтическаго духа былъ итальянскій художественный югъ, а не лицемѣрно-моральный строй педантической Англіи...

„О, чѣмъ безъ юности была бы любовь, и что бы сталось съ юностью безъ любви“!

Этотъ искренній крикъ сердца, вырвавшійся у Байрона въ его поэмѣ „Беппо“, конечно, могъ зародиться только подъ горячимъ небомъ Италіи.

„До сегодняшняго дня, прелестная Италія, ты остаешься садомъ міра, отчизною всего, чему поклоняется искусство, что можетъ создать природа!“—говоритъ Байронъ въ другой своей поэмѣ.—„Италія, о Италія! ты одарена роковою красотою, и красота твоя стала для тебя наслѣдіемъ настоящихъ и прошлыхъ бѣдствій... О, Боже! еслибы ты могла быть менѣе прекрасною, но болѣе могущественною“!.. „Италія, время, которое разорвало на тысячу кусковъ твою королевскую мантію, откажетъ и отказало уже другимъ странамъ въ счастьѣ быть родиною такихъ умовъ, которые возстаютъ даже изъ развалинъ. Самое паденіе твое полно божественной силы, которое золотитъ и освѣщаетъ его лучами“...

Такъ любовно обращаться къ Италіи могъ только истинный сынъ Италіи, сынъ по духу, если не по крови...

Изъ скучныхъ же тумановъ Альбіона Байронъ могъ вынести только тѣ припадки душевнаго сплина, которыми полны почти всѣ его произведенія:

„Ты спрашиваешь, какую тайную скорбь ношу я, что грызетъ и молодость, и радость? Скука вѣетъ отъ всего, что я вижу или слышу на пути моемъ. Красота не приноситъ мнѣ болѣе наслажденія... Куда уйти отъ самого себя? Въ самыхъ далекихъ странахъ ржавчина жизни, демонъ мысли повсюду преслѣдуетъ меня...“—жалуется его Чайльдъ Гарольдъ своей Инесѣ.

Катаясь по Canale Grande, не ограничивайтесь лицезрѣніемъ его прославленныхъ палатъ, въ родѣ Ca d'Oro и Фоскари, но проѣзжайте изъ него въ крайне любопытные узенькіе каналы, ведущіе къ кварталамъ рабочихъ и бѣдноты. Мимо церкви св. Іереміи, мимо великолѣпнаго бѣломраморнаго фасада палаццо Лабіа, поверните свою гондолу въ темныя воды канала Диместре или Канареджіо. Сѣрозеленые тоны этихъ водъ такъ гармонируютъ съ потускнѣвшими и замшившимися тонами старинныхъ облѣзлыхъ домовъ, напичканныхъ, какъ пироги начинкою, міріадами полуголодной бѣдноты, что подымаются надъ вами съ обоихъ береговъ вонючаго канала. Вы доѣзжаете по немъ до Gheto Vechio, громаднаго дома-полипника, словно склееннаго изъ

нѣсколькихъ домовъ, одинъ дряхлѣе, одинъ грязнѣе другого. Это старинный вертепъ, историческое гнѣздо венеціанскаго еврейства, напоминающій Вяземскую лавру Петербурга. Титулъ этого дома написанъ большими буквами надъ черною пастью его воротъ. Васъ настойчиво зазываютъ войти туда, въ чаяніи нѣсколькихъ сантимовъ на макароны,—полюбоваться на этотъ людской клоповникъ, сохранившій до нашихъ научныхъ дней всю свою возмутительную антисанитарную и антигигіеничную физіономію средневѣкового вертепа, откуда зачинались обыкновенно въ былыя времена всякія чумныя и тифозныя заразы. Набережная, дворики, окна, балкончики, лѣсенки, чуть не самыя крыши усыпаны грязными, полуголыми еврейскими ребятишками и еврейскимъ бабьемъ въ невообразимомъ тряпьѣ, гомозящими и кишащими среди безчисленныхъ грошевыхъ лавчонокъ, кабачковъ и харчевенъ. Впрочемъ, теперь тутъ не одно еврейство, а всякій сбродъ рабочей бѣдноты. Вездѣ тутъ ножомъ прорѣзанные узкіе переулочки, обращенные въ безконечный домашній корридоръ, надъ которымъ нищенское населеніе этихъ вѣчно темныхъ траншей съ трогательною откровенностью развѣшиваетъ самыя интимныя статьи своего тряпичнаго туалета, желтые штаны съ голубыми заплатками, Богъ знаетъ въ чемъ испачканныя женскія юбки, и всякую разноцвѣтную рвань... Такіе же узкіе, такіе же темные канальчики прорѣзаны глубоко внизу высокихъ, почти безоконныхъ домовъ, точно подземныя штольни рудника, и вы никакъ не можете понять, какими хитростями успѣваютъ пробираться въ нихъ однѣ мимо другихъ гондолы, лѣпящіяся по стѣнкамъ. Вѣчная сырость должна царствовать въ этихъ глухихъ домахъ, внутрь которыхъ никогда не заглядываетъ солнце, и въ которыхъ печь до сихъ поръ считается слишкомъ недоступною роскошью. Я думаю, что кромѣ широкаго Canale Grande и немногихъ другихъ каналовъ поважнѣе—живется вообще холодновато, сыровато и темновато въ каменныхъ и мраморныхъ палатахъ этой солнцемъ залитой Венеціи. Въ этомъ отношеніи мнѣ кажется любой одноэтажный домишко моихъ родныхъ Щигровъ, обшитый дешевымъ тесомъ и раскрашенный уѣзднымъ маляромъ, на удивленіе мѣстныхъ мѣщанокъ, въ ярко-лазоревый цвѣтъ,—много удобнѣе и пріютнѣе иныхъ скульптурныхъ дворцовъ царицы Адріатики.

Вообще, Венеція имѣетъ съ одной стороны свои показныя, парадныя комнаты для пріема гостей—Canale Grande, площадь св. Марка, Piazzetta, набережную Скьявоне и проч., а съ другой стороны—цѣлый неохватный лабиринтъ кварталовъ, каналь-

чиковъ, переулочковъ, площадокъ, мостиковъ, въ которыхъ кишитъ, такъ сказать, будничная домашняя жизнь Венеціи, и въ которыхъ вы гораздо ближе и вѣрнѣе познакомитесь съ подлиннымъ бытомъ и нравами этого своеобразнаго города. Тутъ Венеція распахиваетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ свое нутро, открываетъ свои закулисы. Самый характерный очагъ этого хозяйственнаго, торговаго и промышленнаго движенія—въ Ріальто. Иностранцы думаютъ обыкновенно, что Ріальто – это знаменитый мраморный мостъ по серединѣ Большого канала. Но этотъ историческій мостъ оттого и зовется мостомъ Ріальто, что соединяетъ западные острова Венеціи съ главнымъ островомъ Ріальто, въ которомъ много вѣковъ сосредоточивались всѣ правительственныя и торговыя учрежденія морской республики. Самый мостъ Ріальто—это граціозная бѣломраморная арка въ 12 саженъ ширины, смѣло перекинутая, безъ участія одного вершка желѣза, черезъ все русло восьмидесяти-аршиннаго канала и, несмотря на свою кажущуюся воздушность, опирающаяся красивыми устоями на цѣлый лѣсъ изъ 12.000 подводныхъ свай,—вотъ уже четыре столѣтія остается центромъ торговыхъ кварталовъ Венеціи. Высадившись у него, вы можете выбирать любой берегъ Большого канала—правый или лѣвый. На набережной лѣваго берега вы попадете въ крайне интересные рынки зелени и рыбы—Erberia и Pescheria, а направитесь въ глубь острова Ріальто, на правый берегъ—очутитесь въ запутанномъ лабиринтѣ темныхъ и узкихъ улицъ и переулочковъ такъ называемой Мерсеріа,—толкучемъ рынкѣ своего рода,—который тянется до самой площади св. Марка, кишa безчисленными лавками, лавчонками, балаганами, стольцами, захватывая прежде всего обѣ стороны мраморнаго моста, обращеннаго такимъ образомъ въ гостиный дворъ. Вы не пробьетесь сквозь вѣчно здѣсь движущуюся, галдящую, толкающуюся толпу праздполюбивыхъ горожанъ, которые очень мало покупаютъ, но зато очень много ротозѣйничаютъ, горланятъ и толкутся безъ всякаго дѣла, встрѣчая здѣсь знакомыхъ и пріятелей, балагуря о городскихъ сплетняхъ, заходя съ хорошимъ человѣкомъ въ кабачки и кофейни. Здѣсь вы увидите самыя характерныя народныя сцены, самые оригинальные наряды и физіономіи, познакомитесь со всѣми видами венеціанскихъ товаровъ, венеціанскихъ цируленъ, венеціанскихъ лавчонокъ и кабачковъ, гдѣ кишмя кишатъ свободные граждане и гражданки бывшей республики, а главное, вы ощутите собственными боками всю живописную тѣсноту и безцеремонную подвижность подлиннаго итальянскаго рынка.

Особенно любопытно прогуляться пораньше утромъ въ Эрберію и Пешерію, доѣхавъ для этого въ гондолѣ до пристани ихъ, немного дальше моста Ріальто.

Весь берегъ оцѣпленъ особыми лодками, съ прорѣзами для воды, обваленъ огромными пузырями-плетушками,—своеобразными садками для живой рыбы. На берегу вездѣ—грязь и лужи. Вода сочится и течетъ отовсюду, изъ чановъ и лотковъ; воду выплескиваютъ, ни что же сумняся, вамъ подъ ноги; безчисленное множество столовъ, чановъ, громадныхъ желѣзныхъ тазовъ, полныхъ свѣжею рыбою, разставлено на берегу. Неистощимыя пучины моря щедро кормятъ безпечнаго венеціанскаго пролетарія своими драгоцѣнными, природными дарами; рѣдко гдѣ встрѣтите вы такое изумительное обиліе и разнообразіе всевозможной морской твари, какъ въ венеціанской Pescheria въ базарные дни. Тутъ груды морскихъ угрей и миногъ, длинныхъ и вертлявыхъ какъ змѣи; тутъ цѣлыя горы омаровъ, краббовъ, лангустъ, креветокъ, ракушекъ всякихъ видовъ; полные чаны скользкихъ синелиловыхъ каракатицъ съ огромными вылупленными глазами; рыбаки ловко и проворно обдираютъ съ нихъ кожу и швыряютъ въ лотки ихъ оголенныя тушки, словно куски какого-то бѣлаго студня или молочнаго киселя. Тутъ и sole, и turbot, всякія отрадныя для гурмана породы камбалы, плоскія какъ блины, съ бѣлымъ, будто изъ бумаги вырѣзаннымъ брюхомъ; тутъ даже и наши осетры, и многое множество невѣдомыхъ мнѣ и невиданныхъ мною рыбъ, итальянскихъ названій которыхъ никакъ не приспособишь къ русскимъ,—рыбъ громадныхъ и крошечныхъ, рыбъ розовыхъ, красныхъ, сѣрыхъ, черныхъ, пестрыхъ, рыбъ всякихъ фасоновъ и узоровъ, у которыхъ здѣсь же, на вашихъ глазахъ, грязнѣйшія лапы торговцевъ обрѣзываютъ кругомъ поплавки, сдираютъ кожу, выковыриваютъ пальцами внутренности, раскладываютъ и разрѣзаютъ на куски для безчисленныхъ, толкающихся кругомъ, покупателей и покупательницъ. Всѣ эти лакомыя штучки стоютъ гроши, ибо всего этого слишкомъ много у всѣхъ. Море является истинною матерью-кормилицею венеціанца, истиннымъ благословеніемъ Божьимъ для здѣшняго бѣдняка.

Пройдите изъ Пешеріи за каменные лавочные ряды, и вы—въ Эрберіи. Здѣсь изстари собирался овощный рынокъ, и здѣсь же изстари читались публично народу распоряженія городскихъ правителей. До сихъ поръ уцѣлѣла среди Эрберіи мраморная колѣнопреклоненная статуя съ мраморной колонной и ступеньками, откуда читались эти объявленія, какъ гласитъ старинная

надпись на колоннѣ. Въ Италіи, наслѣдницѣ мраморнаго Рима, все и вездѣ изъ мрамора,—дома, и мосты, и трибуны... Эрберія производитъ удивительно радостное, чисто весеннее впечатлѣніе. У насъ—мартъ мѣсяцъ, а счастливая Венеція уже завалена снопами свѣжихъ цвѣтовъ, мѣшками зеленаго гороха и фасоли, цвѣтною капустою, молодымъ картофелемъ, морковью, свеклою, артишоками и всевозможною, давно уже поспѣвшею зеленью. Все это выставлено такъ свѣжо и красиво, что вы съ удовольствіемъ гуляете, словно по саду, среди этихъ роскошныхъ букетовъ и заманчиво пахнущей огородины. Свѣжія овощи, повидимому, продаются здѣсь всю зиму, не нуждаясь ни въ ледникахъ, ни въ соленіи и моченіи ихъ. Венеціанскія хозяйки безъ труда могутъ разнообразить свой столъ среди всегдашняго обилія своихъ Эрберій и Пешерій. Безчисленныя лавочки и столы со всевозможными съѣстными припасами тѣснятся отъ Эрберіи до самаго Ріальто, такъ что лѣвый берегъ Большого канала по сосѣдству съ мостомъ весь посвященъ обжорному базару, точно также какъ правый—всякаго рода галантереѣ и мануфактурамъ... Толкаясь по этимъ базарчикамъ, мы убѣдились, не безъ удивленія, что всю эту на водѣ живущую Венецію можно отлично перейти пѣшкомъ изъ конца въ конецъ, пробираясь по ея перепутаннымъ, всегда полнымъ народа переулочкамъ и безчисленнымъ мостикамъ, перекинутымъ черезъ такіе же многочисленные каналы. Мостиковъ этихъ считается въ Венеціи чуть не 400, а каналовъ—150; они дробятъ городъ на 117 островковъ, которыхъ тѣсный архипелагъ отдѣляетъ такъ-называемую „Мертвую“ лагуну, лежащую у материка, отъ лагуны „Живой“, сосѣдней съ моремъ. Но хотя море и проникаетъ своею могучею волною въ каналы Венеціи, поднимая, въ минуты прилива, ихъ уровень на цѣлыхъ полъ-аршина, однако Живая лагуна Венеціи, а тѣмъ больше, конечно, ея каналы обезпечены отъ сильныхъ морскихъ волненій, словно природнымъ брекватеромъ, цѣлою цѣпью длинныхъ и низкихъ дюнъ, защищенныхъ высокими плотинами и оставляющихъ между собою только довольно узкіе проливы. Итальянцы называютъ этотъ охранный авангардъ своихъ низменныхъ островковъ—lidi, и на каждомъ такомъ lido устроили прелестныя дачныя мѣстечки, а вмѣстѣ съ тѣмъ—укрѣпленные форты для защиты отъ непріятельскаго флота проходовъ въ Живую лагуну,—значитъ, и въ самую ихъ славную Венецію.

Церковь Марія делла-Салюте у васъ постоянно на глазахъ, и оттого ее знаютъ и помнятъ всѣ путешественники, едва даже заглянувшіе въ Венецію. Въ какой бы изъ большихъ гостинницъ Большого канала ни жили вы—Марія делла-Салюте непремѣнно торчитъ передъ вами, вырѣзается въ вашемъ окнѣ, виднѣется съ вашего балкона; вы въѣзжаете въ Большой каналъ не иначе какъ мимо Маріи делла-Салюте; вы возвращаетесь мимо Большого канала опять-таки мимо нея. Нужно вамъ ѣхать къ дворцу Дожей, на площадь св. Марка, на набережную Скьявоне—никакимъ образомъ не минуете Маріи делла-Салюте; отправляетесь вы въ загородную прогулку къ Лидо или Мурано—непремѣнно ваша гондола, вашъ пароходъ должны проплыть въ виду ея.

Характерное бѣломраморное изваяніе этой прелестной церкви, похожей скорѣе на драгоцѣнное скульптурное произведеніе, чѣмъ на архитектурное зданіе, до такой степени тѣсно связано въ воспоминаніяхъ туриста со всею оригинальною панорамою Canale Grande,—который ею начинается и ею оканчивается,—что достаточно увидать на гравюрѣ или фотографіи ея изящный круглый куполъ, чтобы сразу отгадать, что передъ вами—Венеція. Она поднимается словно прямо изъ водъ лагуны своею ступенчатою мраморною террасою, на узкомъ мысу, которымъ заканчивается лѣвый берегъ Большого канала,—какъ вѣнчающее его знамя и какъ привратный стражъ его... Эта чудная базилика чаруетъ изумительною гармоніею своихъ архитектурныхъ линій, изумительною стройностью всего своего корпуса и такою роскошью бѣломраморныхъ фронтоновъ, колоннъ, карнизовъ и статуй, о которой нельзя составить себѣ представленіе, не видавъ ее въ лицо.

Внутри—это уже не длинная галерея, столь обычная въ большихъ храмахъ Италіи, а великолѣпная ротонда, прикрытая громаднымъ полушаріемъ купола удивительной красоты. Въ ней нѣтъ такого историческаго интереса, какъ въ другихъ знаменитыхъ церквахъ Венеціи, но стѣны ея сплошь покрыты драгоцѣнными разноцвѣтными мраморами да огромными полотнами и фресками великихъ венеціанскихъ мастеровъ лучшей эпохи—Тиціана, Тинторетто, Сальвіати, отъ которыхъ вы долго не оторвете своихъ глазъ...

Но вся красота, вся слава и богатство, вся оригинальность и вся многовѣковая исторія Венеціи сосредоточены въ чудномъ уголкѣ, подобнаго которому нѣтъ другого ни въ Италіи, ни въ Европѣ, ни на всемъ шарѣ земномъ... Это—unicum, не знающій

повторенія, недоступный подражанію, любоваться которымъ, изумляться которому пріѣзжаютъ, не жалѣя денегъ, десятки тысячъ людей изъ Новаго Свѣта, изъ Австраліи, Африки, Индіи... Уголокъ этотъ—площадь св. Марка и примыкающая къ ней Piazzetta, съ дворцомъ Дожей. Это—своего рода святая-святыхъ знаменитой республики, бьющееся сердце ея, изъ котораго исходили нѣкогда всѣ могучіе жизненные токи ея былой исторіи, достигавшіе до береговъ Азіи и Африки, потрясавшіе и сокрушавшіе цѣлыя государства. Въ этомъ царственномъ уголкѣ, гдѣ настоящіе цари нерѣдко преклоняли колѣна передъ гордою торговою республикою, собрались не только всѣ главнѣйшіе памятники венеціанскаго искусства и венеціанской старины, но и все то, что̀ нѣкогда повелѣвало и передъ чѣмъ когда-то благоговѣйно преклонялись—дворцы, су́дилища, алтари. Огромный правильный квадратъ чуть не въ сто саженъ длины этой единственной въ своемъ родѣ площади, вымощенной неподражаемо-ровнымъ, гладкимъ, какъ зеркало, краморнымъ паркетомъ, охваченъ съ трехъ сторонъ роскошными мраморными галереями и арками „старыхъ и новыхъ прокураціи“, которыя превращены теперь, внизу, въ нескончаемый рядъ блестящихъ, богатѣйшихъ магазиновъ, модныхъ кафе, всегда полныхъ народа, а въ верхнихъ ярусахъ своихъ помѣщаютъ и громадный королевскій дворецъ, и разныя высшія учрежденія венеціанской области. Съ четвертой стороны эта Piazza,—какъ ее запросто называютъ венеціанцы въ отличіе отъ всѣхъ другихъ своихъ площадей, величаемыхъ ими Campo,—ограждена громадою собора св. Марка и дворцомъ Дожей. Впрочемъ, дворецъ почти всѣмъ своимъ фасадомъ выходитъ уже не на „Площадь“, а на „Площадку“—„Пьяцетту“,—которую образуетъ вмѣстѣ съ нимъ прелестный по своему стилю и особенно по изящному аттику, населенному цѣлымъ полчищемъ мраморныхъ статуй,—огромный корпусъ старинной библіотеки, созданіе знаменитаго Сансовино, составляющей теперь часть королевскаго дворца; красота Пьяцетты—не въ однихъ художественныхъ зданіяхъ, воздвигнутыхъ геніемъ человѣка: ея берегъ омываютъ свѣтлыя волны лагуны, еще болѣе прекрасныя, чѣмъ мраморныя арки и колонны; въ ея распахнутую грудь свободно проникаетъ свѣжее дыханіе моря, и божественное солнце Италіи заливаетъ своими радостными огнями устилающіе ее мраморы...

Стаи черныхъ гондолъ, какъ отдыхающія птицы, прильнули къ мраморнымъ ступенямъ ея набережной, а двѣ гранитныя колонны, увѣнчанныя крылатымъ львомъ св. Марка и статуею св.

Ѳеодора, поирающаго крокодила,—этими древними гербами воинственной республики,—высятся надъ ними, какъ два исторических стража у входа въ святыню... Одной изъ этихъ колоннъ давно уже пошелъ восьмой вѣкъ...

На рубежѣ между Piazzetta и Piazza, противъ угла библіотеки Сансовино—еще колонна своего рода,—высочайшая и стройнѣйшая колокольня св. Марка, знаменитая Campanile, которою мы налюбовались въ послѣдній разъ всего за какихъ-нибудь три мѣсяца до ея неожиданнаго разрушенія. Колокольня эта—исполинскій четырехъ-угольный столбъ самой какъ будто бы прозаической формы, почти безъ оконъ, съ оригинальною сквозною колоннадою на половинѣ высоты, съ высокою островерхою кровлею, напоминающею наши старыя кремлевскія башни—тоже созданье итальянскихъ архитекторовъ. Сначала Campanile удивляетъ своею простотою, но когда вглядишься въ нее подольше, начинаешь невольно ощущать необыкновенную гармонію ея пропорцій, и она кажется очень красивою, утѣшающею вашъ глазъ... Много помогаетъ этому и прелестная Logetta изъ колоннъ, статуй и барельефовъ, вся выточенная изъ тончайшихъ мраморовъ, украшающая ея основаніе со стороны дворца Дожей,—одно изъ шедѣвровъ того же Сансовино.

Въ болѣе молодые годы я всходилъ на верхъ этой своего рода сторожевой башни Венеціи по покатому каменному полу безъ ступенекъ, улиткою взвивавшемуся подъ самую крышу, и любовался оттуда ни съ чѣмъ несравнимою панорамою Венеціи, съ ея безчисленными островками, каналами, лагунами, дворцами и церквами, видными сверху какъ съ крыльевъ птицы...

Piazza и Piazzetta Венеціи можно скорѣе назвать громадными залами, чѣмъ площадями—до того онѣ изящны, чисты, гладки, до того обставлены онѣ кругомъ сплошными стѣнами роскошныхъ мраморовъ, скульптуры, рѣзьбы, позолоты... Безконечныя аркады галерей и дворца Дожей укроютъ отъ дождя и непогоды цѣлое населеніе, а въ этомъ счастливомъ климатѣ вечера и ночи такъ тихи и прекрасны, что мѣстные жители проводятъ ихъ подъ кровомъ синяго неба такъ же уютно, какъ подъ любою крышею... Миріады голубей, гнѣздящихся въ карнизахъ и впадинахъ окружающихъ зданій, не уступаютъ человѣку владѣнія этими привольными покоями, и еще болѣе многочисленными стаями, чѣмъ люди, толпятся на мраморныхъ помостахъ площади, къ неописанному утѣшенію дѣтишекъ, увлеченно предающихся ихъ кормежкѣ...

Вся Венеція собирается, передъ заходомъ солнца, въ эту

свою излюбленную историческую гостиную, любоваться видомъ лагуны, побродить на свѣжемъ воздухѣ или посидѣть съ пріятелями за чашкой кофе, за стаканомъ вина. Здѣсь узнаются всѣ новости, совершаются сдѣлки, заводятся знакомства. Въ дни карнавала и большихъ праздниковъ пьяцца и пьяцетта съ утра до вечера залиты толпами народа. Въ наше время пресловутый венеціанскій карнавалъ, столько разъ прославленный въ стихахъ, прозѣ и музыкѣ, потерялъ бо́льшую часть своего прежняго блеска и веселья. Съ современными сдержанными нравами уже стала несовмѣстима былая разнузданность масляничныхъ затѣй. Хотя венеціанцы и надѣваютъ еще маски, хотя они еще танцуютъ и кутятъ, и ухаживаютъ за женщинами, и гуляютъ въ гондолахъ съ пѣвцами и музыкантами,—но все это дѣлается въ сравнительно скромныхъ и приличныхъ формахъ, далеко не съ прежнимъ увлеченіемъ и не въ прежнихъ баснословныхъ размѣрахъ...

Старые путешественники разсказываютъ едва вѣроятныя вещи о томъ повальномъ безумствѣ, которое охватывало въ дни карнавала даже самыхъ чопорныхъ и суровыхъ жителей Венеціи, почтенныхъ старыхъ сановниковъ, монаховъ, епископовъ...

Итальянская пылкая фантазія и итальянская южная кровь не знала въ эти минуты всенароднаго delirium tremens никакого удержа, и всѣ правила приличія выбрасывались за бортъ даже наиболѣе приличными людьми; а Венеція и въ обычное время никогда не отличалась особенною щепетильностью нравовъ.

Куртизанокъ въ Венеціи, по словамъ одного французскаго писателя начала восемнадцатаго вѣка, было въ его время такое множество, что во время карнавала можно было видѣть подъ аркадами прокурацій столько же женщинъ лежащихъ, сколько и на ногахъ.

Венеціанскій карнавалъ начинался тогда уже съ 5-го октября (н. ст.) и продолжался до великаго поста, такъ что венеціанцамъ приходилось ходить въ маскахъ чуть не цѣлыхъ полгода. А на Вознесеніе устраивался еще другой, коротенькій карнавалъ, дней на пятнадцать. Маски были до того обязательны для всѣхъ безъ исключенія, что даже папскій нунцій и настоятель капуциновъ не могли никуда явиться безъ маски.

Приходъ отказался бы отъ своего священника, духовенство—отъ своего епископа, еслибы они не носили въ это время маски, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ, если не на лицѣ.

Впрочемъ, это и не удивительно, при нравахъ тогдашняго венеціанскаго духовенства, когда важные церковные сановники позволяли себѣ въ театрахъ, въ присутствіи многотысячной пу-

блики, открыто пересмѣиваться съ извѣстными городскими куртизанками, получая отъ нихъ за свои игривыя шутки удары вѣеромъ, когда аббатиссы монастырей дрались кинжалами на дуэли съ дамами-соперницами за какого-нибудь красиваго аббата.

Сенаторы, верховные судьи и совѣтники республики отправлялись въ свои засѣданія, гдѣ они нерѣдко обсуждали объявленіе войны какому-нибудь сосѣднему государству или смертную казнь одному изъ провинившихся гражданъ своихъ,—также не иначе какъ въ маскахъ, которыя они съ важнымъ видомъ снимали и вѣшали въ прихожихъ своего совѣта, чтобы опять надѣть ихъ, выходя на площадь...

На Piazzetta была опредѣлена одна сторона, предназначенная исключительно для прогулокъ венеціанскихъ нобилей, которою уже не смѣлъ пользоваться простолюдинъ. Облеченные въ свои пышныя широкія мантіи пурпуроваго и лиловаго цвѣта, поверхъ бархатныхъ и атласныхъ колетовъ, съ громоздкими париками на головѣ, главные вершители судебъ морской республики, члены совѣта десяти, сената или великаго совѣта, величественно расхаживали по мраморному паркету площади, встрѣчаемые раболѣпными поклонами просителей, почтительно цѣловавшихъ у нихъ широкіе рукава ихъ мантій. Чѣмъ важнѣе была должность, тѣмъ полнѣе и шире дѣлались эти рукава. Это мѣсто свиданій и переговоровъ венеціанскаго дворянства носило очень характерное для него названіе „Il Broglio“, по-русски—путаница, потому что, дѣйствительно, тутъ сплетались такія интриги и козни, въ которыхъ запутался бы самъ Макіавелли.

Но всѣ эти картины былой венеціанской жизни, невольно встающія въ памяти на этой солнцемъ залитой мраморной площади, въ виду характерныхъ зданій стараго республиканскаго правительства,—ступевываются и блѣднѣютъ передъ тѣмъ непосредственнымъ живымъ очарованіемъ, которымъ наполняетъ васъ неописуемая и неподражаемая красота собора св. Марка, дворца Дожей и всей этой обставленной драгоцѣнными архитектурными изваяніями дивной площади...

Св. Маркъ нравится не сразу. Онъ поражаетъ сначала рѣзкою пестротою и вычурностью своихъ украшеній, заслоняющихъ собою его архитектурныя линіи; онъ такъ широко вытянутъ по фасаду, что не кажется съ перваго взгляда достаточно высокимъ. Наконецъ, онъ такъ своеобразенъ своимъ стилемъ, что озадачиваетъ васъ и не даетъ нѣкоторое время вашему впечатлѣнію

возможности оріентироваться и помѣстить его въ ту или другую опредѣленную рамку, подвести его подъ тотъ или другой знакомый ярлыкъ...

Въ молодые годы мои, въ пору моего увлеченія геометрическою правильностью линій и установленными теоріею строгими типами архитектуры,—св. Маркъ произвелъ на меня такое смущающее впечатлѣніе дерзкимъ нарушеніемъ всѣхъ правилъ кодекса правовѣрной архитектуры, что я боялся признать его красоту и готовъ былъ развѣнчать его славу.

Но когда я смотрѣлъ на него въ мое нынѣшнее посѣщеніе Венеціи, стоя по серединѣ площади, составляющей съ нимъ, съ его кампанилой, съ палаццо Дожей, со всѣми этими арками и колоннами старыхъ и новыхъ прокурацій, съ львиными колоннами, сизыми голубями, черными гондолами и голубымъ зеркаломъ моря, одно грандіозное нераздѣльное цѣлое, одинъ высокохудожественный историческій портретъ нѣкогда могучей и прекрасной венеціанской республики,—я нечувствительно все глубже и искреннѣе проникался сознаніемъ оригинальной прелести этого архитектурнаго созданія...

Св. Маркъ, дѣйствительно, не похожъ ни на кого другого, и его, по совѣсти, невозможно отнести ни къ какому стилю, ни къ готическому, ни къ романскому, ни къ византійскому. Въ этомъ—его великое достоинство, та характерная индивидуальность его, которая выдѣляетъ этотъ древній соборъ изъ сонма всѣхъ другихъ знаменитыхъ храмовъ Европы и не позволяетъ заслонить его оригинальный образъ въ памяти хотя бы разъ видѣвшихъ его никакимъ римскимъ Петромъ, никакою цареградскою Софіею или кёльнскимъ катэдралемъ. Хотя компетентные люди и причисляютъ св. Марка—вѣроятно, норядка ради—къ византійскому типу архитектуры, но безпристрастный наблюдатель сразу найдетъ въ немъ столько же византійскаго, сколько и римскаго, и готическаго, и рококо, и не знаю еще какого небывалаго стиля.

Въ этомъ лѣсѣ тонкихъ островерхихъ минаретиковъ, взбѣгающихъ вверхъ изъ каждой спайки многочисленныхъ круглыхъ арокъ его фасада, чуется вамъ слишкомъ наглядный откликъ мусульманскихъ мечетей Востока, съ которымъ такою тѣсною жизнью, боевою и торговою, жила въ старину предпріимчивая адріатическая республика, а общая картина этихъ вздутыхъ кубышчатыхъ куполовъ, вычурно вырѣзанныхъ верхушекъ, раззолоченныхъ букетовъ съ яблочками и цвѣтами, одѣвающихъ его кресты, яркая пестрота его колеровъ, придавленность его входныхъ арокъ и,

наконецъ, общая капризная смѣсь острыхъ угловъ и дугообразныхъ линій,—все это гораздо болѣе напоминаетъ вамъ фантастическую архитектуру какой-нибудь индійской пагоды Дэли или Лагора, чѣмъ строгій, правильный, нѣсколько постный стиль Юстиніановыхъ храмовъ, въ родѣ св. Софіи, или характерныхъ церквей разрушеннаго греческаго города Мистры, въ Пелопоннезѣ.

Св. Маркъ поражаетъ прежде всего наивною непосредственностью создавшаго его полу-языческаго религіознаго чувства.

Какъ ребенокъ, желающій выразить возможно полнѣе и нагляднѣе свои дѣтскія представленія о красотѣ и великолѣпіи, старается украсить свои неумѣлыя изображенія всякою пестротою и яркостью, не зная имъ мѣры, растрачивая безъ удержу обильные цвѣты своей ребяческой фантазіи, такъ и наивные средневѣковые художники, вдохновлявшіеся безъ разбора и архитектурной гармоніей византійскихъ соборовъ, и яркою прелестью каирскихъ мечетей, и таинственною поэзіею загадочно-вычурныхъ индусскихъ храмовъ,—съ тѣмъ же дѣтскимъ увлеченіемъ и дѣтскою невоздержностью нагромоздили другъ на друга въ своемъ знаменитомъ твореніи арки и колонны, золото и мраморы, шпили и купола, кресты и цвѣты, мозаики и фрески, статуи святыхъ и бронзовыхъ лошадей изъ языческихъ мавзолеевъ... И вся эта нѣсколько дикая пестрота цвѣтовъ, линій и стилей—въ силу именно этой дѣтской искренности своей и этого своеобразія полуязыческой, полухристіанской фантазіи — вышла, въ концѣ концовъ, такою по-своему гармоничною, такою оригинально прекрасною, что она безотчетно чаруетъ васъ, вопреки всѣмъ предвзятымъ мыслямъ и суевѣріямъ вашего художественнаго воспитанія.

Св. Маркъ хорошъ, потому что хорошъ, потому что самъ собою, безъ вашего намѣренія и даже противъ вашего намѣренія, ласкаетъ и радуетъ вашъ глазъ и ваше сердце, и остается въ немъ навсегда, не вытѣсняемый ни чѣмъ другимъ, не похожій ни на что другое, какъ нѣчто единственное, нигдѣ не повторенное,—словно никогда неслышанная вами и никогда незабываемая красивая, полнозвучная нота архитектурной мелодіи...

Нельзя не полюбоваться и вблизи на всѣ эти золотыя мозаики, сохранившія почти дѣвственную свѣжесть свою въ теченіе семи — восьми столѣтій, на всѣ эти многоцвѣтные мраморы историческихъ колоннъ, добытыхъ мечомъ и кровью просто-

душныхъ ревнителей церковнаго благолѣпія,—и изъ іерусалимскаго храма Соломона, и изъ капищъ Зевса и Артемиды, и изъ разрушенныхъ славныхъ мечетей Турціи и Египта,—колоннъ розовыхъ, желтыхъ, фіолетовыхъ, черныхъ, красныхъ, пестрыхъ, изъ которыхъ ни одна не похожа на другую, и каждая составляетъ уникумъ своего рода,—драгоцѣнность и въ историческомъ, и въ денежномъ смыслѣ,—которыя собраны подъ расписными аркадами этого своеобразнаго храма въ цѣлые пестрые букеты, словно пучки полевыхъ цвѣтовъ разнообразнаго колера и формъ...

Вы входите въ храмъ сквозь темныя аркады—и сразу теряетесь и останавливаетесь по срединѣ... Вы—внутри золотого неба, золотыхъ стѣнъ. Подъ ногами вашими, кругомъ васъ—мраморы, яшмы, порфиры... Мраморный легіонъ святыхъ и ангеловъ встаетъ высоко передъ вами на громадной мраморной рѣшоткѣ, замѣняющей нашъ иконостасъ...

Вмѣсто престола—мраморная гробница св. Марка-евангелиста, похищенная его наивными поклонниками изъ Александріи, много вѣковъ тому назадъ, и ставшая съ тѣхъ поръ патрономъ и государственною эмблемою венеціанской республики.

Золотая внутренность нашего прелестнаго храма св. Владиміра въ Кіевѣ кажется внутренностью хорошенькаго золотого яйца въ сравненіи съ охватывающимъ васъ здѣсь золотымъ и мраморнымъ грандіознымъ просторомъ.

И это золото, и колеръ этихъ яшмъ и мраморовъ, и живопись мозаикъ и фресковъ, одѣвающая по-византійски стѣны и своды,—все нѣсколько поблекло, потускнѣло, стушевалось отъ дыханія вѣковъ, и оттого общій тонъ храма сталъ еще цѣльнѣе и гармоничнѣе, напоминая собою мягкіе, нѣжно сливающіеся другъ съ другомъ тоны дорогого персидскаго ковра...

Золото это—вмѣстѣ и чудныя художественныя мозаики. Въ однѣхъ изъ нихъ—драгоцѣнныхъ памятникахъ старой до-Рафаэлевской эпохи—трогательная дѣтская наивность и дѣтская неумѣлость благочестивыхъ изображеній, въ другихъ—великолѣпные образы и группы славнѣйшихъ художниковъ Венеціи—Тиціана, Тинторетто, Сальвіати и разныхъ другихъ, полные смѣлой мощи и яркой выразительности...

Чтобы охватить однимъ общимъ взглядомъ этотъ громадный музей мозаикъ и мраморовъ,—поднимитесь наверхъ и двигайтесь не спѣша и безшумно по пустыннымъ галереямъ хоръ, вьющихся кругомъ всѣхъ стѣнъ... Галереи эти—безконечные ряды мраморныхъ рѣзныхъ оградъ, мраморныхъ ступеней, мраморныхъ

половъ и колоннъ, висящихъ высоко надъ глубокой пропастью храма, видимаго вамъ отсюда какъ съ крыльевъ птицы.

Съ внутренней галереи непремѣнно выйдите на балконъ, чтобы, полюбовавшись совсѣмъ въ упоръ на знаменитыхъ бронзовыхъ коней соборнаго фронтона, приписываемыхъ самому Фидію, обойти великій храмъ по его узенькой наружной галерейкѣ и ближе ознакомиться со всѣми причудливыми архитектурными подробностями св. Марка, его куполами, вышками, статуями, горельефами, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ насладиться ни съ чѣмъ несравнимымъ видомъ сверху на Piazza, Piazzetta и морскую лагуну...

Дворецъ Дожей такъ же поразительно своеобразенъ, какъ и соборъ св. Марка; такъ же, какъ онъ, не похожъ ни на какое другое зданіе во всемъ свѣтѣ; такъ же, какъ онъ, пренебрегаетъ всѣми архитектурными шаблонами и съ такою же дерзостью генія смѣшиваетъ въ себѣ безъ разбора какіе угодно стили. Его хотя и приписали къ стилю готическому, потому что у него стрѣльчатыя арки въ окнахъ и галереяхъ и готическія розетки надъ арками, но и общій видъ его, и характеръ всѣхъ его украшеній, сразу переносятъ ваше воображеніе не къ тяжелымъ замкамъ нѣмецкихъ государей и рыцарей, а къ сквознымъ, полувоздушнымъ павильонамъ мавританскихъ дворцовъ Альгамбры и Каира. И въ самомъ дѣлѣ, эта массивная каменная громада съ гигантскими зѣвами малочисленныхъ оконъ—всего по семи съ каждаго фасада, —кажется висящею какимъ-то чудомъ въ воздухѣ,—до того легко, изящно и хрупко кажется тонкое мраморное кружево чудныхъ двухъ-ярусныхъ колоннадъ, на которыхъ покоится безопасно и прочно, словно на гранитномъ пьедесталѣ, вся тяжесть огромнаго дворца...

Готика всегда начинается отъ земли сплошными, грузными массами, которыя разрѣзаются, раздробляются, утончаются, дѣлаются все легче, сквознѣе, воздушнѣе по мѣрѣ своего роста вверхъ, подобно маститому дубу, отдѣляющему отъ своего могучаго цѣльнаго ствола сначала болѣе толстыя и тяжелыя плоти, потомъ все болѣе тонкіе и легкіе, все болѣе частые и многочисленные вѣтви и сучки, и наконецъ, вѣнчающему вершину свою затѣйливымъ воздушнымъ кружевомъ своей зеленой листвы...

А здѣсь все наоборотъ, все наперекоръ преданьямъ и теоріямъ архитектуры, — вся тяжесть наверху, а внизу, вмѣсто опоры,—сотни тончайшихъ рѣзныхъ колонокъ, стоящихъ стройными рядами на сотняхъ другихъ такихъ же,—точно онѣ под-

держиваютъ не громадный каменный палаццо въ двѣсти обширныхъ залъ, а какую-нибудь хрустальную драгоцѣнную бездѣлушку... И несмотря на такое дерзкое извращеніе всѣхъ нашихъ архитектурныхъ понятій и привычекъ, дворецъ этотъ восхищаетъ насъ своею оригинальностью больше самыхъ знаменитыхъ дворцовъ, построенныхъ по строгимъ правиламъ искусства; дворецъ этотъ уносится въ нашей памяти на вѣки-вѣчные, не заслоняемый никакими другими воспоминаніями, потому что во всемъ мірѣ онъ одинъ такой, потому что онъ явился искреннимъ и своеобразнымъ созданіемъ искренняго и своеобразнаго генія, творившаго по свободному внушенію своей художественной фантазіи,—явился самобытнымъ голосомъ, а не эхо въ общемъ хорѣ архитектурныхъ произведеній...

Надо побродить въ тѣни дворцовыхъ галерей въ яркую лунную ночь, когда къ кружеву мраморныхъ колоннадъ, вырѣзывающихся своими темными силуэтами на фонѣ залитаго свѣтомъ неба, прибавляется еще таинственно-трепещущее, перепалзывающее по мраморнымъ помостамъ, неосязаемое кружево лунныхъ лучей, пробивающихся сквозь арки и розетки колоннадъ...

Это—самый эффектный моментъ и самый характерный видъ для дворца Дожей, который мѣстные фотографы и живописцы обыкновенно стараются изобразить на своихъ картинахъ и снимкахъ.

Во дворецъ входятъ по знаменитой „Scala dei Giganti“—„лѣстницѣ Исполиновъ“, украшенной колоссальными статуями Нептуна и Марса, работы Сансовино...

На послѣдней площадкѣ этой исторической лѣстницы заставляли присягать нѣкогда дожей гордой республики, чтобы не надмить ихъ излишествомъ почестей и не зародить въ нихъ властолюбивыхъ замысловъ, опасныхъ для всемогущей и ревнивой венеціанской олигархіи...

„Лѣстница Золотая“—„Scala d'Oro“, по которой въ старыя времена имѣли право ходить только нобили, записанные въ „золотую книгу“, и „лѣстница Цензоровъ“—поднимаютъ васъ въ верхніе этажи дворца.

Вы пробѣгаете ряды огромныхъ залъ, высокихъ и торжественныхъ какъ церкви, неописуемой роскоши. Роскошь эта не въ однихъ мраморахъ, позолотѣ и лѣпныхъ украшеніяхъ,—нѣтъ, здѣсь каждая зала—своего рода галерея громадныхъ полотенъ и фресковъ. Здѣсь вы живете и двигаетесь среди отовсюду окружающей васъ яркой толпы воиновъ, моряковъ, монаховъ, папъ,

сенаторовъ, дожей, полководцевъ, языческихъ боговъ и богинь, библейскихъ и евангельскихъ женъ и мужей, среди осадъ, битвъ, морскихъ и сухопутныхъ, торжественныхъ въѣздовъ и процессій, во всемъ пеклѣ шумной, блестящей и богатой событіями былой исторіи венеціанской республики. Картины вмѣсто потолка, картины вмѣсто стѣнъ; сверху, съ боковъ, сзади и спереди—отовсюду вы охвачены обильною и сочною живописью знаменитыхъ венеціанскихъ мастеровъ, кишащею фигурами и красками, дышащею щедрою роскошью и смѣлымъ размахомъ старыхъ вѣковъ славы и богатства адріатической царицы.

Не останавливайтесь подробно на этихъ картинахъ,—это невозможно и это безполезно. Тинторетто, Павелъ Веронезъ, Маркъ Вечелли, Пальма Младшій, Бассано и другіе венеціанскіе художники шестнадцатаго столѣтія, расписавшіе эти залы послѣ большого пожара, истребившаго прежнія украшенія дворца, стремились возвеличить родную республику, увѣковѣчивъ на этихъ стѣнахъ и сводахъ всѣ выдающіеся моменты ея исторіи, портреты всѣхъ ея замѣчательныхъ дѣятелей, и эта оффиціальная живопись ихъ, преслѣдовавшая не столько художественныя, сколько патріотическія цѣли, дорога главнымъ образомъ изслѣдователямъ былой венеціанской жизни и мало интересна въ своихъ подробностяхъ для любителей чистаго художества. Да, притомъ, этотъ потопъ болѣе или менѣе однообразныхъ, безчисленныхъ фигуръ и группъ, сплошь наполняющій ряды залъ, поглотилъ бы и подавилъ бы васъ безслѣдно, не оставляя въ вашемъ впечатлѣніи ничего опредѣленнаго и яснаго. Вы почувствуете, конечно, и строгость рисунка, и силу колера, и выразительность отдѣльныхъ фигуръ и позъ, почувствуете присутствіе большаго искусства, знанія, таланта,—но всѣ эти многосаженныя полотна, оживленныя кистью художниковъ, безъ конца чередуясь другъ съ другомъ и безъ перерыва нагромождая одинъ слой впечатлѣній на другой, взаимно стираютъ и перепутываютъ ихъ, до-нельзя утомляя духъ вашъ безплодными усиліями сохранить свѣжесть и обособленность каждаго впечатлѣнія. Гораздо разумнѣе смотрѣть на эти расписанные потолки и стѣны, не вникая въ частности, свободнымъ общимъ взглядомъ, какъ на роскошную художественную декорацію историческаго дворца, нераздѣльную съ его архитектурными линіями, съ его бронзами, позолотою и мраморами,—и тогда вы дѣйствительно вынесете полное и цѣльное впечатлѣніе отъ этого характернаго мѣста жительства старыхъ владыкъ Венеціи, еще вполнѣ сохранившаго въ названіяхъ своихъ залъ воспоминанія о протекшей роли ихъ. Вамъ покажутъ тутъ и

залу Сената и залу Трехъ инквизиторовъ, и залу нѣкогда страшнаго Совѣта Десяти, передъ которымъ трепетали самые популярные дожи, съ уцѣлѣвшею до сихъ поръ мраморною пастью льва, въ которую граждане опускали доносы и обвиненія своихъ правителей на разборъ неумолимаго судилища. Громадная зала Большого Совѣта, куда собирались для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ всѣ нобили Венеціи, достигшіе двадцатилѣтняго возраста, — можно сказать, съ вершины до пятъ залитъ живописью; такова же и зала выборовъ — „sala delle Scrutinio". Въ этихъ двухъ главныхъ залахъ перваго этажа—полная галерея портретовъ всѣхъ дожей республики, помѣщенная въ фризахъ, надъ колоссальными фресками, посвященными прославленію самыхъ выдающихся подвиговъ венеціанцевъ и ихъ знаменитыхъ вождей. Тутъ въ живыхъ сценахъ и лицахъ вся исторія борьбы Венеціи въ союзѣ съ папою Александромъ III-мъ противъ Фридриха Барбароссы при дожѣ Себастьянѣ Ціани, съ смиренно преклоненнымъ передъ папою побѣжденнымъ императоромъ Германіи; тутъ торжественное врученіе тѣмъ же папою венеціанскому дожу символическаго кольца, эмблемы власти надъ моремъ, которымъ съ тѣхъ поръ въ теченіе семи вѣковъ всѣ венеціанскіе дожи обручались съ возлюбленными имъ волнами Адріатики; тутъ вся живописная лѣтопись побѣдоносныхъ походовъ Дандоло, Морозини, Контарини, Мочениго, вся исторія завоеванія Византіи, Мореи, Аѳинъ, Далмаціи, дарданелльскій разгромъ турокъ, лепантская битва...

Безконечный рядъ портретовъ дожей, имена которыхъ, можно сказать, буквально повторяютъ серію старинныхъ палаццо на Canale Grande,—въ одномъ только мѣстѣ прерывается черною таблицею съ сурово-лаконическою латинскою надписью: „Здѣсь мѣсто Марино Фальери, обезглавленнаго за преступленія" (Hic est locus M. F., decapitati pro criminibus"). Марино Фальери былъ дожемъ Венеціи въ тридцатыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія. Оскорбленный однимъ изъ знатнѣйшихъ дворянъ Венеціи и стѣсняемый на каждомъ шагу въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ ревнивымъ надзоромъ Совѣта Десяти и разныхъ другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій республики, подозрительно слѣдившихъ всегда другъ за другомъ,—Марино задумалъ опереться на свою популярность среди простого народа, уничтожить самовластіе аристократіи, усиливъ власть дожа, ввести въ правленіе республики вполнѣ демократическій строй. Заговоръ его, однако, былъ открытъ; онъ былъ осужденъ на смерть за государственную измѣну и обезглавленъ на той самой пло-

щадкѣ „Лѣстницы Исполиновъ“, на которой приносилъ когда-то присягу при избраніи его въ дожи...

Байронъ, ненавистникъ всякаго деспотизма и несправедливости, избралъ Марино Фальери героемъ одной изъ своихъ страстныхъ драмъ, точно также какъ героемъ другой драмы изъ венеціанской жизни онъ сдѣлалъ стоическаго страдальца дожа Фоскари,—тоже жертву своего рода подозрительной и жестокосердной венеціанской олигархіи.

Байроновскій Марино Фальери въ такихъ словахъ выливаетъ накипѣвшую въ немъ ненависть къ ней; на вопросъ Бертуччіо: „хотите быть коронованнымъ государемъ?“—Марино отвѣчаетъ:—„Да, если народъ раздѣлитъ мою власть, чтобы ни онъ, ни я, мы не были рабами этой разросшейся аристократической гидры, ядовитыя головы которой изрыгаютъ на насъ отравленный воздухъ!

„Мы—илоты, изъ которыхъ я больше всѣхъ рабъ, самый униженный, хотя блистательно наряженный на показъ!“

Характерную иллюстрацію былыхъ нравовъ и былой политики этой жестокой и ревнивой республики путешественникъ можетъ и теперь видѣть, посѣтивъ въ подвальныхъ этажахъ дворца Дожей такъ-называемые Prigioni,—то-есть темницы. Какъ ни безнравственно еще современное человѣчество, какъ ни далеко оно отъ евангельскаго идеала любви и братства,—но одно бѣглое сравненіе его теперешнихъ заботливыхъ и гуманныхъ отношеній къ заключеннымъ—съ звѣрскимъ мучительствомъ преступниковъ въ милую старину, о которой такъ неумѣстно часто вздыхаютъ ея близорукіе поклонники, показываетъ съ убѣдительною наглядностью, какой громадный шагъ по пути христіанской правды совершило, даже въ теченіе послѣдняго только столѣтія, нравственное чувство человѣчества. Эти ужасныя Prigioni съ своими низенькими чердаками подъ свинцовою крышею, гдѣ въ знойное итальянское лѣто осужденные задыхались, какъ въ горячо натопленной печи, отъ сухого металлическаго жара, не имѣя возможности ни днемъ, ни ночью разогнуть спину и отвести отъ накалившагося на солнцѣ свинца свои трескавшіяся отъ боли головы, съ своими залитыми ледяною водою подвалами, гдѣ злополучные страдальцы, бо̀льшею частью не преступники, а политическіе соперники господствующей въ ту минуту клики,—обречены были стынуть всѣ зимніе мѣсяцы, подкладывая себѣ на ночь камень подъ голову вмѣсто постели,—не нуждаются въ комментаріяхъ. Пресловутые Piombi—свинцовые чердаки—уни-

чтожены еще въ восемнадцатомъ столѣтіи, но въ сырыя могилы ниже уровня каналовъ, куда просачивается ихъ вонючая вода, мы спускались и лицезрѣли ихъ во очію... И всего больше, всего горше,—гораздо острѣе, чѣмъ это болото, служащее постелью, и камень, положенный вмѣсто подушки,—возмутили меня тѣ закопченныя дымомъ восковыхъ свѣчекъ маленькія ниши въ амбразурахъ подвальныхъ оконъ, куда монахи-доминиканцы,—изобрѣтатели и ревностные слуги инквизиціи,—кощунственно ставили крестъ Распятаго за людей Праведника, напутствуя страдальцевъ своими лицемѣрными молитвами, исповѣдуя и причащая ихъ черезъ продѣланныя въ стѣнахъ оконца...

Необузданно разроставшееся господство надъ республикой нѣсколькихъ знатнѣйшихъ фамилій, постоянно боровшихся другъ съ другомъ за власть и наживу, въ жару своей корыстной борьбы совершенно забывавшихъ объ интересахъ народа, лишеннаго всякаго участія въ дѣлахъ, мало-по-малу подточили силы нѣкогда могучей республики,—и былая царица всесвѣтной торговли, посылавшая свои военные и купеческіе корабли во всѣ доступныя тогда моря, обогащавшая свой родной городъ сокровищами цѣлаго міра, смирявшая папъ и императоровъ, громившая непобѣдимыхъ турокъ,—теряетъ одно за другимъ свои старыя завоеванія, лишается всѣхъ своихъ богатыхъ владѣній на островахъ Архипелага и Средиземнаго моря, по берегамъ Эвксинскаго Понта и Адріатики, и къ концу семнадцатаго вѣка, а особенно въ восемнадцатомъ уже вѣкѣ, обращается въ одно изъ незначительныхъ маленькихъ государствъ маленькой Италіи, съ которымъ совсѣмъ перестаютъ считаться крупныя европейскія державы...

Наполеонъ I безъ сопротивленія занимаетъ своими войсками Венецію и безъ церемоніи отдаетъ вольную республику, по кампоформійскому миру 1797 года, во владѣніе Австріи... Луиджи Манинъ былъ послѣднимъ вождемъ, похоронившимъ свободу своего славнаго отечества...

Въ этотъ-то періодъ глубокаго политическаго упадка Венеціи она и обратилась въ тотъ городъ вѣчныхъ маскарадовъ, любовныхъ похожденій и беззаботнаго кутежа, въ тотъ прославившійся на весь міръ очагъ развратнаго разгула, о которомъ я говорилъ раньше.

Но при суровомъ владычествѣ австрійскихъ нѣмцевъ униженной Венеціи было уже не до легкомысленнаго веселья. Лордъ

Байронъ, свидѣтель позорнаго нѣмецкаго плѣненія царицы Адріатики, устами своего Чайльдъ-Гарольда оплакивалъ потерю ея старыхъ вольностей въ такихъ горячихъ строфахъ:

„Точно морская Сивилла выходитъ она изъ воды, еще свѣжая отъ влаги, и величественнымъ движеніемъ царицы водъ и водныхъ силъ возноситъ свою тіару гордыхъ замковъ въ воздушное пространство.

„Да, она была царицей: дочери ея получали свое вѣно отъ грабежа сосѣднихъ странъ, и неисчерпаемый Востокъ сыпалъ въ ея полы драгоцѣнные искрометные камни. Она была одѣта въ пурпуръ, и въ пирахъ ея принимали участіе монархи, считая, что это поднимаетъ ихъ достоинство.

„Теперь не слышны болѣе въ Венеціи пѣсни Тассо, и безмолвно гребетъ веслами гондольеръ. На берегу рушатся дворцы, и музыка рѣдко ласкаетъ слухъ. Тѣ дни прошли, но красота осталась.

„Государства исчезаютъ, увядаетъ искусство,—не умираетъ только природа. Она помнитъ, какъ мила была ей когда-то Венеція, этотъ дивный чертогъ празднествъ, пиръ вселенной, маскированный балъ Италіи.

„Овдовѣвшая Адріатика оплакиваетъ своего супруга. Ежегоднаго обрученія не возобновляется болѣе... Все такъ же, какъ и прежде, стоитъ левъ св. Марка,—но это только насмѣшка надъ его поблекшимъ могуществомъ, надъ гордою площадью, гдѣ монархъ умолялъ о милости, между тѣмъ какъ другіе смотрѣли и завидовали ему въ часъ, когда Венеція была самой богатой царственной невѣстой міра“.

Мы, современники Кавура, Гарибальди и Виктора-Эммануила, дожили, къ счастью, до свѣтлыхъ дней освобожденія и возрожденія Венеціи...

Около сѣверной стѣны собора св. Марка, подъ покровомъ его многовѣковыхъ священныхъ тѣней, стоитъ скромный памятникъ—мраморный саркофагъ, поддерживаемый львами. Это—гробница Даніила Манина, смѣлаго трибуна, поднявшаго Венецію противъ ея поработителей и сломленнаго въ слишкомъ неравной борьбѣ. Прахъ его былъ перенесенъ изъ Парижа, гдѣ онъ умеръ изгнанникомъ въ 1857 году, въ родную ему, уже свободную Венецію, когда завершилась мечта его жизни, и царица Адріатики стала равноправнымъ членомъ единой свободной Италіи...

Глубоко поучительна и трогательна эта быстро прогремѣв-

шая драма отчаянной попытки венеціанцевъ вырвать свою свободу изъ желѣзныхъ лапъ нѣмецкаго деспотизма...

Хотя на вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. австрійское правительство обязалось дать конституціонное устройство присоединенному къ нему такъ называемому ломбардо-венеціанскому королевству, но, по традиціонному обычаю Австріи, обязательства эти были очень скоро забыты Меттернихомъ,—тогдашнимъ вершителемъ европейскихъ судебъ; всѣ сколько-нибудь значительныя должности бывшей республики, судебныя и административныя, были заняты нѣмцами; по городамъ и деревнямъ сѣверной Италіи поставлены нѣмецкіе, венгерскіе, кроатскіе солдаты. Тайная и явная полиція опутала вредоносною сѣтью шпіонства и преслѣдованія каждый шагъ, каждую искреннюю мысль и слово венеціанской интеллигенціи; цензура свирѣпствовала надъ школою и печатью. Выборныя провинціальныя собранія, обезпеченныя торжественной хартіей 1815 года, подписанной императоромъ Францемъ, обратились на дѣлѣ въ присутствія чиновниковъ, назначаемыхъ вѣнскимъ правительствомъ, а предоставленное имъ по закону право составленія бюджета—незамѣтно замѣнилось прямыми распоряженіями общаго государственнаго казначейства австрійской имперіи, куда направлялись и всѣ доходы мнимаго королевства... Словомъ, всѣ мѣры австрійскаго правительства съ упорною нѣмецкою послѣдовательностью и систематичностью стремились въ конецъ онѣмечить Венецію съ Ломбардіей и насильственно претворить ихъ въ обще-австрійскій государственный организмъ.

Такъ шло дѣло до 1848 года, когда подъ вліяніемъ либеральной, хотя и мимолетной политики новаго папы Пія IX-го, преемника Григорія XVI-го, этого закоснѣлаго сторонника идей священнаго союза и Меттерниховскаго іезуитизма, по всей Италіи проснулась страстная жажда свободы и движенія впередъ...

Даніилъ Манинъ, мало кому извѣстный адвокатъ, добывавшій кусокъ хлѣба себѣ и семьѣ своей поденнымъ трудомъ, но горячій другъ правды и безкорыстный заступникъ бѣдныхъ собратьевъ, —явился смѣлымъ выразителемъ этихъ стремленій венеціанскаго народа. Онъ выступилъ на опасный бой одинъ, безъ друзей, безъ партіи, одушевленный тѣмъ геройскимъ духомъ безраздумнаго самоотверженія и страстной любви къ родинѣ, которымъ были такъ несокрушимо сильны великіе израильскіе патріоты Библіи, Гедеоны и Маккавеи... Его первыя попытки добиться законнымъ путемъ отъ австрійскаго правительства возстановленія въ Венеціи конституціоннаго устройства, дарованнаго ей вѣнскимъ конгрес-

сомъ, окончились для него заключеніемъ въ тюрьму. Но въ это время пришли въ Венецію глубоко взволновавшія ее вѣсти о вспыхнувшей въ Парижѣ февральской революціи, а скоро послѣ того—и о революціи въ самой Вѣнѣ; австрійскій императоръ вынужденъ былъ дать своимъ народамъ свободу печати и собраній, ввести конституцію... Толпы народа, наэлектризованныя этимъ повѣявшимъ отовсюду вѣтромъ свободы, собрались на площади св. Марка и требовали освобожденія Манина. Съ оглушительными криками: „да здравствуетъ Италія!“ любимецъ народа былъ на рукахъ вынесенъ изъ темницы. Въ заточеніи своемъ Манинъ твердо рѣшился не ждать больше ничего отъ вѣроломнаго австрійскаго правительства и стремиться къ одному—возстановленію свободной венеціанской республики. Вопреки противодѣйствію городского муниципалитета, не дерзавшаго еще открыто возстать противъ могущественной Австріи, Манинъ и его нѣсколько друзей рѣшились однимъ смѣлымъ ударомъ покончить дѣло. Утромъ назначеннаго дня, обнявъ на прощанье жену и дочь и увѣщевая ихъ не падать духомъ въ случаѣ неудачи, Манинъ скомандовалъ своему шестнадцатилѣтнему сыну:—Въ арсеналъ, Джорджіо!

— Вѣдь ты идешь на смерть!—въ ужасѣ останавливала его жена.

— Что-жъ, если это нужно!..—отвѣчалъ Манинъ.

Отряды національныхъ гвардейцевъ были незамѣтно придвинуты къ арсеналу, и прежде чѣмъ военное начальство Венеціи успѣло спохватиться, арсеналъ очутился безъ боя въ рукахъ Манина. Австрійскія власти были арестованы и высланы изъ города, нѣмецкіе и кроатскіе полки удалены.

— Мы свободны! и мы вдвойнѣ можемъ этимъ гордиться, потому что пріобрѣли свободу, не проливъ ни капли крови, ни своей, ни нашихъ братьевъ!—говорилъ, вдохновленный успѣхомъ, Манинъ ликовавшему венеціанскому народу, сбѣжавшемуся на площадь св. Марка.

Освободившаяся такъ неожиданно Венеція должна была прежде всего подумать о формѣ своего государственнаго существованія. Манинъ отвергалъ всякіе компромиссы съ Австріей и твердо стоялъ на возстановленіи республики.

„Только крикъ: „да здравствуетъ республика!“ можетъ быть понятъ народомъ. Только лозунгъ св. Марка можетъ найти въ немъ отголосокъ!“ —горячо настаивалъ онъ въ совѣтахъ горожанъ.

„Это не значитъ, чтобы мы хотѣли отдѣлиться отъ нашихъ братьевъ, другихъ итальянцевъ; напротивъ, мы образуемъ одинъ

изъ тѣхъ центровъ, которые послужатъ къ постепенному соединенію Италіи въ одно цѣлое!"—пророчески объяснялъ онъ народу.

Венеціанская республика была провозглашена, и Манинъ объявленъ ея президентомъ. Успѣхъ этой невѣроятной революціи, произведенной ничтожною горстью самыхъ скромныхъ людей, чуждыхъ и политики, и военнаго дѣла,—можетъ быть объясненъ только тою внутреннею нравственною гнилью, которою былъ въ корнѣ подточенъ на видъ могущественный государственный организмъ тогдашней Австріи, весь построенный на принципахъ насилія, обмана, несправедливости и недовѣрія. Іезуитская система Меттерниха, въ корнѣ развращавшая людей и народы, блистательно проявила здѣсь свои пагубные плоды во-очію показала, что въ минуты серьезной опасности корыстные слуги деспотизма и лицемѣрія не въ силахъ одушевиться мужествомъ и самоотверженіемъ и выступить непоколебимыми рыцарями долга...

Однако, одно провозглашеніе республики не обезпечивало ничѣмъ будущей судьбы Венеціи, которая должна была готовиться къ вооруженной борьбѣ съ одною изъ сильнѣйшихъ все же державъ Европы. У Венеціи не было ни войска, ни флота, ни казны. И вотъ въ этихъ-то страшно-критическихъ, можно сказать, безнадежныхъ обстоятельствахъ обнаружился по истинѣ трогательный патріотизмъ венеціанскихъ гражданъ и героическая рѣшимость ихъ импровизированнаго вождя, который какъ нарочно носилъ то же имя, какъ и послѣдній дожъ ея, и, казалось, былъ призванъ самою судьбою возродить древнія доблести знаменитыхъ правителей Венеціи, возстановить ея древнія вольности и славу. Безпощадный крушитель уже не перваго народнаго движенія, суровый Радецкій двигался на Венецію съ сорока-тысячнымъ, въ бояхъ закаленнымъ войскомъ, переполняя ужасомъ растерявшихся венеціанцевъ... Ни одна великая держава, ни одно государство Италіи, къ которымъ настойчиво и напрасно взывалъ Манинъ, не обѣщали ему ни малѣйшей помощи. Венеція обречена была въ одиночку дать отпоръ надвигавшемуся могучему врагу. Тогда венеціанцы рѣшились провозгласить свое присоединеніе къ Піемонту. Король сардинскій Карлъ-Альбертъ двинулся съ своимъ войскомъ на австрійцевъ. Но послѣ двухъ-дневнаго мужественнаго боя при Кустоццѣ молодая армія Альберта была на голову разбита Радецкимъ, и злополучный король, которому съ роковою послѣдовательностью не удавалось ни одно изъ его патріотическихъ предпріятій, вынужденъ былъ спасать поспѣшнымъ отступленіемъ жалкіе остатки своего войска, покинувъ на произволъ побѣдителя уже освобожденный-было Миланъ... Венеція была

совершенно покинута Піемонтомъ. Волнуемая отчаяніемъ, толпа провозгласила своего любимца Манина неограниченнымъ правителемъ возстановленной республики. Манинъ предписалъ перечеканить въ монеты всѣ золотыя и серебряныя вещи, принадлежавшія частнымъ лицамъ, объявилъ національный заемъ въ десять милліоновъ лиръ и потребовалъ въ ряды народной арміи всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе; на мундиры для солдатъ сдирали даже сукно съ билліардовъ; жители отдавали имъ свои одежды. Семьдесятъ укрѣпленій были построены съ суши для защиты города; всѣ подступы изъ моря въ лагуны были заперты... Около 20.000 войска, хотя неопытнаго, но горѣвшаго жаждою боя и готоваго умереть за родной городъ, охраняли его окопы. Въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ вылазкахъ противъ обложившихъ Венецію австрійскихъ полковъ эти воины-добровольцы своимъ патріотическимъ пыломъ успѣвали одолѣть привычныхъ къ бою ветерановъ Радецкаго.

Піемонтъ, не покидавшій своей исторической мечты объединить сѣверную Италію подъ скипетромъ сардинскихъ королей, еще разъ попробовалъ выступить на спасеніе Венеціи, и еще разъ вѣчно неудачливый Карлъ-Альбертъ былъ жестоко разбитъ австрійскимъ маршаломъ Гайнау при Новарѣ и въ отчаяніи отказался отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила. Эта новая катастрофа лишала Венецію всякой надежды на помощь родной ей Италіи.

Австрійцы, пользуясь поражающимъ впечатлѣніемъ своей побѣды, разразившейся надъ Венеціей какъ ударъ грома, предлагали республикѣ покориться на самыхъ почетныхъ условіяхъ. Смятеніе умовъ въ Венеціи было неописуемое. Въ засѣданіи учредительнаго собранія Манинъ коротко и просто спросилъ депутатовъ и министровъ:

— Готовы ли вы сопротивляться?

— Готовы!—единодушно отвѣчало собраніе.

— Хотите ли предоставить мнѣ неограниченную власть руководить обороною?

— Хотимъ!—былъ такой же единодушный отвѣтъ.

Началась борьба на жизнь и смерть. Австрійскія ядра, бомбы, гранаты дождемъ осыпали наскоро возведенныя укрѣпленія венеціанцевъ; стѣны рушились, баттареи взлетали на воздухъ, люди падали одинъ за другимъ; но молодые венеціанскіе волонтеры, въ первый разъ испытавшіе ужасы канонады, все-таки стойко и искусно отвѣчали на пальбу врага. Тогда фельдмаршалъ Радец-

кій адресовалъ жителямъ Венеціи воззваніе, требовавшее полной и безусловной покорности.

„Я пришелъ сюда, чтобы въ послѣдній разъ предупредить васъ,—писалъ онъ,—и держу въ одной рукѣ оливковую вѣтвь для васъ, если вы послушаетесь голоса разсудка, а въ другой —мечъ, готовый казнить васъ до совершеннаго истребленія, если вы будете упорствовать на пути, лишающемъ васъ права на милосердіе вашего законнаго государя".

Манинъ и Венеція съ презрѣніемъ отвергли австрійское предложеніе и напрягали послѣднія силы на защиту города. Хлѣба въ немъ уже почти не оставалось, несмотря на большіе запасы, заранѣе сдѣланные Маниномъ; богатые люди ѣли конину, бѣдные—одни овощи. Голодъ начиналъ все чаще заглядывать въ осажденный городъ, запертый австрійцами и съ суши, и съ моря. Холера развивалась тоже съ ужасающею быстротою. Уже все населеніе Венеціи отъ 18 до 55 лѣтъ стояло подъ ружьемъ, и выбывающихъ некѣмъ было замѣнять. А австрійскія баттареи оцѣпляли все тѣснѣе городъ, вынуждая жителей бѣжать въ самые дальніе кварталы. Страшная многодневная бомбардировка разрушила цѣлыхъ двѣ трети города. Мостъ Ріальто лежалъ въ развалинахъ; многіе историческіе палаццо были прострѣлены ядрами какъ рѣшето; драгоцѣнныя статуи, портики, барельефы разлетались въ куски отъ взрывовъ бомбъ; пожары пылали повсюду, цѣлыя улицы обратились въ костры. Послѣдніе пороховые магазины Венеціи на отдаленномъ островкѣ были два раза взорваны рукою невѣдомаго измѣнника.

Взволнованныя народныя толпы скитались по улицамъ, не имѣя пріюта. Среди образованнаго населенія Венеціи давно уже начиналось глухое броженіе, и несмотря на все довѣріе народа къ мужеству и искусству Манина, все яснѣе стала обрисовываться даже и ему самому безцѣльность и невозможность дальнѣйшаго сопротивленія безъ войска, безъ хлѣба, безъ пороха и безъ всякой надежды на помощь Европы.

Собраніе облекло Манина неограниченными полномочіями для переговоровъ о сдачѣ. Когда наступила минута объявить рѣшеніе собранія народу, столько терпѣвшему и не переставшему еще лелѣять розовыя мечты о побѣдѣ и свободѣ, Манинъ, среди страстныхъ рѣчей и рыданій, лишился чувствъ. Толпа тоже рыдала; вопли ея наполняли площадь.

— „И съ такимъ-то народомъ—нужно сдаваться!"—съ горькимъ рыданіемъ воскликнулъ злосчастный народный трибунъ...

24-го августа 1848 года, сокрушенная Венеція сдалась на

волю побѣдителя. Даніилъ Манинъ и другіе главные вожди мимолетной республики, въ числѣ сорока человѣкъ, должны были навсегда удалиться въ изгнаніе...

Многочисленная толпа народа въ безмолвномъ горѣ провожала французскій фрегатъ, на палубѣ котораго, обнаживъ головы на вѣчное прощаніе съ роднымъ городомъ, удалялись на чужбину невольные изгнанники...

Манинъ и умеръ изгнанникомъ, не доживъ до счастливыхъ дней, когда разгромленная пруссаками подъ Садовою Австрія вынуждена была возвратить Италіи ея освобожденную отъ чужеземнаго рабства сѣверную дочь...

На такъ называемой „Славянской набережной“ — „Riva dei Schiavoni“ — тутъ же недалеко, за угломъ дворца Дожей, воздвигнутъ монументъ, художественныя фигуры котораго прекрасно выразили всѣ фазы героической драмы, цѣною которой Венеція добыла свою свободу... Это — памятникъ Виктору-Эммануилу скульптора Феррари. По сторонамъ мраморнаго пьедестала, у ногъ бронзоваго коня, на которомъ король-рыцарь — il Re galantuomo — лихо скачетъ, высоко взмахнувъ саблею, какъ будто во главѣ своей освободительной арміи, — помѣщены двѣ колоссальныя и прекрасныя фигуры Италіи: одна — что позади — печальная, безсильно опустившая руку на закованнаго и пріунывшаго льва, другая — впереди — торжествующая, съ гордо поднятымъ лицомъ, и рядомъ съ ней — грозно рыкающій левъ, разорвавшій цѣпи 1815 года и прикрывшій своею могучею лапою скрижаль своего новаго независимаго политическаго существованія въ объединенной Италіи.

Насъ порядочно раздосадовалъ, а вмѣстѣ и насмѣшилъ своимъ не особенно хитрымъ плутовствомъ одинъ изъ праздношатающихся по площади св. Марка венеціанскихъ гражданъ. Подбѣжалъ онъ къ намъ передъ самыми воротами св. Марка съ предложеніемъ показать и объяснить подробно всѣ замѣчательности собора, и хотя я вообще мало довѣряю подобнымъ добровольцамъ-чичероне, но, чтобы не отвлекать своего вниманія постоянными справками съ Бедэкеромъ, предоставилъ этому индивидууму вести насъ въ соборъ. Повертѣвшись немного въ одномъ изъ придѣловъ, гражданинъ сей заявилъ намъ съ серьезнымъ видомъ, что сейчасъ начинается какая-то важная служба въ центральномъ алтарѣ, почему неловко будетъ осматривать главный храмъ, а

мы можемъ тѣмъ временемъ увидѣть другія интересныя вещи, куда онъ насъ и поведетъ. Воображая, что онъ хочетъ показать намъ со всѣхъ сторонъ наружность собора и какія-нибудь неизвѣстныя мнѣ боковыя его капеллы и памятники, мы спокойно пошли за нимъ; но когда увидѣли, что онъ тащитъ насъ по какимъ-то темнымъ проходцамъ и переулочкамъ черезъ каналъ, что̀ омываетъ сзади соборъ и дворецъ Дожей, и черезъ который перекинутъ знаменитый „Ponte dei Sospiri“, „мостъ Вздоховъ“, —соединяющій упраздненныя старыя темницы дворца съ огромнымъ мрачнымъ зданіемъ современной тюрьмы,—то я сообразилъ, что тутъ какая-то плутня, и сталъ кричать бѣжавшему впереди прыткому чичероне нашему—вернуться сейчасъ назадъ. Но лукавый итальянецъ удиралъ себѣ торопливѣе впередъ, притворяясь, что не слышитъ; и не успѣли мы переступить черезъ мостикъ канала, какъ очутились въ распахнутыхъ дверяхъ большой фабрики венеціанскихъ хрусталей и мозаикъ сеньора Паули. Агентъ фабрики стоялъ уже на порогѣ и приглашалъ насъ самымъ радушнымъ образомъ осмотрѣть фабрику, всучивая намъ билетики на входъ; чичероне же нашъ, сдавъ такимъ ловкимъ образомъ свою добычу съ рукъ на руки агенту фабрики, которая его очевидно высылала для ловли иностранцевъ,—стушевался во мгновеніе ока, даже не пытаясь получить съ насъ что-нибудь за свое путеводительство, несомнѣнно, оплаченное заранѣе фабрикою, такъ что мы нигдѣ не могли найти его потомъ... Дѣлать было нечего, тѣмъ болѣе, что фабрикація венеціанскаго стекла во всякомъ случаѣ была для насъ интересна, хотя я уже посѣщалъ въ прежнее свое путешествіе знаменитую венеціанскую фабрику мозаикъ въ Мурано...

На фабрикѣ Паули—одинъ изъ самыхъ громадныхъ складовъ венеціанскаго хрусталя. Сорокъ-восемь залъ сверху до низу заставлены и обвѣшаны волшебно-изящными произведеніями этого спеціально итальянскаго искусства. Тонкіе какъ папиросная бумага, прозрачные какъ слеза, легкіе какъ воздухъ, иные же массивные и тяжелые какъ свинецъ, вазы, кубки, канделябры, люстры, сосуды всевозможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, золоченые, розовые какъ заря, голубые какъ лазурь неба, неописуемаго вкуса и прелести, наполняютъ собою эти залы, наполняя въ то же время неодолимымъ соблазномъ слабонервныя сердца любителей изящной роскоши. Тутъ же и собраніе высоко-художественной мебели, цѣлыя мастерски подобранныя гостиныя, спальни, столовыя, уборныя, кабинеты... Цѣны этихъ чудныхъ хрусталей и этой артистической мебели сравнительно много до-

ступнѣе нашихъ русскихъ столичныхъ цѣнъ, не говоря уже о качествѣ товара, и если бы не русская осторожная пословица: „за моремъ телушка полушка, да рубль перевозъ“,—то заказы иностранцевъ такъ бы, должно быть, и посыпались. Въ нижнемъ этажѣ фабрики намъ показали самый процессъ производства мелкихъ стеклянныхъ издѣлій и деревянной мозаики. Разумѣется, пришлось расплатиться за непрошенную любезность покупкою нѣсколькихъ мелочей...

На площади св. Марка, кромѣ его прославленныхъ историческихъ реликвій,—собора, дворца, кампанилы,—интересно заглянуть и въ „Прокураціи“, которыхъ главная часть занята королевскимъ дворцомъ. Это—рядъ двадцати-пяти громадныхъ залъ, сверкающихъ безчисленными люстрами стараго венеціанскаго хрусталя неописанной красоты и цѣны, драгоцѣнными венеціанскими зеркалами во всю стѣну, фарфоровыми вазами въ ростъ человѣка, статуями, картинами, коврами... Съ сожалѣніемъ думаешь, что все это богатство, просторъ и роскошь—никому въ сущности не нужны, потому что король Италіи едва ли въ три года разъ посѣтитъ на три дня свою красавицу Венецію и скользнетъ бѣглымъ взглядомъ по всѣмъ этимъ драгоцѣннымъ чудесамъ.

Всего драгоцѣннѣе и интереснѣе въ королевскомъ дворцѣ примыкающая къ нему такъ называемая „Старая библіотека“, „Liberia vecchia“, помѣщенная въ знаменитомъ зданіи Сансовино, этомъ шедеврѣ итальянской архитектуры XVI-го вѣка... Тутъ, кромѣ книжныхъ сокровищъ, сберегаются какъ святыня рѣдкія рукописи Торквато Тассо, Данте, Петрарки, Галилея и другихъ великихъ людей Италіи, множество интереснѣйшихъ древнихъ манускриптовъ съ раззолоченными и раскрашенными миніатюрами VIII, IX и X вѣка, бревьеры и миссалы, украшенные акварелью, извѣстнаго кардинала Бартоломео, основателя этой библіотеки, и между прочимъ первая миніатюрная рукопись „Божественной Комедіи“. А на стѣнахъ и на великолѣпныхъ плафонахъ библіотеки—художественные фрески П. Веронеза, Тинторетта, Молинари, изрядно пострадавшіе скоро послѣ нашего визита при крушеніи колокольни св. Марка.

Прекраснымъ тихимъ утромъ мы безшумно и плавно движемся на своей граціозной гондолѣ по перепутаннымъ водянымъ плетеницамъ каналовъ и канальчиковъ въ знаменитый храмъ „I Frari“. Нервы въ какомъ-то радостномъ спокойствіи, на

душѣ—миръ и счастье; ни пыли, ни шума толпы, ни стука колесъ... Катишься, словно ребенокъ, убаюкиваемый въ покойной колыбели, полулежа на подушкахъ гондолы, по ровной водной дорогѣ, слегка гнущейся своею прозрачно-зеленою упругою влагою—прообразомъ чудныхъ венеціанскихъ зеркалъ и венеціанскаго хрустальнаго искусства, лѣниво любуясь на пестрые двойные ряды домовъ и храмовъ, надвинувшихся надъ каналомъ и опрокинутыхъ внизъ головою въ каналъ. Гондолы тутъ вездѣ, куда ни глянешь. Въ узкихъ канальчикахъ онѣ сидятъ чисто какъ въ засадѣ, отовсюду вылѣзаютъ, пролѣзаютъ, снуютъ, поджидаютъ, отдыхаютъ, какъ птицы въ рѣчной заводи, послѣ кормежки. Тщательная отдѣлка гондолъ, всегда украшенныхъ, по завѣтнымъ преданіямъ старины, эмблемами промысла, рѣзьбою по дереву, мѣдными фигурами тритоновъ и водолеевъ, стальными пластинами змѣиной или птичьей головы,—указываетъ на крѣпко укоренившееся уваженіе народа къ себѣ, къ своему промыслу, къ своему историческому прошлому...

— „Alio!"—то-и-дѣло кричитъ какимъ-то особымъ, характернымъ напѣвомъ нашъ гондольеръ, при каждомъ поворотѣ за уголъ, ловко изворачиваясь незамѣтными нажимами весла между рѣющими стаями этихъ черныхъ водяныхъ птицъ...

Старая церковь францисканскихъ монаховъ Santa Maria dei Frari,—обыкновенно называемая просто „И Фрари",—прямо на берегу одного изъ канальчиковъ. Это одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ, самыхъ обширныхъ и самыхъ замѣчательныхъ историческихъ храмовъ въ числѣ многаго множества замѣчательныхъ, обширныхъ и прекрасныхъ храмовъ Венеціи. Фрари насчитываетъ уже едва не шесть вѣковъ своего существованія и все это время служилъ историческимъ мавзолеемъ своего рода для знаменитыхъ мужей Венеціи.

Гондола наша приблизилась къ берегу, и передъ нами тотчасъ выросла худая, небритая фигура въ характерной шляпѣ и плащѣ итальянскаго пролетарія, съ багромъ въ рукѣ, которымъ онъ живо притянулъ насъ вплотную къ ступенямъ пристани. Это тоже промыселъ своего рода, которымъ бѣдняки набираютъ себѣ нѣсколько десятковъ сантимовъ въ день на стаканъ вина и кусокъ хлѣба. Сеньоръ этотъ будетъ ждать насъ до выхода изъ церкви, кликнетъ, когда нужно, гондольера, расположившагося, въ ожиданіи своихъ пассажировъ, отдыхать или завтракать, и опять поможетъ намъ сѣсть въ гондолу, какъ помогалъ сейчасъ выйти изъ нея. Мѣдная монетка въ десять сантимовъ вполнѣ

удовлетворитъ этого скромнаго гражданина за его добровольческія любезности...

Полураздѣтая дѣвчонка отворяетъ передъ вами дверь въ церковь—и тоже ждетъ пяти или десяти сантимовъ—per buono mano. Босоногій, испачканный мальчишка катится передъ вами колесомъ черезъ голову, тоже съ твердымъ убѣжденіемъ, что вы обязаны бросить ему за это непрошенное акробатическое представленіе если не десять, то хотя пять сантимовъ, такъ какъ вы—signori forestieri, созданные Богомъ единственно для того, чтобы подавать грошики бѣднымъ итальянцамъ.

Внутри, Фрари—колоссальныхъ размѣровъ, колоссальнаго богатства. Вездѣ—чудные мраморы, порфиры, яшмы, вездѣ—роскошная позолота, дивная скульптура, дивная живопись...

Наши храмы, даже тѣ, которые мы считаемъ большими и богатыми, показались бы здѣсь игрушками.

Высочайшія стѣны храма всѣ покрыты, словно панелями, громадными сооруженіями колоннъ, арокъ, гробницъ, статуй, конныхъ и пѣшихъ, щитовъ, арматуръ, гербовъ, цѣлыхъ мраморныхъ группъ, цѣлыхъ мраморныхъ сценъ съ Мадоннами, святыми, ангелами, попами, дожами, рыцарями, а между этими архитектурно-скульптурными памятниками—такія же громадныя картины старинныхъ знаменитыхъ мастеровъ Венеціи: Джіованни Беллини, Тиціана, Сальвьяти, Тинторетта, Порденоне...

Каждый такой мавзолей своего рода обезсмертилъ и показываетъ потомству подлинный образъ выкованныхъ изъ мрамора рѣзцомъ и молотомъ какого-нибудь Сансовино или Бреньо былыхъ владыкъ, героевъ, архипастырей, ибо они спятъ тутъ же на своихъ саркофагахъ, строгіе и неподвижные, художественно выразительные, сидятъ верхомъ на своихъ коняхъ, молятся на колѣняхъ, какъ при жизни...

Огромныхъ матеріальныхъ средствъ стоили эти горделивые мавзолеи; но зато они въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ составляли гордость и утѣшеніе цѣлаго рода, ихъ воздвигшаго, составляютъ и до сихъ поръ гордость и утѣшеніе народа, который обладаетъ такимъ богатствомъ, такимъ искусствомъ, такими сынами...

И какъ хорошо, что всѣ эти колоссальныя сооруженія не загромождаютъ собою храма, а приросли къ стѣнамъ его, какъ его незамѣнимыя украшенія, никому и ничему не мѣшая, отовсюду и всѣмъ видныя для поученія и наслажденія потомства, сообщая самому храму глубоко историческій и патріотическій

смыслъ, какъ хранилищу народныхъ преданій и праха предковъ, какъ наглядному олицетворенію связи древнихъ вѣковъ и древнихъ поколѣній съ новыми.

И подумать, что всѣ эти чудеса искусства, вся смѣлость и мощь замысла и исполненія—осуществлены въ какомъ-нибудь полутемномъ XIV или XV вѣкѣ, а подавляютъ между тѣмъ своею грандіозностью современныя произведенія нашего высокопросвѣщеннаго вѣка. Куда бы, напр., теперешнимъ венеціанцамъ соорудить всѣ эти соборы св. Марка, Фрари, С.-Паоло, всѣ эти палаццо дожей, Фоскари, Ка-д'Оро, всѣ эти безчисленныя полчища чудныхъ статуй и картинъ...

Ни въ чемъ не проявило такъ своихъ силъ и своего генія талантливое и смѣлое племя, счастливая помѣсь славянина съ римляниномъ,—усѣвшееся крѣпче, чѣмъ на скалѣ, на зыбкихъ меляхъ Адріатики,—какъ въ своихъ грандіозныхъ архитектурныхъ сооруженіяхъ, гдѣ драгоцѣнные мраморы громоздились какъ простой кирпичъ или дикій камень, гдѣ ими обростали отъ пяты до макушки, снаружи и снутри всѣ стѣны, выстилались ими неохватныя площади половъ, складывались изъ нихъ гиганты-колонны, вырѣзались алтари, гробницы, легіоны статуй и барельефовъ...

Въ Фрари, какъ и въ другихъ знаменитыхъ храмахъ Венеціи, нѣтъ строгой простоты стиля, нѣтъ той гармоніи линій и тоновъ, того единства мысли, которыми дышутъ готическіе соборы Германіи или византійскіе храмы. Нѣтъ, всѣ здѣшніе храмы—созданіе причудливаго и, такъ сказать, шумнаго художественнаго генія, требовавшаго пестроты, движенія, разнообразія, выливавшаго свою фантазію въ кудреватыхъ и пышныхъ формахъ, стремившагося поразить впечатлѣніе молящихся подавляющимъ обиліемъ подробностей, фантастическимъ нагроможденіемъ образовъ и группъ... Оттого тутъ на каждомъ шагу безчисленные алтари въ разноцвѣтныхъ мраморныхъ колоннадахъ, съ раззолоченными рамами громадныхъ полотенъ; оттого такое множество статуй и барельефовъ у каждой гробницы, такія толпы фигуръ на каждой картинѣ... Это, очевидно, прирожденный вкусъ подвижного, предпріимчиваго и веселаго народа, любящаго шумъ и внѣшній блескъ; это вылилась въ краскахъ и мраморѣ самая душа его, увѣковѣчившись въ нихъ на память потомству.

Самый художественный изъ всѣхъ памятниковъ Фрари—это мавзолей Кановы. Хотя онъ исполненъ руками учениковъ его, талантливыхъ скульпторовъ Мартини, Феррари и другихъ, но

въ сущности это собственная работа Кановы, потому что молодые художники взяли цѣликомъ модели Кановы, изготовленныя имъ для памятника Тиціану. Впрочемъ, кто видѣлъ въ Augustiner Kirche въ Вѣнѣ знаменитый мавзолей Маріи-Христины,—это, можетъ быть, величайшее твореніе Кановы,—тотъ ни на минуту не усомнится въ томъ, кто истинный авторъ его собственнаго надгробнаго памятника въ церкви Фрари. Тутъ тоже бѣломраморная пирамида съ чернымъ гробовымъ входомъ, куда, нагнувшись, готовится вступить исполненная глубокой горести величественная мраморная жена въ широкихъ складкахъ классическихъ одеждъ, съ похоронной урной въ рукахъ, ведя за собою такого же скорбнаго мраморнаго ребенка съ факеломъ; еще нѣсколько бѣломраморныхъ женскихъ фигуръ траурнаго вида слѣдуютъ за ними... Идеально прекрасный стройный юноша съ крылами генія лежитъ въ отчаяніи у дверей гроба, подножіе котораго охраняетъ трогательно-плачущій могучій мраморный левъ св. Марка... Это—цѣлая трагедія въ бѣломраморныхъ статуяхъ, поразительнаго эффекта...

„Princeps sculptorum aetatis suae“, „Князь скульпторовъ вѣка своего“—подписано коротко и выразительно на пьедесталѣ памятника.

Канова былъ венеціанецъ и прожилъ въ Венеціи бо́льшую часть жизни своей.

Мы видѣли, шатаясь по закоулкамъ Венеціи, мраморную доску съ золотыми строками на домѣ, въ которомъ жилъ и умеръ Канова, и въ которомъ теперь помѣщается „Banca Veneta“, недалеко отъ нашего „Hôtel d'Italie“...

Какъ разъ напротивъ памятника Кановы воздымается громоздкая масса мавзолея Тиціана,—этого аристократа-художника,—eques et comes Titianus, какъ написано на его гробницѣ,—съумѣвшаго прожить почти сто лѣтъ и воплотившаго въ свои чудныя полотна столько здоровой и свѣтлой жизнерадостности былого венеціанскаго духа въ самый могучій расцвѣтъ его. Мавзолей Тиціана представляетъ самое неудачное vis-à-vis высокохудожественному памятнику Кановы, классически простому и строгому,—своею искусственною вычурностью, пестротою и нагроможденностью. Тутъ цѣлыхъ два яруса массивныхъ мраморныхъ сооруженій, тутъ цѣлая толпа статуй, и самъ Тиціанъ, сидящій будто на тронѣ, и эмблемы всякихъ искусствъ кругомъ него, и барельефы всѣхъ его знаменитыхъ картинъ на подно-

жіяхъ его торжественнаго сѣдалища,—но все это холодный, бездарный разсчетъ, а не живое, горячее созданіе искренняго генія... Гораздо достойнѣе, по моему, памяти великаго художника картина Витторіо въ одномъ изъ алтарей Фрари, на которой въ образѣ св. Іеронима нарисованъ, какъ увѣряютъ, портретъ девяностовосьмилѣтняго Тиціана...

Какихъ только историческихъ именъ старой Венеціи ни встрѣтите вы среди стѣнныхъ мавзолеевъ Фрари! Тутъ и Марчелло, и Бернардо, и Фоскари, но чаще всѣхъ вы наталкиваетесь на фамиліи Пезаро, Пезаро адмирала, Пезаро епископа, Пезаро дожа... Его роскошный мавзолей, сверкающій золотомъ и дорогими мраморами, поддерживаемый огромными статуями золоченыхъ и мраморныхъ негровъ, тоже производитъ впечатлѣніе излишней нагроможденности, пестроты и безвкусія. Вообще, этотъ древній храмъ былъ чѣмъ-то въ родѣ домашней церкви семейства Пезаро.

Даже главная художественная знаменитость Фрари—запрестольный образъ Богоматери въ центральномъ алтарѣ,—шедѣвръ Тиціана—носитъ названіе Мадонны Пезаро. Въ этой же церкви нѣкогда находилось и величайшее твореніе Тиціана—Успеніе Богородицы (Assomption), перенесенное впослѣдствіи въ академію искусствъ...

Къ церкви Фрари принадлежитъ и прилегающій къ ней упраздненный монастырь францисканскихъ монаховъ, во имя Антонія Падуанскаго, переведенный теперь въ Падую. Въ настоящее время этотъ громадный монастырь обращенъ въ хранилище государственныхъ архивовъ Венеціи. Я не видалъ ничего болѣе грандіознаго въ этомъ родѣ, кромѣ развѣ знаменитыхъ архивовъ Ватикана. Триста-шестьдесятъ огромныхъ залъ, бо́льшею частью широкихъ сводистыхъ корридоровъ, отъ пола до потолка уставлены шкапами и витринами, наполненными толстыми, тяжелыми томами инфоліо въ несокрушимыхъ телячьей кожи переплетахъ, содержимыми въ поразительномъ порядкѣ. Тутъ хранятся документы всевозможнаго рода: крѣпостные, юридическіе, геральдическіе, политическіе, законодательные, дипломатическіе, судебные; множество витринъ съ подлинными папскими буллами, посланіями султановъ, эмировъ, императоровъ; множество другихъ съ автографными письмами и бумагами всевозможныхъ историческихъ дѣятелей, государей всѣхъ странъ и народовъ, великихъ политиковъ, воиновъ, ученыхъ, художниковъ... Всѣхъ документовъ считается здѣсь ни болѣе, ни менѣе какъ

четырнадцать милліоновъ! Это—неоцѣненный кладъ для историковъ, къ тому же всѣмъ легко доступный. Тутъ же школа палеографіи и археологіи, тутъ же удобныя отдѣльныя студіи для ученыхъ, желающихъ заниматься въ архивахъ. Не только разсматривать подробно эти архивы, а только пробѣжать мимолетно всѣ залы—и то устанешь Богъ знаетъ какъ!

Дежурный чиновникъ съ необыкновенною любезностью старался ознакомить насъ съ главными рѣдкостями архивовъ, останавливая насъ то передъ однимъ, то передъ другимъ шкафомъ, вытягивая оттуда замѣчательнѣйшіе документы и усиливаясь объяснить намъ ихъ содержаніе и историческое значеніе на такой варварской смѣси десятка изувѣченныхъ французскихъ словъ съ цѣлымъ потокомъ неподдѣльной итальянщины, что мы, безъ сомнѣнія, поняли бы его гораздо лучше, еслибы онъ говорилъ безъ всякихъ затѣй, просто по-итальянски...

Въ Венеціи слишкомъ много прекрасныхъ храмовъ, интересныхъ въ историческомъ и художественномъ отношеніи, чтобы была возможность говорить о нихъ о всѣхъ. Но я не могу обойти молчаніемъ одной изъ нашихъ поѣздокъ, тоже, конечно, на гондолѣ, и тоже, конечно, по цѣлой сѣти каналовъ и канальчиковъ,—отъ пристани Пьяцетты къ важнѣйшему послѣ св. Марка и древнѣйшему храму Венеціи—San Giovanni e Paolo. Пришлось прежде всего проѣзжать какъ разъ между дворцомъ Дожей и Prigioni, подъ мостъ Вздоховъ, дальше между заднимъ фасадомъ св. Марка и хрустальной фабрикой Паули; а отсюда мы уже попали въ настоящій лабиринтъ внутреннихъ кварталовъ города, разлинованныхъ во всѣхъ направленіяхъ водяными проулочками каналовъ.

Тутъ насмотришься до-сыта на самыя откровенныя мѣстныя сцены, на самыя типическія картины итальянскаго быта, наслушаешься и нанюхаешься чего угодно...

До San Giovanni порядочно далеко, но ѣзда въ гондолѣ не только не утомляетъ, а еще даетъ вамъ отдохнуть и успокоиться отъ слишкомъ живыхъ впечатлѣній.

Громаднѣйшій храмъ стоитъ на небольшой открытой площади, на берегу канала. Около него высокохудожественный бронзовый памятникъ Коллеони, генералу-кондотьери венеціанской республики; храбрый воинъ XV-го вѣка, верхомъ на конѣ, исполненъ удивительнаго выраженія мужества и отваги, невольно заражающаго зрителя. Съ другой стороны собора—огромное зданіе

бывшей Scuola di S.-Marco,—школы св. Марка,—обращенное теперь въ госпиталь, съ необыкновенно изящнымъ и оригинальнымъ фасадомъ работы знаменитаго архитектора XV-го вѣка Ломбарди. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ площадку San Giovanni e Paolo однимъ изъ привлекательныхъ уголковъ прекрасной Венеціи.

San Giovanni e Paolo долгое время служилъ оффиціальнымъ мѣстомъ для погребенія дожей. Войдешь въ него и потеряешься—такъ онъ высокъ, такъ онъ великъ. Обиліе мраморовъ, золота, алтарей, гребницъ, статуй—еще болѣе подавляющее, чѣмъ во Фрари. Но своды и колонны его совсѣмъ голы, и грубые прозаическіе переметы, связывающіе высоко вверху его колонны, видны нараспашку, какъ кости ободраннаго отъ мяса скелета. Можетъ быть, это вызвано пожаромъ, который въ концѣ прошлаго столѣтія почти уничтожилъ драгоцѣнныя картины и скульптуру его сакристіи и, вѣроятно, повредилъ своды самаго собора. Во всякомъ случаѣ, этотъ чернорабочій, неопрятный видъ потолковъ храма рѣзко противорѣчитъ тому впечатлѣнію несчетнаго богатства, роскоши и изящества, какое производитъ на посѣтителя вся его остальная обстановка.

Старые владыки гордой республики, ея знаменитые дожи, спятъ здѣсь многочисленной семьей въ своихъ великолѣпныхъ художественныхъ саркофагахъ, окруженные статуями и картинами еще болѣе нихъ знаменитыхъ артистовъ. Они овладѣли всѣми стѣнами храма, они висятъ надъ его входами и выходами, поднимаются величественными массами другъ надъ другомъ. Они обратили древній храмъ, ведущій свою родословную съ XIII-го вѣка,—въ историческій пантеонъ своего рода, въ одинъ громадный художественный некрополь. Тутъ и дожъ Мочениго, грозный побѣдитель турокъ, соорудившій свою пышную гробницу изъ добычи, отнятой у врага,—„ex hostium manubiis“, какъ гласитъ ея надпись, и Морозини, и Корнаро, и Вендрамини, и десятки другихъ славныхъ именъ Венеціи. Надъ гробницею Брагадина художникъ изобразилъ на память потомству его геройскую мученическую смерть. Онъ такъ отчаянно и упорно защищалъ отъ турокъ, въ эпоху лепантской битвы, крѣпость Фамагосту на принадлежавшемъ тогда Венеціи островѣ Кипрѣ,—что, по взятіи Фамагосты, послѣ кровопролитнаго боя, турки содрали съ него живого кожу.

Художественно хороша грандіозная гробница болѣе новаго времени—семьи Вальеръ, съ цѣлою толпою статуй, съ множествомъ чудныхъ барельефовъ и съ живописно ниспадающею тяжкими складками громадною мраморною порфирою.

Сколько бы вы ни видѣли прекрасныхъ картинъ и статуй въ дворцахъ и храмахъ Венеціи, все-таки вы еще не вполнѣ знаете венеціанскую школу, пока не побываете въ „Academia delle belle Arti". Академія художествъ—на самомъ центральномъ мѣстѣ Canalè Grande, у перекинутаго черезъ него единственнаго желѣзнаго моста. Конечно, и она помѣщается въ бывшемъ монастырѣ, потому что только въ старинныхъ монастыряхъ Венеціи можно было найти достаточно мѣста для учрежденій, требующихъ десятковъ и сотенъ большихъ залъ.

Описывать галереи картинъ и скульптуръ—трудъ совсѣмъ неблагодарный; перо даже самое художественное безсильно замѣнить краски, линій, выраженіе лицъ, теплоту тоновъ... Но, можетъ быть, не безполезно высказать нѣсколько общихъ мыслей, возбужденныхъ во мнѣ созерцаніемъ безчисленнаго множества произведеній венеціанской школы въ залахъ Академіи, въ дворцѣ Дожей, въ цѣломъ рядѣ знаменитыхъ храмовъ Венеціи...

Я вовсе не спеціалистъ въ этихъ вопросахъ, но искренно и давно, съ дѣтскихъ лѣтъ, люблю живопись и видѣлъ на своемъ вѣку, кажется, все, что стоитъ видѣть въ этой области; а главное, я считаю каждаго просвѣщеннаго человѣка, въ томъ числѣ, конечно, и себя, вправѣ имѣть собственное мнѣніе о картинахъ, статуяхъ, музыкѣ, которыя вѣдь и предназначаются для непосредственнаго наслажденія публики, а не для остроумныхъ упражненій надъ ними ученыхъ изслѣдователей. Венеціанская живопись поражаетъ прежде всего нѣкоторою бѣдностью идеализаціи, несмотря на самые идеальные и мистическіе сюжеты множества ея картинъ, и несмотря на прочно утвердившуюся за всею вообще итальянскою живописью временъ Возрожденія репутацію идеальности сравнительно съ реальнымъ и матеріальнымъ направленіемъ нашего современнаго художества. Выборъ мадоннъ, святыхъ и сценъ библейской или евангельской исторіи предметомъ своихъ картинъ еще далеко не ручается за идеальность настроенія художника. Выборъ этотъ въ тѣ времена былъ неизбѣжнымъ, можно сказать, обязательнымъ условіемъ для живописца, во-первыхъ, потому, что бо́льшею частью тогдашніе итальянскіе художники работали по заказамъ для богатыхъ храмовъ и монастырей, для кардиналовъ и папъ, а во-вторыхъ, священное писаніе да классическая миѳологія съ примѣсью анекдотической исторіи древнихъ народовъ были почти исключительными источниками, изъ которыхъ въ тѣ полу-темные еще вѣка, воспитываемые подъ зоркою эгидою церковниковъ, художники и поэты могли черпать свое вдохновеніе. Истинный идеализмъ не

могъ бы совмѣститься уже съ одною заказанностью тогдашнихъ художественныхъ произведеній, а эта заказанность такъ и бьетъ въ глаза отъ громаднаго большинства полотенъ и фресковъ. Условные сюжеты, условныя формы, условныя позы, условныя выраженія лицъ—невольно сообщаютъ однообразный и нѣсколько искусственный, своего рода академическій характеръ живописи того времени. Самая же обработка даже священныхъ сюжетовъ далеко не всегда проникнута небесными идеалами, а чаще всего дышетъ вполнѣ земнымъ, чувственнымъ настроеніемъ, стремящимся воспроизводить яркость красокъ, красоту формъ, тѣлесную силу и энергію.

Какъ ни великъ художественный талантъ мастеровъ того времени, ихъ удивительное знаніе анатоміи человѣка, ихъ необыкновенное умѣнье свободно распоряжаться позами, движеніями и группировкою фигуръ, ихъ тонкое чувство колера и свѣтовыхъ тоновъ, наконецъ ихъ сила экспрессіи, одухотворяющей всѣ эти красочныя изображенія кистью по полотну до выразительности живого существа,—все-таки человѣку современныхъ вкусовъ и требованій они даютъ слишкомъ мало понятнаго ему и интереснаго для него содержанія; живущая въ нихъ идея слишкомъ скудна для современной мысли, слишкомъ тѣсно связана съ полу-дѣтскимъ міросозерцаніемъ, давно пережитымъ человѣчествомъ и потерявшимъ теперь свое былое подавляющее значеніе,—чтобы произведенія даже самыхъ знаменитыхъ мастеровъ XV-го и XVI-го вѣка могли овладѣвать впечатлѣніемъ вашимъ съ тою полнотою наслажденія, какую доставляетъ вамъ глубокосодержательная картина какого-нибудь великаго художника нашего времени, отвѣчающая всѣмъ сложнымъ и тонкимъ душевнымъ запросамъ человѣка, просвѣщеннаго современною наукою и установившаго опредѣленный взглядъ на психологію и исторію человѣчества...

Венеціанская школа мнѣ кажется особенно земною и матеріальною изъ всѣхъ итальянскихъ школъ. Я не говорю о болѣе старинныхъ мастерахъ, подобныхъ Виварини, Карпаччіо, Кривелли, Жакопо Беллини и другихъ, которые еще не успѣли обособиться въ самостоятельную школу и всецѣло находились подъ вліяніемъ падуанскихъ художниковъ, руководимыхъ знаменитымъ флорентинцемъ Джіотто, а позднѣе талантливымъ главою падуанцевъ—Андреемъ Мантеньи.

Въ этихъ раннихъ представителяхъ венеціанскаго искусства и рисунокъ, и краски еще сильно связаны догматичностью худо-

жественныхъ предписаній и довольно строгою еще церковностью взглядовъ, такъ что по ихъ произведеніямъ интересно только прослѣживать постепенно расширявшееся стремленіе къ художественной свободѣ и правдѣ, постепенный переходъ условныхъ чертъ и выраженій средневѣковаго, почти еще монашескаго художественнаго міровоззрѣнія въ гораздо болѣе жизненное и гораздо болѣе мірское искусство эпохи Возрожденія... Но другого значенія, кромѣ чисто-историческаго, картины эти уже не имѣютъ, и доставляютъ такъ же мало положительнаго наслажденія любителю художества, какъ дѣтскія работы какого-нибудь знаменитаго живописца, которыя всегда глубоко поучительны, всегда интересны и даже иногда трогательны, но, конечно, никогда не могутъ имѣть притязанія удовлетворить художественному вкусу взрослыхъ людей.

У Джорджіоне, Чима ди-Конельяно и Пальмы Веккіо (старшаго) уже сильно сказываются тѣ характерныя черты венеціанской школы, которыя нашли свое полное, блестящее выраженіе у главныхъ свѣтилъ этой школы, Тиціана, Джакопо Робусти (Тинторетто) и Паоло Веронеза, а также въ цѣлой плеядѣ талантливыхъ подражателей Тиціана—Себастьянѣ дель-Піомбо, Маркони, Лотто, Порденоне и Парисѣ Бордоне...

Достаточно охарактеризовать однихъ вождей школы, чтобы понять всѣхъ остальныхъ. Достаточно видѣть и знать даже одного Тиціана,—этого безспорнаго главы венеціанской живописи,—чтобы усвоить себѣ полное представленіе о типическихъ особенностяхъ венеціанской школы.

Тиціанъ не только олицетворилъ въ своихъ картинахъ все искусство Венеціи, но и въ своей жизни—всю современную ему венеціанскую жизнь. Тиціанъ былъ самый типическій венеціанецъ, какіе когда-либо существовали. Проживъ безъ двухъ лѣтъ цѣлое столѣтіе, онъ отразилъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ богатыя силы, всѣ достоинства и недостатки, всѣ вкусы и привычки родного народа и родного города. Всю свою долгую жизнь онъ провелъ въ довольствѣ и наслажденіяхъ, не зная ни въ чемъ неудачи, полный здоровья и силы, красивый, умный, окруженный общею любовью и міровою славою, среди безчисленныхъ друзей и почитателей, не переставая работать до гробовой доски надъ любимымъ своимъ искусствомъ, всегда заваленный щедрыми заказами современныхъ меценатовъ... Французскій и польскій короли были его гостями, Филиппъ II испанскій, германскій императоръ, римскій папа Павелъ III, венеціанскіе дожи—считали его своимъ другомъ; онъ былъ рыцаремъ и графомъ; за

его роскошнымъ столомъ пировали красавицы-аристократки, кардиналы, сенаторы, знаменитые писатели и художники, и домъ его былъ полонъ изящныхъ и дорогихъ вещей, собранныхъ со всѣхъ концовъ міра. Вся семья, вся родня его дѣлается живописцами, и онъ живетъ, охваченный кругомъ цѣлымъ моремъ художества, работая съ спокойнымъ и свѣтлымъ чувствомъ вѣчно счастливаго человѣка, ни въ чемъ не нуждающагося, не мучимаго никакими роковыми внутренними вопросами, какіе терзали, напримѣръ, сердце Микель-Анджело,—этого страстнаго страдальца за страданія своего отечества...

„Творчество Тиціана течетъ величаво и спокойно, какъ большая, ничѣмъ неволнуемая рѣка“,—мѣтко выразился о немъ одинъ изъ талантливыхъ художественныхъ критиковъ Франціи.

Эпическая гармонія духа Тиціана со всѣмъ окружающимъ его міромъ, напоминающая великихъ художниковъ античной древности, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ, почему онъ могъ прожить 98 лѣтъ, не бросая своей кисти. Да и въ 98 лѣтъ онъ умеръ чисто случайно, заразившись чумою...

Эта душевная гармонія всецѣло отразилась и на творчествѣ Тиціана, насквозь проникнутомъ свѣтлою радостью жизни, спокойнымъ наслажденіемъ красотою природы и тѣла человѣка, его здоровьемъ и мощью,—блескомъ и пышностью его житейской обстановки...

Такъ же ярко отразилась на характерѣ Тиціановской живописи и его возлюбленная родина—Венеція. Мягкіе, слегка расплывчатые тоны Тиціановской кисти такъ сродны нѣжно-затуманеннымъ теплыми парами горизонтамъ лагунъ, матовымъ переливамъ водъ въ каналахъ и потускнѣвшему блеску дворцовыхъ мраморовъ. Вазари, классическій историкъ итальянской живописи, недаромъ обвинялъ Тиціана, будто тотъ рисовалъ безъ карандаша, безъ строгихъ очертаній линій, прямо красками. Веселая жизнь властительныхъ и самодовольныхъ венеціанскихъ нобилей, знатоковъ искусства, любителей красивой роскоши и беззаботныхъ наслажденій, нашла въ картинахъ Тиціана, Паоло Веронеза и многихъ учениковъ и послѣдователей ихъ свою художественную лѣтопись...

Вѣка суровыхъ гражданскихъ доблестей, вѣка смѣлой борьбы за славу, власть и богатство, поднявшіе маленькую морскую республику на высоту большихъ имперій, прошли, и къ началу XVI-го вѣка,—когда сталъ распускаться самый пышный цвѣтъ венеціанскаго искусства, когда одинъ за другимъ выступали на ея сцену Тиціанъ, Тинторетто, Паоло Веронезе,—разбогатѣвшая

и разбалованная своимъ богатствомъ Венеція съ такимъ же страстнымъ увлеченіемъ предалась проживанію накопленныхъ сокровищъ и накопленной славы, обратившись постепенно изъ воинственнаго и торговаго центра въ веселый городъ шумныхъ развлеченій и празднествъ, въ громадный „клубъ маскарадовъ и куртизанокъ", привлекавшій къ себѣ досужихъ жуировъ цѣлаго міра...

Хотя самымъ главнымъ произведеніемъ Тиціана справедливо считается его „Успеніе" въ академіи искусствъ, но, насмотрѣвшись вдоволь на его картины, вы не усомнитесь, что самыми характерными для него произведеніями служатъ тѣ его картины, гдѣ онъ могъ во всей широтѣ и свободѣ изобразить сквозящее сочнымъ румянцемъ юга хорошо разросшееся, полное молодого здоровья и силы, бѣлое, прекрасное тѣло, которое могло рождаться только на привольныхъ, влагою пропитанныхъ берегахъ венеціанской низины, прорѣзанной сѣтью рѣкъ, оплодотворяемой южнымъ солнцемъ.

Венеры, Данаи, Флоры Тиціана не имѣютъ себѣ равныхъ по очарованію. Даже извѣстный „Христосъ" дрезденской галереи, посрамляющій фарисеевъ (такъ-называемый „Zinnsgroschen"), въ противоположность всѣмъ другимъ итальянскимъ изображеніямъ Христа, смотритъ какимъ-то выхоленнымъ красавцемъ-аристократомъ, съ бѣлыми, нѣжными руками, такъ мало подходящими къ пріемному сыну плотника и другу босоногихъ рыбаковъ.

Въ другихъ своихъ мужскихъ типахъ Тиціанъ возсоздаетъ ширококостныхъ, могучихъ богатырей, съ мускулами атлета, съ мужественною энергіею въ глазахъ, тѣхъ смѣлыхъ воиновъ, моряковъ, лодочниковъ, обожженныхъ солнцемъ, которыхъ онъ видѣлъ кругомъ себя и которыхъ спокойная тѣлесная мощь и здоровая красота восхищала его въ дѣйствительной жизни...

Имъ онъ, конечно, придаетъ имена апостоловъ, святыхъ, миѳологическихъ героевъ, но, въ сущности, это все портреты съ натуры его современниковъ-венеціанцевъ,—художественный культъ вдохновлявшей его тѣлесной красоты...

Тинторетто далеко не такъ хорошъ, какъ Тиціанъ. Тинторетто писалъ такъ невозможно много, такъ невозможно спѣшно, что не имѣлъ времени строго относиться ни къ выбору, ни къ качеству своихъ работъ. Онъ заполнялъ безчисленными созданіями своей кисти цѣлые дворцы, цѣлые храмы, ихъ стѣны, ихъ

потолки и своды. Это была настоящая фабрика живописи, работавшая день и ночь, безъ раздумья бравшаяся за всякія темы, безстрашно населявшая свои полотна полчищами всевозможныхъ фигуръ, во всевозможныхъ позахъ и движеніяхъ, часто изумляющихъ своею смѣлостью и оригинальностью. Но его картины лишены того чарующаго эпическаго спокойствія, той высокохудожественной простоты и того чуднаго колорита, которыми мы восхищаемся въ Тиціанѣ. Кисть Тинторетто—сама буря, мятежный натискъ образовъ и красокъ. „Самый неистовый мозгъ, который когда-нибудь видѣла живопись“,—выразился о немъ Вазари. Зато никто не посвящалъ столько вниманія историческимъ событіямъ и славѣ своего отечества, никто не сохранилъ столькихъ художественныхъ отпечатковъ его былой шумной жизни, какъ Тинторетто...

Паоло Кальяри, прозванный Веронезомъ, по имени своего родного города Вероны,—одинъ изъ характернѣйшихъ представителей венеціанской школы. Это—живописецъ многолюдныхъ процессій, шумныхъ движеній толпы, яркаго блеска и пестроты, пышныхъ одеждъ, богатаго вооруженія, драгоцѣнныхъ камней и парчей, атласовъ и бархатовъ, мѣховъ и ковровъ, страусовыхъ перьевъ, всего того, что ослѣпляло и увлекало современную ему народную массу и что составляло когда-то чуть не ежедневное развлеченіе торговой Венеціи, къ пристанямъ которой стекались въ свое время люди, товары и сокровища изъ Европы, Азіи и Африки...

Хотя Веронезъ рисовалъ не сцены изъ венеціанской жизни, а библейскія и евангельскія исторіи, но онъ, въ своей патріотической наивности, ничто же сумняся, одѣвалъ апостоловъ и Христа, израильтянъ и римлянъ въ одежды современныхъ ему венеціанцевъ, въ береты, капюшоны, колеты и мантіи, уставлялъ ихъ столы посудою, которую отливали на фабрикахъ Мурано, устилалъ ихъ полы коврами, сотканными въ Персіи, и даже окружалъ ихъ пейзажами венеціанскихъ палаццо, кампанилъ и каналовъ...

Въ изображеніи блестящей внѣшней жизни этихъ движеній разнородной толпы, пировъ и процессій Паоло Кальяри достигъ великаго мастерства и правды, хотя картины его лишены болѣе глубокаго содержанія. Онѣ смотрятся съ интересомъ, какъ прекрасная иллюстрація венеціанскаго быта прежнихъ вѣковъ и какъ высоко талантливый шагъ къ реальному изображенію жизненныхъ сценъ.

Венецію нельзя покинуть, не побывавъ на ея дачныхъ островкахъ. Вся огромная „Живая“ лагуна ея усѣяна по серединѣ островками и отдѣлена отъ моря, вѣрнѣе—отъ венеціанскаго залива, цѣлою цѣпью островковъ, защищающихъ ее и самую Венецію отъ морскихъ волненій на подобіе каменной плотины, кое-гдѣ только прорванной узкими проливчиками. Но эти островки для Венеціи въ то же время и крѣпостная стѣна своего рода со стороны моря, потому что самые небольшіе форты могутъ остановить непріятельскій флотъ въ этихъ тѣсныхъ проходахъ.

Лидо, Маломокко, Пелистрина и другіе островки почти всѣ вооружены маленькими крѣпостцами, тянутся верстъ на тридцать, будто раскинутая впереди стана сторожевая цѣпь, отъ городка Бурано на сѣверной оконечности лагуны до древняго города Кіоджія, когда-то соперника Венеціи, на южной оконечности лагуны. Поближе къ Венеціи—еще цѣлый маленькій архипелагъ островковъ, въ ихъ числѣ и Мурано съ своими знаменитыми фабриками, работающими уже шесть вѣковъ, и островъ св. Лазаря, гдѣ пріютился извѣстный армяно-католическій монастырь мехитаристовъ, столько сдѣлавшій для изученія армянской литературы, исторіи и древностей, и усѣянный изящными могильными памятниками маленькій „Островокъ гробницъ“, гдѣ изстари хоронятся венеціанцы...

Въ Лидо пароходы бѣгаютъ съ набережной Скьявоне каждые полчаса и добѣгаютъ туда, за тридцать сантимовъ съ пассажира, въ пятнадцать минутъ. Любители отправляются въ Лидо и на гондолахъ, особенно въ тихую, ясную погоду, и при двухъ гребцахъ могутъ добраться туда тоже не болѣе какъ въ полчаса. Пароходикъ нашъ обогналъ нѣсколько такихъ гондолъ съ дамами и мужчинами, которыхъ, впрочемъ, изрядно покачивало довольно свѣжимъ вѣтеркомъ. По всей лагунѣ разбросаны во множествѣ странные пучки толстѣйшихъ свай, скованныхъ вмѣстѣ крѣпкими желѣзными обручами. Я думалъ-было, что это привязи для кораблей, останавливающихся среди лагуны, но мнѣ объяснили, что этими сваями обнесены частыя мели, которыми полна лагуна и которыя иначе служили бы опасными ловушками для входящихъ въ лагуну судовъ.

Отъ пристани Лидо конка везетъ васъ прямо на противоположную сторону островка—лицезрѣть открытое море. Тамъ—цѣлый маленькій курортъ для морскихъ купаній, удобные отели, кафе и рестораны, хорошенькія виллы, купальни, садики, парки, лавочки съ фотографіями и венеціанскими спеціальностями.

Съ большой террасы ресторана, гдѣ мы завтракали, открывается широкій и далекій видъ на море. Это уже совсѣмъ не лагуна съ ея чуть замѣтною блѣднозеленою зыбью; нѣтъ, тутъ бѣгутъ, хлещутъ и плещутъ настоящія морскія волны, суровыя, темно-синія, съ бѣлыми барашками на гребняхъ, подкидывающія огромные суда и пароходы, какъ орѣховыя скорлупки... Я не видалъ моря со дня своего послѣдняго злополучнаго путешествія изъ Сухума въ Новороссійскъ, и, вспоминая съ жуткимъ чувствомъ пережитыя тогда опасности и мученія, искренно радовался въ душѣ, что намъ не предстоитъ въ настоящую минуту качаться на этихъ нестерпимыхъ морскихъ качеляхъ...

А внизу, у самаго подножія террасы, туристы и туристки бродили по галькамъ прибрежной отмели и покупали у босоногихъ измокшихъ рыбаковъ большія разноцвѣтныя раковины, морскихъ коньковъ и всякіе frutti di mare...

Венеція изумительно хороша и оригинальна, когда вы смотрите на нее со стороны моря, возвращаясь изъ Лидо, и сразу можете охватить съ высоты палубы всю громадную перспективу ея набережныхъ, дворцовъ, соборовъ, колоколенъ, садовъ, островковъ... Въ розово-золотомъ сіяніи наступающаго весенняго вечера она кажется издали какою-то невыразимо изящною драгоцѣнною игрушкою, волшебною декораціею, выдвинутою изъ стихшихъ пучинъ моря невидимою рукою какой-нибудь всесильной феи... Это никогда не забываемое впечатлѣніе прелестнаго города, милаго, мирнаго, вливающаго въ душу тихую радость бытія, само собою уносится сердцемъ вашимъ. Но и голова ваша невольно усиливается дать себѣ отчетъ въ глубокомъ смыслѣ того, что̀ видятъ ваши глаза. Мысль невольно останавливается на изумительныхъ судьбахъ этого крошечнаго племени венетовъ, въ корнѣ своемъ, какъ думаютъ очень солидные ученые, повидимому, той же славянской крови, какъ и вяты, и венды, всѣ одинаково вышедшіе изъ малоазійской венде-линіи,—осѣвшаго, подобно другимъ своимъ славянскимъ сосѣдямъ Истріи и Далмаціи, на пустынныхъ берегахъ и островахъ Адріатики, и тамъ съумѣвшаго создать могучую самобытную республику, тринадцать вѣковъ стоявшую въ передовыхъ рядахъ европейскихъ державъ, смѣлую, сильную, богатую и роскошную...

И ничѣмъ больше нельзя объяснить себѣ этого поразительнаго историческаго явленія, какъ энергическою самодѣятельностью независимаго гражданскаго духа, который въ созданной

имъ тѣсной народной общинѣ видѣлъ свои собственные кровные интересы, осязательно, какъ боли собственнаго тѣла, чувствовалъ всякую общественную выгоду и невыгоду, боролся изъ-за нихъ со всею искренностью и увлеченіемъ, на которыя только способенъ человѣкъ, защищающій себя и свое со всею доступною ему изобрѣтательностью и настойчивостью, которыхъ никто не смѣлъ стѣснять въ свободной общинѣ свободныхъ гражданъ... Напротивъ того, здѣсь самый послѣдній лодочникъ могъ надѣяться на вее, требовать всего, всего достигнуть; здѣсь всякій привыкалъ самъ все рѣшать, самъ судить обо всемъ, выбирать и низлагать, изнутри себя почерпать всѣ силы свои. Такая тѣсная община свободныхъ людей, несмотря на свое сравнительное малолюдство и кажущееся безсиліе, въ сущности была способна развивать громадную силу, потому что она жила всѣми составляющими ее отдѣльными единицами, всею своею народною массою, слѣдовательно, всѣми запасами ума, талантовъ, знанія и энергіи, какія сокрыты въ тайникахъ души народной, а не сдавала, такъ сказать, въ аренду небольшой горсточкѣ наемныхъ или случайно выбранныхъ людей, думающихъ больше о своихъ выгодахъ, чѣмъ общественныхъ,—всѣ интересы и судьбы своей страны...

Въ этомъ заключалась тайна былого процвѣтанія всѣхъ вообще мелкихъ итальянскихъ республикъ и отдѣльныхъ городовъ, въ родѣ Генуи, Милана, Пизы, Флоренціи, оставившихъ по себѣ такой блестящій слѣдъ и въ исторіи политической, и еще болѣе въ исторіи европейской культуры, въ наукахъ, искусствахъ, въ промышленности, торговлѣ и общежитіи...

Евгеній Марковъ.

ІЁРНЪ УЛЬ

ЭСКИЗЪ

— Jörn Uhl. Roman v. Gustav Frenssen. Berl. 902.

I.

Мы будемъ говорить въ этой книгѣ о горѣ и трудѣ. Не о томъ горѣ, какое было у пивовара Яна Торстена, который обѣщалъ угостить своихъ гостей какой-то особенно вкусной рыбой, не могъ сдержать слова, затосковалъ и долженъ былъ уѣхать въ Шлезвигъ. И не о томъ горѣ, какое испыталъ крестьянскій сынъ, съумѣвшій, несмотря на свою глупость, истратить въ четыре недѣли все отцовское состояніе, бросая цѣлыми днями монеты въ прудъ.

Нѣтъ, мы будемъ говорить о томъ горѣ, которое разумѣла старуха Вейсхаръ, говоря о восьмерыхъ своихъ дѣтяхъ: трое изъ нихъ лежали на кладбищѣ, одинъ — въ глубинѣ Сѣвернаго моря, а остальные четверо жили въ Америкѣ, и двое изъ нихъ не писали ей уже много лѣтъ.

И еще о томъ страданіи будемъ мы говорить, на которое жаловался Геертъ Дозе. Черезъ три дня послѣ Гравелотта онъ все еще никакъ не могъ умереть, несмотря на ужасную рану въ спинѣ.

Но хотя мы и собираемся теперь разсказывать въ этой книгѣ о такихъ печальныхъ и грустныхъ — по мнѣнію многихъ—вещахъ, тѣмъ не менѣе, мы приступаемъ радостно, хотя и сжавъ плотно губы и съ серьезнымъ лицомъ, къ выполненію

нашей задачи, ибо надѣемся ясно и наглядно показать, что трудъ и горе описываемыхъ нами людей не были напрасны.

Витенъ Пеннъ, старшая служанка въ Улѣ, сказала, что въ эту зиму соберется въ домѣ много гостей.

— Но удивительно,—прибавила она,—что всѣ пріѣдутъ какъ на большой праздникъ, а уѣдутъ какъ съ похоронъ.

Такъ сказала Витенъ Пеннъ, извѣстная всѣмъ своимъ глубокомысленнымъ, проницательнымъ видомъ.

Клаусъ Уль, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ крестьянъ деревни, расположенной въ низменной, болотистой мѣстности, стоялъ въ жилеткѣ и бѣлой рубахѣ, съ лоснящимся благодушнымъ лицомъ, на порогѣ своего дома, глядѣлъ на дорогу въ ожиданіи гостей и пріятно улыбался при мысли о друзьяхъ, горячей карточной игрѣ, доброй выпивкѣ, шуткахъ и крѣпкихъ словцахъ.

Жена его, маленькая, блѣдная женщина, усѣлась на стулъ возлѣ бѣлой кафельной печки и осматривала издали парадныя, по праздничному убранныя, комнаты. Она ждала пятаго ребенка и очень устала отъ хозяйственныхъ хлопотъ.

Трое старшихъ ея сыновей, уже собиравшіеся скоро конфирмоваться, длинные, нескладные мальчики, съ маленькими гордо посаженными головами и очень свѣтлыми волосами, стояли возлѣ карточнаго стола.

Они взяли лежавшую на столѣ колоду картъ, спорили громко о томъ, какъ надо играть, употребляя иногда грубыя выраженія, вырывали карты изъ рукъ младшаго брата, Ганса, и называли его глупымъ мальчишкой.

Дверь отворилась, и маленькій трехлѣтній Юргенъ подбѣжалъ къ матери.

— Мама, ѣдутъ! Уже повозки видны.

— Мама,—сказалъ Гансъ, желавшій выместить на комъ-нибудь свою обиду:—Іёрнъ совсѣмъ на насъ не похожъ. Весь въ тебя, и лицо такое же длинное, и глаза внизъ.

Мать погладила ребенка по жесткимъ свѣтлымъ волосамъ и проговорила:

— Онъ и такъ для меня хорошъ.

Мальчикъ положилъ руки къ ней на колѣни и сказалъ:

— Послушай, мама,—Гиннеркъ говоритъ, что у меня скоро будетъ малюсенькій братецъ или сестрица. Я хочу сестрицу. А когда она придетъ? Какъ только придетъ, ты сейчасъ же мнѣ скажи.

Двое старшихъ продолжали играть, подталкивали другъ друга и смѣялись.

— Послушай, мама, — сказалъ Гансъ: — рабочій говоритъ, что сегодня ночью лошади что-то очень безпокойны были. Онъ даже всталъ и пошелъ въ конюшню посмотрѣть, что̀ такое, а онѣ стоятъ, поднявъ головы, а въ углу что-то звенитъ, точно кто-нибудь цѣпь по землѣ волочитъ. Ну, конечно, глупая Витенъ объявила: „Это не спроста“. Что̀ бы это могло значить въ самомъ дѣлѣ?

— Ужъ конечно что-нибудь да значитъ!—сказалъ Гиннеркъ и засмѣялся.—Навѣрное, въ конюшнѣ явится новый жеребенокъ, и остальнымъ овса-то поубавится. Понялъ? Вотъ что̀ это значитъ.

Они быстро взглянули на мать и вышли, толкая другъ друга и стараясь удержаться отъ смѣха.

Она осталась вдвоемъ съ маленькимъ Юргеномъ, усѣвшимся рядомъ съ нею.

— Нехорошо,—тихо проговорила она,—если это случается, когда дѣти уже велики и все понимаютъ. Они такіе же грубые, какъ отецъ, и такъ же грубо говорятъ. Не хотятъ пощадить даже и неродившагося еще ребенка.

Она оглядѣла нарядную комнату, снова почувствовала себя совершенно чужою среди всего этого великолѣпія, въ этомъ большомъ шумномъ домѣ, и душа ея упорхнула прочь, перелетѣла черезъ молоденькій лѣсокъ и прилетѣла къ старому дому среди торфяниковъ. Тамъ она чувствовала себя дома. Они жили вчетверомъ подъ длинной соломенной кровлей: отецъ, мать, братъ Тисъ и она.

Отецъ съ матерью были такіе удивительно смѣшные люди. Они дурачились и шутили другъ съ другомъ до самой смерти, никогда грубаго слова другъ другу не сказали и жили, какъ пара ласточекъ веспою. Оба они умерли, а братъ Тисъ жилъ одинъ холостякомъ, за лѣсомъ въ Гезе. У него было такое же маленькое лицо, какъ у отца, и такой же ласковый и смѣшной видъ. А она еще совсѣмъ молоденькой дѣвушкой переселилась на эту болотистую низину съ тучной почвой и стала женой Клауса Уля.

А вотъ сегодня ночью въ конюшнѣ слышали, какъ цѣпи звенѣли...

Стали подъѣзжать повозки: три, четыре, одна за другой. Крѣпкія датскія лошади то поднимали, то опускали головы, и каждый разъ, какъ онѣ ихъ поднимали, отъ нихъ шелъ паръ, и каждый разъ, какъ онѣ ихъ опускали, на нихъ ярко блестѣла въ прозрачномъ воздухѣ серебряная сбруя.

Это пріѣзжала родня Улей, собиравшаяся ежегодно у старшаго въ родѣ на родственный праздникъ.

Клаусъ Уль, съ смѣющимся лицомъ, уже собирался выйти во дворъ, встрѣчать подъѣзжавшихъ гостей, какъ вдругъ со стороны деревни въ ворота въѣхала старомодная гремучая повозка.

— Ахъ!—произнесъ Уль:—это ты, шуринъ?

Тисъ Тиссенъ остановилъ лошадей и засмѣялся.

— Моя упряжка не подъ стать тѣмъ, что подъѣзжаютъ!—сказалъ онъ;—да я и самъ имъ не подъ стать. Я, впрочемъ, скоро уѣду. Купилъ въ деревнѣ пару телятъ, да и заѣхалъ взглянуть на сестру и маленькаго Іёрна.

Онъ соскочилъ съ высокой повозки, осторожно отвелъ лошадей подъ навѣсъ и прошелъ къ сестрѣ. Она сидѣла съ маленькимъ Іёрномъ въ задней комнатѣ и очень обрадовалась брату.

— Поди-ка, сядь сюда къ намъ!—сказала она:—здѣсь мы въ безопасности отъ этихъ Улей!—Она засмѣялась.—Какъ поживаютъ коровы? А вороного запрягалъ? Ну, разсказывай! Мнѣ кажется, что ты привезъ съ собою весь Гезе!

Онъ сталъ отвѣчать ей и разсказывать, и у нихъ завязался тихій, мирный разговоръ, а въ парадныхъ комнатахъ раздавался звонъ посуды, бѣготня и громкіе голоса.

— Ну, пойду взгляну, что дѣлается въ кухнѣ и конюшнѣ,—сказалъ онъ.—Витенъ дастъ мнѣ поѣсть, а работникъ покажетъ телятъ и жеребятъ. Ты оставайся, а Іёрна я съ собой возьму.

Онъ взялъ ребенка за руку и вышелъ.

Въ дверяхъ кухни онъ столкнулся съ маленькимъ плотнымъ мальчикомъ, ударившимся съ разбѣга головой ему въ колѣни.

— А вѣдь это Крей,—сказалъ Тисъ.—Это сейчасъ видно по широкой рыжей головѣ.

— Это Фите Крей,—отвѣчалъ Юргенъ;—онъ всегда со мной играетъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ долженъ и поѣсть съ нами,—сказалъ Тисъ, и присѣлъ къ кухонному столу, куда ему подали тарелку съ мясомъ. Дѣти сѣли по бокамъ его.

— Это твой сынокъ, Трина Крей?—спросилъ Тисъ.

Работница повернула отъ очага свое разгоряченное лицо.

— Да,—отвѣчала она:—это пятый. Всѣхъ ихъ шесть у меня.

— Вполнѣ достаточно, Трина, для рабочаго человѣка, пробавляющагося зимой вязаньемъ метёлокъ и вѣниковъ.

— Да,—проговорила женщина:—еще спасибо твоей сестрѣ, Тисъ Тиссенъ,—она не оставляетъ насъ. А онъ у меня служитъ

будетъ,—прибавила она, кивнувъ головой на сына,—будетъ работникомъ, какъ отецъ, а по зимамъ будетъ вязать метлы.

— Какъ знать?—сказала Витенъ.

— А! Вотъ и Витенъ заговорила!—воскликнулъ Тисъ Тиссенъ.—Смотри, Витенъ, не ошибись! Пророчествуй хорошенько! У него такіе ясные глаза и навѣрное очень сильное воображеніе.

Витенъ Пеннъ бывала обыкновенно сдержанна и молчалива, но съ Тиссеномъ изъ Гезе она любила поболтать, потому что онъ обнаруживалъ ко всему серьезный и живой интересъ.

— Удивительная вещь можетъ случиться съ человѣкомъ,—начала она задумчиво.—Однажды ушелъ одинъ изъ венторфскихъ Креевъ, сынъ одного рабочаго, изъ отцовскаго дома и попалъ къ подземнымъ людямъ, живущимъ подъ соснами въ Гезе. Они нагрузили его всего золотомъ, вывели опять наверхъ, и онъ вернулся въ Венторфъ. Ему казалось, что все это случилось день тому назадъ, но люди сказали ему, что онъ находился въ отсутствіи сорокъ лѣтъ. Ему пришлось имъ повѣрить, потому что, взглянувъ въ зеркало, онъ увидалъ, что весь посѣдѣлъ. Онъ и умеръ вскорѣ вослѣ того. Теодоръ Шторнъ, увѣрявшій всегда, что все лучше знаетъ, чѣмъ я, сказалъ мнѣ тогда: „Этотъ разсказъ вотъ что значитъ: человѣкъ ушелъ на чужбину и среди заботъ весь предался добыванію денегъ, а одумался, пришелъ въ себя и нашелъ покой только когда ужъ вся жизнь прошла“. Но я такъ не думаю. Это просто исторія, случившаяся въ дѣйствительности.

Витенъ замолчала, прислушалась къ чему-то и быстро вышла изъ кухни. Черезъ минуту она вернулась, подошла къ Тринѣ Крей и что-то шепнула ей. Тисъ Тиссенъ испуганно вскочилъ.

— Что такое?—спросилъ онъ.—Витенъ, что случилось?

— Началось...—проговорила она.

Тисъ посмотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами и бросился въ конюшню.

Черезъ двѣ минуты онъ появился снова въ кухнѣ, но уже въ своемъ старомъ коричневатомъ пальто и лисьей шапкѣ съ наушниками, плотно надвинутой на лобъ.

— Ужъ вы обѣ хорошенько позаботьтесь о сестрѣ!—быстро проговорилъ онъ.

— Развѣ ты не подождешь до конца, Тисъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... кланяйтесь ей! Я ужъ заложилъ лошадей, я... я не могу этого видѣть. Всего хорошаго! Всего хорошаго!

Онъ покачалъ головой,—неизвѣстно, къ кому это относилось: къ его сестрѣ, къ нему самому или къ цѣлому свѣту,—и быстро

вышелъ. Онѣ слышали, какъ онъ прошелъ, топая своими тяжелыми сапогами и спотыкаясь, черезъ темныя сѣни.

Хозяинъ и гости напились и наѣлись и сидѣли теперь за карточнымъ столомъ. Три старшихъ сына хозяина стояли за спинами играющихъ и заглядывали въ карты. Къ нимъ иногда благосклонно обращались за совѣтомъ; они кивали съ видомъ пониманія, присоединялись къ общему смѣху и подавали гостямъ пуншъ. Общество становилось все шумнѣе; пошли разсказы, и къ игрѣ стали относиться легкомысленно. Со смѣхомъ и бранью передвигали они по столу значительныя кучки серебряныхъ денегъ. Только очень немногіе были трезвы и сохраняли полное спокойствіе. Это были настоящіе игроки, не хотѣвшіе возвращаться домой съ пустыми руками. Они сидѣли по разнымъ столамъ, по одному, потому что другъ у друга не могли ничего выиграть. Двое изъ нихъ даже заглядывали въ чужія карты, и остальные всѣ знали это, но были слишкомъ добродушны и легкомысленны, чтобы возмущаться.

Серьезныхъ и спокойныхъ разговоровъ никто не велъ. Говорить рѣчи предоставлялось вообще пастору и учителю. Одинъ Клаусъ Уль, побывавшій въ молодости въ гимназіи, любилъ иногда сказать пару вѣскихъ словъ. И теперь онъ всталъ и произнесъ маленькую рѣчь. Началъ съ того, что извинился передъ гостями за жену, которая по болѣзни не могла присутствовать на семейномъ праздникѣ, и закончилъ слѣдующими словами:

— Вы объ этомъ не печальтесь, а старайтесь каждый побольше выиграть, хотя, собственно говоря, по справедливости долженъ былъ бы выиграть я, хозяинъ дома. Вы у меня ѣдите и пьете, и хлѣбосольство мое вамъ извѣстно, а вѣдь я жду пятаго ребенка.

Гости откидывались на спинки стульевъ, хохотали и кричали:

— Хватитъ съ тебя! У тебя земли довольно! Да и денегъ не мало въ шкафу припрятано! Младшему сыну ты долженъ дать образованіе, да, Іёрну... пусть Іёрнъ будетъ ландфогтомъ!

Клаусъ Уль смѣялся и чокался съ гостями.

Августу, старшему сыну, пуншъ бросился въ голову, и онъ безсмысленно ухмылялся. Второй сынъ, Гиннеркъ, тоже охмелѣвшій, побѣжалъ, вытащилъ изъ кроватки маленькаго Юргена и, держа его высоко на рукахъ, возгласилъ:

— Вотъ онъ, ландфогтъ!

Ему хотѣлось посмѣяться надъ младшимъ братомъ и насмѣ-

шить гостей, но всѣ они шумно поднялись и единогласно заявили:

— Какой славный мальчуганъ!

Ребенокъ, неожиданно разбуженный, проводилъ рукой по маленькому заспанному лицу и съ изумленіемъ оглядывался. Коротко остриженные бѣлокурые жесткіе волосы стояли у него щеточкой вокругъ лба.

— Когда-нибудь онъ будетъ нашимъ ландфогтомъ!—закричали гости.—Да здравствуетъ ландфогтъ!

Третій сынъ, Гансъ, съ заспаннымъ, надутымъ лицомъ, вошелъ въ комнату со двора и, подойдя къ отцу, сказалъ:

— Ты бы пошелъ къ матери.

Уль не обратилъ вниманія на эти слова, и мальчикъ вышелъ лѣнивой походкой и съ равнодушнымъ видомъ.

— Мои гости правы,—сказалъ Клаусъ Уль и оглядѣлъ всѣхъ умными, смѣющимися глазами.—Конечно, я могу купить дворы всѣмъ своимъ сыновьямъ и сдѣлать ихъ хозяевами; но я настолько-то знакомъ съ образованіемъ и достаточно нанюхался латыни, чтобы понимать, что знаніе—выше всего. Мы, крестьяне, имѣемъ право ждать и требовать, чтобы нами управлялъ одинъ изъ нашихъ; а если мы можемъ этого требовать, то изъ какого же другого рода, какъ не изъ рода Улей, слѣдовало бы выбрать ландрата!

Дверь снова отворилась. Снова появился Гансъ. Онъ остановился на порогѣ и произнесъ громко, такъ, чтобы его могли разслышать сквозь стоявшій въ комнатѣ шумъ:

— Отецъ! Мать говоритъ, что ты долженъ къ ней придти.

— Оставь меня въ покоѣ!.. Потомъ!.. Молодость у него будетъ легкая, денегъ всегда вволю: онъ будетъ уменъ и красивъ, иначе онъ не былъ бы моимъ сыномъ. Къ жизни онъ будетъ относиться такъ же легко, какъ я. Заботъ знать не будетъ. Ну-ка, чокнемся за ландфогта! Да здравствуетъ Іёрнъ Уль!

— Да здравствуетъ ландфогтъ!

— Отецъ! Женщина, которая матери помогаетъ, говоритъ, чтобы мы приготовили повозку.

Эти слова, наконецъ, подѣйствовали.

— Лошадей?.. Зачѣмъ?..

— Развѣ неблагополучно?

— Въ такомъ случаѣ бросимъ карты. Ужъ двѣнадцатый часъ.

— Идемъ, я ухожу.

— И я также.

— Останьтесь!—сказалъ Клаусъ Уль:—это все бабьи страхи.

— Нѣтъ ужъ... Нѣтъ, ужъ мы пойдемъ.

Они стали уходить. Нѣкоторые продолжали разговаривать объ игрѣ и жалѣли, что она была такъ неожиданно прервана.

— Я еще зайду въ трактиръ немного.

— Я тоже. Знаете что! Пойдемте всѣ пѣшкомъ, а лошади пусть за нами ѣдутъ.

— Мнѣ жаль,—сказалъ Клаусъ Уль,—что я не могу пойти съ вами.

— Если ты съ нами пойдешь, то мы навѣрное раньше утра домой не вернемся.

— Пойдемъ! У тебя довольно въ домѣ народу.

Только одинъ изъ гостей подошелъ къ нему, пожалъ ему руку и сказалъ:

— Нѣтъ, не ходи съ нами, а оставайся-ка лучше со своею женой.

Онъ пошелъ къ своей женѣ, и увидалъ, что она чувствовала себя недурно, что явилась надежда, что можно будетъ обойтись безъ доктора, и опять вернулся въ сѣни и сталъ прислушиваться, высунувъ голову въ еще незапертую дверь.

Въ тишинѣ ночи донесся до него чей-то громкій окрикъ и чей-то смѣющійся отвѣтъ. Еще разъ медленно прошелъ онъ въ глубину обширныхъ сѣней, и опять вернулся къ двери. Потомъ снялъ шапку съ гвоздя. Какъ будто какой-то сильный человѣкъ схватилъ его за плечо и потащилъ.

Онъ вышелъ изъ дверей и пошелъ догонять гостей. Верхняго платья онъ никогда не надѣвалъ, когда ходилъ пѣшкомъ; въ немъ было столько жизненной силы и собственнаго жара, что въ тепломъ платьѣ онъ не нуждался.

Вскорѣ послѣ этого Августъ и Гинрихъ прошли въ людскую съ большой чашкою пунша. Они обыкновенно разыгрывали изъ себя господъ и вѣчно бранились и ссорились съ прислугой и рабочими, но въ этотъ день они были великодушно настроены.

Старшій рабочій вошелъ въ кухню, тяжело опустился на стулъ и выпилъ стаканъ пунша, предложенный ему мальчиками. Вслѣдъ за нимъ появилась младшая работница, молодая, обыкновенно очень веселая дѣвушка, но въ эту минуту лицо у нея было разстроенное, а глаза расширены отъ непобѣдимаго, женскаго страха.

— Правда, Дитрихъ, что вчера ночью лошади безпокоились и стучали въ конюшнѣ?—спросила она.

Старшій работникъ утвердительно кивнулъ головой.

— Я тутъ ни при чемъ, Юля,—отвѣчалъ онъ.—Я слышалъ стукъ, а что это значитъ—не знаю.

— Съ Витенъ просто ничего не подѣлаешь,—снова заговорила дѣвушка: — въ лицѣ у нея—ни кровинки, словно покойница, и все твердитъ, что нынче ночью случится несчастье. Я не хочу здѣсь больше оставаться, ни единаго часа не выживу въ домѣ, если что недоброе приключится.

Она всею тяжестью опустилась на скамейку, придерживаясь за край стола, чтобы не упасть—такъ дрожали у нея колѣни.

— Эхъ, ты!—произнесъ Гинрихъ:—брось ты эти разговоры! Будемъ ѣсть, пить и веселиться,—завтра пожалуй помремъ.

И онъ протянулъ ей стаканъ пунша.

— Покорно благодаримъ!—сказала дѣвушка:—не надо мнѣ ни васъ, ни вашего пунша.

Августъ поднялъ отяжелѣвшую голову.

— Не смѣть разговаривать! я—хозяинъ!

— Не хозяинъ ты, а глупый мальчишка.

— Я—глупый мальчишка! Погоди же, ты мнѣ за это заплатишь!...

Но Юля, не обращая вниманія на эту угрозу, обратилась къ старшему работнику:

— Что тебѣ Витенъ еще разсказывала, Дитрихъ? Она какіе-то огни видѣла? Правда это?

Она смотрѣла на работника испуганными, широко раскрытыми глазами. Онъ нахмурился. Къ Витенъ онъ былъ неравнодушенъ и хотѣлъ на ней жениться, и ему было обидно, когда говорили, что у нея есть способность предчувствовать заранѣе близкое несчастье.

— Что такое она видѣла?—второй разъ спросила дѣвушка, чувствуя, что ей сдѣлается еще страшнѣе, но что ее все-таки такъ и тянетъ къ этому ужасу.

— Когда она, недѣлю тому назадъ, шла вечеромъ сюда изъ деревни, то увидала, что въ главной комнатѣ—свѣтъ. Только огни стояли не какъ обыкновенно, когда они въ карты играютъ, а гораздо выше, какъ ставятъ свѣчи вокругъ гроба, и свѣтъ былъ красноватый. Она не рѣшилась заглянуть въ комнату...

Внезапно отворилась дверь. Юля вскочила и вскрикнула. Много лѣтъ спустя, уже бывши матерью многочисленнаго семейства, она увѣряла, что обязана своей постоянной болью въ спинѣ именно Тринѣ Крей, такъ неожиданно отворившей дверь и явившейся, какъ привидѣніе, во время страшнаго разсказа.

— Дитрихъ,—быстро заговорила Трина,—запрягай скорѣй! Поѣзжай за докторомъ!

— Убирайся ты отъ насъ!—крикнулъ Гинрихъ.—И ты, и твой мальчишка—долой съ нашего двора!—И онъ толкнулъ маленькаго Фите, спавшаго положивъ голову на столъ.

— За самой бѣдной женщиной въ округѣ больше присмотра, чѣмъ за вашей матерью,—съ горечью произнесла Трина.

Старшій работникъ уже вышелъ изъ людской. За нимъ, дрожа, послѣдовала Юля.

По всему дому началась бѣготня. Въ кухнѣ опять развели огонь. Въ обширныхъ сѣняхъ свѣтъ фонаря двигался то туда, то сюда, точно большая красная птица, въ дикомъ страхѣ ищущая выхода. Лошади въ конюшнѣ безпокойно погромыхивали цѣпями. Наконецъ, распахнулись большія ворота, и повозка помчалась въ снѣжную ночь.

Больная безпокойно двигала головой изъ стороны въ сторону, прислушивалась и спрашивала, не пришелъ ли мужъ.

— Чужіе люди должны мнѣ помогать!.. Что, дѣти спятъ?.. Они приносили туда, въ комнату, маленькаго Юргена?.. Говорили, что онъ долженъ сдѣлаться ландфогтомъ?.. Онъ долженъ сдѣлаться дѣльнымъ, трезвымъ человѣкомъ. Не все ли равно—ландфогтъ или рабочій...

Трое старшихъ дѣтей явились у нея, какъ нежеланные подарки отъ мужа, и изъ нихъ вышли мальчики по его образцу. Потомъ прошло десять лѣтъ, и за это время она успѣла отойти отъ него и стать самостоятельнѣе. Мало-по-малу она перестала смотрѣть на жизнь и на весь міръ глазами своего мужа, этого большого человѣка, говорившаго такъ громко и такъ грубо. Сначала неувѣренно и медленно, но потомъ все яснѣе развивалось въ ней сознаніе, что ея собственный внутренній міръ и міровоззрѣніе были гораздо прекраснѣе, яснѣе и чище, чѣмъ внутренній міръ и міровоззрѣніе ея мужа. Четверо людей, жившихъ когда-то за Гезе, въ мирномъ домѣ на торфяникѣ, были счастливы, чисты и мудры; а люди, жившіе въ Улѣ, всѣ сбились съ пути и погибали. Помѣшать этому она не могла. Она дала слишкомъ усилиться человѣку, котораго судьба поставила рядомъ съ нею,—онъ забралъ слишкомъ много власти. Она уже не въ состояніи была измѣнить своихъ собственныхъ троихъ дѣтей, переросшихъ ее на голову. Но и ей была оказана справедливость. Она родила еще разъ маленькаго, бѣленькаго мальчика и могла тихо, счастливо и съ гордостью улыбаться, когда ея мужъ,

глядя на ребенка, говорилъ: „Этотъ не похожъ на первыхъ трехъ, этотъ—въ тебя, это—Тиссенъ".

И то, что̀ должно было сегодня явиться на свѣтъ, она отлично знала, это тоже былъ Тиссенъ. Но Тиссенамъ тяжело бываетъ жить на свѣтѣ. Они—слишкомъ вдумчивый народъ. И поэтому она позвала къ себѣ Витенъ.

Дѣвушка подошла къ ней совсѣмъ близко.

— Витенъ, я долго буду болѣть, а можетъ быть, и не встану больше. Еслибы ты осталась въ домѣ... Мнѣ кажется, и для тебя будетъ лучше, если ты не выйдешь замужъ. О старшихъ не заботься,—тебѣ, все равно, съ ними не справиться. Ты только побереги мнѣ маленькихъ. Скажи моему мужу, что я тебя просила объ этомъ, и чтобъ онъ позволилъ тебѣ распоряжаться младшими по твоему усмотрѣнію.

Витенъ ожидала всего на свѣтѣ, только не такой просьбы. Ни единый человѣкъ, да и она сама не знаетъ, съ какимъ могучимъ усиліемъ воли она такъ быстро и не колеблясь отказалась отъ всего своего будущаго личнаго счастья.

— Я позабочусь о дѣтяхъ, — сказала она: — это такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь стою. Ужъ вы можете на меня положиться, фрау Уль.

Она вернулась въ кухню и остановилась безмолвно и неподвижно у печки.

Сзади къ ней подошелъ Дитрихъ и произнесъ свойственнымъ ему прямодушнымъ и немного грубоватымъ тономъ:

— Не стоять же тебѣ всю ночь у огня. Пойдемъ въ людскую.

Но она покачала головой.

— Все равно, Дитрихъ, у насъ съ тобою ничего не выйдетъ,—оставь меня лучше и дай мнѣ идти моей дорогой.

Тогда онъ на цыпочкахъ, какъ и вошелъ, вышелъ изъ кухни и еще долго покачивалъ головой. Онъ скоро утѣшился, но всю жизнь оставался холостякомъ.

У подъѣзда застучалъ экипажъ. Докторъ прошелъ черезъ сѣни, осмотрѣлъ больную и приготовилъ все необходимое. Еще разъ вышелъ онъ въ кухню и спросилъ, гдѣ мужъ.

— Въ трактирѣ,—отвѣчала Трина Крей,—въ карты играетъ. Мы ужъ два раза за нимъ посылали, да онъ все не идетъ.

Докторъ посмотрѣлъ на нее выразительно и произнесъ по адресу отсутствующаго нѣсколько словъ; все это были названія низменныхъ животныхъ. Клауса Уля, этого большого, гордаго и вѣчно веселаго человѣка, еще никто никогда такъ не называлъ.

Потомъ докторъ написалъ записку и послалъ съ нею младшую работницу въ трактиръ, прибавивъ:

— Бѣги живѣе!

Накидывая на-скоро платокъ на плечи, Юля въ полутемныхъ сѣняхъ разобрала на записке слово: „операція“.

Тогда она бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ, дрожа и плача, и все оглядывалась назадъ, какъ будто за нею гнались злые духи.

Къ утру все было кончено.

Рабочіе, молча, съ блѣдными лицами возились возлѣ взмыленныхъ лошадей. Витенъ Пеннъ стояла у печки, держась рукой за голову, смотрѣла въ самое пламя и видѣла только расплывающіяся огненныя пятна, потому что глаза ея были полны слезъ. Юля сидѣла на скамейкѣ у колодца, не шелохнувшись, боялась Витенъ и каждаго темнаго угла въ домѣ, а всего больше боялась маленькой, тихой покойницы.

Докторъ сказалъ Улю:

— Еслибы меня позвали часомъ раньше, то я, вѣроятно, могъ бы помочь. Почему меня не позвали раньше?

Тогда Клаусъ Уль заскрежеталъ зубами и закричалъ какъ звѣрь. Потомъ упалъ на полъ передъ кроватью жены и завопилъ:

— Мать! Мать!

Какъ женщина, она всегда мало для него значила, и въ этомъ словѣ „мать“ выразился весь его страхъ за дѣтей.

Въ сосѣдней комнатѣ стояла Витенъ съ новорожденной на рукахъ.

— Маленькая, но крѣпенькая дѣвочка, — сказала Трина Крей,—и сейчасъ видно, что лицомъ она—вылитая мать. Даже и волосики у нея такіе же темные.

— Она что-то не плачетъ, — замѣтила Витенъ: — ужъ не умерла ли?

— Дай-ка мнѣ ее сюда! — и Трина Крей взяла дѣвочку, повертѣла ее въ рукахъ и дала ей два или три шлепка ладонью.

Ребенокъ закричалъ.

— Положимъ ее въ мою постель? — сказала Витенъ. — Я протопила комнату. Іёрнъ тамъ спитъ уже.

И въ самомъ дѣлѣ, мальчикъ спокойно спалъ, свернувшись клубочкомъ, какъ ужъ. Лица почти не было видно,—виднѣлась только голова съ вихрами свѣтлыхъ волосъ. Рядомъ съ нимъ ле-

жалъ, одѣтый, Фите Крей. Онъ отодвинулъ немного одѣяло и устроился очень уютно.

— Соня-то мой!—сказала Трина Крей:—это онъ, значитъ, здѣсь остался!

— Оставь его, пусть лежитъ!—возразила Витенъ.—Я положу дѣвочку съ другого края.

Такимъ образомъ, дѣти проспали эту ночь въ одной постели, мальчики—рядомъ, а дѣвочка—у нихъ въ ногахъ.

II.

Маленькаго, вихрастаго мальчика звали Юргеномъ, а маленькую дѣвочку—Эльзабе. Такъ они были записаны пасторомъ въ метрической книгѣ; но книги пишутся, обыкновенно, на южно-германскомъ нарѣчіи, а простой народъ въ общежитіи пользуется нижне-саксонскимъ,—и всѣ привыкли звать мальчика Іёрномъ, а дѣвочку—Эльзбе, и подъ этими именами ихъ знаютъ и до сихъ поръ.

Родительскій домъ представляется маленькому Іёрну Улю безконечно большимъ. Когда онъ стоитъ въ обширныхъ сѣняхъ или неувѣренно переступаетъ въ полумракѣ амбара, то ему повсюду представляются зіяющія темныя пространства, и онъ не вѣритъ, что они гдѣ-то кончаются. Въ сѣняхъ заключается для мальчика цѣлый міръ.

Кругомъ двигаются взрослые люди. Они то входятъ, то выходятъ изъ дверей. Руки ихъ вѣчно заняты какой-нибудь странной работой, видъ у нихъ всегда самый серьезный. Они не кричатъ, не бѣгаютъ и не плачутъ. Все это удивительно, и Іёрнъ ясно видитъ, что никто не похожъ на него самого, кромѣ бѣлаго шпица, повсюду сопровождающаго мальчика въ этомъ огромномъ пространствѣ. Этотъ шпицъ—совсѣмъ какъ онъ. Они вмѣстѣ ѣдятъ, вмѣстѣ спятъ и даже, по субботамъ, вечеромъ, Витенъ ихъ тоже вмѣстѣ моетъ въ одной лоханкѣ, погружая въ воду до самыхъ ушей.

Рѣшительно, они оба совсѣмъ другіе, чѣмъ всѣ остальные, и у нихъ все общее, и думаютъ они о лошадяхъ, о людяхъ и о коровахъ тоже одинаково. Они очень похожи другъ на друга.

Однажды имъ обоимъ представился великолѣпный случай повеселиться. На дворѣ жеребенокъ, возлѣ своей матки, щипалъ траву. Что кобылица принадлежала къ удивительнымъ, серьезнымъ и непонятнымъ существамъ, это было видно съ пер-

ваго взгляда, и въ жеребенкѣ имъ сразу почуялось что-то родственное. Но когда шпицъ подошелъ поближе къ жеребенку, то случилось что-то странное. Жеребенокъ вдругъ лягнулъ—и какъ еще лягнулъ! Мальчикъ и шпицъ оба, съ воемъ, бросились въ амбаръ. Спрятавшись за дверью, они выглядывали оттуда и оба опасливо косились на жеребенка. Шпицъ при этомъ визжалъ, а Іёрнъ тоже издавалъ какіе-то звуки, очень похожіе на собачій визгъ.

Среди окружающихъ, у Іёрна не было человѣка, способнаго объяснять ему различныя явленія. Витенъ была слишкомъ занята, а у другихъ не было никакой охоты заниматься мальчикомъ. И это, пожалуй, было даже къ лучшему.

Но, вотъ, случилось событіе, неожиданнымъ образомъ повліявшее на отношенія Іёрна къ шпицу.

До этого знаменательнаго событія шпицъ и мальчикъ имѣли обыкновеніе по нѣскольку разъ въ день забѣгать въ заднюю комнату, гдѣ помѣщалась маленькая дѣвочка. Дѣвочка лежала въ люлькѣ или же сидѣла на стулѣ. Мальчикъ и шпицъ ходили вокругъ нея, съ любопытствомъ разглядывали дѣвочку и опять убѣгали, уже нисколько не заботясь о ея дальнѣйшемъ существованіи. Но въ одинъ прекрасный лѣтній день, когда мальчикъ со шпицемъ возвращались изъ лѣса, маленькая дѣвочка стояла уже на дворѣ, у кухонныхъ дверей, и смотрѣла большими боязливыми глазами на окружающее. Никогда еще въ жизни Іёрнъ и шпицъ не были поражены до такой степени. Вотъ удивительная-то вещь! Они взяли маленькое существо въ середину между собой и отправились всѣ вмѣстѣ на дорогу, изрытую колеями, наполненными чудесной глинистой водой. Тамъ они втроемъ стали копать канавки и строить плотины.

Съ этого дня шпицъ уже потерялъ свое значеніе. Іёрнъ цѣлыми днями игралъ съ маленькой дѣвочкой, и шпицъ изъ товарища обратился въ игрушку.

Маленькая дѣвочка знакомилась съ окружающимъ быстрѣе мальчика. Мальчикъ имѣлъ руководителемъ шпица, и этотъ руководитель въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывался довольно ненадежнымъ и несвѣдущимъ; маленькая же дѣвочка имѣла руководителемъ брата. Онъ зналъ и умѣлъ рѣшительно все. Онъ водилъ ее по всему дому, въ пекарню, и въ амбаръ, и на дорожку къ лѣсу, гдѣ бѣгали телята.

— Послушай, — сказала какъ-то разъ дѣвочка брату: — не знаешь ли ты, почему это у насъ нѣтъ мамы? Вѣдь у всѣхъ

дѣтей есть мамы,—у всѣхъ, кромѣ насъ... Скажи-ка мнѣ, Іёрнъ, что дѣлаютъ мамы?

— Какъ это—„что дѣлаютъ“?

— Ну, да. Что дѣлаютъ онѣ со своими дѣтьми?

— Да такъ, что придется... Ну, вотъ, напримѣръ, возьметъ это мать ребенка на руки и укачиваетъ его, ласкаетъ и говоритъ:—„Ахъ, ты мой маленькій! Ахъ, ты мой глупенькій!“—И еще что-нибудь въ родѣ этого. Еще вчера я видѣлъ такую маму, когда относилъ въ починку сапоги Геннерка.

— Мамы никогда не должны умирать,—проговорила Эльзбе.

— Онѣ и не умираютъ обыкновенно. Это случается только тогда, когда за ними не досмотрятъ.

— Кто же не досмотрѣлъ за нашей?

— Отецъ не досмотрѣлъ! Ну, и другіе тоже не досмотрѣли. Въ домѣ тогда было много людей, но всѣ они ѣли и думали только объ одной ѣдѣ.

— И отецъ тоже?

— Да.

— Ты все это навѣрное знаешь?

— Да, навѣрное. Мнѣ сказалъ Фите Крей.

Эльзбе топнула ногой. Она была такъ взволнована, что съ трудомъ выговаривала слова.

— Зн... знаешь ты это навѣрное? Совсѣмъ навѣрное? Ну, вотъ такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь стою?

— Да, знаю.

— Но отчего же они за ней не досмотрѣли?

Іёрнъ спрыгнулъ съ кочки, на которой стоялъ, и проговорилъ громко, но отвернувшись:

— Потому что всѣ они были тогда пьяны.

Они оба не совсѣмъ ясно понимали, что значитъ „быть пьянымъ“, но, чувствуя инстинктивно, что за этимъ словомъ скрывается что-то ужасное, не рѣшились продолжать разговоръ.

— А знаешь что,—началъ, помолчавъ, Іёрнъ,—знаешь что? Сегодня вечеромъ, когда Витенъ придетъ къ намъ въ комнату, мы оба въ одинъ голосъ скажемъ ей: „мама Пеннъ“!

— Отлично!.. А когда придетъ Фите Крей, мы скажемъ: „папа Крей“!

И оба, весело разсмѣявшись, пустились по дорожкѣ къ лѣсу.

Они подростали, и теперь по вечерамъ для нихъ начиналась новая жизнь. Послѣ ужина ихъ уже не укладывали сразу спать, а они еще часа два сидѣли въ комнатѣ Витенъ.

Обыкновенно, съ одной стороны четыреугольнаго стола сидѣла сама Витенъ, съ двухъ другихъ—помѣщались дѣти, а четвертая сторона предназначалась для Фите Крея. Но иногда его мѣсто долго оставалось пустымъ. Это бывало въ тѣ дни, когда Фите ходилъ продавать вѣники, метлы и скребницы. Зимой онъ возвращался изъ этихъ странствованій сильно продрогшимъ, а лѣтомъ—очень усталымъ, но самъ мало обращалъ на это вниманія.

Обыкновенно, Витенъ сидѣла за столомъ передъ цѣлымъ ворохомъ чулокъ и бѣлья для штопки. По серединѣ стола стояла лампа. На мѣстѣ Фите Крей лежалъ большой ломоть хлѣба съ кускомъ сала. Фите Крей съ жадностью набрасывался на ѣду. Іёрнъ Уль запомнилъ на цѣлую жизнь, съ какой стремительностью худыя, озябшія и не всегда чистыя руки мальчика хватались за приготовленный для него кусокъ.

Иногда дверь неожиданно отворялась, и въ комнату входилъ одинъ изъ старшихъ братьевъ.

— Фите, иди играть въ карты. Намъ не хватаетъ четвертаго.

— Нѣтъ, нѣтъ!—начинали тогда кричать въ одинъ голосъ Іёрнъ и Эльзбе, и оба крѣпко держали Фите, чтобы онъ не ушелъ отъ нихъ.

Тогда Гансъ, подойдя къ столу, произносилъ угрожающимъ тономъ:—Если ты не пойдешь, я скажу отцу, что каждый вечеръ ты наѣдаешься здѣсь до отвала. Твое мѣсто—въ людской!

— Убирайся-ка вонъ! — раздавался тогда голосъ Витенъ. И строго глядя черезъ очки на долговязаго, нескладнаго и глуповатаго малаго, она указывала ему на дверь.

— Здѣсь я хозяйка!—прибавляла она.—И запомни хорошенько вотъ что: если ты еще разъ заглянешь къ намъ, я скажу отцу, гдѣ пропадалъ ты прошлую ночь.

Онъ смѣялся въ отвѣтъ на ея слова и съ бранью уходилъ изъ комнаты. Послѣ его ухода, никто уже не нарушалъ ихъ мирнаго настроенія.

— А вотъ теперь Фите долженъ разсказать намъ все, что съ нимъ случилось,—говорилъ Іёрнъ.

— Нѣтъ,—съ важностью возражала дѣвочка:—первая будетъ разсказывать Витенъ, потомъ я, а потомъ уже Фите.

— Ну, пускай будетъ такъ.

Витенъ рылась въ лоскуткахъ и клубкахъ, отрывала нитку, вдѣвала ее въ иголку и принималась штопать дыру на чулкѣ, разсказывая при этомъ какую-нибудь исторію. Чаще всего главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ея разсказахъ являлся чортъ.

Фите Крей и маленькая Эльзбе сидѣли тихо и неподвижно, и глаза ихъ ни на минуту не отрывались отъ Витенъ. Іёрнъ слушалъ довольно разсѣянно. Онъ старался изо всѣхъ силъ поставить одинъ на другой два клубка шерсти, и вздохнулъ громко съ видимымъ облегченіемъ, когда наконецъ ему удалось это сдѣлать.

— А вотъ кого бы мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть—это подземныхъ духовъ,—часто говорилъ Фите Крей.—Они такіе добрые и ласковые, и благодаря имъ не мало людей сдѣлались богачами. Удивительно, что до сихъ поръ мнѣ ни разу еще не пришлось видѣть ни одного такого духа. И сколько разъ я ходилъ совсѣмъ одинъ и въ лѣсу, и по большой дорогѣ, а вѣдь никогда не видалъ ни единаго.

— Они живутъ въ горѣ,—отвѣчала ему Эльзбе.

— Я этому не вѣрю,—вставилъ Іёрнъ.

— Ты вѣдь ничему не вѣришь,—замѣчала Витенъ.

— Вотъ, какъ-то разъ было очень жарко,—принимался разсказывать Фите Крей,—я и поставилъ собакъ съ повозкой въ тѣнь у самой горы, тамъ, гдѣ дорога поворачиваетъ къ болоту, ну а самъ пошелъ въ лѣсъ и прилегъ подъ орѣшникомъ на сухихъ листьяхъ. Прилегъ это я, да и заснулъ, а проснулся потому, что въ листьяхъ что-то зашуршало. Открылъ я глаза и увидѣлъ трехъ или четырехъ человѣчковъ, ростомъ немногимъ побольше бѣлки. Всѣ они сразу попрятались въ орѣшникъ и потомъ какъ будто крикнули мнѣ оттуда: „Ахъ, ты, соня“! Вскочилъ это я, оглядѣлся кругомъ, перешарилъ всю листву и ничего ровно не нашелъ, ни золота, ни денегъ.

Витенъ задумчиво посмотрѣла на разсказчика. Разсказы Фите дѣйствовали на нее обыкновенно удручающимъ образомъ. Мальчикъ былъ слишкомъ практиченъ, какъ и вообще всѣ Крей.

Іёрнъ посмотрѣлъ на Фите съ ясно выраженнымъ сомнѣніемъ:—Ну, вотъ что придумалъ! Это навѣрное были бѣлки. Бѣлки и мыши. Онѣ пищали, а ты подумалъ, что это говорятъ духи.

Фите презрительно покачалъ головой.

— Вотъ только бы узнать, гдѣ они живутъ,—сказалъ онъ.

— Хозяйка въ Шенефельдѣ, у которой я служила, когда была совсѣмъ молодой,—начала Витенъ,—говорила, что они всѣ до одного выселились отсюда со всѣми своими пожитками, съ женами и дѣтьми.

— Вотъ какъ!—отозвался Фите.—Но куда же это они выселились?

— Вотъ куда именно—объ этомъ я ничего не знаю. Ду-

мается мнѣ, что они ушли куда-нибудь къ болотамъ, а быть можетъ, даже перебрались и черезъ Эльбу. Вотъ Теодоръ Штормъ увѣрялъ, что они ушли къ болотамъ.

— Теодоръ Штормъ? Кто же это?

— Кто это? Да самъ онъ называлъ себя студентомъ. Онъ частенько-таки заглядывалъ въ Шенефельдъ. Онъ, да еще какой-то Мюлленгофъ. Они оба любили бродить по деревнямъ и слушать разныя старыя исторіи. Моя хозяйка знала очень много такихъ исторій, но почему-то не хотѣла ихъ разсказывать, и они приставали ко мнѣ. Каждый разъ вечеромъ, когда я шла въ хлѣвъ доить коровъ, они уже поджидали меня тамъ. Я должна была имъ разсказывать, а они выпивали у меня чуть что не полведра молока.

— И что же они говорили?

— Ужъ объ этомъ я тебѣ много разъ разсказывала. Имъ всегда казалось, что все-то они знаютъ лучше всѣхъ. Каждую поговорку и каждую исторію Штормъ переворачивалъ по-своему. Онъ говорилъ, что собирается писать про все это цѣлую книгу. И сколько разъ, бывало, я въ глаза называла его глупымъ малымъ и уходила отъ него съ моимъ ведромъ.

— Ну, а что же этотъ Штормъ еще говорилъ?—настойчиво допрашивалъ Фите.

— Что онъ говорилъ? Видишь ли, правду говоря, я не обращала особеннаго вниманія на его слова, но моя хозяйка изъ Шенефельда разсказывала вотъ что. Однажды какъ-то ночью паромщикъ услыхалъ какой-то крикъ. Онъ вскочилъ съ постели и вышелъ къ парому, чтобы посмотрѣть, кто это его зоветъ; но тамъ не было ни души, и онъ опять легъ спать. Вдругъ въ его окно швырнули землей или пескомъ. Онъ опять всталъ, опять вышелъ къ парому, и на этотъ разъ увидѣлъ цѣлую массу маленькихъ сѣрыхъ человѣчковъ. И вотъ, одинъ изъ нихъ, съ длинной бородой, сказалъ ему, что они больше не могутъ выносить церковнаго благовѣста и просятъ перевезти ихъ на другой берегъ, гдѣ много болотъ, но еще нѣтъ церквей. Паромщикъ отвязалъ паромъ, и вотъ, на этотъ-то паромъ одинъ за другимъ стали перебираться сѣрые человѣчки, мужчины, женщины и дѣти, со всѣмъ ихъ домашнимъ скарбомъ, съ мѣшками золота и серебра. Цѣлую ночь паромъ ходилъ взадъ и впередъ, и каждый разъ онъ былъ биткомъ набитъ маленькими человѣчками. Когда же наконецъ были перевезены всѣ до одного и паромъ возвращался назадъ, то противоположный берегъ сразу засверкалъ множествомъ огоньковъ. Это сѣрые человѣчки засвѣтили свои фонарики и отправились съ

ними дальше на востокъ. Когда же на утро паромщикъ пришелъ къ парому, то весь берегъ оказался усѣяннымъ золотыми монетами. Каждый изъ подземныхъ духовъ оставилъ паромщику плату за свой перевозъ.

— Ну, а гдѣ же теперь этотъ Штормъ?—спросилъ Фите.

— А ужъ гдѣ онъ, я не знаю. Онъ говорилъ, что собирается въ ландфогты. Онъ—и вдругъ ландфогтъ! Я всегда была увѣрена, что изъ него ровно ничего не выйдетъ.

— Значитъ, онъ и книги не написалъ?

— Онъ-то? Какъ же, написалъ! Лѣнтяй онъ былъ отчаянный, вотъ что! И цѣлыми-то днями онъ валялся на лугу. Такъ и лежалъ, съ мѣста не трогался до того времени, пока я не шла доить коровъ. Все говорилъ, что лѣсомъ любуется, что ужъ очень красива первая зелень. Ужъ онъ-то навѣрное не написалъ книги, да и ландфогта изъ него тоже не вышло. Я въ этомъ вполнѣ увѣрена.

— А Іёрнъ ничего не слушаетъ,—проговорила маленькая Эльзбе и толкнула брата.—Да слушай же, Іёрнъ!

— Ты только взгляни!—отвѣтилъ Іёрнъ, указывая сестрѣ на мостъ, устроенный имъ изъ трехъ паръ ножницъ и футляра отъ очковъ Витенъ.—Ты только взгляни!

— Ну, а что же говорилъ Штормъ о „Золотомъ родникѣ“ и его сокровищахъ? Говорилъ онъ то же, что и ты, или что-нибудь другое?

— Вижу я, — сказала Витенъ, пристально взглянувъ на Фите Крея,—что ты вѣришь Шторму больше, чѣмъ мнѣ. Тебѣ постоянно нужно что-нибудь новое... Ты спрашиваешь о сокровищахъ? О нихъ я услышала въ первый разъ, какъ пріѣхала уже сюда и познакомилась со Штормомъ.

Фите Крей, подпершись рукой, прямо смотрѣлъ въ лицо Витенъ. Въ его круглыхъ дѣтскихъ глазахъ, смѣло и почти дерзко смотрѣвшихъ на Божій міръ, появилось вдругъ совершенно несвойственное имъ выраженіе пытливаго раздумья. Сокровище было спрятано въ котловинѣ у песчанаго откоса, недалеко отъ деревни. Онъ въ этомъ не сомнѣвался, но ревниво оберегалъ свою тайну отъ всѣхъ окружающихъ.

— Разскажи еще что-нибудь, Витенъ!—попросилъ онъ.

— А будешь ли ты вѣрить мнѣ больше, чѣмъ долговязому болтуну?—спросила Витенъ.

— Буду вѣрить тебѣ!—отвѣтилъ Фите Крей и стукнулъ кулакомъ по столу.

И опять Витенъ начинала свои безконечные разсказы о духахъ, богачахъ и сокровищахъ.

— Ну, однако, на сегодняшній день довольно. Вамъ, дѣти, давно уже пора спать,—вдругъ неожиданно обрывала разсказъ Витенъ.

Іёрнъ и Эльзбе послушно отправлялись въ уголъ, гдѣ стояла кровать, и начинали раздѣваться. Фите помогалъ дѣтямъ развязывать тесемки, стягивать чулки и пользовался случаемъ, чтобы разсказать имъ всѣ свои дневныя приключенія. Уложивъ дѣтей, Витенъ и сама легла спать.

Около полуночи или даже позднѣе возвращался домой отецъ со старшими сыновьями. Въ это время дѣти уже давно спали мирнымъ сномъ.

III.

Каждый разъ какъ учитель Петерсъ обозрѣвалъ съ высоты своей каѳедры ввѣренныхъ его попеченію дѣтей Маріендонна, ему становилось ясно, что населеніе мѣстечка принадлежитъ къ двумъ совершенно разнымъ породамъ людей. Дѣтей въ школѣ было около сотни, и они сидѣли на скамейкахъ, поставленныхъ въ два ряда: мальчики—на правой сторонѣ, а дѣвочки—на лѣвой. Соломенная крыша, точно утомленныя, отяжелѣвшія вѣки, низко свѣшивалась надъ самыми окошками и мѣшала дневному свѣту свободно проходить въ комнату. Но и въ полусумракѣ среди остальныхъ дѣтей рѣзко выдѣлялись круглыя рыжія головы съ такими огненными волосами и такимъ количествомъ веснушекъ на лицахъ, что, казалось, онѣ сами испускали изъ себя лучи. Это были Креи и ихъ многочисленная родня.

Среди этихъ красныхъ круглыхъ дѣтскихъ головъ выдѣляются и другія, болѣе тонкія лица, съ благородными чертами, спокойными, честными, гордыми глазами и волосами цвѣта спѣлой ржи. Этихъ дѣтей въ школѣ значительно меньше, чѣмъ Креевъ. Это Ули съ ихъ родственниками.

Фите Крей очень рѣдко ходилъ въ школу. У его отца, Яспера Крея, всегда были подъ рукой готовыя объясненія и извиненія неаккуратности сына: то говорилъ онъ, что Фите ему необходимъ, то объявлялъ, что у мальчика нѣтъ сапогъ. Кончалось тѣмъ, что Фите попадалъ въ школу только въ тѣ дни, когда Витенъ рано утромъ, еще до разсвѣта, прибѣгала въ домъ Крея и говорила:

— Выпало столько снѣгу, что я не могу отпустить дѣтей однихъ. Сегодня ихъ долженъ проводить Фите.

При этихъ словахъ Фите моментально вскакивалъ съ постели и, накинувъ на плечи заплатанную куртку, принимался съ необыкновеннымъ усердіемъ и неистовымъ топаньемъ натягивать на ноги огромные сапоги. Старикъ же въ это время ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Ужъ сегодня-то я никакъ не могу отпустить малаго...

— Не можешь?—ядовито переспрашивала Витенъ. — Вотъ какъ разъ сегодня онъ тебѣ и нуженъ? Что же, получай въ такомъ случаѣ за него выкупъ.

Съ этими словами она клала на столъ уже заранѣе приготовленные три гроша. Изъ этихъ денегъ отецъ отсчитывалъ для себя два гроша, одинъ грошъ отдавалъ сыну, и послѣ этого уже Витенъ шла съ мальчикомъ къ Улямъ.

Ученье давалось довольно туго Фите Крею. Свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя имъ во время его торговыхъ странствованій, носили опредѣленную практическую окраску и плохо согласовались съ отвлеченностями школьнаго ученья. По вечерамъ онъ поучался у Витенъ старинной народной мудрости. Въ этой народной мудрости учитель Петерсъ, человѣкъ въ высшей степени практичный и даже сколотившій себѣ небольшой капиталецъ, не понималъ ровно ничего.

Дѣти занимались. Старшіе что-то писали на своихъ косо положенныхъ грифельныхъ доскахъ. По временамъ они слегка ими постукивали и что-то шептали, но потомъ опять принимались писать.

— Третье отдѣленіе! Мы будемъ составлять предложенія. Кто скажетъ мнѣ первое предложеніе?

Одинъ изъ маленькихъ Креевъ стремительно поднялся съ своего мѣста и произнесъ:

— Мы имѣемъ корову.

Всѣ дѣти въ одинъ голосъ громко, внятно и, отчеканивая каждый слогъ, повторили сказанную фразу. Тѣ, у кого не было коровъ, произносили фразу въ отрицательномъ смыслѣ.

Іёрнъ Уль уже давно замѣтилъ, что ему приходилось говорить: „мы имѣемъ“, и никогда—„не имѣемъ“. Когда сынъ Петера Вика, тоже одного изъ Улей, составилъ предложеніе: „Мы не имѣемъ жеребенка“, и всѣ до одного въ школѣ повторили эту фразу безъ измѣненія, — только одинъ единственный Іёрнъ Уль сказалъ громко и внятно на цѣлый классъ:

— Мы имѣемъ жеребенка... и теленка.

Маленькая дѣвочка Лоренца Крея, отца многочисленнаго семейства, сейчасъ же вслѣдъ за этимъ предложила фразу: „Мы не имѣемъ муки въ кадкѣ“.

Тогда учитель Петерсъ нашелъ, что пора дать другое направленіе дѣтской мысли, и предложилъ слѣдующій вопросъ:

— Изъ священной исторіи мы знаемъ о царѣ Давидѣ. Какъ зовутъ нашего короля, дѣти?

Тогда со скамейки медленно приподнялся флегматичный маленькій Крей, одинъ изъ сыновей Лоренца Крея, и объявилъ:

— Нашего короля зовутъ Клаусъ Уль.

Старшіе засмѣялись, а маленькіе были озадачены, но, въ общемъ, никто не имѣлъ ровно ничего и противъ этого новаго предложенія, и всѣ въ одинъ голосъ повторили сказанную фразу.

Учитель Петерсъ собирался продолжать урокъ, но вдругъ дѣти закричали:

— Смотрите, ландфогтъ всталъ съ своего мѣста!

И дѣйствительно, Іёрнъ Уль стоялъ, выпрямившись, съ гнѣвнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Что тебѣ нужно, Юргенъ?

— Мой отецъ совсѣмъ не король!

— Тебѣ лучше это знать,—отвѣтилъ ему учитель.

Когда ученье кончилось и дѣти вышли изъ класса, учитель Петерсъ замѣтилъ, что на одной изъ скамеекъ осталась черноволосая маленькая дѣвочка. Это была Эльзбе Уль. Дѣвочка уронила голову на столъ и горько рыдала. Старикъ подошелъ къ ней и спросилъ:

— О чемъ ты плачешь, Эльзбе?

— Мой отецъ все-таки король,—съ усиліемъ проговорила дѣвочка. И когда учитель Петерсъ, улыбнувшись, отвернулся отъ нея, то увидѣлъ Іёрна Уля. Лицо мальчика выражало гнѣвъ и горечь.

— Почему же ты сказалъ, что твой отецъ не король?—спросилъ учитель, проводя рукой по свѣтлымъ вихрамъ мальчика.

— А потому, что иногда бываетъ такъ, что онъ едва держится на ногахъ.

— Что такое ты говоришь? Какъ это „едва держится на ногахъ“?

— Ну, да,—это когда онъ бываетъ пьянъ.

Старикъ закусилъ губы и съ состраданіемъ посмотрѣлъ на мальчика.

— Такъ! Вотъ почему онъ не король. Только, видишь ли

что: ты не долженъ говорить объ этомъ другимъ дѣтямъ,—самъ же старайся быть всегда прилежнымъ и не пей вина.

Годовой дѣтскій праздникъ былъ большимъ праздникомъ въ Маріендоннѣ, и праздновали его даже болѣе торжественно, чѣмъ Рождество.

Фите Крей просилъ Анну Зеемань быть его дамой въ торжественной процессіи, но Трина Бистерфельдъ изъ Сюдердонна узнала, что отецъ купилъ Фите Крею къ празднику новое платье, и захотѣла имѣть его своимъ кавалеромъ. Съ этою цѣлью она предложила ему три гроша, подъ условіемъ, чтобы онъ отказалъ Аннѣ. Фите Крей согласился на это, выговоривъ еще себѣ въ придачу отъ Трины прекрасный перочинный ножъ и голубой шарфъ для праздника.

Когда же Фите Крей устроилъ такъ блестяще свои собственныя дѣла, то, по свойственной ему привычкѣ совать носъ повсюду, онъ захотѣлъ пристроить надлежащимъ образомъ и своего ближайшаго сосѣда и друга, Іёрна Уля. Но здѣсь его постигла неудача. Маленькой толстой Дорѣ Дикъ онъ пообѣщалъ „хорошенькаго“ Юргена Уля подъ условіемъ, если она согласна заплатить ему нѣсколько грошей, когда дѣло окончательно сладится. Но дѣвочка отказалась. Она предпочитала купить лимонаду и совсѣмъ не хотѣла тратиться на поиски жениховъ.

Юргенъ Уль отвѣтилъ на предложеніе Фите Крея полнѣйшимъ отказомъ. Онъ объявилъ ему, что достанетъ себѣ даму самъ.

Три вечера подъ рядъ простоялъ онъ подъ черепичной крышей школьнаго дома. Шелъ дождь, а онъ стоялъ и поджидалъ, не выйдетъ ли маленькая Лизбета Юнкеръ, внучка учителя Петерса. Онъ хотѣлъ предложить ей быть его дамой.

На третій вечеръ онъ наконецъ дождался ея. Дѣвочка стрѣлой промчалась мимо него въ лавочку. Онъ видѣлъ, какъ развѣвались ея льняные волосы, а изъ-подъ короткой юбки мелькнули голубыя подвязки. Возвращаясь назадъ, она уже издали узнала его и крикнула:

— Что это ты стоишь подъ дождемъ, Юргенъ?

— Я жду тебя. Мнѣ нужно тебя кое о чемъ спросить,— отвѣтилъ мальчикъ.

Однимъ прыжкомъ она очутилась рядомъ съ нимъ и, прижавшись къ нему, чтобы не вымокнуть на дождѣ, ждала, что онъ ей скажетъ. Какой-то человѣкъ ѣхалъ по улицѣ. Онъ за-

держалъ лошадь и шагомъ проѣхалъ мимо, чтобы подольше полюбоваться на дѣтей.

— Ну, о чемъ же ты хотѣлъ меня спросить?

— Да, вотъ, все о праздникѣ. Вѣдь это ужъ скоро. Правда?

— Ну, конечно, скоро.

— Вотъ и хорошо... И вѣдь мнѣ къ этому дню нужно выбрать какую-нибудь дѣвочку, а вотъ я не знаю—какую. Положимъ, это все равно, какую ни выбрать. Ты какъ думаешь?

— Такъ вотъ ты о чемъ хотѣлъ спросить меня! Что тебѣ посовѣтовать—я совсѣмъ не знаю. Вѣдь ты такой большой... Знаешь что: возьми Трину Симъ, или нѣтъ, вотъ что: возьми лучше Юлю Уль! Или возьми... Нѣтъ, эта слишкомъ ужъ мала для тебя.

— А ты все-таки скажи. Если даже она такая маленькая, какъ ты, все равно скажи. Ты о комъ думаешь?

— Ну, ужъ я не знаю!—сказала дѣвочка, и съ этими словами такъ отскочила отъ него, что попала подъ самый дождь. Затѣмъ, бросивъ бѣглый вопросительный взглядъ, она бѣгомъ пустилась домой.

Такъ въ этотъ разъ они ни до чего и не договорились, а потомъ Іёрнъ думалъ, что Лизбету уже выбралъ кто-нибудь другой, и у него не хватало мужества заговорить съ ней по этому поводу. За нѣсколько дней до праздника, въ одну изъ рекреацій учитель Петерсъ обратился къ маленькому, застѣнчивому Дирку Диркзену со словами:

— Я хочу, чтобы Лизбета участвовала въ процессіи. Она пойдетъ съ тобой въ парѣ.

Диркъ Дирзенъ получилъ нѣсколько основательныхъ тумаковъ отъ Іёрна Уля, но поправить дѣло уже было нельзя.

Такимъ образомъ Іёрнъ остался безъ пары, и ему пришлось идти рядомъ съ маленькой веснушатой Крей, которую никто не захотѣлъ взять. Отецъ, сопровождавшій процессію, насмѣшливо посматривалъ на сына, а старшіе братья злились на него. Іёрнъ шелъ молча, съ гордымъ выраженіемъ на лицѣ и съ плотно сжатыми губами.

Весело сіяло лѣтнее солнце. Его лучи проникали сквозь густую листву старыхъ липъ и дрожащими бликами разсыпались по улицѣ и по распущеннымъ волосамъ дѣвочекъ, и липовый цвѣтъ осыпался на торжественную процессію.

Лизбета Юнкеръ шла впереди Юргена Уля. Иногда она оглядывалась на него и улыбалась, а онъ тогда говорилъ ей:

— Сколько липоваго цвѣта запуталось въ твоихъ волосахъ!

Эльзбе Уль шла впереди Фите Крея, рядомъ съ рослымъ весельчакомъ Гарро Гейнзеномъ, тоже однимъ изъ Улей. Эльзбе сіяла отъ счастья. Правда, сама она казалась черезчуръ маленькой, черезчуръ толстой, черезчуръ угловатой и черезчуръ шумной, но это не приходило ей въ голову. Съ ней въ парѣ шелъ взрослый, четырнадцатилѣтній мальчикъ, и онъ старался занимать свою даму умными разговорами.

Процессія прошла по всей деревнѣ и дошла до самой низины, какъ разъ до того мѣста, гдѣ ростутъ двѣ крѣпкія молодыя липы. Впереди всѣхъ шли барабанщикъ и трубачъ, и сбоку —высокій, худой и важный —выступалъ школьный учитель Петерсъ. По одному краю дороги, подъ самыми липами шли Ули съ раскраснѣвшимися и жизнерадостными лицами, а по другому краю шли Креи, и всѣ одинаково любовались и гордились своими дѣтьми. Процессія направилась къ трактиру.

Первыми вошли туда дѣти, за ними Ули, а потомъ уже Креи.

Старыя стѣны дрожали отъ неистоваго топота, во всѣхъ углахъ слышался трескъ и валилась штукатурка.

— Послушай, Юргенъ, я боюсь, что это все обрушится,— сказала Лизбета Юнкеръ, перебѣжавъ къ мальчику черезъ всю танцовальную залу.

— Ну, вотъ еще что̀ придумала! Давай-ка лучше танцовать.

И они танцовали, ничего не видя и не слыша вокругъ себя. Наконецъ имъ стало такъ жарко, что они принуждены были остановиться.

— Нѣтъ, какъ мнѣ жарко!—сказала дѣвочка, обмахиваясь носовымъ платкомъ и поводя плечами. И она громко разсмѣялась.

— Пойдемъ, я куплю тебѣ чего-нибудь выпить,—предложилъ Іёрнъ.

И они, взявшись за руки, пробрались черезъ толпу къ столику, гдѣ продавался лимонадъ. Они купили себѣ стаканъ питья и роспили его вдвоемъ. При этомъ она сунула ему въ руку нѣсколько имбирныхъ леденцовъ. Они грызли леденцы и все время вытирали разгоряченныя лица носовыми платками. Ихъ руки стали липкими.

— Ну, это не годится,—сказала Лизбета;—ты такъ запачкаешь мое платье.

И, послюнивъ платокъ, она вытерла пальцы сначала ему, потомъ себѣ. Затѣмъ, показавъ, какъ нужно держать платокъ, чтобы не прикасаться рукой къ платью во время танцевъ, она объявила:

— Теперь пойдемъ опять танцовать.

И они опять принялись танцовать и танцовали до полнаго изнеможенія. Она, наконецъ, такъ устала, что не могла сдѣлать больше ни шага, и, тяжело дыша, прислонилась къ мальчику.

Довольный и счастливый, смотрѣлъ онъ на свою даму спокойными, умными глазами.

— Тебѣ нравится танцовать со мной?—вдругъ спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтила она,—и даже очень нравится. Вѣдь ты самый лучшій и самый умный изъ всѣхъ.

Онъ весь вспыхнулъ.—И ты тоже всѣхъ лучше!—проговорилъ онъ.

— Посмотри,—сказала она,—посмотри на Эльзбе! Ужъ очень она большая шалунья. Не нравится мнѣ это.

— Вижу,—отвѣтилъ онъ.—Она съ Гарро Гейнзеномъ. И мнѣ тоже не особенно нравится, что она такая шалунья. Мнѣ, вотъ, нравится, что ты всегда такая спокойная и все у тебя въ порядкѣ.

Дѣти танцовали до тѣхъ поръ, пока на смѣну имъ не явилась молодежь. Около десяти часовъ, въ танцовальной залѣ уже не оставалось почти ни одного мальчика и ни одной дѣвочки. Лизбета ушла одна изъ первыхъ вмѣстѣ съ своимъ дѣдушкой.

— Я хочу идти домой. Гдѣ же Эльзбе?—спросилъ Іёрнъ Фите Крея.

— Ну, гдѣ же ей быть?—отвѣтилъ сердито Фите.—Ужъ, навѣрное, она куда-нибудь удрала съ Гарро Гейнзеномъ.

Они прошли черезъ кегельбанъ, вышли въ садъ и стали звать дѣвочку; но никто не отзывался.

— Если ты не выйдешь сію минуту, то я разскажу всѣмъ, что ты спряталась въ саду съ Гарро Гейнзеномъ,—не особенно громко, но очень отчетливо сказалъ Фите.

Тогда послышались чьи-то торопливые шаги, и передъ ними появилась Эльзбе.

— Ахъ, это вы!—небрежно произнесла она.—То-то мнѣ послышалось, что меня зовутъ.

— Да, это мы, и ты сейчасъ же пойдешь вмѣстѣ съ нами домой.

Тогда изъ-за деревьевъ выступила угрожающая фигура Гарро Гейнзена.

— Ну, вы, тамъ, смотрите у меня!—грозно крикнулъ онъ.—А ты, Эльзбе, береги колечко!

И онъ направился назадъ, къ трактиру, а они втроемъ пошли домой.

— Онъ далъ тебѣ колечко?—спросилъ Фите Крей.—Покажи-ка мнѣ его, голубушка. Что оно—серебряное?

— А тебѣ какое дѣло?—гордо отозвалась дѣвочка.

— Покажи, Эльзбе!

— Золотое оно! Вотъ что. Ну, что, посмотрѣлъ?

— Вотъ такъ штука! Ну и колечко! А увѣрена ты, что оно изъ настоящаго золота? Я думаю, что оно все-таки не особенно дорого стоитъ, приблизительно—какихъ-нибудь пять грошей.

— Ну, ужъ нѣтъ. Гораздо дороже. Оно стоитъ цѣлыхъ десять марокъ.

— Ну, и оселъ же этотъ малый! Слушай, подари-ка мнѣ это колечко! Ну, что ты станешь съ нимъ дѣлать! Только подумай. Хочешь мѣняться? Я дамъ тебѣ за него...

Но возмущенная дѣвочка быстро перебѣжала на сторону Іёрна.

— Ничего не хочу!—отвѣтила она.—Какъ тебѣ не стыдно, Фите! У тебя все одна торговля на умѣ.

Начиная съ самаго полудня, все время пока дѣти танцовали, взрослые Ули и Креи съ ихъ родственниками, по старому обычаю, сидѣли въ двухъ смежныхъ комнатахъ, сообщавшихся между собою широкою дверью. Когда же дѣти возвращались по домамъ, и пуншъ, выпитый Улями и въ изобилiи посылаемый ими въ сосѣднюю комнату, начиналъ оказывать свое дѣйствiе, тогда одинъ изъ Креевъ, обыкновенно самый отважный между ними, взявъ свой стаканъ, отправлялся съ нимъ въ комнату рядомъ и садился между Улями.

Въ этомъ году этимъ смѣльчакомъ оказался Іогенъ Крей. Онъ явился съ лицомъ багроваго цвѣта, гордымъ взглядомъ смѣрилъ сидѣвшихъ Улей, ни слова не говоря, опустился рядомъ съ самимъ Клаусомъ Улемъ и со стукомъ поставилъ свой стаканъ на столъ.

— Мнѣ захотѣлось посидѣть и здѣсь!—объявилъ онъ.

Ули разсмѣялись, и кто-то крикнулъ:

— Вотъ прилетѣла и первая ворона!

И дѣйствительно, вслѣдъ за первымъ Креемъ, явились и остальные, и всѣ они молча разсѣлись между Улями.

Только одинъ-единственный разъ въ цѣломъ году приходилось Улямъ и Креямъ сидѣть рядомъ. Въ этотъ знаменательный день они всѣ становились на „ты“, называли другъ друга

„дорогими сосѣдушками", вмѣстѣ пѣли старинныя пѣсни и даже обнимались. Это продолжалось часа три или четыре.

Но, вотъ, одинъ изъ Креевъ начиналъ чувствовать неодолимую потребность сказать правду въ глаза одному изъ дорогихъ „сосѣдушекъ". Желаніе это встрѣчало полнѣйшее сочувствіе, къ нему быстро присоединялись остальные и выворачивали все раздраженіе, накопившееся у нихъ за цѣлый длинный годъ. И чего только не приходилось выслушивать Улямъ! Они слушали и дѣлались все больше и больше похожими на раздразненныхъ быковъ. Но, въ концѣ концовъ, терпѣнію ихъ наступалъ конецъ, и вотъ здѣсь-то начиналась рукопашная.

На другой день, послѣ полудня, присмирѣвшіе Креи, пристыженные и покорные, являлись просителями въ домъ тѣхъ же Улей. Тотъ, кого отсылали, приходилъ еще разъ и еще разъ. И все потому, что положеніе Креевъ безъ помощи Улей было, по истинѣ, безвыходное. Они, рѣшительно, не знали, гдѣ и кому сбывать всѣ свои метлы, вѣники, скребницы и щетки. Такимъ образомъ постепенно забывалась недавняя ссора, и все входило въ обычную колею.

IV.

Витенъ Пеннъ крикнула громко черезъ весь дворъ:

— Дѣти опять идутъ къ Тису Тиссену!

Клаусъ Уль, сѣвшій въ повозку, чтобы ѣхать въ городъ, что онъ дѣлалъ ежедневно, засмѣялся и сказалъ:

— Пусть-себѣ бѣгаютъ, куда хотятъ! Если имъ больше нравится на тощемъ торфяникѣ, чѣмъ на нашей тучной низинѣ, то не удерживай ихъ, Витенъ!

— Подождите, дайте мнѣ хоть хлѣба-то вамъ собрать.

Дѣти переступали съ ноги на ногу отъ нетерпѣнія. Наконецъ явилась Витенъ съ хлѣбомъ.

— Фите,—сказала она,—подойди-ка сюда!—И когда мальчикъ подошелъ, она проговорила тихо, поднявъ сжатую въ кулакъ руку:—Смотри, не наври у меня чего-нибудь дѣтямъ!—Потомъ засунула хлѣбъ въ карманъ Іёрну. — Ты самый разумный, Іёрнъ. Какъ придете, такъ ты сейчасъ же скажи Тису, чтобы онъ не устроивалъ съ вами никакихъ глупостей и отослалъ бы васъ домой во-время.

— Ну, вотъ!—произнесъ Фите.—Наконецъ-то все готово!

Онъ засунулъ два пальца въ ротъ и рѣзко свистнулъ дѣвочкамъ, уже спускавшимся съ пригорка. Одна изъ нихъ оберну-

лась и кивнула; это была Эльзбе Уль. А другая продолжала осторожно спускаться, стараясь не запачкать платья; это была Лизбета Юнкеръ. Она ходила въ школу со всѣми дѣтьми, но держалась немного въ сторонѣ и говорила на верхне-германскомъ нарѣчіи. Фите Крей былъ недоволенъ, что она пошла съ ними.

— Ужъ слишкомъ она большая недотрога!—говорилъ онъ про нее:—чуть я скажу грубое слово, какъ она ужъ пищитъ: „Ахъ, Фите, что ты такое говоришь"! Она все боится—то руки себѣ выпачкать, то платье разорвать.

Но Іёрнъ любилъ ее и хотѣлъ, чтобы она шла съ ними. Она была намного моложе Эльзбе, и съ нею всегда что-нибудь случалось. Тогда она начинала кричать высокимъ, тонкимъ голоскомъ:—Іёрнъ, помоги мнѣ!—И за это именно онъ ее любилъ.

— Ну,—сказала Эльзбе, когда мальчики присоединились къ нимъ:—куда же теперь идти, Фите?

— А куда глаза глядятъ... вонъ, въ тому дереву.—И онъ указалъ на далекое дерево, темнѣвшее на горизонтѣ.

Они сами всегда были удивлены, что, проходя черезъ рощи и лѣса, въ концѣ концовъ, все-таки непремѣнно приходили къ Тису Тиссену, а не попадали къ людоѣдамъ или въ одну изъ разбойничьихъ пещеръ, навѣрное еще существующихъ въ сѣверной части лѣса. Фите разъ натолкнулся на такую пещеру и увидалъ въ ней вѣдьму. Онъ такъ и окаменѣлъ на мѣстѣ, но, къ счастью, вспомнилъ заклинанье,—и это спасло его.

— Его надо три раза повторить,—закончилъ Фите свой разсказъ, и повторилъ его три раза. Заклинанье состояло изъ очень грубыхъ словъ.

— Ахъ, Фите!—воскликнула Лизбета:—что ты такое говоришь!

Фите только отмахнулся отъ нея рукой.

— Вѣдьма разсвирѣпѣла и бросилась за мною. Пойдемте, я покажу вамъ камни, которыми она въ меня кидала. Они еще тамъ лежатъ.

Но Лизбета не хотѣла идти. Іёрнъ подошелъ къ ней и сталъ тащить ее за руку.

— Ну, чего ты распищалась, какъ птичка-пищалка!

— Я тебя совсѣмъ не люблю, и хочу домой,—объявила она.

— Мы скоро вернемся,—постой здѣсь.

Она усѣлась на низенькую насыпь; остальные же пошли

дальше и, въ самомъ дѣлѣ, нашли кучу камней, полуприкрытую верескомъ и поблѣднѣвшую отъ солнца, вѣтра и дождя.

— Однако, Фите,—сказалъ Іёрнъ,—какой же у нея, должно быть, здоровый кулачище, если она могла швырять эти камни!

— Да, съ доброе корыто!—отвѣчалъ Фите невозмутимо.—Однако, бѣжимъ!

И они бросились назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ оставили Лизбету. Тамъ они улеглись всѣ рядомъ на насыпь, и Фите продолжалъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ, и разсказы его были одинъ фантастичнѣе другого. Между прочимъ, онъ увѣрялъ, что своими глазами видѣлъ, проходя поздно вечеромъ мимо большой Песочной-Ямы, таинственнаго пастора. Этотъ пасторъ шелъ съ дарами къ умирающему, но вдругъ увидѣлъ, что его домъ горитъ, а въ домѣ у него хранились очень дорогія рѣдкія книги. Онъ сначала не зналъ, что ему дѣлать, но, наконецъ, вернулся и спасъ книги,—а больной умеръ безъ причастія. Съ тѣхъ поръ пасторъ лишился сна и скоро самъ умеръ, и попалъ въ адъ, но черти не захотѣли его держать у себя и поставили его въ большую Песочную-Яму.

— Ну, довольно, однако, — сказалъ Фите, докончивъ свой разсказъ;—пора намъ и идти, но только—куда мы пойдемъ?

Каждый разъ онъ заводилъ ихъ въ лѣсъ и, наразсказавъ имъ разныхъ ужасовъ, объявлялъ, что они заблудились. Дѣвочки страшно трусили, и даже Іёрнъ чувствовалъ себя не вполнѣ увѣренно. Плотно прижавшись другъ къ другу, стали они пробираться между деревьями и кустами. Эльзбе держала Фите за руку и со страхомъ заглядывала ему въ глаза, а онъ озабоченно озирался по сторонамъ, точно боялся, что ихъ каждую минуту можетъ кто-нибудь схватить. За ними шла Лизбета и то-и-дѣло наступала имъ на пятки. Іёрнъ былъ склоненъ не довѣрять вполнѣ разсказамъ Фите, но не смѣлъ возражать, такъ какъ Фите былъ гораздо опытнѣе и краснорѣчивѣе его. Однако, ему все-таки хотѣлось показать свое презрительное отношеніе къ страшнымъ разсказамъ. Поэтому онъ демонстративно шелъ сзади всѣхъ и только временами не могъ удержаться и оглядывался, когда ему ясно слышались сзади чьи-то шаги.

Наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть; Фите крикнулъ:

— Бѣжимъ!

И они бросились бѣжать, и бѣжали до тѣхъ поръ, пока не очутились возлѣ торфяныхъ ямъ въ Гезе. Тамъ, возлѣ наваленнаго въ кучу торфа, на травѣ лежалъ Тисъ Тиссенъ, прикрывъ лицо шапкой, и спалъ.

— Онъ пошелъ намъ на встрѣчу и заснулъ по дорогѣ,— сказала Эльзбе.—Вотъ соня-то!

— Станемъ вокругъ него и крикнемъ всѣ разомъ, - предложилъ Іёрнъ.

— Ого... го!

Однимъ прыжкомъ, не сгибая колѣнъ, какъ палка, вскочилъ съ земли Тисъ Тиссенъ.

— Что такое? — закричалъ онъ, ничего не понимая спросонья, но, увидавъ дѣтей, пришелъ въ себя, и къ нему вернулся даръ слова.

— Я вѣдь шелъ къ вамъ на встрѣчу,—сказалъ онъ,—но это мѣстечко шепнуло мнѣ: „Тисъ! они еще далеко, прилягъ на минутку“.

Его сухое, умное, маленькое лицо сіяло отъ радости.

— Фите, дружище, какъ хорошо, что вы пришли!

— А лодка готова, Тисъ?

— Въ полной исправности... Ну, и красивая же лодка!.. Я вѣдь когда-то хотѣлъ сдѣлаться морякомъ, дѣти, но у меня начиналась морская болѣзнь, если я съ плотины смотрѣлъ на Эльбу. Тогда я поступилъ въ ученье къ корабельныхъ дѣлъ мастеру, и все шло отлично, и я былъ бы теперь самъ мастеромъ, и у меня была бы собственная верфь, еслибъ не проклятая сонливость. Нечего смѣяться, Фите, ты слишкомъ глупъ и ничего не понимаешь, а я такъ отлично понимаю всѣхъ тѣхъ, которые въ „Спящей красавицѣ въ лѣсу“ заснули на сто лѣтъ. Тогда я рѣшилъ поступить въ латинскую школу, ибо для ученаго открытъ весь міръ. Въ школѣ тамъ былъ одинъ старый профессоръ, который говорилъ намъ: „Въ васъ, жителяхъ Дитмарша, нѣтъ никакой жизни. Вотъ въ Тисѣ Тиссенѣ есть жизнь, но онъ спитъ“. Словомъ, и съ науками дѣло не выгорѣло. Объ наукахъ думаютъ, что онѣ... это нѣчто въ родѣ дороги, на которой становится все свѣтлѣе, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься по ней. А на самомъ-то дѣлѣ выходитъ наоборотъ, это—что-то въ родѣ тунеля или лисьей норы: войти-то войдешь, а потомъ и не знаешь, куда идти и съумѣешь ли выйти. Снова вернулся я домой, въ Гезе, и снова захотѣлось мнѣ пуститься по бѣлу-свѣту, но отецъ мой рѣшилъ, что съ него довольно. Онъ взялъ меня за шиворотъ, далъ мнѣ въ руки цѣпъ и поставилъ рядомъ съ нашимъ старымъ работникомъ, Клаусомъ Сумомъ; а если я заговаривалъ о путешествіи, то онъ, молча, показывалъ мнѣ кулакъ. Пришлось мнѣ удовольствоваться тѣмъ, что купилъ я себѣ атласъ и описанія разныхъ путешествій, а свои собственныя во-

ображаемыя путешествія нарисовалъ на стѣнахъ своей спальной. Вы вѣдь это знаете, дѣти!

— Отлично знаемъ,—отвѣтила Эльзбе.—Теперь веди насъ къ лисьей норѣ.

— Къ лисьей норѣ—такъ къ лисьей норѣ, только живѣе. У Трины ужъ навѣрное обѣдъ готовъ. У насъ сегодня будетъ свиная голова въ тѣстѣ.

Они отправились къ лисьей норѣ. Тисъ нашелъ ее за рощей, спрятанную въ желтоватомъ пескѣ.

— Выстрѣли въ нору!—сказала Эльзбе.

— Это совершенно ни къ чему!

— Все равно!—И она гнѣвно взглянула на него.—Стрѣляй, я тебѣ говорю!

Тисъ Тиссенъ всегда дѣлалъ все, что хотѣла Эльзбе. Какъ двадцать лѣтъ тому назадъ онъ исполнялъ всѣ капризы своей сестры, такъ теперь онъ подчинялся ея маленькой дочери.

Онъ вложилъ дуло ружья въ дыру, темнѣвшую въ пескѣ. Дѣти замерли въ ожиданіи.

Вдругъ на сосѣднемъ деревѣ громко и жалобно засвистала синица. Всѣ невольно обернулись въ ея сторону и увидали подъ деревомъ, на которомъ она сидѣла, среди свѣтлой, сухой травы что-то коричневато-желтое. Два горящіе глаза на узкой трехугольной мордочкѣ смотрѣли необычайно умно на охотниковъ, стоявшихъ съ раскрытыми ртами. Тисъ, вытянувъ руки и сморщивъ все лицо, дико выстрѣлилъ въ нору. Фите Крей схватилъ обѣими руками свой подбитый желѣзомъ башмакъ, стащилъ его съ ноги и тяжело швырнулъ подъ дерево.

— Чортъ побери! — произнесъ Тисъ: — и здоровенный же хвостище у нея!

Эльзбе захлопала въ ладоши.

— Съ тобою всегда такъ! Что ты ни устроишь, никогда ничто не удается.

— Ну, дѣлать нечего! Пойдемте обѣдать.

Въ домѣ, въ которомъ Тисъ Тиссенъ провелъ почти всю свою жизнь, было несомнѣнное сходство съ головою самого Тиса Тиссена, и оставалось только невыясненнымъ, онъ ли съ годами сдѣлался похожъ на свой домъ, или домъ такъ приноровился къ своему хозяину. Домъ Тиса Тиссена былъ длинный и узкій. Высокая потемнѣвшая соломенная крыша выступала впередъ и свѣшивалась надъ маленькими блестящими окнами. Впереди нахо-

дился маленькій, довольно рискованной формы фронтонъ. Голова у Тиса Тиссена была длинная и узкая, и длинные темные волосы низко свѣшивались надъ ушами, ниспадая до маленькихъ блестящихъ глазъ, а на маленькомъ сухомъ лицѣ выступалъ, если не рискованно, то, во всякомъ случаѣ, очень смѣло, тонкій подвижной носъ.

Эльзбе часто говоритъ ему:

— У тебя голова, ну, совсѣмъ какъ твой домъ.

— Дѣти!—сказалъ Тисъ, когда они усѣлись за столъ:—хорошенько прогуляться и потомъ поѣсть свинины въ тѣстѣ—это лучше всего на свѣтѣ.

— Вотъ какъ! — сказала Эльзбе: — лучше всего на свѣтѣ? Ну, ужъ, мой милый, учитель Петерсъ лучше тебя знаетъ! „Лучше всего на свѣтѣ,—говоритъ онъ,—это—любовь"; и я такъ же думаю.

Тисъ такъ и замеръ съ вилкой въ рукѣ. Онъ вытаращилъ глазки, а брови его совсѣмъ исчезли подъ нависшими волосами.

„Именно это самое говорила твоя мать",—подумалъ онъ, и произнесъ вслухъ:

— Любовь?.. къ кому?

Шустрая дѣвочка не имѣла опредѣленной мысли въ головѣ, но сейчасъ же нашлась:

— Любовь къ Богу,—проговорила она съ увѣренностью.

— Да-а!—протянулъ онъ, совершенно побѣжденный, и покачалъ головой.—Ну, Іёрнъ, теперь ты скажи. Фите Крей молчитъ, потому что для него всего интереснѣе свиныя головы и вѣдьмы, швыряющія камни. Но вѣдь ты, Іёрнъ, у насъ—мыслитель.

— На свѣтѣ всего лучше—работа, — отвѣчалъ Іёрнъ: — вотъ что!

Тисъ Тиссенъ опустилъ вилку съ удрученнымъ видомъ.

— Іёрнъ Уль!—произнесъ онъ:—всего я ждалъ, только не этого. Что сказано въ Библіи, когда первые люди были изгнаны изъ рая? Въ потѣ лица будешь зарабатывать хлѣбъ свой! Что это: благословеніе или проклятіе? Конечно—проклятіе, а ты говоришь, что это лучше всего на свѣтѣ! Я очень люблю,—продолжалъ онъ, помолчавъ,— читать о разныхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, именно потому, что они сокращаютъ работу, а когда-нибудь и совсѣмъ уничтожатъ ее.

— Ну, и что жъ? — спросилъ Іёрнъ и перегнулся черезъ столъ:—что же ты тогда станешь дѣлать?

— Каждый выберетъ по своему вкусу. Я, напримѣръ, ни-

чего не имѣю противъ продолжительной высыпки въ тѣни торфяной горы.

— Вотъ какъ!—произнесъ Іёрнъ.—Ну, а другіе...—Онъ смутился и запнулся:—другіе будутъ цѣлыми днями сидѣть въ трактирѣ.—Онъ покачалъ своей свѣтлой головой.—И Адамъ, и Ева еще до грѣхопаденія обработывали райскій садъ и играли другъ съ другомъ. И мы бы тоже работали, а потомъ играли бы. Такъ славно, не правда ли, Лизбета? Но многіе злы и нехорошо себя ведутъ, и поэтому мы должны сначала ходить въ школу, а когда выростемъ—работать.

Маленькая Лизбета, ничего не понимавшая изъ разговора, все время тыкала Іёрна въ плечо маленькимъ, острымъ пальцемъ.

— Поглядите-ка на его глаза!—сказала она:—они точно лиски, выглядывающія изъ своихъ норокъ, а волосы у него встали, какъ у ежа.

Она вспрыгнула къ нему и прижалась головкой къ его головѣ. Волосы у нихъ были одинаково свѣтлые.

— Ну, хорошо,—сказала Эльзбе,—только не шумите, а то мнѣ не слышно, что̀ говорятъ.

— Теперь,—сказалъ Тисъ,—вы должны посмотрѣть, какое удивительное путешествіе я совершилъ за эту недѣлю.

Они прошли за нимъ въ его спальную. Это была большая комната съ оштукатуренными стѣнами. Въ ней стояли только кровать Тиса, сундукъ и два стула. На стѣнахъ отъ потолка до пола были нарисованы синимъ карандашомъ пять частей свѣта и оба полушарія. На стульяхъ лежали стопками книги. Тисъ разсказалъ дѣтямъ, что за эту недѣлю проѣхалъ съ Ливингстономъ среднюю Африку, проводилъ съ нимъ ночи у костра и питался вяленымъ козьимъ мясомъ. Онъ взялъ книгу и прочелъ, какъ англійскій естествоиспытатель заключилъ миръ съ страшнымъ негритянскимъ царемъ. Онъ поднималъ руку и читалъ очень торжественно, но Эльзбе все-таки стало скучно.

— Если мы все здѣсь будемъ кваситься,—сказала она,—то не успѣемъ посмотрѣть лодку.

Всѣ съ нею согласились и отправились на берегъ.

Лодка, привязанная цѣпью, стояла въ коричневатой, темной болотной водѣ и имѣла нѣкоторое отдаленное сходство съ телячьимъ корытомъ. За десять шаговъ отъ нея несло смолой, которой были обильно залиты всѣ щели. Посреди возвышалась мачта съ желтымъ шолковымъ вымпеломъ, сдѣланнымъ изъ бабушкина платка.

Въ общемъ, лодка производила величественное впечатлѣніе. Всѣ засыпали Тиса похвалами и объявили, что на этотъ разъ онъ дѣйствительно сдѣлалъ нѣчто настоящее. Тисъ, чтобы еще увеличить свою славу, объявилъ:

— Первое плаваніе я совершу одинъ.

Онъ усѣлся осторожно на середину лодки и вытянулъ ноги. Эльзбе влѣзла на ивовый пень, свѣсившійся надъ водою, и стала причитать:

— Ну, что, если ты перекувырнешься? Головой-то внизъ, а ноги-то застрянутъ въ лодкѣ!

— Я? Перекувырнусь?

— Дружище Тисъ! Она ужъ какъ-то криво идетъ.

— Тисъ! Вѣдь ты знаешь, съ тобой всегда случаются несчастія!

— Ну, ужъ и всегда!

Онъ порылся въ карманѣ и вытащилъ и положилъ передъ собою три спички.

— Дружище Тисъ! Брось ты все это! Именно когда ты хочешь показать себя во всемъ великолѣпіи, тогда-то ты и ударяешь лицомъ въ грязь.

— Ужъ оставьте его! онъ и такъ, буквально, ударилъ лицомъ въ грязь.

Тисъ отпихнулся отъ берега въ темную воду, осторожно положилъ весло и потянулся за спичками. Лодка закачалась. Онъ чиркнулъ по доскѣ спичкой, но она не зажглась; тогда онъ поднялъ привычнымъ движеніемъ ногу, чтобы шаркнуть спичкой о подошву сапога. Лодка качнулась сильнѣе, огонь вспыхнулъ, смола загорѣлась, повалилъ дымъ, лодка перевернулась, и съ нею перевернулся Тисъ Тиссенъ.

Іёрнъ спрыгнулъ съ берега и стоялъ по колѣни въ водѣ.

— Еще булькаетъ,— тихо проговорилъ Фите Крей.

— Но смола!—воскликнула Эльзбе:—вѣдь онъ прилипъ!

Лизбета съ плачемъ побѣжала отъ берега.

Настала жуткая тишина. И дѣти, и болото затаили дыханіе.

Вдругъ вода начала шипѣть и кипѣть, вокругъ стали расходиться волны, и что-то черное, похожее на губку или на спину темной рыбы, показалось изъ воды. Отплевываясь, охая, захлебываясь и фыркая, вылѣзло это чудовище на четверенькахъ на берегъ.

— Ну, вотъ! — произнесъ Тисъ Тиссенъ и плюнулъ:—это случается съ лучшими суднами. Лодка была новой конструкціи, Іёрнъ, и вѣроятно немного маловата. Во всякомъ случаѣ мы

нѣчто видѣли, пережили и испытали. — Онъ еще разъ плюнулъ и пошелъ домой переодѣться, а Іёрнъ побѣжалъ за плачущею Лизбетой, схватилъ ее за руку и смѣшилъ ее до тѣхъ поръ, пока она не разсмѣялась. Но страхъ ея не вполнѣ прошелъ, и она просилась домой.

— Ну, вотъ видишь?—сказала Эльзбе:—опять начинается! вѣчно эта Лизбета хочетъ рано идти домой.

— И я повторяю, — вмѣшался Фите, — что ее нечего съ собою брать; она слишкомъ мала и черезчуръ ужъ жеманится. А ты всегда настаиваешь, чтобы мы ее брали.

Лизбета, выслушавъ выговоръ, стала возлѣ Іёрна и расплакалась.

— Я иду съ нею домой, — объявилъ Іёрнъ.—Сейчасъ же! А вы можете дѣлать, что хотите.

Но, конечно, всѣмъ хотѣлось идти вмѣстѣ.

Они подождали, пока Тисъ переодѣвался и онъ проводилъ ихъ черезъ лѣсъ до ихъ поля. Тамъ онъ долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, прикрывъ глаза рукою, пока заходящее солнце совсѣмъ не ослѣпило его.

V.

При всякомъ удобномъ случаѣ Клаусъ Уль заводилъ рѣчь о томъ, что его младшій сынъ долженъ сдѣлаться ученымъ человѣкомъ.

— Іёрнъ у меня будетъ учиться,—говорилъ онъ,—это разумѣется само собою.

Когда же онъ бывалъ навеселѣ и въ приподнятомъ настроеніи, то уже безъ всякаго стѣсненія выражалъ свою завѣтную мысль словами:

— Онъ будетъ у меня ландфогтомъ!

Крестьяне и торговцы, его обычные собутыльники, разражались смѣхомъ при этомъ заявленіи и начинали пить за здоровье Іёрна Уля, будущаго ландфогта.

Клаусъ Уль такъ часто говорилъ о будущей учености своего сына, что для него стало уже вопросомъ чести привести въ исполненіе свою мысль. Съ этой цѣлью онъ обратился къ школьному учителю Петерсу и попросилъ его заняться съ сыномъ, чтобы подготовить мальчика въ гимназію.

Старикъ согласился и засадилъ Іёрна за англійскую книгу. Онъ былъ того мнѣнія, что изученіе англійскаго языка служитъ первой ступенью для пріобрѣтенія всевозможныхъ познаній, и

что, вообще, англійскій языкъ имѣетъ огромное значеніе въ свѣтѣ. Иногда, когда оставалось свободное время, они занимались слегка и латынью, но это случалось очень рѣдко, и въ концѣ концовъ латынь была окончательно заброшена.

Былъ чудный лѣтній день. На деревенской улицѣ, обсаженной деревьями и залитой солнцемъ, стояла тишина. Вѣтви разросшейся старой липы заслоняли окно, и комната была освѣщена какимъ-то таинственнымъ темно-краснымъ свѣтомъ.

Старый учитель Петерсъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ со своимъ ученикомъ Юргеномъ. Передъ мальчикомъ лежала развернутая англійская книга, источникъ премудрости и всевозможныхъ знаній.

— Юргенъ! — сказалъ старикъ: — мнѣ нужно посмотрѣть пчелъ. Переводи-ка себѣ потихоньку, а я сейчасъ вернусь.

Онъ ушелъ, а Юргенъ продолжалъ переводить. Въ открытое окно влетѣла пчела и принялась съ жужжаньемъ кружиться по комнатѣ. Скоро разобрала она, что попала совсѣмъ не туда, куда ей было нужно, и зажужжала уже озабоченно. Потомъ она вылетѣла, но унесла съ собой всѣ мысли мальчика, и Іёрнъ долго просидѣлъ, мечтая и глядя въ открытое окно.

Постепенно Юргенъ начиналъ смотрѣть на Божій міръ иными глазами, чѣмъ прежде. Въ немъ развивалась любовь къ книгамъ, преимущественно къ тѣмъ, которыя давали точныя, опредѣленныя свѣдѣнія и изслѣдованія, основанныя на опытѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы постигнуть весь міръ! — какъ-то сказалъ онъ Фите Крею.

Фите Крей уже конфирмовался и считался въ числѣ работниковъ въ домѣ Уля. Фите мечталъ разбогатѣть, а въ ожиданіи богатства—вырывалъ волосы изъ лошадиныхъ хвостовъ и сбывалъ ихъ довольно выгодно. Кромѣ того, ему удалось еще завести маленькую самостоятельную торговлю скребницами и кнутами.

Между тѣмъ, Юргенъ Уль все сидѣлъ передъ раскрытой англійской книгой и удивлялся людямъ, придумавшимъ для себя такой странный языкъ.

Всѣ окна въ домѣ были открыты настежь, въ липахъ громко распѣвали птицы, и пчелы неистово жужжали въ золотистомъ сумракѣ, образовавшемся между окномъ и густою листвою.

Вдругъ послышались чьи-то осторожные шаги. Шаги приближались, и въ раскрытое окно заглянула бѣлокурая голова Лизбеты Юнкеръ.

— Ты все еще сидишь за книгой? — сказала дѣвочка.— Иди-ка поскорѣе сюда!

— А что ты дѣлаешь? Все удишь?

— Да, ужу. Я ужъ поймала цѣлыхъ десять преогромныхъ колюшекъ, а сейчасъ какая-то рыба сорвала у меня съ удочки червяка. Выходи-ка поскорѣе! Дѣдушка навѣрное позабылъ о тебѣ. Успѣешь все доучить и потомъ. Вѣдь ужъ не такъ же трудно сдѣлаться ландфогтомъ!

Онъ оставилъ книгу и пошелъ за нею. Вообще, онъ никогда и ни въ чемъ не могъ отказать ей,—такой милой и умной она всегда казалась ему.

Они перелѣзли черезъ плетень и пробрались къ пруду. Тамъ они усѣлись на травѣ рядомъ подъ ольхой и стали тихо разговаривать. Она спросила объ Эльзбе и Фите.

— Ну, скажи-ка мнѣ, что собирается дѣлать Фите? Думаетъ ли онъ тоже сдѣлаться торговцемъ, какъ его отецъ и другіе Креи?

— Нѣтъ, онъ не хочетъ быть торговцемъ.

— А чѣмъ же онъ собирается быть?

— Да, видишь ли, это еще не рѣшено. Иногда онъ говоритъ, что отправится въ Калифорнію искать золото; ну, а иногда говоритъ, что будетъ кучеромъ... кажется, что у ландфогта.

— А, это, значитъ, у тебя! По-моему, это гораздо лучше, чѣмъ ѣхать за золотомъ... Ну, и жара же сегодня!

Она замолчала. Сіяло солнце и пѣли птицы. Удилище Лизбеты опускалось все глубже и глубже, а голова ея склонялась все ниже и ниже на плечо Іёрна. Она задремала.

Удилище лежало совсѣмъ въ водѣ, а Лизбета спала, положивъ голову на плечо мальчика. Онъ чувствовалъ ея дыханіе, ея волосы касались его щеки. Онъ сидѣлъ неподвижно и задумчиво смотрѣлъ на разстилавшуюся передъ нимъ картину.

Откуда-то издали, все приближаясь, доносилось дребезжаніе колесъ. Іёрнъ прислушался. По деревенской улицѣ катилась какая-то повозка. Подъѣхавъ къ школьному дому, она остановилась. Дѣвочка проснулась, а учитель Петерсъ поспѣшно вышелъ изъ глубины сада и направился на встрѣчу къ сгорбленному, сѣдому господину, стоявшему уже у калитки сада.

— Милости прошу, войдите въ домъ, господинъ ландфогтъ! —сказалъ онъ.

— Благодарю, но я предпочитаю остаться въ саду,—отвѣтилъ ландратъ.—Погуляемъ немного. Жена послала меня къ вамъ за зимними яблоками.

Нѣкоторое время они обсуждали порученіе, возложенное на ландрата его женой, но вдругъ совершенно неожиданно гость заговорилъ серьезнымъ тономъ:

— Я пріѣхалъ къ вамъ еще и съ другой цѣлью,—сказалъ онъ.—Мнѣ хотѣлось узнать ваше мнѣніе о здѣшнихъ обывателяхъ, именно объ Уляхъ. На ваши слова можно вполнѣ положиться, такъ какъ вы знаете жизнь и людей.

Старикъ, польщенный оказываемой ему честью и побуждаемый желаніемъ принести пользу, отвѣтилъ, слегка понизивъ голосъ, слѣдующее:

— Клаусъ Уль — это самый худшій изъ всѣхъ, кто когда-либо пользовался большимъ вліяніемъ. Много людей имъ загублено. При кажущемся добродушіи онъ на самомъ дѣлѣ только высокомѣренъ и глупъ. Даже дѣти, и тѣ смѣются надъ его заносчивостью. Онъ прижимаетъ рѣшительно всѣхъ, кто имѣетъ къ нему какое-нибудь дѣло.

Говорившіе повернули на дорогу къ дому, и нѣкоторое время разговоръ ихъ не былъ слышенъ, но потомъ они снова вернулись къ пруду.

— Чего же и требовать отъ остальныхъ, если сами хозяева такъ живутъ. Все идетъ спустя рукава. Народъ разлѣнился, скотина заброшена, урожай плохъ. А самое худшее—это то, что дѣти у насъ не видятъ хорошихъ примѣровъ.

— Ну, а что скажете вы о здѣшнихъ женщинахъ?

— Что вамъ сказать о нихъ,—право, не знаю. Нѣкоторыя изъ нихъ нисколько не лучше своихъ мужей, даже, пожалуй, и хуже. Вѣдь дурная женщина ужъ если плоха, то плоха до конца. Попадаются у насъ и хорошія хозяйки, разумныя жены и добрыя матери, но это въ видѣ исключенія, и, къ сожалѣнію, ихъ очень и очень мало.

— Скажите мнѣ вотъ еще что: я случайно слышалъ, что среди крестьянъ появились какіе-то подозрительные люди, завлекающіе ихъ въ разнаго рода сомнительныя денежныя спекуляціи.

Учитель Петерсъ не сразу отвѣтилъ на этотъ вопросъ.

— Помнится мнѣ, что Клаусъ Уль какъ-то говорилъ при мнѣ съ Карстеномъ Ривертомъ о какихъ-то бумагахъ. Слышалъ я тогда отъ нихъ и слово „ultimo“. Что значитъ это „ultimo“, г-нъ ландфогтъ?

— А вотъ оно что... Вѣдь когда крестьянинъ начинаетъ заниматься денежными спекуляціями, то обыкновенно это кончается полнымъ разореніемъ. Не правда ли?

— Да, это обычный конецъ. Вотъ Іогенъ Миль въ три недѣли потерялъ цѣлыхъ сто-пятьдесятъ-тысячъ марокъ.

— Ну, и увлеченіе „ultimo“ ведетъ обыкновенно тоже къ

полнѣйшему банкротству. Однако, пойдемте въ садъ. Послѣ разговора о людяхъ, особенно хочется забыться и отдохнуть среди природы.

И они исчезли въ глубинѣ сада.

— Вотъ что! — сказалъ мальчикъ и вытащилъ удочку изъ воды:—теперь ужъ мнѣ пора приняться за книгу.

Вскорѣ послышался стукъ отъѣзжавшей коляски, и затѣмъ въ комнату вошелъ старикъ Петерсъ.

— Ты все еще здѣсь? — спросилъ онъ. — И ты все время сидѣлъ за книгой здѣсь у открытаго окна?

— Нѣтъ. Я былъ съ Лизбетой.

— Гдѣ же ты былъ?

— Внизу, у пруда. Мы ловили колюшекъ.

— Такъ... такъ...

Старикъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, посмотрѣлъ въ открытое окно и опять подошелъ къ мальчику.

— Такъ вотъ оно что! Знаешь, Юргенъ, мальчикъ долженъ умѣть молчать. Только въ такомъ случаѣ изъ него можетъ выйти порядочный человѣкъ.

— Я тоже могу молчать,—отвѣтилъ Іёрнъ Уль, уставившись на учителя пристальнымъ, пронизывающимъ взглядомъ.

— Вотъ и отлично. И вотъ что я еще скажу тебѣ, Юргенъ. Старые люди много хорошаго разсказывали мнѣ о твоемъ прадѣдушкѣ. Это былъ человѣкъ съ головой и сердцемъ, и однажды самъ король пріѣзжалъ къ нему въ гости. Наслѣдникомъ его былъ твой дѣдушка. Этого я зналъ уже самъ. Онъ былъ добродушный человѣкъ и большой весельчакъ, и это рѣшительно все, что о немъ можно сказать. Но вѣдь этого мало, и это плохо, когда о человѣкѣ нельзя сказать ничего больше. Когда онъ умеръ, твой отецъ наслѣдовалъ все... Твой отецъ...

Мальчикъ, не опуская глазъ, вызывающе смотрѣлъ на старика. „Прекрасно знаю, что ты мнѣ скажешь, но ни за что на свѣтѣ не покажу, что вѣрю тебѣ“,—казалось, говорилъ онъ.

Старикъ учитель встрѣтилъ этотъ взглядъ и запнулся. Пригладивъ сѣдую бороду и немного помолчавъ, онъ заговорилъ уже своимъ обычнымъ, сухимъ и вразумительнымъ, учительскимъ тономъ:

— Знаешь, что сказалъ великій поэтъ Гете, провозвѣстникъ истины нашего столѣтія?—„Чтобы овладѣть наслѣдіемъ отцовъ, его трудомъ пріобрѣсти ты долженъ“!.. Ну, теперь можешь идти, Юргенъ! Мнѣ нужно отправляться въ засѣданіе сберегательной кассы.

На другой день, рано утромъ, едва исчезли звѣзды на голубовато-сѣромъ небѣ, мальчикъ уже вскочилъ съ постели. Посвистывая и что-то напѣвая, онъ прошелъ черезъ домъ, громко хлопая дверями, и направился въ хлѣвъ. Тамъ Витенъ уже доила коровъ.

— Что̀ съ тобой?—удивленно спросила она.—Вѣдь еще нѣтъ четырехъ часовъ.

Въ отвѣтъ онъ только разсмѣялся, и съ безпечнымъ видомъ объяснилъ, что ему было такъ жарко, что онъ не могъ дольше оставаться въ постели.

Онъ ушелъ отъ нея, громко посвистывая, но черезъ нѣсколько минутъ опять вернулся къ Витенъ въ хлѣвъ и спросилъ, что̀ же дѣлаютъ работницы, и почему ихъ нигдѣ не видно.

— Вотъ съ ними мнѣ очень трудно. Онѣ обѣ до сихъ поръ еще валяются въ постели.

— Но вѣдь хозяйка-то ты. Прикажи имъ, чтобы онѣ вставали.

— Ну, это не такъ-то просто,—отвѣтила Витенъ.—Онѣ обѣ ужъ очень дружатъ съ Августомъ и Гиннеркомъ.

Тогда онъ направился къ дому и, проходя по корридору, швырнулъ мимоходомъ нѣсколько полѣньевъ въ дверь дѣвичьей. И все время, точно ранняя птица, онъ пѣлъ и свисталъ, не умолкая ни на минуту. Потомъ онъ опять вышелъ изъ дома и сталъ прогуливаться подъ окнами. Его братъ Гансъ какъ разъ въ это время пробирался по выгону къ дому. Іёрнъ, улыбаясь, направился къ нему на встрѣчу.

— А я думалъ, что ты еще въ постели!—привѣтливо сказалъ онъ.—Гдѣ же это ты былъ? На мельницѣ или на кузницѣ?

Тогда братъ, подойдя къ нему ближе, ударилъ его.

— Дуракъ! — произнесъ онъ пьянымъ голосомъ, и новымъ ударомъ въ грудь втолкнулъ мальчика въ конюшню. Онъ собирался ударить его и еще разъ, но не устоялъ на ногахъ и схватился за лошадь. Та, испугавшись, стала бить копытами.

Въ эту минуту изъ глубины стойла показался Фите Крей.

— Это еще что̀? Ты, кажется, собираешься бить Іёрна? Только попробуй! Мы вдвоемъ такъ тебя вздуемъ, что ты и не встанешь, —сказалъ онъ.

Послѣ обѣда, когда отецъ, по обыкновенію, собрался ѣхать въ городъ, Іёрнъ попросилъ дать ему самому запречь лошадей.

Устроивъ все какъ слѣдуетъ, онъ подкатилъ къ дому, и здѣсь, соскочивъ на землю, сталъ ждать отца, придерживая за поводья

лошадь. Отъ времени до времени онъ слегка похлопывалъ ее по ноздрямъ, припѣвая:

— Ultimo—это вздоръ! Ultimo—вздоръ!

Клаусъ Уль услышалъ это и спросилъ:—Что это съ нашимъ тихоней, Витенъ?—И онъ громко разсмѣялся.

— Не знаю, но онъ поетъ сегодня съ самаго утра,—отвѣтила та.

— Что такое ты тамъ распѣваешь?—спросилъ сына Клаусъ Уль, выходя на крыльцо.

— Ничего особеннаго,—равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ мальчикъ.—Вотъ ландратъ былъ вчера у учителя, и я случайно слышалъ, какъ онъ говорилъ ему: „Всѣ, кто увлекается „ultimo", кончаютъ разореніемъ".

— Вотъ какъ!..—произнесъ, вскакивая въ повозку, Клаусъ Уль, и онъ разразился самымъ безпечнымъ хохотомъ.—Такъ смотри же, Іёрнъ, берегись „ultimo"!

Мальчикъ звонко разсмѣялся, а отецъ стегнулъ лошадь, и повозка укатила, но даже съ дороги нѣкоторое время все еще доносился до дома громкій, жизнерадостный хохотъ Клауса Уля.

Хотя Іёрнъ въ это время сильно росъ и ему было трудно рано вставать, тѣмъ не менѣе онъ заставлялъ Фите Крея каждое утро будить себя, и какъ бы нечаянно появлялся въ кухнѣ, въ хлѣву, обходилъ дворъ и поля. Для всѣхъ въ домѣ этотъ мальчикъ олицетворялъ собою упрекъ безпокойной, чуткой совѣсти.

Между тѣмъ Эльзбе и Лизбета съ осени стали ходить въ школу шитья къ старушкѣ, женѣ учителя Петерса. Кромѣ шитья, онѣ учились у нея еще слегка и французскому языку.

Эльзбе Уль, рожденіе которой стоило жизни ея матери, была необыкновенно жизнерадостнымъ существомъ. Эта повышенная жизнерадостность встрѣчается довольно часто у людей маленькаго роста, но родившихся отъ крѣпкихъ и рослыхъ родителей. Для своихъ одиннадцати лѣтъ Эльзбе была очень мала, но при этомъ крѣпка и гибка какъ молодой ясень. Старшіе братья относились къ дѣвочкѣ съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ, но зато съ Юргеномъ и съ Фите Креемъ у нихъ была одна душа и одно сердце. Часто, когда дѣвочка, послѣ полудня, возвращалась изъ деревни домой, они оба поджидали ее у конюшни, а она, завидѣвъ ихъ, поднимала высоко узелокъ съ книгами и размахивала имъ въ знакъ привѣтствія, повернувъ голову немного вбокъ. Это называлось у нея „показывать профиль". Фите увѣрялъ, что у нея очень красивый профиль, особенно съ одного

бока. Вообще, Фите, не переставая, все время ухаживалъ за дѣвочкой, что̀ нисколько не мѣшало ему имѣть настоящую возлюбленную въ лицѣ одной изъ работницъ, Трины Кюль.

Какъ-то разъ, когда они всѣ трое были во дворѣ, къ нимъ подошелъ старикъ съ бѣлыми какъ ленъ волосами, съ красивымъ умнымъ лицомъ, и спросилъ ихъ, дома ли хозяинъ. Эльзбе отвѣтила, что отецъ ушелъ въ деревню, но скоро вернется.

— Мнѣ нужно съ нимъ поговорить,—сказалъ незнакомецъ.

Они всѣ трое смотрѣли на старика. Онъ показался имъ очень утомленнымъ.—Пройдите въ комнату и тамъ подождите хозяина!—радушно предложилъ Фите.

Эльзбе и Іёрнъ пошли проводить старика въ домъ, но въ корридорѣ встрѣтились съ выходившими изъ кухни старшими братьями.—Это кого вы еще притащили?—спросилъ Гансъ.

Дѣти объяснили, что старикъ пришелъ по дѣлу къ отцу.

— Все это хорошо,—сказали братья,—но зачѣмъ же вести его сразу въ парадную комнату? Проведите его въ комнату Фите Крея.

Старикъ прошелъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ каморку работника. Усѣвшись тамъ, онъ ласково спросилъ:—Вѣдь вы младшія дѣти Клауса Уля?

— Да,—отвѣтила Эльзбе.—Мнѣ двѣнадцать лѣтъ, а Іёрну—четырнадцать.

— Вы славныя дѣтки,—сказалъ старикъ,—а вотъ ваши старшіе братья людей по платью встрѣчаютъ. Очень ужъ они у васъ важные.

— А мы такъ совсѣмъ простые,—серьезно проговорилъ Іёрнъ,—и въ трактиръ никогда ходить не будемъ.

— Ну, а какъ же, когда тамъ балъ!—воскликнула Эльзбе.

— Я, все равно, не пойду,—объявилъ Іёрнъ, и пошелъ посмотрѣть, не идетъ ли отецъ.

Завидѣвъ его издали, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ:

— Тамъ, въ людской, тебя дожидается какой-то человѣкъ. Ему нужно съ тобой поговорить.

— Какъ въ людской?—переспросилъ Клаусъ Уль, и его лицо сразу омрачилось. Поспѣшными шагами направился онъ въ комнату Фите Крея, отшвырнувъ рукою попавшагося ему на дорогѣ Ганса. Въ людской онъ засталъ старика, разсказывавшаго Эльзбе о Тисѣ Тиссенѣ, котораго онъ хорошо зналъ. Дѣвочка стояла около него совсѣмъ близко и слушала, не спуская съ гостя глазъ.

— Идемъ-ка отсюда прочь!—сказалъ Клаусъ Уль.—Мнѣ

очень жаль, что мои глупые сыновья засадили тебя сюда, Мартенсъ.

Старикъ слегка отмахнулся рукой.—Я вѣдь не въ гости пришелъ,—сказалъ онъ:—мнѣ нужно потолковать съ тобой о моихъ восьмидесяти тысячахъ марокъ. Дочка моя замужъ собралась.

Юргенъ опять выбѣжалъ изъ комнаты и очутился въ кухнѣ у Витенъ. Въ эту минуту она стояла у корыта и стирала. Юргенъ ухватился за ея фартукъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ маленькія дѣти, и стоялъ до тѣхъ поръ, пока она не спросила:—Что съ тобой, Іёрнъ? Уходи-ка поскорѣе отсюда! Тебѣ здѣсь не мѣсто.—Но въ эту минуту онъ такъ посмотрѣлъ на нее, что она сразу замолчала и стала гладить рукой его свѣтлые волосы.—Хорошо, что матери твоей нѣтъ въ живыхъ,—сказала она.

Эту фразу, или вообще что-нибудь въ этомъ родѣ, она повторяла при всякомъ удобномъ случаѣ, и хотя ея слова не всегда были совсѣмъ ясны и понятны мальчику, но у него все-таки постепенно составилось представленіе, что мать мало подходила къ ихъ дому. Въ домѣ не было ея портрета, но пылкое воображеніе Іёрна рисовало ему, что она съ убитымъ лицомъ бродитъ по дому. Только почему-то онъ представлялъ ее себѣ высокой и тонкой,—она же была маленькая и круглая. Эльзбе впослѣдствіи очень походила на мать.

Въ этотъ день вечеромъ, когда отецъ, какъ всегда навеселѣ, но почему-то раньше обыкновеннаго вернулся домой,—къ нему на встрѣчу вышелъ Іёрнъ.

— Отецъ, вѣдь если у насъ будетъ много долговъ, то намъ придется продать все хозяйство,—проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ и расплакался. Отецъ ударилъ его и оттолкнулъ отъ себя. Мальчикъ убѣжалъ въ людскую и проспалъ ночь у Фите Крея.

Съ этого дня онъ всегда убѣгалъ куда-нибудь подальше, когда до него доносился безпечный и громкій смѣхъ отца.

VI.

Возлѣ хлѣва, недалеко отъ входной двери, стоялъ старый деревянный сундукъ, обращенный въ ящикъ для корма. Онъ былъ дубовый и украшенъ рѣзными изображеніями, кое-гдѣ стертыми отъ времени. Слѣва былъ представленъ блудный сынъ въ богатой одеждѣ и съ тяжелымъ мѣшкомъ съ деньгами, собираю-

щійся покинуть отцовскій домъ, а справа—тотъ же блудный сынъ, возвращающійся въ рубищѣ. Подъ изображеніемъ находилась надпись, раздѣленная замочною бляхою на двѣ части: „Благословеніе Божіе обогащаетъ безъ труда". Внизу стояло: „Клавесъ Уль 1624".

Триста лѣтъ тому назадъ, этотъ сундукъ составлялъ лучшую и самую дорогую вещь въ хозяйствѣ Улей, но съ теченіемъ времени люди пріобрѣтали богатство и утрачивали вкусъ. Сундукъ нѣсколько разъ ярко выкрашивали, пока совершенно не исчезло тонкое выраженіе фигуръ, и наконецъ сдѣлали изъ него ящикъ для корма скота. Но именно потому, что о немъ больше не заботились, краска стала облупляться и отваливаться кусками, и твердое сѣрое дерево опять выглянуло на свѣтъ Божій. Этотъ сундукъ, прожившій столько времени среди людей, могъ бы многое поразсказать, и несомнѣнно обладалъ сердцемъ, только языка у него не было. Усѣвшись на сундукъ, венторфскія дѣти любили поболтать и строили трудные и серьезные планы жизни вмѣстѣ съ Фите Креемъ, уже конфирмовавшимся и поступившимъ къ Улямъ, въ качествѣ младшаго работника.

— Фите, иди скорѣй!—закричали дѣти:—давай здѣсь ужинать.—Іёрнъ сѣлъ на сундукъ, положивъ рядомъ съ собою книги и кусокъ хлѣба. Эльзбе уже сидѣла на ящикѣ и болтала отъ нетерпѣнія ногами. Фите поставилъ на мѣсто ведро и однимъ прыжкомъ вскочилъ на сундукъ, крикнувъ:—All right!

Онъ любилъ подхватить какое-нибудь слово или выраженіе и повторять его.

— Значитъ, рѣшено,— началъ Іёрнъ:—если я уйду изъ дому, то ты здѣсь останешься и за всѣмъ присмотришь; а то иначе мнѣ не сдѣлаться ландфогтомъ.

— Да, да!—медленно и раздумчиво, мужскимъ грознымъ голосомъ произнесъ Фите.—Трудно мнѣ было на это рѣшиться,—ужъ очень прежде тянуло меня въ Калифорнію,—но съ годами становишься разумнѣе. Рѣшено,—я здѣсь остаюсь.

— Черезъ нѣсколько лѣтъ ты женишься,—продолжалъ Іёрнъ,—и будешь у насъ старшимъ работникомъ. Ты уже присмотрѣлъ себѣ жену?

— Тамъ видно будетъ,—отвѣчалъ Фите Крей:—женщинъ довольно на свѣтѣ!

Нѣсколько времени они ѣли молча, запивая хлѣбъ поочередно свѣжимъ молокомъ изъ большой чашки. Наконецъ Фите вытеръ губы и, пристукнувъ пустой чашкой, поставилъ ее на сундукъ.

— Можешь спокойно дѣлаться ландфогтомъ и положиться на меня: я обо всемъ здѣсь позабочусь,—сказалъ онъ. Іёрнъ забралъ свои книги и ушелъ въ садъ, шагая медленно и задумчиво. Эльзбе пододвинулась поближе къ Фите.

— Ну, вотъ мы и одни,—сказала она.—Знаешь, я видѣла сегодня Гарро Гейнзена. Чего онъ мнѣ только ни наразсказалъ! Какой онъ умный, я тебѣ скажу!

— Ты, знаешь, съ нимъ не очень-то...—сказалъ Фите.—Вѣдь тебѣ извѣстно, въ какихъ мы находимся съ тобой отношеніяхъ.

— Ахъ, мнѣ все извѣстно!

— Ну, то-то же. Іёрнъ будетъ ландфогтомъ, и намъ не помѣха. Августъ скоро женится и получитъ другой дворъ. Генрихъ—въ солдатахъ, и Ганса на слѣдующій годъ заберутъ. А всѣ говорятъ, что будетъ война. Навѣрное одного изъ нихъ убьютъ, а другой получитъ отдѣльный дворъ. И останешься одна ты, крошечка! Отецъ твой состарится и скажетъ: „Дѣти, благословляю васъ, женитесь и покойте меня на старости лѣтъ“. Это навѣрное такъ будетъ.

Она разсѣянно кивнула головой и опять заговорила о Гарро Гейнзенѣ.

— Его сестрѣ восемнадцать лѣтъ, и она уже невѣста. Черезъ шесть лѣтъ и я могу быть невѣстой. Если тебѣ тогда нельзя будетъ на мнѣ жениться, то я выйду за другого.

— Перестань, не говори ты мнѣ больше про этого Гарро Гейнзена! Онъ—дуракъ.

— Ахъ!—произнесла она, вытянулась и закинула назадъ голову.—Теперь ты мнѣ что-нибудь разскажи. Гарро Гейнзенъ всегда такъ много разсказываетъ о разныхъ важныхъ господахъ, какъ у нихъ тамъ все... Знаешь, когда я буду большая, я все буду танцовать, все танцовать, танцовать, пока не упаду. Когда мы будемъ мужемъ и женой, ты долженъ будешь водить меня на всѣ танцы.

— Хорошо,—согласился Фите Крей.—На всѣ танцы. Это—дѣло рѣшенное.

— Сначала уложимъ дѣтей, а ужъ тогда и отправимся.

— Отлично.

Она засмѣялась, забарабанила ногами по сундуку, раскачиваясь то въ ту, то въ другую сторону.

— Вотъ жизнь-то будетъ!

— Ну, а теперь уходи, крошка!—сказалъ Фите Крей.—Мнѣ нужно здорово работать, чтобы скорѣе стать главнымъ работникомъ.

Но когда она ушла, онъ снова присѣлъ на сундукъ, тихонько посвистывая.

„Она будетъ моею женой, — подумалъ онъ: — это такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь сижу; но въ Улѣ я и дня не останусь. Съ ея денежками я поселюсь гдѣ-нибудь въ Гамбургѣ или еще дальше и начну торговлю или открою гостинницу. А и глупа же дѣвчушка,—но все-таки не такъ глупа, какъ Іёрнъ: буду я весь свой вѣкъ работникомъ въ Улѣ! Придумалъ, нечего сказать"!

Клаусъ Уль проводилъ почти все свое время въ трактирѣ или въ обществѣ односельчанъ за картами, политическими разговорами и шутками. Дома ему не сидѣлось и онъ чувствовалъ себя въ немъ неловко и неуютно. О воспитаніи и образованіи своего младшаго сына онъ не заботился и отгонялъ отъ себя непріятную мысль о предстоявшемъ Іёрну экзаменѣ, потому что терпѣть не могъ попадать въ смѣшное положеніе. Его просто испугало, когда Іёрнъ въ одинъ прекрасный день объявилъ ему:

— Учитель Петерсъ получилъ письмо, что мнѣ послѣ-завтра надо держать экзаменъ. Значитъ, я поѣду съ тобою въ городъ?

Клаусъ Уль сдѣлалъ озабоченное лицо, но оно быстро прояснилось, и онъ сказалъ:

— Знаешь, что я придумалъ? Тебя отвезетъ Тисъ Тиссенъ; это ему доставитъ большое удовольствіе.

И Тисъ Тиссенъ явился въ своей старой повозкѣ за племянникомъ.

— Какое безобразіе,—сказала Витенъ,—что Уль не самъ ѣдетъ съ мальчикомъ. Я вѣдь знаю, отчего онъ это дѣлаетъ.

Іёрну было тяжело и стыдно, и много лѣтъ спустя онъ все еще краснѣлъ, вспоминая о поведеніи своего отца. Уныло и молча сидѣлъ онъ въ повозкѣ Тиса. Трина Кюль, возлюбленная Фите Крея, стояла въ дверяхъ кухни съ двумя другими работницами. Онѣ подсмѣивались надъ Тисомъ и желали успѣха Іёрну. Онѣ любили его, несмотря на его молчаливость и задумчивость, удивлялись его пристрастію къ книгамъ и считали ученымъ. Фите Крей съ порога хлѣва махнулъ вилами и крикнулъ:

— All right, Тисъ!

Эльзбе подтрунивала надъ высокимъ цилиндромъ Тиса и сказала:

— Тисъ, ты все всегда дѣлаешь шиворотъ-навыворотъ. Такія шляпы надѣваютъ только на похороны.

— Ну, ужъ трогайте!—крикнула Витенъ.—Всего хорошаго,

Іёрнъ! Мнѣ кажется, что сегодняшній день принесетъ тебѣ счастье... не знаю только, какое именно... мнѣ это не совсѣмъ ясно.

Уже выѣхавъ изъ деревни, они вдругъ увидали бѣгущую съ пригорка Лизбету Юнкеръ.

— Тисъ, остановись, подожди!—кричала она и, граціозно вскочивъ на подножку, сунула въ руку уныло сидѣвшему Іёрну большое, красивое яблоко.

— Это послѣднее яблоко въ домѣ, всегда оно мнѣ достается, но теперь ты его возьми.

Она быстро спрыгнула на землю и смущенно и задорно погрозила пальцемъ.

— Когда сдѣлаешься ландфогтомъ!.. смотри тогда!.. Ну, трогай Тисъ!

Молча доѣхали они до города и, оставивъ лошадей на постояломъ дворѣ, пошли пѣшкомъ по тихимъ улицамъ въ гимназію. Такъ какъ Тисъ, по скромности своей, никогда никуда не входилъ черезъ парадное крыльцо, то и теперь они прошли боковой дверью въ подвальное помѣщеніе педелей. Тамъ сидѣлъ служитель за столомъ; передъ нимъ стоялъ его утренній кофе, и утреннее солнце играло и искрилось на блестящей посудѣ.

— Я, вотъ, привезъ рекрута,—заговорилъ привѣтливо Тисъ: —его готовилъ венторфскій учитель Петерсъ. Онъ знаетъ по-англійски, ну и остальное все, что требуется. Собирается быть ландфогтомъ.

Служитель взглянулъ на нихъ черезъ очки и произнесъ:

— Я его проведу; тамъ уже начали.

Онъ ушелъ съ Іёрномъ, а Тисъ усѣлся на солнышкѣ, осторожно держа шляпу на колѣняхъ, и приготовился къ пріятному разговору.

— Скажите, пожалуйста, почтеннѣйшій,—началъ онъ, когда служитель вернулся:—сколько времени требуется, чтобы пройти всю школу?

— Это зависитъ отъ того, начнетъ ли мальчикъ съ начала, или перешагнетъ черезъ нѣсколько классовъ.

— Я думаю, нашъ перешагнетъ. Первое—онъ учился уже два года у учителя Петерса, а второе—онъ сынъ Клауса Уля.

— Клауса Уля изъ Венторфа?

— Того самаго. Учителя будутъ знать, что за угощеньемъ онъ не постоитъ.

— Многіе начинаютъ гимназію, да не многіе кончаютъ.

— Ну, ужъ нашъ-то кончитъ. Цѣлыми днями онъ за кни-

гами сидитъ и ничего не видитъ и не слышитъ. Забралъ себѣ въ голову, что будетъ ландфогтомъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался Іёрнъ, съ слегка поблѣднѣвшимъ, длиннымъ, тонкимъ лицомъ.

— Мнѣ рѣшительно все равно, Тисъ, что придется начинать съ самаго начала. Я хочу только выучиться чему-нибудь!— и, видя недоумѣніе Тиса, онъ прибавилъ:— Все спутали. Требуютъ латынь, и мнѣ придется проходить самый младшій классъ. Каждый день бывалъ онъ въ городѣ, и не могъ узнать, что̀ требуютъ: латынь или англійскій языкъ. Но все равно, я хочу быть ландфогтомъ, и сказалъ имъ тамъ, наверху, что пріѣду еще разъ, послѣ Пасхи. Начну все съ начала, мнѣ все равно... пойдемъ!

Молча совершили они и обратный путь.

Когда они подъѣхали къ дому, изъ кухни къ нимъ выбѣжала Эльзбе, вся заплаканная. Она такъ сильно и часто всхлипывала, что плечи у нея все время вздрагивали.

— Что̀ случилось? Крошка, кто тебя обидѣлъ?

Но она не была въ состояніи говорить. Вслѣдъ за нею появилась Витенъ и объяснила:

— Подумайте только: Уль зашелъ случайно въ конюшню, а тамъ сидятъ Фите и Эльзбе рука въ руку и говорятъ о томъ, какъ поженятся и будутъ жить. Уль схватилъ Фите за шиворотъ и вышвырнулъ его изъ конюшни. Теперь мальчуганъ собираетъ свои пожитки у себя въ комнатѣ, а дѣвочка, вотъ, реветъ.

Въ эту минуту появился Фите Крей съ узелкомъ подъ мышкой.

— А все ты виновата!—завопилъ онъ, обращаясь къ Витенъ.—Теперь мнѣ приходится идти въ Гамбургъ, а я даже не знаю, гдѣ онъ. Ты мнѣ все разсказывала про Ганса, какъ онъ свое счастье нашелъ, и про мѣшки съ золотомъ, и про метельщика, сдѣлавшагося королемъ.

Тисъ слѣзъ съ повозки.

— Слѣзай же, Іёрнъ, чего ты сидишь? Пойди сюда, Эльзбе! Да перестань же плакать!

Но она вырвалась у него изъ рукъ, подбѣжала къ Фите Крею, схватила его за руку и закричала:

— Онъ не долженъ уходить, онъ не долженъ уходить! Я его такъ люблю, я его такъ люблю!

Но Фите Крей отвернулся отъ нея и опять завопилъ дикимъ голосомъ:

— Вотъ увидите... я возвращусь и буду жить въ Улѣ. Устрою здѣсь большую метельную фабрику съ паровыми машинами.

Онъ поднялъ кулаки такъ, что узелокъ выскользнулъ у него

изъ-подъ руки и упалъ на землю. Онъ нагнулся, поднялъ его и пошелъ черезъ дорогу, въ домъ своего отца.

Витенъ прошла въ свою комнату и сѣла за работу. Сначала она чувствовала только гнѣвъ и стыдъ. Она таинственно, въ полголоса разсказывала объ этихъ вещахъ дѣтямъ, какъ о мудрости иного міра, отъ другихъ скрытаго, но для нея немного видимаго. Она думала, что стоитъ объ нихъ разсказывать, чтобы наполнять душу слушающихъ ужасомъ и страхомъ, любовью и радостью. А этотъ мальчикъ отнесся къ нимъ грубо, какъ къ простымъ повседневнымъ предметамъ, и выкрикивалъ ихъ среди бѣла дня на улицѣ. Она уронила руки съ работой на колѣни, и чья-то невидимая рука стала показывать ей одну за другой картины страданій, нужды и смерти когда-то знакомыхъ ей людей; и одна картина была печальнѣе другой. Потомъ представился ей Фите Крей, уходящій далеко, безъ руководителя, одинъ съ своими пестрыми фантазіями. Она оглядѣлась и, увидавъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ, закрыла лицо рукою и тихо заплакала.

Когда стемнѣло, Фите Крей вышелъ изъ отцовскаго дома, все съ тѣмъ же узелкомъ въ рукахъ. Мать его сидѣла за печкой и причитала:

— Фите, вѣдь тебѣ только-что минуло семнадцать лѣтъ. Не уходи ты такъ далеко!

Она думала объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ, уѣхавшихъ въ Америку и еще Богъ вѣсть въ какія страны.

— Уйду подальше, куда глаза глядятъ,—отвѣчалъ Фите.— Онъ меня хлыстомъ ударилъ, живодёръ проклятый!

Онъ снова громко заплакалъ и погрозилъ кулакомъ большому старому дому и высокимъ амбарамъ, огромныя соломенныя крыши которыхъ безмолвно темнѣли подъ высокими тополями и ясенями. Ясперъ Крей вышелъ вслѣдъ за сыномъ на порогъ дома.

— Куда ты пойдешь—это все равно,—сказалъ онъ,—а потому ты не можешь заблудиться. Старайся сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ. Если негодяемъ сдѣлаешься—не приходи къ намъ больше; а если добьешься чего-нибудь—понавѣдайся.

— Можешь быть увѣренъ, что я вернусь,—раздалось изъ темноты.

Іёрнъ Уль вышелъ проводить Фите Крея, и они молча дошли до такъ-называемаго „Золотого родника". Вода въ немъ была свѣжая и прозрачная, всегда пополнявшаяся невидимымъ под-

земнымъ ключомъ. Избытокъ воды съ легкимъ журчаньемъ скрывался среди заросли. Двѣ или три звѣзды, загорѣвшіяся въ небѣ, какъ разъ надъ родникомъ, отразились яркими точками въ неподвижной водѣ. Со стороны моря дулъ вѣтерокъ, и въ вѣткахъ съ сухими листьями слышался поспѣшный, неумолкающій шопотъ. Фите остановился и задумчиво посмотрѣлъ на воду.

— Хотѣлъ бы я знать, что̀ тамъ на днѣ, — проговорилъ онъ,—и можно ли его достать и ощупать.

— А развѣ ты не пойдешь на Каменную гору возлѣ Гезе?— спросилъ Іёрнъ, думая утѣшить его.—Ты всегда говорилъ, что тамъ цѣлыя груды золота, слитки величиною въ дѣтскую голову.

Фите Крей энергично покачалъ головой. Эти дѣтскія головы существовали только въ его головѣ. Въ этотъ вечеръ вымыселъ отдѣлился для него отъ дѣйствительности. Слитки золота величиною въ дѣтскую голову — были вымыселъ, но Золотой родникъ существовалъ въ дѣйствительности. Они пошли по тропинкѣ и поднялись на гору.

— Ну, теперь возвращайся домой,—проговорилъ Фите,— дальше я одинъ пойду.

И Іёрнъ, ничего не сказавъ на прощанье, пошелъ назадъ черезъ поле.

А Фите вернулся къ роднику, быстро раздѣлся и, схватившись за длинную толстую вѣтку, свѣсившуюся съ берега, осторожно влѣзъ въ воду. Она приходилась ему до плечъ. Онъ двигался по всѣмъ направленіямъ въ холодной водѣ, ощупывая дно ногами, но ничего твердаго не попадалось. Чувствовался только мягкій песокъ и истлѣвшіе листья. Тогда онъ вылѣзъ и простоялъ нѣсколько мгновеній, не надѣвая рубашки. Онъ не чувствовалъ рѣжущаго холода, стегавшаго его тонкими желѣзными розгами; онъ стоялъ и смотрѣлъ въ воду, отвѣчавшую ему тихимъ, печальнымъ взглядомъ, какъ будто ей было больно и жаль скрывать такъ глубоко свою тайну.

На перекресткѣ Фите Крея поджидала Трина Кюль, съ такимъ же узелкомъ, какъ и у него, подъ мышкой и въ платьѣ, сшитомъ для конфирмованія, изъ котораго она уже успѣла вырости.

— Гдѣ ты запропастился?—спросила она. Вмѣсто отвѣта, онъ тоже спросилъ ее:

— Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь со мною идти?

— Да,—отвѣчала она.—Клаусъ Уль не додаетъ мнѣ платы, потому что я выросла въ бѣдной семьѣ, да еще требуетъ благодарности. Въ Гамбургѣ я себѣ тоже мѣсто найду.

И они пошли рядомъ по горѣ. На встрѣчу имъ дулъ вѣтеръ, летѣли сухіе листья и крутился песокъ.

Послѣ Пасхи начались занятія въ школѣ, но Іёрнъ Уль въ школу не пошелъ и объявилъ, что останется дома и будетъ работать. Отецъ сталъ браниться и даже побилъ его, но Іёрнъ стоялъ на своемъ, не объясняя причинъ.

Вечеромъ, когда онъ уже легъ въ постель, къ нему пришла Витенъ, чтобы утѣшить его, и спросила, почему онъ измѣнилъ свое рѣшеніе. Онъ такъ сильно и горячо плакалъ, что сначала не могъ отвѣчать, но потомъ выговорилъ сквозь рыданья, что никто не заботится о скотинѣ, кромѣ него, что рабочіе бьютъ лошадей ногами и портятъ ихъ, и у одной уже образовалась рана на колѣнѣ. Фите Крей тоже не Богъ вѣсть какъ хорошо смотрѣлъ за лошадьми, а ужъ безъ него, да если еще и онъ, Іёрнъ, уйдетъ, такъ совсѣмъ ужасы начнутся.

— А ты думаешь, мнѣ это легко и я радъ, что остался?— закончилъ онъ, всхлипывая.—Но ужъ мнѣ теперь никакая книга на умъ нейдетъ. И останусь я такимъ же глупымъ, какъ всѣ другіе!..

VII.

На другой день утромъ Іёрнъ надѣлъ рабочую куртку, которую Фите Крей, уходя изъ дома Клауса Уля, со злобой швырнулъ объ стѣну. Съ этого момента онъ какъ-то разомъ охладѣлъ къ школѣ и весь ушелъ въ работу.

Ему пришлось переносить много непріятностей отъ прислуги и работниковъ. Они считали его за равнаго, и затрудненіе состояло въ томъ, что они все-таки были его подчиненными. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они работали добросовѣстно, и требовалъ къ себѣ почтительнаго отношенія. Они относились къ нему дружелюбно, пока онъ работалъ наравнѣ съ ними, но какъ только выходилъ изъ роли простого работника и начиналъ слѣдить за тѣмъ, какъ они работаютъ, онъ сразу становился имъ непріятенъ. Завидѣвъ гдѣ-нибудь неподвижно стоящій среди поля плугъ или замѣтивъ, что разболтавшіяся работницы позабыли доить коровъ, онъ, засунувъ руки въ карманы, спѣшилъ большими шагами, чтобы возстановить порядокъ. Онъ всегда старался это дѣлать съ улыбкой и такъ, чтобы никого не обидѣть.

Рабочіе между собою называли его „ландфогтомъ“ и подсмѣивались надъ нимъ.

Насмѣшки его не обижали. Вообще, съ самой юности онъ выработалъ въ себѣ стремленіе къ главному и презрѣніе къ мелочамъ, и это было важное пріобрѣтеніе для всей его послѣдующей жизни.

Въ этотъ періодъ своей жизни Іёрнъ выше всѣхъ окружавшихъ его людей ставилъ старика Дрейера. Этотъ человѣкъ началъ съ очень малаго или, вѣрнѣе, съ ничего, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ работалъ изо всѣхъ силъ, жилъ крайне бережливо, и только къ семидесяти годамъ добился нѣкотораго достатка.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Дрейеръ поссорился съ Клаусомъ Улемъ, и не кланялся, и не смотрѣлъ никогда на его старшихъ дѣтей. Когда же его зоркіе глаза замѣчали работающаго въ полѣ долговязаго Іёрна, то онъ, перепрыгивая черезъ канавы, пробирался къ нему, разспрашивалъ его о дѣлахъ и самъ сообщалъ ему громкимъ, увѣреннымъ голосомъ разныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ собственнаго многолѣтняго опыта. Этого старика, съ умнымъ безбородымъ лицомъ и едва тронутыми сѣдиной, длинными до плечъ волосами, Іёрнъ слушалъ такъ, какъ только слушаютъ въ церкви. Слова старика были для Іёрна въ эти годы своего рода евангеліемъ. Трудиться, быть трезвымъ, бережливо и умно хозяйничать—вотъ къ чему стремился въ эти годы Іёрнъ Уль.

Съ каждымъ днемъ онъ становился все ненавистнѣе отцу и старшимъ братьямъ. Для нихъ онъ былъ ежедневнымъ и молчаливымъ укоромъ. Неувѣренность въ собственныхъ сужденіяхъ относительно другихъ, болѣе взрослыхъ членовъ семьи, свойственная шестнадцатилѣтнему юношѣ, мѣшала Іёрну открыто выражать свое порицаніе. Онъ имѣлъ обыкновеніе держаться отъ нихъ какъ можно дальше, ни однимъ словомъ не отвѣчалъ на ихъ насмѣшки, и только весь вспыхивалъ, когда они смотрѣли, какъ онъ исполняетъ ту работу, которую, въ сущности, должны были дѣлать они. Но именно этотъ его робкій, удрученный видъ больше всего и раздражалъ ихъ, такъ какъ въ немъ читали они безмолвное обвиненіе себѣ.

По вечерамъ Іёрнъ и Эльзбе имѣли обыкновеніе сидѣть съ Витенъ въ комнатѣ, выходившей въ корридоръ. За послѣдніе годы Витенъ какъ-то притихла и видъ у нея былъ удрученный. Особенно рѣзко сказалась въ ней эта перемѣна послѣ того дня, когда Фите Крей выкрикнулъ ей на весь дворъ свои упреки. У этой женщины была такая изумительная память и такая сила вообра-

женія, что все, что̀ она пережила или даже только услышала, не отходило въ область прошлаго, но стояло неотступно предъ нею никогда не блѣднѣющими образами. Когда она была моложе, то жизненная энергія помогала ей справляться съ этими картинами, вызывая на первый планъ свѣтлыя и радостныя, но надвигавшаяся старость ослабила ее, и тогда все темное въ ея воспоминаніяхъ властно выступило впередъ.

Іёрнъ по вечерамъ чувствовалъ себя смертельно уставшимъ отъ тяжелой работы. Онъ былъ глухъ и тупъ ко всему окружающему, мало говорилъ и рано шелъ спать.

Витенъ и Іёрнъ были плохими товарищами для маленькой живой Эльзбе. Голова дѣвочки работала все сильнѣе и сильнѣе, и постепенно всѣ ея стремленія сосредоточились въ потребности любить.

Старшіе братья выбрали для себя лицевую комнату. Тамъ собирались къ нимъ товарищи. Имъ удалось подобрать и подходящихъ къ нимъ, на все готовыхъ дѣвушекъ. По временамъ, когда чей-нибудь громкій голосъ или заглушенный дѣвичій смѣхъ долеталъ до молчаливыхъ и тихихъ Витенъ, Эльзбе и Іёрна, дѣвочка поднимала красивую черноволосую голову и безпокойно озиралась на дверь.

Замѣтивъ это, Іернъ сразу выходилъ изъ своего оцѣпенѣнія и тотчасъ же начиналъ о чемъ-нибудь говорить, чтобы отвлечь отъ дверей вниманіе сестры. Но она не поддавалась на его хитрость и, вскочивъ съ своего мѣста, безпокойно переходила отъ окна къ дверямъ. Иногда она отворяла дверь и выглядывала въ корридоръ. Тогда изъ-за стола раздавались два встревоженные голоса:

— Эльзбе! Ты куда? Запри двери!—И она покорно возвращалась опять къ столу, съ опущенной головой, и думала:

„Только бы мнѣ вырости! Ахъ, только бы мнѣ вырости“!

По воскреснымъ днямъ Іёрнъ до полудня обыкновенно работалъ въ конюшнѣ, но, отъ времени до времени, навѣдывался въ комнаты посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ Эльзбе. По вечерамъ дѣвочка отправлялась къ какой-нибудь изъ своихъ прежнихъ подругъ, а онъ въ это время отдыхалъ отъ своей тяжелой работы и сидѣлъ у себя въ комнатѣ или шелъ поговорить съ Ясперомъ Креемъ, возлѣ его дома.

Старый Дрейеръ былъ наставникомъ Іёрна въ практической жизни; Ясперъ же Крей расширялъ его міросозерцаніе и выводилъ его на широкій путь общечеловѣческой мудрости. У Яспера, какъ и у всѣхъ Креевъ, было свое прошлое. Въ молодые годы

онъ побывалъ на сѣверѣ Германіи, какъ разъ въ то время, когда народъ настоятельно требовалъ признанія своихъ правъ и добивался принимать участіе въ управленіи. Ясперъ Крей изъ Венторфа не ограничился ролью безучастнаго зрителя. Черезъ нѣсколько времени, однако, онъ вернулся домой, слегка возбужденный, слегка заинхавшійся и какъ будто растерянный, однимъ словомъ, приблизительно въ такомъ состояніи, въ какомъ бываетъ танцоръ, неожиданно вытолкнутый изъ бальной залы, когда онъ, озираясь, идетъ дальше съ такимъ видомъ, точно съ нимъ не случилось ничего особеннаго. Такимъ именно вернулся Ясперъ въ Венторфъ.

Еслибы онъ не женился или, просто, повременилъ бы съ женитьбой, то почти навѣрное покинулъ бы опять родину, чтобы снова попробовать свои силы. Но, подъ первымъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, онъ сразу же по возвращеніи и, быть можетъ, повинуясь смутному желанію наложить на себя узду, женился на очень ограниченной дѣвушкѣ, и притомъ до такой степени привязанной къ Маріендонну, что на нее нападала тоска по родинѣ, когда изъ ея глазъ скрывалась труба родного дома. Потомъ пошли дѣти, явились болѣзни, и забота о хлѣбѣ насущномъ захватила его цѣликомъ. Онъ сдѣлался поденщикомъ Улей, и уже давно понялъ, что никогда не будетъ ничѣмъ инымъ. Зимою, въ свободное время, онъ дѣлалъ вѣники, щетки и скребницы. Однимъ словомъ, по виду, онъ сталъ совсѣмъ какъ другіе.

Но иногда его схватывала какая-то тревога, и когда наступало время выборовъ, онъ ходилъ изъ дома въ домъ, поучая и возбуждая равнодушныхъ или невѣжественныхъ въ политикѣ людей. Затѣмъ его возбужденіе проходило, и онъ опять становился такимъ, какъ другіе, но по временамъ въ его головѣ шевелились прежнія пестрыя мысли.

Возлѣ старой, низкой домовой стѣны онъ не разъ, въ воскресные вечера, разговаривалъ съ Іёрномъ о томъ, какъ все идетъ на бѣломъ свѣтѣ. Жена Яспера сидѣла, обыкновенно, у открытаго окна. Потомъ возвращались домой утомленныя и набѣгавшіяся дѣти и тихо укладывались спать. Старшій сынъ, Августъ, говорилъ какъ-то плохо и дурно учился въ школѣ. Онъ былъ такой же ограниченный, какъ и его мать, и совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что говорили между собой отецъ съ Іёрномъ.

— Іёрнъ,—сказалъ какъ-то разъ Ясперъ Крей:—знаешь ты, что говорится въ Старомъ Завѣтѣ? Конечно, ты этого не знаешь. Тамъ говорится, что каждыя пятьдесятъ лѣтъ земля под-

лежитъ новому раздѣлу. Вы, Ули, ужъ слишкомъ долго сидите на вашей землѣ! Пора и намъ, Креямъ, попользоваться вашимъ обширнымъ и богатымъ хозяйствомъ. Говорю я тебѣ: у насъ на вашихъ дворахъ дѣло пойдетъ куда лучше, чѣмъ у васъ на нашихъ пескахъ. Пора и вамъ похозяйничать на пескахъ, Іёрнъ. Ты только представь себѣ твоего отца: ѣдетъ это онъ съ собачьимъ фургономъ, Іёрнъ, подъѣзжаетъ, ну, къ моему, что-ли, двору и спрашиваетъ: „Дома ли господинъ Крей"?.. Вотъ такъ именно и спрашиваетъ: „господинъ Крей". А я, значитъ, оглядываю его съ головы до ногъ и говорю: „Времени у меня нѣтъ, чтобы заняться тобою, Уль. Обратись къ моей женѣ".

Въ это время жена Яспера крикнула изъ окна:

— Ты что-то, кажется, ужъ слишкомъ заврался!

— Молчи, Трина!... Видишь ли, въ чемъ дѣло-то, Іёрнъ. Когда ты подставляешь лицо вѣтру и открываешь ротъ, чтобы набрать побольше свѣжаго воздуха, то ни единый человѣкъ не крикнетъ тебѣ: „Эй, ты, убирайся вонъ! Это—мой вѣтеръ"! Но когда ты куда-нибудь приткнешься и начинаешь въ потѣ лица обработывать столько земли, сколько тебѣ требуется, чтобы напитать самого себя и своихъ дѣтей, тогда люди поднимаютъ крикъ: „Убирайся! моя земля"! Легкія и желудокъ—отъ самого Господа Бога, Іёрнъ, получили право быть сытыми. Но если ты имѣешь уже пищу и платье, то уже довольствуйся этимъ. А по моему, Іёрнъ, если захочется человѣку пріобрѣсти и еще что-нибудь своимъ умомъ и прилежаніемъ, такъ и это тоже должно быть ему вполнѣ разрѣшено.

— Ну, вотъ, это мнѣ не совсѣмъ ясно,—сказалъ Іёрнъ.

— Нѣтъ? Странно! А еще у тебя такой длинный и какъ будто умный носъ. Да развѣ мало земли и правительство не можетъ распоряжаться ею, какъ хочетъ? Ты мнѣ только скажи, мало ли плохо обработанной земли въ Шлезвигъ-Голштиніи? Въ хорошихъ рабочихъ рукахъ она приносила бы вдвое больше.

— Ну, не скажи! Вѣдь далеко не всѣ рабочіе прилежны, бережливы и трезвы,—замѣтилъ Іёрнъ.—Развѣ ты забылъ, что случилось съ тобой, когда ты получилъ тысячу-двѣсти марокъ?

— Полно, малый,—нечего старое-то вспоминать.

— Я,—продолжалъ Іёрнъ и ударилъ по колѣну своей длинной рукой,—я увѣренъ, что достанься мнѣ сегодня же десять тысячъ марокъ, я не истрачу безполезно ни единой, хотя мнѣ всего шестнадцать лѣтъ. Какъ ты думаешь?

— Молчи!—остановилъ его Ясперъ Крей.—Давай говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Въ это время изъ комнаты, изъ того угла, гдѣ помѣщалась кровать, послышался негодующій ропотъ, похожій на гулъ надвигающейся къ вечеру грозы. Трина Крей, въ ночной кофточкѣ, показалась въ окнѣ.

— Я тебѣ разскажу все подробно, Іёрнъ.

— Начинается! — прошепталъ Ясперъ Крей и подмигнулъ Іёрну.

— Получили это мы въ наслѣдство отъ покойницы-тетки Стины тысячу-двѣсти марокъ. Сестра ея, Трина, жива еще и посейчасъ. Получили это мы деньги въ цеховомъ судѣ. Выдали намъ цѣлую кучу блестящихъ золотыхъ монетъ и талеровъ; завязали мы ихъ въ платокъ и унесли домой. Ну, первое время все шло хорошо; только вскорѣ стала я замѣчать, что у Яспера точно начинаетъ пропадать аппетитъ. Случалось и такъ, что онъ бросалъ работу и со всѣхъ ногъ бѣжалъ домой, чтобы пересчитать деньги въ своемъ ящикѣ. Ночью онъ совсѣмъ не могъ спать. Такъ прошло восемь дней, и съ каждымъ днемъ у насъ все шло хуже и хуже. Стала я бояться, что онъ рехнется, и посовѣтовала ему снести деньги въ сберегательную кассу. Вотъ онъ и отнесъ ихъ туда, и получилъ взамѣнъ этакую маленькую желтую книжку. Съ этихъ поръ пошло у насъ ужъ совсѣмъ плохо. И чего только я не вынесла тогда съ этимъ человѣкомъ, Іёрнъ! Разъ, ночью, вскочилъ онъ съ постели и сталъ искать свою книжку, не нашелъ ее сразу-то и на цѣлый домъ принялся кричать, что это я ее украла. Тогда я посовѣтовала ему: „Возьми назадъ деньги“! Онъ такъ и сдѣлалъ. А вотъ что ты думаешь, Іёрнъ, дальше-то было? Пропилъ онъ ихъ, Іёрнъ! Ничего больше какъ пропилъ. Въ карты игралъ онъ, кричалъ, ссорился со мной, съ Улемъ, съ дѣтьми, съ учителемъ Петерсомъ. Въ домѣ у насъ былъ постоянный крикъ и шумъ. Да, это былъ тяжелый у насъ годъ! Много горя и нужды приняла я тогда. Потомъ деньги пришли къ концу, а съ ними кончилась и его забота о нихъ. Увидѣлъ онъ, что ему опять нужно работать, и съ этихъ поръ все у насъ опять пошло хорошо: онъ опять, какъ подобаетъ всякому доброму христіанину, сталъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ. Тогда Фите было пять лѣтъ, Іёрнъ. Ахъ, Іёрнъ, и гдѣ это теперь мой Фите?

И она захлопнула окно.

— Трина не очень умна, но въ этомъ случаѣ она права,— сказалъ Ясперъ Крей. — Деньги пришли ко мнѣ неожиданно, и ихъ было черезчуръ ужъ много. Я не былъ подготовленъ къ

этому. Но, вотъ, когда умретъ другая тетка—я покажу тебѣ, какъ нужно распоряжаться деньгами!

— Съ деньгами явится и забота; а чтобы избавиться отъ нея, ты пропьешь ихъ.

— Какъ? — спросилъ Ясперъ Крей и посмотрѣлъ укоризненнымъ взглядомъ на своего собесѣдника.—Вѣдь каждый человѣкъ долженъ же, въ концѣ концовъ, образумиться!

— Да, это бываетъ со многими, но далеко не со всѣми, — отвѣтилъ Іёрнъ, и съ тяжелымъ раздумьемъ посмотрѣлъ на свой домъ, стоявшій по другую сторону дороги, подъ тѣнью ясеней и тополей.

Какъ-разъ въ этотъ самый вечеръ, въ книжной лавкѣ на одной изъ гамбургскихъ улицъ, около церкви св. Петра, сидѣлъ молодой человѣкъ, поджидая, не явится ли еще какой-нибудь запоздавшій покупатель. И дѣйствительно, дверь вдругъ отворилась и въ лавку вошелъ молодой рабочій. Вошедшій былъ крѣпкій, коренастый малый, въ сѣрой рабочей курткѣ, съ круглымъ и свѣжимъ лицомъ, быстрыми глазами и рыжими волосами. Остановившись у прилавка, онъ молча посмотрѣлъ на продавца, и когда тотъ медленно поднялся съ своего мѣста, покупатель выложилъ на прилавокъ довольно основательную стопку серебра.

— Вотъ на это мнѣ хочется купить книгъ,—объявилъ онъ.

— Книгъ?

— Ну, да, книгъ! Слыхали вы про то, что нѣкій Теодоръ Штормъ написалъ книгу?

— Штормъ? Да, у насъ есть книга его разсказовъ.

— Разсказы? Я не совсѣмъ ясно понимаю, что̀ это, но боюсь, что это не то, что̀ мнѣ нужно. Видите ли, я объясню вамъ все откровенно. Служу я разсыльнымъ въ торговомъ заведеніи, здѣсь, по Германштрассе, и я долго поджидалъ, пока вы останетесь одинъ въ лавкѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: у меня, на родинѣ, живетъ одна старая дѣвушка, Витенъ Пеннъ. Вотъ она-то и разсказала мнѣ, что Теодоръ Штормъ собирался написать книгу вмѣстѣ съ какимъ-то Мюлленгофомъ. Именно эту книгу мнѣ и хотѣлось бы купить. Вотъ вамъ и деньги за нее.

Продавецъ сѣлъ за свою конторку и нѣкоторое время, молча, смотрѣлъ на страннаго покупателя большими, удивленными глазами.

— Какъ вы сказали? Штормъ и Мюлленгофъ? Но какую же это книгу они могли собираться вмѣстѣ писать?

— Да вотъ... однимъ словомъ... собирались они писать о томъ, какъ сдѣлаться умнымъ и богатымъ. Въ этомъ вся суть.

При этихъ словахъ продавецъ даже приподнялся съ своего мѣста.

— Долженъ я вамъ сказать,—проговорилъ онъ,—что подобныхъ книгъ совсѣмъ и не существуетъ. А если вы желаете знать, о чемъ писалъ Штормъ, то подождите минутку... Вотъ его книга... Это просто разсказы о хорошихъ, мечтательныхъ людяхъ, одаренныхъ глубокой натурой. Штормъ—одинъ изъ нашихъ великихъ писателей.

Покупатель покачалъ головой и, закусивъ губы, покосился на прилавокъ.

— Значитъ, права была Витенъ, когда говорила, что изъ него никогда не выйдетъ ничего путнаго.

— Мое мнѣніе вотъ какое,—сказалъ продавецъ, убирая съ прилавка разложенныя книги:—вы можете прочитать съ начала до конца всѣ находящіяся здѣсь книги, и отъ этого не только не поумнѣете, а сдѣлаетесь даже глупѣе, чѣмъ были. Нельзя набраться ума изъ книгъ. Надо многое пережить, чтобы достигнуть мудрости. Позвольте мнѣ дать вамъ одинъ совѣтъ. Если вы хотите непремѣнно сдѣлаться умнымъ и богатымъ, то поѣзжайте туда, гдѣ совсѣмъ нѣтъ книгъ. Знаете ли что: еслибы только у меня не было отца и я не зналъ бы навѣрное, что мать выплачетъ себѣ глаза, то я сейчасъ бы уѣхалъ въ Америку! Вотъ что сдѣлалъ бы я, и тогда пускай кто-нибудь попробовалъ бы мнѣ сунуть въ носъ книгу. Ужъ я бы ему показалъ!

— Вотъ какъ!—произнесъ Фите Крей.—Такъ, вотъ, значитъ, какого вы мнѣнія. Такъ!—И, энергично кивнувъ головой, онъ забралъ съ прилавка деньги и засунулъ ихъ обратно въ карманъ.—Отецъ съ матерью не очень-то убиваются обо мнѣ. А я хочу сдѣлаться богачомъ во что бы то ни стало. Объ Америкѣ много приходилось мнѣ слышать и очень хорошаго, и очень дурного, только середины я ни отъ кого рѣшительно не слыхалъ. Я рѣшилъ ѣхать туда!

— И поѣзжайте, непремѣнно поѣзжайте! Когда же вы тамъ устроитесь и будетъ у васъ время и охота, то напишите на имя старшаго ученика, въ книжную торговлю „Герольда“. А какъ ваше имя?

— Я Фите Крей изъ Венторфа.

VIII.

Одинъ разъ, лѣтомъ, когда начинала созрѣвать жатва и липы стояли увѣшанныя желтоватыми цвѣтами, Іёрнъ Уль проходилъ мимо школы, съ косаремъ на плечѣ, къ кузнецу. Вдругъ ягода крыжовника ударилась въ его шапку, и, быстро обернувшись, онъ увидалъ среди кустовъ бѣлокурую голову Лизбеты и услышалъ ея сдержанный голосъ:

— Послушай, Юргенъ, поди-ка сюда!

Онъ оглядѣлся, чтобы убѣдиться, что ихъ никто не видитъ, снялъ шапку и подошелъ къ ней. Они за послѣднее время рѣдко видались и, встрѣчаясь, обмѣнивались только поклонами. Онъ съ утра до ночи былъ занятъ тяжелой деревенской работой, а она посѣщала городскую школу. Онъ огрубѣлъ и отяжелѣлъ, а она становилась все красивѣе и изящнѣе. Онъ все это смутно сознавалъ, и держался въ сторонѣ отъ нея.

Теперь, опершись о дощатый заборъ, она сообщила ему, что, окончивъ школу, собирается сдѣлаться учительницей. Это его очень удивило, потому что онъ не зналъ, что существуютъ учительницы. Онъ робко спросилъ ее, не зайдетъ ли она какъ-нибудь къ Эльзбе.

— Ахъ!—сказала она и привычнымъ движеніемъ откинула назадъ голову: — Эльзбе старше меня, и я думаю, что ей со мною страшно скучно. Она еще недавно, какъ-то вечеромъ, когда было совсѣмъ темно, подошла къ моему окну и говорила, что я ничего не понимаю, что я еще совсѣмъ точно ребенокъ...—Она задумалась и опустила голову.—А ты придешь къ намъ?—спросила она, помолчавъ.

Онъ даже испугался.

— Нѣтъ, я не могу,—быстро отвѣтилъ онъ,—я все время работаю.

— Да ты въ домъ къ намъ можешь и не приходить, а вечеромъ... въ садъ.

Онъ быстро взглянулъ на нее. Его удивляло, что на свѣтѣ могло существовать такое очаровательное существо; но свиданье съ нею смущало его. Однако, она такъ настойчиво его уговаривала, что онъ, наконецъ, долженъ былъ согласиться.

Цѣлый день онъ только и думалъ, что о предстоящемъ свиданьѣ и о томъ, какъ онъ будетъ съ нею разговаривать. Самымъ подходящимъ для нея представлялся ему ученый разговоръ, и онъ старался припомнить, о чемъ въ его присутствіи

бесѣдовалъ иногда учитель Петерсъ съ пасторомъ. Область его познаній была весьма ограниченна, но онъ все-таки придумалъ нѣсколько темъ, подходящихъ для разговора съ Лизбетой. Для начала можно было заговорить о пароходныхъ рейсахъ въ Данію, потомъ—о сельско-хозяйственныхъ школахъ, тогда только-что открывавшихся; о машинѣ для высиживанія цыплятъ, и еслибы этого оказалось недостаточно, то еще о сожженіи вдовъ въ Индіи. Объ этомъ онъ наканунѣ вычиталъ изъ газеты, въ которую были завернуты привезенныя изъ города покупки. Вечеромъ онъ вышелъ изъ дому за часъ до назначеннаго срока, и сталъ медленно ходить, заглядывая во всѣ канавы и дѣлая видъ, что ищетъ пропавшую овцу. Наконецъ, онъ подошелъ къ канавѣ съ прозрачной проточной водой. Черезъ нее, вкось, протянулся короткій стволъ ивы, съ толстымъ, круглымъ концомъ, сплошь покрытымъ вѣтками, и напоминавшій голову съ вставшими дыбомъ волосами. За этими вѣтками, такъ, что ее почти не было видно, сидѣла Лизбета и покачивала ногами надъ самой водой. Видъ у нея былъ очень серьезный, и она меланхолично кивнула въ отвѣтъ на его вѣжливый поклонъ. Сердце у него сильно забилось, и вмѣсто того, чтобы однимъ прыжкомъ легко перескочить канаву, какъ собирался, онъ тяжело перешагнулъ ее и почти увязъ въ глинистой землѣ. Ему показалось, что она при этомъ улыбнулась, но тотчасъ же ея лицо снова приняло печальное выраженіе, такъ что какъ бы само собой вышло, что онъ заговорилъ о сожженіи индійскихъ вдовъ. Выборъ темы для разговора оказался удачнымъ. Она объявила, что сама только-что читала объ очень серьезныхъ вещахъ, и на его неувѣренное замѣчаніе, не лучше ли бы ей подходило веселое чтеніе, быстро возразила:

— Ахъ, нѣтъ, надо же знакомиться и съ печальными сторонами жизни!—Потомъ она освѣдомилась о формѣ костра и о томъ, надѣвали ли вдовы всѣ свои украшенія для такого случая. Обычай этотъ ей очень нравился, и она сама была готова послѣдовать примѣру индійскихъ вдовъ, потому что собиралась выйти замужъ не иначе, какъ по любви. При этомъ ей пришлось снова заговорить объ украшеніяхъ, и у нея въ карманѣ оказались случайно брошка и цѣпочка для часовъ. Часы были обѣщаны ей къ Рождеству. До сихъ поръ все шло очень хорошо, но дальше разговоръ не клеился. Она молчала и глядѣла въ воду; онъ искалъ что-нибудь подходящее, чтобы сказать ей, не находилъ, и страстно желалъ очутиться за сто миль отъ нея. Она казалась ему совсѣмъ чужой, какимъ-то существомъ изъ

другого міра. Наконецъ онъ заговорилъ удрученнымъ тономъ о двухъ жеребятахъ, родившихся на дняхъ въ Улѣ, но ее это не заинтересовало.

— Ахъ, какое мнѣ до нихъ дѣло!—воскликнула она, разсмѣявшись, и въ лицѣ ея появилось веселое и естественное дѣтское выраженіе. Она, смѣясь, показывала всѣ зубы, волосы у нея свѣсились на уши, и онъ сразу узналъ свою прежнюю „пищалочку".

— О чемъ же намъ говорить?—спросилъ онъ съ отчаяніемъ.

Тогда она ему разсказала, о чемъ онѣ говорятъ въ школѣ: сначала объ учителяхъ, потомъ объ отсутствующихъ подругахъ, а иногда и объ мальчикахъ.—Только я не говорю,—прибавила она,—я нахожу это неприличнымъ... Посмотри-ка,—перебила она самоё себя,—у тебя нога совсѣмъ въ водѣ виситъ.

Онъ быстро отдернулъ ногу, и видъ у него при этомъ былъ такой жалкій, что она предложила:

— Хочешь, пройдемся вмѣстѣ?

Онъ вскочилъ и протянулъ руки, чтобы помочь ей, но она отказалась, встала, поправила складки платья, и они пошли рядомъ по тропинкѣ, между низкими яблонями.

— Помнишь,—сказала она,—какъ ты не захотѣлъ танцовать со мною на дѣтскомъ праздникѣ?

— Я ждалъ, что мнѣ твой дѣдушка скажетъ, чтобъ я шелъ съ тобою, а самъ я не рѣшился тебѣ предложить.

— А теперь ты бы сталъ со мною танцовать?

— Еще бы. Съ начала и до самаго конца.—Онъ поглядѣлъ на нее, и въ этомъ взглядѣ выразилось все его искреннее восхищеніе.

— Ну, а знаешь что?—проговорила она:—теперь бы я не стала съ тобой танцовать.

Онъ опустилъ голову и молчалъ. Онъ находилъ вполнѣ естественнымъ, что она не стала бы съ нимъ танцовать. Тогда она вдругъ снова перемѣнилась, какъ апрѣльская погода, засмѣялась и промолвила ласково:

— Я вѣдь пошутила, милый. Конечно, я стала бы съ тобою танцовать, но только ты долженъ былъ бы меня такъ держать, какъ городскіе кавалеры: очень вѣжливо и не слишкомъ прижимать къ себѣ... Однако, тебѣ пора домой. Я тебя провожу до ивы. Приходи опять сюда въ слѣдующее воскресенье.

Такимъ образомъ ему снова встрѣтилась на жизненномъ пути его маленькая подруга дѣтства, и съ ея помощью въ немъ долженъ былъ совершиться самымъ естественнымъ и милымъ обра-

вомъ переходъ отъ отрочества къ юности. Жизнь его, въ смыслѣ любви, должна была пойти настоящимъ, прямымъ путемъ. Такъ бы и случилось, еслибъ черезъ недѣлю ему не пришлось ѣхать за пескомъ. Если бы не эта поѣздка, то Іёрнъ Уль подъ конецъ жизни могъ бы сказать:—Грѣхи юности? Я не знаю, что̀ это такое. Въ моей юности я испыталъ трудъ и нужду, но грѣховъ не зналъ.

Однако, должно быть, всѣмъ людямъ суждено имѣть эти грѣхи, какъ пыль на обуви и пятна на одеждѣ. Ничего не подозрѣвая, отправился Іёрнъ подъ вечеръ за пескомъ. Дулъ свѣжій морской вѣтеръ и небо было пестрое: лазурныя пятна смѣнялись бѣлыми и сѣрыми облаками. Іёрнъ сидѣлъ въ своей повозкѣ и, болтая ногами, тихо напѣвалъ какую-то пѣсенку подъ шумъ вѣтра. Никто бы не подумалъ, что этому длинному юношѣ съ тонкимъ лицомъ въ этотъ же вечеръ придется, дрожа всѣмъ тѣломъ, заглянуть въ прекрасные и страшные, бездонно глубокіе и темные глаза самой природы.

Завернувъ за пригородъ, онъ увидалъ Тэльзе Диркъ, извѣстную въ окрестности подъ именемъ „дѣвушки изъ песковъ“. Она стояла недалеко отъ своего дома, на краю песочной ямы.

— Здорово, Іёрнъ Уль!—сказала она.—Ты какъ разъ во̀ время пріѣхалъ, мнѣ ужъ пора отдохнуть.—И она сверкнула на него своими умными глазами. Видъ у нея былъ такой свѣжій, какъ будто бы она только-что хорошо выспалась. Уже десять лѣтъ въ ея походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ чувствовалась все та же неустанная сила, тѣло ея было все такое же стройное, грудь высокая, глаза блестящіе.

Десять лѣтъ тому назадъ, у нея была подруга, которая сдѣлалась невѣстой одного сосѣдняго крестьянина. Со стороны жениха любви не было, но онъ вообще еще не зналъ, что̀ такое любовь, и женился на богатой дѣвушкѣ, чтобъ имѣть возможность отдать все хозяйство и домъ нераздѣльно своему любимому брату. Тэльзе Диркъ не видала жениха своей подруги и знала о немъ только изъ разсказовъ его невѣсты.

— Жаль, что я его раньше не узнала,—сказала она какъ-то шутя:—мнѣ кажется, что онъ очень ко мнѣ подходитъ.

— Это удивительно!—воскликнула подруга: — я какъ-разъ то же самое думала. Онъ очень на тебя похожъ, и такіе же у него удивительные взгляды, какъ у тебя. Все-то онъ хочетъ понять, до всего додуматься, точь-въ-точь ты.

Передъ свадьбой подруги, Тэльзе Диркъ заболѣла, и только на девятый день пришла навѣстить молодыхъ. Это была ихъ

первая встрѣча. Оба они были высоки ростомъ. Онъ—смуглый, съ курчавыми черными волосами, она—свѣтлая блондинка. Они взглянули другъ на друга, и имъ стало другъ друга страшно, точно они увидали привидѣніе. Подруга начала болтать, разсказывая о свадьбѣ, они же оба молчали.

Стало смеркаться, нашли тучи, пошелъ дождь, и подруга сказала мужу, гордясь своею властью надъ нимъ, чтобы онъ проводилъ Тэльзе домой. Онъ молча взялъ шапку и пошелъ за нею. Дождь струился потоками, и, поднимаясь по тропинкѣ возлѣ Золотого родника, она поскользнулась и чуть не упала навзничь. Онъ схватилъ ее и поддержалъ. Надѣясь, что темнота его скрываетъ, взглянулъ онъ свободно и близко въ любимое лицо. Но бѣжавшія облака разорвались, и прямо и нежданно засіяли звѣзды и мѣсяцъ, и каждый изъ нихъ увидалъ обнаженную душу другого. Они поняли, что должны были любить другъ друга, и никого больше не любить до самой смерти. И они убѣжали другъ отъ друга, потому что имъ было страшно. Проходили года. Велика была ихъ мука.

Она исполняла цѣлый день самую тяжелую работу, чтобы только устать до изнеможенія, а вечеромъ садилась у окна, за горшками герани и гвоздики, и смотрѣла въ ту сторону, гдѣ не было видно его дома. Онъ мучился не меньше ея. Жена его была избалованная, пустая женщина, и единственный ребенокъ ихъ умеръ.

Года проходили. Они всячески избѣгали другъ друга, но въ глубинѣ души каждаго жила надежда, что они будутъ когда-нибудь другъ другу принадлежать, и эта надежда помогала имъ смирять свою страсть. Отецъ и мать Тэльзе умерли, она осталась совсѣмъ одна. Ей было уже за тридцать лѣтъ, и временами на нее нападало мучительное непонятное безпокойство. Когда головная боль становилась особенно невыносима, она всходила на пригорокъ и подолгу стояла на немъ, испытывая облегченіе отъ сильнаго холоднаго вѣтра.

Яснымъ осеннимъ вѣтрянымъ днемъ, вскорѣ послѣ смерти ея матери, онъ пришелъ къ ней. Она встрѣтила его на порогѣ дома рѣзкимъ вопросомъ: что ему нужно? Онъ спросилъ, что съ ними теперь будетъ? Она отвѣчала, что все будетъ, какъ было, что она не можетъ нарушить заповѣдь Божью, какъ будто ея не существовало, и надѣется, что и онъ не можетъ этого сдѣлать. Тогда онъ сказалъ, что Богъ не захочетъ своею заповѣдью убить въ немъ все доброе и всю радость жизни. Онъ просилъ жену уѣхать по крайней мѣрѣ куда-нибудь, но она догадалась,

отчего ему такъ невыносимо оставаться, и отказалась уѣзжать на зло ему. Тогда она взглянула на него такимъ мрачнымъ взглядомъ, что онъ не посмѣлъ ничего больше сказать, и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ опять пришелъ, когда она подвязывала бобы на огородѣ, и снова заговорилъ съ нею о томъ, что не можетъ больше такъ жить, и такъ какъ ему нельзя уѣхать, то чтобы она уѣзжала. Она горько заплакала, и ему удалось тогда убѣдить ее, чтобъ она приходила каждый вечеръ на свиданіе съ нимъ къ Золотому роднику. Тамъ они встрѣчались, съ ведрами въ рукахъ, смотрѣли другъ на друга глубокимъ, серьезнымъ взглядомъ, перебрасывались обыденными словами, среди которыхъ иногда проскальзывало робкое горячее слово любви, и расходились, не прикоснувшись другъ къ другу. Онъ ошибался, когда думалъ, что эти вечернія свиданія успокоютъ его; а она чувствовала, что онъ привлекалъ ее къ себѣ все сильнѣе каждымъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ. Ей становилось страшно; работа не помогала больше; спать она не могла и дрожала отъ ужаса, какъ въ лихорадкѣ. Тогда ей пришла въ голову удивительная и опасная мысль: обмануть свою душу и свои чувства съ другимъ человѣкомъ, которому она могла бы принадлежать безъ грѣха. За послѣднее время она ни съ кѣмъ не видалась: съ молодыми людьми она всегда была очень сурова, и всѣ сторонились отъ нея, думая, что она находится въ связи съ мужемъ своей подруги. Она вела непосильную борьбу съ своею страстью, а люди съ непониманіемъ и грубостью уже осудили ее.

Какъ разъ въ это время къ ней нѣсколько разъ пріѣзжалъ за пескомъ Іёрнъ. Онъ понравился ей своимъ серьезнымъ, озабоченнымъ видомъ; она стала думать о немъ и наконецъ убѣдила себя, что любитъ его. Ее радовало, что она освободилась отъ своей мучительной страсти и можетъ найти сокровище въ этомъ молчаливомъ, странномъ юношѣ. Въ этотъ вечеръ она пригласила его зайти къ ней, сѣла противъ него, смѣясь, болтая и перегибаясь къ нему черезъ столъ. Платье у нея было съ открытымъ воротомъ и рукава засучены выше локтя.

— Какой ты красивый, Іёрнъ,—сказала она,—и глаза у тебя такіе умные, и лицо упрямое. Дѣвушки любятъ такихъ. Года черезъ три ты можешь выбирать себѣ любую: ни одна не откажетъ.

Онъ смущенно молчалъ и всталъ, чтобы уходить.

Она подумала, что онъ обидѣлся.

— Что-жъ, со мной-то ужъ ты даже и говорить не хочешь?

—промолвила она.—Такъ и уйдешь? Даже не захочешь и поцѣловать меня?

Онъ такъ испугался, что замеръ на мѣстѣ и дыханіе у него остановилось, но черезъ минуту бросился къ ней и привлекъ ее къ себѣ съ такой порывистой, безумной страстностью, что она съ трудомъ и страхомъ вырвалась отъ него. Ей хотѣлось зажечь нѣжное, ласковое пламя, но вмѣсто него вспыхнулъ дикій огонь. Она оттолкнула его отъ себя, и сказала, чтобы онъ уходилъ.

На слѣдующій вечеръ, къ полуночи, пришелъ онъ къ ней подъ окошко, постучался и сталъ просить, чтобы она его впустила. Но она дѣлала видъ, что не слышитъ его. Она лежала тихо, заложивъ руки за голову, и обильныя слезы текли у нея по щекамъ. Она считала себя несчастнѣйшей женщиной на свѣтѣ. Такъ приходилъ онъ къ ней три или четыре ночи подъ рядъ.

Съ нѣм. П—на С—ва.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1903.

Истекшій 1902-ой годъ.—Интересъ въ обществѣ къ работамъ уѣздныхъ комитетовъ.—Первые шаги губернскихъ комитетовъ.—Вопросъ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ.—Мѣры по поводу недорода 1902-го года.—Новый ветеринарный законъ.—Оригинальная промышленная школа.—По вопросу о мелкой земской единицѣ.—Московское губернское земское собраніе.

Годъ тому назадъ, говоря о только-что возникшей надеждѣ на реформу средней и высшей школы, мы указали на неопредѣленность этой надежды, на отсутствіе увѣренности въ томъ, что намѣченный путь будетъ пройденъ до конца и приведетъ къ желанной цѣли. Подобное приходится повторить и теперь. Новая перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія не пріостановила работы, предпринятой П. С. Ванновскимъ и его сотрудниками, но оставила открытымъ вопросъ о томъ, въ какой степени будетъ сохранено ея направленіе. Менѣе чѣмъ когда-либо можно предвидѣть, какія препятствія она можетъ встрѣтить, что̀ создастъ и что̀ разрушитъ; какое мѣсто займутъ ея результаты среди общихъ условій нашего времени. Мало измѣнилось положеніе дѣлъ и въ другихъ областяхъ государственной жизни. Пересмотръ городового положенія, пріуроченный къ одному Петербургу, едва ли приведетъ къ такой ломкѣ, о которой мечтали газетные противники самоуправленія—но едва ли отъ него можно ожидать и устраненія всѣхъ главныхъ недостатковъ дѣйствующаго порядка. Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій подвергся новымъ ограниченіямъ: временнымъ—въ распоряженіяхъ, касающихся земской статистики; постояннымъ—въ новомъ ветеринарномъ законѣ, о которомъ мы подробнѣе говоримъ ниже. Закрыто совѣщаніе, учрежденное въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства—но вслѣдъ затѣмъ изданы законы объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій и о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи, а образованіе въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ особой канцеляріи по дѣ-

ламъ дворянства заставляетъ предполагать, что проектируются новыя мѣры на пользу этого сословія. Крупное пріобрѣтеніе въ сферѣ законодательства минувшій годъ принесъ только одно: законъ объ улучшеніи положенія внѣбрачныхъ дѣтей, предвѣщающій цѣлую серію преобразованій въ нашемъ семейномъ правѣ. Въ виду медленности, съ которою подвигается впередъ общій пересмотръ нашего гражданскаго законодательства, нельзя не пожелать, чтобы важнѣйшія части вновь составляемаго гражданскаго уложенія получали силу закона по мѣрѣ ихъ окончательнаго изготовленія, не ожидая завершенія всей работы. Еще болѣе желательно скорѣйшее обнародованіе и введеніе въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія. По отношенію къ пересмотрѣннымъ судебнымъ уставамъ мы такого пожеланія выразить не можемъ, не имѣя увѣренности, что они принесутъ съ собою перемѣну къ лучшему въ сферѣ судоустройства и судопроизводства.

Самымъ крупнымъ событіемъ истекшаго года было учрежденіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, призвавшее къ жизни уѣздные и губернскіе комитеты по тому же вопросу. Работа уѣздныхъ комитетовъ пришла или приходитъ къ концу. Подвести ей точные итоги теперь еще нельзя. Далеко не о всѣхъ комитетахъ появлялись свѣдѣнія въ печати; далеко не всѣ засѣдали при открытыхъ дверяхъ или оглашали свои постановленія. Преждевременны, поэтому, и общіе выводы, основанные на произвольно опредѣляемыхъ численныхъ данныхъ; преждевременна, напримѣръ, радость „Гражданина“, утверждающаго, что широко и вольнолюбиво взглянули на свою задачу какіе-нибудь сорокъ комитетовъ, а всѣ остальные, представляющіе собою „русское общественное мнѣніе“, благонамѣренно ограничились скромными отвѣтами на вопросы, прямо предложенные особымъ совѣщаніемъ. Съ достовѣрностью можно сказать только одно: тѣ комитеты, труды которыхъ извѣстны въ настоящее время, обнаружили, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, глубокое пониманіе условій, подъ гнетомъ которыхъ чахнетъ наше сельское хозяйство, и замѣчательное единодушіе въ указаніи средствъ, съ помощью которыхъ оно могло бы окрѣпнуть и подняться. Число такихъ комитетовъ было бы, безъ сомнѣнія, еще гораздо болѣе значительно, еслибы предсѣдатели комитетовъ чаще пользовались своимъ правомъ привлекать къ участію въ работѣ обширные круги лицъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ группамъ населенія. Вообще говоря, предсѣдателю комитета принадлежало рѣшающее значеніе: онъ могъ раздвинуть или съузить не только личный составъ комитета, но и рамки его дѣятельности, обратить его сужденія въ пустую фор-

мальность или въ плодотворное дѣло. Мы знаемъ комитеты, все заканчивавшіе въ нѣсколько часовъ—и знаемъ другіе, занятія которыхъ продолжались цѣлыя недѣли, цѣлые мѣсяцы. Въ какомъ изъ этихъ случаевъ создалась атмосфера, благопріятная для полнаго и яркаго освѣщенія мѣстныхъ нуждъ и пожеланій—это не требуетъ поясненій.

Характернымъ спутникомъ всякой серьезной работы всегда является оживленіе, вызываемое сознаніемъ исполненнаго долга. Въ большей или меньшей степени оно замѣчается во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ комитеты горячо и любовно отнеслись къ своей задачѣ. Проникнута имъ, напримѣръ, рѣчь предсѣдателя елецкаго комитета, А. А. Стаховича. Упомянувъ о слухахъ, идущихъ изъ сосѣдней губерніи—слухахъ о какомъ-то „невѣроятномъ инцидентѣ", удручающимъ образомъ дѣйствующихъ на настроеніе,—предсѣдатель просилъ комитетъ не поддаваться ихъ вліянію и не смущать свой разумъ и свою совѣсть росказнями, „часто смахивающими на сплетни или запугиванія". „Все, что̀ боится свѣта"—продолжалъ А. А. Стаховичъ,—„недостойно уваженія и вниманія цѣнящихъ свое достоинство общественныхъ дѣятелей. Наше дѣло сказать лишь полную искреннюю правду, не затуманенную, не искаженную никакими посторонними соображеніями, какого бы происхожденія и порядка они ни были". Такою же бодростью дышитъ заключительная рѣчь предсѣдателя рузскаго уѣзднаго комитета, кн. П. Д. Долгорукова. Она свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велика притягательная сила труда, предпринятаго съ вѣрою въ его плодотворность. Въ началѣ занятій рузскаго комитета одинъ изъ его членовъ считалъ достаточнымъ намѣтить нѣсколько общихъ тезисовъ, не входя въ болѣе детальную ихъ разработку; другой находилъ, что тяжело и непроизводительно высказывать пожеланія безъ увѣренности въ ихъ осуществленіи. Постепенно, однако, живое дѣло одержало верхъ надъ сомнѣніями и недовѣріемъ; скептицизмъ уступилъ мѣсто энергіи, и членъ комитета, прежде тяготившійся участіемъ въ его трудахъ, теперь, по выраженію предсѣдателя, тяготится мыслью о ихъ прекращеніи. „Дружная общая работа"—воскликнулъ кн. Долгоруковъ, — „объединявшая насъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, оставитъ въ насъ свѣтлое, здоровое воспоминаніе, независимо даже отъ участи нашихъ ходатайствъ. Я лично придаю гораздо бо̀льшее значеніе проявленію общественности, общественной жизни на мѣстахъ, чѣмъ удовлетворенію ходатайствъ отдѣльныхъ комитетовъ... Надо надѣяться, что это пробужденіе общественности отразится и на производительности нашихъ обыденныхъ работъ надъ мелкими, сравнительно, вопросами". Настроеніе, такъ ярко выразившееся въ рѣчахъ А. А. Стаховича и кн. П. Д. Долгорукаго—новый, знаменательный фактъ въ нашей дѣйствительности. Въ первый разъ послѣ долгаго періода унынія и

апатіи слышится надежда на будущее, чувствуется порывъ впередъ, охватившій широкія сферы. Никогда еще участниками движенія не являлись въ такой степени крестьяне; никогда не выступало на видъ съ такою ясностью сознаніе солидарности между образованнымъ обществомъ и народной массой. Велика, поэтому, заслуга тѣхъ предсѣдателей, которые не только привлекли крестьянъ въ составъ комитетовъ, но и обезпечили за ними полную свободу рѣчи... Одну только оговорку мы должны сдѣлать къ вышеприведеннымъ словамъ кн. Долгорукова. Чтобы вызвать наружу энергію, существовавшую до тѣхъ поръ лишь въ скрытомъ видѣ, достаточно было объединяющей, ободряющей работы комитетовъ; но *поддержать* эту энергію, предупредить ея безслѣдное и безплодное исчезновеніе можетъ только исполненіе главнѣйшихъ пожеланій, выраженныхъ комитетами. Если все останется по старому, если не сбудутся даже самыя скромныя надежды, разочарованіе неизбѣжно повлечетъ за собою упадокъ духа, и въ мѣстной жизни опять водворится застой. Переносить его будетъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ ярче блеснулъ свѣтъ, озарившій дорогу къ лучшему будущему.

Новѣйшія постановленія уѣздныхъ комитетовъ касаются, въ большинствѣ случаевъ, тѣхъ же вопросовъ, какъ и прежнія, и разрѣшаютъ ихъ въ томъ же или аналогичномъ смыслѣ. За перемѣны къ лучшему въ правовомъ положеніи крестьянъ высказались, напримѣръ, комитеты пирятинскій, стародубскій, петровскій, кирсановскій, семеновскій, орловскій, кіевскій, шавельскій (заключенія двухъ послѣднихъ заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что губерніи ковенская и кіевская не принадлежатъ, какъ извѣстно, къ числу земскихъ). За всеобщее обученіе подалъ голосъ даже рославльскій комитетъ, въ пожеланіяхъ котораго играютъ большую роль разныя репрессивныя и карательныя мѣры. Въ луцкомъ комитетѣ (волынской губерніи) голоса по этому предмету раздѣлились почти поровну: противники всеобщаго обученія одержали верхъ только благодаря голосу предсѣдателя. Устройство мелкой земской единицы рекомендуется комитетами ѳеодосійскимъ, тираспольскимъ, хотинскимъ, самарскимъ, ковровскимъ, костромскимъ, шавельскимъ, пятью комитетами смоленской губерніи. Комитеты шавельскій, кіевскій, липовецкій, староконстантиновскій, таганрогскій, ростовскій (на Дону), перновскій (лифляндской губерніи) примкнули къ числу тѣхъ, которые стоятъ за географическое распространеніе сферы дѣйствія земскихъ учрежденій. Въ земскихъ губерніяхъ многіе комитеты (напр. полтавскій, черниговскій, самарскій, нижегородскій, гжатскій, духовщинскій, дорогобужскій, ельнинскій) сочувственно отнеслись къ предложеніямъ, имѣвшимъ цѣлью увеличеніе средствъ, улучшеніе состава и расширеніе компетенціи земства. Орловскій уѣзд-

ный комитетъ призналъ желательнымъ полное отдѣленіе суда отъ администраціи, упраздненіе волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ, возстановленіе института мировыхъ судей. Къ аналогичнымъ выводамъ пришелъ и кіевскій уѣздный комитетъ. Въ царицынскомъ комитетѣ выслушанъ и принятъ докладъ сельскаго священника Побѣдоносцева, намѣчавшій дефекты, внесенные въ деревню институтомъ земскихъ начальниковъ, и категорически высказывавшійся за его упраздненіе [1]). Тотъ же докладчикъ указалъ на тяжелыя условія жизни сельскаго духовенства, строй жизни котораго лишенъ всякой самодѣятельности. Полное отсутствіе выборнаго начала, безграничная зависимость бѣлаго духовенства отъ чернаго, отсутствіе гласности, необезпеченность матеріальнаго положенія—вотъ, по словамъ о. Побѣдоносцева, всѣмъ извѣстныя черты положенія сельскаго духовенства. Главный источникъ народныхъ бѣдствій о. Побѣдоносцевъ видитъ въ продажѣ спиртныхъ напитковъ, которую онъ предлагаетъ вовсе уничтожить; бюджетные недочеты, которые отъ этого произойдутъ, „скоро и съ лихвой будутъ возмѣщены отрезвленнымъ русскимъ народомъ“.

Роль аналогичная съ тою, какую мало привлекательная женщина играетъ рядомъ съ красавицей—роль, краснорѣчиво характеризуемая французскимъ словомъ repoussoir,—принадлежала до сихъ поръ, среди уѣздныхъ комитетовъ, одному только чернскому. Теперь къ нему можно присоединить еще одинъ—рыбинскій. По его мнѣнію, почти буквально совпадающему со взглядами гг. Сухотина и Бодиско, проступки противъ права собственности, какъ бы они ни были маловажны, должны караться возможно строже, „дабы такимъ образомъ привести крестьянъ къ сознанію, что не такъ наказуется самый фактъ преступленія, какъ то основное начало, которымъ крестьяне руководствуются при вырубкѣ чужого лѣса“. Рыбинскій комитетъ, такимъ образомъ, раздѣляетъ съ чернскимъ честь изобрѣтенія „каръ, налагаемыхъ на принципъ“. Несовершеннолѣтнихъ, уличенныхъ въ проступкахъ противъ собственности сосѣда, рыбинскій комитетъ предлагаетъ наказывать розгами, а родителей ихъ привлекать къ отвѣтственности за неумѣнье воспитать въ дѣтяхъ чувство уваженія къ чужой собственности [2]). Достойнымъ товарищемъ чернскихъ и рыбинскихъ Драконовъ является дворянинъ Н. А. Павловъ, въ мнѣніи, представленномъ аткарскому уѣздному комитету [3]) и напечатанномъ въ №№ 334—6

[1]) См. № 337 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

[2]) Увеличеніе наказаній за маловажные проступки противъ права собственности предлагаютъ еще комитеты бѣльскій (смоленской губ.) и рославльскій, но не вдаваясь въ крайности комитетовъ чернскаго и рыбинскаго.

[3]) Какъ отнесся аткарскій комитетъ къ предложеніямъ г. Павлова - мы не знаемъ.

„Московскихъ Вѣдомостей“. Изъ обширной, многословной аргументаціи г. Павлова, напоминающей, по формѣ, своеобразный языкъ „Гражданина“ (сотрудникомъ котораго г. Павловъ, кажется, и состоитъ), мы приведемъ лишь нѣсколько отрывковъ, по которымъ легко судить объ остальномъ. „Голодъ и аттестація оскудѣнія, дискредитирующія населеніе, созданы излишнею ретивостью, округленіемъ цифръ, сгущеніемъ красокъ въ 1891 г. уѣздными и губернскими земствами... Населеніе само себя убѣдило, что голодаетъ (!)... Показатели оскудѣнія —голодъ и продажа земли—не могутъ выдержать строгой критики... Литераторамъ (?) реформъ 1861-го года легко было благословить самоуправляться, не соразмѣряя впередъ культурныхъ силъ и индивидуальныхъ качествъ этихъ самихъ... Еще большая свобода—ученіе и надежды русскаго либерализма и *коллекціи литературщиковъ* (!)—разрушить послѣднія основы порядка“. Этимъ варіаціямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и тема. Главной причиной оскудѣнія г. Павловъ считаетъ „полнѣйшій безпорядокъ, неурядицу въ самой деревнѣ, объясняемую неустройствомъ мѣстнаго управленія“. Власти въ деревнѣ все еще слишкомъ мало: нуженъ *новый сильный порядокъ*, съ проектомъ котораго и выступаетъ г. Павловъ. Во главѣ уѣзда ставится уѣздный начальникъ, изъ потомственныхъ дворянъ, окончившій курсъ въ высшемъ или спеціальномъ учебномъ заведеніи, имѣющій *гдѣ-либо* земельный цензъ (предпочтительно—въ губерніи), а въ видѣ исключенія—безъ ценза. Назначается онъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, по представленію губернатора или непосредственно, и облекается обширными полномочіями, между прочимъ—правомъ надзора надъ земскими начальниками, членами земской управы и всѣми мѣстными чиновниками, къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали. Въ уѣздѣ и въ губерніи учреждаются совѣты общихъ дѣлъ, съ функціями не то земской управы, не то земскаго собранія. Назначеніе попечителей продовольственныхъ, церковныхъ, училищныхъ предоставляется уѣздному предводителю совмѣстно съ уѣзднымъ начальникомъ. Земству предлагается сознаться, что оно шло до сихъ поръ по ложному пути, и замѣнить рознь „сильной корпоративной дисциплиной (?) и подчиненіемъ правительству“... Очевидно, прожектеры извѣстнаго рода ничему не научились и ничего не забыли; вѣрные завѣтамъ своихъ предковъ, изображенныхъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, авторомъ „Дневника провинціала въ Петербургѣ“, они по прежнему видятъ единственный исходъ въ сильной власти „благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства мѣстныхъ землевладѣльцевъ“.

Въ печати начинаютъ появляться свѣдѣнія о занятіяхъ губернскихъ комитетовъ. Весьма возможно, что они не получатъ, въ большинствѣ случаевъ, тѣхъ широкихъ размѣровъ, какими отличаются работы многихъ уѣздныхъ комитетовъ. Отъ губернаторовъ, предсѣдательствующихъ въ губернскихъ комитетахъ, трудно ожидать такого отношенія къ свободѣ мнѣній, какимъ руководились многіе уѣздные предводители. Въ бакинскомъ губернскомъ комитетѣ, напримѣръ, вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій остался безъ обсужденія только потому, что онъ не включенъ въ программу особаго совѣщанія. Въ лифляндскомъ губернскомъ комитетѣ поставлена на очередь только часть вопросовъ, предложенныхъ однимъ изъ его членовъ—предсѣдателемъ юрьевскаго эстонскаго земледѣльческаго общества (въ числѣ этихъ вопросовъ было введеніе въ Лифляндіи всесословнаго земства). Это еще не значитъ, однако, чтобы всѣ губернскіе комитеты заключали свою дѣятельность въ систематически тѣсныя рамки. Смоленскій губернскій комитетъ высказался за отмѣну предѣльности земскихъ смѣтъ, за пониженіе земскаго избирательнаго ценза, за увеличеніе состава земскихъ собраній, за бо̀льшую устойчивость земскихъ учрежденій, за расширеніе ихъ компетенціи и строгое отграниченіе ея отъ круга дѣйствій администраціи, за предоставленіе земству всѣхъ средствъ, ассигнуемыхъ государствомъ на начальное образованіе, за облегченіе устройства частными лицами и учрежденіями школъ, курсовъ, бесѣдъ, библіотекъ и т. п. Разсматривались въ смоленскомъ губернскомъ комитетѣ и вопросы, касающіеся финансово-экономической политики (необходимость согласованія податного бремени съ доходностью крестьянскаго хозяйства, пониженіе выкупныхъ платежей, прекращеніе чрезмѣрнаго покровительства обрабатывающей промышленности и друг.). Широкъ, повидимому, и кругъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ саратовскомъ губернскомъ комитетѣ (уничтоженіе розни между школами различныхъ вѣдомствъ, объединеніе народно-школьнаго дѣла. необходимость всеобщаго обученія, облегченіе устройства учительскихъ съѣздовъ, поднятіе личности и культурности земледѣльца и т. п.). Владикавказскій областной комитетъ подалъ голосъ за введеніе въ терской области земскихъ учрежденій, за статистическое изслѣдованіе области, за расширеніе программы народныхъ училищъ. Нужно надѣяться, что до всеобщаго свѣдѣнія сущность постановленій губернскихъ комитетовъ будетъ доходить не случайно, а постоянно и правильно. Совершенно правъ былъ кн. П. Д. Долгоруковъ, когда, закрывая засѣданія рузскаго уѣзднаго комитета, предложилъ ходатайствовать передъ московскимъ губернаторомъ о гласности засѣданій московскаго губернскаго комитета. Если къ уѣздамъ, вслѣдствіе ихъ многочисленности, разбросанности и разнообразія внѣшнихъ условій,

нелегко было примѣнить, въ этомъ отношеніи, одно общее правило, то для губернскихъ комитетовъ оно можетъ быть установлено безъ всякихъ затрудненій. Знакомство съ постановленіями губернскихъ комитетовъ броситъ новый свѣтъ и на дѣятельность уѣздныхъ комитетовъ, такъ какъ именно она служитъ, обыкновенно, исходной точкой для занятій губернскаго комитета.

Какое серьезное значеніе могутъ имѣть экскурсіи уѣздныхъ комитетовъ въ сферы, лежащія, повидимому—но только повидимому,—въ сторонѣ отъ задачи особаго совѣщанія, объ этомъ даетъ понятіе одно изъ постановленій шавельскаго уѣзднаго комитета. Комитетъ призналъ цѣлесообразнымъ сдѣлать литовскій языкъ предметомъ преподаванія въ школахъ и допустить печатаніе книгъ на этомъ языкѣ, съ цензурованіемъ ихъ на мѣстѣ. Что въ такомъ постановленіи нѣтъ ничего политически-тенденціознаго, что оно вызвано не литовскимъ сепаратизмомъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, составъ комитета: предсѣдательствовалъ въ немъ мировой посредникъ Чепыжниковъ, членами состояли, между прочимъ, два графа Зубова, г. Олсуфьевъ, мировой судья Чистяковъ. Руководящимъ мотивомъ комитета было убѣжденіе, что изгнаніе литовскаго языка изъ начальнаго обученія не можетъ не тормазить развитіе мѣстной народной школы—а слѣдовательно и поднятіе мѣстной сельско-хозяйственной промышленности, задерживаемое, сверхъ того, отсутствіемъ популярныхъ сельско-хозяйственныхъ книгъ на литовскомъ языкѣ.

Вопросъ о мѣстномъ языкѣ возникалъ и въ лифляндскомъ губернскомъ комитетѣ, но здѣсь ему посчастливилось меньше, чѣмъ въ Шавляхъ [1]). Когда выражена была мысль, что въ сельско-хозяйственныхъ школахъ лифляндской губерніи преподаваніе желательно вести на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, губернаторъ не допустилъ ея обсужденія, находя, что въ выборѣ школьнаго языка нельзя руководствоваться только сельско-хозяйственною точкой зрѣнія. Устранено было также ходатайство одной изъ секцій комитета, направленное къ тому, чтобы полицейскіе и судебные чины непремѣнно владѣли мѣстными нарѣчіями. „Низшіе чины полиціи“—замѣтилъ по этому поводу предсѣдатель комитета—„обязательно должны понимать мѣстные языки; что же касается чиновъ судебнаго вѣдомства, то откуда министерство юстиціи возьметъ кандидатовъ, владѣющихъ латышскимъ и эстонскимъ языками“? Знаніе *обоихъ* языковъ нельзя считать необходимымъ, такъ какъ по-эстонски говорятъ преимущественно въ сѣверной, по-латышски —въ южной части лифляндской губерніи, — а изучить *одинъ* языкъ вовсе не такъ трудно. Еслибы условіемъ для занятія должности ми-

[1]) См. № 9617 „Новаго Времени“.

рового судьи въ остзейскихъ губерніяхъ было поставлено знакомство съ однимъ изъ мѣстныхъ нарѣчій, то въ самое короткое время несомнѣнно нашлись бы лица, удовлетворяющія этому условію—и правосудіе выиграло бы отъ того чрезвычайно много. То же самое можно сказать и о высшихъ полицейскихъ чинахъ, если они теперь, въ противоположность низшимъ, не знаютъ нарѣчія своей мѣстности. Для начальника уѣздной полиціи такое знаніе не менѣе необходимо — и не менѣе доступно, — чѣмъ для младшихъ его подчиненныхъ. Ходатайство, проектированное секціею лифляндскаго губернскаго комитета, представляло удобный поводъ къ выясненію давно наболѣвшаго вопроса—и нельзя не пожалѣть, что ему не было дано дальнѣйшаго движенія.

Въ началѣ декабря обнародовано оффиціальное сообщеніе о мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи, пострадавшихъ въ 1902 г. отъ неурожая. Сюда относятся губерніи вятская и саратовская, часть таврической, уфимской, самарской, казанской, оренбургской, тамбовской, новгородской, псковской, тобольской, томской, иркутской и области семипалатинской. Во многихъ изъ этихъ мѣстностей (напр. въ губерніяхъ вятской, саратовской, уфимской, таврической) 1901-ый годъ былъ также неурожайнымъ. Нетрудно понять, насколько этимъ затрудняется возвращеніе продовольственныхъ ссудъ и выясняется необходимость коренныхъ перемѣнъ въ продовольственной системѣ. Къ участію въ мѣропріятіяхъ по оказанію помощи нуждающемуся населенію привлечены, наряду съ крестьянскими учрежденіями, и мѣстныя земства.

Кромѣ мѣстностей, перечисленныхъ въ сообщеніи, есть, повидимому, и другія, значительно потерпѣвшія отъ неурожая. Такова, напримѣръ, тверская губернія, въ которой продовольственный вопросъ былъ недавно предметомъ оффиціальнаго обсужденія. Губернское присутствіе пришло къ заключенію, что населеніе губерніи, кромѣ осташковскаго уѣзда, можетъ продовольствоваться до урожая будущаго года своими средствами, *хотя и съ крайнимъ напряженіемъ силъ и нѣкоторымъ разстройствомъ хозяйства.* Невольно возникаетъ вопросъ, желательно ли предоставленіе населенія собственнымъ его средствамъ, разъ что оно грозитъ такими печальными результатами? Безопасно ли „крайнее напряженіе силъ“, влекущее за собою, сплошь и рядомъ, потерю здоровья и уменьшеніе работоспособности? Можно ли примириться съ „нѣкоторымъ разстройствомъ хозяйства“, отъ котораго во многихъ случаяхъ только одинъ шагъ до разоренія? „Сплошное ненастье лѣтомъ“—пишетъ тверской корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 9617)—„помѣшало сдѣлать запасъ хорошаго корма для скота; сѣно

собрано повсюду попорченнымъ, а на низкихъ мѣстахъ осталось даже совсѣмъ неубраннымъ. Хлѣба также не вызрѣли во время; уборка шла при дурной погодѣ. Теперь (т.-е. въ началѣ декабря) уже не рѣдкость, если крестьяне покупаютъ хлѣбъ, а цѣна его на рынкѣ 90—95 коп. за пудъ. По недостатку корма скотъ продается населеніемъ, особенно бѣднотой, задешево. На бѣду зима выдалась суровая, съ 20—25-градусными морозами, и къ заботѣ о хлѣбѣ и кормѣ присоединилась забота о топливѣ. Нелегко будетъ населенію пережить нынѣшній тяжелый неурожайный годъ"! Эта картина служитъ яркой иллюстраціей къ словамъ о „крайнемъ напряженіи силъ и нѣкоторомъ разстройствѣ хозяйства". Дополняется она отсутствіемъ твердой надежды на урожай будущаго года: озими мѣстами пошли подъ снѣгъ при неблагопріятныхъ условіяхъ... Нужно надѣяться, что къ числу неблагополучныхъ по урожаю мѣстностей слѣдующее правительственное сообщеніе присоединитъ наиболѣе пострадавшіе уѣзды тверской губерніи.

Въ таврической губерніи нуждающимся въ продовольственной помощи признанъ, между прочимъ, симферопольскій уѣздъ. Къ такому заключенію администрація пришла, повидимому, не сразу. По словамъ „Крымскаго Вѣстника" [1]), земскіе начальники и волостные старшины отрицали недородъ; между тѣмъ, свѣдѣніями, ежедневно поступавшими въ уѣздную земскую управу, фактъ недорода подтверждался въ полномъ объемѣ. По иниціативѣ сельско-хозяйственнаго совѣта симферопольскаго земства было предпринято изслѣдованіе на мѣстѣ, черезъ посредство мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Нужно полагать, что оно не подтвердило оптимистическаго взгляда земскихъ начальниковъ и подчиненныхъ имъ волостныхъ старшинъ; иначе симферопольскій уѣздъ едва-ли былъ бы включенъ въ число тѣхъ, которые имѣютъ право на продовольственную ссуду...

Въ 1893 г. былъ обнародованъ новый уставъ лечебныхъ заведеній, тотчасъ же вызвавшій возраженія со стороны цѣлаго ряда губернскихъ земскихъ собраній и до сихъ поръ остающійся безъ примѣненія, хотя срокомъ для введенія его въ дѣйствіе былъ назначенъ 1895-й годъ. Такія же возраженія слышатся теперь противъ Высочайше утвержденнаго 12-го іюня мнѣнія государственнаго совѣта о ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ по предупрежденію и прекращенію заразныхъ и повальныхъ болѣзней на животныхъ. Одно земское собраніе за другимъ входитъ съ представленіемъ о неудобствахъ этого

[1]) См. № 337 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

закона, колеблющаго организацію, надъ которой, особенно въ послѣднее время, такъ много потрудилось земство. Московское общество сельскаго хозяйства признало, съ своей стороны, что осуществленіе правилъ 12-го іюня угрожаетъ серьезною опасностью нашему скотоводству и скотопромышленности, и постановило ходатайствовать о пересмотрѣ ихъ при участіи представителей общественныхъ учрежденій. Хотя непосредственное завѣдываніе ветеринарно-полицейскими мѣрами въ земскихъ губерніяхъ и возлагается новымъ закономъ (ст. 16) на губернскія земскія учрежденія, но при первомъ же извѣстіи о появленіи заразной или повальной болѣзни въ уѣздѣ образуется ветеринарная исполнительная коммиссія, играющая главную роль во всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ. Составляется эта коммиссія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ уѣздной земской управы, изъ ветеринарнаго врача, полицейскаго чиновника, волостного старшины или сельскаго старосты и двухъ представителей отъ скотовладѣльцевъ, заблаговременно избираемыхъ губернаторомъ (ст. 23). Изъ ст. 20-й видно, что земскіе ветеринарные врачи продолжаютъ существовать и при дѣйствіи новаго закона, но отношеніе ихъ къ ветеринарнымъ врачамъ, назначаемымъ администраціей, остается совершенно неопредѣленнымъ; неизвѣстно даже, долженъ ли ветеринарный врачъ, входящій въ составъ ветеринарной исполнительной коммиссіи, принадлежать къ земскому ветеринарному персоналу. Между тѣмъ, на земскія средства относятся какъ расходы по предупрежденію и прекращенію новальныхъ и заразныхъ болѣзней, такъ и по содержанію ветеринарнаго надзора (ст. 87). Формальности, установляемыя закономъ, чрезвычайно многочисленны и сложны. По разсчету московской губернской управы, лошадь, заболѣвшая, напримѣръ, сапомъ, можетъ быть убита не прежде какъ по истеченіи 16 дней съ того времени, когда будетъ замѣчено заболѣваніе, при чемъ потребуется написать до 35 бумагъ. Особенно характерна статья 60-я, по которой „ветеринарной исполнительной коммиссіи вмѣняется въ обязанность выяснить предѣлы подлежащей признанію неблагополучною по данной болѣзни мѣстности. Предположенія коммиссіи по сему предмету сообщаются ею уѣздной земской управѣ и съ заключеніемъ послѣдней представляются губернской земской управѣ и ветеринарному инспектору, а по разсмотрѣніи ими утверждаются начальникомъ губерніи, который затѣмъ дѣлаетъ распоряженіе объ объявленіи какъ предѣловъ неблагополучнаго раіона, такъ и о вступленіи въ дѣйствіе мѣръ, предпринимаемыхъ въ означенныхъ раіонахъ". Нетрудно понять, что переходъ дѣла по всѣмъ этимъ инстанціямъ не можетъ отличаться большою быстротою. Если земство во многихъ губерніяхъ—напр. въ московской—достигло крупныхъ результатовъ въ борьбѣ съ эпизоотіями,

это слѣдуетъ приписать именно свободѣ дѣйствій, отсутствію точной, все предусматривающей регламентаціи. Поворотъ въ противоположную сторону, увеличивая интенсивность надзора и размѣры переписки, неизбѣжно уменьшитъ сумму производительнаго, живого труда и нанесетъ новый ударъ земской идеѣ.

Къ какимъ результатамъ можетъ привести совмѣстное веденіе дѣла земствомъ и администраціею, при подчиненномъ положеніи перваго—объ этомъ даетъ понятіе исторія миргородской промышленной школы имени Н. В. Гоголя, разсказываемая полтавскимъ корреспондентомъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 341). Основанная на средства, собранныя всероссійской подпиской, но съ субсидіями отъ полтавскаго губернскаго земства и отъ министерства финансовъ, школа находилась въ управленіи лица, номинально выбраннаго земствомъ, но рекомендованнаго и затѣмъ утвержденнаго министерствомъ, отъ котораго зависитъ и его увольненіе. Сознавая безсиліе земства, директоръ школы не обращалъ вниманія на его требованія, въ теченіе семи лѣтъ дѣйствовалъ, de facto, безконтрольно и обратилъ технически-образовательное учрежденіе въ керамическую мастерскую, для учениковъ которой оставалась тайной суть производимой ими работы: ученики, обращенные въ простыхъ рабочихъ, носили воду, мѣсили глину и составы, изготовленные по секрету отъ нихъ, красили вылѣпленныя формы красками тоже неизвѣстнаго имъ состава и затѣмъ должны были удаляться, когда учителя школы приступали къ таинственнымъ процессамъ окончательнаго обжиганія. По остроумному замѣчанію корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, еслибы въ какой-нибудь медицинской школѣ профессора-врачи лечили на глазахъ у студентовъ секретными средствами, то получилось бы нѣчто подобное педагогическимъ пріемамъ, господствовавшимъ въ миргородской школѣ. Ученики выходили изъ нея ничего не знающими и неспособными къ самостоятельной работѣ. Вина губернской земской управы (прежняго состава) заключалась въ томъ, что она слишкомъ долго терпѣла такіе порядки, ограничиваясь робкими замѣчаніями; но когда ревизіонная коммиссія раскрыла настоящее положеніе дѣла, губернское земское собраніе единогласно постановило ходатайствовать о немедленномъ удаленіи директора школы, о предоставленіи земству права назначать на эту должность и увольнять отъ нея и вообще о расширеніи земской компетенціи въ завѣдываніи школой. Въ виду по истинѣ необыкновенныхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ исключительно благодаря земству, трудно предположить, чтобы ходатайство его могло остаться безъ послѣдствій.

Интересъ къ мелкой земской единицѣ, яркимъ доказательствомъ котораго послужилъ недавно выходъ въ свѣтъ обширнаго сборника, всецѣло посвященнаго этому предмету, продолжаетъ выражаться и въ преніяхъ земскихъ собраній [1]). Въ началѣ минувшаго декабря за мелкую единицу, самоуправляющуюся и самооблагающуюся, высказалось единогласно московское губернское земское собраніе, возложивъ разработку главныхъ ея основаній на особую коммиссію. Единогласіе, однако, было только кажущееся: московская губернская земская управа—не нашедшая поддержки ни въ одномъ изъ гласныхъ, принимавшихъ участіе въ преніяхъ,—находила устройство мелкой земской единицы несвоевременнымъ, трудно осуществимымъ, и отдавала предпочтеніе экономическимъ попечительствамъ, дѣятельностью которыхъ руководило бы земство. Противъ передачи вопроса о мелкой земской единицѣ на обсужденіе коммиссіи управа не возражала только потому, что видѣла въ этомъ лишь подготовку болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. На ближайшую очередь она старалась поставить вопросъ объ экономическихъ попечительствахъ, который, вслѣдствіе повторенныхъ ея настояній, и рѣшено разсмотрѣть, если окажется возможнымъ, еще во время настоящей сессіи собранія. Судя по ходу преній, слѣдуетъ ожидать, что большинство собранія согласится допустить экономическія попечительства развѣ какъ своего рода pis-aller, какъ палліативную мѣру, могущую нѣсколько смягчить, но отнюдь не устранить неудобства, сопряженныя съ отсутствіемъ мелкой земской единицы.

Откуда исходитъ, большею частью, принципіальное противодѣйствіе мелкой земской единицѣ—объ этомъ можно судить по возраженіямъ, встрѣченнымъ ею во владимірскомъ губернскомъ земскомъ собраніи [2]). „Къ чему мелкая земская единица?"—вопрошалъ гласный Куроѣдовъ (земскій начальникъ). „Этотъ вопросъ возникъ у насъ не по заявленію населенія, а лишь по докладу гласнаго Булыгина. Это—мнѣніе не населенія, а Булыгина [3]). Никакой земской единицы не нужно: крестьяне могутъ обсуждать свои нужды на волостныхъ сходахъ, потомъ писать приговоры и входить съ ними—*конечно, съ надлежащаго разрѣшенія*,—въ земскія собранія". Подчеркнутыя нами слова объясняютъ какъ нельзя лучше, почему о мелкой земской единицѣ не хотятъ и слышать сторонники „властной руки", проповѣд-

[1]) См. ниже: Литерат. Обозрѣніе.

[2]) См. № 339 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

[3]) Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что мнѣніе, враждебное мелкой земской единицѣ—мнѣніе г. Куроѣдова, а не населенія. Въ земскихъ собраніяхъ инициатива населенія не можетъ проявляться иначе, какъ въ формѣ докладовъ управы, коммиссій или отдѣльныхъ гласныхъ.

ники „ограниченности крестьянскаго ума“. Въ томъ же духѣ, какъ и г. Куроѣдовъ, говорилъ предсѣдатель собранія. „Прежде чѣмъ навязывать народу реформы“—воскликнулъ онъ,—„нужно спросить у него, желаетъ ли онъ ихъ? Хотятъ ли крестьяне эту единицу? Понимаютъ ли они, что это значитъ? Я говорилъ съ крестьянами и вынесъ убѣжденіе, что они видятъ въ ней только одно увеличеніе налоговъ“. Любопытно было бы узнать, въ какой формѣ рисуется передъ воображеніемъ оратора народный опросъ, который онъ хотѣлъ бы предпослать преобразовательной работѣ? Въ формѣ приговоровъ волостныхъ или сельскихъ сходовъ, состоявшихся по внушенію или подъ вліяніемъ начальства? Въ формѣ заключенія земскихъ начальниковъ, какъ попечителей надъ умственно несовершеннолѣтнимъ крестьянствомъ? Въ формѣ вердикта избранныхъ ими „стариковъ“ или излюбленныхъ людей деревни?.. Нетрудно понять, какую внутреннюю цѣнность могли бы имѣть всѣ подобныя „заявленія“. Какъ смотрятъ на мелкую земскую единицу крестьяне, предоставленные самимъ себѣ—объ этомъ можно судить хотя бы по тому факту, что за нее высказались въ прошломъ году всѣ уѣздныя земскія собранія пермской губерніи, въ которыхъ, какъ извѣстно, преобладаетъ крестьянскій элементъ... О достовѣрности свѣдѣній, получаемыхъ крестьянами отъ противниковъ мелкой земской единицы, даютъ понятіе заключительныя слова предсѣдателя владимірскаго губернскаго земскаго собранія: „крестьяне видятъ въ мелкой земской единицѣ только одно увеличеніе налоговъ“. На самомъ дѣлѣ мелкая земская единица, привлекая къ платежу мѣстныхъ сборовъ свободные отъ нихъ до сихъ поръ источники, должна, по крайней мѣрѣ на первое время, не увеличить, а уменьшить податное бремя, лежащее на крестьянахъ... Владимірскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ вопросъ о мелкой земской единицѣ оставленъ открытымъ.

Тверское губернское земское собраніе высказалось въ прошломъ году, довольно значительнымъ большинствомъ голосовъ, за несвоевременность введенія мелкой земской единицы. Сообразно съ этимъ, тверская губернская земская управа въ нынѣшнемъ году представила собранію докладъ объ устройствѣ земскихъ попечительствъ. На сколько можно заключить по не совсѣмъ опредѣленнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ тверскимъ корреспондентомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 340), эти попечительства очень мало похожи на проектированныя московскою губернскою земскою управою и весьма близко подходятъ къ всесословному приходу, т.-е. къ одной изъ разновидностей мелкой земской единицы: рѣчь идетъ и о выборахъ, и о приходскомъ земскомъ собраніи, и о самообложеніи. Другая форма попечительствъ, „стоящихъ въ подчиненномъ отношеніи къ земству“, па-

мѣчается, повидимому, только на случай непринятія первой. Мелкая земская единица, передъ которою въ Твери заперлась дверь, стучится, такимъ образомъ, въ окно, какъ назрѣвшая потребность, неотразимо напоминающая о своемъ существованіи [1]). Она проникаетъ—конечно, въ искаженномъ видѣ,—даже въ „Московскія Вѣдомости". Еще недавно онѣ находили, что мелкой единицы совсѣмъ не нужно, благо есть земскій начальникъ; теперь онѣ помѣщаютъ у себя (№ 337), съ благосклоннымъ отзывомъ, статью, рекомендующую учрежденіе приходскихъ попечительствъ, тѣсно связанныхъ съ земствомъ. Правда, еще тѣснѣе авторъ связываетъ ихъ съ администраціей, вводя въ составъ попечительства земскаго начальника и предоставляя послѣднему контроль надъ выборомъ членовъ попечительства изъ среды крестьянъ (утвержденіе остальныхъ членовъ возлагается на губернатора). Редакція „Московскихъ Вѣдомостей" идетъ еще дальше, требуя разобщенія попечительствъ съ земствомъ и обращенія ихъ въ органы правительственной власти. Къ другому выводу систематическіе противники самоуправленія и не могли придти; но характернымъ, во всякомъ случаѣ, остается тотъ фактъ, что на страницахъ ихъ главнаго органа могла промелькнуть мысль объ установленіи болѣе близкой связи между земствомъ и небольшими группами населенія.

До какой степени подготовлена къ реформѣ крестьянская масса, объ этомъ свидѣтельствуетъ—вмѣстѣ съ фактами, приведенными въ статьѣ г. Воробьева [2]),—примѣръ золотовской волости камышинскаго уѣзда (саратовской губерніи). По выраженію крестьянина Гусева (въ докладѣ, представленномъ камышинскому уѣздному комитету), „золотовская волость, сама того не замѣчая, близко подошла къ осуществленію мелкой земской единицы". Она тратитъ отъ 3 до $3^1/_2$ тысячъ рублей на содержаніе 16 школъ, раздаетъ пособія погорѣльцамъ, строитъ образцовыя школьныя зданія (до сихъ поръ возведено ихъ шесть), пріобрѣтаетъ, за счетъ образованныхъ ею спеціальныхъ капиталовъ, земледѣльческія машины и орудія, ткацкіе станки и пожарные насосы, продаваемые, затѣмъ, по заготовительнымъ цѣнамъ, на льготныхъ условіяхъ. По удостовѣренію камышинскаго уѣзднаго предводителя дворянства, гр. Д. А. Олсуфьева, въ золотовской волости вовсе нѣтъ ни дворянскаго, ни такъ называемаго интеллигентнаго элемента; все сдѣлано самими крестьянами. По истинѣ мудрыми, въ виду этихъ фактовъ, являются слѣдующія слова крестьянина Гусева: „говорятъ, что народъ не дозрѣлъ, не наступило еще то время, чтобы можно было открывать мелкія народныя учрежденія. Да онъ

[1]) Судя по телеграммѣ, напечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", докладъ тверской губ. земской управы принятъ тверскимъ губ. земскимъ собраніемъ.

[2]) Подробное изложеніе доклада см. въ № 341 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

и не дозрѣетъ и не поспѣетъ никогда, такъ какъ все, чему нужно зрѣть и спѣть, сперва необходимо посѣять, посадить и растить. Посадите маленькое деревцо—мелкую земскую единицу, порастите ее хоть немного, а потомъ и ждите уже плода".

Намъ скажутъ, быть можетъ, что если крестьянская волость, какъ видно изъ только-что приведеннаго примѣра, способна подняться собственными силами на высоту мелкой земской единицы, то незачѣмъ усложнять вопросъ слияніемъ сословій, привлеченіемъ къ общему дѣлу всѣхъ элементовъ мѣстнаго населенія. Такое возраженіе было бы явнымъ софизмомъ. Предоставленная самой себѣ, крестьянская волость только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ отрѣшиться отъ рутины, вступить на новый путь, расширить свои задачи; обыкновенно ей недостаетъ для того какъ средствъ, такъ и свободы дѣйствій. Опекой земскаго начальника и гнетомъ волостныхъ властей попытки самодѣятельности заглушаются, бо́льшею частью, въ самомъ своемъ зародышѣ или не возникаетъ даже мысль о возможности замѣнить волостной канцеляризмъ волостнымъ самоуправленіемъ. Съ другой стороны, въ волости, состоящей изъ разнообразныхъ элементовъ, всякое сколько-нибудь широкое общеполезное предпріятіе затрогиваетъ не одни только крестьянскіе интересы. Въ золотовской волости, гдѣ нѣтъ ни дворянъ, ни „интеллигенціи", вся преобразовательная работа могла быть произведена на счетъ однихъ крестьянъ, однѣми крестьянскими руками; при другихъ условіяхъ для нея необходимы соединенныя силы и соединенныя средства. Общность цѣлей требуетъ общности труда—и отъ обязательнаго участія въ этомъ трудѣ никто не долженъ быть свободенъ.

Въ виду не прекращающихся и даже усиливающихся стремленій посѣять рознь между земствами и городами (въ особенности столицами), большого вниманія и сочувствія заслуживаетъ недавнее постановленіе московскаго губернскаго земскаго собранія, направленное къ соглашенію различныхъ, но вовсе не противоположныхъ интересовъ. Московскія городскія попечительства затрудняются помогать пришельцамъ изъ московской и другихъ губерній, наводняющимъ Москву, остающимся безъ занятій, испытывающимъ всевозможныя лишенія и бѣдствія—и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелымъ бременемъ ложащимся на городъ. Московское губернское земское собраніе, въ декабрьской своей сессіи, рѣшило облегчить городскому управленію и его органамъ исполненіе этой задачи. Послѣ преній, не обнаружившихъ никакого серьезнаго разногласія между гласными отъ столицы и гласными отъ уѣздовъ, собраніе признало, что на губернскомъ земствѣ должна лежать забота о призрѣніи нуждающихся уроженцевъ московской и дру-

гихъ губерній, прожившихъ въ Москвѣ при опредѣленныхъ занятіяхъ—менѣе двухъ лѣтъ, безъ опредѣленныхъ занятій—хотя бы и болѣе этого срока. За уроженцами московской губерніи право на земскую помощь признано и тогда, когда они, проживъ въ Москвѣ, при опредѣленныхъ занятіяхъ, болѣе двухъ лѣтъ, не потеряли связи съ деревней, вслѣдствіе чего представляется возможнымъ и болѣе цѣлесообразнымъ оказывать имъ помощь на родинѣ. Для разрѣшенія общихъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть при новомъ порядкѣ, организованъ особый земскій совѣтъ по дѣламъ общественнаго призрѣнія. Въ виду того, что помощью московскаго губернскаго земства будутъ пользоваться пришедшіе въ Москву уроженцы другихъ губерній, собраніе нашло необходимымъ войти по этому предмету въ соглашеніе съ сосѣдними земствами, почему и постановило ходатайствовать о разрѣшеніи созвать при московской губернской земской управѣ земскій областной съѣздъ по вопросамъ общественнаго призрѣнія. Всѣми этими постановленіями достойно поддерживается традиція московскаго губернскаго земства, такъ часто и такъ удачно бравшаго на себя иниціативу нововведеній въ земскомъ дѣлѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о рѣшеніи собранія организовать общеобразовательные курсы для учащихъ въ начальныхъ школахъ московской губерніи. Въ меньшинствѣ по этому вопросу остались только двое гласныхъ, находившихъ нежелательнымъ, чтобы путемъ курсовъ распространялись между учащими идеи, и не успокоившихся даже тогда, когда предсѣдатель губ. зем. управы призналъ назначеніемъ курсовъ не проповѣдь идей, а „сообщеніе научныхъ свѣдѣній, необходимыхъ учителю на каждомъ шагу его жизни“.

Не отступая, когда нужно, передъ расширеніемъ круга дѣйствій губернскаго земства, московское губернское земское собраніе вовсе не расположено стѣснять, безъ достаточныхъ основаній, самостоятельность уѣздныхъ земствъ. Оно отклонило предложеніе губернской управы, направленное къ установленію бо̀льшаго однообразія въ выборѣ учебниковъ и учебныхъ пособій, и признало желательнымъ только одно: чтобы губернское земство, *въ случаѣ возбужденія о томъ ходатайства уѣздными управами*, приняло въ свое вѣдѣніе дѣло закупки, за счетъ уѣздныхъ земствъ, учебныхъ книгъ, пособій и классныхъ принадлежностей, *съ цѣлью ихъ удешевленія*.

НЕДОЧЕТЫ СОСЛОВНЫХЪ ПРОГРАММЪ.

— С. С. Бехтѣевъ, Хозяйственные итоги истекшаго сорокалѣтія, и мѣры къ хозяйственному подъему. Спб. 1902.

Не безъизвѣстный нашему обществу елецкій предводитель дворянства, С. С. Бехтѣевъ, издалъ для Особаго совѣщанія о нуждахъ нашей сельско-хозяйственной промышленности книгу, въ которой онъ излагаетъ свои взгляды на современное положеніе Россіи и на средства уврачеванія недуговъ, которыми она страдаетъ. Въ книгѣ этой авторъ высказываетъ не одни экономическіе взгляды. „Какъ убѣжденный сторонникъ —говоритъ онъ—государственной необходимости дворянства на мѣстахъ для совершенія его культурно-политической миссіи, я, конечно, озабоченъ о возможно большемъ упроченіи положенія дворянства среди другихъ сословій“ (стр. 289)... „Наблюдаемый абсентизмъ помѣстнаго дворянства является пагубнымъ факторомъ, задерживающимъ выполненіе культурно-хозяйственныхъ обязанностей дворянства и развитіе мѣстнаго управленія; поэтому, въ ряду мѣръ, направленныхъ къ хозяйственному подъему страны, очень серьезное и видное мѣсто занимаютъ мѣры къ уменьшенію абсентизма“ (стр. 277)... „Если во всѣ времена абсентизмъ дворянства признавался вреднымъ для культурныхъ и государственныхъ интересовъ, то каковы же будутъ послѣдствія полнаго исчезновенія изъ деревни нашего культурнаго, твердаго въ своихъ политическихъ идеалахъ помѣстнаго сословія, подъ предводительствомъ государей проведшаго русскій народъ черезъ многовѣковыя испытанія и создавшаго современную Россію“ (стр. 127)... Настаивая на особенной важности въ Россіи дворянскаго вопроса и на необходимости разрѣшенія его въ смыслѣ поднятія политическаго и экономическаго значенія дворянства, г. Бехтѣевъ, однако, не можетъ быть причисленъ къ той группѣ защитниковъ дворянскихъ интересовъ, представителемъ которой служитъ, напр., „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго.

Г-нъ Бехтѣевъ, не только не скорбитъ о преждевременномъ, будто бы, упраздненіи крѣпостного права, но считаетъ, что установленіе послѣдняго было пагубной исторической ошибкой, а „великій актъ 19-го февр. 1861 г. имѣлъ значеніе возврата Россіи на историческій путь свободнаго развитія какъ въ духовной, такъ и въ матеріальной областяхъ“ (стр. 126). Не претендуетъ г. Бехтѣевъ и на то, чтобы правительство поддерживало дворянъ раздачей имъ государственныхъ земель, издавало строжайшіе законы противъ неисправныхъ рабо-

чихъ; не сочувствуетъ ограниченію земскаго самоуправленія и т. д. Въ экономической части своихъ воззрѣній г. Бехтѣевъ является усерднымъ защитникомъ интересовъ крестьянъ (насколько они, впрочемъ, не сталкиваются съ интересами дворянъ-землевладѣльцевъ, какъ ихъ понимаетъ г. Бехтѣевъ) и высказываетъ много здравыхъ сужденій какъ о причинахъ разстройства крестьянскаго быта, такъ и о мѣрахъ устраненія этого разстройства.

Словомъ, если воззрѣнія кн. Мещерскаго можно квалифицировать, какъ программу реакціонно-дворянскаго направленія, то г-на Бехтѣева нужно назвать представителемъ направленія прогрессивно-консервативнаго, пытающагося примирить начало сословной организаціи съ требованіями прогресса.

Мы считаемъ не безъинтереснымъ познакомиться ближе съ программой этого направленія, тѣмъ болѣе, что высказывается оно въ данномъ случаѣ лицомъ, не только не безъизвѣстнымъ русскому образованному обществу, но съигравшимъ нѣкоторую роль въ свое время. Кто былъ въ Петербургѣ въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда были собраны свѣдущія лица для обсужденія проектовъ различныхъ преобразованій, тотъ, вѣроятно, помнитъ популярную въ городѣ шутку: „Россія пережила московскій и петербургскій періоды своей исторіи и теперь вступаетъ—въ елецкій“. Шутка эта иронизировала по поводу того значенія, какое склонны были приписывать г. Бехтѣеву и его землякамъ, приглашеннымъ, въ числѣ прочихъ, для подачи своихъ мнѣній. Обсуждая проектъ преобразованія мѣстнаго управленія, составленный Кахановской коммиссіей и построенный на признаніи „достаточной подготовленности крестьянскаго населенія къ проведенію въ жизнь принципа безсословнаго самоуправленія до самой глубины народной жизни—до сельскаго схода“ (тамъ же, стр. 279),—г. Бехтѣевъ высказывалъ мнѣніе, что въ радикальномъ преобразованіи крестьянскаго управленія надобности не представляется, такъ какъ это управленіе страдаетъ не отъ недостатковъ его организаціи, а отъ „низкаго уровня развитія ближайшихъ къ крестьянамъ волостныхъ и сельскихъ властей“. Нужно лишь парализовать дѣйствіе этого недостатка, а средствомъ для того можетъ служить „приближеніе къ населенію культурной, благожелательной и попечительной власти, озабоченной улучшеніемъ и упорядоченіемъ сельско-крестьянскихъ учрежденій, безъ грубаго, насильственнаго вторженія въ область крестьянскаго сословнаго самоуправленія, прежде всего нуждающагося въ развитіи чувства законности“...

„Убѣжденные въ томъ, что строгое разграниченіе властей по роду ихъ функціи, т.-е. раздѣленіе судебныхъ и административныхъ властей, доступно разумѣнію только народа, достаточно культурнаго, а

не русскаго крестьянскаго населенія, не могущаго въ этомъ разобраться, мы—говоритъ далѣе г. Бехтѣевъ—видѣли ясно тогда, какъ ясно мнѣ и теперь, что двойного комплекта людей для администраціи и суда провинціальная Россія дать не можетъ. Кромѣ того, мы знали, какимъ огромнымъ довѣріемъ и авторитетомъ въ населеніи пользовался институтъ мировыхъ судей. Отправляясь отъ всего этого, мы признавали цѣлесообразнымъ небольшое увеличеніе персонала участковыхъ мировыхъ судей и передачу ихъ вѣдѣнію надзора за крестьянскими учрежденіями, во всей ихъ полнотѣ и совокупности. Вмѣстѣ съ этимъ мы полагали сдѣлать мировыхъ судей отвѣтственными за полный порядокъ и благоустройство деревни въ предѣлахъ всѣхъ предписаній различныхъ уставовъ, до сего относящихся"... „Основныя черты этого плана,—продолжаетъ г. Бехтѣевъ свои воспоминанія,—удостоились Высочайшаго одобренія и легли въ основу закона 12-го іюня 1889 г., но осуществленіе получили они не въ той формѣ, какъ предлагали сторонники объединеиной власти. Четыре губернатора и четыре губернскихъ предводителя, вырабатывавшіе законопроектъ, совершенно исказили нашу мысль. Популярный въ населеніи, изъ населенія выходившій и населеніемъ же пополняемый, институтъ мировыхъ судей былъ уничтоженъ и замѣненъ часто чуждыми населенію земскими начальниками" (стр. 280—281). Четыре губернатора и четыре предводителя, составлявшіе законопроектъ, не были, конечно, настолько могущественны, чтобы по личному побужденію „совершенно исказить" мысль, получившую Высочайшее одобреніе. Они, вѣроятно, составляли проектъ по идеѣ, преподанной свыше, и съ этимъ соглашается самъ г. Бехтѣевъ, когда упраздненіе выборнаго начала въ институтѣ земскихъ начальниковъ приписываетъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстому. С. С. Бехтѣевъ, однако, въ указанномъ—Положеніемъ 12-го іюля 1889 г.—порядкѣ назначеній земскихъ начальниковъ готовъ видѣть результатъ личнаго раздраженія гр. Толстого. „Много разъ какъ во время работъ Каховской комиссіи, такъ и позже, мнѣ приходилось—сообщаетъ г. Бехтѣевъ—говорить съ гр. Толстымъ объ этомъ (выборномъ началѣ въ мѣстномъ управленіи), и я знаю, какъ небогатъ былъ его арсеналъ доказательствъ; всѣ возраженія его всегда имѣли нѣсколько страстный оттѣнокъ и, думается мнѣ, проистекали, главнымъ образомъ, отъ неудачнаго образа дѣйствій одного изъ уѣздныхъ земскихъ собраній рязанской губерніи въ отношеніи его (гр. Толстого) въ періодъ внезапнаго его освобожденія отъ обязанности министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора св. синода при императорѣ Александрѣ II. Этотъ ошибочный поступокъ земцевъ, о которомъ я не разъ отъ него слышалъ, оставилъ, какъ видно, въ графѣ неизгладимое впечатлѣніе, къ

прискорбію отразившееся и еще и теперь отражающееся на всей Россіи" (стр. 290). Такого рода воззрѣнія г. Бехтѣева на мотивы того или другого направленія внутренней политики проявляется еще яснѣе, когда онъ говоритъ объ отношеніи правительства къ земству. Съ легкой руки гр. Толстого „земство, въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, болѣе и болѣе становится пасынкомъ. Неблагожелательное отношеніе гр. Толстого, вполнѣ объясняется впечатлительностью его натуры, не могшей освободиться отъ воспоминаній о неумѣстной выходкѣ земства, къ которому онъ принадлежалъ. Но позднѣйшее положеніе земства *совершенно необъяснимо и непонятно.* Съ разныхъ сторонъ оно внезапно стало подвергаться опалѣ и осужденію, какъ будто бы за то, что въ сравнительно короткій промежутокъ времени оно такъ много хорошаго сдѣлало для населенія, сравнительно съ губерніями, гдѣ нѣтъ земства" (стр. 196).

Итакъ, пожеланія г. Бехтѣева объ усиленіи дворянскаго элемента въ мѣстномъ управленіи, повидимому, осуществились: нынѣшнее уѣздное земское собраніе „представляетъ собою делегацію дворянскаго землевладѣнія, пополненную представительствомъ крестьянскаго землевладѣнія и городскихъ имуществъ" (стр. 295); дворянство поставлено на стражѣ крестьянскаго самоуправленія. И однако, ни земское, ни крестьянское управленія не приведены въ тотъ видъ, какой они должны имѣть, „и теперь деревенское дѣло опять почти въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было до учрежденія уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія" (стр. 288). Заявляя претензію на особыя привилегіи, въ ущербъ правамъ другихъ классовъ, и поддерживая, такимъ образомъ, принципъ ограниченія самоуправленія, ревнители сословнаго начала упустили изъ виду, что есть и другіе элементы въ русской жизни, стремящіеся къ тому же, и что эти элементы, какъ болѣе могущественные, станутъ на мѣсто, назначаемое г. Бехтѣевымъ для дворянства. Дворянамъ дано преобладаніе надъ другими сословіями въ мѣстномъ управленіи, но подъ условіемъ одновременнаго расширенія власти администраціи. „Благожелательная и попечительная" для народа власть дворянъ въ лицѣ земскихъ начальниковъ выродилась въ чисто чиновническое учрежденіе съ неопредѣленными полномочіями, отъ котораго готовъ отречься самъ г. Бехтѣевъ; выборные представители дворянскаго земства обращены въ получиновниковъ же; самостоятельность этого земства ограничивается болѣе и болѣе, права его съуживаются, компетенція—также. Вмѣсто расширенія правъ дворянства, какъ сословія, дворянскія привилегіи принесли одно расширеніе административной власти съ преимуществомъ для дворянъ занимать чиновничьи и получиновничьи должности. Дворянство втягивается такимъ образомъ въ бюрократію

и обращается не въ управляющее, а въ служилое сословіе, безъ власти, но съ привилегіями за неосуществленное первенство. Г-ну Бехтѣеву самому непріятно мириться съ мыслью о томъ, что проекты о преобладаніи дворянства могутъ получить осуществленіе лишь путемъ съуженія самоуправленія въ пользу бюрократическаго начала; и онъ полагаетъ избѣжать такого заключенія, несправедливо приписавъ данное направленіе правительственной политики одному личному раздраженію гр. Д. А. Толстого. Но вѣдь авторъ института земскихъ начальниковъ и новаго земскаго положенія — уже давно въ могилѣ, а данное имъ направленіе внутренней политикѣ развивается, а не ограничивается. Предѣльность земскаго обложенія введена послѣ гр. Толстого; продовольственное дѣло изъято изъ рукъ земства не гр. Толстымъ, и т. д., и т. д. Всякому, такимъ образомъ, ясно, что ограниченіе самоуправленія есть принципъ, не по инерціи, а принципіально проводимый въ послѣднія 15 лѣтъ; тотъ же самый періодъ времени можетъ быть охарактеризованъ и какъ сословная эра. Связь между этими двумя теченіями внутренней политики не случайна. Нельзя совершать крупныя преобразованія безъ сочувствія какого-либо изъ общественныхъ классовъ. Ограничительныя преобразованія мѣстнаго управленія (крестьянскаго и земскаго), поэтому, должны быть сознаваемы на мѣстахъ, какъ отвѣчающія интересамъ или желаніямъ какого-либо изъ мѣстныхъ же элементовъ. Кто хлопоталъ о сословныхъ привилегіяхъ,—не можетъ потому считаться участникомъ въ преобразованіяхъ, такъ или иначе осуществившихъ эти привилегіи.

Г-нъ Бехтѣевъ настаиваетъ на важности культурно-политическаго значенія дворянства на мѣстахъ, и одной изъ функцій такого характера считаетъ надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ. Дворянство получило, наконецъ, право этого надзора, но осуществленіемъ его недоволенъ опять самъ г. Бехтѣевъ, считающій, что крестьянское управленіе находится теперь въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оно было до введенія института земскихъ начальниковъ. Ближайшую причину этого г. Бехтѣевъ видитъ въ томъ, что лучшіе дворяне избѣгаютъ поступать на должность земскаго начальника. „Масса обязанностей, требующихъ огромной энергіи, отсутствіе служебныхъ перспективъ, личная служебная зависимость отъ губернаторовъ, сдѣлали—говоритъ онъ—то, что много талантливыхъ, идейныхъ, имущественно независимыхъ людей, ставшихъ въ ряды земскихъ начальниковъ въ первое время по ихъ учрежденіи, скоро бросили эту службу, подобно тому, какъ поспѣшили уйти лучшіе мировые посредники, какъ только ввели уставныя грамоты... Нынѣ, за небольшими исключеніями, мѣста земскихъ начальниковъ занимаютъ и будутъ занимать до могилы—главнымъ обра-

зомъ, люди, для которыхъ важно имѣть дополнительное къ сельскому хозяйству денежное полученіе" (стр. 283)... За дѣятельностью земскаго начальника нѣтъ никакого надзора: „губернатору, по горло занятому массою дѣлъ, надзоръ за дѣятельностью сотни лицъ, на сотни верстъ отъ него дѣйствующихъ, неосуществимъ". Предсѣдатель уѣзднаго съѣзда—предводитель дворянства—не обязанъ за ними надзирать. Такимъ образомъ, земскому начальнику предоставлена полная свобода—работать или бездѣйствовать „до могилы".

Причины неудовлетворительнаго выполненія дворянствомъ одной изъ его культурно-политическихъ задачъ заключаются, впрочемъ, не въ одной лишь современной постановкѣ института земскихъ начальниковъ. Для устраненія недостатковъ, порочащихъ, въ глазахъ г. Бехтѣева, этотъ институтъ, авторъ предлагаетъ обратить должность земскаго начальника въ выборную, поставить надъ ними общественный контроль и побудить ихъ быть болѣе дѣятельными. Но вѣдь не одна только малодѣятельность земскихъ начальниковъ огорчаетъ, полагаемъ, г. Бехтѣева. Чтобы выполнить задачу осуществленія „культурной, благожелательной и попечительной власти, озабоченной улучшеніемъ и упорядоченіемъ крестьянскихъ учрежденій безъ грубаго, насильственнаго вторженія въ область крестьянскаго самоуправленія",—нужны, конечно, лучшіе люди, а не тѣ, для которыхъ важно лишь „имѣть дополнительное къ сельскому хозяйству денежное полученіе". Лучшіе же дворяне не пойдутъ въ земскіе начальники и послѣ того, какъ тѣ станутъ выбираться земскими собраніями. Сознанія, что они выполняютъ важную культурно-политическую миссію, оказывается, недостаточно для того, чтобы способные дворяне согласились занять соотвѣтствующія должности. Чтобы институтъ земскихъ начальниковъ „пополнялся дѣйствительно лучшими людьми—говоритъ г. Бехтѣевъ,—нужно, чтобы земскимъ начальникамъ открывались широкія *служебныя перспективы*, чтобы они представляла собой основной первоначальный кадръ для пополненія высшихъ должностей по мѣстной службѣ, а можетъ быть, даже и центральной"... „Отъ человѣка, мечтающаго сдѣлаться губернаторомъ и двигаться далѣе по служебной іерархіи", нужно требовать—„пройти черезъ двое или трое земскихъ выборовъ въ земскіе начальники, не менѣе какъ черезъ двое выборовъ дворянства въ уѣздные предводители, быть выбраннымъ и рекомендованнымъ губернаторомъ на должность вице-губернатора, и лишь пройдя черезъ весь этотъ искусъ и вездѣ доказавъ свою способность и пригодность, уже сдѣлаться кандидатомъ на должность губернатора" (стр. 287). Итакъ, чтобы упорядочить сословными руками крестьянское управленіе, недостаточно привлечь дворянъ къ этому дѣлу и назначить за него приличное матеріальное вознагражденіе. Мало будетъ

и предоставленія имъ надлежащей самостоятельности, контролируемой выборнымъ общественнымъ учрежденіемъ. Задача „приближенія къ населенію культурной, благожелательной и попечительной власти“ сама по себѣ слишкомъ мало, какъ то очевидно, интересуетъ дворянъ для того, чтобы лица, способныя олицетворять такую власть, отвлеклись отъ другихъ своихъ (должно полагать—служебныхъ) дѣлъ. Нужны еще исключительныя служебныя привилегіи, въ видѣ перспективы губернаторскаго мѣста, чтобы привлечь дворянство къ надлежащему выполненію естественной, будто бы, для него культурно-политической миссіи. Но не слишкомъ ли дорогой цѣной будетъ куплена культурная и благожелательная для крестьянъ власть? да и можно ли осуществить такую власть насильственнымъ привлеченіемъ дворянскаго сословія къ дѣлу, которое оно, очевидно, не считаетъ входящимъ въ кругъ его гражданскихъ обязанностей?

Впрочемъ, служебныя привилегіи земскимъ начальникамъ проектируются г. Бехтѣевымъ не только для побужденія дворянства къ надлежащему выполненію его культурно-политической миссіи. Они кажутся г. Бехтѣеву дѣйствительнымъ средствомъ также для привлеченія дворянъ къ выполненію другой ихъ миссіи—культурно-хозяйственной. Эту идею г. Бехтѣевъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ. „Въ ряду различныхъ явленій, пагубно вліяющихъ на имущественный и культурный уровень деревни, есть одно, которому обычно не придаютъ того значенія, какое оно имѣетъ, между тѣмъ разносторонне пагубное вліяніе его громадно. Я говорю объ абсентизмѣ деревенской интеллигенціи, принявшемъ особенно грозные размѣры въ истекшее десятилѣтіе“... „Бѣжитъ все наиболѣе сильное, способное найти себѣ плодотворное дѣло внѣ насиженнаго угла. Остается все, наиболѣе слабое, наименѣе энергичное“... „Наблюдаемый абсентизмъ помѣстнаго дворянства является пагубнымъ факторомъ, задерживающимъ выполненіе культурно-хозяйственныхъ обязанностей дворянства и развитія мѣстнаго управленія; поэтому, въ ряду мѣръ, направленныхъ къ хозяйственному подъему страны, очень серьезное и видное мѣсто занимаютъ мѣры къ уменьшенію абсентизма“ (стр. 277). Мѣры, предлагаемыя для этого г. Бехтѣевымъ, заключаются въ той самой системѣ постепеннаго прохожденія службы, начиная съ земскаго начальника, съ которымъ мы уже познакомились. „Требованіе постепеннаго прохожденія провинціальной службы—излагаетъ свои надежды г. Бехтѣевъ—совершенно измѣнило бы картину деревни и привлекло бы на землю массу силъ. Не всѣ бы попали въ губернаторы, а много ищущихъ службы возвратились бы къ землѣ и остались бы, *застряли бы въ деревнѣ*“ (стр. 287).

Когда г. Бехтѣевъ первоначально заявлялъ о важномъ значеніи

дворянства, какъ благоустроителя мѣстнаго управленія и мѣстнаго хозяйства, онъ исходилъ, конечно, не изъ представленія о „бѣлой кости“ лицъ дворянскаго сословія, а основывался на выработанныхъ исторически связяхъ и отношеніяхъ, обусловливающихъ то, что дворянство является не только желательнымъ, но и естественнымъ факторомъ культурно-политическаго и культурно-хозяйственнаго благоустройства. Когда же онъ болѣе или менѣе полно развилъ свою мысль —оказалось, что побудить дворянство къ выполненію его культурныхъ задачъ можно лишь системой такихъ поощреній, къ какимъ правительства отсталыхъ странъ прибѣгаютъ для привлеченія иноземныхъ культурныхъ элементовъ,—по естественнымъ побужденіямъ, конечно, избѣгающихъ близкаго общенія съ невѣжественными народами, и соглашающихся на это лишь изъ-за особенныхъ выгодъ и привилегій. Такъ привлекали нѣкогда изъ-за границы въ Россію ученыхъ врачей, мастеровъ; такъ привлекали еще недавно иностранные капиталы, и такъ же предлагаетъ г. Бехтѣевъ привлечь къ полезной мѣстной дѣятельности русское дворянство. Факты эти не особенно благопріятствуютъ мысли о томъ, что дворянство является самымъ естественнымъ культурнымъ агентомъ въ провинціи; если же бѣгство дворянъ изъ деревни, гдѣ у нихъ есть близкіе интересы, сопоставить съ той готовностью, съ какою идетъ въ ту же деревню на земскую службу „городская“, „безпочвенная“,—какъ ее именуетъ г. Бехтѣевъ,—интеллигенція, не только не получающая какихъ-либо привилегій, но поставленная въ самое необезпеченное положеніе,—то врядъ ли не слѣдуетъ признать, что пожалуй этой интеллигенціи будетъ принадлежать современемъ честь приведенія провинціи въ благоустроенное состояніе.

Итакъ, принципіально С. С. Бехтѣевъ стоитъ за расширеніе мѣстнаго вліянія дворянства на почвѣ возможнаго сохраненія самоуправленія; въ отношеніи практическаго выполненія этой идеи, на первый планъ уже выдвинутъ имъ принципъ служебной привилегіи,—а фактически дѣло свелось къ ограниченію самоуправленія, къ очиновниченью земствъ и обращенію дворянства въ служилое сословіе. Результатъ этотъ слѣдуетъ считать не отрицаніемъ, а лишь болѣе яснымъ развитіемъ основной мысли г. Бехтѣева; и что эта мысль—при данныхъ условіяхъ—невольно тяготѣетъ къ обращенію сословнаго самоуправленія въ бюрократическое, видно также изъ слѣдующаго мнѣнія г. Бехтѣева. Возставая противъ ограниченія земскаго самоуправленія, онъ, тѣмъ не менѣе, совершенно въ тонъ политикѣ очиновниченья земства, предлагаетъ примѣнить принципъ выслуги лѣтъ и къ замѣщенію земскихъ должностей: „Тотъ же принципъ постепенности прохожденія службы—говоритъ онъ—слѣдовало бы приклады-

вать и къ предсѣдателю губернской земской управы, для котораго слѣдовало бы установить предварительную подготовку на должностяхъ предсѣдателя уѣздной земской управы или члена губернской управы, которымъ должна предшествовать служба членомъ уѣздной земской управы" (стр. 287).

Таковы начала и таковы концы системы культурнаго благоустройства провинціи на принципѣ сохраненія сословнаго самоуправленія. Концы эти находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ историческими традиціями самого сословія, о которыхъ намъ разсказываетъ С. С. Бехтѣевъ, и съ тѣмъ, констатируемымъ имъ же, фактомъ, что экономически дворянство совершенно оскудѣваетъ, и безъ правительственной помощи не способно выйти изъ состоянія хозяйственнаго упадка. Слабое въ экономическомъ отношеніи и ищущее помощи на сторонѣ оно не можетъ имѣть ни самостоятельнаго вліянія на мѣстахъ, ни самостоятельнаго значенія въ глазахъ власти.

Г-нъ Бехтѣевъ рисуетъ „до стыда" печальную картину хозяйственнаго положенія дворянства. Доходовъ съ имѣнія оно не получаетъ, лѣса изводитъ, землю закладываетъ или продаетъ, и если отчужденіе дворянскихъ земель „пойдетъ въ пропорціи послѣдняго пятилѣтія, то черезъ семьдесятъ лѣтъ все дворянство будетъ обезземелено" (стр. 12). Г-нъ Бехтѣевъ считаетъ такія перспективы весьма пагубными для государства. „Нарушая исторически сложившіяся аграрныя отношенія, служащія краеугольнымъ камнемъ нашего національно-государственнаго бытія", „современныя условія грозятъ смести съ лица земли наше помѣстное сословіе, съ корнемъ вырвать этотъ устой царства россійскаго; поэтому, къ нему нельзя относиться спокойно, его нельзя предоставить собственному теченію, такъ какъ послѣдствія онаго могутъ быть небезопасными для нашего національнаго государственнаго бытія" (стр. 125). Причины указываемаго печальнаго экономическаго положенія дворянства г. Бехтѣевъ видитъ, однако, не только въ новыхъ условіяхъ сельско-хозяйственной дѣятельности, но и въ наслѣдіи, полученномъ дворянствомъ отъ дореформенной эпохи: задолженности его землевладѣнія и низкой производительности земли.

Историческая справка, приведенная во второй главѣ книги г. Бехтѣева, имѣетъ цѣлью показать, что задолженность дворянскаго землевладѣнія въ дореформенныя времена, была слѣдствіемъ исполненія дворянами государственныхъ службъ, препятствовавшихъ имъ заниматься хозяйствомъ и требовавшихъ большихъ расходовъ на представительство. И это тяготѣніе къ службѣ дворяне проявляли какъ во время обязательнаго служенія государству, такъ и послѣ освобожденія ихъ отъ этой обязанности. Такимъ образомъ, дворянство никогда не было свободнымъ мѣстнымъ хозяйственнымъ элементомъ; оно тяну-

лось на службу, къ блеску, ко двору; оно не заботилось о возвышеніи сельско-хозяйственной культуры, быстро проживало низкіе доходы отъ земледѣлія, а излишки своихъ тратъ покрывало займами. Ростущая задолженность, конечно, скоро поставила бы дворянъ въ крайне непріятное положеніе, если бы на выручку не приходило правительство, учреждавшее для своихъ слугъ спеціальныя кредитныя учрежденія и какъ бы бравшее на себя отвѣтственность за долги помѣщиковъ. Неизвѣстно, на что оказалось бы вынужденнымъ правительство, если бы крѣпостное право сохранилось дольше, и въ казенныхъ учрежденіяхъ оказались бы заложенными не $^2/_3$, какъ это было тогда, а всѣ дворянскія населенныя имѣнія. Очевидно, что дворянское землевладѣніе еще до реформы переживало кризисъ и шло по пути превращенія въ государственное землевладѣніе, съ послѣдующимъ обращеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ въ казенные, и что „исторически-сложившимся аграрнымъ отношеніямъ", служащимъ, будто бы, „краеугольнымъ камнемъ нашего національно-государственнаго бытія", грозило крушеніе. Дворянское землевладѣніе было спасено крестьянской реформой. Неизбѣжная по финансово-экономическимъ причинамъ ликвидація крѣпостного права была произведена не путемъ обращенія помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные, а полнымъ ихъ освобожденіемъ и возложеніемъ на нихъ уплаты казнѣ помѣщичьихъ долговъ. Оставшіяся въ дворянскихъ рукахъ 80 милл. десятинъ были такимъ образомъ освобождены отъ долговыхъ обязательствъ, и дворяне получили еще выкупныя свидѣтельства, которыя могли обратить въ деньги.

Освободивъ помѣщиковъ отъ долговъ, правительство упразднило и казенныя кредитныя для дворянъ учрежденія. Г. Бехтѣевъ считаетъ этотъ шагъ крайне несправедливымъ и пагубнымъ для дворянскаго землевладѣнія, и находитъ, что правительству надлежало и впредь оберегать дворянъ отъ необходимости „идти за помощью къ людямъ свободныхъ состояній, накоплявшимъ богатства въ то время, когда дворянство, не щадя имущества и жизни, изнемогало на службѣ государству". Что было причиной отказа правительства отъ первоначальнаго предположенія создать земскіе банки,—спрашиваетъ г. Бехтѣевъ, —какія теченія возобладали въ правящихъ сферахъ, какимъ воздѣйствіямъ подвергся и поддался самъ государь—я не знаю; но несомнѣненъ тотъ фактъ, что были забыты священнѣйшіе интересы дворянства, которые, по почину своихъ лучшихъ людей, поступились, во имя государственной пользы, частью своего имущества, то деньгами, то службою, то кровью добытаго" (стр. 135). Словами В. А. Кокорева г. Бехтѣевъ приписываетъ уничтоженіе опекунскихъ совѣтовъ вліянію „шести дѣятелей", характеризованныхъ Кокоревымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „они проповѣдывали въ тарифныхъ коммиссіяхъ пони-

женіе пошлины на кофе, потому что кофе разовьетъ мозговыя силы крестьянина, и требовали также пониженія на пикули и капорцы, какъ приправы, могущія дать вкусъ грубой крестьянской пищѣ" (стр. 136). Въ этомъ случаѣ г. Бехтѣевъ проявляетъ ту же склонность приписывать крупныя событія вліяніямъ отдѣльныхъ личностей, съ какой мы уже встрѣчались. Какъ бы то ни было, но черезъ пять лѣтъ послѣ реформы стали открываться коммерческія кредитныя учрежденія, куда дворяне и поспѣшили понести свои земли, и черезъ двадцать лѣтъ послѣ реформы дворянское землевладѣніе оказалось обремененнымъ такой же суммой долговъ, отъ какой оно было освобождено послѣ реформы, а для спасенія этого землевладѣнія понадобились опять кредитныя учрежденія государственнаго характера.

Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что дворянство не имѣло успѣха послѣ реформы въ своей хозяйственной дѣятельности. Г. Бехтѣевъ признаетъ это, но старается объяснить такимъ образомъ, чтобы избавить его отъ упрека въ неспособности выполнять на мѣстахъ культурно-хозяйственную миссію, которую онъ ему приписываетъ. „При низкой урожайности нашей, хозяйство возможно только при высокихъ цѣнахъ на зерно—говоритъ онъ;—при низкой же урожайности и низкихъ цѣнахъ на зерно хозяйство невозможно при покупномъ трудѣ" (стр. 149). Г. Бехтѣевъ утверждаетъ, что не только дворяне, но и лица прочихъ сословій не успѣли въ попыткахъ заведенія коммерческаго хозяйства. Этотъ общій неуспѣхъ повелъ, будто бы, къ тому, что земля перестаетъ привлекать къ себѣ покупателей. Даже „крестьяне на свои деньги рѣшительно перестали покупать земли—утверждаетъ г. Бехтѣевъ,—предпочитая обращать сбереженія на другіе промыслы; о покупкѣ же земли, къ которой они еще такъ недавно относились съ нѣжностью и алчностью, они не заводили рѣчи, даже и тогда, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, цѣна на землю понизилась" (стр. 141). Послѣднія утвержденія г. Бехтѣева, конечно, совершенно противорѣчатъ дѣйствительности: если бы земля не находила пріобрѣтателей, и притомъ по очень высокимъ цѣнамъ, то нечего было бы опасаться за то, что черезъ семьдесятъ лѣтъ вся дворянская собственность перейдетъ въ иносословныя руки. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что г. Бехтѣевъ неправъ, когда говоритъ о трудности вести въ настоящее время коммерческое сельское хозяйство. Въ трудности этой, однако, много повинно само же дворянство. „Переходъ къ капиталистическому (основанному на наемномъ трудѣ) хозяйству только обнаружилъ болѣзнь,—самая же болѣзнь очевидно *существовала еще при крѣпостномъ правѣ* и не обнаруживалась, прикрываясь даровымъ трудомъ. Несомнѣнно,—уже очень давно причиной печальнаго хода дѣла была отжившая, устарѣлая система хозяйства" (стр. 149). Не-

подвижность сельско-хозяйственной культуры во времена крѣпостного права г. Бехтѣевъ пытается объяснить отсутствіемъ сбыта произведеній хозяйства, кромѣ зерна, и неимѣніемъ „учебныхъ заведеній, въ которыхъ дворянство подготовлялось бы для хозяйственной дѣятельности". Это объясненіе врядъ ли можетъ кого-либо удовлетворить. Самъ г. Бехтѣевъ напоминаетъ о томъ, что вопросъ о возвышеніи производительности сельскаго хозяйства поднимался у насъ очень давно, а при императорѣ Николаѣ I учрежденъ былъ даже особый „Комитетъ для усовершенствованія земледѣлія въ Россіи". Въ возбужденіи этого вопроса не было бы надобности, если бы низкая производительность хозяйства не приводила къ ощутительнымъ и очевиднымъ матеріальнымъ послѣдствіямъ. Отсутствіе соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній тоже не объясняетъ сельско-хозяйственной бездѣятельности дворянства: во главѣ государственнаго управленія стояли дворяне же, и при живомъ ихъ сознаніи пользы такихъ заведеній—послѣднія не замедлили бы основаться. Истинная причина отсталости сельскаго хозяйства въ крѣпостную эпоху заключается въ томъ, что способные дворяне служили, а не занимались хозяйствомъ.

Сдѣланная г. Бехтѣевымъ историческая справка показала, что въ крѣпостную эпоху лучшіе дворяне не жили въ своихъ имѣніяхъ, не вели крестьянское населеніе по пути сельско-хозяйственнаго прогресса, и если исполняли нѣкоторыя политическія функціи, то, главнымъ образомъ, въ качествѣ правительственныхъ чиновниковъ. Историческія традиціи, поэтому, не въ пользу того, чтобы отъ дворянъ больше, чѣмъ отъ другихъ сословій, можно было ожидать естественнаго участія въ прогрессивномъ развитіи страны въ качествѣ мѣстныхъ культурныхъ элементовъ. По естественнымъ традиціоннымъ побужденіямъ дворяне и послѣ реформы должны были стремиться на службу въ правительственныя учрежденія и въ открывавшіяся учрежденія и предпріятія общественнаго и частно-капиталистическаго характера. Совершенно, поэтому, согласно съ историческими традиціями г. Бехтѣевъ ищетъ средствъ прикрѣпить дворянина къ землѣ, открывая ему перспективы губернаторскаго мѣста. Но если г. Бехтѣевъ находится въ согласіи съ исторіей, когда избираетъ *средства* для достиженія извѣстной цѣли, то онъ поступаетъ совершенно антиисторически, когда ставитъ эту *цѣль*, заключающуюся въ водвореніи на землѣ дворянина и побужденіи его чуть не силкомъ выполнять здѣсь различныя культурныя задачи. Въ губернаторы вѣдь попадутъ далеко не всѣ, жаждущіе этого благополучія,—разсуждаетъ г. Бехтѣевъ,—и тѣ, которые останутся за штатомъ, „застрянутъ въ деревнѣ". Въ деревнѣ застрявають дворяне и теперь, но много ли выигрываетъ отъ того культура—показалъ намъ самъ авторъ. Нѣтъ, не сидѣлъ на

землѣ способный дворянинъ и во времена крѣпостного права; бѣжалъ онъ изъ деревни въ истекшее съ момента реформы сорокалѣтіе; тѣмъ болѣе не удержать его здѣсь и не заставить предпринимать коренныя преобразованія хозяйства направленіемъ его вожделѣній на губернаторскія и всякія другія должности!

Мы уже говорили о томъ, что г. Бехтѣевъ рисуетъ хозяйство землевладѣльцевъ-дворянъ, какъ находящееся въ упадкѣ, и объясняетъ такое состояніе тѣмъ, что при низкой урожайности полей, унаслѣдованной еще отъ крѣпостной эпохи, и при низкихъ цѣнахъ зерна, веденіе хозяйства наемнымъ трудомъ невозможно. На это, однако, слѣдуетъ замѣтить, что цѣны зерна въ Россіи опредѣляются состояніемъ ихъ на внѣшнихъ рынкахъ; на эти же рынки поставляетъ хлѣба не одна Россія, а и другія страны. Самъ г. Бехтѣевъ приводитъ таблицу, показывающую, что Соединенные-Штаты, напримѣръ, вывозятъ въ послѣдніе годы въ $1^1/_2$—2 раза больше хлѣбовъ, нежели Россія. Значительная часть этого хлѣба добывается наемнымъ трудомъ, который цѣнится въ Америкѣ, конечно, несравненно дороже, нежели въ Россіи. И несмотря на это, американскіе хозяева не изнемогаютъ такъ подъ бременемъ низкихъ цѣнъ, какъ русскіе, а стараются парализовать вліяніе этихъ послѣднихъ, замѣняя ручной трудъ машинами и развивая экспортъ продуктовъ переработки зерна. Такъ, стоимость работы низведена тамъ до 5-ти коп. на четверть пшеницы, а пшеничной муки изъ американскихъ штатовъ вывозится 80—90 милл. пуд. въ годъ, тогда какъ мы не отправляемъ въ западную Европу и одного милліона пудовъ, и если бы не качество нашей пшеницы, благодаря которому финляндскіе хлѣбопеки вынуждены примѣшивать нашу дорогую муку къ дешевому товару американскаго происхожденія, то вывозъ пшеничной муки изъ Россіи прекратился бы совершенно. Г. Бехтѣевъ ищетъ выхода изъ современнаго упадка хозяйства въ сокращеніи производства зерна и въ развитіи добычи другихъ продуктовъ, преимущественно въ распространеніи животноводства для вывоза за границу различныхъ его продуктовъ. Но гдѣ же, спрашивается, гарантія того, что мы отобьемъ мясные рынки у нашихъ заатлантическихъ соперниковъ, поставляющихъ теперь въ Европу почти все недостающее ей количество мяса? Вѣдь для того, чтобы преобразовать соотвѣтствующимъ образомъ хозяйство всѣхъ губерній, тяготящихся производствомъ зерна, необходимъ очень широкій внѣшній рынокъ, и найдемъ ли мы таковой для нашего мяса—болѣе чѣмъ сомнительно. Наши землевладѣльцы, 15—20 лѣтъ назадъ, пробовали организовать вывозъ говядины и свинины въ Англію; они завели англійскія породы свиней, выписали иностранцевъ-заготовителей мяса, снарядили пароходы... и въ концѣ концовъ достигли того, что

вмѣсто ста тысячъ пудовъ мы вывозимъ 300 тысячъ пудовъ мяса, т.-е. количество совершенно ничтожное. По мнѣнію г. Бехтѣева, въ неуспѣхѣ этого дѣла виновно правительство; равно какъ на правительство же возлагаются имъ надежды и въ отношеніи грядущаго преобразованія хозяйства. Правительство должно устроить сельскохозяйственныя заведенія, опытныя поля, станціи и тому подобное; всякаго рода поощрительными средствами, до безвозвратныхъ пособій включительно, и освобожденіемъ отъ поземельныхъ налоговъ оно должно облегчать переходъ къ культурнымъ формамъ хозяйства; ему слѣдуетъ принять на себя массовую выписку сельско-хозяйственныхъ машинъ или даже учредить казенные заводы для производства таковыхъ; правительство должно создать на желѣзно-дорожной сѣти, рѣчныхъ пристаняхъ и въ вывозныхъ пунктахъ хлѣбные склады и элеваторы съ хлѣбной инспекціей, съ классификаціей и обезличеніемъ зерна и выдачей варрантовъ. Спеціально по отношенію къ дворянамъ г. Бехтѣевъ возлагаетъ на правительство обязанность „мѣрами мелліоративными и попечительными (особымъ видомъ опекъ) предотвращать обезземеленіе заемщиковъ дворянскаго банка, по несчастію или другимъ случайностямъ сдѣлавшихся неисправными; увеличеннымъ размѣромъ ссудъ содѣйствовать дворянамъ покупать землю; организаціею при дворянскомъ банкѣ краткосрочнаго кредита для уплаты срочныхъ платежей ограждать заемщиковъ отъ продажи произведеній хозяйства по убыточно-низкимъ цѣнамъ и проч.“ (стр. 351).

Помощью преимущественно дворянству же будутъ и требуемыя г. Бехтѣевымъ широкія правительственныя мѣропріятія по распространенію животноводства. „Полезно и необходимо—говоритъ г. Бехтѣевъ—употребить всѣ усилія къ развитію и улучшенію, главнымъ образомъ, скотоводства и мясного овцеводства въ землевладѣльческихъ хозяйствахъ; это необходимо именно для того, чтобы черезъ нихъ ускорить и удешевить улучшеніе крестьянскаго животноводства и для скорѣйшаго измѣненія характера нашего заграничнаго вывоза произведеній сельскаго хозяйства“ (стр. 265). Вывозъ продуктовъ животноводства долженъ лежать преимущественно на правительствѣ: ему „предстоятъ особыя заботы по организаціи перевозки по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ къ экспортнымъ пунктамъ; въ нихъ устроить соотвѣтственные склады, бойни, агентуры; организовать срочную и быструю перевозку моремъ на заграничные рынки; на этихъ рынкахъ устроить холодные и другіе спеціальные склады, организовать агентуры и торговлю этими продуктами“ (стр. 149).

Мы не приводимъ всей программы г. Бехтѣева по экономической части, не касаемся вовсе пунктовъ ея, относящихся къ крестьянамъ, такъ какъ мы имѣли въ виду обрисовать общій ея характеръ въ отно-

шеніи правительства къ крупному хозяйству. И мы видимъ, что для поднятія этого хозяйства, вообще, дворянскаго въ частности, на правительство возлагаются такія надежды, для удовлетворенія которыхъ ему пришлось бы брать на себя и производство, и перевозку, и торговлю различными товарами. Обращеніе съ такими широкими требованіями къ правительству равносильно признанію полнаго собственнаго безсилія не только въ дѣлѣ выполненія культурно-хозяйственной миссіи, но и въ простомъ поддержаніи своихъ хозяйственныхъ животовъ. А хозяйственно-безсильный классъ въ нашъ вѣкъ господства матеріальныхъ факторовъ, силъ и интересовъ—не можетъ играть и самостоятельной государственной роли. Настоятельная у него потребность—прокормиться, и правительство по возможности удовлетворяетъ этой потребности, обращая сословный классъ въ бюрократію.

Но можетъ ли правительство—въ заботахъ о прокормленіи падающаго сословія—пойти такъ далеко, чтобы осуществить проектъ г. Бехтѣева о замѣщеніи дворянами главнѣйшихъ мѣстныхъ и даже центральныхъ должностей? Будетъ ли осуществленіе такого проекта совпадать съ интересами русскаго народа? Вѣдь пока не пройдутъ тѣ семьдесятъ лѣтъ, которыя назначены г. Бехтѣевымъ для полнаго обезземленія дворянъ,—дворянинъ-чиновникъ будетъ не только агентомъ правительства, но и членомъ сословія, имѣющаго на мѣстахъ крупные имущественные интересы. Кто же поручится въ томъ, что онъ не станетъ злоупотреблять своей властью, и не станетъ на защиту сословныхъ хозяйственныхъ интересовъ въ ущербъ интересамъ другихъ лицъ? Г. Бехтѣевъ, по крайней мѣрѣ, намъ въ этомъ не поручится, потому что и самъ онъ склоненъ ожидать, что дворянинъ-чиновникъ можетъ руководствоваться въ служебной своей дѣятельности не обязанностями службы, но и соображеніями о дворянскихъ интересахъ въ ущербъ интересамъ другого сословія. Г. Бехтѣевъ жалуется, напр., на одного изъ управляющихъ дворянскимъ и крестьянскимъ банкомъ, отъ котораго, какъ назначеннаго изъ предводителей дворянства, въ особенности можно было ожидать, что онъ позаботится „о поддержаніи и утвержденіи дворянскаго землевладѣнія“; но онъ не только не сдѣлалъ этого, „но повелъ дѣло въ направленіи совершенно противоположномъ“. Не будемъ останавливаться на всѣхъ прегрѣшеніяхъ этого управляющаго, но замѣтимъ лишь, что главной его виной въ глазахъ г. Бехтѣева было то, что при немъ стала производиться въ широкихъ размѣрахъ, будто бы, „скупка земель стѣсненныхъ заемщиковъ (дворянскаго банка) какъ самимъ крестьянскимъ банкомъ, такъ равно, при его содѣйствіи, крестьянами, съ выдачей имъ ссуды до 90% стоимости имѣнія, а иногда и полностью всѣхъ 100%, когда крестьяне пріобрѣтали землю, ранѣе купленную банкомъ“. Слушая претензію

г. Бехтѣева, можно подумать, что описываемыя имъ операціи совершались въ ущербъ владѣльцамъ продаваемыхъ крестьянамъ земель. Но изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что продажа при участіи банка дворянскаго имѣнія крестьянамъ является очень выгодной операціей для его владѣльца, что эта продажа совершается по „вздутымъ" цѣнамъ, которыми „очевидно соблазнялись владѣльцы" (стр. 161). Было бы понятно, еслибы г. Бехтѣевъ ополчался противъ такой политики крестьянскаго банка во имя интересовъ крестьянъ-покупщиковъ, которыхъ соблазняютъ пріобрѣсти землю, не стоющую назначенной за нее цѣны. Но нѣтъ! Крестьянамъ, по словамъ г. Бехтѣева, „безразлично, по какой цѣнѣ покупать, ибо они достаточно догадливы, чтобы понять, что рано или поздно платежи съ нихъ понизятъ такъ же точно, какъ вынуждены были понизить болѣе легкіе выкупные платежи". Г. Бехтѣевъ обвиняетъ управляющаго дворянскимъ банкомъ именно за расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка хотя бы и въ пользу реальныхъ личностей, но въ ущербъ сословному принципу. Но какъ могъ г. Бехтѣевъ игнорировать то обстоятельство, что управляющій дворянскимъ банкомъ вѣдаетъ въ то же время и банкъ крестьянскій, и обязанъ, по долгу службы и по обыкновеннымъ нравственнымъ понятіямъ,—заботиться о кліентахъ крестьянскаго банка не менѣе, чѣмъ и банка дворянскаго. Вспоминая о принадлежности управляющаго обоими банками къ дворянскому сословію, какъ обстоятельствѣ, къ чему-то его обязывающемъ или къ чему-то его располагающемъ—не произноситъ ли тѣмъ самымъ г. Бехтѣевъ приговоръ надъ проповѣдываемой имъ системой отдачи провинціи въ руки чиновниковъ изъ среды дворянства, не какъ служилаго только сословія, но и какъ соціальнаго класса, имѣющаго на мѣстахъ важные хозяйственные интересы, сталкивающіеся, конечно, съ интересами лицъ, не принадлежащихъ къ привилегированному сословію?

Г. Бехтѣевъ протестуетъ противъ расширенія дѣятельности крестьянъ по двумъ причинамъ: изъ опасенія быстраго обезземленія дворянъ, а также и потому, что такая политика, будто бы, „внесла и укрѣпила въ крестьянахъ ложное убѣжденіе въ желаніи и намѣреніи самого правительства вытравить частное, особливо родовое, не покупное дворянское владѣніе. „Поэтому, дворянству нынѣ приходится съ этимъ очень считаться и, дѣлать нечего, уступать двойному давленію—банковъ и крестьянъ. Въ послѣднее время эта увѣренность стала сильно распространяться между крестьянами, и нерѣдко проявляется въ формѣ настойчиваго требованія отъ землевладѣльцевъ продать имъ землю; не обходится, конечно, и безъ угрозъ изъ-за угла. Начальствующія лица центральныхъ управленій получаютъ жалобы на землевладѣльцевъ, отказывающихъ въ продажѣ" (стр. 162).

Но мы находимъ, при этомъ, умѣстнымъ высказаться, что въ фактахъ, на которые ссылается г. Бехтѣевъ, крестьянскому банку принадлежитъ, по нашему мнѣнію, не возбуждающая, а умѣряющая роль. Напомнимъ читателю о слухахъ, ходившихъ въ обществѣ въ моментъ основанія крестьянскаго банка. Въ то время говорили, что отъ этого учрежденія ожидается, между прочимъ, разрушеніе въ народномъ сознаніи идеи о безвозмездномъ переходѣ къ крестьянамъ помѣщичьихъ земель,—идеи, коренящейся въ понятіи о преимущественномъ правѣ на землю лично работающаго на ней человѣка. Идея эта, какъ извѣстно, мѣстами проявилась въ послѣднее время очень ярко, и если гдѣ-либо среди крестьянъ циркулируетъ мысль хотя бы объ обязательномъ отчужденіи владѣльческихъ земель, но уже за деньги, то это можетъ быть свидѣтельствомъ того, что крестьянскій банкъ, дѣйствительно, съигралъ роль, какая отъ него ожидалась.

Возвращаемся, однако, къ проекту г. Бехтѣева. Если самъ С. С. Бехтѣевъ, принадлежащій, конечно, къ числу „лучшихъ“ дворянъ, предъявляетъ дворянамъ-чиновникамъ требованіе руководствоваться въ своей служебной дѣятельности не выгодами только порученнаго имъ дѣла, а и интересами сословія, къ которому они принадлежатъ, —то что же сказать о тѣхъ ожиданіяхъ и надеждахъ, съ какими должна взирать на своего брата—вліятельнаго чиновника—сѣрая масса дворянства? И всякій ли такой чиновникъ окажется на высотѣ положенія управляющаго дворянскимъ банкомъ, порицаемаго г. Бехтѣевымъ, и будетъ добросовѣстно исполнять служебныя свои обязанности, не преклоняясь къ обращеннымъ на него просящимъ взглядамъ дворянъ, заинтересованныхъ въ дѣлахъ, подлежащихъ его вѣдѣнію? Что такое давленіе на чиновника-дворянина со стороны его со-сословниковъ будетъ существовать — доказывается сообщеніемъ г. Бехтѣева о томъ вліяніи, какое имѣютъ среди дворянъ земскіе начальники. Хотя нынѣшній составъ земскихъ начальниковъ образуется, какъ мы видѣли, далеко не изъ лучшихъ дворянъ, а въ предводители дворянства, напротивъ того, избираются, нужно полагать, выдающіеся представители сословія, тѣмъ не менѣе судьба этихъ предводителей „зависитъ отъ земскаго начальника, каждаго отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ. Какъ люди, *власть имущіе*, они, конечно, имѣютъ и возможность, пользуясь своимъ вліяніемъ, сажать и спихивать предводителя на дворянскихъ выборахъ“ (стр. 282). Но какую же, спрашивается, „власть“ имѣетъ земскій начальникъ надъ дворянами, если можетъ сажать на мѣсто предводителя такъ, какъ онъ сажаетъ на должность старшины? Не потому ли дворяне-выборщики угодничаютъ передъ этимъ заброшеннымъ, по мнѣнію г. Бехтѣева, чиновникомъ, что надѣются побудить его дѣйствовать по службѣ въ ихъ интересахъ? Но вѣдь ихъ интересы

приходятъ въ соприкосновеніе съ дѣятельностью земскаго начальника, когда сталкиваются съ интересами иносословныхъ и преимущественно съ интересами мѣстныхъ крестьянъ. Не ожидаютъ ли, поэтому, дворяне, что земскій начальникъ постановитъ въ подобныхъ случаяхъ рѣшеніе въ ихъ пользу, даже если для того ему нужно будетъ отступить отъ правды? И можно ли признать нормальной и желательной такую организацію правительственной службы, при которой въ какомъ-либо сословіи возбуждаются надежды на рѣшеніе спорныхъ дѣлъ преимущественно въ его пользу, а чиновникъ пользуется этими надеждами для устройства въ желательномъ для него смыслѣ общественныхъ (и, конечно, также и своихъ личныхъ) дѣлъ?

Вмѣстѣ съ этимъ естественно возникаетъ и другой вопросъ: констатируемый г. Бехтѣевымъ фактъ крупнаго вліянія въ дворянствѣ не „талантливыхъ, идейныхъ, имущественно-независимыхъ людей“,—избѣгающихъ, какъ мы знаемъ, мѣста земскаго начальника,—а чиновниковъ-дворянъ, занимающихъ это мѣсто, главнымъ образомъ, потому, что для нихъ „важно имѣть дополнительное къ сельскому хозяйству полученіе“,—не служитъ ли этотъ фактъ новымъ доказательствомъ недочетовъ въ сословныхъ программахъ вообще, и въ программѣ г. Бехтѣева—въ частности?

Этимъ вопросомъ мы и закончимъ нашу замѣтку.

В. В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1903.

Международная политика въ Европѣ за истекшій годъ.—Македонскій вопросъ и „Правительственное сообщеніе". – Наша дипломатія въ области балканскихъ дѣлъ.—Внутреннія дѣла въ Германіи, Австріи, Англіи и Франціи.—Венецуэльскій конфликтъ.

Въ началѣ истекшаго года все еще давали себя чувствовать въ Европѣ непріятные отголоски китайскаго кризиса. Англо-японскій союзный договоръ, подписанный въ Лондонѣ 30 января, и послѣдовавшая затѣмъ франко-русская декларація 16 (3) марта показывали наглядно, что мнимое единодушіе державъ по отношенію къ Китаю было только временною дипломатическою фикціею. Англичане обнаруживали особенное безпокойство объ охранѣ неприкосновенности китайской территоріи и возбуждали общественное вниманіе къ судьбѣ Манчжуріи, такъ какъ сами имѣли въ виду утвердиться въ Шанхаѣ и въ долинѣ Янъ-тзе-Кіана; въ свою очередь Германія, заключившая съ Англіею конвенцію 1900 года съ цѣлью совмѣстной защиты цѣлости Китая, сильно мѣшала англичанамъ въ осуществленіи ихъ односторонних планов. Манчжурскій вопросъ формально разрѣшился русско-китайскимъ соглашеніемъ 26 марта, опредѣлившимъ условія и порядокъ очищенія нашими войсками занятыхъ китайскихъ земель и городовъ; нападки на Россію смѣнились въ англійской печати рѣзкою полемикою противъ Германіи, которая однако всего менѣе смущается обличеніями и враждебными выходками такихъ соперниковъ, какъ англичане. Раздраженіе противъ нѣмцевъ нашло себѣ реальную почву въ англійской „Синей книгѣ", выяснившей безцеремонность германской дипломатіи при недавнихъ переговорахъ объ удаленіи европейскихъ войскъ изъ Шанхая: недовѣріе къ англичанамъ высказывалось при этомъ въ формахъ настолько откровенныхъ, что само британское правительство было отчасти озадачено и не желало придавать серьезное значеніе происшедшему инциденту. Между тѣмъ, въ то самое время, когда газеты горячо разсуждали о возникшемъ охлажденіи между Англіей и Германіей, обѣ эти державы предприняли совмѣстную кампанію въ южной Америкѣ, чтобы заставить правительство Венецуэлы удовлетворить какія-то денежныя претензіи нѣмецкихъ и британскихъ подданныхъ. Союзники объявили блокаду венецуэльскихъ портовъ, потопили нѣсколько венецуэльскихъ кораблей и успѣли вызвать своими крутыми мѣрами неудовольствіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ

Штатовъ, послѣ чего предложили президенту Рузевельту разобрать спорное дѣло въ качествѣ третейскаго судьи. Венецуэльскій конфликтъ, достигшій своего крайняго напряженія въ декабрѣ, вновь подтверждаетъ практическую безплодность существенныхъ постановленій знаменитой Гаагской конференціи. Международные обычаи и способы дѣйствія остались такими же, какими были; общее положеніе ни въ чемъ не измѣнилось, и орудія вооруженнаго мира по прежнему съ наибольшею готовностью обрушиваются на слабыхъ, избѣгая задѣвать сильныхъ.

Война въ южной Африкѣ окончилась, въ маѣ, добровольнымъ подчиненіемъ бурскихъ вождей и ихъ отрядовъ британскому владычеству, подъ условіемъ извѣстныхъ льготъ, финансовыхъ и политическихъ; это подчиненіе состоялось послѣ ряда блестящихъ дѣлъ, связанныхъ съ именами Девета и Деларея. Побѣда Деларея надъ лордомъ Метуэномъ, 7 марта, была послѣднимъ крупнымъ подвигомъ буровъ въ геройской войнѣ ихъ противъ Англіи; а отпускъ плѣннаго раненаго генерала на свободу, какъ трогательный примѣръ великодушія, не остался безъ вліянія на общее настроеніе англичанъ относительно буровъ. Въ послѣдній періодъ войны всѣ усилія британскихъ войскъ были направлены къ тому, чтобы окружить главные бурскіе отряды и отнять у нихъ возможность дальнѣйшихъ свободныхъ движеній; Девета и Деларея долго ловили такимъ образомъ, и когда телеграммы сообщали уже о вѣроятномъ скоромъ захватѣ ихъ, они вдругъ обнаруживали свое присутствіе гдѣ-нибудь неожиданнымъ успѣшнымъ нападеніемъ на отдѣльные британскіе отряды и обозы. Эти характерныя черты заключительныхъ военныхъ операцій буровъ доставили ихъ вождямъ необыкновенную популярность во всемъ культурномъ мірѣ и также въ самой Англіи. Генералы Бота, Деветъ и Деларей думали воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобы добиться отъ англичанъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ уступокъ и добавочныхъ денежныхъ пособій для облегченія страшной нужды своихъ разоренныхъ соотечественниковъ; но британскій министръ колоній Чемберлэнъ склоненъ былъ скорѣе урѣзать данныя уже обѣщанія и перетолковать ихъ въ ограничительномъ смыслѣ, чѣмъ допускать еще дальнѣйшія льготы; между прочимъ, по его мнѣнію, ассигнованные три милліона фунтовъ стерлинговъ на возстановленіе фермъ и ихъ хозяйственныхъ принадлежностей предстояло добыть путемъ мѣстнаго займа, и изъ этой же суммы слѣдовало еще удовлетворить и пострадавшихъ мѣстныхъ „лойялистовъ“, что уже было принято за прямое извращеніе мирныхъ условій. Бурскіе вожди обратились тогда съ воззваніемъ ко всѣмъ культурнымъ націямъ и отправились лично въ континентальную Европу для сбора пожертвованій въ пользу вдовъ и сиротъ павшихъ буровъ;

эта поѣздка давала поводъ къ шумнымъ сочувственнымъ манифестаціямъ, но не принесла ожидаемыхъ плодовъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ въ данномъ случаѣ требовались милліоны, которыхъ нельзя было собрать путемъ частныхъ взносовъ. Британское правительство убѣдилось, что сдѣлало политическую ошибку, возстановивъ противъ себя недавнихъ враговъ; оно видѣло, что возбудило сомнѣніе въ своей добросовѣстности одностороннимъ толкованіемъ письменныхъ условій мира и отрицаніемъ словесныхъ обѣщаній лорда Китченера, а такое начало не соотвѣтствовало бы интересамъ прочнаго умиротворенія бывшихъ южно-африканскихъ республикъ. Чемберлэнъ предпочелъ отречься отъ своей первоначальной точки зрѣнія и выказать великодушіе по крайней мѣрѣ въ области финансовъ: рѣшено было въ точности исполнить денежную программу именно такъ, какъ понимали ее буры, и сверхъ того увеличить сумму настолько, чтобы всѣ настоятельные мѣстные запросы могли быть удовлетворены въ полной мѣрѣ. Обѣщанные три милліона фунтовъ оставались „свободнымъ даромъ“ или пожертвованіемъ Англіи на возстановленіе жилищъ и хозяйства пострадавшихъ буровъ; затѣмъ, три милліона фунтовъ выдаются съ тою же цѣлью въ видѣ займа на льготныхъ условіяхъ, и наконецъ, два милліона назначены въ вознагражденіе туземнымъ обывателямъ, державшимъ сторону англичанъ и потерпѣвшихъ убытки отъ военныхъ дѣйствій буровъ,—такъ что всего пришлось британскому парламенту ассигновать восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на нужды населенія новыхъ южно-африканскихъ колоній. Въ томъ же парламентскомъ засѣданіи 5 ноября, когда принятъ былъ этотъ щедрый билль, министръ колоній заявилъ о своей предстоящей поѣздкѣ въ южную Африку съ цѣлью личнаго разсмотрѣнія и обсужденія мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, могущихъ „способствовать сліянію родственныхъ народностей въ одну великую африканскую націю подъ британскимъ флагомъ“. Въ англійской политикѣ относительно южной Африки вновь взяли верхъ широкіе разумные взгляды, вытекающіе, однако, не изъ какихъ-либо отвлеченныхъ принциповъ, а изъ побужденій разсчетливой и дальновидной политики. Еслибы эта дальновидная разсчетливость руководила британскимъ правительствомъ во время пререканій съ Трансваалемъ осенью 1899 года, то не было бы и разорительной войны, послѣдствія которой будутъ еще долго чувствоваться въ Англіи и въ ея южно-африканскихъ владѣніяхъ.

Тяжело ложится на общественную совѣсть Европы и другой, болѣе общій и жгучій международный вопросъ, постоянно напоминающій о себѣ кровавыми вспышками и тщетно ожидающій какого-либо

прочнаго рѣшенія,—вопросъ о положеніи безправныхъ христіанскихъ подданныхъ Турціи. Необходимыя гарантіи законности и самоуправленія, предположенныя для оттоманской имперіи берлинскимъ трактатомъ 1878 года, не осуществились, и великія державы не съумѣли или не пожелали побудить турецкое правительство исполнить принятыя на себя обязательства и отказаться разъ навсегда отъ ужасной мусульманской системы періодическихъ избіеній инородцевъ, подъ предлогомъ возможнаго ихъ возстанія. Избіенія армянъ прошли безнаказанно для Турціи, и дипломатическіе протесты не поколебали жестокихъ традицій турецкаго режима; такъ же точно остаются пока безплодными мирныя усилія дипломатіи повліять на улучшеніе судьбы злосчастныхъ жителей Македоніи и Старой Сербіи. По этому печальному вопросу появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 30-го ноября слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, по доходящимъ съ турецкаго Востока извѣстіямъ, не исключаетъ возможности серьезныхъ осложненій.

„Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ и вслѣдствіе наступленія зимняго періода, можно разсчитывать на то, что возникшее въ Македоніи броженіе нынѣ не будетъ имѣть дальнѣйшаго распространенія,—однако многіе признаки указываютъ на возрастающее недовольство среди православнаго населенія Турціи, которое, подъ давленіемъ разныхъ комитетовъ, повидимому, готовится къ общему возстанію будущею весною.

„Тревожныя явленія эти не могли не привлечь вниманіе Россіи, искони и непрестанно заботящейся о судьбѣ единоплеменныхъ ей народностей.

„Дабы положить предѣлъ броженію, могущему повлечь за собою самыя серьезныя осложненія на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, Императорскимъ правительствомъ сдѣланы были соотвѣтствующія представленія Портѣ, а россійскому послу въ Константинополѣ поручено, по обсужденіи мѣстныхъ условій, представить соображенія о возможныхъ, не терпящихъ отлагательства преобразованіяхъ въ административномъ строѣ Македоніи и настойчиво совѣтовать турецкому правительству скорѣйшее примѣненіе таковыхъ, въ цѣляхъ улучшенія быта православнаго населенія.

„Не слѣдуетъ, однако, терять изъ виду, что пока въ области этой существуетъ настоящая смута, дающая турецкому правительству законное основаніе принимать мѣры противъ возставшихъ подданныхъ, какъ примѣненіе на практикѣ какихъ-либо административныхъ улучшеній, такъ и полное огражденіе населенія отъ суровой расправы со стороны мѣстныхъ властей представляются весьма затруднительными.

„Въ виду сего, первымъ и главнымъ условіемъ успѣха въ этомъ направленіи является прекращеніе агитаціи со стороны македонскихъ комитетовъ, которые, не достигая выставляемой ими патріотической

цѣли, отвлекаютъ лишь населеніе отъ мирныхъ занятій и подвергаютъ его всѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ пагубныхъ увлеченій.

„Императорское правительство уже не разъ имѣло случай высказывать взглядъ свой на македонскій вопросъ, осуждая всякія попытки славянскихъ народностей къ *насильственному* измѣненію существующаго на Балканскомъ полуостровѣ порядка вещей, обезпеченнаго международными трактатами.

„Такового взгляда Императорское правительство придерживается и въ настоящее время. Въ виду сего оно сочло цѣлесообразнымъ вновь подтвердить данные какъ сербскому, такъ и болгарскому правительствамъ благожелательные совѣты, указавъ имъ на необходимость, въ ихъ собственныхъ интересахъ, препятствовать опасной агитаціи и всячески содѣйствовать къ охраненію спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ.

„Императорское правительство въ правѣ разсчитывать, что славянскія государства, обязанныя своею свободою и самостоятельностью безкорыстнымъ жертвамъ Россіи, послѣдуютъ преподаннымъ имъ указаніямъ, въ твердомъ упованіи, что сдѣланныя по Высочайшей волѣ Государя Императора представленія достигнутъ намѣченной цѣли.

„Непоколебимое рѣшеніе Россіи предотвратить возможныя осложненія на Балканскомъ полуостровѣ встрѣчаетъ полное сочувствіе другихъ державъ.

„Австро-венгерское правительство не замедлило поручить своему представителю въ Константинополѣ, по обмѣнѣ взглядовъ съ россійскимъ посломъ, присоединиться къ настоятельнымъ представленіямъ его Портѣ, по поводу необходимости скорѣйшаго введенія преобразованій въ Македоніи.

„Совмѣстныя усилія сосѣднихъ имперій, наиболѣе заинтересованныхъ въ поддержаніи мира на турецкомъ Востокѣ, являются прямымъ слѣдствіемъ состоявшагося между ними въ 1897 году соглашенія, благотворное вліяніе и самое существованіе коего возможны лишь при неукоснительномъ соблюденіи положенныхъ въ его основу началъ, а именно: недопущенія произвольнаго измѣненія установленнаго трактатами строя на Балканскомъ полуостровѣ и поддержанія спокойствія, столь необходимаго для благоденствія христіанскихъ народностей и охраненія общаго мира.

„Въ заключеніе, Императорское правительство, явившее не мало доказательствъ постояннаго желанія своего поддерживать наилучшія отношенія съ Турціею, не можетъ не высказать надежды, что правительство султана, принявъ необходимыя мѣры къ прекращенію всякихъ насилій и жестокостей, оцѣнитъ значеніе дружественныхъ представленій Россіи въ пользу христіанскаго населенія Македоніи, скорѣйшее умиротвореніе коей является наилучшимъ способомъ предотвратить возникновеніе самыхъ опасныхъ для Оттоманской имперіи осложненій".

Въ этомъ дипломатическомъ сообщеніи указывается, съ одной стороны, безусловная обязанность правительствъ Сербіи и Болгаріи препятствовать агитаціи македонскихъ комитетовъ и охранять спокойствіе на Балканскомъ полуостровѣ, а съ другой стороны, выражается на-

дежда, что правительство турецкаго султана приметъ настойчивые совѣты Россіи относительно скорѣйшаго введенія надлежащихъ административныхъ преобразованій въ Македоніи. Цѣлесообразное успокоительное воздѣйствіе на Сербію и Болгарію обезпечивается австро-русскимъ соглашеніемъ 1897 года, которое въ этомъ смыслѣ представляется, конечно, полезнымъ и благотворнымъ для всѣхъ приверженцевъ неподвижнаго status quo на турецкомъ востокѣ; но такъ какъ это соглашеніе вовсе не имѣетъ въ виду способствовать какимъ-либо внутреннимъ преобразованіямъ Турціи, то оно едва ли облегчаетъ задачи дипломатіи, вынужденной настоятельно совѣтовать Портѣ ввести необходимыя реформы и, слѣдовательно, нарушить турецкій status quo. Вѣроятно, подъ вліяніемъ того же австро-русскаго соглашенія, вопросъ о реформахъ въ Македоніи не ставится на твердую почву международныхъ обязательствъ, установленныхъ для Турціи берлинскимъ трактатомъ, а обсуждается съ точки зрѣнія дружественной заботливости о пользѣ самой Турціи и о сохраненіи мира и спокойствія въ ея владѣніяхъ. Но турецкіе государственные люди имѣютъ свои особые взгляды на то, что̀ полезно и желательно для правительства султана, и трудно надѣяться, что они добровольно проникнутся вдругъ чужими идеями и понятіями о пользахъ и нуждахъ своего государства. Разумѣется, Порта находится не въ такомъ положеніи, чтобы отвергать настойчивыя дружественныя представленія Россіи, поддерживаемыя Австро-Венгріею, и потому турецкое правительство поспѣшило обнародовать цѣлую программу административныхъ улучшеній, способныхъ, будто бы, удовлетворить недовольныхъ обитателей Турціи. Коренной недостатокъ этихъ улучшеній заключается, однако, въ томъ, что они поставлены въ зависимость исключительно отъ доброй воли и честности исполнителей, и что въ предположенныхъ реформахъ не отведено никакого участія мѣстнымъ жителямъ, какъ того требуетъ 23-я статья берлинскаго трактата. Самый удачный составъ высшихъ чиновниковъ не обезпечитъ законности и порядка въ управленіи, когда низшіе органы администраціи могутъ фактически распоряжаться населеніемъ по произволу, подавляя всякія попытки жалобъ и неудовольствія, и когда эти же мѣстные исполнители являются единственнымъ источникомъ оффиціальныхъ свѣдѣній для доброжелательныхъ начальниковъ, которые по неволѣ будутъ руководствоваться такого рода сомнительными и часто завѣдомо-ложными свѣдѣніями, при отсутствіи законнаго публичнаго контроля. Подобныя турецкія преобразованія не разрѣшатъ, конечно, македонскаго вопроса, и они не могутъ привести къ тѣмъ желательнымъ результатамъ, о которыхъ говорится въ правительственномъ сообщеніи.

Положеніе балканскихъ государствъ оказывается чрезвычайно труд-

нымъ при всякихъ замѣшательствахъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ Турціи. Правительства Сербіи и Болгаріи могутъ сохранять спокойствіе, согласно всегдашнимъ совѣтамъ вѣнскаго кабинета; но сербы и болгары, проживающіе близъ турецкой границы, рѣдко остаются безучастными зрителями нападеній и стычекъ, которымъ подвергаются родственные имъ поселяне въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Преслѣдуемые турками туземцы ищутъ спасенія въ сербскихъ или болгарскихъ предѣлахъ, и нерѣдко образуются значительные отряды бѣглецовъ съ ихъ семействами, о которыхъ надо позаботиться; пограничныя столкновенія съ турецкими солдатами и башибузуками становятся вполнѣ возможными, и мѣстное населеніе фактически вовлекается въ партизанскія военныя дѣйствія, даже независимо отъ какихъ бы то ни было комитетовъ и вопреки самымъ миролюбивымъ настояніямъ своихъ правительствъ. Эти трудности положенія совершенно не принимаются во вниманіе австрійскою дипломатіею, и для правильной оцѣнки ихъ можетъ имѣть большое значеніе предпринятая недавно нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ поѣздка въ Бѣлградъ и Софію, а оттуда въ Вѣну. Сербскія и болгарскія впечатлѣнія, въ связи съ фактической обстановкою македонскихъ событій, дадутъ, быть можетъ, матеріалъ для провѣрки австрійскихъ дипломатическихъ формулъ, положенныхъ въ основу соглашенія 1897 года; да и самое это соглашеніе должно получить иной смыслъ, если оно будетъ истолковываться и примѣняться въ духѣ сочувствія къ бѣдствіямъ и нуждамъ христіанскаго населенія Турціи. Вѣнскія газеты выражаютъ удовольствіе по поводу поѣздки русскаго министра и предвидятъ хорошіе результаты его свиданія съ графомъ Голуховскимъ; но нѣтъ основанія предполагать, что наша балканская политика должна непремѣнно сообразоваться съ австрійскою, при существованіи упомянутаго соглашенія, — какъ это часто высказывается въ австро-венгерской печати. Можно думать, что и австрійская дипломатія обязана съ своей стороны приспособляться отчасти къ русскимъ требованіямъ и воззрѣніямъ, — ибо соглашеніе предполагаетъ компромиссъ, а не одностороннее усвоеніе спеціально-австрійской традиціонной доктрины. Для насъ было бы несравненно выгоднѣе опираться на существующіе трактаты въ сношеніяхъ съ Турціею, чѣмъ довольствоваться неопредѣленными дружественными совѣтами, какими обыкновенно ограничиваются вѣнскіе дипломаты; въ частности берлинскій трактатъ могъ бы служить намъ во многихъ случаяхъ вполнѣ надежнымъ орудіемъ для охраны дѣйствительныхъ интересовъ мира на ближнемъ востокѣ, и намъ нѣтъ надобности обходить постановленія этого договора, когда они соотвѣтствуютъ потребностямъ и условіямъ даннаго момента. Какъ бы то ни было, личные переговоры нашего министра иностранныхъ дѣлъ съ австро-вен-

герскимъ министромъ, послѣ свиданій съ правителями Сербіи и Болгаріи, должны несомнѣнно способствовать выясненію ближайшей политической программы великихъ державъ въ области балканскихъ дѣлъ.

Въ Германіи продолжалась въ теченіе цѣлаго года упорная борьба между защитниками и противниками проекта таможеннаго тарифа,—между аристократами-аграріями, консервативными протекціонистами, съ одной стороны, и охранителями интересовъ низшихъ классовъ, передовыми прогрессистами—съ другой. Требованіе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ во имя покровительства земледѣлію служило лозунгомъ наиболѣе вліятельныхъ общественныхъ группъ и вызывало энергическіе протесты оппозиціонныхъ партій, въ ряду которыхъ наибольшею настойчивостью отличались соціаль-демократы. Можно сказать, что всю тяжесть борьбы противъ непомѣрныхъ притязаній сельско-хозяйственнаго протекціонизма несла на себѣ соціально-демократическая партія, съ Бебелемъ во главѣ. Борьба была безнадежна, потому что большинство въ имперскомъ сеймѣ заранѣе стояло за новый покровительственный тарифъ; но побѣда досталась правительству и его союзникамъ только послѣ долгихъ парламентскихъ усилій, причемъ ни одинъ изъ спорныхъ пунктовъ не обошелся безъ всесторонняго публичнаго освѣщенія и изслѣдованія. Противники дѣйствовали неутомимо и даже самоотверженно; въ концѣ они старались уже просто задержать ходъ дѣла, чтобы по крайней мѣрѣ отдалить моментъ окончательнаго рѣшенія. Послѣднее засѣданіе имперскаго сейма, 13—14 декабря, тянулось девятнадцать часовъ безъ перерыва; одинъ изъ депутатовъ, Антрикъ, говорилъ рѣчь въ продолженіе болѣе восьми часовъ, и все-таки нельзя было избѣгнуть голосованія. Большинство рѣшилось дождаться окончанія преній, и весь проектъ таможеннаго тарифа былъ принятъ 202 голосами противъ ста голосовъ оппозиціи.

Германское правительство, впрочемъ, не считаетъ себя непогрѣшимымъ: оно откровенно признаетъ пользу оппозиціи для заботливой и всесторонней охраны общихъ интересовъ государства, для предупрежденія всевозможныхъ ошибокъ и увлеченій. Оно ничего не навязывало странѣ, не проводило своихъ произвольныхъ проектовъ подъ прикрытіемъ государственнаго авторитета, а только присоединилось къ господствующему направленію, располагающему большинствомъ въ парламентѣ. Если, несмотря на непрерывную вѣскую критику, тарифный проектъ получилъ силу закона, то это достигнуто лишь могущественною коаліціею практическихъ интересовъ, которымъ правительство дало только свою санкцію. Въ другихъ случаяхъ канцлеръ, графъ Бюловъ, менѣе расходится съ передовыми либеральными

группами: такъ, прекращеніе дѣйствія исключительныхъ законовъ или „параграфа о диктатурѣ“ въ Эльзасѣ было встрѣчено общимъ одобреніемъ всѣхъ партій.

Въ Австріи внутренніе политическіе споры ведутся съ неменьшимъ упорствомъ, чѣмъ въ Германіи, но безъ положительнаго результата,—такъ какъ по существу они не допускаютъ вполнѣ точнаго и опредѣленнаго рѣшенія. Національное соперничество между различными элементами населенія въ австрійскихъ земляхъ, особенно въ Чехіи, не ослабляется, а скорѣе обостряется съ каждымъ годомъ: это соперничество все болѣе вырождается въ безплодную племенную вражду, парализующую нормальный ходъ политической жизни. Могущественная нѣкогда австро-нѣмецкая либеральная партія, воплощавшая въ себѣ спеціальный австрійскій патріотизмъ, все чаще обнаруживаетъ патріотическія чувства совсѣмъ другого рода, имѣющія свой корень въ идеѣ общаго германскаго отечества. Національныя стремленія берутъ верхъ надъ государственными, и сама династія находится какъ будто на пути къ разложенію. Императоръ Францъ-Іосифъ пережилъ не мало кризисовъ и неудачъ, не только политическихъ, но и семейныхъ, династическихъ: сынъ и наслѣдникъ его, кронпринцъ Рудольфъ, погибъ жертвою романической исторіи, оставшейся до сихъ поръ отчасти загадочною; нынѣшній наслѣдникъ, принцъ Фердинандъ, вступилъ въ неравный бракъ и этимъ лишилъ своихъ потомковъ правъ на австро-венгерскій престолъ; близкіе родственники, эрцгерцоги, одинъ за другимъ увлекаются стремленіемъ къ частной свободѣ, отрекаются отъ своихъ почетныхъ привилегій и удаляются въ чужія страны, скрываясь подъ видомъ заурядныхъ, скромныхъ обывателей; недавно еще уѣхали такимъ образомъ въ Швейцарію сразу двое лицъ, принадлежащихъ къ фамиліи Габсбурговъ, — молодой эрцгерцогъ, сынъ бывшаго герцога тосканскаго, съ своею сестрою, кронпринцессою саксонскою. Политическая жизнь въ Австріи, при всемъ своемъ просторѣ, является какъ бы безпредметною, лишенною твердой почвы; отсутствіе руководящихъ національныхъ цѣлей и интересовъ составляетъ наиболѣе характерную черту австрійской аристократіи, которая въ былое время давала тонъ европейской политикѣ. Правительственные дѣятели, конечно, добросовѣстно исполняютъ свои обязанности; но крупныя и сложныя задачи, выдвигаемыя національнымъ соперничествомъ, остаются безъ движенія, и безконечный споръ о языкахъ въ Чехіи не могъ разрѣшиться при министерствѣ фонъ-Кербера, точно также какъ и при его предмѣстникахъ. Чехи требуютъ признанія историческихъ правъ чешскаго королевства, какъ національнаго цѣлаго, а нѣмцы настаиваютъ на подтвержденіи оффиціальнаго первенства своего языка и своей на-

ціональности въ тѣхъ чешскихъ округахъ, гдѣ преобладаетъ нѣмецкій языкъ. Одни стремятся къ возстановленію единой Чехіи, а другіе желаютъ раздробленія ея на нѣмецкіе, чешскіе и смѣшанные округа. Соглашеніе на этой почвѣ представляется едва ли возможнымъ, и австрійскій парламентъ, при нынѣшнемъ его составѣ, обреченъ на безсиліе. Не подвигается впередъ и вопросъ о таможенномъ компромиссѣ между обѣими половинами имперіи: переговоры о возобновленіи торговаго договора между Австріею и Венгріею до сихъ поръ не привели ни къ чему, такъ какъ Венгрія, въ сущности, надѣется пріобрѣсти самостоятельность и свободу дѣйствій въ промышленномъ отношеніи. Внутренній политическій разладъ между различными частями имперіи не мѣшаетъ, однако, общему культурному ея процвѣтанію, при безпрепятственномъ ростѣ умственныхъ и экономическихъ силъ населенія.

Въ Англіи отставка лорда Сольсбери, въ началѣ іюля, не произвела особеннаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что она ожидалась и возвѣщалась уже неоднократно, и фактически глава кабинета уступалъ руководящую роль Чемберлэну и Бальфуру; назначеніе же послѣдняго на постъ премьера объяснялось крайнею непопулярностью нынѣшняго министра колоній среди либеральныхъ группъ парламента. Чемберлэнъ сдѣлалъ очень много для возбужденія и усиленія той жажды внѣшняго могущества, которая придаетъ такой непріятный оттѣнокъ британской политикѣ; но этотъ же оттѣнокъ въ высшей степени одобряется массою англійскихъ патріотовъ. Мысль о политическомъ сближеніи Англіи съ ея колоніями, въ видахъ образованія великой федераціи англо-саксонскихъ земель, пущена въ ходъ Чемберлэномъ и нашла сочувственный отголосокъ въ разныхъ частяхъ свѣта, повсюду, гдѣ англичане утвердили свое владычество,—въ Австраліи, въ Канадѣ, въ южной Африкѣ. Международные интересы какъ будто оттѣсняютъ на задній планъ тѣ внутреннія преобразовательныя задачи, которыя поглощали Гладстона.

Отдѣльные вопросы законодательства, правда, волнуютъ общественное мнѣніе въ Англіи; ожесточенная полемика вызывалась обширнымъ законопроектомъ о школахъ, обсужденіе котораго въ парламентѣ тянулось почти цѣлый годъ. По новому биллю, мѣстное завѣдываніе школами переходитъ отъ выборныхъ школьныхъ совѣтовъ въ другія выборныя учрежденія—въ общіе органы мѣстнаго самоуправленія, причемъ вліятельная роль отводится учредителямъ и денежнымъ вкладчикамъ школъ; религіозное преподаваніе подчиняется контролю государственной церкви и ея духовенства, противъ чего горячо возстаютъ сторонники свободнаго протестантства, „нонконформисты“ и прочіе диссиденты, вдохновляемые неутомимымъ орато-

ромъ, Клиффордомъ. Въ палатѣ общинъ оппозиція обстоятельнѣйшимъ образомъ разбирала и оспаривала каждое постановленіе проекта; предложены были сотни поправокъ къ различнымъ его параграфамъ,—но въ концѣ декабря школьная реформа удостоилась утвержденія парламента. Правительство довольно слабо защищало свой билль, допуская въ немъ разные недостатки, которые можно будетъ исправить впослѣдствіи по указаніямъ опыта; съ своей стороны, либералы даютъ понять, что постараются отмѣнить „ретроградный“ законъ тотчасъ же по полученіи большинства въ парламентѣ. Такимъ образомъ обѣ стороны придаютъ этому закону только временное значеніе,—въ ожиданіи общей перемѣны во внутренней политикѣ страны.

Во Франціи новое министерство Комба, смѣнившее Вальдека-Руссо въ началѣ іюня, сразу заняло воинственную позицію по отношенію къ духовнымъ конгрегаціямъ и прибѣгло къ ряду крутыхъ мѣръ для принудительнаго закрытія монашескихъ школъ, не разрѣшенныхъ правительствомъ или не исполнившихъ требуемыхъ для этого закономъ формальностей. Суровое примѣненіе закона объ ассоціаціяхъ сообщало кабинету передовой радикальный характеръ и обезпечивало ему популярность въ нѣкоторой части французскаго общества; но въ то же время оно отталкивало и волновало вѣрныхъ католиковъ, вызывая рознь и вражду между различными элементами населенія, безъ всякой къ тому надобности. Строгіе декреты о школахъ были, однако, повсемѣстно приведены въ исполненіе; причемъ кое-гдѣ приходилось имѣть дѣло съ попытками вооруженнаго противодѣйствія жителей; администрація, какъ и слѣдовало ожидать, легко одержала побѣду по всей линіи, и шумные толки о конгрегаціяхъ прекратились въ печати. Покончивъ съ своею главною задачею, кабинетъ Комба пока еще не выяснилъ своей дальнѣйшей положительной программы.

Если оставить въ сторонѣ политическія и парламентскія дѣла, то безъ сомнѣнія самымъ интереснымъ и значительнымъ фактомъ во Франціи за истекшій годъ было раскрытіе подвиговъ знаменитой отнынѣ Терезы Эмберъ, съ ея стомилліоннымъ наслѣдствомъ и баснословно-довѣрчивыми многочисленными кліентами. Семья Эмберъ исчезла изъ Парижа тотчасъ послѣ того, какъ разоблачились ея грандіозныя мошенничества, и усердные полицейскіе розыски, предпринятые чуть ли не по всему земному шару, оставались безплодными, несмотря на назначеніе крупной суммы вознагражденія за поимку. Только въ концѣ года, помимо участія полиціи, обнаружилось пребываніе Эмберовъ въ Мадридѣ, и удачный арестъ бѣглецовъ былъ, конечно, однимъ изъ самыхъ пріятныхъ событій для министерства. Дѣло Эмберъ перейдетъ

теперь въ стадію судебнаго процесса и надолго займетъ общественное мнѣніе своими фантастическими и тѣмъ не менѣе достовѣрными подробностями.

Венецуэльскій конфликтъ представляетъ безъ сомнѣнія характерный образчикъ того пониманія международныхъ правъ и обязанностей, которое поддерживается великими державами при одностороннемъ господствѣ промышленныхъ взглядовъ и интересовъ, въ связи съ заботою о внѣшнемъ престижѣ. Венецуэла долго разорялась внутренними междоусобіями, и президентъ Кастро сравнительно недавно успѣлъ упрочить свою власть, послѣ военныхъ побѣдъ надъ своими соперниками—генералами Андраде и Гернандецомъ. Отъ происходившихъ военныхъ событій страдали, разумѣется, не только туземцы, но и иностранные поселенцы, торговцы и предприниматели; туземцы бѣдствовали и молчали, или активно участвовали въ вооруженной борьбѣ, а иностранцы вели подробный счетъ убыткамъ и стали добиваться полнаго вознагражденія при содѣйствіи посланниковъ. Венецуэльское правительство утверждало, что оно не отвѣчаетъ передъ иностранцами за послѣдствія внутреннихъ неурядицъ, одинаково тягостныхъ для всего населенія,—что требованія дѣйствительныхъ кредиторовъ государства будутъ разсмотрѣны и по мѣрѣ возможности удовлетворены, и что во всякомъ случаѣ иностранцы не имѣютъ въ этомъ отношеніи больше правъ, чѣмъ туземцы. Само собою разумѣется, что въ казначействѣ Венецуэлы нѣтъ никакихъ свободныхъ денегъ. Между тѣмъ Германія заранѣе признала претензіи своихъ подданныхъ безспорными и потребовала уплаты, въ размѣрѣ около трехъ милліоновъ франковъ; такого же рода требованіе предъявила и Англія.

Когда вслѣдъ за объявленіемъ блокады начаты были насильственныя дѣйствія, президентъ Кастро отвѣтилъ на нихъ арестованіемъ нѣмецкихъ и британскихъ поселенцевъ, которыхъ, однако, выпустилъ на свободу по первому требованію сѣверо-американскаго посланника; затѣмъ онъ предложилъ передать спорные вопросы на разсмотрѣніе третейскаго суда. Германія и Англія находили почему-то нужнымъ обойти существующее въ Гаагѣ постоянное международное судебное учрежденіе и пожелали довѣрить дѣло президенту Рузевельту; но о третейскомъ судѣ вспомнили лишь подъ вліяніемъ протестовъ и непріязненныхъ заявленій въ Соединенныхъ-Штатахъ. Очевидно, предпріимчивыя союзныя правительства разсчитывали занять нѣкоторые пункты Венецуэлы для обезпеченія своихъ претензій, и вѣроятно водворились бы тамъ прочно, въ виду несостоятельности страны и ея правительства; этой благовидной комбинаціи помѣшали только американцы, съ ихъ безпокойною доктриною Монроэ, не допускающею

вмѣшательства Европы въ дѣла Америки. Даже при отсутствіи завоевательныхъ плановъ было бы слишкомъ рискованно предпринимать грозныя военныя демонстраціи для доставленія денежныхъ выгодъ соотечественникамъ; это былъ бы легкій способъ добывать милліоны съ чужихъ правительствъ,—способъ, давно отвергнутый международными обычаями, но практикуемый иногда въ замаскированной формѣ промышленныхъ счетовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1903.

I.

— Мелкая земская единица. Сборникъ статей: К. К. Арсеньева, В. Г. Бажаева, П. Г. Виноградова, І. В. Гессена, Г. Б. Іоллоса, М. М. Ковалевскаго, Н. И. Лазаревскаго, М. К. Лемке, барона А. Ф. Мейендорфа, М. Н. Покровскаго, В. Ю. Скалона, В. Д. Спасовича, И. М. Страховскаго и Г. И. Шрейдера. Спб. 1902 г.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ послѣднее время усиленно занимаетъ общественное мнѣніе. Горячія пренія вызываетъ онъ и на земскихъ собраніяхъ, подробно обсуждается въ комитетахъ о сельско-хозяйственной промышленности, дебатируется и въ печати. Въ чемъ источникъ оживленія интереса къ этому вопросу, поднятому еще въ шестидесятыхъ годахъ? Повѣтріе ли моды? Или признаніе безсилія земства справиться съ болѣе общими задачами и стремленіе размѣнять ихъ на мелкіе интересы „колокольни“? Или же это новая вспышка крѣпостническихъ притязаній, которыя когда-то въ всесословной волости должны были найти возмѣщеніе за безвозвратно утраченныя прерогативы помѣщичьей власти? Нѣкоторые въ проектахъ мелкой земской единицы видятъ еще затѣю теоретиковъ, которыхъ соблазняетъ красота и стройность юридической конструкціи этого института. Но почему эта красота съ особой рельефностью выдвинулась именно теперь?

Намъ кажется, что всякій, кто ознакомится внимательно съ вопросомъ, согласится, что не въ модѣ, не въ стремленіи съузить земскую дѣятельность, не въ торжествѣ теоріи нужно искать объясненія этого явленія. Жизнь требуетъ внесенія принциповъ земскаго общественнаго управленія въ деревню, требуетъ этого, какъ перваго шага къ освобожденію отъ тяготѣющей надъ крестьянствомъ зависимости, и то, что земство откликнулось на этотъ запросъ, что оно пытается сдѣлать все возможное для удовлетворенія его, свидѣтельствуетъ, что

и въ теперешнихъ земскихъ учрежденіяхъ не угасъ старый земскій духъ. Вѣрой въ творческую силу общественнаго управленія, въ необходимость сдѣлать земство истинно-общественнымъ учрежденіемъ, обнимающимъ все населеніе, захватывающимъ новыя потребности, которыя со времени паденія крѣпостного права народились въ деревнѣ,—звучатъ рѣчи, раздающіяся въ земскихъ собраніяхъ въ защиту мелкой земской единицы [1]). То, что вопросъ всплылъ именно теперь, служитъ признакомъ общаго оживленія общественнаго настроенія, которое столь опредѣленно высказывается въ работахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Если „суммированіе“ общественныхъ функцій земства является, по справедливому замѣчанію одного изъ земскихъ гласныхъ, настоятельной потребностью переживаемаго момента, вопросомъ первостепеннымъ, то не менѣе важное значеніе въ общественномъ смыслѣ имѣетъ, по нашему мнѣнію, внѣдреніе этихъ функцій въ самую среду народной жизни, въ деревню. Органическій ростъ идеи расширенія самодѣятельности общества для всякаго несомнѣненъ, и мы видимъ въ возбужденіи вопроса о мелкой земской единицѣ одно изъ наиболѣе замѣтныхъ и нормальныхъ проявленій этой идеи. Это прекрасно чувствуютъ противники общественнаго управленія, которые съ такой силою обрушиваются на всѣ проекты о мелкой земской единицѣ. Менѣе чуткими—въ смыслѣ пониманія общественнаго значенія самой постановки вопроса—оказываются противники этого института изъ лагеря земскихъ людей. Говорить о подведеніи фундамента подъ земскія учрежденія *теперь* совершенно неумѣстно, разсуждаютъ они:—вѣдь идея о всесословной волости появлялась и развивалась у насъ въ моменты подъема законодательнаго творчества, когда общество имѣло основаніе ожидать болѣе рѣшительнаго переустройства всего мѣстнаго управленія на иныхъ началахъ; теперь не тѣ условія, такъ зачѣмъ же и поднимать такіе вопросы!

Въ этихъ разсужденіяхъ вполнѣ правильно одно положеніе, а именно, что вопросъ о мелкой земской единицѣ появлялся у насъ въ моменты общественнаго оживленія, когда ожидались со стороны власти крупныя и серьезныя реформы. Послѣдняго обстоятельства теперь на лицо, быть можетъ, не имѣется, но развѣ понятіе общественнаго подъема должно непремѣнно совпадать съ опредѣленнымъ административнымъ теченіемъ? И если стремленія и чаянія общества и не находятъ опоры въ такомъ теченіи, то неужели уменьшается отъ того ихъ значеніе? Этотъ пессимизмъ относительно смысла пере-

[1]) Въ этомъ отношеніи интересны пренія на послѣднемъ губернскомъ московскомъ земскомъ собраніи.

живаемаго нами момента кажется намъ чрезмѣрнымъ. Разъ земство ощутило теперь потребность ближе подойти къ народной жизни, оно должно стремиться къ тому всѣми находящимися въ его распоряженіи законными средствами, должно выработать наиболѣе правильную организацію новаго учрежденія, ходатайствовать о немъ, дѣлать все отъ него зависящее. Это—обязанность земства, и въ самомъ осуществленіи *этой* обязанности мы видимъ крупный общественный фактъ. Да и земскіе проекты, вращающіеся на почвѣ общихъ положеній, выработанныхъ московскимъ агрономическимъ съѣздомъ, не такъ уже утопичны даже при существующихъ общихъ условіяхъ, чтобы отказаться отъ попытки ихъ осуществленія...

Къ такому именно выводу и приходитъ тотъ сборникъ, самое появленіе котораго мы считаемъ однимъ изъ симптомовъ пробужденія интереса общества къ вопросамъ правильнаго общественнаго управленія.

Иниціатива изданія сборника принадлежитъ группѣ видныхъ земскихъ дѣятелей, съ кн. П. Д. Долгоруковымъ и кн. Д. И. Шаховскимъ во главѣ. Люди земской практики поставили вопросъ, выдвинутый жизнью, и вотъ представители науки и публицистики объединились, чтобы всесторонне освѣтить вопросъ, дать научно разработанный матеріалъ для правильнаго разрѣшенія его. Этотъ рѣдкій примѣръ совмѣстной планомѣрной работы теоріи и практики и взаимодѣйствія ихъ—знаменательное общественное явленіе, дающее всегда весьма цѣнные результаты. Статьи разныхъ авторовъ сборника объединены планомъ и выдержаны въ тонѣ научнаго и фактическаго отношенія къ дѣлу, одинаково далекаго какъ отъ полемическаго задора, такъ и отъ безпринципной неопредѣленности. По содержанію своему сборникъ распадается на двѣ части.

Первая часть даетъ на основаніи теоріи и разсмотрѣніи опыта Запада и отчасти нашихъ окраинъ основоположенія правильной организаціи мѣстнаго самоуправленія. Вторая часть представляетъ всестороннее разсмотрѣніе вопроса о мелкой земской единицѣ въ Россіи: послѣ историческаго изслѣдованія о развитіи всесословнаго мѣстнаго самоуправленія въ московскій и послѣдующій періоды русской исторіи, мы находимъ здѣсь рядъ статей, посвященныхъ детальному изученію вопроса о мелкой земской единицѣ на основаніи литературы, земскихъ проектовъ и правительственныхъ предположеній. Весь этотъ матеріалъ резюмируется въ статьяхъ вводной и заключительной: въ нихъ дается общая программа того практическаго минимума идей, который возможно и слѣдуетъ провести въ жизнь даже при существующихъ условіяхъ дѣятельности земства.

Обращаемся къ болѣе подробному изложенію содержанія сборника.

Первая часть его открывается статьей Н. И. Лазаревскаго о самоуправленіи. Послѣ подробнаго критическаго разбора разныхъ теорій самоуправленія, авторъ, въ согласіи съ наиболѣе научными доктринами современныхъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ, опредѣляетъ самоуправленіе какъ своеобразно организованную систему децентрализованнаго *государственнаго* управленія и доказываетъ, что логически необходимо и изъ этой теоріи вытекаютъ всѣ условія правильнаго дѣйствія органовъ самоуправленія: независимость отъ администраціи, организація земскихъ учрежденій не на сословномъ или предметномъ, а исключительно на территоріальномъ началѣ; строгое проведеніе выборнаго начала; право земскихъ учрежденій составлять постановленія; власть принудительно приводить ихъ въ исполненіе и имѣть для того собственные мѣстные исполнительные органы, необходимость организовать мелкую земскую единицу и т. д.

Значеніе всѣхъ этихъ моментовъ для правильнаго развитія мѣстной жизни наглядно иллюстрируется очерками развитія и современнаго состоянія мѣстнаго самоуправленія въ Англіи (статья П. Г. Виноградова) и Сѣверо-Американскихъ Соед.-Штатахъ (статья М. М. Ковалевскаго), а также интереснымъ этюдомъ Г. Б. Іоллоса („Страница изъ исторіи земскихъ реформъ въ Пруссіи"), причемъ всѣ авторы останавливаются съ особымъ вниманіемъ на тѣхъ единицахъ самоуправленія, которыя по задачамъ приближаются къ проектируемому типу мелкой земской единицы.

Подробное разсмотрѣніе дѣятельности общинъ-приходовъ въ Финляндіи (статья В. Ю. Скалона), гминъ царства польскаго (статья В. Д. Спасовича), приходовъ и волостей губерній прибалтійскихъ (статья барона Мейендорфа) и сельскихъ коммунъ, унаслѣдованныхъ Россіей въ бессарабской губерніи отъ Румыніи (статья І. В. Гессена) приводитъ къ убѣжденію, что даже при неблагопріятныхъ условіяхъ всесословная самоуправляющаяся мелкая земская единица—институтъ крайне жизнеспособный и необходимый. Въ статьѣ В. Д. Спасовича, содержащей критику современнаго положенія гмины, отмѣтимъ, между прочимъ, одинъ интересный фактъ: созидатели гминной реформы въ Польшѣ, стремясь построить мѣстное общинное управленіе по тогдашнимъ политическимъ соображеніямъ исключительно на крестьянской массѣ, весьма старательно устранили изъ мѣстнаго управленія цѣлый рядъ интеллигентныхъ слоевъ сельскаго населенія: „опытъ показалъ, однако,—говоритъ В. Д. Спасовичъ,—что, вопреки ожиданіямъ Н. А. Милютина (одного изъ творцовъ реформы), интеллигентный классъ не былъ подавленъ въ гминѣ численнымъ перевѣсомъ большинства, состоящаго изъ простонародья. Этотъ интеллигентный элементъ всплылъ наружу и взялъ верхъ надъ большинствомъ крестьянскимъ". Любо-

пытное указаніе для тѣхъ противниковъ мелкой земской единицы, которые опасаются подавленія въ новомъ земскомъ органѣ интеллигенціи крестьянствомъ и пониженія вслѣдствіе того общаго культурнаго уровня земской дѣятельности!

Вторая часть книги начинается статьей М. Н. Покровскаго о мѣстномъ самоуправленіи въ древней Руси. Вопреки установившемуся въ наукѣ взгляду, авторъ видитъ въ земскихъ и губныхъ учрежденіяхъ Ивана Грознаго проявленіе и продолженіе того же общественнаго начала, которое характеризуетъ удѣльно-вѣчевое народоправство, и доказываетъ, что земская реформа Грознаго была вызвана по иниціативѣ и силами самого общества, соотвѣтствовала вполнѣ экономической эволюціи той эпохи, а отнюдь не была только продуктомъ административной политики московскихъ государей. Авторъ весьма живо полемизируетъ съ противоположными воззрѣніями и пытается подойти съ новой точки зрѣнія къ разрѣшенію общаго вопроса о самостоятельномъ значеніи земщины въ процессѣ русской исторіи. Попытка, во всякомъ случаѣ, интересная!

Болѣе близкаго времени, но все-же требующаго уже историческаго освѣщенія, касается И. М. Страховскій въ своемъ чрезвычайно содержательномъ очеркѣ возникновенія и устройства учрежденій крестьянскаго самоуправленія. Авторъ весьма убѣдительно доказываетъ, что чисто крестьянскій характеръ волостного управленія былъ созданъ въ 1861 г., въ видахъ *временныхъ* цѣлей проведенія реформы освобожденія. Сами коммиссіи и смотрѣли на создаваемыя ими положенія, какъ на нормы переходнаго времени, и не предполагали обособить крестьянство отъ другихъ сословій на вѣчныя времена. Но временныя нормы сдѣлались, безъ всякаго соображенія съ измѣнившимися условіями деревенской жизни, постоянными, и современное положеніе волостного управленія таково, что волость, и какъ общественно-хозяйственная единица, и какъ органъ общеадминистративнаго управленія, пришла въ совершенный упадокъ. Раздѣленіе этихъ двухъ функцій волости и образованіе мелкой самоуправляющейся безсословной единицы для завѣдыванія общественно-хозяйственными дѣлами является, по мнѣнію г. Страховскаго, первымъ шагомъ на пути преобразованія нашихъ мѣстныхъ учрежденій. „Если съ точки зрѣнія *идеаловъ* мѣстнаго самоуправленія, таковое [1]) должно обнимать не только такъ-называемые хозяйственные интересы, но и охватывать сферу администраціи, то при нѣкоторыхъ условіяхъ предпочтительнѣе для успѣшнаго хода мѣстнаго самоуправленія отказаться отъ осуществленія имъ

[1]) Какъ это, напримѣръ, существуетъ въ общинѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ.

административныхъ функцій"; по мнѣнію г. Страховского, мелкая земская единица является не только первымъ, но и единственнымъ способомъ освободить сельскую общественную жизнь отъ чрезмѣрнаго давленія новыхъ судебно-административныхъ учрежденій.

Очеркъ г. Страховскаго дополняется статьями В. Ю. Скалона („Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ общественныхъ собраніяхъ до 1901 г.") и І. В. Гессена („Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ литературѣ до 1901 г."). В. Ю. Скалонъ слѣдитъ за всѣми проектами всесословной волости, начиная съ 60-хъ годовъ, подробно останавливается на крѣпостническихъ тенденціяхъ проектовъ 70-хъ годовъ, предложенныхъ петербургскимъ дворянствомъ, излагаетъ предположенія такъ-называемой Кахановской коммиссіи, разсматриваетъ земскіе проекты 80-хъ и 90-хъ годовъ, въ которыхъ выясняется все возрастающая реальная потребность сліянія сословій и приближенія земской дѣятельности къ народной массѣ. Отношеніе ко всему этому процессу литературы и повременной печати за весь этотъ періодъ выясняется статьей І. В. Гессена.

Статьи В. Ю. Скалона и І. В. Гессена доводятъ вопросъ до послѣдняго времени, но все же это—уже исторія. Живую дѣйствительность со всѣми ея теченіями, партійными спорами, захватываетъ работа В. Г. Бажаева: „Развитіе вопроса о мелкой земской единицѣ въ земской средѣ съ 1901 г.". Дѣйствительность пестра вообще. Внести систему въ мимо мелькающія явленія, уловить ихъ основныя теченія, самому не увлечься тѣмъ или инымъ изъ нихъ—это трудная задача, особенно въ такомъ вопросѣ, какъ мелкая земская единица, въ которомъ люди даже одного лагеря высказываются въ противоположныхъ направленіяхъ. Г-нъ Бажаевъ прекрасно справился со своей задачей—представить полную картину современнаго состоянія вопроса. За исходную точку своего изслѣдованія онъ взялъ московскій агрономическій съѣздъ.

Какъ извѣстно, 1901 годъ былъ въ вопросѣ о мелкой земской единицѣ поворотнымъ пунктомъ. Потребность въ ней ощущалась многими земствами. Надо было найти возможность возбудить вопросъ о ней. На съѣздѣ дѣятелей агрономической помощи, происходившемъ въ этомъ году въ Москвѣ, много говорили о томъ, какими средствами въ области поднятія экономическаго благосостоянія деревни располагаетъ земство, и вотъ многочисленные земскіе дѣятели, участвовавшіе въ съѣздѣ, указали на значеніе въ этомъ смыслѣ организаціи мелкой единицы. Особая коммиссія опредѣлила основныя черты будущей организаціи, вполнѣ соотвѣтствующія и духу земскихъ учрежденій, и условіямъ окружающей дѣйствительности. Именно, по предположеніямъ этой коммиссіи, мелкая земская единица должна носить характеръ

обязательности, а не быть добровольнымъ союзомъ; у нея должна быть точно опредѣленная территорія, она должна носить всесословный характеръ, должна пользоваться правомъ самообложенія, должна быть установлена связь между ней и губернскими и уѣздными земскими учрежденіями; мелкая земская единица должна имѣть выборные исполнительные органы и не должна обладать полицейскими и судебными функціями. Съѣздъ принялъ всѣ положенія коммиссіи, сдѣлавъ два добавленія: 1) о гласномъ веденіи дѣлъ въ собраніяхъ мелкой земской единицы, и 2) объ исключеніи изъ состава исполнительнаго органа послѣдней лицъ, исправляющихъ административныя и судебныя должности на территоріи данной единицы. По многимъ существеннымъ вопросамъ деталей организаціи съѣздъ не призналъ возможнымъ высказаться. Всѣ свои постановленія по вопросу о мелкой земской единицѣ съѣздъ опредѣлилъ передать на заключеніе уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній.

Толчокъ, данный съѣздомъ, оказался довольно дѣйствительнымъ: отвѣты объ отношеніи земства къ заключеніямъ съѣзда получились отъ 33 губернскихъ и 288 уѣздныхъ земствъ, а изъ нихъ, уже въ 1901 году, въ 23 губернскихъ и 122 уѣздныхъ было дано движеніе вопросу о мелкой земской единицѣ. Всѣ результаты трудовъ земствъ за время отъ съѣзда до настоящаго основательно разработаны и систематизированы В. Г. Бажаевымъ. Въ этой статьѣ авторомъ сведены, въ связи съ дѣятельностью агрономическаго съѣзда, всѣ подготовительныя работы земствъ до земскихъ собраній, изученъ матеріалъ. данный земскими собраніями 1901 г. — и все это чрезвычайно тщательно и полно. Г-нъ Бажаевъ далъ полный сводъ всѣхъ доводовъ земскихъ практиковъ pro и contra земской единицы, до настоящаго момента.— сводъ, имѣющій громадную цѣнность. Было бы крайне желательно, чтобы и результаты земскихъ собраній 1902 г. по затронутому вопросу получили такую же цѣнную и серьезную обработку [1]).

Таково, въ общихъ чертахъ, богатое содержаніе сборника, который серьезно освѣтилъ всѣ стороны вопроса. Введеніе К. К. Арсеньева и заключительная статья Г. И. Шрейдера даютъ выводы, которые въ общемъ совпадаютъ съ резолюціей московскаго агрономическаго съѣзда и которые неоднократно и подробно развивались на страницахъ нашего журнала („Вѣстн. Европы“, „Внутр. Обозрѣнія“ за январь, мартъ и май 1902 г.).

Практическая цѣнность „Сборника“ была бы, кажется намъ, еще полнѣе, еслибы онъ заключалъ въ себѣ, въ видѣ вывода изъ всего

---

[1]) Редакція „Права“, въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ, высказываетъ намѣреніе заняться этой работой.

матеріала, проектъ мелкой земской единицы, какою она представляется редакторамъ „Сборника“. Впрочемъ, отсутствіе такого заключительнаго аккорда отнюдь не умаляетъ глубокаго значенія этой истинно земской книги.

II.

— М. Я. Герценштейнъ. Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ въ Германіи. Спб. 1902 г.

Одною изъ отличительныхъ особенностей современной экономической организаціи является задолженность недвижимой собственности. Земельные банки играютъ все болѣе крупную роль въ общественномъ хозяйствѣ; особенно велико ихъ значеніе для городской недвижимости, которая, вслѣдствіе непрерывно продолжающагося роста городского населенія, превратилась въ товаръ, сдѣлалась предметомъ спекуляціи, конкурренціи и ажіотажа. Г-нъ Герценштейнъ, поэтому, и дѣлаетъ центромъ своего изслѣдованія дѣятельность ипотечныхъ банковъ въ области городскихъ недвижимостей. Хотя матеріалъ, обрабатываемый авторомъ, относится къ Германіи, но выводы его имѣютъ общее значеніе, тѣмъ болѣе, что авторъ часто проводитъ аналогію между изучаемыми имъ явленіями въ Германіи и однородными въ Россіи.

Исходнымъ пунктомъ изслѣдованія г. Герценштейна послужили тѣ крупныя банкротства земельныхъ банковъ, которыя разразились года два тому назадъ въ Германіи. Одновременно съ этими банкротствами въ области промышленной жизни сталъ ощущаться кризисъ со всѣми сопровождающими его специфическими признаками, съ крахами торговыхъ и промышленныхъ банковъ и пр. Авторъ прежде всего и выясняетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ упомянутыя банкротства земельныхъ банковъ зависѣли отъ общаго промышленнаго кризиса. Путемъ тщательнаго и серьезнаго, основаннаго на изученіи первоисточниковъ анализа дѣятельности лопнувшихъ банковъ, авторъ приходитъ къ выводу, что эти банкротства нужно объяснять недостатками общей организаціи банковъ, ихъ пріемами дѣятельности, а не общими экономическими условіями, вызывающими кризисъ.

Ипотечные банки, оперирующіе въ городахъ, могутъ испытать кризисъ только тогда, когда наступитъ перепроизводство объектовъ залога, т.-е. когда постройка домовъ не будетъ соотвѣтствовать росту городского населенія, когда по экономическимъ условіямъ ростъ городовъ останавливается. Тогда цѣны на дома падаютъ, домовладѣльцы отказываются отъ взноса платежей въ банки и оставляютъ заложен-

ныя имущества на произволъ судьбы, банки несутъ большіе убытки при продажѣ этихъ имуществъ и не могутъ выполнять своихъ обязательствъ передъ владѣльцами закладныхъ листовъ. Замѣчаются ли теперь подобныя явленія и, прежде всего, наступила ли основная причина ихъ—пріостановка роста большихъ городовъ? Авторъ приходитъ къ отрицательному отвѣту на основаніи изслѣдованія о ростѣ городовъ, которое онъ даетъ въ III-ей главѣ своего сочиненія. Городское населеніе увеличивается чудовищно: Берлинъ въ 1871 г. имѣлъ 828 тысячъ жителей, въ 1900—1.888 тысячъ; пригородъ Берлина—Шарлоттенбургъ за послѣднія два десятилѣтія (1880—1900) по населенію увеличился болѣе чѣмъ въ шесть разъ. То же явленіе наблюдается въ Лейпцигѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ и другихъ городахъ и вызываетъ цѣлый рядъ послѣдствій въ области промышленности и кредита: основываются многочисленныя акціонерныя строительныя общества, покупаются дома, участки для немедленной перепродажи, развивается спекуляція, биржевая игра, дутые дивиденды. Факты, излагаемые авторомъ въ этой главѣ, даютъ изображеніе одной изъ любопытнѣйшихъ страницъ экономической жизни современности. Авторъ изслѣдуетъ при этомъ роль, которую играютъ и играли, и которой не должны играть земельные банки; для послѣднихъ болѣе всего опасности представляется тогда, когда они, отказавшись отъ своей непосредственной задачи, вступаютъ въ связь со спекулятивными, домовладѣльческими, домостроительными и вообще промышленными обществами. Тогда даже при наличности главнаго условія процвѣтанія ипотечныхъ банковъ, т.-е. роста городовъ, они могутъ лопаться, хотя крахи ихъ не будутъ, конечно, вызваны общими экономическими условіями. Для подтвержденія своихъ положеній авторъ, не ограничиваясь фактами современности, сравнилъ нынѣшнее положеніе земельнаго кредита и ипотечныхъ банковъ съ тѣмъ, которое испытывалось въ Германіи въ концѣ 60-хъ годовъ, когда, дѣйствительно, на лицо былъ кризисъ. Матеріалъ для анализа причинъ кризиса 60-хъ годовъ авторъ черпаетъ въ анкетѣ, произведенной въ 1868 г. Сѣверо-германскимъ Союзомъ, въ работахъ Родбертуса и Беккера, воззрѣнія которыхъ подробно изложены въ работѣ г. Герценштейна. Основной выводъ всей работы, что причина крушеній ипотечныхъ банковъ въ системѣ ихъ организаціи, приводитъ автора къ критическому анализу этой системы и указанію необходимыхъ преобразованій. Любопытно здѣсь отмѣтить, что основныя причины, приведшія къ банкротству германскіе земельные банки (смѣшеніе дѣятельности ипотечныхъ банковъ съ функціями торгово-промышленныхъ, совмѣстительство членовъ правленій въ разныхъ предпріятіяхъ, отсутствіе контроля и проч.), повторились и у насъ при столь нашумѣвшемъ недавно крахѣ харьковскаго земельнаго банка. Въ заключи-

тельныхъ главахъ, резюмирующихъ результаты изслѣдованія, авторъ касается ряда вопросовъ, выдвинутыхъ банковымъ и акціонернымъ дѣломъ и у насъ. Это вопросы о государственномъ контролѣ за земельными банками, объ органахъ управленія въ банкахъ и акціонерныхъ обществахъ вообще, объ участіи въ этомъ управленіи органовъ правительственной власти и др. Всѣ эти вопросы освѣщены и съ точки зрѣнія условій, дѣйствующихъ въ Россіи. Вся работа свидѣтельствуетъ о тщательномъ изученіи вопроса, произведенномъ знатокомъ дѣла, и имѣетъ для нашей скудной финансовой литературы большую научную цѣнность. Да не только въ русской, но и въ европейской литературѣ кризисы ипотечнаго кредита далеко не изучены вполнѣ, что̀ еще болѣе увеличиваетъ значеніе труда г. Герценштейна.

III.

— Г. Гауптманъ. Собраніе сочиненій, т. I и II. Переводъ п. р. К. Бальмонта. Изд. Скирмунтъ. Москва, 1902 г.

Среди молодыхъ иностранныхъ писателей русская публика интересуется болѣе всего Гауптманомъ. О каждомъ новомъ его произведеніи пишутъ, разговариваютъ, нѣкоторыя пьесы его вошли въ репертуаръ нашихъ театровъ, а между тѣмъ до сихъ поръ мы не имѣли собранія наиболѣе важныхъ произведеній Гауптмана въ переводѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ литературному значенію этого писателя. Г-нъ Бальмонтъ нынѣ восполнилъ этотъ пробѣлъ: въ редактированномъ имъ собраніи помѣщены почти всѣ произведенія Гауптмана въ переводѣ, очень близкомъ къ оригиналу, съ явно выраженнымъ намѣреніемъ сохранить духъ и настроеніе подлинника. Это, впрочемъ, по отношенію къ Гауптману, не легко достижимо: языкъ многихъ его произведеній настолько носитъ мѣстный колоритъ, что для передачи его на иностранный представляются непреодолимыя затрудненія. Можетъ быть, послѣднее обстоятельство является причиной и того, что въ собраніи не хватаетъ одного крупнаго произведенія Гауптмана, именно исторической драмы: „Флоріанъ Гейеръ“, въ которой поэтъ, для достиженія бо̀льшей исторической рельефности, заставляетъ дѣйствующихъ лицъ (а ихъ весьма много) все время изъясняться на древнемъ мѣстномъ нарѣчіи. Если переводчикамъ не легко далось справиться и съ современными діалектами, которыми такъ широко пользуется Гауптманъ, то, можетъ быть, они остановились въ затрудненіи передъ архаическимъ языкомъ исторической драмы. А это жаль. По своимъ литературнымъ достоинствамъ эта драма несо-

мнѣнно заслуживаетъ мѣста въ „Собраніи“, особенно въ виду того, что она совершенно незнакома русской публикѣ (она, кажется, нигдѣ не была переведена) и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характерна для литературной физіономіи знаменитаго драматурга [1]). Пріятную неожиданность за то представляетъ появленіе въ „Собраніи“ впервые на русскомъ языкѣ „Ткачей“ (въ переводѣ Л. Гуревичъ), можетъ быть, самаго важнаго произведенія Гауптмана, которое такъ долго было для нашихъ переводчиковъ и издателей строго запретнымъ плодомъ.

Задача представить русскимъ читателямъ литературную физіономію Гауптмана возможно ближе къ оригиналу выполнена въ общемъ съ большой любовью и стараніемъ переводчиками и редакторомъ. Г-нъ Бальмонтъ, какъ переводчикъ, прочно установилъ свою репутацію великолѣпными стихотворными переводами Шелли, и мы, по правдѣ сказать, съ большими ожиданіями приступили къ чтенію въ его переводѣ „Потонувшаго колокола“, этой чудной сказки-драмы, въ которой, повидимому, талантъ г. Бальмонта могъ развернуться свободно и легко. Однако, при всѣхъ высокихъ качествахъ перевода, именно легкости мы не нашли въ немъ; мало осталось того свободнаго полета, который такъ очаровываетъ читателя въ оригиналѣ. Не чувствуется творческаго перевоплощенія поэзіи Гауптмана въ родную намъ рѣчь. Васъ давитъ духъ тяжести только добросовѣстно и близко передаваемаго текста, и этого ощущенія не въ силахъ уничтожить и тѣ неологизмы и вычурныя выраженія, которыми такъ злоупотребляетъ во всѣхъ своихъ поэтическихъ продуктахъ г. Бальмонтъ. „Почему бояться неологизмовъ? Ихъ нужно желать, какъ всего, что расширяетъ область слова“,—пишетъ г. Бальмонтъ въ предисловіи.— Да, ихъ нужно желать,—только при одномъ условіи, чтобы неологизмы соотвѣтствовали духу языка; а безъ того многія выдуманныя словечки „гротескны“ (по любимому выраженію г. Бальмонта)—и только...

Конечно, и въ переводѣ г. Бальмонта есть великолѣпныя мѣста, но многія и пропали въ его передачѣ. Особенно досадно за удивительный монологъ Гейнриха, обращенный къ пастору, въ сценѣ на горахъ: („Кто мнѣ за трудъ мой платитъ...“ и далѣе: „О, солнце! Древній праотецъ...“); мощь и красота восторженной рѣчи литейщика колоколовъ какъ-то у г. Бальмонта загромоздились словеснымъ балластомъ; гораздо бо̀льшее впечатлѣніе производитъ это мѣсто въ передачѣ г. Буренина, выкинувшаго, впрочемъ, почему-то послѣднюю строфу [2]).

---

[1]) Въ „Собраніи“ не хватаетъ еще появившейся въ прошломъ году комедіи „Красный пѣтухъ“, составляющей продолженіе „Бобровой шубы“.

[2]) Переводъ г. Буренина печатался въ „Новомъ Времени“ и, кажется, отдѣльнымъ печатнымъ изданіемъ не выходилъ. У насъ подъ руками этотъ переводъ въ литографированномъ изданіи для театровъ.

Проза переведена не только точно, но и красиво. Заключительные поэтическіе аккорды „Ганнеле“ звучатъ въ стихотворной передачѣ г. Бальмонта прекрасно.

Повторяемъ, русскіе читатели получили возможность основательно ознакомиться съ нѣмецкимъ драматургомъ, котораго фанатическіе поклонники (въ Германіи они составляютъ своего рода секту, Hauptmanngemeinde) ставятъ рядомъ съ Шекспиромъ и Гейне. Каково дѣйствительное значеніе этого несомнѣнно крупнаго таланта? Отмѣтимъ прежде всего, какъ любопытную черту, то, что ни одна литературная партія въ Германіи не считаетъ Гауптмана окончательно своимъ. Первыя его драмы соціальнаго характера, носившія на себѣ сильное вліяніе Ибсена, поставили его во главѣ „молодыхъ“ реалистовъ, боровшихся съ рутиной, и закрѣпили за нимъ славу натуралиста въ драматургіи и реформатора ея. Въ „Ткачахъ“, этой потрясающей трагедіи жизни четвертаго сословія, увидѣли не только реформатора драматургіи, но и поэта, проводящаго въ своихъ произведеніяхъ опредѣленную общественную идею этого сословія. Посыпались обвиненія въ тенденціозности, которыя, однако, должны были замолкнуть послѣ появленія „Ганнеле“. Эта поразительная драма дѣтской души съ ея свѣтлымъ мистицизмомъ, трогательнымъ и примиряющимъ, съ ея фантастическими образами, составляющими сущность ея душевнаго міра и такъ рѣзко отличающимися отъ окружающей дѣйствительности, скорѣе могла выйти изъ-подъ пера мистика-поэта, стремящагося къ надчувственной красотѣ, чѣмъ принадлежать тому же драматургу, который въ „Ткачахъ“ далъ такую жестокую картину соціальныхъ условій. Послѣ „Потонувшаго колокола“, Гауптманъ былъ признанъ символистомъ и идеалистомъ и зачисленъ въ ряды „Moderne“. Въ „Возчикѣ Геншелѣ“ Гауптманъ снова реалистъ-психологъ; въ „Михаэлѣ Крамерѣ“ онъ возвращается къ трагедіи одинокихъ людей; въ „Красномъ пѣтухѣ“ онъ—созерцатель мелочей жизни мелкихъ людей, съ ихъ радостями и печалями, которыя Гауптманъ воспроизводитъ не безъ легкаго юмора. „Moderne“ уже не считаютъ его своимъ; въ появившейся на дняхъ брошюрѣ Ландсберга (она переведена на русскій языкъ московской фирмой „Скорпіонъ“) съ крикливымъ названіемъ „Долой Гауптмана“, констатируется, что „духовная мощь Гауптмана“ не удовлетворяетъ больше молодое поколѣніе“. „Мы считали,—пишетъ этотъ представитель самой молодой Германіи,—его великимъ; мы употребили всѣ силы, чтобы доставить ему побѣду. Теперь, когда онъ сталъ знаменитостью, мы чувствуемъ себя по ту сторону побѣды. Его искусство осталось земнымъ. Тамъ, гдѣ онъ пытается взлетѣть ввысь, ясно выступаетъ его духовное безсиліе. Этому искусству не хватаетъ откровенія“... Далѣе идутъ обвиненія въ отсутствіи у Гауптмана на-

стоящаго идеализма, въ его общедоступности, свидѣтельствующей, что онъ не создалъ новыхъ цѣнностей и пр.

Конечно, вѣрно то, что Гауптманъ—натуралистъ, хотя гораздо больше по пріемамъ, чѣмъ по сущности; что въ его произведеніяхъ звучитъ мистическая и идеалистическая нота; что онъ—символистъ въ смыслѣ необычайнаго проникновенія въ тайники природы и умѣнья воплощать ихъ въ видѣ образовъ,—но прежде всего онъ настоящій поэтъ, поэтъ „милостью Божіей", который, при всемъ разнообразіи идейнаго своего міра и затрогиваемыхъ имъ сюжетовъ, всегда оригиналенъ и самобытенъ. Въ этомъ—его сила и обаяніе!

Г-нъ Бальмонтъ (предисловіе) основнымъ настроеніемъ творчества Гауптмана считаетъ то, что поэтъ влюбленъ въ жизнь, что онъ „исполненъ какого-то религіознаго поклоненія передъ сказкой бытія"; отсюда—его пристрастіе къ самымъ простымъ темамъ... его любовь къ простымъ, невиднымъ существованіямъ; отсюда—его искренній реализмъ. Это вполнѣ справедливо, но это не созерцательная любовь, не одно только любованье процессами жизни природы или людей; нѣтъ, Гауптманъ ищетъ душу жизни, и та глубина человѣческаго чувства, которымъ проникнута его любовь ко всему, что̀ въ жизни происходитъ, это и есть та крѣпкая связь, которая соединяетъ Гауптмана съ его читателями и зрителями. Безъ этого немыслимо было бы созданіе ни „Ткачей", ни „Потонувшаго колокола", ни „Ганнеле"—лучшихъ пьесъ Гауптмана, которыя даютъ ему право на видное мѣсто среди міровой литературы. Эта глубина чувства подсказала ему, что нужно быть борцомъ и въ жизни, и въ искусствѣ. Въ юношеской своей драмѣ: „Das Promethidenloos", онъ восклицаетъ:

Ein Kämpfer sein war sein neues Streben,
Das ihm des Elends Anschau eingegeben!

И онъ сталъ борцомъ.

Далеко не всѣ драмы Гауптмана одинаковаго достоинства; но то, что̀ онъ создалъ, даетъ увѣренность, что отъ молодого драматурга можно ждать еще многаго.—Г-анъ.

IV.

— Альбомъ выставки, 1852—1902, въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, устр. Общ. Любит. Россійск. Словесности въ залахъ Историческаго Музея 21-го февраля—апрѣля 12-го, 1902. Исполнено и издано худож. фототипіей К. А. Фишеръ. М. 1902.

— Гоголь на родинѣ. Альбомъ художественныхъ фототипій и геліогравюръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя. Изданіе І. Ц. Хмѣлевскаго въ Полтавѣ. (1902).

Изданія подобнаго рода, альбомы юбилейныхъ выставокъ или коллекцій рисунковъ, въ первый разъ появляются у насъ, кажется, съ первой Пушкинской выставки 1880 года. Теперь это входитъ въ обычай,—и прекрасный обычай: для тѣхъ, кто видѣлъ выставку, альбомъ остается напоминаніемъ, сохраняющимъ личныя впечатлѣнія; кто не видѣлъ ея,—альбомъ представитъ собраніе любопытныхъ иллюстрацій, единственное въ своемъ родѣ и обыкновенно въ большинствѣ пьесъ совершенно новое, потому что для выставки матеріалъ собирается отовсюду изъ частныхъ рукъ, гдѣ до этого онъ оставался недоступнымъ. Альбомъ будетъ надолго желанной иллюстраціей къ біографіи писателя.

Таково изданіе г. Фишера, посвященное выставкѣ въ память Гоголя и Жуковскаго. Художественная фототипія г. Фишера имѣетъ уже заслуженную репутацію прекраснаго исполненія рисунковъ. На выставкѣ собралось много разнообразнаго матеріала—всего болѣе портретовъ писателей и другихъ лицъ, такъ или иначе связанныхъ съ ихъ біографіей; изображеній скульптурныхъ; пейзажей и т. п. Не малое достоинство альбома составляетъ и его доступность: 180 снимковъ, или въ большомъ 8°, или въ меньшемъ форматѣ (когда на страницѣ помѣщено два снимка, изрѣдка—четыре), всего на 92 страницахъ, стоятъ 3 р. 50 к.

Можно пожалѣть только о способѣ брошюровки—съ помощью того, что называлось, кажется, „американскимъ переплетчикомъ“. Книга не сшивается нитками, а пробивается, точно гвоздями, такъ что ее нельзя разогнуть, не держа двухъ сторонъ книги обѣими руками. Эта манера „переплетать“ книги гвоздями теперь очень распространяется, но если она можетъ быть пригодна для брошюръ, она только уродуетъ книги—и альбомы.

Изданіе г. Хмѣлевскаго—другого рода. Это—не альбомъ выставки; издатель поставилъ себѣ цѣлью собрать и закрѣпить фотографіей „все, связанное съ именемъ Гоголя, освѣщенное его личностью и творчествомъ, преимущественно въ предѣлахъ его родины“. Издателю по-

счастливилось встрѣтить сочувствіе къ своему плану въ кругу нынѣ живущихъ родственниковъ Гоголя, которые предложили ему воспользоваться имѣющимся у нихъ матеріаломъ. Въ результатѣ получилось чрезвычайно интересное собраніе рисунковъ, относящихся къ жизни Гоголя „на родинѣ".

Книга открывается статьей извѣстнаго знатока малорусской старины, этнографа и историка В. П. Горленка „Родина Гоголя", гдѣ авторъ даетъ общую картину мѣстности и разсказываетъ, какъ многое измѣнилось въ ней съ тѣхъ поръ, когда здѣсь живалъ Гоголь. „Неумолимое время, бытовыя перемѣны и недостаточное вниманіе къ памяти поэта измѣнили теперь многое въ его родномъ уголкѣ. Съ какой-то особой стремительностью совершалось все это въ послѣдніе годы. Тѣ же мѣста намъ пришлось видѣть лѣтъ двадцать назадъ, когда все это было ближе къ Гоголю, болѣе напоминало тотъ видъ, въ какомъ было при немъ", — и авторъ указываетъ, какія перемѣны произошли. „Аппаратъ фотографа, руководимый внимательной и любящей рукой, воспроизводитъ въ этомъ альбомѣ виды мѣстностей, зданій, всякую вещественную память о Гоголѣ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, или же по тѣмъ прежнимъ снимкамъ, какіе уцѣлѣли".

Конечно, это—все, что̀ можно было сдѣлать, и г. Хмѣлевскій видимо старался собрать все, что̀ было возможно: его альбомъ остается самымъ богатымъ собраніемъ того, что̀ можетъ дать теперь представленіе о „родинѣ Гоголя": уцѣлѣла та же природа, общій этнографическій и бытовой типъ, портреты и т. д.

Большое собраніе рисунковъ посвящено самой „Яновщинѣ"; затѣмъ идутъ Миргородъ, Нѣжинъ, Сорочинцы, Кибинцы, Яреськи и другія мѣстности, связанныя съ біографіей Гоголя; наконецъ, внѣ „родины" Гоголя—изображены домъ въ Римѣ, гдѣ жилъ Гоголь, домъ гр. А. П. Толстого въ Москвѣ, гдѣ жилъ и умеръ Гоголь; видъ его могилы въ Даниловомъ монастырѣ. Во главѣ альбома поставленъ портретъ—съ извѣстнаго портрета Моллера, о которомъ г. Хмѣлевскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Этотъ портретъ написанъ Моллеромъ въ 1841 году и былъ привезенъ Гоголемъ въ Яновщину. Съ тѣхъ поръ онъ не выходилъ изъ семьи, и въ настоящее время принадлежитъ племяннику поэта Н. В. Быкову и находится въ Яновщинѣ. Огромная часть портретовъ Гоголя, распространенныхъ въ печати, сдѣлана на основаніи этого портрета или, лучше сказать, гравюры съ него Іордана, совершенно исказившей черты поэта. Въ нашемъ изданіи появляется въ первый разъ точная фотографическая его копія, снятая съ оригинала въ Яновщинѣ".

V.

— Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы изъ жизни приходскаго духовенства. Н. И. Соловьева. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб 1902.

Авторъ избралъ весьма важную и любопытную тему, и второе изданіе должно показывать, что книга возбудила интересъ. Вопросъ о нашемъ духовенствѣ, въ его значеніи общественномъ, есть несомнѣнно вопросъ чрезвычайно важный: „Русь святая", „православная" имѣетъ вѣка исторіи, и до настоящей минуты это не только историческій, но политическій терминъ; понятно, что духовное сословіе занимало важное мѣсто въ созданіи этого историческаго факта. Исторія русской церкви, хотя еще не вполнѣ собранная и критически изслѣдованная, много говоритъ о давнопрошедшихъ вѣкахъ; но вѣка послѣдніе, и особенно недавнее прошедшее, изслѣдованы очень мало, а періодъ современный—всего менѣе. Въ литературѣ есть только оффиціальные отчеты, цифровыя данныя,—но мы напрасно искали бы точнаго и правильнаго освѣщенія вопроса въ современной общественности; можно сказать, что онъ почти совсѣмъ не затрогивается—кромѣ отдѣльныхъ примѣровъ, какъ бы случайно попадавшихъ въ печать, духовенство стояло какъ будто внѣ литературы,—хотя не внѣ общественнаго мнѣнія. Въ прежнее время, всякое упоминаніе о духовномъ сословіи, какъ и всякихъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ церковности, шло просто въ духовную цензуру, и слѣдовательно могло быть сказано только то, что̀ понравилось бы представителямъ сословія. Но, какъ замѣчено, вопросъ о сословіи не могъ остаться внѣ общественнаго мнѣнія устнаго,—и въ концѣ концовъ оно такъ распространялось и пріобрѣтало иногда столь рѣзкую исключительность и односторонность, что вызывало неудовольствія и нареканія въ самомъ сословіи, которое считало себя несправедливо осуждаемымъ. Разобраться въ этомъ можно было бы, конечно, только однимъ путемъ—открытымъ, спокойнымъ, безпристрастнымъ обсужденіемъ въ печатномъ общественномъ мнѣніи, т.-е. въ литературѣ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ этого нѣтъ,—или это бывало только рѣдко и случайно, какъ было, напр., въ шестидесятыхъ годахъ по поводу книжки „о сельскомъ духовенствѣ" (изданной за границей). Касаться этого вопроса до сихъ поръ мудрено: кто захотѣлъ бы поставить вопросъ опредѣленно и правдиво, рисковалъ бы вызвать противъ себя весьма не безопасныя „анти-критики".

Книга г. Соловьева касается только одной части вопроса,—она говоритъ почти исключительно о бытѣ сельскаго духовенства; быть городского духовенства затрогивается лишь отчасти, напр. когда де-

ревенскій батюшка переводится въ городъ. Книга написана вообще съ великими сочувствіями къ деревенскимъ батюшкамъ; авторъ знаетъ за ними кое-какіе недостатки, напр. не разъ онъ упоминаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ отличаются завистливостью, охотой къ сутяжничеству; но большею частью въ его изображеніяхъ это—люди скромные, которые мужественно переносятъ свою малую матеріальную обезпеченность, даже прямо нищету, и успѣваютъ воспитывать въ своихъ дѣтяхъ такое же мужество въ борьбѣ съ нуждой и закалять ихъ характеры. Разсказы чаще относятся ко временамъ прошедшимъ, и такъ какъ въ этихъ случаяхъ авторъ видимо основывается на фактическихъ данныхъ, то между прочимъ получаются жестокія картины быта сельскаго духовенства за это прошедшее время—въ зависимости не то что у полудикихъ, но совершенно дикихъ самодуровъ-помѣщиковъ. Одинъ изъ нихъ, напр., у себя въ домѣ травилъ своего приходскаго священника обученными псами, которые буквально разорвали на немъ все одѣяніе до-нага, и въ этомъ видѣ священникъ вернулся по селу домой. По всей вѣроятности, переданъ здѣсь историческій фактъ.

Авторъ, конечно, осуждаетъ пренебрежительное отношеніе къ духовенству со стороны такъ-называемаго высшаго круга,—но не даетъ читателю достаточнаго объясненія, откуда такое отношеніе происходило. Нѣкоторыя изъ описанныхъ авторомъ возмутительныхъ исторій, въ родѣ вышеупомянутой травли священника псами, относились еще ко временамъ крѣпостного права, когда значеніе помѣщика считалось незыблемымъ; но во всякомъ случаѣ можно было бы ожидать, что власть епархіальная, которая также должна бы быть незыблемой и которой эти безобразія были совершенно извѣстны, вмѣшается въ это положеніе вещей (помѣщикъ разбѣсился на священника за то, что послѣдній, придя въ домъ съ крестомъ, не хотѣлъ, какъ тотъ потребовалъ, благословлять крестомъ его псовъ) и дастъ защиту оскорбляемой святынѣ; но этого не бывало. Безобразія оставались безнаказанными, но и не возвышалось уваженіе къ духовному сословію.

Въ разсказахъ г. Соловьева, при всемъ ихъ благодушномъ, идиллическомъ настроеніи, сказываются и разныя другія бытовыя черты, которыя даютъ видѣть упомянутый разладъ, существующій между сословіемъ и другими слоями общества. Одинъ сельскій батюшка, достойнѣйшій человѣкъ, за свои заслуги назначенъ былъ въ губернскій городъ: это было большое повышеніе, которое должно было порадовать батюшку, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно его огорчало, потому что городскія отношенія казались очень стѣснительными послѣ многолѣтней привычки къ деревенской простотѣ. Чувство батюшки было весьма естественное; но авторъ влагаетъ въ его уста цѣлую филиппику противъ городской жизни (между прочимъ, заставляя его говорить мало

естественнымъ полу-славянскимъ языкомъ): „грады великіе суть бездна грѣховная, и деревни малыя суть обители отъ соблазновъ огражденныя, хотя и сіи послѣднія не всегда избавлены отъ духа злобы и прельщенія. Грады суть источники нечистоты грѣховной", и такъ далѣе, на три страницы (134—136). Но какъ же быть безъ великихъ градовъ? Всѣмъ нельзя жить въ малыхъ деревняхъ; — батюшка не усмотрѣлъ только, что грады—неизбѣжное созданіе государственной жизни, что они служатъ ей органомъ, а также органомъ общественности и просвѣщенія,—и не трудно представить себѣ, что этотъ достойнѣйшій батюшка, превышающій городскихъ батюшекъ непосредственностью своего благочестія, будетъ мало понимать свою городскую паству.

Но и въ этомъ объемѣ задачи, какую поставилъ себѣ авторъ книги, въ изображеніи сельскаго духовенства, онъ не даетъ ни полной картины, ни полнаго объясненія сельскихъ отношеній. Несмотря на указанное противоположеніе жизни городской и сельской, исполненной соблазнами и свободной отъ нихъ, сельская жизнь, сколько извѣстно, давно, да и въ настоящее время не отличается добродѣтелями; въ книгѣ г. Соловьева не видно, чтобы сельскіе батюшки, и самые наилучшіе, ставили себѣ долгомъ противодѣйствовать пьянству, обуревающему деревню, противодѣйствовать „мірской" несправедливости, или кулаческому притѣсненію, или иной деревенской неправдѣ; въ книгѣ невидно,—о чемъ, наконецъ, читаемъ нерѣдко въ газетахъ,—какъ батюшки относятся къ народной школѣ, какъ они вооружаются и интригуютъ противъ школы земской, и т. п.; невидно вообще, насколько батюшки, кромѣ оффиціальнаго исправленія требъ, воздѣйствуютъ на нравственный бытъ своей паствы, не говоря уже о младенческомъ состояніи ея умовъ.

Вопросъ, который косвенно затронутъ въ книгѣ г. Соловьева, чрезвычайно важенъ, и надо сожалѣть, что онъ мало ставится въ нашей литературѣ, другими словами, что онъ считается, вѣроятно, окруженнымъ слишкомъ большими препонами. Между тѣмъ, собираются кружки для собесѣдованій о предметахъ высшей религіозной философіи...

Въ столицѣ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война...

Ѣ.

— Образовательная Библіотека, изд. О. Н. Поповою. Серія V. 2: Профессоръ Погодинъ, Религія Зороастра.—Профессоръ Джаксонъ, Жизнь Зороастра. Спб., 1903.

Небольшая книжка, около полутораста страницъ, составлена въ обратномъ порядкѣ съ принятымъ, преимущественно во Франціи, способомъ начинать историко-критическія изслѣдованія съ біографіи дѣятеля (l'homme) и затѣмъ уже излагать то, что онъ сдѣлалъ (l'oeuvre). Отъ этого она очень выигрываетъ ясностью изложенія и отсутствіемъ повтореній. Появленіе ея какъ нельзя болѣе своевременно. Пробудившійся въ послѣдніе годы въ обществѣ замѣтный интересъ къ исторіи религіозныхъ ученій, къ единству ихъ началъ и къ историко-этнографическому разнообразію ихъ источниковъ вызвалъ уже рядъ произведеній, написанныхъ по возможности общедоступно и иногда даже въ беллетристической формѣ, какова, напр., „Душа одного народа", Фильдинга. Ученіе Зороастра, освобожденное отъ связанной съ нимъ запутанной и мрачной дэмонологіи,—отличается большою шириною и гуманностью взглядовъ, не имѣетъ въ себѣ обрядовой окаменѣлости и, ставя условіемъ праведной жизни нравственную чистоту слова и дѣла, требуетъ дѣятельной любви къ божеству и его высшему свойству —истинѣ. Этой дѣятельной, призывающею къ борьбѣ со зломъ, стороною своею зороастризмъ существенно отличается отъ созерцательно-пассивнаго буддизма. Русскіе читатели могли уже ознакомиться съ этимъ ученіемъ, между прочимъ, изъ перевода книги Шантепи де-ла-Соссé и изъ статей Мильса и профессора Наороджи въ сборникѣ лекцій о религіозныхъ вѣрованіяхъ, переведенныхъ В. А. Тимирязевымъ. Настоящая книжка, однако, уступая въ живости и блескѣ изложенія нѣкоторымъ изъ этихъ сочиненій, даетъ болѣе цѣнный и глубже обработанный матеріалъ для изученія спорныхъ вопросовъ о личности и вѣроученіи подлиннаго Заратустры, а не того, котораго хотѣлъ воскресить въ своеобразной формѣ въ своемъ столь нашумѣвшемъ произведеніи Ницше. Статья профессора Джаксона обилуетъ нѣкоторыми мелочными и излишними подробностями; быть можетъ, она была бы цѣннѣе, еслибы содержала въ себѣ указанія на дальнѣйшую судьбу и современное положеніе парсовъ-огнепоклонниковъ.—Z.

Въ теченіе декабря мѣсяца, въ Редакцію были доставлены нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аненская, А. Н.—Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 903. Ц. 2 р.

Бансель, А.—Кооперативизмъ. Экономическіе очерки. М. 903. Ц. 60 к.

Бертенсонъ, В. А.—По югу Россіи. Сельско-хозяйственные очерки, наблюденія и замѣтки. Вып. IV. Од. 902. Ц. 60 к.

Бирюковичъ, В. В.—Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (по даннымъ на 1899, 900 и 901 гг.). Вып: V. Спб. 902. М. З. и Г. И. Департаментъ Земледѣлія.

Благовидовъ, Ѳ. В., проф.—Этюдъ изъ исторіи высшаго образованія въ Россіи за время царствованія императора Александра и Николая I. Каз. 902. Ц. 50 к.

Богородицкій, В. А.—Склоненіе въ аріо-европейскихъ языкахъ. Каз. 902. Ц. 80 к.

Бодлэръ, Шарль.—Маленькіе поэты въ прозѣ. Перев. и вступит. статья А. Александровскаго. М. 903. Ц. 80 к.

Брандесъ, Г.—Собраніе сочиненій. Съ датск., п. р. М. В. Лучицкой. Т. IX. Романтическая школа во Франціи. Кіевъ. 903. Ц. за 12 т.—5 руб.

Брандтъ, А. Ѳ.—Отъ матеріализма къ спиритуализму. Харьк. 902. Ц. 50 к.

Бутовскій, А. Д.—Новые методы въ воспитаніи. Съ англ. Спб. 902.

Веселовскій, Юрій.—Друзья и защитники, животныхъ въ современной французской беллетристикѣ. Съ портретомъ Эм. Зола и избранными произведеніями Зола, Мирбо, Лоти, Рашильдъ, относящимися къ животнымъ—въ перев. М. В. Веселовской и Д. Царевской. М. 903. Ц. 75 к.

Волжскій.—Очерки о Чеховѣ: I. Конфликтъ идеала и дѣйствительности. II. Власть обыденщины. III. Равнодушные люди. IV. Безпокойные и нудные. V. Параллели. VI. Мужики. Спб. 903. Ц. 80 к.

Волкова, М., женщина-врачъ. Бесѣды о здоровьи женщины. Изд. 2-е. Спб., 902. Стр. 313. Ц. 2 р.

Гауптманъ, Г.—Собраніе сочиненій. Т. I и II. Перев. п. р. К. Бальмонта. М. 902. Ц. 1 р. 50 и 2 р.

Гейманъ, фонъ, Р. В.—Прогулка пѣшаго гусара. Повѣсти и разсказы автора „A cheval de Varsovie à Constantinople“. Спб. 903. Ц. 1 р. 35 к.

Герценштейнъ, М. Н.—Ипотечные Банки и ростъ большихъ городовъ въ Германіи. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Голиковъ, В. М.—Стихотворенія: „Ночныя Думы“. М. 903. Ц. 1 р.

Гольмъ, Клементина.—Какъ я провела свою юность. Приключенія подростка. Съ нѣм. М. 903.

Гафштеттеръ.—Поэзія вырожденія. Философскіе и психологическіе мотивы декадентства. Спб. 902.

Грантремъ, Э.—Столѣтіе открытій въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV—XVI в. Съ 70 рис. и картой путешествія. Спб. 903.

Гриммъ, братья.—Избранныя сказки. Перев. А. С. Фридеманъ. Съ иллюстрац. Спб. 903. Ц. 80 к.

Де-Фо, Даніель.—Радости и горести знаменитой Молль Флидерсъ. Написано въ 1683 г. Съ англ. П. Канчаловскій. М. 903. Ц. 1 р.

Джунковская, Е.—Средняя школа новаго типа въ западно-европейскихъ государствахъ. Съ 12 рис. Спб. 902. Ц. 75 к.

Доводчиковъ. К. К.—Развеселое пьяное житье. Тѣлу—вредъ, душѣ—пагуба. Книжка для народнаго чтенія. Съ рис. Романово-Борисогл. 902. Ц. 15 к.

Евреиновъ, П. А.—Стихотворенія. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Зелинскій, В.—Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Ч. 2: 1864—1873. Изд. 2-е. М. 902.

К., Е.—Г. М. Герценштейнъ. Біограф. очеркъ, съ портретомъ. Спб. 902. (Медиц. журн. д-ра Окса, для помощниковъ—врачей).

Кеннингемъ, В.—Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Средніе вѣка и новое время. Съ англ. П. Канчеловскій, п. р. А. А. Мануилова. М. 903. Ц. 1 р. 40 к.

Кнутъ-Гамсунъ.—Драма жизни. М. 903. Ц. 50 к.

Конишинъ, А. Н., перев. съ англ.—Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность, и ремесло. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Коробка, Н.—Очерки литературныхъ настроеній. I. Бальмонтъ. II. Апухтинъ. III. М. Горькій. IV. Мережковскій о Достоевскомъ и Толстомъ. Спб. 903.

Круловъ, А. В.—Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 3-е. М. 903. Ц. 1 р.

Куно Фишеръ.—Исторія новой философіи. Т. VIII: Гегель, его жизнь, сочиненія и ученія. Съ нѣм. Н. О. Лосскій. Съ портретомъ Гегеля. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 с.

Кузнецовъ, В. К.—Кустарные промыслы крестьянъ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи. Петрозаводскъ, 902. Ц. 1 р. 25 к.

Л., А. Ф.—Вѣра. Одна за многихъ. Изъ дневника молодой дѣвушки. Съ нѣм. М. 903. Ц. 50 к.

Лазаревъ, М.—Изъ записокъ фармацевта. Очерки аптечной жизни. Спб. 903. Ц. 75 к.

Лобановъ, Д. И.—Что такое любовь? Опытъ изученія половыхъ отношеній. Спб. 902. Ц. 1 р.

Лугаковскій, В. А.—Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. I. Гоголь. Спб. 903. Ц. 40 к.

Луговой, А.—Швейцаръ. Спб. 903. Ц. 20 к.

——— За грозой—вёдро. Изъ жизни почтоваго тракта. Спб. 903. Ц. 25 к.

Малининъ, А. А.—Vera. Одна за многихъ. Изъ дневника молодой дѣвушки. Перев. съ XIII нѣм. изд. М. 902. Ц. 50 к.

Малининъ. В.—Прогрессивная эволюція сознательнаго начала природы, какъ основа міровоззрѣнія. Н.-Новг. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Мороховецъ, Левъ.—Исторія и соотношенія медицинскихъ знаній. Съ 527 рис. въ текстѣ и хромолитограф. таблицею. М. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Микуловъ, С. Р.—На зарѣ XVII вѣка. Историческій романъ. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц. 1 р.

——— Бѣглецы, пов. Съ 14 рис. Спб. 903. Ц. 75 к.

Наживинъ, Ив.—Предъ разсвѣтомъ. М. 903. Ц. 1 р.

Некрасова, Е.—Жизнь студентки. М. 903. Ц. 40 к.

Никольскій, И. А., горн. инж.—Дорожный вопросъ въ Кіевской губерніи и Россіи. Кіевъ. 902. Ц. 50 к.

Никольскій, Н.—Ближайшія задачи изученія древне-русской письменности, Спб. 902. (Памятники древней письменности и искусства, вып. 247).

Никоновъ, С., и Е. *Якушкинъ*.—Гражданское право по рѣшеніямъ Крестобогородскаго волостного суда. Ярослав. губ. и уѣзда. Яросл. 902.

Онучковъ, Н. Е.—Печорскія былины. Спб. 902.

Л. А.—Изъ исторіи государства Аѳинскаго. Харьк. 903. Ц. 7 к.

Паліенко, Н. И.—Нормативный характеръ права и его отличительные признаки. Къ вопросу о позитивизмѣ въ правѣ. Яросл. 902.

Паркеръ, Э.—Китай, его исторія, политика и торговля. Съ англ. полковникъ Грудовъ. Съ 6 карт. Спб. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Переферковичъ, Н.—Талмудъ.—Авотъ Рабби Наѳана, въ обѣихъ версіяхъ съ прибавленіемъ трактата Авотъ. Критическій переводъ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Петровъ, А. А., шт.-капитанъ.—„Мечты". Елисаветгр. 902. Ц. 20 к.

Пиленко, Ал.—Привилегіи на изобрѣтенія. Практическое руководство, съ приложеніемъ текста закона 20 мая 1896 г., позднѣйшихъ дополненій, формъ дѣловыхъ бумагъ и краткихъ свѣдѣній объ иностранныхъ законахъ. 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 903. Ц. 85 к.

Поповъ, Серг.—Изъ царства праздности. Разсказы. М. 902. Ц. 1 р.

Пыпинъ, Е. В.—Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго: 1. Гоголь и Жуковскій. 2. В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (1815 — 1817). 3. Приложенія. Юрьевъ. 903. Ц. 60 к.

Разгонинъ, Е. И.—Желѣзо и уголь на Уралѣ. Съ политипажами, вѣдомостями и схематической картой. Спб. 903. Ц. 3 р.

Ренанъ, Эрн.—Собраніе сочиненій. Съ франц. перев. п. р. В. Н. Михайлова. Т. VIII: Аверроэсъ и аверроизмъ. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—5 р.

Реформатскій, Н.—Больница св. Николая Чудотворца для душевно-больныхъ, въ С.-Петербургѣ. Спб. 903.

Роденбахъ, Ж.—Выше жизни (Le Carillonneur). Романъ, въ перев. М. Веселовской. Съ вступительной статьей: „Брюгге въ творчествѣ Роденбаха", и съ 10 видами Брюгге (фототипіи работы К. А. Фишера). М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

——— Царство молчанія. Избранныя стихотворенія. Перев. С. Головачевскаго. М. 903. Ц. 1 р.

С., Н. Н.—Разсказы изъ исторіи грековъ. Для школьнаго и семейнаго чтенія. Съ 35 илл. Изд. 2-е. М. 902. Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Г.—„Камо грядеши?" Романъ, въ сокращ. перев. О. Н. Поповой. Съ 12 рис. Спб. 903.

Соболевъ, М. Н.—Экономическое положеніе томскихъ студентовъ. Томскъ. 902. Ц. 30 к.

——— Организація и методы статистики труда. Томскъ. 903. Ц. 50 к.

Соколовъ, П.—Вѣра. Психологическій этюдъ. М. 902. Ц. 60 к.

Степовичъ, А.—Къ столѣтію рожденія славянскаго поэта Франца Ксаверія Прешерна. 1800—1849 г. Кіевъ. 902.

——— XII-ый Археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ. Кіевъ. 902.

Стоюнинъ, В. Я.—Педагогическія сочиненія. Съ портретомъ автора. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 2 р. 75 к.

Стрижовъ, И. Н.—Образованіе коралловыхъ рифовъ и происхожденіе известняковъ. Т. I. Екатеринб. 903.

Сукачевъ, В. П.—Первое столѣтіе Иркутска. Въ память 250-лѣтія Иркутска. Спб. 902. Ц. 2 р.

Тардъ, Г.—Личность и толпа (L'opinion et la foule). Очерки по соціальной психологіи. Съ франц. Е. Предтеченскій. Спб. 903. Ц. 1 р.

Твэнъ, М.—Приключенія Тома. Съ англ. З. Журавская. Съ 94 рис. въ текстѣ. Спб. 902.

Тезяковъ, врачъ, К. И.—Рынки найма сельско-хозяйств. рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 2. Спб. 902.

Толстой, гр. А. К.—Драматическая Трилогія: I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ. III. Царь Борисъ. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Туганъ-Барановскій, М.—Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. Съ приложеніемъ 10 портр. Спб. 903. Ц. 2 р.

Туркинъ, А. Г.—Уральскіе миніатюры. Разсказы и очерки. Екатеринб. 902. Ц. 80 к.

Тэзи, А. Л., перев. съ нѣм.—Вѣра. Одна за многихъ. Изъ дневника дѣвушки. Спб. 903. Ц. 50 к.

Федоровъ, А. М.—Стихотворенія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Фино, Ж.—Философія долговѣчности. Съ 7-го франц. изд. перев. О. Литинскаго. Спб. 903. Ц. 60 к.

Чарская, Л. А.—Проблемы любви. Разсказы о женскомъ сердцѣ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Шапиръ, Ольга.—Другъ дѣтства. Повѣсть. Спб. 903. Ц. 1 р.

Шванебахъ, П. А.—Наше податное дѣло. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Щеловъ, Ив.—Наивные вопросы: Можно ли русскому одѣваться по-русски? Можно ли вѣрить докторамъ? Хорошо ли жить въ Петербургѣ? Нравится ли вамъ Москва? Знакомы ли вы съ Иваномъ Ивановичемъ? Любятъ ли нынѣшнія жены своихъ мужей? Уважаютъ ли у насъ искусство? Уважаютъ ли у насъ книгу? Уважаютъ ли у насъ литератора? Слѣдуетъ ли писателю жениться? Спб. 903. Ц. 1 р.

Эльсбергъ-Каренскій, *А.* О.—„Желѣзный докторъ". Романъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Энгельмейеръ, А.—По русскому и скандинавскому сѣверу. Путевыя воспоминанія. Въ 4-хъ частяхъ. М. 902. Ц. 1 р.

— Ausgewählte Dichtungen des Grossfürsten Konstantin von Russland. Verdeutscht von H. von Zur Mühlen. Berl. 902.

Diers, Marie.—Karl Henning u. sein Haus. Roman. Berl. 902.

— Hundert Jahre der Esthländischen Credit-Casse. 1802—1902. Ревель. 902.

Poretsky, Platon.—Quelques Lois ultérieures de la Théorie des Egalités logiques. Казань. 902.

— Recueil de Récits historiques. I: L'histoire ancienne. Снабдилъ примѣч. и словаремъ Н. Д'Оръ. М. 903. Ц. 75 к.

— Всеобщее образованіе въ Россіи. Собраніе статей Блинова, Богоѣнова, Бунакова, Бычкова, Ольденбурга, Шингарева и А. А. Штевенъ. Вып. 1, п. р. кн. Дм. Шаховского. М. 902. Ц. 1 р.

— Годичное торжественное засѣданіе Юридическаго Общества при Имп. Харьковскомъ Университетѣ. 1902 г. Харьк. 902.

— Городскіе водопроводы въ С.-Петербургѣ. Краткій историческій очеркъ. Спб. 901.

— Изданія В. С. Спиридонова: 1) Страшный дядя, разск. А. В. Круглова. М. 902. Ц. 15 к. 2) Изъ жизни одной дѣвочки, разск. М. Юрьева: М. 902. Ц. 30 к. 3) Около хорошихъ людей, разск. его же. М. 902. Ц. 30 к. 4) Любовь и истина. Изъ стихотвор. А. Круглова. М. 902. Ц. 20 к.

— **Мелкая земская единица.** Сборникъ статей: К. К. Арсеньева, П. Г. Виноградова, І. В. Гессена, Г. Б. Іоллоса, М. М. Ковалевскаго, В. Д. Спасовича и др. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

— **Народный домъ Кіевскаго Общества грамотности въ г. Кіевѣ.** Кіевъ. 902. Ц. 20 к.

— **Образовательная Библіотека.** Серія V, № 2: 1) Проф. А. Л. Погодинъ, Религія Зороастра. 2) Проф. Джаксонъ, Жизнь Зороастра, перев. А. Погодина. Спб. 903. Ц. 60 к.

— **Примѣрные планы школьныхъ зданій на 40—60 и 60—100 учениковъ** (9-ть лист. рисунк.). Составлены соотвѣтственно обязательнымъ правиламъ для постройки школъ съ пособіемъ и ссудою губерн. земства. Изд. 2-е. М. 902. Ц. 75 к.

— **Проблемы идеализма.** Сборникъ статей, п. р. П. Новгородцева. М. 903. Ц. 3 р.

— **Промышленность и Здоровье.** Вѣстникъ профессіональной гигіены, фабричнаго и санитарнаго законодательства. Годъ І. П. р. А. В. Погожева. Спб. 902. Кн. 3-я. Въ годъ 9 книгъ—6 руб.

— **Результаты урожая 1902 года въ крестьянскихъ хозяйствахъ Тверской губерніи.** Тв. 902.

— **Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселянъ внутреннихъ губерній Россіи.** По новому, 1902 года, изданію Положеній о сельскомъ состояніи и пр., съ разъясненіями по рѣшеніямъ Правит. Сената и циркулярамъ Министерствъ. Составилъ *Г. Г. Савичъ*. Спб. 903. Стр. XXI + 997. Ц. 4 р. 50 к.

— **Свято Дѣло. Македонско списание.** Годъ І. Ноемврий. Кн. 2. Редакторъ Ив. Димитровъ. 902.

— **Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ за 1900 годъ.** Составлено въ Статистическомъ Отдѣленіи Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 902.

— **Статистическій Сборникъ С.-Петербургской губерніи** (1901 годъ). Вып. І. Сельское хозяйство и крестьянскіе промыслы въ 1900—901 г. (1899 годъ). Вып. ІІ. Начальное народное образованіе въ 1898—99 учебномъ году. Спб. 902.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Jakob Wassermann. Der Moloch. Стр. 500. Berlin, 1903 (S. Fischer. Verlag).

Яковъ Вассерманъ—молодой нѣмецкій романистъ, составившій себѣ большую извѣстность въ особенности своимъ романомъ „Die Geschichte der jungen Renate Fuchs", въ которомъ вопросъ о свободѣ личности, о борьбѣ противъ тираніи общественныхъ условій и, въ частности, о правахъ женщины на свободу трактуется весьма оригинально; романъ имѣлъ успѣхъ главнымъ образомъ благодаря своимъ художественнымъ достоинствамъ, тонкой психологической разработкѣ характеровъ, поэтичности отдѣльныхъ сценъ, красочности описаній и драматизму въ изображеніи душевныхъ страданій героини. Новый романъ Вассермана, „Молохъ", связанъ съ предъидущимъ одинаково пессимистическимъ отношеніемъ къ современной дѣйствительности; въ „Молохѣ", какъ и въ „Ренатѣ Фуксъ", нравы буржуазной и свѣтской среды описаны въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Въ центрѣ романа стоитъ излюбленный въ нѣмецкой литературѣ типъ „Weltverbesserer"'а,—исправителя мірского зла, человѣка, который считаетъ своей священной миссіей искоренять неправду и несправедливость на землѣ. Такихъ типовъ много въ нѣмецкихъ общественныхъ романахъ; они ведутъ свое начало отъ классическаго маркиза Позы, принимая въ произведеніяхъ каждаго новаго поколѣнія новую окраску, соотвѣтствующую запросамъ и идеаламъ каждой данной эпохи. Герой Вассермана, какъ и восхищавшій когда-то и нѣмецкую, и русскую молодежь герой Шпильгагеновскаго романа „Одинъ въ полѣ не воинъ", вступаетъ въ жизнь съ дерзкимъ желаніемъ исправить всѣ несправедливости и защитить „униженныхъ и оскорбленныхъ". Какъ и Шпильгагеновскій Лео, онъ гибнетъ, ничего не измѣнивъ, но не потому, что „одинъ въ полѣ не воинъ", не потому, что его благородство—исключительное явленіе въ окружающей его средѣ, и что онъ не находитъ товарищей, воодушевленныхъ такими же благородными побужденіями, какъ онъ, а потому, что онъ самъ недостоинъ своей миссіи, что при первомъ соприкосновеніи съ жизнью онъ оказывается неспособнымъ на активный подвигъ воли. Въ этомъ—различіе между пониманіемъ одного и того же идейнаго типа двумя смѣняющимися поколѣніями. Прежде думали, что виновата среда, т.-е., что сила царящаго въ мірѣ зла парализуетъ одинокихъ идеальныхъ мечтателей;—теперь тоже продолжаютъ винить общее безразличіе къ добру и правдѣ, но не

выключаютъ мечтателей изъ общей психологіи, и показываютъ, что и они способны только на безплодныя терзанія и другихъ, и себя. Въ такомъ именно видѣ выставляетъ Вассерманъ своего героя, Арнольда Анзорге. Его стремленіе „водворить справедливость на землѣ“ вытекаетъ не изъ знанія людей и жизни, не изъ стремленія преподать новую истину, которая открыла бы имъ глаза на суету и мракъ ихъ существованія,—а просто изъ неопытности. Онъ не вѣритъ, что дѣйствительно люди равнодушны ко всему, что̀ не касается непосредственно ихъ собственныхъ интересовъ, и думаетъ, что стоитъ только разсказать про совершившееся зло, чтобы всѣ соединились въ общемъ стремленіи защитить пострадавшихъ. При ближайшемъ столкновеніи съ жизнью онъ убѣждается въ противоположномъ—и его душевный подъемъ сразу падаетъ. Идея романа заключается такимъ образомъ въ развѣнчиваніи обычнаго типа идеалистовъ, сильныхъ только своимъ незнаніемъ жизни и сходящихъ на нѣтъ при ближайшемъ знакомствѣ съ нею. Они становятся еще большими пессимистами, чѣмъ скептики, по своему мирящіеся съ жизнью, неистовствуютъ въ своемъ безплодномъ отчаяніи,—и если они честны относительно самихъ себя, то ищутъ единственнаго исхода въ самоубійствѣ. Не таковы должны быть истинные учителя жизни. Они должны приступить къ своей миссіи съ открытыми глазами, понимать дѣйствительность и найти въ себѣ нравственную силу для борьбы, для дѣятельной проповѣди добра.

Жизнь Арнольда Анзорге, героя „Молоха“, распадается на двѣ рѣзко разграниченныя половины: пока онъ ростетъ и душевно зрѣетъ въ деревнѣ, онъ твердо вѣритъ, что всякое зло основано только на недоразумѣніи, на ослѣпленіи людей, слишкомъ привыкшихъ къ нему, чтобы его видѣть. Онъ думаетъ, что стоитъ только раскрыть правду, чтобы она восторжествовала. Но когда онъ попадаетъ въ городъ именно съ этой цѣлью, онъ самъ попадаетъ въ пасть „Молоха“, т.-е. погибаетъ среди лжи, лицемѣрія и эгоизма культурной городской жизни. Въ этой идеализаціи деревни и ненависти къ городу чувствуется вліяніе Толстого на молодого нѣмецкаго романиста; вліяніе это сказывается и въ широко эпическомъ тонѣ первой половины, въ изображеніи благотворнаго вліянія жизни среди природы на пробуждающуюся душу, въ накопленіи подробностей, не столько характеризующихъ внѣшнюю жизнь выводимыхъ въ романѣ людей, какъ освѣщающихъ ихъ психологію.

Арнольдъ Анзорге выростаетъ въ своеобразной обстановкѣ. Отецъ его погибъ въ желѣзнодорожной катастрофѣ, и онъ самъ вмѣстѣ съ матерью уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ. Мать его, потрясенная горемъ, возненавидѣла культурную городскую жизнь съ ея безчисленными

опасностями и поселилась съ ребенкомъ въ своемъ тихомъ помѣстьѣ, въ полномъ уединеніи, воспитывая сына для постоянной жизни въ деревнѣ; она хочетъ, чтобы онъ сдѣлался сельскимъ хозяиномъ, управлялъ ихъ обширнымъ помѣстьемъ, и надѣется, что такимъ образомъ онъ сохранитъ здоровье духа и тѣла. Арнольдъ выростаетъ здоровымъ и сильнымъ юношей съ простыми желаніями и радостями, не знаетъ никакихъ сердечныхъ и душевныхъ осложненій, инстинктивно чуждается всякой неправды и не понимаетъ сложной психологіи въ другихъ. Когда ему въ первый разъ понравилась дѣвушка, служанка его матери, онъ просто и властно говоритъ ей о своемъ чувствѣ и добивается ея взаимности. Потомъ увлеченіе проходитъ, и онъ, не задумываясь, разрываетъ эту связь, такъ какъ всякая ложь въ отношеніяхъ органически чужда ему. Онъ любитъ сельскій трудъ, любитъ прогулки по лѣсу и полямъ и проводитъ долгіе часы въ одиночествѣ, лежа на травѣ, глядя на игру облаковъ и ощущая во всемъ своемъ существѣ безпредѣльную радость жизни, полноту силъ. Его мать счастлива—ей кажется что ея идеалъ осуществится, что сынъ проживетъ всю жизнь въ мирномъ общеніи съ природой, среди полезнаго и здороваго труда. Но мечтамъ ея не суждено осуществиться. Полнота силъ Арнольда требуетъ исхода, и окружающая жизнь вскорѣ пробуждаетъ его къ активной дѣятельности. Какъ ни уединенно живутъ мать съ сыномъ въ своемъ уютномъ домѣ, у нихъ есть сосѣди, и они входятъ также въ жизнь и интересы населенія ближайшей деревни. Арнольдъ начинаетъ знакомиться съ многими смущающими его явленіями. Нѣкоторыя изъ нихъ ему просто непонятны и скучны. Такъ у него завязываются дружескія отношенія съ школьнымъ учителемъ Шпехтомъ, который дѣлаетъ его повѣреннымъ своихъ сердечныхъ страданій. Онъ влюбленъ въ поселившуюся по близости красивую дѣвушку, Беату, сироту, принятую на воспитаніе оригиналомъ докторомъ Ганска и его сестрой. Беату считаютъ скромной, идеальной дѣвушкой, а на самомъ дѣлѣ она хитрая кокетка съ необузданными, чувственными инстинктами. Она кружитъ голову Шпехту, становится его возлюбленной, а потомъ обманываетъ его съ полюбившимся ей деревенскимъ рабочимъ, причемъ ни докторъ, ни его сестра не подозрѣваютъ ничего о ея приключеніяхъ. Арнольдъ, вмѣстѣ съ Шпехтомъ, наблюдаетъ за Беатой во время танцевъ на ярмаркѣ, и ему совершенно ясно, какова эта дѣвушка; онъ не понимаетъ, какъ Шпехтъ продолжаетъ любить ее, зная объ ея измѣнѣ, видя ея ложь, и всѣ психологическія разглагольствованія Шпехта ему просто скучны. Ему странно, что можно вообще придавать такъ много значенія любви, и онъ спасается отъ изліяній учителя, уходя въ лѣсъ, радуясь красотѣ и тишинѣ природы. Никакого состраданія къ любовнымъ мукамъ своего

пріятеля онъ не чувствуетъ, такъ какъ для него обманъ означаетъ смерть привязанности.

Исторія Беаты и Шпехта не нарушаетъ душевнаго покоя Арнольда, но вскорѣ случается болѣе крупное событіе, которое сразу захватываетъ его и мѣняетъ всю его жизнь. Онъ узнаетъ, что у знакомаго бѣднаго еврея Эласера, коробейника, украли дочь и спрятали въ монастырь, чтобы постричь въ монахини. Онъ знаетъ, что это сдѣлано противъ воли дѣвочки, что обезумѣвшіе отъ горя родители имѣютъ полное право требовать возвращенія дочери. Онъ сначала даже спокойно относится къ происшествію, волнующему всю деревню, потому что увѣренъ, что послѣ перваго требованія настоятельница вернетъ дѣвочку. Его только возмущаетъ пассивность отца, который сразу отчаявается въ спасеніи дочери. Арнольдъ его всячески ободряетъ и руководитъ его дѣйствіями, заставляетъ его обратиться къ властямъ за помощью въ поискахъ. Но дѣло осложняется—дѣвочка безслѣдно исчезла, ее перевозятъ изъ монастыря въ монастырь, стараясь протянуть время, такъ какъ ей вскорѣ должно исполниться четырнадцать лѣтъ, и тогда прекращаются права родителей на нее. Всѣ власти оффиціально на сторонѣ Эласера, но ничто не дѣлается, чтобы дѣйствительно вернуть ему дочь. Дѣло получаетъ широкую огласку, населеніе волнуется, образуются двѣ враждебныя партіи; большинство настроено противъ отца дѣвочки, и къ Арнольду, открыто и дѣятельно помогающему ему, относятся тоже враждебно. Происходятъ столкновенія, которыя усиливаютъ злобу Арнольда противъ людей и укрѣпляютъ въ немъ пламенное стремленіе бороться за справедливость. Дѣло Эласера становится центромъ его жизни, и онъ проявляетъ больше энергіи въ немъ, чѣмъ малодушный и привыкшій къ постояннымъ униженіямъ коробейникъ, который заранѣе увѣренъ, что ему не захотятъ вернуть дочь. По настоянію Арнольда онъ доводитъ дѣло до высшей инстанціи, добивается аудіенціи у императора (дѣло происходитъ въ Австріи), который обѣщаетъ ему свою помощь. Когда Арнольдъ узнаетъ о томъ, что Эласеръ былъ ласково принятъ императоромъ, онъ успокоивается, увѣренный, что справедливость восторжествуетъ и дочь будетъ возвращена родителямъ. Его возмущаетъ отношеніе окружающихъ къ дѣлу о пропажѣ дѣвушки, непонятное для него равнодушіе однихъ и пустыя фразы другихъ, какъ напр. Шпехта, который пользуется сенсаціоннымъ происшествіемъ для личныхъ цѣлей, пишетъ эффектныя статьи въ газетахъ по этому поводу и устроиваетъ такимъ образомъ свою журнальную карьеру, получаетъ приглашеніе въ большую столичную газету и переѣзжаетъ въ Вѣну. Для Арнольда всѣ личные интересы исчезаютъ передъ важностью волнующаго его дѣла: его мать больна, пріѣзжаетъ

изъ Вѣны ея братъ, адвокатъ Боромео, въ домѣ воцаряется тяжелая атмосфера надвигающагося несчастія, но Арнольдъ какъ будто ничего не замѣчаетъ, поглощенный мыслью объ Эласерѣ. Волненіе Арнольда достигаетъ высшаго предѣла, когда онъ узнаетъ, что, несмотря на обѣщанія императора, дѣло Эласера ничуть не подвинулось, такъ какъ, по заявленію судебныхъ властей, въ монастырскія стѣны нѣтъ доступа. Арнольдъ никакъ не можетъ примириться съ безнадежностью дѣла Эласера. Для него все зло жизни, вся человѣческая несправедливость воплотилась въ насиліи надъ ребенкомъ и его беззащитными родителями. Во время долгихъ одинокихъ блужданій по лѣсу Арнольдъ выясняетъ себѣ свой долгъ. Ему становится яснымъ, что онъ неправъ въ своей злобѣ на людей: они только слѣпы — нужно открыть имъ глаза, научить ихъ правдѣ, показать, что жизнь сильна только справедливостью, добиться ея торжества хотя бы въ одномъ дѣлѣ, и тогда все измѣнится, люди перестанутъ обманывать другъ друга и творить насиліе. Въ немъ пробуждаются, какъ ему кажется, безпредѣльныя силы, все его существо охвачено свѣтлой радостью. Ему кажется, что все вокругъ кричитъ ему: „спѣши“! Когда по пути домой онъ проходитъ черезъ деревню, видъ людей, которые прежде раздражали его своей тупостью и равнодушіемъ къ правдѣ, теперь, напротивъ того, усиливаетъ его радость. Нужно спѣшить сдѣлать ихъ всѣхъ зрячими. Дома онъ застаетъ катастрофу. Мать его умерла. Во все время долгой болѣзни она видѣла, что происходитъ въ душѣ сына, и одобряла его поведеніе, поддерживала его въ борьбѣ за Эласера. Ей было только тяжело видѣть его душевное страданіе, тяжело было также сознавать, что она доставляетъ ему горе своей болѣзнью, и что не можетъ отвратить отъ него печаль, которую причинитъ ему ея смерть. Но это страданіе какъ-то странно минуетъ его. Онъ преисполненъ высокой радости, сознавъ свой долгъ, понявъ, что нужно спѣшить выполнить его, и смотритъ съ улыбкой на мертвое лицо горячо любимой матери, читая въ немъ то же велѣніе, которое слышится ему во всемъ окружающемъ, то же слово „спѣши“, только сказанное болѣе таинственно, болѣе властно. Старая служанка и всѣ домашніе не понимаютъ, что случилось съ Арнольдомъ; радость на его лицѣ у постели умершей имъ кажется признакомъ безумія. Его понимаетъ только пріѣхавшій къ умирающей сестрѣ дядя Арнольда, Боромео: Арнольдъ открываетъ ему свои мысли и планы. Онъ спрашиваетъ у дяди, ставшаго послѣ смерти матери его опекуномъ, о суммѣ своего наслѣдства, узнаетъ, что ему осталось очень крупное состояніе, и заявляетъ, что намѣренъ употребить всѣ свои деньги и всѣ свои силы на исполненіе своей миссіи. Онъ хочетъ поѣхать въ Вѣну и добиться, чтобы Эласеру вернули его дочь. Боромео соглашается и приглашаетъ его жить въ Вѣнѣ у него въ домѣ. Послѣ похоронъ они оба уѣзжаютъ.

Въ Вѣнѣ для Арнольда начинается новая жизнь. Онъ попадаетъ въ пасть Молоха, и по мѣрѣ того, какъ онъ свыкается съ окружающей жизнью, падаютъ его силы, и блѣднѣетъ его радость. Онъ пріѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ посвятить себя всецѣло дѣлу Эласера, но его ошеломляетъ странный и шумный міръ, въ который онъ попадаетъ. Жена Боромео—молодая, очень красивая свѣтская женщина, ведущая шумную свѣтскую жизнь, и Арнольдъ въ первый же вечеръ по пріѣздѣ попадаетъ въ пеструю, легкомысленную и нарядную толпу гостей, которые смотрятъ на него какъ на страннаго, дикаго звѣря. Аннѣ Боромео кажется особенно интереснымъ ввести своего племянника въ изящное свѣтское общество, и она всячески покровительствуетъ чудаку, къ которому всѣ относятся съ любопытствомъ и съ какимъ-то имъ самимъ непонятнымъ уваженіемъ. Арнольдъ даже не понимаетъ, о чемъ говорятъ эти люди; они кажутся ему какими-то призраками изъ непонятнаго сна. Онъ упорно молчитъ въ отвѣтъ на ихъ вопросы и еще болѣе увеличиваетъ впечатлѣніе чудачества, которое произвело его появленіе на вечерѣ въ неуклюжемъ деревенскомъ платьѣ. Но онъ и не думаетъ о нихъ, уйдя изъ гостиной, весь отдавшись мыслямъ о своемъ дѣлѣ. Пройдясь по улицамъ, онъ возвращается къ себѣ въ комнату, ошеломленный городскимъ шумомъ, и задумывается о томъ, что ему предстоитъ дѣлать. Къ нему въ комнату входитъ дядя, и то, что онъ говоритъ племяннику — первая капля яда, отравляющаго Арнольда. Боромео объясняетъ Арнольду, что напрасно онъ сосредоточилъ всѣ свои мысли на дѣлѣ Эласера, что есть много другого зла на свѣтѣ, что вся жизнь соткана изъ несправедливости, указываетъ ему на безъисходныя страданія рабочихъ массъ, на нищету и горе въ низшихъ классахъ столичнаго населенія, на всяческія притѣсненія, которымъ подвергаются слабые въ общественной жизни, и т. д. Онъ говоритъ, что нужно подготовиться къ борьбѣ противъ всей этой суммы несправедливостей, что Арнольду нужны знанія, почерпнутыя изъ книгъ и знакомства съ жизнью, совѣтуетъ ему не чуждаться людей, окружающихъ его въ новой свѣтской обстановкѣ, а напротивъ того, войти въ ихъ интересы, принять ихъ привычки и обычаи, усердно занимаясь въ то же время науками, и такимъ образомъ подготовиться къ роли „исправителя мірского зла“. Къ своему несчастію, Арнольдъ проникается истиной словъ дяди,—и въ этомъ его погибель. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ же заняться дѣломъ Эласера, онъ начинаетъ примѣняться къ новой обстановкѣ, и понемногу такъ захваченъ всѣмъ, что видитъ, такъ пораженъ примѣрами лжи и несправедливости вокругъ себя, такъ полонъ желанія спасти всѣхъ отъ нравственной гибели, что главная причина его пріѣзда въ городъ постепенно и незамѣтно отходитъ на задній

планъ. Онъ по прежнему волнуется дѣломъ Эласера, получившимъ широкую огласку въ столицѣ, и каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о немъ въ обществѣ, онъ убѣжденно отстаиваетъ интересы пострадавшихъ и склоняетъ на свою сторону людей, державшихся до того иного мнѣнія,—но самъ онъ ничего не предпринимаетъ, занятый подготовкой къ своей будущей дѣятельности. Отъ времени до времени онъ мучительно вспоминаетъ о несчастномъ старикѣ; пріѣхавъ на время къ себѣ на родину, онъ заходитъ къ Эласеру съ мучительной тоской, чувствуя себя безконечно виноватымъ, такъ какъ онъ упустилъ всѣ сроки, и дѣвушка, которой давно минуло 14 лѣтъ, окончательно потеряна для родителей, и къ тому же очень несчастна, судя по письмамъ, которыя ей удалось послать роднымъ изъ монастыря. Но, придя къ Эласеру, Арнольдъ застаетъ его и его жену въ ожесточенномъ спорѣ съ какимъ-то крестьяниномъ, который не хочетъ заплатить требуемой суммы за полотно. Арнольдъ уходитъ съ тяжелымъ чувствомъ: онъ наглядно видитъ, что не только справедливость не восторжествовала, но что отсутствіе ея ничего не измѣнило въ ходѣ жизни, что забитый разносчикъ примирился съ своей судьбой и попрежнему унижается и борется изо всѣхъ силъ, чтобы поддержать свое жалкое существованіе. Арнольдъ чувствуетъ главнымъ образомъ свою вину—онъ не внялъ голосу, кричавшему ему „спѣши“, и миссія его осталась неисполненною. Безплодны поэтому и всѣ его усилія внести свѣтъ въ жизнь окружающихъ его людей. Сначала онъ сознаетъ одну только обязанность: говорить всѣмъ правду и заставлять ихъ тѣмъ самымъ мѣнять свою жизнь. Но онъ дважды убѣждается въ невозможности дать счастіе людямъ этимъ путемъ. Бывая на пышныхъ пріемахъ у одной изъ своихъ знакомыхъ, самой легкомысленной и самой веселой изъ подругъ его тетки, онъ узнаетъ, что роскошь, царящая въ ея домѣ, дутая, что она и ея мужъ давно разорены и стараются только обмануть и другихъ, и себя внѣшнимъ блескомъ. Тогда онъ идетъ къ безразсудной молодой женщинѣ и объясняетъ ей, что онъ знаетъ правду, и что она должна измѣнить жизнь, отказаться отъ обмана. Она съ изумленіемъ и испугомъ глядитъ на неожиданнаго и непрошеннаго совѣтчика, ей нравится его непривычная въ свѣтскомъ кругу откровенность, она согласна сдѣлать Арнольда своимъ другомъ—но своей жизни она не мѣняетъ, такъ какъ ей дорога только минута наслажденія, и она не думаетъ о завтрашнемъ днѣ. Проповѣдь Арнольда на этотъ разъ только безплодна, но въ другомъ случаѣ она оказывается пагубной, разстроивающей жизнь двухъ людей. Арнольдъ узнаетъ, что его бывшій деревенскій сосѣдъ, докторъ Ганска, женился на Беатѣ, ничего не подозрѣвая о ея прошломъ. Для Арнольда ясно, что Беата обманываетъ мужа, и

онъ еще болѣе убѣждается въ этомъ, увидавъ нечаянно Беату съ Шпехтомъ, ѣдущими въ каретѣ со спущенными занавѣсками. Когда Ганска приглашаетъ Арнольда къ себѣ къ обѣду, Арнольдъ идетъ къ нему, хотя ему собственно не хочется бывать въ его домѣ, и, оставшись съ нимъ наединѣ, просто и твердо открываетъ ему правду. Ганска хотя и благодаритъ его, но едва ли дѣйствительно признателенъ за эту откровенность. Но дѣло сдѣлано; Ганска расходится съ женой, она окончательно падаетъ, онъ же одинокъ и несчастенъ на всю жизнь. Арнольдъ начинаетъ сомнѣваться въ спасительности правды, и все болѣе и болѣе теряетъ почву подъ ногами. Онъ много работаетъ, изучаетъ юриспруденцію, думая, что знаніе законовъ поможетъ ему бороться съ несправедливостью, тратитъ свое огромное состояніе на помощь людямъ, которыхъ считаетъ способными къ плодотворной дѣятельности, но самъ, въ сущности, никакого настоящаго дѣла не въ состояніи исполнить. Кромѣ того, онъ заражается любовью къ роскоши; его изощренный художественный вкусъ побуждаетъ его заботиться о красотѣ во внѣшней жизни,—онъ устраиваетъ себѣ великолѣпную обстановку, тратитъ огромныя суммы на пріобрѣтеніе статуй, картинъ и устраиваетъ роскошные пріемы. Миссія его все болѣе отступаетъ на задній планъ, хотя онъ самъ этого не сознаетъ и все еще вѣритъ въ свои силы, все еще презираетъ малодушіе другихъ, думая, что стремленіемъ къ правдѣ внесетъ счастье въ жизнь людей. Пробнымъ камнемъ служитъ для него его первая настоящая любовь. Онъ влюбляется въ странную русскую дѣвушку, студентку медицины, гордую и независимую, и отдается этой любви со всей необузданностью своей натуры. Верена—такъ зовутъ дѣвушку—тоже его любитъ, но она не думаетъ, что весь смыслъ жизни можетъ сосредоточиться въ любви. Она испытала много тяжелаго въ прошломъ и ищетъ спасенія въ трудѣ, готовится къ дѣятельной жизни на пользу людямъ. Пылкость чувствъ Аркольда пугаетъ ее; она чувствуетъ его безпочвенность, чувствуетъ, что вліяніе его можетъ стать пагубнымъ для нея, сломить ея душевныя силы, такъ какъ онъ совершенно не понимаетъ ея стремленій и хочетъ только подчинить ее своей властной страсти. Она ему отдается почти противъ воли, такъ какъ ей дороже была дружба съ нимъ, чѣмъ оскорбляющая ее физическая страсть Арнольда. Когда же онъ становится все болѣе и болѣе властнымъ и необузданнымъ въ проявленіи своихъ правъ на нее, въ ней возстаетъ самобытная, не подчиняющаяся чужой волѣ натура; она уходитъ отъ него, безслѣдно исчезаетъ изъ Вѣны, объяснивъ ему въ письмѣ, что вліяніе его было пагубно, что онъ парализуетъ ея душевныя силы. Для Арнольда исчезновеніе любимой дѣвушки—полная катастрофа. Онъ вдругъ понялъ свою собственную

расшатанность, свою неспособность дать счастье людямъ: даже дѣвушка, которую онъ любилъ всей душой, должна была искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ теряетъ вѣру въ себя, ищетъ не дѣла, а развлеченій, сливается съ жизнью свѣтскаго общества—и уже боится говорить правду. Когда ему кажется, что его тетка измѣняетъ мужу, онъ не открываетъ ему истины. Напротивъ того, онъ самъ настолько заражается окружающей его ложью и распущенностью, что поддается соблазнамъ, которые въ прежнее время не могли бы коснуться его. Его увлекаетъ Анна Боромео, и онъ ничего не дѣлаетъ, чтобы бороться противъ охватившей его страсти. Это—послѣдняя катастрофа. Боромео узнаетъ о связи жены съ Арнольдомъ, застаетъ ихъ вмѣстѣ, неожиданно вернувшись домой, и это наноситъ послѣдній ударъ его расшатаннымъ еще до того нервамъ. Анна уговариваетъ его уѣхать въ деревню, не скрывая своей любви къ Арнольду. Боромео на все согласенъ; онъ поселяется въ домѣ Арнольда въ деревнѣ, но положеніе его ухудшается, и его увозятъ въ больницу для душевно-больныхъ. Страсть Арнольда къ Аннѣ сразу охладѣваетъ, когда онъ видитъ свершенное имъ зло. Убѣдившись окончательно въ томъ, что подвигъ его обратился противъ него же, онъ рѣшается навсегда вернуться въ деревню. Пріѣхавъ домой, узнавъ, что за нѣсколько часовъ до его пріѣзда врачи увезли Боромео, онъ впадаетъ въ полное отчаяніе и бродитъ цѣлые дни по лѣсамъ, обдумывая все случившееся. Онъ издали видитъ Эласера, напоминающаго ему его главный грѣхъ, думаетъ о загубленныхъ имъ людяхъ, о русской дѣвушкѣ, о несчастномъ Ганска, о сошедшемъ съ ума Боромео и рѣшаетъ искупить свою вину безпощаднымъ судомъ надъ собою. Эта мысль опять на время наполняетъ его радостью; онъ твердо готовится къ смерти, пишетъ завѣщаніе, въ которомъ передаетъ все свое состояніе единственному энергичному человѣку, котораго онъ зналъ въ жизни—молодому человѣку, котораго Верена рекомендовала ему въ качествѣ учителя,—покупаетъ револьверъ, отправляется въ лѣсъ и спокойно застрѣливается.

Такъ заканчивается подвигъ Weltverbesserer'a, котораго поглотила пасть Молоха—городская жизнь, построенная на лжи и на лихорадочной погонѣ за минутными наслажденіями. Идея романа очень ясно выражена; образъ Арнольда драматиченъ, хотя его психологія нѣсколько дѣланная, и въ его жаждѣ „исправить зло міра“ есть много романтичнаго. Омутъ городской жизни описанъ яркими красками, фигуры отдѣльныхъ лицъ очень живы, и въ общемъ романъ читается съ большимъ интересомъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1908.

Чествованіе памяти Некрасова.—Своеобразный взглядъ на свободу печати.—Замѣчательныя слова, сохраняющія свое значеніе по прошествіи почти полувѣка.—Преемственность идеализма въ русскихъ университетахъ.—Столѣтіе юрьевскаго (дерптскаго) университета.—Школьный вопросъ въ разныхъ концахъ Россіи.—По поводу проекта Городового Положенія для г. Петербурга.

Въ концѣ минувшаго мѣсяца исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени смерти Некрасова. Громадное число экземпляровъ, въ которомъ продолжаютъ расходиться его сочиненія, литературныя собранія въ его память, посѣщаемыя многочисленною публикою, сочувственныя статьи въ газетахъ и журналахъ, торжественное чествованіе юбилейнаго дня въ Ярославлѣ, на родинѣ писателя—все это ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что Некрасовъ не забытъ, что онъ по прежнему—или еще больше прежняго—дорогъ и близокъ русскому обществу. Его слава побѣдоносно выдержала пробу времени. Сошли или сходятъ со сцены поколѣнія, для которыхъ и среди которыхъ онъ писалъ; появились новыя, выросшія при другихъ условіяхъ; значительно расширился кругъ читающей публики, измѣнился во многомъ складъ общественной мысли—а звѣзда Некрасова не только не закатилась, но поднимается все выше и выше. Его права на выдающееся мѣсто среди русскихъ поэтовъ оспариваются теперь меньше, чѣмъ при его жизни, меньше, чѣмъ въ первые годы послѣ его смерти. Умолкла партійная и личная вражда, мѣшавшая справедливой его оцѣнкѣ; исчезло изъ памяти все то, что было въ его поэзіи легковѣснаго, случайнаго, вызваннаго мимолетною „злобою дня“; осталось только отмѣченное печатью великаго, своеобразнаго таланта. И это наслѣдство не только высоко по своему внутреннему достоинству: оно далеко не бѣдно и по объему, далеко не однообразно по содержанію. Къ лучшимъ произведеніямъ Некрасова принадлежатъ не только тѣ, гдѣ онъ является пѣвцомъ народнаго горя, народныхъ мукъ; неувядаемою красотою блещетъ многое, внушенное ему любовью къ матери, къ его подругѣ въ трудныя минуты жизни („Я посѣтилъ твое кладбище“), къ русской природѣ, къ русскимъ дѣтямъ, къ „доброй крестьянской душѣ“. Источникомъ истиннаго вдохновенія часто служила для него и его личная жизнь: его порывы, сдержанные „привычкой и средой“, его ошибки, оплаканныя кровавыми слезами, невознаградимыя потери,

понесенныя имъ на долгомъ и тернистомъ жизненномъ пути. Непревзойденной остается до сихъ поръ поэтическая характеристика Бѣлинскаго, данная Некрасовымъ въ „Медвѣжьей охотѣ“ и въ стихотвореніи: „Памяти пріятеля“. Ювеналовской силой дышитъ монологъ Пальцова о русскомъ общественномъ мнѣніи („Медвѣжья охота“)...

„Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной, мой угрюмый, неуклюжій стихъ“!

Это восклицаніе Некрасова, радостно подхваченное его врагами, повторялось безчисленное множество разъ, какъ собственное сознаніе, развѣнчивающее поэта въ глазахъ современниковъ и потомства. Отсутствіе свободы объяснялось тенденціозностью, заключившею Некрасова въ „спеціальный чуланчикъ узкой литературной котеріи“; „неуклюжесть“ стиха приписывалась „холодной работѣ, калѣчащей естественное теченіе рѣчи“. Теперь едва ли остается какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что тенденція, исходившая изъ глубокой идеи, проникнутая искреннимъ чувствомъ, была для Некрасова источникомъ не слабости, а силы. Въ его лучшихъ стихотвореніяхъ нѣтъ ничего „неуклюжаго“; художественная прелесть формы соотвѣтствуетъ въ нихъ законченности содержанія. Сколько отдѣльныхъ стиховъ Некрасова, сколько небольшихъ его пьесъ врѣзалось въ память, сдѣлалось общимъ достояніемъ, наравнѣ съ „крылатыми словами“, съ жемчужинами русской и всемірной поэзіи! Съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ онъ владѣетъ своимъ излюбленнымъ размѣромъ („Рыцарь на часъ“, „Морозъ красный носъ“); какъ важенъ и звученъ его пятистопный ямбъ („Умру я скоро“; „Замолкни, муза мести и печали“), какъ близко онъ подходитъ иногда къ складу народной рѣчи (въ „Дядюшкѣ Яковѣ“, въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“)! Съ этой стороны Некрасова изучали, быть можетъ, еще слишкомъ мало—а между тѣмъ, и она представляетъ чрезвычайно много интереснаго.

Если русская жизнь во многомъ быстро идетъ впередъ, если съ каждымъ годомъ расширяется, напримѣръ, кругъ читателей, способныхъ понимать и цѣнить Некрасова, то немало найдется вокругъ насъ и неподвижныхъ точекъ, сохранившихъ всѣ черты довольно уже отдаленнаго прошлаго. Отсюда живучесть даже такихъ стихотвореній Некрасова, которыя написаны „на случай“ и, повидимому, давно должны были бы потерять свое значеніе. И теперь можно повторить сказанное поэтомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ: „на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ—люди придумали много иныхъ“ („Свобода“). И теперь чувствуется что-то современное въ „Пѣсняхъ о свободномъ словѣ“, написанныхъ въ 1865-мъ году. Далеко не вполнѣ оправдалась надежда, выраженная наборщиками (въ стихотвореніи этого имени): „негаданно“ пришедшая свобода слова пришла не для всѣхъ и отчасти столь же

негаданно ушла. „Восторженныхъ“ и „веселыхъ“ рѣчей о просторѣ, предоставленномъ печати, теперь раздается мало; угадавшимъ будущее оказался тотъ „третій“, который, въ противоположность увлекающимся двумъ, „посмотрѣлъ лукаво и головою покачалъ“ („Литераторы“). Никто не скажетъ теперь, что „юное чадо прогресса“ („свободная пресса“) рвется, брыкается, бьетъ, какъ забѣжавшій изъ степи конь, незнакомый съ уздой“; — но сужденія и вожделѣнія въ родѣ высказываемыхъ „публикой“ (въ стихотвореніи этого имени) повторяются иногда и понынѣ. Точно вчера, наконецъ, написаны послѣднія двѣ „пѣсни о свободномъ словѣ“ („Осторожность“ и „Пропала книга“)...

Какъ ни знакомы намъ обычные пріемы реакціонныхъ газетъ, давно уже достигшихъ крайней степени безцеремонности въ обращеніи съ идеями и фактами, мы все-таки не могли прочесть безъ удивленія— не говоря уже о другихъ чувствахъ,—статью, посвященную „Московскими Вѣдомостями“ (№ 345) предстоящему двухсотлѣтію русской печати. Начинаясь съ догадокъ о томъ, чѣмъ былъ бы и что сдѣлалъ бы Петръ Великій, еслибы жилъ нѣсколькими десятилѣтіями позже (и— прибавимъ отъ себя—смотрѣлъ на событія глазами „Московскихъ Вѣдомостей“), повторяя, затѣмъ, давно избитый панегирикъ Каткову, клевеща, мимоходомъ, на западно-европейскую печать („всюду свободную и всюду позорно-продажную“), статья заканчивается словами: „печать не есть ни абсолютное благо, ни абсолютное зло; она станетъ тѣмъ или другимъ, *смотря по тому, въ чьихъ рукахъ ее оставитъ правительство*“. Итакъ, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, недостаточно тѣхъ ограниченій, которымъ подлежитъ наша печать: нужна генеральная переборка ея органовъ, генеральная повѣрка ихъ направленій, результатомъ которой должно быть сохраненіе одной лишь небольшой группы изданій и полное, безвозвратное исчезновеніе всѣхъ остальныхъ! Понятно, что означала бы для московской газеты—и для нѣсколькихъ другихъ періодическихъ изданій—гекатомба, рекомендуемая ею съ такимъ легкимъ сердцемъ... Кто вѣритъ въ правоту своего дѣла, тому дорога возможность открытой и прямой борьбы, борьбы равнымъ оружіемъ и при одинаковыхъ условіяхъ; онъ не можетъ домогаться искусственнаго устраненія противниковъ, не можетъ желать дешевой, безславной побѣды надъ связаннымъ или вовсе не существующимъ врагомъ.

Забудемъ, однако, отъ кого идетъ беззастѣнчивое предложеніе, и присмотримся поближе къ его мотивировкѣ. „Важно не то“—говорятъ намъ,—„чтобы въ благоустроенномъ государствѣ существовала одинаковая свобода печати какъ для честнаго человѣка, такъ и для мошен-

ника, а *важно то, чтобы честный человѣкъ могъ свободно выражать свои мнѣнія въ печати*". Съ подчеркнутыми нами словами можно было бы согласиться, еслибы понятіе о честности и честномъ человѣкѣ не возбуждало никакихъ разногласій и не подавало повода къ недоразумѣніямъ, вольнымъ и невольнымъ. Для насъ честность—въ примѣненіи къ мнѣніямъ, выражаемымъ въ печати,—равносильна убѣжденности, отсутствію низменныхъ побужденій; для нашихъ противниковъ, это—синонимъ писанія по излюбленному ими шаблону. Мы называемъ честнымъ писателя, служащаго не своимъ личнымъ интересамъ, а тому, что онъ считаетъ истиной; по терминологіи нашихъ противниковъ, честенъ тотъ, кто дѣйствуетъ заодно съ ними. Съ нашей точки зрѣнія мошенничество въ области печати, какъ и во всякой другой, предполагаетъ сознательный и намѣренный обманъ, съ корыстною цѣлью; съ точки зрѣнія, которую Катковъ завѣщалъ своимъ эпигонамъ, „мошенниками печати" (они же—„разбойники пера") являются всѣ „несогласно мыслящіе", осмѣливающіеся думать вслухъ на страницахъ газеты или журнала...

„Свобода"—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости"—„придаетъ печати исполинскую силу, а потому для государства не можетъ быть безразлично, принадлежитъ ли эта сила людямъ, желающимъ сохраненія и укрѣпленія государства, или людямъ, желающимъ его разрушенія". Здѣсь упущена изъ виду сущая бездѣлица: возможность различныхъ взглядовъ на сохраненіе и укрѣпленіе государства. Чтобы достигнуть цѣли, чтобы добиться монополіи для себя и для своихъ союзниковъ, московской газетѣ нужно провести мысль, что въ печати возможны только два лагеря—охранителей и разрушителей *государства*. Игнорируются всѣ другіе оттѣнки, всѣ *преобразовательныя* стремленія, безконечно разнообразныя и по характеру, и по степени интенсивности. Забывается тотъ безспорный фактъ, что *охраненіе*—не только охраненіе *государства*, но и охраненіе существующаго порядка—можетъ быть понимаемо весьма различно: сходясь въ конечномъ выводѣ, *охранители* могутъ расходиться въ выборѣ средствъ и способовъ дѣйствія. Никогда, далѣе, та сила, которая создается свободой печати, не достается всецѣло въ руки одного мнѣнія, одной группы: она раздробляется между различными теченіями и именно потому не можетъ быть и не бываетъ „*исполинской*". Вліяніе печати далеко не всегда, притомъ, прямо пропорціонально ея свободѣ: во Франціи, напримѣръ, оно было чрезвычайно велико во время реставраціи; въ Германіи—въ тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка; у насъ—въ началѣ эпохи великихъ реформъ.

Редакторъ русскаго органа печати, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", „долженъ быть неустрашимымъ ратоборцемъ за славу, единство и цѣлость Россіи, отстаивая ее противъ внѣшнихъ и вну-

треннихъ враговъ ея, кто бы они ни были—подкапывающіеся ли подъ нее анархисты, или явно ведущіе ее къ гибели либеральствующіе сановники". Но развѣ есть одинъ обязательный для всѣхъ взглядъ на то, что составляетъ и должно составлять славу Россіи, что обезпечиваетъ ея единство? Развѣ можно опредѣлить съ математическою точностью, кто долженъ быть признаваемъ внутреннимъ врагомъ Россіи? Развѣ можно считать доказаннымъ, что „либеральствующіе сановники" — если разумѣть подъ этимъ именемъ государственныхъ людей, вѣрящихъ въ необходимость преобразованій, — ведутъ Россію къ гибели? Что принесли Россіи—вредъ или пользу—„либеральствующіе сановники" конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ?.. Печати, *оставленной* въ благонадежныхъ рукахъ, „Московскія Вѣдомости" противопоставляютъ печать, пользующуюся *полною*, т.-е. ничѣмъ не ограниченною свободою. И здѣсь онѣ не хотятъ видѣть средины, т.-е. свободы, основанной на законѣ и регулируемой отвѣтственностью передъ судомъ.

Представимъ себѣ, на минуту, что вожделѣнія „Московскихъ Вѣдомостей" удовлетворены вполнѣ: продолжаютъ выходить только газеты и журналы, настроенные на одинъ московскій камертонъ, приведенные къ одному знаменателю. Водворится, безъ сомнѣнія, тишина—но это будетъ тишина мертвая и вмѣстѣ съ тѣмъ обманчивая: мертвая—потому что прекратится столкновеніе мнѣній, отражающее въ себѣ жизнь и постепенно раскрывающее истину; обманчивая—потому что не перестанутъ существовать взгляды и чувства, не находящіе мѣста въ печати. Вяло и скучно будетъ повторяться сказанное много разъ, не встрѣчая возраженій, но именно потому не вызывая активной поддержки. Безспорнымъ будетъ казаться многое, на самомъ дѣлѣ давно отвергнутое большинствомъ. Различныя стороны дѣйствительности погрузятся въ глубокій мракъ, между тѣмъ какъ именно для нихъ былъ бы необходимъ лучъ свѣта. За внѣшнимъ, показнымъ благополучіемъ будетъ скрываться масса зла и неправды. Нѣчто подобное принесла съ собою для Россіи первая половина пятидесятыхъ годовъ, погрузившая государство словно въ глубокій сонъ—и всѣмъ извѣстно, каково было пробужденіе. Мы не думаемъ, чтобы этому періоду нашей исторіи суждено было повториться; но далеко не безвреднымъ было бы даже частичное возвращеніе къ нему. За пятьдесятъ лѣтъ въ привычкахъ и настроеніи русскаго общества произошла большая перемѣна — и, что еще важнѣе, значительно уменьшилось разстояніе между обществомъ и народомъ. Безмѣрно выросла потребность *знать* правду; увеличилась способность, а вмѣстѣ съ нею и желаніе *судить* о фактахъ, видѣть ихъ съ разныхъ сторонъ, оцѣнять ихъ значеніе, предугадывать ихъ результаты. Если у насъ нѣтъ партій въ западно-европейскомъ смыслѣ слова, то

давно уже существуетъ группировка, въ основаніи которой лежитъ сходство мнѣній. Ей соотвѣтствуютъ, въ бо́льшей или мѣньшей мѣрѣ, различные о́рганы печати—но не печать создаетъ ее, и ее не можетъ разрушить исчезновеніе, даже массовое, газетъ и журналовъ.

Поразительный контрастъ съ проповѣдью вынужденнаго единомыслія представляютъ слѣдующія „забытыя слова", какъ нельзя болѣе кстати воспроизведенныя „С.-Петербургскими Вѣдомостями" (№ 338): „Неужели еще не пришла пора быть искреннимъ? Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой! можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ. Было такое время, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась оффиціальная ложь, одна—владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали для насъ даромъ? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношеніе къ себѣ?.. Все въ движеніи, все—въ броженіи, все тронулось съ мѣста, возится, копошится, просится жить! И слава Богу! Что́ можетъ быть выше, прекраснѣе, законнѣе этого требованія? Мы желаемъ и прогресса, и преобразованій; но мы хотимъ, чтобы сама жизнь пустила ростки, а для этого необходимо очищать и очищать ниву отъ сорныхъ травъ, густо на ней засѣвшихъ; необходимо давать ея росту просторъ, просторъ, какъ можно болѣе простора, вопрошать ея тайны, проникаться ея внутреннимъ смысломъ. Иначе, что́ бы вы ни дѣлали, всѣ ваши усилія останутся тщетными: вы можете изуродовать, исказить жизнь, но не добьетесь отъ нея здороваго плода". Не правда ли, многое въ этихъ строкахъ звучитъ точно отвѣтомъ на рѣчи современныхъ газетныхъ обскурантовъ? А между тѣмъ онѣ написаны Иваномъ Аксаковымъ и напечатаны въ газетѣ „Парусъ", основанной имъ въ 1859-мъ году и прекратившейся послѣ выхода второго нумера. Замогильный свидѣтель говоритъ громче живыхъ—и его слова звучатъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше можетъ быть заподозрѣно вызвавшее ихъ чувство. Въ вопросѣ о свободѣ печати Аксаковъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ. Его статьи по этому вопросу (вошедшія въ составъ четвертаго тома полнаго собранія его сочиненій) остаются до сихъ поръ тѣмъ, что́ мы видѣли въ нихъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ [1]): главною

[1]) См. Общественную Хронику въ № 1 „Вѣстника Европы" за 1887 г.

авторскою его заслугой—и лучшимъ „противоядіемъ по отношенію къ тѣмъ отравленнымъ и отравляющимъ софизмамъ московской газеты, которые выдаются за послѣднее слово политической мудрости".

Что дѣятели печати, теперь, какъ и во времена „Паруса", „Дня" и „Москвы", не принадлежатъ къ числу тѣхъ, „кому на Руси жить хорошо" — доказательствомъ этому могутъ служить некрологи Э. Г. Фалька, скоропостижно скончавшагося редактора-издателя „Сѣвернаго Края". Тревоги, сопряженныя съ изданіемъ провинціальной газеты („Сѣверный Край" выходитъ въ Ярославлѣ) — тревоги, обостряемыя, между прочимъ, „благосклоннымъ" наблюденіемъ извѣстныхъ органовъ печати,—усилили болѣзнь сердца, которою страдалъ покойный, и ускорили его безвременную смерть. Похороны его носили общественный характеръ; на его гробъ были возложены вѣнки отъ „земцевъ", отъ городского управленія, отъ ярославскаго просвѣтительнаго общества, отъ группы профессоровъ и студентовъ демидовскаго юридическаго лицея. Одинъ изъ ораторовъ, говорившихъ на кладбищѣ (В. М. Михеевъ), напомнилъ слова Г. З. Елисеева о скромныхъ могилахъ дѣятелей печати, во множествѣ разбросанныхъ по всей Россіи. Смерть Э. Г. Фалька къ прежнимъ могиламъ прибавляетъ еще одну, но вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляетъ надежду на развитіе общественной жизни. „Всякое важное дѣло" — сказалъ другой ораторъ (кн. Д. И. Шаховской) — „для своего прочнаго успѣха требуетъ жертвъ. Жизнь, въ этомъ отношеніи, бываетъ безжалостна, и цѣною человѣка приходится почти всегда оплачивать дѣйствительно важное дѣло. А дѣло, которое сдѣлалъ и на которомъ погибъ Э. Г. Фалькъ — дѣло важности особенной. Говоря это, я имѣю въ виду не только самое созданіе газеты; тѣ полторы тысячи листовъ, которые одинъ за другимъ въ теченіе четырехъ лѣтъ разошлись по обширному краю, —только внѣшнее выраженіе дѣла, смыслъ котораго гораздо глубже и выше. Своей газетой покойный пробуждалъ сознательныя силы родного края, объединялъ ихъ, давалъ имъ гласно проявиться въ борьбѣ за идеалъ. И это-то дѣло его не можетъ умереть: оно вѣчно, такъ какъ, разъ совершенное, оно уже ничѣмъ неискоренимо" [1]). Въ этихъ словахъ нѣтъ преувеличенія. Какъ ни скромно, по видимому, дѣло изданія мѣстной газеты, оно можетъ сослужить великую службу. Провинція жаждетъ воздуха и свѣта—и провинціальный органъ, хоть сколько-нибудь поднимающій завѣсу надъ ея жизнью, хоть сколько-нибудь служащій отголоскомъ ея желаній, имѣетъ право на ея благодарность.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 320) появилась недавно симпа-

[1]) См. корреспонденцію изъ Ярославля въ № 343 „Спб. Вѣдомостей".

тичная статья заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго о двухъ рано умершихъ русскихъ ученыхъ, Н. И. Зиберѣ и А. Е. Назимовѣ. Озаглавленная: „Элегія въ прозѣ", эта статья какъ бы наводитъ на мысль, что нѣтъ теперь такихъ самоотверженныхъ, безкорыстныхъ, преданныхъ служителей науки, какіе являлись въ нашихъ университетахъ 30—40 лѣтъ тому назадъ. Съ такимъ пессимистическимъ взглядомъ дѣйствительность, однако, гармонируетъ не вполнѣ. Идеалистомъ чистѣйшей воды былъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ его знавшихъ, молодой профессоръ томскаго университета П. С. Климентовъ, скончавшійся совсѣмъ молодымъ только-что успѣвшій занять каѳедру. „Въ его личности"—читаемъ мы въ „Сибирской Жизни"—„счастливо сочеталась сила теоретической мысли съ широкими идеалами правды и справедливости. Раздѣляя основную точку зрѣнія соціальнаго экономизма, проф. Климентовъ вѣрилъ въ творческую силу и практическую мощь человѣческихъ идеаловъ и, рисуя передъ слушателями картины экономическаго развитія на почвѣ реальныхъ интересовъ разныхъ общественныхъ группъ, укрѣплялъ вѣру въ личность человѣка и двигающія ею идеи. На этой основѣ складывалось то научное міросозерцаніе ученаго, которое ставило его въ ряды піонеровъ новаго плодотворнаго направленія финансовой науки—направленія, разрабатывающаго финансовые институты въ связи съ условіями дѣйствительности... Нельзя помириться съ утратою этой молодой силы. Еще чувствительнѣе представляется намъ потеря, когда мы вспомнимъ объ обаятельности личности покойнаго, о его нравственной красотѣ и чистотѣ. Такіе люди проходятъ яркой звѣздой по темному небосклону обыденной жизни, оставляя неизгладимый слѣдъ во всѣхъ, кто съ ними сталкивался". Къ счастію для сибирскаго университета, больше чѣмъ какой-либо другой нуждающагося въ людяхъ того типа, къ которому принадлежалъ покойный Климентовъ, въ немъ и теперь есть профессора, способные не только поучать, но и воодушевлять слушателей. Таковъ, напримѣръ, М. А. Рейснеръ, замѣчательныя статьи котораго: „Мораль, право и религія по дѣйствующему русскому закону" печатались въ „Вѣстникѣ Права" за 1900-ый годъ. Возвратясь изъ заграничной командировки, онъ подѣлился съ студентами впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ знакомства съ западной Европой [1]). Основную причину ея культурнаго превосходства онъ видитъ въ сліяніи общества и государства, у насъ разъединенныхъ. На Западѣ обществу принадлежитъ активная роль; у насъ оно всецѣло обречено пассивному служенію. Въ общественной организаціи западноевропейскаго государства коренится удивительное развитіе правомѣр-

[1]) Рѣчь проф. Рейснера напечатана in extenso въ „Восточномъ Обозрѣніи" и въ № 323 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

ности и законности; раздѣленіе общества и государства способствуетъ, на оборотъ, развитію административнаго усмотрѣнія, а съ нимъ вмѣстѣ и административнаго произвола въ сферѣ подзаконнаго, по существу, управленія. Другое явленіе, поразившее г. Рейснера на Западѣ—это —свобода религіи, науки и искусства, благодаря которой создаются своеобразные центры культуры. „И этотъ порядокъ западно-европейской жизни"—замѣтилъ, въ заключеніе, профессоръ—„не есть нѣчто замкнутое и закостенѣлое. Въ его предѣлахъ совершается въ настоящее время общественный процессъ историческаго значенія", на которомъ „выясняется все достоинство западно-европейской общественной организаціи: она, благодаря своей гибкости и устойчивости, гарантируетъ общество отъ былыхъ ужасовъ насильственнаго переворота и обезпечиваетъ мирный ходъ соціальной реформы".

Въ минувшемъ декабрѣ мѣсяцѣ исполнилось сто лѣтъ со времени открытія дерптскаго (нынѣ юрьевскаго) университета. Значеніе его лежитъ не столько въ настоящемъ, сколько въ прошедшемъ. Было время, когда онъ, несмотря на господство въ немъ нѣмецкаго языка, игралъ немаловажную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Сюда, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка, посылались изъ другихъ русскихъ университетовъ, для довершенія своего образованія, молодые люди, изъ которыхъ многимъ было суждено пріобрѣсти громкое имя въ русской наукѣ: достаточно назвать Пирогова, Григоровича (слависта), Иноземцева, Крюкова, Рѣдкина. Въ періодъ времени съ 1802 по 1892 г. изъ дерптскаго университета вышло двѣсти-десять академиковъ и профессоровъ, въ томъ числѣ Струве, Овсянниковъ, Савичъ, Миддендорфъ, Энгельманъ, Эверсъ, историкъ М. С. Куторга [1]). Въ Дерптѣ меньше чувствовался гнетъ, которому подвергались, отъ времени до времени, всѣ другіе университеты; здѣсь доучивались тѣ, которымъ, по той или иной причинѣ, нельзя было окончить курсъ въ одномъ изъ чисто-русскихъ университетскихъ городовъ. Въ Дерптѣ нерѣдко начинали свою карьеру молодые профессора, впослѣдствіи пріобрѣтавшіе громкую извѣстность въ Германіи. По словамъ г. Дегена („Воспоминанія дерптскаго студента", „Міръ Божій", 1902, № 3), случайно попавшаго въ Дерптъ за нѣсколько лѣтъ до преобразованія университета, тамъ царила тогда „атмосфера чистой науки". Студентъ заключалъ съ университетомъ двухсторонній договоръ, въ которомъ, какъ равная сторона, бралъ на себя извѣстныя обязательства, но взамѣнъ получалъ извѣстныя права. Отношеніе профессоровъ къ слушателямъ носило тотъ особенный характеръ взаимнаго уваженія и симпатіи,

[1]) См. № 346 „Русскихъ Вѣдомостей".

который такъ привлекаетъ иностранцевъ въ германскіе университеты. Академическая свобода строжайше охранялась обѣими сторонами; никто изъ студентовъ не понуждался къ слушанію лекцій, и тѣмъ не менѣе лекціи всегда посѣщались, при чемъ профессоръ имѣлъ не безличную толпу слушателей, а вступалъ въ непосредственное общеніе съ каждымъ студентомъ. Въ Дерптѣ издавна существовали студенческія корпораціи, въ жизни которыхъ, регламентированной заносными, устарѣвшими правилами, несомнѣнно было много страннаго, но были и зачатки здороваго развитія. Въ то время, о которомъ говоритъ г. Дегенъ, рядомъ съ ними дѣйствовали, пользуясь большой свободой и принося большую пользу, разныя общества, какъ научныя, такъ и взаимопомощи. Была и русская студенческая организація, насчитывавшая до трехсотъ членовъ. Вся эта картина быстро измѣнилась, когда на Дерптъ, переименованный въ Юрьевъ, стали распространяться общерусскіе университетскіе порядки.

Главнымъ недостаткомъ до-реформеннаго дерптскаго университета слѣдуетъ признать, какъ намъ кажется, не то, что онъ существовалъ преимущественно для своей окраины, а то, что интересы одного ея элемента черезчуръ заслоняли собою интересы массы населенія. Это была ошибка, общая университету съ привилегированными классами остзейскаго края—ошибка, за которую онъ, вмѣстѣ съ ними, и долженъ былъ поплатиться. Исторія покажетъ, что̀ именно въ реформѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ было вызвано необходимостью, что̀ — крайностями національнаго. Что дѣло не обошлось безъ увлеченій, что образъ дѣйствій первыхъ насадителей новаго режима не оправдываетъ восторга, съ которымъ относятся къ нимъ нѣкоторые органы печати [1])—это видно уже изъ того, что въ юрьевскомъ университетѣ до сихъ поръ далеко не все обстоитъ благополучно: русскіе профессора все еще мѣняются въ немъ очень быстро. Едва ли основательна догадка, приписывающая это бѣгство тому, что въ Юрьевѣ создались „анормальныя условія для русской науки и русскихъ ученыхъ людей“ [2]). Ближе къ истинѣ, быть можетъ, было бы предположеніе, что не совсѣмъ нормальны въ Юрьевѣ условія для науки и для ученыхъ людей вообще.

Говоря, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [3]), о проектируемомъ объединеніи—или, правильнѣе, сближеніи—различныхъ видовъ начальной школы, мы имѣли случай замѣтить, что активная роль въ

[1]) См. въ № 343 „Московскихъ Вѣдомостей“ статью: „Прошлое юрьевскаго университета“.

[2]) См. № 9618 „Новаго Времени“.

[3]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1902 г.

борьбѣ между школами земской и церковно-приходской принадлежала, обыкновенно, духовному вѣдомству. Необходимость соглашенія между вѣдомствами, если рядомъ съ школой одного изъ нихъ предполагается открыть школу другого, была признана еще въ 1884 г., при изданіи первыхъ правилъ о церковно-приходской школѣ; законъ 1-го апрѣля 1902-го года не вводитъ, въ этомъ отношеніи, ничего новаго. Нѣтъ, слѣдовательно, ручательства въ томъ, что не будутъ болѣе повторяться явленія, слишкомъ часто тормазившія правильное развитіе школьной сѣти. Для характеристики такихъ явленій послѣдняя сессія уѣздныхъ земскихъ собраній дала новые матеріалы. Борисоглѣбское (тамбовской губерніи) уѣздное земское собраніе ассигновало, пять лѣтъ тому назадъ, 1.000 рублей на открытіе школъ грамоты, т.-е. выразило готовность идти рука объ руку съ епархіальнымъ вѣдомствомъ. Въ другомъ направленіи, однако, дѣйствовало мѣстное духовенство. Въ селѣ Нижнемъ Чуевѣ, рядомъ съ многолюдной земской школой, помѣщающейся въ ветхомъ тѣсномъ зданіи, существуетъ церковно-приходская школа, располагающая обширнымъ, прекраснымъ помѣщеніемъ, но насчитывающая весьма небольшое, сравнительно, число учениковъ (отъ 18 до 30, тогда какъ въ земской школѣ ихъ до 70). И это не исключительный случай; въ Копылѣ, Власовкѣ, Александровскомъ, гдѣ потребность въ ученьи вполнѣ удовлетворялась земскими школами, открыты церковно-приходскія школы—и въ результатѣ какъ тѣ, такъ и другія на половину пусты, тогда какъ во многихъ селеніяхъ школъ нѣтъ вовсе. Иногда пустующею оказывается земская школа, но почему? Потому что—по отзыву инспектора народныхъ училищъ, съ которымъ согласилось земское собраніе,—законоучители (особенно тамъ, гдѣ законъ Божій въ обѣихъ школахъ преподаетъ не одно и то же лицо) *требуютъ* посѣщенія дѣтьми не земской, а церковно-приходской школы. Иногда къ требованію присоединяются и другія мѣры: въ селѣ Николаевкѣ, напримѣръ, настоятель мѣстной церкви ученикамъ земской школы не позволяетъ входить въ алтарь, а учениковъ церковно-приходской школы и въ алтарь пускаетъ, и въ стихарь облачаетъ, держась этой системы даже и послѣ того какъ она была осуждена епархіальнымъ начальствомъ. Неудивительно, что въ виду всѣхъ этихъ фактовъ земское собраніе, большинствомъ 27 голосовъ противъ 3, рѣшило прекратить выдачу пособія школамъ духовнаго вѣдомства [1]). Нѣчто подобное мы видимъ и въ мелитопольскомъ уѣздѣ (таврической губерніи). Въ селѣ Узкуяхъ, гдѣ жители, по выраженію мѣстнаго священника, „томятся умственнымъ гладомъ“, не можетъ быть открыто земское училище, такъ какъ тамъ суще-

[1]) См. № 291 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

ствуютъ три церковно-приходскія школы и одна школа грамоты. Въ с. Тамбовкѣ приговоромъ сельскаго схода, состоявшимся въ присутствіи благочиннаго и настоятеля мѣстной церкви, опредѣлено обратить зданіе земскаго училища въ молитвенный домъ, что̀ должно повлечь за собою закрытіе училища и замѣну его церковно-приходской школой. Членамъ земской управы и завѣдующему дѣлопроизводствомъ ея по народному образованію не разрѣшено епархіальнымъ вѣдомствомъ посѣщать школы грамоты, вслѣдствіе чего земское собраніе, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, отказало въ пособіи этимъ школамъ [1]).

Что̀ представляютъ собою, во многихъ случаяхъ, школы духовнаго вѣдомства, такъ настойчиво распространяемыя и оберегаемыя въ ущербъ школамъ министерскимъ и земскимъ—объ этомъ даетъ понятіе обстоятельный докладъ рузскаго уѣзднаго предводителя дворянства, кн. П. Д. Долгорукова, прочитанный въ рузскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи и изложенный in extenso въ № 344 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (въ безпристрастіи докладчика нельзя сомнѣваться уже потому, что онъ отмѣтилъ постепенное улу́чшеніе церковно-приходскихъ школъ и предложилъ не исключать ихъ изъ проектируемой земскимъ собраніемъ школьной сѣти). Помѣщенія школъ, въ большинствѣ случаевъ, по истинѣ ужасны: въ вишенскомъ училищѣ, напримѣръ, боковой дождь проникаетъ сквозь стѣны, земля сыплется съ потолка, ретираднаго мѣста нѣтъ вовсе; въ анцеринскомъ училищѣ сквозь ветхій полъ просачивается вода, въ которой во время экзамена прыгала лягушка; въ козловскомъ училищѣ такъ холодно, что ученики во кремя ученья сидятъ въ шубахъ. Не лучше и обстановка школъ: въ боргещовскомъ училищѣ, напримѣръ, парты такъ ветхи, что при письмѣ качаются во всѣ стороны. Обученіе имѣетъ бо̀льшею частью механическій характеръ; ученики читаютъ монотонно, плохо передаютъ прочитанное и совершенно не развиты. Учителя смѣняются очень часто и относятся къ своимъ занятіямъ формально, видя въ нихъ только переходную ступень къ духовному сану. Даже законъ

[1]) Школьное дѣло въ мелитопольскомъ уѣздѣ страдаетъ не только отъ нерасположенія духовенства къ земской школѣ: ему вредитъ также административное вмѣшательство. Изъ докладовъ мелитопольской уѣздной земской управы и постановленій земскаго собранія видно, напримѣръ, что въ с. Большой Бѣлозеркѣ школьныя зданія были выстроены не по утвержденному земствомъ плану, а по плану мѣстнаго земскаго начальника. По удостовѣренію какъ земской управы, такъ и уѣзднаго предводителя дворянства, они оказываются никуда негодными, вслѣдствіе чего не могло состояться и открытіе училищъ. Противодѣйствіе со стороны мѣстной власти начинанія земства въ Больше-Бѣлозерской волости встрѣчаютъ и въ области дорожнаго дѣла, о чемъ земское собраніе постановило довести до свѣдѣнія губернатора.

Божій преподается въ земскихъ школахъ осмысленнѣе, чѣмъ въ церковно-приходскихъ, гдѣ требуется заучиванье священной исторіи наизусть, по учебнику... Нѣтъ основаній предполагать, что въ рузскомъ уѣздѣ церковно-приходскія школы поставлены хуже, чѣмъ въ другихъ; гораздо вѣроятнѣе, что одинаковыя причины вездѣ приводятъ къ болѣе или менѣе одинаковымъ результатамъ. Если въ начальныхъ училищахъ духовнаго вѣдомства замѣтна, мѣстами, перемѣна къ лучшему, то главной ея причиной несомнѣнно слѣдуетъ признать существованіе, рядомъ съ церковно-приходской школой, школы земской, служащей примѣромъ и возбуждающей соревнованіе. Механическое объединеніе начальныхъ школъ, съ подчиненіемъ ихъ духовенству, было бы, поэтому, тяжкимъ ударомъ для дѣла начальнаго обученія.

Въ послѣднее время, въ газетахъ начали появляться сообщенія о содержаніи проекта будущаго петербургскаго Городового Положенія, разосланнаго уже по подлежащимъ вѣдомствамъ; если послѣднее вѣрно, то надобно думать—новый законъ не заставитъ себя долго ждать, и шестой годъ четырехлѣтія (1898 — 1903) будетъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ и послѣдній. Возвращаясь мыслью къ началу истекающаго вскорѣ (20 февраля 1903 г.) тридцатилѣтія со времени введенія Городового Положенія 1870 г., мы не можемъ не замѣтить весьма существеннаго различія двухъ періодовъ: 1873—1892 г. и 1892 — 1902 г. Въ первомъ періодѣ въ основѣ городского общественнаго самоуправленія лежитъ, болѣе широкое въ своихъ основаніяхъ, первое Городовое Положеніе 1870 года; второе Городовое Положеніе 1892 года имѣло въ виду не исправленіе недочетовъ своего предшественника, не расширеніе компетенціи городского общественнаго управленія, вслѣдствіе увеличенія довѣрія къ его силамъ и опытности, — а потому оно явилось болѣе стѣснительнымъ; число гласныхъ было уменьшено, въ то время какъ число жителей значительно возросло; градоначальство уже не ограничивается тѣмъ, чтобы слѣдить за законностью дѣйствій думы,—оно уполномочено останавливать и законныя дѣйствія думы, если они, по его мнѣнію, несогласны съ „государственными“ интересами или не соотвѣтствуютъ, опять по его мнѣнію, пользамъ и нуждамъ города. Тѣ гласные, которымъ приходилось дѣйствовать при томъ и при другомъ „Городовомъ Положеніи“, отзываются о второмъ періодѣ, сравнительно съ его предшественникомъ, какъ о времени, когда начала обнаруживаться косность, наклонность городского общественнаго управленія къ паденію энергіи и сокращенію иниціативы. Причина того, конечно, лежитъ въ новомъ Городовомъ Положеніи 1892 г., и доказательствомъ справедливости

того служитъ уже то, что само правительство, повидимому, недовольно результатами этого Городового Положенія, а потому и рѣшилось, несмотря на чрезвычайную краткость его существованія (въ Пруссіи Городовое Положеніе остается неизмѣннымъ съ 1853 года), подвергнуть его пересмотру. По историческому ходу вещей слѣдовало бы ожидать, повидимому, возвращенія къ первому Городовому Положенію 1870 года, такъ какъ его 22-лѣтній періодъ дѣйствія былъ несравненно болѣе благотворенъ, а исправленіе Городового Положенія 1892 г., въ смыслѣ дальнѣйшаго ограниченія городского общественнаго самоуправленія, могло бы только привести къ необходимости, въ самомъ непродолжительномъ времени, опять взяться за пересмотръ новаго Городового Положенія 1903 года; столицѣ, все это время пришлось бы только завидовать своимъ коллегамъ по губерніи, Лугѣ, Ямбургу, Нарвѣ, Шлиссельбургу, которые пользовались бы относительно лучшимъ Городовымъ Положеніемъ 1892 года.

Конечно, простое возвращеніе къ Городовому Положенію 1870 года также нельзя было бы назвать желательнымъ; есть вопросы, которые съ успѣхомъ времени требуютъ уже теперь иного рѣшенія. Мы, съ своей стороны, находили бы особенно полезнымъ, прежде всего, значительное увеличеніе числа избирателей, въ большемъ соотвѣтствіи съ современнымъ населеніемъ столицы: если при 700 тысячахъ жителей, прежнее Городовое Положеніе находило тогда необходимымъ привлечь къ производству выборовъ свыше 20.000 избирателей, то теперь уменьшеніе этой цифры именно тогда, когда населеніе столицы увеличилось почти вдвое, мы затруднились бы оправдать. Затрудненія, какія могли бы при этомъ встрѣчаться и дѣйствительно встрѣчались прежде, могутъ совершенно устраниться замѣною баллотировки шарами опусканіемъ въ избирательную урну бюллетеней; опасеніе вторичныхъ, дополнительныхъ выборовъ будетъ напрасно при избраніи гласныхъ относительнымъ, а не абсолютнымъ большинствомъ.

Если возвращаться къ избирательнымъ порядкамъ 1870 года, а именно по разрядамъ, то желательно, конечно, полное возвращеніе, а не одностороннее: по Городовому Положенію 1870 года на разряды дѣлились только избиратели, но не избираемые въ гласные думы, а потому во всѣхъ разрядахъ избиратели имѣли право выставлять кандидатовъ безъ разрядовъ, такъ что избранные являлись представителями города, а не той или другой полицейской части города. Противоположный порядокъ поставитъ въ необходимость избирателя ставить имена малоизвѣстныхъ ему людей и отказывать въ своемъ голосѣ лицамъ хорошо ему извѣстнымъ, или совсѣмъ отказаться отъ участія въ выборахъ. Во всякомъ случаѣ, отъ подобной двойной системы нельзя

ожидать *качественнаго* улучшенія результатовъ выбора,—а вѣдь это одно собственно и желательно.

Другое, рѣшающее будущую судьбу петербургскаго городского общественнаго управленія дѣло относится къ вопросу о предсѣдательствѣ въ думѣ и въ управѣ. Казалось бы, собственно говоря, что тутъ никакъ не можетъ быть двухъ мнѣній, если вспомнить, что дума есть распорядительная власть, а управа — ей подчиненный исполнительный органъ; не можетъ предсѣдатель послѣдней быть и предсѣдателемъ думы, по причинамъ, не требующимъ никакого объясненія. Кромѣ городского и общественнаго управленія, нельзя даже и пріискать примѣра подобнаго порядка; въ акціонерныхъ компаніяхъ, и тамъ предсѣдатель исполнительнаго органа, правленія, обыкновенно не предсѣдательствуетъ въ общихъ собраніяхъ. Городъ Петербургъ есть девятая уѣздная земская единица; въ восьми остальныхъ уѣздахъ вездѣ мы видимъ вполнѣ правильный порядокъ: въ управѣ свой предсѣдатель, въ уѣздномъ земскомъ собраніи — свой; то же мы видимъ и въ губернскомъ земствѣ. Очень трудно угадать тѣ основанія, на которыхъ предположено и нынѣшній разъ отступить отъ правила, которое можно назвать всемірнымъ; но можно угадать причины, мѣшающія отказаться отъ порядка, неудобство котораго доказано 30-лѣтнимъ опытомъ петербургской городской думы. Эта причина, по нашему мнѣнію, заключается въ устарѣломъ названіи: „городской голова“ (въ земствѣ нѣтъ земскаго головы); еслибы не это названіе, то дѣло шло бы только о предсѣдателѣ въ управѣ и въ думѣ, и затрудненіе, гдѣ долженъ предсѣдательствовать городской голова, отпало бы само собою. Нигдѣ нельзя наблюдать съ бо́льшею очевидностью ненормальность нынѣшняго порядка вещей, какъ въ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ, гдѣ предсѣдатель думы долженъ являться ея представителемъ, но тѣмъ не менѣе онъ не только не защищаетъ думы, но часто присоединяется къ ея противникамъ, если того требуетъ интересъ управы, гдѣ онъ также предсѣдатель. Можно даже положительно сказать, что городской голова въ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ представляетъ прежде всего управу. То же самое происходитъ и при рѣшеніи дѣлъ въ думѣ, при разсмотрѣніи докладовъ управы. Однимъ словомъ, уничтоженіе ненормальнаго порядка въ предсѣдательствованіи въ думѣ и въ управѣ имѣло бы весьма выгодныя послѣдствія для успѣшности хода городскихъ дѣлъ и правильности ихъ рѣшенія. Намъ очень рѣдко приходится соглашаться съ газетою „Гражданинъ“,—тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить такое обстоятельство, если оно случится. „Одинъ только вопросъ,—говорится „въ „Дневникѣ“ газеты („Гражд., 19 дек. 1902 г.)—сколько мнѣ кажется, въ проектѣ разрѣшенъ неудовлетворительно: это во-

просъ о городскомъ головѣ. Оказывается, что въ проектѣ сохраненъ старый грѣхъ: возможность городскому головѣ быть одновременно и предсѣдателемъ думы, и предсѣдателемъ городской управы, въ томъ случаѣ, если предсѣдателемъ думы не назначается Высочайшею властью отдѣльное лицо. Я затрудняюсь понять, почему составители проекта полагаютъ, что вступленіе городского головы въ предсѣдатели думы есть единственный выходъ въ томъ случаѣ, если не послѣдовало назначенія особаго предсѣдателя, ибо полагаю, что въ этомъ случаѣ гораздо было бы практичнѣе передъ началомъ засѣданія думѣ избрать своего предсѣдателя изъ наличнаго состава гласныхъ. Не Богъ вѣсть какой можетъ быть вредъ на случай, если этотъ избранный думою предсѣдатель окажется неподходящимъ; но зато несомнѣнно огромный вредъ интересамъ городского управленія принесетъ соединеніе въ одномъ лицѣ городского головы предсѣдательства управы съ предсѣдательствомъ въ думѣ, которой управа подчинена, не говоря уже о несуразности такого факта, какъ подчиненіе человѣка самому себѣ въ своей общественной дѣятельности".

Есть еще одинъ не менѣе существенный вопросъ въ дѣловой жизни города, это—исполнительныя коммиссіи; но мы о нихъ говорили не разъ: исполнительныя коммиссіи открываютъ возможность довѣреннымъ лицамъ, городскимъ гласнымъ, принести городу личный и вполнѣ свободный трудъ по самымъ важнымъ отраслямъ; быть можетъ, было бы необходимо отличать между ними тѣ, которыя работаютъ безвозмездно, и тѣ, которыя получаютъ какое бы то ни было вознагражденіе за свой трудъ. Первыя должны быть подчинены непосредственно думѣ; вторыя —управѣ; предсѣдатели тѣхъ и другихъ состоятъ членами управы, по дѣламъ своей коммиссіи. Такой порядокъ существуетъ въ прусскихъ городахъ, гдѣ, впрочемъ, безмездная работа обязательна для гласныхъ —или они платятъ высшіе налоги и лишаются на извѣстное время избирательныхъ правъ.

Если въ самомъ непродолжительномъ времени проектъ петербургской городской реформы превратится въ законъ, то ко дню 20 февраля 1903 года, когда исполнится 30-лѣтіе городского общественнаго управленія, городское общественное управленіе столицы можетъ быть преобразовано. Всего болѣе было бы желательно, чтобы новое Городовое положеніе Петербурга было счастливѣе своего предшественника и не потребовало бы черезъ десять лѣтъ новаго пересмотра, какъ то случилось нынѣ съ Положеніемъ 1892 года.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Общества вспоможенія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ Спб. Учебнаго Округа, памяти М. Н. Капустина, бывшаго Попечителя Округа.

Среди нѣсколькихъ лицъ, обязанныхъ чувствомъ благодарности къ бывшему Попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, Профессору Михаилу Николаевичу Капустину, возникла мысль почтить память его какимъ-либо добрымъ дѣломъ, которое соотвѣтствовало бы взглядамъ и убѣжденіямъ покойнаго. По ближайшемъ обсужденіи вопроса, лица эти пришли къ заключенію, что организованіе помощи учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ, въ дѣлѣ воспитанія и образованія ихъ дѣтей, наиболѣе соотвѣтствовало бы означенной цѣли. Положеніе учителей и учительницъ народныхъ школъ всегда привлекало къ себѣ заботы Михаила Николаевича и, въ частности,—судьба ихъ дѣтей, которыя, не получивъ, по имущественной недостаточности родителей, законченнаго образованія, почти всегда лишены возможности обратиться и къ простому физическому труду, какъ источнику добыванія средствъ къ жизни. Совершенно естественно, что всякій учитель мечтаетъ видѣть въ своемъ сынѣ образованнаго человѣка и не допускаетъ мысли о превращеніи его въ сельскаго рабочаго, или фабричнаго, или въ домашнюю прислугу—лакея и кучера. Онъ, конечно, держитъ своего ребенка при себѣ, въ школѣ, обучаетъ въ предѣлахъ возможности и намѣревается отдать въ гимназію или реальное училище. Но приходитъ время, а средствъ не оказывается не только для того, чтобы устроить сына въ гимназію, но даже и для того, чтобы платить за него въ какую-нибудь низшую или среднюю сельско-хозяйственную школу... Оторванныя отъ сферы физическаго труда, и въ то же время не достаточно подготовленныя къ дѣятельности умственной, дѣти учителей народныхъ школъ обречены оставаться какими-то межеумками и несчастными неудачниками въ жизни. Такъ или приблизительно такъ разсуждалъ Михаилъ Николаевичъ. Осуществляя свое намѣреніе и желая придать организуемой помощи возможно прочное основаніе, почитатели Михаила Николаевича рѣшили образовать, съ указанными цѣлями, „Общество вспомоществованія памяти Михаила Николаевича Капустина“.

Уставъ сего Общество утвержденъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 11 января 1902 г.

Заявленія о вступленіи въ Общество, а равно членскіе взносы и пожертвованія принимаютъ: 1) Предсѣдатель: *Павелъ Корнильевичъ Покровскій*. Фонтанка, 6. 2) Казначей: *Георгій Михайловичъ Петровъ*. Французская набережная, 8.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Шванебахъ, П. Х. — Наше податное дѣло. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Въ податномъ дѣлѣ, за послѣднія 25 лѣтъ, повсюду замѣчается значительный ростъ, главнымъ образомъ, отъ новыхъ обложеній и отъ повышенія прежнихъ налоговъ, а эти два обстоятельства вызывались необходимостью вооруженнаго мира, колоніальнымъ соперничествомъ и постояннымъ расширеніемъ отправленій и задачъ государства. Относительно Россіи, авторъ указываетъ на чрезвычайный ростъ въ ней податной тяжести: въ 1880 г. налоговъ поступило 565 милл., а въ 1901 г. — милліардъ 40 милліоновъ рублей — въ 20 лѣтъ доходъ отъ податей почти удвоился. Сверхъ того, мѣстные сборы достигли 162 милліоновъ: земскихъ — 85 милл.; мірскихъ — 46 милл.; городскихъ — 28 милл.; сѣнныхъ — 3 милл. Въ среднемъ, на жителя (при населеніи въ 135 милл.) приходится 8 р. 88 к.; а на одного мужчину, въ рабочемъ возрастѣ (1/5 часть насел.), 44 р. 40 к. „Какъ справляется населеніе съ такимъ обложеніемъ — спрашиваетъ авторъ: — справедливо ли мнѣніе, будто ростъ податныхъ поступленій служитъ безошибочнымъ показателемъ роста общественнаго благосостоянія; въ какой мѣрѣ у насъ ростъ налоговъ зависитъ, съ одной стороны, отъ естественныхъ причинъ, а съ другой — отъ фискальныхъ мѣропріятій“? — вотъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ вопросовъ, обстоятельное и всестороннее изслѣдованіе которыхъ и составляетъ содержаніе только-что появившагося въ свѣтъ труда.

Кеннингемъ, В. — Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Съ англ. П. Канчаловскій, п. р. А. А. Мануилова. М. 903. Ц. 1 р. 40 к.

Въ англійскомъ оригиналѣ настоящій переводъ составляетъ, собственно, вторую часть обширнаго труда В. Кеннингема, профессора кембриджскаго университета: первая посвящена исторіи древней цивилизаціи до V-го вѣка по Р. Х.; вторая, переведенная нынѣ на русскій языкъ, служитъ концомъ ея и открывается эпохою паденія Западной имперіи, когда римскій міръ оказался несостоятельнымъ для того, чтобы охранять и распространять древнюю греко-римскую цивилизацію, и уступилъ свое мѣсто церкви. Вотъ потому авторъ подробно объясняетъ значеніе христіанства для новой европейской цивилизаціи какъ вообще, такъ и въ частности, для хозяйственнаго развитія новыхъ народностей. Затѣмъ, авторъ слѣдитъ за переустройствомъ общественной жизни на новыхъ началахъ. Второй отдѣлъ книги посвященъ процессу образованія національностей, съ чѣмъ связано появленіе на исторической сценѣ соперничающихъ торговыхъ государствъ и выработка началъ національной экономической политики. Съ этой эпохой совпадаетъ и ростъ значенія капитала, могущественное вліяніе котораго сказывается во всѣхъ сферахъ жизни. Въ послѣднемъ отдѣлѣ изображенъ промышленный переворотъ, подготовленный ростомъ капитала; въ заключеніе, помѣщена общая характеристика современнаго намъ періода, по отношенію къ которому авторъ является оптимистомъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему указывать и тѣневыя стороны, связанныя съ господствомъ капитала, и опасности, сопряженныя съ дальнѣйшимъ ходомъ экономическаго прогресса.

Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Составл. п. р. В. В. Бирюковича. Вып. V. Спб. 902.

Новый выпускъ обнимаетъ собою періодъ съ 1898 по 1900 г., со смѣтными расходами и постановленіями земскихъ собраній на 1899, 1900 и 1901 гг. Первымъ источникомъ, при этомъ, служили журналы земскихъ собраній и доклады и отчеты къ нимъ. Наибольшія затрудненія представили исчисленія безвозвратныхъ земскихъ расходовъ на воспособленіе сельскому хозяйству или подсобнымъ къ нему промысламъ. Въ послѣднее время, такіе безвозвратные расходы возростаютъ съ большою быстротой: такъ, въ 1895 г. они равнялись почти 940 тыс. руб., а къ 1901 г. возросли до 2½ милл., и сверхъ того, въ томъ же году, кредиты для той же цѣли достигли 4½ милл. рублей.

Юрій Веселовскій. — Друзья и защитники животныхъ въ современной французской беллетристикѣ. М. 903. Ц. 75 к.

Настоящій очеркъ былъ напечатанъ первоначально въ одномъ изъ журналовъ, а теперь появляется отдѣльною брошюрою въ значительно дополненномъ и распространенномъ видѣ. Цѣль автора — соединивъ изъ различныхъ произведеній современной французской литературы все лучшее, что было высказано ея новѣйшими беллетристами для борьбы съ жестокимъ обращеніемъ съ животными, — тѣмъ самымъ содѣйствовать къ смягченію нравовъ, въ чемъ наиболѣе нуждаются у насъ; несмотря на давнее существованіе общества покровительства животнымъ, сцены избіенія лошадей, обремененныхъ притомъ непосильною тяжестью, можно встрѣтить нерѣдко на улицахъ и мостахъ столицы. Въ концѣ очерка приложены избранныя мѣста изъ произведеній Золá, Мирбо, Лоти, Рашильда, имѣющія отношеніе къ животнымъ; самый же очеркъ посвященъ памяти Золá, портретомъ котораго, и весьма удачнымъ, украшено изданіе.

С. А. Андреевскій. Литературные очерки. Спб. 902.

Въ собраніяхъ нынѣ совсѣмъ замолкшаго русскаго „Литературнаго Общества“ и въ публичныхъ чтеніяхъ авторъ знакомилъ слушателей со своими, подчасъ своеобразными и вызывавшими возраженія (напр. „о вырожденіи риѳмы“), но всегда оригинальными и самостоятельными взглядами на выдающихся дѣятелей литературы и на вопросы искусства. Собранные въ одну книгу и облеченные въ форму очерковъ, написанныхъ красивымъ и сильнымъ языкомъ, эти взгляды освѣщаютъ съ новой точки зрѣнія или забытыхъ поэтовъ („поэзія Баратынскаго“), или тѣхъ, къ кому часто и невольно возвращалась мысль читателя послѣдней четверти прошлаго вѣка (Тургеневъ, Гаршинъ, Некрасовъ, Лермонтовъ, Толстой). Наибольшій объемъ и наибольшій интересъ представляютъ этюды о „Братьяхъ Карамазовыхъ“ и о Гюи де-Мопассанѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1903 Г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ государ. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ указаніемъ ближайшаго к нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскія подписчики при переходѣ въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб., а иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ, и, согласно обязательствамъ Почтоваго Департамента, *не ранѣе* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Деньги на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые признаютъ къ доплатѣ суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

COLLEGE LIBRARY
MAR 4 1903
CAMBRIDGE, MASS.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1903.

Стр.

I.—РИМЪ И РИМСКАЯ „РЕЛИГІЯ“.—VII-XII.—Окончаніе.—**Ѳ. Зѣлинскаго** . . . 441

II.—ПО ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ. — V-IX.—Окончаніе.—**Эд. Циммермана** . . . 460

III.—НА РАЗВАЛИНАХЪ.—Романъ.—Часть первая: I-XIII.—**Л. Оболенскаго** . . . 513

IV.—МОЯ ЖИЗНЬ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—1832-1884 гг.—IV-V.—**А. Романовича-Славатинскаго** . . . 606

V.—ВЛАДИМІРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.—I-V.—**А. Ѳ. Кони** . . . 651

VI.—ІЁРНЪ УЛЬ.—Эскизъ по роману Г. Фронссена.—IX-XV.—Съ нѣм. **П—ны С—ной** . . . 680

VII.—НАУЧНЫЯ ИЛЛЮЗІИ. — Туганъ-Барановскій, Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи.—**Л. З. Слонимскаго** . . . 750

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Дубъ.—II. Сонъ и пробужденіе.—**В. П. Маркова** . . . 771

IX.—ХРОНИКА.—Государственная роспись на 1903-й годъ.—**Л. К. Буха** . . . 775

X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Столѣтіе комитета министровъ и министерствъ.—Идея и ея осуществленіе.—Министерства и сенатъ.—Министры первыхъ восьми десятилѣтій XIX-го вѣка. — Средняя продолжительность управленія министерствомъ. — Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ. — Новые проекты реакціонной печати.—Возраженіе изъ богородицкаго уѣзда . . . 790

XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Парламентскія пренія въ Германіи. — Инцидентъ съ депутатомъ Фольмаромъ.—Оппозиціонныя рѣчи и отвѣты графа Бюлова. — Рѣчь Бебеля и президентскій кризисъ въ имперскомъ сеймѣ.—Нѣмецкая „міровая“ политика. — Восточно-турецкія дѣла: британская нота о проливахъ и македонскій вопросъ . . . 811

XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Н. Коробка, Очерки литературныхъ настроеній.—**Д.**—II. В. Я. Стоюнинъ, Педагогическія сочиненія.—III. С. Прокоповичъ, Кооперативное движеніе въ Россіи.—IV. Всеобщее образованіе въ Россіи, сборникъ статей. — V. Волжскій, Очерки о Чеховѣ.—**Г-анъ**.—VI. В. Мейенъ, Россія въ дорожномъ отношеніи. — VII. Ѳ. Самаринъ, О мірской надѣльной землѣ. — **В. В.** VIII. Н. Харузинъ, Этнографія.—IX. Новый и традиціонный духовные ораторы, о.о. Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ. — **Евг. Л.** — X. В. Дмитріевъ-Мамоновъ, Указатель акціонерныхъ предпріятій въ Имперіи.—Z.—Новыя книги и брошюры . . . 827

XIII.—О МЕТОДѢ ИЗЛОЖЕНІЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — **А. Н. Пыпина** . . . [illegible]

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.— I. G. Hauptmann, Der arme Heinrich.—II. J. Lombard, Byzance.—III. E. Dillon, Maxime Gorky.—**З. В.** . . . 877

XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Московскій съѣздъ учительскихъ обществъ взаимопомощи. — Вереница маленькихъ обвинительныхъ актовъ противъ самоуправленія. — Процессъ кронштадтскаго полиціймейстера. — Рядъ недоразумѣній. — Земство, область Войска донского и не-земскія губерніи. — Губернскіе комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности . . . [illegible]

XVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества . . . 910

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — „Вѣдомости“ времени Петра Вел., вып. 1.—Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, изд. И. Шляпкина.—Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. IV: ч. 2 и 3. — Учебная книга древней исторіи П. Карѣева.—Библіотека великихъ писателей, подъ редакціею С. А. Венгерова. Шекспиръ.

XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1903-го года
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

HARVARD COLLEGE LIBRARY

РИМЪ
и
РИМСКАЯ РЕЛИГІЯ

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

VII *).

Водвореніе на римской горѣ Тарквиніевской троицы, помимо указаннаго въ предъидущей главѣ значенія, имѣло еще другое, о которомъ мы упомянули только вскользь: такъ какъ этруская религія эпохи Тарквиніевъ была эллинизирована, то и проникновеніе въ Римъ этрускаго культа было первымъ шагомъ къ эллинизаціи римской религіи. Все же эта эллинизація была косвенной и не ощущалась римлянами; въ Юпитерѣ, Юнонѣ, Минервѣ видѣли италійскія, а не греческія божества. Но за первымъ шагомъ послѣдовалъ второй, гораздо болѣе рѣшительный; послѣдовалъ повидимому вскорѣ — по крайней мѣрѣ, традиція приписываетъ его тому же царю, который основалъ и [illegible]олійскій храмъ, Тарквинію Гордому.

[illegible]адиція эта гласитъ такъ.

[illegible]ъ царю Тарквинію Гордому пришла однажды никому неизвѣстная старуха-странница съ девятью свертками, въ которыхъ,

*) См. выше: янв., стр. 5.

по ея словамъ, заключались божественныя прорицанія, и предложила ему купить ихъ. Тарквиній спросилъ о цѣнѣ; старуха назвала чрезмѣрно дорогую; царь, въ отвѣтъ ей, только засмѣялся, полагая, что она уже выжила изъ ума. Тогда она въ его присутствіи поставила на полъ горящую жаровню, сожгла три свертка изъ числа девяти и спросила царя, не желаетъ ли онъ купить оставшіяся шесть за ту же цѣну. Тарквиній, однако, еще сильнѣе разсмѣялся и сказалъ, что старуха внѣ всякаго сомнѣнія помѣшалась. Женщина сожгла тутъ же еще три свертка и спокойно повторила свое приглашеніе, чтобы онъ купилъ послѣдніе три, все за ту же цѣну. Тогда Тарквиній сталъ вдругъ серьезенъ и внимателенъ: онъ понялъ, что ея настойчивость и самоувѣренность что-нибудь да значатъ. Онъ купилъ три послѣднихъ свертка, давъ за нихъ ту же цѣну, которую она потребовала было за весь сборникъ. Женщина тогда оставила Тарквинія и послѣ этого, какъ то было удостовѣрено, уже нигдѣ болѣе не появлялась; а тѣ три книги были отданы на храненіе въ священное мѣсто и названы Сивиллиными".

Такъ разсказывалъ легенду о происхожденіи Сивиллиныхъ книгъ Авлъ Геллій со словъ „старинной лѣтописи" (I, 19); съ нимъ соглашаются, за немногими и неважными варіантами, и остальные наши свидѣтели. Ихъ довольно много: повидимому, легенда пользовалась популярностью—ее пересказываютъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, и съ религіозной, и съ антикварной, и съ исторической, и съ полемической. И надобно сказать, наша легенда заслуживала свою популярность даже помимо своей красивой эпиграмматической формы; конечно, таинственная старуха-Сивилла принадлежитъ къ области миѳовъ, но Сивиллины книги были фактомъ, и можно сказать безъ преувеличенія, что ими была опредѣлена эволюція римской религіи за весь республиканскій періодъ.

Чтобы уразумѣть это, мы отъ легенды должны перейти къ исторіи. Конечно, для этого требуется изслѣдованіе — собраніе всѣхъ относящихся сюда, очень разрозненныхъ и запутанныхъ свидѣтельствъ, критика легендарныхъ и другихъ извращеній, комбинація достовѣрныхъ элементовъ преданія; изслѣдованіе это произведено многими, къ числу которыхъ авторъ имѣетъ право причислить и себя; но здѣсь, понятно, не мѣсто для его повторенія. Прошу позволенія ограничиться результатами.

Главнѣйшій результатъ гласитъ такъ: въ лицѣ Сивиллиныхъ книгъ, религія Аполлона, восторжествовавшая въ Греціи надъ побѣжденной религіей Зевса, налагаетъ свою руку также и на

Римъ, а съ нимъ и на весь Западъ. Въ поясненіе этого основного положенія я долженъ замѣтить нижеслѣдующее.

Культъ Аполлона, ведущій свое начало—для насъ по крайней мѣрѣ — изъ троянской земли, различными струями распространялся по области греческой культуры. На своей родинѣ, у подножія Иды, онъ крѣпко держался въ царствѣ потомковъ Энея, пережившемъ паденіе Трои. Тутъ съ нимъ были неразрывно связаны два образа: образъ легендарнаго царя-основателя династіи, Энея, и образъ таинственной пророчицы, Кассандры или Сивиллы. Эту связь удерживаетъ одна изъ упомянутыхъ струй; мы можемъ прослѣдить ея вліяніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ Ѳракіи, Крита, Иллиріи и наконецъ—греческой Италіи съ Сициліей включительно. Странствованіе культа имѣло послѣдствіемъ превращеніе въ странниковъ также и Энея съ Сивиллой; легенда о скитаніяхъ спасеннаго изъ пожара Трои Энея съ отцомъ Анхисомъ и сыномъ Асканіемъ возникла именно этимъ путемъ—надо было, чтобъ Эней самолично посѣтилъ и освятилъ тѣ мѣста, гдѣ, вслѣдствіе принятія культа Аполлона, сохранилась память о немъ. Предѣльнымъ пунктомъ были долгое время италійскія Кумы, греческая колонія къ сѣверо-западу отъ Неаполя; здѣсь возвышался на морскомъ берегу храмъ Аполлона; здѣсь же и странница Сивилла предполагалась закончившей свое земное существованіе. Впрочемъ, по другому варіанту, она и не умирала вовсе: не даромъ она испросила себѣ у Аполлона столько лѣтъ жизни, сколько песчинокъ на морскомъ берегу...

Другая струя перенесла культъ Аполлона на Дэлосъ, ставшій отнынѣ признанной родиной самого бога; третья—въ Дельфы. Здѣсь, въ средоточіи собственной Эллады, онъ достигъ наибольшаго блеска и затмилъ всѣ прочія святилища и прорицалища бога; безъ сомнѣнія этому содѣйствовала также и искусная политика управлявшей Дельфами жреческой коллегіи. Торжествомъ этой политики былъ союзъ со Спартой, доставившій Дельфамъ умственную гегемонію въ Элладѣ и руководящую роль въ колонизаціонномъ дѣлѣ. Для упроченія своей власти Дельфы основали также своего рода колоніи или, если угодно, подворья въ разныхъ городахъ Греціи—храмы „Аполлона Пиѳійскаго“; другимъ, не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ было принятіе въ подданство, если можно такъ выразиться, первоначально самостоятельныхъ центровъ культа Аполлона. Эти попытки не всегда удавались—нечего дѣлать, стремленіе къ „автономіи“ было самой выдающейся чертой эллиновъ, причиной ихъ силы и слабости. Легче всего онѣ должны были удаваться на окраинахъ грече-

скаго міра, гдѣ нравственная поддержка духовной метрополіи была очень желательна и съ лихвой вознаграждала за утраченную самостоятельность. По отношенію къ храму куманскаго Аполлона она удалась: гербъ дельфійскаго святилища — „дельфинъ“ и треножникъ — былъ присвоенъ и ему въ знакъ его тѣсныхъ сношеній со святой горой свѣтлокудраго бога.

Въ шестомъ вѣкѣ гегемонія Дельфовъ была упрочена во всей Греціи, и собственной, и колоніальной; тогда ихъ правители возъимѣли грандіозную мысль —распространить ее на весь цивилизованный міръ той эпохи, превратить религію Аполлона изъ общеэллинской во всемірную. Дельфы, средоточіе материковой Эллады, были объявлены средоточіемъ земли, что, при несовершенствѣ тогдашнихъ космографическихъ и географическихъ представленій, вовсе не казалось такой нелѣпостью: была даже придумана довольно убѣдительная легенда въ подтвержденіе ихъ центральнаго положенія. А затѣмъ нужно было завязать сношенія съ сосѣдями на востокѣ и на западѣ; это и было сдѣлано, и притомъ, насколько мы можемъ прослѣдить, почти одновременно здѣсь и тамъ. Восточнымъ сосѣдомъ былъ Крезъ лидійскій, западнымъ—Тарквиній Гордый, доставившій своему Риму, какъ мы видѣли, гегемонію надъ этрусками и латинами—и этимъ самымъ значеніе первой державы. Исторія съ Крезомъ извѣстна. Потерпѣвъ крушеніе вмѣстѣ со своимъ избранникомъ, побѣжденнымъ въ войнѣ съ Киромъ, Дельфы очень искусно спасли свое обаяніе знаменитымъ толкованіемъ знаменитаго оракула:

„Крезъ, чрезъ Галисъ перейдя, величайшее царство разрушитъ“...

(Понимай: свое собственное) — а затѣмъ заключили союзъ съ побѣдителемъ. То же самое вышло и на западѣ. Тарквиній, союзникъ и орудіе Дельфовъ, былъ изгнанъ; его родственникъ, Брутъ, сталъ основателемъ республики. И что же происходитъ далѣе? Появляется, прежде всего, легенда слѣдующаго содержанія. Тарквиній снаряжаетъ въ Дельфы посольство, состоящее изъ двухъ его сыновей и еще своего родственника, упомянутаго только-что Брута. Покончивъ со своимъ порученіемъ, юноши обращаются къ богу также и по личному дѣлу — а именно съ вопросомъ, который изъ нихъ унаслѣдуетъ власть царя. Оракулъ отвѣчаетъ: тотъ, „кто первый поцѣлуетъ мать“. Оба Тарквинія толкуютъ эти слова въ прямомъ смыслѣ и принимаютъ соотвѣтственныя мѣры; одинъ только Брутъ догадывается объ ихъ сокровенномъ значеніи: нарочно поскользнувшись, онъ падаетъ и незамѣтно цѣлуетъ землю. — Надо полагать, что Брутъ лучше

своихъ родственниковъ былъ посвященъ въ дельфійское ученіе о матери-Землѣ, не находившее себѣ почвы, какъ мы видѣли, въ римской религіи; какъ это обстоятельство, такъ и вся тенденція легенды и ея сходство съ даннымъ Крезу оракуломъ доказываетъ ея дельфійское происхожденіе.

Сходство, впрочемъ, этимъ ограничивается; въ дальнѣйшемъ исходъ предпріятій былъ неодинаковъ. На востокѣ Дельфы постигло вторичное разочарованіе: ихъ союзъ съ персами, для которыхъ они придумали даже миѳическое происхожденіе отъ греческаго героя Персея, не далъ никакихъ плодовъ. Персы были разбиты въ войнѣ съ Греціей, и всѣ попытки Дельфовъ запугать греческія общины грозными оракулами повели только къ уменьшенію и подрыву ихъ собственнаго обаянія. Но на западѣ ихъ успѣхъ былъ полный, и они не имѣли причинъ раскаяваться въ томъ, что въ лицѣ Брута они благословили молодой республиканскій Римъ.

Успѣхъ же состоялъ въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, Сивиллины книги, переживъ паденіе царей, въ теченіе всего республиканскаго періода, да и дальше, остались книгой судебъ римскаго государства. Во-вторыхъ, къ нимъ была приставлена коммиссія толкователей, состоявшая сначала изъ двухъ, затѣмъ изъ десяти и напослѣдокъ изъ пятнадцати членовъ. Наконецъ, миѳъ о странствованіяхъ Энея былъ перенесенъ и въ Римъ, который сталъ ихъ предѣльнымъ пунктомъ; Ромулу дали въ родоначальники троянскаго князя, а Римъ былъ признанъ продолженіемъ сожженной Трои.

Стоитъ остановиться на смыслѣ этихъ трехъ новшествъ.

Во-первыхъ, Сивиллины книги стали книгами судебъ римскаго народа. Въ тревожные дни къ нимъ обращались съ вопросомъ о томъ, какъ умилостивить явный гнѣвъ небожителей; отвѣтъ заключался въ предписаніи такимъ-то образомъ почтить такихъ-то боговъ, а въ особо важныхъ случаяхъ—учредить новый культъ такимъ-то, неизвѣстнымъ дотолѣ въ Римѣ, богамъ. Благодаря первой мѣрѣ, римскій народъ пріучался служить своимъ богамъ по чужому, греческому образцу; особенно поучительнымъ примѣромъ былъ въ этомъ отношеніи такъ называемый „lectisternium“, при которомъ слѣдовало уложить кумиры боговъ на особо приготовленныхъ для этой цѣли „ложахъ“ и угостить ихъ пиршествомъ; можно себѣ представить, насколько такой обрядъ подходилъ къ исконно-римской религіи съ ея имманентностью и актуальностью! Но еще важнѣе была вторая мѣра, благодаря которой чужія и на этотъ разъ греческія божества получили храмы,

жрецовъ и культъ въ Римѣ. Ихъ было не мало; не всѣ случаи намъ извѣстны, но и того, что̀ мы знаемъ, достаточно. Самыми яркими примѣрами были двѣ новыя троицы, введенныя въ Римъ, очевидно, въ противовѣсъ капитолійской; то была, во-первыхъ, элевсинская троица (Ceres, Liber, Libera); во-вторыхъ, дэлосская (Аполлонъ, Діана, Латона). Тутъ насъ интересуетъ, прежде всего, сама троичность—она въ греческихъ культахъ опоры не имѣла, въ ней мы должны признать вліяніе компромисса, приноровленіе къ римскимъ понятіямъ. Въ Греціи боговъ соединяли большею частью попарно; такъ элевсинской троицѣ въ Греціи соотвѣтствовала чета,—мать и дочь (Деметра и Кора, знаменитыя въ клятвенныхъ формулахъ „обѣ богини“, tὸ theô); дэлосской—тоже чета, братъ и сестра (Аполлонъ и Артемида). Въ Римѣ четы были превращены въ троицы путемъ присоединенія къ нимъ третьяго божества, тоже греческаго, но отступающаго въ греческомъ культѣ совершенно на задній планъ—таково было обаяніе капитолійской троицы. Но это не было единственнымъ пунктомъ, въ которомъ Сивиллины книги и ихъ мудрые толкователи шли на встрѣчу народной традиціи: вторымъ, не менѣе важнымъ, было ихъ стремленіе по возможности романизировать боговъ, культъ которыхъ они вводили. Сами боги были греческіе, и служба имъ оставалась греческой, но имена имъ давались по возможности латинскія, заимствованныя изъ неистощимаго арсенала римскаго полидэмонизма, а иногда и составленныя ad hoc. Дэметра была названа Церерой—что̀ было вполнѣ естественно; ея божественная „дочь“ въ Элевсинѣ такъ и называлась (Korê)—это имя было просто переведено по-латыни (Libera), а воспоявшему троицу юному богу было по аналогіи дано соотвѣтственное мужское имя „сына“ (Liber). Въ Элевсинѣ этотъ послѣдній назывался Іакхомъ; по созвучію, а также по другимъ причинамъ, его отожествляли съ Вакхомъ-Діонисомъ; и вотъ въ Римѣ Liber стало именемъ греческаго Діониса, который съ такимъ знакомъ римскаго гражданства уже не могъ чувствовать себя чужестранцемъ на семи холмахъ. Аполлонъ, по весьма понятной причинѣ, предпочелъ сохранить свое исконное имя; почему его примѣру послѣдовала его мать Латона, мы догадаться не можемъ; но его сестра, охотница Артемида, была покладистѣе и дала себя безъ труда отожествить съ покровительницей святой „рощи“ на lacus Nemorensis, Діаной. Эти уподобленія были, такъ сказать, оффиціальны; но разъ починъ былъ сдѣланъ, подражанія не замедлили явиться, и Римъ охотно связалъ блѣдный сонмъ своихъ numina съ яркимъ греческимъ Олимпомъ. Юпитеръ былъ отоже-

ствленъ съ Зевсомъ, Юнона съ Герой, Венера съ Афродитой, и такъ далѣе; отожествленія были подчасъ очень неудачны—такъ Венера, покровительница овощей, совсѣмъ не покрывала греческой богини любви, да и Нептунъ только съ большой натяжкой и за неимѣніемъ у римлянъ настоящаго бога морей, могъ сойти за греческаго Посидона. Но мало-по-малу народъ къ нимъ привыкъ, образованные же люди до того освоились съ мыслью о тожествѣ греческаго и римскаго политеизма, что непопавшій въ греческій списокъ римскій богъ переставъ имъ быть понятнымъ. Характерно въ этомъ отношеніи признаніе Овидія относительно одного изъ древнѣйшихъ римскихъ боговъ, двуликаго Яна—признаніе, въ которомъ мы имѣемъ право видѣть отзвукъ мнѣній римскихъ богослововъ:

„Какъ же твое божество мнѣ выяснить, Янъ двуобразный?
„Бога такого, какъ ты, Греція намъ не дала".

А разъ римскіе боги получили греческія имена, то было очень нетрудно примѣнить къ нимъ и всѣ греческія сказанія объ обитателяхъ Олимпа: греческая миѳологія цѣликомъ влилась въ римскую религію. Римляне узнали, что тотъ владыка перуновъ, котораго они, скрѣпя сердце, признали въ истуканѣ капитолійскаго храма, былъ супругомъ тутъ же возсѣдающей Юноны и отцомъ другой своей сопрестольницы, Минервы; что онъ, однако, въ то же время состоитъ въ столь же близкихъ отношеніяхъ къ двумъ другимъ великимъ троицамъ, будучи супругомъ Цереры и Латоны, и отцомъ Либера и Либеры, Аполлона и Діаны. Узнали они это сначала частнымъ путемъ, благодаря общенію съ греками, а затѣмъ и съ подмостковъ театра на „сценическихъ играхъ": какъ Церера томилась, отыскивая свою похищенную дочь, какъ скиталась роженица Латона, не находя мѣста, гдѣ бы она могла разрѣшиться отъ своего двойного божественнаго бремени... Сказанія были прекрасны, они благодатнымъ дождемъ оросили сухую ниву римской поэзіи, но религіозный сумбуръ только увеличился отъ вторженія этого новаго міра, столь несогласнаго съ тѣмъ, что до тѣхъ поръ было преметомъ почитанія для благочестивыхъ римлянъ.

Во-вторыхъ, сказали мы, къ Сивиллинымъ книгамъ была приставлена коммиссія толкователей—duumviri (позднѣе—decemviri и quindecimviri) sacrorum. Другими словами: онѣ были изъяты изъ вѣдѣнія понтификовъ, высшаго авторитета въ дѣлахъ религіи, и переданы особой автономной власти. Надобно знать, что римляне,

относясь очень терпимо къ новымъ культамъ, питали тѣмъ не менѣе наибольшее уваженіе къ тѣмъ богамъ, которые благословили зарождающійся городъ и были свидѣтелями его постепеннаго роста. Это были „боги-старожилы“ (di indigetes—переводъ не совсѣмъ точенъ). Напротивъ, тѣ божества, культъ которыхъ проникъ въ Римъ позже, назывались „богами-новосѣдами“ (di novensides); къ нимъ принадлежали и Діана, и Минерва, о которыхъ была рѣчь въ предъидущихъ главахъ, затѣмъ—Геркулесъ, заимствованный изъ Тибура, Касторъ и Поллуксъ, перешедшіе изъ Тускула и др. Особенно обычай „эвокаціи“, описанный нами выше, долженъ былъ содѣйствовать увеличенію этого круга „боговъ-новосѣдовъ“; хотя, разумѣется, могли быть и другіе причины. Ихъ культъ правили особые жрецы, но общее руководительство принадлежало понтификамъ, тѣмъ самымъ, которые заботились о правильности священнодѣйствій въ честь боговъ старожиловъ; страннаго въ этомъ совмѣстительствѣ не было ничего—общая италійская кровь давала себя знать и здѣсь. Но дѣло кореннымъ образомъ измѣнилось, когда въ Римъ были перенесены Сивиллины книги и культъ Аполлона: впервые божество заговорило съ Римомъ на чужомъ, греческомъ языкѣ, и потребовало для себя священнодѣйствій, неизвѣстныхъ дотолѣ его новымъ почитателямъ. Учрежденіе второй центральной коллегіи стало необходимостью, и ея вѣдѣнію подпали всѣ греческіе богиновосѣды, которыхъ Римъ вводилъ въ теченіе слѣдующихъ столѣтій. Такимъ образомъ, со времени Тарквиніевъ въ Римѣ было два сакральныхъ центра и двѣ строго разграниченныхъ группы боговъ; къ первой принадлежали старожилы и италійскіе новосѣды, ко второй—новосѣды греческаго происхожденія. Читатель согласится, что это—явленіе въ высшей степени оригинальное; не думаю, чтобы гдѣ-либо внѣ Рима встрѣчалось нѣчто подобное. Коллегія sacrorum—это вовсе не то, что какой-нибудь „департаментъ иностранныхъ вѣроисповѣданій“: этотъ послѣдній не имѣетъ касательства къ коренному населенію,—здѣсь же, напротивъ, имѣются въ виду нужды именно этого коренного населенія, не удовлетворяемаго отеческими обрядами.

Я долженъ тутъ замѣтить, что правильный взглядъ на боговъ старожиловъ и новосѣдовъ былъ впервые развитъ Виссовой, который на этомъ дѣленіи построилъ свою систему римскаго „боговѣдѣнія“ (Götterlehre) и, благодаря этому, внесъ въ нее много стройности и ясности: тотъ же ученый, ради иллюстраціи, сравниваетъ замкнутый кругъ боговъ-старожиловъ съ патриціатомъ, произвольно расширяемую группу новосѣдовъ—съ плебействомъ.

Соотвѣтствіе тутъ несомнѣнно есть: отталкиваемые небесной аристократіей боговъ-старожиловъ такъ же пренебрежительно, какъ и земной—патриціевъ, плебеи естественно льнули къ новосѣдамъ, и спеціально къ новосѣдамъ греческимъ (италійскіе вскорѣ слились съ старожилами); и дѣйствительно, мы знаемъ, что храмъ эвесинской троицы сталъ религіознымъ средоточіемъ плебеевъ и своего рода присутственнымъ мѣстомъ для нихъ. Мало того: соотвѣтствіе до того поразительно, что мы можемъ поставить вопросъ, не входило ли оно съ самаго начала въ политику Дельфовъ и покровительствуемыхъ ими Тарквиніевъ, не было ли созданіе религіознаго центра для плебеевъ дальнѣйшимъ звеномъ въ цѣпи мѣръ, которыми Тарквиніевская династія подготовляла равноправіе плебеевъ съ патриціями? Во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать, что плебеи врядъ ли обнаружили бы въ двухвѣковой борьбѣ сословій то замѣчательное упорство, которое было необходимо для ихъ окончательнаго торжества, еслибы они не находили у ласковой Цереры ту нравственную поддержку, въ которой имъ отказывала строгая капитолійская троица. Но къ этому вѣрному сравненію мы можемъ прибавить другое, не менѣе убѣдительное. Сакральное право было у римлянъ вполнѣ аналогично съ гражданскимъ—и religio не одной только этимологіей напоминала гражданско-правовую obligatio; а въ гражданскомъ правѣ у римлянъ тоже былъ не одинъ, а два центра: „городскому“ претору, вѣдавшему тяжбы гражданъ, былъ противопоставленъ „перегринскій“, которому были подвѣдомственны дѣла не-гражданъ. Боги-новосѣды были тоже своего рода перегринами среди боговъ Рима; назначая имъ особую сакральную коллегію, Римъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, какъ и въ тотъ моментъ своей исторіи, когда онъ отдѣлилъ перегринскую юрисдикцію отъ гражданской. Можно даже идти дальше и указать, здѣсь и тамъ, на посредствующую между гражданами и не-гражданами группу: такъ-называемымъ латинамъ, не обладавшимъ римскимъ гражданствомъ, но все-же подсуднымъ трибуналу городского претора, довольно точно соотвѣтствовали новосѣды италійскаго происхожденія, о которыхъ пеклись тоже понтифики, а не коллегія sacrorum.

Но плодотворность нашего сравненія заключается не въ этомъ соотвѣтствіи, какъ оно ни разительно, а въ другомъ. Какъ извѣстно, у обоихъ преторовъ было два различныхъ кодекса гражданскаго права и судопроизводства: городской преторъ творилъ судъ по jus Quiritium; перегринскій—по jus gentium. Квиритское право было направлено къ осуществленію формальной justitia; оно изо-

биловало всякаго рода клаузами, опасными для неопытнаго человѣка, какъ бы ни была несомнѣнна правота его дѣла. Напротивъ, jus gentium имѣло въ виду реальную справедливость, aequitas, и было въ своихъ формахъ много вольнѣе; прогрессъ римскаго права въ значительной степени заключался въ томъ, что идеи juris gentium мало-по-малу просачивались черезъ жесткую скорлупу квиритскаго права и одушевляли его первоначальную формалистику. Можемъ ли мы провести такую же параллель и въ области сакральнаго дѣла, пользуясь аналогіей обоихъ его центровъ, старо-римскаго понтификата и перегринской коллегіи sacrorum? Про понтификальное право мы знаемъ, что оно по своей формалистикѣ ничуть не уступало квиритскому; молитвы составлялись не съ цѣлью удовлетворенія религіозной потребности души, а съ такимъ разсчетомъ, чтобы онѣ съ одной стороны не оскорбляли божества, съ другой—не обязывали молящагося дальше его собственнаго желанія. Здѣсь, такимъ образомъ, аналогія была полная; но что же сказать въ этомъ отношеніи о правѣ коллегіи sacrorum? Если судить по нѣкоторымъ признакамъ, то придется допустить значительно бо́льшую его вольность и, стало быть, аналогію съ jus gentium. Въ противоположность къ магистратской молитвѣ, обставленной всякаго рода „опасками“ (cautiones), коллегія sacrorum часто объявляла всенародныя молебствія (supplicationes), при которыхъ соблюденіе молящимися строгихъ молитвенныхъ формулъ было невозможнымъ, и молитвенное *настроеніе* естественно, хотя и безъ начальственнаго предписанія, должно было занимать ихъ мѣсто. Вообще, новые культы отличались церемоніаломъ, идущимъ въ разрѣзъ съ разсчетливой простотой старо-римской сакральной обстановки: видно было старательное намѣреніе произвести впечатлѣніе на народныя массы и вызвать въ нихъ если не всегда благоговѣйныя, то, по крайней мѣрѣ, праздничныя чувства. Всѣ эти молебствія, часто съ гимнами дѣвъ и отроковъ, эти процессіи, лектистерніи, игры, эти подчасъ таинственные обряды, къ достойному справленію которыхъ посвященные готовились посредствомъ болѣе или менѣе продолжительнаго поста,—все это дѣйствовало на фантазію и нагляднѣе говорило о присутствіи божества и непосредственности его общенія съ человѣкомъ. Древняя religio хорошо себя чувствовала въ новыхъ формахъ; тѣмъ дальше, тѣмъ больше греческіе боги-новосѣды возвышали свое обаяніе на счетъ старожиловъ. А такъ какъ обѣ группы вербовали своихъ поклонниковъ среди одной и той же массы римскаго народа, то отношенія должны были обостриться.—Но объ этомъ

будетъ сказано въ слѣдующей главѣ; теперь же полезно будетъ перейти къ третьему успѣху религіи Аполлона въ римской общинѣ.

Этотъ третій успѣхъ, какъ было сказано выше, состоялъ въ томъ, что Эней былъ признанъ родоначальникомъ основателя города Рима, въ которомъ, такимъ образомъ, возродилась древняя Троя. Было бы очень неправильно видѣть въ этомъ представленіи плодъ поэтической фантазіи, годный только для напыщенныхъ панегириковъ и торжественныхъ одъ: оно глубоко въѣлось въ сердце римлянъ, мысль о происхожденіи ихъ отъ великаго города-мученика сѣдой старины наводила ихъ на тревожныя чаянія такой же гибели и такого же возрожденія ихъ собственнаго города. Стали размышлять и разсчитывать: предсказанія Сивиллы съ одной стороны, ученія философовъ о періодическихъ „палингенесіяхъ"—съ другой, астрологія съ третьей—все это создало душную, щемящую атмосферу, въ которой всякое внѣшнее злоключеніе ощущалось вдвое болѣзненнѣе, чѣмъ слѣдовало. Ожидавшійся конецъ римскаго государства долженъ былъ наступить, по мистическимъ разсчетамъ, въ теченіе перваго вѣка до нашей эры, и ожиданіе этого конца значительно способствовало возвышенію царя изъ рода Энея, Юлія Цезаря, и упроченію монархическаго строя на развалинахъ аристократической республики.— Но мы зашли слишкомъ далеко впередъ; эволюція римской религіи въ республиканскій періодъ еще потребуетъ нашего вниманія.

VIII.

„Религія Тарквиніевъ въ своихъ основныхъ чертахъ осталась религіей республиканскаго Рима вплоть до войны съ Ганнибаломъ",—говоритъ Виссова (стр. 38); съ этимъ замѣчаніемъ придется согласиться. Конечно, притягательная сила обоихъ центровъ, національнаго и греческаго, была неодинакова; въ началѣ коллегія sacrorum перевѣшивала, проявляя энергію, свойственную веществамъ и институтамъ in statu nascendi: такъ было до половины пятаго вѣка. Затѣмъ она отступаетъ нѣсколько передъ національными культами и коллегіей понтификовъ: съ одной стороны, постоянныя войны съ италійскими племенами естественно направляли умы римлянъ къ почитанію обще-италійскихъ божествъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ битвъ и походовъ; съ другой стороны, плебеи, главные ревнители чужеземныхъ культовъ, получивъ доступъ къ высшей магистратурѣ, уже не такъ

чувствовали себя пасынками Юпитера Капитолійскаго. Въ третьемъ вѣкѣ картина опять мѣняется: мы замѣчаемъ усиленную дѣятельность коллегіи sacrorum и новый наплывъ чужеземныхъ культовъ и обрядовъ въ Римъ. Это—какъ разъ то время, когда Римъ, подчинивъ себѣ окончательно собственно италійскую Италію, сталкивается съ эллинизмомъ на югѣ Апеннинскаго полуострова (война съ Пирромъ) и въ Сициліи (первая пуническая война). Его отношенія къ эллинизму были то дружественныя, то враждебныя; по странному стеченію обстоятельствъ, и дружба, и вражда, одинаково благопріятно отзывались на обаяніи Сивиллиныхъ книгъ. Дружба съ греческимъ элементомъ въ Италіи естественно поднимала значеніе этихъ греческихъ и посвященныхъ греческимъ богамъ памятниковъ; если же отношенія обострялись, то римляне вспоминали, что они съ благословленія Сивиллы были троянцами и вели правую войну съ врагами своей старинной родины. Съ другой стороны, третій вѣкъ былъ также временемъ усиленнаго наплыва перегриновъ въ Римъ, поведшаго къ отдѣленію перегринской прэтуры отъ городской и, стало быть, къ большей самобытности juris gentium, которому соотвѣтствовало сакральное право коллегіи sacrorum. Наконецъ, можно указать и на соревнованіе двухъ знатнѣйшихъ и славнѣйшихъ родовъ въ Римѣ, Фабіевъ и Клавдіевъ, какъ на причину усиленія чужеземныхъ культуръ. Оба рода были покровителями плебса, оба старались заручиться расположеніемъ Сивиллы для своихъ цѣлей; разница состояла въ томъ, что Фабіи, кажется, видѣли въ Сивиллѣ греческую, Клавдіи—троянскую и враждебную грекамъ силу. Въ такихъ случаяхъ положеніе третьяго лица бываетъ очень удобнымъ: при сколько-нибудь искусной политикѣ можно извлекать выгоду изъ обоихъ соперниковъ. Такъ случилось и здѣсь. Фабіи были главой сенатской партіи; подъ ихъ вліяніемъ состоялось уже въ 217 г., второмъ году войны, постановленіе, послѣдствіемъ котораго было уничтоженіе границъ между богами-старожилами и новосѣдами и рѣшительная эллинизація римскаго культа. Поводомъ послужили, какъ это бывало обыкновенно, такъ-называемыя продигіи, т.-е. разныя, отчасти (якобы) чудесныя, отчасти просто замѣчательныя происшествія, которыя указывали, повидимому, на гнѣвъ боговъ; но настоящей причиной была ненависть сената къ тогдашнему консулу, ставленнику демократовъ, который слишкомъ уже откровенно выказывалъ непочтеніе къ роднымъ богамъ. Требовалась, на первомъ планѣ, быть можетъ, чистосердечная искупительная жертва; намъ уже этого не разобрать. Но, между прочимъ, и внушительная религіозная демон-

страція,—чтобы парализировать въ глазахъ народа вольнодумство консула-полководца; а для этой цѣли убогія домашнія церемоніи не годились, нуженъ былъ весь блескъ иностранной обрядности, которую вѣдала коллегія sacrorum. И вотъ мы присутствуемъ при замѣчательномъ зрѣлищѣ: исконные боги, боги Ромула и Нумы, обращаются къ пришлой Сивиллѣ, требуя обновленія своихъ культовъ. Сивилла охотно исполнила требуемое; особенно знаменательнымъ было обновленіе культа Сатурна, древне-римскаго дэмона „возрожденія хлѣба", которому именно теперь былъ учрежденъ веселый декабрьскій праздникъ золотого вѣка, знаменитыя „Сатурналіи". Съ этихъ поръ ежегодно Римъ въ эти дни оглашался ликующими криками: „io Saturnalia!" и съ зимнимъ мракомъ боролся блескъ восковыхъ свѣчей... тѣхъ самыхъ, которыя въ эти самые дни и у насъ горятъ на томъ веселомъ праздникѣ, который мы празднуемъ, въ концѣ декабря, въ честь Основателя нашей религіи.

Это было только начало; когда нечестивый консулъ своей гибелью на Тразименскомъ озерѣ искупилъ свое вольнодумство, была предпринята вторая, еще болѣе вѣская демонстрація. Самъ глава партіи, великій Фабій-Кунктаторъ, назначенный диктаторомъ на тревожное время послѣ пораженія, выступилъ въ сенатѣ съ внушительной рѣчью объ убитомъ консулѣ, провинившемся, по его словамъ, болѣе своимъ неуваженіемъ къ религіознымъ обрядамъ, чѣмъ своимъ полководческимъ легкомысліемъ и незнаніемъ военнаго дѣла. По его настоянію децемвиры sacrorum обратились къ Сивиллѣ: результатомъ было много молебствій и обѣтовъ, но между прочимъ вотъ что. Было выставлено, для торжественнаго лектистернія, шесть священныхъ ложъ: одно ложе —Юпитеру и Юнонѣ, другое—Нептуну и Минервѣ, третье—Марсу и Венерѣ, четвертое—Аполлону и Діанѣ, пятое—Вулкану и Вестѣ, шестое—Меркурію и Церерѣ. Какъ видитъ читатель, греческая попарность восторжествовала надъ римской троичностью, но это еще не такъ важно. Важно то, что здѣсь впервые, на развалинахъ римскаго полидэмонизма, установляется культъ греческихъ двѣнадцати боговъ. „Такъ,—справедливо говоритъ Виссова (стр. 55),—возникъ въ Римѣ новый кругъ боговъ, составленный совершенно безотносительно къ древности и происхожденію культовъ и расчлененный на основаніи греческихъ преданій и обрядовъ. Этимъ было упразднено старинное сакрально-правовое различіе между богами-старожилами и новосѣдами; новая семья боговъ получила подъ именемъ „соединенныхъ бо-

говъ" (di consentes) оффиціальное значеніе, ихъ позолоченные кумиры были публично выставлены на форумѣ".

Но настоящимъ торжествомъ Фабіевъ было рѣшеніе Рима въ 216 г. отправить посольство въ Дельфы. Случилось это подъ одновременнымъ впечатлѣніемъ двухъ страшныхъ несчастій: пораженія римскаго войска подъ Каннами и растлѣнія двухъ весталокъ; ужасъ тогдашняго положенія лучше всего передаютъ простыя и внушительныя въ своей простотѣ слова Ливія (22, 57): „Помимо всѣхъ этихъ бѣдствій, римляне были напуганы еще грозными знаменіями, а главнымъ образомъ тѣмъ, что въ этомъ году двѣ весталки, Опимія и Флоронія, были уличены въ нарушеніи обѣта чистоты; изъ нихъ одна, согласно обычаю, была умерщвлена зарытіемъ въ землю у Коллинскихъ воротъ, другая сама съ собою покончила. Л. Кантилій, понтификальный писецъ—теперь такихъ называютъ младшими понтификами,—растлившій Флоронію, былъ сѣченъ розгами на комиціи верховнымъ понтификомъ такъ, что онъ подъ ударами испустилъ духъ. Такъ какъ такое нечестіе—что и естественно подъ гнетомъ подобныхъ бѣдствій—было также признано знаменіемъ, то децемвиры (sacrorum) получили порученіе обратиться къ (Сивиллинымъ) книгамъ, и Кв. Фабій Пикторъ былъ отправленъ въ Дельфы, чтобы вопросить оракулъ, какими мольбами и службами можно умилостивить боговъ, и когда наступитъ конецъ злоключеніямъ. Пока же, на основаніи книгъ судебъ, было совершено нѣсколько чрезвычайныхъ жертвоприношеній: такъ, два галла, мужчина и женщина, и равнымъ образомъ два грека, были живыми опущены подъ землю на Скотномъ рынкѣ и заключены въ каменную темницу, которая уже раньше была сдѣлана мѣстомъ человѣческихъ жертвоприношеній, идущихъ въ разрѣзъ съ римскимъ обычаемъ". Названный здѣсь Фабій Пикторъ—первый римскій лѣтописецъ; свою лѣтопись онъ написалъ на греческомъ языкѣ, начиная съ перехода Энея въ Италію и кончая, насколько мы можемъ судить, каннскимъ сраженіемъ и своей миссіей въ Дельфы. Этимъ вся римская исторія была заключена въ рамки религіи Аполлона.

Признаніе дельфійскаго храма высшимъ религіознымъ авторитетомъ со стороны Рима было, какъ мы видѣли, тщеславной мечтой дельфійской политики еще въ шестомъ вѣкѣ: теперь, однако, вліяніе святой горы Аполлона было довольно скромно, объ ея умственной гегемоніи и рѣчи быть не могло. Съ своей задачей дельфійскіе жрецы справились недурно—по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что Римъ послалъ имъ почетный даръ послѣ первой рѣшительной побѣды—но послѣдствій ихъ успѣхъ не имѣлъ. Раз-

нымъ образомъ и Фабіи въ дальнѣйшемъ ходѣ войны потеряли свой престижъ; съ нескрываемой ревностью смотрѣлъ главный представитель ихъ рода, великій Кунктаторъ, на возвышеніе молодого героя Сципіона, все болѣе и болѣе затмевающее его славу. Недоброжелательство Фабіевъ сблизило Сципіоновъ съ Клавдіями; подъ вліяніемъ этихъ двухъ могущественныхъ родовъ состоялось одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи римской религіи, озарившее своимъ блескомъ конецъ Аннибаловой войны и направившее римскую религіозную мысль на новые пути. Объ этомъ событіи слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Какъ уже было замѣчено выше, Клавдіи видѣли въ Сивиллѣ троянскую силу; помимо Дельфовъ, они искали сближенія съ родной—какъ думали всѣ—почвой Рима, съ Троадой; не дельфійскій Парнасъ, а троянская Ида привлекала ихъ вниманіе. Тамъ съ древнихъ поръ чествовалась великая Матерь боговъ, называвшаяся по-гречески Реей; когда троянскіе миѳы были перенесены въ Римъ, то и троянская „мать“, идейская Рея, нашла себѣ естественное мѣсто на новой родинѣ въ качествѣ матери Ромула и Рема, Реи Сильвіи (Silvia—латинскій переводъ греческаго Idaia, „лѣсная“). Съ теченіемъ времени троянскій культъ Реи подвергся значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ родственнаго фригійскаго культа Кибеллы, жрецы которой должны были быть кастратами, по примѣру миѳическаго любимца богини, пастуха Attys или Attês, впервые принесшаго ей такую неслыханную жертву. Такъ вотъ къ этой-то фригійской Матери боговъ Клавдіи съ давнихъ поръ успѣли пристроиться; они даже производили свой родъ отъ названнаго только-что Аттиса (въ латинской транскрипціи Attus или Atta), переселивъ его въ сабинскую страну подъ именемъ Атта Клавза, и съумѣли навязать Риму его статую съ пастушьимъ посохомъ и бритвой въ рукахъ. Правда, Римъ эту статую перетолковалъ по своему: на основаніи своего кривого посоха Аттъ былъ произведенъ въ авгуры, а бритва подала поводъ къ созданію о немъ милой легенды, которой мы здѣсь пересказывать не будемъ. Теперь, когда Аннибалова война близилась къ концу, Клавдіямъ представилась возможность въ союзѣ со Сципіонами осуществить свою завѣтную мысль: на основаніи Сивиллиныхъ книгъ римскій сенатъ рѣшилъ перевезти кумиръ Матери боговъ изъ Малой Азіи въ Римъ. Богиня требовала, чтобы ее въ Римѣ встрѣтили лучшій мужчина и лучшая женщина: были избраны, какъ этого и слѣдовало ожидать, по представителю отъ обоихъ первенствующихъ родовъ,

Сципіонъ Назика и Клавдія Квинта. Противъ Назики никто не протестовалъ, но насчетъ нравственности Клавдіи ходили неблагопріятные слухи. Разскажемъ дальнѣйшее словами уже нѣсколько разъ приведеннаго Овидія, хотя онъ передаетъ нашу легенду и не въ самомъ раннемъ ея видѣ:

Къ устію Мать пришлыа,—гдѣ Тибръ, расширяя теченье,
На необъятный просторъ рѣзвыя волны несетъ.
Всадники всѣ, и степенный сенатъ, и плебеи толпою—
Къ устью этруской рѣки всѣ ей на встрѣчу идутъ.
Шествуютъ матери, взявъ дочерей и невѣстокъ съ собою,
Шествуютъ тѣ, что очагъ Весты священный хранятъ.

Мужи идутъ бичевой, богатырскую грудь напрягая:
Судно чужое съ трудомъ встрѣчную рѣжетъ струю.
Засуха долго томила страну, всѣ луга пожелтѣли:
Въ тинѣ завязши рѣчной остановился корабль.
Тщетно въ тяжелой борьбѣ изъ силъ выбиваются мужи,
Тщетно ихъ мощный напоръ гулкая пѣснь единитъ—
Судно стоитъ, точно мертвый утесъ среди волнъ океана;
Страхомъ объятый, народъ чуетъ угрозу боговъ.

Клавдія Квинта свой родъ возводила къ старинному Клавзу;
Ту-жъ благородства печать ликъ ея юный носилъ.
Вѣрность супруги напрасно блюла она; лживыя рѣчи
Сердце ей жгли, безъ вины грѣшной она прослыла.
Ей повредили наряды, причесокъ затѣйливый пошибъ,
Да шаловливый языкъ, старцевъ угрюмыхъ гроза.
Чувствуя чистой себя, она смѣхомъ встрѣчала извѣты...
Ахъ, кто намъ ближнихъ чернитъ, вѣримъ легко мы тому.

Вотъ она къ Тибру идетъ, отдѣлившись отъ сонма замужнихъ,
Черпаетъ трижды рукой чистой текучей воды,
Трижды чело оросивъ, длань трижды къ эѳиру возноситъ...
Смотритъ, дивится народъ: ужъ не безумна ль она?
Вдругъ, преклонивши колѣно, въ упоръ она смотритъ богинѣ
И съ расплетенной косой молвитъ такія слова:

„Внемли молитвѣ моей, благодатная Матерь блаженныхъ,
„И подъ условьемъ однимъ милость яви мнѣ свою.
„Грѣшной слыву. Покорюсь, если ты меня также отвергнешь;
„Божьимъ судомъ сражена, смертью позоръ искуплю.
„Если-жъ чужда я вины, будь ты моей жизни порукой:
„Чистая, чистой руки прикосновенье уважь!“

Молвитъ, и легкой рукою хватаетъ канатъ корабельный—
(Чуденъ разсказъ, но театръ будетъ свидѣтелемъ мнѣ)—
Двинулось судно, во слѣдъ ей плыветъ и ведущую славитъ!
Крикомъ восторга народъ твердь оглашаетъ небесъ.

Я привелъ эту легенду не ради одной только ея поэтической красоты, о которой мой переводъ можетъ дать лишь несовершенное представленіе: пусть читатель ее сравнитъ хотя бы съ вышеприведенной легендой объ основаніи культа Діаны на Авентинѣ (гл. VI)—и онъ убѣдится въ важности происшедшей съ тѣхъ поръ перемѣны въ религіозныхъ потребностяхъ Рима. Великая Матерь боговъ не даетъ себя перехитрить, подобно простоватой покровительницѣ ариційской рощи: она требуетъ себѣ въ первопоклонники *лучшихъ* гражданъ тогдашняго Рима, и ея первое чудо на ея новой родинѣ—защита оскорбленной невинности. И это чудо не осталось достояніемъ однѣхъ только неудобочитаемыхъ лѣтописей; читатель не оставилъ безъ вниманія интереснаго стиха:

„Чуденъ разсказъ, но театръ будетъ свидѣтелемъ мнѣ"...

Съ подмостковъ сцены римлянамъ всѣхъ сословій преподносилась легенда о Клавдіи Квинтѣ и о чудѣ Матери-боговъ,—этотъ прототипъ столькихъ христіанскихъ легендъ о такомъ же заступничествѣ христіанской Богоматери за невинно обвиняемыхъ. Но подобное заступничество возможно только подъ условіемъ полнаго человѣкоподобія божества; понятно, что сердце, вкусившее сладкой иллюзіи такого отношенія къ своему богу, уже не возвращалось къ тѣмъ таинственнымъ и безстрастнымъ преломленіямъ міровой Воли, которыя почитала блѣдная религія предковъ. Мало того, и другіе элементы новаго культа глубже бороздили душу, чѣмъ все испытанное до сихъ поръ. Нéхотя касаемся мы затронутой выше черты въ службѣ великой Матери: она неприглядна въ самомъ принципѣ и прямо отвратительна въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ. Все же и въ ней была сторона, способная поразить посторонняго зрителя: эти люди безъ-завѣтно пожертвовали своей личностью божеству, которому они поклонялись; это было нѣчто болѣе внушительное, чѣмъ постъ Цереры, или запрещеніе фламиникѣ причесываться въ траурные дни. Что этотъ обычай значилъ? Спрашивали, справлялись, вспоминали легенду о первосвященникѣ Аттисѣ, введшемъ этотъ неслыханный обычай самоистязанія... Странно; такъ въ Римѣ никто еще своего бога не любилъ. Какъ ни была груба внѣшняя форма, но въ ядрѣ чувствовалась новая сила—сила суроваго, жестокаго *аскеза*. Форму Римъ откинулъ съ теченьемъ вѣковъ, но ядро сохранилъ—сохранилъ до нынѣшнихъ дней.

Но и въ другомъ отношеніи введеніе культа великой Матери было началомъ новой эры въ римской религіи; я уже замѣтилъ

выше, что онъ былъ не столько греческимъ, сколько восточнымъ культомъ. Противъ своей воли, Сивилла внесла зародышъ разложенія въ тотъ греческій міръ, который съ ея благословенія такъ пышно расцвѣлъ на благодарной римской почвѣ: подъ личиной греческой богини восточный фетишъ былъ перенесенъ въ Римъ, и за нимъ не замедлили явиться другія грековосточныя и просто восточныя божества. Новое наслоеніе начинаетъ ложиться на римскую почву — неблаговонный, но плодородный перегной старинныхъ вѣрованій и обрядовъ Востока, въ которомъ суждено было зародиться и вырости также и цвѣтку христіанства.

IX.

Все же древне-римская религія не дала себя заглушить безъ протеста. Правда, война съ Аннибаломъ была для нея тяжелымъ испытаніемъ, и кончилось оно далеко не блистательно: не у своихъ исконныхъ, а у чужихъ боговъ нашелъ Римъ помощь и заступничество въ минуту бѣдствія. Но торжество греческаго Олимпа было слишкомъ явно и полно, чтобы не вызвать реакціи; реакція наступила во второмъ вѣкѣ и нашла себѣ опору въ личности суроваго патріота, Катона Старшаго.

Поводомъ къ его вмѣшательству послужило одно изъ самыхъ интересныхъ явленій въ исторіи религіи древняго міра; мы можемъ его кратко назвать *античнымъ масонствомъ*. Такъ какъ этотъ терминъ, вѣроятно, возбудитъ недоумѣніе читателя, то я долженъ его объяснить; постараюсь сдѣлать это въ немногихъ словахъ, не пускаясь въ иллюстрирующія подробности и — въ силу необходимости — безъ обстоятельной мотивировки моихъ положеній.

Въ Греціи съ давнихъ поръ существовали тайныя братства, объединяемыя „оргіастическимъ“ культомъ Діониса. Ихъ основателемъ считался Орфей; отъ посвященныхъ требовалось соблюденіе нѣкоторыхъ стѣснительныхъ правилъ; наградой была имъ увѣренность въ безсмертіи души. Центромъ этихъ братствъ — если не всѣхъ, то многихъ — съумѣли стать Дельфы; въ этомъ, повидимому, заключалась одна изъ причинъ ихъ успѣха. Но, оказывая покровительство „оргіямъ“ Діониса, они потребовали извѣстной ихъ реформы, главнымъ образомъ удѣленія подобающаго мѣста Аполлону. Самымъ вліятельнымъ иниціаторомъ этой реформы былъ Пиѳагоръ; отъ него пошли такъ называемыя орфико-пиѳагорическія мистеріи, главнымъ полемъ дѣйствія ко-

торыхъ была южная Италія. Дельфы всегда искали опоры себѣ въ аристократіяхъ тѣхъ городовъ, съ которыми имѣли дѣло; благодаря ихъ вліянію, орфико-пиѳагорическія братства получили рѣзко аристократическій характеръ. Расцвѣтъ демократическихъ идей въ V вѣкѣ повелъ къ обостренію отношеній между ними и народными партіями; антагонизмъ нерѣдко переходилъ въ открытую кровопролитную войну. Въ одномъ изъ такихъ столкновеній была истреблена правящая ложа италійскаго масонства, кротонская; но и въ другихъ городахъ оно было поколеблено; только въ Тарентѣ оно продолжало держаться:—въ теченіе третьяго вѣка тарентинская ложа была главной носительницей орфико-пиѳагорическихъ традицій. Понятно, что она, при своемъ аристократическомъ характерѣ, съ особой симпатіей относилась къ аристократическому Риму; благодаря своимъ связямъ съ Дельфами и, стало быть, съ Сивиллой, ей удалось заключить съ Римомъ извѣстнаго рода сакральный союзъ, результатомъ котораго было перенесеніе въ Римъ такъ называемыхъ „тарентинскихъ“ игръ. Это случилось еще въ эпоху первой пунической войны; послѣдующія событія, о которыхъ было сказано въ предъидущей главѣ, еще лучше подготовили почву. И вотъ, въ началѣ второго вѣка братства получаютъ въ Римѣ самое широкое распространеніе; число посвящаемыхъ—особенно женщинъ—росло и росло; Римъ былъ опутанъ сѣтью тайныхъ обществъ, политическій характеръ которыхъ—таковой былъ имъ присущъ вездѣ—былъ крупной опасностью для оффиціальной власти. Мы сказали уже, что они объединялись культомъ Діониса; римляне знали этого бога подъ другимъ его именемъ—Вакха, и посвященныя его культу общества назывались bacchanalia.

Мы соединяемъ со словомъ „вакханаліи“ другое представленіе—то самое, которое съ нимъ стали соединять и непосвященные римляне послѣ страшной грозы, обрушившейся на тѣ тайныя общества въ 186 году. Судьба тайныхъ обществъ—тѣмъ болѣе чужеродныхъ—вездѣ одинакова: кто не можетъ проникнуть за таинственную завѣсу, поднимающуюся только для посвященнаго, тому за нею чудятся полныя соблазна и ужаса картины, среди которыхъ половой развратъ занимаетъ первое мѣсто. Не забудемъ, что и христіанскія общины не избѣгли общей участи; кто знаетъ, еслибы христіанство, въ концѣ концовъ, не побѣдило—не предстало ли бы оно передъ потомками въ томъ самомъ омерзительномъ видѣ, въ какомъ его изображаетъ языческій ораторъ въ апологіи Минуція Феликса? Стоитъ сравнить его описаніе съ описаніемъ вакханалій у Ливія (39 кн.)—сход-

ство поразительно. Мы не желаемъ этимъ сказать, что эти вакханаліи были вовсе лишены того порочнаго характера, который имъ тамъ приписывается; ночныя празднества, соединенныя съ оглушительной музыкой, одуряющей пляской, съ другими обрядами, имѣющими цѣлью экстазъ и ясновидѣніе—такія празднества естественно давали поводъ къ соблазну. Но мы отказываемся вѣрить, чтобы ими систематически преслѣдовались развратныя цѣли, отказываемся вѣрить въ человѣческія жертвоприношенія и весь прочій отвратительный аппаратъ, который имъ приписала молва—по той самой причинѣ, по какой мы и въ масонахъ отказываемся видѣть „фармазоновъ" народно-клерикальной легенды. Чѣмъ были вакханаліи въ дѣйствительности, это видно изъ оффиціальнаго наименованія, которое имъ было присвоено—наименованія заговора (conjuratio); дѣйствительно, рѣчь шла о заговорѣ, въ которомъ принимало участіе свыше семи тысячъ лицъ. А какого характера былъ этотъ заговоръ, это видно изъ обличительной рѣчи консула Постумія: „Съ каждымъ днемъ,—говорилъ онъ собравшемуся народу (Ливій, 39, гл. 11),—ростетъ и распространяется зло; оно уже превзошло предѣлы интересовъ частныхъ лицъ, оно угрожаетъ опасностью существованію нашего государства. Если вы не примете мѣръ, квириты, то эта наша законная сходка, созванная консуломъ при ясномъ свѣтѣ дня, найдетъ себѣ соперницу въ сходкѣ ночной. Теперь они боятся васъ, такъ какъ они разъединены, а вы собрались вмѣстѣ; но когда вы разойдетесь по домамъ и деревнямъ, а они соберутся и будутъ совѣщаться о своихъ выгодахъ и о вашей гибели, тогда они, сплоченные, станутъ вамъ, разъединеннымъ, очень опасны".

Рѣчь консула была сигналомъ страшныхъ репрессалій; повторились ужасы кротонскихъ дней. Но тогда, въ пятомъ вѣкѣ, тайныя братства сдѣлались жертвой ярости фанатизированной толпы: теперь высшая власть взяла въ свои руки дѣло возмездія. А впрочемъ, по своимъ результатамъ обѣ расправы стоили одна другой: общее число всѣхъ жертвъ консульскаго слѣдствія превысило 3.000. Такія же гоненія, по почину римскихъ властей, начались и въ прочей Италіи; ихъ послѣдствіемъ было полное почти исчезновеніе „вакханалій".

Боги отцовъ побѣдили! Не даромъ только-что упомянутая обличительная рѣчь консула, примыкая къ формулѣ старинной молитвы, начиналась словами: „никогда еще, квириты, это торжественное обращеніе къ богамъ передъ началомъ магистратской рѣчи не было такъ же умѣстно—скажу болѣе, такъ же не-

обходимо, какъ теперь; оно должно напомнить вамъ, что они и есть тѣ боги, которыхъ ваши предки оставили вамъ предметомъ вашего почитанія, вашихъ священнодѣйствій и молитвъ, а не тѣ, которые, овладѣвъ умами людей съ помощью зловреднаго *чужероднаго* культа, направляютъ ихъ на всякія безчинства и преступленія"; чужеродные культы были теперь окончательно заклеймлены, девизъ: patrios ritus servanto—сталъ лозунгомъ римскаго правительства. Эти patrii ritus были по преданію установлены Нумой Помпиліемъ, царемъ-собесѣдникомъ боговъ; его считали римляне основателемъ своей религіи, той религіи, которая, за незначительными измѣненіями, была сохранена до тѣхъ поръ и должна была быть сохраняема и впредь. Мнѣніе это стало руководящимъ правиломъ религіозной политики римскаго сената вплоть до конца республики; даже Цицеронъ, этотъ восторженный почитатель Греціи и греческой культуры, даетъ своему идеальному государству (въ книгахъ De legibus) сакральную конституцію, почти-что совпадающую „съ законами Нумы" (II, § 23).

Да, проникнуть въ мнимый кругъ Нумы было отнынѣ затруднительно; но ревнители греческихъ культовъ могли сдѣлать попытку обратить самого Нуму въ свою вѣру. Эта попытка была сдѣлана въ 181 г., всего пять лѣтъ послѣ начала расправы съ вакханаліями, и опять энергія партіи Катона была причиной ея крушенія. Это совпаденіе, а также самый характеръ попытки дозволяетъ намъ искать ея авторовъ въ той же орфико-пиѳагорической средѣ, отъ которой пошли и подавленныя вакханаліи. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Однажды въ участкѣ одного римлянина было найдено два гроба; изъ нихъ одинъ, согласно надписи, долженъ былъ содержать останки царя Нумы Помпилія, другой—его сочиненія. Когда гробы были вскрыты, первый оказался пустымъ, что̀ было приписано вліянію времени на бренное тѣло царя; но во второмъ нашли двѣ пачки книгъ, по семи каждая, „не только цѣльныхъ, но и очень свѣжихъ съ виду". Семь книгъ были написаны на латинскомъ языкѣ и содержали изложеніе понтификальнаго права; другія семь имѣли своимъ предметомъ изложенную по-гречески „философію Пиѳагора", легендарнаго учителя Нумы. Понятно, что находка заинтересовала, кромѣ непосредственно прикосновенныхъ къ ней лицъ, также и близкій, и дальній кругъ ихъ знакомыхъ; книги Нумы распространялись все больше и больше, и стали наконецъ извѣстны претору Квинту Петилію, одному изъ главныхъ приверженцевъ Катона. „Тотъ выпросилъ себѣ ихъ у хозяина; прочитавъ ихъ, онъ замѣтилъ, что ихъ главная тенденція—ниспроверженіе суще-

ствующей религіи. Тогда онъ объявилъ владѣльцу, что онъ намѣренъ предать книги огню, но раньше предоставилъ ему требовать ихъ обратно законнымъ путемъ, обязуясь не принимать этого за обиду. Владѣлецъ обратился къ трибунамъ; трибуны направили его въ сенатъ. Въ сенатѣ преторъ заявилъ свою готовность дать клятву въ томъ, что книги не подлежатъ чтенію и сохраненію; сенатъ постановилъ, что готовность претора служитъ достаточнымъ доказательствомъ справедливости его словъ, и что книги какъ можно скорѣе должны быть сожжены на комиціи, при чемъ владѣльцу должна быть выдана сумма, какую опредѣлитъ преторъ съ большинствомъ трибуновъ. Владѣлецъ отъ этой суммы отказался; книги же были сожжены на комиціи всенародно". Такъ разсказываетъ Ливій (40 гл. 29). Роль „найденныхъ" книгъ въ исторіи религій достаточно извѣстна: всегда въ подобнаго рода случаяхъ имѣется болѣе или менѣе ловкая подтасовка съ цѣлью реформировать существующую религію. Отсюда ясно, что мы въ разсказанномъ случаѣ должны видѣть неудачную попытку религіозной реформы—а именно реформу въ духѣ орфико-пиѳагорическихъ таинствъ.

Ея неудача сломила силу ревнителей эллинизма, но съ другой стороны и патріоты-націоналисты были не въ силахъ упразднить то, что было результатомъ трехвѣковой эволюціи римской религіи. Греческіе культы остались въ Римѣ, насколько они были пріобщены до окончанія второй пунической войны; а съ ними остались и тѣ чуждые первоначальной римской религіи элементы, которые своимъ сосуществованіемъ съ исконными дѣлали невозможнымъ всякое ясное и разумное представленіе о сущности того, что признавалось предметомъ вѣры. Мы знаемъ, чѣмъ были первоначальныя римскія божества — преломленія міровой Воли, допускающія безконечную дифференціацію и интеграцію, шарики ртути, при каждомъ ударѣ разсыпающіеся въ болѣе мелкіе, но и могущіе быть собраны въ одинъ крупный, въ смыслѣ мірового актуальнаго пантеизма. А что такое греческія божества?—ярко очерченныя личности, бронзовыя статуи, которыхъ нельзя ни дробить, не калѣча ихъ, ни сплавлять съ другими, не разрушая ихъ формы. А чѣмъ были римскія божества конца республиканскаго періода? И тѣмъ, и другимъ; это нелогично, неправдоподобно, почти-что невозможно—и тѣмъ не менѣе это такъ. Это совмѣщеніе несовмѣстимаго имѣло ближайшимъ послѣдствіемъ то, что римляне потеряли склонность вдумываться въ содержаніе своей вѣры, т.-е. въ сущность своихъ божествъ, и сосредоточили свое вниманіе на свое собственное къ нимъ отношеніе; это-то

отношеніе и стало преимущественнымъ содержаніемъ того, что въ Римѣ литературной эпохи называлось religio. Полезно теперь же отмѣтить этотъ пунктъ; онъ сталъ впослѣдствіи характернымъ признакомъ римскаго христіанства въ отличіе отъ греческаго. Ученіе Христа, распространяемое въ обѣихъ половинахъ имперіи, было одинаково, но его развитіе пошло по различнымъ путямъ: у грековъ оно превратилось въ theologia, у римлянъ—въ religio.

Впрочемъ, прежде чѣмъ говорить объ общемъ характерѣ римской религіи послѣ Катоновой реакціи, мы должны завести рѣчь объ одной новой силѣ, которая именно тогда стала проявлять свое вліяніе на нее, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Эта сила—греческая философія.

X.

Религія Нумы, какъ себѣ ее представляли римляне, по справедливости можетъ считаться одной изъ самыхъ чистыхъ религій, какія только знаетъ міръ, понимая слово „чистый“ въ смыслѣ свободы отъ посторонніхъ примѣсей. Посторонними же религіи примѣсями должны считаться, во-первыхъ, художественное, во-вторыхъ, философское начало.

Художественное начало проникло въ римскую религію при первомъ же сближеніи Рима съ Греціей при посредничествѣ эллинизованной Этруріи; оно стало распространяться въ ней тѣмъ сильнѣе, чѣмъ непосредственнѣе было это сближеніе, причемъ роль Этруріи перешла сначала къ кампанскимъ Кумамъ, затѣмъ къ Таренту и наконецъ къ собственной Греціи. Проникало же оно въ Римъ въ обоихъ своихъ главныхъ видахъ: съ одной стороны, поэтическія сказанія греческой миѳологіи стали приноровляться къ римскимъ богамъ, благодаря замѣнѣ греческаго имени латинскимъ; съ другой стороны, произведенія греческихъ ваятелей и живописцевъ, представлявшія греческихъ боговъ, благодаря той же подтасовкѣ, были выдаваемы за изображенія римскихъ „новосѣдовъ“ и даже „старожиловъ“. Эти двѣ струи были, однако, неодинаково сильны: вторая значительно глубже проникла въ римскую душу, чѣмъ первая. Причина этого различія заключалась, повидимому, въ томъ, что каналы, черезъ которые онѣ протекали, были далеко не одинаковаго достоинства. Греческая миѳологія сдѣлалась извѣстна въ Римѣ въ первыя времена не въ ея эпической или трагической обработкѣ—ее мы встрѣ-

чаемъ не раньше конца III вѣка,—а черезъ комедію, которая очень рано, черезъ Тарентъ и Кампанію проложила себѣ путь въ Римъ. Что̀ это значитъ, не трудно угадать; представимъ себѣ человѣка, который своимъ знакомствомъ съ сокровищницей греческой саги обязанъ „Прекрасной Еленѣ“! Позднѣе, когда римская трагедія принялась за работу и Римъ имѣлъ своихъ Корнеля и Расина—т.-е. Пакувія и Акція—для греческой миѳологіи на римской почвѣ настали лучшія времена; но первоначальная закваска была слишкомъ сильна, и красивые поэтическіе разсказы о богахъ и герояхъ такъ и остались для римлянъ игрой фантазіи, къ которой не слѣдовало относиться серьезно.

Другое дѣло — ваяніе и живопись. Тутъ дѣйствіе было чистымъ, благотворнымъ и глубокимъ. Къ тому же оно было постояннымъ; всякій разъ, когда римлянинъ обращался къ божеству, передъ нимъ являлся за синимъ туманомъ жертвеннаго дыма, въ таинственномъ полумракѣ храма, его величественный кумиръ, съ печатью вѣчнаго спокойствія и блаженства на прекрасномъ недвижномъ лицѣ. Съ такими представленіями душа быстро и прочно роднится; никакая реакція не была въ состояніи отучить римлянъ отъ потребности видѣть своихъ боговъ въ человѣческомъ образѣ. Совершенно напротивъ: второй вѣкъ былъ для Рима эпохой постоянныхъ войнъ; сокровища побѣжденныхъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали статуи боговъ, свозились въ Римъ, ставились на форумѣ и въ святыняхъ римскихъ боговъ—именно теперь антропоморфизмъ сталъ неизгладимой особенностью римскаго религіознаго мышленія. Оно осталось таковымъ и по принятіи христіанства. Можно сказать даже больше: въ этомъ отношеніи Римъ даже превзошелъ свою всегдашнюю учительницу и вдохновительницу Грецію; иконоборческое движеніе, грозившее уничтожить религіозное искусство на Востокѣ, было невозможно на Западѣ. Впрочемъ, не слѣдуетъ увлекаться: если иконоборство не нашло себѣ почвы въ Римѣ, то не потому, чтобы въ немъ художественныя потребности были сильнѣе, а потому, что въ немъ главная двигательная сила иконоборства была значительно слабѣе—именно философія.

Пока Римъ подготовлялъ и осуществлялъ свою главную задачу, покореніе міра силою оружія, Греція стремилась къ той же цѣли путемъ напряженной работы мысли. Ея пытливый взоръ старался проникнуть черезъ „пылающія стѣны вселенной“ въ вѣчную обитель боговъ; „самыя высокія и самыя дерзкія мысли о божествѣ, — говоритъ Роде, — были передуманы въ Греціи“. Единаго, согласнаго рѣшенія великой задачи не было и быть

не могло; всякая школа имѣла свои „догматы“—здѣсь это слово встрѣчается впервые въ довольно безобидномъ значеніи, — не всегда даже послѣдовательные, такъ какъ здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо разумъ испытываетъ постоянное, настойчивое давленіе чувства. Но, оставляя въ сторонѣ безвредную философскую археологію, можно сказать, что три направленія имѣли вліяніе на Римъ—эпикурейское, стоическое, академическое. Изъ нихъ академическое стало достояніемъ немногихъ избранныхъ умовъ, эпикурейское не столько вліяло на вѣру, сколько давало пищу безвѣрію; философіей вѣрующей интеллигенціи былъ стоицизмъ. Правда, религіозная система стоицизма была не лишена противорѣчій, вызванныхъ его компромиссами съ народной религіей; такъ, онъ предписывалъ поклоняться роднымъ богамъ, самъ не зная хорошенько почему, но его сущность заключалась въ идеѣ одухотворенности природы и, слѣдовательно, въ идеѣ божества какъ души міра, но души сознательной, устроивающей къ лучшему земныя дѣла и особенно пекущейся о людяхъ. Будучи одухотворенъ въ цѣломъ, міръ одухотворенъ также и во всѣхъ своихъ частяхъ; представленіе о единомъ божествѣ—душѣ міра—не исключаетъ представленія о низшихъ, такъ сказать, частичныхъ божествахъ, а, напротивъ, предполагаетъ его.

Сравнимъ теперь это стоическое ученіе съ исконной идеей римской религіи, охарактеризованной въ первыхъ главахъ; сколько тутъ сходства! Какъ легко, казалось, было этимъ двумъ умственнымъ величинамъ понять другъ друга и слиться во едино! Стоицизмъ довершалъ то, что въ римской религіи было лишь подготовлено ея стремленіемъ къ интеграціи: признавая Цереру, Вулкана, Сильвана, Фонта, онъ въ то же время интегрировалъ ихъ въ высшей единицѣ—душѣ міра. И кто знаетъ—еслибы не трехвѣковое дѣйствіе художественной струи, быть можетъ, Римъ, не жертвуя внѣшней стороной своей обрядности, принялъ бы стоицизмъ какъ внутреннее толкованіе своей религіи, доступное всякому и ни для кого не обязательное. Но греческій антропоморфизмъ стоялъ непреодолимой преградой между религіей и философіей; Церера не могла раствориться въ душѣ міра, такъ какъ она успѣла окоченѣть въ томъ греческомъ изваяніи, которое стояло въ храмѣ Cereris Liberi Liberae, и всѣ себѣ ее именно такъ представляли. Для борьбы съ этимъ представленіемъ требовалась сила болѣе внушительная, чѣмъ мягкій голосъ греческой философіи; а пока результатомъ философскаго движенія было только увеличеніе всеобщей путаницы. Римская интеллигенція въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ допускала троякую религію.

Первой была религія гражданская, обнимавшая совокупность признанныхъ и покровительствуемыхъ государствомъ культовъ; эта религія была обязательна для каждаго гражданина, поскольку онъ былъ гражданинъ. Вторая была религія поэтическая, обнимавшая совокупность греческихъ миѳовъ о богахъ и герояхъ; эта религія ни для кого обязательна не была, зато всякому предоставлялось не только любоваться ея красотой на сценѣ или на барельефахъ и фрескахъ роскошныхъ римскихъ дворцовъ, но и подвергать ее аллегорическому толкованію и сближать такимъ образомъ съ третьей. Этой третьей была религія философская; она была достояніемъ немногихъ и частнымъ дѣломъ каждаго изъ нихъ... мы сказали бы: дѣломъ его совѣсти.— Прежде чѣмъ поговорить о недостаткахъ этого воззрѣнія, оттѣнимъ надлежащимъ образомъ его хорошую сторону; она обыкновенно забывается, а между тѣмъ именно намъ надлежало бы о ней помнить.

Эта хорошая сторона заключается въ глубокомъ религіозномъ мірѣ, который внушала эта эпоха и которому вскорѣ суждено было оставить землю навсегда. Какъ видно изъ данной характеристики, римское государство было объединено религіей, какъ и всѣ государства древности, но это единство было поставлено внѣ всякой зависимости отъ религіознаго исповѣданія каждаго гражданина (таковое было его личнымъ дѣломъ) и имѣло своимъ символомъ внѣшніе обряды, вполнѣ безобидные, которымъ можно было придавать какой угодно смыслъ, а по желанію—и не придавать никакого. Въ этомъ положеніи дѣлъ не было ничего стѣснительнаго даже для самой чуткой совѣсти; было бы очень странно соваться со своей совѣстью туда, гдѣ никто и ничто ея участія не требовалъ. И дѣйствительно, мы ничего не слышимъ о религіозныхъ конфликтахъ въ эту эпоху, хотя во всемъ остальномъ умственная жизнь по своей оживленности не оставляла желать ничего лучшаго; римская гражданская религія многихъ не удовлетворяла, но зато никого не стѣсняла.

Многихъ не удовлетворяла... Да, и это, конечно, не говоритъ въ ея пользу. Она предписывала гражданину исполненіе внѣшнихъ обрядовъ и въ замѣнъ этого обѣщала ему—pacem deorum... приблизительно такъ же, какъ римскіе союзники исполненіемъ своихъ обязательствъ по отношенію къ Риму обезпечивали себѣ—pacem Romanam. Прекрасно; но въ чемъ же сказывалась эта pax deorum? Подумаемъ немного, что̀ значитъ въ славословіи ангеловъ: „in terra pax hominibus bonae voluntatis“? Что̀ значитъ привѣтъ Христовыхъ учениковъ: „pax huic domui“?

Повидимому—очень и очень многое, смотря по индивидуальности вѣрующаго. Для возвышенныхъ натуръ pax deorum будетъ заключаться въ чувствѣ мистическаго единенія съ божествомъ, томъ чувствѣ, христіанскимъ выраженіемъ котораго былъ бы знакомый намъ смиренно-гордый девизъ: „царствіе Божіе во мнѣ". Удовлетворяли ли римскіе обряды этому требованію? До нѣкоторой степени—да; но гораздо лучше имъ удовлетворяли греческія и иныя мистеріи, которыя и манили къ себѣ, поэтому, жаждущія божьяго мира сердца.—Для менѣе идеальныхъ, но все же и не погрязшихъ въ полномъ матеріализмѣ натуръ, pax deorum сводилась къ обезпеченію себѣ лучшей участи въ загробной жизни. И вотъ тутъ-то сказывалась несостоятельность римской религіи: о загробной жизни она ничего не говорила; обряды родительской недѣли знали только упырей, которыхъ надлежало кормить; участь всѣхъ въ этомъ призрачномъ существованіи была одинаково безотрадна. Кто этимъ не довольствовался, тотъ долженъ былъ искать спасенія либо въ философской религіи, либо въ греческихъ мистеріяхъ, особенно въ орфическихъ, этихъ главныхъ разсадникахъ идеи безсмертія души.—Наконецъ, низменныя натуры понимали pacem deorum въ самомъ матеріальномъ смыслѣ внѣшняго благополучія, ниспосылаемаго богами ихъ почитателямъ взамѣнъ точнаго исполненія предписанныхъ церемоній; эта вѣра была самой распространенной и неопровержимой, такъ какъ самое вѣское возраженіе противъ нея—несчастье благочестивыхъ—всегда легко могло быть устранено предположеніемъ какого-нибудь упущенія со стороны потерпѣвшаго, имъ самимъ незамѣченнаго или позабытаго. Ратуя противъ чужеземныхъ обрядовъ и мистерій, римская реакція, сама того не сознавая, работала въ пользу этого третьяго, самаго низменнаго толкованія: естественнымъ результатомъ ея политики было усиленіе религіознаго матеріализма въ послѣднемъ вѣкѣ римской республики. Сосредоточеніе царства боговъ на землѣ повело къ тому, что къ самой религіи стала прилагаться мѣрка пригодности внутри предѣловъ земной жизни человѣка; это неутѣшительное явленіе имѣло двѣ стороны, изъ которыхъ одна давала себя знать въ отношеніяхъ къ богамъ народа, другая —правящихъ классовъ.

Тамъ дѣло обстояло очень просто: такъ какъ отъ боговъ требовалось почти одно земное благополучіе, то и предметомъ почитанія были преимущественно тѣ, которые считались его дарователями. Ихъ было много для многихъ, смотря по роду дѣятельности каждаго, но одинъ для всѣхъ; это — тотъ, или,

вѣрнѣе, та, въ чьихъ рукахъ непредусмотримыя и непредотвратимыя случайности, способствующія или мѣшающія дѣйствію другихъ боговъ,—Фортуна. Фортуна была въ Римѣ хотя и „новосѣдкой", но все-же довольно древней богиней; ея превращеніе изъ первоначальной покровительницы плодородія нивъ и женской плодовитости въ богиню счастья принадлежитъ гораздо болѣе позднему времени. Теперь то старинное значеніе было забыто, а въ новомъ она получила такое распространеніе, что грозила растворить въ себѣ всѣхъ прочихъ боговъ. Почитали Фортуну разныхъ моментовъ жизни, Фортуну частныхъ лицъ, Фортуну родовъ, Фортуну коллегій, Фортуну ремеслъ и другихъ видовъ дѣятельности, Фортуну городовъ, Фортуну римскаго народа;—стремленія римской религіи къ интеграціи, постоянно тормозимыя въ другихъ ихъ образахъ, здѣсь, казалось, могли себѣ наконецъ найти удовлетвореніе. Слѣдовало только найти Фортуну еще болѣе общую, чѣмъ послѣдняя изъ названныхъ, Фортуну человѣчества, или, еще лучше, Фортуну міра—и искомое всеобъемлющее божество было бы найдено, такое, какого требовалъ римскій духъ, единое во многомъ и многое во единомъ... Слѣдуетъ ли печалиться о томъ, что этого не случилось? Нѣтъ, вѣрное своему происхожденію, всеобъемлющее божество сохранило бы низменный, матеріалистическій духъ отдѣльныхъ своихъ проявленій; спасти страждущій міръ религія Фортуны не могла.

Иная сторона этого низведенія царства боговъ на землю усматривается въ религіозности правящихъ классовъ; какая—это видно будетъ изъ слѣдующаго, высоко-интереснаго по содержанію и по откровенности отрывка, заимствованнаго нами изъ книгъ Цицерона „О законахъ" (I, § 30). Не забудемъ, что въ этомъ сочиненіи Цицеронъ пытается дать Риму идеальную религіозную конституцію, одухотворяя „законы Нумы" стоической философіей; утвердивъ на всѣ времена римскіе институты понтификовъ, авгуровъ и др., онъ отзывается о нихъ такъ: „То, о чемъ я говорю, относится не къ одной только религіи, но и ко всей государственной жизни; смыслъ сказаннаго вѣдь тотъ, что государство никогда не можетъ обойтись безъ авторитетнаго и просвѣщеннаго руководительства знати". Развивъ это на отдѣльныхъ жречествахъ, онъ продолжаетъ: „Но самое высокое и выдающееся положеніе по предоставленнымъ имъ правамъ, неразрывно связаннымъ съ ихъ личнымъ авторитетомъ, занимаютъ въ государствѣ авгуры. Въ самомъ дѣлѣ, — чтобъ остановиться на правахъ—можно ли представить себѣ большее могущество, чѣмъ то, въ силу котораго мы распускаемъ на-

родныя собранія, созванныя облеченными высшей властью лицами, и объявляемъ ихъ постановленія недѣйствительными? въ силу котораго начатое дѣло не можетъ быть продолжаемо, если одинъ только авгуръ скажетъ: „въ другой день!“? въ силу котораго мы постановляемъ чтобы консулы сложили съ себя магистратуру? въ силу котораго мы даемъ представителямъ власти право вносить свои предложенія въ народныя собранія—или не даемъ его, упраздняемъ законы, проведенныя неправильно, подчиняемъ своему авторитету все, что только творится магистратами и въ военной, и въ гражданской сферѣ ихъ власти?“—Какъ видно отсюда, вершители римской религіи еще тогда, когда писалъ Цицеронъ, присвоили себѣ, кромѣ духовнаго, еще и свѣтскій мечъ; это стремленіе осталось характерной ея особенностью на всѣ времена. Было ли это хорошо, или дурно? Не знаемъ; знаемъ только, что это было послѣдовательно.

XI.

Концу римской республики предшествовало то тревожное состояніе, которое мы вкратцѣ охарактеризовали выше, въ концѣ VII главы—ожиданіе не то гибели, не то возрожденія города Рима, этой возрожденной Трои, этого наслѣдника ея славы и ея несчастій. Въ эти годы бѣдствій римская религія опять, какъ и въ эпоху второй пунической войны, оказалась неспособной утѣшить горюющихъ и поднять малодушныхъ; а такъ какъ теперь, въ отличіе отъ только-что названной эпохи, ревнивые послѣдователи Катона старательно оберегали ее отъ всякаго посторонняго воздѣйствія, то она пришла въ упадокъ. Жречества, поскольку они не были политическаго характера, оставались вакантными, за неимѣніемъ вѣрующихъ лицъ, согласныхъ подвергаться сопряженнымъ съ ними тяготамъ и стѣсненіямъ; храмы, за неимѣніемъ денегъ для ихъ ремонта, обрушивались; даже боги забывались до такой степени, что ученый Варронъ, въ своихъ „Сакральныхъ древностяхъ“, долженъ былъ раздѣлить римскій пантеонъ на „боговъ извѣстныхъ“ и „боговъ неизвѣстныхъ“ (di incerti), разумѣя подъ послѣдними тѣхъ, о которыхъ онъ ничего опредѣленнаго узнать не могъ. Послѣднее твореніе римской религіозной мысли, Фортуна, отнимало воздухъ и влагу у остальныхъ, не исключая и почтенныхъ „старожиловъ“, и они глохли, не находя поклонниковъ олицетворяемымъ ими идеямъ.

Когда минуло ровно десять „вѣковъ“ — согласно римскому

счисленію въ „вѣкѣ“ (saeculum) было сто-десять годовъ—со времени разрушенія древней Трои, Риму угрожалъ Сулла; съ этого самаго года, по странной прихоти судьбы, удары сыпались одинъ за другимъ, со строгимъ соблюденіемъ десятилѣтнихъ промежутковъ. Въ 83 г., сгорѣлъ капитолійскій храмъ, символъ и залогъ римской державы; въ 73 г., Веста была оскорблена знаменіемъ такимъ же, какъ и то, противъ котораго въ Аннибалову войну искали помощи въ Дельфахъ; въ 63 г., заговоръ Катилины грозилъ гибелью государству — рѣчи Цицерона, его страхъ и торжество только и понятны на мрачномъ фонѣ этихъ чаяній близкаго конца державнаго города; въ 53 г., римскіе легіоны погибли въ сирійскихъ пустыняхъ подъ стрѣлами страшныхъ отнынѣ парѳянъ; въ 43 г., сама республика рушилась, и на ея развалинахъ возсталъ предтеча имперіи въ лицѣ тріумвирата. Именно тогда были увѣрены въ неминуемой гибели; но она не наступила; слѣдующій срокъ ничего страшнаго съ собой не принесъ, и вскорѣ затѣмъ самый умный и дальновидный изъ тріумвировъ, позднѣйшій императоръ Августъ, разбилъ послѣдняго своего врага и вновь обезпечилъ своему государству миръ людей и боговъ на долгое время.

Итакъ, не было гибели, было возрожденіе; какова же была религія возрожденнаго Рима?

Она была во всѣхъ трехъ опредѣлившихся до сихъ поръ направленіяхъ—національномъ, греческомъ и восточномъ—прогрессомъ въ сравненіи съ республиканской; но такъ какъ эти три направленія были несогласуемы между собою, то и теперь ничего единаго не получилось, и запутанность религіозной проблемы только увеличилась. Винить въ происшедшемъ основателя новаго режима нельзя; путемъ своихъ религіозныхъ реформъ онъ непосредственно двинулъ римскую религію въ одномъ только направленіи, въ другомъ—лишь допустилъ ея движеніе, движенію же въ третьемъ оказался не въ силахъ сопротивляться.

Двинулъ онъ ее впередъ въ томъ направленіи, которое мы вкратцѣ называемъ греческимъ. Оно было въ загонѣ со времени религіозной реакціи Катона Старшаго; а такъ какъ партія религіозной реакціи была въ то же время и республиканской партіей, то было ясно, что императору въ ея рядахъ мѣста быть не могло. Его роль въ религіозномъ вопросѣ была совершенно аналогична съ той, которую ему пришлось исполнять по отношенію къ литературному спору: тамъ онъ уже по политическимъ разсчетамъ долженъ былъ поддерживать новоклассическихъ поэтовъ, съ Виргиліемъ во главѣ, противъ архаистовъ — поклонни-

ковъ республиканской поэзіи: то же самое и здѣсь. Къ тому же домъ Юліевъ своимъ возвышеніемъ въ значительной степени былъ обязанъ Сивиллѣ и легендѣ о его происхожденіи отъ троянца Энея; понятно, что троянскій богъ сталъ главнымъ богомъ-покровителемъ новой династіи. Августъ выстроилъ Аполлону роскошный храмъ на Палатинскомъ холмѣ, до того роскошный, что Палатинскій Аполлонъ сталъ счастливымъ соперникомъ Капитолійскаго Юпитера; мало того, онъ велѣлъ перенести въ этотъ новый храмъ Сивиллины книги, хранившіяся до тѣхъ поръ въ Капитоліѣ, и этимъ какъ бы уничтожилъ символическую зависимость греческаго Пантеона отъ главнаго національно-римскаго божества. Къ тому же, Августъ состоялъ членомъ коллегіи sacrorum, этой высшей инстанціи по инороднымъ культамъ, значительно раньше, чѣмъ принялъ санъ верховнаго понтифика, и этимъ самымъ долженъ былъ болѣе сблизиться съ греческимъ, чѣмъ съ національнымъ направленіемъ римской религіи.—Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что это положеніе дѣлъ не пережило первой династіи императоровъ, т. е. Юліевъ и Клавдіевъ; съ воцареніемъ Флавіевъ, Палатинскій Аполлонъ теряетъ свое обаяніе, капитолійской троицѣ возвращается ея прежнее главенство въ оффиціальномъ богопочитаніи. Оно и понятно: тѣ императоры не были связаны узами родства съ троянскими царями, для нихъ Эней и Сивилла ничего не сдѣлали. А съ ослабленіемъ греческаго направленія усиливается значеніе обоихъ другихъ — національнаго и восточнаго.

Конечно, и Августомъ много было сдѣлано въ духѣ національной религіи: онъ возстановилъ развалившіеся храмы національныхъ боговъ; онъ заботился о томъ, чтобы стѣснительныя жречества, завѣщанныя предками, опять имѣли достойныхъ представителей. Но въ этомъ не было еще прогресса; прогрессъ заключался не въ томъ, что̀ Августъ сознательно вводилъ, а въ томъ, что̀ онъ только допустилъ. Мы видѣли выше (гл. VI), какъ старинная римская религія, послѣ того какъ ея главныя божества подверглись процессу эллинизаціи, нашла себѣ возмѣщеніе въ обоготвореніи ихъ качествъ, по отношенію къ которымъ она могла свободно примѣнять свои двѣ творческія силы, дифференціацію и интеграцію; будетъ умѣстно привести вторично слова, которыми мы тогда закончили характеристику этого явленія: было безразлично, сольются ли обоготворенныя добродѣтели въ одну высшую единицу—идею добра—или же сгруппируются вокругъ всеобъемлющаго божества, которое будетъ сдѣлано носителемъ ихъ всѣхъ. Первый путь не привелъ къ требуемой

цѣли: вмѣсто идеи добра, религія римской республики создала идею Фортуны, которая могла затмить обоготворенныя добродѣтели, но не соединить ихъ въ себѣ. Религія римской имперіи избрала второй путь; найти его помогла исконная особенность римской религіи, не забытая за все время ея существованія.

Читатель не забылъ, что̀ такое, согласно воззрѣніямъ первоначальной эпохи, представляетъ собою *геній*. Это — живущая въ каждомъ изъ насъ и проявляющаяся въ нашей индивидуальной волѣ частица божества, тотъ богъ, котораго имѣемъ въ виду иногда и мы, когда говоримъ: „счастливъ твой богъ“! Будучи богомъ, этотъ геній требовалъ себѣ поклоненія; да, но отъ кого? Отъ того, на кого распространялась воля даннаго лица,— отъ людей ему подневольныхъ: такъ, въ римскихъ домахъ геній хозяина былъ предметомъ поклоненія для домочадцевъ, особенно для рабовъ. Въ силу стремленія римлянъ къ интеграціи и всякая коллективная воля представлялась воплощенной въ особомъ коллективномъ геніи: были геніи родовъ, коллегій, наконецъ, высшая единица—геній римскаго народа. По этому пути прогрессъ былъ возможенъ: геній римскаго народа — впредь до созданія генія человѣчества—могъ стать тѣмъ всеобъемлющимъ божествомъ, вокругъ котораго могли группироваться обоготворенныя добродѣтели оставленныхъ и позабытыхъ старинныхъ боговъ. Конкурренція Фортуны испортила все: ставъ, какъ мы видѣли выше, непосредственнымъ объектомъ интеграціи, она лишила ее того этическаго характера, который былъ намѣченъ въ началѣ; въ носительницы добродѣтелей Фортуна не годилась. Нѣтъ,—но можно было инымъ путемъ достигнуть той же цѣли. Если индивидуальный геній, будучи богомъ, могъ требовать себѣ поклоненія отъ тѣхъ, на кого распространялась воля даннаго индивидуума, то было несомнѣнно, что *геній императора* долженъ былъ быть предметомъ почитанія для всѣхъ подданныхъ. Это не было обоготвореніемъ человѣка на восточный манеръ; поклонялись вѣдь не императору, а его генію, совершенно согласно съ воззрѣніями республиканской эпохи; Римъ настолько былъ проникнутъ духомъ юриспруденціи съ ея тонкими опредѣленіями и дистинкціями, что это различіе, при всей своей субтильности, было ему вполнѣ понятно. Итакъ, геній царствующаго императора занялъ мѣсто генія римскаго народа, подобно тому, какъ его державная воля замѣнила собой коллективную волю собиравшихся на форумѣ или на Марсовомъ полѣ квиритовъ. Смыслъ происшедшей перемѣны хорошо уловили авторы реформы римскаго городского управленія, въ 7-омъ году до Р. Х.: по ихъ распоряженію, въ часовняхъ такъ-

называемыхъ lares compitales (т.-е. участковыхъ геніевъ) между обоими ларами было поставлено изображеніе генія императора. „Этимъ,—справедливо замѣчаетъ Виссова (стр. 70),—было дано понять Риму, а вслѣдъ затѣмъ и другимъ городамъ Италіи и имперіи, что оффиціальная религія гражданъ должна отнынѣ имѣть своимъ центромъ почитаніе генія Августа точно такъ же, какъ домашній культъ имѣлъ своимъ центромъ почитаніе генія домохозяина".

Да и это было прекрасно понято; культъ генія Августа—„Августомъ" же былъ каждый царствующій императоръ—оказался прекраснымъ центромъ для раздробленныхъ элементовъ римской религіи. Наиболѣе простымъ и естественнымъ образомъ состоялась централизація обоготворенныхъ добродѣтелей: такъ какъ вѣрноподданническій долгъ повелѣвалъ считать императора носителемъ всѣхъ добродѣтелей, то стали появляться алтари и храмы, посвященные Virtuti Augustae, Pietati Augustae, Clementiae Augustae и т. д. Коллективное божество послѣднихъ временъ республики —Фортуна—было этимъ совершенно затемнено: не будучи въ состояніи бороться съ новой силой, она предпочла сама къ ней присоединиться и стала предметомъ поклоненія подъ именемъ Fortuna Augusta. Крѣпче держались эллинизованные боги; но и они вполнѣ устоять не могли. Эпитетъ Augustus или Augusta такъ удобно уживался съ именемъ любого бога или богини! Отчего не посвящать часовенъ и жертвенниковъ Mercurio Augusto, Junoni Augustae и другимъ? Конечно, еслибы спросить поклонниковъ этихъ новыхъ божествъ, что̀ собственно они разумѣли подъ этими странными сочетаніями, то они бы затруднились дать опредѣленный отвѣтъ. Кто такой Mercurius Augustus? Есть ли это геній императора, поскольку его качества сближаютъ его съ Меркуріемъ? Или это Меркурій, поскольку онъ покровительствуетъ императору? Или, согласно одной одѣ Горація (I, 2), это Меркурій, воплотившійся въ земномъ образѣ императора? Ни то, ни другое, ни третье: ошибочно поступаетъ тотъ, кто въ объекты религіи вноситъ опредѣленныя представленія, вмѣсто неопредѣленныхъ по своей природѣ чувствъ. Нѣтъ, римляне просто хотѣли совмѣстить традиціонное чувство привязанности къ поблекшимъ богамъ отцовъ со все возростающимъ и крѣпнущимъ чувствомъ благоговѣнія къ новому центральному божеству, генію императора; выразителемъ этого двойственнаго чувства и было двойственное имя Меркурія-Августа и подобныхъ ему. Здѣсь важна именно сама потребность совмѣщенія: послѣ того какъ качества боговъ, обособленныя и олицетворенныя, были перенесены на

императора, богамъ оставалось только слѣдовать ихъ примѣру. Такъ-то римская религія въ своемъ національномъ направленіи вела къ признанію единаго коллективнаго божества, совмѣщающаго въ себѣ всѣхъ боговъ, которымъ поклонялись до тѣхъ поръ; такимъ божествомъ собирался стать геній императора.

Извѣстно, что этого не случилось; мы знаемъ также и то, что помѣшало осуществленію такой чудовищной идеи. Все же полезно будетъ отмѣтить то представленіе, которое было ядромъ новой религіи, и, поэтому, пережило ее, вошедши въ составъ ея побѣдоносной религіи-наслѣдницы. Это—представленіе о богочеловѣкѣ. „Тэоантропизмъ“ свойственъ религіямъ индо-европейскихъ племенъ, въ отличіе отъ тэократическихъ религій семитовъ—это показалъ извѣстный знатокъ религіозной исторіи, скончавшійся не такъ давно Тиле,—но въ противоположность къ яркому тэоантропизму грековъ съ ихъ основнымъ догматомъ.

Геній императора былъ коллективнымъ, всеобъемлющимъ божествомъ, и при всемъ томъ божествомъ тэоантропическимъ. Широкое распространеніе его культа пріучило всѣ слои населенія римской имперіи представлять себѣ своего высшаго бога какъ богочеловѣка; это представленіе и было удержано Римомъ на всѣ времена, причемъ онъ удовольствовался самимъ фактомъ богочеловѣчества, предоставляя своей старшей и ученой сестрѣ—Греціи—размышлять и спорить объ его философско-богословской концепціи.

Культъ генія императора былъ, однако, не единственнымъ плодомъ національнаго направленія римской религіи въ императорскую эпоху: вторымъ, хотя и менѣе важнымъ, былъ культъ такъ-называемыхъ divorum, т.-е. обоготвореннхъ умершихъ императоровъ. Въ сущности, это обоготвореніе мертвыхъ не было исконно-римской чертой: подобно Израилю, и Римъ представлялъ себѣ обитель душъ послѣ смерти какъ равный для всѣхъ, безформенный и неутѣшительный шеолъ. Его вдохновительницей явилась и тутъ смѣлая, восторженная Греція въ лицѣ своей миѳологіи и своей философіи; греческая миѳологія навязала Риму чуждое ему первоначально представленіе объ обоготвореніи Ромула подъ именемъ Квирина—представленіе довольно дикое, если вспомнить, что Ромулъ и Квиринъ были первоначально геніями двухъ отдѣльныхъ общинъ, латинской и сабинской, или (что одно и то же) палатинской и квиринальской; греческая же философія поставила ученіе о безсмертіи душъ и блаженствѣ добрыхъ на прочную научную почву. Особенно ревностнымъ распространителемъ этого ученія былъ Цицеронъ; мы можемъ себѣ представить, съ какимъ

интересомъ многотысячная толпа его слушателей внимала его словамъ, когда онъ развивалъ ей мысли въ родѣ слѣдующихъ: „Или вы думаете, что, разбивая несмѣтныя полчища враговъ, освобождая государство отъ ихъ нашествія, Марій допускалъ мысль, что все его существо погибнетъ вмѣстѣ съ его тѣломъ? Нѣтъ, квириты; мы всѣ, славно и доблестно подвизающіеся на опасномъ государственномъ поприщѣ, радостно предвкушаемъ въ своей надеждѣ загробную жизнь“ (Pro C. Rabirio p. r. § 29). Ее же онъ иллюстрировалъ въ своемъ знаменитомъ „Снѣ Сципіона“, которымъ вдохновлялся Данте, описывая блаженство добрыхъ въ заоблачныхъ сферахъ рая; ее, наконецъ, онъ, коротко и внушительно выразилъ въ слѣдующемъ афоризмѣ своихъ, уже нѣсколько разъ упомянутыхъ книгъ „О законахъ“: Omnium animos immortales esse, sed fortium bonorumque divinos (II, § 27). Какъ видно отсюда, да и изъ многихъ другихъ мѣстъ, изъ числа всѣхъ умершихъ, души коихъ одинаково безсмертны, выдѣляется ограниченное число „добрыхъ“, которымъ приписывается божественность. Кто же производитъ этотъ выборъ? Быть можетъ—боги; быть можетъ, сама природа вещей (т.-е. души добрыхъ ipso jure, такъ сказать, вступаютъ въ число боговъ); можно привести соображенія въ пользу обѣихъ возможностей. Но это касается самихъ боговъ и кандидатовъ въ таковые; помимо ихъ, однако, и смертнымъ важно было знать, кто именно изъ добрыхъ послѣ своей смерти сталъ богомъ, чтобы воздавать ему соотвѣтственныя почести; гдѣ же источникъ этого знанія? Да тамъ же, гдѣ источникъ всякаго знанія о богахъ: въ нашемъ чувствѣ. Ваше сердце вамъ говоритъ, что вашъ умершій родственникъ или другъ сталъ богомъ—ну, и почитайте его какъ такового: никто вамъ не помѣшаетъ. Такъ Цицеронъ воздавалъ божескія почести своей нѣжно любимой дочери Тулліи послѣ ея безвременной смерти; государство въ это не вмѣшивалось.—Но какъ быть, если умиралъ великій въ государствѣ мужъ, заслуги котораго касались не одной только его семьи, а всего Рима? По отношенію къ нему государство находилось въ такомъ же положеніи, какъ и по отношенію къ иностраннымъ богамъ: его признаніе или непризнаніе государственнымъ божествомъ зависѣло отъ куріи. На этомъ воззрѣніи былъ основанъ обычай „консекраціи“ умершихъ императоровъ: новый правитель, бывшій въ то же время и верховнымъ понтификомъ, предлагалъ сенату признать своего предшественника „божественнымъ“ (divus), сенатъ постановлялъ соотвѣтственное рѣшеніе, и новопризнанный богъ получалъ культъ и жрецовъ. Это не значило, разумѣется, что сенатъ производилъ

умершаго императора въ боги—богомъ онъ былъ независимо отъ него, ему опредѣлялось только почитаніе. Но не трудно понять, что во мнѣніи народа и то, и другое, совпадало: результатомъ консекраціи должно было явиться воззрѣніе, что отъ рѣшенія куріи зависитъ введеніе консекрируемаго въ число боговъ или оставленіе его въ числѣ прочихъ безсмертныхъ душъ. Это воззрѣніе тоже пережило культъ умершихъ императоровъ и языческую вѣру вообще.

Но съ почитаніемъ divorum было связано еще одно представленіе, сильно дѣйствовавшее на чувство и способное породить въ фантазіи вѣрующихъ много плѣнительныхъ картинъ. Я разумѣю тѣ случаи, когда новый императоръ, благодаря консекраціи своего предшественника, получалъ возможность называть себя divi filius, „сыномъ бога“—все равно, по крови или по усыновленію. Въ этихъ случаяхъ—а они не были рѣдкостью—богъ-отецъ предполагался слѣдящимъ съ заоблачныхъ высотъ за земной жизнью своего сына и готовящимъ ему, по его уходѣ изъ числа смертныхъ, мѣсто рядомъ съ собой въ небесахъ; богъ-отецъ наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ далеко въ голубомъ эѳирѣ; его сынъ, въ ожиданіи такой же участи, продолжаетъ его дѣло на подвластной ему землѣ. Это представленіе о небесномъ богѣ-отцѣ и его ждущемъ обоготворенія сынѣ, правителѣ земли, воскресило другое, родственное представленіе, принадлежавшее къ самымъ древнимъ элементамъ греческой миѳологіи: какъ точно нѣкогда Гераклъ, сынъ Зевса, умиротворялъ землю, между тѣмъ какъ его божественный отецъ Зевсъ хранилъ его съ небесныхъ высотъ, готовя ему послѣ его смерти мѣсто рядомъ съ собой за трапезой боговъ. Сравненіе царствующаго императора съ Геракломъ, какъ сыномъ бога, стало поэтому довольно популярнымъ въ Римѣ; особенно злоупотреблялъ имъ, какъ извѣстно, сынъ „божественнаго Марка“, императоръ Коммодъ... Стоитъ ли напоминать о томъ, что и это представленіе—представленіе о богѣ-отцѣ и его божественномъ, подвизающемся на землѣ сынѣ—пережило паденіе римской языческой религіи и, очищенное отъ своихъ мірскихъ примѣсей, перешло въ новую вѣру, возродившую Римъ?

А теперь, прежде чѣмъ покончить съ развитіемъ римской религіи въ національномъ направленіи, намъ осталось упомянуть еще объ одной ея особенности, важной для дальнѣйшихъ временъ. Мы видѣли, что уже къ концу республики обнаруживается стремленіе подчинить свѣтскую власть духовной, магистратуру—жречеству. Въ эпоху имперіи это стремленіе какъ бы превра-

щается; но происходитъ это оттого, что высшая свѣтская и высшая духовная власть совмѣщаются однимъ и тѣмъ же лицомъ, которое было въ то же время и императоромъ, и верховнымъ понтификомъ. Передъ нами повтореніе того, что было уже разъ дѣйствительностью въ царскій періодъ. Тогда царь былъ въ то же время и высшимъ жрецомъ своего народа, посредникомъ между нимъ и богами. Съ изгнаніемъ царей духовная власть отдѣлилась отъ свѣтской, но въ то же время, какъ только-что было сказано,—въ лицѣ понтификата и авгурата—сохранила стремленіе вновь соединиться съ нею, подчиняя ее себѣ своимъ духовнымъ оружіемъ, тѣмъ благословеніемъ боговъ, хранительницей котораго она была и распоряжаться которымъ могла по своему произволу. Теперь, повторяю, происходитъ вторичное слiяніе обѣихъ властей, слiяніе, при которомъ духовная власть вполнѣ сживается съ мыслью, что свѣтская должна находиться въ ея распоряженіи; когда, поэтому, послѣ принятія христіанства, духовная власть снова отдѣляется отъ свѣтской и сосредоточивается въ особѣ римскаго епископа, между тѣмъ какъ императоры принуждены пожертвовать наслѣдственнымъ титуломъ верховныхъ понтификовъ—повторяется то же явленіе, что и при республикѣ. Необходимый по римскимъ понятіямъ перевѣсъ духовной власти надъ свѣтской находитъ себѣ выраженіе отчасти въ образованіи особаго, непосредственно подчиненнаго римскому епископу государства, отчасти же и главнымъ образомъ въ томъ подчиненіи, въ которомъ у него находятся—или, по крайней мѣрѣ, должны находиться—представители свѣтской власти въ объединенномъ единствомъ религіи мірѣ. Мы не ставимъ здѣсь вопроса, насколько такое воззрѣніе было справедливо или несправедливо, хорошо или дурно; кто внимательно прослѣдилъ развитіе римской религіи въ исторіи римскаго государства, тотъ долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что оно было необходимо.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду, согласно сказанному много разъ, національное направленіе въ развитіи римской религіи; мы видѣли, къ какимъ замѣчательнымъ новообразованіямъ повело исконно-римское стремленіе къ интеграціи на почвѣ императорскаго Рима, и въ то же время отмѣтили тѣ пункты, въ которыхъ она пошла на встрѣчу требованіямъ будущей религіи міра. Остается сдѣлать то же самое для третьяго направленія, восточнаго, этого главнаго врага римскихъ націоналистовъ, съ которымъ они вели такую продолжительную и упорную, но при всемъ томъ безуспѣшную борьбу.

Причина этой безуспѣшности заключается въ томъ, что вос-

точныя божества, нашедшія себѣ дорогу въ Римъ, какъ нельзя лучше удовлетворяли стремленіе римской религіи къ интеграціи и въ то же время вносили въ нее много такого, чего она отъ себя дать не могла. Вспомнимъ Великую Матерь-боговъ, первое восточное божество, которое, подъ личиной греческой богини, проскользнуло въ Римъ: уже самое имя „Матерь-боговъ" выставляетъ ее коллективнымъ божествомъ, а ея культъ, отчасти восторженный, отчасти отвратительный, но всегда живо дѣйствующій на воображеніе, привлекалъ къ себѣ толпу въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ юридически щепетильный ритуалъ боговъ Нумы и даже ласковая красота греческихъ новосѣдовъ и новосѣдокъ. Человѣкъ былъ тогда уже не тотъ, что при Фабриціѣ и Сципіонахъ: онъ обращался къ богамъ не за однимъ только земнымъ благополучіемъ и даже не за однимъ только обезпеченіемъ лучшей участи послѣ смерти. Этическое движеніе оставило свои слѣды въ народной душѣ: чувство нравственной зависимости отъ божества, нравственнаго отношенія къ нему, брало верхъ, а его послѣдствіемъ было сознаніе своей грѣховности, отъ котораго искали спасенія въ символическихъ обрядахъ, въ таинственныхъ очищеніяхъ, въ аскезѣ, доходившемъ иногда до самоистязанія и самоувѣченія. Вотъ этой-то потребности шли на встрѣчу восточные культы; положимъ, страждущія души могли себѣ находить успокоеніе и въ греческихъ мистеріяхъ, но восточный символизмъ былъ много рѣзче и грубѣе греческаго и поэтому болѣе привлекалъ римскую толпу, не говоря уже о томъ, что греческіе боги, вслѣдствіе своей яркой индивидуализаціи, шли въ разрѣзъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, съ много разъ подчеркнутой интеграціонной силой римской религіи.

Великая Матерь-боговъ была не единственнымъ даромъ востока римской религіи: второй гостьей была египетская Изида, эллинизованная благодаря двухвѣковой греческой культурѣ Птолемеевъ въ Александріи. Тщетно съ нею боролись римскія власти въ послѣднее столѣтіе республики: притѣсненія и гоненія, какъ это обыкновенно бываетъ въ исторіи религій, только увеличили ея обаяніе. Новый приливъ восточныхъ божествъ былъ послѣдствіемъ похода Помпея на Востокъ: римскій солдатъ любилъ молиться богамъ тѣхъ земель, въ которыхъ онъ находился. Къ тому же восточные люди, вступивъ въ сношенія съ римлянами, зачастую переселялись въ Римъ и переносили съ собой своихъ боговъ; а разъ очутившись на римской почвѣ, эти послѣдніе дѣятельно вербовали себѣ поклонниковъ. Такъ мы встрѣчаемъ въ Римѣ каппадокійскую богиню Ма, извѣстную тамъ подъ именемъ

Беллоны, сирійскую Атаргатиду, называемую просто „Сирійской богиней", персидскаго бога Солнца, Непобѣдимаго Митру (Deus Sol Invictus Mithras), и, оставляя въ сторонѣ болѣе мелкихъ, іудейскаго Іегову. Особенно интересенъ для насъ, конечно, этотъ послѣдній; интересенъ онъ былъ также для римлянъ—они съ любопытствомъ и страхомъ присматривались, поскольку имъ это дозволялось, къ странной службѣ ревнивому богу Израиля и невольно подчинялись вліянію безпримѣрной стойкости и непримиримости его поклонниковъ. Интересъ этотъ вдвойнѣ понятенъ для насъ при общности воззрѣній между той и другой религіей; но, несмотря на эту общность, обращеніе Рима въ еврейскую вѣру было невозможно. Конечно, принципъ единобожія нашелъ себѣ на берегахъ Іордана самое чистое и совершенное выраженіе; но это единобожіе было не то, къ которому, въ силу своего интеграціоннаго характера, стремилась римская религія. Римскій богъ долженъ былъ быть—повторяю развитую выше формулу—единъ во многихъ и множественъ во единомъ; еврейскій Іегова былъ единъ, и только. Тамъ многобожіе предполагалось, какъ основаніе единобожія; здѣсь оно исключалось, какъ его отрицаніе. Тамъ, наконецъ, стеченіе всѣхъ національныхъ боговъ въ радушный Римъ считалось и послѣдствіемъ, и залогомъ всемірной державы, въ силу того же міровоззрѣнія, которое подсказало римлянамъ оригинальный обрядъ эвокаціи; здѣсь поклоненіе какому бы то ни было другому богу было знакомъ отступничества отъ родной религіи. Еврейскій прозелитизмъ былъ въ Римѣ лишь кратковременнымъ явленіемъ; важность еврейскихъ и еврействующихъ общинъ состоитъ въ томъ, что онѣ стали позднѣе очагами гораздо болѣе близкой римской душѣ тэоантропической религіи—христіанской.

Повторяю: еврейскій Іегова не могъ быть искомымъ центральнымъ божествомъ, которое бы соединило въ себѣ разрозненные элементы римскаго полидэмонизма; гораздо болѣе пригодны для этой цѣли были другія восточныя божества, нашедшія себѣ пріютъ въ Римѣ. О Великой Матери-боговъ уже была рѣчь: въ качествѣ таковой она была матерью и Юпитера, и Юноны, и Минервы, и нѣкоторымъ образомъ совмѣщала ихъ всѣхъ; къ тому же, она легко могла быть отожествлена со своими сосѣдками, Беллоной и Сирійской богиней. Столь же пригодной была и „многоименная" Изида; это видно лучше всего изъ тѣхъ словъ, которыя ей влагалъ въ уста ея восторженный поклонникъ Апулей (Превращ. XI, 5): „Я—мать природы, владычица всѣхъ стихій, исконное начало вѣковъ, высшая изъ

божествъ, царица тѣней, первая среди небожителей, единый образъ боговъ и богинь, повелѣвающая свѣтозарнымъ высотамъ небесъ, жизнероднымъ дуновеніямъ морей, безотрадной тишинѣ преисподней; мое божество, единое подъ многими образами, въ разнородныхъ обрядахъ подъ многорѣчивыми именами почитаетъ весь міръ. Первородные фригійцы нарекаютъ меня Пессинунтской богиней-Матерью; землеродные аттики—кекропійской Минервой, окруженные волнами кипріяне—паѳійской Венерой, стрѣлоносные критяне—Діаной, триязычные сицилійцы—стигійской Прозерпиной, элевсинцы—древней богиней Церерой; тѣ—Юноной, эти—Беллоной, иные—Гекатой, еще другіе—Немезидой; но тѣ, которые озаряются первыми лучами восходящаго солнца, эѳіопы, арійцы и просвѣтленные старинным ученіемъ египтяне, почитая меня моими собственными обрядами, называютъ меня настоящимъ моимъ именемъ—царицей Изидой". Наконецъ, самый энергичный и опасный соперникъ христіанства, богъ-Солнце Непобѣдимый Митра, обладалъ не меньшей собирательной силой, чѣмъ Изида, какъ это доказываютъ многочисленные, посвященные ему рельефы, съ изображеніями греческихъ и римскихъ боговъ; но онъ еще превосходилъ ее разнообразіемъ своихъ таинственныхъ церемоній и глубиной своего символизма, которую древніе христіанскіе апологеты могли объяснить только внушеніемъ дьявола. Непризнанная оффиціальной, религія Митры тѣмъ не менѣе распространилась по римской имперіи, покрывая ее цѣлой сѣтью посвященныхъ персидскому богу пещеръ.

Такъ обстояли дѣла къ началу четвертаго вѣка; немного спустя, Непобѣдимаго Митру побѣдила религія Христа.

XII.

Принятіе христіанства Римомъ—предѣльный пунктъ нашего изложенія; дойдя до него, мы считаемъ необходимымъ оговориться объ отношеніи всего предъидущаго къ тому немногому, что намъ осталось добавить. Читатель, конечно, замѣтилъ, что мы намѣренно подчеркивали въ развитіи языческой римской религіи тѣ ея стороны, которыя ее сближаютъ съ христіанской; это не значило, однако, что мы въ указанныхъ пунктахъ допускаемъ зависимость христіанской религіи отъ языческой. Было бы нелѣпо утверждать, что христіанскій догматъ о тріединомъ Богѣ имѣетъ своимъ источникомъ культъ капитолійской троицы; или, что почитаніе богочеловѣка въ лицѣ императора или его

генія имѣло вліяніе на христіанскую христологію. Мы, равнымъ образомъ, не желаемъ утверждать, что язычество осталось безъ всякаго воздѣйствія на нарождающуюся религію; вообще, мы не предрѣшаемъ результатовъ религіозно-историческаго анализа ни въ ту, ни въ другую сторону, — мы просто оставляемъ его въ сторонѣ. Поставленный нами вопросъ таковъ: какіе элементы въ языческой религіи древняго Рима шли на встрѣчу христіанству, подготовляя умы римлянъ къ его воспріятію и дѣлая имъ менѣе враждебной предлагаемую имъ новую религію?

Окинемъ еще разъ взоромъ фазисы происшедшаго развитія.

Изъ двухъ корней выросла первоначальная римская религія: полидэмонизма, основаннаго на поклоненіи міровой Волѣ въ ея безчисленныхъ прѐломленіяхъ, и анимизма, состоявшаго въ почитаніи душъ умершихъ. Міровая Воля, какъ мы установили выше, представлялась римлянамъ не извнѣ, такъ сказать, руководящею міромъ, а живущею внутри его и проявляющеюся въ отдѣльныхъ актахъ его жизни: она была имманентна и актуальна. Подобно тому, какъ каждый актъ міровой жизни допускалъ дробленіе на болѣе мелкіе акты и также сліяніе со смежными актами въ болѣе крупную единицу,—точно такъ же и актуальныя божества допускали дифференціацію и интеграцію вплоть до полнаго единства; божественная Воля была—прошу позволенія еще разъ повторить нашу формулу—едина во многомъ и множественна въ единомъ. При этомъ, однако, само собою разумѣется, что и единство, и безконечность, а тѣмъ болѣе ихъ совмѣщеніе, было только предѣломъ развитія римской идеи о божествѣ; непосредственно сознавалась въ тѣ раннія времена лишь сама способность къ дифференціаціи и интеграціи, примѣненная къ небольшому сравнительно району жизни. На первыхъ порахъ можетъ показаться, что это свойство римской религіи должно было повести ее хотя и къ единобожію, но не къ христіанскому, а къ пантеистическому, понимая это слово въ смыслѣ актуальности: вѣдь христіанское божество предполагается творцомъ вселенной,—слѣдовательно трансцендентнымъ, а не имманентнымъ, и субстанціальнымъ, а не актуальнымъ. Это совершенно вѣрно; и вотъ почему римская религіозная мысль, прежде чѣмъ найти себѣ успокоеніе въ христіанствѣ, должна была перевоспитать себя въ духѣ трансцендентности и субстанціальности. Послѣднее она могла своими средствами въ силу своей интеграціонной способности: много разъ повторенная интеграція актовъ даетъ субстанцію или, выражаясь точнѣе, иллюзію субстанціальности. Но трансцендентность противорѣчила рим-

скимъ воззрѣніямъ: для ея прививки требовалась посторонняя школа. Мы видѣли уже, что этой школой была греческая; но видѣли также, что, внѣдряя въ римскую религіозную мысль понятія, которыя должны были со временемъ приблизить ее къ христіанству, она вмѣстѣ съ тѣмъ вводила въ нее элементы совершенно съ нимъ несогласуемые. Еслибы римская идея о божествѣ подверглась превращенію въ духѣ трансцендентности уже послѣ достиженія своего предѣльнаго единства, то это превращеніе несомнѣнно сблизило бы ее съ христіанской; но нѣтъ, процессъ этотъ начался тогда, когда римскій полидэмонизмъ находился еще въ переходномъ состояніи, и трансцендентность обняла не высшую единицу божественности, а рядъ отдѣльныхъ ея проявленій—Юпитера, Юнону, Діану и т. д., въ которыхъ идея божества, такъ сказать, застыла: ртутные шарики замерзли и стали неспособны къ дальнѣйшему сліянію. Спасительнымъ явился тутъ законъ совмѣстимости: римская религія въ эпоху эллинизаціи была въ то же время и имманентна, и трансцендентна: въ силу своей трансцендентности она могла представлять себѣ божество извнѣ руководящимъ вселенной; въ силу своей имманентности она продолжала примѣнять свою способность къ интеграціи, причемъ опредѣлившійся греческій пантеонъ ею не столько выдѣлялся, сколько обходился. Все же ясно, что этотъ пантеонъ былъ для римской религіи помѣхой къ достиженію ея предопредѣленной цѣли; заимствовавъ у него трансцендентность, она откинула его отдѣльные образы—и тогда только могла слиться съ христіанствомъ.

Христіанскій Богъ, подобно конечному предѣлу римской идеи о божествѣ, былъ единымъ; но былъ ли онъ единымъ во многихъ и многимъ во единомъ? Другими словами: удовлетворяя потребность интеграціи, присущую римской религіозной мысли, удовлетворялъ ли онъ также не менѣе живую и настоятельную ея потребность дифференціаціи? Да, удовлетворялъ... Я прошу позволенія не останавливаться на исторіи христіанскихъ догматовъ и разумѣть подъ христіанствомъ ученіе римско-католической церкви, какимъ оно установилось въ предѣлахъ римской имперіи и спеціально въ Римѣ. Главнымъ же догматомъ этого ученія былъ догматъ о тріединомъ божествѣ—догматъ непосредственно родственный Риму и столь же для него понятный, сколь непонятный для Іудеи. Но, конечно, потребность дифференціаціи онъ удовлетворялъ только отчасти; свое главное удовлетвореніе она нашла въ другомъ.

Мы до сихъ поръ говорили только о полидэмонизмѣ, остав-

ляя въ сторонѣ другой корень римской религіи—анимизмъ; между тѣмъ, и онъ одновременно съ полидэмонизмомъ подвергся важному преобразованію, такому, что послѣ него таинственно-варварскіе обряды „фералій“ показались уже пережиткомъ. Опять вдохновительницей была Греція, на этотъ разъ греческая философія, опиравшаяся, впрочемъ, на религію греческихъ мистерій. Упыри фералій требовали пищи у живущихъ и, въ случаѣ отказа, выходили изъ своихъ могилъ, съ воемъ носились по Риму, распространяя заразу и смерть среди своихъ забывчивыхъ потомковъ; какъ далеко было отъ этихъ грубыхъ воззрѣній—до знакомаго намъ изреченія Цицерона: „всѣ души безсмертны, души же добрыхъ божественны“! Требованіе философіи было принято въ религію при императорахъ: появился обрядъ „консекраціи“, посредствомъ котораго изъ числа безсмертныхъ душъ выдѣлялись „божественныя“ души добрыхъ; и вотъ въ христіанствѣ мы встрѣчаемъ ту же консекрацію при тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ и съ тѣмъ же или почти тѣмъ же результатомъ: изъ безсмертныхъ душъ выдѣляется неопредѣленное число, поручаемое церковью почитанію вѣрующихъ подъ именемъ „святыхъ“ или „блаженныхъ“. Теперь стремленію къ безконечной дифференціаціи былъ данъ исходъ; мало того, римское гостепріимство по отношенію къ культамъ другихъ народовъ опять нашло возможность проявляться—и проявляться въ единственной формѣ, допустимой подъ сѣнью креста.

Какъ раньше племена и народности, входившія въ составъ римской имперіи, религіозно объединялись съ Римомъ тѣмъ, что посылали къ нему своихъ національныхъ боговъ и богинь, такъ точно теперь религіозное объединеніе имѣло послѣдствіемъ включеніе въ общій пантеонъ—національныхъ святыхъ. Народъ предоставлялъ богословамъ установленіе тонкихъ различій между божественностью и святостью; для его чувства и наивнаго пониманія святые принимали участіе въ идеѣ божества, которое было, такимъ образомъ, согласно вѣковой тенденціи римской религіи, единымъ во многихъ и многимъ во единомъ.

Это, разумѣется, далеко не все, да мы не можемъ и мечтать о томъ, чтобы обнять все; но одно обстоятельство требуетъ оговорки. Я нарочно, говоря только-что о консекраціи, замѣтилъ, что она производилась при тѣхъ же *внѣшнихъ* условіяхъ, какъ и раньше; внутреннія условія были другія, но и они не могли казаться Риму такими чуждыми, какъ это бы можно подумать съ перваго раза. Консекрація divorum имѣла основаніемъ убѣжденіе (или фикцію), что они были fortes et boni; христіанство ставило

другія условія: его святые были праведниками. Разница громадная; но и тутъ можно сказать, что къ христіанскому воззрѣнію люди были подготовлены послѣдними стадіями развитія римской религіозной этики. Мы знаемъ уже, что первоначально этическій элементъ былъ чуждъ римской религіи, въ отношеніяхъ между человѣкомъ и богомъ преобладали воззрѣнія юридическія: do ut des! Мало-по-малу религія получаетъ нравственный характеръ, но нравственность остается юридической: за заслугу—награда! Въ эпоху имперіи рядомъ съ этой ясной и нѣсколько холодной религіозной нравственностью даетъ себя чувствовать другая, болѣе сердечная, имѣющая основаніемъ сознаніе своей грѣховности и жажду избавленія; формула еще не найдена, но ее уже ищутъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ къ этому времени двѣ концепціи религіозной нравственности, правовую и, такъ сказать, сердечную; вторая сфера естественно повліяла на первую, видоизмѣняя понятіе заслуги, на которомъ она была основана. За заслугу—награда, конечно; но только заслуга требовалась не та, которая приноситъ наиболѣе пользы согражданамъ, а та, которая ослабляетъ или уничтожаетъ нашу грѣховность. Обѣ сферы перешли въ христіанство; со временемъ правовая мораль нашла себѣ выраженіе въ пелагіанизмѣ, другая—въ ученіи бл. Августина, который нашелъ наконецъ требуемую формулу для основы новой религіозной нравственности: понятіе *благодати*, gratia gratis data. Съ установленіемъ этого понятія былъ прорванъ юридическій кругъ, въ которомъ вращалась древне-римская религіозная мораль; но можно ли сказать, что юридическій духъ древности Рима остался безъ вліянія на новое явленіе? Нѣтъ; всегда возражающій находится подъ вліяніемъ того, кому онъ возражаетъ; давая на его вопросъ противоположный отвѣтъ, онъ этимъ самымъ принимаетъ постановку вопроса. Уже одно то, что отношеніе человѣка къ божеству стало главнымъ предметомъ заботы римской церкви, было послѣдствіемъ юридическаго духа древнеримской религіи и нравственности, точно такъ же, какъ и забота восточной церкви о развитіи догматовъ вѣры имѣла своей причиной философски-спекулятивный духъ древней Греціи.

Впрочемъ, отмѣчая это послѣднее различіе, мы уже нѣсколько вышли за предѣлы поставленнаго нами въ началѣ этой главы вопроса. Да; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы и не затронули того вопроса, котораго рѣшили не касаться: мы говоримъ вѣдь о вліяніи „римской религіи“ не на христіанство вообще, а въ частности на ту его форму, которая получилась въ Римѣ. А что здѣсь вліяніе должно было быть, въ этомъ никто сомнѣваться

не можетъ: такъ какъ христіанское сѣмя здѣсь и на Востокѣ было одинаково, то различіе растеній, взошедшихъ здѣсь и тамъ, можно объяснить только различіемъ почвы. И чѣмъ разительнѣе намъ покажется это различіе, чѣмъ болѣе вліянія должны мы будемъ приписать этой почвѣ, тѣмъ болѣе интереса будетъ имѣть въ нашихъ глазахъ изученіе „римской религіи“—не той только, которая имѣетъ своимъ центромъ Ватиканъ и соборъ св. Петра, но и той, которая обращала взоры вѣрующихъ къ старинному Тарквиніевскому храму капитолійской троицы. Мы этимъ не даемъ и не желаемъ дать никакой сравнительной оцѣнки обѣихъ религій; мы говоримъ только, что одни и тѣ же соки питаютъ религію Рима отъ Нумы Помпилія, этого царя и верховнаго жреца, вплоть до Льва XIII, подобно тому какъ и въ облагороженномъ деревѣ одни и тѣ же соки изъ корня и ствола туземнаго дичка проходятъ въ экзотическій черенокъ.

Есть въ современномъ Римѣ старинная церковь, богатая памятниками многихъ вѣковъ; называется она S. Maria sopra Minerva. Ея имя объясняется тѣмъ, что она выстроена на фундаментѣ храма Минервы, воздвигнутаго императоромъ Домиціаномъ и впослѣдствіи развалившагося, а можетъ быть и разрушеннаго при введеніи христіанства. Мнѣ кажется, что въ своей наивной откровенности оно имѣетъ, помимо прямого, еще болѣе общее символическое значеніе: кто прослѣдилъ ростъ „римской религіи“ отъ ея древнѣйшихъ корней, таящихся во мракѣ отдаленныхъ вѣковъ, и до нашихъ дней, тотъ не найдетъ для нея лучшаго имени, какъ—Maria sopra Minerva.

Ѳ. Зѣлинскій.

По
ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ
ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ

Путевыя замѣтки.

Окончаніе.

V.—Иркутскъ *).

Понтонный мостъ. — Большая улица. — Музей. — Разноплеменная публика. — Тріумфальныя ворота и арка. — Байкалъ. — Переправа. — Мысовая станція и рыбопромышленность.

Въ самый городъ пришлось проѣхать на извозчикѣ по понтонному мосту, подъ которымъ бурлила рѣка. Насколько надеженъ этотъ мостъ, можно судить по катастрофѣ, случившейся прошлою зимой: громадная льдина, оторвавшись отъ берега, устремилась на мостъ. Къ счастію, ее во-время замѣтили и спустили шлагбаумы, прекративъ такимъ образомъ сообщеніе по мосту. Льдина ударила въ два понтона, и они понеслись внизъ по рѣкѣ. За ними послѣдовало еще нѣсколько понтоновъ; они были унесены теченіемъ довольно далеко за предмѣстье города, и нѣкоторые изъ нихъ затонули, а уцѣлѣвшіе были приведены къ мосту на буксирѣ пароходомъ. Отъ такихъ катастрофъ жители города носятъ немалые убытки, тѣмъ болѣе что

*) См. выше: янв., стр. 107.

цѣны на продукты въ такихъ случаяхъ сразу поднимаются; а при всемъ томъ городская дума не въ состояніи навести болѣе устойчивый мостъ.

Вытекая недалеко отъ города изъ озера Байкала, Ангара, пробившись горами и образовавъ пороги, понесла озерныя воды въ Енисей, а съ нимъ и въ Ледовитый океанъ. При видѣ бурливой рѣки, я вспомнилъ недавно прочитанные мною стихи, въ которыхъ про Байкалъ говорится:

Въ море дальнее сердитое
Захотѣлъ онъ побывать.
. . . . . .
Вдругъ утесъ-гора упорная
Преградила путь ему
И какъ крѣпость непокорная
Не пускала вдаль волну...
Но напрягъ онъ грудь свободную,
Съ трескомъ рушилась гора—
И по ней волной холодною
Зашумѣла Ангара...

Остановившись въ гостинницѣ, я прежде всего счелъ необходимымъ провѣрить свои часы: они до сихъ поръ, согласно съ станціонными, шли по петербургскому времени; по мѣстному же они, какъ оказалось, отстали почти на цѣлыхъ пять часовъ.

Проходя затѣмъ по главной, такъ называемой Большой улицѣ, я убѣдился, что даже этотъ, существующій почти двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ, городъ, даже эта резиденція генералъ-губернатора до сихъ поръ обходится безъ мостовыхъ: пыль тучей носилась вдоль по улицѣ. Здѣсь, впрочемъ, мостовая замѣнена посыпаннымъ по улицѣ щебнемъ, укатываемымъ колесами экипажей, такъ что въ мѣстахъ, гдѣ они проѣзжаютъ, образовалось нѣчто въ родѣ макадама. Въ настоящее время, однако, въ городской думѣ внесено предложеніе объ обязательномъ устройствѣ мостовыхъ на счетъ домовладѣльцевъ. По всему видно, что мѣстные золотопромышленники, расточая милліоны, мало заботятся о благоустройствѣ сибирскихъ городовъ.

По Большой улицѣ настроено нѣсколько значительныхъ каменныхъ домовъ. Спускаясь по направленію къ Ангарѣ, по лѣвой сторонѣ невольно обращаешь вниманіе на замѣчательное въ архитектурномъ отношеніи зданіе городского театра. Оно обошлось довольно дорого и выстроено большею частью на суммы, пожертвованныя частными лицами. Тутъ же по близости пріі-

ютилась убогая сѣроватая лачужка; она своими двумя подслѣповатыми окнами выглядываетъ на стоящій на правой сторонѣ улицы и обращенный фронтомъ съ колоннами къ рѣкѣ домъ генералъ-губернатора. Какъ разъ противъ этой резиденціи по лѣвую сторону и также на берегу Ангары возвышается прекрасное зданіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества съ принадлежащимъ ему музеемъ. При мнѣ въ послѣднемъ производился ремонтъ; несмотря на то, я тѣмъ же путемъ, какъ въ Красноярскѣ, упросивъ сторожа, успѣлъ проникнуть въ залы, наполненныя весьма обильными коллекціями по части археологіи, этнографіи, сибирской фауны и пр. Осмотрѣвъ въ нижнемъ этажѣ кости и черепа мамонта, разныя орудія каменнаго вѣка, скелеты мѣстныхъ животныхъ и птицъ, гербаріи, минералы и коллекціи, относящіяся къ золотопромышленности, я поднялся во второй этажъ, изобилующій интересными предметами по части этнографіи. Тутъ, между прочимъ, выставлены: сани, лодки, луки, ружья и вообще предметы, употребляемые сибирскими инородцами для ловли и охоты на звѣря. Въ другой залѣ можно видѣть образцы юртъ, шаманскій костюмъ, разныя принадлежности буддизма, въ родѣ обуви, чашечки для храненія священной воды; также предметы шаманскаго культа: хвосты, палочки, ленты и пр. Тутъ же стоятъ манекены бурятскаго ламы, якута, гольдки, одѣтой въ костюмъ изъ рыбьей кожи съ берестяной широкой шляпой на головѣ, потомъ также тунгуса, ламута и юкагира. Къ этимъ манекенамъ въ полномъ ихъ облаченіи присоединены также ихъ орудія и снаряды, такъ что тутъ представляется въ нѣкоторомъ родѣ возможность наглядно ознакомиться съ бытомъ сибирскихъ инородцевъ. Къ сожалѣнію, я въ Иркутскѣ, также какъ въ Красноярскѣ, не могъ добиться надлежащаго каталога.

Выставленные въ музеѣ типы инородцевъ довольно часто встрѣчаются живыми экземплярами по улицамъ Иркутска. Онъ, вообще, больше другихъ городовъ въ Сибири наполненъ разноплеменнымъ людомъ: тутъ нерѣдко встрѣчаются китайцы, съ ихъ длинными косами, и узкоглазые буряты, промышляющіе между прочимъ плотничными работами. Помимо инородцевъ, попадаются также нѣмцы, французы, англичане, евреи.

На южномъ концѣ Амурской улицы, образующей перекрестокъ съ Большою, возвышаются страннаго вида Тріумфальныя ворота, сколоченныя изъ досокъ, окрашенныхъ снаружи въ сѣроватый цвѣтъ. Съ фронта наверху значится надпись: „Дорога къ Великому океану“; съ лѣвой стороны: „Построено 15 мая

1858"; а съ правой: „Возобновлено 1891-го г." Въ этотъ именно годъ по Сибири совершилъ путешествіе Наслѣдникъ-Цесаревичъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Поднявшись отсюда по Амурской улицѣ въ сѣверномъ направленіи, я вышелъ на площадь, среди которой возвышается величественный пятиглавый Казанскій соборъ. Миновавъ его и подойдя къ берегу рѣки, я увидѣлъ невысокую каменную арку, похожую отчасти на кіоскъ. Въ этомъ именно мѣстѣ Государь Наслѣдникъ, проѣхавъ на пароходѣ по Ангарѣ, присталъ къ Иркутску.

Покинувъ послѣ двухдневнаго пребыванія Иркутскъ, я переѣхалъ по мосту черезъ Ангару и, прибывъ на станцію, сѣлъ въ вагонъ. Поѣздъ вскорѣ двинулся въ юго-восточномъ направленіи. Слѣва катила мимо насъ свои студеныя воды Ангара, а съ правой стороны, въ нѣкоторомъ отдаленіи, виднѣлись горы. Пересѣкши по деревяннымъ мосткамъ нѣсколько впадающихъ въ Ангару рѣчекъ, поѣздъ подкатилъ, наконецъ, къ самому берегу Байкала. Передъ нами раскинулась обширная гладь чистѣйшей студеной воды, окаймленная со всѣхъ сторонъ живописными скалистыми горами, вдающимися здѣсь и тамъ въ озеро крутыми мысами. На этихъ скалахъ мѣстами приносятся по временамъ жертвы шаманами; монголы и прозвали на своемъ нарѣчіи озеро Святымъ моремъ. Это названіе сохранилось за нимъ также на русскомъ языкѣ. Растянувшись верстъ на шестьсотъ съ юго-запада легкимъ изгибомъ къ сѣверо-востоку, это море въ ширину имѣетъ всего около восьмидесяти-пяти верстъ, а въ мѣстѣ самаго переѣзда отъ пристани при желѣзнодорожной станціи на западномъ берегу до станціи Мысовой на восточномъ, —считается немногимъ болѣе шестидесяти верстъ.

Признаться, меня постигло сильное разочарованіе на этомъ переѣздѣ. Дѣло въ томъ, что я ожидалъ переправы желѣзнодорожнаго поѣзда въ полномъ его составѣ на большомъ паромѣ-ледоколѣ. А вмѣсто того оказалось, что съ осени истекшаго года былъ собранъ пароходъ-ледоколъ гораздо мѣньшихъ размѣровъ, подъ именемъ „Ангара"; онъ-то и былъ назначенъ для перевозки пассажировъ. На большомъ паромѣ, какъ мнѣ говорили, перевозятся одни только товарные поѣзда. Такимъ образомъ намъ, пассажирамъ, пришлось изъ вагоновъ перейти на пароходъ „Ангару". Къ крайнему сожалѣнію, онъ двинулся въ путь лишь позднимъ вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, такъ что намъ не удалось даже во время переправы осмотрѣть какъ слѣдуетъ озеро со всѣхъ сторонъ.

Пассажиры размѣстились по каютамъ и по неволѣ предались сну. Мало того,—проспавъ въ каютахъ, мы и не замѣтили, какъ пароходъ около полуночи отвезъ насъ назадъ къ западному берегу. Дѣло въ томъ, что среди озера затерялись какъ-то двѣ казенныя баржи, и капитанъ счелъ необходимымъ отвести ихъ на буксирѣ къ западной пристани. Такимъ образомъ, нашъ переѣздъ вмѣсто трехъ часовъ, какъ обыкновенно, продлился цѣлыхъ пять,—и когда мы прибыли къ пристани Мысовой, то солнце поднялось уже довольно высоко надъ озеромъ.

Жители широко разросшагося за послѣдніе года селенія Мысовой, также какъ и поселяне другихъ прибрежныхъ деревень, занимаются рыболовствомъ на озерѣ. По произведеннымъ въ прошлое лѣто изслѣдованіямъ спеціалистовъ, озеро изобилуетъ бѣлою и красною рыбою, и рыбопромышленность все шире развивается съ каждымъ годомъ. Изъ двадцати слишкомъ породъ, какія водятся въ чистыхъ, прозрачныхъ и холодныхъ водахъ Байкала, самымъ важнымъ значеніемъ, не только для Священнаго моря, но и для Сибири вообще, пользуется омуль. Эта рыба изъ семейства лососевыхъ водится въ Ледовитомъ океанѣ и оттуда осенью несмѣтными массами проходитъ вверхъ по сибирскимъ рѣкамъ, благодаря чему и служитъ прибыльнымъ промысломъ для прибрежныхъ поселянъ. Проходя точно также вверхъ по Енисею, странствующая омуль поднимается по Ангарѣ и проникаетъ въ самый Байкалъ, гдѣ и размножается въ громадномъ количествѣ. Уловъ этой рыбы составляетъ главную часть дохода, выручаемаго здѣшними рыбопромышленниками. Однако, хищническая система ловли угрожаетъ уменьшеніемъ рыбы въ водахъ Байкала и сдѣлаетъ здѣсь то же самое, что̀ причинило хищническое истребленіе рыбы на Волгѣ и Уралѣ. Потому министерство за послѣднее время стало примѣнять болѣе строгія мѣры для прекращенія такого пагубнаго хищничества.

VI.—За Байкаломъ.

Сетеръ въ вагонѣ.—Тѣснины Селенги.—Буряты.—Мнимые туннели.—Вѣчная мерзлота.—Станція Кайдалово.—Рѣка Ингода.—Склады цемента.—Переѣздъ на плашкоутѣ.—Гостинница съ театромъ.—Срѣтенская станица.—Обмелѣніе рѣкъ.

Въ Мысовой, гдѣ мы высадились съ парохода, насъ поджидалъ новый поѣздъ. Въ купэ, въ которомъ я занялъ мѣсто, вошелъ пассажиръ, ведя на цѣпочкѣ довольно крупнаго рыжаго сетера. Изъ сидѣвшихъ тутъ же пассажировъ никто не проте-

стовалъ, и сетеръ преспокойно растянулся у нашихъ ногъ. Въ сибирскихъ поѣздахъ, повидимому, въ этомъ отношеніи снисходительнѣе относятся къ собакамъ, чѣмъ въ Европѣ; и дѣйствительно, я и прежде еще обратилъ вниманіе, какъ ѣхавшая съ нами дама на станціяхъ выводила изъ вагона для прогула большую черную собаку изъ породы простыхъ дворняжекъ.

Поѣздъ двинулся, и вскорѣ по обѣ стороны рельсовъ потянулась угрюмая тайга. Въ одномъ мѣстѣ, въ ней, подъ сѣнью пихтъ и лиственницъ, пріютилось небольшое кладбище. Потомъ мы выѣхали къ берегамъ Селенги. По обѣ стороны ея высились гранитныя горы, подступая мѣстами къ самому краю берега. Наконецъ, поѣздъ врѣзался въ тѣснины Селенги: съ одной стороны рѣки обнаженныя скалы спускались прямо въ воду, а съ другой—оставался лишь узкій проѣздъ для одной пары рельсовъ; слѣва отъ насъ круто поднимались вверхъ съ причудливыми очертаніями горы, а справа струилась рѣка, и еслибы поѣзду случилось сойти съ рельсовъ, то онъ, пожалуй, слетѣлъ бы въ воду. Впослѣдствіи, когда рѣшено будетъ проложить по дорогѣ вторую пару рельсовъ, въ этихъ мѣстахъ по неволѣ придется ограничиться одной колеей, а иначе здѣсь не хватитъ мѣста.

Близъ дороги появлялись то казачьи станицы, то селенія бурятъ, такъ-называемые улусы. Водворившись по преимуществу въ этомъ краѣ, буряты занимаются земледѣліемъ; они даже орошаютъ свои поля, проводя въ нихъ воду при посредствѣ каналовъ или такъ-называемыхъ арыковъ, какіе мнѣ случалось видѣть также въ Закаспійскомъ краѣ. Буряты промышляютъ также скотоводствомъ, кочуя отчасти по своимъ излюбленнымъ тайгамъ.

На другой день, поднявшись по пустынной мѣстности на перевалъ Яблоноваго хребта, поѣздъ, какъ мнѣ показалось, прошелъ два раза туннелями. На самомъ дѣлѣ, однако, это были, какъ объяснилъ здѣшній инженеръ, такъ сказать искусственные туннели. Дѣло въ томъ, что здѣсь пробитъ былъ въ горѣ проѣздъ въ родѣ корридора; но впослѣдствіи сверху сталъ осыпаться камень и заваливать полотно дороги; потому и вынуждены были соединить вершины близко подступившихъ другъ къ другу скалъ каменнымъ навѣсомъ, лишь бы воспрепятствовать осыпаться камню.

Область за Байкаломъ вообще отличается гористымъ характеромъ. Отчасти вслѣдствіе такого возвышеннаго положенія, климатъ здѣсь еще суровѣе, чѣмъ на западѣ. Проѣзжая лѣсами, я замѣтилъ, что въ нихъ зачастую валяются упавшія какъ бы сами собой деревья. Когда я обратилъ на это вниманіе ѣхав-

шаго съ нами сибиряка, то онъ увѣрялъ, что въ этихъ мѣстахъ земля на нѣкоторой глубинѣ вовсе не оттаиваетъ въ теченіе года, такъ что въ ней господствуетъ вѣчная мерзлота. Потому деревья, достигнувъ высокаго роста и пустивъ корни въ мерзлую почву, неминуемо должны валиться.

Переваливъ, наконецъ, въ сѣдловинѣ на другую сторону Яблоноваго хребта, поѣздъ пошелъ отчасти степными мѣстностями. Здѣсь по пасютинамъ паслось много скота. Несмотря, однако, на обиліе послѣдняго, ни въ бурятскихъ улусахъ, ни въ казачьихъ станицахъ, повидимому, не привилось еще маслодѣльное производство, какъ въ западной Сибири.

Затѣмъ показались опять возвышенности, по косогорамъ которыхъ тянулись рельсы. Ночью поѣздъ подошелъ къ станціи Кайдалово. Отсюда черезъ Манчжурію проводится желѣзная дорога до самаго Владивостока. Когда я прибылъ въ Кайдалово, то мнѣ объявили, что никакого сухопутнаго сообщенія съ Владивостокомъ здѣсь, пока, добиться немыслимо, и мнѣ по неволѣ пришлось продолжать путь по проложеннымъ до Срѣтенска рельсамъ. Съ утра поѣздъ сталъ извиваться по изгибамъ Ингоды. По обѣ стороны рѣки высились причудливаго вида горы, скаты которыхъ покрыты большею частью тайгою. По рѣкѣ, внизъ по теченію, сплавлялось много плотовъ для доставки на Амуръ, гдѣ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ съ выгодой сбываются бревна.

Проѣхавъ то мѣсто, гдѣ Ингода, слившись съ Онономъ, образуетъ рѣку Шилку, и миновавъ Нерчинскъ, мы вскорѣ вслѣдъ затѣмъ подкатили къ станціи Баянъ. Тутъ по близости показались крытые цинковымъ листомъ обширные склады приготовляемаго на сосѣднемъ заводѣ портландъ-цемента. Устроенный лишь въ 1895 г., это—одинъ изъ немногихъ заводовъ подобнаго рода въ Сибири.

Проходя далѣе лѣвымъ берегомъ Шилки, поѣздъ вскорѣ остановился при Срѣтенской станціи, составляющей до поры до времени крайній восточный пунктъ забайкальской желѣзной дороги. Станица того же имени расположена на другомъ, правомъ берегу Шилки. Я на извозчикѣ спустился со станціи по довольно крутому скату къ рѣкѣ, гдѣ къ берегу присталъ плашкоутъ, приводимый въ движеніе быстрымъ теченіемъ рѣки, но управляемый при посредствѣ каната, протянутаго наискось противъ теченія съ одного берега до другого. Занявъ мѣсто на плашкоутѣ между стоявшими тутъ же крестьянскими телѣгами, мой извозчикъ, поднявшись послѣ переправы на другой берегъ, повезъ меня по топкимъ улицамъ станицы, то-и-дѣло увязая въ густой грязи.

Наконецъ, мы подъѣхали къ лучшей гостинницѣ въ Срѣтенскѣ, подъ названіемъ „Вокзалъ“. Оказалось, однако, что здѣсь всѣ номера заняты. Извозчикъ повезъ меня въ другую извѣстную ему гостинницу. Когда мы подъѣхали къ ней, то вышедшій на улицу слуга объявилъ, что и здѣсь тоже нѣтъ свободныхъ номеровъ. Мы остановились въ недоумѣніи: извозчикъ не зналъ болѣе никакихъ другихъ гостинницъ. Но вотъ на крыльцо выбѣжалъ другой слуга и воскликнулъ: „Пожалуйте, есть еще одинъ номеръ“. Я поспѣшилъ слѣзть съ дрожекъ и пошелъ за слугами. Они провели меня сперва по обширной залѣ, въ которой были разставлены ряды стульевъ, а вдоль стѣнъ разбросаны декораціи. Какъ я узналъ впослѣдствіи, въ этомъ театрѣ по временамъ давались представленія пріѣзжими артистами, и мѣстная публика охотно посѣщала импровизованный храмъ Мельпомены.

Пройдя черезъ залъ, слуга подвелъ меня къ дверямъ небольшого помѣщенія, откуда въ то же время вышли двое плотниковъ съ своими инструментами: они, какъ оказалось, только-что успѣли настлать полъ въ комнаткѣ, въ которую тотчасъ же внесли столъ, стулья и кровать. Такъ-то здѣсь, на глазахъ самихъ пріѣзжихъ, устроиваются номера въ переполненныхъ по временамъ гостинницахъ. На этотъ разъ, какъ я убѣдился впослѣдствіи, онѣ были переполнены по невозможности двинуться далѣе.

Заручившись, такимъ образомъ, хоть какимъ-нибудь номеромъ, я пошелъ бродить по станицѣ, захвативъ на всякій случай въ буфетѣ карточку съ адресомъ гостинницы. Впрочемъ, въ такой карточкѣ не было особенной надобности: заблудиться въ Срѣтенскѣ было бы трудно. И въ самомъ дѣлѣ, вся станица состоитъ изъ набережной и еще изъ одной параллельной съ нею улицы по которой тянутся довольно порядочные, но сплошь деревянные дома. Они отчасти заняты магазинами. Судя по вывѣскамъ, въ лавкахъ можно пріобрѣсть всякіе предметы; но чаще всего попадаются надписи: „Оптовый складъ вина и спирта“. Этими благами пароходы снабжаютъ поселенцевъ по Амуру. До сихъ поръ здѣсь всюду строятся; по всему видно, что Срѣтенскъ расширяется изо дня въ день. О быстромъ ростѣ его можно судить уже потому, что до проведенія желѣзной дороги въ станицѣ насчитывалось около полуторы тысячи казаковъ и нѣсколько сотенъ поселенцевъ; а въ настоящее время населеніе ея возросло чуть ли не до десяти тысячъ душъ обоего пола.

Составляя въ настоящее время крайнюю станцію забайкальской желѣзной дороги, Срѣтенскъ въ то же время состоитъ исход-

нымъ пунктомъ амурскаго пароходства, а потому онъ также впослѣдствіи, когда желѣзная дорога пройдетъ черезъ Манчжурію, будетъ играть важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ съ прибрежными амурскими областями.

Проходя по набережной, я видѣлъ нѣсколько нагружавшихся пароходовъ, но ни на одномъ изъ нихъ не могъ добиться каюты, съ тѣмъ, чтобы по Шилкѣ проѣхать на Амуръ. Наконецъ одинъ изъ капитановъ вывелъ меня изъ недоумѣнія, объяснивъ, что въ это время, какъ извѣщала телеграмма, на перекатѣ обмелѣвшей рѣки стоятъ шесть пароходовъ, за невозможностью двинуться далѣе. А потому я сталъ опасаться, какъ бы не попасть въ такое же критическое положеніе, въ какомъ очутились въ минувшемъ году поселенцы, переѣзжая по Шилкѣ и простоявъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣсколько дней на мели. Тѣмъ еще болѣе, что подобное обмелѣніе рѣки продолжается иногда недѣли по три. Затѣмъ я и отправился на станцію желѣзной дороги съ цѣлью прежнимъ путемъ возвратиться вспять.

VII.—На обратномъ пути.

Чита.—Верхнеудинскъ.—Рынокъ и склады.—Отсутствіе грамотности.—Таможня въ Мысовой.—Образованіе въ Иркутскѣ.—Вліяніе декабристовъ. — Скученность въ поселкахъ.—Новая гостинница въ Красноярскѣ.—Вліяніе желѣзной дороги на торговлю.

На этотъ разъ вагоны были переполнены, такъ какъ изъ Срѣтенска выѣзжала многолюдная публика, застрявшая въ станицѣ вслѣдствіе невозможности двинуться далѣе на востокъ ни сухимъ путемъ, ни водою. Рано утромъ на зарѣ поѣздъ подкатилъ къ станціи Читы. Городокъ живописно расположился среди покрытыхъ лѣсами горъ. Не мѣшаетъ, однако, замѣтить, что Читу, въ настоящемъ ея видѣ, слѣдуетъ признать отчасти созданіемъ сосланныхъ сюда въ 1827 году декабристовъ и прибывшихъ къ нимъ впослѣдствіи самоотверженныхъ женъ ихъ. Тогда, по свидѣтельству М. А. Бестужева, Чита была маленькая деревушка заводскаго вѣдомства, состоявшая изъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ хатъ. „Жители, по общему обычаю всѣхъ сибиряковъ-старожиловъ,—какъ выражается Бестужевъ, — были лѣнивы и бѣдны. Наше почти трехлѣтнее пребываніе обогатило жителей, продававшихъ дорогою цѣною и свои скудные продукты, и свои тощія услуги, и вмѣстѣ съ тѣмъ украсило Читу десяткомъ хорошихъ домовъ, какъ чиновничьихъ, такъ и нашихъ дамъ.

Бѣдная деревушка была переименована въ областной городъ". Въ той его части, гдѣ жили ссыльные, раскинутъ густой садъ, въ зелени котораго утопаютъ сосѣдніе дома.

Вскорѣ послѣ Читы, къ намъ на встрѣчу прошелъ арестантскій поѣздъ. Этимъ арестантамъ, навѣрное, долго придется простоять въ Срѣтенскѣ въ ожиданіи перевозки ихъ на баржахъ по Шилкѣ и Амуру. На нашемъ поѣздѣ въ одномъ изъ вагоновъ сидѣло семь человѣкъ бурятъ съ своимъ священникомъ. Одѣтые въ свои національные костюмы, они направлялись въ свои улусы подъ Верхнеудинскомъ. На другой день мы и прибыли въ этотъ городъ.

Въ раскинутомъ при впаденіи Уды въ Селенгу, довольно пустынномъ Верхнеудинскѣ меня заинтересовали только каменные ряды, расположенные обширнымъ правильнымъ четырехугольникомъ среди города. Внутри, на ограниченной этимъ четырехугольникомъ просторной площади раскинулся рынокъ съ открытой на немъ торговлей преимущественно съѣстными припасами. Тутъ же, съ четырехъ сторонъ, по рядамъ подъ колоннадой помѣщаются склады здѣшнихъ торговыхъ фирмъ. Судя по прозвищамъ, я невольно пришелъ къ заключенію, что въ мѣстной коммерціи не малую роль играютъ евреи. Гостинницей, въ которой я остановился, также завѣдуютъ евреи. Я, пожалуй, и не обратилъ бы на это вниманія, если бы не проголодался. Дѣло въ томъ, что, спросивъ обѣдъ, я не могъ добиться никакого толка отъ женской еврейской прислуги. Вслѣдствіе чего именно въ этомъ городѣ пріурочился еврейскій элементъ—это для меня осталось загадкой. Я, наконецъ, вынужденъ былъ уѣхать на станцію, тѣмъ болѣе, что въ городѣ не могъ добиться даже газетъ.

Однако, на станціи ихъ также не оказалось, что̀ меня крайне удивило; на западѣ отъ Байкала по всѣмъ большимъ станціямъ открыты книжные шкапы, въ которыхъ предлагаются всякія газеты. Здѣсь же, въ Забайкальѣ, ничего этого нѣтъ, такъ что отъ Срѣтенска и до самаго Иркутска пришлось проѣхать по странѣ, какъ бы лишенной грамотности.

Въ Мысовой пристани, куда мы прибыли на другой день, меня крайне поразило то обстоятельство, что мой чемоданъ подвергся осмотру таможенныхъ чиновниковъ. Такъ какъ по той же дорогѣ наѣзжаютъ пассажиры изъ Китая, то чиновники у всѣхъ разыскиваютъ контрабандный, вывезенный оттуда шолкъ и чай. А впрочемъ, завзятые контрабандисты, обходя таможню, все-таки кое-какъ пробираются съ запрещеннымъ товаромъ по горамъ и даже по самому Байкалу.

На этотъ разъ мы изъ Мысовой переѣхали на пристань западнаго берега часа въ три, а вскорѣ затѣмъ подкатили по рельсамъ къ Иркутской станціи.

Когда я прибылъ въ городъ, то мнѣ казалось, будто я вернулся изъ первобытнаго края въ цивилизованную страну. И въ самомъ, дѣлѣ, послѣ видѣнныхъ мною по ту сторону Святого моря улусовъ бурятъ и станицъ съ ихъ лачужками, даже Иркутскъ, несмотря на разлившіяся по улицамъ лужи послѣ дождя, показался мнѣ порядочнымъ городомъ, особенно въ виду его каменныхъ зданій, раскинутыхъ по такъ называемой Большой улицѣ. Мало того, въ Иркутскѣ я тотчасъ же на улицѣ купилъ у газетчика свѣжій нумеръ „Восточнаго Обозрѣнія“. Тутъ же, близъ Преображенской церкви была впервые открыта площадка для дѣтскихъ общественныхъ игръ. Сверхъ того, въ городѣ при мнѣ попечительствомъ о народной трезвости организованы были народныя чтенія. Словомъ, всюду проявлялись слѣды широко развивавшагося образованія. Вообще, за послѣднія десятилѣтія въ Иркутскѣ открыто значительное число учебныхъ заведеній: помимо мужской и женской гимназій, духовной семинаріи и другихъ школъ духовнаго вѣдомства, въ городѣ имѣется техническое и горное училища, лѣсная школа, школа фельдшеровъ, нѣсколько прогимназій, четырехклассныхъ и народныхъ школъ. По этому поводу нельзя не помянуть добромъ декабристовъ, преимущественно тѣхъ, которые съ своими женами способствовали, какъ мы упоминали, благоустройству Читы. По смягченіи ихъ участи въ 1838 г., декабристы разсѣялись по разнымъ мѣстностямъ Сибири. Многіе изъ нихъ водворились даже въ окрестностяхъ Иркутска и зачастую посѣщали городъ.

Эти интеллигентныя личности оказали благотворное вліяніе на образованіе мѣстнаго общества и нерѣдко служили даже превосходными наставниками сыновей мѣстнаго купечества. Яркимъ свидѣтельствомъ можетъ послужить, между прочимъ, не такъ давно скончавшійся извѣстный докторъ Н. А. Бѣлоголовый. Уроженецъ Иркутска, онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ съ чувствомъ признательности говоритъ о декабристахъ, у которыхъ воспитывался и обучался вмѣстѣ съ другими купеческими сыновьями. Вообще, сибиряки до сихъ поръ съ уваженіемъ поминаютъ интеллигентныхъ ссыльныхъ.

Выѣхавъ на третій день рано утромъ изъ Иркутска, я замѣтилъ, что термометръ Реомюра въ вагонѣ показывалъ всего 6^0 тепла; это, надо замѣтить, было среди іюня. Днемъ, правда, температура поднялась опять до 20^0. Для сравненія можно за-

мѣтить, что въ Красноярскѣ, который лежитъ почти на одной широтѣ съ Москвою, морозы нерѣдко держатся до половины мая; въ колодцахъ ледъ тамъ почти во все лѣто не стаиваетъ.

При видѣ богатыхъ селеній по старому почтовому тракту мнѣ особенно бросалась въ глаза чрезвычайная скученность избъ въ поселкахъ. Простора, казалось бы, здѣсь было довольно; а все-таки поселяне строятся такъ тѣсно, что отъ одной вспыхнувшей избы погораетъ иногда цѣлая деревня. Они какъ будто вынесли съ собой это пристрастіе къ скученности изъ Россіи, гдѣ живутъ также тѣсно. Когда я выразилъ сомнѣніе, не крестьянскіе ли начальники, отводя участки переселенцамъ, понуждаютъ ихъ строиться такъ скученно, то мнѣ возразили, напротивъ: по уставу крестьянскіе начальники обязаны наблюдать за надлежащимъ проведеніемъ улицъ въ селеніи, за оставленіемъ достаточныхъ промежутковъ между строеніями, и еслибъ они не вмѣшивались въ дѣло, то крестьяне строились бы, пожалуй, еще тѣснѣе.

Миновавъ поля, пестрѣвшія цвѣтами, среди которыхъ въ эту пору пришлось болѣе всего любоваться ярко-желтыми лиліями, и проѣхавъ потомъ по сумрачной тайгѣ, поѣздъ на третьи сутки подошелъ къ Красноярску. На этотъ разъ я, вопреки увѣреніямъ извозчика, будто въ гостинницѣ „Россія“ всѣ номера заняты, настойчиво потребовалъ, чтобы онъ свезъ меня именно въ этотъ отель. Въ новой гостинницѣ все устроено на европейскій ладъ: вода проведена во всѣ номера, они освѣщаются электричествомъ. При всемъ томъ цѣны довольно умѣренныя: просторный, удобно обставленный номеръ стоитъ въ сутки два рубля; обѣдъ изъ пяти хорошо приготовленныхъ блюдъ—1 руб. 25 коп.; на всѣ остальные предметы цѣны—въ соотвѣтственномъ размѣрѣ.

Надо вообще замѣтить, что съ проведеніемъ желѣзной дороги цѣны на всѣ предметы мануфактурной промышленности въ сибирскихъ городахъ значительно подешевѣли противъ прежняго. И понятно: въ былое время здѣшніе торговцы закупали товары по ярмаркамъ, такъ сказать, изъ третьихъ рукъ; съ открытіемъ же поѣздовъ по рельсамъ, они вступили въ непосредственныя сношенія съ московскими фирмами. Вслѣдствіе этого, покупая въ городахъ разные предметы и приценваясь къ нимъ, я убѣдился, что мануфактурныя издѣлія здѣсь, пожалуй, не дороже, чѣмъ въ Москвѣ.

Замѣтимъ также, что съ открытіемъ парового движенія сильно измѣнился характеръ ярмарокъ вообще. Даже мелкія ярмарки, въ родѣ Никольской въ городѣ Ишимѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, начали падать, привлекая лишь мелкихъ покупателей: дѣло въ

томъ, что одни товары съ мѣстъ сбора отправляются къ мѣстамъ назначенія, а другіе—выписываются прямо съ мѣста ихъ обработки. Въ былое время европейскія издѣлія пріобрѣтались сибиряками на нижегородской и ирбитской ярмаркахъ, куда сбывались также добытые въ Сибири продукты. Въ настоящее же время картина крупнаго торговаго посредничества совершенно измѣнилась: мелкіе торговцы вступили въ непосредственныя сношенія съ производителями въ Европѣ. Мало того, фабриканты и экспортеры стали посылать въ Сибирь комми-вояжеровъ, сбывающихъ товары по образцамъ. Вслѣдствіе этого много оптовыхъ фирмъ въ большихъ городахъ Сибири прекратили свои коммерческія операціи.

Сверхъ того, для сибирскихъ торговцевъ въ настоящее время стали открываться новые способы для непосредственныхъ сношеній съ заграничными фирмами, не только по желѣзнымъ дорогамъ, но даже по болѣе выгоднымъ воднымъ путямъ. И дѣйствительно, навигація моремъ оказалась возможною, благодаря именно протекающему въ Красноярскѣ Енисею. Кстати замѣтимъ здѣсь, что направленіе главныхъ рѣкъ въ Сибири, за исключеніемъ Амура съ его притоками, правда, мало благопріятствуетъ развитію пароходства по пути съ запада на востокъ; зато теченіе ихъ оказывается выгоднымъ для населенія въ томъ отношеніи, что, протекая съ юга на сѣверъ, рѣки снабжаютъ суровые сѣверные края продуктами изъ хлѣбородныхъ южныхъ областей. Мало того, такъ какъ сибирская магистраль пересѣкаетъ главныя рѣки почти по срединѣ, то онѣ служатъ важными подъѣздными путями, подвозя къ желѣзной дорогѣ рѣчные грузы съ сѣвера и съ юга. Во всякомъ случаѣ, однако, перевозка по рельсамъ грузнаго и малоцѣннаго товара оказывается крайне невыгодною, и вотъ въ этомъ-то случаѣ хорошимъ подспорьемъ рельсовому пути можетъ служить навигація моремъ.

Имѣя въ виду воспользоваться морскими сношеніями съ Сибирью чрезъ Ледовитый океанъ, въ семидесятыхъ годахъ уже нѣсколько пароходовъ съ товарами изъ Петербурга успѣли добраться до Енисейскаго залива, а оттуда даже до города Енисейска. Однако, главнымъ піонеромъ въ этомъ случаѣ все-таки слѣдуетъ признать англійскаго капитана Вигинса. Во время своихъ смѣлыхъ плаваній по Ледовитому океану онъ убѣдился, что въ теченіе почти восьми недѣль ежегодно, въ августѣ и сентябрѣ, Карское море освобождается отъ льдовъ; такъ что тогда открывается возможность проникнуть въ Обскую губу и Енисейскій заливъ. Послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ по-

пытокъ, настойчивому англійскому капитану удалось, наконецъ, въ 1896-мъ г., провести три парохода въ устье Енисея, а оттуда на баржахъ перевести грузный товаръ въ самый Красноярскъ. При этомъ, между прочимъ, доставлено было значительное количество рельсовъ для строившейся желѣзной дороги, а сверхъ того нѣсколько паровыхъ машинъ для золотопромышленниковъ. Тѣ же суда возвратились вспять съ полнымъ грузомъ тяжеловѣсныхъ продуктовъ, преимущественно хлѣба въ зернѣ.

Послѣ такихъ удачныхъ предпріятій образовавшаяся англійская компанія торговли съ Сибирью открыла даже свою агентуру въ Красноярскѣ. Сверхъ того, въ виду этихъ сношеній съ Англіей, въ настоящее время предполагается устроить въ Обской губѣ отпускной морской портъ. На такой конецъ въ бухтѣ будутъ воздвигнуты портовыя сооруженія, какія необходимы для удобной стоянки, нагрузки и разгрузки судовъ.

Такимъ образомъ торговыя сношенія моремъ Сибири съ европейскими фирмами окончательно установились, и несмотря на весьма ограниченный срокъ, какимъ суждено пользоваться этимъ сношеніямъ, они, благодаря главнѣйше проведенію желѣзной дороги, должны оказать значительное вліяніе на торговое развитіе Сибири вообще и Красноярска въ особенности. И въ самомъ дѣлѣ, расположенный на берегу Енисея при самомъ пересѣченіи его желѣзною дорогой, городъ служитъ какъ бы средоточіемъ, въ который будутъ стекаться товары со всѣхъ четырехъ странъ свѣта: съ сѣвера и съ юга по рѣкѣ, а съ востока и запада—по рельсамъ. Не даромъ Красноярскъ признается городомъ великаго будущаго.

VIII.—Минусинскъ.

Пароходъ „Минусинецъ“.—Виды по берегамъ.—Характеръ золотопромышленности.—Вольная каторга.—Минусинскъ.—Сношенія съ Китаемъ.—Музей.—Мараловодство.—Инородцы.

Изъ Красноярска мнѣ предстояло подняться на пароходѣ вверхъ по Енисею до Минусинска. Однако, въ виду мелководія рѣкъ, необходимо было изъ стоявшихъ на пристани пароходовъ выбрать такой, который сидитъ въ водѣ не глубже двухъ-трехъ футовъ. На такомъ пароходѣ, по прозвищу „Минусинецъ“, я и занялъ каюту перваго класса, за что заплатилъ 7 руб. 30 коп. По прямой линіи отъ Красноярска до Минусинска наберется около 250 верстъ, а по извилинамъ рѣки, надо полагать, еще

на одну треть болѣе. На все плаваніе противъ быстраго теченія рѣки пошло около трехъ сутокъ. При этомъ пароходъ на буксирѣ влекъ за собой баржу, на которой переправлялось около полутораста переселенцевъ.

Довольно чистая вода рѣки съ зеленоватымъ оттѣнкомъ быстро неслась мимо парохода, унося внизъ по теченію нѣсколько плотовъ съ строевымъ лѣсомъ. Ограниченная скалистыми берегами рѣка мѣстами расширялась до полуверсты, а мѣстами съуживалась до ста съ небольшимъ саженъ. Вотъ на лѣвомъ берегу у подножія горы показался монастырь: вдоль берега тянется продолговатое бѣлое зданіе, напоминающее по наружности казармы; позади него стоитъ церковь съ позолоченнымъ куполомъ. На правомъ берегу круто надъ поверхностью воды поднимается остроконечная скала, такъ называемый здѣсь „Внуковъ камень". Правый берегъ вообще поражалъ взоры своими изборожденными причудливой формы отвѣсными скалами. Наслоенія разнородныхъ каменныхъ породъ обнаруживались въ нихъ съ такою отчетливостью, что по нимъ, мнѣ казалось, удобно было бы наглядно изучать геологическія формаціи. Вскорѣ затѣмъ пароходъ причалилъ къ правому берегу, гдѣ расположенъ скитъ съ церковью и часовней. Высадивъ здѣсь двухъ монаховъ, пароходъ двинулся далѣе вдоль берега подъ навѣсомъ зубчатыхъ скалъ.

На ночь молодой парень, прислуживавшій пассажирамъ, отвелъ меня внизъ, въ особую каюту въ междупалубномъ пространствѣ, гдѣ я предался спокойному сну подъ шумокъ машины и плеска воды о борта парохода. Насъ было всего двое пассажировъ перваго класса, и мы днемъ занимали общую, хотя небольшую, но уютную комнату на верхней палубѣ, проводя время въ интересной для меня бесѣдѣ. Мой спутникъ сообщалъ любопытныя свѣдѣнія о золотыхъ пріискахъ въ долинѣ Абакана, одного изъ притоковъ на югѣ Енисея. Эти пріиски состояли подъ его вѣдѣніемъ, и онъ предложилъ мнѣ вступить въ компанію въ этомъ предпріятіи. Хотя я и отказался отъ участія въ дѣлѣ, а все-таки успѣлъ въ бесѣдѣ съ моимъ спутникомъ довольно обстоятельно ознакомиться съ общимъ характеромъ золотопромышленности, имѣющей такое важное значеніе для Сибири.

Въ былое время золото въ Сибири добывалось большею частью въ розсыпяхъ. Добыча въ рудникахъ затрудняется вообще отсутствіемъ необходимыхъ для того машинъ и дороговизною техническихъ средствъ, безъ которыхъ нельзя обойтись въ дѣлѣ; такъ что вообще руднаго золота добывается весьма ограниченное количество. Что же касается розсыпей, то въ нихъ про-

мывка золотоносныхъ песковъ совершается до сихъ поръ чуть ли не примитивнымъ способомъ. Въ послѣднее время, какъ говорилъ мой собесѣдникъ, стали примѣнять къ дѣлу особыя машины, такъ называемыя драги, автоматически вычерпывающія изъ воды и промывающія золотоносные пески. Но на обзаведеніе этой новоизобрѣтенной машины также требуются деньги. У самихъ золотопромышленниковъ зачастую не хватаетъ средствъ; а компаньоновъ съ капиталами найти не легко: въ Сибири всякій капиталистъ пытается вести дѣло самостоятельно. Такимъ образомъ случается, что въ концѣ концовъ пріиски поступаютъ въ руки иностранныхъ капиталистовъ. И дѣйствительно, въ Минусинскомъ округѣ однимъ изъ богатыхъ пріисковъ завладѣла уже бельгійская компанія. Русскіе капиталисты, какъ видно, неохотно принимаютъ участіе въ выгодныхъ предпріятіяхъ въ Сибири, и въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ, что Россія дала Сибири одну только рабочую силу въ своихъ переселенцахъ, но отказалась снабдить ее капиталами.

Такія же неутѣшительныя свѣдѣнія сообщалъ мой спутникъ касательно отношеній золотопромышленниковъ къ рабочимъ. Хотя онъ самъ служилъ директоромъ на пріискѣ,—несмотря на то, онъ безпристрастно, безъ утайки говорилъ объ этомъ трудѣ *вольной каторги*, какъ называютъ его рабочіе. Это все тотъ же рабочій вопросъ, что̀ непрестанно повторяется на нашихъ фабрикахъ. Лишенные возможности бороться противъ притѣсненій и нуждъ, какимъ подвергаются пріисковые наемники вслѣдствіе эксплоатаціи алчныхъ золотопромышленниковъ, рабочіе то-и-дѣло убѣгаютъ съ пріисковъ, захвативъ забранные впередъ задатки. Зло происходитъ отчасти отъ господствующей системы наемки людей на эту вольную каторгу. Стараясь набрать ихъ поболѣе, подешевле, наемщики, подобно вербовщикамъ, набирающимъ охотниковъ въ солдаты, прибѣгаютъ ко всякимъ незаконнымъ средствамъ, лишь бы закабалить къ пріискамъ нуждающагося оборвыша. Спаивая его виномъ и пользуясь разгуломъ, развратомъ, которымъ предаются охмелѣвшіе наемники, наниматель въ удобную минуту подсовываетъ имъ для подписи контрактъ, и это мѣстной администраціей признается добровольнымъ наймомъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нанимается всякая шваль, и на тяжкую пріисковую работу попадаютъ хилые, неспособные къ такому труду субъекты, которые только и помышляютъ о томъ, какъ бы избавиться отъ непосильной каторги бѣгствомъ въ глубь тайги. Мало того, даже здоровые рабочіе, которые, прельстясь высокою платою, дѣйствительно, по доброй волѣ идутъ

на эту каторгу, и тѣ даже, при плохой и тяжкой жизни въ тайгѣ на пріискѣ, разстроиваютъ свое здоровье, такъ что въ концѣ концовъ они также помышляютъ лишь о томъ, какъ бы избавиться отъ пріиска. А въ средѣ золотопромышленниковъ, сверхъ того, недавно возникла мысль устроить нѣчто въ родѣ синдиката, съ тѣмъ, чтобы окончательно закабалить пріисковыхъ рабочихъ и лишить ихъ возможности заявлять протесты: дѣло въ томъ, что хозяева обязались другъ передъ другомъ не принимать на работу въ пріискѣ протестующаго и разсчитаннаго кѣмъ-либо изъ нихъ наемника.

По мѣрѣ того какъ пароходъ подвигался впередъ, берега рѣки становились все низменнѣе и на нихъ зачастую стали появляться селенія. Мы изрѣдка приставали къ берегу, съ тѣмъ, чтобы забрать приготовленныя тамъ дрова. Въ такихъ мѣстахъ на берегъ изъ сосѣднихъ селъ выходили бабы съ молокомъ, хлѣбомъ, кренделями и тому подобною снѣдью, а между прочимъ также съ земляникой, и мы запасались ею для десерта къ обѣду. Кстати замѣтимъ, что на пароходѣ пассажиры харчились на свой счетъ. Тотъ же услужливый парень снабжалъ насъ чаемъ, кофеемъ и обѣдомъ, приготовляемымъ по заказу кухаркой весьма порядочно и за довольно умѣренную плату. Забравъ дрова, пароходъ шелъ далѣе до слѣдующей пристани. Русло рѣки съуживалось все болѣе. Надъ нами съ крикомъ носились чайки, быстро спускаясь въ воду за рыбешкой. На встрѣчу попадались изрѣдка другіе пароходы; а въ одномъ мѣстѣ съ лѣваго берега на правый народъ съ возами переправлялся на особаго устройства паромѣ. По немъ ходили четыре лошади на приводѣ, которымъ приводились въ движеніе два колеса: такимъ образомъ эти лошади удачно замѣняютъ собою паровой двигатель. Въ другомъ мѣстѣ на правомъ берегу живописно раскинулась усадьба, а при ней стояла мельница для производства крупчатки. Наконецъ пароходъ присталъ къ берегу, а верстахъ въ трехъ оттуда находился окружной городъ Минусинскъ. Я проѣхалъ туда на извозчикѣ, а пароходъ, влача за собой баржу съ переселенцами, пошелъ еще далѣе къ югу верстъ на пятьдесятъ.

По наружному виду я никакъ не могъ признать Минусинскъ городомъ и тѣмъ еще менѣе окружнымъ. Въ тридцатыхъ годахъ на этомъ мѣстѣ стояло село Минуса, и жители согласились сдѣлаться горожанами лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы при нихъ оставили ихъ земельные надѣлы, такъ чтобы они могли продолжать заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Въ 1837-мъ году въ городъ переведены были на житье изъ Читы декабристы,

а именно братья Бѣляевы. Одинъ изъ нихъ, А. П., разсказываетъ между прочимъ въ статьѣ, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ (1881-го г., іюль), что окружному начальнику присланo было предписаніе устроить на берегу Енисея овчарню на семьсотъ русскихъ овецъ. Къ этимъ овцамъ были затѣмъ присланы мериносовые производители. Опытъ удался вполнѣ, такъ что въ третьемъ колѣнѣ уже овцы дали очень тонкую шерсть. Однако, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, компанія предпринимателей не могла сбыть собранную шерсть и по неволѣ прекратила затѣянное предпріятіе. По свидѣтельству знатоковъ овцеводства, нигдѣ въ Европѣ мѣстная овца не обнаруживаетъ такого быстраго перерожденія въ породу мериносовъ, какъ въ Сибири. Въ настоящее время, пользуясь пароходствомъ и желѣзною дорогой, можно бы съ выгодой заняться здѣсь овцеводствомъ.

Въ числѣ деревянныхъ, довольно ветхихъ строеній, изъ какихъ состоитъ городъ, я засталъ мало такихъ, которыя походили бы сколько-нибудь на городской домъ. Въ добавокъ ко всему, при мнѣ на этотъ разъ шелъ сильный дождь, и, вынужденный просидѣть въ номерѣ, я спросилъ у хозяина какую-нибудь газету. Мнѣ дали старый номеръ, который я успѣлъ уже прочесть въ Красноярскѣ. Хозяинъ объяснилъ, что почта на лошадяхъ приходитъ весьма неаккуратно, такъ что газеты получаются иногда всего раза два въ недѣлю. Пароходы, правда, пристаютъ къ берегу почти ежедневно, но, къ сожалѣнію, они не забираютъ съ собою почты. А между тѣмъ Минусинску со временемъ, повидимому, суждено занять весьма важный постъ среди сибирскихъ городовъ, въ особенности, благодаря торговымъ сношеніямъ съ сосѣднимъ Китаемъ. Самымъ важнымъ продуктомъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать, конечно, чай. Эта торговля испоконъ вѣка, какъ извѣстно, производится черезъ Кяхту, откуда товары перевозятся на Иркутскъ. Однако, этотъ путь и дорогъ и затруднителенъ, такъ что торговыя фирмы давно уже разъискиваютъ другія, болѣе удобныя средства сообщенія. На такой вопросъ отозвался даже комитетъ сибирской желѣзной дороги, признавъ необходимымъ организовать новый, наиболѣе выгодный торговый путь въ сношеніяхъ съ Китаемъ. Такимъ путемъ, по всѣмъ соображеніямъ, не только по разстоянію, но и по другимъ условіямъ, долженъ быть признанъ путь на Минусинскъ, какъ на прибрежный городъ, стоящій при большой судоходной рѣкѣ, которая, беретъ свое начало въ областяхъ Китая. И дѣйствительно, образуясь въ предѣлахъ Монголіи изъ соединенія двухъ потоковъ, великая рѣка Енисей вступаетъ вскорѣ затѣмъ

въ Минусинскій округъ и представляетъ такимъ образомъ выгодный водный путь. Преодолѣть препятствія, представляемыя узкимъ ущельемъ, образуемымъ при пересѣченіи рѣкою Саянскаго хребта, не составляетъ особенныхъ трудностей, такъ что чаеторговцы,—какъ сообщаютъ газеты, — недавно успѣли произвесть доставку чая изъ Китая по этому вовсе еще не организованному водному пути.

Такимъ образомъ Минусинскъ, какъ надѣются мѣстные коммерсанты, со временемъ преобразуется въ крупный торговый городъ. Надежды на будущее широкое развитіе его усиливаются еще тѣмъ болѣе, что Минусинскъ и въ настоящее время уже составляетъ главное средоточіе весьма плодороднаго края, который не даромъ издавна слыветъ житницей Сибири. Но этимъ надеждамъ вѣроятно не скоро суждено осуществиться, а между тѣмъ Минусинскъ въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ посѣтителей, единственно благодаря открытому въ немъ превосходному музею. Основанный по личной иниціативѣ неутомимыми стараніями Н. М. Мартьянова, этотъ музей заслужилъ достодолжную извѣстность не только въ Россіи, но даже за границей, такъ что посѣщающіе Сибирь иностранцы считаютъ долгомъ заѣхать въ Минусинскъ единственно съ цѣлью осмотрѣть его интересныя коллекціи. Наше правительство въ свою очередь также достойно оцѣнило безкорыстные труды основателя, назначивъ отъ казны небольшую субсидію въ количествѣ выдаваемыхъ ежегодно полуторы тысячи рублей, что и послужило для дальнѣйшаго расширенія этого полезнаго учрежденія.

Подходя къ каменному двухъ-этажному зданію музея, я увидѣлъ надъ порталомъ слѣдующую, составленную изъ барельефныхъ буквъ, надпись: *Гмелинъ*, *Вассершмидтъ*, *Палласъ*. Это, какъ извѣстно, имена трехъ знаменитыхъ изслѣдователей сибирской флоры, фауны и этнографіи, посѣтившихъ край еще въ XVIII столѣтіи. У входа я засталъ кучку собравшихся тутъ молодыхъ людей, занимающихся въ музеѣ подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ.

Этнографическій отдѣлъ особенно богатъ собраніемъ типовъ инородческаго населенія въ видѣ манекеновъ, жилищъ, костюмовъ, также иныхъ предметовъ ихъ быта и проявленій духовной жизни: тутъ, между прочимъ, къ предметамъ, относящимся къ шаманству, присоединена коллекція идоловъ, чтимыхъ мѣстными инородцами. Въ средѣ археологическихъ коллекцій находятся также каменная баба съ верховьевъ Енисея, каменный осколокъ, изображающій голову, каменное уродливое изображеніе

лица, шеи и груди, гранитное изображеніе человѣка съ жертвенной чашей въ рукахъ. Къ тѣмъ же коллекціямъ относятся также: бронзовое зеркальце, мѣдные ножи и иные подобнаго рода мелкіе древніе предметы изъ бронзы. Такой же полнотой отличаются минералогическій и зоологическій отдѣлы. Въ послѣднемъ меня въ особенности заинтересовали рога сибирскаго оленя, такъ называемаго марала. Этотъ распространенный по Сибири дикій олень водится между прочимъ въ южной, пограничной съ Китаемъ области Минусинскаго округа. Тамъ крестьяне приручаютъ этихъ животныхъ, устроивая для нихъ особые загоны. Въ нихъ промышленники воспитываютъ пойманныхъ молодыхъ мараловъ. Такое мараловодство господствуетъ во многихъ иныхъ мѣстностяхъ Сибири. Промышленники около Петрова дня спиливаютъ съ мараловъ рога, варятъ ихъ въ водѣ съ солью и продаютъ за дорогую цѣну китайцамъ. Китайцы извлекаютъ изъ роговъ особое вещество, которое, какъ сильно возбуждающее средство, цѣнится у нихъ весьма дорого.

Богатое собраніе разныхъ гербаріевъ знакомитъ съ флорой южнаго Енисея, Минусинскаго округа и другихъ сосѣднихъ мѣстностей. Въ этомъ отношеніи важнѣе всего та польза, какую доставилъ музей сельскому хозяйству въ краѣ, а именно распространеніемъ лучшихъ сѣмянъ культурныхъ растеній, равно какъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій.

Кстати замѣтимъ здѣсь,—хотя по примѣру Минусинскаго музея открыты были подобные также и въ другихъ городахъ Сибири, однако ни одинъ изъ нихъ не проявилъ такого научнаго значенія и не оказалъ такого благотворнаго вліянія на мѣстное населеніе, какъ Минусинскій. Это обстоятельство должно поражать тѣмъ болѣе, что самъ Минусинскъ, по своему наружному виду, какъ было упомянуто, едва заслуживаетъ названія города. Нельзя не обратить вниманія на то, что въ Сибири по городамъ вообще встрѣчается много музеевъ. И дѣйствительно, послѣдніе открыты не только въ такихъ резиденціяхъ, какъ Иркутскъ, Томскъ и Красноярскъ, но основаны также въ Омскѣ, даже въ Забайкальской Читѣ и въ иныхъ, менѣе значительныхъ мѣстечкахъ. Такое пристрастіе сибиряковъ къ музеямъ можно объяснить развѣ тѣмъ, что во всякой мѣстности Сибири попадаются, такъ сказать, подъ рукой разные интересные предметы, въ родѣ сохранившихся въ землѣ археологическихъ рѣдкостей, раскопокъ, а также этнографическихъ особенностей, связанныхъ съ существованіемъ инородцевъ въ краѣ. Наблюдая въ этихъ музеяхъ собранія манекеновъ, облеченныхъ съ ногъ до головы

въ національные костюмы, невольно приходишь къ тому выводу, что въ этихъ коллекціяхъ для потомства сохраняется какъ бы память о бытѣ народа, которому, какъ всякому первобытному племени, при его столкновеніи съ высшей цивилизаціей, неминуемо суждено исчезнуть съ лица земли. А при всемъ томъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что русскіе поселенцы отнюдь не сурово относятся къ сибирскимъ инородцамъ; напротивъ, первые зачастую стараются сблизиться съ послѣдними: вступая нерѣдко даже въ свойство съ инородцами, русскіе поселенцы обязательно преобразуютъ ихъ, пріурочивая ихъ отчасти къ своей національности. А потому, не уничтожая инородцевъ, русскіе, такъ сказать, смѣшиваются съ ними и роковымъ образомъ искореняютъ какъ бы типичныя свойства инородческаго племени.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о Минусинскомъ музеѣ могу еще прибавить, что коллекціи во всѣхъ одиннадцати существующихъ тамъ отдѣлахъ состоятъ, въ общемъ, изъ 54.126 предметовъ. При музеѣ имѣется также общественная библіотека, въ которой насчитывается около 15.800 названій книгъ и 20.000 томовъ.

Узнавъ на третій день по явившемуся на улицѣ печатному объявленію, что пароходъ „Минусинецъ“ причалилъ къ пристани на возвратномъ пути въ Красноярскъ, я поспѣшилъ на извозчикѣ къ берегу и вновь занялъ каюту на пароходѣ. Плаваніе по теченію рѣки совершилось, конечно, гораздо быстрѣе, такъ что на вторыя сутки я поспѣлъ уже въ Красноярскъ съ тѣмъ, чтобы оттуда немедля двинуться далѣе на западъ. Прибывъ на слѣдующій затѣмъ день на станцію Тайгу, я пересѣлъ на другой поѣздъ, который по особой вѣтви направляется на сѣверъ къ городу Томску.

IX.—Томскъ.

Университетъ и другія учебныя заведенія.—Биржа труда.—Ботаническій садъ.—Театры въ Сибири.—Итоги.

Въ этомъ средоточіи сибирскаго просвѣщенія меня прежде всего интересовалъ, конечно, университетъ. Пройдя мимо окруженнаго деревьями величественнаго Троицкаго собора и завернувъ вправо, между прекраснымъ домомъ архіерея и зданіемъ управленія сибирской желѣзной дороги, я миновалъ затѣмъ театръ, городскую больницу и вышелъ наконецъ на почти пустынную

мѣстность передъ просторною, обведенною оградой площадью, въ глубинѣ которой вытянулось обширное трехъ-этажное зданіе величавой строгой архитектуры. Необходимо замѣтить, что всѣ упомянутыя выше зданія—каменныя, и такихъ въ Томскѣ насчитывается болѣе, чѣмъ въ другихъ сибирскихъ городахъ, даже больше, чѣмъ въ Иркутскѣ. Университетъ расположенъ какъ бы во главѣ березовой рощи, которая раскинулась за нимъ настоящимъ паркомъ. Такое мѣстоположеніе составляетъ особенную прелесть научнаго зданія и выгодно обособляетъ этотъ храмъ просвѣщенія, удаляя его отъ городской суетни. Къ университету примыкаетъ превосходная клиника. Состоящій при немъ музей вмѣстѣ съ библіотекой былъ закрытъ, и мнѣ не удалось посѣтить его, такъ какъ директоръ покинулъ на лѣто городъ. Тутъ же по близости—каменный въ три этажа домъ общежитія студентовъ. Прибавлю еще свѣдѣнія, какія я успѣлъ добыть изъ отчета за 1899 г., когда университетъ вступилъ въ двѣнадцатый годъ своего существованія. Тогда студентовъ въ медицинскомъ факультетѣ состояло 310, а въ юридическомъ—открытомъ лишь въ 1898 году—всего 137 человѣкъ. Въ 1900 году по октябрь мѣсяцъ всѣхъ студентовъ насчитывалось около 550 человѣкъ.

Тутъ же, не въ дальнемъ разстояніи отъ университета, воздвигнуто еще новое зданіе техническаго института. Попавъ въ Томскъ какъ разъ во время наступившихъ вакацій, я къ сожалѣнію не могъ собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній касательно этихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Сибири. Не только профессора, но чуть ли не всѣ студенты покинули городъ, такъ что по улицамъ почти вовсе не приходилось встрѣчать кого-нибудь изъ нихъ. Замѣтимъ вообще, что за послѣднее время въ средѣ интеллигентныхъ сибиряковъ сильно развилось стремленіе всѣми средствами способствовать научному образованію въ странѣ: самый университетъ былъ основанъ большею частью на суммы, пожертвованныя частными лицами. Одинъ изъ интеллигентныхъ купцовъ въ Томскѣ, А. Ев. Кухтеринъ, недавно пожертвовалъ землю съ домомъ для помѣщенія въ немъ коммерческаго училища, которое имѣетъ быть вскорѣ открыто. Это будетъ первое въ Сибири заведеніе подобнаго рода.

Мнѣ удалось, однако, посѣтить здѣшній ботаническій садъ. Онъ весьма удобно расположенъ среди густого парка и вмѣстѣ съ своими оранжереями, изобилующими экзотическими растеніями, служитъ превосходнымъ подспорьемъ для нагляднаго изученія ботаники.

Впрочемъ, Томскъ не только по университету и техническому институту признается средоточіемъ просвѣщенія въ Сибири,—онъ обладаетъ также значительнымъ числомъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Сверхъ того, я узналъ еще, что въ городѣ недавно состоялось открытіе „Общества содѣйствія устройству сельскихъ безплатныхъ библіотекъ-читаленъ". Дѣятельность этого общества безъ сомнѣнія послужитъ въ пользу сельскаго населенія. Упомянемъ еще о томъ, что въ непродолжительномъ времени въ Томскѣ имѣется въ виду открыть учрежденіе совершенно новаго рода, а именно „Биржу труда". Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ желѣзнодорожнымъ служащимъ: такъ какъ вслѣдъ за постройкой Великой сибирской желѣзной дороги будутъ, конечно, проектированы побочные пути, а со временемъ въ краѣ разовьется также мануфактурная промышленность, то запросъ на трудъ безъ сомнѣнія усилится. Поэтому для заинтересованныхъ сторонъ окажется крайняя потребность въ такомъ центральномъ учрежденіи, которое по возможности регулярно распредѣляло бы трудъ въ странѣ. Въ настоящее время рабочіе собираются въ городѣ на мосту, перекинутомъ черезъ рѣчку Ушайку, впадающую въ болѣе широкій Томь. Здѣсь они, подвергаясь ненастью, по цѣлымъ днямъ безъ толку просиживаютъ въ ожиданіи заработка. По этому поводу желѣзнодорожные служащіе, преимущественно мелкіе, и подали на имя городского головы заявленіе, вслѣдствіе котораго городская дума рѣшила ознаменовать сорокалѣтіе отмѣны крѣпостного права открытіемъ „Биржи труда". Для этого имѣется въ виду постройка барака для защиты рабочихъ отъ ненастья, открытіе бюро для пріисканія мѣстъ и работы, организація доступной для бѣднаго населенія юридической помощи, устройство дешевой столовой и чайной, и наконецъ открытіе народной читальни. При своемъ заявленіи рабочіе предлагали отъ себя въ пользу „Биржи" свой дневной заработокъ 19-го февраля истекшаго года. Гласные въ думѣ съ единодушнымъ сочувствіемъ отнеслись къ устройству „Биржи", и назначили коммиссію для осуществленія благого предпріятія, рѣшивъ ассигновать для этого изъ средствъ города 3.000 рублей и открыть подписку для сбора частныхъ пожертвованій. Здѣшнее интеллигентное общество вообще всегда отзывчиво относилось къ такимъ вопросамъ, а потому и нельзя сомнѣваться въ полномъ успѣхѣ задуманнаго предпріятія.

Каменное зданіе театра въ Томскѣ не такъ велико, какъ въ Иркутскѣ, но съ виду оно весьма красиво. Въ здѣшнемъ театрѣ зимой даетъ спектакли довольно значительная драматическая

труппа. Впрочемъ, я засталъ здѣсь лѣтомъ другую группу, которая давала свои представленія въ менѣе обширномъ театрѣ. Вообще, сибиряки, какъ мнѣ показалось, одержимы пристрастіемъ къ подобнаго рода развлеченіямъ. Въ этомъ отношеніи меня заинтересовала попытка одного изъ извѣстныхъ въ Сибири антрепренеровъ, г. Ярославцева-Сибиряка, устроить плавучій театръ по рѣкѣ Ленѣ до города Якутска. На такой конецъ предпріимчивымъ антрепренеромъ сооруженъ былъ паузокъ, родъ мелководнаго судна длиною въ 10 саженъ, шириною въ 10 аршинъ. Высота самаго театра была $4^1/_2$ аршина. Всѣхъ мѣстъ имѣлось 190. Театръ, какъ оповѣщаетъ самъ Ярославцевъ, проплылъ съ 1-го мая по 23-е іюля отъ села Качуга на Ленѣ до Якутска—разстояніе въ 2.553 версты. За это время, при остановкахъ въ разныхъ мѣстахъ, дано было 43 спектакля. Сверхъ того давались еще спектакли во временныхъ театрахъ разныхъ городовъ по пути. Репертуаръ состоялъ изъ одноактныхъ комедій, водевилей и дивертиссементовъ. Однако, этотъ первый опытъ въ Россіи устройства плавучаго театра оказался не совсѣмъ удачнымъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи доходности. И дѣйствительно, расходы превысили общій валовой сборъ на 2.000 рублей. Несмотря на то, путешествіе до Якутска по Ленѣ производило впечатлѣніе лѣтней пріятной прогулки, какъ выражается самъ Ярославцевъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Сибирскомъ Наблюдателѣ". Это,—замѣтимъ кстати,—весьма интересное по сообщаемымъ о Сибири свѣдѣніямъ періодическое изданіе выходитъ въ Томскѣ книжками двѣнадцать разъ въ годъ, подъ редакціей самого издателя, А. Долгорукова.

Гуляя по городу, я перебрался по мосту на другую сторону протекающей среди Томска рѣчки Ушайки и вышелъ на раскинутый близъ самаго устья потока базаръ. На другомъ концѣ его я усмотрѣлъ часовню, сооруженную по образцу московской Иверской Божіей Матери. На голубомъ, усѣянномъ звѣздами куполѣ стоитъ вызолоченное изображеніе архангела Михаила съ крестомъ; но здѣшняя часовня помѣщается не между двумя воротами, какъ въ Москвѣ, а въ концѣ продольной, нѣсколько возвышенной крытой эстрады. Между столбами, по обѣ стороны этой галереи, разставлены деревянныя скамьи, постоянно занятыя нищими. Карета, въ которой развозится по городу скопированная съ московской икона Божіей Матери, своимъ наружнымъ видомъ и своею упряжью еще болѣе напоминаетъ московскую Иверскую.

Покинувъ Томскъ, я былъ въ состояніи подвести итоги тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, какія успѣлъ собрать въ поѣздкѣ по си-

бирской желѣзной дорогѣ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ нашей публикѣ нерѣдко выражается сомнѣніе касательно цѣлесообразности постройки Великой сибирской желѣзной дороги. Въ этомъ отношеніи необходимо обратить вниманіе на то, что открытіе этого пути тѣсно связано съ вопросомъ о переселеніи части крестьянъ изъ Европейской Россіи. Если такое переселеніе признать благотворнымъ и необходимымъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что проложеніе рельсовъ по лишеннымъ удобныхъ путей сообщенія пустынямъ Сибири окажется вполнѣ цѣлесообразнымъ.

На предлагаемые вопросы о причинахъ переселенія крестьяне ссылаются обыкновенно на свои недостаточные, отведенные имъ, надѣлы, вообще на малоземелье. Правда, если сравнить упомянутые надѣлы съ тѣми участками земли, какими владѣютъ земледѣльцы, напримѣръ, въ Бельгіи, то окажется, пожалуй, что нашимъ крестьянамъ стоило бы только завести у себя такое же интенсивное сельское хозяйство, какое господствуетъ въ Бельгіи, и они, не прибѣгая къ переселенію, могли бы прокормиться на своихъ давно насиженныхъ надѣлахъ. Но, какъ извѣстно, земледѣльцы крайне цѣпко держатся своихъ исконныхъ хозяйственныхъ порядковъ, а русскіе крестьяне въ этомъ отношеніи еще болѣе стѣснены своимъ общимъ бѣдственнымъ и безправнымъ положеніемъ, такъ что они не въ состояніи слѣдовать примѣру бельгійскихъ земледѣльцевъ. А потому наши крестьяне, для избѣжанія повторявшихся за послѣднее время голодовокъ, по неволѣ стремятся массами въ дальніе края, на поиски дѣвственныхъ земель, благо въ нихъ пока еще нѣтъ недостатка въ Россіи.

Но массовыя переселенія на востокъ, какъ оказывается, стали возможны только благодаря открытію сибирскаго рельсоваго пути. Передавъ общинѣ свой надѣлъ и облегчивъ такимъ образомъ хоть сколько-нибудь тяжкое положеніе своихъ остающихся на родинѣ односельчанъ, переселенцы въ свою очередь, водворившись на казенныхъ земляхъ въ Сибири, достигаютъ тамъ такого довольства, какого никогда не были бы въ состояніи добиться на покинутыхъ ими пепелищахъ. Правительство, притомъ, получаетъ доходъ съ занятыхъ казенныхъ земель. И вотъ, въ дикомъ краѣ, гдѣ прежде господствовала пустынная природа, возникаютъ, какъ не разъ приходилось убѣдиться во очію по нашему пути, земледѣльческія селенія, развиваются начала гражданственности и культуры. Благодаря выгодному сбыту своихъ продуктовъ, крестьяне расширяютъ свое хозяйство, обзаводятся лучшими орудіями, строятъ молотилки и вѣялки. По пути намъ не разъ приходилось убѣдиться въ томъ, что желѣзная

дорога пробуждаетъ въ странѣ промышленную жизнь: стоитъ только вспомнить о широко развившемся въ краѣ маслодѣльномъ производствѣ, о выгодномъ сбытѣ такихъ продуктовъ скотоводства и рыбнаго промысла, которые не такъ еще давно пропадали массами вслѣдствіе недостатка средствъ сообщенія и невозможности сбыта. Газеты извѣщаютъ, между прочимъ, о предполагаемой постройкѣ въ енисейской губерніи перваго въ Россіи электролитейнаго завода. Вообще, нельзя не замѣтить, что желѣзная дорога привлекаетъ уже въ край не одинъ только физическій трудъ въ лицѣ переселенцевъ, но также производительные капиталы въ лицѣ русскихъ и иностранныхъ предпринимателей. Такъ, между прочимъ, открывается золотопромышленное общество для разработки руднаго золота, потомъ еще рыбопромышленная компанія съ капиталомъ въ три милліона рублей для производства рыбныхъ промысловъ и въ особенности для изготовленія консервовъ. Объ оживленіи коммерческихъ операцій въ Сибири можно уже судить по отдѣленіямъ разныхъ банковъ, какія мы застали во всѣхъ посѣщенныхъ нами городахъ. Свидѣтельствомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить также состоявшееся въ апрѣлѣ 1901 года открытіе торговой биржи въ Томскѣ.

Въ виду такихъ плодотворныхъ результатовъ, достигнутыхъ уже переселеніемъ и не вполнѣ еще готовымъ рельсовымъ путемъ, мы едва ли въ правѣ еще сомнѣваться въ цѣлесообразности постройки сибирской желѣзной дороги. Но еще болѣе важное значеніе этого пути для Россіи обнаружится въ высокой степени, если обратимъ вниманіе на отношенія цивилизованныхъ государствъ къ Китаю. Эта древняя культурная страна до послѣдняго времени была открыта для сношеній съ цивилизованнымъ міромъ почти исключительно со стороны моря. А потому господствовавшія съ своими флотами на моряхъ націи и пользовались въ сношеніяхъ съ Китаемъ рѣшительнымъ преимуществомъ, особенно въ коммерческомъ отношеніи. Но такія преимущества ограничивались лишь мѣстами, доступными со стороны моря для пароходовъ. За послѣднее время, въ виду торговыхъ, промышленныхъ и горнозаводческихъ интересовъ, стало сильно пробуждаться всенародное стремленіе проникнуть во внутреннія, недоступныя со стороны моря области. А такое стремленіе скорѣе всего достижимо, конечно, при посредствѣ пролагаемой до границъ Китая желѣзной дороги.

Въ заключеніе напомнимъ еще, что Тихій океанъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ сильно возростающее значеніе въ

міровой торговлѣ: ему вообще суждено сдѣлаться въ будущемъ чрезвычайно важнымъ поприщемъ для международныхъ сношеній. А когда въ скоромъ времени наша магистраль будетъ окончательно доведена по Манчжуріи до береговъ Тихаго океана, то сибирская дорога, замѣнивъ собой дальній и дорогой морской путь чрезъ Суэзскій каналъ къ Дальнему востоку, послужитъ кратчайшимъ путемъ для перевозки туда изъ западной Европы и обратно пассажировъ, почтовой корреспонденціи и также негрузныхъ, но цѣнныхъ товаровъ. Обратимъ также вниманіе на то, что при такихъ путешествіяхъ изъ Европы на Дальній востокъ пассажиры большею частью не минуютъ Москвы, такъ что ее въ такомъ случаѣ по справедливости придется признать средоточіемъ не только Россіи, но также международныхъ сношеній вообще.

Эд. Циммерманъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ первыхъ числахъ февраля, лѣтъ пять тому назадъ, выдался одинъ изъ тѣхъ ясныхъ солнечныхъ дней, какими изрѣдка даритъ петербуржцевъ природа нашей сѣверной столицы. Въ такіе дни, Невскій смотритъ веселѣе: сѣрыя, мрачныя стѣны его однообразныхъ домовъ начинаютъ улыбаться своими зеркальными окнами и вывѣсками; улыбаются и подрумяненныя морозцемъ лица публики, снующей по тротуарамъ, лица обыкновенно пасмурныя, блѣдныя, съ явными слѣдами малокровія у женщинъ и „канцелярской немощи“ у мужчинъ.

Было одиннадцать часовъ утра. Въ это время на Невскомъ нѣтъ еще той толпы, какая по обычаю затопляетъ его въ предобѣденное время, когда „весь Петербургъ“ считаетъ своимъ долгомъ фланировать отъ Полицейскаго до Аничкова моста. Въ это раннее время по тротуарамъ спѣшатъ только дѣловые люди —всевозможные просители, мѣстные и пріѣзжіе, старающіеся попасть въ очередь на пріемъ; торопится въ банки торговый народъ—учесть „векселёкъ“ или справиться о новостяхъ финансоваго міра. Не мало въ этотъ часъ и чиновниковъ средняго ранга, позволяющихъ себѣ являться въ канцелярію немного позднѣе „мелкой сошки“. Они идутъ зато не торопясь, солидно держатъ подъ мышками свои портфели, смотрятъ важно и шар-

кают калошами. Экипажей еще не много. Изрѣдка пронесется въ санкахъ-„эгоисткахъ“ какой-нибудь модный врачъ или адвокатъ; остальная публика тащится на извозчикахъ. Ихъ измученныя клячи напрягаютъ всѣ силы свои и отъ нихъ валитъ паръ. Съ грохотомъ катятся вагоны конокъ, усѣянные на имперіалахъ, какъ галками, рабочимъ людомъ...

Въ эти часы фланируютъ по тротуарамъ только пріѣзжіе провинціалы обоего пола. Ихъ узнаешь сразу: мужчины сіяютъ блаженно-патріотически, любуясь дорогими модными бездѣлушками въ окнахъ магазиновъ: „Вотъ, молъ, какова всероссійская столица! Чего въ ней только нѣтъ“! Дамъ-провинціалокъ узнаешь потому, что онѣ суетливо бѣгаютъ изъ магазина въ магазинъ, нагружаясь постепенно свертками и картонками.

Среди этой публики выдѣлялся своей высокой, широкоплечей фигурой и страннымъ костюмомъ плотный брюнетъ лѣтъ сорокапяти. На немъ была длинная сибирская „малица“ шерстью наружу и мѣховая странная шапка съ ушами. Черные вьющіеся волосы и борода серебрились сѣдиной, хотя лицо съ блестящими карими глазами и сильно выпуклыми губами было моложаво и почти безъ морщинъ. Особенно выдѣлялись почти юношескимъ выраженіемъ глаза: они улыбались, вглядываясь весело во все окружающее, хотя на губахъ бродила то грустная, то насмѣшливая улыбка. Шелъ онъ легкой, совсѣмъ юношеской походкой, не торопясь, и такъ разглядывалъ толпу, какъ будто надѣялся встрѣтить въ ней старыхъ знакомыхъ.

Онъ подходилъ къ широкимъ дверямъ одного изъ банковъ, когда оттуда торопливо вышла молоденькая особа, плотная, невысокаго роста, въ собольей шубкѣ и такой же шапочкѣ. У нея было круглое, румяное, какъ яблоко, лицо, на которомъ торчалъ маленькій носикъ, сжатый черепаховымъ пенснэ. Рыжеватые волосы, подстриженные по-мужски, вились барашкомъ. Она направилась-было къ небольшой каретѣ, стоявшей у подъѣзда, подбирая шлейфъ своего длиннаго синяго суконнаго платья, какъ вдругъ замѣтила человѣка въ малицѣ и съ радостнымъ крикомъ протянула ему обѣ руки...

— Петръ Григорьевичъ! Да васъ ли я вижу?! Какими судьбами вы въ Петербургѣ?

— Надежда Николаевна! А вѣдь я думалъ, что вы гдѣнибудь за границей,—весело отвѣтилъ брюнетъ, сжимая ея руки въ своихъ огромныхъ лапищахъ.

— Значитъ, ваши мытарства кончились? Разрѣшили пріѣ-

ѣхать въ Петербургъ?—спросила Надежда Николаевна, сильно понижая голосъ.

— И этого мало: пригласили здѣсь засѣдать въ одну коммиссію!—смѣясь, сказалъ брюнетъ.

— Ну, поздравляю!.. А какъ вы сильно измѣнились, Петръ Григорьевичъ! Вѣдь я васъ лѣтъ семь не видала... Да что же мы остановились? Ѣдемъ завтракать ко мнѣ. Кстати, у меня встрѣтите свою сосѣдку, Соню Лопатину: она у меня живетъ, учится живописи въ академіи, и мы съ нею васъ часто вспоминали.

— Очень былъ бы радъ поѣхать сейчасъ къ вамъ и свою сосѣдку повидать, хотя знаю ее только по слухамъ, что она очень интересна... Но сейчасъ, право, не могу: черезъ четверть часа долженъ быть у дяди и ѣхать съ нимъ въ министерство. Если позволите, заѣду къ вамъ сегодня попозднѣе.

— Такъ пріѣзжайте обѣдать. Только не обманите!—Надежда Николаевна подала ему карточку. Петръ Григорьевичъ, взглянувъ на узенькую полоску плотнаго голубого картона, гдѣ было написано: „Надежда Николаевна Петренко“, сказалъ шутливо:

— А вы все еще не замужемъ? я еще на-дняхъ спрашивалъ въ письмѣ къ пасынку: „Неужели, молъ, Надежда Николаевна еще не украсила себя какимъ-нибудь княжескимъ или графскимъ титуломъ?“

— Ужъ и не говорите!—смѣясь отвѣтила Надежда Николаевна:—Жду-жду какого-нибудь захудаленькаго сіятельства, который прельстится на мои милліоны, а все нѣтъ! Такъ пріѣдете? Непремѣнно! И привезите съ собой пасынка: я къ нему неравнодушна.

Она опять громко засмѣялась.

— Привезу, привезу. Но мнѣ жаль сейчасъ съ вами разставаться,—проговорилъ Петръ Григорьевичъ, ласково смотря въ ея маленькіе глазки водянисто-сѣраго цвѣта:—Пройдемте со мной до Надеждинской.

— Отлично!—Она сдѣлала знакъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ за ними.

— Ну-съ, разсказывайте мнѣ,—начала она,—какъ же вы поживали послѣдніе годы? Немножко я знаю о васъ отъ вашего пасынка: просто не хотѣлось вѣрить, что, вернувшись изъ Перми, вы три года жили безвыѣздно въ Рахмаровкѣ и не хлопотали.

— Вотъ подите же! такой ужъ я глупый упрямецъ,—улыбаясь, отвѣтилъ Петръ Григорьевичъ.

— Однако не выдержали, попросили!

— Не попросилъ. Это добрые родственники позаботились.

— Знаю—кто. Кстати, о чемъ комиссія, въ которую вы попали?

— Комиссія о томъ, какъ изъ выпаханнаго чернозема дѣлать алмазы. Я пріѣхалъ спеціально для того, чтобы вѣжливо отказаться... по болѣзни: надо обставить отказъ такъ, чтобы опять не разсердились... Видите, и я сталъ благоразумнымъ паинькой... Однако, что же мы все обо мнѣ! А вотъ какъ вы поживаете? Я вижу—цвѣтете. Значитъ, васъ не особенно сокрушаетъ, что никакія сіятельства еще не сіяютъ на вашихъ визитныхъ карточкахъ.

— О, я чувствую себя отлично. Дѣла по горло.

— Слыхалъ, слыхалъ, и очень за васъ радовался. Все это прекрасно, а вотъ личная-то жизнь—какъ? Вѣдь навѣрное иногда сердечко щемитъ? „А годы уходятъ, все лучшіе годы“...

— Фи, какой вы гадкій стали! Вотъ ужъ отъ кого не ожидала! Вы что же, въ своей Рахмаровкѣ да Перми дожились до того, что личную жизнь проповѣдуете?

— Какъ вамъ сказать? Не проповѣдую... Остался я тѣмъ же прежнимъ Рахмаровымъ... Но... когда жизнь почти изжита и впереди уже ничего не ждешь,—просыпается иногда нотка, плачущая о личномъ счастьѣ... Однако, оставимъ это! Я, въ самомъ дѣлѣ, запѣлъ что-то похоронное...—И онъ шутливо продекламировалъ:—„Впередъ, безъ страха и сомнѣнья!“... А вотъ и Надеждинская. Спасибо, что проводили...

Пока Рахмаровъ поднимается по лѣстницѣ, устланной ковромъ, во второй этажъ большого дома на Надеждинской, скажемъ два слова о немъ и о Надеждѣ Николаевнѣ Петренко.

У него было большое имѣніе. Предки настолько разорили это старое дворянское гнѣздо, что Петръ Григорьевичъ едва могъ сводить концы съ концами. А расходы были не малые: жена, съ которой онъ давно разошелся, жила постоянно за границей съ двѣнадцатилѣтней дочерью, а въ Петербургѣ приходилось содержать ея сына отъ перваго брака, студента Бѣлоконскаго. Семь лѣтъ тому назадъ, Рахмаровъ, живя въ деревнѣ, работалъ какъ волъ, и въ своемъ имѣніи, и въ земствѣ, гдѣ былъ руководителемъ съ самаго начала введенія земства. Но тутъ надъ нимъ стряслась бѣда: сказалъ онъ какую-то рѣчь въ дворянскомъ собраніи, а послѣ долженъ былъ проѣхаться на сѣверо-востокъ Россіи. Тамъ онъ прожилъ четыре года, и вернувшись въ свою разоренную Рахмаровку, засѣлъ тамъ без-

выѣздно. Среди его родственниковъ въ Петербургѣ, вскорѣ по его возвращеніи, прошли слухи, что вернулся онъ не одинъ, а съ какой-то женщиной и двумя дѣтьми, живетъ отшельникомъ, ни къ кому не ѣздитъ и никого не принимаетъ.

Что касается Надежды Николаевны Петренко,—она была дочь извѣстнаго московскаго богача-фабриканта, сдѣлавшагося милліонеромъ изъ простыхъ крестьянъ. Николай Николаевичъ Петренко съумѣлъ такъ „образовать“ себя, что съ нимъ вели знакомство всѣ московскія ученыя, литературныя и художественныя знаменитости. Дочь онъ воспиталъ въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ, а впослѣдствіи предоставилъ ей полную свободу, снабжая крупными суммами на путешествія и благотворительныя дѣла. Она жила то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, то за границей, и вездѣ участвовала въ десяткахъ филантропическихъ обществъ. Въ Петербургѣ у нея была даже постоянная квартира.

II.

Швейцаръ сказалъ Рахмарову, что сенаторъ Бѣлоконскій только-что уѣхалъ по неожиданному дѣлу и проситъ его подождать.

— А Вѣра Павловна дома?—спросилъ Петръ Григорьевичъ.

— Барышня у себя-съ. Дверь въ ихъ квартиру налѣво, на той же площадкѣ. Прикажете дать звонокъ?

— Пожалуйста.

Рахмаровъ раздѣлся внизу и пошелъ по широкой лѣстницѣ, уставленной цвѣтами и диванчиками на поворотахъ. Безъ своей сибирской малицы онъ казался еще выше и мужественнѣе въ черномъ фракѣ, сидѣвшемъ мѣшковато и дѣлавшемъ складки на его широкой спинѣ. Черные вьющіеся волосы съ сильной просѣдью образовывали цѣлую копну надъ широкимъ, довольно низкимъ и угловатымъ лбомъ. Этотъ лобъ и могучая фигура говорили о желѣзномъ характерѣ, но достаточно было взглянуть въ его добрые глаза, мягко улыбавшіеся изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, достаточно было всмотрѣться въ его большія губы съ неуловимымъ выраженіемъ почти женственной ласковости, чтобы вамъ стало ясно, что въ Рахмаровѣ сидятъ два человѣка,—одинъ мягкій, уступчивый, почти безвольный, и другой—упорный, горячій, страстный.

Съ площадки, на которую онъ поднялся, дверь направо вела въ квартиру сенатора Бѣлоконскаго, а налѣво—въ небольшую

квартирку его племянницы Вѣры Павловны Лядовой. На порогѣ Рахмарова встрѣтила горничная.

— Барышня принимаетъ?

— А какъ о васъ доложить?

Когда Рахмаровъ назвалъ свою фамилію, изъ сосѣдней комнаты раздался радостный крикъ.

— Боже мой! Да неужели это вы, Петръ Григорьевичъ?!— И въ прихожую почти вбѣжала худенькая, стройная, бѣлокурая дѣвушка въ черномъ простенькомъ платьѣ.

— Ой, какъ вы однако похудѣли!—воскликнулъ Рахмаровъ, цѣлуя ея тонкія руки одну за другой.

Она ввела его въ слѣдующую комнату, которая служила гостиной, и усадила на небольшой диванчикъ въ углу, а сама присѣла въ мягкое низенькое кресло.

— Такъ вы находите, что я похудѣла? И только изъ жалости не прибавили, что и постарѣла. Еще бы! Вѣдь вы меня помните девятнадцатилѣтней, а теперь мнѣ ужъ двадцать-шесть. Но вы почти совсѣмъ не измѣнились... Я васъ уже нѣсколько дней жду: отъ дяди знаю все. Ну, вы довольны?

— Представьте—не особенно. Я или очень облѣнился въ деревнѣ, или вообще состарился.

— Ну, возможно ли это! А коммиссія? Сколько вы можете сдѣлать!

— Я пріѣхалъ, чтобы отказаться отъ участія въ коммиссіи.

— Избави васъ Богъ! Вы всѣхъ противъ себя возстановите и ужасно огорчите дядю.

Завязался споръ. Рахмаровъ доказывалъ, что подобныя коммиссіи—одна декорація, и что онъ не хочетъ быть „бутафорской вещью". Вѣра Павловна горячо возражала, находя, что исходъ коммиссіи будетъ зависѣть отъ тѣхъ лицъ, которыя въ нее войдутъ.

Рахмаровъ слушалъ ее невнимательно, такъ какъ вопросъ этотъ былъ для него рѣшенъ. Онъ больше всматривался въ ея лицо: въ первыя минуты, когда она выбѣжала къ нему въ переднюю, на ея щекахъ былъ румянецъ; затѣмъ это красивое лицо, съ тонкими, изящными чертами, поблѣднѣло, точно поблекло; около уголковъ глазъ онъ примѣтилъ легкія морщинки; въ этихъ большихъ голубыхъ глазахъ, гдѣ-то въ глубинѣ ихъ чуялась усталость и тоска. И ему невольно вспоминалась живая, румяная, бодрая дѣвушка, какой она была лѣтъ восемь тому назадъ, когда пріѣзжала съ матерью въ свое имѣніе, верстахъ въ двухъ отъ помѣстья Рахмарова. Какой молодой вѣрой была пронн-

нута въ то время каждая черта ея лица! Какъ страстно слушала она все, что онъ развивалъ тогда передъ нею! Какъ рвалась въ Петербургъ—учиться и дѣлать что-нибудь „важное, хорошее“... Онъ въ то время не только просвѣщалъ и развивалъ ее, но и увлекался ею. Иногда даже у него мелькала мечта—развестись съ женою, жившей тогда въ Италіи, и жениться на Вѣрѣ Павловнѣ (они были въ отдаленномъ родствѣ). Тогда его остановила мысль, что Лядова еще очень молода, онъ же приближался къ сорока годамъ, да и у него была дочь, которая хотя и жила съ матерью за границей, но его никогда не покидала смутная надежда, что дѣвочка когда-нибудь будетъ жить съ нимъ: онъ безумно любилъ ее.

— Отъ пасынка, а отчасти и изъ газетъ,—началъ Рахмаровъ,—я зналъ, что вы много работаете для воскресныхъ школъ и сельскихъ библіотекъ... Значитъ, не скучали.

— Нѣтъ, Петръ Григорьевичъ, не скучала... до самаго послѣдняго времени. Но вотъ уже года два начались такія измѣненія въ окружающей атмосферѣ, что руки стали опускаться. Цѣлый рядъ непріятностей—мелкихъ, глупыхъ, ничтожныхъ, но отъ которыхъ тѣмъ больнѣе становится.

— Что же, очень стѣсняютъ?

— Еслибы одно это! А я не знаю, что сдѣлалось съ нашими земствами! Просто узнать ихъ нельзя! Бывало, отъ нихъ шли больше всего заказы на книги... велась обширная переписка... теперь такіе земцы стали исключеніемъ. Куда же они дѣвались? Неужели земская контръ-реформа такъ подѣйствовала?

— Еще бы!

— Но вѣдь люди-то, люди?—они же вѣдь остались!?

— Да, но одни изъ нихъ принуждены были уйти, другіе сами ушли отъ новыхъ порядковъ, третьи остались, но сложили руки, а иногда и того хуже: начали пѣть въ унисонъ съ самыми дрянными элементами провинціи—съ кулаками, эксплуататорами и всякими обскурантами.

— Боже, какъ все это ужасно!—воскликнула дѣвушка, сжимая свои руки, лежавшія на колѣняхъ.—И здѣсь не веселѣе,—прибавила она со вздохомъ:—появилось новое направленіе въ молодежи и литературѣ—въ сущности очень симпатичное, бодрое, но къ несчастью выступило оно на сцену,—какъ это часто бываетъ съ піонерами новаго движенія,—очень ужъ враждебно ко всему, что въ прошломъ было лучшаго... И вотъ теперь—ожесточенная вражда съ обѣихъ сторонъ! Страшно опасное у насъ раздѣленіе лучшихъ силъ интеллигенціи, которыхъ вѣдь

такъ немного! Иногда отъ этого охватываетъ такое отчаяніе, что я не разъ думала все здѣсь бросить и уѣхать въ деревню, отдавшись какому-нибудь скромному дѣлу въ родѣ школы, да на этомъ и остановиться.

— Нѣтъ,—горячо возразилъ Рахмаровъ,—вы должны оставаться здѣсь: вы не можете себѣ представить, какъ въ провинціи теперь тяжело стало. Вашихъ силъ не хватитъ. А эти раздоры, я убѣжденъ,—временное явленіе.

— Не знаю, но это меня страшно волнуетъ. Да и все въ Петербургѣ раздражаетъ: одни слухи, которые ежедневно приходятъ со всѣхъ сторонъ, способны свести съ ума. Кажется, что впереди все охвачено мракомъ и холодомъ, и нѣтъ никакой надежды, никакого просвѣта... Такъ жить невозможно!

Губы ея задрожали, тонкія ноздри напряглись, и на глазахъ показались слезы.

— Ого, да у васъ совсѣмъ нервы плохи!—воскликнулъ Рахмаровъ.—Да, пожалуй вамъ необходимо бросить Петербургъ. Но только не ѣздите въ деревню; поѣзжайте за границу, подышите инымъ воздухомъ, воздухомъ независимой, бодрой жизни Запада... И все, какъ рукой, сниметъ...

— Объ этомъ надо подумать,—сказала Вѣра Павловна.—Кстати, вы, конечно, хотѣли бы посмотрѣть на здѣшнюю интеллигенцію, на молодежь? У меня кое-кто собирается по пятницамъ; бываютъ и изъ міра литературнаго. Въ эту не будутъ, потому что она приходится на восьмое февраля... университетская годовщина. Я да и многіе будутъ на студенческихъ вечеринкахъ... А въ слѣдующую—вы не забудьте.

— Если не уѣду до тѣхъ поръ.

— Не смѣйте и думать уѣзжать такъ скоро. Вы должны побыть въ Петербургѣ уже для того одного, чтобы сдѣлать попытку примирить воюющіе лагери. Ваше прошлое придастъ особый вѣсъ вашимъ словамъ. И вотъ вамъ случай—вечеринка восьмого февраля. Туда собираются тысячи молодежи, говорятся рѣчи... Пасынокъ дастъ вамъ билетъ.

Вѣра Павловна стала говорить ему съ жаромъ и съ глубокой вѣрой въ его силы, что онъ будетъ имѣть успѣхъ. Она со слезами на глазахъ сообщила ему, что молодое направленіе отрицаетъ дѣятельность въ деревнѣ и требуетъ—все вниманіе посвятить одному городскому пролетаріату.

— Вы должны говорить съ ними, какъ говорили когда-то со мной, и вы пробудите въ чуткихъ молодыхъ душахъ сознаніе долга передъ темнымъ народомъ, задавленнымъ нуждой. Мы по-

лучаемъ здѣсь письма изъ деревни отъ учителей и учительницъ: какое невѣроятное невѣжество и варварство еще царятъ въ деревнѣ! Да вы сами это знаете.

— Ну, дѣло не такъ ужъ мрачно,—сказалъ Рахмаровъ,—но приблизительно это вѣрно.

Долго они говорили въ томъ же родѣ, пока горничная не сообщила, что вернулся сенаторъ и проситъ къ себѣ Рахмарова. Онъ ушелъ отъ Вѣры Павловны, очарованный ею даже больше, чѣмъ это было семь лѣтъ тому назадъ: „Я никогда не встрѣчалъ дѣвушки,—думалъ онъ,—которая такъ всецѣло, забывъ свою личную жизнь, отдалась бы вся общественному дѣлу и общественнымъ интересамъ".

III.

Въ это время въ квартирѣ Надежды Николаевны Петренко на Марсовомъ-Полѣ происходила такая сцена.

— Соня, я тебѣ скажу интересную новость,—воскликнула Надежда Николаевна, входя въ угольную комнату и снимая свою соболью шапочку, которую бросила на кресло:—у насъ сегодня обѣдаетъ Рахмаровъ, Петръ Григорьевичъ Рахмаровъ! Чувствуешь ли ты это? Ему позволили пріѣхать въ Петербургъ, и сейчасъ я встрѣтила его на улицѣ.

— А, очень рада,—равнодушно отвѣтила стройная, молодая брюнетка, занятая до прихода подруги рисованіемъ акварелью. Это была Софья Петровна Лопатина, подруга Надежды Николаевны по пансіону. Она пріѣхала изъ глухой провинціи въ Петербургъ, чтобы поступить въ академію художествъ. Отецъ ея имѣлъ небольшое имѣньице рядомъ съ помѣстьемъ Рахмарова.

— Я думала, ты больше обрадуешься его пріѣзду,—удивленно сказала Надежда Николаевна.—Ты такъ хотѣла познакомиться съ нимъ.

— Сегодня мнѣ не до Рахмарова,—раздраженно отвѣтила Софья:—мнѣ не хотѣлось сообщать тебѣ, что я третьяго дня получила гадкое письмо отъ своихъ: мать пишетъ, что отецъ прекратитъ мнѣ высылку денегъ, если мое дѣло съ княземъ долго затянется. Такъ и пишетъ: „твое дѣло съ княземъ"!—воскликнула она съ выраженіемъ негодованія въ своихъ большихъ черныхъ глазахъ:—значитъ, совсѣмъ откровенно обнаружили свои карты. Господи, какой цинизмъ, какая гадость!

Голосъ ея прерывался и дрожалъ, а на смугломъ лицѣ разлилась матовая блѣдность.

— Да, это ужасно возмутительно!—отвѣтила Надежда Николаевна.—А все оттого, что ты меня не слушаешь! Давно тебѣ говорю: брось ты свою гордость, живи на мой счетъ и наплюй на ихъ гроши... Однако, я страшно ѣсть хочу. Будемъ завтракать.

Она надавила пуговку электрическаго звонка.

Разговоръ этотъ происходилъ въ комнатѣ, выходившей окнами на Марсово-Поле. Квартира была небольшая, но убрана очень дорого, пестро, модно и безвкусно.

За завтракомъ Надежда Николаевна уплетала за обѣ щеки все, что подавали. Аппетитъ у нея былъ замѣчательный, и ѣла она неизящно, съ причмокиваньями, отчего ее не отучилъ модный московскій пансіонъ. „Отшлифовка“ ея въ благородную барышню, какъ разсчитывалъ отецъ, не удалась: Надежда Николаевна, и манерами, и лицомъ, и фигурой, напоминала здоровую, плотную крестьянскую дѣвицу, которую нарядили въ дорогое платье. Но у нея было отличное свойство: она не стѣснялась своими „демократическими“ манерами, отлично знала, что некрасива и неловка, и если изрѣдка жалѣла объ этомъ, то только тогда, когда кто-нибудь начиналъ задѣвать ея дѣвичье сердце. Но и въ этомъ случаѣ она поступала умно: зная, что свѣтскія манеры ей не даются и могутъ только сдѣлать ее смѣшною, она даже нѣсколько утрировала простонародную угловатость своихъ движеній, любила употреблять словечки изъ народнаго жаргона, а иногда вставляла въ разговоръ фразу о своемъ „мужицкомъ“ происхожденіи. Это было кокетствомъ своего рода.

Успокоивъ свой голодъ и замѣтивъ, что Софья почти не ѣстъ, Надежда Николаевна вернулась къ прежнему разговору.

— Ну, чего ты пріуныла?! Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Говорю тебѣ, откажись ты отъ отцовскихъ подачекъ. Обѣднѣю я, что-ли, отъ этого! Другіе же берутъ отъ меня стипендіи, и ничего унизительнаго въ этомъ не находятъ. И они—совсѣмъ посторонніе, а ты, вѣдь,—подруга.

— Оставь, Надя! Этого не будетъ. За предложеніе спасибо, но... это невозможно.

— Да почему?

— Ты не можешь себѣ представить этого неизящнаго, унизительнаго чувства, которое овладѣваетъ мною, когда я подумаю, что буду жить у тебя на хлѣбахъ изъ милости... Фи!

— „Неизящнаго! Неизящнаго“!—со смѣхомъ передразнила Надежда Николаевна:—Схватила ты это глупое слово у князя и носишься съ нимъ, какъ съ писаной торбой! Неизящно брать у

меня, а у отца, который тебя оскорбляетъ и унижаетъ,—изящно?! Напуталъ у тебя въ головѣ этотъ князь! Неужели ты не видишь, какъ нелѣпо брать въ руководство для жизни такіе нелѣпые принципы, какъ это ваше „изящное"! И что же ты будешь дѣлать? Неужели бросишь академію и вернешься къ отцу? Вѣдь они тамъ тебя съѣдятъ, источатъ. А что же князь? Подаетъ надежду?

— Не выражайся ты съ такимъ цинизмомъ! — воскликнула Софья дрогнувшимъ голосомъ;—скажу тебѣ вотъ что: если бы теперь онъ сдѣлалъ предложеніе, я ему откажу.

— Ты съ ума сошла! Вѣдь ты его любишь! У васъ что-нибудь произошло вчера въ концертѣ?

— Не напоминай мнѣ о немъ. Я не пойду за него уже потому, что отецъ и мать дѣлаютъ изъ этого какой-то мерзкій гешефтъ: торопятъ, требуютъ! Они грязнятъ все, что мнѣ было дорого! Если онъ пріѣдетъ,—скажи, чтобъ его не принимали!

Послѣднія слова Лопатина выкрикнула сдавленнымъ голосомъ и, быстро вставъ, почти выбѣжала изъ столовой.

Надежда Николаевна съ изумленіемъ посмотрѣла ей вслѣдъ, широко раскрывъ свои маленькіе водянисто-сѣрые глаза, но не пошла за ней, а медленно доѣдала грушу, затѣмъ выпила вина, съѣла большой кусокъ сыра и только тогда съ озабоченнымъ лицомъ, но лѣнивой походкой плотно поѣвшаго человѣка, отправилась утѣшать подругу.

Она нашла ее въ угловой. Лопатина лежала на кушеткѣ лицомъ внизъ.

— Не можетъ быть, чтобы ты рѣшилась порвать съ нимъ только изъ за этого письма. Какое тебѣ дѣло, какъ смотрятъ на это твои старики! Я вижу, что у васъ съ нимъ что-нибудь вышло.

Она усѣлась съ ногами въ глубокое кресло рядомъ съ кушеткой, какъ человѣкъ, который собирается съ большимъ интересомъ слушать длинный разсказъ. Но Софья молчала. Надежда Николаевна предложила вопросъ въ другой формѣ:

— Поссорились, что-ли? Такъ это не бѣда: милые бранятся, только тѣшатся. Чего вы не подѣлили?

Софья быстро поднялась и сѣла на кушеткѣ. Лицо ея было очень блѣдно.

— Онъ сообщилъ мнѣ вчера въ концертѣ, что уѣзжаетъ за границу... совсѣмъ.

— Ну что-жъ, и отлично! Женится на тебѣ, и уѣдете вмѣстѣ.

— Онъ намекнулъ,—сказала Софья и истерически засмѣя-

лась,—что у него дѣла по имѣнію разстроились. Онъ продаетъ его, и останутся отъ уплаты долговъ такіе пустяки, которыхъ едва хватитъ, чтобы онъ одинъ могъ просуществовать гдѣ-нибудь въ Швейцаріи или Италіи... Однимъ словомъ, я его отлично поняла. Онъ предупредилъ, чтобы я не имѣла никакихъ безумныхъ мечтаній... Вотъ и конецъ всей этой глупой исторіи.

Она крѣпко стиснула свои руки, такъ что пальцы хрустнули, и съ мучительной тоской смотрѣла въ одну точку.

— Но вѣдь онъ просто негодяй! —воскликнула Надежда Николаевна.—Для чего же онъ тянулъ до сихъ поръ? Вѣдь въ деревнѣ онъ ѣздилъ къ вамъ нѣсколько мѣсяцевъ каждый день; значитъ, были же у него какія-нибудь намѣренія. И сюда отпустить тебя убѣдилъ онъ же; значитъ, ты имѣла право считать себя его невѣстой. И всѣ это знаютъ. Фу, какое безобразіе, какой скандалъ! И что же ты? Я бы ему въ лицо плюнула!

— Какая ты странная! Что же я могла ему сказать? Развѣ онъ когда-нибудь говорилъ мнѣ, что думаетъ на мнѣ жениться? —Софья нервно расхохоталась:—У него вчера вырвалась фраза, что бракъ онъ считаетъ дѣломъ неизящнымъ.

— Вотъ животное! — вскрикнула Надежда Николаевна, искренно волнуясь, и покраснѣла такъ, что даже лобъ сталъ у нея пурпуровымъ.

— Я его ненавижу теперь,—тихо проговорила Лопатина:— я ни на что не разсчитывала, но я въ него вѣрила. Я пошла бы за нимъ всюду, если бы онъ и совсѣмъ разорился. О, какъ я ошиблась въ этомъ человѣкѣ!

Въ это время изъ передней послышался трескъ электрическаго звонка. Въ дверяхъ показался лакей во фракѣ и бѣломъ галстухѣ и доложилъ:

— Князь Терскій.

— Проведи въ гостиную! — торопливо отвѣтила Надежда Николаевна.

Лакей скрылся.

— Что ты сдѣлала?!—воскликнула съ негодованіемъ Лопатина, быстро поднимаясь съ кушетки: — Вѣдь я же просила тебя не принимать его.

— Ты не обдумала, Соня, когда просила. Его необходимо принять. Если мы ему откажемъ, онъ пойметъ, что ты на него разсчитывала, какъ на жениха, и теперь сердита... А развѣ ты желала бы этого? А по моему тебѣ необходимо и самой, немного погодя, выйти къ нему, чтобы показать, что ты совер-

шенно равнодушна къ его отъѣзду. Овладѣй собой и выйди, а пока я задержу его. Право, такъ лучше для твоей же гордости.

— Да, да! Ты права! Я такъ и сдѣлаю.

Обѣ подруги направились въ разныя двери, но вдругъ Надежда Николаевна вернулась, бросилась къ Софьѣ, обняла ея плечи и, близко всматриваясь въ ея глаза, прошептала:

— Скажи мнѣ, какъ лучшему другу своему, какъ родной сестрѣ: ты ему... ничего не позволила... лишняго?

— Какія гадости ты говоришь! — воскликнула Софья, блѣднѣя еще больше, вырвалась изъ ея рукъ и выбѣжала въ боковую дверь.

Надеждѣ Николаевнѣ показалось, что она услышала звукъ, похожій на тихое рыданіе. Она покачала головой и тихо вышла къ князю.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, хотя въ его волосахъ было много сѣдины. Достаточно было взглянуть на его худощавое, нервное, матово-блѣдное лицо, на его тонкую фигуру, особенно когда онъ сидѣлъ согнувшись, такъ, какъ будто не имѣлъ силы поддерживать туловище, чтобы сразу догадаться о какомъ-то хроническомъ недугѣ, подточившемъ его тѣло. Большіе темно-каріе глаза почти всегда выражали страданіе, хотя и улыбались привѣтливо. Это же страданіе подергивало иногда его тонкія блѣдныя губы, прятавшіяся подъ изящными усами. Бороду онъ брилъ. Лицо правильное и красивое, съ высокимъ лбомъ и тонкими бровями, поражало дѣтской безпомощностью, жалобой и ласковостью. Сегодня это выраженіе выступало особенно ярко. Надежда Николаевна замѣтила даже, что щеки его покраснѣли, когда она, приглашая его сѣсть, сказала, что Софья сейчасъ выйдетъ.

— Она сообщила мнѣ, что вы продаете имѣніе и уѣзжаете за границу, — добавила Надежда Николаевна.

— Да. И знаете, кто покупаетъ мое имѣніе? Вашъ батюшка. Вѣдь ваша фабрика совсѣмъ рядомъ.

— Онъ мнѣ ничего не писалъ объ этомъ. Соня говоритъ, что вы навсегда уѣзжаете за границу. Развѣ въ Россіи вамъ ничего не жаль оставлять?

Глаза князя выразили страданіе и губы слегка дернулись въ лѣвую сторону.

— Мнѣ здѣсь все чуждо, да и я всѣмъ чужой, — отвѣтилъ онъ холодно.

— Всѣмъ ли?

— Ну, ужъ если вы хотите говорить объ этомъ, такъ лучше

будемъ говорить безъ полусловъ и намековъ. Вы, очевидно, все знаете.

Голосъ его дрогнулъ.

— Да, я здѣсь не всѣмъ чужой.... Но та, кому я не чужой, не должна связать себя съ мертвецомъ, который ничего не можетъ ей дать, даже покоя. Ему нужна сидѣлка. Здоровье совсѣмъ пошатнулось, нервы никуда не годны.

Онъ помолчалъ немного, какъ бы ожидая ея отвѣта, но, не дождавшись, прибавилъ:

— На югѣ я еще проскриплю кое-какъ года два-три; здѣсь же все дѣлаетъ меня больнымъ—и климатъ, и люди, и эта мучительная общественная атмосфера—придавленности, грубости, вѣчной тревоги, гражданской скорби, гражданскихъ сплетенъ... Я задыхаюсь, я сошелъ бы съ ума, еслибъ остался въ Россіи еще нѣсколько мѣсяцевъ.

— Но вы упустили изъ виду одно,—сказала Надежда Николаевна.

— Что такое? Скажите ради Бога!

— Вы не знаете русской женщины. Не знаете, что она можетъ быть счастлива даже жертвой, даже ролью сидѣлки... если любитъ.

Губы Терскаго опять передернуло. Онъ согнулся еще больше и, какъ провинившійся ребенокъ, смотрѣлъ внизъ, на коверъ, чуть не плача и не отвѣчая ни слова.

— Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ, — сказала Надежда Николаевна. — Въ вашемъ имѣніи, кажется, прекрасный домъ и паркъ?

— Нѣтъ, Надежда Николаевна, окончимъ первый разговоръ. —Я знаю, меня можно упрекнуть въ томъ, что я далъ зародиться тому, что обрываю теперь, повидимому, такъ безсердечно, безжалостно, а по взгляду толпы—даже... подло. Да? И вы это думаете... я вижу по вашимъ глазамъ. И я виноватъ, страшно виноватъ, но виноватъ только тѣмъ, что не разсчиталъ своихъ силъ. Я былъ очарованъ, пораженъ этой дѣвушкой. Я не могъ удержаться, чтобы не видѣть ея! Я, какъ въ гипнозѣ, шелъ, чтобы говорить съ нею... А когда я понялъ, что изъ этого вышло, я увидѣлъ, что было бы безобразнымъ преступленіемъ связать навсегда ея молодую жизнь съ такимъ калѣкой, какъ я. Я нарочно пріѣхалъ сегодня, чтобы именно вамъ объяснить все это. Я всегда цѣнилъ ваше довѣріе къ себѣ; мнѣ казалось, что я имѣю право считаться вашимъ другомъ, и я былъ увѣренъ, что вы меня поймете лучше другихъ. Не разрушайте же моей

надежды. Поймите меня не однимъ умомъ, а и сердцемъ. Я не хотѣлъ бы уѣхать изъ Россіи, оставивъ дурное воспоминаніе въ васъ и въ Софьѣ Петровнѣ. До остальныхъ мнѣ дѣла нѣтъ. Но мысль о томъ, что вы обѣ будете презирать меня, просто убиваетъ меня: этого я не вынесу.

Губы его подергивало, и опять взглядъ его темныхъ бархатныхъ глазъ принялъ выраженіе виноватаго ребенка. У Надежды Николаевны было очень жалостливое сердце, да и глаза Терскаго дѣйствовали на нее гипнотизирующимъ образомъ; она все простила ему, на ея рѣсницахъ даже сверкнули слезы. Но вдругъ она вспомнила:

— Вы вѣдь давно, конечно, задумали этотъ отъѣздъ и продажу. Почему же вы ничего не говорили объ этомъ раньше?

Князь сильно смутился и заговорилъ безсвязно:

— Я... не могъ... я былъ не въ силахъ... и, наконецъ, такимъ безвольнымъ людямъ, какъ я, всегда кажется, что дѣло устроится какъ-то само собою.

Въ дверяхъ показалась горничная и съ встревоженнымъ лицомъ вызвала Надежду Николаевну. Князь остался одинъ. Прошло минуты три. Лицо его блѣднѣло больше и больше, губы начали передергиваться почти безпрестанно. Онъ поднялся и сталъ быстро ходить по комнатѣ...

Наконецъ Надежда Николаевна вернулась. Она была очень взволнована и торопливо сказала:

— Соня захворала. Я послала за докторомъ.

Терскій вздрогнулъ. Голова его низко опустилась. Черезъ нѣсколько минутъ онъ проговорилъ:

— Простите, выпросите для меня прощеніе и прощайте.... Это ужасно, что она такъ страдаетъ!...

— Теперь уже поздно жалѣть,—строго сказала Надежда Николаевна, избѣгая его взгляда, и протянула ему руку.

Уже въ дверяхъ Терскій остановился и, обернувшись, сказалъ:

— Софья Петровна передала мнѣ вчера содержаніе письма къ ней матери. Сдѣлайте все, чтобы удержать ее здѣсь: у нея крупный талантъ! Онъ не долженъ погибнуть! Ради русскаго искусства вы должны сдѣлать все.

Надежда Николаевна взглянула на него такъ, какъ будто хотѣла сказать: „Не хлопочи! И безъ тебя позаботятся! Уходи только“!

IV.

Къ пяти часамъ пріѣхалъ Рахмаровъ и привезъ своего пасынка, студента Бѣлоконскаго.

Когда Надежда Николаевна, при первой встрѣчѣ съ Рахмаровымъ на улицѣ, сказала ему шутя, что „влюблена“ въ его пасынка, въ ея словахъ не все было шуткой: дѣвушка-милліонерка, близившаяся къ тридцатилѣтнему возрасту, дарила своимъ вниманіемъ молодого потомка разорившейся аристократической фамиліи больше, чѣмъ кого-либо другого изъ всѣхъ безчисленныхъ знакомыхъ своихъ. Относительно его у нея не могло быть никакихъ серьезныхъ плановъ и даже грезъ: онъ былъ на пять лѣтъ моложе ея; его обращеніе съ нею было, правда, утрированно внимательно и любезно, но въ этой внимательности было столько юмора, а иногда просто дерзости, что она нерѣдко задавала себѣ вопросъ: „возможно ли, чтобъ онъ когда-нибудь подумалъ о ней серьезно и хотя бы съ нѣкоторой микроскопической дозой уваженія“? И давно рѣшила этотъ вопросъ отрицательно. Онъ часто бывалъ у нея, но всегда выходило такъ, что его визитъ связывался съ какою-нибудь просьбой о пожертвованіи въ пользу какой-нибудь кассы или школы: Бѣлоконскій зналъ весь Петербургъ и для всѣхъ что-нибудь устроивалъ. Мало-по-малу она къ этому привыкла и любила встрѣчи съ нимъ за то, что онъ ее смѣшилъ, еще чаще дразнилъ, и за то наконецъ, что она любовалась имъ, какъ дорогой игрушкой, которую нельзя купить, но которая доставляетъ удовольствіе уже тѣмъ, что позволяетъ любоваться собою.

Бѣлоконскій былъ выше средняго роста, очень строенъ; черные глаза, которые Надежда Николаевна называла бархатными, смотрѣли всегда съ насмѣшливой улыбкой. Одѣвался онъ съ тѣмъ щегольствомъ, которое пріобрѣло нѣкоторымъ студентамъ кличку „бѣлоподкладочниковъ“.

Надежда Николаевна усадила гостей въ угловой и занимала ихъ тѣмъ, что показывала этюды Софьи Петровны Лопатиной. Бѣлоконскій шутливо отыскивалъ въ нихъ промахи; Надежда Николаевна дѣлала видъ, что сердится за свою подругу, но это не мѣшало ей весело хохотать надъ шутовствомъ Бѣлоконскаго.

Сама Софья Петровна еще не появлялась, хотя обѣщала Надеждѣ Николаевнѣ выйти. Хозяйка сказала гостямъ, что Софья Петровна получила непріятное письмо изъ деревни, въ которомъ

ее зовутъ домой, а потому немножко разстроена, и вотъ они должны употребить всѣ усилія, чтобы ее развлечь.

— Значитъ, за сегодняшній обѣдъ мы должны заплатить натурой?—дурачился Бѣлоконскій:—развлекать печальную дѣву? Ну, ужъ я предоставляю это „батькѣ“ (такъ Бѣлоконскій называлъ отчима). Кстати, онъ страсть какъ любитъ развивать всякихъ печальныхъ дѣвъ.

— Ахъ, ты, злоязычникъ!—улыбнулся Рахмаровъ, глядя любовно на пасынка, котораго онъ любилъ какъ родного сына:—И когда же это ты могъ замѣтить во мнѣ такую страсть?

— Для такого геніальнаго наблюдателя, какъ я, достаточно одинъ разъ увидѣть тебя возлѣ такой дѣвицы. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, батька, займись этой барышней, а въ мое распоряженіе отдай Надежду Николаевну: — я ее хочу подогрѣть для одного грандіознаго дѣла.... Слышите, Надежда Николаевна? Но этого плана вы не узнаете до нашей вечеринки восьмого февраля. Тогда я изложу вамъ его во всѣхъ деталяхъ, а сегодня буду только подогрѣвать.

— Знаю, знаю, опять какое-нибудь пожертвованіе! Вы со мной ни о чемъ другомъ и не говорите никогда,—со смѣхомъ сказала Надежда Николаевна.

Въ это время вошла Софья Петровна. Въ тѣ нѣсколько часовъ, которые прошли съ момента, когда мы ее видѣли утромъ, она успѣла похудѣть и была еще блѣднѣе; большіе темные глаза еще болѣе увеличились. Однако она замѣчательно умѣла владѣть собой, и только очень проницательный взоръ могъ замѣтить сквозь ея привѣтливую, веселую улыбку, что ея душа измучена тоской, разочарованіемъ, а быть можетъ и настоящимъ отчаяніемъ.

— Какъ это странно! — любезно говорила она Рахмарову, присѣвъ невдалекѣ отъ него:—сколько лѣтъ мы жили въ трехъ верстахъ другъ отъ друга, и никогда другъ друга не видѣли. А пришлось встрѣтиться въ Петербургѣ.

Бѣлоконскій и тутъ не могъ не вставить своего шутовства.

— Да, другъ Гораціо,—воскликнулъ онъ: — много есть на свѣтѣ такого, что и не снилось нашимъ мудрецамъ!

— Произошло это просто,—отвѣтилъ Рахмаровъ:—мы давно не въ ладахъ съ вашимъ батюшкой, какъ это часто бываетъ въ деревняхъ между сосѣдями.

— Знаю, знаю, и всегда ужасно жалѣла объ этомъ.... Я такъ много слышала о вашей земской работѣ.... конечно, не отъ отца: вѣдь онъ былъ противникомъ вашей партіи.

— Захолустное земство и партіи!—съ хохотомъ воскликнулъ Бѣлоконскій, уловивъ это слово среди своей оживленной болтовни съ Надеждой Николаевной: — Батька, да неужели у васъ тамъ были партіи? По поводу чего же? Партія о постройкѣ моста въ деревнѣ Горѣловой или Неѣловой! Ха, ха, ха!

— Какъ же ты кончаешь курсъ юридическихъ наукъ и не знаешь, что у земства не одни мосты? Задачи народнаго образованія, земской медицины и многія другія встрѣчали озлобленныхъ, иногда сильныхъ противниковъ. Каждую школу, каждаго фельдшера, а особенно женщину-врача приходилось брать съ такой борьбой, которой ты и представить себѣ не можешь.

— Да, я объ этомъ слышала и нѣсколько разъ просила отца взять меня на земское собраніе, но... онъ большой врагъ всякой попытки женщинъ интересоваться чѣмъ-нибудь кромѣ домашнихъ дѣлъ.

— Тра-ла-ла, тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла! Вотъ онѣ, неземныя созданія! Какъ онѣ теперь отчитываютъ своихъ родителей!—вставилъ со смѣхомъ Бѣлоконскій.

— Я только передаю фактъ, — сказала Софья Петровна строго и взглянула на Бѣлоконскаго такимъ гнѣвнымъ взглядомъ, который у всякаго другого отбилъ бы охоту шутить съ нею.

Лакей доложилъ свое обычное „кушать подано“, и Надежда Николаевна пригласила гостей въ столовую.

За обѣдомъ Рахмаровъ сталъ разспрашивать Софью Петровну, какъ она проводила время въ деревнѣ, какъ ей пришла мысль поступить въ академію. Рѣчь перешла на искусство и его современное направленіе: Лопатина, подъ вліяніемъ князя Терскаго, горячо защищала декадентство, символизмъ, импрессіонизмъ, а Рахмаровъ, наоборотъ, былъ страстнымъ врагомъ этихъ модныхъ направленій. Въ спорѣ его поразила огромная начитанность Софьи Петровны по вопросамъ объ искусствѣ.

— Когда вы успѣли все это узнать? — невольно вырвалось у него.

— А что же было дѣлать въ деревнѣ? Я почти только и дѣлала, что читала. Вы, конечно, знаете нашего сосѣда, купца Севрюгина?

— Какъ же не знать! Немножко даже пріятель. Вы, конечно, пользовались его чудной библіотекой?

— Ну, да. Право я, кажется, перечитала все, что у него есть по искусству.

— О, да съ вами страшно говорить!

— Нѣтъ, Петръ Григорьевичъ, не страшно: прочла я много

но свести концы съ концами и все это переварить я была не въ силахъ... Вѣроятно, именно потому, что ужъ очень много читала сразу, вдругъ. Я просто устала... Теперь я ничего не читаю. Знаете ли, я даже дошла до мысли, что книги—страшная ложь и зло. Возьмите какой хотите вопросъ, и о каждомъ найдется двѣ-три, а то и больше книгъ совершенно противоположныхъ. Я возненавидѣла книги...

— Позвольте пожать вашу руку, коллега! — торжественно провозгласилъ Бѣлоконскій.—Я тоже ненавижу книги, особенно теперь, когда собираюсь готовиться къ государственному экзамену.

Софья Петровна сдѣлала видъ, что совершенно не слышитъ его словъ, даже не повернула глазъ въ его сторону, и Бѣлоконскій замѣтно надулся. А она серьезно сказала Рахмарову:

— Какъ хотѣлось бы встрѣтить человѣка, который помогъ бы разобраться въ хаосѣ, образовавшемся у меня въ умѣ отъ этого адскаго чтенія въ теченіе пяти лѣтъ! Если придется вновь вернуться въ деревню, я замучу васъ вопросами. Вы ничего противъ этого не имѣете?

— Наоборотъ, буду счастливъ, если найдутся силы вамъ помочь.

— О, въ этомъ-то я увѣрена: я слышала отъ Севрюгина, что вы много работали, живя столько лѣтъ въ глуши. Онъ говорилъ, что у васъ библіотека замѣчательная.

— Да, она собиралась нѣсколькими поколѣніями.

Разговоръ перешелъ на предстоящія студенческія вечеринки восьмого февраля.

— Вотъ и здѣсь два противоположныхъ мнѣнія,—замѣтила Лопатина,—и онѣ раздѣляютъ одинаково честныхъ и умныхъ людей на враждебные лагери!

— А вы будете на вечеринкѣ?

— Не собираюсь. Общественные вопросы меня не интересуютъ.

— А меня Вѣра Павловна Лядова—вы ее, конечно, знаете—уговорила сказать тамъ нѣсколько словъ. Увѣряетъ, что мои слова могутъ имѣть извѣстный вѣсъ.

— Смотри, батька, тебя ошикаютъ, если возьмешься за роль примирителя! Вѣра Павловна—милая, но неисправимая фантазерка. У нея передъ глазами какія-то цвѣтныя призмы, сквозь которыя весь міръ является вверхъ ногами. Охота тебѣ путаться въ этотъ споръ! Обѣ стороны одинаково безтолковы. Мнѣ онѣ только смѣшны.

— Я больше бы порадовался,—сказалъ Рахмаровъ ласково,

—еслибы ты увлекался которымъ-нибудь изъ этихъ направленій. Если нѣтъ увлеченія, нѣтъ и молодости. Увлеченія плодотворны.

— Почему ты знаешь, что я ничѣмъ не увлекаюсь? Но у меня есть свои собственныя идеи, свои собственныя увлеченія. Я ненавижу стадность, и никогда не буду принадлежать ни къ какому стаду.

— Значитъ, ты индивидуалистъ? Быть можетъ, ницшеанецъ?

— Ахъ, батька, батька! Этакая привычка у людей твоего поколѣнія засовывать каждаго въ опредѣленный ящикъ: на одномъ надпись — идеализмъ, на другомъ—реализмъ; меня сейчасъ запихнулъ въ ящикъ индивидуализма... А представь себѣ, какъ душно въ такомъ ящикѣ тому, кто его переросъ, кто думаетъ самъ по себѣ и на свой страхъ.

— Значитъ, мы имѣемъ передъ собой оригинальнаго мыслителя, быть можетъ творца новой системы! — трунила Надежда Николаевна, пользуясь случаемъ отомстить Бѣлоконскому за его шутки и насмѣшки.

— Именно, вы угадали! Я творецъ новой системы!—отвѣтилъ Бѣлоконскій, и въ его голосѣ прозвучала нотка самолюбиваго раздраженія.

V.

Восьмого февраля, часовъ въ девять вечера, къ подъѣзду небольшого каменнаго дома на Петербургской-Сторонѣ торопливо подходили, то въ одиночку, то группами, студенты и слушательницы разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и курсовъ. Подъѣзжала и обыкновенная публика.

Дождь, смѣшанный съ мокрымъ снѣгомъ, падалъ съ чернаго, какъ уголь, неба; вѣтеръ метался по темнымъ, плохо освѣщеннымъ улицамъ Петербургской-Стороны. Съ крѣпости гремѣли во мракѣ пушечные выстрѣлы, извѣщавшіе о подъемѣ воды въ Невѣ; тротуары были покрыты смѣсью грязи и снѣга.

Но на эти прелести петербургской природы молодежь не обращала ни малѣйшаго вниманія: веселый смѣхъ и говоръ слышались среди подходившихъ; при свѣтѣ фонарей можно было разсмотрѣть милыя, радостно возбужденныя лица.

Къ подъѣзду приплелся извозчикъ въ санкахъ. Онъ усиленно дергалъ возжами, плечами и всѣмъ тѣломъ, какъ бы надѣясь помочь этимъ измученной лошади. Изъ санокъ выпрыгнула низенькая, полная дѣвушка; за ней медленно послѣдовалъ человѣкъ гигантскаго роста въ сибирской малицѣ.

— Ну, и извозчикъ попался!—ворчалъ онъ.—Да и далеко же!

— Дорога, господинъ, изволите видѣть какая!—оправдывался возница.

— Ну, вамъ-то, Петръ Григорьевичъ, стыдно жаловаться на даль послѣ сибирскихъ разстояній,—замѣтила дѣвушка.

— Это вы правильно, барышня! А ворчать—это у меня привычка... отъ хорошей жизни,—смѣясь, отвѣтилъ онъ.

Молодежь, подходившая къ подъѣзду, пріостановилась, пропуская эту пару. Нѣкоторыя студентки здоровались съ подъѣхавшей дѣвушкой:

— Здравствуйте, Надежда Николаевна! Вотъ хорошо сдѣлали, что собрались.

— Это кто? — спросилъ молоденькій студентъ у курсистки, когда гигантъ съ своей дамой скрылись за дверью подъѣзда.

— Надежда Николаевна Петренко, дочь извѣстнаго милліонера. Вѣрно, слыхали: на-дняхъ она дала на наши курсы десять тысячъ. А вотъ кто съ ней — не знаю.

Къ подъѣзду подкатили на извозчикѣ два студента; одинъ, высокій, въ николаевской шинели и фуражкѣ моднаго покроя, кричалъ на извозчика:

— Ну, такъ и есть! Упустилъ! Ну, чортъ, лѣшій, ползетъ, какъ черепаха!

— Здравствуйте, Бѣлоконскій!—крикнула ему дѣвушка съ тротуара. — Кого это вы упустили? Надежду Николаевну? Не знаете ли, кто это съ нею?

— Мой отчимъ Рахмаровъ,—отвѣтилъ студентъ. — Эй, Роговъ! Медвѣдь Захарычъ! — обратился онъ къ своему спутнику, сутуловатому студенту съ угреватымъ лицомъ и въ потертомъ холодномъ пальто.—Расплачивайся же скорѣе!

— Надъ нами не каплетъ, — отвѣтилъ тотъ флегматично, подойдя къ фонарю и разсматривая сквозь очки монеты въ своемъ портмонэ такъ близко, что, казалось, онъ ихъ нюхаетъ.

— Оно, дѣйствительно, не каплетъ, а только поливаетъ,— пошутилъ Бѣлоконскій.—Да скорѣе же, медвѣдь ты этакій. Если я тебя потеряю въ толпѣ, мнѣ не съ чѣмъ ѣхать на Боровую: я портмонэ забылъ. Слушай, Роговъ, ты не раздѣвайся внизу— это для плебса. Мы раздѣнемся въ распорядительской.

Войдя въ подъѣздъ, они стали подниматься по лѣстницѣ. Но сдѣлать это было не легко: на широкихъ ступеняхъ ея тѣснилась сплошная толпа молодежи обоего пола. Часть ея, отдавъ верхнее платье въ комнатѣ подъ лѣстницей, протискивалась на ступеньки, а остальные стояли не раздѣваясь и упрашивали по-

являвшихся наверху распорядителей пропустить ихъ безъ билетовъ.

— Невозможно, господа, и безъ того набралось сверхъ мѣры! Да и рекомендацій у васъ нѣтъ! — кричали тѣ, торопливо скрываясь отъ просителей.

Но просьбы, восклицанія и упреки раздавались кругомъ, какъ буря. Какая-то дѣвушка кричала: „Вызовите ко мнѣ Петрова,—онъ меня знаетъ!“ — „Что это за ерунда—не пускать на студенческій вечеръ товарищей-студентовъ!“ — горячился какой-то юный первокурсникъ.

Толпа подхватила Бѣлоконскаго и его невзрачнаго спутника и втолкнула ихъ въ обширный аванзалъ. Здѣсь стояло нѣсколько столиковъ; на одномъ усѣлись распорядители и весело болтали съ окружающими; на другихъ барышни разложили афиши и продавали билеты для входа на предстоявшіе литературно-музыкальные вечера въ пользу учащейся молодежи. Распорядители встрѣтили Бѣлоконскаго дружескими привѣтствіями. Онъ представилъ имъ своего спутника.

— Роговъ, медикъ изъ Москвы,—сказалъ онъ. — Пріѣхалъ посмотрѣть на насъ, питерцевъ.

— Очень рады! Будьте гостемъ! — отвѣтили тѣ, пожимая руку Рогову, послѣ чего одинъ изъ нихъ снова обратился къ Бѣлоконскому.

— А мы видѣли твоего отчима. Вотъ такъ гигантъ! И, говорятъ, большой ораторъ. Мы его провели прямо на эстраду—онъ непремѣнно долженъ говорить.

— А Надежда Николаевна Петренко тамъ же?

— Конечно.

— Я боюсь, не перехватилъ бы ее кто. Надо съ нея нынче взять для кассы тысченку-другую... Она на такихъ вечерахъ особенно размякаетъ.

— Въ чувствіе приходитъ,— замѣтилъ другой распорядитель шутливо.—Ну, да вы на этотъ счетъ ловкачъ.

Изъ слѣдующихъ комнатъ доносился глухой гулъ тысячи голосовъ, напоминавшій шумъ моря. Чѣмъ дальше, тѣмъ толпа становилась гуще, воздухъ жарче и удушливѣе. Волна снова подхватила нашихъ знакомыхъ и втолкнула ихъ въ огромный, высокій залъ въ два свѣта, залитый электрическимъ блескомъ большой хрустальной люстры, висѣвшей съ середины потолка. Здѣсь буквально некуда было упасть яблоку. Пробирались только около стѣны, противоположной эстрадѣ. На эту эстраду устремлялось все вниманіе тысячной толпы, сидѣвшей и даже стоявшей

на стульяхъ, чтобы лучше видѣть. Въ обычные дни эта эстрада служила сценой для любительскихъ спектаклей; на ней оставались и теперь боковыя кулисы, а по срединѣ былъ поставленъ большой столъ съ графинами лимонада и морса; за нимъ—рядъ стульевъ для почетныхъ гостей. Отсюда-то должны были говориться рѣчи. Вокругъ „знаменитостей“ тѣснились тѣ счастливцы изъ молодежи, которые успѣли пробраться на эстраду. Внизу, въ публикѣ перечисляли по именамъ сидѣвшихъ тамъ корифеевъ текущаго момента. Всѣхъ особенно интересовали трое—публицистъ Охроменко, Рахмаровъ и Зиновьевъ. О Рахмаровѣ и Зиновьевѣ ходили въ толпѣ легенды по поводу долгихъ скитаній перваго по Сибири, а второго по Европѣ, гдѣ онъ изучалъ бытъ и движеніе современныхъ рабочихъ. Отъ Охроменки же ожидали, что онъ будетъ сегодня жестоко „разносить“ народниковъ.

Бѣлоконскій устремился на эстраду, назначивъ Рогову мѣсто, гдѣ они встрѣтятся, чтобы ѣхать вмѣстѣ на другую вечеринку, на Боровой улицѣ, устроенную народниками. Здѣсь была вечеринка ихъ противниковъ.

Роговъ замѣшался въ толпу.

— Народищу-то у насъ сколько!—говорилъ юный студентъ другому такому же юнцу. — У васъ на Боровой, говорятъ, и половины нѣтъ.

— Сейчасъ оттуда пріѣхалъ Захаровъ и говоритъ, что тамъ вдвое больше,—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ второй, и оба сердито разошлись.

Роговъ кое-какъ протискался въ комнату, изъ которой дверь вела въ чайный буфетъ. Его некрасивое лицо сіяло необыкновеннымъ воодушевленіемъ: эта молодая толпа, которую онъ такъ любилъ, электризировала его. Ему все здѣсь нравилось, даже это юношеское соревнованіе двухъ направленій, хотя самъ онъ былъ убѣжденнымъ народникомъ. Въ той проходной комнатѣ, куда онъ вошелъ, стоялъ такой шумъ отъ говора сотни голосовъ, что разслышать что-нибудь было почти невозможно.

Около двери въ залу устроилась баррикада изъ стульевъ, на которыхъ стояло по два, иногда по три человѣка, преимущественно барышни: всѣ они старались заглянуть въ залъ на интересную эстраду. И это любопытство, этотъ интересъ къ идеѣ и ея представителямъ, это отсутствіе внѣшнихъ церемонностей приводило въ восторгъ Рогова; ему хотѣлось обнять всю эту толпу и крѣпко ее прижать къ своему трепещущему сердцу.

— Петровъ! — кричала брюнетка съ южнымъ акцентомъ,

увидѣвъ съ высоты стула знакомаго студента. — Достаньте мнѣ чаю, я не могла добраться до буфета. Умираю отъ жажды.

Другая кричала:

— Абхазовъ, не знаете, будетъ говорить Охроменко?

— Громче, ничего не слышу!—отвѣчалъ тотъ, приставивъ къ губамъ руку въ видѣ рупора.

Наконецъ, Роговъ протискался въ буфетъ. Потъ лилъ съ него градомъ. Здѣсь, на длинныхъ столахъ, уставленныхъ стаканами, возвышалось нѣсколько огромныхъ самоваровъ. Ни вина, ни даже пива на этихъ вечеринкахъ не полагалось. Вокругъ самоваровъ хлопотали барышни съ распорядительскими значками изъ ленточекъ, приколотыхъ къ плечамъ: однѣ наливали чай и подавали его желающимъ, другія—мыли посуду, и въ то же время всѣ успѣвали вести оживленный разговоръ съ подходившими знакомыми. Пока Рогову удалось достать себѣ стаканъ чаю, онъ прислушивался къ этимъ разговорамъ и все продолжалъ восхищаться: „Сколько во всемъ этомъ чистоты, милой молодой мысли и самыхъ симпатичныхъ отношеній!“—восклицалъ онъ мысленно.

Вдругъ изъ залы донесся взрывъ рукоплесканій и крики: „Зиновьевъ будетъ говорить! Тише! Тсс“!

Роговъ бросилъ недопитый чай и рванулся къ залу. Онъ безъ церемоніи вскочилъ на первый попавшійся стулъ, на которомъ уже стояли двѣ барышни, съ него переступилъ на другой, потомъ на третій, пока не очутился у дверей зала, откуда было виднѣе.

На эстрадѣ стоялъ высокій, худощавый, сутуловатый молодой человѣкъ съ очень симпатичными и задумчивыми глазами. У него были длинные бѣлокурые волосы и узенькая небольшая бородка. Встрѣтили его бурей рукоплесканій, какъ лицо извѣстное, но москвичъ Роговъ въ первый разъ слышалъ его фамилію.

— Кто этотъ Зиновьевъ?—спросилъ онъ у дѣвушки, стоявшей на одномъ стулѣ съ нимъ.

— Онъ технологъ, недавно вернулся изъ-за границы; писалъ по-нѣмецки въ тамошнихъ журналахъ; много изучалъ рабочихъ.

Апплодисменты смолкли, и Зиновьевъ заговорилъ тихимъ грудным голосомъ, свидѣтельствовавшимъ о слабости его легкихъ. Рѣчь отличалась спокойствіемъ, ясностью и сжатостью. Чувствовалось, что человѣкъ не только знаетъ дѣло, но и привыкъ говорить. Рѣчь его сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ:

— Въ то время, какъ въ Россіи идетъ борьба между народниками и марксистами, въ Германіи явился разладъ въ средѣ самихъ марксистовъ. Раздѣленіе группы всегда ослабляетъ ее.

У насъ, гдѣ такъ мало людей, это было бы еще вреднѣе, чѣмъ въ Германіи. А между тѣмъ нигдѣ не возникаетъ такихъ рѣзкихъ раздоровъ изъ-за теорій и даже словъ, какъ въ Россіи. Это потому, что мы много думаемъ и говоримъ, но почти ничего не дѣлаемъ. Дадимъ же себѣ слово разработывать теоретическіе вопросы и разногласія, не ссорясь изъ-за нихъ, а научно, академически, объективно, а на практикѣ будемъ работать дружно, всѣ сообща. Слова ссорятъ, дѣло объединяетъ,—поэтому меньше словъ и больше дѣла.

— Браво, браво! — кричалъ вслѣдъ за другими Роговъ и сказалъ своей незнакомой сосѣдкѣ: — Вотъ такому марксисту всякій мыслящій народникъ съ наслажденіемъ пожметъ руку.

На мѣсто Зиновьева выступилъ публицистъ Охроменко. Это былъ маленькій человѣкъ съ очень большой кудрявой головой... Началъ онъ заявленіемъ, что русское студенчество есть истинный русскій пролетаріатъ, а потому оно должно работать только для пролетаріата, такъ какъ теперь доказано, что только та работа плодотворна, которая ведется изъ-за интересовъ своего класса, а кромѣ того будущее принадлежитъ пролетаріату. Затѣмъ онъ перешелъ къ ядовитой полемикѣ: по адресу Зиновьева пустилъ шпильку, назвавъ его поклонникомъ „ренегата Бернштейна“, а по адресу народниковъ замѣтилъ, что они утописты, не могущіе понять, какъ, отстаивая отжившую общину и кустарей и стремясь работать для деревни, они думаютъ только о набиваніи мужицкаго брюха...

Роговъ, настроенный до сихъ поръ такъ благодушно, тутъ закипѣлъ негодованіемъ: его собственной завѣтной мечтой было сдѣлаться деревенскихъ врачомъ, отдать всю свою жизнь на служеніе темной, обнищалой деревнѣ и заботамъ о благосостояніи мужиковъ и объ ихъ „оздоровленіи“. На его болѣзненномъ сѣроватомъ лицѣ выступили красныя пятна; сѣрые глаза, всегда кроткіе и задумчивые, теперь сверкали ненавистью; губы и жидкая бѣлесоватая бородка дрожали.

Охроменкѣ апплодировали долго, но когда на краю эстрады появился гигантъ Рахмаровъ, наступила мертвая тишина. Однако она продолжалась лишь нѣсколько мгновеній, а затѣмъ его имя загремѣло подъ бурю рукоплесканій. Уже самая фигура этого брюнета, съ копной черныхъ серебрящихся волосъ на могучей львиной головѣ, порождала ожиданія.

Онъ ласково, любовно смотрѣлъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей на молодую толпу, привѣтствовавшую его; большія, сильно выпуклыя губы радостно улыбались: вѣдь много лѣтъ онъ не

видѣлъ этой молодежи, много лѣтъ онъ считалъ себя одинокимъ и забытымъ, и вдругъ эти горячія, страстныя привѣтствія тысячной дорогой и любимой молодежи!.. Онъ даже поблѣднѣлъ отъ волненія и нѣсколько разъ кланялся, пока не утихла буря.

Говорилъ онъ нѣсколько французскимъ пріемомъ, т.-е. съ извѣстной декламаціей: поблагодаривъ дрожавшимъ голосомъ за братскій пріемъ, онъ замѣтилъ, что, какъ старый ветеранъ, не принадлежитъ ни къ одной изъ расколовшихся группъ, но горячо сливаетъ въ своемъ сердцѣ и ту, и другую. Онъ сталъ доказывать, что у обѣихъ есть общія задачи, и эти задачи—самыя насущныя, самыя важныя, гораздо важнѣе всякихъ философскихъ и экономическихъ вопросовъ. Эти задачи таковы, что безъ ихъ рѣшенія на практикѣ шагу ступить нельзя, такъ какъ всѣ идеи и теоріи будутъ, при извѣстномъ состояніи общества, оставаться въ области словъ и добрыхъ желаній, а добрыми желаніями вымощенъ адъ. Раздѣлиться на партіи еще будетъ время, когда дойдетъ до этого, а теперь слѣдуетъ поставить девизомъ не вражду и раздѣленіе силъ нашей крохотной интеллигенціи, а только дружное раздѣленіе въ ней труда. — „Да здравствуетъ единеніе!“—закончилъ онъ съ паѳосомъ.

Едва стали смолкать рукоплесканія, какъ около двери неожиданно раздался рѣзкій, задыхающійся, точно придавленный голосъ Рогова. Онъ кричалъ:

— Я—гость, москвичъ! Позвольте и мнѣ, какъ гостю, сказать свое слово не въ очередь. Вижу, что я здѣсь вдвойнѣ въ лагерѣ враговъ: потому, во-первыхъ, что по убѣжденіямъ я—народникъ, и потому, во-вторыхъ, что я—самъ мужикъ, сынъ мужика, къ которому сейчасъ здѣсь отнеслись съ такимъ презрѣніемъ, а именно г-нъ Охроменко сказалъ, что для деревенскаго мужика не стоитъ работать, что работа для него есть забота о сытомъ брюхѣ... Покорнѣйше благодарю! Я послалъ бы такихъ господъ въ деревню, гдѣ имъ пришлось бы ѣсть вмѣсто хлѣба мякину, смѣшанную съ глиной! Сказали ли бы они тогда, что заботиться о деревнѣ значитъ мечтать о толстомъ мужицкомъ брюхѣ! Поэтому выражаю свое глубочайшее негодованіе не только противъ выходокъ г-на Охроменки, но и противъ рѣчи господъ примирителей въ родѣ почтеннѣйшаго Петра Григорьевича Рахмарова: лучше я сжегъ бы на кострѣ свою руку, чѣмъ протянуть ее господамъ Охроменкамъ...

Онъ соскочилъ со стула, сопровождаемый рѣдкими аплодисментами, но зато почти всеобщимъ шиканьемъ. Онъ обернулся къ толпѣ и крикнулъ:

— На мякину бы васъ всѣхъ! Не то бы запѣли!

Теперь все здѣсь было ему такъ непріятно, что онъ рѣшилъ немедленно уѣхать на Боровую, не ожидая Бѣлоконскаго.

А тотъ въ это время, стоя на эстрадѣ, нашептывалъ что-то Надеждѣ Николаевнѣ Петренко, которая хохотала, закрываясь вѣеромъ. Между прочимъ онъ спросилъ ее:

— Я не вижу здѣсь Софьи Петровны Лопатиной... Знаете ли, въ городѣ ходятъ слухи, что князь Терскій собирается сбѣжать отъ нея за границу?

Надежда Николаевна вспыхнула и отвѣтила довольно рѣзко:

— Я знаю у васъ много недостатковъ, но не ждала, что вы способны передавать такія грубыя сплетни.

— Да вѣдь я передаю ихъ вамъ, а не кому-нибудь другому.— Онъ видимо обидѣлся, но сдержалъ себя, такъ какъ впереди ему предстояла миссія добыть отъ нея пожертвованіе для кассы. Онъ обратилъ дѣло въ шутку, замѣтивъ, что Терскій считается архіереемъ декадентовъ, и не было бы ничего удивительнаго, еслибы онъ сбѣжалъ за границу отъ прелестной молодой дѣвушки, такъ какъ архіереямъ жениться не полагается.

— Кстати, — смѣясь, воскликнула Надежда Николаевна:— при входѣ сюда ко мнѣ обратился одинъ студентъ изъ кружка символистовъ-декадентовъ. Онъ вручилъ мнѣ рекомендательную карточку отъ одного моднаго поэта и убѣждалъ дать имъ денегъ на изданіе „Сборника“. По его словамъ, только ихъ направленіе имѣетъ будущность, только оно раскроетъ человѣчеству новые горизонты въ область таинственнаго существованія, недоступнаго человѣческимъ органамъ чувствъ и обыкновенному человѣческому мышленію.

— И вы, конечно, обѣщали?! — съ негодованіемъ спросилъ Бѣлоконскій.

— Представьте: почти обѣщала. Кто знаетъ, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ у нихъ есть будущность.

Бѣлоконскій громко расхохотался.

— О, институтское легковѣріе!—воскликнулъ онъ трагически и сталъ разсказывать смѣшные анекдоты о декадентахъ, цитируя наиболѣе нелѣпые отрывки изъ ихъ стихотвореній.

Круглое, румяное, какъ яблоко, лицо Надежды Николаевны, съ носикомъ пуговкой, раскраснѣлось и прыгало отъ смѣха. Ея сѣрые глазки оживленно блестѣли. А онъ насмѣшливо смотрѣлъ въ упоръ въ эти глаза и то крутилъ свои небольшіе усики, то небрежно игралъ своимъ черепаховымъ пенснэ, изрѣдка вскиды-

вая его на носъ, чтобы свысока и презрительно осмотрѣть толпу, шумѣвшую внизу.

Онъ нашелъ, что теперь Петренко достаточно подготовлена къ пожертвованію и что надо ковать желѣзо, пока оно горячо. И онъ не ошибся: Надежда Николаевна безъ возраженій обѣщала дать для кассы двѣ тысячи рублей. Какъ разъ въ этотъ моментъ Охроменко кончалъ свою вышеупомянутую рѣчь, и Бѣлоконскій прошепталъ, наклоняясь къ уху своей собесѣдницы:

— Хотите, я скажу имъ пародію на его рѣчь, и меня вынесутъ на рукахъ? Стоитъ только сказать, что русское студенчество представляетъ собою не одинъ лишь россійскій пролетаріатъ, но и всемірный.

— Какой вы злой и какъ мнѣ это не нравится!—отвѣтила она, и все-таки расхохоталась.

Когда стали шикать Рогову, Надежда Николаевна спросила:

— Не знаете ли, кто этотъ горячій ораторъ?

— Еще бы не знать: это мой товарищъ по гимназіи, только-что окончившій московскій студентъ-медикъ. Хотите, я васъ познакомлю съ этимъ фонтаномъ народолюбія?

— Даже очень хочу. Кстати, отцу нуженъ врачъ на фабрику. Онъ очень убѣжденный; значитъ, и лечить будетъ хорошо. Да и вообще теперь убѣжденныхъ людей немного: хотя бы васъ взять въ примѣръ.

— Вы не вѣрите, что у меня есть свои собственныя убѣжденія?

— Вы смѣетесь надъ всѣмъ безъ исключенія,—отвѣтила она.

— Для этого-то и нужны сильныя убѣжденія: я иду противъ всѣхъ, потому что они—стадо, а я уже тысячу разъ говорилъ вамъ, что ненавижу стадность.

— Ну, не сердитесь. Какой вы самолюбивый!

— Однако прощайте,—отвѣтилъ онъ, сохраняя обиженный видъ.—Сейчасъ пришлю вамъ этого убѣжденнаго урода.

— Да не торопитесь, побудьте немножко со мной. Безъ васъ скучно.

— Ну, и прекрасно; вы должны быть наказаны по заслугамъ.

Онъ повернулся и, сойдя съ эстрады, нашелъ Рогова въ распорядительской, гдѣ тотъ уже давно отыскивалъ свое пальто въ грудѣ платья, сваленнаго на полъ.

— Эй ты, Медвѣдь Захарычъ! Надежда Николаевна Петренко хочетъ съ тобой познакомиться. Милліонерка! И на фабрикѣ

желаетъ мѣсто дать. Очень ужъ ты ее своей образиной очаровалъ. Идемъ на эстраду.

— Ты меня и вправду медвѣдемъ считаешь, что хочешь богачамъ показывать!

— Да развѣ богачамъ медвѣдей показываютъ?—расхохотавшись, сказалъ Бѣлоконскій.

— Имъ все показываютъ. Не пойду.

— Да вѣдь говорю тебѣ, что она мѣсто обѣщаетъ.

— Ну, ты это самъ и устрой мнѣ, а я не пойду клянчить. Да еще тамъ этотъ Охроменко, чортъ бы его побралъ, торчитъ! И я буду торчать на высотѣ передъ всей публикой.

Роговъ отыскалъ наконецъ свое пальто. Въ это время изъ-за одного столика съ афишами и билетами раздался женскій голосъ:

— Бѣлоконскій, ужъ и вы стали не узнавать меня! Два раза пробѣжалъ мимо и не замѣтилъ!

Это была Вѣра Павловна Лядова, съ которой читатель ужъ познакомился.

По той быстротѣ, съ какой Бѣлоконскій бросился къ дѣвушкѣ, было видно, какъ онъ дорожитъ знакомствомъ съ нею. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ и заключилъ ихъ комплиментомъ:

— Какое самоотверженіе! Сидѣть здѣсь съ билетами и даже не слышать рѣчей!

— Кое-что и сюда доносится. Кто это съ такимъ жаромъ защищалъ народниковъ?

— А вонъ тотъ студентъ-москвичъ!—указалъ онъ глазами на Рогова:—онъ самъ изъ крестьянъ.

Лядова мелькомъ взглянула въ лорнетъ на московскаго Цицерона.

— Очень симпатичное лицо,—тихо сказала она:—мнѣ хотѣлось бы съ нимъ познакомиться.

— Вотъ счастливчикъ!—воскликнулъ Бѣлоконскій.—Этакая рожа, а сегодня уже вторая дѣвица имъ восхищается! Извольте, познакомлю, если не упрется. Надежда Николаевна хотѣла познакомиться, такъ уперся: „Я, говоритъ, не медвѣдь, чтобъ меня богачамъ показывать“.

— Это мнѣ ужасно нравится; позовите его.

Она и здѣсь была въ своемъ обычномъ черномъ шерстяномъ платьѣ. Ея свѣтлые, какъ ленъ, волосы, гладко причесанные спереди, съ проборомъ по срединѣ, падали на спину толстой длинной косой. Что-то монашеское, „не отъ міра сего“, было въ этой дѣвушкѣ съ кроткими, грустными голубыми глазами, облеченной въ трауръ.

— Пойди сюда! Очень нужно!—крикнулъ Рогову Бѣлоконскій, но, видя, что тотъ не двигается, самъ направился къ нему.

— Опять знакомить!—ворчалъ москвичъ:—на Боровой рѣчи пропустимъ.—Но, всмотрѣвшись въ Вѣру Павловну, подумалъ: „Вотъ чистота! Святая Цецилія!“—И его потянуло познакомиться съ нею.

— Рекомендую,—сказалъ Бѣлоконскій:—врачъ Роговъ, Медвѣдь Захарычъ, то бишь, Иванъ Захарычъ, неистощимый вулканъ народолюбія. Вотъ мадемуазель Лядова обѣщастъ доставить тебѣ случай видѣть у нея всѣхъ писателей твоего прихода, а для этого желала съ тобой познакомиться. Кланяйся и благодари!

Когда Бѣлоконскій и Роговъ ѣхали послѣ на извозчикѣ на Боровую, Роговъ сказалъ:—Славная барышня!

— Еще бы не славная: похвалила тебя и къ себѣ позвала.

— Ты циникъ,—съ досадой проворчалъ Роговъ.

— А ты хорошенько поухаживай за нею, медвѣдь. Мнѣ отчимъ говорилъ, что она собирается уѣхать въ деревню и открыть тамъ школу. Если Петренко дастъ тебѣ мѣсто на фабрикѣ, то ты будешь жить съ ней почти рядомъ... Въ глуши, на безлюдьи, будешь имѣть успѣхъ. А когда женишься, я пріѣду на лѣто къ отчиму и пріударю за ней: она еще ничего!

— Если ты будешь такъ говорить, я соскочу съ извозчика, и поѣзжай одинъ...

Рахмарову пришлось возвращаться съ вечеринки на Петербургской съ Вѣрой Павловной Лядовой. Она была такъ печальна и чѣмъ-то разстроена, что онъ спросилъ ее:

— Съ вами что-нибудь случилось? Вы чѣмъ-то ужасно огорчены.

Она пробовала отдѣлаться невинной ложью, сказавъ, что въ толпѣ у нея разболѣлась голова. Но онъ возразилъ:

— Зачѣмъ вы скрываете отъ меня? Вѣдь это же не такъ! Посмотрите, вѣдь у васъ голосъ дрожитъ, а еще минутка, и вы расплачетесь.

И вдругъ она въ самомъ дѣлѣ расплакалась.

— Нѣтъ, милая барышня, вамъ надо серьезно лечиться: второй разъ я здѣсь васъ вижу, и второй разъ вы плачете! Необходимо изъ Петербурга вонъ.

— Ахъ, вовсе это не нервы!—оправдывалась она, сдержавъ слезы:—на моемъ мѣстѣ каждая, съ самыми крѣпкими нервами, стала бы плакать.

— Да въ чемъ же дѣло? Ну, разскажите мнѣ, какъ старому другу.

— Ахъ, Петръ Григорьевичъ, я уже давно становлюсь здѣсь все болѣе и болѣе одинокой, но никогда я такъ ясно не чувствовала этого, какъ сегодня!... — И она опять начала плакать, и опять сдержала себя, продолжая прерывающимся голосомъ: — Нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ чувствовать себя одинокой, забытой, въ молодой, милой, оживленной толпѣ недавнихъ друзей, которыхъ такъ сильно любишь, что жизнь бы свою отдала за нихъ...

— Но разскажите мнѣ, ради Бога, отчего произошло это охлажденіе къ вамъ молодежи?

— Очень просто, и я минута за минутой съ невыносимой тоской переживала ступеньку за ступенькой, которыя привели къ этому разрыву... И все это на моихъ глазахъ! Это была настоящая паника, хотя и замаскированная: стали бранить, стали вышучивать все, что̀ еще недавно считалось самымъ нужнымъ и важнымъ... И это во всемъ,—даже въ поэзіи, въ живописи: если прежде тамъ требовалась общественная идея,—теперь требовали полной безъидейности...

Она такъ волновалась при этихъ воспоминаніяхъ, что нѣсколько секундъ не могла продолжать разсказа. Петръ Григорьевичъ, боясь, что она снова заплачетъ, поторопился предложить ей вопросъ:

— Какъ вы удержались, — спросилъ онъ съ участіемъ, — чтобы не примкнуть къ этому паническому настроенію? Вѣдь паника такъ заразительна.

— Не знаю—какъ! Мнѣ въ новомъ движеніи многое даже очень симпатично,—напримѣръ то, что у нихъ все-же осталась забота о труженикахъ и обездоленныхъ... Но я не могла и не могу примириться съ тѣмъ, что они хотятъ заботиться только о городскихъ пролетаріяхъ: я привыкла любить деревню, крестьянъ. И вотъ отсюда-то началась моя бѣда: я надѣялась уговорить, убѣдить, а вышло изъ этого то, что молодежь стала смотрѣть на меня свысока: „Ты, молъ, отстала и не можешь насъ понять“. А моимъ старымъ друзьямъ показалось наоборотъ, что я, съ моими попытками примирить два лагеря, измѣняю прежнему, сажусь между двухъ стульевъ и заискиваю у новой молодежи... Такимъ образомъ и случилось, что я потеряла и тамъ, и здѣсь. Ко мнѣ охладѣли люди самые дорогіе, т.-е. оставшіеся, какъ я, вѣрными прошлому... Да, вы правы, нужно уходить изъ Петербурга: иногда мнѣ кажется, что я съ ума сойду.

— Ну, развѣ не ясно, что это нервы?—сказалъ Рахмаровъ. — Еслибы вы не были больны, то вся эта исторія, конечно, подѣйствовала бы на васъ иначе: ну, развѣ стоитъ огорчаться изъ-за того, что толпа, которая все-таки толпа, какъ бы симпатична она ни была, стала къ вамъ относиться холоднѣе?

— Вы не понимаете, — воскликнула Вѣра Павловна, — что въ этомъ общеніи была вся моя жизнь! Вѣдь у меня не было никогда никакой личной жизни...

— И неужели вы никогда не чувствовали въ ней потребности?

— Безъ преувеличенія говорю вамъ: никогда не чувствовала. И я даже не замѣчала этого отсутствія. Да и какъ было замѣчать! Вѣдь жизнь была такъ полна! Сперва женскіе курсы... Какое милое это время было! А потомъ, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ—работа съ утра до вечера, почти безъ отдыха, и какая живая, интересная, захватывающая работа: вѣдь я вѣрила, что приношу пользу, что, благодаря и моей лептѣ, народъ просвѣщается... У меня собирались, читали, спорили, воодушевляли другихъ... Я не замѣтила, какъ промелькнуло нѣсколько лѣтъ. Некогда было скучать и задумываться о себѣ самой.

— Да, я понимаю, что вамъ очень тяжело. Уѣзжайте на время за границу, отдохните... Мало-по-малу все забудется, и начнете новую жизнь.

— Нѣтъ, за границу я не поѣду, — рѣшительно сказала Вѣра Павловна: — въ такое время уѣзжать — это немыслимо. Уѣду въ деревню, буду жить недалеко отъ васъ, вы мнѣ поможете устроить школу, будете мнѣ помогать, и не буду я одинока. А быть можетъ, тамъ найдутся и еще люди сочувствующіе, тогда и начнется та новая жизнь, новый періодъ моей исторіи, —прибавила она съ улыбкой,—о которомъ вы говорили.

Рахмаровъ, видя, что эти планы успокоиваютъ ее настолько, что она даже развеселилась, не сталъ ее разубѣждать. Онъ рѣшился серьезно поговорить съ ея дядей, котораго она очень уважала: онъ одинъ могъ бы убѣдить ее поѣхать за границу и полечиться. Рахмаровъ предвидѣлъ, что деревня можетъ окончательно разстроить ея здоровье,—такъ плохо живется тамъ въ послѣднее время.

Остальную дорогу до Надеждинской Вѣра Павловна продолжала мечтать все въ томъ же направленіи. Прощаясь съ нимъ, она уже была совсѣмъ весела и звала его пріѣхать въ пятницу на ея журфиксъ, чтобы подробно обсудить все дѣло.

— Вамъ не будетъ непріятно, что я пригласила Рогова?

— Почему мнѣ это можетъ быть непріятно?—съ изумленіемъ воскликнулъ Петръ Григорьевичъ: — Наоборотъ, я буду очень радъ съ нимъ познакомиться. Кстати, въ нашемъ земствѣ открылось мѣсто врача, и было бы очень хорошо устроить для него это мѣсто.

— Какой вы славный! Не обидѣлись за его рѣзкую выходку противъ васъ! Впрочемъ, развѣ отъ васъ можно было ожидать иного отношенія!

VI.

Въ пятницу, въ девять часовъ вечера, въ четырехъ уютныхъ комнаткахъ Вѣры Павловны Лядовой было освѣщено. Посѣтители ея журфикса еще не являлись, если не считать двухъ курсистокъ—фребелички и бестужевки, которыя были у нея домашними людьми, помогая въ ея работѣ по книжному складу для народныхъ училищъ. Она сидѣла съ дѣвушками въ уголкѣ гостиной. Въ мягкомъ свѣтѣ большой лампы подъ кружевнымъ абажуромъ можно было разсмотрѣть на стѣнахъ хорошія картины русской школы, коверъ, устилавшій весь полъ, и простую, изящную мебель.

Бестужевка убѣждала Вѣру Павловну не покидать Петербурга, такъ какъ безъ нея не пойдетъ ихъ воскресная школа и народныя чтенія за Нарвской заставой.

— Замѣстителя себѣ я уже подыскала, — отвѣтила Вѣра Павловна, которая была сегодня очень оживлена и бодра.—Ты забываешь, что въ Петербургѣ много работниковъ, а въ деревнѣ —никого. Ну, а ты, Маня,—обратилась она къ фребеличкѣ:— не раздумаешь? Поѣдешь со мной?

— Я сказала: окончу осенью экзамены, и твоя. Вотъ только разрѣшатъ ли тебѣ школу.

— Дядя обѣщалъ помочь, да и губернаторъ тамъ—нашъ родственникъ.

Послышался электрическій звонокъ, и черезъ нѣсколько минутъ вошли два гостя. Одинъ былъ извѣстный беллетристъ, Семенъ Ивановичъ Неволинъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, но такой моложавый и подвижной, что вы не дали бы ему и сорока. Его округлое тѣло обхватывалъ короткій пиджачокъ, застегнутый на всѣ пуговицы; изъ бокового кармана торчалъ цвѣтной фуляръ. Коротко подстриженная борода съ выбритыми усами была въ американскомъ стилѣ. Живость движеній напоминала француза, а маленькій круглый носъ выдавалъ россійское происхожденіе.

Онъ подпрыгивалъ на ходу, потиралъ руки, и, подойдя къ хозяйкѣ, фамильярно поцѣловалъ у нея руку.

— Ухъ, какъ мы рано! Еще никого нѣтъ.—Онъ захохоталъ коротко и тотчасъ же сталъ серьезенъ.

Его спутникъ, брюнетъ лѣтъ сорока-пяти, широкій въ кости, съ добродушнымъ лицомъ и густой черной бородой, состоялъ негласнымъ редакторомъ одного изъ толстыхъ журналовъ. Онъ видимо не привыкъ къ обществу, конфузился, старался не дать этого замѣтить, и началъ разговоръ прямо съ того, что сталъ жаловаться на цензуру, а затѣмъ усѣлся на диванъ и занялся разсматриваніемъ альбома, спрятавшись за него, какъ за неприступную крѣпость.

Зато беллетристъ говорилъ безъ умолку, разсказывалъ анекдоты, то садился, то вставалъ и быстро шагалъ изъ угла въ уголъ; при этомъ онъ вздрагивалъ бедрами, напоминая бодрыхъ пожилыхъ кавалеристовъ, хотя никогда не служилъ не только въ кавалеріи, но и въ гражданской службѣ.

Вѣра Павловна нчала разсказывать гостямъ біографію Рахмарова, и между прочимъ сообщила, что онъ сдѣлалъ опытъ—сдать свою землю крестьянамъ на артельныхъ началахъ. Романистъ отнесся къ этому равнодушно, а редакторъ очень заинтересовался, даже одушевился и сказалъ горячую рѣчь о значеніи артели. Эта рѣчь была прервана появленіемъ самого Рахмарова. Казалось, что отъ его огромной фигуры въ гостиной стало тѣсно. Когда всѣхъ перезнакомили, романистъ спросилъ у Петра Григорьевича, какое впечатлѣніе онъ вынесъ отъ Петербурга, котораго не видѣлъ больше десяти лѣтъ.

— Какъ вамъ сказать? — медленно заговорилъ Рахмаровъ, усаживаясь въ кресло:—по внѣшности общественная жизнь усилилась; возникло довольно много новыхъ оффиціальныхъ обществъ съ самыми различными цѣлями, но я замѣтилъ поразительный фактъ: почти во всѣхъ этихъ обществахъ является постоянно одна и та же дюжина, много двѣ, однихъ и тѣхъ же лицъ. Едва ли они не толкутся на одномъ мѣстѣ. Общества же, дѣйствительно работавшія, какъ напримѣръ, „Общество народнаго хозяйства“, „Бюро просвѣщенія“—закрыты. Кромѣ того, я не вижу совсѣмъ общихъ руководящихъ началъ: разбились на спеціальности, возятся съ мелочами.

Явился Бѣлоконскій съ Роговымъ. Рахмаровъ, знакомясь съ послѣднимъ, дружелюбно сказалъ:

— А, очень радъ познакомиться съ вами поближе, горячій человѣкъ!

Рогова, очень конфузливаго въ обществѣ, обидѣли эти слова.

— И я радъ познакомиться съ вами, очень холодный человѣкъ!—отвѣтилъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Простите, я не желалъ васъ обидѣть,—вѣжливо и мягко сказалъ Рахмаровъ:—Я не считаю порокомъ молодую горячность, да и самъ едва ли могу быть названъ холоднымъ.

— Я въ этомъ увѣренъ,—отвѣтилъ Роговъ,—но это вамъ шпилька за то, что проповѣдывали единеніе съ разными Охроменками. Прошу ужъ и меня извинить за рѣзкость: сами виноваты.

— А все же худой миръ лучше доброй ссоры, — сказалъ Рахмаровъ, улыбаясь.

— Ну, это какъ кому. Да и не всегда это такъ. Иногда необходима борьба не на животъ, а на смерть.

— Однако, не въ случаяхъ идейныхъ разногласій,—сказалъ Рахмаровъ.—Идейная борьба всегда должна быть свободна, т.-е. чужда насилія. Развѣ вы съ этимъ не согласны?

— Теоретически согласенъ, но на практикѣ не всегда выдержишь,—отвѣтилъ Роговъ.

Онъ пробрался затѣмъ въ темный уголокъ и сталъ наблюдать публику, которая мало-по-малу наполняла гостиную: каждый сообщалъ какую-нибудь новость или слухъ, да все такіе печальные, что становилось жутко. Между прочимъ, явился модный адвокатъ, рослый и тучный, съ бритымъ лицомъ, напоминавшимъ провинціальнаго трагика. Онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ и сообщилъ, что пріѣхалъ прямо изъ засѣданія, гдѣ защищалъ кокотку, интересовавшую весь Петербургъ тѣмъ, что она убила своего любовника. Адвокатъ принесъ съ собой струю, такъ сказать, фельетонно-уличную, разсказывая подробности объ этой модной новинкѣ.

Вслѣдъ за нимъ, сгорбившись и кашляя, медленно вошелъ членъ окружного суда, причастный не къ литературѣ, но къ закрывшимся обществамъ—„Бюро Просвѣщенія“ и „Народное Хозяйство“, въ которыхъ онъ много и полезно работалъ долгіе годы. На видъ это былъ желчный, озлобленный человѣкъ, но всѣмъ была извѣстна его гуманная дѣятельность, посвященная дѣлу народнаго образованія и благосостоянія. Онъ едва могъ откашляться, схватившись руками за свою впалую грудь, а на его желчномъ, покрытомъ морщинками лицѣ выступилъ неестественный румянецъ...

Пришло еще нѣсколько писателей, и стало шумно. Рахмаровъ подъ шумокъ пробрался къ Рогову и тихо сказалъ:

— Бѣлоконскій передалъ мнѣ, что вы были бы не прочь взять мѣсто земскаго врача. Предсѣдатель нашей земской управы —мой большой пріятель, и такъ какъ тамъ открылась вакансія, то, если хотите, я это дѣло устрою.

— Большое спасибо: земская работа мнѣ по душѣ,—отвѣтилъ Роговъ.

Въ это время почти вбѣжала Надежда Николаевна Петренко въ какомъ-то необыкновенномъ, ярко-красномъ платьѣ. Она путалась въ своемъ длинномъ шлейфѣ и казалась среди темныхъ костюмовъ гостей и хозяйки яркимъ снопомъ огня, влетѣвшимъ въ гостиную. Поздоровавшись со всѣми и замѣтивъ Рогова, она попросила Бѣлоконскаго познакомить ихъ и, принявъ сразу дѣловой видъ, предложила ему мѣсто врача на фабрикѣ.

— А вотъ ужъ я и не знаю, какъ съ этимъ быть,—отвѣтилъ Роговъ грубовато:—мнѣ сейчасъ г-нъ Рахмаровъ предложилъ мѣсто земскаго врача. Значитъ, не было ни гроша, да вдругъ алтынъ! И я предпочитаю земское мѣсто фабричному.

— Да вѣдь земскій врачебный пунктъ въ той же деревнѣ, гдѣ наша фабрика: вы можете совмѣстить обѣ должности.

— Ну, въ такомъ случаѣ, это—можно.

— Значитъ, по рукамъ?—сказала Надежда Николаевна, шутливо подражая купеческому тону: —жалованьемъ отецъ васъ не обидитъ. Это ужъ вы сговоритесь съ нимъ.

Затѣмъ она обратилась къ Бѣлоконскому и сказала:—А знаете, я и съ Зиновьевымъ покончила, т.-е. не совсѣмъ, а предложила ему мѣсто химика, о чемъ мнѣ на дняхъ писалъ отецъ.

— Ваша фабрика обратится въ Ноевъ ковчегъ,—отвѣтилъ Бѣлоконскій:—тамъ будутъ и чистыя, и нечистыя животныя, и марксисты и народники; недостаетъ только декадентовъ: пригласите какого-нибудь изъ нихъ, хотя бы смотрителемъ штукатурки.

— Вы злой!—игриво сказала она.—Какое мнѣ дѣло до направленій! Я вездѣ подбираю все выдающееся.

— Капиталъ—въ роли искусственнаго подбора? Прелестно!

— Если вы будете надо мной смѣяться, я разсержусь!— Она слегка ударила его вѣеромъ.

Роговъ, попавшій въ общество писателей и сливокъ интеллигенціи въ первый разъ въ жизни, негодовалъ на этотъ игривый тонъ и болтовню; не удовлетворяли его и остальные разговоры: беллетристъ разсказывалъ анекдоты о нѣмецкихъ профессорахъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда онъ слушалъ лекціи въ Германіи; редакторъ жаловался кому-то, что французы хо-

тятъ заставить платить себѣ за переводы ихъ сочиненій на русскій языкъ... Болѣе интересный разговоръ велъ желчный членъ суда съ Рахмаровымъ, передавая ему новѣйшую исторію закрытія тѣхъ двухъ обществъ, съ которыми онъ сроднился въ теченіе многихъ лѣтъ. Событіе это страшно его волновало: его лицо изъ желтаго стало краснымъ.

Вѣра Павловна замѣтила, что Роговъ скучаетъ, и, воспользовавшись тѣмъ, что горничная разносила чай, взяла съ подноса чашку и понесла ему въ уголокъ.

— Вы, кажется, ожидали бо̀льшаго отъ сегодняшняго вечера?—спросила она въ полголоса, присаживаясь около него.

— Да, признаюсь! Неужели и всегда такъ: жалобы, остроты, анекдоты о высокопоставленныхъ особахъ, и ни слова о томъ, что̀ нужно дѣлать?

— Да, теперь почти всегда такъ... Какая-то общая апатія... А еще недавно было время, когда въ этой же гостиной слышались другія рѣчи: отъ нихъ становилось теплѣе... теперь же такъ холодно, такъ одиноко!

— У васъ въ Петербургѣ большое знакомство?—спросилъ Роговъ.

— Да, довольно большое, но только исключительно среди молодежи, писателей, профессоровъ. Вы знаете, что я собираюсь ѣхать въ ту же мѣстность, куда поѣдете и вы?

— Какъ! Вы уѣзжаете изъ Петербурга! А я слышалъ, что у васъ здѣсь много дѣла. Что̀ же вы будете дѣлать въ деревнѣ?

Не успѣла еще отвѣтить Вѣра Павловна, какъ Надежда Николаевна крикнула ей изъ другого угла гостиной:—Правда ли, мнѣ болтаетъ Бѣлоконскій, что вы хотите бросить Петербургъ?

— Да, это правда: я думаю открыть школу въ своемъ имѣньицѣ, по сосѣдству съ Рахмаровымъ.

Романистъ вскочилъ съ мѣста, какъ резиновый мячъ, и сталъ передъ нею, сдѣлавъ круглые глаза, что̀ должно было выразить комическій ужасъ.

— Что-съ?! Какъ?! И вы это серьезно? Позвольте вашъ пульсъ.

— Я еще вчера колебалась, но сегодняшній случай переполнилъ чашу, и я почти рѣшилась.

— А что же случилось сегодня?—спросилъ беллетристъ.

— Я не въ силахъ объ этомъ разсказывать: это меня ужасно волнуетъ. Пусть вамъ разскажетъ Маня,—сказала она, показавъ глазами на фребеличку.

Та, покраснѣвъ отъ смущенія, начала:

— Вѣра Павловна вмѣстѣ со мной составляетъ и разсылаетъ библіотечки для школъ по требованію земствъ и другихъ учрежденій. Иногда мы вкладываемъ въ посылку хорошія книжки, но на которыя еще не поступило требованіе, и всегда пишемъ, что если такая книжка не нужна, ее могутъ возвратить. И всегда бывало такъ, что книгъ не возвращали, а высылали за нихъ деньги. Но съ средины прошлаго года стали частенько возвращать, а мѣсяцъ тому назадъ получилось даже рѣзкое письмо. Мы не обратили на него особеннаго вниманія, подумавъ, что въ семьѣ не безъ урода, и между учителями не все люди интеллигентные. Но сегодня получилось новое письмо, уже изъ другой мѣстности, и просто невѣроятное!

Вѣра Павловна вышла въ сосѣднюю комнату и вернулась оттуда съ небольшимъ портфелемъ. Волнуясь, она отыскала въ немъ письмо и сказала:

— Вотъ, прочтите.

Беллетристъ сталъ читать съ комическимъ пафосомъ:

„Симъ честь имѣю увѣдомить фирму г-жи Лядовой, что высланная ею книга, какъ „неодобренная“,—подчеркнулъ онъ,—представлена мною сего числа при рапортѣ г-ну инспектору народныхъ училищъ, надворному совѣтнику и кавалеру Тарасу Александровичу Крестовоздвиженскому, для поступленія съ оной, вытереченной фирмой по всей строгости статей законовъ. Послѣ столь неблаговиднаго поступка обращусь къ другой фирмѣ, не желая имѣть съ вашей никакого касательства. Учитель Н—ской школы Аполлонъ Ландышевъ“.

— Вотъ такъ ландышъ!—воскликнулъ беллетристъ:—Да еще Аполлонъ! И какъ онъ точенъ, когда дѣло идетъ о начальникѣ: упомянулъ, что онъ надворный совѣтникъ и кавалеръ. Это—одинъ восторгъ!

Онъ забѣгалъ изъ угла въ уголъ, восклицая:

— Этакая каналья! И хочетъ упечь не просто по закону, а непремѣнно по всей строгости статей законовъ.

— А книжка была дѣйствительно неодобренная?—спросилъ у Вѣры Павловны членъ суда.

— Что вы, что вы, Иванъ Ѳедоровичъ! Да развѣ я ребенокъ! Мы всегда посылали книги одобренныя, но дѣло въ томъ, что каталоги одобренныхъ книгъ попадаютъ въ провинцію очень поздно... Въ этомъ и весь секретъ.

— Это... это чортъ знаетъ что! Это... я не понимаю: „по

всей строгости статей законовъ!“ — продолжалъ выкрикивать романистъ, неожиданно останавливаясь передъ кѣмъ-нибудь.

— Не въ словахъ тутъ дѣло, Семенъ Ивановичъ!..—сказала Вѣра Павловна.—А вотъ и дядя!—воскликнула она, увидѣвъ въ дверяхъ высокую, статную фигуру сѣдого старика съ длинными, совершенно бѣлыми волосами, развѣвавшимися по бокамъ свѣжаго, румянаго лица. Онъ входилъ съ привѣтливо-снисходительной улыбкой, откинувъ по привычкѣ голову назадъ.

— Спасибо, дядя, что исполнилъ обѣщаніе и зашелъ,— сказала Вѣра Павловна, подбѣгая къ нему.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и, обнявъ за талію, пошелъ вмѣстѣ съ нею къ гостямъ. Когда она представила его тѣмъ, съ которыми онъ не былъ знакомъ, онъ попросилъ чаю и, отхлебнувъ глотокъ, завелъ рѣчь о предполагаемомъ отъѣздѣ Вѣры Павловны.

— Не могу сказать, чтобы это было мнѣ особенно пріятно. Тѣмъ не менѣе, боюсь убѣждать ее остаться здѣсь: ея нервы въ послѣднее время такъ развинтились, что она не можетъ сдерживаться, вездѣ высказывается открыто. Это къ добру не поведетъ. Авось, въ деревнѣ поправится.

— Да вѣдь тамъ еще хуже!—воскликнулъ членъ суда.— Всѣ сидятъ по угламъ, спиваются! А ужъ о крестьянахъ и говорить нечего.

— Бѣда и здѣсь, и въ деревнѣ, — вмѣшался Рахмаровъ,— имѣетъ одинъ корень—нашу русскую разрозненность. Мы еще настолько некультурны, что не выработали у себя никакой общественности, не умѣемъ подчинять свои самолюбія общественному долгу. Посмотрите на европейцевъ—въ общемъ дѣлѣ они забываютъ все личное, дѣйствуютъ какъ одинъ.

Редакторъ сталъ возражать, что бѣда не въ этомъ, а въ тяжеломъ положеніи печати, которая должна высказываться полусловами и намеками, а потому не въ силахъ создать солиднаго общественнаго мнѣнія... Адвокатъ возразилъ на это, что положеніе печати не можетъ стать лучше безъ общихъ правовыхъ устоевъ... Членъ суда находилъ, что хотя это и вѣрно, но безъ просвѣщенія народа интеллигенція лишена поддержки. Романистъ присоединился къ мнѣнію Рахмарова и разсказалъ про случай, который онъ лично наблюдалъ въ Германіи, когда по поводу какого-то законопроекта вся страна, какъ одинъ человѣкъ, подписала петицію и дала внушительные милліоны подписей.

Вмѣшался старикъ Бѣлоконскій.

— Господа!—сказалъ онъ съ любезной улыбкой,—я въ моихъ засѣданіяхъ привыкъ дѣлать резюме. Позвольте подвести итогъ и вашимъ мнѣніямъ. Въ сущности, вы всѣ согласны, но берете дѣло съ разныхъ сторонъ. Отчего же печать у насъ не можетъ создать общественнаго мнѣнія, а на Западѣ его создаетъ? Отчего нѣтъ правовыхъ нормъ, о которыхъ говорилъ многоуважаемый Петръ Николаевичъ?—онъ съ любезной улыбкой взглянулъ на адвоката.—Наконецъ, отчего нѣтъ образованія, котораго прежде всего требуетъ многоуважаемый Иванъ Петровичъ?—и онъ перевелъ свои глаза на судью.—Я думаю, что правъ и Петръ Григорьевичъ,—наклонился онъ въ сторону Рахмарова:—Нѣтъ единенія! Все это вѣрно, но вѣдь это сказка про бѣлаго бычка! А отчего же всего этого нѣтъ? Отчего нѣтъ единенія и какъ его сдѣлать?

— Въ наше время мы умѣли его создавать,—сказалъ Рахмаровъ,—правда, въ маленькомъ видѣ, въ нашихъ земствахъ. Но мы все-же работали.

— Забудемъ о вашемъ времени, многоуважаемый Петръ Григорьевичъ: тогда былъ иной духъ, иной подъемъ, была вѣра... А теперь во все извѣрились! Будемъ держаться нашего времени и его условій и въ такомъ видѣ обсудимъ вопросъ.

Начались повые споры: одни ѣдко острили надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ, другіе гнѣвно его громили, третьи разсказывали курьёзные анекдоты изъ разныхъ петербургскихъ сферъ... Были и такіе, что доказывали необходимость зарыться въ свою норку и ждать...

Бѣлоконскій, наклонившись къ Рахмарову, сказалъ шопотомъ:

— Я незамѣтно уйду. До свиданія. Жду васъ завтра. Не правда ли, настоящее вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ?

— А почему же не канунъ новыхъ дней?—отвѣтилъ тотъ задумчиво.

— Вы неисправимый оптимистъ!—засмѣялся Бѣлоконскій, уходя.

VII.

Въ концѣ августа, на полустанкѣ одной изъ желѣзныхъ дорогъ быстрыми шагами ходилъ Петръ Григорьевичъ Рахмаровъ и замѣтно волновался. Нѣсколько разъ онъ обращался къ начальнику станціи съ вопросомъ, не запоздалъ ли поѣздъ. На-

конецъ послышался звонокъ, извѣщавшій, что поѣздъ вышелъ съ ближайшей станціи, и Петръ Григорьевичъ пересталъ ходить, застывъ въ выжидательной позѣ, какъ будто поѣздъ могъ перелетѣть въ одно мгновеніе пространство въ нѣсколько верстъ. Однако онъ не выдержалъ долго этого положенія, снова началъ ходить и даже, приблизившись къ краю платформы и нѣсколько наклонившись впередъ, всматривался по направленію ярко сверкавшихъ рельсовъ, исчезавшихъ вдали между двумя стѣнами сосноваго лѣса,—не покажется ли тамъ дымокъ.

Наконецъ, этотъ дымокъ показался. По платформѣ забѣгали, а черезъ нѣсколько минутъ, пыхтя и издавая свистъ, тихо приблизился поѣздъ.

Рахмаровъ сразу узналъ въ одномъ изъ оконъ перваго класса радостное и взволнованное лицо Вѣры Павловны Лядовой. Она кивала ему головой и улыбалась. Онъ бросился въ вагонъ и, сжимая ея руки, заговорилъ:

— Я боялся, что въ послѣдній моментъ вы раздумаете. Однако, выходите скорѣй: здѣсь поѣздъ стоитъ всего двѣ минуты!—Онъ захватилъ ея ручныя вещи и, пропустивъ ее впередъ, продолжалъ говорить:—Право, вѣдь это настоящій подвигъ.

— Увѣряю васъ—нѣтъ. Вы же знаете, что я не могла больше оставаться въ Петербургѣ.

Въ это время къ ней подбѣжала ея петербургская горничная Маша и радостно поздоровалась съ Петромъ Григорьевичемъ, какъ съ старымъ знакомымъ.

— Вашъ багажъ получитъ мой работникъ. Оставимъ съ нимъ и Машу. У него телѣжка рессорная, ее не растрясетъ. А мы поѣдемъ впередъ... Да знаете что: поѣдемте-ка прямо ко мнѣ. Вашъ домикъ пришелъ въ сильную ветхость; жить въ немъ будетъ неудобно, да и очень одиноко. У меня же новый школьный домъ и приготовлено для васъ три комнатки—уютныя, свѣтлыя... Сплетенъ быть не можетъ: я почти старикъ, да и мы въ родствѣ.

— Ну, что-жъ,—сказала она бодро и весело.—Я не вижу, почему бы не устроиться такъ.

Поѣхали...

День выдался теплый, солнечный, хотя уже чувствовалось приближеніе осени. Серебряныя нити паутины носились въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ, сверкая иногда на синемъ небѣ, на которомъ не было ни одного облачка. Справа и слѣва дороги шли скошенныя поля, отливая золотомъ. Впереди и вездѣ кругомъ открывались широкія дали съ деревеньками на пригоркахъ

и бѣлыми точками отдаленныхъ церквей. На синѣющія рощи уже легъ оранжевый оттѣнокъ поблекшихъ листьевъ; ихъ пряный запахомъ былъ пропитанъ легкій, свѣжій вѣтерокъ.

— Какъ хорошо здѣсь послѣ Петербурга! — восхищалась Лядова, втягивая въ себя съ какою-то жадностью чистый деревенскій воздухъ.—И какой просторъ!

— Вы не раскаиваетесь?

— Господи, могу ли я раскаяваться! Мнѣ отъ радости хочется заплакать! И все еще какъ-то не вѣрится, что я въ деревнѣ.

— Только не разочаруйтесь, — замѣтилъ Рахмаровъ,—особенно въ крестьянахъ.

— Я подготовлена къ тому, что жизнь ихъ далека отъ идиліи. Нѣтъ, я убѣждена, что жизнь здѣсь отлично устроится: пріѣдетъ моя фребеличка Маня, пріѣдетъ Роговъ. Образуется тѣсный дружескій кружокъ, и будетъ тепло, уютно, весело.

— А когда же обѣщала пріѣхать фребеличка?

— Не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ.

— Справитесь ли вы безъ нея въ школѣ? Желающихъ учиться страшно много.

— А не найдется ли по близости какой-нибудь интеллигентной сосѣдки, которая пока могла бы помочь?

— Увы, никого нѣтъ. Правда, на-дняхъ вернулась дочь Лопатина, Софья Петровна, помните, та самая, что жила у Надежды Николаевны Петренко. Но мы во враждѣ съ ея отцомъ. Этотъ Лопатинъ—такой субъектъ, что знакомиться съ нимъ не желательно.

— Я могу сама поѣхать съ визитомъ прямо къ ней,—сказала Вѣра Павловна.

— Пожалуй, попробуйте, но, кажется, изъ этого ничего не выйдетъ. У нея какое-то странное направленіе: какая-то смѣсь декадентства съ мизантропіей. Она очень неглупа, много читала, но ее точитъ какой-то червякъ... Впрочемъ, я съ ней говорилъ только два раза... Быть можетъ, отъ деревенской скуки и согласится посвятить себя дѣлу, которое въ ея глазахъ не можетъ быть „изящнымъ“. А она только и бредитъ, что красотой да изяществомъ.

Вдали на холмѣ показалась его усадьба съ обширнымъ паркомъ, окаймленнымъ бѣлой лентой каменной ограды. Надъ паркомъ возвышался большой, двухъ-этажный домъ съ колоннами, причудливой архитектуры, съ какими-то башнями невѣдомаго стиля.

— Какъ это красиво!—сказала Лядова.

— Да, издали, а вблизи разочаруетесь: теперь это почти развалина. Болѣе десяти лѣтъ не ремонтировалъ—дорого. Самъ я занимаю въ немъ двѣ комнаты внизу, остальное все заколочено.

Въѣхали въ аллею изъ пирамидальныхъ тополей, которая начиналась за полверсты отъ дома и, прямая какъ стрѣла, кончалась вдали какими-то монументальными каменными воротами. Когда наконецъ подъѣхали къ этимъ воротамъ, онѣ оказались кое-гдѣ разрушившимися. Прямо противъ нихъ, въ глубинѣ лужайки открывался фронтонъ дома съ рядомъ колоннъ. Сзади и съ боковъ его обступали деревья парка, между которыми налѣво стоялъ новый деревянный флигель съ зеленой желѣзной крышей.

Рахмаровъ указалъ на этотъ флигель и сказалъ:

— Вотъ ваше будущее жилище и храмъ просвѣщенія.

— Какъ жаль стараго дома! — отвѣтила Лядова, увидѣвъ вблизи, что окна верхняго этажа забиты досками, штукатурка обвалилась, колонны рушатся.

— Мнѣ его не жаль,—сказалъ Рахмаровъ. — Я когда-нибудь разскажу вамъ, что тутъ творилось. Слава Богу, что все это прошло. Но... скоро ли мы дождемся лучшихъ временъ? Старое сломано или разрушается, а новаго нѣтъ... Впрочемъ,— вскрикнулъ онъ, перебивая самого себя:—что же это я говорю? Есть новое: вотъ этотъ флигель, и въ немъ новая школа, а въ школѣ... кто же? Что сказали бы наши общіе предки, еслибы имъ, когда они были живы, кто-нибудь предрекъ, что ихъ правнучка явится сюда учить мужицкихъ дѣтей?! И развѣ это не ново? И развѣ это не удивительно хорошо?

Въ отвѣтъ она только радостно улыбнулась. Ея глаза свѣтились такимъ счастьемъ, какое въ нихъ бывало развѣ только въ самые лучшіе моменты ея жизни.

Комнату Вѣры Павловны, съ высокими свѣтлыми окнами и террасой въ паркъ, Рахмаровъ обставилъ съ такой заботливостью мебелью и вещами, взятыми изъ стараго дома, что она сразу почувствовала себя въ родномъ уголкѣ; она поняла, что это было не простою любезностью: онъ предусмотрѣлъ и обдумалъ все такъ, чтобы послѣ петербургскаго движенія и общества она не чувствовала себя здѣсь чужой и одинокой. Отъ такой заботливости Вѣра Павловна давно отвыкла и была ею тронута почти до слезъ. Цѣлый день Рахмаровъ не покидалъ ее. Они вмѣстѣ обѣдали, затѣмъ онъ повелъ ее показывать старый домъ и паркъ. Едва могли отпереть огромныя двери балкона, много лѣтъ не

открывавшіяся. Изъ небольшой гостиной они прошли прямо въ обширный залъ въ два свѣта, съ хорами. Подъ высокими потолками пустыхъ огромныхъ комнатъ ихъ голоса усиливались громкимъ резонансомъ, переходившимъ въ смутное эхо, и тогда казалось, что кто-то незримый и гигантскій ходитъ и говоритъ вмѣстѣ съ ними. Каждый шагъ заставлялъ трещать старый паркетъ, какъ будто это дворянское гнѣздо сердилось за то, что потревожили его покой, напоминающій кладбище. Вѣра Павловна испытывала въ первый разъ въ жизни чувство жуткости и мечтательнаго страха, которое было совсѣмъ незнакомо ей въ городѣ. Сходство съ кладбищемъ увеличивалось массой портретовъ въ костюмахъ разныхъ эпохъ: ими были увѣшаны всѣ стѣны зала, откуда они смотрѣли, какъ ожившіе мертвецы въ своихъ напудренныхъ парикахъ, раззолоченныхъ венгеркахъ и атласныхъ платьяхъ, отдѣланныхъ кружевами.

Вѣра Павловна почувствовала облегченіе, когда они вышли изъ этой гигантской могилы, пахнувшей гніющимъ деревомъ и плѣсенью, въ паркъ, залитый яркимъ свѣтомъ осенняго солнца. Эти длинныя аллеи съ запущенными дорожками, уходившія вдаль и какъ будто звавшія куда-то, это мягкое, волнистое море деревьевъ съ ихъ осенней листвой, то ярко зеленой, то золотой и оранжевой, эти овраги, заросшіе кустами, съ полуразрушенными мостиками, съ развалинами бесѣдокъ и гротовъ, обвитыхъ увядающимъ плющомъ, все это навѣвало на нее тихую, мечтательную грусть.

Она сказала Рахмарову объ этомъ настроеніи и прибавила:

— Въ городѣ я никогда не знала ничего подобнаго, это для меня совсѣмъ новое чувство.

— Въ городѣ все ясно и прямолинейно,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой. — Люди овладѣли тамъ природой и заковали ее въ камни... Здѣсь же она живая, свободная, со всѣми своими силами и невѣдомыми еще тайнами. Въ городѣ навѣваетъ поэзію не она, а человѣческія массы и ихъ взаимныя отношенія. Здѣсь же природа разсказываетъ сказку—смутную, неопредѣленную, о чемъ-то такомъ же смутномъ, неопредѣленномъ и таинственномъ.

Поздно вечеромъ они вернулись во флигель и приступили къ обсужденію плановъ занятій съ дѣтьми и образовательныхъ прогулокъ съ ними; обдумывали, какъ ближе сойтись съ матерями, чтобы повліять на ихъ взгляды, касающіеся гигіены дѣтей и ихъ воспитанія. Было уже поздно, когда Рахмаровъ сталъ прощаться.

Она вышла проводить его на террасу, накинувъ на голову теплый платокъ. Была свѣжая, ясная лунная ночь. Надъ усну-

яшимъ паркомъ сіялъ мѣсяцъ. Было прохладно... Простились еще разъ, и онъ ушелъ.

Шаги его давно затихли на боковой дорожкѣ, ведущей къ старому дому, а Вѣра Павловна все еще стояла на террасѣ, любуясь темными группами деревьевъ съ ихъ серебрящимися въ лунномъ свѣтѣ вершинами и глубокой, почти черной мглой внизу. Отъ террасы вела къ пруду широкая аллея, которая въ темнотѣ казалась безконечною. Въ ея отдаленномъ концѣ сверкала серебряная точка: это просвѣчивалъ прудъ, освѣщенный луною.

Вѣру Павловну потянуло туда, и она, спустившись съ террасы, тихо пошла вдоль аллеи. Высокія старыя деревья казались уснувшими великанами. Между ихъ стволами стояла непроглядная тьма. Было такъ тихо, что паденіе каждаго листа слышалось и заставляло настораживаться: безсознательно рождалась мысль, что тамъ, въ этой тьмѣ, есть кто-то живой и почему-то страшный, и онъ слѣдилъ за ней невидимо. Когда она дошла до середины аллеи, ей вдругъ показалось, что кто-то идетъ сзади. Вѣра Павловна невольно оглянулась и почувствовала приливъ особой, непонятной жуткости, близкой къ страху, хотя отлично понимала, что бояться нечего. И тѣмъ не менѣе, пройдя еще нѣсколько шаговъ, она уже не могла пересиливать дальше этого чувства: ей захотѣлось поскорѣе вернуться къ жилью, гдѣ въ окнахъ виднѣлись огни, говоря о присутствіи человѣка. Только тогда, когда изъ-за деревьевъ показалась освѣщенная изнутри стеклянная дверь ея террасы, бросавшая красноватый свѣтъ на листву, она почувствовала, что страхъ ея прошелъ и сердце бьется покойно.

Ей захотѣлось взглянуть на фасадъ большого дома при лунномъ освѣщеніи, и она свернула на боковую дорожку, ведущую къ нему...

Вотъ онъ передъ нею съ его барельефами, каріатидами и колоннами, бѣлѣвшими при лунномъ свѣтѣ. Забитыя верхнія окна напоминали закрытые глаза мертвеца, но въ нижнихъ окнахъ, высокихъ и таинственно-черныхъ, искрились блѣдныя отраженія лучей отъ неровной поверхности стеколъ. Казалось, что тамъ еще не угасли искры жизни этого огромнаго каменнаго трупа. Воображеніе Лядовой начало рисовать былую жизнь, кипѣвшую здѣсь: вотъ гремитъ музыка, граціозно несутся танцующія пары при яркомъ свѣтѣ люстръ, среди аромата духовъ и цвѣтовъ... Вотъ на лужайкѣ толпа играющихъ разряженныхъ дѣтей...

Воображеніе подсказывало ей, что здѣсь цѣлыя поколѣнія

ея предковъ любили, страдали, заставляли страдать другихъ, быть можетъ, мучительно думали и молча погибали. И неужели эти стѣны не пропитались ихъ жизнью, не задержали въ себѣ никакихъ силъ, исходившихъ отъ нея? Быть можетъ, изъ какого-нибудь окна въ такую же лунную ночь глядѣла, мечтая, молодая дѣвушка на эти самыя деревья и звѣзды, и въ этотъ часъ ея душа вернулась сюда и опять смотритъ на нихъ, вспоминая прошлое...

Вѣра Павловна до того размечталась, что вдругъ ей представилось, будто сзади, въ черной глубинѣ парка, раздались чьи-то легкіе шаги, донесся чуть слышный шопотъ... Да! она слышитъ ясно слова: „прощай, прощай!“... слышитъ чье-то тихое рыданіе... Она вздрогнула, поднялась со скамьи и стала прислушиваться съ сильно бьющимся сердцемъ... Но все тихо... Падаютъ листья гдѣ-то и шелестятъ, напоминая тихій шопотъ.

Въ это время въ двухъ нижнихъ окнахъ дальняго угла дома зажегся свѣтъ. Она знала, что это комната Рахмарова.

„Что-то онъ дѣлаетъ? Пишетъ что-нибудь? Читаетъ“?

Ей захотѣлось подойти къ его окнамъ и вызвать его, но что-то удержало ее.

Огонь погасъ въ окнахъ. Она медленно пошла къ своей террасѣ съ чувствомъ тихой, непонятной радости и сладкой грусти. Что-то новое зарождалось въ ней, трепетно-нѣжное, какъ предчувствіе счастья.

Въ комнатѣ ее охватила теплота, свѣтъ... Было такъ уютно. Ей стало по-дѣтски весело.

Маша, помогая ей раздѣваться, спросила:

— Не будете бояться ночью? Мнѣ что-то страшно. Тутъ, говорятъ, въ старомъ домѣ покойники ходятъ. Не лечь ли здѣсь у васъ?

— Я не боюсь, милая Маша; а если вамъ страшно, ложитесь здѣсь.

Вѣра Павловна заснула скоро и передъ сномъ подумала, что въ Петербургѣ она даже не подозрѣвала въ себѣ способности фантазировать, мечтать, бродить по ночамъ, любуясь лунымъ свѣтомъ и звѣздами.

„Значитъ, для меня начинается новая жизнь! Жизнь? Какъ это странно и какъ это удивительно!“ — Заснула она, улыбаясь.

Еслибы она дольше осталась въ паркѣ, она увидѣла бы, что послѣ того, какъ огонь погасъ въ окнахъ Рахмарова, Петръ Григорьевичъ вышелъ въ паркъ и долго одинокій бродилъ по его аллеямъ.

Въ одномъ мѣстѣ стѣна парка разрушилась и образовала проходъ. Рахмаровъ, свернувъ съ большой аллеи, пошелъ къ этому проходу и, перешагнувъ его, очутился въ переулкѣ, раздѣлявшемъ стѣну парка отъ небольшого домика въ три окна, съ рѣзнымъ крылечкомъ. Этотъ домикъ отличался отъ другихъ крестьянскихъ хатъ своей желѣзной кровлей и чистотой.

Рахмаровъ, подойдя къ одному изъ оконъ дома, постучалъ въ него. Черезъ нѣсколько времени окно открылось, и изъ него высунулась голова молодой женщины. Лицо ея въ темнотѣ было трудно разсмотрѣть.

— Ну, что еще вамъ? — грубо спросила она. — И ночью заснуть не даютъ. Кажется, все переговорили. Я сказала, что этого не потерплю. Пусть убирается въ свое имѣнье.

— Хорошо, хорошо! Все это будетъ сдѣлано. Но надо же тамъ приготовить все, а на это уйдетъ недѣли три, если не мѣсяцъ... Я объ одномъ еще разъ прошу тебя: не дѣлай ты пока никакого скандала, не болтай въ деревнѣ... Еще разъ прошу тебя! Ты меня Богъ знаетъ до чего доведешь. Вотъ я ужъ всю ночь заснуть не могу.

— Да и я не могу! Сами виноваты! Зачѣмъ сюда тащили! Ну, и расхлебывайте! Говорю вамъ, чтобы духу ея не было здѣсь, а не то скандалъ сдѣлаю!

Женщина захлопнула окно у него подъ носомъ и заперла его на задвижку. Рахмаровъ постоялъ, вздохнулъ и пошелъ обратно къ парку.

VIII.

На другой день Вѣра Павловна проснулась довольно рано и не сразу поняла, гдѣ она. Но золотые лучи солнца, врывавшіеся въ высокія окна ея спальни, деревья, подступавшія къ этимъ окнамъ въ своемъ пестромъ осеннемъ нарядѣ, сказали ей радостную вѣсть, что она не въ своей петербургской квартирѣ, и восторженное чувство охватило ее снова.

Пока она умывалась и пила утренній кофе, изъ сосѣднихъ комнатъ сталъ доноситься гулъ дѣтскихъ голосовъ и топотъ маленькихъ ногъ: очевидно, ребятишки забрались спозаранку, оповѣщенные наканунѣ Рахмаровымъ.

Когда она вошла въ помѣщеніе школы,—большую, высокую комнату съ четырьмя окнами, въ которыя врывался яркій свѣтъ, то увидѣла между скамьями ряды косматыхъ дѣтскихъ головокъ съ бойкими, шаловливыми глазами. Отдѣльно сидѣли дѣвочки въ

цвѣтныхъ платочкахъ. Въ движеніяхъ, съ какими онѣ повернулись въ ея сторону, чувствовалась дѣтская жеманность и застѣнчивость. Она поздоровалась съ ними и спросила:

— Ну, что жъ, хотите учиться?

Дѣти молчали. Она повторила вопросъ, прибавивъ:

— Да вы не бойтесь меня. Я васъ буду любить и стараться, чтобы вамъ было легко всему научиться поскорѣе. Будемъ картинки разсматривать, гулять вмѣстѣ. Я вамъ буду разсказывать сказки и всякія хорошія исторіи. Ну, такъ теперь отвѣтьте: хотите учиться?

Раздалось нѣсколько голосовъ, не особенно смѣлыхъ:

— Хотимъ! Оно что же?.. Отчего не хотѣть? Поучи!

Въ это время вошелъ священникъ въ сопровожденіи Рахмарова. Петръ Григорьевичъ настаивалъ вчера вечеромъ, чтобъ ученье началось молебномъ и чтобы Вѣра Павловна условилась со священникомъ о его урокахъ въ школѣ. Поговоривъ съ батюшкой, котораго звали отцомъ Василіемъ, она осталась имъ довольна: это былъ еще не старый человѣкъ, интеллигентный, сочувствовавшій ея образовательнымъ планамъ, а отъ Рахмарова она уже знала, что онъ много читалъ и бралъ книги изъ его библіотеки.

Послѣ молебна Вѣра Павловна начала свои занятія съ того, что стала показывать дѣтямъ раскрашенныя картинки, изображавшія животныхъ. Ей хотѣлось прежде всего познакомиться съ дѣтьми, ихъ понятіями и знаніями о природѣ, данными деревенскимъ опытомъ. И вотъ, показывая картинки, она задавала имъ множество вопросовъ о животныхъ, о деревенской жизни и т. п. Ее поразила обширность ихъ знаній о природѣ, но всѣ эти знанія имѣли примѣсь фантастическаго элемента.

Черезъ какихъ-нибудь полчаса дѣти такъ освоились съ ней, что бойко отвѣчали на вопросы, а иногда вступали даже въ споръ. Среди нихъ особенно выдавался своей бойкостью одинъ мальчикъ, Сеня. Онъ упорно возражалъ на всѣ ея попытки опровергнуть какое-нибудь ихъ суевѣріе относительно ухода за животными, леченія ихъ и т. п., гдѣ огромную роль игралъ вездѣ домовой. Среди дѣтей она замѣтила мальчика и дѣвочку, выдававшихся своимъ костюмомъ и манерой держать себя. Они были одѣты по-господски; онъ—въ суконномъ пиджачкѣ, а она—въ новомъ фланелевомъ платьицѣ. Оба вели себя очень скромно, даже застѣнчиво. Когда Лядова, къ концу урока, стала записывать имена дѣтей, она спросила этого мальчика:

— А ты чей будешь?

— Я? Я—Марь-Семеновны.

Остальные мальчики засмѣялись, а дѣвочки, пряча свои носы въ кулаки или въ концы головныхъ платковъ, жеманно опустили глазки, нѣкоторыя же захихикали.

Вѣра Павловна подумала, что ребята смѣются надъ формой отвѣта, и сказала:

— Надо знать твою фамилію, то-есть какъ тебя по уличному называютъ.

Но мальчикъ молчалъ, и Вѣра Павловна подумала, что онъ не понимаетъ вопроса. Она обратилась къ другимъ дѣтямъ, и тѣ отвѣчали:

— Да его по-уличному такъ и называютъ по матери—Марь-Семеновны. Вонъ и ту дѣвочку также,—и дѣти указали на дѣвочку въ фланелевомъ платьѣ.—А то зовутъ и бариновы.

— Ну, такъ и запишемъ Бариновы, — сказала Вѣра Павловна, предположивъ, что это ихъ фамилія. Такъ она и записала ихъ Машей и Васей Бариновыми.

Окончивъ запись дѣтей, она предложила имъ прогуляться вмѣстѣ по парку. Когда проходили мимо полуразрушенной каменной бесѣдки, стоявшей на искусственномъ холмикѣ надъ прудомъ, многія дѣти поглядывали на нее съ тревогой, а когда Вѣра Павловна предложила взбѣжать на холмъ, нѣкоторые отказались и испуганно жались другъ къ другу. На вопросъ Лядовой, чего они боятся, отвѣтилъ тотъ же бойкій Сеня, который въ школѣ велъ съ нею споръ:

— Да въ этой бесѣдкѣ по ночамъ огоньки бѣгаютъ, да и барыню тутъ видали, которая утопилась... Тутъ и днемъ ходить нехорошо.

— Да отчего же нехорошо?

— Да ужъ нехорошо. Мало ли что̀ можетъ отъ этого быть?

— Да что̀ же можетъ быть?

— Да мало ли что̀! Можетъ и бѣда какая случиться: пройдешь, а тамъ смотришь, либо оступился и ногу сломалъ, либо обокрадутъ... Все можетъ случиться.

— А развѣ съ кѣмъ-нибудь ужъ случалось?

— Нонѣ не случалось, потому—никто не ходитъ. А въ старину, старики баютъ,—случалось.

Вѣра Павловна попробовала объяснить имъ, что барыня кому-нибудь померещилась, и разсказала, что̀ такое блудящіе огни. Но Сеня опять вступилъ съ ней въ споръ, доказывая, что это—души самоубійцъ или утопленныхъ дѣтей.

Когда спустились отъ бесѣдки къ пруду, онъ хвастливо сказалъ:

— Да я самъ, своими глазами, чертенятъ видѣлъ. И не одинъ я видѣлъ, вотъ мы были съ Петрушкой да съ Ванькой.— Онъ указалъ на двухъ другихъ ребятъ.

— Да гдѣ же вы ихъ видѣли?—спрашивала удивленно Вѣра Павловна.

— На рѣчкѣ видѣли,—увѣренно сказалъ Сенька:—Да я ихъ не разъ видалъ.

— Ну, и что жъ они дѣлали?

— Что? Ничего не дѣлали. Сидятъ на берегу и смотрятъ. Я испужался и крикнулъ: „да воскреснетъ Богъ“! А они—бултыхъ въ воду! А мы давай Богъ ноги, ударились бѣжать. Здорово испужались!

— Ну, и какіе же они?

— Извѣстно, какіе—черные, съ волосами, съ рожками, съ хвостиками.

— Да, можетъ быть, это лягушки были большія?—разспрашивала она, стараясь объяснить себѣ источникъ этого необыкновеннаго разсказа.

— Ну вотъ, сказала! Лягушки?! Нешто мы лягушекъ не знаемъ! Спроси вотъ Петруху, если мнѣ не вѣришь.

— Какія лягушки!—отвѣтилъ Петруха:—настоящіе чертенята. Нешто мы слѣпые были!

Такъ Вѣра Павловна и не поняла, что такое они видѣли.

— А вотъ еще мужики слыхали въ болотѣ на сѣнокосѣ,— заговорила одна осмѣлѣвшая дѣвочка,—какъ подъ землей быкъ реветъ.

На разспросы объ этомъ быкѣ всѣ дѣти увѣряли, что подъ землей дѣйствительно живетъ быкъ, а иногда и реветъ; это казалось имъ до такой степени безспорнымъ и общеизвѣстнымъ, что на вопросъ Вѣры Павловны: „Да чѣмъ же онъ тамъ кормится и чѣмъ дышетъ“,—Сенька сказалъ, не смущаясь:

— Ужъ это его дѣло! Значитъ, находитъ.

Вѣру Павловну такъ заинтересовали разсказы о чертенятахъ и быкѣ, на которые она не знала, что возразить дѣтямъ, что она рѣшилась добиться смысла, скрытаго въ этихъ разсказахъ, разспросивъ кого-нибудь изъ взрослыхъ.

„Лучше всего разспросить женщинъ, — подумала она,—да кстати же я познакомлюсь и съ ихъ матерями“...

Такъ какъ Семенъ былъ самый бойкій изъ дѣтей, то она рѣшила начать знакомство съ его матери, чтобы посмотрѣть,

при какихъ условіяхъ могла возникнуть эта исключительная бойкость и смѣтливость. Когда они обошли прудъ и дошли до деревни, она спросила у Семена:

— А твой дворъ гдѣ?

— А вотъ, на краю деревни. Лядащій нашъ дворъ: тятька все хвораетъ, ему лѣтъ шесть тому назадъ жерновомъ брюхо придавило... Мать одна съ хозяйствомъ управляется, а насъ-то у нея пятеро!.. Всѣ ѣсть хотимъ, — пояснилъ онъ солидно, какъ взрослый.

— Я хочу зайти къ твоей матери, познакомиться,—сказала Вѣра Павловна.—Какъ ее зовутъ?

— Зовутъ Натальей. Что жъ, зайди. Она — ничего, рада будетъ.

Въ избѣ Натальи, ветхой и неказистой снаружи, внутри было очень чисто. На окнахъ висѣли даже кумачныя занавѣски — роскошь совершенно несуществующая у крестьянъ той мѣстности, исключая разбогатѣвшихъ кулаковъ; на полкѣ стоялъ ярко вычищенный самоваръ. Все это удивило Вѣру Павловну, только-что слышавшую отъ Семена, что ихъ дворъ плохой и что мать управляется одна. Наталья ей обрадовалась и не смутилась. Это была еще молодая, бойкая бабенка средняго роста, румяная, подвижная, живая и очень разговорчивая. Она заставила Вѣру Павловну сѣсть въ передній уголъ и непремѣнно желала напоить ее чаемъ, но та рѣшительно отказалась.

— Ну, такъ чѣмъ же мнѣ васъ угощать? Безъ угощенія нельзя. Можетъ, стаканчикъ молочка выкушаете?

— Ничего не нужно, Наталья; лучше поговоримъ. Да вы присядьте,—сказала Вѣра Павловна.—Я вотъ васъ хотѣла спросить о чемъ: вотъ Сеня мнѣ сказалъ, что вашъ мужъ хворый. Трудно вамъ. Какъ вы перебиваетесь?

— Охъ, трудно, трудно, милая барышня, — отвѣтила Наталья, но, къ удивленію Вѣры Павловны, не печальнымъ, а веселымъ голосомъ и даже съ улыбкой.—А какъ перебиваюсь,— Богу извѣстно! Больше городомъ живу.

— Какъ городомъ?

— Да такъ: полотна тку, рубахи шью на базаръ, вожу въ городъ масло, творогъ, холсты тоже вожу... Потому у меня знакомые тамъ есть — торговцы... Ну, и чиновники, приказные, значитъ...

Мало-по-малу Лядова перевела разговоръ на чертенятъ, о которыхъ разсказывалъ Сеня, и спросила:

— И неужели вы во все это вѣрите?

— Да какъ не вѣрить-то, милая барышня, когда столько народу видало! Я знаю, въ городахъ этому мало вѣрятъ, смѣются надъ нами, мужиками. Ну, а вотъ послушайте, что̀ у насъ этой зимой случилось: самъ „дѣдушка“, домовой, значитъ, сѣни вымелъ, да вѣдь какъ! Сидимъ мы это вечеромъ и спать собрались ложиться... А была метель, милая барышня, такая, что свѣту Божьяго не видать: въ трубѣ воетъ, снѣгомъ въ стѣну бьетъ, а то и морозъ такъ трахнетъ, словно изъ пушки... И вотъ, милая барышня, слышимъ мы, что у насъ въ сѣняхъ кто-то возится. Думаю я, кто же это забрался? Сѣни были заперты, даже коломъ я двери подперла съ вечера, чтобы вѣтромъ не сорвало и снѣгу въ сѣни не нанесло. Думаю такъ, соображаю — можетъ, собака какая въ щель пролѣзла. Вышла я въ сѣни съ лампочкой, посмотрѣла: никого нѣтъ; двери заперты. Ну вотъ, дорогая моя барышня, только это я въ избу вернулась и хотѣла огонь тушить, какъ опять слышу—въ сѣняхъ и стучитъ, и скребетъ, и мететъ, и такъ-то тяжело ступаетъ, словно лошадь забралась. Ну, тутъ я смекнула, что дѣло нечисто; скорѣй къ двери, да за скобу ременную возжу привязала, да вокругъ гвоздя ее, да опять сквозь ручку, да опять за гвоздь... А ребята испужались, заревѣли... Только это я успѣла дверь привязать, а „онъ“ и начни ее дергать! Да вѣдь какъ, милая барышня! Ажно вся изба затряслась! Ломится, да и дѣлу конецъ! Вотъ сейчасъ съ петель сорветъ!.. Стою ни жива, ни мертва середь избы да творю крестное знаменіе, а молитву ужъ и выговорить не могу: губы словно оледенѣли, не шевелятся... Ребятенки — кто на печку, кто на палати спрятался, и ни гу-гу, голосу не подаютъ. Возился „онъ“ этта въ сѣняхъ, возился, а потомъ и затихъ... Я до самаго свѣту не спала, а дверь развязала ужъ тогда, какъ сосѣдка Матрена стала къ намъ стучаться: корыто ей нужно было, а свое треснуло. Такъ повѣрите ли, милая барышня, вышла я въ сѣни, а тамъ все выметено, выскребено, убрано... Такъ, вотъ, какъ тутъ не повѣришь-то? Ужъ тутъ не люди сказывали, а сама видѣла.

— Ну, а утромъ-то двери изъ сѣней оказались запертыми, какъ съ вечера?—спросила Вѣра Павловна.

— Заперты, заперты! Какъ были, такъ и остались. Ну, да только это было не къ добру: вскорѣ послѣ этого коровушка у меня пала. Это „онъ“, значитъ, „хозяинъ“, то-исть, вѣсть подавалъ, что бѣда случится. Мы послѣ вспомнили... Вотъ ты и суди сама, какой-такой „хозяинъ“ бываетъ во дворѣ. Мы его хозяиномъ зовемъ. Онъ, милая моя, еще не всякую скотинку потерпитъ во дворѣ: которую полюбитъ, такъ она жирная, ве-

селая, а какую не взлюбитъ,—ну, ей и не жить! Потому мучаетъ онъ ее по ночамъ. Утромъ она вся потная, корму не трогаетъ, исхудаетъ вся. Ну, такую сбывать надо.

Лядова простилась съ ней и звала ее заходить къ себѣ въ гости побесѣдовать.

— Мнѣ одной-то безъ привычки скучно,—сказала она.

— Стерпится—слюбится!—отвѣтила Наталья.—Вотъ и мнѣ сначала съ хворымъ-то мужемъ ужъ такъ-то трудно было, а живу, привыкла!.. Ужъ шесть лѣтъ.

— Да гдѣ жъ онъ у васъ?

— А вонъ на печкѣ лежитъ. Онъ плохо даже шевелиться можетъ. Изсохъ весь. Кормимъ его, какъ малаго ребенка. И говоритъ-то мало, только стонетъ.

Когда Вѣра Павловна возвращалась домой, въ паркѣ ей встрѣтился Рахмаровъ. Онъ былъ печаленъ и смущенъ, но она этого не замѣтила, увлеченная желаніемъ поскорѣй подѣлиться съ нимъ своими новостями и знакомствомъ съ Натальей. Рахмаровъ странно улыбнулся и сказалъ:

— Да, она дѣйствительно живетъ „городомъ“,—это слово онъ подчеркнулъ.—Впрочемъ, нельзя ее и осуждать за это—не умирать же съ голоду съ дѣтьми. Все-же она умница и большая труженица.

— Какъ осуждать? Развѣ она что-нибудь дурное дѣлаетъ?

— Не хочу васъ разочаровывать въ ней: быть можетъ, это бабьи сплетни, но... говорятъ, что въ городѣ она держитъ себя не вполнѣ хорошо. Помните „Хуторокъ“ Кольцова?

— А она мнѣ такъ понравилась! Быть можетъ, нехорошо, что я позвала ее къ себѣ?

— Нѣтъ, ничего. Крестьяне на это сквозь пальцы смотрятъ. Они замѣчательно входятъ въ положеніе каждаго, и къ ней отлично относятся, несмотря на это.

Нѣсколько мгновеній онъ шелъ молча и вдругъ совершенно неожиданно сказалъ:

— А мнѣ нужно серьезно переговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ... Только лучше пойдемте въ комнату.

Она удивилась и быстро направилась къ своей террасѣ. Когда они усѣлись въ ея гостиной, онъ началъ не сразу и смотрѣлъ все время въ полъ.

— Видите ли, въ чемъ дѣло: былъ у меня сегодня становой и говоритъ, что я напрасно открылъ вашу школу у себя въ

имѣніи... Хотя прошлое мое забыто, но однако не совсѣмъ, и какъ бы это не повредило и вамъ, и школѣ.

— Ну, за себя я рѣшительно не боюсь, — сказала Вѣра Павловна. — А какъ же это можетъ повредить школѣ: вѣдь я ничего такого не буду говорить дѣтямъ, что можетъ быть признано нежелательнымъ.

— Конечно, конечно! Но все-же, знаете, было бы покойнѣе, еслибы школу перенести къ вамъ въ усадьбу.

— А мнѣ здѣсь такъ понравилось, и просто жаль оставлять свой уютный уголокъ... Но если вы находите, что это лучше,— рѣшимъ такъ. Но вѣдь тамъ придется сдѣлать поправки. Вы говорили, что домъ обветшалъ.

— Поручите это мнѣ. Я постараюсь устроить все такъ, что и тамъ вамъ будетъ хорошо и уютно.

— Отлично, устроивайте. Только объ этомъ важномъ дѣлѣ вы и хотѣли говорить со мной?

— Нѣтъ... есть и еще одно дѣло... но... впрочемъ... это когда-нибудь въ другой разъ.

— Почему же не теперь?

— Дѣло очень сложное, и о немъ придется говорить много.

— И скоро вы думаете устроить мое новое жилье?—спросила Вѣра Павловна.

— Недѣли двѣ понадобятся.

Лядова заговорила вновь о народныхъ предразсудкахъ, разсказала ему о суевѣріяхъ дѣтей, и Рахмаровъ замѣтилъ по поводу этого, что хотя въ народныхъ предразсудкахъ и много поэзіи, но въ нихъ же для крестьянскаго хозяйства кроется одно изъ крупнѣйшихъ несчастій.

— Вотъ, въ настоящую минуту,—говорилъ онъ,—въ нашей мѣстности сибирская язва. Уже погибла почти треть всего скота. Ветеринары измучились, а сдѣлать ничего не могутъ: у крестьянъ сохранилось языческое повѣрье, что болѣзнь, это—духъ, который ходитъ по дворамъ, а чтобы онъ не вошелъ, нужно закопать въ воротахъ трупъ павшаго животнаго. Всѣ это дѣлаютъ, и, конечно, остальная скотина заражается. На дняхъ въ сосѣдней деревнѣ чуть не вышло бунта, когда ветеринаръ попробовалъ выкапывать эти трупы.

— Господи! Вѣдь это ужасно!—воскликнула Лядова, всплеснувъ руками. — Нельзя ли хоть немножко помочь этой бѣдѣ, начавъ въ школѣ какія-нибудь чтенія для взрослыхъ о скотскихъ болѣзняхъ? У меня съ собой хорошій волшебный фонарь и много картинокъ къ нему по бактеріологіи.

— Очень трудно получить на это разрѣшеніе. А если и разрѣшатъ, то дѣло затянется на годъ, на полтора: до тѣхъ поръ вся скотина перемретъ.

— Зачѣмъ же разрѣшеніе? — наивно спросила Вѣра Павловна. — Развѣ я не могу показывать картины или фонарь моимъ знакомымъ? А вѣдь здѣшніе крестьяне всѣ ваши знакомые.

— Такъ-то оно такъ,—улыбнувшись, отвѣтилъ Рахмаровъ,— но крестьяне—на особомъ положеніи: они не считаются „знакомыми“... Однимъ словомъ, безъ разрѣшенія невозможно.

— Пошлемъ просьбу губернатору, объяснимъ ему все,—говорила Лядова.—Я ему частное письмо напишу. А сами начнемъ, не ожидая отвѣта, чтобы не терять времени. Вѣдь не съѣдятъ же насъ за это!..

— Хорошо, попробуемъ. Если явится становой, я ему постараюсь объяснить—онъ у насъ здѣсь человѣкъ довольно толковый.

Наконецъ, Вѣра Павловна замѣтила, что Рахмаровъ не такъ веселъ теперь, какъ былъ вчера. Онъ безпрестанно о чемъ-то задумывался, какъ будто собирался что-то сказать, но не рѣшался. Когда она безъ всякой задней мысли спросила его, чьи это дѣти, фамилія которыхъ Бариновы,—онъ сильно смутился и отвѣтилъ:

— Это длинная исторія... Я вамъ со временемъ ее разскажу.

Его расположеніе духа подѣйствовало и на нее, такъ что она даже не рѣшилась разсказать ему о своей вчерашней ночной прогулкѣ по парку. Она подумала, что онъ занятъ чѣмъ-то болѣе важнымъ, такъ что ея вчерашнія ночныя фантазіи ему вовсе не интересны. Какъ только подали огонь, онъ собрался уходить, сказавъ на прощанье:

— Такъ завтра съ утра я поѣду въ вашу усадьбу, соображу на мѣстѣ, что нужно будетъ сдѣлать, и распоряжусь, чтобы немедленно начаты были работы.

Это напоминаніе о необходимости переѣзда, о которомъ она успѣла забыть, подѣйствовало на нее болѣзненно. Въ ней зародились какія-то сомнѣнія: „Онъ точно гонитъ меня. И что такое случилось? Какъ онъ раньше этого не предвидѣлъ“?

Она почувствовала себя очень тоскливо и даже не вышла проводить его.

IX.

На другой день Рахмаровъ зашелъ къ ней, какъ только она окончила занятія въ школѣ, чтобы сообщить, что онъ все утро пробылъ въ ея усадьбѣ, и оказалось, что работы тамъ понадобится много. Все пришло въ страшную ветхость — и полы, и рамы, и крыша. Едва ли кончатъ мѣсяца черезъ полтора. Она напомнила ему объ ихъ вчерашнемъ разговорѣ относительно чтеній для крестьянъ, и онъ посовѣтовалъ отправиться съ визитомъ къ женѣ священника и пригласить ее съ дочерьми, а также, конечно, и самого батюшку на свои бесѣды. Ихъ можно назначить на воскресенья послѣ обѣдни.

Дня черезъ два былъ праздникъ, и Вѣра Павловна пошла къ обѣднѣ, а оттуда направилась къ новому, довольно большому деревянному домику священника, стоявшему недалеко отъ церкви.

Вѣрѣ Павловнѣ пришлось довольно долго ждать попадью, сидя въ ея гостиной, куда провела ее грязная и подтыканная баба-кухарка. Гостиная батюшки была убрана съ нѣкоторыми претензіями: тутъ были и диванчики, и пуфы, и сносныя олеографіи на стѣнахъ. Жена его, окончившая курсъ въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, считала себя „свѣтской“ женщиной; она говорила немножко по-французски и учила тому же двухъ дочерей. Она видимо переодѣвалась для пріема гостьи и вышла въ сиреневомъ шолковомъ платьѣ, съ кружевной наколкой на головѣ. Почти одновременно съ нею пришелъ изъ церкви батюшка.

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, краткаго разговора о погодѣ, о деревенской скукѣ и т. п., Вѣра Павловна приступила къ дѣлу.

— Кромѣ желанія познакомиться съ вашей супругой,— сказала она батюшкѣ, — у меня есть и просьба къ вамъ: вы, вѣроятно, не откажетесь посѣтить съ матушкой и съ дочерьми мою школу въ воскресенье послѣ обѣдни.—И она подробно сообщила ему о своемъ планѣ, съ жаромъ приведя тѣ мотивы, которые заставили ее поторопиться съ этимъ дѣломъ, не ожидая разрѣшенія.—Просьба уже послана,—пояснила она.

— Начинаніе доброе, — сказалъ батюшка, хотя Лядова замѣтила, что лицо его выразило сильное безпокойство, да и тонъ сталъ менѣе любезнымъ.—Но буду и я вполнѣ откровененъ съ вами... Конечно, вамъ нужна, насколько я понимаю, моя поддержка въ этомъ дѣлѣ, и я охотно бы оказалъ ее. Но не лучше ли

вамъ не торопиться и подождать разрѣшенія? А если выйдутъ какія-нибудь непріятности?

— Да помилуйте, батюшка! Вѣдь вы же сами будете присутствовать на чтеніяхъ! За что же могутъ выйти непріятности? Вѣдь вы же согласны, что это необходимо устроить какъ можно скорѣе: каждый день промедленія—чистая потеря.

— Готовъ отчасти согласиться съ вами, но вполнѣ согласиться не могу. Правила о чтеніяхъ установлены, и нарушеніе ихъ карается. Такъ я, по крайней мѣрѣ, предполагаю, хотя по новости этого случая точныхъ данныхъ не имѣю.

Онъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ, обдумывая, какъ ему поступить.

— Не могу я согласиться и съ тѣмъ, что съ этимъ дѣломъ надо такъ сильно торопиться: оно точно, что языческія суевѣрія приносятъ много зла, однако, вѣдь это уже тысячи лѣтъ тянется. Мѣсяцемъ раньше или позднѣе вы начнете борьбу — разница невелика.

— Батюшка, я не могу согласиться съ этимъ. Мнѣ представляется такъ: идетъ сраженіе, падаютъ жертвы... допустимъ, что сраженіе тянется года. Но развѣ можно было бы сказать, что все равно, остановится ли сраженіе сейчасъ, или мѣсяцемъ позднѣе?

— Такъ-то оно такъ... Ну, а если вамъ вовсе не разрѣшатъ? А вѣдь это возможно: что-то я не слыхалъ, чтобы въ деревняхъ такія чтенія разрѣшали.

— Я надѣюсь на то, что губернаторъ здѣсь—мой дядя.

— Ну-съ, это нѣсколько измѣняетъ положеніе... И все-же, многоуважаемая Вѣра Павловна, самъ я не рѣшусь посѣтить вашихъ занятій. Господь знаетъ, какъ на это посмотрятъ сверху. Попадья пусть, если хочетъ, идетъ съ дочерьми, а я пока воздержусь.

— Батюшкѣ не слѣдуетъ идти, — сказала попадья,—и вы его ужъ лучше не зовите, не соблазняйте! — Она усиливалась любезно улыбнуться.—Что дѣлать! Надо быть осторожными въ нашемъ званіи. Злыхъ людей и недоброжелателей всегда много... А мы хотя люди и не старые, а семейка у насъ порядочная.

На прощанье она звала къ себѣ Вѣру Павловну приходить запросто и сама обѣщалась бывать у нея.

Въ первое же воскресенье послѣ обѣдни классная комната въ школѣ была биткомъ набита дѣтьми и взрослыми крестьянами. Пришла и матушка съ двумя старшими дочерьми, подростками

лѣтъ двѣнадцати и четырнадцати. Для нихъ впереди оставлены были стулья.

Чтенія мы описывать не будемъ. Скажемъ только, что Вѣра Павловна старалась говорить какъ можно проще и понятнѣе. Но ея объясненія относительно микробовъ и бактерій, хотя и сопровождались туманными картинами, не встрѣтили, повидимому, довѣрія со стороны крестьянъ. Ужъ очень было непривычное дѣло, и толпа разошлась въ смутномъ, недоумѣвающемъ настроеніи...

А дня черезъ три, какъ бы случайно и по другому дѣлу, заѣхалъ становой и, между прочимъ, сказалъ:

— Ахъ, кстати, Петръ Григорьевичъ: до свѣдѣнія моего дошло, что Вѣра Павловна Лядова, проживающая въ вашей усадьбѣ, объясняла въ воскресенье крестьянамъ причины сибирской язвы... Очень я этому посочувствовалъ! Превосходное дѣло! Еслибы имъ все это хорошенько растолковать, отъ скольких хлопотъ и непріятностей были бы и мы избавлены! Вѣдь вы, конечно, слышали, что на дняхъ въ Макарьевкѣ чуть бунтъ не вышелъ... Только, по обязанностямъ службы, считаю нужнымъ освѣдомиться, когда послѣдовало разрѣшеніе на эти чтенія и отъ кого именно?

Рахмаровъ объяснилъ ему, что разрѣшенія еще нѣтъ, но что просьба уже послана губернатору, и что губернаторъ—дядя Вѣры Павловны, а потому никакихъ непріятностей ни ей, ни становому быть, конечно, не можетъ.

Становой нерѣшительно пробормоталъ:

— Буду смотрѣть сквозь пальцы! Ужъ дѣло-то очень полезное. А все-же лучше бы подождать: вѣдь при протекціи г-жи Лядовой разрѣшеніе, вѣроятно, пришло бы скоро.

Послѣ этого онъ уѣхалъ.

Однако, со времени отправки Лядовой прошенія къ губернатору прошло болѣе мѣсяца, а отвѣта не получалось. Вѣра Павловна отправила письмо женѣ губернатора, которая ее очень любила, но и отъ той не было отвѣта. Все это раздражало Лядову, которая не привыкла, чтобы ей въ чемъ-нибудь отказывали, а тѣмъ болѣе не отвѣчали на ея письма: съ ранняго дѣтства, и отецъ, и петербургскіе знакомые, въ числѣ которыхъ было не мало людей, занимающихъ высокое положеніе, считали пріятной обязанностью—исполнять ея желанія.

Тревожило ее и то, что отъ фребелички не было отвѣта на письма, въ которыхъ Вѣра Павловна просила ее пріѣхать...

Рахмаровъ каждый день уѣзжалъ въ ея усадьбу, торопя ра-

бочихъ. Но дѣло затянулось: пришлось перемащивать полы, сдѣлать новую крышу, заказать въ городѣ нѣсколько новыхъ рамъ, и работа, казалось, никогда не кончится.

А между тѣмъ Вѣра Павловна замѣчала, что онъ съ каждымъ днемъ становится задумчивѣе и тревожнѣе, не слышитъ иногда ея вопросовъ и отвѣчаетъ на нихъ невпопадъ. Вначалѣ они обѣдали вмѣстѣ, но въ послѣдніе дни онъ находилъ какія-нибудь причины отказываться. Вечерами, когда они сходились для обсужденія воскресныхъ чтеній и другихъ вопросовъ, касающихся школы, онъ сталъ не всегда являться, а если и приходилъ, то на нѣсколько минутъ, и постоянно торопился. Благодаря этому, изъ ея жизни было вычеркнуто то радостное сознаніе дружбы съ нимъ, которое дѣлало ея пребываніе въ усадьбѣ теплѣе и уютнѣе. Она почувствовала себя болѣе одинокой и чужой здѣсь, чѣмъ въ первые дни. Все чаще и чаще ей стало приходить на мысль, что еслибы пріѣхала фребеличка или Роговъ, это чувство одиночества исчезло бы. О пріѣздѣ Рогова она стала задумываться все чаще и чаще: онъ произвелъ на нее самое хорошее впечатлѣніе. Подъ его грубоватой простотой и рѣзкостью ей чуялось нѣжное сердце, застѣнчивость, доброта, и всѣ эти качества говорили ей, что въ немъ она можетъ найти самаго преданнаго друга. Но о немъ не было никакого слуха...

Наступившіе дожди и слякоть отняли возможность гулять съ дѣтьми и заходить въ деревню къ Натальѣ и другимъ бабамъ, съ которыми она познакомилась. Это еще усилило чувство тоскливаго, жуткаго одиночества.

Однажды вечеромъ, когда она только-что отпустила дѣтей послѣ урока пѣнія, — къ ней пришелъ Рахмаровъ и принесъ письма, полученныя съ земской почтой: еще не разрывая конверта, она по почерку узнала, что письмо было отъ фребелички. Съ радостнымъ нетерпѣніемъ она быстро разорвала конвертъ, проговоривъ:

— Ну, если пишетъ, значитъ, скоро пріѣдетъ.

— Такъ какъ это письмо обѣщаетъ радость, то подождите его читать, а сначала выслушайте кое-что печальное... Впрочемъ, не пугайтесь заранѣе: я увѣренъ, что это не важно; временная отсрочка, необходимая въ виду нѣкоторыхъ формальностей.

— Что такое? Намъ не разрѣшили чтеній?! — воскликнула Лядова.

— Ну, вотъ, какъ вы взволновались! А помните, что говорили раньше? Вѣдь этого надо было ожидать. Впрочемъ, дѣло не такъ печально, какъ вы подумали: видите ли, мнѣ пишетъ

исправникъ... очень мягко, очень любезно... Да, впрочемъ, я лучше прочту вамъ.

Раскрывъ письмо, написанное на большомъ листѣ бумаги, онъ сталъ читать:

„До свѣдѣнія моего дошло, что Вѣра Павловна Лядова устроила въ вашемъ имѣніи воскресныя чтенія для крестьянъ. Сочувствуя этому прекрасному и симпатичному дѣлу, такъ какъ самъ состою предсѣдателемъ мѣстнаго попечительства о народной трезвости, я тѣмъ не менѣе имѣю честь просить васъ указать многоуважаемой г-жѣ Лядовой нижеслѣдующія постановленія закона“...

— Ну, дальше идутъ эти постановленія, а въ концѣ покорнѣйшая просьба: „временно подождать съ чтеніями впредь до разрѣшенія ихъ въ установленномъ порядкѣ“.

— Я этому не подчинюсь! — вскрикнула Вѣра Павловна, быстро вставая: — Изъ-за трусости исправника крестьянскій скотъ будетъ гибнуть!... Не возражайте мнѣ, — это дико, и я слушать не хочу! Буду продолжать чтенія: вѣдь не повѣситъ же меня за нихъ... Посмотримъ, что пишетъ Маня.

Пробѣжавъ письмо фребелички, Лядова нервно засмѣялась и крикнула: —Значитъ, судьба меня бьетъ въ два кнута! —И Вѣра Павловна прочла вслухъ: „Я пришла къ убѣжденію, что работа въ деревнѣ и для деревни есть пустая трата времени. Необходимо работать для городскихъ тружениковъ... Совѣтую и тебѣ образумиться“...—И какимъ это написано тономъ! „Образумиться“! Какъ будто я дѣлаю какое-то преступленіе, работая здѣсь! Боже мой! да что же это такое?

Рахмаровъ молчалъ, не зная, чѣмъ ее утѣшить. Только черезъ нѣсколько секундъ онъ нашелся:

— Я завтра поѣду къ Севрюгину, и если не встрѣчу тамъ дочери Лопатина, то попрошу его поскорѣе устроить мнѣ свиданіе съ нею. Я увѣренъ, что вы найдете въ ней и хорошую помощницу и, быть можетъ, друга... Я вполнѣ понимаю ваше горе: вы здѣсь ужасно одиноки... Даже и я въ послѣднее время бываю у васъ рѣже.

— Кстати, вы сами объ этомъ заговорили: что это значитъ? У васъ какое-то горе? Вы сильно измѣнились. Отчего вы не разскажете мнѣ? Вѣдь горе легче, когда имъ подѣлишься съ друзьями... А я, надѣюсь, могу считать васъ своимъ другомъ?

— Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ! — прочувствованно отвѣтилъ Рахмаровъ.—Но... бываютъ въ жизни такія положенія,

что ничто, никакое участіе помочь не въ силахъ... О нихъ лучше не говорить, чтобы не было еще тяжелѣе...

Онъ такъ былъ взволнованъ, что просидѣлъ молча нѣсколько минутъ, а затѣмъ сталъ прощаться и, уходя, сказалъ:

— Прошу васъ объ одномъ: вѣрьте, что во мнѣ у васъ самый преданный братъ... больше чѣмъ братъ... Я на дняхъ вамъ все разскажу.

Ее поразилъ его странный тонъ. Ей даже показалось, когда она подавала ему руку, что отъ него пахнетъ виномъ, и что вообще онъ какъ-то неестественно держалъ себя. Ее даже испугалъ его странный, прерывающійся голосъ, выраженіе глазъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ нѣжностью, было и еще что-то тревожащее, возбудившее въ ней жуткость.

Эту ночь она почти не спала, думая о Рахмаровѣ и о фребеличкѣ. Когда она засыпала на нѣсколько мгновеній, они являлись оба въ ея сновидѣніяхъ; она просыпалась и опять думала, думала безъ конца.

Встала она совсѣмъ больная. Глаза ввалились, окаймленные темными кругами. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась усталость и разбитость.

X.

Въ этотъ день Вѣра Павловна вышла въ школу позднѣе обыкновеннаго. На минуту зашелъ Рахмаровъ сообщить, что онъ ѣдетъ къ Севрюгину, чтобы тамъ встрѣтиться съ Софьей Лопатиной и потолковать съ нею о помощи Вѣрѣ Павловнѣ.

Во время занятій съ дѣтьми, Лядова замѣтила, что въ школѣ не было брата и сестры Бариновыхъ.

— Что съ ними? Не заболѣли ли они?—спрашивала она у дѣтей.

— Нѣтъ, мы ихъ утромъ видѣли, — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Смутное предчувствіе шевельнулось въ сердцѣ Лядовой, но она объяснила это себѣ тѣмъ, что послѣ безсонной ночи нервы ея были не въ порядкѣ.

Русскій народъ недаромъ сдѣлалъ наблюденіе, которое выразилъ поговоркой: „Пришла бѣда — отворяй ворота“. Наша русская жизнь странно сложилась: бѣду приходится ждать постоянно и притомъ совершенно не зная, откуда она придетъ и за что постигнетъ. И если эта жизнь даетъ иногда передышку, т.-е. нѣкоторый спокойный промежутокъ, то можно навѣрное

предсказать, что послѣ него придетъ не одна, а уже нѣсколько бѣдъ, потому что онѣ заранѣе успѣли накопиться въ минуту затишья.

Такъ было и съ Вѣрой Павловной. Послѣ занятій въ школѣ она воспользовалась моментомъ, когда дождь пересталъ идти и небо стало не такъ хмуро и мрачно, какъ въ предъидущіе дни: закутавшись въ теплый платокъ, она пошла въ паркъ. Теперь онъ былъ почти безъ листьевъ. Въ вѣтвяхъ мокрыхъ деревьевъ шумѣлъ вѣтеръ, налетавшій порывами и сгибавшій обнаженныя вершины. Природа навѣвала неопредѣленную тоску, но Лядовой нравился этотъ тревожный шумъ вѣтвей, этотъ порывистый вѣтеръ, проносившійся въ вершинахъ... Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по большой аллеѣ, она услышала слѣва, въ кустахъ, дѣтскіе голоса и топотъ дѣтскихъ ногъ: то были дѣти Бариновы; они шли по дорожкѣ отъ каменной ограды парка къ большому дому. Лядова замѣтила въ первый разъ въ этой оградѣ проломъ, черезъ который дѣти могли проникнуть въ паркъ...

Она обрадовалась, предположивъ, что они идутъ къ ней объяснить причину, почему не были въ школѣ.

— Здравствуйте, милые!—крикнула она имъ издали.—Ну, бѣгите ко мнѣ, не бойтесь!

Но дѣти остановились, испуганно переглядываясь другъ съ другомъ.

— Да чего же вы боитесь?—ласково спрашивала Лядова, направляясь къ нимъ. — Я не сержусь, что не пришли. Васъ что-нибудь задержало?

Но вмѣсто отвѣта дѣти бросились бѣжать назадъ къ оградѣ. Они такъ торопились, что мальчикъ поскользнулся, упалъ, снова поднялся съ громкимъ плачемъ, и оба исчезли въ проломѣ стѣны.

„Что это значитъ?—думала Лядова, прислушиваясь къ быстрому топоту дѣтскихъ ножекъ и къ плачу мальчика:—И куда они шли, если не ко мнѣ? Зачѣмъ они очутились въ паркѣ“?

Въ первый разъ у нея мелькнуло смутное подозрѣніе относительно этихъ дѣтей. Ей вдругъ сразу припомнились загадочныя слова и смѣхъ всѣхъ остальныхъ ребятишекъ въ день открытія школы; припомнилось и смущенье Рахмарова, собиравшагося нѣсколько разъ о чемъ-то разсказать ей; ей теперь показалось подозрительнымъ и ихъ прозвище—Бариновы.

Вихрь тревожныхъ мыслей, закружившійся смутно въ ея душѣ, утомленной сегодняшней безсонницей, отозвался почти физической болью въ мозгу. Добравшись до своей любимой бесѣдки

надъ прудомъ, она сѣла на скамейку и стала думать. „Да, это, вѣроятно, его дѣти... Ну, что жъ? Не могъ же онъ оставаться совсѣмъ одинокимъ?... Но отчего же онъ не сказалъ мнѣ?.. И отчего дѣти перестали ходить въ школу? Отчего они стали бояться меня“?

И вдругъ она припомнила, что Бариновы съ самаго начала относились къ ней странно, не такъ, какъ другія дѣти: они смотрѣли на нее „букаи“, и никакими ласками ей не удавалось расположить ихъ къ себѣ.

Грусть и ожиданіе чего-то непріятнаго все болѣе овладѣвали ея душой, и она медленно вернулась въ свой флигель.

Петербургская горничная, замѣтивъ съ утра, что барышня „сама не своя“, была очень удивлена тому, что, вернувшись съ прогулки, Вѣра Павловна усѣлась въ креслѣ, да такъ и пробыла безъ всякаго дѣла, уставившись глазами въ одну точку. Бездѣлье и такая задумчивость были настолько необычайны для Вѣры Павловны, что горничная встревожилась за нее, нѣсколько разъ входила подъ разными предлогами въ ея комнату и, наконецъ, рѣшилась заговорить.

— Барышня,—сказала она тихо, останавливаясь передъ нею.

— Что тебѣ, Маша?—встрепенулась та.

— Давно я хотѣла вамъ сказать, да только осмѣлиться не могла....

— Что такое?—спросила Лядова, заранѣе пугаясь.

— Да вы не извольте тревожиться, ничего особеннаго нѣтъ... а дворня болтаетъ... вы только не извольте сердиться на меня...

— Какое мнѣ дѣло, что болтаетъ дворня! Вы знаете, Маша, я не люблю, когда вы мнѣ передаете сплетни.

— Какъ вамъ угодно... а только мнѣ за васъ боязно...

— За меня?! И даже боязно?! Да вы не съ ума ли сошли, Маша?

— Нѣтъ, милая барышня. Да ужъ хотите—сердитесь, хотите — прогоните, а я все разскажу: у господина Рахмарова здѣсь есть „особа“ и дѣти отъ нея.

— Довольно, Маша! Какое мнѣ дѣло, у кого и какія бываютъ особы! Оставьте меня въ покоѣ!

— Нѣтъ, позвольте, барышня: это до васъ очень даже касается, потому, сказываютъ, она страсть злющая и ревнивая, и его теперь дни и ночи пилитъ, что школу устроилъ и много на васъ денегъ тратитъ, а ей мало даетъ... Да она еще и не то брешетъ, только говорить-то вамъ не хочется.

Вѣра Павловна почувствовала, что кровь горячей волною

хлынула въ ея голову, а затѣмъ отлила къ сердцу. Этого она менѣе всего ожидала. И, точно стараясь защитить себя совершенно автоматически отъ ужасныхъ словъ, переданныхъ Машей, она совершенно безсознательно закричала, махая руками:

— Довольно, довольно, уходите, замолчите!

Маша вышла, испуганная ея криками и блѣдностью. Она долго стояла за дверью, притаившись и ожидая, не понадобится ли ея помощь барышнѣ. Но въ комнатѣ было тихо: ни шороха, ни вздоха. Такъ прошло минутъ десять. Вдругъ Вѣра Павловна крикнула:

— Маша! Дайте мнѣ пальто и ботики.

Одѣвшись торопливо, Лядова быстро пошла въ паркъ.

„Куда это она торопится такъ?—думала Маша.—И лица на ней нѣтъ! Неужели жъ къ этой самой особѣ? Охъ, Господи Боже мой, напрасно я ей сказала! Что-то теперь будетъ"!

Но Вѣра Павловна шла не къ „этой особѣ", а въ деревню къ Натальѣ. „Если правда то, что̀ ей сказала Маша, то въ деревнѣ должны знать, какія сплетни распускаются о ней. Конечно, она ничего не спроситъ у Натальи прямо, но по ея тону, по отдѣльнымъ фразамъ она увидитъ, ходятъ ли въ деревнѣ сплетни о ней, а главное—какъ къ нимъ относятся крестьяне.

Мысль, что они могутъ думать о ней дурно, могутъ даже презирать ее, сверлила ея мозгъ. Все остальное она перенесла бы, все остальное отодвинулось на задній планъ въ ея душѣ, но отъ этой мысли сердце ея разрывалось.

Скользя, увязая въ грязи, чуть не падая, она кое-какъ добралась до избы Натальи и съ остановившимся дыханіемъ отворила дверь.

Наталья сидѣла на лавкѣ съ большимъ деревяннымъ гребнемъ въ рукѣ, какимъ расчесываютъ кудель. Этимъ гребнемъ она разбирала волосы у Сеньки, который, протянувшись на лавкѣ, положилъ голову къ ней на колѣни.

— Ахъ, это вы, милая барышня! — заговорила Наталья, быстро вставая.—А я вотъ тутъ съ ребятами... мыла ихъ нынче въ печкѣ—ужъ очень запаршивѣли... Чайку, милая барышня, не выкушаете ли? Я живо самоварчикъ поставлю.

Вѣра Павловна напрягала слухъ, чтобы уловить въ ея тонѣ тотъ оттѣнокъ неуваженія, котораго она ожидала, но ничего особеннаго не замѣтила.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она:—я поговорить пришла. Давно не видала васъ. Недѣли двѣ.

Лядова усѣлась на лавку и стала разспрашивать о деревенскихъ новостяхъ. Наталья знала всю „подноготную“ не только въ своей деревнѣ, но и у сосѣдей. Она сообщила, между прочимъ, что въ Смирново пріѣхалъ новый докторъ и что его хвалятъ: ласковый такой, каждаго разспроситъ, ко всякому идетъ.

— Давно онъ пріѣхалъ? — радостно спросила Вѣра Павловна.

Вѣдь Роговъ былъ теперь для нея самымъ необходимымъ человѣкомъ. Только ему можно было разсказать все и посовѣтоваться, какъ поступить.

— Давно ли пріѣхалъ-то? Да, небось, недѣли двѣ будетъ,— сказала Наталья.

— Не ошибаешься ли ты? Сюда назначенъ нашъ знакомый докторъ, и онъ, конечно, прежде всего пріѣхалъ бы къ Петру Григорьевичу.

— Ну, вотъ, милая барышня! Стану я зря говорить! Около Покрова я въ городѣ была и на почтовую станцію заходила, потому смотритель Иванъ Дмитричъ—человѣкъ знакомый и покупаетъ тоже кое-что у меня. Вотъ онъ и говоритъ: „А къ вамъ по сосѣдству, говоритъ, въ Смирново, новый докторъ вчера поѣхалъ“. Ну, а теперь сочти, милая, сколько отъ Покрова прошло.

Вѣра Павловна была такъ разстроена, что ее теперь все пугало и тревожило. Встревожила и эта новость. „Двѣ недѣли, какъ пріѣхалъ,—думала она.—Живетъ въ двухъ верстахъ, а у насъ не былъ до сихъ поръ. Что бы это значило“?

Послѣдовало молчаніе, и, не зная, чѣмъ занять гостью, Наталья опять стала просить ее откушать чайку. На новый отказъ баба заговорила:

— Да и что жъ это я, правда, дура деревенская, хочу васъ своимъ чаемъ удивить! Нешто вы чаю не видали! Ужъ и живете же вы, милая барышня, какъ у Христа за пазушкой! И чаи, и кофеи, и кушанье всякое съ господскаго стола! И платья у васъ какія!.. Вотъ только злые люди порчи бы на васъ не пустили!

— Какая порча?.. Какіе злые люди?!—воскликнула Лядова.

— А вы не знаете, какая порча бываетъ? — смѣясь, отвѣтила Наталья.—Всякая порча бываетъ: и по вѣтру пускаютъ, и такъ, заговоромъ, ежели какой человѣкъ имѣетъ на другого злобу... ну, и напускаетъ на него порчу—болѣзнь али тоску-присуху.

Вѣра Павловна готова была крикнуть Натальѣ, какъ она

крикнула горничной, чтобы та замолчала, но сдѣлала надъ собою усиліе и удержалась. Она перевела разговоръ на какую-то другую тему, и черезъ нѣсколько минутъ ушла.

„Сейчасъ же, сейчасъ бѣжать отсюда!—раздавалось въ ея душѣ.—Сейчасъ же, безъ всякихъ объясненій съ Рахмаровымъ! Какъ она будетъ объясняться съ нимъ о такихъ вещахъ! И къ чему поведетъ такое объясненіе! Вѣдь оставаться ей здѣсь все равно нельзя".

На плотинѣ ей встрѣтилось нѣсколько ребятишекъ и крестьянъ, и ей страшно было взглянуть имъ въ глаза: ей казалось, что она прочтетъ тамъ ужасную мысль о себѣ, которая жгла ей мозгъ. Негодованіе противъ Петра Григорьевича за то, что онъ не предупредилъ ее и поставилъ въ такое положеніе, было безгранично.

Когда она дошла до парка и подходила къ той легендарной бесѣдкѣ, гдѣ видали тѣнь утонувшей страдалицы, она почувствовала, что не въ силахъ идти дальше: ноги ея подкашивались, сердце такъ билось, что трудно было дышать. Едва-едва, держась за колеблющіяся перила лѣсенки, которая вела по холмику къ вершинѣ, гдѣ помѣщалась бесѣдка, Лядова добралась до нея и почти упала на скамью. Ей казалось, что грудь ея разорвется отъ боли. Сперва она не чувствовала ничего, кромѣ этой, почти физической тяжести: это было такое отчаяніе, которое еще не успѣло вылиться ни въ какія опредѣленныя формы. Она понимала только, что все погибло и все разрушено, на что она надѣялась. Но, вотъ, грудь стала дышать свободнѣе, и вдругъ полились слезы. Прижавъ платокъ къ лицу, она тихо рыдала, прислонившись головой къ одной изъ колоннъ бесѣдки... Мало-помалу явились и болѣе опредѣленныя мысли: она думала, что впереди нѣтъ для нея ничего, что жизнь ея кончена. Изъ Петербурга она бѣжала, потому что не могла жить тамъ. Вернуться туда... зачѣмъ? Перебраться сейчасъ къ себѣ въ усадьбу и начать новый опытъ тамъ? Одной? Она чувствовала, что это невозможно. Она поняла въ первый разъ, что мечты ея о работѣ здѣсь безсознательно переплетались съ смутными, неясными ожиданіями еще чего-то, какого-то иного счастья, котораго въ послѣдніе годы стало жаждать ея сердце, когда внѣшнія условія съузили ея общественную работу, поглощавшую прежде всѣ ея силы, всю ея душу.

Когда она сдѣлала въ себѣ это открытіе, оно возмутило въ ней уснувшую гордость и чувство человѣческаго достоинства. Оно отрезвило ее. Вѣра Павловна выпрямилась, гордо подняла голову,

какъ будто передъ нею стоялъ кто-то, кто могъ читать ея унижающія мысли, ея паденіе.

„Довольно! До чего я дошла наконецъ!—почти прошептала она. — Ну, не будетъ личнаго счастья, и пусть не будетъ! И прекрасно! Буду жить надеждой на другое, общее счастье... Вѣдь жила же! И хорошо тогда было! Да, буду жить этой надеждой... надеждой“... И она снова заплакала, теперь уже безъ рыданій. Но эти слезы были мучительнѣе первыхъ: ей казалось, что она хоронила себя и плакала надъ собою.

Мало-по-малу слезы все-же облегчили ее. Осталась только тупая боль въ сердцѣ, но эта боль не мѣшала обдумать свое положеніе болѣе покойно. Оставаться здѣсь, конечно, нельзя. Даже перевести школу къ себѣ нельзя: Рахмаровъ будетъ жить такъ близко, что встрѣчи будутъ неизбѣжны и сплетни не исчезнутъ. Да и не хочетъ она теперь видѣть его: въ ней все закипаетъ при мысли, какъ онъ ужасно поступилъ съ нею...

И вдругъ рядъ воспоминаній охватилъ ее. Въ воображеніи выплыли день за днемъ, минута за минутой, малѣйшія впечатлѣнія, пережитыя здѣсь: ея пріѣздъ, встрѣча на станціи, заботливость Рахмарова, поразившая ее, та ночь, когда она одна бродила въ паркѣ, и еще нѣсколько дней, полныхъ счастья, неопредѣленныхъ надеждъ и ожиданія... Но, вотъ, среди этихъ воспоминаній выплыло и то, что Рахмаровъ нѣсколько разъ собирался разсказать ей что-то о своей неудавшейся жизни, о какомъ-то большомъ несчастьѣ, тяготѣвшемъ надъ нимъ. „Я сама виновата, что не разспросила его тогда! Я виновата даже вдвойнѣ: вѣдь онъ долженъ былъ невыносимо страдать, онъ хотѣлъ подѣлиться со мной своимъ горемъ, быть можетъ, выслушать мой совѣтъ, а я отнеслась къ его словамъ равнодушно и не заставила его высказаться до конца“...

Однимъ словомъ, эти размышленія кончились тѣмъ, что Рахмаровъ былъ не только оправданъ, но явились огромное сочувствіе и жалость къ нему. Въ концѣ концовъ мысль о томъ, какъ онъ долженъ былъ страдать отъ „этой особы“, вытѣснила изъ ея сердца даже личное горе. Она мало-по-малу перестала думать о себѣ, стараясь отыскать, какъ бы помочь Рахмарову...

Увидѣла она его только вечеромъ, когда сидѣла при лампѣ за работой въ своей комнатѣ, а Рахмаровъ вошелъ очень веселый и сейчасъ же началъ говорить:

— А я съ радостью къ вамъ, и даже съ двумя. Во-первыхъ, съ Лопатиной встрѣтился: чудесная, оригинальная дѣвушка! Немножко у нея странные взгляды, но она очень развитая и

милая. Завтра она пріѣдетъ къ вамъ, и, я увѣренъ, вы сойдетесь. А другая радость: пріѣхалъ Роговъ и, представьте, уже около двухъ недѣль тому назадъ.

— Я уже слышала объ этомъ въ деревнѣ,—сказала Лядова,— и, признаюсь, встревожена тѣмъ, что онъ къ намъ не показывается. Что бы это могло значить?

— Не тревожьтесь: вѣроятно, у него страшно много дѣла. Онъ еще не былъ даже у Лопатиныхъ, а Лопатинъ вѣдь его начальство. Конечно, на дняхъ мы его увидимъ.

— Дай-то Богъ! — сказала Вѣра Павловна. — А то я ужъ немножко унывать начала: Маня измѣнила мнѣ, а тутъ слышу— Роговъ пріѣхалъ двѣ недѣли и не является. Невольно подумалось: „ужъ и онъ не измѣнился ли“?

— Не нужно, не нужно рисовать себѣ мрачныхъ картинъ. А знаете ли, вѣдь и у меня есть сегодня маленькая радость. Можно подѣлиться ею съ вами?

— Ну, вотъ, какой вопросъ! Развѣ мы не друзья?

— Я получилъ отъ дочери, изъ Швейцаріи, письмо и ея фотографію...

Рахмаровъ вынулъ изъ бокового кармана кабинетный портретъ и подалъ его Лядовой. Она увидѣла дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, съ умнымъ, не по-дѣтски задумчивымъ лицомъ.

— Не правда ли, какая прелесть? — спрашивалъ онъ.—А еслибъ вы знали, какъ она пишетъ! У нея совсѣмъ литературный языкъ! Можно мнѣ прочесть вамъ нѣсколько строкъ?

— Ради Бога, пожалуйста!

— Ну, вотъ, хотя бы это мѣстечко: „Милый папка, я хочу, чтобъ моя карточка стояла у тебя на письменномъ столѣ. Тогда она будетъ всегда у тебя передъ глазами: слышишь? Исполни это непремѣнно. Вѣдь знаешь что: когда я смотрю на твою карточку, я люблю тебя такъ, какъ будто ты около меня. И ты долженъ тоже... Я даже иногда съ тобой разговариваю. Если у меня есть какое-нибудь горе, я тебѣ разсказываю, и мнѣ кажется, что ты ласково на меня смотришь и такъ жалѣешь меня. Еще скажу, — только ты не смѣйся, — иногда я тебя крѣпко, крѣпко цѣлую“...

— Но это ужасно! — сказала Вѣра Павловна. — Вѣдь она должна вѣчно жить воображеніемъ! Это не можетъ повредить ей?

— Я думалъ объ этомъ, — отвѣтилъ онъ, сразу опечаленный.—Я даже не разъ думалъ прекратить переписку съ ней, чтобы она забыла меня и привязалась къ тому, кто близокъ къ ея матери... Но поймите, развѣ я въ силахъ былъ это сдѣлать?

Оторвать ее отъ своего сердца, оттолкнуть ее съ ея наивной дѣтской любовью?..—Голосъ его дрогнулъ.—Но теперь, кажется, сама судьба хочетъ, чтобъ это измѣнилось: у меня нѣтъ больше средствъ содержать ихъ не только за границей, но и въ Петербургѣ или въ Москвѣ; имъ, вѣроятно, придется вернуться сюда.

— Какъ?! Вернуться сюда?! — невольно вырвалось у Лядовой. —Но вамъ будетъ страшно тяжело!..

У Лядовой готовъ былъ сорваться вопросъ: „Ну, а какъ же эта особа? Другая?“—Но она, конечно, не спросила, а Рахмаровъ отвѣтилъ:

— Тяжело не будетъ. Вѣдь мы уже болѣе десяти лѣтъ—чужіе. Такъ и останемся чужими. Будемъ только жить рядомъ, какъ сосѣди... Ну, а еслибы и было иногда тяжело, то вѣдь дѣвочка моя будетъ близко, я буду видѣть ее каждый день, буду учить ее, буду говорить съ ней.

Лицо его было такъ необычно радостно, что у Вѣры Павловны явилась мысль: „Или онъ снова легкомысленно не обдумалъ всѣхъ подробностей того, что можетъ случиться послѣ пріѣзда жены и дочери, или же онъ рѣшилъ какъ-нибудь раздѣлаться съ той особой... недаромъ же онъ сказалъ, что у него теперь нѣтъ средствъ содержать жену за границей. Не хочетъ ли онъ откупиться отъ этой отвратительной женщины?“—Ей захотѣлось какъ-нибудь, обходомъ, разузнать у него объ этомъ.

— У меня есть къ вамъ тоже очень большое дѣло,—заговорила она:—Я давно думала, но не рѣшалась предложить, боясь, что вы огорчитесь... Во-первыхъ, всѣ расходы по школѣ я беру на себя. Сегодня я рѣшила это окончательно, и если вы будете возражать, я вернусь въ Петербургъ. Но это не все: мнѣ не слѣдуетъ оставаться у васъ. Это—второе. И вотъ, я рѣшила немедленно перебраться въ свою усадьбу. Пусть оканчиваютъ ея передѣлку при мнѣ. У меня есть очень вѣскія причины поступить такъ, но объяснить ихъ вамъ я не могу.

Эти слова произвели на Рахмарова неожиданное дѣйствіе: онъ поблѣднѣлъ и съ минуту смотрѣлъ на нее вопросительнымъ, смущеннымъ взглядомъ, а затѣмъ опустилъ глаза. Онъ все понялъ. Смущеніе его было такъ сильно, оно такъ не шло къ его гигантской фигурѣ и львиной головѣ, что ей стало еще болѣе жаль его. Наконецъ, онъ поднялся и сказалъ:

— Я прошу васъ подождать съ окончательнымъ рѣшеніемъ нѣсколько дней... У меня есть планъ, благодаря которому здѣсь, вѣроятно, все измѣнится... Переѣзжать вамъ сейчасъ въ вашу усадьбу рѣшительно невозможно: тамъ все разрушено... Сейчасъ

я не могу говорить вамъ ничего о подробностяхъ моего плана. Многое нужно еще обдумать. Пріѣздъ жены входитъ также въ этотъ планъ... Позвольте мнѣ сейчасъ уйти... и простите меня,— онъ схватилъ ея руку и крѣпко сжалъ,—простите, что я... невольно причинилъ вамъ... столько безпокойства... Я очень несчастенъ!.. Потомъ разскажу все. Сейчасъ—не въ силахъ.

Онъ повернулся и быстро вышелъ, а въ ея душѣ вновь воскресла какая-то смутная надежда.

XI.

На другой день Вѣра Павловна ждала съ нетерпѣніемъ пріѣзда Лопатиной. Но было уже двѣнадцать часовъ, а Софья Петровна не являлась. Сидя съ учениками въ школѣ, Лядова безпрестанно взглядывала въ окна, не видно ли экипажа въ тополевой аллеѣ...

Наконецъ, передъ самымъ окончаніемъ урока, Рахмаровъ прислалъ ей записку, въ которой была вложена другая, отъ Лопатиной, адресованная на его имя: Софья Петровна писала, что отецъ, узнавъ о ея намѣреніи поѣхать въ школу къ Лядовой, поднялъ такую исторію, что она рѣшила подождать до того времени, когда онъ уѣдетъ въ городъ. Это случится недѣли черезъ двѣ. Мать не будетъ препятствовать, особенно если Вѣра Павловна сдѣлаетъ ей визитъ. Но визитъ лучше сдѣлать по отъѣздѣ отца...

Отъ себя Рахмаровъ писалъ, что онъ простудился и нѣсколько дней не будетъ выходить изъ комнаты.

Но прошла недѣля, а Петръ Григорьевичъ не показывался, и Вѣра Павловна начинала тревожиться, не захворалъ ли онъ серьезно. Каждый день она посылала справляться о его здоровьѣ, и каждый разъ получался одинъ и тотъ же отвѣтъ, что ему лучше, но выходить онъ еще не рѣшается.

Выдался особенно хмурый день. Тучи низко бѣжали надъ землей, и казалось, что онѣ сейчасъ задѣнутъ за верхушки обнаженныхъ тополей. Лядова сидѣла въ своей любимой бесѣдкѣ надъ прудомъ, кутаясь въ теплый платокъ. Мрачная природа гармонировала съ тяжелыми мыслями и тоской, давившими въ послѣднее время ея душу. Все чаще ей думалось, что и въ ея жизни наступила глубокая осень, предвѣстница зимы, что молодость ея прошла безъ личнаго счастья, и вернуть этого уже невозможно. Вѣтеръ шумѣлъ все сильнѣе въ вершинахъ деревьевъ, крупныя

капли дождя стали падать на полусгнившую, покрытую мохомъ крышу бесѣдки, барабаня по ней.

Лядова собиралась уже уходить, какъ вдругъ въ аллеѣ послышались тяжелые шаги. Шуршанье листьевъ подъ ногами слышалось ближе и ближе. Вѣра Павловна узнала походку Рахмарова и была очень удивлена, такъ какъ только сегодня утромъ получила его обычный отвѣтъ, что ему еще нельзя выходить. Вотъ, она увидѣла его невдалекѣ отъ бесѣдки, и была поражена тѣмъ, какъ онъ измѣнился и похудѣлъ. Рахмаровъ шелъ медленно, глубоко задумавшись, и не замѣчалъ ея.

— Петръ Григорьевичъ!—тихо окликнула она его.

Рахмаровъ вздрогнулъ, сдѣлалъ-было движеніе назадъ, но затѣмъ рѣшительно пошелъ къ бесѣдкѣ.

— Здравствуйте! — проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—а я, какъ видите, не выдержалъ добровольнаго ареста: очень потянуло на воздухъ...

Онъ вошелъ по ступенькамъ и протянулъ ей руку.

— Боже мой, какъ вы измѣнились!—сказала она:—значитъ, вы были очень сильно больны! И ничего не сказали мнѣ! И за Роговымъ не послали! Ну, не грѣшно ли вамъ!

— У меня была такая болѣзнь, отъ которой доктора не лечатъ, да и никто ей не поможетъ, — сказалъ Рахмаровъ и тяжело опустился на скамью противъ Вѣры Павловны. Онъ пристально всматривался въ ея лицо и замѣтилъ, что она плакала.

Вѣра Павловна съ удивленіемъ спросила его:

— Можно узнать, что это за болѣзнь?

Рахмаровъ уныло махнулъ рукой и тихо отвѣтилъ:

— Лучше не спрашивайте. Помочь мнѣ нельзя, а говорить объ этомъ—только бередить рану... Болѣзнь душевная: страшная тоска, безнадежность и... раскаяніе.

— Боже мой! да въ чемъ же вамъ раскаяваться?! Не смѣю допустить, что вы раскаиваетесь въ томъ, что не повели свою жизнь такъ практично, какъ другіе.

— Да, конечно, ужъ не въ этомъ я раскаиваюсь. Но въ моей жизни было многое, о чемъ теперь страшно жалѣю, да къ несчастью уже поздно... Да вотъ, напримѣръ, я очень виноватъ передъ вами.

— Чѣмъ же, Петръ Григорьевичъ? Вы просто отъ болѣзни сами на себя выдумываете.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ горячо: — не старайтесь оправдать меня! Я глубоко чувствую всю безпредѣльность моей вины передъ вами.

— Если вы намекаете на то, что не предупредили меня о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, о которыхъ, дѣйствительно, слѣдовало бы предупредить, то я давно это обдумала, и не считаю васъ виноватымъ: трудно и вамъ было говорить объ этомъ со мною.

— Да, да! И въ этомъ я виноватъ передъ вами. Но тутъ у меня есть еще маленькое оправданіе: я не предвидѣлъ послѣдствій. Мнѣ въ голову не приходило, что случится такъ, какъ это вышло... Но это еще самая маленькая вина моя передъ вами, а моя главная вина не въ этомъ.

— Такъ въ чемъ же? Я, право, васъ не понимаю...

Вѣра Павловна начала тревожиться.

— Это—вина очень старая... И вы даже не можете подозрѣвать, что она существуетъ... Помните ли вы то время, когда, семь лѣтъ тому назадъ, вы пріѣзжали съ вашей матушкой въ свое имѣнье?..

— Помню, какъ вчера. Это было самое чудное время въ моей жизни. Вы тогда заставили меня понять многое, чего я не понимала. Но неужели вы считаете себя виноватымъ въ томъ, что дали мнѣ тѣ взгляды, которые потомъ уже не покидали меня никогда? Вѣдь это было бы ужасно! Вѣдь это значило бы, что сами вы отказались отъ своихъ прежнихъ взглядовъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не то,—тихо проговорилъ Рахмаровъ и поблѣднѣлъ еще больше, собираясь сказать ей что-то, что сказать было ему очень трудно и неловко.—Не то, — повторилъ онъ, какъ бы подыскивая слова:—вина моя была въ томъ, что именно тогда-то я и прошелъ мимо моей жизни... мимо моей и чужой жизни,—подчеркнулъ онъ,—да, мимо счастья, которое было возможно...

Теперь пришла очередь поблѣднѣть Вѣрѣ Павловнѣ: она поняла, на что онъ намекаетъ. Въ ея памяти воскресло вдругъ съ поразительной ясностью то далекое время, тѣ безконечные разговоры и то чарующее состояніе восторга, которое она тогда переживала. Но это не былъ только умственный восторгъ отъ того новаго, что она узнавала въ то время отъ Рахмарова. Нѣтъ, самый образъ его, его горящіе глаза, его вдохновенный тонъ запали тогда въ ея душу на всю жизнь. И она уже никогда послѣ не могла изгнать этого образа изъ своего сердца. Быть можетъ, даже тотъ фактъ, что въ послѣдующіе годы никто не вызвалъ къ себѣ ея вниманія, какъ женщины, зависѣлъ отчасти и отъ того, что этотъ яркій образъ затмѣвалъ въ ея душѣ всѣ другіе, встрѣчавшіеся на ея пути... Теперь, когда онъ напомнилъ

о томъ времени, она поняла, что любила его всей силой первой, дѣвственной любви. Ей стало ясно и то, что въ то время и онъ любилъ ее также... Ее испугало теперь это запоздалое объясненіе. Съ быстро забившимся сердцемъ она сказала тихо:

— Не нужно вспоминать прошлое, не нужно! Вѣдь отъ того, что̀ прошло, уже ничто не вернется... Зачѣмъ же мучить себя?

— Почему же не вернется?— раздражительно сказалъ онъ. —Развѣ ошибки не исправляются?

— Ничто не вернется! Да и не должно вернуться. Даже думать объ этомъ грѣхъ,—сказала она, поникнувъ головой.

— Иного отвѣта я и не ожидалъ отъ васъ, — сказалъ онъ тѣмъ же раздраженнымъ тономъ:—но... выслушайте меня... дайте мнѣ высказать все, что̀ я передумалъ за эти дни, и о чемъ никогда не сказалъ бы вамъ, еслибы эта встрѣча сегодня не захватила меня врасплохъ.

— Мнѣ кажется,—сказала Вѣра Павловна, — лучше намъ не говорить о прошломъ. Я боюсь, что это испортитъ наши дружескія отношенія, а вѣдь у`меня ничего, ничего нѣтъ, кромѣ вашей дружбы...

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, я долженъ говорить, — перебилъ онъ рѣзко:—у меня сердце порвется, если я не выскажусь наконецъ. Могу обѣщать только заранѣе, что не скажу ничего, что̀ могло бы испортить наши отношенія... О васъ не будетъ даже рѣчи. Я разскажу только, какъ два раза въ жизни я погубилъ свое счастье... вотъ и все... Позволяете?

— Хорошо, если это̨ вамъ такъ нужно.

— Начну съ моей женитьбы... Когда вы пріѣзжали сюда, я уже разошелся съ женою; она жила за границей... Почему я разошелся съ ней? Любилъ ли я ее? Я былъ увѣренъ, что любилъ... Это была свѣтская, милая барынька, овдовѣвшая послѣ недолгаго замужества съ старикомъ-генераломъ... Она была такая наивная, такая чистая, какъ дѣвушка... Да и по виду она была дѣвушка: въ ней было что-то такое, что̀ напоминало ангеловъ, что-то не отъ міра сего, неземное... И какъ она умѣла слушать меня и сочувствовать всему, что̀ я говорилъ!.. Трудно было не увѣровать, что въ ней я найду и друга, и товарища во всемъ, что̀ любилъ и о чемъ мечталъ... Ну, а вышло иначе. Трудно разсказать, какъ это вышло: и папенька-генералъ, и маменька-генеральша, и сестрицы, и окружающее ихъ общество сдѣлали все, чтобъ она возненавидѣла меня: вѣдь я не осуществилъ мечты всѣхъ этихъ людей о женихѣ-богачѣ, о женихѣ-

аристократѣ, который сдѣлаетъ блестящую карьеру и поможетъ имъ всѣхъ выбраться на гору... Я не виню ее: какія сцены пришлось ей самой, бѣдняжкѣ, переносить отъ нихъ изъ-за меня! Даже натура болѣе стойкая, душа болѣе убѣжденная надломилась бы отъ этого натиска... Жить вмѣстѣ стало невозможно... Мы разошлись по обоюдному согласію и даже вполнѣ прилично...

Онъ замолчалъ, склонивъ голову, а затѣмъ заговорилъ снова:

— Ну, а „другая"... Вы теперь сами знаете, что̀ такое въ глуши эти сумрачные осенніе дни, эти безконечныя ночи съ воемъ вѣтра и стукомъ дождя за окнами... И въ это время—полное, полное одиночество, больное, разбитое сердце и безпредѣльная тоска о той, кого любилъ и потерялъ навсегда... А въ той глуши, гдѣ я жилъ, все это удесятерялось: вѣдь у меня не было никакого дѣла, не было знакомыхъ, съ которыми можно бы было отвести душу... одинъ, всѣ дни одинъ съ своими думами, и даже не дни, а мѣсяцы, годы... И вотъ мелькнула надежда спасти себя привязанностью простой, чистой, наивной души изъ народа. Думалось: „вѣдь она не испорчена, она—бѣлый листъ бумаги, на которомъ можно написать все, что̀ захочешь. И кто же, какъ не она, дитя народа, лучше пойметъ мою любовь къ ея братьямъ и мои страданія, которыя, какъ мнѣ тогда казалось, я несу за эту любовь къ нимъ"? И я ее училъ, посылалъ учиться въ Москву... Сколько я ей читалъ и сколько говорилъ съ ней! Какая огромная масса времени и лучшихъ душевныхъ силъ ушла на эту попытку создать себѣ въ ней товарища и друга... И все это разсыпалось прахомъ... Ну, вотъ и все. Подробно говорить о нашихъ отношеніяхъ съ нею теперь я не въ состояніи. Скажу одно: они болѣе чѣмъ ужасны, и такъ дальше идти не можетъ. Еще годъ, и я погибну, упаду такъ низко, что вы и вообразить себѣ не можете...

Вѣра Павловна вдругъ припомнила, что однажды, когда къ ней пришелъ Рахмаровъ, отъ него пахло водкой. Она поняла, что отъ окончанія этого разговора будетъ зависѣть, пожалуй, или спасеніе Рахмарова, или полная его гибель. Въ ней закипѣла мучительная внутренняя борьба: „Если она можетъ сдѣлать его счастливымъ, то съ ея стороны будетъ отвратительнымъ преступленіемъ не дать ему этого счастья". Но вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала, что въ сердцѣ ея нѣтъ ничего, что̀ бы могло обѣщать ему это счастье: тамъ все было сожжено, чувствовался только одинъ холодъ, и не радость давало ей это объясненіе, а какой-то ледяной ужасъ при мысли о будущемъ... Эта внутренняя борьба заняла въ ея душѣ лишь нѣсколько секундъ: всмо-

трѣвшись въ свою душу, она рѣшила и рѣшила уже безповоротно, что̀ ему отвѣчать.

— Я совершенно, вполнѣ понимаю васъ,—сказала она.— Еслибъ вы знали, какъ я жалѣю васъ! Чего бы я не сдѣлала, чтобы вы были счастливы!

Онъ быстро всталъ, взялъ ея руку и заговорилъ, волнуясь, не глядя ей въ глаза.

— Когда вы пріѣхали... явилась смутная надежда на счастье: я мечталъ, что мы будемъ вмѣстѣ работать, вмѣстѣ думать,— что въ васъ будетъ у меня и другъ, и сестра...

— И все это есть, —сказала она, освобождая руку.

— Нѣтъ, это было лишь нѣсколько дней... Затѣмъ все это было растоптано грязными, отвратительными ногами полусумасшедшей, ревнивой бабы!.. Простите, что я такъ говорю, но чаша въ моей душѣ переполнилась... Но еслибы и этого не было, неужели вы не видите, что дружба еще не все, что̀ нужно для полной жизни? Простите! Выслушайте ужъ меня до конца: вы, вѣдь, плакали передъ тѣмъ, какъ я подошелъ? Значитъ, и вы также страдаете, и вы то же чувствуете.

— Вы меня не такъ поняли, — сказала она мягко и совсѣмъ спокойно: — сядьте; нужно договориться до конца, чтобы уже никогда не могъ возобновиться этотъ разговоръ. Неужели вы не чувствуете, Петръ Григорьевичъ, что тѣ планы, на которые вы намекнули сейчасъ, это совсѣмъ не то, что̀ вы въ нихъ видите: вѣдь это просто тоска, одиночество, и только. Поймите: еслибъ мы оба повѣрили тому, что̀ вамъ шепчетъ это одиночество, о, какъ скоро мы раскаялись бы, что повѣрили ему!.. Не возражайте, я еще не кончила.

Она помолчала и затѣмъ заговорила снова.

— Подумайте еще вотъ о чемъ. Мы съ вами не просто одинокіе, страдающіе люди; мы несемъ извѣстное знамя. Неужели вы допустите, чтобы малѣйшая тѣнь упала на него! А вѣдь это будетъ, будетъ... И кто же, мы сами поможемъ тѣмъ, кто съ такимъ усердіемъ забрасываетъ его грязью... Нѣтъ, между нами можетъ остаться только дружба. Но для этого нужно, чтобы даже мысль о томъ, что̀ вы сейчасъ сказали, не посмѣла явиться больше между нами. И развѣ дружбы мало? Какое это огромное счастье для такихъ одинокихъ, какъ мы!

Глаза Рахмарова стали холодны, почти злобны.

— Что̀ могу я отвѣтить на это?—сказалъ онъ:—доказывать вамъ, что это невѣрно? Зачѣмъ? Вѣдь если вы такъ говорите, значитъ, вы такъ чувствуете... Ну, и этимъ исчерпанъ вопросъ.

Вѣдь я не вдохну въ васъ другого чувства, если докажу, что никакого знамени мы не уронимъ, что съ женой возможенъ разводъ, а „вторая"?.. съ ней можно уладить иначе... Значитъ, на моемъ пути нѣтъ ничего кромѣ вашего... нежеланія: ваше сердце остыло для жизни! Вотъ и все.

— Да, да, вы правы, такъ оно и есть! Я сейчасъ только думала, что въ моей жизни уже наступила глубокая осень... скоро придетъ и зима... Вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, сейчасъ я похоронила свою личную жизнь, и мнѣ стало легко.

Но ея голосъ выдалъ ее: въ немъ зазвучали сдержанныя слезы.

И этотъ голосъ пробудилъ снова надежды Рахмарова.

— Вѣра Павловна, что̀ вы это говорите!—нѣжно зашепталъ онъ:—Вы на себя клевещете! Взгляните въ зеркало, и оно вамъ скажетъ: „ты еще молода, ты еще такъ прекрасна, что можешь и должна быть счастлива, можешь и должна дать счастье другому".

Онъ всталъ и сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — почти съ ужасомъ заговорила она:—вы ошибаетесь, вы страшно ошибаетесь! Говорю вамъ: сердце у меня все умерло; его не радуютъ ваши слова, а леденятъ... Все прошло, все умерло, что̀ нужно для личнаго счастья.

Изъ глазъ ея, какъ частый дождь, полились слезы.

— А эти слезы?—вскрикнулъ онъ.—Да вѣдь однѣ онѣ опровергаютъ васъ.

— На похоронахъ всегда плачутъ,—отвѣтила она:—всегда плачутъ о томъ, что̀ невозвратимо... Я плачу на своихъ похоронахъ... но это позорная слабость!.. Довольно!

Вѣра Павловна гордо подняла голову и вспомнила, что нѣсколько дней передъ тѣмъ пережила здѣсь, наединѣ съ собою, такую же точно сцену внутренней борьбы съ тоской по отжитой жизни.

— Довольно,—повторила она уже совсѣмъ твердо и встала, прибавивъ съ улыбкой: — Пора въ комнаты, я озябла... Какая ужасная погода...

Рахмаровъ посторонился, чтобы дать ей пройти къ выходу. Его угрюмые глаза погасли, лицо сразу осунулось и казалось постарѣвшимъ...

Тихо побрелъ онъ за нею, и до самаго дома они не сказали другъ другу ни слова.

Только прощаясь, она проговорила:

— Ну, что̀ же? Остаемся мы друзьями? Можно мнѣ будетъ

еще нѣкоторое время побыть здѣсь у васъ, не думая, что я этимъ заставляю васъ страдать?

Онъ встрепенулся, лицо его прояснѣло.

— Вѣра Павловна, можете ли вы спрашивать объ этомъ!? И чтобъ успокоить васъ еще больше, скажу: вы почти убѣдили меня; сейчасъ мнѣ кажется, что мои планы были дѣйствительно только иллюзіей одиночества и тоски... Да, наша личная пѣсенка спѣта. Будемъ жить жизнью другихъ и работать для другихъ... А для личной жизни останется наша дружба. Да, вы правы, это — огромное счастье для такихъ одинокихъ и несчастныхъ, какъ мы... Но не друзьями только будемъ мы, а братомъ и сестрой... Такъ вѣдь?

— Вотъ вамъ моя рука!—сказала Лядова, и въ первый разъ за эти дни ея глаза блеснули радостно.

XII.

Иванъ Захаровичъ Роговъ пріѣхалъ не прямо въ село Смирново, гдѣ была фабрика Петренко и земскій пріемный покой. Ему было необходимо заѣхать сперва въ уѣздный городъ, чтобы представиться тамъ предсѣдателю управы, который по рекомендаціи Рахмарова далъ ему мѣсто земскаго врача.

Городишко утопалъ въ осенней грязи. На улицахъ—ни души; на базарной площади—нѣсколько лавчонокъ, двухъ-этажный каменный домъ полицейскаго управленія, небольшой домъ земства, четырехъ-угольный бѣлый соборъ, маленькіе деревянные домишки и съ десятокъ такихъ же домиковъ побольше. На нѣкоторыхъ подъѣздахъ Роговъ замѣтилъ съ улыбкой мѣдныя дощечки съ именами обитателей, какъ въ столицѣ. Это уѣздная интеллигенція, очевидно, „наводила“ у себя цивилизацію. Роговъ старался представить въ своемъ воображеніи эту мѣстную интеллигенцію: „Какова-то она? Какъ живетъ здѣсь? Есть ли симпатичные люди, развитыя женщины и дѣвушки? Дѣлаютъ ли они что-нибудь для окружающаго темнаго люда“?

Остановившись на почтовой станціи и узнавъ, что предсѣдатель Лунинъ живетъ въ помѣщеніи земской управы, онъ отправился къ нему. Въ управѣ его встрѣтилъ сторожъ, старый отставной солдатъ, съ желтыми нашивками на рукавахъ и щетинистыми бакенбардами. Онъ лѣниво отправился доложить о Роговѣ предсѣдателю, а вернувшись, сказалъ сурово:

— Идите, зоветъ!—и указалъ дверь.

Роговъ очутился въ небольшой комнаткѣ съ двумя окнами. Здѣсь стояла желѣзная кровать и письменный столъ, за которымъ Роговъ увидѣлъ маленькаго красиваго сухощаваго и совершенно сѣдого человѣка, который быстро поднялся и пошелъ къ нему на встрѣчу, протягивая обѣ руки.

— Съ нетерпѣніемъ ждалъ васъ, Иванъ Захаровичъ,—заговорилъ онъ, придвигая Рогову кресло:—мнѣ много хорошаго сообщилъ о васъ мой другъ Рахмаровъ.

Лунинъ, несмотря на свои, совершенно серебряные волосы и бороду, двигался живо, какъ юноша, а его карiе проницательные глаза были совсѣмъ молодые. Слова онъ выговаривалъ мягко, особенно букву „р". Хорошо сшитый костюмъ, изящный галстухъ, тщательно подстриженная бородка, золотое пенснэ за бортомъ пиджака показывали, что сѣдой красавецъ обратилъ въ привычку заботу о своей наружности. Роговъ взглянулъ случайно на книгу въ желтой обложкѣ, которую Лунинъ отложилъ въ сторону при его приходѣ, и увидѣлъ, что это былъ французскій томикъ Золя.

Лунинъ замѣтилъ его взглядъ и сказалъ, какъ бы оправдываясь въ томъ, что занимается въ управѣ постороннимъ чтеніемъ:

— Здѣсь и моя квартира. Семья въ Петербургѣ: тамъ двѣ дочери на курсахъ, и жена живетъ съ ними. Отдѣльной квартиры не держу, не стоитъ, да и всѣ дѣла управы здѣсь подъ рукой.

Отъ Лунина Роговъ узналъ, что въ селѣ Смирновѣ маленькая больничка есть только при фабрикѣ, а земство содержитъ пріемный покой лишь для приходящихъ. Иванъ Захаровичъ былъ этимъ очень опечаленъ.

— Но какъ же я буду лечить крестьянъ! — воскликнулъ онъ. — Вѣдь многихъ болѣзней совсѣмъ нельзя лечить амбулаторно, особенно при крестьянской обстановкѣ.

— Знаю, знаю, и еще въ запрошлое собраніе внесъ докладъ объ этомъ. Но, благодаря новѣйшимъ реформамъ, большинство теперешнихъ собраній состоитъ изъ Ноздревыхъ, Собакевичей да Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ... Ну, они, конечно, провалили мой докладъ: по ихъ мнѣнію, когда не было земской медицины, и мужики лечились у знахарокъ,—не было ни тифовъ, ни дифтерита, и вообще никакихъ современныхъ болѣзней... И конечно, ихъ не было. Просто руки отпадаютъ теперь работать. Нужно очень любить земское дѣло, чтобы не бросить его, какъ не бросаю я. Все-же я хоть немножко сдерживаю эту свору. Мнѣ страшно подумать, что̀ будетъ, если земство отдать на полное

ея растерзаніе: вѣдь я уже привыкъ къ земству, какъ къ своему дѣтищу: я работаю въ немъ почти съ самаго его основанія. Не нужно отчаяваться: будемъ сколько можно помогать другъ другу. Вотъ, соберите-ка побольше фактовъ о необходимости постоянныхъ кроватей, напишите докладъ, и авось сообща проведемъ его.

Лунинъ перешелъ къ воспоминаніямъ о томъ времени, когда въ земствѣ работалъ Рахмаровъ и нѣсколько выдающихся земскихъ дѣятелей, которые теперь всѣ ушли отъ новыхъ порядковъ.

— Какіе это были неоцѣнимые земскіе работники! Особенно Петръ Григорьевичъ!—воскликнулъ онъ:—Ну, а теперь у сокола крылья связаны и пути ему всѣ заказаны, а зато вмѣсто него дѣлами ворочаютъ такіе геніальные господа, какъ вашъ будущій сосѣдъ Лопатинъ. Не смѣйтесь: это дѣйствительно геніальный человѣкъ. Когда-то онъ нищимъ поступилъ въ интендантство, а когда его попросили оттуда удалиться за картонныя подошвы у солдатъ въ севастопольскую кампанію, онъ купилъ себѣ здѣсь прекрасное имѣніе. Честное слово, геніальный человѣкъ! И пользуется здѣсь огромнымъ уваженіемъ, какъ идеальный хозяинъ...

Въ такомъ же тонѣ, гдѣ перемѣшивались ядовитыя похвалы и глубокое внутреннее раздраженіе, онъ далъ совѣтъ Рогову сдѣлать визитъ исправнику, о которомъ сказалъ, что это прекрасный человѣкъ, бывшій морякъ и съ мѣстной интеллигенціей настоящій джентльменъ, конечно, въ предѣлахъ „устава о предупрежденіи и пресѣченіи“; съ крестьянами же держится одного сѣченія при помощи волостныхъ судовъ... Нельзя же: недоимки! А за нихъ онъ получаетъ выговоры отъ губернатора. Но принципіально онъ—большой противникъ тѣлесныхъ наказаній. Визитъ ему слѣдуетъ сдѣлать непремѣнно: во-первыхъ, и человѣкъ-то онъ почтенный, да и нуженъ земству. Никогда не слѣдуетъ задѣвать самолюбія нужныхъ людей, особенно въ провинціи, гдѣ каждый можетъ васъ „слопать“.

Онъ похвалилъ и жену исправника:

— Бельфамъ! Когда-то училась въ консерваторіи; до сихъ поръ поетъ отлично... баритономъ, и кофей у нея хорошій...

Роговъ спросилъ между прочимъ о мѣстномъ слѣдователѣ Морозовѣ, съ которымъ былъ очень друженъ въ университетѣ, хотя тотъ окончилъ курсъ года на два раньше, и по юридическому факультету.

— Милый, милый человѣкъ,—сказалъ Лунинъ:—душа общества! Тоже отлично поетъ... шансонетки. Навеселѣ бываетъ только въ тѣ дни, когда посѣщаетъ клубъ, а тамъ онъ не

бываетъ только въ страстную субботу... очень, очень милый господинъ.

Говорилъ все это Лунинъ безъ малѣйшей улыбки и даже добродушнымъ тономъ, только по легкой игрѣ глазъ Роговъ догадывался, какъ онъ презираетъ весь этотъ людъ. Его манера бранить подъ видомъ похвалъ заставила Рогова задать себѣ вопросъ, что онъ за человѣкъ самъ: вѣроятно, большой политикъ? Недаромъ же продержался предсѣдателемъ нѣсколько трехлѣтій. „Это онъ со мной разговорился, какъ съ свѣжимъ человѣкомъ, и радъ, что можетъ вылить накопившійся ядъ. Но даже и со мной онъ остороженъ... Бѣднякъ, бѣднякъ“!

Прощаясь съ Роговымъ, Лунинъ пригласилъ его пообѣдать вмѣстѣ въ клубѣ.

— Тамъ еще поговоримъ,—прибавилъ онъ и, точно угадавъ мысль Рогова, сказалъ: — Вы и представить себѣ не можете, какъ здѣсь бываешь радъ каждому свѣжему человѣку!.. Это здѣсь такъ рѣдко. Иногда кажется, что языкъ отвыкъ говорить, и вмѣсто человѣческаго слова—вдругъ закричишь пѣтухомъ!

Отъ Лунина Роговъ направился къ исправнику, но, добравшись почти до самаго дома полиціи, гдѣ тотъ жилъ, онъ вдругъ передумалъ:

„Я, кажется, начинаю поддаваться сразу, въ первый же день пріѣзда, захолустнымъ вліяніямъ“,—укорилъ онъ себя.

Отыскавъ на площади извозчика, онъ велѣлъ везти себя къ слѣдователю Морозову.

Горничная, отворившая дверь, объявила сердито, что баринъ еще спитъ и будить себя не велѣлъ. Роговъ, вручивъ ей свою карточку, поѣхалъ къ доктору Протасову. Тотъ жилъ на краю города, почти въ полѣ. Когда извозчикъ остановился у подъѣзда небольшого дома, за которымъ виднѣлся обширный садъ,—за стекломъ одного изъ оконъ появилось женское лицо, разсматривавшее съ любопытствомъ пріѣзжаго. Подъѣздъ открылъ мальчикъ въ сѣромъ казакинѣ съ красными нашивками на груди..

— Баринъ сейчасъ вернется,—крикнулъ онъ звонкимъ голоскомъ,—а барыня приказали вамъ зайти.

Черезъ длинную галерею съ разноцвѣтными стеклами Роговъ вошелъ въ переднюю, гдѣ пахло масляной краской и стоялъ дамскій велосипедъ. За передней была гостиная съ кисейными занавѣсками на окнахъ, съ кадками хлѣбнаго дерева и филодендрона; въ простѣнкѣ стояло піанино, а около стѣнъ была чинно разставлена мягкая потертая мебель. На спинкахъ диванова и креселъ были тщательно развѣшаны вязаныя салфеточки.

На столахъ и стульяхъ лежали альбомы и переплетенные экземпляры „Нивы“, а преміи къ той же „Нивѣ“ красовались въ рамкахъ по стѣнамъ.

Рогову пришлось ждать довольно долго. Наконецъ изъ сосѣдней комнаты выбѣжала въ припрыжку, стараясь изобразить порхающую птичку, худощавая блондинка уже не первой молодости, подкрашенная, съ сильно подрисованными глазами и бровями. Барыня бойко подала Рогову обѣ руки и заговорила разбитымъ, звенящимъ голосомъ:

— Нашего полку прибыло: еще одинъ интеллигентъ! Вы, столичные жители, представить себѣ не можете, какая радость въ глуши новый человѣкъ!

Она усадила его на диванчикъ въ углу, а сама помѣстилась рядомъ.

— Мы всѣ здѣсь надоѣли другъ другу до отвращенія! Еслибъ вы знали, какая здѣсь тоска! Никакихъ развлеченій! Мужчины устроили для себя клубъ, играютъ тамъ въ карты и напиваются, а мы, несчастныя, просто дурѣемъ отъ скуки.

Она кокетничала своими большими сѣрыми глазами, вѣроятно когда-то красивыми, и часто поправляла волосы, чтобы показать свои руки, покрытыя браслетами и кольцами.

— Ну, у кого же вы успѣли здѣсь побывать? Были у исправницы? Неужели не были? Жаль! Она—такая бельфамъ! Вы любите женщинъ-бельфамъ? Впрочемъ исправница даже и для бельфамъ черезчуръ высока и толста. Однако, вкусы бываютъ разные. Вотъ слѣдователю Морозову она очень нравится!—и барынька захохотала.

— Это мой старый знакомый и товарищъ по университету,— сказалъ Роговъ, пораженный ея развязными манерами и кокетствомъ, и, не зная, о чемъ говорить, прибавилъ: — Я былъ у него сейчасъ, но онъ еще спитъ.

— И неудивительно, — перебила его докторша:—всѣ ночи въ клубѣ дуетъ коньякъ: вы ему, ради Бога, не передайте, что я вамъ говорила! Вѣдь это я не ради сплетни, а быть можетъ, вамъ, какъ старому товарищу и другу, удастся повліять на него. Совсѣмъ онъ себя губитъ, а человѣкъ съ большимъ талантомъ: какъ поетъ! Премило разсказываетъ сценки... Но съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ „кавалье серванъ“ къ исправницѣ, гибнетъ несчастный... Вы не удивляйтесь, что такая почтенная „матрона“ имѣетъ кавалье серванъ: у насъ здѣсь всѣ дамы такъ... Что дѣлать! Скука! Мужья заняты картами... службой... ну, жены и грѣшатъ! „Судьба!“—какъ говоритъ прекрасная Елена.

Докторша вызывающе посмотрѣла въ глаза Рогову и опять захохотала дѣланнымъ, искусственнымъ смѣхомъ.

— Почему бы и дамамъ не придумать себѣ какихъ-нибудь развлеченій сообща? — сказалъ Роговъ.—Устроить, напримѣръ, кружокъ матерей, собираться, читать о воспитаніи... или устроить благотворительные спектакли.

— О, что̀ вы говорите! Какія возможны чтенія среди нашихъ дамъ! А вотъ спектакли—пожалуй! Я не разъ просила мужа, чтобъ онъ позволилъ мнѣ устроить спектакль, но онъ здѣсь сталъ ужаснымъ консерваторомъ: онъ находитъ, что это кружитъ намъ головы и заставляетъ забывать о дѣтяхъ. А у меня есть большой талантъ. Когда я была дѣвушкой и жила въ губернскомъ городѣ, я нѣсколько разъ играла. Успѣхъ имѣла блестящій: обо мнѣ даже писали въ газетахъ. Я мечтала о сценѣ, но вмѣсто артистки пришлось сдѣлаться матерью пятерыхъ дѣтей! Такъ гибнутъ у насъ таланты!.. Вотъ помогите мнѣ уговорить мужа. Пожалуйста! Я чувствую, что вы очень симпатичный, право! Надѣюсь, мы будемъ друзьями.—Она схватила его руку и долго пожимала.

Послышался звонокъ въ передней.

— Это мужъ!—воскликнула докторша.—Такъ вы не забудете?

А въ гостиную уже входилъ мужчина высокаго роста, съ большимъ животомъ, одутловатымъ лицомъ и широкой лысиной.

— Коллега! Вотъ доставилъ удовольствіе!—закричалъ онъ сиповатымъ голосомъ и заключилъ его въ объятія.

Усадивъ Рогова на диванъ и грузно шлепнувшись рядомъ, такъ что ножки у дивана крякнули, онъ сказалъ женѣ:

— Ну, мамочка, закусить, выпить.

— Я ужъ распорядилась. Иду поторопить.—И она опять „выпорхнула“ въ припрыжку, виляя своимъ длиннымъ шлейфомъ.

Послѣ общихъ вопросовъ о профессорахъ и университетѣ, который Протасовъ называлъ не иначе, какъ „alma mater“, онъ воскликнулъ:

— Ахъ, золотое было время! Даже и пили-то мы тогда не такъ, какъ теперь: съ компаніей, всѣ какъ братья родные! Торжественный „Gaudeamus“ или „Дубинушка“ знаменитая... А „Утесъ“? Поютъ ли его теперь? Сколько, бывало, чувствъ переживаешь, какъ кто-нибудь затянетъ:

И утесъ-великанъ
Все, что̀ думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ...

Теперь кажется, что все это во снѣ видѣлъ.

Вошла жена:

— Пожалуйте, господа! Готово.

Завтраку предшествовала закуска, во время которой Протасовъ почти силой заставилъ Рогова выпить три рюмки водки. Послѣдняя была выпита на „брудершафтъ“ съ обязательствомъ говорить другъ другу „ты“. Роговъ почти никогда не пилъ и сразу охмелѣлъ, ударился въ меланхолію и началъ со словъ Лунина жаловаться на новые земскіе порядки.

— Ѣхалъ сюда, — говорилъ онъ, — и мечталъ приносить пользу, а оказывается, что теперь ничего и подѣлать нельзя: у земства отняты всѣ права.

— Все это вздоръ, коллега,—возразилъ Протасовъ:—какое дѣло намъ, врачамъ, больше ли правъ у какого-нибудь Лунина, или меньше? Намъ, братъ, даже покойнѣе, если у нихъ всѣ права отберутъ: не будешь зависѣть ни отъ чьего каприза. У насъ, братъ, свои права: лечи да получай жалованье или гонораръ. Этого у насъ никто не отниметъ. Выпьемъ за врачебное сословіе. Ура!

— Но помилуй, коллега, ты говоришь Богъ знаетъ что!— горячился Роговъ.—Отрицать самоуправленіе! Нѣтъ, я не такъ думаю! Даже и при теперешнемъ положеніи я не позволю себѣ ограничиться выдачей хинина, касторки да прорѣзываніемъ нарывовъ! Попробую послужить крестьянству, которое даетъ деньги на наше образованіе.

— Ого, братъ, какъ ты высоко взлетаешь, да гдѣ-то сядешь! Это какъ же ты будешь служить крестьянству? Скажи, скажи! Это любопытно! Небось, все старая пѣсня: кустари, артели, общинное травосѣяніе? Слыхали мы, братъ, эти пѣсни!

— А хотя бы и это? Почему же не указать крестьянству на то, что̀ можетъ поднять его благосостояніе?

— Охъ, не смѣши, братъ! Уморишь со смѣху! Да кто же тебя слушать-то будетъ? Да и когда тебѣ будетъ объ этомъ разговаривать съ ними? Все это, братъ, литературныя мечтанія въ прозѣ, какъ говорилъ еще великій Бѣлинскій.

— Ахъ, папочка,—перебила его жена,—какъ ты отсталъ въ вопросахъ современности!

— Не отсталъ, а дѣло говорю. Наставляю юношу. Вотъ у меня пять человѣкъ ребятъ: двоихъ въ губерніи содержу въ гимназіи, за дочь въ институтъ плачу, да еще для двоихъ надо приготовить. Такъ вотъ и сообрази, коллега. Сколько тутъ надо презрѣннаго металла добыть и когда тутъ о кустаряхъ да артеляхъ разговаривать! Правда, у тебя семьи еще нѣтъ, но она бу-

детъ. Безъ этого, братъ, не проживешь, особенно въ глуши... Съ тоски умрешь!.. Какъ начнетъ осенью вѣтеръ выть, какъ примется дождь поливать, какъ превратятся дороги въ густой клейстеръ, изъ котораго лошади ногъ не могутъ вытащить, а ты сиди себѣ дома да смотри въ окно на пустырь, или поѣзжай въ такую погоду верстъ за сорокъ... Я, братъ, все это испыталъ.

— Не слушайте его, мосье Роговъ: онъ самаго смѣлаго человѣка напугаетъ. Совсѣмъ въ деревнѣ не такъ скучно: есть и сосѣди, и сосѣдки интересныя... Ахъ, кстати: у васъ будутъ три дочери члена управы Лопатина. Только предупреждаю: будьте осторожны со старшей, „Софьей премудрой", какъ ее прозвалъ слѣдователь Морозовъ. Она ужасная! У нея былъ такой романъ, такой скандальный романъ съ однимъ княземъ, да и съ нимъ ли однимъ! И бѣдный нашъ слѣдователь изъ-за нея же погибаетъ.

— Ну, матушка, пожалуйста безъ сплетенъ! Терпѣть я этого не могу,—сказалъ сердито Протасовъ.

— Это вовсе не сплетни: весь уѣздъ знаетъ. Я это говорю къ тому, что ты все преувеличиваешь. Вотъ Иванъ Захаровичъ, спросите у него, напримѣръ, что онъ думаетъ объ участіи женщинъ въ любительскихъ спектакляхъ. Ну-ка, ну-ка, скажи молодому коллегѣ! Небось, посовѣстишься! Пристыдите его, Иванъ Захаровичъ.

— И нисколько не посовѣщусь! И нечего ему меня стыдить! Потому что я правду говорю. Непристойно порядочной женщинѣ, особенно матери пятерыхъ дѣтей, публично обниматься и цѣловаться съ первымъ прохвостомъ, котораго на такую роль назначатъ... Тьфу, пакость!

— Но, коллега, — заговорилъ Роговъ, вспомнивъ просьбу докторши,—вѣдь не все же на сценѣ обнимаются и цѣлуются... А потомъ: если женщина отъ тоски на стѣну лѣзетъ, то она начнетъ уже обниматься и цѣловаться не на сценѣ. А вѣдь это опаснѣе.

— Если полѣзетъ на стѣну, я ей закачу бромистаго калія! Да отчего ей на стѣны лѣзть, если у нея дѣти и мужъ?

— Ахъ, папочка! Но вѣдь дѣти, вѣчно дѣти, и одни только дѣти—да вѣдь это съ ума можетъ свести! Когда въ жизни есть какое-нибудь развлеченіе или отдыхъ, то и дѣти кажутся милѣе, и мужъ интереснѣе... клянусь тебѣ! Вы согласны, Иванъ Захаровичъ?

— Отстань, матушка! Я тебѣ не мѣшаю! Давно рукой на все махнулъ! Я высказалъ свое мнѣніе, а ты дѣйствуй, какъ хочешь.

— Знаю я это „какъ хочешь“! А потомъ станешь пилить цѣлые дни.

— И пилить не буду! Въ старину пилилъ, потому что ревновалъ. А теперь...

Протасовъ махнулъ рукой, какъ будто хотѣлъ сказать: „Все равно, ты свое возьмешь“!

— Браво, браво! Значитъ, ты согласенъ? Ура! Мосье Роговъ, вы должны выпить со мной портвейну за его разрѣшеніе... и за ваше удачное ходатайство.

Роговъ почувствовалъ, что она подъ столомъ отыскала его ногу своей ногой и сильно ее нажимала. Ему стало и больно, и противно. Онъ отдернулъ ногу, взглянувъ на докторшу укоризненно, а она сильно покраснѣла и накинулась на мужа:

— Не довольно ли тебѣ наслаждаться мадамъ монополькой? Позволь мнѣ ее пріютить въ шкапъ.

И она протянула руку къ графину.

— Постой, постой! — замычалъ Протасовъ съ набитымъ ртомъ:—одну, послѣднюю...

Она налила; онъ быстро выплеснулъ водку въ свой огромный ротъ, какъ будто боясь, что жена отниметъ, и просительно сказалъ:

— Эхъ, еще бы одну пташечку для комплекта!

— Ну, ты и такъ хорошъ: посмотри на себя въ зеркало!— отвѣтила она, бросивъ на него свирѣпый взглядъ.—Картина семейнаго счастья!—обратилась она къ Рогову, пряча графинъ въ шкапъ:—что дѣлать, приходится поступать деспотически. Вы себѣ представить не можете, какъ эти мужчины распускаютъ себя въ провинціи! Вѣдь вотъ онъ: пріѣхалъ сюда такимъ же горячимъ и симпатичнымъ студентомъ, какъ вы! И о чемъ только не проповѣдовалъ тогда, даже мнѣ... А теперь—полюбуйтесь на него!

— Всѣ тамъ будемъ, мамочка, какъ сказалъ Щедринъ,— отвѣтилъ Протасовъ, и выпилъ залпомъ стаканъ портвейну.—Да, да, всѣ тамъ будемъ. И Роговъ тамъ будетъ. Будешь, коллега!.. Непремѣнно будешь! Потому здѣсь безъ этого нельзя... Эхъ, мамочка, мало ли что было, да быльемъ поросло! И ты прежде не такая была! Ты знаешь ли, коллега, какая она прежде была? Мадонна Рафаэля—не меньше! Я не говорю: ты и теперь еще ничего. Ну, а все же до прежней далеко! И что же я такое сдѣлалъ? Развѣ ты можешь пожаловаться, что я плохой мужъ? Обижаю тебя? Расточаю свои доходы? Не даю тебѣ свободы? Да дѣлай, дорогая, что хочешь: играть хочешь на сценѣ—играй;

плясать?—пляши; на велосипедѣ ѣздить?—катай!.. А кто скопилъ малую толику для дѣтей и для тебя же на черный день? А выпить и Богъ велѣлъ: „Руси есть веселіе пити“. Еслибы въ Россіи не пили, то давно бы всѣ отъ скуки перемерли... А что сказалъ Шопенгауеръ?

— Ну-у, завелъ свою машину!—съ досадой замѣтила жена: —какъ напьется, такъ сейчасъ и пойдетъ Шопенгауера вспоминать. Надоѣлъ онъ мнѣ имъ хуже Богъ знаетъ чего!

— Потому, Шопенгауеръ не твоего ума дѣло. Это—геній. Онъ объяснилъ, что жизнь есть миражъ—Vorstellung!—неожиданно крикнулъ онъ по-нѣмецки заплетающимся языкомъ.—И развѣ онъ не правъ? Ты, вотъ, казалась мнѣ мадонной, а на дѣлѣ что вышло? Я казался себѣ героемъ, а на дѣлѣ что вышло? Вотъ коллега теперь тоже смотритъ героемъ, а что изъ него выйдетъ?—Увидимъ. Вотъ такъ и все! Всѣ мы сгніемъ, и домъ этотъ сгніетъ. А ты, коллега, о мужикѣ. Asinus ты, и больше ничего! И не обижайся! Asinus и stultus!! А ты старайся на все наплевать. Ну, конечно, семью, если будетъ, не забывай, потому что этотъ „форштеллунгъ“ ты самъ на свѣтъ произвелъ. А на все прочее наплюй. Все равно, Нирвана слопаетъ... Она все слопаетъ.

— Довольно же тебѣ!—воскликнула жена визгливымъ голосомъ.—Вотъ извольте эту ахинею слушать каждый день, двѣнадцать лѣтъ подъ рядъ!.. Господи, какъ я еще съ ума не сошла! Тутъ по неволѣ Богъ знаетъ что въ голову полѣзетъ, чего бы и сама не желала!

— Тссъ! Женщина, молчи!—сказалъ Протасовъ, клюя носомъ въ столъ:—это великія идеи, не твоего ума дѣло!

XIII.

Роговъ ѣхалъ отъ Протасова въ клубъ порядочно подъ хмелькомъ. Но вино дѣйствовало на него не веселящимъ и бодрящимъ образомъ, а наоборотъ, бросало его въ меланхолію. Онъ вспоминалъ слова Протасова: „всѣ тамъ будемъ“, и спрашивалъ себя съ замирающимъ сердцемъ: „Неужели и я когда-нибудь дойду до этого? Вѣдь вотъ онъ же дошелъ, а былъ такимъ же, какъ я. И отчего это? Какая-то ужасная дряблость и безсиліе у нашего брата, русскаго интеллигента! Или пошлая среда такъ сильна?.. Но какая же въ ней можетъ быть сила, если она пошлая, ничтожная? Нѣтъ, это мы сами очень ужъ ничтожны. На словахъ

города. беремъ, а на дѣлѣ и соломинкой насъ перешибешь. И какъ же побороть въ себѣ это ничтожество, эту дряблость? Одно средство—единеніе, общеніе, кружокъ, гдѣ бы каждый поддерживалъ другого и всѣ всѣхъ... Нѣчто въ родѣ „церкви“ мыслящей интеллигенціи: „гдѣ двое или трое во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ“,—вспомнилъ онъ текстъ изъ Евангелія.

А по бокамъ смѣнялись все тѣ же деревянные домики; кое-гдѣ мелькалъ свѣтъ сквозь закрытыя ставни, такъ какъ уже почти стемнѣло. За этими мокрыми, почернѣвшими отъ времени деревянными стѣнами ему грезились теперь невидимыя мелочныя драмы, но именно особенно страшныя этой своей мелочностью. Онъ видѣлъ за этими стѣнами задыхающихся и ошалѣвшихъ, развратившихся отъ безвыходной скуки молодыхъ женщинъ, спившихся мужчинъ, и эти образы давили его, какъ кошмаръ, и ему становилось страшно за себя, за свои любимыя идеи, за народъ и за Россію...

Извозчикъ подвезъ его къ клубу. Учрежденіе это помѣщалось въ большомъ старинномъ деревянномъ домѣ съ антресолями, бывшемъ когда-то обиталищемъ нѣсколькихъ поколѣній богатой дворянской семьи.

Въ передней съ Рогова снялъ пальто старичокъ лакей въ порыжѣвшемъ длинноломъ сюртукѣ, разорванномъ подъ мышками и на локтяхъ. На вопросъ: здѣсь ли предсѣдатель управы, онъ указалъ на широкій корридоръ.

— Направо пожалуйте: какъ разъ будетъ столовая; они тамъ кушаютъ.

Пахло керосиномъ, табакомъ и пивомъ. Комнаты были низкія, съ дешевыми, закоптѣлыми обоями, кое-гдѣ отставшими отъ стѣнъ въ видѣ пузырей...

Пройдя корридоръ, Роговъ отворилъ дверь и очутился въ небольшой комнатѣ, но тотчасъ же понялъ, что попалъ не туда: въ комнатѣ стояло три ломберныхъ стола, изъ которыхъ два были уже заняты игроками. Казалось, что въ волнахъ табачнаго дыма тутъ совершается какое-то священнодѣйствіе: сосредоточенныя лица, рѣдкіе, порывистые возгласы, глаза, устремленные въ одну точку, и свирѣпые взгляды на вошедшаго со стороны тѣхъ, кто его замѣтилъ.

— Извините, гдѣ тутъ столовая?—спросилъ онъ.

— Не здѣсь-съ! Направо изъ корридора!—крикнулъ ему изъ облаковъ дыма сердитый голосъ.

Наконецъ онъ попалъ въ довольно большую комнату, освѣщенную лампой, висѣвшей съ потолка. Посреди нея стоялъ длин-

ный столъ, покрытый скатертью, съ рядами стульевъ и приборовъ. Но за столомъ сидѣлъ одинъ только Лунинъ.

— А, Иванъ Захаровичъ! Запоздали! А я ужъ рѣшилъ, что вы не пріѣдете, и началъ обѣдать одинъ.

— Задержалъ Протасовъ,—объяснилъ Роговъ:—заставилъ меня завтракать, и я теперь такъ сытъ, что обѣдать не могу.

— Ну, неволить не буду. Въ такомъ случаѣ выпьемъ ради вашего пріѣзда,—предложилъ Лунинъ и добавилъ:—Я, признаться сказать, никогда ничего не пью, но сегодня сдѣлаю исключеніе: очень ужъ я радъ вашему пріѣзду; на моей улицѣ сегодня праздникъ. Чего же бы намъ выпить? Шампанское здѣсь гадость. Выпьемъ лафиту.

— Голубчикъ! Да вѣдь я и безъ того совсѣмъ чуть не пьянъ, —признался Роговъ.—Вѣдь я тоже ничего не пью, а Протасовъ присталъ, какъ съ ножомъ къ горлу, и вотъ видите, въ какомъ я состояніи.

— Ничего, ничего, сегодня день исключительный. Не обижайте меня, не отказывайтесь. Я хотя и не университетскій, но позволяю себѣ считать васъ товарищемъ.

Подали лафиту, чокнулись, и непривычка Лунина къ вину сказалась очень быстро. Уже послѣ перваго стакана лицо его стало краснѣть, глаза сильнѣе заблестѣли, привычная сдержанность въ рѣчахъ постепенно исчезала. Онъ рисовалъ теперь портреты мѣстныхъ дѣятелей уже вполнѣ откровенно, безъ ироническихъ похвалъ, и все съ большей и большей озлобленностью. Все, что̀ накипѣло въ сердцѣ за многіе годы, никому не высказываемое, тщательно скрываемое, вырывалось теперь, какъ полая вода въ прорванную плотину. Кончилъ онъ тѣмъ, что сталъ проклинать свое прежнее увлеченіе земскимъ дѣломъ и сельскимъ хозяйствомъ.

— Увлекся я въ то время статьями профессора Энгельгардта и книгой Васильчикова, бросилъ службу въ Петербургѣ, а она обѣщала блестящіе горизонты. Были у меня хорошія связи, вліятельная родня. Я перессорился со всѣми изъ-за этой тяги къ земству и деревнѣ. Еслибы въ то время знать, что у насъ все такъ непрочно!

Еще черезъ минуту онъ яркими красками рисовалъ то хорошее время, которое пережилъ:

— Какіе были люди! Какіе работники! Дмитрій Петровичъ Алексѣевъ, напримѣръ: какъ онъ поставилъ народную школу! Какіе учителя были у насъ! А знаете, чѣмъ сталъ этотъ Дмитрій Петровичъ, когда понялъ, что исторія русскаго земства

кончена? Онъ уѣхалъ въ Швецію и тамъ считается теперь однимъ изъ лучшихъ сельскихъ хозяевъ и мѣстныхъ дѣятелей! Хорошіе и способные люди нужны вездѣ; вездѣ ихъ цѣнятъ, только не въ Россіи... Печально кончилъ другой нашъ земецъ—Сомовъ, Василій Ивановичъ. Онъ тоже былъ замѣчательный земскій работникъ: какъ онъ организовалъ врачебную часть! Какъ повелъ улучшеніе крестьянскаго скотоводства! И этотъ-то человѣкъ бросилъ и земство, и деревню, когда увидѣлъ, что здѣсь нечего больше дѣлать; продалъ имѣніе и теперь въ Одессѣ состоитъ во главѣ какого-то промышленнаго общества! Изъ безкорыстнѣйшаго земскаго дѣятеля сталъ финансовымъ дѣльцомъ; а такъ какъ никогда въ этой профессіи не имѣлъ склонности, то уже запутался въ аферахъ и кончитъ плохо... Да, это фатумъ какой-то: наша жизнь выбрасываетъ изъ себя все хорошее и способное. Что же мудренаго, что кругомъ не осталось ничего кромѣ разоренія?

Послѣ третьяго стакана Лунинъ говорилъ заплетающимся языкомъ:

— И какъ тогда жилось! Должно быть, мы другъ отъ друга заражались подъемомъ духа. Даже совсѣмъ дюжинные люди дѣлались очень порядочными. Дружно мы жили тогда. Съѣзжались по очереди другъ къ другу, обсуждали передъ собраніями планы борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, болѣзнями, съ мракобѣсіемъ обскурантовъ... И жизнь была!.. Потому что было живое дѣло; чувствовалось, что не даромъ коптишь небо, что нуженъ и полезенъ. Даже пріѣзжавшіе только на лѣто въ свои имѣнія изъ столицъ увлекались нашимъ настроеніемъ и оставались здѣсь, отдаваясь сельскому хозяйству и земской работѣ... И земля не пустовала, и усадьбы были полны... И вдругъ все это измѣнилось, какъ по мановенію волшебнаго жезла! И за что? И ради чего? Слѣпое доктринерство петербургскихъ канцелярій, не знающее Россіи и вообразившее у насъ какую-то опасность. Это у насъ-то?! Въ чемъ?! Гдѣ? Господи!.. И нѣтъ прежняго земства, нѣтъ моего дорогого дѣтища!

Рогову показалось, что Лунинъ сейчасъ расплачется. Онъ почувствовалъ, что и у него выступаютъ на глазахъ слезы.

— И всѣ разбѣжались!—продолжалъ предсѣдатель.—Одинъ еще я остался, но нужно и мнѣ уходить. Невыносимо. Но какъ тяжело!.. все не вѣрится... кажется, что это сонъ, что проснешься, и все увидишь по прежнему.

Онъ быстро всталъ и, наливъ себѣ стаканъ воды, выпилъ его залпомъ.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты вышелъ, слегка покачиваясь, человѣкъ лѣтъ тридцати на видъ. Высокій, сильно покатый лобъ, надъ нимъ бѣлокурые вьющіеся волосы, сильно порѣдѣвшіе на вискахъ и темени, правильный носъ, нѣсколько покраснѣвшій, наполеоновская бородка, разсѣянный, презрительно насмѣшливый и тусклый взглядъ сѣрыхъ глазъ; лицо сильно припухлое... Въ этой фигурѣ Роговъ узналъ своего бывшаго друга Морозова и поднялся къ нему на встрѣчу. Тотъ прищурился, всматриваясь въ него, и вскрикнулъ:

— А, дружище! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Ну, обнимемся! Ты у меня карточку оставилъ. Спасибо! Эй, человѣкъ! Степанъ! Бутылку шампанскаго! Надо вспрыснуть твой пріѣздъ!

Замѣтивъ предсѣдателя Лунина, онъ насмѣшливо обратился къ нему:

— Здравствуйте, господинъ Нытиковъ! А что, Роговъ, я думаю, онъ надоѣлъ тебѣ своимъ нытьемъ о земствѣ? Каждому новому человѣку объ этомъ ноетъ. Онъ у насъ либералъ, чортъ побери!

Морозовъ хлопнулъ Лунина по плечу и, переходя съ нимъ на „ты“, добавилъ:—Ты, нытикъ, не сердись.

У предсѣдателя глаза сверкнули. Онъ поблѣднѣлъ, но сдержался.

— Милѣйшій нашъ юмористъ ни на минуту не покидаетъ своей роли,—сказалъ онъ.—Вѣдь господинъ Морозовъ у насъ единственное развлеченіе публики... Однако мнѣ пора домой. Прощайте, Иванъ Захаровичъ. Желаю вамъ успѣха на новомъ мѣстѣ. Пріѣзжайте къ намъ: поговоримъ, отведемъ душу. Вы сейчасъ видѣли, какъ здѣсь теперь живется людямъ, не забывшимъ „старыхъ словъ“.

Голосъ у него зазвучалъ глубокой тоской. Роговъ крѣпко сжалъ его руку.

Морозовъ крикнулъ вслѣдъ Лунину:

— Отлично сдѣлалъ, что убрался! Терпѣть его не могу, да и всѣхъ этихъ дармоѣдовъ: снаружи какъ будто человѣки, а если ихъ понюхать, то отъ всѣхъ лайковыми перчатками пахнетъ. Когда я только-что пріѣхалъ сюда, онъ и со мной тоже миндальничалъ, а теперь—фу ты, ну ты! На благородной дистанціи держится! Я ему ужъ не по плечу! Какъ же, какъ же! Вѣдь онъ не забылъ „старыхъ словъ“! Куда-жъ намъ съ свинымъ рыломъ въ калашный рядъ! Тьфу, либеральная ханжа! Да впрочемъ, наплевать мнѣ на него! Чего я-то волнуюсь!

Подали шампанское.

— Ну, разсказывай, у кого побывалъ. Исправницу видѣлъ?... Не видѣлъ? Жаль! Артистка, братъ! Мы съ ней дуэты распѣваемъ. Протасиху видѣлъ! Что-жъ она, полѣзла къ тебѣ на шею? Нѣтъ?! Удивительно! Вѣрно, мужъ помѣшалъ, а то бы она себя показала. Для каждаго новоприбывшаго она въ первый же визитъ разыгрываетъ роль жены Пентефрія.

Когда Роговъ сказалъ, что будетъ жить въ селѣ Смирновѣ, Морозовъ замѣтилъ:

— Тамъ жена станового—недурной бабецъ. Только ты ее не трогай: наживешь врага въ своемъ начальствѣ, членѣ управы Лопатинѣ.

— Да я и не думаю, помилуй!

— Ну, милага, отъ скуки и не то придумаешь! Пожалуй, и жениться надумаешь. А тамъ подъ бокомъ три дочери у этого Лопатина. Только старшей остерегайся: она съ отмѣтиной.

— Я ужъ это второй разъ сегодня слышу,—съ негодованіемъ сказалъ Роговъ:—и какъ тебѣ не стыдно повторять бабьи сплетни!

— Скажите, пожалуйста, какой моралистъ! А насчетъ сплетни это ты правильно: на томъ стоимъ! Такъ обработаемъ человѣка, что чистаго мѣстечка не останется! Что подѣлаешь-то? Мѣстной газеты нѣтъ, такъ вотъ мы и репортерствуемъ другъ про друга. Впрочемъ, эту Соньку Лопатину мнѣ вовсе не жаль. А! ты-молъ мечтала о князьяхъ да графахъ?! На насъ, простыхъ смертныхъ, плевала? Ну, вотъ, князекъ тебя и научилъ, какъ поютъ: „Подъ вечеръ осенью ненастной“... Вѣдь тебѣ, небось, Протасиха ужъ разсказала, что я имѣлъ непростительную глупость предложить этой Софьѣ Прекрасной руку и сердце?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Ха, ха, ха! Какъ же! Влопался и получилъ длинный носъ. Кажется, съ тѣхъ поръ и пить выучился.—Онъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Что же, это недавно было, что ты до сихъ поръ такъ волнуешься?

— Было, братъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ! Ужъ послѣ этого князька! Когда она изъ Петербурга вернулась опозоренная... Я, дуракъ этакій, думалъ тронуть ее благородствомъ своей души. Весь уѣздъ кричалъ, что у нея былъ ребенокъ, а я разлетѣлся возстановлять ея честь своимъ именемъ... Брррръ! Отвратительное положеніе!

— Что-жъ она тебѣ отвѣтила?

— А вотъ что: „Вы, говоритъ, конечно, не думаете, что

я васъ люблю; такъ почему же вы надѣялись, что я выйду за васъ замужъ? Только потому, что обо мнѣ ходятъ сплетни"?... Я ей на это говорю:—Отчасти, молъ, и потому, такъ какъ надѣялся, что вы оцѣните мой поступокъ. „А вы, говоритъ, мнѣ его даромъ предлагаете, или требуете что-нибудь за него? Я должна выйти за васъ замужъ, т.-е. отдать вамъ всю мою жизнь, всю себя? Это такая, говоритъ, цѣна, что если не любишь человѣка, то лучше сто разъ умереть". И стала она, братъ, хохотать мнѣ прямо въ лицо, да какъ?! До истерики!

— И развѣ она, по твоему, не была права?—спросилъ Роговъ.

— Пусть даже права. Но еслибы у нея было сердце, она поняла бы, что я былъ виноватъ только тѣмъ, что любилъ ее и не сообразилъ всего, что можно вывести изъ моего поступка. Намѣреніе мое было чисто и свято. Любилъ я ее, и стало мнѣ ее жаль, и желалъ я принести ей себя въ жертву. А она подумала, что я ее купить хотѣлъ. А почему она это подумала? Потому что сердца у нея нѣтъ. Дрянь она! Тамара проклятая!

Онъ оперся локтями на столъ и спряталъ въ ладони свое лицо.

— Ненавижу ее и проклинаю!—крикнулъ онъ вдругъ.—Жизнь мою она сгубила! Эхъ, бросимъ, братъ, шампанское и пойдемъ въ буфетъ: тамъ есть коньякъ для сердца цѣлительный и душекрѣпительный.

— Какъ тебѣ не стыдно, Морозовъ!—заговорилъ Иванъ Захаровичъ.—Какое малодушіе! Я тебя просто не узнаю! Какой ты былъ энергичный въ Москвѣ! Помнишь?

— Пустяками занимался, а теперь дѣло дѣлаю—пью.

Рогову стало жаль гибнущаго товарища. Онъ старался объяснить ему, почему Лопатина не могла отвѣтить иначе.

— Страшно оскорбленная какимъ-то негодяемъ,—говорилъ онъ,—она измучилась отъ сплетенъ вашей гнусной среды, бездушной и злоязычной отъ бездѣлья и скуки. Подумай же, какъ она должна была страдать отъ малѣйшаго намека на свое поруганіе! А ты такъ неосторожно коснулся ея раны! Тебѣ не слѣдовало торопиться; надо было подождать, пока у нея пройдетъ острая боль. Не нужно было дать ей замѣтить, что ты считаешь свое предложеніе жертвой.

Морозовъ молчалъ. Онъ опять спряталъ лицо въ ладони, и повидимому слова Рогова поразили его. Черезъ нѣсколько секундъ онъ сказалъ почти отрезвѣвшимъ голосомъ, грустно и кротко:

— Быть можетъ, ты и правъ. Вѣдь мнѣ и до сихъ поръ жаль ее. Несчастье наше здѣсь, въ глуши, въ томъ, что не съ кѣмъ по душѣ поговорить въ такія минуты, посовѣтоваться. Будь тогда около меня такой человѣкъ, какъ ты, и, быть можетъ, дѣло устроилось бы иначе... Ну, да теперь поздно жалѣть! Такъ идемъ въ буфетъ, что-ли?

— Я не пойду и ловлю тебя на словѣ: ты, вотъ, сказалъ, что былъ тогда одинокъ. Ну, вотъ, теперь около тебя есть такой человѣкъ, и онъ говоритъ тебѣ: образумься! Неужели не унизительно упасть до такой степени, чтобы вся жизнь заключалась въ водкѣ, бильярдѣ, сплетняхъ, картахъ? Опомнись, встряхнись, ради университета, ради твоего хорошаго прошлаго!

Морозовъ взглянулъ на него злыми глазами, въ которыхъ блеснуло уязвленное самолюбіе. Онъ захохоталъ какъ-то цинично и заговорилъ язвительно:

— Во-первыхъ, я занимаюсь не однимъ только тѣмъ, что ты пересчиталъ. Я еще потѣшаю оголтѣлую публику шансонетками и скоромными анекдотами... Ты вообразилъ, что если я съ пьяна распустилъ передъ тобой нюни, такъ ты можешь поучать меня съ высоты своего либеральнаго величія? Это ты-то?! Ошибаешься! Да, я пьянъ; я наболталъ вздору; но я не считаю себя ниже тебя и всѣхъ васъ, господа высоконравственные нытики и пошляки! Всѣ вы—глупые червяки и муравьи, которые горды тѣмъ, что тянете свою лямку. Я же ее сознательно бросилъ. Я—человѣкъ свободный: мнѣ нравится такъ жить, и больше ничего! А ваша жизнь, ваша мораль для меня—тьфу! Плюнуть и растереть! Мораль божьихъ коровокъ, червей ползучихъ, муравьевъ... А я—если не орелъ, то во всякомъ случаѣ ястребъ...

Онъ всталъ, гордо закинулъ голову и продолжалъ:

— Ты не вздумай обидѣться, что я такъ откровенно критикую ваши взгляды и образъ жизни. Я расплачиваюсь твоей же монетой. Надѣюсь, мы останемся пріятелями... Кстати, прошу тебя, пусть этотъ разговоръ будетъ между нами.

Л. Оболенскій.

МОЯ ЖИЗНЬ

и

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

IV *).

Послѣдній актъ въ гимназіи.—Переѣздъ въ Кіевъ.—Впечатлѣніе первыхъ лекцій и первыхъ диспутовъ.—Характеристика профессоровъ.—Студенческое житье-бытье.—Встрѣча съ нѣжинцами.—Жизнь въ штрафгаузѣ и поступленіе на казенный счетъ.—Бытъ казеннокоштныхъ.—Крымская война и первое чтеніе газетъ.—Третья кампанія и смерть императора Николая I-го.—Экзаменъ на кандидата.

Актъ въ нѣжинской гимназіи, въ 1850 г., праздновался всегда очень торжественно, въ двадцатыхъ числахъ іюня. Нашъ Экеблядъ любилъ показать товаръ лицомъ, а на актѣ нерѣдко бывали весьма почетныя лица. Я помню,—однажды присутствовалъ на немъ черниговскій губернаторъ Гессе, когда онъ былъ еще статскимъ, и директоръ черниговской гимназіи Невѣровъ. Зала торжественныхъ собраній сіяла чистотой и убранствомъ. Рѣчи говорились и отъ лицея, и отъ гимназіи. Наканунѣ акта тѣ ученики, которымъ предстояло получить награды—медали, аттестаты, похвальные листы и книги,—собирались въ залу, гдѣ директоръ училъ

*) См. выше: январь, 138 стр.

ихъ, какъ выходить за наградой, какъ кланяться и возвращаться вспять. Такимъ же экзерциціямъ подвергались и мы наканунѣ дня, когда намъ должны были вручить наши аттестаты. По нѣскольку разъ каждый изъ насъ выходилъ, кланялся и возвращался, пока, наконецъ, Экебладъ не удовольствовался данной имъ выправкой.

Вотъ и аттестаты въ нашихъ рукахъ! Какое-то радостное чувство охватило молодую душу, и какимъ козыремъ я проходилъ уже въ не-форменной бѣлой фуражкѣ мимо инспектора Моравчевскаго, котораго мы не долюбливали, хотя онъ и писалъ малороссійскіе стихи и не такъ часто прибѣгалъ къ сѣканціи, которую такъ любилъ его предшественникъ Іеропесъ. Скорѣе домой, въ Гольцы! Каникулы я всегда проводилъ превосходно, а въ 1850 году, въ годъ окончанія курса гимназіи онѣ были особенно пріятны. Усадьба наша въ Гольцахъ, какъ говорилъ я выше, была неприглядна, но зато ненаглядны были окрестности села. Вся наша заброшенная семья страстно любила природу и обожала малороссійскія пѣсни, которыя пѣлись отъ зари и до вечера. Прогулкамъ по горамъ и доламъ и конца не было! И какіе превосходные букеты полевыхъ цвѣтовъ, и какія роскошные грозды полевницъ приносились домой Катенькой, которая особенно была пѣвуча и съ особенной страстью любила природу. Героемъ дня, конечно, былъ я, будущій студентъ. Меня въ семьѣ всегда любили и уважали, а на этотъ разъ—еще больше. Катенька по цѣлымъ днямъ разыскивала для меня лучшія ягоды и готовила мои любимыя блюда—фасоль или картофель въ сметанѣ, а милый энтузіастъ Митя готовъ былъ для меня въ огонь и въ воду, выкрадывая фрукты изъ сада Долинскаго. Онъ ужасно меня любилъ и служилъ мнѣ всегда какъ вѣрный пажъ своему рыцарю. Но какъ ни жаль было разстаться съ этимъ привольемъ, а пора было собираться въ Кіевъ, въ университетъ. Вотъ ужъ конюхъ Оська запрегъ телѣгу, мы усѣлись въ нее съ моимъ неразлучнымъ Дмитріемъ. Прощай, родное село! Прощай, дорогая семья! Мы выѣхали, помнится, въ половинѣ іюля, и замелькали передо мной выжатыя поля, выкошенные луга — милыя, знакомыя картины, которыя я всегда такъ любилъ и которыя такъ хотѣлъ бы созерцать и нынче! Лошадки бѣжали рѣзво; вѣдь и кладь же была небольшая; почти пустой чемоданъ, въ которомъ главное мѣсто принадлежало словарю Татищева. Французскій языкъ, на которомъ я изрядно говорилъ въ дѣтствѣ, былъ нѣсколько позабытъ въ гимназіи; я хотѣлъ возстановить прежнее знакомство съ нимъ, считая себя обязаннымъ хорошо знать

языкъ моего милаго дѣда, генерала Тиринга. По пути я заѣхалъ къ нашему давнему другу Николаю Ивановичу Танскому, съ которымъ проговорилъ чуть ли не всю ночь. Онъ, какъ упомянулъ я выше, благословилъ меня письмомъ къ Иванишеву, очевидно конфузясь, что ничего не могъ сдѣлать болѣе существеннаго. Оттуда я заѣхалъ въ Войтово, гдѣ переночевалъ въ нашемъ полуразрушенномъ домѣ, прежней дѣтской и, кажется, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла моя дѣтская кроватка. Возлѣ меня легъ спать Ефимъ, который въ это время былъ войтовскимъ приказчикомъ. Онъ всегда показывалъ мнѣ признаки расположенія, можетъ быть потому, что былъ сынъ моей обожаемой няни. Ночью онъ разсказалъ мнѣ страшный романъ нашей семьи, со всѣми его сценами и деталями, о которомъ я до тѣхъ поръ ничего не зналъ. Разсказъ его произвелъ на меня потрясающее впечатлѣніе, отъ котораго я долго не могъ придти въ себя. На другой день я обошелъ уже запущенный войтовскій садъ, припоминая мѣста дѣтскихъ забавъ съ сестрой Сашенькой. Съ особеннымъ вниманіемъ я осматривалъ свой дѣтскій садикъ, гдѣ были посажены деревья моими дѣтскими руками. Какъ высоко повыростали они,—особенно дубокъ, выкопанный мною когда-то чуть ли не въ графскомъ лѣсу. Ефимъ предложилъ мнѣ отвезти меня въ Кіевъ на своихъ лошадяхъ, а прежняго возницу, Оську, отправить обратно въ Гольцы. Я принялъ это предложеніе, о чемъ послѣ очень сожалѣлъ. Какъ живо вспоминается мнѣ конюхъ Оська съ его женою Татьяной—прачкой. Мнѣ ясно видится его фигура, когда онъ проѣзжалъ застоявшагося стараго „Красавца“, караковаго жеребца, доставшагося намъ еще отъ Шостака. Оська жилъ съ лошадьми и ужасно ихъ любилъ. Онъ и умеръ оттого, что однажды его избилъ одинъ изъ его фаворитовъ, котораго онъ выѣзжалъ. Оська былъ типомъ благороднаго мужика—всегда покорнаго молчальника. Совершенно другой типъ представлялъ собою приказчикъ Ефимъ: довѣренное лицо барина, секреты котораго онъ отлично зналъ, это былъ мужикъ-развратникъ, пропойца и картежникъ. Вообще, сколько я помню времена крѣпостного права, самыми дурными крестьянами были фавориты, пользовавшіеся барскимъ вниманіемъ, и самыми лучшими были тѣ, которые подальше стояли отъ двора и поменьше пользовались барскимъ вниманіемъ.

Итакъ, Оську я отправилъ въ Гольцы, а меня повезъ Ефимъ по какой-то новой для меня дорогѣ, гдѣ стоялъ извѣстный ему трактиръ. Здѣсь онъ напился мертвецки-пьянымъ. Мы уложили его въ телѣгу и сами съ Дмитріемъ кое-какъ доѣхали до Бро-

варовъ. Ѣхать дальше съ мертвецки-пьянымъ кучеромъ показалось мнѣ невозможнымъ. Я заѣхалъ къ хорошо знакомому становому приставу Дорошенкѣ, который принялъ мѣры, чтобы привести въ чувство моего Ефима, окативъ его холодной водой. Ефимъ очнулся и довезъ меня до Кіева. Я хорошо зналъ Кіевъ въ дѣтствѣ, но послѣ шестилѣтней разлуки съ нимъ забылъ его, а послѣ небольшого Нѣжина онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Новое-Строеніе уже было застроено; на Фундуклеевской улицѣ уже стоялъ цѣлый рядъ домишекъ, и въ одномъ изъ нихъ я пристроился со своимъ словаремъ Татищева и со своимъ крѣпостнымъ Дмитріемъ. На концѣ той же улицы квартировали и мои нѣжинскіе товарищи Ждановичъ и Бенкевичъ, съ которыми я скоро и свидѣлся. Я собирался подать прошеніе о пріемѣ меня въ историко-филологическій факультетъ, какъ былъ тогда переименованъ словесный, поступить въ который составляло мечту моихъ дѣтскихъ лѣтъ. Мои нѣжинскіе товарищи посовѣтовали мнѣ поступить на факультетъ юридическій, такъ какъ пріемные экзамены на этотъ факультетъ будутъ легче, въ особенности изъ латинскаго языка, въ которомъ я не былъ большимъ докой. Я послѣдовалъ ихъ совѣту и подалъ прошеніе правителю канцеляріи попечителя, Лазову. Этотъ Лазовъ былъ тогда крупной фигурой въ учебномъ округѣ. Человѣкъ дѣловой и умный, онъ держалъ въ рукахъ своихъ дѣла. Попечителемъ округа былъ тогда генералъ-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ—одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей въ царствованіе императора Николая I-го, который относился къ нему съ особеннымъ благоволеніемъ. Главной задачей его политики въ краѣ было—ослабить шляхетскую польщизну, поднявъ значеніе демократическаго русскаго элемента. Этой цѣли онъ думалъ достигнуть, улучшивъ юридическое и экономическое положеніе крестьянъ, которыми владѣли польскіе паны, посредствомъ инвентарей. Это была его главная забота, оставлявшая ему мало времени, мало досуга для занятій дѣлами округа. Онъ строго слѣдилъ за соблюденіемъ студентами формы, увольняя иногда изъ университета за разстегнутую пуговицу или длинные волосы. Въ „ниверситетѣ“, какъ выражался онъ,—онъ являлся очень рѣдко, говоря студентамъ грозныя рѣчи. Мы трепетали его, зная его рѣшительный нравъ, его послѣдовательную политику. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ былъ замѣчательнымъ pendant къ фигурѣ императора Николая I-го: къ нему можно было примѣнить французскую поговорку: „quel maître, tel valet“. Мнѣ и теперь представляется красивая безрукая фигура Бибикова съ горящими черными гла-

зами, когда онъ сопровождалъ императора Николая I-го по Кіеву, сидя съ нимъ въ одной колясκѣ. Чувствовалась какая-то дрожь при видѣ этихъ двухъ грандіозныхъ историческихъ личностей. Имъ старался уподобиться Юзефовичъ, въ руки котораго передано было управленіе округомъ. Но Юзефовичъ напрасно считалъ себя властелиномъ: въ дѣйствительности округомъ правилъ Лазовъ. Ректоромъ университета въ это время былъ Рудольфъ Эрнестовичъ Траутфеттеръ — благороднѣйшій человѣкъ и одинъ изъ лучшихъ ректоровъ, какихъ только зналъ университетъ св. Владиміра. Онъ былъ выбранъ въ преемники Ѳедорову, но съ отмѣной ректорскаго выбора переименованъ въ ректора коронные. Въ его ректорство прошли и мои студенческіе годы, и мои первые неумѣлые и робкіе профессорскіе шаги. Я сохранилъ о немъ самыя свѣтлыя, симпатичныя воспоминанія, и какъ ни уважалъ я профессора Бунге, я всегда считалъ несправедливостью со стороны Пирогова, что онъ, въ 1859 году, замѣнилъ имъ Траутфеттера. Инспекторомъ студентовъ былъ Германъ Карловичъ Тальбергъ, женатый на сестрѣ всесильнаго Лазова и, вслѣдствіе этого, службу по таможенному вѣдомству промѣнявшій на должность инспектора студентовъ. Мы его очень не любили за его грубое обращеніе. Онъ, кажется, старался подражать Юзефовичу, и вышелъ такой замѣчательный административный униссонъ: императору Николаю подражалъ Бибиковъ, Бибикову — Юзефовичъ, Юзефовичу—Тальбергъ.

Не забылъ я своего пріемнаго экзамена: профессоръ Павловъ предложилъ нѣсколько вопросовъ по исторіи, кто-то—по географіи, Дьяченко младшій—по математикѣ, не помню кто—по латинскому языку, а лектора—по новымъ языкамъ, которые, оказалось, я лучше зналъ, чѣмъ самъ объ этомъ думалъ. Особенно памятенъ мнѣ экзаменъ изъ физики: человѣкъ взбалмошный и капризный, профессоръ Кнорръ, все время кричалъ и ругалъ меня за то, что я не сразу понималъ его загадочные вопросы. Но главнѣйшимъ предметомъ испытанія былъ русскій языкъ. Назначенный попечителемъ, Бибиковъ обратилъ вниманіе на то, что въ юго-западномъ краѣ говорятъ не по-русски, а на какомъ-то польско-малороссійскомъ жаргонѣ. Онъ предписалъ, чтобы при окончаніи гимназіи и при поступленіи въ университетъ обращено было строгое вниманіе на знаніе русскаго языка. Христіанъ Адольфовичъ порядочно помучилъ насъ диктовкой въ Нѣжинѣ. Повторилось это и на пріемномъ экзаменѣ въ университетъ. Предсѣдательствовалъ ректоръ, экзаменовалъ профессоръ Яроцкій и диктовалъ адъюнктъ Страшкевичъ. Онъ продиктовалъ

мнѣ строфу изъ Державинскаго „Водопада“, и при этомъ интонаціями и гримасами какъ бы старался подсказывать, гдѣ поставить нужный знакъ препинанія, гдѣ написать *ъ*, а не *е* и т. п. Вообще, на этихъ пріемныхъ экзаменахъ всѣ профессора старались дѣлать всевозможныя облегченія, чтобъ не затруднять доступа въ университетъ. Теперь иногда поговариваютъ, что цѣлесообразно было бы возстановить эти пріемные экзамены, чтобы отдѣлить плевелы отъ зерна. Я очень въ этомъ сомнѣваюсь. Въ мое время въ университетъ поступали десятки молодыхъ людей, а теперь поступаютъ ихъ сотни: проэкзаменовать такое множество было бы крайне затруднительно. Если въ мое время этотъ пріемный экзаменъ былъ одною изъ формальностей, то тѣмъ болѣе одною изъ формальностей сдѣлался бы онъ теперь; и если въ мое время, при большемъ педагогическомъ ригоризмѣ, профессора старались дѣлать всякія поблажки, чтобы облегчить доступъ въ университетъ, то тѣмъ болѣе это имѣло бы мѣсто теперь—при педагогической распущенности. Возстановленіе пріемнаго экзамена въ университетъ не привело бы ни къ чему.

Пріемный экзаменъ оконченъ. Я получилъ студенческій билетъ и матрикулу, уплативъ установленные два рубля. Денегъ привезено было очень мало. Къ тому же часть ихъ я проигралъ, увлеченный въ игру моимъ милымъ Ждановичемъ. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда отца, который обѣщалъ пріѣхать въ Кіевъ послѣ Ильинской ярмарки, которая въ этомъ 1850 году была въ Ромнахъ въ послѣдній разъ, а затѣмъ, по мысли генерала Кокошкина, была переведена въ Полтаву. Безденежные, мы съ Дмитріемъ страшно бѣдствовали, по временамъ питаясь одними огурцами, которые гдѣ-то добывалъ Дмитрій. Между прочимъ, съ половины августа начались лекціи, отъ которыхъ, признаюсь, я ждалъ гораздо больше и которыя приводили меня въ уныніе. Мысль о томъ, что я выбралъ факультетъ не по-сердцу, не давала мнѣ покоя, и юриспруденція показалась мнѣ наукой крайне скучной и непривлекательной. Между тѣмъ къ этому времени прибылъ въ Кіевъ министръ народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ. Онъ побывалъ на многихъ лекціяхъ. Я помню лекціи Митюкова и Вигуры, на которыхъ и я присутствовалъ. Превосходный лекторъ, Митюковъ прочелъ безподобную лекцію—о юридическихъ лицахъ. Не надѣленный лекторскимъ талантомъ, Вигура прогнусилъ, если не съ боязнью, то съ робостью, о существѣ самодержавной власти. Врѣзалась въ моей памяти громоздкая фигура министра-ханжи, на лицѣ котораго

нельзя было узнать, одобряетъ ли онъ, или нѣтъ—выслушанную лекцію.

Наконецъ я дождался отца, который пріѣхалъ въ Кіевъ съ двумя старшими сестрами и съ маленькимъ братомъ Платономъ, который былъ виновникомъ смерти матери. Мы всѣ обожали этого Платошу. Смуглый какъ цыганенокъ, красавецъ-мальчикъ въ своемъ черкесскомъ костюмѣ гулялъ со мной по Кіеву. Отецъ снабдилъ меня прекраснымъ студенческимъ гардеробомъ, часть котораго скоро очутилась въ студенческомъ ломбардѣ Абрамовичъ. Скоро пришлось мнѣ впервые побывать на докторскихъ диспутахъ: Митюкова, которому возражали Ѳедотовъ, Вигура и Пилянкевичъ, и Гогоцкаго, который защищалъ диссертацію о характерѣ философіи Гегеля. Помню, что одинъ изъ его оппонентовъ на латинскомъ языкѣ былъ профессоръ Делленъ; на диспутѣ былъ профессоръ Новицкій, но не принималъ въ немъ участія. Эти диспуты произвели на меня сильное впечатлѣніе, а то я ужъ было-думалъ, что въ университетѣ учиться нечему, и что на юридическомъ факультетѣ слушать некого. На первомъ семестрѣ читались межевые законы Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, основные законы—Вигурой, энциклопедія права—Пилянкевичемъ и римское право—Митюковымъ. Кромѣ того, мы слушали: богословіе у Скворцова, исторію русской литературы у Селина и русскую исторію у Павлова. Я сталъ посѣщать болѣе лекціи другихъ факультетовъ; особенное удовольствіе доставлялъ мнѣ своими блестящими лекціями по всеобщей исторіи профессоръ Шульгинъ. Это, можно сказать, былъ прирожденный профессоръ, природное назначеніе котораго—каѳедра или трибуна. Я много слушалъ лекцій на своемъ вѣку въ Россіи и за границей, но такихъ лекцій, какія читалъ Шульгинъ, не приходилось слушать нигдѣ. Ни Дройзенъ въ Берлинѣ, въ аудиторіи котораго собиралось такъ много слушателей, ни Гёйсеръ въ Гейдельбергѣ, считавшійся въ мое время лучшимъ лекторомъ, ни изящный и краснорѣчивый Лабулэ въ Парижѣ—не могли быть сравниваемы съ Шульгинымъ. Онъ умѣлъ живьемъ изобразить эпоху и ея людей: онъ переносилъ насъ въ изображаемое время, онъ коротко знакомилъ насъ съ психологіей историческихъ героевъ. Аудиторія его была всегда полна, а лекціи нерѣдко оканчивались рукоплесканіями, которыя считались тогда чуть не государственнымъ преступленіемъ. „Вотъ это такъ университетъ!—думалъ я, чего не думалъ послѣ своихъ юридическихъ лекцій.—Вотъ для этого стоило Нѣжинъ промѣнять на Кіевъ“. Къ сожалѣнію, истинно русскій человѣкъ, Шульгинъ не употребилъ своихъ дарованій на то, къ чему они были пред-

назначены природой: отдавшись лиризму и публицистикѣ, онъ скоро оставилъ каѳедру. Публицистомъ же онъ не могъ быть такимъ, какимъ былъ профессоромъ. Понятно, почему я манкировалъ лекціями своего факультета, бѣгая по чужимъ аудиторіямъ. Голова кружилась у недавняго гимназиста отъ разнообразія сюжетовъ, отъ права посѣщать лекціи какого угодно факультета. Я заходилъ даже на лекціи Цицурина, читавшаго симіотику, на акушерство Матвѣева, на минералогію Ѳеофилактова и т. д. Но особенно я любилъ посѣщать лекціи Кесслера по зоологіи, который чрезвычайно симпатично ихъ читалъ, и лекціи блестящаго и распущеннаго Вальтера, котораго Селинъ называлъ Вальтеръ-Скоттъ по анатоміи. Въ этой бѣготнѣ по разнымъ аудиторіямъ, въ этомъ незнаніи, что дѣлать и за что взяться, у меня потерянъ былъ цѣлый годъ: восемнадцатилѣтній „фуксъ“ никакъ не могъ оріентироваться, юристъ никакъ не хотѣлъ быть юристомъ.

Что же представляли профессора-юристы въ мое студенческое время? Въ мое студенческое время курсъ избраннаго мною факультета раздѣлялся полу-курсовымъ экзаменомъ на двѣ половины. Полу-курсовой экзаменъ, впрочемъ, былъ обязателенъ только для студентовъ казеннокоштныхъ. Экзамены производились два раза въ годъ—въ декабрѣ и маѣ. Нѣкоторые предметы читались два года, нѣкоторые—полтора, иные—одинъ годъ, а русская исторія слушалась даже четыре года, вслѣдствіе принятаго совѣтомъ предложенія профессора Павлова. Предметы слушались совмѣстно съ студентами нѣсколькихъ семестровъ. На первой половинѣ юридическаго факультета читали слѣдующіе профессора: Александръ Алексѣевичъ Ѳедотовъ-Чеховскій, переведенный изъ харьковскаго университета на мѣсто Мицкевича, назначеннаго въ Харьковъ. Прежде онъ читалъ римское право и слылъ большимъ романистомъ и латинистомъ. Онъ былъ товарищемъ Крылова и Баршевыхъ—второй серіи учениковъ Сперанскаго. Желая освободить каѳедру римскаго права для своего даровитаго ученика Митюкова, онъ перешелъ на гражданское право, которое до этого читалъ Арнадскій, перешедшій въ Москву, но въ гражданскомъ правѣ Ѳедотовъ не былъ спеціалистомъ. Свой курсъ проходилъ онъ въ четыре семестра: межевые законы, наслѣдственное право, обязательство и гражданскій процессъ. Семейственное право Ѳедотовъ выдѣлилъ для своего ученика Густава Ивановича Эйсмана, который и читалъ намъ его вмѣстѣ съ внѣшней исторіей русскаго законодательства, такъ какъ отдѣльной каѳедры по исторіи русскаго права тогда не было. Эйсманъ

и читалъ намъ эту часть своимъ непріятнымъ, пискливымъ голосомъ, но довольно содержательно. Что же касается самого его наставника Ѳедотова, то онъ читалъ свои лекціи очень развязно и игриво, но видно было, что онъ ихъ не приготовляетъ. Особенное значеніе онъ придавалъ почему-то межевымъ законамъ, которые и читалъ съ особеннымъ увлеченіемъ, особенно исторію межеванія по академической рѣчи Неволина. Другія части своего предмета онъ читалъ по книгѣ Кранихфельда, которую клалъ передъ собой на каѳедрѣ и толковалъ какъ какую-нибудь Иліаду или Одиссею. Въ моей памяти съ особенною силою запечатлѣлась „эмбріологія договоровъ“: какъ они зарождаются и созрѣваютъ, какъ совершаются и прекращаются—какъ будто дѣло шло о какомъ-нибудь живомъ организмѣ. Эти лекціи были тѣмъ забавнѣе, что обставлялись казусами и анекдотами. Гражданскій процессъ читался по книгѣ де-Гая, къ которой присоединялась маленькая тетрадка неудобопонятной и запутанной теоріи. Вообще, я думаю, Ѳедотовъ уронилъ свою профессорскую репутацію, перемѣнивъ каѳедру римскаго права на каѳедру права гражданскаго. О немъ въ университетскомъ мірѣ ходило много анекдотовъ, но не всегда имъ заслуженныхъ. Правда, онъ былъ циниченъ, слишкомъ уже чтилъ ранги, чины и ордена (съ Анной на шеѣ онъ никогда не разставался), обращался съ нами немного по-семинарски, держалъ у себя на квартирѣ богатыхъ студентовъ. Правда, онъ не былъ хорошо воспитанъ и развитъ, но былъ не безъ способностей и свѣдѣній и хорошо прошелъ школу петербургской духовной академіи, II-го отдѣленія и берлинскаго университета, гдѣ онъ слушалъ Савиньи и Ганса.

Ученика Ѳедотова, Калиника Андреевича Митюкова, занявшаго каѳедру римскаго права, я засталъ еще адъюнктомъ. Помню его юное, классической красоты лицо и лиловый шолковый жилетъ. При мнѣ онъ докторизировался и скоро получилъ званіе ординарнаго профессора. Это былъ человѣкъ глубокаго, сосредоточеннаго ума и рѣдкихъ лекторскихъ дарованій. Его лекціи были превосходны, и если я не увлекался ими такъ же, какъ лекціями Шульгина, то потому, что его предметъ меня менѣе интересовалъ: по природѣ своей я былъ болѣе историкомъ, чѣмъ юристомъ. Передъ профессоромъ лежала на каѳедрѣ тетрадка, но онъ рѣдко къ ней прибѣгалъ и, граціозно переворачивая ея страницы, большею частью читалъ наизусть. Его блѣдныя щеки разгорались яркимъ румянцемъ, когда онъ увлекался какимъ-нибудь вопросомъ. Замкнутый и сосредоточенный, онъ былъ очень гордъ, глубоко проникнутъ сознаніемъ личнаго достоинства.

Опасаясь, какъ бы не уронить этого достоинства и на дѣлѣ не показаться менѣе умнымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, онъ избѣгалъ всякихъ должностей; такъ, онъ очень скоро оставилъ должности: декана, ректора, проректора, городского головы, и засидѣлся только на мѣстѣ предсѣдателя общества городского взаимнаго кредита, куда онъ былъ введенъ своимъ соучеником и другомъ Эйсманомъ. Въ основаніи лекцій Митюкова лежало сочиненіе Пухты. Читая предметъ четыре семестра, одинъ изъ семестровъ онъ посвящалъ римскому процессу. Вообще, постановка этого предмета въ мое студенческое время была удовлетворительнѣе, чѣмъ его тенденціозная растянутость по уставу 1884 года: это былъ одинъ изъ предметовъ юридическаго факультета, но не самый главный, какимъ его потомъ сдѣлали и каковымъ онъ не долженъ быть.

Русскіе государственные законы, какъ тогда называлось государственное право, читалъ Иванъ Мартиньяновичъ Вигура и читалъ плохо. Онъ долгое время былъ за границей, гдѣ вѣроятно хорошо ознакомился съ тамошнимъ порядкомъ. Но въ его курсѣ знакомство это не проглядывало. Говорили, что, сѣвъ на каѳедру по возвращеніи въ Россію, онъ заговорилъ-было о конституціяхъ и парламентахъ, но ему не дали разговориться, и онъ замолкъ. Ни о какихъ конституціяхъ, ни о какихъ парламентахъ мы отъ него никогда не слыхивали, а слыхивали переставленныя и перефразированныя статьи свода. Отправляясь въ своемъ зеленомъ вицъ-мундирѣ въ кіевскій коммерческій банкъ, гдѣ онъ служилъ юрисконсультомъ, онъ наскоро забѣгалъ въ аудиторію и составлялъ лекцію какъ бы во время самаго чтенія, выбирая статьи изъ соотвѣтствующаго тома. Къ этому присоединялись маленькіе историческіе очерки въ духѣ Кавелина и Соловьева. Сколько помню, читалъ онъ курсъ три семестра, слѣдуя систематизаціи свода: основные законы, государственныя учрежденія, губернскія учрежденія, уставы о службѣ гражданской, гдѣ съ особенной подробностью трактовалось о мундирахъ и орденахъ, и законы о состояніяхъ. Для меня, будущаго преемника адъюнкта Вигуры, такая школа не могла быть удовлетворительной, и я рѣдко бывалъ на его лекціяхъ—тѣмъ болѣе, что онъ читалъ ихъ едва внятнымъ голосомъ, такъ какъ начиналась у него горловая чахотка, отъ которой онъ и умеръ скоро по окончаніи мною университета. Онъ умеръ, не дождавшись степени магистра. Этой степени не дождался и Николай Ивановичъ Пилянкевичъ, преподававшій намъ энциклопедію права на I-мъ курсѣ и исторію философіи—на II-мъ. Онъ читалъ не по книгѣ

Неволина, какъ нѣжинскій Циммерманъ, а по собственному курсу, часть котораго, исторія философіи права, была издана его преемникомъ профессоромъ Рененкампфомъ. Къ экзамену мы, впрочемъ, готовились по книгѣ Неволина, такъ какъ Пилянкевичъ своего курса намъ не выдавалъ. Записыванія лекцій у насъ не водилось: обыкновенно профессора выдавали записки, которыя мы и переписывали, на что уходило много времени, но литографіи тогда и въ поминѣ не было. Свои лекціи Пилянкевичъ читалъ ужасно монотонно, очевидно скучая. Эту скуку онъ сообщалъ аудиторіи, которая посѣщалась нами неисправно, несмотря на то, что водились тогда переклички.

Говорили, впрочемъ, что Пилянкевичъ былъ человѣкъ талантливый, но—

„Въ началѣ поприща увядшій безъ борьбы".

Кромѣ этихъ предметовъ, на первыхъ четырехъ семестрахъ юридическаго факультета мы слушали, сводно съ физико-математиками, Александра Ивановича Селина, читавшаго намъ исторію русской литературы. Это былъ выдающійся профессоръ и превосходный русскій человѣкъ. Ученикъ Шевырева, онъ преклонялся предъ его авторитетомъ, а насмотрѣвшись въ молодые годы на Мочалова, онъ, говорили, иногда подражалъ его манерѣ, жесту, интонаціи. Говорили, что въ немъ много аффектаціи и поддѣльнаго жара; что его лекціи—высокопарная реторика. Говорили... но я, его слушатель, восхищался его лекціями, находя въ нихъ столько жизни, столько живыхъ очерковъ литературныхъ явленій. Узнавъ же его впослѣдствіи, когда я сдѣлался его сослуживцемъ, я извѣдалъ его рыцарски-благородную душу, и съ особенной симпатіей вспоминаю его любвеобильныя отношенія къ студентамъ.

На второй половинѣ юридическаго факультета читалъ еще Николай Дмитріевичъ Иванишевъ, нашъ милый деканъ, остроумный и привѣтливый. О немъ я написалъ цѣлую монографію, въ которой обстоятельно разсмотрѣлъ его личность и дѣятельность. Онъ очень любилъ исторію, особенно юго-западнаго края, для которой много сдѣлалъ. Любилъ также и славянское право, которымъ много занимался за границей. Менѣе душа его лежала въ оффиціальной наукѣ — къ законамъ государственнаго благоустройства, которые онъ и прочитывалъ въ три семестра. Въ его курсѣ преобладалъ юридическій элементъ, въ противоположность курсу Бунге, дававшему больше мѣста элементу экономи-

ческому. Полагаю, что постановка предмета Иванишевымъ была пригоднѣе для юридическаго факультета. Нѣкоторые отдѣлы были особенно хорошо разработаны,—напримѣръ, законы народнаго просвѣщенія, а другіе совсѣмъ не прочитывались,—напримѣръ, врачебный уставъ, путей сообщеній, почты. Читалъ онъ свои лекціи по тетрадкѣ, переваливаясь съ боку на бокъ. Видно было, что чтеніе лекцій для него скучно и непріятно. Но если онъ отрывался отъ тетрадки и говорилъ наизусть, то проглядывало нѣкоторое увлеченіе,—напримѣръ, когда онъ оцѣнивалъ и характеризовалъ нѣкоторыя экономическія доктрины. Вообще, это былъ милый и даровитый человѣкъ, который сдѣлалъ большую ошибку, промѣнявъ свой ректорскій постъ въ Кіевѣ на гадательную карьеру въ Варшавѣ по вызову Н. А. Милютина. Университетъ простился съ нимъ какъ-то холодно, можетъ быть потому, что надъ каждымъ изъ членовъ онъ когда-нибудь да сострилъ. Но я сохранилъ о немъ самыя симпатичныя воспоминанія, и по моему почину онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ университета. Мнѣ также пришлось издать собраніе его сочиненій—цѣнный вкладъ въ русскую науку. Мнѣ такъ и мерещится его лысое чело, его красивое, саркастическое лицо, когда на своемъ знаменитомъ креслѣ, которое теперь принадлежитъ мнѣ, онъ возсѣдалъ у окна своего маленькаго подольскаго домика.

Савва Осиповичъ Богородскій, товарищъ и другъ Неволина, принадлежалъ къ первой серіи учениковъ Сперанскаго. Свою профессуру въ Кіевѣ онъ началъ съ законовъ государственнаго благоустройства, но, за переходомъ профессора Даниловича въ Москву, онъ занялъ каѳедру уголовнаго права, изученію и разработкѣ котораго отдался съ рѣдкимъ увлеченіемъ. Едва ли въ какомъ-нибудь университетѣ читался такой обширный и строго научный курсъ такого предмета, какъ въ наше время въ университетѣ св. Владиміра. Изученіе его было очень трудно, но зато въ высокой степени назидательно. На экзаменахъ онъ бывалъ очень строгъ. Курсъ прочитывался въ два года и состоялъ изъ слѣдующихъ частей: философія уголовнаго права и его кодификація (детально были разсмотрѣны уголовные кодексы всякихъ Брауншвейговъ, Мекленбурговъ, Баденовъ, Ганноверовъ и т. д.), общая часть, особенная часть съ прекрасными очерками исторіи русскаго законодательства, и уголовный процессъ, который имъ былъ менѣе разработанъ и который къ экзамену мы приготовляли по книгѣ Стояновскаго. Живой и суетливый, Савва Осиповичъ безъ тетрадки не могъ читать лекцій, такъ какъ говорить онъ былъ не мастеръ. Для насъ онъ былъ гро-

зой. О размѣрѣ его экзаменаціонныхъ требованій можно судить по тому, что когда я его спросилъ, какъ готовить къ магистерскому экзамену законы благочинія, то онъ отвѣтилъ: по „полному собранію законовъ“. Но зато его слушатели были криминалисты хоть куда, а самъ Богородскій былъ однимъ изъ лучшихъ ученыхъ и профессоровъ.

Финансы намъ читалъ Григорій Алексѣевичъ Цвѣтковъ, товарищъ Иванишева по педагогическому институту. Громадный его курсъ былъ очень плохо обработанъ и читался имъ прескучно по тетради, съ постоянными употребленіями словъ: „болѣе“ или „менѣе“. Видно было, что финансы мало занимали его. Въ самомъ дѣлѣ, онъ съ жадностью читалъ беллетристику и Огюста Конта. Увлеченіе чтеніемъ не по своему предмету помѣшало ему получить степень магистра: онъ такъ и умеръ исправляющимъ должность адъюнкта. Когда я оканчивалъ курсъ, Цвѣткова постигла душевная болѣзнь, и насъ экзаменовалъ по финансамъ Василій Андреевичъ Незабитовскій, одинъ изъ самобытнѣйшихъ и даровитѣйшихъ русскихъ людей.

Василій Андреевичъ Незабитовскій преподавалъ намъ на IV-мъ курсѣ международное право. Онъ тогда только-что учился этому предмету, перейдя изъ Нѣжина въ Кіевъ. Читалъ онъ непривлекательно, и лекціи его посѣщались нами по очереди. Онъ читалъ намъ исторію международныхъ сношеній по Лорану, но выдавалъ записки, листъ за листомъ, своего курса, которыя мы и переписывали. Записки эти показывали, какъ умѣлъ Незабитовскій въ короткихъ словахъ сказать много, какъ давалась ему сжатая форма рѣчи. Его можно уподобить Флоберу—такъ онъ старался выработать точную и изящную форму для выраженія своихъ мыслей. Человѣкъ подозрительный и будто запуганный, онъ рѣдко кому довѣрялъ, рѣдко кому раскрывалъ свою душу. Но душа эта была глубока и содержательна, преисполненная самыхъ высокихъ стремленій. Онъ былъ лучшимъ моимъ товарищемъ, и мнѣ больно было хоронить его и произносить надъ его гробомъ слово, въ которомъ я старался схватить его характерныя черты. Мнѣ пришлось быть рецензентомъ его докторской диссертаціи, при защитѣ которой я впервые въ жизни былъ оппонентомъ. Незабитовскій оставилъ послѣ себя мало трудовъ, но они проникнуты несомнѣннымъ талантомъ. Труды эти изданы мною на иждивеніе университета къ его пятидесятилѣтнему юбилею. Не разъ бывалъ онъ проректоромъ и деканомъ, и по всѣмъ этимъ должностямъ сохранилъ о себѣ добрую память.—Кромѣ всѣхъ означенныхъ предметовъ, мы слушали еще судебную ме-

дицину и русскую исторію. Судебную медицину читалъ намъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Мерингъ—превосходный практическій врачъ, ловкій дѣлецъ, нажившій большое состояніе, что̀ не мѣшало ему быть превосходнымъ профессоромъ. Судебную медицину онъ читалъ намъ, когда былъ еще адъюнктомъ, вскорѣ по переходѣ на службу въ университетъ изъ имѣнія Почетти-Тарновскаго, „Каченовки“. Человѣкъ большого ума, онъ думалъ, что выгоднѣе и полезнѣе быть добрымъ и привѣтливымъ. Очень скоро онъ овладѣлъ Кіевомъ настолько, чтобы быть общимъ любимцемъ. Кого только не лечилъ онъ, кому только не помогало его рѣдкое искусство! Несмотря на свой лейпцигскій русскій языкъ, судебную медицину онъ читалъ намъ настолько интересно, что мы съ удовольствіемъ ходили въ анатомическій театръ, чтобы слушать его лекціи. Уроженецъ маленькой Саксоніи, онъ настолько обрусѣлъ и свыкся съ нашимъ просторомъ, что когда бывалъ за границей, то жаловался, что ему тамъ тѣсно и душно. Онъ тамъ скучалъ по русскому квасу, который ему нравился болѣе нѣмецкаго пива.

Русскую исторію, также какъ и исторію русской литературы, мы сначала слушали вмѣстѣ съ физико-математиками. Но, понимая, какое значеніе можетъ имѣть эта наука для юриста, профессоръ Павловъ вошелъ въ совѣтъ съ предложеніемъ, чтобы мы, юристы, слушали русскую исторію вмѣстѣ съ филологами въ теченіе четырехъ лѣтъ. Едва ли чьи-нибудь лекціи такъ содѣйствовали умственному развитію, какъ лекціи этого профессора. Онъ тогда былъ полонъ юности, красоты и нравственной чистоты. Для Кіева онъ былъ тѣмъ, чѣмъ Грановскій для Москвы, Каченовскій для Харькова—сѣятелемъ истины и добра. Я очень цѣнилъ его лекціи, и, кажется, не пропустилъ ни одной изъ нихъ за всѣ четыре года. Однакожъ справедливость требуетъ сказать, что онъ читалъ намъ не столько русскую исторію, сколько исторію всемірной цивилизаціи. Правда, къ русской исторіи относился его прекрасный курсъ, который онъ называлъ „исторіей науки русской исторіи“, но большая часть его лекцій была посвящена выясненію закона взаимности услугъ — основного закона, движущаго историческими событіями. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ сжато и ясно выразить суть всякой доктрины, всякой философской системы. Если я, напримѣръ, вынесъ изъ университета пониманіе Гегеля, то былъ обязанъ не Неволину или Пилянкевичу, а лекціямъ профессора Павлова. Натура робкая и теоретическая, онъ терялся и запутывался на практикѣ. Онъ сдѣлалъ большую ошибку, что промѣнялъ Кіевъ, въ которомъ

опъ былъ такъ популяренъ и вліятеленъ, на Петербургѣ, въ которомъ онъ такъ сгинулъ, испытавши продолжительную ссылку, что когда большими моими стараніями онъ возвратился въ Кіевъ, на каѳедру исторіи изящныхъ искусствъ, мы не узнавали въ немъ прежняго, чудеснаго Павлова—носителя высокихъ идей, сѣятеля правды и добра. Не забыть мнѣ прощальнаго обѣда, который мы устроивали ему осенью 1859 года, и моей застольной рѣчи, въ которой я чествовалъ Павлова за то, что во время всеобщей *болѣзни молчанія* онъ имѣлъ гражданское мужество говорить свободное слово. Павловъ былъ близокъ къ Бунге и Шульгину; ихъ связывала общая любовь къ наукѣ и просвѣщенію, общія благія намѣренія и одинаковые взгляды на существующій порядокъ вещей. Но натура его была совсѣмъ иная, и мнѣ было очень понятно, что этотъ тріумвиратъ распался, превратившись въ дуумвиратъ, или, лучше сказать, въ тріумвиратъ, въ которомъ Павлова замѣнилъ Рененкампфъ.

Политическая экономія намъ, юристамъ, въ то время не читалась, но послѣ того какъ, защитивши свою докторскую диссертацію въ апрѣлѣ 1851 года, Николай Христіановичъ Бунге занялъ каѳедру этой науки въ нашемъ университетѣ, я часто и охотно посѣщалъ его лекціи. Въ этихъ лекціяхъ свѣтилось такъ много любви къ наукѣ и вѣры въ нее, такъ много доброжелательства къ своей аудиторіи, что для меня, послѣ казенныхъ и формальныхъ лекцій юридическаго факультета, онѣ были очень привлекательны.

Казеннокоштные юристы слушали педагогію: на всякій случай,—можетъ быть, и учительствовать придется, какъ, напримѣръ, Левдику въ Нѣжинѣ, учившему насъ грамматикѣ и географіи. Эту педагогію читалъ намъ Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій, типъ семинариста-гелертера. Высокій и неповоротливый, скупо одѣтый, онъ былъ человѣкъ большой эрудиціи и рѣдкаго трудолюбія. Но изъ его дебелаго, деревяннаго ума выходила какая-то мертвая, обезличенная наука: таковъ былъ его знаменитый философскій лексиконъ; таковъ былъ и курсъ педагогіи, который мы обязаны были слушать, но слушали рѣдко. Въ этомъ курсѣ психологическаго не было ничего. Помню я, напримѣръ, что, говоря объ обязанностяхъ домашняго наставника, онъ подчеркивалъ, что тотъ не долженъ безпокоить своего хозяина объ уплатѣ гонорара, но долженъ былъ терпѣливо ждать, когда патрону заблагоразсудится уплатить его. Ну, и учили же мы эти великія истины какъ-нибудь, въ родѣ того, какъ учили грязные сюжеты судебной медицины. Впрочемъ, я помню, что Кистяковскій, за неудовле-

творительную отмѣтку по педагогіи на его первомъ окончательномъ экзаменѣ, не получилъ степени кандидата. Въ высшихъ сферахъ считали Гогоцкаго столбомъ, на которомъ держится въ университетѣ зданіе православія, самодержавія и народности. Но въ сферахъ университетскихъ онъ былъ предметомъ потѣшныхъ анекдотовъ, которыми знаменитый Ромеръ забавлялъ профессорскую лекторію.

Особенно зло смѣялся надъ нимъ Шульгинъ; Рененкампфъ лакомилъ разсказами о скупости и странностяхъ почтеннаго философа, мало обращавшаго вниманіе на эти лекторско-шульгинскія забавы. Профессорской лекторіи онъ, впрочемъ, избѣгалъ, уединяясь въ какой-нибудь отдаленной комнатѣ.

Богословіе для православныхъ студентовъ всѣхъ факультетовъ (католикамъ читалъ Добшевичъ), психологію и логику для филологовъ—читалъ Иванъ Михайловичъ Скворцовъ. Онъ имѣлъ чуть не всероссійскую репутацію знаменитаго богослова и философа, а кіевская духовная академія чтила его, какъ своего первенствующаго члена. Курсъ богословія у насъ былъ очень обширенъ, состоя изъ священной и церковной исторіи, нравственнаго и догматическаго богословія, и читался чуть ли не три года. Посѣщеніе лекцій было почти обязательно, такъ какъ были постоянныя переклички, а за отсутствіе — карцеръ. Особенно же торжественно производился экзаменъ изъ богословія, назначавшійся прежде всѣхъ другихъ. На экзаменѣ этомъ нерѣдко предсѣдательствовалъ самъ митрополитъ Филаретъ — низенькій и дряхлый старичокъ—и присутствовалъ всегда епископъ Антоній, авторъ догматическаго богословія, которое мы порядочно вызубривали. Кромѣ того, назначались депутаты отъ всѣхъ факультетовъ, а иногда бывалъ и инспекторъ студентовъ. Мы иногда довольно высокомѣрно относились къ присутствующимъ чинамъ церкви, позволяя себѣ давать ироническіе отвѣты на ихъ ортодоксальные вопросы. Такъ, однажды, казеннокоштный филологъ, — имени его не помню, но помню, что онъ прекрасно игралъ на скрипкѣ,—на вопросъ Антонія: „Что значитъ имя Ной?“—отвѣтилъ: „Да я вашей халдейщины не знаю“. Помнится, за это Тальбергъ отправилъ его въ карцеръ. Соблюденіе торжественнаго чина на экзаменѣ изъ богословія тогдашніе политики считали государственною мѣрою, охраняющею въ университетѣ порядокъ и дисциплину.

То же значеніе придавали и строгому говѣнію, которое было обязательно для каждаго студента, подъ угрозою всюду поспѣ-

вающаго карцера. По поводу этого говѣнія припоминаю интересный инцидентъ со студентомъ Кистяковскимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ криминалистомъ. Разставшись со своей черниговской семинаріей, онъ разстался и со своимъ правовѣріемъ и, наслушавшись г. Вальтера, сдѣлался въ университетѣ крайнимъ атеистомъ, какъ и подобало неофиту. Прямолинейный до наивности, онъ считалъ *нечестнымъ* скрывать свои атеистическія убѣжденія, которыя онъ проповѣдывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ и которыя считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить на исповѣди настоятелю университетской церкви, протоіерею Крамареву—церковнику католическаго пошиба, нетерпимому фанатику. Прекративъ исповѣдь, онъ сказалъ, что не допуститъ такого атеиста къ святому причастію. Въ церкви произошла сцена, въ которой дѣйствующимъ лицомъ былъ проситель Кистяковскій, но въ камерѣ онъ явился въ роли пострадавшаго за свои убѣжденія.

Возвратимся, однакоже, къ Скворцову. Юристамъ онъ читалъ еще каноническое право, такъ какъ отдѣльной каѳедры церковнаго права тогда не существовало. Но какъ ни велика была всероссійская репутація Скворцова, мы не считали его лекціи особенно интересными и талантливыми, какими были, напримѣръ, лекціи его преемника Ѳаворова. Да и въ отправленіи богослуженія онъ также не былъ такимъ художникомъ, какъ нѣжинскій Мерцаловъ или покойный Ѳаворовъ, умѣвшій сообщить присутствующимъ глубокое религіозное настроеніе. Скворцову это не удавалось: его маленькая фигурка съ митрой на головѣ, съ блѣдной стереотипной проповѣдью на устахъ, не производила особеннаго впечатлѣнія. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ достойный всякаго уваженія, державшійся въ университетѣ съ большимъ тактомъ. Я до сихъ поръ вспоминаю его ласковый пріемъ, когда я пришелъ въ его домъ на Подолѣ, чтобы проэкзаменоваться по богословію. Иванъ Михайловичъ имѣлъ много дочерей, изъ которыхъ четыре вышли замужъ за профессоровъ—Гулаева, Пѣвницкаго, Сольскаго и Андрея Ивановича Линиченко. Послѣдній былъ доцентомъ историко-филологическаго факультета. Въ домѣ его существовали историческія среды, которыя, благодаря хлѣбосольству и привѣтливости его милой супруги, Людмилы Ивановны, никогда мною не забудутся.

Отъ профессоровъ перехожу къ студентамъ и къ изображенію ихъ житья-бытья полвѣка тому назадъ. Студентовъ тогда не могло быть много, такъ какъ существовало ограниченіе ихъ числа. Полагаю, что бо́льшая ихъ часть принадлежала къ лицамъ поль-

скаго происхожденія. Въ аудиторіяхъ, по крайней мѣрѣ, преобладалъ польскій языкъ; студенты-поляки были бо́льшею частью сыновья зажиточныхъ западно-русскихъ помѣщиковъ. Студенческаго пролетаріата между ними почти не было. Попадались иногда люди очень богатые. Между ними замѣтить можно было тѣсную солидарную связь и нѣкоторое отчужденіе отъ студентовъ русскаго происхожденія. Организація, вѣроятно, была уже крѣпкая: существовала касса, прекрасная библіотека; бывали, вѣроятно, сходки; былъ всѣми-чтимый вожакъ-студентъ Козачинскій, окончившій историко-филологическій факультетъ и потомъ поступившій на медицинскій. Студенты-поляки всегда старались перещеголять и затмить студентовъ русскихъ: если бывалъ русско-студенческій спектакль въ залѣ торжественныхъ собраній, что́ случалось нерѣдко, то студенты-поляки выбивались изъ силъ, чтобы и выборомъ, и постановкой пьесъ, и количествомъ сбора, и избранной публикой затмить спектакль русскій. При ихъ единодушіи и солидарности, при элегантности ихъ манеръ, это имъ и удавалось. Словомъ, эта часть студенчества была особенно эффектна и блистала въ кіевскихъ салонахъ. Университетъ же св. Владиміра—эта твердыня русской народности по мысли создавшаго ее императора Николая—былъ какъ будто въ Краковѣ, а не въ Кіевѣ. Мы уже видѣли, что въ аудиторіяхъ преобладалъ польскій языкъ. Составъ должностныхъ лицъ университетской библіотеки — библіотекарь Красовскій и его помощники—былъ польскій такъ же, какъ и казначей Княжинскій еще изъ Кременца; польскій говоръ слышался даже въ правленіи, несмотря на властнаго синдика Каломійцева, и въ канцеляріи совѣта, несмотря на ея секретаря Барвинскаго. Мы же, русскіе либералы, профессора и студенты, оплакивали угнетеніе Польши, ненавидѣли ея угнетателя Бибикова, ополчившагося съ своей инвентарной политикой за права угнетенныхъ польскими панами хлоповъ, которымъ почти-что негдѣ было и молиться, такъ какъ ихъ православные храмы, въ сравненіи съ роскошными и богатыми костелами, уподоблялись хаткамъ на куриныхъ лапкахъ. Такъ мало было тогда русскаго въ исконно-русскомъ юго-западномъ краѣ, обрусить который не удавалось ея могучему генералъ-губернатору.

Русское студенчество въ университетѣ св. Владиміра не представляло собою такой сплоченной, солидарной группы, какъ студенчество польское. Состоя бо́льшею частью изъ сыновей лѣвобережныхъ помѣщиковъ, менѣе хозяйственныхъ и достаточныхъ, чѣмъ помѣщики праваго берега, они проникнуты были атомизмомъ и распадались на маленькіе кружки—нѣжинцевъ, полтав-

цевъ, новгородсѣверцевъ, черниговцевъ и т. д. Не было у насъ никакихъ организацій: слова *сходка* въ студенческомъ лексиконѣ нашего времени совсѣмъ не было; не было ни кассы, ни библіотеки, ни общаго вожака. Выдѣлялась уже группа хлопомановъ—Чернышъ, Мельникъ, Носъ, но съ программой еще не опредѣлившейся. Демократическіе элементы—напримѣръ, въ новгородсѣверской группѣ—уже были болѣе замѣтны въ русскомъ студенчествѣ, чѣмъ въ студенчествѣ польскомъ. Замѣтнѣе проглядывалъ и студенческій пролетаріатъ.

Богачей было меньше, а такъ называемые студенты-аристократы еще болѣе отличались отъ товарищей, для которыхъ они были недоступны. Я не засталъ уже въ университетѣ племянника генералъ-губернатора, знаменитаго бурша и шалуна, Сипягина, о которомъ воспоминанія были еще такъ свѣжи; не засталъ и знаменитаго Котюжинскаго, обыгравшаго до-чиста Листа, но засталъ много разсказовъ о немъ. Изъ аристократовъ я засталъ Судіенка и Ризнича, съ которыми былъ очень близокъ Лашнюковъ, но демократы имѣли своихъ героевъ: поэта Рудольфа, силача Колесникова и др.

Экономическое положеніе студентовъ было сноснѣе нынѣшняго, хотя благотворительности и въ поминѣ не было. Но въ поминѣ не было и того огульнаго пролетаріата, отъ котораго такъ бѣдствуютъ студенты въ настоящее время. Да и жизнь въ Кіевѣ была куда дешевле: за десять рублей въ мѣсяцъ студентъ могъ прожить недурно. Я, напримѣръ, за комнату съ обѣдомъ и содержаніемъ неразлучнаго со мной Дмитрія, пока былъ своекоштнымъ студентомъ, платилъ по семи-восьми рублей въ мѣсяцъ. Конечно, отъ такихъ обѣдовъ подводило животики, но за такіе самые обѣды теперь платятъ вдвое. Содержали студенческія квартиры большею частью престарѣлыя дѣвы и молодившіяся вдовы польскаго происхожденія,—напримѣръ, моя незабвенная хозяйка Валерія Адамовна, за которой я порядочно ухаживалъ, чтобы получить только лучшую „легумину“.

Казна и штрафгаузъ были также большимъ рессурсомъ для студенческой бѣдноты. Были два института казеннокоштныхъ студентовъ: медицинскій и словесный. Первый—въ южной, а второй—въ сѣверной части университетскаго зданія на четвертомъ этажѣ. Каждый состоялъ изъ нѣсколькихъ камеръ, въ которыхъ размѣщались студенты. Жили они привольно, иногда, можетъ быть, привольнѣе, чѣмъ въ родной семьѣ: прекрасное платье и бѣлье, учебныя пособія и книги (юристы даже спали на Полномъ собраніи законовъ), вентилированные дортуары съ отлич-

ными постелями, роскошная больница, баня черезъ двѣ недѣли. Такъ заботилась казна о своихъ питомцахъ. Катались они какъ сыръ въ маслѣ, хотя иногда и бунтовали противъ эконома Ѳомишкина за дурную, будто бы, пищу, вызывая тѣмъ увѣщанія и угрозы начальства, — Тальберга, Юзефовича, а иногда и чтимаго нами Траутфеттера. Даже при окончаніи курса казеннокоштные студенты надѣлялись бѣльемъ, платьемъ, а медики — инструментами. За казенное содержаніе они должны были отслуживать казнѣ опредѣленное время. Но это не касалось юристовъ, которые не отслуживали, но даромъ ѣли казенный хлѣбъ, какъ иногда говорилъ о нихъ профессоръ Богородскій. Казеннокоштные студенты должны были непремѣнно держать семестровки, по которымъ недомка строго взыскивалась. Вообще, казеннокоштные студенты учились гораздо лучше студентовъ своекоштныхъ. Послѣдніе иногда набирались экзаменаціонной премудрости у первыхъ. Надзоръ надъ казеннокоштными былъ, можно сказать, номинальный. На четвертомъ этажѣ жили два помощника инспектора съ педелями: при медикахъ маленькій Стрѣльбицкій, а при словесникахъ—сначала Дудниковъ, а по смерти его—знаменитый Гриценко; но они сквозь пальцы смотрѣли на то, что дѣлается въ камерахъ этихъ,—напримѣръ, въ первой, словесной, бывало питіе веліе, картежъ жестокій, да и безъ барышенъ не обходилось.

Штрафгаузъ, какъ называли мы заведеніе для недостаточныхъ студентовъ, помѣщался въ томъ домѣ, гдѣ потомъ была Лыбедская часть, а теперь—домъ Рахманинова. Тамъ же помѣщалась и квартира инспектора. Для студенческой бѣдноты это было благодѣтельное учрежденіе, къ сожалѣнію съ ограниченнымъ комплектомъ: за шесть рублей въ мѣсяцъ мы имѣли прекрасное помѣщеніе, столъ вмѣстѣ съ казеннокоштными студентами, вечерній и утренній чай въ самомъ штрафгаузѣ. Для иныхъ это было какъ бы чистилище, черезъ которое своекоштный студентъ переходилъ въ казеннокоштные.

Общій уровень умственнаго развитія студентовъ былъ невысокъ. Научныя стремленія, любовь къ наукѣ и увлеченіе ею составляли рѣдкое исключеніе. Имена такихъ студентовъ были всѣмъ извѣстны: Ростовцевъ, Косовичъ, Цѣхановецкій, Ренненкампфъ;—большинство занималось, сколько это было нужно, чтобы сдать экзамены и получить какую-нибудь степень. Правда, лекціи посѣщались аккуратнѣе, и абсентизмъ не былъ такой повальной болѣзнью, какъ нынче. Но существовали переклички и за пропускъ лекціи полагался карцеръ. Профессоръ богословія

Скворцовъ начиналъ каждую лекцію такой перекличкой. Но за отсутствующихъ отвѣчали иногда присутствующіе; такъ же бывало и на репетиціяхъ: вызывался А., за него вставалъ и отвѣчалъ Б. Я помню, какъ я однажды, въ чудный апрѣльскій день, лекціи профессора Митюкова предпочелъ прогулку въ Ботаническомъ саду. Не знаю, почему заблагоразсудилось ему сдѣлать перекличку, и я въ ближайшую субботу переночевалъ въ карцерѣ.

Въ это Бибиковское время форма студенческая соблюдалась строжайшимъ образомъ. За разстегнутый крючокъ, за незастегнутую пуговицу иногда исключали изъ университета, казенно-коштныхъ медиковъ отдавали въ фельдшера, а словесниковъ—въ учителя приходскихъ училищъ. Въ праздничные и табельные дни мы должны были быть въ мундирѣ, при треуголкѣ и шпагѣ. Я помню, какъ однажды Григорій Матвѣевичъ Цѣхановецкій въ храмовой праздникъ Михайловскаго монастыря пошелъ въ церковь въ студенческой шинели, подъ которою было статское платье. Зоркій глазъ Тальберга подмѣтилъ это ужасное преступленіе, и нашего милаго Цѣхановецкаго педеля вывели изъ церкви, отвезли въ полицію, откуда, по увольненіи изъ университета, съ жандармомъ отправили въ Нѣжинъ. Два случая со мной пополнятъ эту иллюстрацію. Въ началѣ мая отецъ выслалъ за мной лошадей, на которыхъ я собирался укатить въ Гольцы. Счастливый и довольный, въ студенческой фуражкѣ на-бекрень и въ длинныхъ волосахъ, съ которыми не хотѣлось разставаться ради лохвицкихъ барышенъ, я отправился на прогулку въ чудный городской садъ, по главнымъ аллеямъ котораго прогуливался съ кіевскими красавицами, до которыхъ былъ большой охотникъ нашъ грозный попечитель. Педель донесъ инспектору о моемъ непристойномъ поступкѣ: меня на нѣсколько сутокъ посадили въ карцеръ, гдѣ привели мою шевелюру въ надлежащій видъ и снабдили форменной казенной фуражкой. Тщетно просилъ я о помилованіи, указывая на то, что мои лошади стоятъ безъ фуража, а кучеръ—безъ провизіи. Мнѣ не внимали: pereat mundus, fiat justitia.

А вотъ и другой случай. Свѣтлый праздникъ—чудесное весеннее время: захотѣлось посмотрѣть на народное гулянье. Въ мундирѣ и при шпагѣ—неудобно. Дай-ка надѣну одну треуголку, шинель прикроетъ студенческій сюртукъ. Такъ я и сдѣлалъ. Но скоро попался, и нѣсколько праздничныхъ дней просидѣлъ въ карцерѣ. Таковы были нравы и обычаи добраго стараго студенческаго времени: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Надзоръ за своекоштными студентами былъ очень строгъ и проникалъ въ ихъ жилище, наблюдая за образомъ жизни, за родомъ занятій. Одинъ Тальбергъ чего стоилъ, а ему помогали въ надзорѣ за бытомъ своекоштныхъ студентовъ четыре помощника—Савицкій, князь Баратовъ, Стишинскій, Герасимовъ и цѣлая компанія педелей, между которыми мы особенно боялись Семена Прилукскаго—правая рука Тальберга,—отъ котораго ничто не могло укрыться, и онъ насквозь видѣлъ все, что дѣлали студенты. Домикъ его былъ на Васильковской улицѣ, недалеко отъ Троицкой церкви; а мы однажды играли на билліардѣ на пиво въ гостинницѣ „Франкфуртъ“, въ отдаленной части Крещатика. Ну, какъ было видѣть насъ отдаленному глазу Прилукскаго? Однакожъ, онъ видѣлъ и на другой день донесъ Тальбергу, и мы съ головами, больными отъ пива, переселились въ карцеръ. Студенческія квартиры были распредѣлены на участки, отданные подъ опеку субъ-инспекторовъ, которые, на основаніи наблюденій надъ опекаемыми, составляли кондуитные списки, отъ времени до времени представляемые Юзефовичу. Моимъ опекуномъ былъ Герасимовъ, отставной драгунъ. Притворяясь лихимъ кавалеристомъ, сочувствующимъ студентамъ-буршамъ, онъ иногда засиживался у меня, гдѣ, грѣшный человѣкъ, бывалъ преферансикъ, съ выпивкой и закуской. Результатомъ этихъ посѣщеній было то, что въ кондуитномъ спискѣ не было похвалено мое поведеніе.

Студенты вели себя по программѣ Бибикова: забавлялись билліардомъ, картежничали, посѣщали, а иногда и разбивали веселые дома на Андреевской горѣ, но политикой явно не занимались. Поляки, конечно, занимались ею и занимались крѣпко, но умѣли скрывать это отъ начальства. И Бибиковъ былъ спокоенъ. Студенты же русскаго происхожденія такъ были далеки отъ политики, что даже газетъ не читали. Я упомянулъ о программѣ Бибикова. Однажды онъ посѣтилъ клиники, которыя были тогда въ зданіи университета. Собравъ студентовъ-медиковъ, онъ держалъ передъ ними рѣчь такого содержанія:—вы-де, господа, пляшите, картежничайте, ухаживайте за чужими женами, посѣщайте б..., бейте б... (его подлинныя слова), но политикой не занимайтесь, не то выгоню изъ „университета“. Такова была его этическая программа. Правда, это была этика сомнительная и мундирная. Но за нее мы получили царское спасибо на смотру императора Николая I въ сентябрѣ 1850 года. Это царское спасибо, сообщенное студентамъ Бибиковымъ и оправленное въ золоченую рамку, висѣло въ нашей сборной залѣ, пока не было

разорвано студентами-поляками во время безпорядковъ 1861 года. Но эти безпорядки начались уже при преемникѣ Бибикова, мягкомъ и кроткомъ князѣ Васильчиковѣ. Правда, хотя мягкій и кроткій, но за студенческіе безпорядки онъ расправлялся по-николаевски. Мы его менѣе боялись, и безпорядки поэтому были возможнѣе. Я помню, какъ осенью 1853 года въ одномъ изъ веселыхъ домовъ на Андреевской горѣ оскорбленъ былъ студентъ. Составилось цѣлое ополченіе, руководимое казеннокоштными первой словесной камеры: нѣсколько веселыхъ домовъ были разбиты вдребезги. Князь Васильчиковъ главныхъ виновниковъ исключилъ изъ университета, и мы разстались съ знаменитымъ Колесниковымъ и его поклонниками первой камеры. Въ этой исторіи принималъ участіе и студентъ медицинскаго факультета Бецъ, бывшій преемникомъ профессора Вальтера по каѳедрѣ анатоміи. Больше всѣхъ мнѣ было жаль Василія Андреевича Савича—отличнаго товарища и симпатичнаго человѣка, которому поэтому не удалось окончить курса. Бибиковъ бы вѣрно не поступилъ такъ жестоко, такъ какъ событіе не нарушало его этической программы. Для меня же исторія эта тѣмъ памятнѣе, что она предшествовала моему заключенію въ казематъ и отчасти обусловила его. Но объ этомъ я скажу ниже, а теперь припомню другую студенческую исторію, надѣлавшую много шума—расправу съ полковникомъ Брынкинымъ. Это было въ 1857 году, когда я уже сидѣлъ на каѳедрѣ. Эта знаменитая исторія состояла въ нижеслѣдующемъ: если только память мнѣ не измѣняетъ, полковникъ Брынкинъ, выйдя изъ театра, продолжалъ путь со своей супругой по Фундуклеевской улицѣ въ сопровожденіи своей собачонки. Проходившій студентъ толкнулъ эту собачонку, за что Брынкинъ ударилъ его хлыстомъ. Все студенчество возстало и задумало проучить дерзкаго полковника. Дѣйствовали единодушно и солидарно—все студенчество, какъ цѣльная единица, и старъ, и младъ, и полякъ, и русскій, и словесникъ, и медикъ—все это слилось воедино и жестоко проучило Брынкина. На эту исторію обратили вниманіе въ Петербургѣ: прислали флигель-адъютанта изслѣдовать дѣло; виновные посажены были въ крѣпость, но были прощены императоромъ Александромъ II, прибывшимъ въ Кіевъ послѣ коронаціи. Какъ я живо вспоминаю царственную чету, которую такъ вѣрноподданнически встрѣчалъ Кіевъ осенью 1857 года. Помню чудный ликъ царя-освободителя, отуманенный въ это время думой о великомъ дѣлѣ отмѣны крѣпостного права. Помню симпатичный и кроткій образъ его царственной супруги, о горячихъ молитвахъ которой гово-

рили тогда въ Кіевѣ. Помню удивительную иллюминацію, которая продолжалась нѣсколько дней, подобной которой Кіевъ никогда не видѣлъ. Помню и дворянскій балъ въ гимназіи, на который я смотрѣлъ съ улицы и о которомъ на другой день я слышалъ критическія замѣчанія отъ профессора Деллена. Устроители-де, говорилъ онъ, не справлялись со вкусами и привычками императора: попросилъ онъ передъ обѣдомъ рюмку старки, но таковой не оказалось; привыкъ онъ къ чашкѣ желтаго чая послѣ обѣда, но и такового не было.—Какъ всѣ эти мелочи запечатлѣлись въ молодой памяти!

Недовольный выборомъ факультета, первый годъ я почти-что не бывалъ на его лекціяхъ, и все думалъ о томъ, не перемѣнить ли его на другой. Я даже полѣнился пойти на Подолъ къ декану Иванишеву, для подписи листа, въ которомъ прописывались предметы лекцій. Я и не знаю, зачѣмъ существовали эти листы; мы прописывали предметы, указанные факультетомъ. Профессоръ каждаго такого предмета удостовѣрялъ своею подписью, что онъ былъ выслушанъ. Кто не имѣлъ такого листа, тому семестръ не зачитывался. Но пока это случилось со мной на второмъ семестрѣ; по окончаніи перваго, къ Рождеству 1850 года, я поѣхалъ въ отпускъ домой: какъ было не показать своего синяго студенческаго воротника? Какъ было не похвастать своимъ студенчествомъ и разсказами о студенческихъ похожденіяхъ? Дома я засталъ дѣла семейства въ большомъ запустѣніи: пятидесятилѣтній человѣкъ, отецъ болѣе и болѣе облѣнивался, не радѣя о семьѣ и хозяйствѣ. Подоспѣлъ какой-то проходимецъ полякъ М., почему-то поселившійся въ Чернухахъ. Онъ обморочилъ отца, который задумывалъ передать ему веденіе дѣлъ для того, чтобы еще болѣе ихъ запутать. Но молодость жаждетъ жизни и веселья—и святки 50-го года для меня прошли шумно и пріятно. Значительную часть ихъ я провелъ со старшими сестрами въ селѣ Безсалахъ, въ семьѣ предводителя дворянства, Григорія Михайловича Гамалѣя, одна изъ дочерей котораго, граціозная, остроумная и очень начитанная, Александра Григорьевна, начинала мнѣ такъ нравиться, что потомъ сдѣлалась моею женою. Я такъ увлекся прелестями деревенскихъ святокъ, что и не думалъ возвращаться въ Кіевъ, хотя срокъ отпуска давно уже прошелъ. Изъ округа предложено было мѣстной полиціи напомнить мнѣ объ этомъ срокѣ и препроводить меня въ Кіевъ, буде я стану упорствовать, оставаясь въ деревнѣ. Нужно было взять свидѣтельство о болѣзни. Это дало мнѣ случай познакомиться съ лохвицкимъ уѣзднымъ врачомъ Власьевскимъ, ориги-

нальнымъ типомъ врача стараго времени. Интересный старикъ, прочтя мнѣ длинное нравоученіе, медицинское свидѣтельство выдалъ. Я воротился въ Кіевъ къ концу контрактовъ. Когда я подъѣзжалъ къ почтовой станціи, которая была тогда въ концѣ Крещатика, противъ нынѣшней Бессарабской площади, я встрѣтилъ милаго Соллогуба. Съ нимъ мы отправились разыскивать квартиру, которую и нашли на Малой Васильковской, въ центрѣ студенческаго пролетаріата. Здѣсь я прожилъ почти цѣлый семестръ, и опять ничего не дѣлалъ, и опять бѣгалъ по разнымъ аудиторіямъ. Вырвавшись изъ карцера, въ которомъ я просидѣлъ нѣсколько дней за непристойный видъ, какъ было уже сказано выше, я отправился на каникулы домой. Каникулы я проводилъ отчасти въ Гольцахъ, отчасти въ Войтовѣ, гдѣ отецъ сталъ проживать подолгу: его теперь тянуло сюда точно такъ же, какъ прежде отсюда. Въ Кіевъ я не торопился. Припоминаю поѣздку съ отцомъ и сестрами въ Кременчугъ для продажи табаку послѣдняго сбора. Отецъ надумался, нагрузивши нѣсколько чумацкихъ возовъ табакомъ, продать его въ Кременчугѣ по болѣе высокой цѣнѣ, но онъ очень ошибся въ своемъ разсчетѣ. Мы прожили въ Кременчугѣ съ недѣлю, а табаку не покупали. Всѣ деньги были издержаны, и табакъ нужно было продать во что бы то ни стало. Покупщики это провѣдали и купили табакъ по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ онъ могъ быть проданъ на мѣстѣ. Случилось то, что нерѣдко бывало съ моимъ отцовъ, фантазеромъ въ хозяйствѣ.

Въ Кременчугѣ я имѣлъ двѣ встрѣчи, о которыхъ вспоминаю и теперь. На одномъ съ нами постояломъ дворѣ квартировалъ черноморскій полковникъ, пріѣхавшій въ Кременчугъ для покупки бабъ. Въ его оригинальномъ длинномъ фургонѣ было сдѣлано особое мѣсто для помѣщенія этого живого товара. Покупалъ онъ преимущественно у вдовствующихъ помѣщицъ, переговоры и сдѣлки съ которыми совершались иногда въ моемъ присутствіи. Это дѣлалось въ 1851 году, за десять лѣтъ до отмѣны крѣпостного права.—Развѣ это была не Америка съ ея черными рабами?

Другая встрѣча была болѣе симпатична—съ мѣстнымъ помѣщикомъ княземъ Мещерскимъ, который былъ засѣдателемъ въ кременчугскомъ уѣздномъ судѣ. Это былъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, напѣвавшій французскіе романсы, которые я помню и теперь. Интересно было очень подъ одною кровлею встрѣтить и покупщика живыхъ душъ изъ демократи-

ческаго Черноморья, и русскаго князя, пѣвшаго французскіе романсы на слова Виктора Гюго!

Въ Кіевъ я пріѣхалъ поздней осенью уже къ концу семестра. Здѣсь я засталъ знакомыхъ нѣжинцевъ, перешедшихъ изъ лицея въ университетъ: Рененкампфа съ Конисскимъ, Борсука съ Данчичемъ и др. Повеселившись съ ними нѣсколько дней, я на своей четверкѣ поѣхалъ въ обратный путь. Помню, что въ мѣстечкѣ Яготинѣ, въ оранжереѣ князя Репнина я накупилъ много комнатныхъ растеній—гостинцевъ сестрамъ, съ которыми было много возни и хлопотъ. Въ январѣ 1853 года я съ отцомъ поѣхалъ въ Кіевъ, въ самый разгаръ контрактовой ярмарки. Была чудная санная дорога. И теперь помню всѣ подробности этого прелестнаго пути, окончившагося ночлегомъ и многими пульками въ преферансъ въ Кучаковѣ, у Василія Даниловича Сулимы, брата жены дядюшки Якова Семеновича. У отца, по обыкновенію, не было денегъ. Не наученный кременчугскимъ опытомъ, онъ послалъ въ Кіевъ для продажи прекраснаго сѣраго жеребца изъ нашего завода. Повторилась кременчугская исторія: жеребца или возвратили домой, или дешево продали—не помню. Отецъ уѣхалъ, а я остался въ Кіевѣ безъ денегъ, и безъ денегъ кое-какъ перебивался въ теченіе всего весенняго семестра. Изъ бѣды нерѣдко выручалъ Дмитрій, умѣвшій находить кредиты въ разныхъ лавчонкахъ. Хозяину нечѣмъ было заплатить за квартиру и содержаніе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. У него была лошадка, на которой онъ взялся отвезти меня домой, чтобы получить тамъ мой долгъ. Каникулы провелъ, по обыкновенію, привольно, нерѣдко посѣщая Безсалы: искра симпатіи къ Александрѣ Григорьевнѣ Гамалѣй разгоралась. Разстроенныя дѣла отца, такъ неохотно и неаккуратно мнѣ помогавшаго, побуждали меня прекратить своекоштное горемыканье, поступивъ на казенный счетъ.

Для этого, прежде всего, нужно было выдержать семестровый экзаменъ, что я и сдѣлалъ: пришлось опять имѣть дѣло съ межевыми законами, и я отвѣчалъ Ѳедотову о межеваніи коштномъ и спеціальномъ. Затѣмъ я перешелъ въ штрафгаузъ, какъ въ чистилище, черезъ которое лежалъ путь на четвертый этажъ, гдѣ обитали казеннокоштные. Вспоминаю, что мнѣ пришлось жить въ одной комнатѣ со студентомъ-медикомъ Ковальскимъ, который превосходно игралъ на скрипкѣ. Я заслушивался его чудесной игры, сидя въ лунныя ночи у открытаго окна. Мнѣ только было досадно, что полякъ Ковальскій, считая скрипача Контскаго польскимъ Паганини, нѣсколько подражалъ ему. Въ

нашей актовой залѣ тогда часто устроивались концерты знаменитыхъ виртуозовъ. Я слушалъ тамъ по нѣскольку разъ Контскаго, Серве, Гензельта и др. Тамъ же концертировалъ и знаменитый Листъ, концертный сборъ котораго перешелъ въ карманы знаменитаго Котюжинскаго. Болѣе глубокаго виртуоза, какъ Серве, въ жизни моей мнѣ не приходилось слышать: это была дивная, небесная музыка, и его „Романеска" звучитъ у меня и теперь въ ушахъ. Контскій же своей игрой не производилъ на меня глубокаго впечатлѣнія. Типическій полякъ, онъ бралъ болѣе внѣшними эффектами. Но онъ былъ глубоко національенъ, былъ полякомъ par excellence, и я понимаю увлеченіе имъ его соотечественниковъ.

Приближалось время перейти на казну. Этому должно было предшествовать освидѣтельствованіе университетскаго врача, чтобы удостовѣриться, станетъ ли организма, чтобы отслужить за казенный хлѣбъ. Нашимъ врачомъ былъ Иванъ Трофимовичъ Щербина, товарищъ и другъ всесильнаго Цицурина. Въ это Николаевское время каждый норовилъ, какъ бы быть начальникомъ: хорошій и добрый человѣкъ, Иванъ Трофимовичъ считалъ себя начальникомъ больницы и пребывающихъ въ ней больныхъ,—и даже любилъ, чтобы послѣдніе стояли передъ нимъ чуть не на вытяжку. Мои развязныя манеры, можетъ быть, ему не понравились: освидѣтельствовавъ мою сильную молодую грудь, онъ готовъ былъ найти ее ненадежной, но это такъ бы противорѣчило дѣйствительности, что онъ далъ отзывъ благопріятный. Весной 1853 года я поступилъ на казну—въ четвертую камеру, гдѣ встрѣтился съ нѣжинцами Борсукомъ и Демченкомъ, съ которыми потомъ пришлось вмѣстѣ окончить курсъ, проживая тихо и уютно въ третьей камерѣ.

Припоминаю также типическаго сожителя Пестржецкаго, который по цѣлымъ днямъ, съ трубкой въ зубахъ, лежалъ на столѣ съ „Полнымъ собраніемъ" въ изголовьи и „Сорока книгами" Захаріе въ рукахъ.

Пребываніе въ четвертой камерѣ мнѣ особенно памятно по слѣдующему происшествію: окна этой камеры были какъ разъ противъ второй гимназіи, которая тогда помѣщалась въ зданіи нынѣшняго военно-окружного суда. Изъ этихъ оконъ, поэтому, хорошо можно было разглядѣть, что̀ совершалось во дворѣ этой гимназіи, а разыгрывалась тамъ сцена, которой я и теперь не могу забыть. Ученикъ одного изъ среднихъ классовъ, Шварцъ, сынъ извѣстнаго кіевскаго дантиста, оскорбилъ дѣйствіемъ учителя нѣмецкаго языка. Постановлено было подвергнуть его же-

стокой карѣ—чуть ли не сквозь строй прогнать. Въ гимназію явился Юзефовичъ; собраны были всѣ ученики, чуть ли не цѣлый взводъ солдатъ, и Шварца подвергнули жесточайшему тѣлесному наказанію, послѣ котораго онъ былъ отданъ въ солдаты. Такія сцены никогда не забываются: онѣ наносятъ молодой душѣ такую глубокую рану, что рубецъ ея остается на всю жизнь.

Приближался полукурсовой экзаменъ. Находя, что юридическій факультетъ не по мнѣ, я мало занимался юридическими курсами, и вовсе не надѣялся выдержать полукурсовой экзаменъ на кандидатскую степень. Однакожъ, дѣло пошло такъ хорошо, что я получалъ четверки—высшая отмѣтка въ то время. Особенно прославился я отвѣтомъ по исторіи философіи права. Билетъ „Шеллингъ и Гегель“ всѣ обходили,—такъ запутанно и непонятно была изложена система въ книгѣ Неволина. Моя рука не дрогнула, когда я вытянулъ этотъ билетъ, а профессора, присутствовавшіе на экзаменѣ, удивились, не услышавъ обычнаго отказа отвѣчать на такой трудный вопросъ. Благодаря проф. Павлову и „Письмамъ объ изученіи природы“ Герцена, которыя я зналъ почти наизусть, ясно и отчетливо я выяснилъ сущность обѣихъ философскихъ системъ. Этотъ маленькій случай имѣлъ большое значеніе въ моей студенческой карьерѣ: профессора и товарищи стали смотрѣть на меня какъ на выдающагося студента, котораго нужно имѣть въ виду. Я самъ возъимѣлъ о себѣ лучшее мнѣніе, и сталъ думать, что я гожусь не на одинъ преферансъ да фланерство по Крещатику, но на что-нибудь болѣе путное. Экзаменъ шелъ на кандидата, и не захотѣлось портить его плохой отмѣткой по римскому праву, въ которомъ я не былъ силенъ. Я задумалъ отложить этотъ предметъ на окончательный экзаменъ, но для этого нужно было заболѣть. На приготовленіе такого труднаго предмета назначено было шесть дней: три дня я прогулялъ, а на четвертый отправился въ студенческую больницу, прося принять меня, какъ больного лихорадкой. Докторъ Щербина, изслѣдуя меня, нашелъ, что у меня дѣйствительно лихорадка, но экзаменаціонная, для которой особыхъ коекъ не полагается, и потому онъ не можетъ меня принять въ больницу. Ну, что было дѣлать? Оставалось до экзамена еще три дня, и я прочелъ, что только можно было успѣть, но цѣлые отдѣлы, какъ, напримѣръ, обязательства, остались непросмотрѣнными. Счастье не измѣнило мнѣ: я взялъ билетъ о вліяніи христіанства на римское право, на который отвѣтилъ вполнѣ удовлетворительно, такъ какъ такіе сюжеты всегда были мнѣ по вкусу. Декану особенно понравилось, что я правильно произнесъ фамилію фран-

цузскаго юриста Troplong, которую товарищи обыкновенно произносили Троплонгъ. Экзаменъ такимъ образомъ окончился блистательно и произвелъ переломъ съ воззрѣніяхъ на избранный факультетъ я юридическія науки. Я сразу полюбилъ ихъ и сталъ подумывать даже о профессурѣ, къ которой еще въ дѣтствѣ меня предназначали. Полу-кандидатъ, каникулы я провелъ, какъ и всегда, прекрасно. Прогулки верхомъ по извилистой дорожкѣ въ Безсалы участились. Моя молодая любовь получила болѣе серьезный характеръ: мы дали обѣтъ другъ другу въ жизни не разлучаться. У меня, еще студента, явилась, такимъ образомъ, невѣста. Возвратясь въ Кіевъ, я перешелъ въ первую камеру, о чемъ потомъ сожалѣлъ очень. Она была населена самыми гуляющими и бездѣльными товарищами, между которыми я, отдавшійся серьезнымъ занятіямъ наукой, торчалъ какъ бревно въ ихъ глазѣ. Имена этой печальной компаніи я хорошо помню и теперь. Они уже въ могилѣ, и я могу ихъ назвать: Мерцаловъ, Лысенко, Андреевъ, Каменцевъ,—послѣдній такъ плохо говорилъ по-русски, что его можно было принять за поляка,—полу-полякъ Витковскій и смиренный Крушинскій. За исключеніемъ этого послѣдняго, компанія пила, пѣла, фланировала по Кіеву, особенно по Андреевской горѣ, а я сиднемъ сидѣлъ за чудесной книгой Гизо: „Histoire de la civilisation“, которую далъ мнѣ проф. Павловъ и съ которой я долго не разлучался, даже въ казематѣ, гдѣ она была моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Кромѣ того, я зачитывался „Хижиной дяди Тома“, которая была тогда строго запрещена, и изящными экономическими этюдами Бастіа, которые считались тогда очень либеральными. Гулящая компанія искоса посматривала на мое сидѣнье надъ книгами. Не по вкусу ей приходился такой сожитель, и я постоянно былъ на чеку, чуя какую-нибудь каверзу, которая и не замедлила совершиться. Я сталъ очень тосковать по дорогой невѣстѣ, и чтобы отвести душу въ заочной бесѣдѣ съ нею, началъ писать письмо, которое разрослось въ длинную исповѣдь, цѣлый психологическій этюдъ. Товарищи по камерѣ, какъ замѣчалъ я, внимательно слѣдили за моей работой, надъ которой я засиживался по долгимъ осеннимъ ночамъ. Наконецъ мое длинное посланіе было окончено, чтобы быть отправленнымъ той, которою было такъ полно мое сердце. Въ ожиданіи этого отправленія, я заперъ письмо въ принадлежащій мнѣ ящикъ. На другой день я увидѣлъ ящикъ взломаннымъ и письмо похищеннымъ. Мнѣ сказали потомъ, что это было дѣло Лысенки, съ которымъ я такъ дружилъ въ нѣжинской гимназіи и въ началѣ университетскаго курса, и который не могъ

примириться съ тѣмъ, что изъ него вышелъ забулдыга, а изъ меня —серьезный студентъ, мечтающій о профессурѣ. Мои лирическія изліянія читались по всѣмъ камерамъ обоихъ институтовъ, съ цѣлью осмѣять мои молодыя, святыя чувства. Печальнѣе всего было то, что не нашлось протеста, который остановилъ бы это кощунство. Но такова уже была этика крѣпостной эпохи и Бибиковскаго режима.

Изъ временъ пребыванія въ первой камерѣ хорошо я помню другой эпизодъ — мое двухнедѣльное пребываніе въ казематѣ кіево-печерской крѣпости. Дѣло было такъ: казеннокоштные студенты часто не ночевали въ своихъ дортуарахъ, не подвергаясь за это взысканію. Было время буйное—борьба цивилизаціи съ проституціей и ежедневное разграбленіе веселыхъ домовъ Андреевской горы. Инспекторъ Тальбергъ предписалъ всѣмъ казеннокоштнымъ ночевать непремѣнно въ своихъ дортуарахъ. Предписаніе это мы приняли какъ посягательство на наши права и привилегіи. Въ видѣ протеста, мы постановили въ ближайшую ночь всѣмъ казеннокоштнымъ не ночевать въ университетѣ. Не помню, ночевалъ ли кто изъ товарищей, но помню, что я всю ночь проигралъ въ преферансъ у студента-естественника Гамалея, впослѣдствіи женившагося на моей кузинѣ Лизѣ. Въ университетъ я возвратился только на зарѣ и заснулъ въ своей камерѣ. Инспекторъ Тальбергъ рѣшилъ изъ всѣхъ не ночевавшихъ подвергнуть карцеру только нѣкоторыхъ, чтобы въ лицѣ ихъ наказать и остальныхъ. Выборъ его остановился на мнѣ, Борсукѣ, Глушановскомъ и еще двухъ-трехъ студентахъ-медикахъ, имена которыхъ я позабылъ. Субъ-инспекторъ Гриценко, передавшій намъ приказаніе Тальберга, получилъ категорическій отвѣтъ, что мы-де въ карцеръ не пойдемъ. Объ этомъ тотчасъ же сообщено было кн. Васильчикову, который былъ сердитъ на студентовъ за ихъ битвы на Андреевской горѣ.

Потребовали, чтобы ночью, въ полной парадной формѣ, мы явились къ генералъ-губернатору. Насъ конвоировалъ субъ-инспекторъ. Мы прибыли въ домъ генералъ-губернатора часовъ въ одиннадцать ночи, поджидая призыва въ кабинетъ. Наконецъ, насъ позвали. Кроткій и мягкій князь Васильчиковъ, отличавшійся деликатнымъ обращеніемъ со всѣми, сказалъ намъ длинную и грозную рѣчь, въ которой столько разъ мы слышали „стало быть“—его любимое изреченіе. „Стало быть, вы должны быть наказаны“, заключилъ онъ эту рѣчь, и отправилъ насъ къ коменданту крѣпости со своимъ адъютантомъ, обходительнымъ и вѣжливымъ Капнистомъ, который отнесся къ намъ съ товари-

щескимъ участіемъ. Сколько помню, довольно большое пространство отъ генералъ-губернаторскаго дома до крѣпости мы прошли пѣшкомъ, молодые и веселые, какъ будто это была пріятная прогулка. Денегъ не было ни у кого, но у меня подъ мышкой была книга Гизо, которую я такъ кстати захватилъ съ собою. Было уже за полночь, когда мы явились къ коменданту, который и распредѣлилъ насъ по казематамъ. Меня посадили вмѣстѣ съ Глушановскимъ въ узенькую, тѣсную комнату, все пространство которой было занято деревянной кроватью безъ тюфяка. Изъ своихъ студенческихъ шинелей, мундировъ и треуголокъ мы сдѣлали кое-какую постель и провели ночь болѣе въ бесѣдѣ, чѣмъ во снѣ. На другой день, утромъ, явился плацъ-адъютантъ и увелъ моего милаго Глушановскаго въ другой казематъ, оставивъ меня одного. По сосѣдству побрякивали цѣпи, въ которыхъ былъ закованъ какой-то горецъ, судившійся за убійство. Началось сидѣніе въ крѣпости, томительно-скучное. Первые дни насъ держали на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ стали отпускать по пятнадцати копѣекъ каждому на продовольствіе. Горячей пищи мы имѣть не могли, а питались промерзшими яблоками да твердыми колбасами. Отъ казематной тоски и скуки выручалъ меня мой Гизо, для вящшаго уразумѣнія котораго я чертилъ угольком на стѣнѣ историческія таблицы, выяснявшія систему феодализма. Ежедневно смѣнялись дежурные офицеры, и мы слышали, какъ насъ, именовавшихся нумерами, предшественникъ передавалъ преемнику вмѣстѣ со всѣмъ крѣпостнымъ имуществомъ. Эти офицеры были большею частью неприступны и молчальники. Объ одномъ изъ нихъ, впрочемъ, я сохранилъ благодарное воспоминаніе. Это былъ молодой малороссъ, который велѣлъ ночью поставить самоваръ и, собравъ насъ въ моемъ казематѣ, напоилъ горячимъ чаемъ. Какимъ нектаромъ показался намъ этотъ чай и какъ обогрѣлъ онъ наши прозябшіе желудки! Медленно тянулись короткіе осенніе дни и длинныя осеннія ночи, которыя частенько приходилось проводить безъ сна, подъ звуки заунывнаго „слушай“. На меня разъ напала такая тоска, что для того, чтобы разогнать ее, я имѣлъ терпѣніе испечь на свѣчкѣ картофель. Я по опыту узналъ, что для живого человѣка едва ли можетъ быть болѣе тяжелое наказаніе, какъ лишеніе свободы.

Подошло 24 ноября: къ этому дню было пріурочено восшествіе на престолъ императора Николая. Ради этого дня кн. Васильчиковъ рѣшилъ прекратить наше крѣпостное сидѣнье. Насъ всѣхъ собрали на какой-то гауптвахтѣ. Радостна была наша встрѣча. Блѣдные, исхудалые, съ нечесанными волосами и

отросшими бородами, но въ полной парадной формѣ, поплелись мы въ домъ генералъ-губернатора, подъ эскортомъ плацъ-адъютанта и жандармовъ. Я помню, какимъ чуднымъ ароматомъ кофе запахло въ кабинетѣ кн. Васильчикова, въ которомъ онъ, бодрый и веселый, встрѣтилъ насъ съ нравоучительной рѣчью. Опять посыпались „стало быть", изъ которыхъ мы хорошо разслышали: „стало быть, вы прощены ради такого торжественнаго дня и должны быть за это признательны императору". Почти бѣгомъ пустились мы въ университетъ, куда какъ-разъ поспѣли къ обѣду казеннокоштныхъ. Какимъ вкуснымъ показался намъ нашъ обычный казенный обѣдъ! Какимъ любезнымъ и обходительнымъ показался намъ нашъ суровый Тальбергъ, потрепавшій насъ по плечу со словами: „небось, проголодались"!

Событія эти совпали съ началомъ крымской войны. Но мы были глухи и нѣмы ко всему, что дѣлалось внѣ стѣнъ университета. Съ полнымъ равнодушіемъ мы слушали о синопской битвѣ, о возможныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, грозящихъ отечеству, но отечества мы не чувствовали; патріотизма въ насъ не было ни капли: такъ мертва была Уваровская формула, начертанная имъ на знамени русской школы. Мы даже газетъ совсѣмъ не читали, да и мало распространены онѣ были въ это Николаевское время. Но событія разыгрывались—война разгоралась; послышалась бомбардировка Одессы союзнымъ флотомъ наканунѣ Свѣтлаго праздника 1854 г. Защемило молодое сердце. Мы готовы были послать адресъ герою Щеголеву. Я началъ съ интересомъ читать газеты: „Journal de Francfort"—то въ кондитерской Розмитальскаго, то въ кафе при „Англійской гостинницѣ", въ которомъ за конторкой царствовала граціозно прихрамывавшая, но чрезвычайно хорошенькая конторщица-полька, вывезенная содержателемъ Фридериксомъ изъ Варшавы, для увеличенія кліентели.

Когда я уже жилъ въ третьей камерѣ, въ которую я переселился изъ ненавистной первой, здѣсь я засталъ Борсука и Демченка, къ которымъ, не знаю почему, пристегнулся Иванъ Сѣдовъ, чуть ли не фуксъ. Между нами было полное единеніе, такъ какъ мы трое плотно занимались, а Сѣдовъ всегда былъ услужливъ и послушенъ. Вспоминаю семестральный экзаменъ за весенній семестръ 1854 г., который я долженъ былъ отложить послѣ каникулъ по случаю весенней сильной лихорадки. Послѣ обычныхъ каникулъ, я помню, какъ меня, въ амбразурѣ окна библіотеки, строптиво экзаменовалъ Богородскій по недоимочной семестровкѣ изъ его предмета. Я никакъ не могъ удовлетворить

его отвѣтомъ на вопросъ: какая задача философіи уголовнаго права, хотя задачу эту я понималъ очень отчетливо. Началось обычное теченіе нашей казеннокоштной жизни: то лекціи, то занятія въ камерѣ. Хотя на казнѣ мы получали все нужное, но безъ денегъ все-таки было трудно обойтись. Какъ ихъ достать? Писаньемъ семестровокъ для товарищей, которые сами не съумѣли сдѣлать этого? Въ мое время каждый студентъ обязанъ былъ въ теченіе четырехлѣтняго курса представить шесть семестральныхъ сочиненій, а иначе не засчитывался семестръ. Я считался мастеромъ писать такія работы, и въ заказахъ недостатка не было,— зарабатывалась и деньга.

Живо я помню, какъ, 20 или 21 февраля, въ нашу камеру проникъ слухъ о смерти императора Николая I. Его принесъ съ рынка нашъ поваръ. Насъ слухъ этотъ поразилъ тѣмъ болѣе, что мы ничего не знали о болѣзни императора, такъ какъ бюллетеней не читали. Особеннымъ піэтетомъ къ покойному императору мы проникнуты не были. Мы судили о немъ только по тѣмъ строгимъ дисциплинарнымъ мѣрамъ, отъ которыхъ мы сами много терпѣли. Это равнодушіе, конечно, не дѣлало намъ чести: жители Кіева, мы должны были чувствовать, что сдѣлалъ для этого города усопшій императоръ; питомцы университета св. Владиміра, мы должны были помнить, что онъ—созданіе покойнаго государя, и созданіе великое, государственное. Но мы всего этого не сознавали, и съ полнымъ индифферентизмомъ приносили въ нашей университетской церкви, въ присутствіи Юзефовича, вѣрноподданническую присягу новому монарху. Наканунѣ нашего выхода изъ университета начиналось царствованіе, достославное своими реформами, одного изъ величайшихъ русскихъ государей. Начались и наши приготовленія къ окончательному экзамену, и преимущественно къ изученію курса уголовнаго права, котораго мы особенно боялись. Экзаменъ прошелъ для меня успѣшно, съ правомъ полученія степени кандидата по представленіи диссертаціи. Много ли изъ насъ, окончившихъ университетскій курсъ въ этотъ памятный для Россіи 1855 годъ, еще въ живыхъ? Мы съ Демченкомъ еще сидимъ на каѳедрахъ воспитавшаго насъ факультета, Скаржинскій еще предсѣдательствуетъ въ черниговскомъ окружномъ судѣ... А другіе? Другихъ и слѣдъ простылъ: умеръ Заика, бывшій правой рукой министра внутреннихъ дѣлъ отъ Валуева и до Дурново; умеръ и Борсукъ, помогавшій Галагану въ работахъ редакціонныхъ коммиссій...

V.

Кандидатская диссертація. — Нижегородское ополченіе. — Встрѣча съ Судовщиковымъ.—Проф. Павловъ.—Встрѣчи: Чижовъ, Галаганъ.—Прилукское дворянство.—Поѣздка въ Гольцы. — Возвращеніе въ Сѣкиренцы. — Пріѣздъ семейства Галагана. Праздникъ въ Лебединцахъ.—Письмо проф. Селина и его послѣдствія.—Поѣздка къ сестрѣ въ хорольскій уѣздъ.

Одно изъ моихъ семестральныхъ сочиненій было посвящено вопросу о государственныхъ долгахъ. Иванишевъ его похвалилъ, а сюжетъ меня заинтересовалъ. Я задумалъ болѣе подробно разработать этотъ вопросъ, избравъ его сюжетомъ для моей кандидатской диссертаціи. Деканъ снабдилъ меня нужными книгами, и въ томъ числѣ сочиненіями графа Цѣшковскаго, хотя я польскихъ книгъ и не читалъ. Уложивъ все это въ чемоданъ, я уѣхалъ въ Гольцы, чтобы отдаться тамъ работѣ надъ диссертаціею. Работа пошла споро; даже польскія страницы книги Цѣшковскаго мной понимались. Вышла объемистая тетрадь, въ которой государственные долги были оцѣнены со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Работой своей я былъ доволенъ, и надѣялся, что ею будетъ доволенъ и Иванишевъ. Онъ, дѣйствительно, потомъ указывалъ на нее факультету, какъ на работу, достойную вниманія, и она послужила однимъ изъ мотивовъ для приглашенія меня въ Кіевъ приготовляться къ профессорскому званію. Утомленный работой, я отдыхалъ въ обществѣ моей невѣсты, въ незабвенныхъ прогулкахъ съ нею то въ Гольцахъ, куда она часто пріѣзжала, то въ Безсалахъ, куда часто пріѣзжалъ я. Къ концу лѣта я собрался въ Кіевъ, чтобы представить мою диссертацію. По дорогѣ заѣхалъ въ Войтово, гдѣ услышалъ о страшномъ событіи 27 августа 1855 г., —о паденіи Севастополя. Въ Кіевъ я прибылъ чуть ли не въ концѣ сентября и тотчасъ же передалъ декану мою диссертацію. Скоро я услышалъ о смерти Грановскаго, которая меня очень опечалила.

Стояла чудная кіевская осень. Проходили черезъ городъ ополченія одно за другимъ. Прошло московское, съ графомъ Строгановымъ во главѣ, который воспользовался днёвкой, чтобы побывать въ университетѣ, осмотрѣть кіевскія древности и видѣть нѣкоторыхъ профессоровъ. За московскимъ тянулось нижегородское, величественное шествіе котораго надъ Днѣпромъ запечатлѣлось въ моей памяти. Какъ ни плохо были мы воспитаны въ любви къ отечеству и патріотизмѣ, но чувствовалось что-то родное, русское при видѣ этихъ мужиковъ съ крестами на шап-

кахъ, этихъ дворянъ, оставившихъ семьи и имѣнія, чтобы защищать родину отъ непріятеля. На меня эта картина нижегородскаго ополченія произвела глубокое впечатлѣніе: она образумила, отрезвила мой взглядъ на текущія событія. Сколько помню, во главѣ нижегородскаго ополченія стоялъ Козловъ—человѣкъ, близкій нашему Павлову, у котораго я и заставалъ нижегородскихъ ополченцевъ. Я и самъ познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ. Я остановился на Подолѣ, въ гостинницѣ „Малороссія", гдѣ отведены были квартиры нѣсколькимъ ополченцамъ. Мнѣ пріятно вспомнить то отрадное впечатлѣніе, которое я выносилъ изъ бесѣдъ съ ними, достойными соотечественниками Минина: сколько бодраго духа, горячаго патріотизма, отважной храбрости! Здѣсь же я встрѣтился съ моимъ прежнимъ наставникомъ Судовщиковымъ, и мы провели въ бесѣдѣ чуть ли не цѣлую ночь. Но, кандидатъ правъ, я уже критически относился къ отрицателю воли. Тѣмъ не менѣе, встрѣча была очень пріятна.

Я окончилъ курсъ университета, я имѣю степень кандидата правъ,—но что же мнѣ дѣлать? На какую службу дѣваться мнѣ? Мысль о профессурѣ гвоздемъ засѣла въ мою голову, но это дѣло отдаленное, а заработывать нужно, такъ какъ на подмогу отца надежды было мало. Выручилъ меня изъ бѣды проф. Павловъ, посовѣтовавшій мнѣ заниматься съ сыномъ графа Комаровскаго. Предлагалось пятьсотъ рублей въ годъ. Заниматься—всѣми науками, кромѣ новыхъ языковъ и математики, такъ какъ для послѣдней предполагался другой наставникъ, оканчивающій математическій факультетъ. Я съ радостью согласился. Соберу денегъ,—думалъ я,—и поѣду въ московскій университетъ, чтобы выдержать магистерскій экзаменъ. Московскій университетъ я особенно цѣнилъ и уважалъ, благодаря дѣятельности Грановскаго, преждевременная смерть котораго такъ меня опечалила. Проф. Павловъ списался съ графомъ Комаровскимъ—и моя поѣздка къ нему была рѣшена. Накупивъ нужныхъ учебниковъ (для русской исторіи, по совѣту Павлова,—книгу Полевого), я отправился въ путь на Войтово, а оттуда до Прилуки доѣхалъ на своихъ лошадяхъ. Въ Прилукѣ дали мнѣ почтовыхъ лошадей до Сѣкирницъ, гдѣ пребывала семья гр. Комаровскаго. Помню, что мой ямщикъ напился мертвецки-пьянымъ, и я долженъ былъ править самъ. Позднимъ вечеромъ я пріѣхалъ въ сѣкиренскую усадьбу, гдѣ для меня была приготовлена комната рядомъ съ комнатой домашняго врача, Александра Александровича Шеффера, съ которымъ потомъ долгое время пришлось быть товарищами по профессорству въ университетѣ св. Владиміра, гдѣ онъ за-

нялъ каѳедру медицинской химіи. На другой день, въ своемъ студенческомъ сюртукѣ, съ которымъ мнѣ не хотѣлось разставаться, я представился графу Комаровскому. Онъ изъяснилъ мнѣ свою педагогическую программу, въ которой я увидѣлъ клерикала, и показалъ дорогой кубокъ, поднесенный городомъ Москвой его отцу, когда тотъ привезъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая. Не скажу, чтобы графъ Комаровскій произвелъ на меня впечатлѣніе развитого человѣка, близкаго къ моему образу мыслей, но съ меня было довольно и того, что я нашелъ въ немъ человѣка воспитаннаго, съ которымъ можно имѣть дѣло. Сѣкиренское общество, за отсутствіемъ проживавшей въ г. Кіевѣ семьи Григорія Павловича Галагана, состояло изъ его матери, Катерины Васильевны, урожденной гр. Гудовичъ, женщины очень умной и доброй, дочери ея, Маріи Павловны, граф. Комаровской, женщины довольно странной и съ виду болѣзненной, и дѣтей этой послѣдней: мальчика лѣтъ двѣнадцати, Грани, съ которымъ я долженъ былъ заниматься, и дочурки лѣтъ пяти, прелестной Катеньки, теперь вдовствующей графини Ламздорфъ, которую я долженъ былъ учить русской грамотѣ и за которою ходила англичанка Саузи, смотрѣвшая прежде за ея матерью. Съ признательностью вспоминаю эту достойную англичанку, которая такъ много помогала мнѣ усвоивать англійское произношеніе. Я долженъ былъ ежедневно два-три часа заниматься со своимъ ученикомъ, а послѣ урока гулять съ нимъ по прекрасному сѣкиренскому саду. Принялся я за дѣло серьезно и не безъ нѣкотораго педагогическаго увлеченія, хотя мой ученикъ былъ далеко не симпатиченъ и не обѣщалъ быть серьезнымъ и развитымъ человѣкомъ. Онъ, какъ я замѣтилъ, позволялъ себѣ подшучивать надъ прежними учителями. Но я скоро внушилъ ему, что этого не позволю. Это тѣмъ болѣе удалось мнѣ, что всѣ въ домѣ относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, какъ къ учителю-потомственному дворянину, помѣщику той же полтавской губерніи и дальнему родственнику уважаемыхъ Галаганами сосѣдей Милорадовичъ. Положеніемъ своимъ въ домѣ вообще я былъ доволенъ: занятія то съ Граней, то съ Катей, оставляли достаточно времени и для моихъ собственныхъ занятій. Съ особеннымъ увлеченіемъ я изучалъ англійскій языкъ, оканчивая III-й томъ методы Робертсона, по которой я началъ учиться еще въ Гольцахъ вмѣстѣ съ сестрой Варенькой. Я такъ преуспѣлъ послѣ шестидесяти уроковъ Робертсона, что могъ понимать книгу Теккерея. Жилось тихо и благородно въ этомъ уютномъ дворянскомъ гнѣздѣ. Наѣзжали

иногда сосѣдніе помѣщики: я особенно помню Маркевичей, Михаила и Николая Андреевичей — кузеновъ Галагановъ. Послѣдній былъ историкомъ Малороссіи, поэтомъ, написавшимъ украинскія мелодіи, виртуозомъ на фортепьяно, которому училъ его знаменитый Фильдъ. Вообще, это была натура богато одаренная и очень симпатичная. Онъ имѣлъ одинъ порокъ—страстно любилъ карты. Но особенно любовался я его супругой, Ульяной Александровной, урожденной Раковичъ. Высокая, стройная, замѣчательно красивая, она смотрѣла настоящей римской матроной, велѣніямъ которой все должно повиноваться. Помню также и ея сына, правовѣда, Андрея Николаевича, котораго училъ играть на віолончели знаменитый Серве и который теперь украшаетъ своимъ именемъ списки русскихъ сенаторовъ. Вспоминаю я и Чижова, котораго такъ чтила сѣкиренская семья; онъ заводилъ со мной рѣчь о Петровскихъ реформахъ, изъ которой я скоро узналъ, что онъ—не моего прихода: я былъ горячій западникъ а онъ—крѣпкій восточникъ; споръ же съ такимъ умницей мнѣ былъ не по силамъ. Семья Григорія Павловича Галагана проживала зимою въ Кіевѣ, но онъ однажды понавѣдался въ свое имѣніе. Онъ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе: развитой, просвѣщенный, онъ показался мнѣ идеаломъ малороссійскаго помѣщика, любящаго своихъ крѣпостныхъ, какъ свою родную семью. Онъ склонялся къ воззрѣніямъ Самарина и Аксаковыхъ, и я помню его торжество, когда онъ показалъ намъ первую, только-что полученную книгу „Русской Бесѣды“ Кошелева. Меня умиляла его горячая любовь къ родной Малороссіи—къ ея пѣснѣ, вишневому садику, живописной хатѣ, къ ея нравамъ и обычаямъ. Въ этой любви не было никакой аффектаціи, не было ничего политическаго. Вообще, это была фигура благородная, рѣзко выдѣлявшаяся своимъ чутьемъ къ общественному интересу на сѣромъ фонѣ тогдашняго малороссійскаго дворянства. Представителей этого дворянства по прилукскому уѣзду я много видѣлъ въ Сѣкиренцахъ. Это прилукское дворянство считалось самымъ просвѣщеннымъ въ полтавской губерніи. Но въ моей памяти не сохранилось такого мнѣнія о немъ. Уровень развитія былъ средній; интересы—мелкохозяйственные.

Была самая горячая пора крымской войны, но о ней я слышалъ мало рѣчей; было время почти наканунѣ отмѣны крѣпостного права, но объ этомъ не слышалось ни слова. Не потому ли это происходило, что въ Николаевское время, послѣ декабрьскаго пароксизма, россійскіе граждане не дерзали смѣть по общественнымъ вопросамъ свое сужденіе имѣть? Не потому ли, что свѣтъ

университетской науки еще мало озарялъ русское общество, въ средѣ котораго оказывалось мало членовъ, проникнутыхъ сознаніемъ важности общественнаго и государственнаго интереса? Привѣтливые и хлѣбосольные малороссійскіе помѣщики были истыми эпикурейцами: халатъ да туфли, предобѣденная чарка да хорошій поваръ, ералашъ да преферансъ, имѣли, конечно, для нихъ большее значеніе, чѣмъ крымская война или отмѣна крѣпостного права. Тѣмъ не менѣе, это милое прилукское дворянство было такъ привѣтливо и обходительно, такъ наивно и гостепріимно, что у меня сохранились о немъ самыя теплыя воспоминанія. Изъ другихъ сѣкиренскихъ встрѣчъ вспоминаю еще Василія Васильевича Тарновскаго — человѣка умнаго и дѣлового, очень уважаемаго Галаганомъ, съ которымъ онъ работалъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ въ духѣ Н. А. Милютина. Помню также эффектную фигуру княгини Кочубей, изъ Диканьки, ради которой гр. Комаровскій вспомнилъ молодую эпоху преображенскаго полка. Живо помню также Василія Васильевича Кочубея, брата г-жи Галаганъ. Типическій правовѣдъ, но не бюрократъ, а правовѣдъ-помѣщикъ, онъ былъ тогда женихомъ прехорошенькой Надежды Михайловны Маркевичъ, на которой потомъ и женился, но скоро ее потерялъ. Съ особенною силою запечатлѣлась въ моей памяти сестра невѣсты Кочубея, симпатичная и добрая Ольга Михайловна, съ которою мнѣ пришлось встрѣчаться впослѣдствіи въ Кіевѣ, когда она была уже г-жей Раковичъ. Живо представляется мнѣ она съ книжкой Тауѣница въ рукахъ, игриво бесѣдующею съ докторомъ Шеффером или запоемъ читающею англійскіе романы съ гр. Комаровской. Милыя и свѣтлыя картины прошлаго, какъ оживляете и освѣщаете вы мрачные, старые дни!

Помнится, что на рождественскіе праздники 1855 года я ѣздилъ изъ Сѣкирицъ въ Гольцы, такъ какъ разстояніе было небольшое. Но особенно я помню поѣздку съ разрѣшенія гр. Комаровскаго, на масляницѣ 1856 г. Особенно помню потому, что засталъ въ Гольцахъ брата Владиміра, въ первый разъ пріѣхавшаго съ дальняго Кавказа. Нельзя сказать, чтобы встрѣча была особенно радостная. Я, напротивъ, замѣтилъ, что онъ съ отцомъ какъ бы составилъ коалицію военныхъ элементовъ противъ меня, проникнутаго элементами статскими, учеными. Но я былъ утѣшенъ привѣтливой встрѣчей старшихъ сестеръ, которыя собирались на балъ къ славному своими пирами помѣщику Паульсону, и убѣдили меня сопутствовать имъ. Я еще прежде, въ 1851 г., былъ на балѣ этого мѣстнаго Лукулла, когда онъ былъ

почетнымъ смотрителемъ лохвицкаго уѣзднаго училища и задавалъ въ г. Лохвицѣ пиръ на весь міръ, по случаю училищнаго акта. Я былъ тамъ тогда со своимъ пріятелемъ, нѣжинскимъ лицеистомъ Соколовымъ, котораго Рененкампфъ, вѣроятно, считая себя Печоринымъ, назвалъ Грушницкимъ. Я даже помню маленькій инцидентъ на этомъ балѣ: меня томила жажда, и мнѣ показалось, что я могу обратиться къ одному изъ близко стоявшихъ съ просьбой: „человѣкъ, дайте мнѣ воды!“—„Я не человѣкъ, — послышалось въ отвѣтъ: — пускай вамъ человѣкъ подастъ“. Характерный жаргонъ крѣпостной эпохи!

Я согласился сопутствовать сестрамъ на Паульсоновскій балъ, который на этотъ разъ давался въ Городищѣ, большомъ имѣніи хозяина. Я встрѣтилъ, можетъ быть, не менѣе сотни гостей, пировавшихъ нѣсколько дней сряду подъ звуки прекраснаго Паульсоновскаго оркестра. Пили, ѣли, картежничали, плясали, лошадей кормили: у меня кружилась голова послѣ тишины Сѣкиринецъ. Я понялъ, что отъ такихъ баловъ можно въ конецъ разориться, что и случилось съ нашимъ милымъ Паульсономъ. Этотъ Василій Ивановичъ Паульсонъ — оригинальный типъ помѣщика добраго стараго времени, не нашедшій себѣ мѣста въ галереѣ Гоголевскихъ портретовъ. Основная его страсть состояла въ томъ, чтобы кормить, поить да пиры задавать—такіе пиры, чтобы говорила о нихъ цѣлая губернія. Онъ былъ очень богатъ и имѣлъ нѣсколько роскошныхъ имѣній; съ его оркестромъ могъ соперничать только оркестръ дехтеревскаго Галагана, славный знаменитымъ скрипачомъ Артемкой, за обученіе котораго въ Вѣнѣ владѣлецъ заплатилъ двадцать тысячъ рублей. О его серебряныхъ сервизахъ, чайныхъ и столовыхъ, разсказывали чудеса. Дѣлами своими онъ абсолютно не занимался. Онъ только и зналъ, что придумывалъ пиры да увеселенія. Вскорѣ онъ разошелся съ своей элегантной и просвѣщенной супругой, Софьей Антоновной Фитингофъ, которая была впослѣдствіи директрисой одесскаго института. Разставшись съ своей супругой, онъ еще больше отдался своей страсти задавать балы. Разореніе стало неизбѣжно: продавались имѣнія одно за другимъ. Наконецъ, и Городище, въ которомъ я вкусно ѣлъ и сладко пилъ, въ февралѣ 1856 г., чуть не съ молотка было куплено Гинцбургомъ, знаменитымъ поставщикомъ продовольствія дунайской арміи, при которомъ приказчиками и коммиссіонерами состояли нѣкоторые лохвицкіе помѣщики, жаждавшіе наживы.

Нагулялся я вдоволь; пора было воротиться въ уютное дворянское гнѣздо, гдѣ меня ждали обычныя занятія. Пришелъ ве-

ликій постъ, повѣяло слухами о предстоящемъ мирѣ. По прежнему—уроки съ Граней и съ Катей, по прежнему—упражненія въ англійскомъ произношеніи, для чего заучивались чудные стихи Байрона. Но у меня явился помощникъ: пріѣхалъ изъ Кіева окончившій математическій факультетъ полякъ, для занятій математикой съ моимъ питомцемъ. Гранѣ онъ болѣе пришелся по вкусу, чѣмъ я, и охотно взялъ на себя мои гувернерскія обязанности — прогулки послѣ обѣда. Графу онъ также пришелся по душѣ, но не по душѣ приходился мнѣ, своему товарищу. Мы жили съ нимъ въ одной комнатѣ, кровать съ кроватью, но между нами не было ничего общаго. Мы представляли собой два различные типа домашняго учителя. Я былъ домашнимъ учителемъ, выдѣлявшимся изъ придворнаго штата Галагана и гр. Комаровскаго, гордымъ и независимымъ. Мой товарищъ какъ-то слился съ этимъ штатомъ, покорный и сговорчивый. Сѣкиренскіе помѣщики были люди очень богомольные, чтущіе церковь. Я, русскій и православный, въ своей православной церкви показывалъ менѣе усердія къ молитвѣ и соблюденію церковныхъ уставовъ, чѣмъ мой товарищъ, полякъ и католикъ, который въ чужой, православной церкви, своими колѣнопреклоненіями, усердными молитвами и цѣлованіемъ иконъ, умилялъ богомольную старушку, мать Галагана. Я даже ожидалъ, что онъ будетъ говѣть по нашему обряду. Зато, когда пришла Святая, и Екатерина Васильевна надѣляла наградными свой придворный штатъ, денежную награду получилъ и мой товарищъ. Старушка имѣла тактъ не вносить меня въ списокъ награждаемыхъ, за что я былъ ей признателенъ.

Совершенно другой типъ представлялъ собою домашній врачъ Галагана, Александръ Александровичъ Шеффферъ. Самостоятельный и независимый, онъ внушалъ къ себѣ общее уваженіе. Мы были въ пріятельскихъ отношеніяхъ, часто бесѣдовали, нерѣдко спорили. Онъ былъ тогда франкоманомъ, а я—англоманомъ. Живо припоминаю его, вѣчно лежавшаго на кушеткѣ, съ вѣчнымъ англійскимъ романомъ въ рукахъ. Поклонникъ московскаго проф. Глѣбова, онъ мечталъ занять ту же каѳедру физіологіи. Онъ собиралъ деньги, чтобы поѣхать за границу и подготовиться къ профессурѣ. Настойчивый и энергичный, онъ достигъ этой цѣли, хотя и не вполнѣ: когда я возвратился изъ-за границы, то засталъ его на каѳедрѣ фармакологіи, которую онъ, послѣ устава 1863 г., перемѣнилъ на медицинскую химію. Фармакологію же сталъ читать сначала доцентъ Гейбель, а потомъ даровитый и просвѣщенный Владиміръ Ивановичъ Дыбковскій, свѣтлую лич-

ность котораго я и теперь вспоминаю, и его преждевременную смерть, лѣтомъ 1870 г., мы долго и долго оплакивали. Возвратясь изъ-за границы, я засталъ Шеффера страстнымъ пруссофиломъ и горячимъ поклонникомъ Бисмарка. О прежней франкоманіи не могло быть и рѣчи: онъ ликовалъ, читая телеграммы о нѣмецкихъ тріумфахъ во Франціи. Я рѣдко встрѣчалъ такого неутомимаго любителя газетъ: съ ранняго утра и до обѣденнаго времени его можно было видѣть въ профессорской лекторіи, переходящимъ отъ одной газеты къ другой. Какой-нибудь шлезвигъ-голштинскій вопросъ казался ему міровымъ вопросомъ, о которомъ онъ былъ готовъ спорить до кроваваго пота. Но онъ усвоилъ и смѣлость Бисмарка: когда графъ Толстой былъ въ Кіевѣ, ректоръ Бунге предложилъ его въ почетные члены университета. Шефферъ возражалъ горячо, не щадя самолюбія графа, который въ тотъ же вечеръ узналъ объ этомъ. Въ совѣтскихъ дебатахъ онъ бывалъ находчивъ и рѣзокъ, импровизируя свои реплики и рѣчи. Студенты его не любили, такъ какъ онъ былъ очень строгъ и требователенъ на экзаменахъ. Объясняли его суровое отношеніе къ студентамъ засадой, которую сдѣлали нѣкоторые изъ обрѣзавшихся на его экзаменѣ, съ намѣреніемъ оскорбить его дѣйствіемъ: сильный Шефферъ отбился, но и до конца своей профессорской службы не могъ забыть эту печальную исторію. Я уважалъ Шеффера за его любознательность и просвѣщенный умъ, за его гордый и независимый характеръ, но по университетскимъ дѣламъ рѣдко сходился съ нимъ. Мнѣ всегда казалось, что по этимъ дѣламъ онъ подчинялся вліянію профессора Эргардта, никогда не возвышавшагося надъ личными выгодами и интересами, для котораго университетъ со всѣми его науками представлялся овцой, руно которой должно было перейти въ его карманъ. Но я нѣсколько забѣжалъ впередъ, а между тѣмъ я не могъ не остановиться на типичной фигурѣ Шеффера, которой принадлежало такое видное мѣсто и на картинѣ сѣкиренской жизни, и на картинѣ жизни университетской.

Приближалась весна. Весна! Сколько сладкихъ воспоминаній заключается въ этомъ словѣ! Сколько блаженныхъ, счастливыхъ мгновеній доставляла она молодой душѣ! Особенно весна въ Сѣкиренцахъ, въ этомъ чудномъ саду, на зеленыхъ лугахъ котораго разбросаны были очаровательныя группы разныхъ деревьевъ. И какія деревья! Какъ холилъ Григорій Павловичъ свои дубы и березы, то подпирая ихъ, то сковывая желѣзными обручами, чтобы они не расщеплялись. Съ истинной любовью относился Галаганъ къ своему саду и парку, да и садъ же былъ на славу,—

другого подобнаго я въ Малороссіи не встрѣчалъ. Не забыть мнѣ этой весны 1856 г.: молодой и здоровый, преисполненный жажды науки и просвѣщенія, во всѣхъ суставахъ своего организма я былъ наполненъ жизнерадостнымъ чувствомъ, что̀ французы такъ хорошо называютъ „la joie de vivre“. Прошла Святая—пришелъ май. Семейство Григорія Павловича переѣхало на лѣто въ Сѣкиренцы. Вспоминаю его супругу, Катерину Васильевну, урожденную Кочубей, добрую и привѣтливую. Какъ будто вижу предъ собой маленькаго хлопчика Павлуся, говорившаго только по-малороссійски, за которымъ ходила не швейцарка, не нѣмка, но прехорошенькая сѣкиренская дівчіна, въ своемъ прелестномъ малороссійскомъ нарядѣ, со стрічками, мережками и монистами.

Григорій Павловичъ Галаганъ задумалъ устроить въ своемъ лохвицкомъ имѣніи Лебединцахъ малороссійскій праздникъ, который долженъ былъ воспроизвести полтавскую старину—бытъ богатаго малороссійскаго пана или полковника во времена гетманщины. Онъ „сбудовалъ“ домъ, архитектура котораго напоминала дома малороссійскихъ старшинъ и внѣшнимъ видомъ, и расположеніемъ горницъ. Примыкавшій къ дому садъ былъ также въ прежнемъ вкусѣ: перпендикулярныя и параллельныя аллеи, куртины, засаженныя желтой гвоздикой, ноготками, чернобривцами: все—какъ было въ старину, не отличавшуюся эстетическимъ вкусомъ. Подъ развѣсистой липой хоръ крѣпостныхъ пѣвчихъ распѣвалъ старинныя малороссійскія пѣсни. Меню обѣда—гдѣ только онъ его добылъ?—приспособленное къ сильнымъ, старинным желудкамъ, не годилось для нашихъ, катаральныхъ. Я помню, напр., коропа въ меду, начиненнаго черносливомъ, индюка въ меду, начиненнаго рисомъ съ изюмомъ. Все это реставрировало кухню прежнихъ временъ, но было не по нашему вкусу. Я кое что̀ могъ ѣсть, но моя сосѣдка по обѣду, англичанка Саузи, гримасами встрѣчала блюда, которыя уписывала козацкая старшина. Толпа крестьянъ, въ которую панъ Галаганъ бросалъ пряники, орѣхи, конфекты, шумѣла во дворѣ. Лирники и бандуристы распѣвали свои былины. Шелъ пиръ на весь міръ: праздникъ, превосходно задуманный и прекрасно выполненный. Я помню умное лицо Василія Васильевича Тарновскаго, озиравшаго пиръ народа, которому предстояла скорая свобода. Я помню Жемчужникова, усѣвшагося на землѣ, то рисовавшаго малороссійскіе типы, то записывавшаго былину или пѣсню. Праздникъ длился до поздней ночи, и только къ разсвѣту мы воротились въ Сѣкиренцы.

Помнится, это было въ началѣ іюня, а въ концѣ этого мѣ-

сяца, въ день Петра и Павла, были именины сына Галагана. Ожидали много гостей—нужно было приготовить для нихъ помѣщеніе. Не предупредивши, переселили меня съ моимъ скарбомъ въ высокую готическую бесѣдку, въ густой чащѣ сада. Григорій Павловичъ сконфуженно извинился передо мной за это переселеніе. Но я ему былъ очень радъ; лучшаго лѣтняго помѣщенія нельзя было и желать. Готическая бесѣдка—высокая-превысокая; наверху ея—комната, окна которой были въ уровень съ верхушками высокихъ деревьевъ, птичьи гнѣзда которыхъ можно было рукой достать. Изъ оранжереи я досталъ душистыхъ цвѣтовъ, которыми я обставилъ свою комнату. Чудное уединеніе! Никто не мѣшалъ мнѣ здѣсь декламировать Байрона во все мое горло, и раздавалась чудная музыка его дивныхъ стиховъ:

O, my lonely, lonely, lonely pillow!
Where is my lover, where is my lover?
Is it his bark,
Which my drealy dream this cover
Far, far away along, along the billow.

Но это была моя лебединая пѣсня въ незабвенныхъ для меня Сѣкиренцахъ.

Въ юридическомъ факультетѣ университета св. Владиміра, за смертью адъюнктовъ Вигуры и Цвѣткова, некому было преподавать государственные законы и финансы. Не существовало тогда ни стипендіатовъ, ни приватъ-доцентовъ, а между тѣмъ во всѣхъ университетахъ чувствовалось оскудѣніе профессорскаго состава. Министръ Норовъ придумалъ слѣдующую мѣру: прикомандировывать къ гимназіямъ лучшихъ кандидатовъ, съ званіемъ сверхштатныхъ учителей, поручивъ имъ чтеніе лекцій въ университетѣ, подъ наблюденіемъ какого-нибудь профессора, и приготовленіе къ профессурѣ, которое должно было завершиться командировкой за границу. Совѣтъ университета св. Владиміра въ засѣданіи 7 іюня 1856 г.—дата моего послужного списка—по представленію юридическаго факультета остановился на мнѣ—для государственныхъ законовъ—и на Эдуардѣ Адамовичѣ Шварцѣ—для финансовъ. Въ этомъ же засѣданіи, по предложенію историко-филологическаго факультета, Юрій Дмитріевичъ Сидоренко былъ оставленъ для политической экономіи, которая тогда не входила въ составъ предметовъ юридическаго факультета. Я и Шварцъ были прикомандированы къ I-й гимназіи, и по утвержденіи въ этомъ званіи должны были читать лекціи, а получивъ степень магистра, отправиться послѣ за границу. Профес-

соръ Селинъ написалъ объ этомъ графу Комаровскому, для сообщенія мнѣ. Радость моя была безмѣрна: осуществлялась мечта, которую я лелѣялъ чуть ли не съ самаго дѣтства, когда меня въ шутку называли профессоромъ. Но я слишкомъ поторопился оставить теплое дворянское гнѣздо Сѣкиренецъ, о чемъ сожалѣю до сихъ поръ. Получивъ отъ гр. Комаровскаго заработанныя деньги,—помнится, за семь мѣсяцевъ, такъ какъ я прожилъ жалованье только за одинъ мѣсяцъ,—и простившись съ сѣкиренскими панами, доброту и привѣтливость которыхъ я никогда не забуду, я поѣхалъ домой, въ Гольцы. По дорогѣ я навѣстилъ Софью Александровну Галаганъ, рожденную Козодаеву, которая пожизненно владѣла имѣніями своего мужа, Петра Григорьевича Галагана, родного дяди Григорія Павловича. Это была женщина очень просвѣщенная, часто проживавшая за границей; она много разсказывала мнѣ о Берлинѣ, о Гейдельбергѣ, о нравахъ тамошнихъ студентовъ, благословляя меня на служеніе великому дѣлу русской науки. Не забылъ я и до сихъ поръ эту просвѣщенную бесѣду, въ которой принималъ участіе домашній секретарь хозяйки, Фаленко, знакомый мнѣ еще по нѣжинскому лицею, куда онъ перешелъ изъ университета св. Владиміра. Въ Гольцахъ засталъ я брата Владиміра. Неугомонный картежникъ, онъ льстился на мои сторублевки и очень желалъ выиграть ихъ у меня. Но я слишкомъ берегъ свой заработокъ и не поддавался искушеніямъ игры, къ которой также чувствовалъ маленькую слабость.

Моя любимая сестра Сашенька жила въ это время въ хорольскомъ уѣздѣ со своимъ мужемъ, Степаномъ Алексѣевичемъ Слюзомъ, за котораго она вышла замужъ два или три года тому назадъ. Этотъ мужъ моей дорогой сестры былъ моимъ товарищемъ по нѣжинской гимназіи. Въ IV и V классахъ мы рядомъ сидѣли, другъ другу подсказывали; онъ училъ меня кое-чему мнѣ еще невѣдомому; онъ и тогда былъ уже влюбленъ въ хорошенькую Сашеньку, и потому заискивалъ во мнѣ, стараясь всячески угождать. Въ Нѣжинѣ онъ квартировалъ у лицейскаго секретаря Выѣзжаго, почти-что за городомъ. Помню, какъ я, бывало, пробираюсь къ нему черезъ нѣжинскія табачныя плантаціи. Приду и всегда застану моего Слюза лежащимъ на кровати и дующимъ свой чеканъ. Онъ имѣлъ музыкальныя способности, да и вообще былъ человѣкъ очень способный. Это былъ типъ даровитаго, но бездѣльнаго славянина и при томъ страшно безпечнаго и мотоватаго. Женихомъ онъ, бывало, продастъ хлопца или дѣвку изъ своего лохвицкаго имѣнія и накупитъ въ знаменитомъ лохвицкомъ магазинѣ Варды гостинцевъ своей невѣстѣ. Онъ кончилъ

тѣмъ, что прожилъ всю свою худобу и долженъ былъ служить по судебному вѣдомству въ Полоцкѣ, откуда, по выходѣ въ отставку, онъ переселился въ Екатеринодаръ, гдѣ и умеръ недавно.

Съ сестрой Варенькой мы затѣяли поѣздку въ хорольскій уѣздъ. Живо припоминаю эту прогулку на парочкѣ своихъ лошадокъ; припоминаю и живописные Лубны съ очаровательнымъ пейзажемъ монастыря, и огромное озеро возлѣ постоялаго двора, на которомъ мы кормили лошадей, и безпредѣльную хорольскую степь, съ курганами и разбросанными хуторками и съ отдаленными миражами въ ясный солнечный день. Никогда я прежде не бывалъ въ такой степной мѣстности, и нашелъ въ ней большую прелесть, особенно въ чудномъ степномъ воздухѣ, отъ котораго крѣпнетъ организмъ. Маленькій домикъ Слюза былъ выстроенъ наскоро. Сестра убрала его всякими занавѣсками, кругомъ посѣяла резеду и цвѣточки, которые она такъ любила. Было миленько, но безлюдно и скучно. И я понимаю, почему они опять переселились въ лохвицкій уѣздъ, когда Степану Алексѣевичу, по смерти его дяди, Андрея Ивановича, въ с. Юсковцахъ достался огромный и прелестный грунтъ, который также скоро былъ промѣненъ на деликатессы Варды. Мы прожили нѣсколько дней въ хорольскомъ уѣздѣ и всѣ вмѣстѣ отправились въ обратный путь, въ Гольцы. Я помню безпокойную и безсонную ночь на ночлегѣ въ Лубнахъ, когда маленькій сынокъ сестры, мой крестникъ Вася, опасно заболѣлъ. Едва живого мы довезли его до Голецъ, гдѣ на другой день и похоронили. Проживъ нѣсколько времени въ Гольцахъ, я собрался въ Кіевъ, чтобы приняться за свое главное дѣло. По дорогѣ на Войтово я остановился въ м. Яготинѣ, гдѣ была тогда обычная ярмарка. Я раскошелился и купилъ коверъ, который служилъ главнымъ украшеніемъ моей убогой квартиры, пока вслѣдъ за студенческимъ сюртукомъ не отправился онъ въ ломбардъ той же Абрамовичъ.

Наконецъ я — въ Кіевѣ, по которому порядочно соскучился, — такъ полюбилъ я его въ мои студенческіе годы.

А. Романовичъ-Славатинскій.

ВЛАДИМІРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

СОЛОВЬЕВЪ

— Собраніе сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева. Т. I-V: Философія (1873—1880); Богословіе; Церковные вопросы; Публицистика. Спб. 1902.

I.

24-го ноября 1874 года, покойный историкъ, профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, вернувшись съ магистерскаго диспута Владиміра Сергѣевича Соловьева, писалъ вдовѣ московскаго профессора Ешевскаго: „Россію можно поздравить съ геніальнымъ человѣкомъ". Но, какъ извѣстно, не только геніальные, но и высокодаровитые люди на Руси недолговѣчны. Какая-то злая судьба завистливо смотритъ на ихъ шаги и задуваетъ пламя ихъ духовной жизни, едва оно успѣетъ, иногда послѣ ряда неблагопріятныхъ условій, разгорѣться какъ слѣдуетъ. Не сдѣлала она исключенія и для Соловьева. Прошло уже два съ половиною года съ тѣхъ поръ, какъ, въ бреду внезапнаго и изнурительнаго недуга, ушелъ онъ „за грань земного кругозора", сопровождаемый взрывомъ общаго и неподдѣльнаго сожалѣнія...

Можно бы сказать, что вышедшіе пять томовъ его сочиненій воскрешаютъ память о немъ. Но это было бы невѣрно. Вопреки обычной нашей склонности къ забвенію, память о немъ еще не нуждается въ воскрешеніи. Она жива, и впечатлѣніе, произведенное его смертью, чувствуется и теперь. До сихъ поръ утрата его такъ свѣжа, что подчасъ въ дѣйствительность

ея не хочется вѣрить. Кажется, что еще вчера онъ былъ среди знавшихъ и любившихъ его, — и что сегодня опять удастся увидѣть его удивительное, одухотворенное лицо, съ глубокимъ, то отрѣшеннымъ отъ земли, то пламеннымъ взоромъ, — услышать задушевные звуки его голоса, прислушаться къ его всегда содержательному слову, прерываемому дѣтскимъ, заразительнымъ смѣхомъ... Онъ чувствуется еще такимъ близкимъ, такимъ до боли живымъ въ памяти тѣхъ, кому онъ былъ „сотрудникомъ жизни", что, сознавая тяжесть удара, нанесеннаго его смертью, еще и теперь, несмотря на протекшее время, едва ли возможно оцѣнить вполнѣ размѣръ и значеніе понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ его потери. Vivit sub pectore vulnus! И невозможно вполнѣ объективно говорить о своеобразной и исключительной личности Соловьева, не отходя отъ ея яркихъ красокъ на большее, чѣмъ нынѣ разстояніе. Еще, быть можетъ, труднѣе приступить къ полной и подробной оцѣнкѣ его трудовъ.

До сихъ поръ для этого не было и достаточнаго матеріала. Сочиненія его были разбросаны по самымъ разнообразнымъ изданіямъ, — часть изъ нихъ была вовсе недоступна русской публикѣ, часть вышла изъ продажи. Предпринятое братомъ покойнаго, М. С. Соловьевымъ, изданіе „Собранія сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева" даетъ возможность окинуть взоромъ почти весь жизненный трудъ оригинальнаго и замѣчательнаго мыслителя. Принятый издателемъ порядокъ распредѣленія сочиненій, не строго хронологическій или исключительно систематическій, а соотвѣтствующій духовной эволюціи автора, значительно облегчаетъ пользованіе этимъ цѣннымъ матеріаломъ, сосредоточивая то въ одномъ, то въ двухъ томахъ всю совокупность взглядовъ автора изъ той или другой опредѣленной области мысли. Но изданіе еще не окончено. Вышло всего пять томовъ — и отдѣльно книжка стихотвореній, — а всѣхъ должно быть восемь. Изъ нихъ особенно обѣщаетъ быть интереснымъ послѣдній томъ, заключающій въ себѣ, по плану изданія, философскія сочиненія послѣднихъ лѣтъ (1897—1900), подобно тому, какъ первый и второй томы содержатъ въ себѣ философскія сочиненія перваго періода дѣятельности Вл. С. Соловьева (1873—1880). Сравнительное изученіе работъ, помѣщенныхъ въ этихъ томахъ, должно привести къ весьма интереснымъ выводамъ о путяхъ развитія и расширенія философской мысли покойнаго и дать психологическія данныя для выясненія не только его научнаго творчества, но и самой его духовной личности. Но это еще задача будущаго.

Надо замѣтить, что въ оставленномъ Соловьевымъ научномъ и

литературномъ наслѣдіи довольно многое само по себѣ не докончено или не высказано съ окончательною опредѣлительностью. Онъ умеръ въ разгарѣ новыхъ работъ, для которыхъ нѣкоторыя изъ прежнихъ представляютъ лишь программы или собраніе матеріаловъ. Какъ всецѣло отдавшійся любимому дѣлу зодчій, возводилъ онъ одновременно нѣсколько зданій, дополнявшихъ гармонически другъ друга, но не успѣлъ всѣ довести до окончательнаго завершенія. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ трудовъ онъ намѣтилъ планы, оставилъ чертежи будущей постройки, — и по нимъ лишь можно догадываться и предполагать, что̀ именно должна бы представлять она, во всей ея цѣлости и соотвѣтствіи отдѣльныхъ частей.

Когда всѣ его сочиненія будутъ изданы въ одномъ собраніи, тогда лишь наступитъ время для глубокой, вдумчивой и подробной критики всѣхъ особенностей его міросозерцанія и ученія, и для опредѣленія пути и размѣровъ вліянія его твореній на развитіе русской общественной и философской мысли. При этомъ, конечно, неминуемо придется изслѣдовать и всѣ разнообразные споры и возраженія, которые вызывалъ почти каждый шагъ Соловьева въ печати или публичной рѣчи. Нынѣ же, казалось бы, возможно говорить не столько о томъ, что̀ *сдѣлалъ* онъ, какъ о томъ, что̀ онъ *дѣлалъ*, къ чему стремился, въ чемъ выражалъ свойства, присущія его исключительной личности.

Давно уже замѣчена та поспѣшная готовность, съ которою мы стремимся, по нѣсколькимъ, иногда чисто внѣшнимъ и поверхностнымъ признакамъ, наклеивать на людей тотъ или другой ярлыкъ, по которому и производится зачисленіе людей въ одинъ изъ лагерей и окраска ихъ въ опредѣленный цвѣтъ. Ни подъ одинъ изъ такихъ ярлыковъ, часто наклеенный ошибочно и мѣшающій разглядѣть *настоящаго* человѣка, Соловьевъ не подходилъ. „Святое безпокойство“ въ исканіи и уясненіи себѣ правды побуждало его соприкасаться съ различными направленіями, заходить въ чуждые одинъ другому станы — и ни къ одному изъ нихъ не примыкать всецѣло, стоя всегда особнякомъ или „идя дорогою свободной“, куда влекъ его „свободный умъ“. Такимъ остался онъ до конца своей жизни, быстро протекшей, какъ рѣка, отражающая на поверхности своихъ водъ то хмурое и сѣрое, то ясное и безоблачное небо, но настойчиво катящая свои струи по *своему*, ею прорываемому, ложу.

Выдающіеся въ духовномъ отношеніи люди являются или выразителями общественнаго настроенія, которое они умѣютъ сосредоточить и воплотить въ своей дѣятельности, — или вырази-

телями общественныхъ потребностей, иногда еще не сознаваемыхъ большинствомъ ясно или же ложно имъ понимаемыхъ. Въ первомъ случаѣ такихъ людей поднимаетъ и несетъ на своемъ хребтѣ волна общественнаго теченія,—во второмъ имъ нерѣдко приходится противополагать свою личность такому теченію и, идучи въ разрѣзъ съ настроеніемъ большинства, повторять слова Лютера: „hier stehe ich—ich kann nicht anders“... И чѣмъ многостороннѣе въ своей дѣятельности эти выразители общественныхъ потребностей, тѣмъ выше и плодотворнѣе ихъ значеніе въ жизни. Такимъ именно человѣкомъ былъ Вл. С. Соловьевъ.

Богато одаренный отъ природы, обладавшій колоссальною памятью, настойчиво и самостоятельно учившійся всю жизнь и, поэтому, вооруженный массою разнообразныхъ и глубокихъ свѣдѣній—онъ былъ слишкомъ силенъ *самъ по себѣ*, чтобы служить *только* выразителемъ, хотя бы и въ самомъ возвышенномъ видѣ, общественныхъ настроеній даннаго времени. Онъ не могъ не противопоставлять ему во многихъ случаяхъ свое душевное *я* съ безтрепетною самостоятельностью мысли, призванной руководить, а не быть руководимою. Отсюда тѣ горячія нападки, которымъ онъ подвергался съ разныхъ, иногда прямо противоположныхъ, сторонъ,—и то тревожное вниманіе, которое приковывала къ себѣ его дѣятельность, такъ что нельзя не согласиться съ Брандесомъ, что рѣдко кто одновременно такъ сильно занималъ, удивлялъ, восхищалъ и возмущалъ общество, какъ Соловьевъ. Про него тоже можно сказать, что онъ прожилъ свой путь „упорствуя, волнуясь и спѣша“, точно предугадывая, что мѣра времени, данная ему судьбою, гораздо меньше мѣры его силъ и задачъ. Этимъ объясняется и характеръ многихъ его произведеній, ихъ нерѣдкая схематичность и несоотвѣтствіе въ полнотѣ разработки ихъ отдѣльныхъ частей. Онъ *торопился* высказаться, подчасъ оставляя въ сторонѣ подробности и не думая о необходимости заранѣе опровергнуть и оговорить неправильные выводы изъ своихъ взглядовъ. Это все, повидимому, откладывалось до другого раза, для котораго уже не нашлось мѣста въ его жизни. Этимъ характеромъ запечатлѣны преимущественно произведенія его послѣднихъ лѣтъ. То же самое замѣчается и у другого мыслителя, у „великаго писателя земли русской“. И онъ, сознавая, какъ быстро уходятъ „судьбой отсчитанные дни“, спѣшитъ заповѣдать свои общественныя и нравственныя идеи, мало заботясь о формѣ и какъ будто пренебрегая своимъ высокимъ и неувядаемымъ художественнымъ даромъ. Таковъ, повидимому, удѣлъ всѣхъ большихъ дѣятелей, на разныхъ притомъ поприщахъ. Некрасовъ прекрасно

подмѣтилъ это въ дѣятельности „Кузнеца-гражданина“ Николая Алексѣевича Милютина.

Несмотря на глубокое содержаніе трудовъ Соловьева и на вложенную въ нихъ огромную подготовительную работу,—онъ не былъ кабинетнымъ ученымъ. Ему не давала возможности сдѣлаться такимъ—прежде всего его личная жизнь, лишенная всякихъ, даже самыхъ скромныхъ удобствъ и той минимальной обезпеченности, которая необходима для спокойнаго изложенія своихъ думъ и созерцаній. Вѣчный странникъ, не знавшій подчасъ, гдѣ главу приклонить, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ,—не имѣвшій „ни кола, ни двора“,—бѣдно и скудно одѣтый, слабый физически, хрупкій, впечатлительный и болѣзненно воспріимчивый—онъ не былъ, употребляя выраженіе Некрасова, „любящей рукой—ни охраненъ, ни обезпеченъ“. А въ этомъ онъ нуждался, въ виду чрезмѣрности и истощающей физическія силы разбросанности его работы, — нуждался въ виду своей безграничной доброты и дѣтски-наивнаго отношенія къ практической жизни, которую проходилъ съ выдержкою и терпѣніемъ мудреца и незлобивою чистотою ребенка. „Будучи не отъ міра сего и выше міра сего, онъ представлялъ изъ себя“,—сказалъ о немъ извѣстный датскій критикъ,—„полу-пророка, полу-ребенка“. Не ученый, поднявшійся на холодныя альпійскія высоты отвлеченнаго знанія и оттуда лишь изрѣдка спокойно взирающій на прикованную къ отдаленной долинѣ, вѣчно подвижную, мятущуюся и страждущую жизнь,—а мыслитель, рядомъ съ яснымъ и строгимъ умомъ котораго бьется чуткое и отзывчивое къ этой жизни сердце,—вотъ кто постоянно слышится въ Соловьевѣ. Этимъ его отношеніемъ къ жизни и объясняется страстность нѣкоторыхъ его выводовъ и запальчивость его полемическихъ пріемовъ. Боецъ—или, вѣрнѣе, „труба, зовущая на бой“—онъ былъ гораздо болѣе публицистомъ, чѣмъ это кажется, даже и тогда, когда являлся, повидимому, представителемъ отвлеченнаго умозрѣнія. Онъ самъ, въ разгарѣ одной полемики, признался себя публицистомъ по преимуществу, объясняя, что сталъ имъ какъ разъ въ то время, когда въ нашей общественной жизни явились особые поводы вступаться за элементарные принципы. „Я боролся, — заявлялъ онъ,—во всю мѣру моихъ возможностей и не безъ нѣкоторыхъ пожертвованій“. Тѣ, кому знакома личная жизнь его, знаютъ, что онъ никогда не останавливался, въ раздумьи или унынiи, ни предъ размѣрами такихъ пожертвованій, ни предъ ихъ возможными послѣдствіями.

Онъ бросалъ свои мысли съ горделивою горячностью—какъ вызовъ, какъ перчатку—и у него, вопреки несправедливымъ обвиненіямъ его въ „самодовольномъ квіетизмѣ“, нельзя найти безмятежнаго любованія виртуознымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ своихъ идей и положеній. Боевой характеръ многихъ его произведеній отражается довольно часто и на способѣ его изложенія. Тамъ, гдѣ нить его посылокъ и выводовъ становится слишкомъ тонка,—гдѣ читателю приходится идти по краю логической, а иногда и психологической пропасти—Соловьевъ искусными діалектическими пріемами, остроумными выходками, полными юмора бытовыми разсказами или историческими справками строитъ легкую изгородь, заслоняющую отъ пугливаго взора опасность,—и, миновавъ ее, снова пускается, бодрый и какъ всегда блестящій, въ дальнѣйшій путь.

II.

Жизнь человѣка, со своей нравственно-разумной стороны, слагается изъ троякихъ отношеній: къ высшему началу самой жизни,—къ людямъ—и, наконецъ, къ самому себѣ. Всѣ эти отношенія тѣсно переплетены между собою взаимнымъ вліяніемъ и необходимостью внутренней гармоніи. Отсутствіе связи между ними и наличность дисгармоніи тяжко отражаются и на послѣдовательности дѣйствій, и на душевномъ строѣ человѣка, вызывая невидимыя внутреннія драмы и отталкивающія видимыя картины разлада между словомъ и дѣломъ, который тщетно старается прикрыться гнилою тканью компромиссовъ и приспособленій. Разъясненію и опредѣленію этихъ отношеній и была посвящена трудовая дѣятельность Соловьева, наполнившая всю его жизнь, властно и неуклонно,—разнородная по формѣ и содержанію, единая по своему стремленію къ истинѣ, всегда чистая и по цѣли, и по источнику. Съ тѣми или другими проявленіями этой дѣятельности не всегда можно было соглашаться, въ нихъ можно было открывать ошибки, увлеченія и односторонности, въ чемъ самъ Соловьевъ нерѣдко прямодушно сознавался, но всегда къ этой дѣятельности, во всей ея совокупности, были безусловно приложимы слова пролога къ „Фаусту“: „ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange ist sich des rechten Weges wohl bewusst“.

Нельзя сказать, чтобы при вступленіи Соловьева въ ученую и общественную жизнь указанныя выше троякія отношенія человѣка понимались у насъ и складывались у большинства обра-

зованнаго общества съ достаточною продуманностью и глубиною. Ему пришлось начать свою дѣятельность съ осуществленія душевной необходимости высказать и поддерживать свой взглядъ на первое изъ этихъ отношеній—къ высшему началу жизни—и вступить въ горячую, упорную и смѣлую борьбу съ рядомъ ученій, воспринятыхъ съ Запада и быстро усвоенныхъ въ качествѣ „послѣдняго слова". Оно—это слово—не было особенно ободрительнымъ и оставляло въ душѣ, не желавшей убаюкивать себя обманчивою удовлетворенностью, большое мѣсто для сомнѣній и не получавшихъ разрѣшенія вопросовъ. Къ началу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, у насъ и на Западѣ, Кантъ и Гегель отошли въ область историческихъ воспоминаній и при томъ для большинства очень смутныхъ и ничего не говорящихъ. Весьма немногіе интересовались сущностью ихъ ученій, когда-то властно покорявшихъ себѣ умы. Этому, конечно, особенно способствовало у насъ и закрытіе, съ 1850 года, самостоятельной каѳедры философіи въ университетахъ, такъ что, напримѣръ, независимое слово о главнѣйшихъ философскихъ теоріяхъ—и то лишь по отношенію къ праву государства налагать уголовныя кары—слушатели петербургскаго университета услышали впервые послѣ многолѣтняго перерыва, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, отъ профессора уголовнаго права В. Д. Спасовича. Но и помимо этого—гегеліанство, распавшееся на три теченія, крайнія изъ которыхъ почти ничего общаго между собою не имѣли, постепенно утратило стройную силу своего первоисточника, а ученіе Канта, этого Петра Великаго новѣйшей философіи,—Канта, котораго профессоръ Котляревскій остроумно назвалъ „узловою станціею новой философіи",—съ его утвержденіемъ безсмертія души и свободы воли, съ начертаніемъ непререкаемыхъ границъ для опытнаго знанія и съ его категорическимъ императивомъ практическаго разума, стало оказываться „бременемъ неудобоносимымъ". Это возвышенное и возвышающее духъ строгое ученіе представилось тяжелымъ и стѣснительнымъ для многочисленныхъ послѣдователей культа несвободной и слабой воли, связанной и обусловленной множествомъ стоящихъ внѣ ея явленій;—оно показалось слишкомъ отвлеченнымъ для тѣхъ, кто, работая какъ мыслитель, находилъ, однако, занятіе вопросами о причинахъ, смыслѣ и конечныхъ цѣляхъ бытія праздною и безплодною гимнастикою ума. Задачи послѣдняго стали сводиться исключительно къ всестороннему познанію и изученію неизмѣннаго и постояннаго соотношенія между реальными предметами, вытекающаго изъ сходства и послѣдовательности явленій

жизни. Только такимъ образомъ,—думали многіе,—сопоставляя и классифицируя наши познанія, можно открыть и выяснить законы жизни, вовсе не прибѣгая къ лишеннымъ разумнаго основанія самоувѣреннымъ вѣщаніямъ мистиковъ и произвольнымъ построеніямъ метафизиковъ. Такимъ путемъ должно возникнуть и восторжествовать то положительное знаніе, въ уста которому Флоберъ влагаетъ, въ „La tentation de St.-Antoine", горделивыя слова: „мое царство размѣрами равно вселенной,—моему желанію нѣтъ границъ,—я движусь, освобождая разумъ и взвѣшивая міры безъ ненависти и жалости, безъ любви и Бога"!..

Широко разлившійся въ свое время на Западѣ позитивизмъ захватилъ своими волнами и мыслящее русское общество шестидесятыхъ и въ значительной мѣрѣ семидесятыхъ годовъ. Съ легкой руки Огюста Конта и его послѣдователей, подъ вліяніемъ заманчивой внѣшней стройности ихъ ученія, ненужный багажъ устарѣлаго умозрѣнія съ презрительнымъ смѣхомъ былъ выброшенъ за бортъ. Было признано, что настало время перейти къ третьему состоянію человѣческаго развитія, которое должно неминуемо и побѣдоносно слѣдовать за тѣми заблужденіями ума, которыя носятъ названіе теологіи и метафизики. Это третье состояніе—позитивное или научное—пріучитъ, наконецъ, людей не заниматься пустыми попытками понять дѣйствительную сущность предметовъ и внушитъ имъ бросить навсегда праздные вопросы о цѣляхъ бытія, о разумномъ и возвышенномъ значеніи существованія и т. п. Оно научитъ ихъ, устроясь подъ развѣсистымъ древомъ классифицированныхъ наукъ, взирать на жизнь, какъ она есть, не мудрствуя лукаво и изучая ея *внѣшнія* проявленія. Такому направленію мысли, подъ вліяніемъ общаго теченія, отдавалась, долгое время, наша молодежь. „Въ годы нашего студенчества,—пишетъ въ своихъ богатыхъ содержаніемъ воспоминаніяхъ о В. П. Преображенскомъ профессоръ Котляревскій,—традиціи 60-хъ и въ особенности 70-хъ годовъ были въ полной силѣ. Изъ гимназіи мы вышли съ хорошимъ знаніемъ беллетристики и критики 60-хъ годовъ и съ кое-какимъ чтеніемъ переводовъ ученой литературы, въ которой имена Дарвина, Спенсера, Льюиса, Милля и Конта попадались намъ очень часто. Читали мы эти книжки, конечно, бѣгло и не систематично, но все-таки у насъ образовался нѣкоторый запасъ стереотипныхъ философскихъ понятій... Эта маленькая философская аптечка... была очень незамысловата;—всего какимъ-нибудь десяткомъ категорическихъ сужденій ограждали мы нашъ умъ отъ разныхъ искушеній мысли. Всѣ вопросы трансцендентные мы просто признавали праздными и

всякую метафизику (слово, смыслъ котораго былъ для насъ темнъ) мы какъ-то пассивно не любили"...

Вслѣдъ за позитивизмомъ—„властительницею думъ" сдѣлалась пессимистическая философія Шопенгауера и затѣмъ Гартмана. Пессимизмъ, какъ міросозерцаніе и какъ житейская практика, ближе подошелъ къ потребностямъ и запросамъ человѣческой души. Онъ попытался коснуться вопроса о томъ, что̀ такое, по своему источнику, жизнь,—но онъ старался уяснить лишь происхожденіе жизни, а не ея смыслъ. Блестяще, какъ это дѣлаетъ Шопенгауеръ, объяснять различныя явленія жизни, еще не значитъ отвѣчать на роковые вопросы—зачѣмъ и почему возникло то, съ чѣмъ связаны эти явленія. Если позитивизмъ, съ его механическою теоріею прогресса, не давалъ законнаго мѣста и удовлетворенія развитію личности, то, съ другой стороны, и пессимизмъ съ его міровой волей, стремящійся проявить себя въ постоянномъ возобновленіи жизни или съ выдвинутымъ Гартманомъ началомъ „безсознательнаго"—принижалъ эту личность, заставляя ее сознавать себя игрушкою и орудіемъ слѣпой силы, цѣль которой, прикрываемая иллюзіями несчастнаго людского сердца, есть исключительно поддержаніе рода путемъ тѣхъ отношеній, которыя свойственны человѣку какъ животному и наравнѣ со всѣми животными. Тутъ и проповѣдь самаго широкаго *сострадания* мало даетъ утѣшительнаго. Съ мыслью о томъ, что природа, использовавъ человѣка для безцѣльнаго и близорукаго воспроизведенія имъ потомства, можетъ затѣмъ сказать ему: „der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan, der Mohr kann gehen!" и что *въ этомъ* состоитъ смыслъ жизни—трудно примирить запросы человѣческаго духа. Загадочный вопросъ задачи бытія не разрѣшается такъ просто.

При такихъ взглядахъ, очевидно, для религіознаго чувства не было мѣста. Понимаемая, какъ дитя унаслѣдованныхъ суевѣрій и фантазіи, боящейся смѣло взглянуть въ лицо дѣйствительности,—вѣра могла возбуждать лишь презрительное недоумѣніе или высокомѣрное снисхожденіе. Но, однако, человѣкомъ чувствуется необходимость безусловнаго начала для своихъ высшихъ интересовъ, для своего разума и знанія, для своей воли и нравственной дѣятельности, для чувства и творчества. Эта необходимость создаетъ въ немъ и вѣру въ дѣйствительное существованіе этого начала. Какъ ни заглушать въ себѣ это чувство, какъ ни называть его, слѣдуя совѣту Фауста въ его разговорѣ съ Гретхенъ о вѣрѣ, оно, рано или поздно, въ той или другой формѣ подниметъ свой голосъ и предъявитъ свое право на существованіе. Точная наука

не въ силахъ ни доказать, ни опровергнуть эту вѣру, такъ какъ опытъ, на которомъ она, главнымъ образомъ, зиждется, никакого значенія въ вопросахъ *сущности* и *начала* имѣть не можетъ.

Поэтому неминуемо долженъ былъ свершиться поворотъ къ тому, что̀, по мнѣнію позитивистовъ, было уже „längst überwunden" — къ религіи и къ метафизикѣ. Нужно ли говорить о признакахъ этого поворота? Они слишкомъ многочисленны и разнообразны и стали появляться уже довольно давно. Стоитъ припомнить многія краснорѣчивыя страницы Лорана, въ его „Etudes sur l'histoire de l'humanité", или вырвавшійся, еще въ 1876 г., у Гладстона, одного изъ благороднѣйшихъ представителей XIX столѣтія, упрекъ: „Я удивляюсь,—говорилъ онъ,—манерѣ, съ которою въ наши дни честными и талантливыми людьми отвергается самое понятіе о Богѣ, какъ дѣйствующемъ и правящемъ верховномъ существѣ. Можно было бы думать, что вѣрѣ, которая умиротворяла сомнѣнія многихъ людей, утѣшала и успокоивала массу поколѣній—не будутъ отказаны, по крайней мѣрѣ, приличія траура... Но на дѣлѣ мы видимъ, что надъ нею насмѣхаются съ торжествомъ и энтузіазмомъ". И скептиковъ, въ лицѣ самыхъ блестящихъ въ ихъ средѣ поэтовъ и мыслителей, не удовлетворяло механическое и матеріалистическое міровоззрѣніе. Уже Альфредъ Мюссе восклицалъ: „для меня невыносимы люди, со смѣхомъ отталкивающіе отъ себя все, что̀ называется вѣрою... Я тоже сомнѣвался всю жизнь—и продолжаю сомнѣваться,—но я дѣлаю это со скрежетомъ зубовъ, а не съ язвительною насмѣшкою;—я смотрю на мучающее меня сомнѣніе въ отношеніи вѣры не какъ на привилегію, данную природою моему духу, а какъ на страшную душевную кару;—отъ этой страшной мýки я старался освободиться всѣми средствами, и если это мнѣ не удалось, то за мною все-таки остается заслуга, что я извлекъ изъ болота матеріализма свое лучшее *я*". Ренанъ, по всѣмъ философскимъ твореніямъ котораго разлитъ благодушный скептицизмъ, въ концѣ своей спокойно-созерцательной жизни признавалъ огромную роль, которую въ управленіи его жизнью играла уже потерянная имъ религія, имѣющая, однако, ту особенность, что продолжаетъ дѣйствовать даже и послѣ того, какъ, повидимому, умерла въ душѣ человѣка. Онъ, еще въ 1866 г., называлъ такія разнородныя явленія, какъ солнце, зарожденіе человѣка, совѣсть—чудесами, ибо наука не въ силахъ объяснить ихъ происхожденіе, составляющее непроницаемую тайну, подобно всѣмъ началамъ жизни, для разгаданія которыхъ у насъ нѣтъ данныхъ. Находя, что сверхчувственныя стремленія присущи природѣ человѣка, онъ признавалъ, что высшимъ выраженіемъ

этихъ стремленій является понятіе о Богѣ, для признанія котораго нужны не выводы знанія, а великія поэмы. Такъ называлъ онъ религіозныя вѣрованія. „Исторія обнаруживаетъ, — писалъ онъ, — что человѣческой природѣ присущъ трансцендентальный инстинктъ, направляющій ее къ высшей цѣли. Самое развитіе человѣка было бы необъяснимо, если допустить гипотезу, что онъ обреченъ на конечное существованіе, что добродѣтель есть изощренный эгоизмъ, а религія — не болѣе какъ химера".

Въ защиту законности существованія вѣры стали выступать, затѣмъ, и глубокіе ученые, и дѣятельные политики. Пастёръ, — про котораго съ полнымъ правомъ, какъ и про Гёте, можно бы сказать: „была ему книга природы ясна", — въ своей вступительной во Французскую Академію рѣчи сказалъ: „понятіе о *безконечномъ* находитъ себѣ неизбѣжное выраженіе вездѣ и во всемъ мірѣ; благодаря ему, сверхчувственное лежитъ на днѣ каждой души, — бытіе безконечнаго въ самомъ себѣ заключаетъ болѣе сверхъестественнаго, чѣмъ сколько его во всѣхъ чудесахъ всѣхъ религій. Идея Бога — лишь форма идеи о безконечномъ". — „Я много изучалъ — и вѣрую, поэтому, какъ бретонскій крестьянинъ; еслибы я сдѣлался еще ученѣе, то моя вѣра стала бы такъ же глубока и пламенна, какъ вѣра простой бретонской женщины", — писалъ онъ на склонѣ своихъ дней. Пришелъ къ тому же выводу краснорѣчивый и безупречный испанскій политическій дѣятель — Эмиль Кастеларъ. „Сомнѣніе и земныя блага всегда найдутъ себѣ усердныхъ служителей, — говорилъ онъ, — но сомнѣніе и эти блага никогда не будутъ имѣть мучениковъ за себя. Чтобы достичь какой-либо цѣли, чтобы переплыть бурное море жизни, — необходимо ступить на корабль вѣры. На этомъ именно кораблѣ пребывалъ Колумбъ, когда открылъ Новый Свѣтъ! И еслибы послѣдній вовсе не существовалъ — Богъ вызвалъ бы его изъ водной пустыни Атлантики, чтобы вознаградить этого человѣка за его вѣру, за его вѣрность этой вѣрѣ!"... „Я хочу жить, — восклицалъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей, — чтобы во дни труда, назначенные мнѣ Создателемъ, сѣять сѣмена доступнаго мнѣ добра, — а затѣмъ, буду спокойно ждать, сѣвъ на придорожные камни, того часа, съ котораго *кончается смерть* и начинается истинная, безконечная *жизнь*"...

Эту необходимость вѣры, разлитой въ человѣчествѣ, независимо отъ отдѣльныхъ случаевъ ея сознательнаго отрицанія отдѣльными личностями, превосходно выразилъ тотъ же Ренанъ. „Человѣкъ, — говоритъ онъ, — руководимъ исключительно идеей о *будущемъ*. Народъ, всецѣло отрекшійся отъ всякой вѣры въ то,

что̀ должно существовать *по ту сторону смерти*, склонился бы къ полному паденію. Отдѣльное лицо можетъ свершать великія дѣла, не вѣруя въ безсмертіе, но надо, чтобы въ послѣднее вѣрили *за него* и *вокругъ него*".

Такимъ образомъ, возрожденіе потребности въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, какъ утѣшеніи, поддержкѣ и основаніи для стойкаго преслѣдованія идеальныхъ цѣлей—съ одной стороны, и признаніе правъ личной воли, въ противоположность безсознательной міровой волѣ, нашедшее себѣ впослѣдствіи блестящее выраженіе въ ученіи Ницше, съ другой—содѣйствовали умаленію прежняго, почти безусловнаго, владычества позитивизма и выросшаго на ряду съ нимъ пессимизма. Повторилось даже обычное явленіе. Критика позитивизма и неудовлетворенность пессимистическимъ воззрѣніемъ на жизнь перешли въ крайность, почти въ отрицаніе цѣнности и значенія науки. „Вотъ скоро сто лѣтъ,—писалъ въ 1894 году Брюнетьеръ въ произведшей большое впечатлѣніе статьѣ,—какъ наука обѣщала обновить міръ, разсѣять тайну, но ничего не сдѣлала въ этомъ отношеніи. Она не въ силахъ рѣшить единственно важные и существенные вопросы—о происхожденіи человѣка, о законахъ его духовной жизни, о его грядущей судьбѣ. Естественныя науки никогда ничего по этой части не откроютъ; поэтому, если наука еще не потерпѣла полнаго банкротства, то, во всякомъ случаѣ, она оказалась несостоятельною". Это утвержденіе Брюнетьера было подхвачено цѣлымъ хоромъ писателей, поспѣшности мысли которыхъ не соотвѣтствовали ея продуманность и глубина. Несостоятельность есть первый и главный шагъ къ банкротству,—заявляли они,—и такъ какъ тѣ иллюзіи, которыми наука обманывала своихъ довѣрителей, разоблачены, то теперь же, не задумываясь долго, слѣдуетъ провозгласить „банкротство науки"! И оно было провозглашено съ тѣмъ же непонятнымъ злорадствомъ, какъ прежде было объявлено о „банкротствѣ вѣры"—и тоже безъ всякихъ „приличій траура", о которыхъ говорилъ Гладстонъ. Къ счастію, это ликованіе продолжалось недолго. Серьезныя возраженія—и въ особенности прекрасная статья Шарля Ришé въ „Revue Scientifique"—заставили Брюнетьера, а затѣмъ и его ослѣпленныхъ послѣдователей смягчить рѣшительность своихъ приговоровъ. Если современная философія не должна и не можетъ быть ancilla theologiae, то точно также и положительная наука не можетъ быть ничьей ancilla. Идя самостоятельнымъ путемъ, благотворно озареннымъ лучами открытій, все болѣе и болѣе углубляясь въ подробности міровой жизни, наука съ каждымъ днемъ ото-

двигаетъ все дальше границу, за которою начинается область невѣдомаго, гдѣ вступаютъ въ свои права умозрѣніе и вѣра. Наука и не призвана разрѣшать вопросы вѣры или объяснять нравственныя начала жизни человѣка. Опытъ, на которомъ она строитъ свои выводы,—способы и пріемы, которыми она вооружена,—не могутъ имѣть примѣненія для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Не надо, поэтому, и ставить такихъ вопросовъ положительной наукѣ. Но отсюда еще не слѣдуетъ заключать о банкротствѣ. Напротивъ, въ естественной сферѣ своей дѣятельности никогда, быть можетъ, не стояла наука такъ высоко, какъ теперь, никогда не открывала она болѣе широкіе и заманчивые горизонты.

Жажда вѣры, столь понятная у нѣкоторыхъ въ наше время господства узкаго себялюбія и прикрытаго весьма прозрачными софизмами грубѣйшаго эгоизма и произвола, пробудившись съ особою силою, не могла, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, не привести къ разнымъ крайностямъ, и вызвала, особенно во французскомъ обществѣ, расцвѣтъ болѣзненно-мистическихъ теорій, въ которыхъ возвышенная сторона христіанскаго ученія оказалась принесенною въ жертву бездушной формѣ или разнымъ утонченностямъ и извращеніямъ чувственности. Теперь этотъ угаръ начинаетъ проходить или, по крайней мѣрѣ, оцѣниваться по своему дѣйствительному достоинству, но стремленіе обрѣсть настоящую вѣру и укрѣпиться въ ней остается въ средѣ французской молодежи. Въ этомъ отношеніи очень интересно изслѣдованіе (enquête), произведенное года три назадъ парижскимъ журналомъ „Revue des Revues“, обратившимся къ молодымъ французскимъ писателямъ и представителямъ различныхъ союзовъ и корпорацій молодежи съ приглашеніемъ высказаться по ряду вопросовъ, относящихся къ политикѣ, общественному устройству и—религіи. При всемъ разнообразіи отвѣтовъ на первыя двѣ категоріи вопросовъ, оказалось замѣчательное единодушіе въ отвѣтахъ о религіи. Большинство спрошенныхъ,—а спрошенъ былъ цвѣтъ французской молодежи,—не только не отрицаетъ необходимости религіи для облегченія жизненнаго пути, но стремится къ ней, ищетъ ее и въ ней чаетъ найти не только свое личное обновленіе, но и исцѣленіе общественныхъ недуговъ.

III.

Вл. С. Соловьеву пришлось впервые выступить публично въ самый разгаръ поклоненія позитивизму въ нашемъ обществѣ—покло-

ненія очень часто слѣпого и заставлявшаго многихъ принимать истины новаго ученія, такъ сказать „въ кредитъ", и jurare in verba magistri. Были, конечно, и у насъ серьезные и ученые представители этого направленія, путемъ самостоятельнаго труда пришедшіе къ признанію его правильности и строгой научности, но едва-ли будетъ смѣлымъ сказать, что многіе изъ называвшихъ себя позитивистами были плѣнены возможностью покончить разъ навсегда съ метафизикою отчасти вслѣдствіе того нашего свойства, которое К. Д. Кавелинъ называлъ „лѣнью ума". Быть позитивистомъ казалось легче, чѣмъ заниматься умозрѣніемъ,—выводы, въ той ограниченной области, которую отмежевалъ онъ себѣ, были доступнѣе и категоричнѣе—и скорѣе, безъ сложной работы критической мысли, поддавались усвоенію. Притомъ, это было „послѣднее слово", а мы вообще такъ любимъ это послѣднее слово, такъ *вѣримъ* въ него, хотя бы оно само и отрицало всякую вѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наше религіозное развитіе давно уже мерцаетъ очень слабо. Религіозныя начала въ теченіе десятковъ лѣтъ, за немногими исключеніями, являлись у насъ замкнутыми въ рамки формализма — и у многихъ живыя основы вѣрованій систематически заслонены и даже упразднены мертвою обрядностью. Говорить о вопросахъ вѣры, сознаваться, что интересуешься ими и тревожишься ихъ разрѣшеніемъ въ ту или другую сторону, значило, по большей части, рисковать прослыть неразвитымъ, скудоумнымъ человѣкомъ и, быть можетъ, услышать упрекъ героя одного изъ Тургеневскихъ стихотвореній въ прозѣ: „какъ?! вы еще вѣрите?—помилуйте, да вы—отсталый человѣкъ!" А мы не любимъ быть отсталыми отъ *господствующаго* направленія, въ какую бы сторону оно ни вело; скитаніе нашей незрѣлой мысли охотно завершается присоединеніемъ ко „всѣмъ", потому что ей непривычна уединенная и трудная дорога, требующая пытливаго взгляда впередъ и опоры исключительно на свои собственныя силы.

Вотъ почему появленіе на каѳедрѣ молодого ученаго (ему былъ всего 21 годъ) сначала въ качествѣ защитника своей магистерской диссертаціи „Кризисъ западной философіи", а потомъ, въ качествѣ доцента, читающаго лекціи „о богочеловѣчествѣ"—было цѣлымъ событіемъ въ умственной жизни нашего общества и вмѣстѣ своего рода духовнымъ подвигомъ со стороны Соловьева. Безтрепетно и чуждый малодушнаго исканія популярности пришелъ онъ къ воспріимчивой, державшейся противоположныхъ взглядовъ, горячей въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и въ значительной степени враждебно настроенной, моло-

дой толпѣ,—и предъ нею открыто и твердо, безъ уступокъ и оговорокъ, изложилъ свое исповѣданіе вѣры,—да не только изложилъ, а настойчиво сталъ призывать къ нему!

Въ задачу нашей статьи не входитъ не только разбирать, но даже и излагать вкратцѣ взгляды, высказанные имъ въ своей диссертаціи и на своихъ лекціяхъ, разныхъ по предмету, но проникнутыхъ единствомъ убѣжденія. Это должно составить предметъ особаго и притомъ весьма сложнаго труда. Руководящія идеи такого труда уже изложены въ замѣчательной статьѣ князя С. Н. Трубецкого: „Основное начало ученія Вл. С. Соловьева", помѣщенной въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ памяти Соловьева", составляющемъ 56-ю книгу московскаго журнала „Вопросы философіи и психологіи". Но здѣсь нельзя не припомнить словъ о „настоящей задачѣ философіи", предпосланныхъ Соловьевымъ своему диспуту въ петербургскомъ университетѣ, въ 1874 году. Доказывая, что если разумъ, въ извѣстный моментъ своего развитія, становится необходимо въ отрицательное отношеніе къ содержанію религіозной вѣры, то въ дальнѣйшемъ ходѣ этого развитія онъ съ такою же необходимостью приходитъ къ признанію началъ, составляющихъ сущность истинной религіи,—и утверждая, что *задача* философской мысли есть достиженіе высшаго синтеза философскаго познанія и религіозной вѣры, Соловьевъ говорилъ: „съ исчезновеніемъ глубокихъ убѣжденій, всеобщихъ безусловныхъ идей, долженъ опустѣть міръ внутренній и потерять свою красоту міръ внѣшній: каждый почти день приноситъ намъ убійственно-реальныя доказательства того, что человѣкъ есть существо изъ двухъ міровъ, что чистый эѳиръ міра духовнаго такъ же необходимъ для его жизни, какъ и воздухъ міра вещественнаго. Когда человѣкъ, освободившись отъ всякихъ безусловныхъ началъ и стремленій, обращается исключительно къ непосредственнымъ практическимъ интересамъ, то скоро для него самого обнаруживается та парадоксальная истина, что всѣ эти наслажденія и радости обыкновенной жизни, которыя кажутся такими непосредственными и себѣ довлѣющими, въ дѣйствительности имѣютъ значеніе только при чемъ-нибудь *другомъ*, только какъ матеріальная подкладка, внѣшняя среда другой, высшей жизни, сами же по себѣ, поставленныя какъ цѣль, лишены всякаго положительнаго содержанія и радикально неспособны дать какое-нибудь удовлетвореніе... Сокровища непосредственной жизни имѣютъ цѣну лишь тогда, когда *за ними* таится безусловное содержаніе, когда *надъ ними* стоитъ безусловная цѣль".—„Воззрѣнія и убѣжденія высшаго порядка дѣятельной жизни необхо-

димы,—дополнялъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—онѣ должны разрѣшать существенные вопросы *ума*, вопросы объ истинѣ сущаго, о смыслѣ или разумѣ явленій,—и вмѣстѣ съ тѣмъ должны удовлетворять и высшимъ требованіямъ *воли*, ставя безусловную цѣль для хотѣнія и опредѣляя верховную норму дѣятельности. Этой задачѣ не находится разрѣшенія ни въ практической жизни, ни въ положительной наукѣ; воззрѣнія высшаго порядка проявляются лишь въ формахъ философіи и религіи".

Лекціи Соловьева имѣли большое вліяніе на аудиторію. „Пора стать равнодушными къ ограниченнымъ интересамъ этой жизни и *свободно* и *разумно* увѣровать въ другую, высшую дѣйствительность". Такъ опредѣлилъ онъ свою задачу—и первый началъ говорить живымъ, образнымъ, сильнымъ и общепонятнымъ языкомъ о томъ, что̀ Пушкинъ называлъ „тайнами вѣчности и гроба". Нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ слушателей его, а впослѣдствіи, когда ему были надолго „заграждены уста", — у читателей его произведеній, посвященныхъ религіознымъ вопросамъ, въ далекихъ уголкахъ души жило, быть можетъ неясно сознаваемое, желаніе вѣрить и чувствовалась щемящая тоска по „высшей дѣйствительности". Но до начала дѣятельности Соловьева объ этомъ кругомъ почти все молчало и отвѣтовъ на робкіе, неясные и, подъ вліяніемъ господствующихъ настроеній, стыдливые вопросы, приходилось искать въ мало-понятныхъ догматическихъ разсужденіяхъ спеціальныхъ богословскихъ журналовъ. Соловьевъ смѣло возвелъ это неудовлетворенное желаніе и эту тайную душевную жажду на степень *нравственной потребности*, громко о себѣ заявляющей. Къ нему вполнѣ примѣнимо то, что̀ было сказано о Достоевскомъ. И онъ, „въ пылу нелицемѣрномъ", у своихъ слушателей „подымалъ взоры отъ земли", соединяя при томъ изящество формы съ глубиною содержанія. Во всеоружіи своихъ богословскихъ знаній, поражая своею начитанностью и дѣйствительнымъ знакомствомъ съ многообразными и трудно-доступными источниками, Соловьевъ представлялъ, въ своемъ родѣ, исключительное явленіе въ свѣтскомъ обществѣ. Старые славянофилы, „твердые въ писаніи", сошли со сцены, и даже простое, но точное знакомство съ Евангеліемъ было, а пожалуй можетъ считаться и теперь, довольно рѣдкимъ явленіемъ. Да и можно ли ожидать и требовать внимательнаго знакомства съ вѣчною книгою, которая независимо отъ своего содержанія, даже и по сжатости и величавой простотѣ своего изложенія, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, тамъ, гдѣ возможно совершенно добросовѣстно ссылаться на текстъ: „нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ", какъ

на *извѣстную французскую пословицу*;—гдѣ слова: „мнѣ отмщенье и азъ воздамъ“, въ ученой рѣчи влагаются въ кроткія уста Христа, и гдѣ о Фаустѣ пишется, что, раскрывая „Книгу бытія“, онъ читаетъ въ ней: „въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу“?

Подъ вліяніемъ Соловьева, вопросы религіи и философіи стали переходить со страницъ мало извѣстныхъ и не всегда доступныхъ спеціальныхъ изданій на страницы сборниковъ и журналовъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ. На слушателей и читателей дѣйствовалъ притомъ не только его талантъ, но и обаяніе его личности, ея нравственная красота, не позволявшая видѣть въ немъ ни дѣлателя карьеры, ни узкаго догматика, ни искуснаго оппортуниста. „Wahrheit gegen Feind und Freund!“ —слышалось во всемъ, что онъ писалъ и говорилъ. И это покоряло ему сердца всѣхъ ещё ранѣе, чѣмъ подчинялись ему, послѣ борьбы и колебаній, умы многихъ.

Разработывая религіозные вопросы, Соловьевъ мечталъ о соединеніи церквей. Эти мечты послужили поводомъ къ обвиненіямъ его въ отступничествѣ отъ вѣры отцовъ, въ желаніи подчинить русскую народную церковь авторитету папы и т. д. Не было, въ свое время, недостатка ни въ горячихъ филиппикахъ, ни въ ядовитыхъ намекахъ по его адресу. Но время — этотъ „galantuomo“, по выраженію итальянцевъ, вызвало болѣе спокойное отношеніе къ „битью челомъ папѣ“ и къ „искусному діалектику, прячущему за спиною папскую туфлю“, а опубликованныя въ послѣдніе годы письма Соловьева доказали, что онъ оставался всю жизнь вѣрнымъ той церкви, священнослужителемъ которой былъ глубокочтимый имъ дѣдъ его. Желаніе соединенія церквей, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, жило, однако, въ душѣ Соловьева до конца его дней. Это желаніе было присуще и Хомякову, и высказано было имъ, еще за двадцать лѣтъ до появленія Соловьева на общественной аренѣ, въ извѣстной перепискѣ его съ Пальмеромъ. Оно и нынѣ одушевляетъ многихъ искренно-вѣрующихъ людей.

Церковь, говорилъ Соловьевъ, есть всемірная организація истинной жизни. Наша жизнь, однако, уклонилась отъ своихъ истинныхъ началъ. Она страждетъ умственными и нравственными немощами, влекущими къ разложенію общественныхъ силъ,—и начало этихъ недуговъ лежитъ, по его мнѣнію, въ ослабленіи организма самой церкви. Причина послѣдняго—раздѣленіе видимой церкви на разобщенныя и враждебныя одна другой части. Но общій недугъ долженъ имѣть и общее средство исцѣленія. „Исторіей,—писалъ онъ,—образована пропасть между восточною и западною церковью. Но какъ

ни глубока эта пропасть, все-таки она вырыта не Божьими, а человѣческими руками. Раздѣленіе церквей—это Божье попущеніе, а не Божья воля. Божья воля неизмѣнна: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь*. Итакъ, должно прилагать старанія къ тому, чтобы былъ засыпанъ этотъ пагубный ровъ, раздѣлившій стадо Христово". Соловьевъ былъ твердо убѣжденъ, что примиреніе церквей есть историческая задача Россіи, которая въ этомъ отношеніи можетъ и должна сказать міру новое слово, отрекшись отъ своей церковной замкнутости и вступивъ на путь взаимнаго уваженія и практическаго знакомства съ духовными силами западной церкви. Это долженъ быть путь не безцѣльнаго соединенія недостатковъ и слабостей одной стороны съ темными сторонами другой, а путь христіанскаго отношенія другъ къ другу въ виду великой цѣли—достиженія церковнаго мира на землѣ. Вотъ что говорилъ онъ, между прочимъ, по этому поводу: „храмовое и домашнее христіанство существуетъ въ дѣйствительности—оно есть *фактъ*. Христіанства вселенскаго еще нѣтъ въ дѣйствительности, оно есть только *задача* — и какая огромная, превышающая, повидимому, силы человѣческія, задача. Въ дѣйствительности всѣ общечеловѣческія дѣла—политика, наука, искусство, общественное хозяйство, находясь внѣ-христіанскаго начала, вмѣсто того, чтобы объединять людей, раздѣляютъ ихъ, ибо всѣ эти дѣла управляются эгоизмомъ и частной выгодой, соперничествомъ и борьбою,—и порождаютъ угнетеніе и насиліе. Такова дѣйствительность, таковъ фактъ".—Поэтому онъ и стремился, по собственнымъ словамъ, „оправдать вѣру отцовъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія и показавъ, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія и національнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчною, вселенскою истиною"...

Въ краткомъ очеркѣ невозможно не только разбирать, но даже и систематически изложить религіозно-богословскіе взгляды Соловьева со всѣми ихъ особенностями. Достаточно сказать, что всѣ они проникнуты самымъ широкимъ пониманіемъ христіанства какъ ученія, долженствующаго стоять внѣ и выше всѣхъ придуманныхъ человѣчествомъ условій мѣста и времени, — что по нимъ, какъ красная нить, проходитъ мистическій элементъ, въ силу котораго существованіе Бога постигается не одною *вѣрою*, но открывается и *знаніемъ*;—что въ „Духовныхъ основахъ жизни" съ великою красотою изложены основанія его вѣры въ безсмертіе и въ рѣшительное и неизбѣжное торжество правды на землѣ, вѣры, основанной не на узко-оптимистическомъ тол-

кованіи внѣшнихъ обстоятельствъ, а на живомъ и сознательномъ душевномъ ощущеніи, заставившемъ его воскликнуть:

„Богъ здѣсь, теперь,—средь суеты случайной
Въ потокахъ мутныхъ жизненныхъ тревогъ...
Владѣемъ мы всерадостною тайной,—
Безсильно зло, мы вѣчны, съ нами Богъ!“

Съ этой вѣрою въ душѣ шелъ онъ бодро въ жизни, несмотря на многое тяжелое, несмотря на оскорбленія и вольное или невольное непониманіе его многими. Эта вѣра была для него не однимъ прибѣжищемъ въ скорбяхъ, но и тайнымъ сознаніемъ торжества того, что̀ онъ считалъ правдой... Съ нею же встрѣтилъ онъ непостыдно и спокойно смерть.

Труденъ былъ и извилистъ его умственный путь. На утрѣ дней—туманы, а въ разгарѣ дня—холодъ—окружали его, но въ своемъ стремленіи къ познанію и къ проповѣди того, что̀ казалось ему истиною, онъ былъ настойчивъ и неуклоненъ. Онъ самъ изобразилъ это въ прекрасныхъ стихахъ:

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горній путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что грезилося мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями,
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

Мы сказали, что онъ стремился къ проповѣди. Его, то насмѣшливо, то серьезно обзывали и называли пророкомъ или упрекали въ томъ, что онъ присвоиваетъ себѣ пророческую миссію. Такъ, конечно, не смотрѣлъ на себя Соловьевъ. Но онъ, по вѣрному замѣчанію князя С. Н. Трубецкого, признавалъ свободное служеніе высшему идеалу за свое призваніе и самъ опредѣлялъ пророка какъ „общественнаго дѣятеля безусловно неза-

висимаго, ничего внѣшняго не боящагося и ничему внѣшнему не подчиняющагося".—„Всякому, конечно, желательна нравственная свобода,—говорилъ онъ,—какъ всякому можетъ быть также желателенъ верховный авторитетъ и верховная власть, но одного желанія тутъ мало. Верховный авторитетъ и власть даются милостью Божіей, а настоящую свободу самъ человѣкъ долженъ заслужить внутреннимъ подвигомъ. *Право свободы* основано на самомъ существѣ человѣка и должно быть обезпечено извнѣ государствомъ. Но степень *осуществленія* этого права есть именно нѣчто такое, что всецѣло зависитъ отъ внутреннихъ условій, отъ степени достигнутаго нравственнаго сознанія. Дѣйствительнымъ носителемъ полной свободы, и внутренней, и внѣшней, можетъ быть только тотъ, кто внутренно не связанъ никакою внѣшностью, кто въ послѣднемъ основаніи не знаетъ другого мѣрила сужденій и дѣйствій, кромѣ доброй воли и чистой совѣсти".

Въ одной изъ своихъ замѣчательныхъ рѣчей въ память Достоевскаго, представляющихъ глубокую и тонкую характеристику сложныхъ мотивовъ творчества этого писателя, Соловьевъ въ краткихъ словахъ опредѣлилъ практическое значеніе той вѣры въ торжество добра, которою былъ одушевленъ самъ. „Въ томъ-то и заслуга, въ томъ-то и значеніе такихъ людей, какъ Достоевскій,—говоритъ онъ,—что они не преклоняются предъ силой факта и не служатъ ей;—противъ грубой силы того, что существуетъ, у нихъ есть духовная сила вѣры въ истину и добро—въ то, что *должно быть*. Не искушаться видимымъ господствомъ зла и не отрекаться ради него отъ невидимаго добра—есть подвигъ вѣры. Въ немъ вся сила человѣка! Кто не способенъ на этотъ подвигъ, тотъ ничего не сдѣлаетъ и ничего не скажетъ человѣчеству. Люди факта—живутъ чужою жизнью, но не они творятъ жизнь. *Творятъ жизнь—люди вѣры*! Это тѣ, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми... они же пророки, истинно лучшіе люди и вожди человѣчества".

IV.

Отношеніе человѣка къ окружающему его міру людей, къ обществу выражается прежде всего его связью со своимъ народомъ. Принадлежность къ извѣстной національности, признаніе ея своею составляетъ неотъемлемое и неизбѣжное свойство человѣка, въ какомъ бы союзѣ—родовомъ, племенномъ или государственномъ онъ ни находился. Космополитизмъ не только почти

немыслимъ въ чистомъ видѣ, но и совершенно безплоденъ. Онъ похожъ на губку, впитывающую въ себя все и при первомъ же давленіи ничего въ себѣ не удерживающую. Сама природа создаетъ физическія и этнографическія особенности, обусловливающія разницу въ племенахъ и народахъ, и служащія основаніемъ для представленія объ отдѣльныхъ національностяхъ. Естественную и историческую законность существованія національностей признавалъ даже и такой борецъ за общечеловѣческіе идеалы, какъ Вольтеръ. И суровый въ осужденіи „людскихъ предразсудковъ“ Шерръ соглашается, однако, съ положеніемъ о томъ, что „до общечеловѣческаго можно добраться лишь уцѣпившись за національное“. Невидимыя и нѣжныя струны связываютъ человѣка съ его землею и народомъ, не подлежа холодному разсудочному анализу;—родная рѣчь, въ которой слышатся первыя сознательно воспринятыя слова матери,—образы и звуки, съ которыми связаны воспоминанія дѣтства—все это особенно близко сердцу человѣка, все это составляетъ для него дорогую и ничѣмъ другимъ незамѣнимую духовную и житейскую обстановку... „Только въ живомъ общеніи съ народомъ, по мнѣнію Хомякова, выходитъ человѣкъ изъ мертвеннаго одиночества эгоистическаго существованія и получаетъ значеніе живого органа въ великомъ организмѣ; только при немъ всякая здравая мысль и всякое теплое чувство, возникшія въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, могутъ сдѣлаться общимъ достояніемъ и получить вліяніе и значеніе...“

Но вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ общіе для всѣхъ народовъ *идеалы* и *цѣли*, коренящіеся въ глубинѣ единаго человѣческаго духа. Поэтому каждая національность, добившись практическаго выраженія своего права на самостоятельное существованіе въ области религіи, языка и бытовыхъ особенностей, должна затѣмъ примкнуть къ этимъ идеаламъ и стремиться къ этимъ цѣлямъ, лишь осуществляя ихъ согласно своимъ природнымъ свойствамъ. Такъ достигается единство въ разнообразіи, которое есть истинная задача культуры.

Нельзя не согласиться съ Соловьевымъ, что всѣ условія современной европейской культуры должны быть христіанскими. Этимъ и опредѣляется, въ чемъ должно состоять единство не только идеаловъ и цѣлей, но и способовъ къ ихъ достиженію.

Европейское общество переживаетъ, однако, въ послѣдніе годы, тяжелый нравственный кризисъ. Возвышенные идеалы меркнутъ, цѣли становятся все болѣе и болѣе обособленными и если могутъ быть названы великими, то уже не по своему содержанію, а лишь по объему средствъ, необходимыхъ для ихъ

достиженія. Понятія, которыми двигалось нравственное развитіе и достиженіе лучшихъ отношеній общежитія—не то чтобы были упразднены, а незамѣтно и постепенно утрачиваютъ свои ясныя очертанія и замѣняются суррогатами, въ которыхъ есть все, исключая истинной сущности того, на мѣсто чего ихъ стремятся поставить. Такъ, напримѣръ, *доброта* замѣняется суррогатомъ, называемымъ *чувствительностью*, причемъ послѣдняя подчасъ бываетъ весьма жестокою;—чувство *чести* замѣняется *самолюбіемъ* и *тщеславіемъ*;—*любовь* и праведное *негодованіе*—уступаютъ мѣсто *симпатіи* и уклончивому *несочувствію*; на мѣсто *долга* усаживаются *польза* и *удобство* и т. д. Точно такъ же происходитъ, почти по всюду, замѣна понятія о *національности*—понятіемъ о такъ называемомъ *національизмѣ*. Переходъ отъ одного къ другому совершается, по мнѣнію Соловьева, путемъ всесторонняго возбужденія и воспитанія тѣхъ чувствъ, которыя, при правильномъ взглядѣ на истинный смыслъ и значеніе національности, могутъ играть лишь второстепенную роль, не выдвигаясь на первый планъ и не будучи укладываемы „во главу угла". Задача національнаго развитія не можетъ стоять въ противорѣчіи съ воспріятіемъ народомъ общечеловѣческихъ началъ, съ признаніемъ, что люди, будучи разными по происхожденію и по условіямъ своей исторической жизни, все-таки, въ концѣ концовъ, не чужіе другъ другу и братья предъ лицомъ Господнимъ.

Развитіе національизма въ его крайней исключительности и его несомнѣнные успѣхи, являющіеся результатомъ смѣшенія понятій или ослѣпленія временными и преходящими обстоятельствами—очень озабочивали и тревожили Соловьева. Онъ неоднократно брался за перо по этому поводу—и горячимъ словомъ выражалъ свое осужденіе расцвѣту національизма въ жизни и въ литературѣ. „Для всякаго народа,—писалъ онъ,—только два историческихъ пути—*языческій* (или ислама)—путь самодовольства, косности и *смерти*—и *христіанскій*—самосознанія, самосовершенствованія *и жизни*". Съ рѣзкою опредѣленностью высказалъ онъ свой взглядъ на условія и способы проявленія истинной любви къ своему народу. „Говорятъ,—писалъ онъ,—что нельзя *на дѣлѣ* любить человѣчество или служить ему—это слишкомъ отвлеченно и неопредѣленно, а можно дѣйствительно любить только свой народъ. Конечно—человѣчество не можетъ быть ощутительнымъ предметомъ любви, но этого и не требуется: довольно, если мы свой народъ (или хотя бы ближайшую соціальную среду) любимъ *по человѣчески* и желаемъ ему тѣхъ *истинныхъ благъ*, которыя не съуживаютъ, а расши-

ряютъ его собственную жизнь, поднимаютъ его нравственный уровень и образуютъ его положительную духовную связь со всѣмъ Божьимъ міромъ. При такомъ истинномъ патріотизмѣ служеніе своему народу есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и служеніе человѣчеству. Но когда, подъ тѣмъ предлогомъ, что человѣчество есть лишь отвлеченное понятіе, мы начинаемъ поднимать въ своемъ народѣ его зоологическую сторону, возбуждать его инстинкты и укрѣплять въ немъ образъ звѣриный, то кого же и что мы тутъ любимъ, кому и чему этимъ служимъ?"

Опредѣленіе пути, по которому идетъ развитіе русскаго общественнаго сознанія, должно было неминуемо привести Соловьева къ оцѣнкѣ ученія славянофиловъ, въ чемъ оно касается вопросовъ внутренней жизни и нравственныхъ задачъ народа. Онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ къ „отцамъ церкви" славянофильства, отдавая дань искренняго уваженія чистотѣ ихъ побужденій и ихъ возвышенному нравственному облику, хотя и указывалъ на нѣкоторыя слабыя стороны этого направленія. Онъ проводилъ, напримѣръ, мысль, что лучшіе люди до-Петровской Руси мечтали о тѣхъ учрежденіяхъ и юридико-бытовыхъ отношеніяхъ, которыя сдѣлались возможными лишь какъ дальнѣйшее развитіе реформы, произведенной великимъ „работникомъ на тронѣ", обратившимъ еще смутное и практически безвыходное желаніе во властное хотѣніе. Онъ обращалъ вниманіе на то, что возмущавшія старыхъ славянофиловъ явленія въ современной имъ жизни — безсудье, поборы, взяточничество—особенно процвѣтали именно въ томъ періодѣ русской исторіи, къ которому съ любовью обращали взоры хулители и развѣнчиватели Петра,—и на то, что предметы ихъ справедливыхъ вожделѣній—судъ общественныхъ представителей, свободу совѣсти и слова—надо искать впереди, а не назади, не „по ту сторону" Петра, гдѣ объ этомъ, вполнѣ или въ существенныхъ чертахъ, и помину не было. Онъ съ добродушной ироніей указывалъ и на особые пріемы, которые были употребляемы нѣкоторыми изъ славянофиловъ въ письменныхъ спорахъ религіознаго характера съ представителями иновѣрія, причемъ сравнивалось, напримѣръ, отвлеченное и строго догматическое ученіе одной церкви съ фактическимъ положеніемъ другой подъ вліяніемъ человѣческихъ несовершенствъ и въ рукахъ „рабовъ лѣнивыхъ и лукавыхъ"—и, конечно, сравненіе этихъ величинъ, взятыхъ, такъ сказать на разныхъ плоскостяхъ, выходило въ явную пользу идеальнаго порядка и во вредъ порядку, созданному жизнью.

Но въ общемъ, у Соловьева постоянно и въ тонѣ, и въ

содержаніи его статей сквозитъ признаніе свѣтлыхъ сторонъ въ славянофильствѣ *первой стадіи* его развитія. Нападенія его на славянофиловъ въ этомъ періодѣ развитія ихъ ученія были тѣмъ, что̀ митрополитъ Филаретъ, на своемъ образномъ и сильномъ языкѣ, называлъ „язвами друга, наносимыми по братолюбію, кои достовѣрнѣе, чѣмъ вольныя лобзанія врага“... Но *вторая* стадія, когда славянофилы, по мнѣнію его, стали поклоняться народу уже не какъ „носителю вселенской правды“, а какъ стихійной силѣ—помимо правды, и затѣмъ *третья* стадія, ознаменованная поклоненіемъ различнымъ историко-бытовымъ аномаліямъ въ народѣ—вопреки правдѣ—вызывали у него крайне суровыя, негодующія строки, звучащія полнымъ разрывомъ съ современными ему ученіями славянофиловъ. „Грѣхъ славянофильства, конечно, не въ томъ, что оно приписало Россіи высшее призваніе,—писалъ онъ,—а въ томъ, что оно недостаточно настаивало на *нравственныхъ условіяхъ* такого призванія. Пускай бы славянофилы еще болѣе возвеличивали свою народность, лишь бы они не забывали, что *величіе обязываетъ*; пускай бы они еще рѣшительнѣе провозглашали русскій народъ собирательнымъ Мессіей, лишь бы они помнили, что Мессія долженъ и дѣйствовать какъ Мессія, а не какъ Варавва. Но именно на дѣлѣ и оказалось, что глубочайшей основой славянофильства является не христіанская идея, а только зоологическій патріотизмъ, освобождающій націю отъ служенія *высшему идеалу* и дѣлающій изъ самой націи предметъ *идолослуженія*. Провозгласили себя народомъ святымъ, богоизбраннымъ и богоноснымъ, а затѣмъ во имя всего этого стали проповѣдывать (къ счастью не вполнѣ успѣшно) такой образъ дѣйствій, который не только святымъ и богоносцамъ, но и самымъ обыкновеннымъ смертнымъ чести не дѣлаетъ“.

Но, повторяемъ, старое славянофильское ученіе многими своими сторонами привлекало его и могло его во многомъ считать своимъ убѣжденнымъ и пылкимъ единомышленникомъ. Такъ онъ раздѣлялъ и осуществлялъ въ мѣру своихъ силъ присущее этому ученію глубокое уваженіе къ двумъ главнымъ потребностямъ всякаго человѣческаго союза, состоящимъ въ свободномъ проявленіи голоса совѣсти и выраженія мысли въ словѣ. Онъ считалъ осуществленіе свободы слова и свободы совѣсти неотъемлемымъ правомъ каждаго носителя христіанской культуры, совершенно независимо отъ тѣхъ политическихъ формъ, въ которыя укладывается общественный бытъ того или другого народа. Сходясь съ Аксаковымъ и Хомяковымъ во взглядѣ на высокое историческое и органическое значеніе православія и царской власти, свободной отъ тѣхъ усло-

вій и свойствъ, которыя искажали ея образъ въ восточной римской имперіи, Соловьевъ находилъ, что этотъ взглядъ вполнѣ совмѣстимъ и съ началами широкой вѣротерпимости, и съ разумною свободою публичнаго и печатнаго слова. Многочисленныя статьи его по этимъ вопросамъ во всемъ, въ чемъ не касаются приведенныхъ выше разногласій его со славянофилами, совпадаютъ съ цѣлымъ рядомъ мнѣній, высказанныхъ Иваномъ Аксаковымъ (см. Сочиненія Аксакова, т. III, „Общественные вопросы по церковнымъ дѣламъ и свобода слова“) въ „Днѣ“, „Руси“ и „Москвѣ“, проникнутыхъ глубокимъ патріотизмомъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, побѣдительнымъ убѣжденіемъ. Статьи Соловьева только болѣе сжаты и, такъ сказать, болѣе заострены. Онѣ также и болѣе догматичны, касаясь не отдѣльныхъ явленій практической жизни, приливавшей къ редакторскому столу Аксакова, не „злобы дня“,—а болѣе общихъ вопросовъ. Доказывая, что подъ свободою совѣсти, тѣсно связанною съ вѣротерпимостью, часто понимаютъ терпимость не къ религіознымъ убѣжденіямъ человѣка, а лишь къ исповѣдуемому имъ вѣроученію, терпимому государствомъ, Соловьевъ находилъ, что истинная вѣротерпимость должна состоять въ предоставленіи каждому свободно и ненарушимо исповѣдовать ученіе, считаемое имъ истиннымъ,—доколѣ это не наноситъ общественнаго вреда, т.-е. не выражается въ дѣйствіяхъ, опасныхъ для общественной нравственности или порядка. Церковь, по его мнѣнію, должна быть свободнымъ союзомъ одинаково вѣрующихъ людей, а не принудительнымъ состояніемъ, выходъ изъ котораго можетъ грозить тяжкими карами, поражающими иногда самыя священныя узы. И въ этомъ онъ снова близокъ къ Аксакову, несмотря на неоднократно возникавшую у него съ послѣднимъ полемику. „Церковь немыслима,—писалъ Аксаковъ въ 1868 г.,—внѣ свободной совѣсти, свободно воспріявшей свѣтъ вѣры, свободно приведенной къ послушанію церкви, въ *свободный плѣнъ истины и любви...*“ Поэтому церковь не должна заграждать уста тѣмъ, кто, съ ея точки зрѣнія, заблуждается, но спокойно противопоставлять имъ свое ученіе объ истинѣ, а привлекши къ нему — удерживать въ немъ любовію. Человѣку свойственно блуждать мыслью и на ошибкахъ своихъ строить свои убѣжденія. Но не давать людямъ высказаться, побуждая таить свои убѣжденія про себя —значитъ лишь укоренять эти убѣжденія во тьмѣ вынужденнаго молчанія... Знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ, сказавшій, что „христіанинъ въ мірѣ безъ церкви—мореплаватель въ морѣ безъ корабля“, писалъ однако въ 1821 г.: „свободы въ спорахъ о

вѣрѣ ни у кого безъ нужды отнимать не позволяетъ христіанское человѣколюбіе, оставляющее и *плевелы*, если онѣ не подавляютъ пшеницы расти до жатвы".

Въ сочиненіяхъ Соловьева по вопросу о свободѣ совѣсти встрѣчаются блестящія отступленія въ область исторіи, причемъ, вооруженный данными богатаго историческаго опыта, онъ указываетъ на опасный, а иногда и роковой (напр. по отношенію къ Испаніи) путь, на который вступали государство и церковь, смѣшивая свои роли и средства осуществленія своего назначенія. И онъ, подобно Аксакову и Хомякову, желалъ, чтобы орудія, которыми церковь исполняетъ свою *обязанность* просвѣщать, убѣждать и направлять людскую совѣсть —были лишь тѣми орудіями, которыя соотвѣтствуютъ ея природѣ, т.-е. чисто духовными. „Если церковь въ дѣлѣ вѣры прибѣгаетъ къ орудіямъ недуховнымъ, — писалъ Аксаковъ,— если она обращается къ грубому вещественному насилію, то она отрекается отъ собственной духовной стихіи и, отрицая сама себя, перестаетъ быть „церковью",—а становится государствомъ, т.-е. „царствомъ отъ міра сего"... „Крайне несправедливо думать,—полагалъ Хомяковъ,—что церковь требуетъ принужденнаго единства или принужденнаго послушанія,—напротивъ, она гнушается того и другого: ибо въ дѣлахъ вѣры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушаніе — есть смерть". Отсюда проходящее чрезъ всѣ труды Соловьева по вопросамъ вѣры—желаніе видѣть церковь оживленною внутреннею самодѣятельностью и плодотворною работою въ области духа. Отсюда неоднократно высказываемая имъ мысль, что только такая, чуждая матеріальныхъ способовъ воздѣйствія дѣятельность, а не охрана суроваго уголовнаго закона, способна обезпечить церкви ея высокое положеніе въ глазахъ вѣрующихъ и ея святое призваніе.

Было бы, однако, совершенно превратнымъ думать, какъ это было разъ высказано въ печати, что за этими взглядами Соловьева таилось, въ сущности, равнодушіе къ вѣрѣ и холодное безразличіе къ церкви, въ правилахъ и обрядахъ которой онъ самъ былъ воспитанъ. Суровый паладинъ строгаго православія—К. Леонтьевъ—признавалъ, что даже въ слабѣйшемъ, по его мнѣнію, изъ религіозныхъ трудовъ Соловьева, въ сочиненіи „La Russie et l'Eglise Universelle"—для истинно религіознаго человѣка есть „прекрасныя и потрясающія" страницы, а его критика „къ несчастію очень похожа на истину". Въ своей частной жизни Соловьевъ раздѣлялъ дѣтскую и трогательную вѣру простого народа:—онъ въ совер-

шенствѣ зналъ и любилъ наше богослуженіе,—всегда и всюду, садясь за трапезу и вставая, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, и если про него нельзя сказать, что онъ соблюдалъ посты, то лишь потому, что онъ былъ вегетаріанецъ.

И относительно свободы слова онъ былъ соратникомъ старыхъ славянофиловъ. Онъ могъ подписаться всецѣло подъ неоднократно цитированными Аксаковымъ словами Хомякова: „общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея оно лишается сознанія, а правительство лишается *всего* общественнаго ума. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ... Иначе, среди окружающихъ лести и лицемѣрія,—честное слово молчитъ, умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ и мало-по-малу въ обществѣ растетъ отрава равнодушія къ правдѣ и нравственному добру". Боецъ печатнаго слова, Соловьевъ получалъ подчасъ, въ разгарѣ „словесной войны", не только тяжелые, но и безпощадные, жестокіе даже по формѣ, удары, и могъ сказать про себя словами Пушкина, что въ своей литературной дѣятельности „убрался честно ранами". И тѣмъ не менѣе—или, пожалуй, въ силу особаго свойства сильныхъ душъ—*именно поэтому* онъ горячо любилъ печатное слово и служилъ ему неутомимо и доблестно. Избранный, за полгода до своей кончины, въ почетные академики,—онъ ознаменовалъ свои труды на новомъ поприщѣ предложеніемъ о дѣятельныхъ шагахъ Академіи Наукъ въ огражденіе правъ русской мысли въ области вѣры и науки.

Онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда настойчивымъ проповѣдникомъ необходимости распространенія широкаго образованія въ народѣ. Нерѣдко высказываемое у насъ мнѣніе, что просвѣщеніе народа представляется орудіемъ обоюдоострымъ и можетъ лишить народъ довольства и счастья „первобытной простоты"—вызывало его на рѣзкія отповѣди тѣмъ, кого онъ остроумно называлъ „спасателями русскаго народа отъ просвѣщенія". Вообще, искусственное или лицемѣрное отношеніе къ народу вызывало въ немъ негодованіе. „Противъ нашихъ крѣпостниковъ,—писалъ онъ,—съ одной стороны, противъ народопоклонниковъ и упростителей—съ другой, мы осмѣливаемся утверждать, что задача образованнаго класса относительно народа состоитъ не въ томъ, чтобы его подтягивать и эксплуатировать, а также и не въ томъ, чтобы ему поклоняться и уподобляться, а въ томъ, чтобы приносить ему дѣйствительную и положительную пользу, заботясь не о его безгласности, а также и не о сохраненіи его первобытной простоты, а единственно только о томъ, чтобы онъ былъ лучше,

просвѣщеннѣе и счастливѣе; а для этого трудиться надъ возможно полнымъ и широкимъ развитіемъ и распространеніемъ общечеловѣческаго образованія, безъ котораго и самыя добрыя качества народнаго духа оказываются непрочными и въ соціально-нравственномъ смыслѣ безплодными".

Силу и красоту языка литературныхъ произведеній Соловьева отражало на себѣ и его живое слово. Въ соединеніи съ впечатлѣніемъ, которое производила наружность оратора и его голосъ, властно проникавшій въ душу,—его красивыя сравненія и широкія обобщенія сильно вліяли на слушателей. Онъ самъ увлекался своею живою рѣчью и, повидимому, не всегда слѣдовалъ совѣту Пушкина, находившаго, что „блаженъ, кто словомъ твердо правитъ и держитъ мысль на привязи свою"... Столь обычные въ нашемъ быту вопросы житейской осторожности: — „ловко ли? удобно ли? своевременно ли?"—не возникали у него, разъ ему хотѣлось подѣлиться съ публикою тѣми воззрѣніями, въ нравственную цѣну и силу которыхъ онъ увѣровалъ. Притомъ нѣкоторыя его лекціи, возбуждавшія общее вниманіе, подвергались, при распространеніи ихъ въ гектографической передачѣ, крайнимъ искаженіямъ, вслѣдствіе чего подъ его флагомъ пускались, по свидѣтельству одного изъ его слушателей, г. Н. Н—ва (интересныя воспоминанія котораго о Соловьевѣ напечатаны въ „Варшавскомъ Дневникѣ" за 1900 г.), въ ходъ такія выраженія, которыхъ онъ не только не употреблялъ, но, по складу своихъ убѣжденій, и не могъ употреблять. Въ 1881 году чтеніе имъ лекцій было прекращено на многіе годы.

Невозможность продолжать бесѣдовать съ аудиторіею очень удручала Соловьева. Оно и понятно, если припомнить, какое вліяніе имѣлъ онъ на свою аудиторію. „Намъ пришлось видѣть необычную картину!—пишетъ профессоръ Сикорскій, посѣтившій его лекцію—то не была лекція, и то не были слушатели: то былъ пламенный проповѣдникъ, вѣщавшій новое слово, скорѣй—новую жизнь, а слушатели внимали ему, какъ пророку. Безмолвіе аудиторіи, сила вниманія и глубина общаго настроенія едва ли могутъ быть переданы словами... Главная роль въ этомъ сильномъ вліяніи на слушателей принадлежала художественной личности Соловьева, полной возвышенныхъ идей, глубокаго настроенія и необыкновенной чистоты, свѣтившейся сквозь тонкія, полупрозрачныя черты его хрупкаго тѣла..."—Авторъ воспоминаній въ „Варшавскомъ Дневникѣ"—г. Н. Н—въ—присутствовалъ при первой лекціи Соловьева „о богочеловѣчествѣ" въ петербургскомъ университететѣ. Одна изъ самыхъ обширныхъ аудиторій была

полна студентами всѣхъ факультетовъ, привлеченными отнюдь не сочувствіемъ къ молодому профессору и къ предмету его чтеній;—господствующимъ элементомъ среди слушателей были „естественники“,—аудиторія волновалась и кипѣла, и чувствовалось, что уже заранѣе зрѣетъ протестъ противъ темы лектора во имя точной науки, „Но вотъ,—повѣствуетъ г. Н. Н—въ,—все разомъ стихло и сотни глазъ устремились на молодого еще человѣка, одѣтаго въ скромный домашній пиджакъ и тихо, съ опущенными глазами, входившаго въ аудиторію. Это былъ Соловьевъ. Прежде всего, что̀ бросалось въ глаза, это—прекрасное, одухотворенное его лицо. Оно было продолговато, съ блѣдными, немного впавшими щеками, съ небольшой раздвоенной бородкой и въ рамѣ густыхъ черныхъ волосъ, кольцами спускавшихся на плечи. Онъ медленно взошелъ на каѳедру и обвелъ глазами огромную аудиторію. Эти большіе темноголубые глаза, съ густыми черными бровями и рѣсницами, были глубоки, полны мысли и огня, и какъ бы подернуты мистическимъ туманомъ. На губахъ играла милая, ласковая улыбка. Аудиторія, вопреки обычаю встрѣчать новаго профессора апплодисментами, хранила гробовое молчаніе. Среди „филологовъ“ послышалось-было нѣсколько шлепковъ, но они тотчасъ были заглушены бурнымъ: шш—ш... Соловьевъ съ той же мягкой улыбкой началъ лекцію. Началъ онъ говорить тихо, но чѣмъ далѣе, тѣмъ голосъ его болѣе и болѣе становился звучнымъ, вдохновеннымъ; онъ говорилъ о христіанскихъ идеалахъ, о непобѣдимости любви, переживающей смерть и время, о презрѣніи къ міру, который „во злѣ лежитъ“; говорилъ о жизни какъ о подвигѣ, цѣль котораго въ возможной для смертнаго степени приблизиться къ той „полнотѣ совершенства“, которая явлена Христомъ, которая дѣлаетъ возможнымъ „обожествленіе человѣчества“ и обѣщаетъ царство „міровой любви“ и „вселенскаго братства“... Такова была тема этой вступительной лекціи. Онъ кончилъ и по прежнему опустилъ голову на грудь. Нѣсколько секундъ молчанія, и вдругъ—бѣшеный взрывъ рукоплесканій. Апплодировала вся аудиторія—и естественники, и юристы, и филологи, Наконецъ, вдохновенный лекторъ поднялъ руку, и разомъ все смолкло. Очевидно, онъ уже овладѣлъ своей аудиторіей, онъ загипнотизировалъ ее... „Я хочу сообщить вамъ, господа,—сказалъ Соловьевъ,—или, лучше, я прошу васъ, чтобы каждый, несогласный съ основными положеніями моей нистоящей и будущихъ лекцій, возражалъ мнѣ по окончаніи лекціи“. Снова взрывъ рукоплесканій. Возраженія профессору по поводу прочитанной имъ лекціи,—это являлось совершеннымъ новше-

ствомъ въ университетской жизни,—и новшествомъ, какъ оказалось потомъ, весьма благотворнымъ по послѣдствіямъ".

Можно себѣ представить, какъ часто мысль объ утратѣ *такой* возможности входить въ духовное общеніе со слушателями и вести ихъ за собою къ своему „завѣтному храму", должна была угнетать Соловьева. Между его стихотворными твореніями есть одно, начинающееся словами: „Израиля ведя стезей чудесной, Господь заразъ два чуда совершилъ...", въ которомъ, съ особою болью, вырывается у него скорбь о томъ, что ему „заграждены уста". Онъ не могъ, при этомъ, не сознавать, что „годы уходятъ—все лучшіе годы" и что упадокъ силъ и „жаръ души, растраченный въ пустынѣ", кладутъ на него свой неизбѣжный, хотя незамѣтный сразу, но ощутительный отпечатокъ. Силы, необходимыя для проявленія духовныхъ дарованій, слабѣютъ иногда въ обратной пропорціи съ послѣдними—и тяжкое сознаніе того, что житейскія испытанія не прошли безслѣдно, дѣйствуетъ иногда угнетающимъ образомъ „Душа, — говоритъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, авторъ „Былого и Думъ"—какъ корабль: что̀ ни побѣжденная буря, то ближе къ разрушенію. Матросы становятся лучше, а дерево все хуже..."

И когда, почти чрезъ восемнадцать лѣтъ, сначала въ частныхъ собраніяхъ — съ чтеніями о Пушкинѣ и Лермонтовѣ,— потомъ въ публичныхъ засѣданіяхъ „Философскаго Общества" и, наконецъ, на публичной лекціи, въ залѣ петербургской городской думы, „Объ антихристѣ" — Соловьевъ выступилъ предъ многочисленными слушателями — его великій словесный даръ былъ нѣсколько ослабленъ нервностью изложенія, а крайняя, возбуждавшая недоумѣніе во многихъ слушателяхъ, оригинальность содержанія уже не увлекала собою, а вызывала на противорѣчіе. Das Lied war aus...

V.

Бываютъ въ исторіи человѣчества эпохи, когда нравственное содержаніе жизни умаляется до крайности, до грозящихъ опасностью предѣловъ. Рядомъ съ этимъ самый животный процессъ жизни начинаетъ пріобрѣтать особую стоимость, почти исключительно какъ возможность испытать наибольшее количество удобствъ и наслажденій, какою бы цѣною душевнаго паденія и сдѣлокъ съ совѣстью они ни были куплены. Узкое и „дѣятельное" себялюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ полное равнодушіе къ чужимъ страданіямъ,— нежеланіе, а затѣмъ уже и неумѣніе ставить себя на

мѣсто другого и постыдная душевная неопрятность въ терпимости къ различнаго рода низостямъ, особливо если онѣ сопровождаются внѣшнимъ успѣхомъ,—достигаютъ при этомъ особаго развитія. Наступаетъ нравственная болѣзнь, которую можно назвать утвержденіемъ своего *я*, какъ абсолютнаго, внѣ и даже вопреки требованій нравственнаго чувства. Жизнь перестаетъ разсматриваться какъ долгъ или задача, обусловленная осуществленіемъ, по мѣрѣ силъ, того добра для окружающихъ, побужденіе къ которому коренится въ глубинѣ человѣческой совѣсти. Она становится или тяжелою и лишенною смысла обузою, или предпріятіемъ, въ которомъ изъ всѣхъ, лицемѣрно соблюдаемыхъ и тайно нарушаемыхъ, заповѣдей наиболѣе дѣйствительною является знаменитая апокрифическая одиннадцатая заповѣдь: „не зѣвай!“... Отсюда стали частые случаи самоубійства при первыхъ же неудачахъ, вслѣдствіе того, что „не стоитъ жить“ или „не для чего страдать“, въ забвеніи того, что страданіе, выпадающее, въ той или другой формѣ, на долю каждаго человѣка, поднимаетъ и облагораживаетъ его, тогда какъ непрерывное наслажденіе и ненарушимыя удобства—принижаютъ и опошляютъ. „Souffrir est la marque d'une supériorité. Le seul être qui pense et parle—est aussi le seul capable à pleurer“—говоритъ блестящій мыслитель Гюйо. Отсюда и то умаленіе совѣсти въ практической жизни, которое характеризуетъ собою конецъ прошлаго и начало новаго вѣка. Она является стѣснительнымъ бременемъ и съ нею, какъ со сварливою и опостылѣвшею женою, стремятся разойтись безъ особаго колебанія и сожалѣнія, лишь бы только соблюсти внѣшнія приличія и избѣжать, по возможности, излишней огласки. Между нашими современниками находятся—и въ немаломъ числѣ—люди, могущіе повторить слова англичанина, приводимыя Шопенгауеромъ—„I can not afford to keep a conscience“—*у меня нѣтъ средствъ содержать совѣсть!* Всѣми чувствуется этотъ *отливъ* совѣсти, сказывающійся въ потерѣ довѣрія другъ къ другу и въ совершенно неожиданныхъ проявленіяхъ вѣроломства и предательства по пустымъ поводамъ, причемъ личная, суетная и хрупкая цѣль этого не можетъ, даже и съ безнравственной іезуитской точки зрѣнія, не только оправдать, но даже и объяснить употребленія *такихъ* средствъ. Многіе громко ропщутъ и негодуютъ на этотъ отливъ, а онъ все продолжается... Когда же начнется и начнется ли приливъ?...

Надо вѣрить, что это состояніе общества переходное,—что будущія поколѣнія увидятъ снова приливъ. Безъ этой вѣры въ лучшее будущее было бы тяжело и жить, и сходить въ мо-

гилу! Но „вѣра безъ дѣлъ—мертва есть"—и дѣла эти должны состоять въ личныхъ примѣрахъ, въ образцахъ для подражанія и, главное, въ обращеніи къ молодому поколѣнію съ руководительнымъ словомъ. Хомяковъ прекрасно выразилъ это, сказавъ, что внутренняя нравственность каждаго поколѣнія заключается по преимуществу въ той любви и въ тѣхъ надеждахъ, которыя оно обращаетъ на поколѣніе грядущее... Эта именно любовь и эти надежды обязываютъ учить молодое поколѣніе не только знать, гдѣ пути правды, но и желать ходить по этимъ путямъ. Надо указывать не на одну окончательную и дѣйствительную пользу добра, то и на его нравственную красоту. Насажденіе твердыхъ началъ добра—словомъ и дѣломъ—становится все болѣе и болѣе важною задачею въ виду необходимости вооружить человѣка внутреннею силою, способною двигать имъ вопреки „равнодушію" внѣшней природы и жестокости практической жизни. Надо неустанно развивать и поддерживать мысль, что понятіе о *добрѣ* и о вытекающихъ изъ него нравственныхъ обязанностяхъ есть самое высокое, самое удивительное и самое благородное созданіе человѣческаго духа, воспарившаго надъ животными свойствами человѣческой природы. Надо направлять мысль современнаго человѣка, который стремится весь уйти въ одно *внѣшнее* въ жизни, —*внутрь* самого себя, къ кореннымъ вопросамъ нравственнаго самоусовершенствованія. Надо вернуть его изъ области все усиливающагося господства *видимыхъ вещей* въ область духовныхъ идей и побужденій, которыя могли бы служить противовѣсомъ все усиливающимся похотямъ и стремленіямъ къ исключительно матеріальному благополучію. И движеніе въ этомъ отношеніи началось. Достаточно указать на ту роль, которую стали играть вопросы этики въ литературѣ и наукѣ,—на рядъ появившихся въ послѣдніе годы на Западѣ изслѣдованій о нравственныхъ задачахъ,—на плѣнительныя страницы Гюйо, на мысли и положенія Рёскина, на будящую совѣсть нравственную проповѣдь Льва Толстого.

Этимъ же вопросамъ,—объ отношеніи человѣка къ жизни и къ самому себѣ,—посвященъ обширный трудъ Вл. С. Соловьева „Оправданіе Добра", представляющій цѣльное и систематическое изложеніе его взглядовъ на содержаніе и задачи нравственной философіи. „Оправданіе Добра" должно занять собою весь седьмой томъ издаваемыхъ нынѣ сочиненій нашего автора. Это трудъ, въ которомъ сказались выдающіяся свойства его дарованій, его отзывчивость ко всѣмъ сторонамъ и проявленіямъ жизни и его глубокая, всегда самостоятельная, вдумчивость въ то, *что*

должно быть „единымъ на потребу“. Трудъ этотъ вызвалъ въ свое время и безпристрастные разборы, и горячія опроверженія. Будущій обозрѣватель работъ Соловьева остановится, безъ сомнѣнія, на „Оправданіи Добра“ съ особымъ вниманіемъ, хотя бы уже потому, что это былъ его послѣдній большой трудъ, завершившій его ученую дѣятельность и окончательно обрисовавшій его нравственный обликъ, ибо у Соловьева не было разлада между словомъ и дѣломъ, между житейскимъ поведеніемъ и продуманнымъ выраженіемъ мысли.

Признавая, что внутреннимъ основаніемъ разумно-нравственной жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа должно быть христіанство, Соловьевъ въ немъ искалъ устоевъ для этой жизни. Но онъ не раздѣлялъ мысли, впервые высказанной Руссо, что природа создала человѣка совершеннымъ, а лишь условія жизни—т.-е. дѣло рукъ человѣческихъ—его испортили, такъ что стоитъ лишь отбросить эти ложныя, насильственныя условія — и человѣкъ въ самомъ себѣ, въ голосѣ своей совѣсти почерпнетъ указанія на вѣрный путь, которымъ надлежитъ ему слѣдовать для достиженія личнаго нравственнаго совершенства. Послѣднее есть одинъ изъ видовъ счастія, а счастіе возможно лишь при отсутствіи страданій, т.-е. лишеній, которыя тѣмъ сильнѣе и чаще, чѣмъ больше человѣкъ развилъ въ себѣ потребностей. Отсюда—необходимость сокращенія потребностей, доведеніе ихъ до ничтожныхъ размѣровъ, возвращеніе къ простымъ отношеніямъ, чуждымъ формальной условности, и поставленіе своего внутренняго міра въ полную независимость отъ требованій міра внѣшняго, отъ возбуждаемыхъ имъ страстей и борьбы. Личное совершенство человѣка, по мнѣнію представителей этого взгляда, есть самодовлѣющая сила, которая, безъ всякаго принужденія или насилія, рано или поздно, но возьметъ свое и преобразуетъ жизнь на болѣе разумныхъ и достойныхъ началахъ.

Иначе смотрѣлъ Соловьевъ. Уже въ сочиненіяхъ, предшествовавшихъ появленію „Оправданія Добра“, онъ находилъ, что природа человѣка двойственна: грѣховныя побужденія и духовныя потребности живутъ въ ней рядомъ, въ вѣчномъ борѣніи между собою. Поэтому и сбросивъ лживыя условія жизни, человѣкъ самъ собою, безъ внутренней и внѣшней борьбы, не можетъ стать лучше. Онъ даже можетъ стать хуже, если, освободясь отъ сдерживающихъ началъ общественности, подпадетъ подъ власть грѣховныхъ побужденій, могущихъ привести его къ состоянію совершеннаго нравственнаго одичанія. Притомъ,

по природѣ своей человѣкъ есть существо общественное. Окончательная цѣль его усилій и высшая задача его жизни лежатъ въ судьбѣ всего человѣчества, а не въ одной его собственной, отдѣленной отъ всѣхъ, судьбѣ. Личнымъ усовершенствованіемъ, въ виду этой общей цѣли, достигнуть можно очень немногаго, если не заботиться объ улучшеніи, на началахъ нравственности и высшей справедливости, общественныхъ формъ и порядковъ. Человѣчество не есть простое слагаемое изъ отдѣльныхъ личностей, а „живое, одушевленное тѣло". Поэтому, и дѣйствительное развитіе человѣческой нравственности для отдѣльнаго лица возможно лишь въ непрестанномъ общеніи съ людьми, въ общественной средѣ, при развитіи культуры, которую оберегаетъ государство. Безъ этой культуры невозможна общественная нравственность, а безъ нея личная добродѣтель, какъ бы высока она ни была, не нашла бы поприща для своего осуществленія. „Безформенная толпа праведниковъ"—какъ идеалъ личнаго самоусовершенствованія—не удовлетворяла Соловьева. Онъ находилъ, что этотъ „моральный аморфизмъ" не есть истинное христіанство, требующее отъ каждаго сознательнаго и искренняго своего послѣдователя упорной и активной работы по созиданію въ жизни христіанской культуры и политики. Этой работѣ каждый долженъ имѣть возможность отдаваться безъ внѣшнихъ помѣхъ, свободно расширяя и осуществляя, совмѣстно съ другими, свои культурно-христіанскіе идеалы. Отсюда—главная задача государства, которое должно принимать мѣры къ обезпеченію этой возможности, защищая своихъ членовъ отъ внѣшнихъ нападеній и отъ внутренняго нарушенія выработанныхъ христіанскою культурою правъ и обязанностей. Отсюда—карательная власть, имѣющая задачею уголовное принудительное воспитаніе нарушителей необходимаго для общественнаго строя порядка; отсюда—обязанность носить въ защиту государства оружіе и противиться злу, ибо человѣкъ имѣетъ обязанности не только по отношенію къ себѣ, но и по отношенію къ совокупности людей въ ихъ реальномъ союзѣ; отсюда, наконецъ, война. Признавая законность существованія этой „травматической эпидеміи", какъ называлъ войну Пироговъ, Соловьевъ находилъ, что если принять, что „die Weltgeschichte ist das Weltgericht", то въ понятіе *этого* суда должна входить и тяжба между добрыми и злыми историческими силами. Лишь тогда человѣкъ и цѣлое общество могутъ сложить оружіе борьбы, когда проповѣдь совершенства, подкрѣпляемая рядомъ примѣровъ, обезвредитъ зло и сдѣлаетъ ненужнымъ „противленіе" ему.

Къ нравственному совершенству, по мнѣнію Соловьева, ведутъ два пути: избѣжаніе грѣха и слѣдованіе положительнымъ правиламъ нравственности. Въ сочиненіи своемъ о „Духовныхъ основахъ жизни", составляющемъ органическое цѣлое съ „Оправданіемъ Добра", подробно указываетъ онъ на ту борьбу, которую долженъ вести человѣкъ, чтобы освободить себя отъ бремени и соблазна грѣха. Онъ дѣлитъ грѣхъ, какъ сознательное нравственное паденіе человѣка, на три вида: на грѣхъ *чувственной души*, который выражается въ похоти; на *грѣхъ ума*, состоящій въ самомнѣніи, и на *грѣхъ духа*, проявляющійся во властолюбіи, практическое развитіе котораго состоитъ въ насиліи. На блестящихъ, написанныхъ сильнымъ, мужественнымъ языкомъ страницахъ „Оправданія Добра", Соловьевъ разсматриваетъ основныя начала нравственности, какъ добродѣтель, какъ правило дѣйствій и какъ условіе достиженія высшаго духовнаго блага. Пути жизни, согласной съ требованіями нравственности, вытекаютъ изъ коренныхъ духовныхъ началъ человѣческой природы и опредѣляютъ главнѣйшія отношенія человѣка. Такъ, въ отношеніи къ своей низшей природѣ человѣкъ долженъ руководиться чувствомъ *стыда*, высшее развитіе котораго состоитъ въ аскетизмѣ, проявляющемся борьбою съ тѣмъ, что Соловьевъ называетъ помысломъ, воображеніемъ и плѣненіемъ. Въ отношеніяхъ къ людямъ — руководящимъ нравственнымъ началомъ для человѣка должна быть *жалость*, высшая степень развитія которой есть альтруизмъ, распадающійся на правду и справедливость. Наконецъ, руководящимъ отношеніемъ къ высшему началу является благочестіе, окончательное развитіе котораго есть религія.

Богатство содержанія нравственной философіи Соловьева, вложенная въ него громадная эрудиція и горячее убѣжденіе, которымъ проникнутъ его трудъ, дѣлаютъ его взгляды заслуживающими особаго вниманія и изученія. Въ немъ сказывается не только глубокій мыслитель и блестящій діалектикъ, но, очень часто, и вдохновенный поэтъ. „Оправданіе Добра" есть, безъ сомнѣнія, одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ послѣдняго времени, несмотря на то, что нѣкоторыя ея положенія весьма спорны. Конечно, и самъ авторъ не имѣлъ въ виду вѣщать въ ней непререкаемыя истины; но его заслуга въ томъ, что онъ изложилъ цѣлостное ученіе въ изящной и удобопонятной формѣ, согрѣтой внутреннимъ огнемъ. Хотя и совершенно противоположная по исходной точкѣ зрѣнія и основнымъ положеніямъ съ книгою Гюйо: „Esquise d'une morale sans obligation et sanction",—книга Соловьева сходна съ нею своимъ

возвышеннымъ тономъ и горячностью искренней мысли. Она наводитъ на рядъ размышленій высшаго порядка, поднимаетъ читателя надъ обыденной житейской прозой и будитъ его мысль, вызывая ее на возраженіе или подчиняя ее себѣ и увлекая за собой.

Наиболѣе слабымъ мѣстомъ „Оправданія Добра“ надо признать ученіе о *правѣ*, какъ о минимальной принудительной нравственности. Оно вызвало сильную критику съ различныхъ, притомъ, точекъ зрѣнія. Соловьеву указывали на то, что его опредѣленіе права не соотвѣтствуетъ ни историческому происхожденію послѣдняго, ни сущности его природы, и что онъ смѣшиваетъ понятіе о правѣ и о нравственности къ обоюдному вреду обоихъ. Особенно тщательному разбору подвергъ трудъ Соловьева Б. Н. Чичеринъ, отнесшись со строгой критикой и къ его теоріи стыда, жалости и религіознаго чувства, и къ его правовымъ воззрѣніямъ. Сознавая нравственную и ученую силу своего строгаго противника, Соловьевъ защищался съ чрезвычайной страстностью, подъ вліяніемъ которой даже переходилъ, подчасъ, на почву рѣзкихъ личныхъ нападеній. Проникнутый спокойнымъ достоинствомъ отвѣтъ Чичерина не заставилъ его признать себя побѣжденнымъ по существу, но Соловьевъ—и это характеризуетъ его душевныя свойства—немедленно созналъ неправильную рѣзкость своего тона и шаткость почвы личныхъ намековъ, на которую онъ вступилъ. Онъ прямодушно и безъ мелочного самолюбія извинился передъ своимъ почтеннымъ оппонентомъ. Сознаніе своихъ ошибокъ, готовность искупить ихъ публичнымъ принесеніемъ „повинной“—есть признакъ высокаго душевнаго развитія. Только имѣющій мужество ошибаться можетъ быть способенъ на дѣятельность, могущую дать великіе результаты. Не ошибаются лишь холодные сердцемъ и узкіе умомъ. Одушевленіе правдой и добромъ неминуемо связано и съ заблужденіями, и со страстностью въ ихъ исканіи...

„Оправданіе Добра“ должно было быть началомъ цѣлаго ряда новыхъ трудовъ Соловьева въ области религіи и метафизики. Онъ началъ переводить творенія Платона, готовился къ новому переводу священнаго писанія съ комментаріями, приступилъ къ разработкѣ „теоретической философіи“ и собирался писать книгу подъ названіемъ „Оправданіе Истины“. Ему хотѣлось высказать все то, что̀ накопилось и окончательно созрѣло въ его умѣ, достигшемъ своего высшаго развитія. Смерть положила предѣлъ его начинаніямъ. Усиленная работа послѣднихъ лѣтъ, ея разбросанность и срочность, не дававшая ему необходимаго спокойствія и отдыха,

и полное отсутствіе разумной и систематической заботы о своемъ здоровьѣ стали гибельно отражаться на немъ. Добровольныя и случайныя лишенія, которыя ему приходилось переносить и налагать на себя, падали уже на ослабленный организмъ, въ которомъ лишь голова, быстро покрывавшаяся преждевременною сѣдиною, работала правильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ отдыха и срока, безъ жалости къ самой себѣ... Растрачивая свои слабыя силы и совершенно не заботясь о завтрашнемъ днѣ, онъ могъ по отношенію къ себѣ сказать, подобно Бѣлинскому: „безумія и гордости умереть съ голоду—у меня всегда хватитъ“... И чѣмъ ярче свѣтило пламя его ума, тѣмъ безпощаднѣе приносилъ онъ себя въ жертву. Въ произведеніяхъ послѣдняго года его жизни видны, на ряду съ глубиною мысли и строгимъ изяществомъ формы, слѣды торопливости, вызываемой утомленіемъ и нарушеніемъ нервнаго равновѣсія. Насколько изложеніе его выигрывало въ блескѣ и живости, доведенныхъ до совершенства, напримѣръ въ „Трехъ разговорахъ“, настолько же онъ началъ терять въ прежней спокойной объективности. Отсюда—полемическій тонъ, отсутствіе необходимой терпимости къ мнѣнію „несогласно мыслящихъ“ и хотя и прикрытыя, но тѣмъ не менѣе рѣзкія нападенія преимущественно на одного изъ нихъ въ выраженіяхъ, не соотвѣтствующихъ тому уваженію, которое, даже и при несогласіи съ его ученіемъ, не можетъ не вызывать его чистый и возвышенный нравственный обликъ.

Неспокойное настроеніе Соловьева, связанное съ утратой въ его доводахъ и взглядахъ прежней правильности перспективы, подчасъ тревожило, въ послѣдній годъ его жизни, тѣхъ, кто любилъ его и привыкъ цѣнить содержаніе и форму его трудовъ. Отдавая полную справедливость ряду его взглядовъ, проникнутыхъ то добродушнымъ и яркимъ юморомъ, то ѣдкой иронією, нельзя, какъ намъ кажется, отрицать, что въ отголоскахъ на различныя событія европейской жизни послѣднихъ годовъ у Соловьева представленіе о вселенскомъ христіанствѣ стало незамѣтно сливаться съ представленіемъ о европейской цивилизаціи. Послѣдняя же, въ ея современномъ, столь нерѣдко чуждомъ христіанскимъ идеаламъ видѣ въ его глазахъ стала оправдывать „тяжбу“ и съ бурами, и съ далекимъ Китаемъ, готовымъ, какъ ему казалось, залить желтыми и безжалостными волнами то, что пріобрѣтено *крестомъ* и должно быть защищаемо *мечомъ*. Вознося хвалу Зигфриду и высказываясь противъ буровъ, Соловьевъ болѣзненно увлекался впечатлѣніями минуты, забывая, что за мечомъ современнаго крестоносца слѣдуетъ алчный западный миссіонеръ, неразборчивый на средства

и весьма забывчивый по части истиннаго христіанства, а истребительная борьба съ бурами была вызвана не только не потребностями христіанской культуры, но даже и не требованіями лучшей части народа, а разсчетомъ и желаніемъ сдѣлать кровавую „пробу пера“ со стороны новаго и, отнынѣ, повидимому, властнаго элемента международныхъ отношеній—предпринимателя-акціонера. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы онъ дожилъ до того, что̀ послѣдовало послѣ его смерти, и увидѣлъ, *во что* выродились и преобразились задачи и пріемы христіанской культуры на далекомъ востокѣ и въ южной Африкѣ, его возмущенная душа отвернулась бы съ болью глубокаго разочарованія отъ *такого* пониманія задачи цивилизаціи и въ его поэтическихъ произведеніяхъ и публицистическихъ трудахъ снова и съ прежней силой зазвучали бы старыя ноты. Онъ снова сталъ бы на прежній путь, на которомъ такъ много и многое сдѣлалъ.

„Бываютъ времена,—говоритъ Чаннингъ,—когда защита великихъ нравственныхъ началъ является лучшею заслугою предъ обществомъ. Проводить ихъ въ жизнь безъ страстныхъ увлеченій, но съ настойчивымъ желаніемъ общаго блага прочно и глубоко закладывая ихъ въ душу людей, есть нѣчто большее, чѣмъ открывать золотыя розсыпи или придумывать самыя удачныя политическія комбинаціи“. Этому и посвятилъ свою дѣятельность Соловьевъ. Вотъ почему, хотя и среди неоконченныхъ во всей широтѣ задуманнаго трудовъ — онъ могъ все-таки со спокойною совѣстью оглянуться на свою жизнь и на употребленіе въ ней тѣхъ блестящихъ духовныхъ даровъ, которыми такъ щедро былъ снабженъ. Онъ не зарылъ, изъ малодушныхъ или тщеславныхъ соображеній, даннаго ему таланта въ землю, не поступился ни одною его частицею—и если иногда и ошибался, то лишь потому, что прозаическій человѣкъ легче и вѣрнѣе становится законченнымъ цѣлымъ, чѣмъ человѣкъ, имѣющій въ себѣ задатки геніальности. Вотъ почему онъ могъ „небоязненнымъ сердцемъ и непреодолѣннымъ умомъ дерзнуть на смерть, иже естественно всѣмъ бываетъ страшна“, какъ говорится въ одномъ изъ столь любимыхъ имъ „житій святыхъ“.

Кончина Соловьева была тяжкимъ и неожиданнымъ ударомъ для всѣхъ знавшихъ его и любившихъ,—а любили его всѣ, кто имѣлъ возможность его узнать ближе. Но самъ онъ какъ будто предчувствовалъ свой скорый конецъ,—становился сосредоточенно-задумчивъ, когда говорилось о смерти,—былъ какъ-то особенно нѣженъ къ тѣмъ, кого считалъ почему-либо недовольными собою,—часто съ большимъ юморомъ высказывалъ шуточныя

предположенія о томъ, во что̀ онъ обратится, перейдя въ другой міръ... Въ январѣ 1900 года, въ исполненномъ тихой грусти стихотвореніи своемъ: „Les revenants“, какъ и всѣ его стихи близкимъ къ музыкѣ, къ этому „языку для передачи невыразимыхъ чувствъ“ — онъ, взывая къ „образамъ незначущимъ, къ плачущимъ тѣнямъ“, говорилъ:

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы къ душѣ пробрались—и спасибо вамъ!
Сладко мнѣ приблизиться памятью унылою
Къ смертью занавѣшеннымъ, тихимъ берегамъ...

Черезъ полгода ему пришлось и самому вступить на эти „тихіе берега“. Въ оградѣ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, въ виду Воробьевыхъ горъ и близъ Москвы-рѣки,—есть рядомъ двѣ могилы. Въ нихъ лежитъ земной прахъ отца и сына—Соловьевыхъ,—знаменитаго русскаго историка и такъ рано ушедшаго отъ насъ его сына. Дѣятельность ихъ была разная. Одинъ, вперяя духовный взоръ въ прошлое своей родины, выяснялъ внутренній смыслъ послѣдняго и выводилъ изъ него историческіе завѣты для будущаго;—другой старался указать тѣ нравственные пути, на которыхъ нужно искать наиболѣе чистаго и высокаго развитія этого будущаго. Но ихъ обоихъ одинаково одушевляло одно и то же чувство, укрѣпляя и направляя ихъ благородный жизненный трудъ. Это была любовь, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ слова,—та, про которую покойный поэтъ сказалъ:

Смерть и время царятъ на землѣ,
Ты владыками ихъ не зови...
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ—
Неподвижно лишь солнце любви!

И покуда въ лучшихъ сердцахъ земли русской будетъ продолжать свѣтить *это* солнце—смерть и время дѣйствительно не страшны ни для нихъ, ни для грядущихъ поколѣній! Соловьевъ умеръ, но не ушелъ... Его личность останется надолго въ воспоминаніяхъ, его трудъ никогда не забудется, привлекая къ себѣ мыслителя и побуждая къ новымъ и дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Останется и поучительный примѣръ нравственнаго самовоспитанія, явленный Соловьевымъ. А эти примѣры такъ нужны....

А. Ѳ. Кони.

ІЁРНЪ УЛЬ

ЭСКИЗЪ

— Jörn Uhl. Roman v. Gustav Frenssen. Berl. 902.

IX *).

Какъ-разъ въ это самое время молодежь устроила праздникъ, и Іёрнъ, какъ и прежде, получилъ приглашеніе. Двѣ недѣли тому назадъ, онъ имъ, конечно, не воспользовался бы. Что ему было дѣлать на праздникѣ? Но происшествія послѣднихъ дней перевернули все его существо, и душу, и тѣло. Спокойное, мирное настроеніе смѣнилось тоскою и мучительнымъ безпокойствомъ.

Братья, узнавъ, что онъ хочетъ идти на праздникъ, стали смѣяться и издѣвались надъ нимъ, а Эльзбе была очень рада.

— Я такъ довольна, что ты немножко развеселишься,—говорила она;—ты сначала со мною попробуй потанцовать, чтобы разойтись, а потомъ ужъ можешь пригласить и Лизбету.

Онъ отправился на вечеръ одинъ и сталъ въ уголокъ. Многіе его не знали, потому что онъ никогда не появлялся въ трактирѣ, и спрашивали, кто это такой. Узнавъ, что это—младшій сынъ Клауса Уля, они выражали удивленіе и говорили:

— Онъ, должно быть, большой мечтатель.

А нѣкоторыя дѣвушки думали:

*) См. выше: январь, 276 стр.

„Какой красивый малый и какіе у него серьезные глаза! Вотъ хорошо-то должно быть, когда они смѣются"!

А онъ стоялъ, и мысли въ его головѣ смѣнялись одна другою, и онъ испытывалъ чувство угнетенности, но потомъ снова поднялъ гордо голову.

„Еслибы вы знали всѣ, что меня цѣловала эта красивая, рослая дѣвушка!"—думалъ онъ.

Его братья и Эльзбе часто разбирали наружность знакомыхъ дѣвушекъ, но онъ, до послѣдней недѣли, никогда не принималъ участія въ подобныхъ разговорахъ. Теперь же ему припомнилось все, что они говорили, и онъ разсматривалъ танцовавшихъ дѣвушекъ, находя ихъ или красивыми, или безобразными. Потомъ онъ увидалъ Лизбету, идущую по залу, и ему показалось, что онъ видитъ ее въ первый разъ. Ему страстно захотѣлось привлечь ее къ себѣ, но какое-то внутреннее чувство шепнуло ему, что онъ не смѣетъ приглашать ее танцовать. Къ нему подбѣжала Эльзбе, раскраснѣвшаяся и сіяющая.

— Знаешь, Гарро-то Гейнзена нѣтъ, ему не дали отпуска. Я танцую съ Гансомъ Ярреномъ. Онъ еще почти мальчикъ; ну, да все равно! Мы хотимъ выпить вина. Пригласи Лизбету и идите съ нами.

— Я не желаю танцовать!—проговорилъ онъ упрямо.

— Просто трусишь, милый мой! Выпей-ка парочку стакановъ пунша, такъ дѣло-то лучше пойдетъ!—И она убѣжала.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, спросилъ себѣ пунша и, послѣ четырехъ стакановъ тяжелаго напитка, почувствовалъ приливъ смѣлости и подошелъ къ Лизбетѣ.

Она мало танцовала. Въ ней было столько чего-то граціознаго и нѣжнаго, и при этомъ она говорила такъ мало и спокойно высокимъ, тонкимъ голосомъ, и глядѣла на собесѣдника такими удивительно-изумленными глазами, что большинство юношей избѣгало ея, не зная, какъ и о чемъ съ нею говорить.

И Іёрнъ чувствовалъ, что не подходитъ къ ней. Недѣлю тому назадъ, онъ къ ней подходилъ, несмотря на свою неуклюжесть и неловкость, но теперь ему было не мѣсто рядомъ съ нею.

Они начали танцовать, но онъ никакъ не могъ попасть въ тактъ, и со смѣхомъ смотрѣлъ на нее, а когда она нерѣшительно спросила: — Что съ тобою? — то онъ отвѣчалъ вызывающимъ тономъ:

— Никакого смысла нѣтъ въ этихъ танцахъ. Что это за дикое верченье вдвоемъ! Пойдемъ-ка лучше къ остальнымъ и выпьемъ вина: ты должна и этому научиться.

Тогда ей стало страшно его; она отступила и сказала:

— Никогда я этого не сдѣлаю!

— Ахъ, не жеманься, пожалуйста! — Онъ попытался потащить ее съ собою за руку, но она вырвалась отъ него съ испуганнымъ выраженіемъ въ глазахъ. — Ну, тогда оставайся здѣсь!—проговорилъ онъ:—Вотъ глупая-то дѣвчонка!

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ видѣли эту сцену, слышали его слова и стали смѣяться. А онъ пошелъ и сталъ пить и дерзко оглядывался, принимая презрительный видъ.

Братъ его Гансъ, уже пьяный, и только въ этомъ состояніи умѣвшій смотрѣть правдѣ въ лицо, подошелъ, посмотрѣлъ на него и громко заплакалъ.

— Я думалъ, что ты навсегда останешься трезвымъ, честнымъ человѣкомъ, и гордился тобою, хоть и дѣлалъ видъ, что презираю тебя. А теперь вижу, что ты такой же негодяй, какъ я, какъ другіе братья и отецъ!

При словѣ „негодяй“ Іёрнъ совсѣмъ остервенился, сталъ стучать кулакомъ по столу и кричать:

— Всѣ Ули—негодяи! Всякая борьба безполезна. Сынъ Клауса Уля долженъ быть пьяницей! — Онъ хотѣлъ затянуть застольную пѣсню, но не могъ вспомнить ни словъ, ни мотива.

Онъ не помнилъ, какъ добрался, подъ-утро, домой и проспалъ до обѣда. Тогда въ его комнату пришла Витенъ, горестно посмотрѣла на него и проговорила, покачивая головой:

— Ради тебя и Эльзбе осталась я въ этомъ домѣ. За Эльзбе мнѣ всегда было страшно, но на тебя я возлагала большія надежды. — Она сѣла на край кровати и стала плакать. —Во всемъ-то свѣтѣ нѣтъ для меня счастья, и уйду я съ этого свѣта съ пустыми руками. Протяну Богу свои пустыя руки и скажу: „милосердый Боже, все, что я любила, все у меня пропало дорогой, все попало въ грязь“!

Онъ слушалъ ее съ закрытыми глазами. Она поплакала и ушла, а онъ пролежалъ въ постели до самаго вечера и все съ закрытыми глазами,—такъ стыдился онъ даже стѣнъ собственной комнаты. Вечеромъ онъ всталъ и началъ бродить то сюда, то туда, а когда настала ночь, то пробрался тайкомъ изъ дома и побѣжалъ къ дому возлѣ песочной ямы, сталъ подъ окномъ и кликнулъ ее по имени. Долго не было отвѣта, и тогда вся его сердечная боль, сдерживаемая до той поры чувствомъ стыда и прикрываемая развязнымъ, дерзкимъ видомъ, вдругъ прорвалась наружу съ такою силой, что онъ заплакалъ, какъ мальчикъ, ко-

тораго побили. Тогда она встала, отворила окно и стала горько жаловаться:

— Я слышала ужъ, какъ ты велъ себя вчера вечеромъ. Что я за несчастная! Къ чему ни прикоснусь, всему приношу несчастье, а поэтому я рѣшила уйти отсюда. Домъ и все добро я продала сегодня, и завтра рано утромъ ухожу за горы, чтобы больше сюда не возвращаться.

— О, такъ возьми меня съ собою! Я не могу вернуться домой, я не могу показаться на глаза людямъ. Или я утоплюсь, или ты возьмешь меня съ собою!

Она стала его уговаривать съ большою добротою, но онъ все твердилъ, что не будетъ въ состояніи перенести отцовскихъ насмѣшекъ, издѣвательства братьевъ, презрѣнія Витенъ и остальныхъ, и лучше уйдетъ, какъ Фите Крей, куда глаза глядятъ. Тогда она стала говорить ему о собственныхъ страданіяхъ и о томъ, какъ онъ усилитъ эти страданія, если сдѣлаетъ что-нибудь надъ собою или броситъ родину. Это подѣйствовало; онъ смирился, и она позволила ему на другой день, на разсвѣтѣ, придти проводить ее.

Печальная это была ночь для дѣвушки: она прибирала немногочисленныя вещи, которыя должны были послать вслѣдъ за нею, останавливалась, отъ времени до времени, и роняла тяжелыя слезы. Печальная это была ночь и для юноши. Неподвижно сидѣлъ онъ до зари у темнаго окна и тщетно старался понять, что творится въ немъ самомъ и вокругъ него. Едва забрезжилъ свѣтъ, какъ онъ уже дожидался ее, сидя на придорожномъ камнѣ.

Она подошла свойственной ей твердой, увѣренной походкой, и въ ея ясныхъ глазахъ свѣтилась сдерживаемая радость.

— Ну, вотъ! — сказала она. — Я со всѣмъ покончила, все это осталось позади, — и она указала въ ту сторону, гдѣ находился домъ ея возлюбленнаго. — Теперь еще ты остался, но съ тобою мнѣ будетъ легче справиться. Я тебя не стану сейчасъ же отсылать назадъ, я еще хочу немножко порадоваться, глядя на тебя.

Она проговорила это съ такой увѣренностью и съ такимъ веселымъ спокойствіемъ, что онъ не посмѣлъ возразить, хотя въ душѣ все еще хотѣлъ идти съ нею хоть на край свѣта.

До сихъ поръ онъ ни къ чему не относился съ благоговѣйнымъ обожаніемъ. Никто не съумѣлъ зажечь въ немъ религіозное чувство. Люди затемнили и исказили ему жизненный, ласковый и гордый образъ Христа. Матери у него не было, и та-

кимъ образомъ для отзывчиваго, горячаго мальчика не было любви. Но, вотъ, явилась эта дѣвушка и дала ему то особенное очарованіе, испытанное юношей отъ близости женщины въ полномъ расцвѣтѣ силъ и красоты, то особенное чувство, въ которомъ обожаніе соединяется съ первымъ пробужденіемъ здоровой, молодой чувственности.

Она заговорила съ нимъ такъ же ласково, какъ наканунѣ вечеромъ:

— Я рада, что ты пришелъ меня проводить, и я могу наглядѣться на тебя. Повѣрь, изъ тебя выйдетъ дѣльный человѣкъ, и красивымъ ты будешь. Не бойся, ты никогда не послѣдуешь примѣру своихъ братьевъ. У тебя такія крѣпко очерченныя губы и такіе глубокіе и серьезные глаза, и ты ужъ и теперь строенъ и силенъ. Смотрю я на тебя—и ты представляешься мнѣ взрослымъ мужчиной. Жаль: еслибы ты былъ пятью годами старше, я сказала бы тебѣ: „пойдемъ со мною“. Но теперь это невозможно. Когда ты выростешь, я уже буду старуха, и ты пожалѣешь о своемъ поступкѣ, когда будетъ уже поздно. Теперь ты не можешь вполнѣ понять этого ужаса, но долженъ вѣрить мнѣ, потому что любишь меня и знаешь, что я говорю правду.

Все кругомъ было еще черно подъ темно-сѣрымъ, безсвѣтнымъ небомъ, но мало-по-малу облака начинали рдѣть блѣднымъ румянцемъ.

— Что обо мнѣ люди говорятъ и будутъ говорить, ты никогда ничему не вѣрь, — продолжала дѣвушка. — Я такъ же чиста, какъ ты. И такъ какъ я ухожу, и ты никогда больше обо мнѣ не услышишь, то сохранишь обо мнѣ добрую память, будешь ставить меня еще на бо́льшую высоту. Тебѣ придастъ гордости и силы сознаніе, что когда ты былъ еще совсѣмъ юнымъ, у тебя была такая красивая и чистая подруга. Ты не долженъ думать, что случившееся за послѣдніе дни испортило тебя. Намъ не дано оставаться безъ вины. Быть виновнымъ и отказаться отъ борьбы за добро—это смерть. Быть виновнымъ и бороться за добро—это истинно-человѣческая жизнь. Въ тебѣ есть внутренняя сила, и за это я тебя люблю. Пережитое нами для тебя все равно, что буря для хорошаго молодого дерева. Она еще продлится нѣсколько времени, ты будешь страдать и испытывать безпокойство, и люди будутъ смѣяться надъ тобою. Но все это пройдетъ, и тогда ты замѣтишь, что сталъ сильнѣе, крѣпче стоишь на ногахъ и взглядъ твой расширился.

Она говорила все это со спокойной увѣренностью и шла рядомъ съ нимъ, казалось, беззаботно и весело. Они взгляды-

вали другъ на друга, и волосы ея, такіе же свѣтлые, какъ и у него, стали яркими отъ пожара, разгоравшагося въ небѣ. Ему казалось, что никогда больше не придется ему переживать такихъ высокихъ мгновеній, полныхъ такой радости и скорби.

Она указала ему на солнце, вступившее въ жаркій безмолвный бой съ сѣрыми разорванными облаками.

— Видишь, точно большой сѣрый домъ?—но внутри горитъ, и огонь вырывается изъ оконъ и дверей. Великій мастеръ плющитъ широкій и толстый пластъ желѣза, ударяя по наковальнѣ... Мнѣ не страшно за тебя. Быть можетъ, и намъ еще уготовано гдѣ-нибудь счастье... А теперь — иди! Уходи скорѣе, не надо мучиться понапрасну!

Онъ стоялъ передъ нею съ дрожащими губами и глядѣлъ на нее.

— Да, не легко это, мой милый мальчикъ! Пойди сюда! — Она поцѣловала его горячо и порывисто.—Будь настоящимъ человѣкомъ! Я не боюсь за тебя!

Она окинула его радостнымъ взглядомъ съ головы до ногъ, и потомъ пошла быстро и весело, точно на праздникъ, и скоро скрылась за поворотомъ лѣсной тропинки. А онъ еще нѣсколько времени простоялъ, не двигаясь, затаивъ дыханіе, и съ влажными отъ слезъ глазами, потомъ медленно пошелъ назадъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, бросился бѣгомъ домой, запрегъ лошадей и проработалъ цѣлый день въ полѣ.

Ему пришлось пережить много мучительнаго и тяжелаго. Братья сначала издѣвались надъ нимъ за его дикое поведеніе на балу, а узнавъ про исторію съ „дѣвушкой изъ Песковъ“, совсѣмъ пришли въ ярость, кричали, что онъ опозорилъ всю семью, что лучше бы убирался со своей любовницей, что вся деревня только о немъ и говоритъ, и они изъ-за него не могутъ никуда носа показать.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ Іёрнъ не могъ забыть того, что̀ ему пришлось пережить въ этотъ день. Глубоко въ тайникахъ души схоронилъ юноша всю красоту и печаль этого ранняго утра. Онъ замкнулся въ самомъ себѣ и сдѣлался тихимъ и молчаливымъ. Многіе считали его недалекимъ, но люди болѣе чуткіе, узнавъ его поближе и заглянувъ въ его глубокіе, серьезные и печальные глаза, испытывали такое впечатлѣніе, точно они побывали въ старой деревенской церкви, когда ея сумракъ прорѣзанъ солнечными лучами, а въ глубинѣ алтаря тихо теплятся высокія свѣчи.

У Іёрна Уля не было ни друзей, ни книгъ, и душа его развивалась вполнѣ своеобразно, не подчиняясь никакому постороннему вліянію.

Однажды въ Уль совершенно случайно явился горожанинъ, интересовавшійся древностями. Увидавъ сундукъ, стоявшій возлѣ конюшни, онъ выразилъ желаніе купить его. Предложеніе его не было принято, и онъ уѣхалъ ни съ чѣмъ, но послѣ его посѣщенія Іёрнъ въ первый разъ въ жизни заинтересовался этимъ старымъ сундукомъ. Онъ ему очень понравился, и въ одинъ тихій воскресный день Іёрнъ, вычистивъ заброшенный ларь, поправилъ въ немъ замокъ, перенесъ его въ свою комнату и уложилъ туда праздничное платье, сборникъ пѣсенъ и старую, истрепанную книжку съ заглавіемъ: „Литтровъ, Чудеса неба". Это была популярная астрономія, привезенная еще его покойной матерью изъ родительскаго дома.

Въ праздничные вечера и воскресные дни Іёрнъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть у себя въ комнатѣ на старомъ соломенномъ стулѣ, положивъ ноги на ларь. Покуривая хорошенькую трубочку, онъ скользилъ глазами по выбѣленнымъ стѣнамъ, не имѣвшимъ никакихъ украшеній, кромѣ маленькаго зеркальца, и черезъ окно поглядывалъ на яблоновый садъ. Лицо его при этомъ было строгое и невеселое. Въ эти минуты онъ разбирался въ своей душѣ.

Онъ не хотѣлъ жениться. Съ женщинами у него было покончено разъ и навсегда, и въ этомъ отношеніи онъ былъ опытнѣе и благоразумнѣе иныхъ старыхъ людей. Подруга его дѣтства стала ему теперь совсѣмъ чужою. Она отнеслась къ нему свысока и съ испугомъ отшатнулась отъ него, когда прочла на его лицѣ то, что̀ пробудила въ немъ та, другая. А эта другая, къ которой онъ стремился всѣми силами необузданной пробудившейся страсти, стала для него святою. Жгучій стыдъ охватывалъ Іёрна, когда онъ вспоминалъ ихъ обѣихъ. Онъ рѣшилъ не имѣть ничего общаго съ этой стороной человѣческаго существованія, полной злыхъ соблазновъ. Онъ хотѣлъ остаться навсегда холостякомъ.

„Вѣдь Тисъ же—холостякъ, — думалъ онъ: — очевидно, это у насъ—семейное".

Но иногда его охватывало какое-то безпокойство; онъ уже не могъ управлять своими мыслями, и воспоминанія о прошломъ обступали его. Онъ видѣлъ передъ собой прекрасное, энергичное лицо съ гордыми глазами, слышалъ глубокій, милый голосъ. Кровь бросалась ему въ голову и тревога его все усиливалась.

Онъ не находилъ себѣ мѣста, вскакивалъ на лошадь и скакалъ по полямъ, потомъ опять возвращался домой и долго бродилъ по яблоновому саду. Онъ чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, въ немъ поднимались неясныя желанія, онъ стыдился самого себя, и ему хотѣлось бѣжать безъ оглядки куда-нибудь далеко-далеко, чтобы новой работой, новыми впечатлѣніями заглушить и подавить свой душевный разладъ. По ночамъ ему снилась исе та же дѣвушка, прекрасная и печальная; она тихо склонялась надъ нимъ и говорила, что страстно тоскуетъ по немъ. И онъ протягивалъ къ ней руки и цѣловалъ ее, цѣловалъ крѣпко и горячо. Онъ просыпался, и ему становилось стыдно. Цѣлый день потомъ бродилъ онъ съ мрачнымъ лицомъ, не говорилъ ни слова и раздражался даже на Эльзбе.

Какъ-то разъ онъ поѣхалъ въ городъ продавать хлѣбъ. Проходя по улицѣ, онъ увидѣлъ на окнѣ одного писчебумажнаго магазина картину, изображавшую двухъ молодыхъ женщинъ у мраморнаго фонтана. Это были высокія и крѣпкія женщины, и даже у той изъ нихъ, которая сидѣла совсѣмъ голая, было тонкое и милое лицо. Въ нихъ чувствовалось столько величія и благородства, что онъ не могъ понять, какъ это онѣ могли допустить, чтобы ихъ изображали въ такомъ видѣ. Внизу, подъ картиной, была надпись латинскими буквами: „Небесная и земная любовь. Тиціанъ“. Онъ долго стоялъ и смотрѣлъ на эту картину, потомъ, разомъ рѣшившись, быстро вошелъ въ лавку и остановился въ смущеніи передъ молодой женщиной, стоявшей за прилавкомъ. Сдѣлавъ надменное и равнодушное лицо, онъ указалъ кнутомъ на картину. Бережно, точно величайшее сокровище, запряталъ онъ эту картину на грудь, а вернувшись домой, уложилъ ее на самое дно своего сундука. Съ этого дня, когда онъ, по воскресеньямъ, по обыкновенію, сидѣлъ съ трубкой въ своей комнатѣ, онъ ставилъ эту картину передъ собой на сундукъ и долго, не отрываясь, смотрѣлъ на нее, боясь, чтобы кто-нибудь не проникъ въ его тайну.

Со всею окружавшей его жизнью ему было труднѣе справиться, чѣмъ съ женщинами.

Іёрнъ Уль понялъ довольно скоро, что для него среди людей нѣтъ мѣста, и порѣшилъ окончательно разорвать съ ними. Онъ ограничилъ свои отношенія къ домашнимъ—отношеніемъ работника къ хозяевамъ, и получалъ законную годовую плату за свой трудъ. Свой заработокъ онъ вкладывалъ въ сберегательную кассу и мечталъ о томъ, какъ впослѣдствіи купитъ себѣ собственный, совсѣмъ отдѣльный дворъ и будетъ тамъ жить вмѣстѣ

съ Витенъ, вдали отъ всѣхъ, до самой смерти. И такимъ образомъ, у Іёрна все сводилось къ тому, чтобы уйти отъ свѣта, который онъ глубоко презиралъ.

Ни въ людяхъ, ни въ самой жизни Іёрнъ не находилъ ровно ничего, заслуживающаго уваженія. Онъ сталъ искать опоры въ небесномъ, и обратился къ церкви.

Уже полгода, какъ онъ принялся усердно ходить въ церковь. Онъ началъ дѣлать это изъ подражанія бережливымъ и трезвымъ людямъ, жившимъ по старинѣ, такъ какъ онъ хотѣлъ сдѣлаться именно такимъ человѣкомъ, какъ они.

Онъ ходилъ въ церковь и скучалъ. Онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что теперешній проповѣдникъ еще такъ недавно былъ отчаяннымъ пьяницей и первымъ игрокомъ.

Правда, Дрейеръ не разъ говорилъ ему, что дѣло не въ человѣкѣ, а въ словѣ Божіемъ. Но Іёрнъ не совсѣмъ ясно понималъ, что̀ хочетъ сказать Дрейеръ, да и слово Божіе въ устахъ пастора имѣло такъ мало отношенія и практическаго примѣненія къ окружающей жизни вообще и къ самому Іёрну въ частности. Иногда Іёрну казалось, что кромѣ голоса пастора ему слышится другой, болѣе сильный голосъ, говорившій иное, чѣмъ пасторъ. Этотъ голосъ доносился до него точно журчанье далекаго ручья въ знойный день, среди щебетанія птицъ и жужжанія насѣкомыхъ. Онъ старался уловить этотъ голосъ, пытался понять, что̀ онъ говоритъ, и не могъ.

— А все-таки ты обязанъ сидѣть на своемъ мѣстѣ,—училъ его старикъ Дрейеръ.—Вотъ, бери съ меня примѣръ. Я шестьдесятъ лѣтъ сижу все на той же скамейкѣ.

И Іёрнъ Уль каждое воскресенье приходилъ въ церковь и сидѣлъ всегда на томъ же самомъ мѣстѣ. Единственное, что̀ въ это время привязывало Іёрна къ церкви и даже къ Богу, было то, что во всемъ этомъ чувствовалась старина.

На другой годъ, осенью, случилось событіе, нарушившее однообразіе жизни Іёрна и заставившее его встряхнуться.

Въ этотъ годъ, когда хлѣбъ уже убрали, на поляхъ появились безпризорныя охотничьи собаки. Онѣ задирали овецъ, таскали куръ и пугали дѣтей рабочихъ, когда тѣ шли въ школу; но никто не принималъ противъ нихъ никакихъ мѣръ, такъ какъ хозяева собакъ принадлежали къ самымъ богатымъ и вліятельнымъ людямъ въ деревнѣ. Но, вотъ, въ одно воскресное утро собаки напали на теленка работника Кампа. Дѣти работника,

маленькій мальчикъ и дѣвочка, какъ разъ въ это время проходили мимо по дорожкѣ въ церковь. Имъ стало жаль теленка, и они побѣжали отгонять собакъ, но собаки нисколько не испугались. Оставивъ теленка, они бросились на дѣтей и стали хватать ихъ за платье. Маленькая дѣвочка упала, и собаки были готовы растерзать ее, какъ вдругъ изъ-за высокаго стога появился Іёрнъ Уль. „Такъ вотъ ужъ до чего дошло! Нашихъ дѣтей растерзываютъ собаки!“—мелькнуло у него въ головѣ и, крѣпко стиснувъ зубы, съ гнѣвнымъ лицомъ и горящими глазами, онъ бросился впередъ и въ три прыжка былъ уже на мѣстѣ. Одна изъ собакъ сама попятилась назадъ, другую онъ оттолкнулъ пинкомъ ноги и наклонился къ лежащему ребенку. Но какъ разъ въ эту минуту одна изъ собакъ вцѣпилась ему зубами въ колѣно. Сильной, мускулистой рукой схватилъ онъ ее за горло и изо всѣхъ силъ прижалъ животное къ своей груди. Потомъ выпрямился во весь ростъ и съ дикимъ крикомъ, весь бѣлый какъ полотно, переломалъ собакѣ кости.

Этотъ его поступокъ вызвалъ безчисленные толки. На другой день вся школа съ ужасомъ и восторгомъ толковала объ этомъ знаменательномъ событіи. Когда же въ слѣдующее воскресенье Іёрнъ шелъ черезъ поля въ церковь, то повстрѣчался съ дѣтьми Кампа, почтительно сошедшими съ дорожки въ траву, чтобы пропустить его. Самая же маленькая, которую онъ спасъ, не говоря ни слова, взяла его за руку и молча, стараясь изо всѣхъ силъ поспѣть за его большими шагами, дошла съ нимъ до церкви. И опять онъ сидѣлъ на своемъ привычномъ мѣстѣ, и опять слушалъ привычныя слова пастора, и, какъ всегда, не совсѣмъ ясно понималъ ихъ смыслъ.

Когда же онъ шелъ домой, его нагналъ портной Розе.

Нѣкоторое время старикъ ковылялъ рядомъ съ Іёрномъ, пробовалъ заговаривать о погодѣ, потомъ совсѣмъ замолчалъ, а затѣмъ говорилъ снова:

— Видишь ли что, Іёрнъ, принеси-ка мнѣ твою куртку. Я починю ее тебѣ даромъ, а то ей порядкомъ-таки досталось отъ собакъ. Но я хотѣлъ тебѣ и еще кое-что сказать, Іёрнъ. Только это ужъ не по поводу куртки, а по поводу сердца, которое бьется подъ курткой и которое ты долженъ отдать Богу.

Іёрнъ смутился. Никто никогда въ жизни съ нимъ такъ не говорилъ. Разсуждать о Богѣ и душѣ было дѣло пастора.

— Мнѣ просто хотѣлось помочь дѣтямъ, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—да и проклятыя собаки разозлили меня.

— Нѣтъ, Іёрнъ, ты ошибаешься. Ты сдѣлалъ это, чтобы угодить Богу. И въ будущемъ, во всю твою жизнь, если хочешь имѣть настоящую радость, поступай не изъ ненависти къ собакамъ и не изъ жалости къ дѣтямъ, а изъ любви къ Богу. Смотри же, непремѣнно принеси мнѣ твою куртку завтра утромъ.

Когда на другое утро Витенъ пришла за курткой, чтобы, по обыкновенію, почистить ее, Іёрнъ разсказалъ ей о портномъ.

— Вотъ еще выискался благодѣтель!—презрительно вырвалось у Витенъ.—Работаетъ съ утра до ночи и не имѣетъ гроша за душой!

Іёрнъ вышелъ изъ кухни, захвативъ узелокъ съ курткой, и пошелъ по двору. „Человѣкъ вполнѣ разумный не можетъ вѣрить тому, что̀ говоритъ пасторъ въ своихъ проповѣдяхъ,—раздумывалъ онъ. — Въ томъ, что̀ говоритъ старый портной, уже больше смысла, но вѣдь и въ словахъ Витенъ есть тоже смыслъ. Портной говоритъ: „Заботься о ближнихъ во имя Божіе". Витенъ же говоритъ:—„Заботься о себѣ самомъ ради себя самого".

Онъ вдругъ остановился, круто повернулъ назадъ и вошелъ въ кухню. Витенъ стояла спиной къ дверямъ и что-то работала у стола.

— Ты говоришь, что портной болтаетъ вздоръ,—сказалъ онъ ей. — Въ такомъ случаѣ объясни пожалуйста мнѣ, изъ-за чего ты сама работаешь здѣсь, въ этомъ ужасномъ домѣ?

Она выпрямилась и посмотрѣла на него широко раскрытыми глазами. Никогда еще не говорилъ онъ съ нею такимъ тономъ и о такихъ вещахъ.

Помолчавъ немного, она сказала:

— Не болтай пустяковъ, мой милый! Отправляйся-ка своей дорогой и не старайся ужъ очень до всего докапываться.

И онъ ушелъ съ своимъ узелкомъ, но погруженный все въ то же глубокое раздумье.

Его собственная жизнь была полна работы и заботъ. „Въ немъ слишкомъ много отъ Тиссеновъ,—говорилъ о Іёрнѣ его отецъ,—и онъ останется на всю жизнь поденщикомъ у своихъ братьевъ". Съ утра до ночи работалъ Іёрнъ. У него не было ни одного свободнаго вечера; даже по воскресеньямъ онъ бывалъ занятъ. За ужиномъ у него смыкались глаза отъ усталости; онъ торопился уйти въ свою комнату, и тамъ сразу засыпалъ глубокимъ сномъ безъ всякихъ сновидѣній.

Онъ былъ высокъ и худощавъ. Отъ ходьбы по бороздамъ за плугомъ его походка стала тяжелой и неуклюжей, а мускулы его

развивались и крѣпли отъ непрерывной работы. Въ церковь онъ ходилъ теперь уже рѣже, но черезъ два или три воскресенья его все-таки видѣли на его привычномъ мѣстѣ въ синей щегольской курткѣ и съ гордымъ лицомъ.

Событіе, случившееся съ нимъ осенью, благодѣтельно повліяло на него. Оно натолкнуло его на новыя мысли и нѣсколько расширило его кругозоръ, показавъ ему, что, кромѣ трудолюбія, трезвости и бережливости, на свѣтѣ существуетъ еще и другое. Онъ понялъ, что все далеко не такъ просто, какъ это ему казалось. Съ этихъ поръ онъ сталъ менѣе замкнутымъ, болѣе мягкимъ и чуткимъ.

Онъ полюбилъ дѣтей работника Кампа и теперь часто по воскресеньямъ сидѣлъ съ ними на берегу рѣки, дѣлалъ имъ флейты изъ новыхъ прутьевъ, или помогалъ самой маленькой изъ нихъ мастерить цѣпь изъ стебельковъ одуванчиковъ. Теперь зимой на днѣ его сундука всегда лежали запрятанныя въ солому яблоки, и онъ улыбался, заслышавъ покашливанье дѣтей, проходившихъ мимо его дома въ школу. Онъ понималъ, чего они хотятъ. Просить его они не смѣли. Онъ былъ такой большой и такой серьезный.

Иногда въ зимніе вечера онъ вынималъ изъ сундука истрепанную книгу Литтрова, выходилъ съ нею въ яблоновый садъ и старался отыскать на небѣ указанныя на картѣ звѣзды. При этомъ онъ увлекался и горячился; его охватывала жажда знанія, стремленіе учиться. Все это ударяло ему въ голову точно вино, и онъ вдругъ пугался самого себя, захлопывалъ книгу, возвращался къ себѣ въ комнату и пряталъ Литтрова на самый низъ сундука, подъ солому и яблоки.

Все пережитое и передуманное Іёрнъ складывалъ на дно своей души, и оно лежало тамъ, скрытое отъ чужихъ глазъ, точно грузъ въ глубинѣ темнаго трюма, благодаря которому корабль глубоко сидитъ въ водѣ и получаетъ правильный и увѣренный ходъ.

X.

На слѣдующую весну онъ рѣшилъ, съ благоразуміемъ стараго человѣка, что ему самое умное было добровольно идти отбывать воинскую повинность. Это давало ему право выбирать полкъ, въ которомъ ему хотѣлось служить. Генералъ посмотрѣлъ съ удовольствіемъ и явной благосклонностью на высокаго, широко-

плечаго юношу, стоявшаго передъ нимъ безъ всякой одежды, и добродушно спросилъ:

— Кирасиромъ хочешь быть или канонеромъ?

Іёрнъ немного подумалъ и отвѣчалъ:

— Канонеромъ.

Члены коммиссіи были удивлены.

— Почему такъ?—спросилъ генералъ.

— Это для меня болѣе подходящее дѣло.

— Но почему?—еще разъ спросилъ генералъ.

Іёрнъ сдѣлалъ глубокомысленное лицо и отвѣчалъ:

— Я думаю, что канонеръ проще и нужнѣе для страны.

Генералъ значительно кивнулъ головою и отпустилъ его.

Осенью, по окончаніи жатвы, Іёрнъ явился въ Рендсбургъ. Съ нимъ вмѣстѣ пришелъ его односельчанинъ, Геертъ Дозе, назначенный въ одну съ нимъ батарею.

Рендсбургъ въ то время былъ очень тихимъ городомъ, но еслибъ онъ и былъ похожъ на Гамбургъ или на другой самый прекраснѣйшій городъ въ странѣ, Іёрну, все равно, было мало до него дѣла. Онъ явился на три года, чтобъ учиться тому, чему его будутъ учить, и исполнять, что̀ ему прикажутъ, но душа его осталась въ Улѣ. Впрочемъ, лучшаго солдата для мирнаго времени нельзя было найти: закаленный, умный, послушный. Лейтенантъ Хаксъ, прозванный товарищами „долговязымъ Іоганомъ“, обратилъ особое вниманіе на новаго солдата и однажды, встрѣтясь съ нимъ, спросилъ:

— Уль, отчего вы такъ медленно и тяжело шагаете? Никогда не видалъ такой походки у молодыхъ людей.

Іёрнъ Уль поставилъ на землю ведра съ водой, которыя несъ, и вытянулся, какъ шестъ.

— Я съ дѣтскихъ лѣтъ работалъ тяжелую работу.

— Съ двухъ лѣтъ ходили за плугомъ?

— Да, а земля у насъ трудна для обработки.

— Я самъ изъ вашихъ краевъ,—сказалъ лейтенантъ,—бывалъ и въ Венторфѣ. Кажется, у вашего отца большое хозяйство?

— Точно такъ. Но мнѣ, все-таки, приходится работать.

— Ага, старикъ не работаетъ?

— Никакъ нѣтъ.

— И братья тоже не работаютъ?

— Никакъ нѣтъ.

— У васъ лицо такое... такое озабоченное. Не годится это для молодого человѣка.

— Они эту осень плохо справятся съ пахотой, господинъ лейтенантъ.

Лейтенантъ Хаксъ сдвинулъ брови и ничего ие сказалъ, но съ тѣхъ поръ сталъ относиться къ Іёрну Улю съ уваженіемъ. Доказательствомъ этого уваженія служило то, что онъ больше отъ него требовалъ, чѣмъ отъ другихъ, и давалъ ему самыя трудныя порученія.

Товарищи вначалѣ не любили Іёрна. Его сдержанность они принимали за гордость, да у него и дѣйствительно была извѣстнаго рода крестьянская гордость. Кромѣ того, среди его товарищей по службѣ завелись два молодца, дававшіе очень грубый тонъ всей компаніи, и Іёрнъ держался отъ нихъ въ сторонѣ. Эти молодые люди разыгрывали изъ себя опытныхъ и знающихъ жизнь людей, хвастаясь своими удивительно смѣлыми и циничными похожденіями. Для Іёрна, выросшаго въ деревнѣ, эти разсказы не были новостью. До многаго онъ дошелъ своимъ умомъ и о многомъ догадывался, такъ какъ въ немъ сильно была развита чувственность, но все это таилось въ глубочайшихъ тайникахъ его души, и онъ испытывалъ невыносимую, почти физическую боль, когда товарищи со смѣхомъ обнажали эти святыя тайны природы. Боль еще усиливалась отъ того, что грубые разсказы напоминали ему о его братьяхъ, и ему становилась ясна вся глубина и безнадежность ихъ паденія. Когда онъ слушалъ циничные разсказы, ему казалось, что онъ слушаетъ своихъ братьевъ, и онъ не скрывалъ своего отвращенія и презрѣнія. Однажды это повело къ стычкѣ между нимъ и разсказчиками, но на защиту Іёрна выступилъ его землякъ, Геертъ Дозе, и противники его были побиты. Послѣ этого уже никто не рѣшался вступать съ нимъ въ открытую ссору.

Товарищи не любили вначалѣ Іёрна и за то, что онъ былъ такой старательный и прилежный. Они думали, что онъ хочетъ выслужиться передъ начальствомъ, но скоро убѣдились, что такова была его натура, а узнавъ отъ Геерта Дозе, какъ тяжелы были его дѣтство и юность, стали относиться къ нему съ уваженіемъ. Сужденія его всегда были кратки и опредѣленны.

— Ты не слыхалъ, Уль,—спрашивалъ одинъ изъ товарищей: —молодчикъ-то этотъ, что третій годъ служитъ, дѣвушку бѣлокуренькую,—она еще у доктора въ прислугахъ, — совсѣмъ несчастной сдѣлалъ. Ее съ мѣста прогнали, и она приходила въ нашу квартиру, чтобы съ другомъ поговорить, а онъ сказался больнымъ... ты слышишь, Уль?

— Подлецъ онъ,—отвѣчалъ Іёрнъ:—если погубилъ дѣвушку,

то долженъ и выручить ее. Мы его въ покоѣ не оставимъ, пока онъ не женится.

Іёрнъ велъ самый скромный образъ жизни, и разъ только товарищамъ удалось затащить его на вечеринку. Онъ глядѣлъ, какъ они съ увлеченіемъ отплясывали, и любовался ловко танцовавшими молодыми дѣвушками. Одна изъ нихъ, стройная, высокая и сильная, особенно понравилась ему, и онъ слѣдилъ за нею глазами. Она это замѣтила и, взявъ подъ руку одну изъ подругъ, стала ходить мимо него; но такъ какъ онъ не приглашалъ ее на танцы, то она ушла и стала танцовать съ другими. А онъ отправился въ свою комнату, закурилъ трубку и сѣлъ къ окну, думая о томъ, какъ вернется домой и все тамъ устроитъ. Онъ удивлялся на товарищей, не имѣвшихъ опредѣленной заботы и цѣли. Конечно, хорошо было, что онъ не велъ себя, какъ другіе, но смѣшно въ его годы считать свою молодость умершей и хоронить ее съ видомъ опытнаго старика и праведника. Иногда лучше быть грѣшникомъ, чѣмъ такимъ праведникомъ, и молодость тебѣ отомститъ за себя, Іёрнъ Уль!

Въ послѣднія недѣли отбыванія воинской повинности, Іёрнъ Уль особенно сильно стремился домой, къ своему хозяйству и полямъ, и страстно мечталъ о томъ времени, когда отецъ состарится и начнетъ серьезнѣе относиться къ дѣлу, а братья, наконецъ, образумятся и онъ самъ получитъ бо́льшее вліяніе въ семьѣ. Ему ясно представлялись счастливые вечера послѣ рабочаго дня, которые онъ будетъ проводить въ обществѣ Витенъ и Эльзбе. Но когда онъ, наконецъ, вернулся домой и весело и ласково сказалъ сестрѣ: — Ты все такая же маленькая, только округлилась и очень похорошѣла!—Эльзбе сдѣлала скучающее, почти скорбное лицо. На его разспросы о томъ, какъ она живетъ и что́ дѣлаетъ, — она отвѣчала неохотно, и хотя внѣшностью была похожа на роскошное майское утро, но производила впечатлѣніе человѣка, долго страдавшаго отъ жестокой несправедливости.

Онъ приписалъ перемѣну въ ней долгому одиночеству и высказалъ Витенъ надежду, что сестра повеселѣетъ въ его присутствіи. Витенъ молча кивнула головой, но когда онъ пошелъ изъ кухни, она проводила его долгимъ взглядомъ, не выражавшимъ особеннаго уваженія къ его проницательности.

Черезъ двѣ недѣли по возвращеніи Іёрна домой, Гиннеркъ и Гансъ пригласили къ себѣ молодежь, и вдругъ въ задней ком-

натѣ, гдѣ за скучнымъ разговоромъ сидѣли Витенъ, Іёрнъ и Эльзбе, появился Гарро Гейнзенъ. Онъ отбылъ воинскую повинность уланомъ и истратилъ за это время большую сумму денегъ. Онъ явился, по·его словамъ, чтобы привѣтствовать возвратившагося Юргена, и спросилъ, не пойдетъ ли онъ съ нимъ къ остальной компаніи. Іёрнъ отрицательно покачалъ головой и продолжалъ сидѣть и попыхивать изъ трубки, исчезая въ облакахъ дыма. Гарро Гейнзенъ подсѣлъ къ нему, сталъ болтать и разсказывать о своей службѣ, а Іёрнъ, совершенно расходившійся во взглядахъ съ уланомъ, не отвѣчалъ ему ни слова. Тогда уланъ, часто взглядывавшій своими красивыми глазами на Эльзбе, сталъ просить ее выйти къ товарищамъ, собравшимся у ея старшихъ братьевъ, говоря, что тогда и всѣ сосѣдскія дѣвушки присоединятся къ ихъ компаніи. Эльзбе сидѣла точно каменная, потомъ посмотрѣла на брата, но онъ закусилъ губы и ясно показалъ, что еще слишкомъ юнъ, чтобы быть на высотѣ своего положенія. Молодая дѣвушка, тяжело дыша, скомкала свою работу и послѣдовала за уланомъ. Имъ на встрѣчу раздались шумные голоса уже пришедшихъ молодыхъ дѣвушекъ. Было поздно, и черна и угрюма была ноябрьская ночь.

Іёрнъ большими шагами расхаживалъ по комнатѣ, взглядывая отъ времени до времени на Витенъ, но она низко опустила голову надъ работой и молчала. Онъ ушелъ въ свою комнату и сталъ у окна, глядя въ мракъ. Онъ безмолвно роптalъ на Бога и на весь свѣтъ за то, что все, принадлежавшее къ его дому, падало въ грязь и гибло безвозвратно. А онъ, слабый и ничтожный, долженъ былъ оставаться вѣчнымъ безсловеснымъ работникомъ, какъ говорилъ про него отецъ.

Вдругъ задняя дверь дома распахнулась, въ нее ворвались пьяные голоса, дверь захлопнулась снова, и въ темныхъ сѣняхъ послышались торопливые шаги. Іёрнъ отворилъ дверь своей комнаты, и сестра его почти упала къ нему на грудь, задыхаясь.

— Я отъ него убѣжала,—выговорила она.

— Если ты будешь такъ продолжать, то добромъ это не кончится... съ твоимъ неистовымъ характеромъ, — сказалъ онъ.

— Да съ меня и такъ довольно, — произнесла она и, подойдя къ окну, усѣлась на сундукѣ, совсѣмъ какъ дѣлала это въ дѣтствѣ.

— Послушай, Эльзбе, лѣтъ черезъ десять отъ имущества Гейнзеновъ ничего не останется, и придется имъ ѣхать въ Гамбургъ торговать сѣномъ.

Она соскочила съ сундука и прильнула лицомъ къ окну.

— Мнѣ интересно бы знать, ищетъ ли онъ меня... Отчего ты не ложишься спать? Я сказала ему, что пойду къ тебѣ, но я думала, что ты уже спишь и заперъ свою дверь. А то я побѣжала бы въ амбаръ... а какъ страшно-то было!

— Я не могъ лечь спать,—я все думалъ, что ты тамъ дѣлаешь.

— Что я могу дѣлать?!..

— Прежде ты такъ хорошо относилась ко мнѣ, всегда мною дорожила.

Она взглянула на него мелькомъ.

— Ахъ, милѣйшій мой братецъ, ну, къ чему это все?!—Она засмѣялась.—Странно, что онъ не идетъ... вѣрно, думаетъ, что я побѣжала къ саду... А ты ложись! Спи спокойно!—и она выбѣжала изъ комнаты.

Дождь застучалъ по черному стеклу окна, а за окномъ глухо шумѣли тополя, и вдругъ, сквозь шумъ дождя и деревьевъ, послышался крикъ, точно мартовская птица смущенно попробовала впервые спѣть свою пѣсню. Іёрнъ ясно различилъ голосъ своей сестры, весь задрожалъ, сжалъ кулаки, однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ комнаты и бросился изъ дома. Это не былъ больше робкій мальчикъ, привыкшій за долгіе годы къ покорности и приниженности въ домѣ отца. Въ эту минуту въ немъ впервые проснулся мужчина. Въ темнотѣ подъ ивами онъ нашелъ свою сестру. Она стояла тѣсно обнявшись съ Гарро Гейнзеномъ.

Онъ положилъ руку ей на плечо и произнесъ рѣзкимъ, самоувѣреннымъ голосомъ:

— Иди домой! Я отвѣчаю за тебя.

Она готова была вспылить, но сдержалась и пошла за нимъ. Гарро Гейнзенъ смущенно разсмѣялся имъ вслѣдъ. Іёрнъ привелъ сестру въ свою комнату за руку, какъ дѣлалъ это въ дѣтствѣ, посадилъ ее и сталъ ходить взадъ и впередъ. Проходя мимо, онъ взглядывалъ на нее и ясно видѣлъ ея красоту, изящество и пропорціональность всей ея фигурки, дѣлавшія ее выше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Видѣлъ онъ также въ ея темныхъ глазахъ и во всемъ ея существѣ нескрываемую страсть.

— Что все это значитъ?—проговорилъ онъ наконецъ.

— Надо же мнѣ кого-нибудь любить, — отвѣчала она вызывающе.

— Время терпитъ. Явится другой, который будетъ въ состояніи тебя прокормить.

— Прокормить? А ты объ этомъ думалъ, когда сходился съ

„дѣвушкой изъ Песковъ“? Ты за хлѣбомъ къ ней шелъ?.. Скука какая—цѣлыми годами сидѣть въ этомъ огромномъ, пустомъ домѣ и вѣчно любоваться на зеленыя ивы и пьяныхъ братьевъ! Что же, по твоему, мнѣ здѣсь такъ и прокиснуть?

— Боже сохрани!—воскликнулъ онъ.—Что это за несчастье такое! И ты погибнешь, и я останусь совсѣмъ одинъ.

— Если я сама хочу погибнуть? Воля человѣка—его Божье право. Я не заставлю тебя отвѣчать за меня.

Тогда онъ пришелъ въ ярость и закричалъ, скрежеща зубами:

— Я этого не потерплю! Завтра же отправлю тебя изъ этого дома, а потомъ найду тебѣ мѣсто въ какомъ-нибудь порядочномъ семействѣ, подальше отсюда, чтобы ты и думать забыла о Гарро Гейнзенѣ. Не хочу, чтобы ты стала женою одного изъ здѣшнихъ пьяницъ! Ты должна выйти за человѣка въ моемъ духѣ, умѣющаго и желающаго работать.

— Не хочу! Я хочу его. Лучше одинъ день съ нимъ, чѣмъ десять лѣтъ съ такимъ человѣкомъ, какъ ты.

Она разрыдалась и, уронивъ голову на столъ, выговорила съ громкимъ плачемъ:

— Все это оттого, что у меня нѣтъ матери! Мама, мама! Куда мнѣ дѣться? Что дѣлать? Не знаю, ничего не знаю!..

На другой день, рано утромъ Іёрнъ сѣлъ за письменный столъ отца, чего никогда не дѣлалъ, и, съ трудомъ двигая непривычными пальцами, написалъ слѣдующее:

„Милый Тисъ!

„Сообщаю тебѣ, что сегодня послѣ обѣда привезу къ тебѣ Эльзбе, такъ какъ не хочу, чтобы съ нею здѣсь случилось несчастье. Она должна выйти замужъ за порядочнаго парня, будь онъ хоть простой работникъ. Я бы самъ ее караулилъ, какъ собака, да ночи такія темныя и длинныя, и у меня такой крѣпкій сонъ. А ея время пришло. Ты самъ знаешь, что бываетъ въ хозяйствѣ, когда близится май мѣсяцъ: и въ конюшнѣ, и въ хлѣву все въ безпокойствѣ. Поэтому лучше перевести ее на другое пастбище. Ты можешь помѣстить ее въ твоей комнатѣ. Кровать можно поставить подъ Африкой.

„Юргенъ Уль“.

Когда старомодный экипажъ, возившій еще мать Іёрна, проѣзжалъ съ нимъ и Эльзбе мимо трактира, то Ули и Гейнзены бросили карты и стали подтрунивать и надъ Іёрномъ, и надъ экипажемъ. Клаусъ Уль стоялъ весь красный и, чтобы выйти изъ глупаго положенія, не нашелъ ничего лучшаго, какъ при-

соединиться къ остальнымъ и начать насмѣхаться надъ собственными дѣтьми. Іёрнъ слышалъ все, но не взглянулъ на окна, и только когда они уже проѣхали, сказалъ, обращаясь къ Эльзбе:

— Видѣла? Слышала? Вотъ каковъ нашъ отецъ!

И со злобой онъ выкрикнулъ проклятіе, клянясь—пальцемъ не пошевелить, если когда-нибудь отцу понадобится его помощь.

Это были слова; поступки его впослѣдствіи оказались совсѣмъ другими.

Вскорѣ Іёрнъ сталъ замѣчать, что вокругъ него творилось что-то неладное. Среди Улей замѣчалось безпокойство и тревога, какъ бываетъ передъ надвигающейся грозой. Явился какой-то человѣкъ въ мундирѣ и обошелъ нѣсколько дворовъ. Никто никогда ни этого человѣка, ни такого мундира не видалъ. Нашелся только одинъ всезнайка, объявившій, что это не могъ быть никто другой, какъ судебный слѣдователь.

Въ это же время къ отцу явился старшій сынъ Августъ, съ женою и тремя дѣтьми. Жена его получила образованіе въ пансіонѣ, въ Гамбургѣ, и на ней былъ модный плащъ, обшитый мѣхомъ. Она съ высоты своего величія кивнула головой Іёрну и прослѣдовала въ домъ, а онъ пошелъ работать. Вернувшись съ поля, онъ увидалъ, что братъ стоитъ уже одѣтый въ главной комнатѣ и кричитъ на отца:

— Чему ты насъ выучилъ? Говори! Франтить, сорить деньгами, бѣгать за женщинами. Хорошо это все, да не по твоему карману. Все—одно надувательство: и вѣчный твой смѣхъ, и твой толстый кошелекъ, и серебряная посуда, и торжественныя похороны матери, и ея гробъ съ бархатнымъ покровомъ. Ты и вся твоя пьяная компанія—негодяи и обманщики, а мы, дѣти, несемъ на себѣ вашу вину.

Клаусъ Уль сидѣлъ въ углу дивана, неподвижно глядя передъ собою, и въ первый разъ въ жизни младшій сынъ увидалъ, что отецъ умѣлъ дѣлать серьезное, даже испуганное лицо, что онъ былъ старикъ и видъ у него былъ нездоровый.

— Еслибы мать была жива, — продолжалъ Августъ, — то хоть бы одинъ порядочный человѣкъ былъ въ домѣ. Но мы, глупые мальчишки, презирали мать, а она была ангелъ-хранитель всей семьи. Ты же погубилъ насъ и оставишь нищими.

Онъ повернулся, чтобы уходить, и увидалъ младшаго брата.

— А ты,—произнесъ онъ, съ силой ударивъ его по плечу, —ты—лисица. Въ двадцать-одинъ годъ ты умнѣе, чѣмъ онъ въ шестьдесятъ и чѣмъ мы всѣ. Мы каждую вещь завертывали въ

шолкъ и поливали виномъ, и потому не знали, что у насъ въ рукахъ. А ты видишь вещи такими, какія онѣ есть. Не дѣлай такого смущеннаго лица и помяни меня, ландфогтъ, когда придешь въ царство твое!

И онъ ушелъ изъ отцовскаго дома.

XI.

Іернъ Уль былъ вдвойнѣ одинокъ. Онъ былъ одинокъ, во-первыхъ, потому, что его отецъ, братья, всѣ его близкіе и дальніе шли по совершенно иному пути, чѣмъ онъ самъ. И еще одинокъ онъ былъ потому, что душа его представляла собой чертогъ, убранный къ празднеству, или церковь. Пустынно и тихо было въ этомъ чертогѣ и не совершалось еще богослуженія въ церкви, но онъ мечталъ, что когда-нибудь тамъ наступитъ время великаго праздника.

Однажды, въ послѣобѣденное время, всѣ его домашніе уѣхали на ярмарку. Въ домѣ осталась одна только Витенъ. Она сидѣла въ своей комнатѣ и шила. Когда же стемнѣло и наступилъ вечеръ, Іёрнъ прошелъ черезъ высокія и просторныя сѣни по половицамъ, точно прикрытымъ ковромъ, сотканнымъ луннымъ сіяніемъ, и вышелъ во дворъ. Почти полный мѣсяцъ во всемъ своемъ царственномъ великолѣпіи смотрѣлъ съ неба на землю, заливая свѣтомъ черныя поля и дубовый лѣсокъ около Золотого Родника.

Іёрнъ Уль стоялъ и смотрѣлъ на мѣсяцъ; по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ, его вялыя мысли стали приподниматься, крѣпли и обострялись.

— Mare nubium,—тихо произнесъ онъ, и въ его лицѣ промелькнуло что-то лукавое, точно онъ послѣ долгой разлуки встрѣтился, наконецъ, съ другомъ и собирается покаяться ему во всѣхъ своихъ юношескихъ заблужденіяхъ. Потомъ, точно вспомнивъ о чемъ-то, онъ опять черезъ сѣни прошелъ въ свою комнату и вытащилъ изъ сундука подзорную трубу. Онъ случайно и очень дешево купилъ ее въ Рендсбургѣ во время отбыванія воинской повинности, но еще ни разу не пользовался ею. Онъ опять вышелъ во дворъ и направилъ трубу на луну. Онъ стоялъ въ своей синей короткой куртѣ и смотрѣлъ на мѣсяцъ, и добрые духи дома Улей радовались, глядя на него, и шептали:

— Какое счастье! Вотъ опять его сердце открылось для любви!

Іёрнъ Уль вглядывался въ мѣсяцъ, различалъ на немъ моря

и горы, и радовался, что еще помнитъ ихъ названія. Онъ въ первый разъ разсматривалъ мѣсяцъ въ подзорную трубу, въ первый разъ удавалось ему видѣть совсѣмъ ясно очертанія кратеровъ, тѣхъ самыхъ кратеровъ, о которыхъ говорилось въ старой книгѣ, лежавшей на днѣ его сундука. Онъ стоялъ, смотрѣлъ на небо и думалъ, между прочимъ о томъ, до какой степени онъ не похожъ на другихъ молодыхъ людей, которые теперь веселятся на ярмаркѣ и бѣгаютъ за дѣвушками. Онъ гордился, что непричастенъ къ этой страстной, мятежной жизни, а между тѣмъ повсюду вокругъ него эта жизнь кипѣла и торжествовала, и въ воздухѣ, и въ деревьяхъ, и на склонахъ полей,—только онъ не видѣлъ и не слышалъ ея. Не зналъ онъ также, что въ эту самую ночь Гарро Гейнзенъ увезъ съ ярмарки Эльзбе Уль въ своей повозкѣ, запряженной сытой и гладкой гнѣдой лошадью. Они ѣхали полями по дорогѣ къ Золотому Роднику, и у самыхъ дубовъ Гарро Гейнзенъ сказалъ Эльзбе:

— Не остановиться ли намъ и не поискать ли зарытый здѣсь кладъ?

— Хорошо, если хочешь,—отвѣтила дѣвушка и соскочила съ повозки прямо въ его протянутыя руки.

И Гарро Гейнзенъ крѣпко обхватилъ маленькое покорное созданіе и понесъ его по тропинкѣ внизъ въ ложбину, подъ дубами. И здѣсь около „Золотого Родника“, среди зеленой травы, она отдалась ему.

Пришла зима, за зимой прошла весна и наступило лѣто. Іёрнъ Уль работалъ по прежнему и поджидалъ удара, который неминуемо долженъ былъ разразиться надъ ихъ семьею. Но, прогивъ ожиданія, не случилось ничего особеннаго, и по виду въ семьѣ Улей все обстояло вполнѣ благополучно. Ударъ настигъ одного Іёрна совершенно неожиданно и совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ онъ ждалъ.

Уже съ іюля къ нимъ въ деревню стали долетать какіе-то неясные, но тревожные слухи о близкой войнѣ. Люди встрепенулись, насторожились и стали жадно прислушиваться къ гулу надвигавшейся грозы.

Однажды, во время уборки сѣна, Іернъ проснулся еще раньше, чѣмъ обыкновенно. Вся его комната была залита луннымъ свѣтомъ.

„Будить другихъ еще рано, — подумалъ онъ,—но самъ я встану, чтобы посмотрѣть на мѣсяцъ“.

Онъ цѣлую зиму прилежно изучалъ Литтрова и даже про-

бовалъ самъ составить карту небесныхъ свѣтилъ. Эти занятія нѣсколько удовлетворяли его стремленіе къ наукѣ и наполняли радостью его душу.

Съ подзорной трубой въ рукахъ онъ прошелъ сѣни и хотѣлъ уже выйти во дворъ, какъ въ самыхъ дверяхъ столкнулся съ приказнымъ служителемъ въ синемъ сюртукѣ, съ блестящими пуговицами.

— Не думалъ я, Іёрнъ, что ты уже всталъ,—съ изумленіемъ сказалъ старикъ. — Вотъ тутъ у меня двѣ бумаги. Тебѣ одна, а другая Геерту. Оба вы завтра же къ десяти часамъ утра уже должны быть въ Рендсбургѣ на мобилизаціи. Однако, мнѣ нужно поторапливаться. Будь здоровъ, Іёрнъ!

— Такъ вотъ оно что̀! — вырвалось невольное восклицаніе у Іерна. Онъ отправился къ себѣ въ комнату, уложилъ подзорную трубу въ сундукъ и самъ сѣлъ на него.

„Да, это должно было случиться,—думалъ онъ.—У насъ съ этими французами давнишняя вражда... Скоро со всѣмъ этимъ не покончишь, и дѣло навѣрное затянется... Дома останется Гансъ, Гиннеркъ уйдетъ со мной. Кто изъ насъ вернется назадъ, и вернется ли—это неизвѣстно. И какъ это все здѣсь будетъ? Гансъ... отецъ... Эльзбе... Мнѣ непремѣнно нужно повидать Тиса. Нужно будетъ взять Яспера Крея старшимъ надъ рабочими. Многаго отъ него ждать нечего, но зато у него ужъ ничего не пропадетъ. А гдѣ-то теперь Фите Крей?... Ежели эти французы не хотятъ насъ оставить въ покоѣ, понятно, намъ слѣдуетъ побить ихъ. Побьемъ мы ихъ, и опять станемъ работать на своихъ поляхъ. А все-таки это можетъ затянуться на цѣлый годъ, пожалуй и дольше... Ясперъ Крей — это единственный человѣкъ, которому я хоть сколько-нибудь вѣрю. Вся бѣда собственно въ томъ, что у меня есть и отецъ, и братья, а мнѣ нужно просить чужихъ позаботиться о нашемъ же добрѣ“.

Онъ всталъ съ сундука, оглядѣлъ комнату и затѣмъ отправился будить всѣхъ въ домѣ:

— Вставайте!—говорилъ онъ.—На сегодня намъ много работы. Меня и Геерта требуютъ въ ополченіе.

Около шести часовъ вечера Іёрнъ и Геертъ, спускаясь по лѣсной дорогѣ къ дому Тиса Тиссена, увидѣли его самого выходящимъ изъ дома съ тяжелымъ мѣшкомъ за плечами. Тисъ Тиссенъ, выйдя изъ дома, направился въ противоположную отъ нихъ сторону по дорогѣ въ деревню. Онъ шелъ и поминутно

оглядывался назадъ. Іёрнъ и Геертъ оба принялись кричать ему. Услышавъ ихъ, онъ остановился, узналъ Іёрна, безнадежно покачалъ головой и слезы выступили у него на глазахъ.

— Іёрнъ, Іёрнъ, я долженъ сообщить тебѣ нѣчто ужасное!— крикнулъ онъ ему еще издали.—Вѣдь ужъ четырнадцать дней какъ Эльзбе здѣсь нѣтъ. Она уѣхала въ Гамбургъ съ Гарро Гейнзеномъ. Я не рѣшился тебѣ написать объ этомъ. А теперь вотъ я получилъ еще отъ нея письмо. Она собирается ѣхать съ нимъ въ Америку. Я знаю, что она боится Америки, Іёрнъ. Она прощается въ письмѣ со всѣми нами,—особенно съ тобой, Іёрнъ.

Іёрнъ смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на Тиса Тиссена.

— Дай мнѣ письмо!—наконецъ произнесъ онъ.

Тисъ Тиссенъ сбросилъ на землю мѣшокъ, вытеръ свое разгоряченное лицо и сталъ искать письмо, постоянно оборачиваясь на свой домъ.

— Куда это ты собрался со всей этой поклажей?

— Ахъ, и не спрашивай, Іёрнъ!—простоналъ Тисъ:—я рѣшилъ пробраться въ Гамбургъ; ну, а если не застану ее тамъ, то поѣду въ Америку.

Геертъ Дозе ощупалъ мѣшокъ Тиса.

— Здѣсь два хорошихъ свиныхъ окорока, два куска сала и свиная голова,—объявилъ онъ.

— Да, это все для дороги,—жалобно проговорилъ Тисъ.

Іёрнъ между тѣмъ прочелъ письмо и, не говоря ни слова, смотрѣлъ на Тиса.

— Изъ ихъ письма видно, что они уже уѣхали изъ Гамбурга,—наконецъ сказалъ онъ.—Но вѣдь даже если ты и застанешь ихъ въ Гамбургѣ, тебѣ незачѣмъ ѣхать съ ними въ Америку.

— Она должна его бросить, должна вернуться ко мнѣ, и никто никогда не посмѣетъ сказать о ней ни единаго дурного слова!

— Ты вѣдь еще ничего не знаешь,—у насъ война съ французами, и насъ требуютъ въ ополченіе.

— Царь Небесный!—воскликнулъ Тисъ.—И это еще! Одно несчастіе за другимъ.

— Да и намъ нужно спѣшить,—у насъ совсѣмъ нѣтъ времени разговаривать,—сказалъ Іёрнъ.

Онъ еще не вполнѣ понималъ весь смыслъ случившагося. Ему казалось такимъ страннымъ, что маленькая Эльзбе уѣхала

куда-то далеко съ этимъ большимъ и грубымъ Гарро Гейнзеномъ. И вдругъ ему въ голову пришла мысль:

— Весьма возможно, что корабль задержался, благодаря войнѣ. Если ты застанешь ее, сдѣлай что̀ хочешь, но вернись съ ней домой,—сказалъ онъ Тису.

— Ты думаешь, что это удастся?—спросилъ Тисъ.

Онъ смотрѣлъ на свой домъ и всхлипывалъ. Слезы катились по его худымъ щекамъ.

— Не горюй такъ!—сказалъ Іёрнъ.—Вспомни, что ты всегда мечталъ о путешествіяхъ; вспомни, какъ тебѣ хотѣлось побывать въ Гамбургѣ. Вѣдь не сидѣть же тебѣ цѣлую жизнь на своемъ болотѣ.

— Да, да. Оно, конечно, такъ,—отвѣтилъ Тисъ, не отрывая взгляда отъ своей соломенной крыши. — И все-таки это очень горько.

— Да что̀ же это съ тобой, Тисъ!—воскликнулъ Іёрнъ, чувствуя, что въ душу его закрадывается подозрѣніе.

Въ это время они какъ разъ взобрались на холмъ, съ котораго въ послѣдній разъ еще можно было видѣть домъ Тиса Тиссена.

— Не знаю я, что̀ со мной,—заливаясь слезами, сказалъ Тисъ,—но мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело!

— Такъ вотъ ты каковъ, Тисъ!—воскликнулъ Іёрнъ.—Только теперь я вижу, чего стоятъ всѣ твои планы, всѣ мечты о далекихъ путешествіяхъ. И эта Японія, и Бразилія, и всѣ твои изобрѣтенія... У тебя просто тоска по родинѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я иду съ вами.—И онъ пошелъ, шатаясь, какъ пьяный.

— Вернись, Тисъ! Ты съ этимъ не справишься.

— Я потерялъ сонъ,—жаловался маленькій человѣкъ.—Я видѣлъ во снѣ, что она несчастна. Мнѣ необходимо идти за ней, но я не могу оставить свой домъ.

— Ну, это плохо, если Тисъ лишился сна,—сказалъ Геертъ Дозе.—Боюсь я, что онъ перестанетъ и ѣсть. Пропадетъ тогда его чудесная ветчина.

— Мнѣ нужно идти. Не мучьте меня больше. Я иду.

— Ну, и отправляйся. Намъ вѣдь тоже некогда.

На перекресткѣ они всѣ остановились, и Іёрнъ съ Геертомъ попрощались съ Тисомъ.

— Ужъ очень тяжелый у него мѣшокъ,—сказалъ Геертъ Іёрну, когда они оба остановились на дорогѣ, слѣдя за удаляющимся Тисомъ.—Видишь, какъ его шатаетъ!

— Это онъ отъ горя шатается,—сказалъ Іёрнъ.

— Смотри, смотри, онъ карабкается на пригорокъ. Это ему не по пути, но онъ хочетъ взглянуть оттуда еще разъ на свой домъ,—закричалъ Геертъ.—Подожди-ка меня, Іёрнъ. Я вернусь мигомъ. Ему тяжело съ мѣшкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Геертъ дѣйствительно вернулся съ двумя кусками сала въ рукахъ.

— Не знаю, право, пойдетъ ли Тисъ дальше, — сказалъ опъ.—Что у насъ два славныхъ куска сала—это вѣрно, ну а остальное все очень сомнительно.

XII.

Четыре дня тому назадъ, Франція объявила войну.

Ефрейторъ Ломанъ прискакалъ въ лагерь съ депешей къ командиру, и черезъ минуту всѣ батареи знали, что выступаютъ на французовъ.

Гансъ Ломанъ, братъ ефрейтора, состоявшій при тяжеломъ орудіи № 2, ходилъ цѣлыхъ четыре недѣли молчаливый и мрачный. Только на третій день послѣ Гравелотта на душѣ у него прояснилось. Его смущали и мучили три вопроса: во-первыхъ,—почему сразу не приступали къ сраженію; во-вторыхъ, почему сейчасъ же не показались французы, и въ-третьихъ, какъ могло случиться, что міръ былъ такъ страшно великъ. Къ недоразумѣнію географическому прибавилось еще недоумѣніе по поводу словъ начальника, говорившаго солдатамъ о старомъ правѣ, любви къ отечеству и большихъ надеждахъ. Гансъ Ломанъ ничего не понялъ. Изъ недоумѣнія вывелъ его ефрейторъ Линдеманъ, объяснившій ему, что французы оскорбили стараго короля.

— Они вотъ что сдѣлали, Ломанъ,—сказалъ ефрейторъ, и поднялъ руку, какъ бы для удара.

— А сколько ему лѣтъ?—спросилъ Ломанъ.

— Да за семьдесятъ перевалило.

Тогда для Ломана все стало ясно.

— Ужъ если они старика по лицу бьютъ, то, конечно, мы имѣемъ право задать имъ потасовку.

Изъ этого видно, что у Ломана второго не все было приведено въ ясность; зато для капитана Глейзера все было ясно вполнѣ. За послѣднюю недѣлю онъ работалъ съ утра до ночи, муштруя людей и лошадей, и все ему было не довольно, и все

онъ увѣрялъ, что у него, капитана Глейзера, великолѣпнѣйшаго офицера его величества, какъ онъ самъ себя называлъ, батарея была хуже всѣхъ. Во время ученья одна лошадь задурила, сорвалась съ привязи, взвилась на дыбы и стала вытанцовывать польку на заднихъ ногахъ.

— Да укротите же этого звѣря!—закричалъ капитанъ.

Объѣздчикъ однимъ прыжкомъ вскочилъ на лошадь, но черезъ мгновеніе уже лежалъ сброшенный на землѣ.

— Провалиться тебѣ на этомъ мѣстѣ! Ефрейторъ Юргенсъ! Садись ты! И съ этими молодцами идти во Францію?!.. Это немыслимо! Я пойду одинъ!

Ефрейторъ Юргенсъ очутился въ ямѣ, вырытой при паденіи объѣздчикомъ. Капитанъ Глейзеръ осмотрѣлся, собираясь самъ вскочить на лошадь и показать этимъ тремъ стамъ ничтожествамъ, что въ состояніи сдѣлать капитанъ Глейзеръ. Въ числѣ резервистовъ, стоявшихъ еще въ своемъ собственномъ платьѣ, капитанъ увидалъ одного человѣка въ старой синей одеждѣ съ новой заплатой на колѣнѣ. Въ его высокой, широкоплечей фигурѣ и гордомъ тонкомъ лицѣ чувствовалась породистость, которой могъ бы позавидовалъ любой аристократъ. Въ рукахъ онъ держалъ небольшой сундучокъ.

— Ефрейторъ Уль! —воскликнулъ капитанъ.

Іёрнъ выступилъ впередъ.

— Походка у васъ не сдѣлалась легче за это время, но все равно, можетъ быть, вы съумѣете справиться съ этимъ чортомъ... Садитесь!

Ефрейторъ Уль осторожно поставилъ сундучокъ на землю и вдругъ весь преобразился. Увѣреннымъ движеніемъ положилъ онъ руку на шею лошади, глаза его засверкали, и черезъ мгновеніе онъ ужъ сидѣлъ верхомъ, а лошадь прыгала, становилась на дыбы, вся дрожала, встряхивала сѣдока, стараясь сбросить его, и наконецъ исчезла вмѣстѣ съ нимъ въ облакѣ пыли. Черезъ нѣсколько минутъ Іёрнъ вернулся къ ожидавшимъ его на усмиренной лошади.

— Уль!—воскликнулъ Глейзеръ:—вы на этой лошади и поѣдете, и я назначаю васъ къ шестому орудію.

Такимъ образомъ Іёрнъ Уль отправился въ походъ унтеръ-офицеромъ.

Черезъ восемь дней они шли подъ проливнымъ дождемъ по тополевой аллеѣ, гдѣ за шесть дней до нихъ прошли форсированнымъ маршемъ другіе отряды. Всѣ устали и были подавлены.

Проѣхалъ старый генералъ и увидалъ, что налѣво отъ де-

ревьевъ хоронятъ при звукѣ трубъ офицера. Онъ подъѣхалъ и спросилъ:

— Кого это вы хороните?

— Нашего капитана.

— Дайте мнѣ еще разъ взглянуть на него!—произнесъ старикъ:—вѣдь это мой сынъ.

Потомъ, въ сопровожденіи адъютанта, онъ проѣхалъ мимо батарей, двигавшихся подъ дождемъ. Онъ не былъ интересенъ на лошади: слишкомъ коротокъ и толстъ. Всѣ смотрѣли ему вслѣдъ и шли дальше. Ужасная была погода.

— Погляди-ка, малый, три мертвыхъ лошади! Вотъ раздуло-то ихъ!

— А сюда, глянь-ка, что̀ это за длинныя грядки накопаны? И сабли воткнуты въ нихъ... Чудно̀ что-то!

— Иль ты не видишь? Да это свѣжія могилы.

Ужасная погода. Какъ дождь хлещетъ по деревьямъ! Орудія стучатъ и гремятъ по мокрой землѣ. Могилы. Все могилы. Съ тополей содрана кора, и сломанныя вѣтви обнажаютъ свои размозженныя кости.

— Мы никогда не доберемся до непріятеля... Мы, шлезвигъ-голштинцы? Насъ только для парада захватили съ собою.

Ночью они расположились бивуакомъ на возвышенностяхъ. Было сыро и пронизывалъ вѣтеръ. Тамъ стояло четырнадцать оставленныхъ французами повозокъ, и они побросали ихъ въ костры. Всѣ были угнетены, хотя многіе громко смѣялись и разговаривали. Утромъ двинулись дальше. Было утомительно это вѣчное: „дальше, дальше“! Всѣ мечтали скорѣе напасть на врага, побить его и вернуться домой.

— Кто станетъ пахать и сѣять? Скоро осень. Отцу одному не справиться со всѣмъ. А мать? А невѣста?—Дальше, дальше!

Сначала ихъ батарея шла одна, потомъ къ ней начали присоединяться другія, образовался цѣлый полкъ, цѣлый корпусъ, цѣлый народъ.

Они стояли на возвышенности. Капитанъ Глейзеръ остановился возлѣ Іёрна Уля. Мимо нихъ проходили полки за полками, пушки, всадники, повозки, непрерывно, безконечно.

— Ну, что̀ скажете?—спросилъ Глейзеръ, оборачиваясь.

Іёрнъ Уль пристально смотрѣлъ впередъ и ничего не отвѣтилъ.

— Эхъ, вы, мужичье! Отечество, Германія, освобождается отъ бѣды!—И онъ круто повернулъ лошадь.

А Іёрнъ Уль посмотрѣлъ еще разъ на всѣхъ этихъ прохо-

дившихъ и стремившихся къ одной цѣли людей и почувствовалъ величіе того, что̀ передъ нимъ совершалось.

На слѣдующую ночь они переправлялись при свѣтѣ факеловъ черезъ рѣку, и скоро услышали вдали пушечную пальбу. Всѣми овладѣло безпокойство. Тревожное чувство все росло. Разсвѣло, и снова они увидали свѣжія могилы, на этотъ разъ при свѣтѣ солнца.

— Какая хорошая погода... и хорошо также, что насъ оставляли въ резервѣ. Мы вѣдь новобранцы, во фронтъ не годимся. И отлично... а все-таки жаль... Нѣтъ... все-таки хорошо. Я еще молодъ, хочется пожить, хоть десять лѣтъ, а тамъ пускай убиваютъ.

Солнечно и тихо, только вдали грохочутъ пушки.

— Намъ и пороха не удастся понюхать, а толстомордые пруссаки будутъ хвастать своимъ геройствомъ за кружкой пива, а намъ придется молчать... Что это, глянь-ка, огонь?

— Огонь.

— Такъ близко стрѣляютъ?..

Капитанъ Глейзеръ стоитъ передъ своей батареей и видитъ каждаго солдата. Дѣло становится серьезнымъ.

— Батарея, въ галопъ!..

Капитанъ Глейзеръ пропустилъ свои шесть орудій, пришпорилъ свою высокую, красивую лошадь, и снова очутился впереди всѣхъ. На встрѣчу имъ мчится маіоръ... должно быть, его послали отдать приказаніе... Онъ ловко сидитъ на лошади, даже безъ головы... Какъ страшно смотрѣть на него... наконецъ онъ падаетъ на землю. Лошадь помчалась дальше. Передъ Іёрномъ Улемъ промелькнула фигура полковника. Весь бокъ у него мокрый и красный отъ крови.

— Впередъ! — И они мчатся къ непріятельскому лагерю. Въ головѣ нѣтъ больше мыслей. Мелькаютъ бѣлыя палатки.... Люди бѣгутъ, бросаются то туда, то сюда, стоятъ въ дыму. Въ воздухѣ шипятъ и свистятъ гранаты. Іёрнъ Уль поднимаетъ голову и глядитъ на лейтенанта Хакса, отдававшаго приказаніе, но понять ничего нельзя среди стука, гвалта, звона и грома. Впрочемъ онъ и такъ знаетъ свое дѣло.

— Орудіе впередъ! Орудіе впередъ!—Щелканье и трескъ сливаются въ мелодію. Лейтенантъ Хаксъ переходитъ отъ орудія къ орудію совсѣмъ какъ на ученьѣ. Передъ нимъ останавливается на вытяжку солдатъ. Со спины его по ногѣ стекаетъ кровь, образуя широкую лампасу, какъ будто онъ генералъ.

— Можешь уйти.

Солдатъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и кубаремъ катится на землю. Чей-то голосъ произноситъ:

— Погляди-ка, это—Геертъ Дозе!

Лейтенантъ Хаксъ останавливается, какъ бы прислушиваясь къ командѣ.

— Уль!

— Господинъ лейтенантъ!

— Посмотрите-ка, я раненъ въ спину?—онъ оборачивается.

— Ничего не видно.

— Раны нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ ничего еще...

Нумеръ второй при орудіи спотыкается и падаетъ навзничь, закрывъ лицо руками, какъ будто увидалъ что-то ужасное. Однимъ прыжкомъ Іёрнъ становится на его мѣсто. Возлѣ него—Ломанъ второй. Нумеръ пятый раненъ въ ногу. Онъ стонетъ, прихрамывая, и кладетъ къ ногамъ Іёрна новый запасъ гранатъ. Осталось три лошади и три человѣка у орудій; остальные убиты. Они заряжаютъ и стрѣляютъ, заряжаютъ и стрѣляютъ, въ изнеможеніи, обливаясь потомъ, безъ мысли, безъ сознанія, а кругомъ—ревъ, свистъ, жужжанье, хлопанье, стоны.

— Гранатъ больше нѣтъ!..—Они останавливаются въ оцѣпенѣніи, не зная, что дѣлать. Съ трудомъ передвигая ноги, подходитъ къ Ломану лейтенантъ Хаксъ.

— Все еще не видно раны?

— Видно, господинъ лейтенантъ, и кровь течетъ.

— Стоять больше не могу, а уйти не хочу. Не хочу.—Онъ презрительно сплевываетъ. Къ нимъ подлетаетъ штабъ-офицеръ.

— Почему вы не стрѣляете?

— Гранатъ больше нѣтъ.

— Проклятіе! Тогда стрѣляйте пушечными патронами!

И они снова стали заряжать и стрѣлять.

Молоденькій лейтенантъ стоитъ сзади и ободряетъ ихъ громкимъ голосомъ:

— Хорошо, унтеръ-офицеръ! Очень хорошо!.. Товарищъ!—Онъ кланяется Хаксу, который сидитъ на землѣ, опершись спиной о колесо лафета. Но Хаксъ не видитъ его. Онъ глядитъ полузакрытыми глазами, презрительно выставивъ нижнюю губу, въ сторону непріятеля.

Налѣво отъ нихъ орудія смолкаютъ. Что это значитъ?

— Стрѣляйте же, братцы!—Ряды людей рѣдѣютъ. Остаются только отдѣльныя фигуры на большомъ разстояніи другъ отъ

друга. Лейтенантъ Хаксъ снова поднимается, хочетъ командовать, шатается и падаетъ плашмя на землю. Двое или трое человѣкъ бѣгутъ отъ разбитой батареи. Одинъ на бѣгу падаетъ, какъ падаютъ дѣти, хватается за колесо и начинаетъ повторять прошенія молитвы Господней. Четвертое прошеніе онъ произноситъ дважды. Онъ—сынъ бѣдныхъ родителей.

Изъ лѣса показывается нѣмецкая пѣхота. Иные стоятъ, другіе ложатся на землю и стрѣляютъ въ осаждающихъ, ревущихъ и воющихъ враговъ. Одинъ фузильёръ, ловкій и сильный малый, съ круглой рыжей головой, подскочилъ къ Іёрну и сталъ стрѣлять, потомъ, доставая новый патронъ, поднялъ голову.

— Іёрнъ Уль! Старина!.. all right, Іёрнъ!

Іёрнъ продолжалъ заряжать орудіе и даже не удивился. Почему же и не быть рядомъ съ нимъ Фите Крею?

— Твоя стрѣльба ни къ чему. Все равно сейчасъ все кончится!—И въ самомъ дѣлѣ все было кончено. Вдали замолкали послѣдніе выстрѣлы. Наступилъ вечеръ.

Тихо на опушкѣ лѣса, и среди этой тишины отъ времени до времени изъ канавъ и изъ-за кустовъ раздаются стоны:

— Помогите... О!.. помогите же!

А съ высотъ:

— Je prie... ma mère... pitié!—и снова все смолкаетъ.

У орудія сидѣли люди изъ батареи, оставшіеся въ живыхъ.

— Охъ, дайте хоть глотокъ воды!—произнесъ молоденькій лейтенантъ.—Я далъ свою фляжку долговязому Іоганну, и онъ все залпомъ выпилъ.—Обыкновенно онъ говорилъ при подчиненныхъ: „господинъ лейтенантъ Хаксъ“, но въ эту минуту не могъ назвать его иначе, какъ „долговязымъ Іоганномъ“.

— Вы видите, господинъ лейтенантъ?—сказалъ Фите Крей: —вонъ, идетъ человѣкъ изъ непріятельскаго лагеря!—Къ нимъ подходилъ, прихрамывая, солдатъ въ широкихъ красныхъ панталонахъ и короткой синей куртке. Онъ привязалъ къ своей раздробленной берцовой кости тесакъ, вмѣсто лубка, затянувъ его портупеей, но нога соскользнула въ сторону, и онъ громко закричалъ отъ боли.

Фите Крей помогъ ему сѣсть на землю.

— Я французъ,—проговорилъ раненый.—О, о-о!..

— Сиди смирно и не квакай!—возразилъ Фите Крей и, вытащивъ изъ кармана кусокъ каната, выпрямилъ и перевязалъ раздробленную ногу.

Только тутъ Іёрнъ Уль пришелъ немного въ себя.

— Слушай-ка!—произнесъ и онъ:—какимъ образомъ ты попалъ сюда?

— Я пріѣхалъ въ Гамбургъ какъ разъ въ то время, какъ была объявлена война. О, моя ферма! Она недалеко отъ Чикаго, Іёрнъ! И жена моя... а какія двѣ чудныя кобылы у меня, еслибъ ты видѣлъ!.. Замолчи, французъ, нечего стонать: больше я ничего не могу для тебя сдѣлать.

Они помолчали, и молоденькій лейтенантъ сталъ разсказывать о своемъ кузенѣ, убитомъ сегодня, о своей сестрѣ, невѣстѣ убитаго, которой ему придется сообщать о смерти жениха, и о своей собственной невѣстѣ.

— Мы обручились передъ разлукой,—сказалъ онъ,—давно это было.

— Да,—подтвердилъ Іёрнъ,—давно это было.

— Недѣли три тому назадъ, я думаю, не больше,—замѣтилъ Фите Крей.

— Три недѣли?.. Не можетъ быть.

— Мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, семь лѣтъ!

Длинный путь, трудный походъ и этотъ ужасный день такъ расширили и увеличили все въ ихъ мозгу, что все, лежавшее внѣ послѣднихъ событій, отодвинулось въ туманную голубую даль.

На другое утро Іёрна послали справиться о раненыхъ. Онъ, послѣ долгаго исканія, нашелъ лейтенанта Хакса. Умирающій лежалъ на своемъ плащѣ въ сильномъ жару.

— Моя мать только-что была здѣсь,—заговорилъ онъ.— Она сказала, что я не долженъ такъ бѣгать, чтобы не быть въ испаринѣ. „Ахъ, ты, неистовый мальчикъ!“—сказала она и слегка ударила меня по щекѣ. Она всегда это дѣлаетъ, шутя, когда я слишкомъ много бѣгаю... Ахъ, это вы, Уль... Тяжелый этотъ былъ день, и, кажется, со мною все покончено.

— Господинъ лейтенантъ... вамъ совсѣмъ не такъ плохо...

— Такъ жарко, дышать нельзя, особенно когда приходится все бѣжать. А вы почему не бѣжите? Вы—такой неповоротливый и спокойный... Ахъ, знаю: это отъ привычки пахать. Когда вернусь домой, тоже стану пахать, чтобы сдѣлаться такимъ же неповоротливымъ, какъ унтеръ-офицеръ при шестомъ орудіи... какъ его зовутъ?

— Уль.

— Тогда все будетъ отлично, и я выстрою новый домъ для

житья... Къ орудію!.. Дозе, что вы стоите и усмѣхаетесь?.. ничто не поможетъ... Французы молодцы и добудутъ себѣ желѣзный крестъ, а мы добудемъ могильные кресты...

— Какой будетъ приказъ по батареѣ, господинъ лейтенантъ?

— Прикажите, чтобы они не стрѣляли мнѣ прямо въ глаза...

Только на третій день удалось Іёрну отыскать среди тысячи раненыхъ Геерта Дозе.

Онъ лежалъ спокойно, и глазами привѣтствовалъ товарища.

— Не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь тебѣ, Геертъ?

— Нѣтъ, Іёрнъ, все равно помирать. Еще удивительно, какъ я до сихъ поръ живу.

— Можетъ быть, я могъ бы что-нибудь для тебя сдѣлать?.. Очень больно?

— Спина ужъ не болитъ, ея нѣтъ, а вотъ въ груди до самой шеи... ну, да все равно. Хотѣлось бы мнѣ теперь быть у отца съ матерью... Мать всегда по субботамъ давала чистую рубаху, а тутъ въ грязной приходится лежать... ужъ больно воняетъ, Іёрнъ.

— Моя рубашка не особенно тонкая, но все-таки лучше твоей.—Іёрнъ сбросилъ мундиръ, снялъ съ себя рубаху и обхватилъ раненаго за плечи.

Геертъ Дозе громко вскрикнулъ, голова его откачнулась. Онъ былъ мертвъ. Іёрнъ Уль стоялъ по колѣни въ окровавленной соломѣ. Онъ смотрѣлъ на умершаго и на лежавшаго съ нимъ рядомъ раненаго, который задыхался, вытаращивъ глаза и откинувъ назадъ голову. И страшно стало Іёрну отъ человѣческаго страданія.

Вернувшись къ себѣ, онъ узналъ, что Вильгельмъ Ломанъ напился пьянъ и былъ на два часа привязанъ къ колесу орудія, но въ утѣшеніе его обнадежили, что онъ получитъ крестъ за то, что во время битвы велъ себя спокойно, какъ на ученьѣ.

Вотъ въ какомъ видѣ представлялся день гравелоттскаго сраженія обитателямъ Венторфа.

Началась лагерная стоянка подъ Мецомъ. Мокрая солома, тяжелый воздухъ! Многіе солдаты заболѣвали и выписывались домой. Іёрнъ Уль былъ здоровъ, исполнялъ свое дѣло и думалъ объ Улѣ, гдѣ, вѣроятно, началась жатва.

Наступило самое тяжелое время войны: длинные переходы съ мѣста на мѣсто въ теченіе всей зимы, и при этомъ всевозможныя лишенія: сегодня нѣтъ воды, завтра хлѣба не хватило,

дровъ нѣтъ, ночлега, рубахи. И каждый день раздавались приказанія по адресу французскихъ крестьянъ:

— Вонъ тамъ, подъ орѣховымъ деревомъ! Вырой могилу, paysan! C'est mon bon camarade, cochon!

А Іёрнъ Уль думалъ:

„Когда подойдетъ время пахать, я буду въ Улѣ".

Въ началѣ февраля, дождливымъ вечеромъ, въ одномъ маленькомъ городишкѣ унтеръ-офицеръ Уль не явился на перекличку. На другое утро его нашли въ сосѣдней улицѣ въ канавѣ. Онъ былъ въ жару и бредилъ. Патруль подобралъ его и принесъ въ лазаретъ. У него сдѣлался тифъ.

XIII.

Благодаря счастливой случайности, Фите Крей уже въ мартѣ былъ совершенно свободенъ. Какъ разъ въ это время Іёрнъ Уль поправился настолько, что выписался изъ лазарета, и они вмѣстѣ отправились въ Гамбургъ.

Іёрнъ Уль, высокій, худой и еще немного вялый послѣ недавней болѣзни, и Фите Крей, подвижной и юркій, съ живыми, бѣгающими глазами, вдвоемъ бродили по улицамъ Гамбурга, отыскивая комнату для ночлега. Оба они были въ поношенной солдатской формѣ, которую имъ позволили взять на родину. И въ то время, какъ они шли по улицѣ, Іёрнъ—уставившись въ землю, а Фите Крей—глазѣя по сторонамъ, имъ на встрѣчу попалась высокая, румяная, бѣлокурая дѣвушка, съ книжкой въ рукахъ. Одѣта она была очень просто, но со вкусомъ. Фите Крей взглянулъ на нее сначала разсѣянно, потомъ уже внимательнѣе. На него вдругъ пахну́ло чѣмъ-то полузабытымъ и далекимъ. Онъ всматривался въ дѣвушку, въ ея воздушную, свѣтлую фигуру, въ ея испуганные сѣрые, широко разставленные глаза, похожіе на крылья голубя, когда онъ собирается улетѣть.

Нѣсколько мгновеній Фите и дѣвушка неувѣренно приглядывались другъ къ другу, и наконецъ смутились оба. Тогда поднялъ глаза Іёрнъ Уль.

— О, Іёрнъ, Іёрнъ!.. Какой у тебя больной видъ! О, Фите Крей! Я слышала отъ Тиса, что вы оба были на войнѣ и что ты, Фите, женился... О, Іёрнъ! Что-то скажетъ Тисъ!.. Да знаете ли вы, что Тисъ опять въ Гамбургѣ?

Такъ говорила Лизбета Юнкеръ. Она стояла передъ ними

и протягивала имъ обоимъ руки, но ея сіяющіе глаза смотрѣли на одного Іёрна Уля.

— Такъ Тисъ все еще здѣсь?

— Да, здѣсь. Онъ все ищетъ Эльзбе. Она вѣдь тогда не уѣхала, какъ собиралась. Кто-то изъ знакомыхъ разсказывалъ, что видѣлъ ее здѣсь; ну, и другіе говорили, что Гарри Гейнзенъ сбѣжалъ передъ самой войной въ Копенгагенъ.

— Не знаешь ли ты, что̀ дѣлается у насъ дома? Бываешь ты тамъ?

— Мои дѣдушка и бабушка умерли, но я хорошо знакома съ женой новаго учителя. Я ѣздила туда на Рождество.

— Здѣсь-то ты что̀ дѣлаешь?

— Здѣсь я живу у тетки. У нея маленькая книжная и бумажная торговля. Ну, я и пріучаюсь.

— Знаешь ты, гдѣ живетъ Тисъ?

— Знаю. Я пойду вмѣстѣ съ вами.

Имъ пришлось идти очень долго, пока они не дошли наконецъ до улицы съ высокими и непривѣтливыми домами. Взобравшись на четвертый этажъ, они прошли по длинному, узкому и темному корридору, въ самый его конецъ, и отворили дверь. Въ комнатѣ, передъ маленькой желѣзной переносной печкой, сидѣлъ Тисъ Тиссенъ. Между колѣнями у него стояла мельница, и онъ такъ усердно вертѣлъ ручку, что въ первую минуту не замѣтилъ вошедшихъ. Онъ казался такимъ маленькимъ, точно весь высохъ.

— О, Іёрнъ!—воскликнулъ онъ, вскочивъ съ своего мѣста. —Неужели это ты!.. Фите! Дорогіе вы мои! О, Фите!.. Дѣти мои, я сейчасъ васъ напою кофеемъ. Пейте, милые мои, до сыта.

И онъ бросился отыскивать туфли.

— Не возражайте мнѣ ни слова, ни единаго слова, дѣти! Мнѣ кажется, что мы опять всѣ вмѣстѣ у себя дома. Ахъ, моя бѣдная дѣвочка, моя Эльзбе!.. Скажи, Іёрнъ, не видѣлъ ты ея? Нѣтъ, ты только подумай, она такая маленькая и одна среди чужихъ въ этомъ огромномъ ужасномъ городѣ! И мнѣ почему-то кажется, Фите, что онъ бьетъ ее. Онъ собирается увезти ее въ Америку, но я стерегу ихъ и не пущу ее никуда. Заварика кофе, Лизбета. Вода здѣсь бѣжитъ прямо изъ стѣнки. Все здѣсь идетъ шиворотъ навыворотъ, мои дорогіе.

— Да успокойся, ты!—сказалъ Фите Крей, усаживая старика на стулъ.—И не думай, что она позволитъ себя бить. Вотъ твоя туфля. Какъ только она увидитъ, что онъ ее разлюбилъ, она сію же минуту убѣжитъ отъ него. Думается мнѣ, что

она уже ушла отъ него, только не смѣетъ вернуться домой. Боится она тебя и Іёрна. Боится, да и стыдно ей.

Лизбета и Іёрнъ подумали, что Фите, пожалуй, и правъ въ своихъ предположеніяхъ относительно Эльзбе.

Кофе былъ готовъ. Лизбета разлила его по чашкамъ и нарѣзала хлѣба.

— Пей, пожалуйста. Вотъ твоя чашка,—сказала она Тису.

— Отлично. Мы будемъ пить кофе, а ты, Тисъ, разскажешь намъ, наконецъ, какъ это все случилось съ Эльзбе,—сказалъ Фите Крей.

— Нечего мнѣ разсказывать,—отвѣтилъ Тисъ, и тяжело вздохнулъ.—Онъ часто пріѣзжалъ къ ней, а я все спалъ и ровно ничего не замѣчалъ. Правда, я иногда спрашивалъ ее: „Дитя мое, почему ты такая блѣдная? Развѣ ты дурно спала ночью?“ Но она всегда отвѣчала мнѣ: „Я спала отлично, спала какъ принцесса, Тисъ“. Я слушалъ ее и радовался. Правда, какъ-то разъ спросила она меня: „Какъ ты думаешь, Тисъ, если двое людей поклялись другъ другу въ вѣрности,—вѣдь они почти что повѣнчаны?“ Но и на это я не обратилъ никакого вниманія. Я продолжалъ думать о посторонникъ вещахъ и, какъ всегда, много спалъ. Иногда мнѣ казалось, что она скучаетъ, и тогда я совѣтовалъ ей отправиться въ городъ или пойти въ лѣсъ. Но она никуда не хотѣла идти и увѣряла меня, что ей совсѣмъ не скучно. И все я ничего не замѣчалъ. Но вотъ однажды пріѣхалъ Гарро Гейнзенъ на своемъ гнѣдомъ и объявилъ, что сватаетъ Эльзбе Уль. Онъ говорилъ это, а самъ смѣялся. Ну, а потомъ, такъ черезъ пять или шесть дней, и стряслась бѣда. Опять пріѣхалъ Гарро Гейнзенъ и сталъ бранить своего отца и Клауса Уля. У нихъ обоихъ не было ровно ничего, и они не могли дать ему на обзаведеніе. Тогда Эльзбе присмирѣла, стала тихой и серьезной. Такой я ея еще никогда не видалъ. Вся ея веселость, вся радость пропали безслѣдно. Я предложилъ имъ остаться у меня; я сказалъ имъ, что моя земля дастъ гораздо больше, если ею заняться какъ слѣдуетъ. Вѣдь самъ я плохой работникъ и сплю черезчуръ много. Но Гейнзенъ разсмѣялся въ отвѣтъ на мои слова и объявилъ мнѣ, что не имѣетъ ровно никакого желанія обработывать пески. И я видѣлъ, что ей было горько и больно отъ его словъ.

Тисъ печально склонилъ голову, на глазахъ у него были слезы, и онъ сталъ шарить ногами по полу, отыскивая свои туфли.

— Я все проспалъ,—продолжалъ онъ громкимъ голосомъ,—

и за это достойно наказанъ: осужденъ сидѣть въ этой ужасной дырѣ. А тамъ у меня дома сіяетъ солнце, всѣ милые торфяные пригорки стоятъ покрытые высокой травой, изъ канавъ выглядываютъ желтыя головки одуванчиковъ. Каждую ночь снится мнѣ страшный сонъ. Я вижу, что ее вытаскиваютъ изъ воды. Я просыпаюсь въ ужасѣ, и уже не могу заснуть до утра. Да, кромѣ тоски по родинѣ, меня мучитъ еще предчувствіе чего-то тяжелаго.

Тисъ остановился, чтобы передохнуть, и посмотрѣлъ на своихъ гостей.

Фите Крей сидѣлъ, облокотившись на столъ. Разсказъ не произвелъ на него особенно удручающаго впечатлѣнія. Глаза Лизбеты смотрѣли печально и серьезно прямо на Тиса Тиссена. По временамъ она бросала робкій и торопливый взглядъ на Іёрна. Онъ сидѣлъ съ опущенными глазами, неподвижный и молчаливый. Къ только-что перенесенной имъ болѣзни прибавилась еще теперь новая тяжелая забота. И ни разу не посмотрѣлъ онъ на красивую, сидѣвшую передъ нимъ дѣвушку, которую обожалъ, когда она была ребенкомъ, и любилъ, когда сталъ юношей. У него не было времени думать о любви.

— Вотъ, каждое утро я и брожу по улицамъ,—продолжалъ между тѣмъ Тисъ,—а послѣ обѣда отправляюсь опять на поиски. Хожу по улицамъ, гдѣ живутъ бѣдные люди, и дохожу до самой пристани. И пять разъ уже,—съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываніемъ вырвалось у него,—при мнѣ вытаскивали изъ воды дѣвушекъ. О, я увѣренъ, что она утопится, если ей придется плохо!

— Нѣтъ,—сказалъ Фите,—никогда она не сдѣлаетъ этого. Она слишкомъ крѣпко цѣпляется за жизнь. Ужъ я-то ее знаю... А вотъ, скажи-ка мнѣ, справлялся ты объ адресѣ Гейнзена въ адресномъ столѣ? Былъ ты въ полиціи?

— Да, и ровно ничего тамъ не узналъ.

— У тебя здѣсь нѣтъ совсѣмъ никакихъ знакомыхъ?

— Нѣтъ, есть,—съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ старикъ.—У насъ, видишь ли, здѣсь устроилось что-то въ родѣ клуба.

— Какъ ты сказалъ?

— Да, видишь ли, въ самомъ низу, въ подвалѣ, у насъ живетъ одинъ сапожникъ. Онъ—изъ нашихъ мѣстъ. Ну, а на самомъ верху... вотъ какъ разъ тамъ, Фите, гдѣ проходитъ телеграфная проволока, живетъ плотникъ. Онъ тоже нашъ землякъ, и ты, вѣроятно, даже знаешь его родныхъ, Фите. У этого плотника есть жена и взрослыя дѣти, но, мнѣ кажется, жена-

то не очень хорошо съ нимъ обходится. Онъ самъ такой маленькій, тихій и незначительный человѣкъ. Ну, вотъ, онъ всегда и радуется, когда представляется случай спуститься пониже, куда-нибудь, гдѣ не видно телеграфной проволоки.

— И всѣ они собираются у тебя?

— Да, у меня. Такимъ-то образомъ и устроилось у насъ что-то въ родѣ клуба. Сидимъ это мы вмѣстѣ и разговариваемъ себѣ безъ всякой помѣхи.

— И всѣ постоянно собираются у тебя?

— Ну да, у меня. Мы всѣ страдаемъ тоской по родинѣ, Фите. Ахъ, еслибы вы только знали, сколькихъ людей въ этомъ огромномъ городѣ гложетъ тоска по родинѣ! Это ужъ въ крови, съ этимъ люди родятся, Фите.

— Такъ вотъ оно какъ! — проговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія Фите Крей.—Ну, а теперь намъ пора и на ночлегъ. Іёрнъ ужъ клюетъ носомъ. Проводи-ка ты насъ хоть немного, Тисъ.

И они отправились вчетверомъ. Наступилъ вечеръ. Цѣлый день шелъ сильный дождь; теперь онъ сталъ затихать. На улицахъ зажгли фонари, и они бросили желтоватый тусклый свѣтъ на мокрые тротуары и на сновавшихъ взадъ и впередъ людей.

— Ну и погода!—сказалъ Тисъ.—Въ такую погоду плохо приходится бѣднякамъ и людямъ, у которыхъ не весело на душѣ. Знаете что, вѣдь я не пойду съ вами. Мнѣ нужно еще обойти кое-какія улицы.

— Возьми хоть зонтикъ!—сказала Лизбета.

— Не стоитъ. Я живо высохну... Ну, а завтра непремѣнно вы всѣ трое зайдите ко мнѣ.

Они распрощались со старикомъ и долго стояли и смотрѣли ему вслѣдъ, пока его мокрая, блестѣвшая подъ фонарями спина не скрылась совсѣмъ изъ вида.

Потомъ они тихо и, не говоря ни слова, пошли дальше.

— Вотъ что, идите безъ меня!—сказалъ вдругъ Фите.—Я пойду спать, а ты, Іёрнъ, проводи Лизбету.

И Іёрнъ дошелъ съ Лизбетой до дома ея тетки. Дорогой они мало говорили другъ съ другомъ. Онъ довольно вяло разспрашивалъ ее о томъ, какъ ей живется у тетки. Она отвѣчала, что ей хорошо, хотя немного скучно и тоскливо, но что жаловаться ей рѣшительно не на что. Все это она говорила ему съ своимъ обычнымъ пугливымъ и сдержаннымъ видомъ. Потомъ она спросила Іёрна про его болѣзнь, спросила, какъ долго онъ былъ боленъ, была ли большая опасность и хорошо ли за нимъ ухажи-

вали. Онъ отвѣчалъ ей кратко и сдержанно. О своихъ дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаніяхъ они не обмолвились ни единымъ словомъ. У дверей, когда онъ на прощанье почтительно пожалъ ей руку, она вдругъ стала менѣе сдержанной, болѣе простой и ласковой. Крѣпко сжавъ его руку, она сказала:—Лѣтомъ я поѣду домой и зайду къ тебѣ.—Но онъ ничего не отвѣтилъ ей и остался попрежнему разсѣяннымъ и равнодушнымъ. Тогда она быстро отдернула руку и исчезла за безшумно закрывшейся дверью.

Фите еще не ложился, когда пришелъ Іёрнъ.

— Не думалъ я, что ты вернешься такъ скоро, — сказалъ онъ ему.—Ну что-жъ, это, конечно, твое дѣло. Поступай, какъ хочешь. Только вотъ что̀ скажу я тебѣ: не желаю я больше видѣть ни Тиса, ни Лизбеты, ни Венторфа. Завтра же уѣзжаю отсюда.

— Какъ? Что̀ ты говоришь? — спросилъ Іёрнъ. — Неужели тебѣ не хочется повидать родителей?

— Родителей?—повторилъ Фите.—Ну, отъ нихъ я ужъ достаточно натерпѣлся. Не дѣлай ты, ради Бога, такого дурацкаго лица, Іёрнъ. Если хочешь, я все тебѣ разскажу. Когда прошлымъ лѣтомъ меня отпустили на побывку домой и я отправился къ отцу съ матерью, чтобы получить свою долю наслѣдства, то оказалось, что тетка и не думала умирать. Кому-то захотѣлось подшутить надъ отцомъ, и написали ему, что она умерла, и что ему необходимо сейчасъ же пріѣхать. Ну, вотъ, мой старикъ облачился въ свой великолѣпный черный сюртукъ и отправился въ городъ. На радостяхъ онъ купилъ пять или шесть дорогихъ вѣнковъ съ длинными лентами и великолѣпными надписями, и съ этими вѣнками направился прямёхонько къ дому тетки. А она сидитъ себѣ преспокойно у окошка. Ну, остальное ты уже можешь себѣ представить... Однимъ словомъ, Ясперъ Крей вернулся съ этими вѣнками къ себѣ домой. Мать плакала, а онъ посвистывалъ. И, посвистывая, развѣсилъ онъ вѣнки по стѣнамъ нашей комнаты. Вѣдь ты знаешь, Іёрнъ, что у всѣхъ Креевъ есть слабость ко всему пестрому и красивому. Вышло все это очень недурно, увѣряю тебя, Іёрнъ. Длинныя бѣлыя ленты свѣшивались до самыхъ спинокъ стульевъ, а подобающія къ случаю надписи такъ и лѣзли въ глаза. Сидѣлъ это я въ комнатѣ и слушалъ плаксивые разсказы матери. Посмотрю въ одну сторону, читаю: „До свиданія!“ Взгляну въ другую, вижу: „Тебя мы больше не увидимъ, но память о тебѣ живетъ въ душѣ у насъ“. Отвернусь, а въ глаза мнѣ такъ и лѣзетъ: „Люби, пока любить

ты можешь". Такъ вотъ, думаю, зачѣмъ я все бросилъ и явился сюда. Затѣмъ, значитъ, чтобы читать эти надписи по стѣнкамъ. Ну ужъ нѣтъ! Какъ разъ началась опять война,—я и удралъ оттуда... Написалъ я, уходя на войну, Тринѣ Кюль. Писалъ, что надѣюсь вернуться живымъ и здоровымъ, а только неизвѣстно, такъ ли оно будетъ. Думалось мнѣ тогда, что я разстаюсь съ нею мѣсяца на три, а пришлось мнѣ пробыть безъ вѣстей о ней больше года. Оставилъ я ее въ надежныхъ рукахъ, а только все-таки сердце мое не совсѣмъ спокойно. Съ Венторфомъ меня ничто не связываетъ... дѣлать мнѣ тамъ положительно нечего. И вотъ что, Іёрнъ, посовѣтую я тебѣ на прощанье: если ужъ очень туго придется тебѣ на родинѣ, брось все и пріѣзжай ко мнѣ.

Но Іёрнъ опустилъ на столъ крѣпко сжатый кулакъ и сказалъ:

— Съ двѣнадцати лѣтъ я не знаю покоя и работаю въ Улѣ. Я хочу посмотрѣть, не удастся ли мнѣ спасти его.

На другой день, утромъ, Фите Крей уѣхалъ въ Америку, а Іёрнъ Уль—въ Венторфъ. Тисъ Тиссенъ, проводивъ Іёрна, опять отправился бродить по улицамъ.

Восемь лѣтъ искалъ Тисъ Тиссенъ пропавшую Эльзбе. Иногда его тоска по родинѣ обострялась; онъ не выдерживалъ и ѣхалъ къ себѣ, жилъ въ своемъ старомъ домѣ, бродилъ по лѣсу и по любимымъ болотамъ. Заходилъ онъ и къ Іёрну, и говорилъ ему, что больше не поѣдетъ въ городъ, но недѣли черезъ четыре, а ужъ самое большее черезъ восемь, его охватывала знакомая тревога и онъ терялъ сонъ. Все съ той же жгучей болью разставался онъ съ родиной и ѣхалъ снова въ большой городъ, въ свою маленькую комнату съ желѣзной печкой, и опять у него собирались его друзья, и опять онъ бродилъ и искалъ пропавшую дѣвушку по безконечнымъ улицамъ.

XIV.

Въ очень разнообразномъ настроеніи возвращались люди къ себѣ на родину: одни—какъ побѣдители, другіе—какъ побѣжденные.

Іёрнъ Уль не испытывалъ чувства побѣды, и поэтому не былъ удивленъ, что родина не одѣлась въ зелень, лазурь и золото, по

праздничному, а встрѣтила его мрачной погодой и по бокамъ дороги, на низменныхъ подяхъ, лежали длинные и тяжелые пласты тумана. Онъ разсмотрѣлъ сквозь сумерки, что безъ него было плохо вспахано, и пшеничное поле неумѣло засѣяно.

Стараясь не шумѣть своими подбитыми желѣзомъ башмаками, подошелъ онъ къ дому и удивился, увидавъ, что дверь отворена настежь. Это было такъ непохоже на Витенъ. Вытянувъ впередъ руку, чтобъ не наткнуться на что-нибудь, сталъ онъ пробираться черезъ темныя сѣни. Подъ ноги ему попалась солома, и по сильному мягкому запаху онъ понялъ, что это снопы овса. Онъ нагнулся и ощупалъ колосья, созрѣвшіе и сжатые, пока онъ былъ во Франціи. Отъ прикосновенія зеренъ и усиковъ онъ впервые ясно почувствовалъ себя дома. Шатающійся свѣтъ огня падалъ изъ отворенной кухонной двери въ сѣни, какъ бы указывая дорогу. Онъ подошелъ медленно и нерѣшительно, боясь, что въ кухнѣ могутъ быть чужіе, но тамъ сидѣла одна Витенъ, вязала что-то при невѣрномъ свѣтѣ огня и глядѣла на него поверхъ очковъ.

— Ну вотъ, ты и пришелъ... Мой мальчикъ...—произнесла она сдержаннымъ, дрожащимъ голосомъ.—Я цѣлый день тебя ждала. Вотъ и кофе заварила... Посмотри-ка, онъ ужъ скоро будетъ готовъ.

Она встала и, стараясь владѣть собой, какъ настоящая женщина изъ народа, протянула руку къ кофейнику, но волненіе ея и радость были такъ велики, что рука невольно сдѣлала движеніе въ другую сторону и легла на его плечо.

— Витенъ,—произнесъ онъ,—моя милая старенькая Витенъ!—и онъ застѣнчиво взялъ ея руку:—ты такъ рада, что я вернулся? А ты все время была здорова, моя старушка?

Она кивнула головой. Говорить она не могла отъ слезъ. Потомъ положила свое вязанье на столъ и наконецъ проговорила:

— Пройди-ка въ комнату, посмотри, не нужно ли тамъ чего, Лена!

Только тутъ Іёрнъ замѣтилъ дѣвушку; она стояла въ сторонѣ и глядѣла на него, а теперь подошла къ печкѣ, и онъ могъ разглядѣть ее. Она ему очень понравилась. Она была высока, стройна и сильна, бѣлая, розовая, нѣжная, съ бѣлокурыми, немного волнистыми волосами. Только возлѣ ушей образовались два локона, настолько большіе, что въ нихъ можно было продѣть палецъ. Понравилось Іёрну и то, какъ она поздоровалась съ нимъ и оглядѣла его съ головы до ногъ съ свободнымъ любопытствомъ и ласковою серьезностью.

— Откуда ты ее достала, Витенъ? — спросилъ онъ, когда дѣвушка вышла.

— Это Лена Тарнъ,—отвѣчала Витенъ:—она съ ноября у насъ работницей... Однако пей кофе, а то остынетъ. Тамъ, въ переднихъ комнатахъ, опять попойка. Гиннеркъ купилъ лошадей, дорого заплатилъ, да еще и вино долженъ былъ выставить... Она получаетъ двадцать талеровъ жалованья... очень много, по моему.

— Она въ самомъ дѣлѣ такая, какъ кажется на видъ?

— Какъ тебѣ сказать... ужъ слишкомъ она большая пѣвунья,—все поетъ, все поетъ. Съ перваго взгляда за святую можно принять,—ну, а на самомъ-то дѣлѣ далеко ей до святой: горда, за словомъ въ карманъ не лѣзетъ, и все поетъ... да ты послушай.

До кухни доносилось тихое пѣніе Лены.

— Кому же и пѣть, Витенъ, какъ не молодымъ дѣвушкамъ? Она гдѣ помѣщается,—въ твоей комнатѣ?

— Да, это она себѣ выговорила. Вѣдь она дочь почтенныхъ родителей и вполнѣ честная дѣвушка,—въ этомъ я должна отдать ей справедливость... Однако пей, Іёрнъ!

Онъ сталъ пить кофе и спросилъ, почему она ждала его именно сегодня.

— Неужели ты думаешь, что я не чувствовала твоего приближенія всѣмъ существомъ своимъ?—сказала Витенъ.—Двери всю ночь простояли бы настежь, и я не двинулась бы съ этого мѣста, не дождавшись тебя. Пора, самая пора тебѣ было вернуться, Іёрнъ. Что только творится у насъ въ домѣ! Отецъ проводитъ время въ трактирѣ съ безстыдной женой и дочерьми трактирщика, а братьямъ, я знаю, многіе грозятъ судомъ, если они не вернутъ забранныхъ повсюду денегъ. Стыдъ и срамъ! Эльзбе погибла, а съ тобою что будетъ? Вѣдь я люблю васъ, какъ родныхъ дѣтей!

Іёрнъ въ ужасѣ молчалъ, живо чувствуя всю глубину ея горя. Онъ подошелъ къ окну, и она, все еще плача, послѣдовала за нимъ. Показались звѣзды и луна, хотя на землѣ лежалъ туманъ, а на небѣ облака. Витенъ стала жаловаться, что рабочій такъ напился, что не захотѣлъ даже убрать на ночь плуга. Гладкое желѣзо блестѣло при свѣтѣ мѣсяца.

— Отецъ твой пріѣдетъ ночью домой, такъ какъ бы лошади не испугались,—прибавила Витенъ.

— Ничего, — возразилъ Іёрнъ, — онѣ привычныя... Теперь пойдемъ спать.

— А ты не пойдешь поздороваться съ братьями?

— Нѣтъ, для нихъ, когда бы я ни вернулся, все будетъ слишкомъ скоро. А новая работница уже легла? Позаботься, чтобы она не попала въ лапы къ этимъ негодяямъ. Довольно ужъ и Эльзбе!— и они разошлись, не пожелавъ другъ другу спокойной ночи. Іёрнъ прошелъ въ свою комнату и легъ по привычкѣ не раздѣваясь, чтобы распречь лошадей, когда вернется отецъ. Но непонятное безпокойство заставило его встать. Онъ подошелъ къ окну и долго вглядывался въ темноту. Въ это же время встала и Витенъ и выглянула изъ своего окошка на блестѣвшій плугъ, тяжело дыша и дрожа отъ невѣдомаго страха. Потомъ оба легли, и души ихъ, противъ воли, погрузились въ бездонный мракъ сновидѣній. Въ темныхъ стойлахъ поднялся непонятный шумъ, въ обширныхъ сѣняхъ какъ будто что-то тащилось по полу, захлебываясь и задыхаясь, и двери, соединявшія главныя комнаты, распахнулись съ глухимъ стукомъ. Но всѣ спали, и огромныя черныя руки удерживали ихъ въ бездонной глубинѣ.

Около шести часовъ утра, когда еще не разсвѣло, въ кухню вошелъ Ясперъ Крей. Видъ Іёрна, сидѣвшаго рядомъ съ Витенъ у печки, немного смутилъ его, но онъ тотчасъ же произнесъ спокойнымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о пустой опрокинутой телѣгѣ:

— Пойдемъ-ка, Іёрнъ. Хозяинъ опрокинулся съ повозкой и угодилъ прямо на плугъ. Сдается мнѣ, что онъ себѣ здѣсь что-то повредилъ.—Онъ указалъ на лобъ.

Витенъ громко вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Плугъ!—прорыдала она:—вѣдь я это предвидѣла, и не была въ состояніи пальцемъ пошевелить!

Іёрнъ вскочилъ и побѣжалъ къ отцу. Старикъ лежалъ весь въ грязи среди лужъ и мокрой травы. Рѣдкіе волосы его слиплись отъ крови. Онъ бормоталъ что-то несвязное заплетающимся языкомъ. Его внесли въ домъ и положили на кровать. Приглашенный врачъ объявилъ, что у него параличъ, давно готовившійся и теперь вызванный паденіемъ и испугомъ.

— Жить онъ можетъ еще долго,—заключилъ врачъ,—но ходить, если и будетъ, то съ большимъ трудомъ, и ясное сознаніе вполнѣ вернуться къ нему не можетъ.

Черезъ три дня явился Вейскопфъ и, позвавъ Іёрна и его братьевъ, сказалъ имъ слѣдующее:

— Я пришелъ къ вамъ въ качествѣ представителя отъ сберегательной кассы и кромѣ того лично отъ себя. Вашъ отецъ, много лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ у сберегательной кассы и у меня огромный заемъ, говоря, что хочетъ спекулировать на эти деньги. Но вмѣсто всякихъ спекуляцій онъ сталъ транжирить деньгами, а вы, старшіе сыновья, ему въ этомъ усердно помогали. Мы своевременно старались его образумить, но безуспѣшно, такъ что, нѣсколько дней тому назадъ, намъ пришлось послать ему письмо съ извѣщеніемъ, что должны будемъ описать его домъ и все хозяйство за долги. Въ этотъ же самый вечеръ съ нимъ случилось несчастье, и теперь онъ невмѣняемъ.

— Такъ вотъ оно что! — произнесъ Гиннеркъ. Лицо его сильно поблѣднѣло, а взглядъ сдѣлался острый.

— Мы дѣлаемъ вамъ слѣдующее предложеніе,—продолжалъ Вейскопфъ:—или мы продадимъ вашъ домъ съ публичнаго торга, и вы останетесь безъ единаго пфеннига, или же мы выплачиваемъ вамъ, старшимъ братьямъ, по 2.000 марокъ, съ тѣмъ, чтобы вы отдали домъ и хозяйство Іёрну. Можетъ быть, ему и удастся такъ повести дѣло, что онъ мало-по-малу выплатитъ намъ весь долгъ. Вотъ въ чемъ состоитъ наше предложеніе,—рѣшайте!

Іёрнъ смотрѣлъ въ одну точку и былъ счастливъ.

— Мнѣ домъ! Я хозяинъ! — и ему было стыдно передъ братьями.

Гиннеркъ кивнулъ Гансу,—они вышли вмѣстѣ и пошли въ комнату отца. Они стали обсуждать свое положеніе, упрекать другъ друга въ расточительности и чуть не подрались, но, вспомнивъ, что ихъ ожидаетъ, утихли. Гиннеркъ повернулся къ постели, на которой спалъ больной отецъ, и закричалъ, сжимая кулаки:

— Что ты съ нами сдѣлалъ? Ты поплатишься за это! Придетъ праведный Судія, и ты отвѣтишь Ему за насъ!

Въ эту минуту онъ вѣрилъ въ душу и въ загробную жизнь,— до такой степени ему хотѣлось, чтобы отцу было отомщено за него. Гансъ стоялъ неподвижно и молча смотрѣлъ на испуганно вздрагивавшее лицо проснувшагося отъ крика отца. Гиннеркъ схватилъ отцовское платье, сталъ рыться въ карманахъ, нашелъ ключъ, отперъ имъ угловой шкафъ и обшарилъ всѣ ящики, ища денегъ. Но тамъ лежала только бумага со счетомъ и записью долговъ и небольшая цѣпь великолѣпной старинной работы. На цѣпь была надѣта печать и обручальное кольцо.

— Ну, теперь все ясно, — проговорилъ Гиннеркъ, — намъ здѣсь больше дѣлать нечего. Іёрнъ тоже долго не продержится.

Онъ снялъ съ цѣпи печать и кольцо, отдалъ ихъ брату, а цѣпь взялъ себѣ.

— Когда намъ выдадутъ 2.000 марокъ?— спросилъ онъ, вернувшись къ Іёрну и Вейскопфу.

— Да хоть сегодня же. Нашъ довѣренный и сходитъ съ вами къ нотаріусу.

Старшіе братья вышли, уложили свои праздничныя платья и велѣли запрягать лошадей. Ясперъ Крей долженъ былъ ихъ отвезти. Іёрнъ пошелъ за нимъ въ конюшню.

— Упряжка моя,—произнесъ онъ гордо и жестко,—вечеромъ она должна быть на мѣстѣ, въ Улѣ; ты мнѣ за нее отвѣчаешь.

Старшіе братья стояли у повозки и въ послѣдній разъ глядѣли на отцовскій домъ и широкія поля сзади него. Гиннеркъ былъ блѣденъ и поскрипывалъ зубами. Гансъ, обращаясь къ младшему брату, сказалъ:

— Главная вина на отцѣ, но и мы были не правы. Справедливо, что ты будешь хозяиномъ здѣсь. Постарайся, чтобы домъ не достался чужимъ людямъ.

Они влѣзли въ повозку и уѣхали, не оглядываясь.

Тисъ Тиссенъ, Вейскопфъ и Іёрнъ Уль сидѣли въ комнатѣ. На сундукѣ передъ ними стояли чашки съ золотыми краями и голубыми цвѣтами. Старики покуривали трубочки и старались успокоить и утѣшить удрученнаго юношу убѣжденіями, почерпнутыми изъ личнаго опыта и собственной жизни.

— Прежде всего, мы заботимся о твоемъ же благополучіи,— говорилъ Вейскопфъ съ ласковымъ выраженіемъ на лицѣ,—ну, а потомъ, конечно, тоже и о нашихъ деньгахъ.

— Особенно о послѣднихъ,—вставилъ Тисъ.

— Въ настоящее время твое хозяйство не представляетъ большой цѣнности. На немъ много долговъ, да и инвентарь не въ особенно хорошемъ состояніи. Дѣло въ такомъ положеніи, что намъ невыгодно подавать ко взысканію, и потому мы предоставляемъ тебѣ хозяйничать по прежнему, Іёрнъ.

— Ты долженъ будешь выплачивать имъ долги, Іёрнъ,— сказалъ Тисъ.

— Да, непремѣнно. Ты долженъ будешь очистить твое имущество отъ долговъ. Тебѣ придется много работать, прежде чѣмъ ты получишь право сказать: „эта земля моя“.

— Что ты скажешь на это, Іёрнъ?—спросилъ Тисъ.

— Что же мнѣ остается сказать?—переспросилъ Іёрнъ, широко разводя большими руками. — Неужели я могу позволить, чтобы больного отца вынесли изъ его дома? Неужели я могу допустить, чтобы все здѣсь пошло прахомъ? Я буду работать изо всѣхъ силъ, буду работать, какъ только могу, Тисъ.

— Отлично, — сказалъ Вейскопфъ. — Ну, а теперь поговоримъ-ка о чемъ-нибудь другомъ.

Онъ сильно затянулся изъ трубки и доброжелательно посмотрѣлъ на Іёрна, сидѣвшаго съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Тебѣ слѣдуетъ жениться, — сказалъ онъ. — Не хорошо человѣку быть одному днемъ и ночью, въ радости и въ горѣ. Знаю я одно гнѣздышко съ золотыми яичками. Отъ тебя, Іёрнъ, зависитъ выручить и себя самого, и всѣхъ насъ.

Но Іёрнъ отвѣтилъ:

— Витенъ останется у меня,—не нужно мнѣ никакой жены.

Когда онъ это говорилъ, въ комнату, съ горшкомъ сметаны, вошла рыжеватая дѣвушка. Услышавъ слова Іёрна, она презрительно и насмѣшливо улыбнулась.

— А знаешь ты, что я знакомъ съ твоей Витенъ ужъ сорокъ лѣтъ?—привѣтливо обратился къ Іёрну старикъ,—и мнѣ хочется разсказать тебѣ, что я знаю объ ея молодости.

И такъ какъ Лена Тарнъ собиралась уйти, онъ прибавилъ:

— Останься, если у тебя есть время. Это старая и очень длинная исторія, но я разскажу ее въ нѣсколькихъ словахъ.

Старикъ затянулся изъ трубки, и потомъ положилъ ее около себя. Дѣвушка усѣлась рядомъ съ Тисомъ Тиссеномъ. Живые люди интересовали ее гораздо больше всякихъ исторій, и она не спускала съ нихъ любопытныхъ, смышлёныхъ глазъ.

— Въ мое время, въ Шенефельдѣ жилъ одинъ парень,— началъ старикъ.—Родители его были люди бѣдные, а самъ онъ былъ красивый и гордый малый. Онъ былъ вмѣстѣ со мной въ школѣ. Больше всего на свѣтѣ парень этотъ любилъ лошадей, и потому поступилъ конюхомъ въ большой крестьянскій дворъ въ Шенефельдѣ. Онъ былъ очень трудолюбивъ, но всегда сумраченъ и молчаливъ. Оживлялся онъ только, когда ему приходилось объѣзжать жеребцовъ. Тогда въ немъ закипала жизнь, и онъ становился совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ объѣзжалъ жеребцовъ на дорогѣ, огибавшей дворъ, а изъ окна дома на него смотрѣла единственная дочь его хозяина. Дѣвушка слѣдила за нимъ широко раскрытыми глазами, но онъ не замѣчалъ ея, и думалъ, какъ всегда, только объ однѣхъ лошадяхъ.

Однажды, когда онъ уже отвелъ жеребца въ конюшню и со-

бирался его чистить скребницей, дѣвушка пришла къ нему и попробовала съ нимъ заговорить, но онъ отвѣчалъ очень неохотно. Люди мало интересовали его.

Совершенно непонятно, какимъ образомъ они въ концѣ концовъ поладили другъ съ другомъ, но только, въ одинъ прекрасный день, дѣвушка бросилась на шею своему отцу и объявила, что выйдетъ замужъ за конюха. Старикъ былъ слабаго характера, да, кромѣ того, она была единственной дочерью. Онъ далъ свое согласіе на бракъ, но кажется, что это ему не дешево стоило.

Дѣвушка эта была совсѣмъ неподходящей женой для парня: нѣжная, слабая и мечтательная. Ему же была нужна женщина крупная, крѣпкая, спокойная и веселая.

Уже на другой день послѣ свадьбы онъ принялся за свои привычныя занятія, чистилъ и скребъ лошадей, а потомъ уѣхалъ на базаръ. Она же стояла у окна спальни и смотрѣла ему вслѣдъ обиженными, полными слезъ глазами.

Потомъ у нихъ родилась дѣвочка, а за дѣвочкой—и мальчикъ, но это нисколько не сблизило ихъ. Онъ сталъ считать себя даже болѣе свободнымъ, чѣмъ когда-либо. Она оставалась съ дѣтьми, а онъ больше прежняго возился съ лошадьми, покупалъ и продавалъ ихъ. Дѣла его шли успѣшно, и онъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ семьи.

Дѣти оставались на попеченіи одной матери. Отецъ не вмѣшивался въ ихъ воспитаніе. Они были ему такими же чужими, какъ и мать ихъ. Въ школу они не ходили. Мать сама учила ихъ, и дѣлала это безъ всякихъ книгъ, разсказывая то, что̀ знала сама. Иногда мать и дѣти забирались на чердакъ, гдѣ стояли сундуки съ старинными нарядами, оставшимися еще отъ бабушекъ и дѣдушекъ. Переодѣвшись въ эти костюмы, и мать, и дѣти разыгрывали всевозможныя, ими самими придуманныя, сцены. Случалось также, что, переодѣвшись въ совсѣмъ простое платье, они отправлялись въ лѣсъ, забирались въ самую чащу, разводили тамъ костеръ и воображали себя пастухами, бѣглецами или еще кѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Во всѣхъ этихъ затѣяхъ принимало участіе еще одно существо. Это была сиротка, взятая изъ пріюта, и звали ее Витенъ Пеннъ.

Эти четыре существа жили, какъ живутъ только въ сказкахъ. Ихъ существованіе не имѣло ничего общаго съ настоящей, дѣйствительной жизнью. Покинутая женщина старалась забыться и давала полный просторъ своему уже теперь болѣзненному воображенію. Дѣти безусловно подчинялись ей. Отецъ только

качалъ головой и подсмѣивался. Онъ не имѣлъ времени для дѣтей и жены.

Мать не замѣчала, что мальчикъ, очень походившій на нее, постепенно всѣмъ своимъ существомъ уходилъ въ таинственный и туманный міръ, что у него нѣтъ никакой воли и что ему, болѣе чѣмъ кому-либо, необходима твердая мужская рука. Она не замѣтила этого главнымъ образомъ потому, что сама въ это время была больна. Слишкомъ робкая и нерѣшительная, чтобы позвать доктора, она запустила свою болѣзнь и умерла. Дочери ея въ это время было лѣтъ шестнадцать, а мальчику и Витенъ Пеннъ — около четырнадцати.

Съ той минуты, какъ мать закрыла глаза, дѣти остались совершенно безпомощными. Безмолвные и растерянные, они долго стояли около трупа и рѣшительно не понимали, что имъ дѣлать въ присутствіи чуждаго имъ отца.

Вечеромъ они вмѣстѣ съ Витенъ Пеннъ пробрались на чердакъ, разсматривали старыя платья и, вспоминая мать, вспоминали ихъ любимыя игры и затѣи. Мальчикъ до такой степени увлекся, что нарядился и хотѣлъ непремѣнно идти внизъ, туда, гдѣ обыкновенно они играли съ матерью, — но дѣвочки его удержали.

Въ день похоронъ въ домѣ осталась только сестра отца и дѣти. Тогда дѣти, переодѣвшись на чердакѣ, пришли въ залу, еще украшенную цвѣтами и вѣнками, и здѣсь, на любимомъ мѣстѣ матери, гдѣ только часъ тому назадъ она лежала мертвая, они въ полголоса принялись разыгрывать сцену, въ которой принимала участіе мать за нѣсколько дней до своей смерти. Имъ и въ голову не приходило, что они хоть чѣмъ-нибудь оскорбляютъ ея память.

Они увлеклись и забыли все на свѣтѣ. Но, вотъ, вернулся отецъ. Онъ былъ въ дурномъ настроеніи, потому что пасторъ довольно ясно сказалъ, что покойница была несчастна, благодаря своему мужу. Въ сѣняхъ сестра разсказала брату, чѣмъ занимаются дѣти. Тогда, потерявъ всякое самообладаніе и думая только о томъ, что непріятная женщина оставила ему такихъ же непріятныхъ и къ тому же еще бездушныхъ дѣтей, онъ бросился въ залу, схватилъ за шиворотъ мальчика и всѣхъ троихъ заперъ въ сарай.

Съ этого дня онъ сталъ обращаться съ дѣтьми очень строго. Дѣвочку онъ поручилъ теткѣ, и она, подъ ея наблюденіемъ, занималась разными домашними работами. Мальчикъ же работалъ въ полѣ и ходилъ за коровами. У него не было никакой прак-

тической смѣтки, работа у него не ладилась и всѣ кругомъ подсмѣивались надъ нимъ, а онъ все больше и больше чуждался людей и замыкался въ самомъ себѣ.

Весною ему пришлось пахать далеко отъ деревни, на холмѣ, возлѣ пастбища. Кругомъ тянулась унылая равнина, покрытая кочками и кое-гдѣ поросшая бурьяномъ. Окрестные жители, особенно дѣти, избѣгали этой мѣстности. Она вызывала въ нихъ жуткое чувство, въ особенности своими огромными, зловѣщими ямами, наполненными темной, неподвижной водой.

Мальчикъ пахалъ цѣлыхъ три дня. Онъ пахалъ съ утра до вечера, и съ каждымъ днемъ становился все печальнѣе. Когда же, на третій день, дѣтямъ удалось тайкомъ пробраться на чердакъ, мальчикъ разсказалъ, что, при заходѣ солнца, когда онъ кончалъ уже работу, ему послышался голосъ матери. Онъ увѣрялъ, что ясно слышалъ, какъ она звала его: „Иди ко мнѣ! Иди ко мнѣ!“ Онъ испугался, холодный потъ выступилъ у него на лбу, и онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ. Сестра, выслушавъ брата, въ первую минуту испугалась, но потомъ громко разсмѣялась и сказала, что это все вздоръ. Послѣ смерти матери она сильно измѣнилась. Работа и постоянное общеніе съ людьми пробудили и развили въ ней то, что она наслѣдовала отъ отца. Она очнулась точно послѣ прекраснаго, но тяжелаго сна, увидѣла настоящую жизнь и обрадовалась ей. Кромѣ того, она влюбилась въ пріѣзжаго штурмана. Вотъ почему слова брата не произвели на нее глубокаго впечатлѣнія, и она даже разсмѣялась въ отвѣтъ на его разсказъ. Очень скоро послѣ этого она и совсѣмъ ушла изъ комнаты и, пробравшись въ глубину яблоноваго сада, встрѣтилась тамъ съ поджидавшимъ ее штурманомъ.

Витенъ Пеннъ выслушала мальчика съ открытымъ ртомъ и разгорѣвшимися щеками. Его разсказъ вызвалъ къ жизни то неясное, что таилось въ тайникахъ души дѣвочки. Она любила мальчика, любила за то, что онъ былъ умный и добрый, любила еще и за то, что у него были такіе красивые, ясные глаза. Послѣдніе дни ей почти не удавалось говорить съ нимъ, и это очень печалило ее. Онъ сидѣлъ передъ ней блѣдный и грустный. Ей стало жаль его до слезъ. Когда же онъ спросилъ ее, что ему дѣлать, и долженъ ли онъ идти, если мать опять позоветъ его, она сказала, что рано утромъ прибѣжитъ къ нему съ выгона, гдѣ будетъ доить коровъ.

Въ тотъ же самый вечеръ онъ въ трогательныхъ выраженіяхъ попросилъ отца поручить работу около выгона кому-ни-

будь другому. Онъ отказался объяснить причину своей просьбы, и отецъ, считая, что уступка съ его стороны будетъ поблажкой, отослалъ отъ себя сына презрительнымъ кивкомъ головы.

Вотъ такимъ-то образомъ и случилось несчастіе.

Было холодное, темное и угрюмое весеннее утро. Еще едва свѣтало и по склонамъ полей лежали мохнатые туманы, похожіе на какихъ-то огромныхъ, лѣнивыхъ и тупыхъ животныхъ. Дулъ мягкій морской вѣтеръ и весь воздухъ былъ пропитанъ сыростью.

Витенъ доила коровъ. Замѣтивъ мальчика, она побѣжала къ нему. Онъ пахалъ и не сразу увидѣлъ ее; но она, на бѣгу, разсмотрѣла, что онъ неспокоенъ, постоянно то наклоняетъ, то поднимаетъ голову, къ чему-то прислушивается и ломаетъ руки. Витенъ побѣжала скорѣй, и когда она была уже почти возлѣ него, онъ вдругъ поднялъ руки и съ громкимъ возгласомъ: „иду!“— побѣжалъ въ сторону отъ плуга и лошадей. „Я иду! иду!“— повторилъ онъ, и съ этими словами бросился съ холма внизъ и исчезъ за мелкими кустарниками. Она потеряла сознаніе. Взошло солнце. Ее такъ и нашли распростертой на землѣ, съ раскинутыми руками, и съ трудомъ привели въ чувство. Очнувшись, она, вся дрожа, разсказала о случившемся. Послѣ этого она очень долго болѣла, а мальчика въ этотъ же день нашли захлебнувшимся въ одной изъ черныхъ ямъ.

Вейскопфъ замолчалъ, взялъ трубку и, не говоря ни слова, протянулъ руку Тису. Тотъ понялъ его, чиркнулъ спичкой и передалъ ее Вейскопфу.

— Дальше разсказывать, собственно говоря, и нечего. Отецъ въ этотъ день вернулся домой поздно и засталъ сына уже на столѣ. Онъ наклонился надъ нимъ и пытливо заглянулъ въ лицо покойника, но тотчасъ же откинулся назадъ и выпрямился. Когда сосѣди на похоронахъ выражали ему сочувствіе, онъ говорилъ: „Къ чему? Моя жена и сынъ были людьми совершенно непригодными къ жизни. Теперь они оба—на своемъ мѣстѣ“.

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ онъ узналъ, что дочь его любитъ штурмана, и потребовалъ, чтобы она отказалась отъ своего возлюбленнаго. Но она была такъ же упорна, какъ онъ самъ, и сказала, что не послушаетъ его, потому что хочетъ быть счастливѣе своей матери. Тогда онъ выгналъ ее.

Послѣ этого онъ прожилъ очень недолго. Витенъ Пеннъ пробыла съ нимъ вдвоемъ около двухъ мѣсяцевъ, но онъ ни разу не сказалъ съ ней ни единаго слова. Онъ пробовалъ вести прежній образъ жизни, продавалъ и покупалъ, но торговля теперь

не шла ему на умъ. Его осаждали тяжелыя мысли. Онъ старался ихъ отогнать, но онѣ оказались сильнѣе его. И наконецъ онъ понялъ весь ужасъ и безобразіе своей жизни. Его охватилъ страхъ и отвращеніе къ себѣ. Витенъ провела вдвоемъ съ нимъ четыре ужасныхъ дня и четыре ужасныхъ ночи, съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ его бреду. На пятый день онъ умеръ.

Такъ вотъ какова была юность этой Витенъ Пеннъ, которая сидитъ теперь около твоего отца, Іёрнъ. Изъ Шенефельда она пришла въ Уль и поступила къ вамъ въ работницы. Ужасы, пережитые ею, надломили ея молодую силу. Разсудокъ ея затемнился, ее преслѣдовали видѣнія и предчувствія. Люди смѣялись надъ ней, и она избѣгала ихъ. Но твоя мать, Іёрнъ, ласковая и довѣрчивая со всѣми, позаботилась о бѣдной дѣвушкѣ, и только благодаря ей Витенъ нѣсколько поправилась, но все-таки на цѣлую жизнь осталась какой-то странной, сумрачной и угнетенной. Ты тоже не особенно веселаго нрава, Іёрнъ, и она для тебя не подходящій товарищъ.

Вейскопфъ умолкъ, взялъ свою палку и собрался уходить. Онъ велѣлъ запрягать, и черезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ въ городъ вмѣстѣ съ Тисомъ Тиссеномъ, а Іёрнъ Уль пошелъ къ отцу и отправилъ Витенъ спать. Когда она выходила изъ комнаты, онъ проводилъ ее глубокимъ и внимательнымъ взглядомъ.

Онъ сидѣлъ около постели отца, на томъ самомъ стулѣ съ соломеннымъ сидѣньемъ, на которомъ обыкновенно въ зимніе вечера сидѣла его мать. Клаусъ Уль спалъ безпокойно. Іёрнъ Уль сидѣлъ и думалъ о своемъ хозяйствѣ, о томъ, какъ сложится его дальнѣйшая жизнь, и объ ужасномъ разсказѣ о юности Витенъ.

Шли часы. Сумракъ ночи сгущался и время близилось къ полуночи. Вдругъ вѣтви тополя подъ окномъ закачались и зашумѣли отъ налетѣвшаго вѣтра и въ стекла забили тяжелыя капли дождя. Больной проснулся, уставился безсмысленнымъ взглядомъ въ потолокъ, и Іёрну вспомнились слова доктора: „Онъ можетъ еще долго протянуть, но здоровымъ ужъ никогда не будетъ“. И въ первый разъ за всю жизнь Іёрна охватило чувство безпомощности и душевнаго одиночества. Мракъ и унынie надвинулись на него и грозили раздавить, уничтожить его. Но въ этотъ тяжелый, мучительный часъ онъ вспомнилъ, что когда-то въ школѣ ему говорили о Богѣ. Іёрнъ въ первый разъ съ тоской и надеждой обратился къ Нему, и въ душѣ его совершился переломъ.

Страданіе привело его къ двери, за которой скрыта настоящая жизнь, и онъ впервые сталъ стучаться въ эту дверь.

Стучащему отворятъ.

XV.

Въ это лѣто и осень ни на одномъ дворѣ такъ не кипѣла работа, какъ у Іёрна Уля. Онъ самъ поспѣвалъ всюду. На похудѣвшемъ лицѣ его значительнѣе выступалъ заострившійся носъ, а взглядъ глубоко сидящихъ глазъ сталъ еще рѣзче. Что-то повелительное появилось во всемъ его существѣ, и къ нему опять стали примѣнять забытое за послѣдніе годы названіе „ландфогта". Иногда рабочіе возмущались его требовательностью, и дѣло доходило до рѣзкихъ словъ.

— Если удастся вамъ пропахать до полудня, такъ вы ужъ воображаете, что и обѣдъ заслужили,—сказалъ разъ Іёрнъ, на что старшій работникъ возразилъ ему:

— А еслибы мы по вашему дѣлали, такъ подохли бы отъ работы до полудня, и тогда, конечно, ужъ и въ обѣдѣ не нуждались бы.

Въ кухнѣ тоже было неладно. Витенъ принуждена была почти цѣлый день проводить въ комнатѣ больного,—иначе онъ становился безпокоенъ и кричалъ, какъ ребенокъ, а прислуга въ кухнѣ не хотѣла слушаться Лены Тарнъ. Іёрнъ обсудилъ съ Витенъ этотъ вопросъ, и они рѣшили, что Витенъ передастъ все домашнее хозяйство въ полное вѣдѣніе Ленѣ, а сама будетъ неотлучно находиться при больномъ, шить, вязать и чинить платье и бѣлье въ его комнатѣ. Когда Іёрнъ сообщилъ свое рѣшеніе Ленѣ, она отнеслась къ нему очень спокойно, а младшая работница демонстративно вылетѣла изъ кухни, хлопнувъ дверью, и въ тотъ же день потребовала разсчета. Іёрнъ вообще сократилъ число рабочихъ, и когда пришло десятое мая, рѣшилъ безъ помощи пастуха выгнать свой скотъ на пастбище. Сначала было выпущено сорокъ двухлѣтнихъ и трехлѣтнихъ бычковъ. Они попытались-было вести себя, какъ расшалившіеся школьники, но скоро были усмирены. Громче всѣхъ раздавались окрики Іёрна и громче всѣхъ щелкалъ его длинный бичъ. Потомъ были выпущены лошади съ жеребятами. Ихъ шествіе замыкала старая кобыла, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ полученная въ приданое матерью Іёрна. Она уже не работала и жила на пенсіи. За лошадьми слѣдовали коровы въ сопровожденіи работницъ съ

Леной Тарнъ во главѣ. Солнечные лучи проникали сквозь вѣтви тополей, и ея бѣлокурые волосы становились огненно-рыжими.

Въ эту минуту большой трехлѣтній бычокъ, соскучившись въ опустѣвшемъ хлѣву, неожиданно появился у выхода и сталъ осторожно подходить къ коровамъ. Хорошо, что въ рукахъ у предусмотрительной Лены Тарнъ оказалась скамеечка для доенія коровъ, изъ очень твердаго дерева. Лена, съ сверкающими глазами, встала на встрѣчу быку и, размахивая скамеечкой, закричала:

— Стой ты, негодяй!—Она недолюбливала бычка. Но бычокъ продолжалъ подвигаться, весь увѣренность, сила и задоръ. Лена бросила быстрый гнѣвный взглядъ на работниковъ и крикнувъ: —Чего вы стали, пентюхи?—размахнулась скамеечкой и швырнула ее въ морду бычку. Онъ испугался и бросился въ сторону, гдѣ и попалъ въ руки работниковъ. Лена Тарнъ долго еще послѣ этого вся вспыхивала, вспоминая, какими глазами посмотрѣлъ на нее въ эту минуту молодой хозяинъ. Этотъ взглядъ и радовалъ, и безпокоилъ ее. Послѣдними были выпущены телята. Шесть изъ нихъ, рожденные въ хлѣву и не видавшіе никогда ни воды, ни земли, ни неба, пришли въ восторгъ и рѣшили полетѣть. Они высоко подпрыгивали всѣми четырьмя ногами заразъ и останавливались въ остолбенѣніи, вдругъ очутившись снова на землѣ. Едва ихъ стащили съ мѣста; но тогда они выдумали прыгать въ канаву и, неожиданно попавъ въ воду, испытывали то же продолжительное и тупое недоумѣніе. Іёрнъ захотѣлъ положить этому конецъ и схватилъ самаго большого теленка за веревку, но тотъ увлекъ его за собою, и оба шлепнулись въ канаву при громкихъ крикахъ и смѣхѣ рабочихъ и служанокъ.

Наконецъ порядокъ былъ водворенъ, и Лена Тарнъ вернулась въ кухню, все вспоминая лицо Іёрна въ ту минуту, когда она бросила въ бычка скамейкой.

Іёрнъ тоже не былъ спокоенъ. Весеннее солнце и неожиданное купанье въ холодной водѣ взволновали его кровь. Все вокругъ дышало юной жизнью, заставляло глубоко вдыхать въ себя весенній воздухъ, любоваться всѣмъ Божьимъ міромъ и, запрокидывая голову, отыскивать глазами жаворонка. Онъ едва видимой точкой стоялъ въ небѣ, и такъ и не могъ придти въ себя отъ радости. На Іёрна нашло праздничное настроеніе, и онъ рѣшилъ сдѣлать прогулку, а кстати отнести въ деревню оброкъ. Онъ шелъ въ своемъ праздничномъ платьѣ мимо пшеничнаго поля и думалъ о Ленѣ Тарнъ, вспоминая ея смѣхъ, ея серьезное лицо, когда она работала, ея густые бѣлокурые волосы.

За полемъ онъ нагналъ старика Дрейера. Они пошли вмѣстѣ. Старикъ разговорился о жизни Іёрна и сталъ давать ему разные совѣты.

— Тебѣ что, двадцать четыре года? Такъ вотъ, главное, не вздумай жениться! Боже сохрани! Въ твоемъ положеніи это погибель, да и успѣется еще. Приданаго меньше пятидесяти тысячъ марокъ не бери.

— Ну, разумѣется,—отвѣчалъ Іёрнъ.—Еще годовъ десятокъ можно подождать. Витенъ еще крѣпка и отлично справляется съ хозяйствомъ.

На поворотѣ дороги они разстались, и Іёрнъ быстро пошелъ дальше.

„До чего старикъ глухъ становится, сегодня это особенно меня поразило...—думалъ онъ.—Какой чудный, мягкій воздухъ!.. Гораздо пріятнѣе идти одному... Мысли такъ и разбѣгаются въ разныя стороны, такъ и прыгаютъ, точно телята сегодня утромъ. Небось и они не шли рядомъ со старшими и не слушали разумныхъ совѣтовъ старости. Я самъ знаю, что умно и что глупо, и конечно не собираюсь жениться теперь... Успѣется"!

А неразумные телята-мысли опять скакнули въ сторону, и онъ сталъ вспоминать, какъ наканунѣ Лена Тарнъ не имѣла, какъ обыкновенно, яснаго, здороваго вида и на вопросъ Витенъ отвѣчала со смѣхомъ:

— Ничего, что-то мнѣ плохо спалось эту ночь.—Да, еслибъ люди не образумливали себя, такъ весною весь міръ шелъ бы вверхъ дномъ.

Вотъ и деревня. Церковный причетникъ стоялъ на порогѣ своего дома, и съ перваго взгляда было видно, что онъ въ дурномъ настроеніи духа.

— Уль,—сказалъ онъ,—шесть дѣтей родилось сегодня въ нашемъ приходѣ, и всѣхъ ихъ я долженъ записать, а время-то не стоитъ и работа не ждетъ. Кажется, можно было надѣяться, что война все это пріостановитъ,—такъ куда тебѣ!.. еще хуже пошло. Четверть населенія убита во Франціи, а шесть тысячъ записано новорожденныхъ. Развѣ напасешься хлѣба на столько ртовъ! Нѣтъ, слишкомъ много публики разводится!..—заключилъ онъ и провелъ Іёрна въ комнату.

Іёрнъ, какъ человѣкъ разсудительный, подтвердилъ слова причетника, и прибавилъ:

— Я бы запретилъ браки до двадцати-пятилѣтняго возраста.— Онъ заплатилъ оброкъ и пошелъ домой съ гордымъ сознаніемъ своей солидарности въ такихъ важныхъ вопросахъ съ такимъ

разумнымъ и опытнымъ человѣкомъ, какъ причетникъ. Онъ снялъ сюртукъ, перекинулъ его черезъ руку и шелъ полями, а бѣлые рукава его рубахи сверкали на солнцѣ.

Подходя къ своему дому, онъ увидалъ на скамейкѣ подъ липами старика въ праздничномъ костюмѣ рабочаго, съ окладистой сѣдой бородой и густыми сѣдыми волосами, дѣлавшими его похожимъ на льва.

— Я пришелъ по одному дѣлу...—произнесъ старикъ, вставая и кланяясь.—Жена мнѣ покоя не даетъ... вѣдь Геертъ Дозе служилъ подъ твоей командой во время войны?... Это сынъ нашъ, —ну, старуха все и пристаетъ ко мнѣ... какъ онъ былъ раненъ, спрашиваетъ, ну и... хочетъ знать... долго ли онъ мучился. Говорятъ, девять дней... Молодой былъ, крѣпкій... умирать-то, знать, не легко было. Можетъ, онъ что передать наказывалъ. Ты мнѣ все разскажи, а я ей потомъ и передамъ... не все... чтобы не больно убивалась...

При этихъ словахъ старикъ весь точно сталъ меньше и глядѣлъ большими тихими глазами поверхъ сложенныхъ рукъ на землю. Іёрнъ разсказалъ ему все о послѣднихъ минутахъ его сына, а на порогѣ стояла Лена Тарнъ и слушала. Она никогда не задумывалась до тѣхъ поръ надъ тѣмъ, что такое война. Это слово вызывало въ ней представленіе о чемъ-то огромномъ, очень пестромъ, шумномъ и огненномъ. Ничего не знала она о неописуемыхъ мученіяхъ и ужасѣ отдѣльныхъ людей, и теперь слушала съ лицомъ, сморщеннымъ отъ страданія. Но въ глубинѣ ея души дрожало радостное сознаніе: „вѣдь ты вернулся съ войны цѣлъ и невредимъ, Іёрнъ Уль“!

Выслушавъ разсказъ, старикъ всталъ и собрался уходить. Іёрнъ проводилъ его до конца аллеи,—честь, которую онъ никогда никому не оказывалъ. Простившись, онъ долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся сгорбленному и тяжело шагавшему старику.

Ему предстояло четыре часа ходьбы. Трудный путь, но то, что его ожидало дома, было еще гораздо тяжелѣе. Возвращаясь по аллеѣ, Іёрнъ снова поддался очарованію весенняго дня. Онъ взглянулъ на молодую зелень деревьевъ, на домъ, проглядывавшій сквозь листву, на скамейку возлѣ стола и на Лену Тарнъ, какъ бы поджидавшую его и готовую къ борьбѣ. Онъ взглянулъ на все это, и ему вспомнилось вычитанное гдѣ-то выраженіе: „дѣла мира“.

„Пахать, сѣять, жать, строить дома, жениться, воспитывать дѣтей—это и есть дѣла мира“,—подумалъ онъ.

Лена сидѣла на скамейкѣ, низко опустивъ голову. Майское

солнце смѣялось, указывало лучистыми руками на эту склоненную голову и говорило:

— Посмотри, Іёрнъ Уль, какъ она сверкаетъ... Не трогай, а то обожжешься,—вѣдь это настоящій огонь!..

Онъ хотѣлъ пройти мимо, но Лена, не поднимая головы, указала ему на синюю тетрадку, лежавшую передъ нею на столѣ, и проговорила довольно надменнымъ тономъ:

— Надо сдѣлать разсчетъ масла.

Подобные разсчеты были ей противны, потому что въ нихъ подразумѣвалось недовѣріе, но обойтись безъ нихъ было нельзя. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и сталъ указывать ей на нѣкоторыя цифры. Вѣроятно отъ отвращенія къ счетамъ онѣ были такъ написаны, что невозможно было разобрать. Ей пришлось наклонить свою сверкающую голову надъ тетрадкой, и блескъ золотыхъ волосъ совсѣмъ ослѣпилъ его. Онъ поспѣшилъ опустить глаза на ряды цифръ и сталъ усердно подсчитывать ихъ, проводя по каждой загрубѣлымъ, негнущимся указательнымъ пальцемъ, точно нанизывая ихъ на грабли. А она слѣдила за его работой и при этомъ тихо напѣвала что-то про себя, точно шмель, который жужжитъ полу-добродушно, полу-гнѣвно, увидѣвъ, что въ его цвѣткѣ уже сидитъ другой шмель. Іёрнъ сталъ невольно прислушиваться къ пѣнію, и весь счетъ спутался въ его головѣ. Онъ разсердился и всталъ.

— Я сосчитаю у себя въ комнатѣ,—сказалъ онъ.

— Вотъ и отлично!—подтвердила она.

Поздно вечеромъ пошелъ дождь. Іёрнъ сидѣлъ у открытаго окна, возлѣ стараго сундука, и курилъ трубку, чувствуя себя очень уютно. Въ домѣ было тихо. За окномъ струился и лепеталъ дождь. Въ вѣтвяхъ яблонь слышались тихіе и нѣжные голоса птицъ и паденіе дождевыхъ капель. Іёрнъ выглядывалъ изъ окна, ждалъ, и ему казалось, что онъ слышитъ, какъ раскрываются молодые листочки.

Дверь отворилась, и Лена Тарнъ замерла на порогѣ.

— Войди же!—сказалъ онъ:—что тебѣ нужно?—онъ былъ такъ взволнованъ, что говорилъ съ трудомъ.

— Я хотѣла взять тетрадку... я думала, вы еще не вернулись.

Она стала искать тетрадку на сундукѣ.

— Ты что-то послѣдніе дни въ дурномъ настроеніи,—заговорилъ онъ:—случилось что-нибудь съ тобою что-ли?

Она откинула голову назадъ и отвѣчала коротко:

— Мало ли что иногда случается, а потомъ скоро проходитъ.

— Ты довольна, что Витенъ спитъ теперь у больного и ты одна въ комнатѣ?

— Мнѣ все равно. У кого чистая совѣсть, тотъ можетъ спать и одинъ.

— Значитъ, у тебя нечистая совѣсть, потому что я слышалъ вчера ночью, какъ ты кричала во снѣ.

— Да... мнѣ нездоровилось.

— Это отъ луны. Она свѣтила прямо въ твою комнату.

— Нѣтъ, мнѣ нездоровилось отъ другой причины.

— А я говорю, что отъ луны.

Она гнѣвно посмотрѣла на него.

— Ужъ какъ будто вы все знаете! И не спала я тогда вовсе,—я закричала, потому что телята выбѣжали изъ хлѣва и прыгали по двору.

Онъ насмѣшливо улыбнулся.

— Это вѣроятно были лунные телята.

— Нѣтъ, самые обыкновенные. Еще сегодня утромъ дверь въ хлѣвъ оказалась незапертой. Удивляюсь, какъ ты это просмотрѣлъ,—кажется, всюду суешься!

— Ты мнѣ говоришь „ты“?

— Вѣдь и ты говоришь мнѣ также „ты“. Я почти такая же взрослая, какъ и ты,—и не графъ ты какой-нибудь, да и не глупѣе я тебя.

Она рванула тетрадку съ окна, и онъ увидѣлъ, какимъ гнѣвомъ сверкали ея красивые глаза.

— Берегись луны, — сказалъ онъ,—а то и сегодня ночью тебѣ придется гонять телятъ.—Онъ всталъ, но не смѣлъ прикоснуться къ ней. Они посмотрѣли другъ на друга, и каждый понялъ, что творилось съ другимъ. Его взглядъ говорилъ:

— Я отлично знаю, что означаетъ такой дѣвическій гнѣвъ.— А ея глаза отвѣчали:—Я слишкомъ горда, чтобы любить тебя. Ахъ, я такъ тебя люблю! — Она пошла къ дверямъ, замедляя шаги, какъ бы для того, чтобы дать ему время сказать что-нибудь или пойти за нею, но онъ былъ слишкомъ неловокъ для этого и только смущенно разсмѣялся.

Настала удивительная, тихая ночь. Въ деревьяхъ еще слышалось паденіе послѣднихъ дождевыхъ капель, точно тихонько всхлипывалъ ребенокъ, проснувшійся одинъ ночью и испугав-

шійся темноты. На горизонтѣ небо еще вспыхивало, какъ будто мать входила со свѣчкой въ темную спальню, чтобы взглянуть, спятъ ли дѣти. Взошла луна почти полная, съ едва замѣтно утончившимся лицомъ, и все было такъ таинственно и торжественно, что даже прохожіе на дорогѣ не рѣшались разговаривать громко. Іёрну не спалось, и онъ рѣшилъ посмотрѣть на луну въ телескопъ. Это не была его прежняя жалкая подзорная труба, а новый великолѣпный телескопъ,—единственная роскошь, которую онъ себѣ позволилъ.

Когда Іёрнъ шелъ мимо комнаты Лены, то увидѣлъ, что дверь отворена и она стоитъ на порогѣ.

— Ты еще не спишь?—проговорилъ онъ смущенно.—Хочешь посмотрѣть на звѣзды?

Она молча пошла за нимъ.

— Жаль, что тебя не было въ воскресенье днемъ,—какія тогда звѣзды были видны въ мою трубу!

— Что ты такое говоришь! Днемъ? Развѣ звѣзды и днемъ на небѣ?

— Конечно, милая, а то гдѣ же?

— Ахъ, вотъ ужъ не думала! Я думала, онѣ—какъ сторожа ночные: ночью караулятъ, а днемъ спятъ. Право такъ.

Но онъ не былъ увѣренъ, что она не шутитъ, потому что лукавое выраженіе сохранялось въ уголкахъ ея глазъ, даже когда она говорила серьезно. Онъ наставилъ трубу и проговорилъ:

— Ну, теперь смотри.

Она неумѣло нагнулась и стала смотрѣть въ трубу.

Онъ положилъ руку ей на плечо.

— Ну, что ты видишь?

— Ахъ, я вижу... я вижу горящій крестьянскій домъ... крыша соломенная... и все въ огнѣ... Ахъ, какъ страшно!..

— Ну, ужъ это твое воображеніе!—разсмѣялся онъ:—это созвѣздіе Оріона, а теперь я покажу тебѣ луну.

— Вижу... а что это за шишки?

— Это горы и долины. Слѣва онѣ ярко освѣщены восходящимъ солнцемъ, а справа падаетъ тѣнь.

Она покачала головой, потеряла луну въ телескопѣ, выпрямилась и посмотрѣла простыми глазами на небо.

— Обо всемъ этомъ я слышала въ школѣ,—сказала она.—Тогда я думала, что учитель вралъ,—ну, а, видно, правду онъ разсказывалъ.

— Ну, теперь ты довольно насмотрѣлась. Уходи, а то еще

простудишься, и опять тебѣ нивѣсть что̀ приснится. Ты сможешь заснуть?

— Попытаюсь.

Онъ опять хотѣлъ протянуть къ ней руку, но чувство уваженія къ ней остановило его.

— Иди же скорѣй! — повторилъ онъ, и она ушла, а онъ остался.

Снова навелъ онъ телескопъ на луну и сталъ изучать очертанія морей и горъ, чтобы потомъ закончить начатую имъ карту луны. И снова молодая жизнь, такъ тяжело дышавшая возлѣ него еще часъ тому назадъ, стала стихать и отодвигаться, и ему вспомнились слова стараго Дрейера: „не дѣлай этой глупости, Іёрнъ!“

„А все-таки,—думалъ онъ,—она такая красивая и добрая. Счастливъ человѣкъ, котораго впервые обниметъ такая дѣвушка. Какое очаровательное выраженіе появится въ ея глазахъ, когда она близко и довѣрчиво заглянетъ въ глаза мужчины“!

Надъ дворомъ пролетѣли дикіе гуси. Іёрнъ не обратилъ на нихъ вниманія, но скоро услыхалъ возлѣ дома легкій крикъ и слабый шелестъ крыльевъ. Взглянувъ по направленію шума, онъ увидалъ бѣлую фигуру съ протянутой рукой. Она ощупывала глухую стѣну, какъ бы ища двери, и быстро и возбужденно говорила:

— Телята въ саду! Встань же, Іёрнъ, и помоги мнѣ!

Въ три прыжка Іёрнъ очутился возлѣ нея.

— Я здѣсь,—проговорилъ онъ тихо,—вотъ я, успокойся... Кромѣ меня, никого нѣтъ.

Она замолчала, стала протирать себѣ глаза, какъ дѣлаютъ заспанныя дѣти, и заговорила что-то жалобное, какъ испуганный ребенокъ. Онъ обнялъ ее и сталъ успокоивать.

— Ну, вотъ видишь, и дверь. Это ты во снѣ пропутешествовала черезъ весь хлѣвъ. Должно быть, лунныхъ телятъ искала, фантазерка? Ахъ ты, глупенькій утенокъ этакій! Ну, вотъ сейчасъ и твоя комната.

Увидавъ свою постель, она вдругъ испугалась, закрыла лицо руками и жалобно повторяла:

— Ахъ, какъ страшно, какъ страшно!

Онъ сталъ ласкать ее, отвелъ ея руки отъ лица и тихо произнесъ:

— Перестань, перестань, развѣ не хорошо тебѣ?!..

На другое утро, еще на зарѣ, рабочій, не ночевавшій дома,

вошелъ во дворъ, мурлыкая пѣсенку. Онъ увидалъ, что хозяинъ ходитъ большими шагами возлѣ дома, опустивъ глаза въ землю, точно ищетъ потерянный слѣдъ. Рабочій подошелъ къ нему и сказалъ:

— Надоѣла мнѣ одинокая жизнь. Если къ осени найду себѣ подходящую дѣвушку, непремѣнно женюсь.

Напившись кофе, Іёрнъ, какъ и наканунѣ, надѣлъ свое праздничное платье и отправился въ деревню.

Причетникъ былъ въ лучшемъ настроеніи духа, и кромѣ того онъ привыкъ за свою долгую службу къ удивительнымъ и неожиданнымъ выходкамъ мѣстныхъ обывателей.

— Правильно, Уль,—сказалъ онъ.—Не добро человѣку быть едину. Итакъ: Марія Магдалена Тарнъ, законная дочь Яспера Корнеліуса Тарна изъ Дотума. Девятнадцать лѣтъ! Молода, Іёрнъ. Но, впрочемъ, состариться всегда успѣетъ.

Вернувшись домой и проходя по яблоновому саду, Іёрнъ увидѣлъ недалеко отъ калитки, на каменномъ мостикѣ, дикаго гуся съ перешибленнымъ крыломъ, но еще живого. Онъ убилъ его и принесъ въ кухню, гдѣ Лена стояла передъ печкой съ пылающими щеками.

— Онъ сломалъ себѣ крыло и лежалъ умирающій на камнѣ, —сказалъ Іёрнъ, протягивая ей птицу.

Она робко взглянула на гуся и ничего не сказала.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, что̀ ты обо мнѣ думаешь?— произнесъ Іёрнъ смущенно и подошелъ поближе, но она молчала.

— Вѣдь ты всегда была такимъ героемъ, особенно со мною. Откинь же голову и побрани меня хорошенько,—я это заслужилъ.

Она молча прижала руки къ вискамъ и молча и пристально смотрѣла на яркое пламя. Онъ нѣжно взялъ ее за руку, обнялъ и повелъ въ комнату. Тамъ онъ усадилъ ее въ кресло, гдѣ всегда сидѣла его мать, а самъ сѣлъ на ручку кресла и сталъ ласкать и гладить ея волосы, и лицо, и упавшія на колѣни руки.

— Ты печальна, Лена, и сердишься, моя милая дѣвочка? Куда дѣвался твой веселый смѣхъ? А я, знаешь, былъ у причетника и все устроилъ. Въ іюнѣ будетъ свадьба... Ты все еще молчишь?

Она обхватила его руки и прошептала:

— Ты думаешь: свадьба, такъ ужъ и все хорошо!—и она заплакала.

— Дитя, перестань плакать!—повторялъ онъ, страстно лаская и цѣлуя ее.—Я никогда больше не буду, только улыбнись...

—и не находя новаго ласковаго названія, онъ прибавилъ:— Краснушка ты моя!

Она засмѣялась. Это было имя ихъ самой красивой коровы. Ласковымъ взглядомъ заглянула она ему въ глаза, и Іёрнъ подумалъ, что достигъ наконецъ блаженства, заслуженнаго имъ вполнѣ.

Съ нѣм. П—НА С—ВА.

НАУЧНЫЯ ИЛЛЮЗІИ

М. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. Спб., 1903.

Политическая экономія принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, въ которыхъ нѣтъ общепризнанныхъ истинъ; она представляетъ собою обширное поле противорѣчій и споровъ, не допускающихъ по существу никакого окончательнаго рѣшенія. Касаясь самыхъ важныхъ интересовъ общежитія, она неотразимо привлекаетъ къ себѣ умы и служитъ однимъ изъ обязательныхъ и наиболѣе популярныхъ предметовъ общаго образованія: нельзя быть образованнымъ человѣкомъ, не имѣя свѣдѣній объ ученіяхъ Адама Смита, Мальтуса и Рикардо, о теоріяхъ ренты, прибыли и заработной платы. Но не всякій предметъ изученія и преподаванія есть наука въ истинномъ смыслѣ этого слова, и напримѣръ спеціалистъ по полицейскому или уголовному праву не можетъ говорить о положеніяхъ и выводахъ своей науки въ такомъ категорическомъ тонѣ, какой считается умѣстнымъ относительно законовъ физики или химіи. Между тѣмъ ученые теоретики слишкомъ часто склонны приписывать своимъ наукамъ авторитетъ, котораго онѣ вовсе не имѣютъ, и этимъ особенно грѣшатъ экономисты, почти ни въ чемъ не согласные между собою, но тѣмъ не менѣе упорно старающіеся поддерживать въ себѣ и въ другихъ иллюзію строгой научности политической экономіи вообще.

Въ этомъ отношеніи весьма любопытна вышедшая недавно книга г. М. Туганъ-Барановскаго. Въ ней, какъ въ маленькомъ зеркалѣ, отражается не только современная путаница понятій въ области основныхъ вопросовъ и задачъ политической экономіи,

но и самый характеръ ея литературы, въ которой каждый авторъ можетъ сочинять свою собственную науку или перестроивать ее по личнымъ симпатіямъ или случайнымъ впечатлѣніямъ, не справляясь съ требованіями логическаго единства и послѣдовательности. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Туганъ-Барановскій откровенно объясняетъ, что она не есть „научное изслѣдованіе обычнаго типа", но и не можетъ быть отнесена къ „научно-популярной литературѣ". Популяризаторъ,—говоритъ онъ,—„не самостоятельный изслѣдователь: онъ послушно и скромно идетъ за другими, за признанными авторитетами науки. Я же отнюдь не считалъ себя обязаннымъ согласовать свое изложеніе съ какими бы то ни было авторитетами, и не боялся высказывать свое личное мнѣніе, какъ бы рѣзко оно ни расходилось съ господствующими взглядами. На свой собственный страхъ и рискъ стремился я проложить свою особую дорогу въ извилистомъ и запутанномъ лабиринтѣ соціальной мысли. Хороша или дурна эта дорога—судить не мнѣ". Само собою разумѣется, что авторъ руководствовался только интересами истины, и притомъ „объективной истины", такъ какъ „твердая и вѣчная истина не можетъ не быть единственнымъ маякомъ добросовѣстнаго ученаго".

Въ каждой наукѣ, занятой исканіемъ объективной истины, отдѣльные изслѣдователи непремѣнно идутъ за своими предшественниками, и считаютъ для себя обязательнымъ согласовать свои работы съ тѣмъ, что добыто и провѣрено раньше другими; только въ политической экономіи господствуетъ противоположный взглядъ, и оттого она не выходитъ изъ запутаннаго и извилистаго лабиринта личныхъ произвольныхъ мнѣній и разрозненныхъ отдѣльныхъ попытокъ. Если всякій самостоятельный экономистъ стремится проложить въ этомъ лабиринтѣ свою особую дорогу, то это значитъ одно изъ двухъ: или нѣтъ еще общей дороги, которой можно было бы держаться, и слѣдовательно всѣ предшествующіе труды длиннаго ряда изслѣдователей должны быть признаны безплодными, такъ какъ не проложили даже пути для дальнѣйшихъ работъ; или же экономисты не имѣютъ и не могутъ имѣть въ виду стремленіе къ „твердой и вѣчной истинѣ", потому что твердая и вѣчная истина—одна, и свѣтъ этого „единственнаго маяка" не позволялъ бы экономистамъ блуждать по разнымъ особымъ путямъ, независимо отъ какихъ бы то ни было признанныхъ авторитетовъ, руководимыхъ вѣроятно тѣмъ же единственнымъ маякомъ твердой и вѣчной истины. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ—при отсутствіи общей научной дороги и

при недостаткѣ точно установленныхъ понятій о научной истинѣ,—политическая экономія не могла бы признаваться наукою.

Г. Туганъ-Барановскій не предполагаетъ, конечно, что его „особая дорога" вѣрнѣе ведетъ къ истинѣ, чѣмъ всѣ другія, проторенныя экономистами-теоретиками; онъ самъ же предоставляетъ читателю судить, „хороша или дурна эта дорога",—вмѣсто того, чтобы ставить вопросъ только объ ея правильности или неправильности; а оцѣнка избраннаго пути съ этой послѣдней точки зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ общедоступными сужденіями о дурномъ и хорошемъ. Въ дѣйствительности, впрочемъ, никакой особой дороги нѣтъ у г. Туганъ-Барановскаго: его способы разсужденія и доказательства ничѣмъ не отличаются отъ общепринятыхъ въ экономической литературѣ, и если онъ въ частностяхъ отступаетъ отъ чужихъ мнѣній, хотя бы и авторитетныхъ, то эти отступленія онъ только по недоразумѣнію могъ принять за признакъ „особой дороги", будто бы прокладываемой въ лабиринтѣ соціальной мысли. Ни своего особаго метода, ни новой оригинальной доктрины онъ пока еще не придумалъ, а въ качествѣ независимаго писателя онъ вноситъ лишь свою посильную лепту въ общую массу разногласій и противорѣчій, характеризующихъ современную политическую экономію.

Несмотря на извѣстное всѣмъ хаотическое состояніе политико-экономической литературы, г. Туганъ-Барановскій утверждаетъ, что политическая экономія „рѣзко выдѣляется своимъ строгимъ научнымъ характеромъ среди всѣхъ другихъ научныхъ дисциплинъ, изучающихъ общественную жизнь" (стр. 7). Непримиримый антагонизмъ интересовъ, идей и стремленій, наиболѣе ярко сказывающійся въ существованіи двухъ противоположныхъ научныхъ лагерей—буржуазнаго и соціалистическаго, не мѣшаетъ, будто бы, научному развитію и процвѣтанію единой политической экономіи. „Интересы различны,—замѣчаетъ авторъ въ одномъ мѣстѣ,—но истина одна: интересы рабочаго класса могутъ быть противоположны интересамъ капиталистовъ, но то, что̀ является объективной истиной для капиталиста, должно быть объективной истиной и для рабочаго. Законы логики общеобязательны, и самый сильный интересъ не можетъ не склониться предъ ними. Не существуетъ двухъ политическихъ экономій—буржуазной и соціалистической, а есть одна наука о народномъ хозяйствѣ,—правда, еще очень несовершенная и потому распадающаяся на нѣсколько направленій, но прогрессъ науки заключается въ сближеніи этихъ направленій, различія между которыми хотя и велики, но не настолько, чтобы для объективной и потому еди-

ной науки не оставалось мѣста... Такимъ образомъ, не взирая на различіе классовыхъ интересовъ, объективная и единая наука прокладываетъ себѣ путь, слѣдуя своимъ собственнымъ логическимъ законамъ развитія и повинуясь одному голосу—истины" (стр. 251). Въ сущности для науки, которую авторъ признаетъ „такою же чистою, не прикладною наукою, какъ и теоретическое естествознаніе" (стр. 6), были бы вполнѣ безразличны взгляды капиталистовъ и рабочихъ на объективную истину,—взгляды, основанные, быть можетъ, на незнакомствѣ съ научными пріемами мышленія и изслѣдованія; но, къ несчастью, научные пріемы мышленія чрезвычайно рѣдко практикуются экономистами-теоретиками, и объективная истина, насколько она вообще доступна политической экономіи, не играетъ замѣтной роли въ распаденіи этой науки на различныя, враждебныя между собою школы и направленія. Отрицать безспорный фактъ этого распаденія было бы безполезно, а увѣреніе, что все-таки существуетъ и развивается единая экономическая наука, стоящая внѣ и выше буржуазныхъ и соціалистическихъ доктринъ,—не только противорѣчитъ дѣйствительности, но и рѣшительно опровергается всѣмъ содержаніемъ „Очерковъ" г. Туганъ-Барановскаго.

Интересно прослѣдить, какъ г. Туганъ-Барановскій понимаетъ „твердую и вѣчную истину" въ примѣненіи къ принципіальнымъ спорамъ, раздѣляющимъ современныхъ экономистовъ. Съ первыхъ же страницъ книги онъ ясно устанавливаетъ свою исходную точку зрѣнія. Политическая экономія, — говоритъ онъ,—изучаетъ народное хозяйство, а „народное хозяйство есть не что иное, какъ товарное хозяйство". Пока нѣтъ товарнаго обмѣна, нѣтъ и народнаго хозяйства, и слѣдовательно нѣтъ матеріала для экономической науки. При натуральномъ земледѣльческомъ строѣ дореформенной Россіи весь нашъ крестьянскій бытъ находился въ сторонѣ отъ товарнаго обмѣна и потому не подлежалъ дѣйствію законовъ и выводовъ политической экономіи, занятой лишь изученіемъ товарнаго хозяйства. „Товаръ, продуктъ, изготовляемый для сбыта, и есть та вещественная связь, тотъ цементъ, который превращаетъ множество разсыпанныхъ мелкихъ хозяйствъ въ одинъ цѣлостный народно-хозяйственный организмъ". Собраніе отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, не связанныхъ товарнымъ обращеніемъ, „столь же мало образуетъ единое народное хозяйство, какъ куча безпорядочно наваленныхъ кирпичей не дѣлаетъ единаго зданія". Мало того: товарное хозяйство только потому можетъ быть предметомъ науки, что оно развивается безсознательно, по своимъ стихійнымъ законамъ и усло-

віямъ, безъ опредѣленнаго цѣльнаго плана и безъ регулирующаго вмѣшательства государства,—ибо „раскрытіе этихъ стихійныхъ законовъ образуетъ собою главнѣйшую задачу науки политической экономіи". По этой же причинѣ, политическая экономія „по строгости своихъ построеній приближается къ естествознанію"; она выше и научнѣе родственныхъ общественно-юридическихъ наукъ, такъ какъ „изучаетъ точные, причинно-необходимые соціальные законы—стихійную закономѣрность товарнаго обмѣна".

Для автора „не подлежитъ сомнѣнію, что центральнымъ и важнѣйшимъ предметомъ изученія политической экономіи является именно товарное хозяйство. Если экономическая наука и останавливается на другихъ хозяйственныхъ типахъ, то лишь попутно и главнымъ образомъ для выясненія, при посредствѣ сравненія ихъ съ товарнымъ хозяйствомъ, отличительныхъ чертъ и особенностей этого послѣдняго". Можно „спорить, цѣлесообразно ли такое ограниченіе поля изслѣдованія политической экономіи или нѣтъ, но нельзя спорить относительно самаго факта. Несомнѣнно, политическая экономія, какъ она была и есть (а не какою мы желали бы ее видѣть), изслѣдуетъ почти исключительно экономическія отношенія, слагающіяся на базисѣ товарнаго обмѣна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно посмотрѣть на оглавленіе любого курса политической экономіи". Объясняется это очень просто, какъ указано уже выше: „только въ товарномъ хозяйствѣ проявилось дѣйствіе стихійныхъ соціально-экономическихъ силъ, независимыхъ отъ воли человѣка и нуждающихся для того, чтобы быть понятыми нашимъ сознаніемъ, въ особой научной дисциплинѣ—политической экономіи" (стр. 8). Вмѣстѣ съ тѣмъ „политическая экономія есть историческая наука, въ томъ смыслѣ, что предметъ ея изученія—товарное хозяйство—есть историческая форма общежитія". Экономическая наука изслѣдуетъ „общественныя отношенія людей, какъ членовъ товарнаго хозяйства, въ процессѣ его историческаго развитія" (стр. 10).

Итакъ, твердая и вѣчная истина, вдохновляющая ученыхъ экономистовъ, касается исключительно явленій товарнаго обмѣна, и вся политическая экономія низводится на степень чисто-промышленной науки. Въ своемъ основномъ пониманіи задачъ и характера политической экономіи г. Туганъ-Барановскій настолько далекъ отъ гордаго намѣренія идти своимъ особымъ путемъ, что считаетъ для себя обязательнымъ придерживаться даже шаблонныхъ рубрикъ, принятыхъ учебниками. Но и эта ссылка на

„любой курсъ политической экономіи“ основана на явномъ недоразумѣніи, и самый фактъ, выдаваемый авторомъ за безспорный, представляется намъ плодомъ какой-то странной логической ошибки. Можно привести цѣлый рядъ авторитетныхъ примѣровъ въ доказательство того, что компетенція политической экономіи, по общему сознанію ея теоретиковъ, вовсе не ограничивается изученіемъ товарнаго обмѣна и хозяйства. По опредѣленію Сисмонди, „предметомъ политической экономіи служитъ матеріальное благосостояніе человѣка“, и задача науки—„выясненіе правильныхъ способовъ управленія національнымъ богатствомъ“. По словамъ Джона Стюарта Милля, политическая экономія есть наука о богатствѣ, изучающая причины и условія, которыя дѣлаютъ положеніе людей въ обществѣ благопріятнымъ или бѣдственнымъ въ матеріальномъ отношеніи; она „стремится, насколько возможно, раскрыть законы и начала, по которымъ эти причины дѣйствуютъ“. Эмиль де-Лавелей опредѣляетъ политическую экономію какъ науку о способахъ наиболѣе цѣлесообразнаго, справедливаго и разумнаго удовлетворенія матеріальныхъ потребностей человѣческихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ. Стэнли Джевонсъ говоритъ, что „политическая экономія трактуетъ о богатствѣ націй; она изслѣдуетъ причины, въ силу которыхъ одна нація богаче и зажиточнѣе другой, и старается выяснить, что должно быть сдѣлано для того, чтобы бѣдныхъ людей было какъ можно меньше и чтобы вообще каждый хорошо вознаграждался за свой трудъ“. Въ краткомъ учебникѣ Эдвина Кэннана ставится цѣлью политической экономіи—„разъясненіе общихъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ богатство или матеріальное благосостояніе человѣческихъ существъ“. По опредѣленію Конрада, „наукой о народномъ хозяйствѣ или національной экономіей называется наука, стремящаяся установить причины и слѣдствія въ явленіяхъ хозяйственной жизни народа, разсматривая ихъ какъ цѣлое, въ ихъ естественной органической связи, насколько дѣло идетъ объ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей“. Кажется, довольно. Гдѣ же г. Туганъ-Барановскій нашелъ матеріалъ для категорическаго утвержденія, что задача политической экономіи исчерпывается изслѣдованіемъ законовъ товарнаго обмѣна?

Только немногіе узко-буржуазные экономисты откровенно провозглашали политическую экономію „наукою объ обмѣнѣ“, т.-е. наукою о торговлѣ и промышленности. „Обмѣнъ—это политическая экономія“,—говорилъ Фредерикъ Бастіа,—„это само общество въ его цѣломъ, такъ какъ невозможно представить себѣ общество безъ обмѣна, ни обмѣна безъ общества“. Безсозна-

тельно повторяя мнѣніе типичнѣйшаго изъ буржуазныхъ экономистовъ, г. Туганъ-Барановскій въ то же время придерживается взгляда тѣхъ прогрессивныхъ теоретиковъ, которые смотрятъ на товарный обмѣнъ какъ на преходящую историческую форму хозяйства. „Очень важно помнить,—говоритъ онъ,—что товарное хозяйство—не только продуктъ историческаго развитія, но и само подлежитъ дальнѣйшему развитію. Товарное хозяйство также возникаетъ, ростетъ и наконецъ клонится къ упадку, какъ и предшествовавшія формы хозяйства, которыя были, но которыхъ теперь нѣтъ". Такимъ образомъ у автора получается довольно неожиданное сочетаніе двухъ противоположныхъ идей и точекъ зрѣнія: съ одной стороны, предметомъ политической экономіи признается промышленно-товарное хозяйство въ его стихійныхъ, ничѣмъ не стѣсненныхъ проявленіяхъ, и слѣдовательно, существующій промышленный порядокъ вещей предполагается постояннымъ и долговѣчнымъ, какъ смотрѣли на него всѣ буржуазные экономисты старой школы; съ другой стороны, это же товарное хозяйство объявляется лишь временною исторической формою, и въ такомъ случаѣ оно не можетъ служить предметомъ особой постоянной науки. Недоумѣніе вызывается еще крайне страннымъ толкованіемъ историческаго характера политической экономіи: послѣдняя есть историческая наука будто бы въ томъ смыслѣ, что предметъ ея имѣетъ лишь преходящее историческое значеніе, а не потому, что она относится къ своему матеріалу съ исторической точки зрѣнія и прилагаетъ къ его изслѣдованію историческій методъ, историческіе пріемы изученія и анализа, какъ думаютъ всѣ вообще экономисты исторической школы.

Что же представляетъ собою политическая экономія, по мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго? Неразрывно связанная съ системою стихійнаго товарнаго хозяйства, она вовсе не существуетъ тамъ, гдѣ господствуютъ другія хозяйственныя формы, и перестанетъ существовать или утратитъ свое научное значеніе послѣ того какъ свободный товарный обмѣнъ уступитъ мѣсто новому промышленному строю, о которомъ мечтаютъ прогрессисты. Какъ наука о товарномъ хозяйствѣ, политическая экономія исчезнетъ вмѣстѣ съ этой историческою промышленною формою. Другими словами, никакой политической экономіи, въ смыслѣ общей науки, не существуетъ, а та спеціальная область знанія, которая извѣстна подъ этимъ именемъ, касается преходящихъ хозяйственныхъ явленій, лишенныхъ общаго характера и интереса. Однако, г. Туганъ-Барановскій, очевидно, не думалъ упразднять полити-

ческую экономію, какъ науку; онъ даже, какъ мы видѣли, приписываетъ ей особую научность на томъ основаніи, что она изучаетъ „точные, причинно-необходимые соціальные законы“ товарнаго обмѣна. Конечно, всякій механизмъ, имѣющій чисто-прикладное значеніе, дѣйствуетъ по точнымъ, причинно-необходимымъ законамъ, и это обстоятельство не даетъ еще матеріала для отнесенія данной науки къ „точнымъ, не прикладнымъ, теоретическимъ наукамъ“. Извѣстные причинно-необходимые соціальные законы проявляются и въ биржевыхъ оборотахъ и спекуляціяхъ, и даже въ дѣятельности какого-нибудь игорнаго дома, въ родѣ Монте-Карло; но отсюда еще не слѣдуетъ, что наука о биржевыхъ сдѣлкахъ или о рулеткѣ можетъ быть отнесена къ точнымъ, не прикладнымъ, теоретическимъ наукамъ. Г. Туганъ-Барановскій просто не уяснилъ себѣ нѣкоторыхъ принципіальныхъ вопросовъ, одинаково важныхъ для всякой вообще науки, и если своими сужденіями о предметѣ политической экономіи онъ какъ бы уничтожаетъ ее, то это онъ дѣлаетъ, разумѣется, безъ дурного умысла, по недоразумѣнію. Этимъ и отличается политическая экономія,—что въ ней можно быть и считаться спеціалистомъ, не имѣя яснаго представленія о требованіяхъ научной логики.

Нечего и говорить, что взглядъ автора на сущность и задачу экономической науки безусловно ошибоченъ. Политическая экономія должна заниматься изученіемъ условій матеріальнаго благосостоянія народовъ, при различныхъ формахъ хозяйственнаго быта, отъ самыхъ первобытныхъ до самыхъ сложныхъ и усовершенствованныхъ. Чѣмъ шире и разнообразнѣе охватываемый ею матеріалъ, тѣмъ вѣрнѣе она избѣгнетъ односторонности въ обобщеніяхъ и выводахъ, и тѣмъ больше будетъ у нея шансовъ попасть на истинный научный путь. Изслѣдованіе товарной промышленности составляетъ только второстепенную прикладную часть содержанія политической экономіи, и если оно выступаетъ на первый планъ въ работахъ многихъ экономистовъ, то единственно лишь вслѣдствіе практической важности извѣстныхъ формъ современнаго хозяйства. Основы хозяйственной жизни народовъ заключаются не въ товарномъ обмѣнѣ, а лежатъ гораздо глубже; онѣ связаны прежде всего съ поземельными отношеніями, которыя опредѣляютъ экономическій бытъ страны и даютъ общій тонъ народному хозяйству при всякой промышленной системѣ. Въ обычныхъ курсахъ и учебникахъ политической экономіи почти всецѣло господствуютъ торгово-промышленныя понятія и идеи, въ ущербъ другимъ интересамъ и традиціямъ, болѣе близкимъ

земледѣльческой народной массѣ, и въ этомъ отношеніи наши ученые экономисты ни въ чемъ не отступаютъ отъ иностранныхъ образцовъ, хотя имѣли бы полное основаніе и возможность проложить свою особую дорогу, которая соотвѣтствовала бы дѣйствительному характеру и свойствамъ русскаго народнаго хозяйства. Наши экономисты-теоретики полагаютъ, что слѣдуютъ за новыми научными доктринами, школами и направленіями, тогда какъ на самомъ дѣлѣ идутъ за чужими практическими партіями и программами. И въ то время какъ за границей мѣняются программы и способы дѣйствія передовыхъ экономическихъ партій, въ зависимости отъ требованій общественной или парламентской тактики,—у насъ эти перемѣны усвоиваются въ видѣ научныхъ усовершенствованій или нововведеній, характеризующихъ прогрессивную эволюцію даннаго міросозерцанія. Оттого у насъ происходятъ такія странныя явленія, какъ внезапная запоздалая вспышка марксизма и столь же внезапный упадокъ его подъ вліяніемъ партійныхъ разногласій и инцидентовъ, происходившихъ въ Германіи и имѣвшихъ тамъ свой опредѣленный практическій смыслъ.

Г. Туганъ-Барановскій принималъ дѣятельное участіе въ этомъ заимствованномъ у нѣмцевъ „марксистскомъ“ броженіи, которое онъ связываетъ, однако, съ какими-то перемѣнами въ своихъ собственныхъ теоретическихъ взглядахъ. „Я не стану утверждать,—говоритъ онъ въ предисловіи,—что мое общее міросозерцаніе не испытало за послѣднее время никакой перемѣны. Я никогда не былъ правовѣрнымъ ученикомъ Маркса, но еще очень недавно чувствовалъ себя гораздо ближе къ марксистамъ, чѣмъ теперь. Я избѣгалъ называть себя марксистомъ, но общественное мнѣніе признало меня таковымъ,—и я не протестовалъ противъ этого. Дальнѣйшее развитіе моихъ взглядовъ привело меня, однако, мало-по-малу къ полному разрыву съ ортодоксальнымъ марксизмомъ, который, по моему глубокому убѣжденію, сдѣлалъ свое дѣло и никакой будущности не имѣетъ. Величайшей задачей соціальной мысли нашего времени я считаю критическое преодолѣніе марксизма, долженствующее повести къ созданію новой соціальной системы, въ которую войдетъ много элементовъ марксизма, но въ переработанномъ, очищенномъ и преобразованномъ видѣ. Такимъ образомъ,—заключаетъ авторъ въ меланхолическомъ тонѣ—я разошелся со своими прежними идейными товарищами и расхожусь съ ними все больше и больше. Мои прежніе теоретическіе друзья становятся врагами“... Такъ говорилъ и могъ говорить германскій практическій дѣятель и публицистъ, членъ им-

перскаго сейма Эдуардъ Бернштейнъ, отрекшійся отъ марксистскихъ догматовъ своей партіи и возбудившій этимъ вражду ея руководителей,— ибо вызванный имъ расколъ грозилъ ослабить партійную организацію и подорвать ея политическое вліяніе; но кому мѣшала и какіе интересы затрогивала перемѣна въ чувствахъ г. Туганъ-Барановскаго по отношенію къ марксизму? Его „идейные товарищи", ставшіе врагами, кажутся намъ продуктами невольнаго подражанія, безсознательными отголосками чужой партійной борьбы, для которой у насъ нѣтъ и не было никакой почвы. Ортодоксальный марксизмъ, какъ теоретическое ученіе, ни въ чемъ не измѣнился за послѣднее время, и если онъ еще „очень недавно" представлялъ собою для автора научную истину, то нельзя понять причины позднѣйшаго отреченія или разрыва. Дальнѣйшее развитіе взглядовъ автора, приведшее его къ этому „полному разрыву", могло заключаться или въ болѣе обдуманной критической провѣркѣ того, что̀ раньше было усвоено безъ критики, или въ простой перемѣнѣ настроенія подъ вліяніемъ случайныхъ внѣшнихъ причинъ;—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ обнаруживалась бы крайняя ненадежность тѣхъ логическихъ пріемовъ, которые считаются достаточными для ученаго экономиста. Г. Туганъ-Барановскій едва ли могъ бы объяснить, почему и въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ признать величайшей задачей нашего времени „критическое преодолѣніе марксизма". Неужели же научная критика марксизма до сихъ поръ еще не исчерпала всѣхъ своихъ доводовъ, и критическое преодолѣніе этой доктрины предстоитъ еще въ будущемъ? Какъ согласить съ этимъ другое утвержденіе автора,—что ортодоксальный марксизмъ „сдѣлалъ свое дѣло и никакой будущности не имѣетъ", и что слѣдовательно преодолѣвать его нѣтъ болѣе надобности? Съ другой стороны, если это преодолѣніе остается еще дѣломъ будущаго, то авторъ напрасно заранѣе опредѣляетъ его результатъ— а именно „созданіе новой соціальной системы, въ которую войдетъ много элементовъ марксизма, но въ переработанномъ, очищенномъ и преобразованномъ видѣ". Эти противорѣчія и неясности происходятъ повидимому отъ смѣшенія двухъ разныхъ сторонъ предмета—теоретической и прикладной: къ первой примѣняется то, что̀ имѣетъ смыслъ только относительно второй, и наоборотъ. Говоря о марксизмѣ, авторъ не отличаетъ значенія его, какъ научной теоріи, отъ роли его, какъ практической партійной программы, и оттого, несмотря на все многословіе г. Туганъ-Барановскаго, отношеніе его къ марксизму является весьма неопредѣленнымъ.

Излагая факты, служащіе обычнымъ матеріаломъ политической экономіи, авторъ почти исключительно имѣетъ въ виду англійскую промышленность, ея исторію и литературу, причемъ руководствуется большею частью готовымъ освѣщеніемъ Маркса. Въ первыхъ четырехъ очеркахъ идетъ рѣчь о „генезисѣ англійскаго капитализма", объ Адамѣ Смитѣ, о промышленной революціи въ Англіи и о школѣ Смита, Мальтуса и Рикардо. Указавъ на важное значеніе Рикардо для экономической науки, авторъ мимоходомъ замѣчаетъ: „Единственнымъ крупнымъ шагомъ впередъ въ области теоріи политической экономіи послѣ Рикардо можно считать новую теорію цѣнности, выдвинутую въ 70-хъ и 80-хъ годахъ рядомъ ученыхъ и пользующуюся теперь почти общимъ признаніемъ въ академическихъ сферахъ, —мы имѣемъ въ виду такъ называемую теорію предѣльной полезности... Вообще можно думать, что мы находимся теперь наканунѣ полной перестройки теоретическаго зданія политической экономіи. Но это дѣло будущаго,—закончившійся же XIX вѣкъ въ области экономической науки можетъ быть названъ вѣкомъ Рикардо. Самый вліятельный экономическій теоретикъ второй половины истекшаго вѣка—Карлъ Марксъ—прибавилъ мало существенно новаго къ теоріи Рикардо и долженъ считаться вѣрнымъ ученикомъ послѣдняго" (стр. 77). Безплодные схоластическіе споры о цѣнности представляются г. Туганъ-Барановскому фундаментомъ, на которомъ держится все теоретическое зданіе политической экономіи, и въ этой фундаментальной области доктрина Маркса, имѣвшая въ сущности практическія соціальныя основы и цѣли, ставится ниже вульгарно-житейскихъ психологическихъ опредѣленій и формулъ такъ называемой австрійской школы. Эта школа—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ—„оперируя абстрактно-дедуктивнымъ методомъ, пришла къ совершенно новымъ и чрезвычайно важнымъ теоретическимъ выводамъ. Она дала новую теорію цѣнности, которая имѣетъ всѣ шансы стать общепринятою въ наукѣ" (стр. 208). „Великая заслуга австрійской школы" заключается въ томъ, что она „обѣщаетъ навсегда покончить споры о цѣнности, давъ полное и исчерпывающее объясненіе всѣмъ явленіямъ процесса оцѣнки, исходя изъ одного основного принципа" (стр. 211) и имѣя своимъ отправнымъ пунктомъ „точное опредѣленіе понятія полезности хозяйственнаго предмета" (тамъ же). Вѣра въ чудодѣйственную силу словесныхъ опредѣленій побуждаетъ автора объявлять чуть ли не идіотами экономистовъ, отвергающихъ австрійскую теорію. Напримѣръ, извѣстный англійскій теоретикъ Кэрнсъ не понялъ этой теоріи

потому, что „онъ страдалъ весьма распространеннымъ недостаткомъ—отсутствіемъ оригинальности, творческой способности ума: для новыхъ идей у него не хватало органа пониманія". „Бѣдный Кэрнсъ, какъ много онъ понялъ!"—восклицаетъ г. Туганъ-Барановскій, изложивъ его возраженія и не опровергнувъ ихъ ни однимъ словомъ. „Совершенно въ такомъ же родѣ—говорится далѣе—критиковали новую теорію и другіе экономисты. Ортодоксальные марксисты запада нашли теорію предѣльной полезности „буржуазной", а у насъ въ ней усмотрѣли признаки „мелкобуржуазности"... Все это однако нисколько не помѣшало окончательному успѣху новой теоріи. Теперь она является почти общепринятою не только среди буржуазныхъ ученыхъ, но и среди болѣе свободныхъ отъ догматическихъ предразсудковъ представителей противоположнаго направленія". Новая теорія сама по себѣ „столь же мало буржуазна, сколько и соціалистична: достаточно того, что она истинна" (стр. 216—217). Авторъ пытается даже примирить это „истинное" ученіе съ популярною трудовою теоріею цѣнности, но признается, что эта попытка непримѣнима къ теоріи цѣнности Маркса. Изъ словъ самого г. Туганъ-Барановскаго можно видѣть, что теорію австрійской школы отвергаютъ не только марксисты, но и экономисты другихъ направленій: „одни ее объявили вздоромъ, другіе — безсодержательнымъ truismомъ" (стр. 216). На чемъ же основано увѣреніе, что эта теорія пользуется теперь „почти общимъ признаніемъ въ академическихъ сферахъ" и „обѣщаетъ навсегда покончить споры о цѣнности"? Между прочимъ, въ нашей литературѣ существуютъ также спеціальные ученые трактаты о теоріяхъ цѣнности,—обстоятельное критическое изслѣдованіе В. Ф. Залѣсскаго въ двухъ выпускахъ (Казань, 1893) и диссертація г. А. Мануилова, появившаяся два года тому назадъ; и авторы обоихъ этихъ трактатовъ одинаково рѣшительно высказываются противъ австрійской доктрины. Г. Залѣсскій, послѣ подробнаго разбора спорной теоріи и вызванной ею полемики, приходитъ къ заключенію, что „теорія эта вся съ начала до конца построена на невѣрныхъ положеніяхъ и неправильныхъ выводахъ". Точно такъ же г. Мануиловъ утверждаетъ, что попытка австрійской школы „должна быть признана несостоятельною". Г. Туганъ-Барановскій поддерживаетъ противоположный выводъ, ссылаясь на явно невѣрный фактъ „почти общаго признанія", — ибо въ политической экономіи можно смѣло защищать самыя противоположныя и произвольныя мнѣнія, не рискуя быть уличеннымъ въ невѣжествѣ. Діалектика, вдохновляемая полемическимъ задо-

ромъ, замѣняетъ здѣсь научный методъ и дѣлаетъ излишними всякіе логическіе критеріи истины.

Въ главѣ объ „утопистахъ“—Оуэнѣ, Сенъ-Симонѣ и Фурье—авторъ отступаетъ отъ шаблонной оцѣнки ихъ, принятой въ марксистской литературѣ. По справедливому замѣчанію его, Оуэнъ „оказался, передъ судомъ исторіи, величайшимъ практикомъ; онъ явился иниціаторомъ и творцомъ самаго трезваго, самаго разсудочнаго, самаго практическаго—слишкомъ практическаго—рабочаго движенія нашихъ дней, такъ называемаго кооперативнаго движенія“. А Сенъ-Симонъ и Фурье „были величайшими изслѣдователями соціальныхъ явленій, какихъ мы только знаемъ“ (стр. 92). „Насколько творчество выше критики—говоритъ авторъ далѣе,—настолько утописты выше своихъ продолжателей, критиковъ капиталистическаго строя,—Прудона, Родбертуса, Маркса. И если Марксъ заставилъ на долгое время забыть своихъ болѣе великихъ предшественниковъ и учителей, то это лишь потому, что условія исторической жизни выдвинули въ наше время на первый планъ классовую политическую борьбу, значенія которой не понимали утописты“ (стр. 226). Итакъ, Марксъ, какъ экономистъ-теоретикъ, не можетъ быть сравниваемъ ни съ Рикардо, ни съ Фурье, ни даже съ австрійскими сочинителями теоріи предѣльной полезности, Менгеромъ и Визеромъ. Въ представленіи г. Туганъ-Барановскаго Марксъ постоянно мѣняется: онъ то великъ и геніаленъ, то совершенно незначителенъ; онъ гораздо выше Прудона, который въ свою очередь выше его. Забавно видѣть, какъ авторъ путается въ своихъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ о Марксѣ; онъ просто не знаетъ, какъ отнестись къ нему, и на всякій случай превозноситъ его научныя заслуги одновременно съ отрицаніемъ этихъ заслугъ. Разбирая извѣстную книгу Прудона „Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère“ и рѣзкую критику ея въ брошюрѣ Маркса „Misère de la philosophie“, г. Туганъ-Барановскій сначала отдаетъ преимущество противнику Прудона, а затѣмъ переходитъ на сторону послѣдняго. Съ одной стороны, небольшая полемическая книга Маркса „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе замѣчательна, чѣмъ двухтомный трудъ Прудона, такъ какъ въ ней мы находимъ первый абрисъ соціальной и экономической системы Маркса, далеко превосходящей по силѣ мысли и по своему научному и общественному значенію всѣ разсужденія Прудона“ (стр. 235). Съ другой стороны, сочиненіе Прудона—„одна изъ тѣхъ работъ, которыя составляютъ въ исторіи науки эпоху“. Безъ этого труда „былъ бы невозможенъ и „Капиталъ“ Маркса.

И общій планъ работы и многія частности „Экономическихъ противорѣчій“ оказали могущественное вліяніе на автора „Капитала“, отрицавшаго достоинства сочиненія, которому онъ самъ былъ обязанъ очень и очень многимъ“ (стр. 236). „Весьма замѣчательное ученіе“ Прудона о цѣнности „оказало огромное вліяніе на выработку взглядовъ Маркса, подвергнувшаго книгу Прудона такой суровой критикѣ. О справедливости этой критики можно судить по слѣдующему примѣру. Марксъ высмѣиваетъ утвержденіе Прудона, что трудъ, служащій измѣрителемъ цѣнности, не можетъ самъ имѣть цѣнности. Доводы Прудона, что трудъ, въ качествѣ субстанціи цѣнности, самъ имѣть цѣнности не можетъ, казались Марксу пустымъ филологическимъ упражненіемъ. Прошло двадцать лѣтъ, и Марксъ объявилъ въ „Капиталѣ“ свое собственное мнѣніе, выраженное въ цитированныхъ строкахъ, „грубой ошибкой вульгарной экономіи, которая сперва предполагаетъ цѣнность товара—труда, чтобы потомъ этой цѣнностью опредѣлять цѣнность другихъ товаровъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Марксъ вполнѣ усвоилъ осмѣянную имъ теорію Прудона и доказываетъ въ „Капиталѣ“, вслѣдъ за Прудономъ, что трудъ не можетъ имѣть цѣнности. Но лучше всего то, что даже такіе выдающіеся марксисты, какъ Каутскій, считаютъ возможнымъ игнорировать во всемъ этомъ роль Прудона, безтрепетно заявляя: „Марксъ впервые доказалъ, что трудъ не есть товаръ, и потому не обладаетъ никакой цѣнностью, хотя трудъ есть источникъ и мѣрило всякой цѣнности“, и называютъ теорію Прудона „основнымъ открытіемъ Маркса“ (стр. 240—241).

Въ концѣ концовъ выходитъ, что Марксъ беззастѣнчиво заимствовалъ у Прудона свои главныя идеи и недобросовѣстно нападалъ на него съ цѣлью скрыть слѣды своихъ заимствованій, —какъ онъ дѣлалъ и относительно другихъ авторовъ, которымъ былъ чѣмъ-нибудь обязанъ, напр. относительно фонъ-Тюнена и Родбертуса. Полемика Маркса противъ Прудона оказывается замѣчательною вовсе не по силѣ мысли и не по научному и общественному значенію своихъ откровеній, а только по необыкновенному цинизму своей тенденціозной лживости. Г. Туганъ-Барановскій отмѣчаетъ совпаденіе существенныхъ взглядовъ Прудона съ позднѣйшими выводами Маркса. „Задачу экономической науки Марксъ понимаетъ совершенно такъ же, какъ и Прудонъ. Открытіе закона развитія современнаго хозяйственнаго строя,— къ этому стремился Прудонъ въ „Экономическихъ противорѣчіяхъ“ и Марксъ въ „Капиталѣ“. Подобно Прудону, Марксъ признаетъ цѣнность краеугольнымъ камнемъ экономическаго зда-

нія и начинаетъ свой анализъ экономическихъ категорій съ анализа цѣнности. Ученіе о цѣнности Прудона явственно отразилось въ „Капиталѣ“... Дѣйствительно, оно заключаетъ въ себѣ глубокія мысли, недостаткомъ которыхъ является то, что онѣ не доведены до конца“ (стр. 241). Указанію Прудона на неравенство оплаты разныхъ видовъ труда, какъ на грубое нарушеніе принципа трудовой цѣнности, Марксъ противопоставляетъ „жалкую теорію, санкціонирующую существующую эксплуатацію и замѣняющую произвольной фикціей объясненіе чрезвычайно важнаго соціальнаго факта“. „Мы видимъ—продолжаетъ г. Туганъ-Барановскій, — что иронія Маркса не попадаетъ въ цѣль, и что пониманіе трудовой цѣнности Прудономъ... оказывается болѣе глубокимъ, чѣмъ поверхностное пониманіе самого Маркса“... (стр. 244). Вообще „Экономическія противорѣчія“ Прудона „содержатъ въ себѣ такую глубокую критику капиталистическаго строя, что большинству послѣдующихъ критиковъ капитализма оставалось только развивать или модифицировать мысли Прудона“. Куда же дѣвалось мнѣніе, что идеи Маркса „далеко превосходятъ по силѣ мысли и по своему научному и общественному значенію всѣ разсужденія Прудона“?

Въ такомъ же родѣ приходится лавировать г. Туганъ-Барановскому при разборѣ отношеній „геніальнаго и великаго“ творца „Капитала“ къ Родбертусу. „Дѣло въ томъ, что... Карлъ Марксъ удивительно сошелся въ существенныхъ частяхъ своей экономической теоріи съ Родбертусомъ. А такъ какъ Родбертусъ высказалъ свои взгляды значительно раньше Маркса—уже въ своей первой работѣ, вышедшей въ 1842 году,—то Родбертусъ счелъ себя въ правѣ обвинить Маркса въ плагіатѣ. Конечно, марксисты не остались въ долгу, и уже послѣ смерти обоихъ великихъ мыслителей между ихъ приверженцами загорѣлся жаркій споръ о пріоритетѣ Родбертуса и Маркса. Вѣрный другъ Маркса, Энгельсъ, сдѣлалъ все возможное, чтобы скомпрометировать научное значеніе Родбертуса и уронить его авторитетъ. Ядовитая, но крайне слабая и неубѣдительная критика Энгельса не могла оказать вліяніе на людей съ самостоятельной мыслью; но такъ какъ таковыхъ крайне мало, а огромное большинство, чувствуя свою духовную скудость, всегда ищетъ вождя и руководителя, на котораго можно было бы опереться и за которымъ можно было бы слѣпо идти, и такъ какъ, далѣе, такимъ вождемъ для большинства рабочей интеллигенціи Запада является въ настоящее время Марксъ, то не удивительно, что Энгельсъ вполнѣ достигъ въ средѣ рабочаго класса (?) своей цѣли—умаленія Род-

бертуса, какъ теоретическаго мыслителя. Напротивъ, безпристрастный изслѣдователь не можетъ не признать безусловно справедливымъ утвержденія Родбертуса, что послѣдній далъ въ третьемъ „Соціальномъ письмѣ“ такое же объясненіе происхожденія прибавочной цѣнности капиталиста, какъ и Марксъ, только „гораздо болѣе короткое и ясное“... И это дѣло Родбертусъ исполнилъ не только *раньше* Маркса (что большого значенія не имѣетъ), но и *лучше* Маркса (что уже очень важно). Родбертусу требуется нѣсколько страницъ для выраженія того, что Марксъ излагаетъ на десяткахъ и сотняхъ страницъ. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теорія ренты автора „Соціальныхъ писемъ“ глубже и богаче содержаніемъ всего того, что написалъ по тому же вопросу Марксъ“ (стр. 290—291). Впрочемъ, какъ поясняетъ авторъ, „заслуга обоихъ великихъ экономистовъ заключалась не въ построеніи новой теоріи нетрудового дохода, а лишь въ усовершенствованіи старой теоріи, которой они придали болѣе ясную и логически законченную форму“. Между тѣмъ, самая эта теорія въ томъ видѣ, какой получила она въ трудахъ Родбертуса и Маркса, „уже несомнѣнно окончательно опровергнута и отвергнута наукой“ (стр. 265), хотя скрываетъ въ себѣ „какую-то глубокую истину“. Авторъ вдается въ лиризмъ, говоря о важности теоретическихъ построеній, глубоко истинныхъ и въ то же время ошибочныхъ. По его словамъ, „Родбертусъ сдѣлалъ болѣе всякаго другого для раскрытія глубочайшаго, до сихъ поръ еще не разъясненнаго, сокровеннаго смысла трудовой теоріи цѣнности, которая по истинѣ играетъ роль загадки сфинкса въ новѣйшей политической экономіи“; „есть же въ этой теоріи какая-то таинственная сила, какое-то непонятное очарованіе, если, несмотря на очевиднѣйшія, какъ дважды два, опроверженія, она продолжаетъ жить и не теряетъ своей власти надъ умами“! Сокровенный смыслъ, таинственная сила, непонятное очарованіе,—это, конечно, фразы совершенно излишнія и неосновательныя, въ виду того общеизвѣстнаго факта, что трудовая теорія цѣнности принималась за вѣрнѣйшее научное орудіе защиты правъ труда и рабочаго класса.

Значительный отдѣлъ книги г. Туганъ-Барановскаго посвященъ критикѣ ученія Маркса (стр. 293—434). Повторяя многое изъ того, что излагалось уже другими [1]) и что вызывало въ

[1]) Напр. въ нашихъ статьяхъ, изданныхъ отдѣльной книжкой въ 1898 г. („Экономическое ученіе Карла Маркса“).

свое время рѣзкія нападки нашихъ „марксистовъ“ (въ томъ числѣ самого г. Туганъ-Барановскаго), авторъ старается какъ будто удовлетворить своихъ бывшихъ единомышленниковъ обиліемъ восторженныхъ эпитетовъ въ отзывахъ о личныхъ талантахъ и заслугахъ Маркса. По существу признается справедливымъ отрицательное отношеніе къ теоріямъ „учителя“; но труды его называются не иначе какъ „геніальными“, иногда—„въ полномъ смыслѣ геніальными“, а авторъ ихъ—„великимъ“. Постоянное повтореніе этихъ эпитетовъ становится просто утомительнымъ для читателя, и оно кажется лишь какимъ-то ненужнымъ остаткомъ стараго наивнаго культа. Величіе Маркса подтверждается авторомъ на каждомъ шагу, кстати и некстати. „Великій экономистъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ искуснымъ дипломатомъ“ (стр. 303); къ концу жизни „геніальный экономистъ былъ въ апогеѣ своей славы: его мысли стали символомъ вѣры милліоновъ рабочихъ всего міра (sic!); его практическая программа легла въ основаніе политической борьбы пролетаріата европейскаго континента. Всѣ его былые соперники сошли со сцены или были забыты. И онъ оставался единственнымъ общепризнаннымъ верховнымъ авторитетомъ, творцомъ и главою самаго могущественнаго соціальнаго движенія, какое только знаетъ исторія“ (стр. 304). Здѣсь уже забывается, что „мысли“ Маркса принадлежатъ не ему лично, а цѣлому ряду писателей и общественныхъ дѣятелей—Прудону, Луи Блану, Родбертусу, Лассалю; что изъ „рабочихъ всего міра“ самые передовые—французы и англичане—почти не знали и не знаютъ марксизма, а имѣли своихъ собственныхъ національныхъ вдохновителей и вождей; и что въ самой Германіи соціально-демократическое рабочее движеніе было организовано не Марксомъ, а Лассалемъ, и фактически направлялось такими даровитыми самобытными практиками, какъ Бебель. Авторъ особенно превозноситъ Маркса, какъ соціолога и философа-историка: его „коммунистическій манифестъ“ представляетъ собою „первую геніальную попытку приложить матеріалистическое пониманіе исторіи“ къ объясненію новѣйшей соціальной исторіи Европы; „въ трехъ томахъ „Капитала“ идея соціальнаго матеріализма является центральнымъ фокусомъ, откуда исходятъ *цѣлые снопы лучей*, которыми Марксъ такъ ярко и своеобразно освѣтилъ соціальный строй нашего времени“. Въ работахъ Маркса „мы находимъ геніальное примѣненіе теоріи матеріалистическаго пониманія исторіи къ объясненію историческихъ фактовъ, но сама теорія остается выраженной въ рядѣ отрывочныхъ афоризмовъ, безъ всякой попытки дать что-либо похожее на

строго-логическое доказательство ея" (стр. 305). Геніальность оказывается, въ сущности, весьма сомнительною, ибо серьезныхъ научныхъ результатовъ она не принесла: Марксъ въ своей знаменитой философско-исторической теоріи не пошелъ дальше отрывочныхъ и односторонніхъ афоризмовъ, и „даже самое содержаніе теоріи—не говоря уже объ ея обоснованіи—остается и по настоящее время не вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ" (стр. 306).

Чисто-экономическая часть доктрины, по мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго, не выдерживаетъ научной критики, и однако „марксизмъ представляетъ собою геніальнѣйшую и, безъ сомнѣнія, далеко вліятельнѣйшую изъ попытокъ соціальнаго изученія хозяйства" (стр. 379). Марксъ ошибочно смѣшалъ два различныя понятія—цѣнность и стоимость; неудачная терминологія „есть только послѣдствіе непониманія (!) авторомъ „Капитала" глубокаго принципіальнаго различія двухъ основныхъ экономическихъ категорій—цѣнности и стоимости. Этимъ объясняются безчисленныя и всѣмъ извѣстныя противорѣчія абстрактной теоріи „Капитала" (стр. 380). Не помогло дѣлу и „геніальное ученіе о товарѣ-фетишѣ", построенное на картинной игрѣ словъ. Знаменитая теорія прибавочной цѣнности, заимствованная Марксомъ изъ малоизвѣстнаго сочиненія Вильяма Томпсона, покоится на „совершенно несостоятельной основѣ". „Вся утомительная схоластика трехъ толстыхъ томовъ „Капитала", имѣющая цѣлью привести теорію прибавочной цѣнности хотя бы въ отдаленное соотвѣтствіе съ реальными фактами капиталистическаго хозяйства, ни къ чему не нужна и должна быть выброшена наукой за бортъ, ибо сама теорія, въ самомъ своемъ основаніи, не вѣрна (стр. 388). Г. Туганъ-Барановскій смѣло отвергаетъ „измышленія Маркса", говоритъ объ его „безнадежныхъ попыткахъ" спасти свою теорію, о „нелѣпости" его утвержденій и выводовъ. „Экономическія построенія „Капитала" относятся къ какому-то фантастическому міру, не имѣющему ничего общаго съ реальнымъ міромъ. Категорически заявляя, что цѣны не тяготѣютъ къ трудовымъ затратамъ, Марксъ съ неутомимымъ усердіемъ нанизываетъ одну формулу на другую, вводитъ новыя и новыя усложненія въ свою систему, строитъ одну запутанную теорему на другой, дѣлаетъ все болѣе темною свою хитроумную и крайне искусственную теоретическую конструкцію, въ основѣ которой лежитъ категорическое допущеніе, что цѣны тяготѣютъ къ трудовымъ затратамъ. Весь второй томъ „Капитала" (кромѣ III отдѣла) представляетъ собою удивительнѣйшій образчикъ экономической схоластики, въ которой чисто

словесныя построенія разростаются до чудовищныхъ размѣровъ; понятіе трудовой цѣнности переворачивается Марксомъ на всѣ лады, изъ него извлекаются самые замысловатые выводы, а изслѣдованіе объективныхъ фактовъ не подвигается ни на шагъ. Мысль вращается все время въ кругу понятій, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. И вся эта схоластика... покоится на тезисѣ, который опровергается самимъ авторомъ!" (стр. 394). Послѣ такой характеристики авторъ внезапно прерываетъ себя замѣчаніемъ: „Марксъ, конечно, геніаленъ, и многія его мысли войдутъ навсегда въ сокровищницу человѣческаго знанія; но, достигая предѣловъ глубины пониманія, онъ достигалъ и предѣловъ логической безвкусицы, отъ которой такъ пострадало его великое твореніе".

Недостатокъ ясной и опредѣленной мысли приводитъ автора къ безсодержательной фразеологіи, въ которой восхваленіе марксизма чередуется съ его осужденіемъ. „Величественное теоретическое зданіе, воздвигнутое авторомъ „Капитала", — говорится въ концѣ книги,—даетъ одну трещину за другою, обваливается, и если пока держится, то лишь потому, что еще не созрѣла новая соціальная система, долженствующая замѣнить ветшающій марксизмъ. Но уже ясно общее направленіе соціальной мысли ближайшаго будущаго. Гармоничное соединеніе, въ одной стройной концепціи, соціальной практики съ соціальной теоріей, практическаго идеализма съ теоретическимъ идеализмомъ—вотъ великая задача, которая поставлена временемъ. По своимъ философскимъ предпосылкамъ новая доктрина должна явиться прямой противоположностью соціальному матеріализму. Но старое всегда воскресаетъ въ преобразованномъ видѣ въ новомъ. И марксизмъ, если сойдетъ со сцены, то лишь для того, чтобы войти въ составъ новыхъ ученій, которыя воспользуются неумирающими элементами марксизма, чтобы сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ на пути къ рѣшенію великихъ соціальныхъ проблемъ нашего времени, не рѣшенныхъ закончившимся XIX вѣкомъ и оставленныхъ имъ въ наслѣдіе начинающемуся столѣтію". Рѣчь идетъ здѣсь о перестройкѣ или обновленіи „*теоретическаго* зданія",— слѣдовательно, о вопросахъ и задачахъ чисто-научнаго свойства; а между тѣмъ предлагается какое-то соединеніе соціальной практики съ соціальною теоріею для подготовки будущаго рѣшенія великихъ соціальныхъ проблемъ, глубоко практическихъ, а вовсе не научныхъ. Чтобы теорія подвигалась впередъ практикою и стремилась къ гармоническому съ нею единенію, — это довольно трудно себѣ представить; по здравому смыслу должно быть на-

оборотъ: теорія стоитъ внѣ и выше практики, даетъ ей руководящія начала, но никакъ не сливается и не можетъ сливаться съ нею.

Политическая экономія не будетъ подвигаться впередъ и не сдѣлается настоящей наукою, пока не перестанетъ вдохновляться перемѣнчивыми интересами и идеями промышленной практики и пока не усвоитъ болѣе точныхъ и обдуманныхъ пріемовъ разсужденія и доказательства. Наука немыслима безъ какого-нибудь научнаго метода, а экономисты-теоретики, за рѣдкими исключеніями, не считаютъ для себя обязательнымъ даже соблюденіе элементарныхъ правилъ научной логики. Политическая экономія не вышла еще изъ той стадіи развитія, когда задачей науки признается, съ одной стороны, установка словесныхъ опредѣленій, а съ другой—нагроможденіе фактовъ, въ видѣ безконечно-возростающей груды сырого матеріала. Опредѣленія разныхъ промышленныхъ понятій—цѣнности, капитала, прибыли, ренты, производства и потребленія товаровъ—до сихъ поръ еще занимаютъ экономистовъ, какъ нѣчто серьезное и нужное,—хотя давно уже можно было убѣдиться въ безплодности этой схоластики, вращающейся около пустыхъ споровъ о словахъ. Г. Туганъ-Барановскій вѣритъ еще въ важное значеніе опредѣленій. „Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—несмотря на многолѣтнее существованіе особой науки о народномъ хозяйствѣ, самое понятіе хозяйства до настоящаго времени все еще не можетъ считаться точно установленнымъ. Экономическая наука точно такъ же не обладаетъ всѣми признаваемымъ опредѣленіемъ хозяйства, какъ наука о правѣ—опредѣленіемъ права“ (стр. 319). Но никакія опредѣленія не могутъ быть „всѣми признаваемы“, и ничѣмъ нельзя ограничить количество возможныхъ комбинацій словъ и понятій относительно того или другого предмета. Каждый ученый теоретикъ будетъ неизбѣжно предлагать и отстаивать свои собственныя словесныя формулы и дефиниціи, и такъ будетъ продолжаться безъ конца, если экономисты не откажутся отъ безнадежной возни съ понятіями и словами, замѣняющей для нихъ объективный анализъ реальныхъ явленій. Вмѣсто того, чтобы пережевывать разныя опредѣленія цѣнности и отыскивать глубокій смыслъ въ „товарѣ-фетишѣ“, теоретики политической экономіи должны были бы заняться изученіемъ дѣйствительныхъ элементовъ и общихъ условій матеріальнаго благосостоянія народовъ, начиная съ фундамента экономическаго быта—основъ поземельнаго строя и поземельныхъ отношеній. Г. Туганъ-Бара-

новскій не принадлежитъ къ тому типу изслѣдователей, отъ котораго можно ожидать обновленія установившейся мнимо-научной рутины; онъ весь проникнутъ иллюзіею важности и даже величія экономической науки въ современномъ ея промышленномъ видѣ, съ ея обветшалымъ, много разъ опровергнутымъ и, однако, моднымъ, „неумирающимъ“ марксизмомъ...

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ДУБЪ.

Все вѣетъ раннею весною:
Зеленый, бархатный лужокъ,
Холмы, поросшіе сосно́ю;
Бурливый, быстрый ручеекъ,
Что роетъ мутною волною
И сноситъ съ берега песокъ;

Смолистый, свѣжій запахъ ели,
Черемухъ нѣжный ароматъ...
И стадъ мычанье, звукъ свирѣли,
Далекій громовой раскатъ
И птичекъ радостныя трели
Весной-волшебницей звучатъ.

Одинъ лишь только дубъ столѣтній
Отъ сна проснуться не спѣшитъ;
На немъ одномъ одежды лѣтней
Покровъ зеленый не шумитъ,
Хотя все мягче и привѣтнѣй
Весна въ лицо ему глядитъ.

Одинъ—угрюмый, обнаженный,
Обезоруженный старикъ,
Какъ гордый витязь побѣжденный,
Челомъ задумчивымъ поникъ.
Что̀—міръ для старца возрожденный,
И что̀—весны побѣдный кликъ?

На немъ зеленые листочки
Не могутъ жизни проявить,
У нихъ нѣтъ силъ сквозь стѣнки почки
Желанный путь себѣ пробить,
Тепла имъ нужно и помочки,
Чтобъ снова дубъ заставить жить.

Онъ вѣтви къ небу простираетъ!
Пусть громъ гремитъ и льютъ дожди,
Пусть лучъ весенній пробуждаетъ
Въ немъ силы, спящія въ груди...
И дубъ съ мольбою восклицаетъ:
—Весна моя, весна, приди!

II.

СОНЪ И ПРОБУЖДЕНІЕ.

Въ іюльскій жаръ, подъ солнцемъ знойнымъ,
Какимъ-то сказочно-спокойнымъ
Природа засыпаетъ сномъ:
Нигдѣ ни звука,
И тишь, и скука
Царятъ кругомъ.

Угрюмо дремлютъ лѣсъ и горы,
Притихли птичекъ пѣвчихъ хоры,
Отъ ульевъ пчелы не летятъ,
И даже во̀лны,
Покоя по̀лны,
Какъ будто спятъ.

Покоясь въ зелени лѣниво,
Открыли чашечки стыдливо
Лучу горячему цвѣты
И въ волнахъ свѣта
На зовъ привѣта
Ихъ ждутъ мечты.

Надъ нивой ярко-золотистой,
Покрытой рожью колосистой,
Летаетъ тоже ангелъ сна;
Ему внимаетъ
И засыпаетъ,
Какъ всѣ, она.

Въ покосъ лишенные одежды,
Одни лучи лишь безъ надежды
На жаркій лучъ бросаютъ взглядъ
И молятъ слёзно
Погоды грозной
И ливней рядъ.

Они теперь не манятъ взора,
Лишившись пестраго убора
Подъ острымъ лезвіемъ косы;
Имъ грустно, больно
И жаль невольно
Былой красы.

Но вотъ,—сводъ неба закрывая,
Нависла туча громовая,
Промчался вѣтеръ, грянулъ громъ
Все встрепенулось
И въ мигъ проснулось
Отъ сна кругомъ.

Какъ живописны и красивы
Грозой охваченныя нивы,
Гдѣ хлѣба колосъ золотой,
Какъ будто море
Въ своемъ просторѣ,
Кипитъ волной.

Минутѣ радуясь свободы,
Изъ береговъ выходятъ воды,
Деревья дрогнули, шумятъ
И долу гнутся;
Съ нихъ листья рвутся
И въ даль летятъ.

Какъ хорошо и какъ прохладно...
Прохладу эту ловитъ жадно
Жарой измученная грудь!
Ты жаждешь рѣчи
И ищешь встрѣчи,
Хоть съ кѣмъ-нибудь,—

Чтобъ въ той картинѣ пробужденья
Искать двойного наслажденья,
Чтобъ мощь ея и красоту
Понять сердечно
И помнить вѣчно
Картину ту!

Владиміръ Марковъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ

НА

1903-ій годъ.

Если допустить, что сумма нашихъ государственныхъ доходовъ находится въ соотвѣтствіи съ народнымъ благосостояніемъ, не превышая извѣстный процентъ чистаго дохода населенія,—напр., не болѣе 10%,—то въ такомъ случаѣ можно было бы признать, что русскій народъ относительно богатъ, такъ какъ чистый его доходъ пришлось бы считать въ 18.000.000.000 руб. въ годъ, что̀ составляетъ, въ среднемъ, 700 руб. на каждое семейство въ пять человѣкъ. Но такое предположеніе, будучи построено на голыхъ принципахъ финансовой науки, утверждающей, что налоги должны падать на чистый доходъ и не превышать указанной нормы, какъ максимальной, — можно встрѣтить пока только въ учебникахъ, въ дѣйствительности же оно далеко еще не прилагается къ жизни; по той же причинѣ и сдѣланное выше предположеніе о богатствѣ русскаго народа представляется, съ нашей стороны, крайне рискованнымъ. По свѣдѣніямъ [1]), собраннымъ главнымъ образомъ въ 80-хъ годахъ предшествующаго столѣтія, годовой валовой доходъ главной массы плательщиковъ-крестьянъ обрисовывается въ слѣдующемъ видѣ, если принять во вниманіе какъ земледѣліе, такъ и промысловые доходы (кустарное производство и фабрично-заводскіе и др. заработки):

---

[1]) „Крестьянскіе бюджеты“ Ф. А. Щербины; статья напечатана въ оффиціальномъ изданіи министерства финансовъ: „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“, т. II. (Изданіе 1897 года).

На 1 душу населенія обоего пола приходится, въ руб. и коп.,
въ среднемъ по Россіи:

Отъ зерна съ своихъ земель	16 р. 20 к.
Отъ зерна съ арендуемыхъ земель	1 „ 92 „
Отъ соломы, мякины и сѣна	8 „ 16 „
Огородничество, садоводство и проч.	2 „ 63 „
Скотоводство	9 „ 99 „
Промыслы	9 „ 47 „
Отъ разныхъ статей	7 „ 26 „
Всего	55 „ 63 „

На семейство въ 5 душъ *валовой* доходъ опредѣляется, по этимъ вычисленіямъ, всего въ суммѣ 278 р. 15 коп. Этотъ валовой доходъ очень невеликъ, онъ даетъ возможность тратить въ теченіе круглаго года не болѣе *75 коп. въ день на всѣ* продовольственныя и хозяйственныя нужды семьи; но крестьяне такъ мало расходуютъ на прокормленіе и одежду, на содержаніе усадьбы, скота, инвентаря и проч., что у нихъ какъ-то еще хватаетъ силы и умѣнья выжимать изъ этого ничтожнаго валового дохода—чистый доходъ, необходимый для уплаты разнообразныхъ мірскихъ, земскихъ и государственныхъ повинностей; вотъ приблизительный счетъ ихъ расходовъ:

На одну душу приходится, въ рубляхъ и копѣйкахъ,
въ среднемъ по Россіи:

На зерно	18 р. 10 к.
На кормъ скота	8 „ 47 „
На овощи и фрукты	1 „ 30 „
На животную пищу	3 „ 90 „
На аренду земли	1 „ 02 „
На остальные расходы	20 „ 10 „
Итого валовой расходъ	52 „ 89 „

Вычитая изъ валового дохода валовой расходъ, выходитъ, что на одного человѣка остается *чистаго дохода* около трехъ рублей въ годъ или около 15 рублей на семью; они всѣ сполна, конечно, и идутъ на уплату повинностей и налоговъ. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ данныхъ видно, что у крестьянъ, т.-е. у большинства населенія, принимая въ разсчетъ среднія цифры, чистый доходъ, подлежащій обложенію, можетъ образоваться только посредствомъ сокращенія потребленія до minimum'а, доходящаго иногда до такъ называемаго „недоѣданія", и уменьшенія до nec plus ultra всяческихъ домашнихъ и хозяйственныхъ расходовъ; и что, затѣмъ, этотъ чистый доходъ облагается уже такимъ образомъ, что ничего не можетъ оставаться въ рукахъ населенія про черный день; поэтому, когда случается недо-

родъ, крестьянское хозяйство приходитъ въ полное разстройство, и крестьяне, несмотря иногда на распродажу по дешевой цѣнѣ инвентаря, лошадей и коровъ [1]), оказываются не въ силахъ прокормить себя, и правительство вынуждено заботиться объ ихъ продовольствіи. Превращеніе недорода въ голодъ не заставляетъ себя долго ждать.

Нельзя не упомянуть еще о другихъ попыткахъ къ исчисленію валового дохода Россіи—отъ земледѣлія и промышленности. По разсчетамъ, сдѣланнымъ въ департаментѣ мануфактуръ и торговли, оказалось, что „все годичное производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи по цѣнности не превышаетъ полутора милліардовъ", тогда какъ „ежегодное производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности превосходитъ два милліарда". По свѣдѣніямъ же министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ исчислено, что цѣнность годового производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ надо считать не въ 1½, а въ 4 милліарда рублей, а цѣнность продуктовъ промышленности значительно менѣе 2 милліардовъ рублей, въ виду того, что въ департаментѣ мануфактуръ и торговли, при исчисленіи послѣдней суммы, въ цѣнность фабрикатовъ включили неправильно цѣнность и сырыхъ матеріаловъ. Изъ этого видно, что по оффиціальной статистикѣ нѣтъ никакой возможности составить хотя бы приблизительное представленіе о народныхъ доходахъ. Въ этомъ отношеніи земская статистика, на основаніи которой исчисленъ приведенный выше „крестьянскій бюджетъ", заслуживаетъ особеннаго вниманія; иначе, впрочемъ, и не можетъ быть: въ департаментахъ матеріалами для статистики служатъ исключительно рапорты служащихъ и отчеты волостныхъ писарей, а земская статистика собирается свѣдущими лицами, на мѣстахъ, подъ руководствомъ земскихъ управъ и такихъ выдающихся дѣятелей, какъ г. Щербина. Какъ ни скроменъ, по исчисленіямъ г. Щербины, валовой доходъ на душу крестьянскаго населенія (55 руб. 63 коп.), онъ все-таки значительно *менѣе пессимистиченъ*, чѣмъ приведенныя выше оффиціальныя данныя. И въ самомъ дѣлѣ, если взять цѣнность годового производства по свѣдѣніямъ министерства финансовъ (3½ милліарда рублей), то, принимая населеніе имперіи въ 130 милліоновъ, окажется, что валовой доходъ на душу составлялъ всего 27 руб. въ годъ, а по свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ (5½ милліардовъ руб.)—42 р. на душу, по разсчету на всѣ сословія.

[1]) Распродажа крестьянскаго скота и инвентаря особенно усиленно идетъ, въ данную минуту, для добычи денегъ на прокормъ и уплату повинностей, въ псковской и тверской губерніяхъ, вслѣдствіе недорода хлѣбовъ; о послѣдней подробно сообщается въ „Спб. Вѣдом." отъ 8-го января настоящаго года.

Не вѣроятнѣе ли допустить, что у крестьянъ на душу валового дохода приходится 56 р., а у другихъ сословій—значительно больше?

Въ дополненіе къ сказанному, слѣдуетъ присовокупить, что въ настоящее время, судя по фактамъ, сдѣлавшимся достояніемъ печати, положеніе крестьянскаго хозяйства находится въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ въ 80-хъ годахъ XIX вѣка, къ которымъ относятся изслѣдованія „крестьянскихъ бюджетовъ“ [1]); а налоги и повинности, между тѣмъ, значительно повысились, какъ видно изъ роста государственнаго бюджета; въ 80-хъ годахъ послѣдній, въ среднемъ, не превышалъ 800 милліоновъ руб. по обыкновеннымъ доходамъ, а затѣмъ быстро началъ возростать и, наконецъ, въ настоящемъ году достигъ 1.880 милл. руб. Сколько изъ этой суммы приходится на долю крестьянъ, составляющихъ болѣе $^4/_5$ всего населенія имперіи, трудно подсчитать, но едва ли менѣе пяти рублей на наличную душу, или около 25 руб. на семью изъ 5 человѣкъ, если принять въ разсчетъ, кромѣ прямыхъ налоговъ и платежей, всѣ косвенные налоги и таможенные сборы, перелагаемые на потребителей.

Наконецъ, если предположить, что приведенныя выше свѣдѣнія грѣшатъ неполнотою и неточностью, въ чемъ мы и не сомнѣваемся, все-таки нельзя отрицать, что они заслуживаютъ не менѣе довѣрія, чѣмъ, напр., оффиціальныя данныя объ урожаяхъ, которыя, несмотря на это, принимаются въ разсчетъ при обсужденіи разныхъ государственныхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, оставаясь въ предѣлахъ фактическаго матеріала, едва ли можно замѣтно измѣнить нарисованную картину; и поэтому, говоря о государственной росписи, надо имѣть въ виду, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить мѣриломъ народнаго благосостоянія. Наше финансовое положеніе опредѣляется просто безнедоимочнымъ поступленіемъ въ казну назначенныхъ доходовъ, и если съ увеличеніемъ налоговъ населеніе уплачиваетъ ихъ исправно, то, обыкновенно, мы умозаключаемъ, что будто и народное благосостояніе возростаетъ въ той же мѣрѣ.

По росписи на 1903 годъ обыкновенные доходы предположены въ

---

[1]) Напр., въ расходномъ „крестьянскомъ бюджетѣ“ принято въ разсчетъ потребленіе хлѣба на душу населенія въ размѣрѣ 19 пуд. зерна; въ послѣднее же время эта норма считается не болѣе какъ въ 12 пуд.; сокращеніе потребленія хлѣба прямо указываетъ на отсутствіе у населенія другихъ средствъ къ поддержанію нашего финансоваго благосостоянія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне уже нѣсколько лѣтъ не хлебаютъ щей, а, напр., въ псковской губерніи, какъ сообщаетъ корреспондентъ „Нов. Времени“ (№ 9562), крестьяне, вмѣсто щей, начали употреблять простую воду, подслащенную сахариномъ.

суммѣ 1.897 милл. руб., а обыкновенные расходы—въ 1.880 милл. р.; первые, сравнительно съ 1902 г., увеличены на 97 милл. руб., а вторые—на 104 милл. рублей.

Увеличеніе доходовъ предполагается по слѣдующимъ статьямъ: 1) по прямымъ налогамъ—2 милл. руб.; 2) по косвеннымъ, не считая доходовъ отъ казеннаго вина (акцизъ и торговая прибыль),—19 милл. руб.; 3) отъ пошлинъ—6 милл. руб.; 4) отъ правительственныхъ регалій, въ томъ числѣ доходы отъ казеннаго вина (акцизъ и торговая прибыль),—41 милл. руб.; 5) отъ казеннаго имущества и каниталовъ—15 милл. руб.; 6) отъ выкупныхъ платежей—3 милл. руб.; и 7) отъ возмѣщенія расходовъ казны—12 милл. руб.

Расходы же увеличились главнымъ образомъ вслѣдствіе добавочныхъ ассигнованій: по *военному* министерству—7 милл. руб. на перевооруженіе (назначено всего около 24,5 милл. руб.); по *морскому* министерству на постройку и ремонтъ судовъ—17 милл. руб. (всего около 42,5 милл. руб.); по министерству *финансовъ* на 34 милл. руб., въ томъ числѣ: а) на мѣстную администрацію 3 милл. руб. (всего 55,5 милл. руб.); б) на выдачу пенсій и пособій—1 милл. руб. (всего 43,5 милл. руб.); в) на выдачу пособій разнымъ вѣдомствамъ, обществамъ и учрежденіямъ—1 милл. руб. (всего 13 милл. руб.); г) на пособіе дворянскимъ обществамъ по устройству и содержанію пансіоновъ, пріютовъ для сыновей потомственныхъ дворянъ и дворянскимъ кассамъ взаимопомощи—2 милл. руб. (всего 3 милл. руб.); д) на разныя вознагражденія за отошедшіе въ казну доходы и проч.—2 милл. руб. (всего 6,5 милл. руб.); е) на расходы по казенной продажѣ питей и по распространенію казенной продажи питей—12 милл. руб. (всего 73 милл. руб.) и ж) на пособіе обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода—10 милл. руб. (всего 16 милл. руб., вмѣсто ассигнованныхъ въ прошломъ году 6 милл. руб.); по министерству *внутреннихъ дѣлъ*: на 6 милл. руб., на увеличеніе мѣстныхъ расходовъ по администраціи; по министерству *народнаго просвѣщенія*—на 2,5 милл. руб., въ томъ числѣ на университеты 160 тысячъ руб. (всего 4,5 милл. руб.); на гимназіи, прогимназіи, реальныя и промышленныя училища и др. среднія учебныя заведенія—421 тыс. руб. (всего 10,8 милл. руб.); на городскія, приходскія, начальныя и народныя училища—1.596 тыс. руб. (всего 10,5 милл. руб.); на учительскіе институты, семинаріи и школы—137 тыс. руб. (всего 1,5 милл. руб.); на особыя учебныя заведенія—107 тыс. руб. (всего 2 милл. руб.); на ученыя учрежденія 24 тыс. руб. (всего 1,4 милл. руб.); на пособія по ученой и учебной частямъ, приготовленіе профессоровъ и учителей *минусъ* 84 тыс. руб. (расходъ на 1903 г. назначенъ въ суммѣ 1.527.486 руб., вмѣсто 1.612.903 р., которые были ассигнованы на 1902

годъ) и т. д.; по министерству *путей сообщенія*—на 23 милл. руб., въ томъ числѣ на водяныя сообщенія—1 милл. руб. (всего 13 милл. руб.); на торговые порта—1 милл. руб. (всего 7 милл. руб.) и на расходы по эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—22,5 милл. руб. (всего 319 милл. руб.); по министерству *юстиціи*—на 2 милл. руб., въ томъ числѣ на усиленіе средствъ по содержанію судебныхъ учрежденій на 700 тыс. руб. (всего 24 милл. руб.) и на тюремную и арестантскую части—1 милл. руб. (всего 15,8 милл. руб.); и по *государственному контролю* на 750 тыс. руб. (всего 8,3 милл. руб.).

По отношенію же смѣты *обыкновенныхъ доходовъ* надо имѣть въ виду, что увеличеніе ихъ на 97 милл. руб. находится въ зависимости отчасти не отъ предполагаемаго роста доходовъ, а отъ включенія въ смѣту нѣкоторыхъ оборотныхъ суммъ. Такъ, напр., повышеніе дохода отъ правительственныхъ регалій показано въ 41 милл. руб.; въ ихъ счетъ входитъ увеличеніе дохода отъ казенной продажи питей на 39 милл. руб.; но если принять во вниманіе, что въ 1902 г. общая сумма валового дохода отъ казенныхъ питей равнялась 462 милл. р. при валовомъ расходѣ на текущія и подготовительныя затраты—въ 169 милл. руб., и, слѣдовательно, чистый доходъ =293 милл. руб.; а въ 1903 г. валовой доходъ предполагается=500 милл. руб. при расходѣ—173 милл. руб., т.-е. чистый доходъ = 327 милл. руб.;—въ такомъ случаѣ повышеніе дохода отъ казенныхъ питей слѣдуетъ считать не въ 39 милл. руб., а только въ 34 милл. руб.; вообще же увеличеніе дохода отъ регалій составитъ всего 36 милл. руб. Еще болѣе серьезное замѣчаніе приходится сдѣлать по рубрикѣ „казенное имущество и капиталы". Въ 1902 г. по росписи, въ названной рубрикѣ, доходъ отъ казенныхъ дорогъ исчисленъ въ 396 милл. руб., а расходъ на казенныя желѣзныя дороги, по смѣтѣ министерства путей сообщенія, показанъ въ слѣдующихъ суммахъ: 1) по эксплуатаціи—297,5 милл. руб.; 2) по усиленію и улучшенію желѣзныхъ дорогъ—61 милл. руб.; и 3) по пріобрѣтенію подвижного состава и желѣзнодорожныхъ принадлежностей—38 милл. руб.; вычитая изъ доходовъ расходы, окажется, что никакого дохода отъ желѣзныхъ дорогъ въ 1902 г. не ожидалось, а былъ предвидѣнъ дефицитъ въ размѣрѣ 1,5 милл. р. По смѣтѣ на 1903 доходъ исчисленъ въ суммѣ 412,5 милл. руб., а расходъ—въ 419 милл. руб.; ожидается дефицитъ въ 6,5 милл. руб. Между тѣмъ, по рубрикѣ „казенное имущество и капиталы" оказывается приращеніе дохода на 15 милл., исключительно въ зависимости отъ увеличенія дохода отъ желѣзныхъ казенныхъ дорогъ; это просто бухгалтерскій счетъ, не имѣющій бюджетнаго значенія.

Переходимъ къ чрезвычайному бюджету. Онъ превышаетъ по расходу бюджетъ прошлаго года на 21 милл. руб. Расходы, какъ и въ 1902 г., предполагается покрыть за счетъ вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время (2,5 милл. руб.) и остатковъ свободной наличности (172 милл. руб.).

Изъ общаго итога чрезвычайныхъ расходовъ (191 милл. руб.)—суммы желѣзно-дорожныхъ расходовъ составляютъ слишкомъ 94% (181 милл. руб.).

По существу, обыкновенные и чрезвычайные бюджеты составляютъ одно неразрывное цѣлое, въ особенности когда расходы по чрезвычайному бюджету покрываются частью остатками отъ обыкновенныхъ доходовъ за прошлые года (свободная наличность). Въ виду этого, мы соединимъ оба бюджета въ одинъ, при чемъ доходъ отъ казенныхъ питей мы покажемъ за вычетомъ изъ него расходовъ, а желѣзнодорожный расходъ, по обыкновенному и чрезвычайному бюджетамъ, соединимъ въ одну общую сумму, вычтя изъ расходовъ доходы, и такимъ образомъ выяснимъ, какія средства предполагается затратить изъ государственныхъ средствъ въ 1903 году на желѣзно-дорожное дѣло.

Д О Х О Д Ы:

		въ рубляхъ:
Прямые налоги		132.051.949
Пошлины		98.169.223
Сборъ съ питей не-казенныхъ	29.549.000	356.359.402
Сборъ съ питей казенныхъ	326.810.402	
Прочіе косвенные налоги		376.445.300
Правительственныя регаліи		62.506.800
Казенное имущество и капиталы		109.548.372
Отчужденіе государственныхъ имуществъ		531.953
Выкупные платежи		89.162.600
Возмѣщеніе государственныхъ расходовъ		67.976.012
Случайные доходы		6.346.457
Вклады въ государственный банкъ—вѣчные		2.500.000
Итого государственныхъ доходовъ		1.301.598.068
На покрытіе недостающей суммы государственныхъ расходовъ предположено ассигновать изъ такъ называемой свободной наличности		172.134.794
Всего		1.473.732.862

Р А С Х О Д Ы:

	въ рубляхъ:
Платежи по займамъ	290.966.336
Высшія государственныя учрежденія	3.210.449
Вѣдомство святѣйшаго синода	28.388 049
Министерство императорскаго двора	15.808.652

Министерство иностранныхъ дѣлъ	5.742.048
Военное министерство	329.923.806
Морское министерство	115.631.241
Министерство финансовъ	180.248.183 [1])
Министерство землед. и государственныхъ имуществъ.	49.085.335
Министерство внутреннихъ дѣлъ	99.717.098
Министерство путей сообщенія.	39.342.505
Министерство народнаго просвѣщенія.	39.214.985
Министерство юстиціи	49.384.341
Главное управл. госуд. коннозаводства	2.070.294
Государственный контроль.	8.382.592
Вознагражденіе за отмѣну права пропинаціи	10.000.000
На непредвидѣнные расходы.	15.000.000
Расходы по содержанію и устройству казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и выдачѣ пособій и гарантій частнымъ желѣзнымъ дорогамъ, за вычетомъ всѣхъ доходовъ отъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій . . .	191.616.948
Всего	1.473.732.862

Общая сумма желѣзно-дорожнаго расхода, исчисленная нами въ 191.616.948 руб., на самомъ дѣлѣ значительно крупнѣе; надо принять въ разсчетъ, что болѣе 40% платежей по государственнымъ займамъ обусловлены желѣзно-дорожными расходами; съ присоединеніемъ къ текущему расходу соотвѣтственной части платежей по займамъ (116 милл. руб.), желѣзно-дорожный расходъ по росписи на 1903 годъ опредѣлится въ суммѣ 307 милл. руб., или болѣе 20% всѣхъ государственныхъ расходовъ.

Приведенная таблица государственныхъ доходовъ и расходовъ значительно отличается отъ цифръ обнародованной росписи, вслѣдствіе объясненныхъ выше измѣненій; она проще и болѣе уясняетъ финансовые итоги.

Въ росписи государственные доходы и расходы балансируются суммой въ 2.071.667.472 руб., по нашей же таблицѣ—суммой въ 1.473.732.862 руб.; разница составляетъ 597.934.610 руб.; она образовалась, съ одной стороны, отъ уменьшенія по *смѣтѣ доходовъ* прибыли отъ казенныхъ питей на 172,9 милл. руб., составляющихъ расходъ по казеннымъ питіямъ, и отъ выключенія изъ той же смѣты сполна дохода отъ эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ суммѣ 412,9 милл. руб., какъ не покрывающаго собой расхода по ихъ эксплуатаціи (дефицитъ 6,5 милл. руб.), а также прибыли отъ участія

---

[1]) Изъ смѣты расходовъ министерствомъ финансовъ исключенъ также расходъ по гарантіи чистаго дохода частныхъ желѣзныхъ дорогъ (16 милл. р.); онъ включенъ въ общую сумму желѣзно-дорожныхъ расходовъ (191 милл. р.).

казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ—1.119.400 руб. и дохода отъ обязательныхъ платежей желѣзныхъ дорогъ на 11,1 милл. рублей, въ виду соотвѣтственнаго уменьшенія желѣзно-дорожнаго расхода по смѣтѣ расходовъ; съ другой стороны,—отъ выключенія изъ *расходной смѣты*—172,9 милл. руб. по казеннымъ питіямъ и изъ желѣзно-дорожныхъ расходовъ 425,1 милл. руб. (412,9 + 1,1 + 11,1). Такимъ образомъ, всѣ оборотныя суммы выключены изъ таблицы и по всѣмъ статьямъ смѣты показаны доходы и расходы въ ихъ чистомъ видѣ, какъ окончательныя величины, имѣющія значеніе бюджетныхъ факторовъ.

Изъ таблицы видно, что на покрытіе всѣхъ государственныхъ расходовъ не хватаетъ всѣхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ; получается дефицитъ въ суммѣ 172.134.794 руб., которые и предполагается покрыть изъ суммъ свободной наличности.

Но эта сумма не можетъ быть названа сполна „свободной наличностью", въ смыслѣ „остатковъ отъ превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами". Не углубляясь въ разсчеты за прежніе года, мы знаемъ, что, по исчисленію государственнаго контроля, на 1 января 1902 г. свободная наличность числилась въ суммѣ 268,4 милл. руб. (стр. 76 Объяснит. записки къ Отчету за 1901 г.) и что въ нее зачислено 127,2 милл. руб., поступившихъ въ 1901 г. изъ выручки отъ реализаціи 4% консолидированной ренты, по займу въ Парижѣ. За исключеніемъ этой послѣдней суммы, собственно свободная наличность на 1 января 1902 г. не превышала 141,2 милл. руб. Затѣмъ въ теченіе 1902 г., по словамъ всеподданнѣйшаго доклада г. министра финансовъ: 1) обыкновенные доходы за этотъ годъ превысили обыкновенные расходы (за 11 мѣсяцевъ) на 85 милл. руб.; 2) поступило неожиданно въ декабрѣ, въ счетъ долга, отъ болгарскаго княжества—4,1 милл. руб.; и 3) взыскано за обмѣнъ облигацій по желѣзно-дорожнымъ займамъ—1,2 милл. руб.; затѣмъ, съ другой стороны: 1) въ 1902 г. истрачено 144 милл. руб. изъ свободной наличности на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ по росписи за этотъ годъ; 2) точно также ассигновано на другіе разные расходы, непредвидѣнные смѣтами—36,8 милл. руб.; въ виду этого названная выше сумма свободной наличности—141,2 милл. руб. должна быть увеличена на 90,3 милл. руб. и уменьшена на 180,8 милл. руб.; такъ что къ 1 января 1903 г. свободная наличность представляетъ собою сумму = 50,7 милл. рублей.

За отчисленіемъ этой наличности сполна на покрытіе дефицита, послѣдній выразится въ суммѣ 121,4 милл. руб. (172,1—50,7).

Покрыть дефицитъ предполагается изъ парижскаго займа, реализованнаго въ 1901 и 1902 гг. на сумму 148,5 милл. рублей.

Если исключить въ приведенной таблицѣ изъ рубрики доходовъ свободную наличность, то обыкновенные доходы, съ причисленіемъ къ нимъ 2,5 милл. руб. вѣчныхъ вкладовъ въ государственный банкъ, опредѣляются суммой въ 1.302 милл. руб. Главный государственный доходъ составляютъ сборы съ питей и другіе косвенные налоги, достигающіе совмѣстно 732 милл. руб. (56% всѣхъ доходовъ).

Изъ косвенныхъ налоговъ особенно тяжело ложится на народное хозяйство сборъ съ казенныхъ питей, тѣмъ болѣе, что потребители вина уплачиваютъ не только акцизъ и торговые расходы и прибыль, но также и стоимость производства вина. Въ таблицѣ сборъ съ казенныхъ питей показанъ въ суммѣ 327 милл. руб., а на самомъ дѣлѣ народъ тратитъ на вино, считая годовое потребленіе въ 75 милл. ведеръ 40° вина (= 30 милл. безводнаго спирта) и цѣну въ 8 руб. за ведро,—около 600 милл. руб. Несмотря на это, мы полагаемъ, что удешевленіе вина, въ формѣ пониженія акциза, едва ли было бы разумно. Водка безусловно—ядъ. Извѣстный физіологъ Ландуа, между прочимъ, говоритъ: алькоголь—это „злой демонъ, который, въ союзѣ съ сифилисомъ, стеръ съ лица земли цѣлыя націи“ [1]). Удешевляя вино, не будемъ ли мы косвенно покровительствовать распространенію яда? Не лучше ли принять непосредственныя мѣры къ сокращенію потребленія вина? Объ этомъ, впрочемъ, мы уже имѣли случай высказать свое мнѣніе.

Изъ остальныхъ косвенныхъ налоговъ заслуживаютъ особаго вниманія: сахарный—78,4 милл. руб.; нефтяной—29 милл. руб. и спичечный—7,9 милл. руб.; всѣ они падаютъ на предметы первой необходимости. Облагая вино крупнымъ налогомъ и устроивая, въ противовѣсъ неумѣренному его потребленію, общества трезвости и казенныя чайныя заведенія, надо, понятно, всѣми силами способствовать распространенію въ народѣ чаепитія, которое немыслимо безъ дешеваго сахара. Кромѣ того, извѣстно, что сахаръ, въ видѣ разныхъ сладостей, является полезнымъ продуктомъ для питанія, въ особенности для подростающихъ поколѣній, въ ихъ дѣтскомъ возрастѣ. Отмѣнить акцизъ на сахаръ и уничтожить сахарный синдикатъ—представляется положительно необходимымъ; объ этомъ было много говорено въ печати, хотя и безъ видимаго результата. Нефтяной и спичечный налогъ, взимаемые съ предметовъ, одинаково потребляемыхъ въ богатыхъ хоромахъ и бѣдныхъ хижинахъ, представляютъ собою обложеніе,

---

[1]) „Учебникъ физіологіи человѣка“, д-ръ L. Landois, переводъ профессора Данилевскаго. Харьковъ. 1894 г. См. стр. 535.

напоминающее существовавшій прежде акцизъ на соль; ихъ отмѣна будетъ такъ же справедлива, какъ и отказъ отъ соляного налога. Отъ упраздненія трехъ названныхъ косвенныхъ налоговъ казна потеряетъ около 115 милл. руб.; эта сравнительно незначительная сумма легко можетъ быть замѣнена подоходнымъ налогомъ.

Еще недавно, въ 1893 г., былъ внесенъ въ государственный совѣтъ проектъ о подоходномъ налогѣ [1]), но онъ не былъ утвержденъ и, вмѣсто подоходнаго налога, въ 1894 г. введенъ квартирный налогъ, который даетъ государству настолько ничтожную сумму, что для него не существуетъ даже особой рубрики въ государственной росписи; его показываютъ въ общей суммѣ съ другими прямыми налогами: поземельными и съ недвижимыхъ имуществъ. Отъ квартирнаго налога, судя по отчетамъ государственнаго контроля, получается не болѣе 4 милл. руб.; а если принять въ разсчетъ расходы взиманія, то, право, можно сказать: къ чему учрежденъ этотъ налогъ?

Другое дѣло—подоходный налогъ; онъ можетъ дать, при умѣренномъ обложеніи, не менѣе 300 милл. руб., при условіи, если въ его установленіи и организаціи будутъ заинтересованы общество и его представители, въ лицѣ городскихъ и земскихъ дѣятелей. При обширности нашего государства и разнообразіи его провинцій по составу населенія, ихъ матеріальнымъ средствамъ, хозяйственно-экономическимъ порядкамъ, бытовымъ и другимъ условіямъ, нѣтъ никакой возможности установить для всѣхъ мѣстностей одинъ общій порядокъ исчисленія и взиманія подоходнаго налога и предоставить его практическое осуществленіе финансовымъ агентамъ. Законъ можетъ только назначить извѣстный $^0/_0$ обложенія доходовъ и установить основныя главныя правила по введенію налога, поручивъ все дѣло организаціи и взиманія налога мѣстнымъ, городскимъ и земскимъ учрежденіямъ. Конечно, при этомъ, послѣднимъ необходимо предоставить болѣе широкія права и сдѣлать ихъ представителями болѣе широкаго круга избирателей; кромѣ того, чтобы ближайшимъ образомъ заинтересовать мѣстныхъ представителей въ успѣшномъ поступленіи подоходнаго налога, не менѣе одной трети его слѣдуетъ передать земствамъ и городамъ, для усиленія ихъ средствъ, въ которыхъ они такъ нуждаются въ настоящее время. Точно также и для выработки проекта подоход-

[1]) Проектъ о подоходномъ налогѣ былъ возбужденъ не съ цѣлью преобразованія финансовой системы, а случайно, при изысканіи новыхъ источниковъ дохода для усиленія средствъ государственнаго казначейства. Въ началѣ предполагалось возстановить соляной налогъ; проектъ этотъ былъ отклоненъ, въ виду того, что соляной налогъ, какъ особенно тягостный для бѣднаго населенія, былъ отмѣненъ по особому Всемилостивѣйшему манифесту; тогда-то, взамѣнъ соляного налога, и былъ проектированъ подоходный налогъ.

наго налога полезно привлечь мѣстныхъ представителей, подобно тому, какъ это было въ 70-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда вопросъ объ уничтоженіи подушной подати по замѣнѣ ея всесословнымъ налогомъ переданъ былъ на обсужденіе земскихъ собраній. Привлеченіе мѣстныхъ дѣятелей къ обсужденію этого важнаго государственнаго вопроса и къ участію ихъ въ мѣстныхъ трудахъ, въ данномъ случаѣ по организаціи и взиманію подоходнаго налога, было бы въ полномъ соотвѣтствіи съ принципами, изложенными министромъ внутреннихъ дѣлъ, В. К. Плеве, въ рѣчи, сказанной въ день празднованія столѣтняго юбилея министерства внутреннихъ дѣлъ [1]).

Переходя къ существующимъ сборамъ, взимаемымъ исключительно съ крестьянскаго населенія и представляющимъ собою разсчеты, вызванные отмѣной крѣпостного права, именно къ выкупнымъ платежамъ, нельзя не признать, что прекращеніе взиманія этихъ сборовъ желательно по двумъ государственнымъ соображеніямъ. Прежде всего по справедливости чисто юридическаго характера; извѣстно, что выкупная операція совершена при помощи 5% и 5½% государственныхъ займовъ (5% банковые билеты 2-го выпуска, 5% выкупныя свидѣтельства и 5½% свидѣтельства непрерывнаго дохода): эти займы давно конвертированы въ 4%, а между тѣмъ выкупные платежи соотвѣтственно не были уменьшены и, вслѣдствіе этого, безъ сомнѣнія, общая выкупная ссуда давно уже уплачена усиленными ежегодными взносами. Во-вторыхъ, для прекращенія взиманія выкупныхъ платежей существуютъ и весьма важныя экономическія причины. Изъ разныхъ оффиціальныхъ сборниковъ, изданныхъ министерствомъ финансовъ, и изъ статистическихъ земскихъ матеріаловъ видно, что крестьянское хозяйство переживаетъ тяжелое время, въ зависимости отъ разныхъ сложныхъ обстоятельствъ; для улучшенія экономическаго положенія крестьянъ необходимы разнообразныя мѣропріятія. Въ какомъ запущеніи находится крестьянское хозяйство, свидѣтельствуютъ многія данныя, не говоря уже о малоземельи, объ упадкѣ скотоводства, объ

---

[1]) Приводимъ здѣсь нѣсколько словъ изъ этой рѣчи. „Исполинскій ростъ народныхъ силъ, естественное послѣдствіе совершившихся перемѣнъ въ общественной жизни, усложняя административную дѣятельность, предъявляетъ къ ней все новыя и новыя требованія и ставитъ на очередь заботу объ усовершенствованіи способовъ управленія“... Далѣе говорится, что „предстоитъ, по Монаршему предначертанію, обсудить мѣры къ болѣе правильному сочетанію дѣятельности административной и общественной, большей опредѣленности въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и болѣе дѣятельнаго участія мѣстныхъ людей въ трудахъ мѣстнаго управленія“ („Новое Время“).

увеличеніи количества безлошадныхъ хозяйствъ, о ростѣ сельскаго пролетаріата и о громадномъ процентѣ смертности населенія,—достаточно указать на то, что въ Россіи десятина приноситъ въ среднемъ (если брать среднюю всѣхъ сортовъ хлѣба) 38,8 пудовъ, тогда какъ въ Бельгіи соотвѣтствующая цифра равна—128,5 пуд.; въ Англіи—123,4 пуд.; въ Японіи—115,7 пуд.; въ Соединенныхъ Штатахъ—83,2 пуд.; во Франціи—80,5 пуд., и въ Германіи—74,5 пуд." [1]). Можно ли оставаться въ такомъ положеніи, когда мы еще знаемъ, что крестьяне, чтобы какъ-нибудь жить, вынуждены сокращать потребленіе хлѣба, обрекая свои поколѣнія на вырожденіе, которое уже и началось, какъ повѣствуютъ свѣдѣнія о рекрутскихъ наборахъ [2]). Одною изъ первыхъ мѣръ для облегченія труднаго положенія крестьянъ и должна быть, по нашему мнѣнію, отмѣна выкупныхъ платежей.

Наконецъ, заканчивая обзоръ „доходныхъ статей" государственной росписи, мы должны остановить свое вниманіе на таможенныхъ сборахъ (216,2 милл. руб.). Въ связи съ высказанной выше мыслью о полезности широкаго распространенія въ народѣ чаепитія, нельзя не пожелать освобожденія отъ пошлинъ хотя бы болѣе низкихъ сортовъ

---

[1]) „С.-Петерб. Вѣд.", 1902 г., № 252.

[2]) Въ концѣ минувшаго года особенно много было характерныхъ извѣстій о рекрутскихъ наборахъ. Не только въ разныхъ губерніяхъ, но даже въ обѣихъ столицахъ пришлось считаться съ большимъ количествомъ негодныхъ къ службѣ лицъ, по слабости организма, по малорослости, по разнымъ прирожденнымъ недостаткамъ, по развитію груди и прочимъ признакамъ, указывающимъ на вырожденіе. Для иллюстраціи сошлемся на одну корреспонденцію изъ кіевской губерніи, напечатанную въ „С.-Пет. Вѣд." № 314. „Наблюдая новобранцевъ, приходится констатировать тотъ печальный фактъ, что народъ у насъ съ каждымъ годомъ мельчаетъ, имѣя недостаточный ростъ, размѣръ груди, невозмужалость и другіе физическіе недостатки. Въ особенности, *по отзывамъ воинскихъ присутствій*, отличаются этими недостатками молодые люди призыва этого года". „Въ большинствѣ случаевъ, для пополненія комплекта подлежащихъ набору приходилось не только свидѣтельствовать всѣхъ, подлежащихъ призыву, но даже сдѣлать позаимствованія изъ льготныхъ третьяго и второго разрядовъ"... „*Недостаточный ростъ и невозмужалость происходятъ отъ недостаточнаго питанія*". Кромѣ того, „при освидѣтельствованіи новобранцевъ, на ихъ тѣлѣ обнаружены цѣлыя накипи грязи и паразитовъ".—„Констатировано также много разнаго рода прилипчивыхъ болѣзней, въ родѣ чесотки и паршей". Замѣчено отсутствіе бань; это, въ связи съ скученностью населенія и тѣснотою жилыхъ помѣщеній, и способствуетъ развитію названныхъ болѣзней. „Нашъ крестьянинъ, со всею своею нерѣдко многочисленною семьею, ютится въ одной хатенкѣ, размѣромъ не болѣе 8 квадратныхъ аршинъ. Помимо семьи, въ зимнее время, въ этой же хатѣ помѣщаются куры, утки, ягнята, телята, поросята и разная другая живность. Можно судить, какой ощущается специфическій запахъ и какая масса вредныхъ испареній скопляется зимою въ хатѣ южно-русскаго поселянина".

чая. Затѣмъ, переходя отъ частностей къ общему вопросу о нашей таможенной политикѣ, направленной къ искусственному развитію у насъ фабрично-заводской промышленности, мы должны повторить не разъ высказанное нами мнѣніе, что измѣненіе таможенной политики представляется болѣе чѣмъ своевременнымъ. При установленіи высокихъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ, въ 1891 г., еще можно было, по новизнѣ дѣла, мечтать о томъ, что, благодаря имъ, Россія лѣтъ въ 20 можетъ достичь такого промышленнаго процвѣтанія, что будетъ вывозить за границу одни фабрикаты и не отправитъ туда „ни зерна своего хлѣба, оставивъ этотъ заработокъ неграмъ“ [1]). Прошло съ тѣхъ поръ одиннадцать лѣтъ, и факты съ очевидностью доказали несостоятельность такихъ розовыхъ ожиданій; какъ прежде, такъ и теперь нашъ вывозъ за границу состоитъ не изъ фабрикатовъ, а изъ продуктовъ сельскаго хозяйства, преимущественно хлѣбныхъ злаковъ. Въ минувшемъ году, нашъ международный торговый балансъ склонился въ нашу пользу (по свѣдѣніямъ за 11 мѣсяцевъ) на 300 милл. руб.; и этимъ вѣдь мы обязаны, главнымъ образомъ, хлѣбному зерну, которое предполагалось совсѣмъ не вывозить за границу! Далѣе, подъ вліяніемъ дѣйствія таможенныхъ пошлинъ, правда, открылось, на первыхъ порахъ, много новыхъ фабрикъ и заводовъ, но значительная часть изъ нихъ, какъ показалъ промышленный кризисъ, была спекулятивно-грюндерскаго происхожденія; другіе же, болѣе солидные, въ особенности желѣзодѣлательные, вагонные, паровозные, рельсопрокатные, возникшіе съ разсчетомъ на желѣзнодорожное строительство и казенные заказы, несмотря на продолжающееся расширеніе желѣзно-дорожной сѣти, въ концѣ концовъ тоже вынуждены были или совсѣмъ прекратить свою дѣятельность, или же значительно сократить свое производство. Газеты переполнены фактами подобнаго характера; даже извѣстный на югѣ заводъ Юза, одинъ изъ старыхъ и солидныхъ, долженъ былъ недавно уменьшить свою армію рабочихъ на 75%, разсчитавъ изъ 20 тысячъ около 15 тыс. рабочихъ. Между тѣмъ, казенные заказы, представляющіе, какъ извѣстно, выгодныя и льготныя условія для заводчиковъ, нельзя сказать, чтобы сократились по своимъ размѣрамъ. Какъ сообщалось въ газетахъ, русскими заводами исполнено казенныхъ желѣзно-дорожныхъ заказовъ: въ 1900 г. на 91.400.000; въ первую половину 1902 г.—на 74.100.000 руб.; и на 1903 г. намѣчены слѣдующіе заказы: паровозовъ 1.670 на сумму 58.200.000 руб.; вагоновъ 22 тысячи — на 25.000.000 руб.; рельсовъ 19 милл. пуд. на 23.700.000 руб.; итого въ

[1]) „Толковый тарифъ“, профессора Д. Менделѣева; изданіе 1891—1892 г.; въ 2-хъ томахъ; см. стр. 129, т. I.

1903 г.—на сумму 106.900.000 милл. руб. [1]). Что же, спрашивается, можно ожидать, когда намѣченная желѣзно-дорожная сѣть будетъ закончена?! И затѣмъ, какъ же объяснить, что теперь, при высокихъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинахъ и существующихъ еще крупныхъ казенныхъ заказахъ, наша крупная фабрично-заводская промышленность не можетъ встать крѣпко на свои ноги, а все хирѣетъ и хирѣетъ—„завяла, не успѣвши расцвѣсть". Намъ кажется достаточнымъ отвѣтить на поставленный вопросъ нѣсколькими словами, опираясь на теоретическія соображенія и на факты. Для всякаго крупнаго капиталистическаго производства нужны соотвѣтственные рынки для сбыта товаровъ. Могутъ ли продукты нашего производства разсчитывать на ихъ сбытъ за границей? Нѣтъ, потому что за границей, въ старо-промышленныхъ странахъ—товары эти производятся и лучше, и дешевле; и одиннадцатилѣтній опытъ вполнѣ подтверждаетъ правильность такого соображенія: русскіе фабрикаты совсѣмъ не вывозятся на иностранные рынки. Но, скажутъ, у насъ есть свой, внутренній рынокъ для сбыта. Да, его существованія нельзя отрицать, но онъ очень ограниченъ и бѣденъ для поддержанія крупнаго фабрично-заводскаго производства. Когда въ массѣ населенія чувствуется недостатокъ даже въ пищѣ, можетъ ли это населеніе быть серьезнымъ потребителемъ разныхъ фабрикатовъ! Населеніе покупаетъ на гроши, и неумолимые факты намъ говорятъ, въ подтвержденіе, что во многихъ губерніяхъ еще пашутъ деревяннымъ плугомъ и ѣздятъ въ телѣгахъ на колесахъ безъ желѣзныхъ шинъ, на деревянныхъ осяхъ.

При такихъ экономическихъ условіяхъ и нашей неподготовленности къ капиталистическому производству, какъ бы ни былъ повышенъ таможенный тарифъ — фабрично-заводская промышленность все-таки должна, въ концѣ концовъ, въ особенности же съ прекращеніемъ желѣзно-дорожнаго строительства, въ ближайшемъ будущемъ еще болѣе сократить свое производство. Желѣзная рука исторіи вынуждаетъ насъ позаботиться прежде всего объ улучшеніи экономическаго положенія деревни; тогда явится „внутренній рынокъ", и сами собой, естественно, возникнутъ необходимые для населенія фабрики и заводы. Для выхода же на этотъ историческій путь экономическаго прогресса намъ необходимо измѣнить общее направленіе нашей финансово-экономической политики.—Затѣмъ, возвращаясь къ вопросу о таможенныхъ тарифахъ, мы полагаемъ, что наступилъ моментъ для значительнаго пониженія ихъ; для этого существуютъ, помимо общихъ финансово-экономическихъ соображеній, два серьезныхъ основанія. Первое касается необходимости оградить потребителей фабрично-заводской

[1]) „Курьеръ", 1902 г., № 231.

промышленности отъ высокихъ цѣнъ. Достаточно народъ и общество, въ качествѣ потребителей, принесли жертвъ въ пользу развитія промышленности; дальнѣйшіе опыты въ томъ же направленіи непосильны и безполезны. Подумайте, потребителямъ приходится ежегодно не только нести, въ томъ или другомъ видѣ, бремя таможенныхъ пошлинъ (216 милл. руб.), но, въ добавокъ, еще переплачивать громадныя суммы при покупкѣ продуктовъ русскаго фабрично-заводскаго производства; по сдѣланнымъ разсчетамъ, на однѣхъ хлопчато-бумажныхъ матеріяхъ народъ ежегодно теряетъ около 200 милл. руб. А желѣзо, машины, каменный уголь? Правда, ихъ цѣна нѣсколько понизилась за послѣднее время, благодаря кризису, но это нельзя принимать въ счетъ, какъ исключительно ненормальное явленіе. Если же установившіяся низкія цѣны нормальны, то нѣтъ причины взимать таможенныя пошлины въ размѣрахъ установленныхъ покровительственныхъ ставокъ; надо, напротивъ, скорѣе закрѣпить настоящія цѣны, понизивъ тарифъ; иначе, кто воспретитъ промышленникамъ, по минованіи кризиса, вновь поднять цѣны на товары, опираясь на покровительственный тарифъ! Пониженіе тарифа до неразорительныхъ для потребителей размѣровъ не пошатнетъ солидныя производства, но несомнѣнно будетъ для нихъ полезно, такъ какъ оградитъ ихъ отъ конкурренціи могущихъ вновь возникнуть грюндерскихъ предпріятій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, толкнетъ ихъ на путь совершенствованія производства, дающаго возможность изготовлять хорошій и дешевый товаръ по цѣнамъ, близко приближающимся къ заграничнымъ. Однимъ словомъ, пониженіе таможеннаго тарифа безусловно необходимо, какъ въ интересахъ остающихся у насъ фабрикъ и заводовъ, такъ и для огражденія потребителей отъ высокихъ цѣнъ на товары.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ было интересное сопоставленіе русскихъ цѣнъ съ таковыми же въ другихъ европейскихъ государствахъ; оказывается, мы переплачиваемъ сравнительно очень много; именно, мы платимъ дороже: за чай—на 300%; за табакъ—на 600%; за уголь—на 200%; за бумагу—на 700%; за сельско-хозяйственныя машины—на 160%; за полотно—на 200%. Извѣстно также, что, напр., пудъ гвоздей въ Америкѣ стоитъ—1 р.—1 р. 50 к., а у насъ—4 р.—8 р. Неужели это нормально? Пониженіе таможенныхъ пошлинъ должно быть болѣе или менѣе значительно; полагаемъ, что было бы вполнѣ справедливо уменьшить ихъ на 50% [1]), а нѣкоторыя изъ нихъ, наи-

[1]) Пониженіе пошлинъ можно, конечно, обставить нѣкоторыми льготными условіями, въ родѣ, напр., разсрочки операціи года на три, объявивъ заблаговременно, что съ начала будущаго года таможенные тарифы уменьшатся на 15%, черезъ годъ—еще на 15% и, наконецъ, на третій годъ—на 20%, считая ежегодное процентное уменьшеніе пошлинъ отъ первоначальной тарифной ставки.

болѣе угнетающія сельско-хозяйственную промышленность, и совсѣмъ отмѣнить; въ совокупности предлагаемая реформа, на первый взглядъ, должна сократить государственные доходы приблизительно на 130 милл. рублей. Но, имѣя въ виду, что проектированныя измѣненія должны благотворно отозваться на благосостояніи народныхъ массъ, надо ожидать значительнаго увеличенія привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, а также повышенія потребленія предметовъ, облагаемыхъ косвенными налогами,—и въ результатѣ доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ далеко не сократится на всю указанную выше сумму, а остальной недочетъ отчасти покроется усиленными поступленіями по другимъ косвеннымъ налогамъ. Отъ предполагаемаго пониженія таможеннаго тарифа собственно таможенный доходъ сократится приблизительно на 116 милл. руб., а косвенные налоги (питейные сборы—356 милл. руб. и табачный акцизъ—44 милл.; всего—400 милл. руб.) повысятся не болѣе какъ на 10%, т.-е. на 40 милл. рублей.

Подводя итогъ всѣмъ проектированнымъ измѣненіямъ въ доходахъ государственнаго бюджета, получимъ слѣдующій примѣрный разсчетъ:

Приращеніе доходовъ:		Сокращеніе доходовъ:	
Отъ введенія подоходнаго налога.	200.000.000 р.	Отъ отмѣны:	
Отъ увеличенія табачнаго дохода и сбора съ питей.	40.000.000 „	а) выкупныхъ платежей . .	89.000.000 р.
		б) сахарнаго дохода. . . .	78.400.000 „
		в) нефтянаго дохода. . . .	29.000.000 „
		г) спичечнаго дохода . . .	8.000.000 „
	240.000.000 р.	д) отъ уменьшенія таможеннаго дохода.	116.000.000 „
			320.000.000 р.

Конечно, сдѣланный разсчетъ, какъ начертанный въ общихъ штрихахъ, не точенъ; въ дѣйствительности, можетъ быть, результаты будутъ болѣе благопріятны, но, во всякомъ случаѣ, уменьшеніе государственныхъ доходовъ на 80 милл. руб. не должно никого пугать; напротивъ, какъ мы объяснили выше, пониженіе податной тягости населенія представляется безусловно желательнымъ, какъ актъ государственной необходимости. Двухмилліардный бюджетъ не по силамъ нашимъ еще сравнительно слабымъ матеріальнымъ достаткамъ. Мы стоимъ на распутьи двухъ дорогъ: или надо, несмотря ни на что, идти далѣе и постараться найти третій милліардъ; или же, понявъ тщету своихъ непосильныхъ потугъ, вернуться назадъ и помириться съ болѣе скромнымъ государственнымъ бюджетомъ; послѣдній путь представляется намъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе благонадежнымъ.

Затѣмъ, рѣшившись на пониженіе государственныхъ доходовъ, нельзя одновременно не отказаться отъ соотвѣтственнаго сокращенія государственныхъ расходовъ. Для огражденія Россіи отъ непосильнаго государственнаго бюджета, прежде всего, необходимо принять твердое рѣшеніе—не расширять болѣе нашу желѣзно-дорожную сѣть; это поможетъ сократить государственные расходы на 190.000.000 милл. руб. Государство затратило уже милліарды на оборудованіе желѣзныхъ дорогъ; нѣтъ сомнѣнія, онѣ представляютъ большое удобство, но нельзя ради нихъ игнорировать болѣе существенныя нужды, какъ, напр., народное образованіе и другія не менѣе важныя хозяйственныя и культурныя задачи. Японія, благодаря широкимъ затратамъ на народное образованіе, въ какія-нибудь 30—40 лѣтъ превратилась изъ полу-дикой страны въ державу, союзомъ съ которой не брезгаютъ первоклассныя государства, какъ Англія. Мы же, крича о невѣжествѣ нашего народа, на самомъ дѣлѣ очень еще мало дѣлаемъ для пріобщенія его къ общечеловѣческой цивилизаціи. Наступилъ и XX вѣкъ, а у насъ еще не вездѣ есть школы грамоты, а въ существующихъ школахъ все дѣло обыкновенно оканчивается тѣмъ, что ученики, научившись кое-какъ читать, писать и считать, по выходѣ изъ школы забываютъ и эту мудрость, вслѣдствіе отсутствія въ деревняхъ хорошихъ библіотекъ, газетъ и другихъ культурныхъ пособій: лекцій, театровъ, потребительныхъ и производительныхъ обществъ, сельскихъ банковъ и болѣе или менѣе интеллигентныхъ руководителей. Безъ духовнаго развитія немыслимо создать культурной націи; его нельзя замѣнить развитіемъ желѣзно-дорожной сѣти; невѣжда, безъ хорошей школы, останется навсегда невѣждой, хотя бы и путешествовалъ не иначе какъ въ удобныхъ вагонахъ! Наконецъ, дальнѣйшая постройка желѣзныхъ дорогъ намъ прямо не по средствамъ, а сообразовать свои расходы необходимо со средствами.

Еще въ 1881 году, до крутого поворота нашей финансово-экономической политики, выразившагося въ переходѣ отъ заботъ о нуждахъ деревни къ искусственному развитію у насъ крупнаго производства,—мы довольствовались сравнительно небольшими расходами на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ; въ то время расходы не превышали 732,4 милл. рублей. Однако, намъ помнится, и тогда было не мало справедливыхъ жалобъ на тяжелое экономическое положеніе народа и на обремененіе крестьянъ высокими платежами; въ виду этого, и были отмѣнены соляной налогъ и подушная подать. Теперь мы тратимъ 2 милліарда, и, понятно, всѣмъ тяжело живется, въ особенности людямъ земли, прикосновеннымъ къ сельско-хозяйственной промышленности, на которыхъ преимущественно и падаетъ главная часть податного обложенія.

Не споримъ, трудно въ настоящее время ограничиться суммами бюджета 1881 г., но если наша финансово-экономическая политика вернется въ старое русло, намѣченное въ эпоху великихъ преобразованій, если мы разъ навсегда откажемся отъ искусственнаго развитія у насъ капиталистическаго производства и перейдемъ къ заботамъ о нуждахъ деревни, то, не игнорируя ея неотложныхъ потребностей, которыя не могутъ быть удовлетворены безъ государственной помощи,—все-таки расходный государственный бюджетъ можетъ быть сокращенъ до весьма солидныхъ размѣровъ.

Кромѣ непосредственныхъ затратъ, вызываемыхъ промышленно-торговой политикой, ложащейся тяжелымъ бременемъ на государственный бюджетъ, изъ которыхъ особенно тяжкимъ является расходъ по постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ,—эта политика ведетъ механически къ усиленію другихъ бюджетныхъ расходовъ. Съ измѣненіемъ финансово-экономической программы—расходы по этимъ статьямъ пойдутъ сами собой на убыль, облегчивъ задачу пониженія государственныхъ расходовъ. Не забѣгая впередъ, замѣтимъ, что государственный бюджетъ 1881 г., какъ типичный при бывшей аграрной политикѣ, можетъ быть очень полезенъ при обсужденіи вопроса о составленіи новой примѣрной смѣты для будущей государственной росписи, и поэтому мы и составили сравнительную таблицу государственныхъ обыкновенныхъ расходовъ за 1881 и 1903 гг., въ милліонахъ рублей:

	1881 г.	1903 г.	Въ 1903 г. болѣе:
Платежи по займамъ	195,6	290,9	95,3
Высшія госуд. учрежденія.	2,1	3,2	1,1
Вѣдомство святѣйшаго синода . . .	10,2	28,3	18,1
Министерство императ. двора . . .	10,3	15,8	5,5
„ иностр. дѣлъ. . . .	4,2	5,7	1,5
„ военное.	227,6	329,9	102,3
„ морское.	30.4	115,6	85,2
„ землед. и гос. имущ.	20,3	49,0	28,7
„ внутреннихъ дѣлъ .	57,6	99,7	42,1
„ народн. просвѣщенія	18,3	39,2	20,9
„ путей сообщенія . .	12,4	458,1 (39,2)	446,0 (26,8)
„ финансовъ.	109,5	369,4 (180,2)	259,9 (70,7)
„ юстиціи.	30,2	49,3	19,1
Государственный контроль	2,2	8,3	6,1
Главн. упр. государ. коннозаводства.	0,9	2,0	1,1
ИТОГО. . .	732,4	1.865,4 [1])	1.127,9

[1]) Мы не включаемъ въ расходъ сумму 15 милл. руб., предназначенную на разные случайные расходы.

Расходы по министерству путей сообщенія возросли отчасти отъ включенія въ ихъ смѣты оборотныхъ расходовъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, а по министерству финансовъ—отъ оборотныхъ расходовъ по винной казенной монополіи; за выключеніемъ ихъ, какъ показано въ ранѣе приведенной таблицѣ, за текущій годъ по министерству путей сообщенія расходы значатся всего въ суммѣ 39,2 милл. руб., а по министерству финансовъ—180,2 милл. руб. [1]); эти цифры, отмѣченныя въ скобкахъ, мы и будемъ принимать въ разсчетъ.

Прекращеніе постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ положитъ предѣлъ дальнѣйшему увеличенію нашихъ платежей по государственнымъ займамъ, ростъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ, въ настоящее время, отъ желѣзно-дорожнаго строительства; это послужитъ немалымъ облегченіемъ для платежныхъ силъ населенія. За послѣдніе 22 года уплаты по займамъ, вмѣсто того, чтобы сократиться, увеличились на 95 милл. руб.; избавиться отъ этого „наростанія" необходимо, разъ сознана опасность отъ чрезмѣрнаго расширенія государственныхъ расходовъ. Желѣзныя дороги, какъ наклонная плоскость, могутъ привести, наконецъ, къ окончательному крушенію экономическихъ устоевъ деревни, страдающей и при настоящемъ бюджетѣ отъ многообразныхъ формъ недомоганія; изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что въ 1903 г. „на алтарь желѣзно-дорожнаго строительства" приходится вынуть изъ народнаго кармана 307 милл. рублей. Отказавшись отъ дальнѣйшаго расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, расходъ на нихъ можно будетъ фиксировать въ суммѣ 116 милл. руб., въ видѣ накопившихся уплатъ по желѣзно-дорожнымъ займамъ; довольно и этого!

Далѣе, въ послѣдней таблицѣ, заслуживаютъ особаго вниманія расходы по министерствамъ военному, морскому, путей сообщенія, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, въ виду возможности крупнаго ихъ сокращенія, при новой финансовой политикѣ.

Общая сумма ежегодныхъ расходовъ на оборону страны, по военному и морскому вѣдомствамъ, увеличилась съ 1881 по 1903 г. на 187,5 милл. руб.; изъ послѣдней суммы, впрочемъ, слѣдуетъ исключить около 9 милл. руб., представляющихъ расходы въ счетъ смѣты 1904 г., но внесенные въ роспись текущаго года; тогда сумма увеличенія расходовъ опредѣлится въ 178,5 милл. рублей.

При существующей у насъ дороговизнѣ продуктовъ фабрично-заводскаго производства, въ зависимости отъ высокихъ таможенныхъ тарифовъ, уменьшеніе послѣднихъ на 50% отразится весьма сильнымъ

[1]) Кромѣ того, по смѣтѣ министерства финансовъ исключено 16 милл. руб. расхода по гарантіи чистаго дохода частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ; онъ отнесенъ въ общій счетъ желѣзно-дорожныхъ расходовъ.

пониженіемъ ихъ цѣны; въ связи съ этимъ станутъ дешевле и предметы, закупаемые казной на обмундированіе и снаряженіе войскъ, на вооруженіе и заготовку боевыхъ снарядовъ и отчасти для разныхъ строительныхъ работъ; на пріобрѣтеніе ихъ тратится ежегодно около 150 милл. руб., и поэтому сокращеніе перечисленныхъ расходовъ можетъ выразиться въ десяткахъ милліоновъ рублей. Можно также нѣсколько уменьшить траты на перевооруженіе сухопутной арміи (24,5 милл. руб.) и на постройку военныхъ судовъ и ихъ ремонтъ (42,4 милл. руб.), хотя бы до нормы минувшаго года; это составитъ экономію въ 24,5 милл. рублей. Найдутся и нѣкоторые другіе смѣтные расходы, которые, безъ ущерба для обороны, можно привести къ болѣе скромнымъ размѣрамъ.

Не вдаваясь въ разные детальные разсчеты, мы имѣемъ полное основаніе надѣяться на вѣроятность сокращенія расходовъ по двумъ названнымъ министерствамъ,—въ особенности въ виду двухъ первыхъ условій,—не менѣе, чѣмъ на 75 милл. рублей [1]). Прибавляя къ этой суммѣ указанные выше 9 милл. руб., подлежащіе исключенію изъ смѣты 1903 г., общее пониженіе расхода, по сравненію съ росписью текущаго года, составитъ около 84 милл. рублей.

Въ смѣту министерства путей сообщенія занесены расходы по эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (319 милл. руб.), по усиленію и улучшенію желѣзныхъ дорогъ (60,2 милл. руб.) и на пріобрѣтеніе подвижного состава и желѣзно-дорожныхъ принадлежностей для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (39,9 милл. руб.), всего на 419 милл. рублей. Около двухъ третей этой суммы расходуется на предметы фабрично-заводскаго производства (вагоны, паровозы, рельсы), на каменный уголь, коксъ и нефть; отъ уменьшенія расходовъ на пріобрѣтеніе всѣхъ этихъ предметовъ, вслѣдствіе проектированнаго пониженія таможенныхъ пошлинъ и упраздненія сбора съ нефти,—расходы по эксплуатаціи и оборудованію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, по приблизительному вычисленію, сократятся на 80 милл. рублей. Въ настоящее время, по смѣтѣ на 1903 г., казенныя дороги, не считая экстреннаго дополнительнаго расхода по сибирской желѣзной дорогѣ (24,3 милл. руб.), даютъ валовой доходъ въ 412,7 милл. руб., при расходѣ въ 419,0 милл. руб., т.-е. приносятъ убытокъ 6,3 милл. руб.; при пониженіи таможеннаго тарифа въ предположенномъ размѣрѣ, эти дороги въ первый же годъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, могутъ дать чистый доходъ въ размѣрѣ около 75 милл. рублей.

[1]) Въ случаѣ крайней необходимости, часть сухопутныхъ войскъ, содержимыхъ исключительно для поддержанія внутренняго порядка, слѣдуетъ замѣнить болѣе дешевою земскою стражею, призываемою къ оружію лишь въ экстренныхъ случаяхъ, подобно тому, какъ созывается государственное ополченіе въ военное время.

Въ періодъ 1881—1903 гг. ежегодный расходъ по министерству внутреннихъ дѣлъ постоянно, изъ года въ годъ, возросталъ, увеличившись къ текущему году на 42,1 милл. рублей. Это явленіе объясняется общимъ характеромъ внутренней политики за эти года, направленной къ значительному усиленію административнаго попечительства, вмѣсто дальнѣйшаго развитія мѣстной общественной самодѣятельности, положенной въ основаніе реформъ эпохи царствованія Александра II. Въ настоящее время, какъ видно изъ цитированной выше рѣчи г. министра внутреннихъ дѣлъ, предполагается снова призвать общественные элементы къ ближайшему участію въ „мѣстномъ управленіи". При этомъ, весьма естественно, сократятся функціи бюрократическаго элемента, а потому можно надѣяться, что и расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ значительно понизятся, примѣрно на половину суммы, представляющей собою наростаніе, вызванное названными обстоятельствами (42 милл. руб.), т.-е. на 20 милл. рублей.

Разсматривая смѣту министерства финансовъ, въ которую включаются разнообразные расходы, имѣющіе общегосударственное значеніе, мы не можемъ не замѣтить, что расходъ собственно на администрацію быстро увеличивался за послѣднее время; онъ показанъ въ росписи на 1903 г. въ суммѣ 59 милл. руб., причемъ, по сравненію даже со смѣтой прошлаго года, расходъ повышенъ на 3 милл. рублей. Разгадка этого роста расходовъ кроется въ необычайномъ развитіи дѣлъ и переписки, вызванныхъ усиленными хлопотами по искусственному развитію торгово-промышленныхъ предпріятій, по расширенію желѣзно-дорожной сѣти, по таможеннымъ операціямъ, по изысканію новыхъ источниковъ для покрытія все возростающихъ государственныхъ расходовъ, по взиманію сборовъ, налоговъ и недоимокъ и, отчасти, по заготовкамъ хлѣба для населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ недородовъ, весьма часто повторяющихся въ послѣднее десятилѣтіе. Съ измѣненіемъ общей финансово-экономической политики всѣ эти хлопоты въ значительной части сдѣлаются излишними; взамѣнъ ихъ, придется принимать мѣры по улучшенію экономическаго положенія деревни. Этотъ трудъ, въ виду того, что придется работать въ деревняхъ, собирая на мѣстѣ необходимый статистическій матеріалъ для выясненія существующихъ дефектовъ сельскаго хозяйства и тамъ же, на мѣстѣ, заботиться изо дня въ день объ ихъ устраненіи,—потребуетъ затраты громадной энергіи, въ сто тысячъ разъ превосходящей трудъ, затрачиваемый нынѣ министерствомъ финансовъ на перечисленныя выше заботы. Но вся работа эта, по самому существу своему, должна лечь на земства, на мѣстныхъ дѣятелей, которыхъ и предполагается призвать къ болѣе широкому участію въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Такимъ образомъ, при новыхъ обстоя-

тельствахъ, административная дѣятельность министерства финансовъ должна войти въ прежнюю, болѣе спокойную норму, въ особенности если, рядомъ съ прекращеніемъ искусственнаго развитія фабрично-заводской промышленности и желѣзно-дорожнаго строительства, будутъ отмѣнены выкупные платежи, а также косвенные налоги: сахарный, нефтяной и спичечный. Это, несомнѣнно, дастъ возможность уменьшить расходы на администрацію приблизительно на одну треть, т.-е. на 20 милл. рублей.

Теперь, подводя итогъ, представимъ въ цифрахъ сравненіе доходовъ и расходовъ по росписи текущаго года съ „предполагаемой росписью", возможной только при измѣненіи нашей финансово-экономической политики въ намѣченномъ направленіи:

ДОХОДЫ:	Въ 1903 г.	Предполагаемые:
Прямые налоги	132,0	132,0
Пошлины	98,0	98,0
Сборъ съ питей	356,0	356,0
Прочіе косвенные налоги	*376*,0	*144*,0 [1]
Правительственныя регаліи	62,0	62,0
Казенное имущ. и капиталы	109,0	109,0
Выкупные платежи	*89*,0	*0*,0
Подоходный налогъ	*0*,0	*200*,0
Возмѣщеніе госуд. расходовъ	68,0	68,0
Случайные доходы	6,0	6,0
Вклады въ госуд. банкъ на вѣчн. время (?)	2,5	2,5
Доходы отъ казенныхъ желѣзн. дорогъ	*0*,0	*75*,0
Отъ увеличенія табачнаго дохода и сбора съ питей	*0*,0	*40*,0
Изъ суммъ свободной наличности и государственнаго займа	*172*,0	*0*,0
	1.470,5	*1.292*,5

РАСХОДЫ:	Въ 1903 г.	Предполагаемые:
Платежи по займамъ	291,0	291,0
Высшія государственныя учрежденія	3,0	3,0
Вѣдомство святѣйшаго синода	28,0	28,0

[1]) Въ государственной росписи подъ рубрикой „косвенные налоги" значится сумма около 406 милл. руб.; Изъ нея 29,5 милл. р.—сборъ съ не-казенныхъ питей отнесенъ въ общую сумму „сбора питей", куда включены и всѣ доходы отъ казенныхъ питей, за вычетомъ расходовъ; затѣмъ, въ приведенной суммѣ сахарный доходъ (78,4 милл. руб.), нефтяной доходъ (29 милл. руб.) и спичечный доходъ (7,9 милл. руб.) совершенно не включены, а таможенный доходъ (216,2 милл. руб.) уменьшенъ на 116,2 милл. рублей.

Министерство императорскаго двора. .	16,0	16,0
„ иностранныхъ дѣлъ . .	6,0	6,0
„ военное и морское . .	*445*,0	*361*,0
„ финансовъ	*180*,0	*160*,0
„ земледѣлія и госуд. имущ.	49,0	49,0
„ внутреннихъ дѣлъ. . .	*100*,0	*80*,0
„ путей сообщенія . .	39,0	39,0
„ народнаго просвѣщенія .	39,0	39,0
„ юстиціи.	49,0	49,0
Главн. упр. госуд. коннозаводства . .	2,0	2,0
Государственный контроль.	8,0	8,0
Случайные расходы.	25,0 [1]	25,0
Расходы на сооруж. новыхъ жел. дорогъ.	*191*,0	*0*,0
	1.471,0	*1.156*,0

Такимъ образомъ, оказывается, что, при измѣненіи финансово-экономической политики и съ возложеніемъ на мѣстныхъ людей нѣкоторыхъ функцій по участію въ мѣстномъ управленіи, явится возможность, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, сократить государственные расходы на *300 милл. руб.* и значительно облегчить наиболѣе бѣдные классы населенія отмѣной выкупныхъ платежей, упраздненіемъ сахарнаго, нефтянаго и спичечнаго косвенныхъ налоговъ и пониженіемъ таможенныхъ тарифовъ; послѣдствіемъ этого будетъ не только облегченіе налоговой тягости населенія, но и удешевленіе для него многообразныхъ предметовъ потребленія. Изъ составленнаго баланса видно, что при этомъ доходы превысятъ расходы на 136 милл. руб.; они могутъ быть *сполна затрачены* на народное образованіе и на экономическую помощь деревнѣ [2]).

Л. Бухъ.

---

[1]) Сюда включены изъ обыкновенныхъ расходовъ 15 милл. рублей и чрезвычайныхъ 10 милл. рублей (на вознагражденіе за право пропинаціи).

[2]) Въ нашихъ разсчетахъ о сокращеніи государственныхъ расходовъ мы не коснулись многихъ статей бюджета, но тѣмъ не менѣе можно предсказать, что предположенное нами уменьшеніе расходовъ названо будетъ слишкомъ оптимистичнымъ; въ виду этого, для успокоенія пессимистовъ, допустимъ, что превышеніе доходовъ надъ расходами будетъ не болѣе 100 милл. рублей; все-таки и этотъ избытокъ доходовъ, освобождая насъ въ будущемъ отъ покрытія государственныхъ расходовъ займами, явится достаточнымъ источникомъ для оказанія серьезной помощи сельско-хозяйственной промышленности и народному образованію, въ особенности если принять въ разсчетъ, что земства и города получатъ около 100 милл. рублей отъ подоходнаго налога.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1903.

Столѣтіе комитета министровъ и министерствъ.—Идея и ея осуществленіе.—Министерства и сенатъ.—Министры первыхъ восьми десятилѣтій XIX-го вѣка.—Средняя продолжительность управленія министерствомъ.—Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ.—Новые проекты реакціонной печати.—Возраженіе изъ богородицкаго уѣзда.

Столѣтіе комитета министровъ и министерствъ, отпразднованное въ концѣ минувшаго декабря, прошло мало замѣченнымъ—гораздо меньше замѣченнымъ, чѣмъ столѣтіе государственнаго совѣта, исполнившееся весной 1901-го года. И это вполнѣ понятно. Какъ бы далеко отъ совершенства ни было устройство государственнаго совѣта, какъ бы многаго онъ ни оставлялъ желать въ виду новыхъ потребностей и взглядовъ,—во всякомъ случаѣ онъ болѣе всѣхъ другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій представляетъ собою идею законности и закономѣрности. Этой идеѣ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ; она же легла въ основу преобразованія, которому онъ подвергся въ 1810-мъ году. Обширное цѣлое, частью котораго, по мысли Сперанскаго, долженъ былъ стать государственный совѣтъ, осталось невоздвигнутымъ, но назначеніе совѣта вслѣдствіе этого не измѣнилось: онъ сохранилъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, ту роль, которую отводилъ ему великій реформаторъ. Совсѣмъ инымъ является, съ этой точки зрѣнія, положеніе комитета министровъ и министерствъ. Первый, имѣвшій сначала значеніе „образа доклада“,—т.-е. пути, по которому важнѣйшія дѣла управленія восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе,—не нашелъ мѣста въ планѣ Сперанскаго и предназначался къ упраздненію, но вмѣсто того значительно распространилъ свою сферу дѣйствій и получилъ совершенно особый характеръ. Это не совѣтъ министровъ, существовавшій одно время (а юридически и теперь существующій) рядомъ съ комитетомъ; это не высшій административный судъ, хотя ему и принадлежитъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, административно-карательная власть; это не законосовѣщательная инстанція, съ опредѣленными полномо-

чіями—но вмѣстѣ съ тѣмъ это источникъ правилъ, имѣющихъ силу закона [1]). Поставленный между государственнымъ совѣтомъ и правительствующимъ сенатомъ, комитетъ министровъ, въ силу закона или въ силу практики, принимаетъ на себя функціи то одного, то другого изъ этихъ учрежденій.

Не менѣе далеко отошли отъ своего первоначальнаго призванія и министерства. Предполагалось, что они будутъ стоять подъ непосредственнымъ надзоромъ сената, который, въ первые годы послѣ ихъ учрежденія, разсматривалъ ихъ отчеты; но весьма скоро „всѣ принятыя къ ограниченію власти министровъ мѣры сдѣлались недѣйствительными, и сенатъ лишился способа дѣйствовать во всѣхъ его частяхъ, кромѣ судебной“ (выраженіе Трощинскаго). Предполагалось, что ни одинъ изъ министровъ не будетъ докладывать Государю Императору помимо и безъ вѣдома остальныхъ; а на самомъ дѣлѣ порядокъ установился прямо противоположный, только на короткое время нарушенный, при Александрѣ II-мъ, учрежденіемъ совѣта министровъ. Предполагалось, что всѣ дѣйствія министерствъ будутъ основаны на существующихъ законахъ, а вопросы объ отмѣнѣ, измѣненіи или дополненіи ихъ, равно какъ объ изданіи новыхъ законовъ, непремѣнно будутъ проходить черезъ государственный совѣтъ; на самомъ дѣлѣ въ обычай вошли не только отдѣльныя распоряженія, идущія въ разрѣзъ съ закономъ, но и общія мѣры законодательнаго свойства, принимаемыя по докладу одного, двухъ или нѣсколькихъ министровъ. Приведемъ этому одинъ примѣръ, особенно характерный. Въ 1895 г. государственный совѣтъ, по поводу одного частнаго дѣла, разъяснилъ, что обнародованное въ 1881 г. положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ имѣетъ цѣлью исключительно водвореніе спокойствія и искорененіе крамолы, а потому непримѣнимо къ лицамъ, заподозрѣннымъ лишь въ сомнительной нравственности или въ совершеніи проступка, подлежащаго преслѣдованію въ обыкновенномъ судебномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государственный совѣтъ нашелъ, что жалобы на неправильное, съ юридической точки зрѣнія, примѣненіе положенія объ усиленной охранѣ должны быть приносимы не министру внутреннихъ дѣлъ, а правительствующему сенату. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя дѣйствіе этого разъясненія было отмѣнено Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся по докладу двухъ министровъ (юстиціи и внутреннихъ дѣлъ): правительствующій сенатъ устраненъ отъ разсмотрѣнія жалобъ на распоряженія администраціи, а поводомъ для

[1]) Назовемъ, для примѣра, „временныя“ правила о печати 1882 и 1897 гг. и положеніе 4 іюля 1894 г., установившее, въ отмѣну закона 3 мая 1883 г., наказуемость штундистскихъ молитвенныхъ собраній.

такихъ распоряженій признано, наряду съ политической неблагонадежностью, и порочное поведеніе, если оно опасно для общественнаго спокойствія. Правда, министру внутреннихъ дѣлъ тогда же предоставленно было подвергнуть безотлагательному пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ; но съ тѣхъ поръ прошло болѣе семи лѣтъ—а о такомъ пересмотрѣ ничего не слышно. Положеніе вещей, затѣмъ, получается такое: *двадцать* слишкомъ лѣтъ дѣйствуютъ, подъ именемъ *временныхъ*, правила объ усиленной охранѣ, заключающія въ себѣ всѣ признаки *закона*, но прошедшія не черезъ государственный совѣтъ, а черезъ комитетъ министровъ—и дѣйствуютъ притомъ, съ 1895-го года, въ значительно растространенной и обостренной формѣ, данной имъ даже помимо комитета, по иниціативѣ двухъ министровъ [1]).

Если положеніе министерствъ въ настоящее время мало соотвѣтствуетъ ихъ первоначальной идеѣ, то причину этому слѣдуетъ искать не только въ ненормальномъ распредѣленіи функцій законосовѣщательныхъ, наблюдательныхъ и исполнительныхъ, но и въ недостаткахъ механизма, выработаннаго практикою. Въ извѣстныхъ предѣлахъ правительствующій сенатъ и теперь сохраняетъ свою доминирующую роль по отношенію къ министерствамъ, разрѣшая жалобы, приносимыя на министровъ; но значеніе этой роли уменьшается съ одной стороны тѣмъ, что составъ департаментовъ сената (перваго и второго), поставленныхъ надъ министерствами, не отличается устойчивостью, свойственною суду, хотя бы административному, и пополняется, отчасти, бывшими администраторами; съ другой стороны — медленностью производства, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ департаментѣ не произошло разногласія и дѣло не переходитъ въ общее собраніе сената. Особенно замѣтна эта медленность въ дѣлахъ земскихъ и городскихъ. Результата жалобъ, приносимыхъ земскими собраніями и городскими думами на постановленія губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій, приходится ожидать, сплошь и рядомъ, по нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ спорный вопросъ нерѣдко теряетъ свою первоначальную важность. Необходимо было бы назначить предѣльные сроки для окончанія подобныхъ дѣлъ и признать опредѣленія, постановленныя по большинству голосовъ, вступающими въ силу и при несогласіи министра, котораго они непосредственно касаются; необходимо было бы отдѣлить дѣла административно-судебныя отъ дѣлъ чисто административныхъ (иными словами—дѣла по жалобамъ на нарушеніе *права* отъ дѣлъ по жалобамъ на нарушеніе *интереса*); необ-

[1]) Болѣе подробное освѣщеніе вопроса см. во Внутреннемъ Обозрѣніи. „Вѣстника Европы“ 1895 г. № 9 и 1896 г. № 2.

ходимо было бы распространить на сенаторовъ перваго и второго департаментовъ правило о судейской несмѣняемости въ такой же мѣрѣ, въ какой оно дѣйствуетъ для сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ; необходимо было бы, наконецъ, открыть двери засѣданій перваго и второго департаментовъ и приблизить производство всѣхъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ къ общему судебному процессу (напр. ввести докладъ дѣлъ самими сенаторами и представленіе словесныхъ объясненій сторонами или ихъ повѣренными). Что первый департаментъ сената, при счастливомъ личномъ составѣ, даже теперь можетъ занимать видное мѣсто въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій—доказательствомъ этому служитъ тотъ промежутокъ времени, когда первенствующее вліяніе принадлежало здѣсь В. А. Арцимовичу, а затѣмъ А. Д. Шумахеру. Не даромъ же В. А. Арцимовичъ удостоился чести вызывать, въ теченіе многихъ лѣтъ, ожесточенныя нападенія „Московскихъ Вѣдомостей", руководимыхъ еще самимъ Катковымъ. Не случайно и то, что эти нападенія шли рука объ руку съ извѣстной газетной кампаніей противъ государственнаго совѣта, какъ противъ собранія „неизвѣстныхъ народу генераловъ". Государственный совѣтъ и правительствующій сенатъ—это, въ нашемъ оффиціальномъ мірѣ, главные хранители и главные представители законности, если не всегда на самомъ дѣлѣ, то, по меньшей мѣрѣ, въ принципѣ. Отсюда общность возбуждаемыхъ ими симпатій и антипатій; отсюда особый интересъ къ ихъ дѣятельности, интересъ, котораго комитетъ министровъ не вызываетъ никогда, а министерства—только въ періоды усиленной преобразовательной работы, если она ведется при непосредственномъ участіи соотвѣтствующихъ административныхъ вѣдомствъ.

Оговорка, только-что сдѣланная нами, объясняется тѣмъ, что не всегда преобразованія подготовлялись у насъ министерствами и въ министерствахъ. Не былъ министромъ Сперанскій, когда составлялъ, въ 1808—11 гг., свой извѣстный планъ реформъ, получившій лишь частичное осуществленіе. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ министерство внутреннихъ дѣлъ играло второстепенную, сравнительно съ редакціонными коммиссіями, роль въ выработкѣ положеній о крестьянахъ. Еще меньше, быть можетъ, было активное участіе министерства юстиціи въ составленіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864-го года. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ не былъ еще министромъ внутреннихъ дѣлъ, когда въ головѣ его созрѣлъ планъ дѣйствій, разбитый катастрофой 1-го марта. Преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія, задуманное въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, намѣчалось Кахановскою коммиссіею совсѣмъ не въ томъ направленіи, какое было дано ему нѣсколько лѣтъ спустя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Изъ

числа коммиссій, состоявшихъ и состоящихъ въ послѣднее время при министерствѣ юстиціи, съ наибо́льшимъ успѣхомъ работали именно тѣ, которыя всего меньше были связаны съ министерствомъ. Ни къ одному изъ министерствъ, наконецъ, не пріурочено спеціально особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ сильно способствовавшее, благодаря созданнымъ имъ уѣзднымъ комитетамъ, подъему и оживленію нашей общественной жизни. Этотъ рядъ фактовъ кажется намъ довольно знаменательнымъ: онъ помогаетъ понять, почему исторія министерствъ—далеко не самый интересный отдѣлъ русской исторіи XIX-го вѣка.

Хотя столоначальники, которые, по извѣстному выраженію, „управляютъ Россіей“, безспорно имѣли предшественниковъ въ подъячихъ и приказныхъ московской Руси, въ ассесорахъ и секретаряхъ Петровскихъ коллегій,—тѣмъ не менѣе министерства способствовали развитію у насъ административной централизаціи и канцелярскаго многописанія. Все болѣе и болѣе они стягивали къ себѣ дѣла со всѣхъ концовъ Россіи, и, разсыпая надъ провинціей инструкціи, предписанія, циркуляры, уменьшали самодѣятельность мѣстныхъ властей. Въ министерствахъ образовались очаги противодѣйствія земскому и городскому самоуправленію, не укладывавшемуся въ обычныя бюрократическія рамки. Въ особенности колоссаленъ ростъ министерствъ сдѣлался въ послѣднее время, вслѣдствіе быстраго расширенія сферы дѣйствій государственной власти. Дальше другихъ ушли на этой дорогѣ министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Отличительная черта обоихъ—крайне разнообразный составъ предметовъ, которыми они завѣдуютъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ соединяетъ въ своихъ рукахъ государственную полицію — и высшій надзоръ надъ о̀рганами самоуправленія, наблюденіе надъ печатью—и руководство полу-судебными учрежденіями, созданными 12-го іюля 1889-го года, ветеринарную часть—и дѣла иностранныхъ исповѣданій, охрану спеціально дворянскихъ интересовъ—и заботу о крестьянахъ. Оно является въ одно и то же время наслѣдникомъ третьяго отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи и преемникомъ министерства юстиціи (въ бо̀льшей части того, что̀ входило прежде въ кругъ вѣдомства судебно-мирового института)—т. е. учрежденій прямо противоположныхъ по своему характеру. Совмѣщеніе задачъ становится затруднительнымъ не только потому, что ихъ такъ много, но и потому, что между ними такъ мало внутренняго единства. То же самое можно сказать и о министерствѣ финансовъ, соединяющемъ дѣла чисто финансоваго свойства съ попеченіемъ о промышленности и торговлѣ. Внѣшнимъ признакомъ роста, переставшаго быть нормальнымъ, служитъ увеличеніе числа товарищей министра: въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ и въ министер-

ствѣ финансовъ, ихъ теперь четыре, тогда какъ еще недавно былъ только одинъ.

Списокъ министровъ, напечатанный въ газетахъ по поводу столѣтія министерствъ, бросаетъ дополнительный свѣтъ на прошедшее учрежденія. Поразительно невелико въ немъ число лицъ (мы говоримъ, конечно, только объ умершихъ), которыя оставили прочный слѣдъ въ народной памяти и заняли видное мѣсто на страницахъ исторіи. Кто, напримѣръ, изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ наложилъ свою печать на эпоху, къ которой относится его управленіе—и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ право на благодарность потомства? Несомнѣнно талантливъ былъ князь В. П. Кочубей, два раза занимавшій должность министра внутреннихъ дѣлъ—но въ первый разъ (1803-7) управленіе его совпало съ заботами объ организаціи министерствъ и съ первыми наполеоновскими войнами, а во второй разъ (1819-25)—съ апогеемъ аракчеевщины. Въ дарованіяхъ не было недостатка и у Д. Н. Блудова (1832—39), но его дѣятельность не ознаменована ни одною выдающеюся мѣрой, потому что это вообще не было временемъ выдающихся мѣръ. Имя С. С. Ланского окружено свѣтлымъ ореоломъ, такъ какъ при немъ состоялось освобожденіе крестьянъ—но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не онъ игралъ руководящую роль въ великой реформѣ. При П. А. Валуевѣ (1861-68) проведены положеніе о земскихъ учрежденіяхъ (1864) и законъ о печати (1865)—но при немъ же они подверглись первымъ ограниченіямъ и урѣзкамъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ (1880-1) былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ не болѣе девяти мѣсяцевъ; начато и задумано имъ было очень многое, но довести до конца ничего не удалось. Графъ Д. А. Толстой, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ (1882-89), какъ и раньше, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія (1866-1880), принадлежалъ, безспорно, къ числу *замѣтныхъ* государственныхъ дѣятелей; но до какой степени различны взгляды на значеніе и результаты его „замѣтной“ дѣятельности—это не требуетъ поясненія. Какъ мало, съ другой стороны, успѣлъ сдѣлать въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютинъ—одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ государственныхъ людей, способности которыхъ соприкасаются съ геніальностью и характеръ стоитъ на одномъ уровнѣ съ способностями! Можно сказать безъ преувеличенія, что все крестьянское дѣло получило бы совершенно другой оборотъ, еслибы С. С. Ланской и Н. А. Милютинъ, вслѣдъ за обнародованіемъ положеній 19-го февраля, не сошли—одинъ навсегда, другой на время—съ политической сцены.

Изъ числа министровъ финансовъ репутацію дѣлового человѣка заслужили гр. Канкринъ и М. Х. Рейтернъ,—репутацію реформатора, осторожнаго, но послѣдовательнаго—Н. Х. Бунге. Между министрами

юстиціи выдается Д. Н. Замятнинъ, благодаря тому, что при немъ состоялась судебная реформа; но участіе его въ ней было не больше, чѣмъ участіе С. С. Ланского—въ крестьянской реформѣ. Чѣмъ былъ Н. А. Милютинъ при С. С. Ланскомъ, тѣмъ, до извѣстной степени, былъ Н. И. Стояновскій при Д. Н. Замятнинѣ—и аналогія довершается тѣмъ, что и здѣсь введеніе новыхъ порядковъ очень скоро перешло въ руки людей, менѣе къ нимъ расположенныхъ. Изъ числа министровъ народнаго просвѣщенія выдвигаются на первый планъ—если имѣть въ виду оговорку, сдѣланную нами выше относительно гр. Д. А. Толстого—только гр. С. С. Уваровъ и А. В. Головнинъ; изъ министровъ путей сообщенія—только К. В. Чевкинъ и П. П. Мельниковъ; изъ министровъ государственныхъ имуществъ—одинъ гр. П. Д. Киселевъ; изъ военныхъ министровъ—одинъ гр. Д. А. Милютинъ; изъ морскихъ—одинъ великій князь Константинъ Николаевичъ; изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ—одинъ кн. А. М. Горчаковъ. Объясняется это, быть можетъ, отчасти тѣмъ, что главныхъ дорогъ къ министерскому посту въ XIX-мъ столѣтіи—особенно въ первыхъ трехъ четвертяхъ его—было только двѣ: медленное, но постоянное повышеніе по іерархической лѣстницѣ, вслѣдствіе чего высшей ея ступени достигали нерѣдко чиновники, мало подготовленные къ широкой дѣятельности (назовемъ, для примѣра, министра народнаго просвѣщенія кн. Ширинскаго-Шихматова, министровъ финансовъ Ѳ. П. Вронченко и Н. Ѳ. Брока, министра внутреннихъ дѣлъ Л. С. Макова)—или военная служба, одно время открывавшая всѣ двери, но, конечно, не дававшая сама по себѣ ни опытности въ дѣлахъ управленія, ни знаній. Въ первыя семьдесятъ-пять лѣтъ XIX-го вѣка министрами внутреннихъ дѣлъ были, напримѣръ, четыре военныхъ генерала (гр. А. А. Закревскій, гр. А. Г. Строгановъ, Д. Г. Бибиковъ и А. Е. Тимашевъ).

Нельзя сказать, чтобы особенно велико было среднее число лѣтъ, приходящееся на управленіе каждаго министра. Съ 1802 по 1899 г., напримѣръ, смѣнилось девятнадцать министровъ внутреннихъ дѣлъ, т.-е. каждый изъ нихъ управлялъ министерствомъ, въ среднемъ, съ небольшимъ пять лѣтъ. Средняя продолжительность управленія министерствомъ финансовъ нѣсколько больше—семь съ половиною лѣтъ (съ 1802 по 1892 г. смѣнилось двѣнадцать министровъ). Семь лѣтъ—средняя цифра управленія министерствомъ юстиціи; шесть съ половиною лѣтъ—средняя цифра управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія. Реальныя цифры вездѣ значительно уклоняются отъ среднихъ: низшія составляютъ два года, годъ или еще меньше (министры внутреннихъ дѣлъ гр. Строгановъ, Бибиковъ, Маковъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, министръ финансовъ Абаза, министры народнаго просвѣщенія гр. Пу-

тятинъ и бар. Николаи, министръ юстиціи кн. Урусовъ); высшія превосходятъ полтора или даже два десятилѣтія (министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ, министръ финансовъ гр. Канкринъ, министръ юстиціи гр. Паниинъ). Двадцатидвухлѣтнее министерство гр. Панина свидѣтельствуетъ о томъ, что не всегда продолжительность управленія прямо пропорціональна его внутреннему достоинству.

Закончимъ бѣглый очеркъ столѣтія министерствъ историческою параллелью. Россія до-реформенная, а отчасти и по-реформенная, имѣетъ много общаго съ Пруссіей первой половины XIX-го вѣка. Значеніе министровъ, и тамъ, и тутъ, одинаково велико—въ Пруссіи, можетъ быть, даже нѣсколько больше, потому что меньшую роль играли въ ней учрежденія, соотвѣтствующія нашимъ государственному совѣту и комитету министровъ. Какъ и у насъ, министрамъ въ Пруссіи тѣмъ труднѣе было пріобрѣсти и сохранить господствующее вліяніе, чѣмъ шире они понимали свое призваніе, чѣмъ рѣшительнѣе шли къ цѣли. Судьба Штейна и Вильгельма Гумбольдта напоминаетъ нѣсколько судьбу Сперанскаго, съ тою, конечно, разницею, что потеря власти не была сопряжена для первыхъ съ преслѣдованіями и лишеніями, какимъ подвергся послѣдній. Тѣмъ не менѣе талантливыхъ государственныхъ людей въ послѣднія тридцать лѣтъ царствованія Фридриха-Вильгельма III-го всегда было немало, и имъ удавалось достигнуть сравнительно многаго. Гарденбергъ—правда, нѣсколько опустившійся и ослабѣвшій—держался на своемъ посту до самой смерти. Альтенштейнъ, окруженный преданными и даровитыми сотрудниками, около тридцати лѣтъ сряду управлялъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, положилъ прочную основу свѣтской начальной школѣ и поднялъ на небывалую высоту прусскія гимназіи и университеты. Министры финансовъ Мотцъ и Маассенъ, дѣятельность которыхъ была прервана только смертью, создали знаменитый таможенный союзъ, этотъ первый краеугольный камень германскаго единства. Военный министръ Бойенъ, одно время находившійся въ опалѣ, возвратился къ власти и окончательно укрѣпилъ военное устройство, призванное къ жизни его учителемъ Шарнгорстомъ. Много замѣчательныхъ людей выдвинули на сцену и первые годы царствованія Фридриха-Вильгельма IV-го (Эйхгорнъ, Савиньи, Бодельшвингъ, Арнимъ, Флоттвелль, Радовицъ)—и если они мало успѣли сдѣлать для Пруссіи, то это объясняется тѣмъ, что королю недоставало умѣнья ставить den rechten Mann an die rechte Stelle. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: несмотря на значительное сходство условій, уровень центральнаго государственнаго управленія былъ въ Пруссіи гораздо выше, чѣмъ въ Россіи.

Изъ рѣчей, произнесенныхъ по поводу столѣтія министерствъ, наибольшее вниманіе обратила на себя рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ. Она подтверждаетъ еще разъ, что на очереди стоитъ рядъ важныхъ преобразованій. „Усиливая распорядительную власть на мѣстахъ",—сказалъ В. К. фонъ-Плеве,—„необходимо упростить порядокъ ея дѣйствія, дабы интересы и удобства населенія получили вящшее огражденіе. Въ ближайшемъ будущемъ предположены при министерствѣ совѣщанія, въ которыя будутъ призваны лица мѣстнаго управленія. Въ этихъ совѣщаніяхъ предстоитъ обсудить мѣры къ болѣе правильному сочетанію дѣятельности административной и общественной, бо̀льшей опредѣленности въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и болѣе дѣятельному участію мѣстныхъ людей въ трудахъ мѣстнаго управленія... Превыше всѣхъ заботъ нашего времени является возвѣщенная Государемъ Императоромъ въ Курскѣ задача упорядоченія крестьянскаго дѣла, со всѣми привходящими сюда сложными вопросами сельскаго быта. *Было бы легкомысленнымъ самомнѣніемъ полагать, что съ этими вопросами министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ справиться своими силами, но оно желало бы внести свои труды въ сокровищницу всѣхъ творческихъ духовныхъ силъ страны*". Дальше В. К. фонъ-Плеве выражаетъ надежду, что „въ сужденіяхъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности многія стороны крестьянскаго дѣла получатъ необходимое выясненіе", и напоминаетъ, что къ трудамъ по крестьянскому преобразованію рѣшено привлечь „дѣятелей, опытомъ жизни ознакомленныхъ съ сельскимъ бытомъ". Центромъ тяжести рѣчи В. К. фонъ-Плеве должны быть признаны, безъ сомнѣнія, подчеркнутыя нами слова, особенно цѣнныя тѣмъ, что они идутъ въ разрѣзъ съ модной теоріей административнаго всевѣдѣнія и „ограниченности ума подданныхъ". Съ точки зрѣнія этой теоріи всѣ задачи, не исключая самыхъ сложныхъ и самыхъ важныхъ, признаются легкоразрѣшимыми для администраціи—и не только неразрѣшимыми, но даже неудобопонятными для обыкновенныхъ смертныхъ. Ея сторонникамъ не могло бы придти въ голову говорить о „творческихъ духовныхъ силахъ страны", какъ о сокровищницѣ, *однимъ* изъ *вкладовъ* въ которую является административная работа. Часть, въ ихъ глазахъ, больше цѣлаго; правительственная мысль устраняетъ необходимость въ какой бы то ни было другой. Понятно, какимъ вѣскимъ отпоромъ этому взгляду служатъ слова министра внутреннихъ дѣлъ. Они обѣщаютъ широкое участіе общественнаго элемента въ подготовкѣ преобразованій—участіе, обнимающее собою *всѣ* творческія силы страны. Условія осуществимости такого участія—вполнѣ свободное обсужденіе очередныхъ вопросовъ въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣненіе выборнаго начала, един-

ственнаго, обезпечивающаго сколько-нибудь всестороннее выясненіе дѣла. Представимъ себѣ, что „дѣятели, опытомъ жизни ознакомленные съ сельскимъ бытомъ", будутъ привлечены къ совѣщанію *приглашеніемъ* министра внутреннихъ дѣлъ. Совершенно неизбѣжно это приглашеніе коснется если не исключительно, то преимущественно такихъ лицъ, взгляды которыхъ болѣе или менѣе близки къ господствующимъ въ данную минуту—и въ результатѣ получится не увеличеніе суммы „творческихъ силъ", а ростъ одной изъ нихъ, и безъ того, по своему положенію, имѣющей перевѣсъ надъ всѣми другими. Припомнимъ, напримѣръ, что̀ представляли собою тѣ „свѣдущіе люди"—губернаторы и губернскіе предводители дворянства,—которые были приглашены, въ восьмидесятыхъ годахъ, къ участію въ составленіи положеній о земскихъ учрежденіяхъ и о земскихъ начальникахъ.

Изъ того мѣста рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ, которое касается творческихъ духовныхъ силъ страны, можно, какъ намъ кажется, вывести еще одно заключеніе. Подъ именемъ „дѣятелей, опытомъ жизни ознакомленныхъ съ сельскимъ бытомъ", которые примутъ участіе въ „упорядоченіи" крестьянскаго дѣла, разумѣются, очевидно, люди разныхъ званій и положеній, служащіе и неслужащіе, лишь бы только они стояли близко къ деревенской жизни. Но что̀ такое тѣ „лица мѣстнаго управленія", которыя будутъ призваны въ совѣщаніе (или совѣщанія) о преобразованіи губернскихъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ? Если бы задача этого преобразованія была чисто бюрократическая, еслибы имѣлись въ виду только перемѣны во внѣшнемъ устройствѣ и въ взаимныхъ отношеніяхъ присутственныхъ мѣстъ,—эксперты, приглашаемые къ участію въ работѣ, безъ всякаго неудобства, могли бы быть лицами мѣстнаго управленія въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. служащими въ мѣстныхъ административныхъ учрежденіяхъ. На самомъ дѣлѣ, однако, задача совѣщанія гораздо шире. Даже въ той своей части, которая прямо относится къ организаціи управленія, она направлена, между прочимъ, къ „вящшему огражденію интересовъ и удобствъ населенія" — а о сущности этихъ интересовъ и о способахъ ихъ охраны представители населенія могутъ судить, безъ сомнѣнія, отнюдь не хуже, чѣмъ представители администраціи. Этого мало: совѣщанію предстоитъ „обсудить мѣры къ болѣе правильному сочетанію дѣятельности общественной и административной, бо̀льшей опредѣленности въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и болѣе дѣятельному участію мѣстныхъ людей въ трудахъ мѣстнаго управленія". Успѣшное достиженіе этой цѣли возможно только при дружныхъ усиліяхъ всѣхъ „творческихъ силъ страны". Мы думаемъ, поэтому, что подъ именемъ „лицъ мѣстнаго управленія" слѣдуетъ понимать въ данномъ случаѣ не только состоящихъ на государственной службѣ,

не только занимающихъ исполнительныя должности по выбору земскихъ собраній и городскихъ думъ, но и вообще людей, соприкасающихся съ задачами управленія, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова — напр., гласныхъ, земскихъ статистиковъ, земскихъ врачей, землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ, а также теоретическихъ знатоковъ управленія и самоуправленія.

Какъ важенъ способъ обсужденія преобразованій, касающихся „болѣе правильнаго сочетанія дѣятельности административной и общественной"—объ этомъ можно судить по рѣшеніямъ вопроса, предлагаемымъ реакціонною печатью. „Московскія Вѣдомости" (№ 9) желали бы ограничить роль мѣстнаго общественнаго элемента *совѣщаніемъ* съ органами правительственной власти и предоставленіемъ мѣстнымъ людямъ *привилегій и преимуществъ* въ области мѣстной государственной службы. Послѣдняя мысль, по мнѣнію газеты, „проведена полно и обстоятельно въ учрежденіи земскихъ начальниковъ" (!). Итакъ, стоитъ только присоединить къ земскимъ начальникамъ еще одну или нѣсколько категорій чиновниковъ, большею частью (но далеко не всегда) назначаемыхъ изъ среды мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, окружить губернатора нѣсколькими, имъ самимъ (или его начальствомъ) приглашенными совѣтниками, мнѣніе которыхъ могло бы быть имъ, по усмотрѣнію, принято или не принято—и въ весяхъ и градахъ водворилась бы тишина, процвѣло бы ничѣмъ не возмущаемое благоденствіе! Конечно, при этомъ пришлось бы положить конецъ существованію земскихъ и городскихъ учрежденій — но это нимало не смущаетъ нашихъ прожектеровъ. Признавая, что „уничтоженіе выборныхъ общественныхъ самоуправленій явится у насъ не только коренной реформой, но цѣлымъ государственнымъ переворотомъ, чуть не революціей", „Московскія Вѣдомости" (№ 16) успокоиваютъ себя мыслью, что это была бы „революція не снизу, а сверху, созидательная, а не разрушительная", исправляющая ошибку, въ которую впало правительство шестидесятыхъ годовъ, совершивъ „революцію въ демократическомъ духѣ". Что собственно московская газета считаетъ демократическою революціею—одно ли только Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864-го года, или, вмѣстѣ съ нимъ, другія великія реформы того же времени (крестьянскую, университетскую, судебную, законъ о печати)—это остается неизвѣстнымъ: но въ обоихъ случаяхъ измышленіе ихъ одинаково далеко отъ истины. *Революціей сверху* можно называть только ломку во что бы то ни стало (въ родѣ Петровской), ломку, не принимающую въ разсчетъ ни степени развитія общества, ни его стремленій и желаній, ломку, не оставляющую, по крайней мѣрѣ въ данной области, камня на камнѣ. Нашимъ противникамъ очень хорошо извѣстно, что

этихъ условій реформы шестидесятыхъ годовъ въ себѣ не соединяли; иначе за нихъ не стоялъ бы, въ моментъ ихъ совершенія, тогдашній редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (М. Н. Катковъ), ужъ конечно не принадлежавшій къ числу „революціонеровъ“ (хотя бы „сверху“) или демократовъ .. „А общественное мнѣніе“?—вопрошаетъ, далѣе, газета. „Да оно все горой станетъ за правительство, лишь только услышитъ отъ него призывъ къ твердой, раціонально-самодержавной политикѣ Россіи, призывъ, выраженный въ ясныхъ словахъ, не подающихъ повода къ какимъ-либо лжетолкованіямъ“. Хорошо было бы, нечего сказать, общественное мнѣніе, въ настроеніи котораго радикальная перемѣна могла бы быть произведена нѣсколькими „ясными словами“! Газета принимаетъ, очевидно, часть за цѣлое, небольшой кругъ своихъ единомышленниковъ — за русское общество. Она упускаетъ изъ виду, что параллельно съ внѣшними рамками общества растетъ и его внутренняя зрѣлость. Болѣе чѣмъ страшно было бы отказывать ему теперь даже въ томъ, чего оно—съ полнымъ основаніемъ—считалось достойнымъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ.

Чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе „революціи“, предлагаемой „Московскими Вѣдомостями“, необходимо ознакомиться съ ея „созидательною“ стороною. Эта сторона выражена въ проектѣ, составленномъ однимъ изъ сотрудниковъ московской газеты (г. Нилусомъ) и прочитанномъ имъ въ засѣданіи мценскаго уѣзднаго комитета [1]). Въ основѣ проекта лежитъ, какъ и слѣдовало ожидать, „помѣстная дворянская власть“, только еще больше приближенная къ населенію, поставленная надъ каждымъ отдѣльнымъ церковнымъ приходомъ. „Сельскій начальникъ“, *назначенный* и непремѣнно православный, причащающійся по меньшей мѣрѣ однажды въ годъ, долженъ вѣдать „всѣ стороны сельскаго существованія“ (слѣдовательно и судъ?), кромѣ развѣ спеціально-техническихъ. Совѣщаніе сельскихъ начальниковъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства (также *назначеннаго*, а не выборнаго), должно замѣнить собою земское собраніе. Чтобы власть сельскаго начальника „не выродилась въ сатрапію“, надлежитъ дать ей „коррективъ“ въ непрестанномъ фактическомъ контролѣ верховной власти (черезъ кого?) и въ *совѣщательномъ* приходскомъ совѣтѣ, жалобы котораго на сельскаго начальника разрѣшались бы губернаторомъ. Чтобы новыя дворянскія должности не обратились въ чиновничество, вознагражденіе сельскимъ начальникамъ должно быть назначено не въ видѣ жалованья, а въ видѣ дохода съ участка земли (въ орловской губерніи—около 300 десятинъ),

[1]) Нужно полагать, что въ средѣ комитета проектъ г. Нилуса не нашелъ поддержки; иначе о ней не преминули бы сообщить „Московскія Вѣдомости“.

обстроеннаго за счетъ казны и переходящаго къ наслѣдникамъ, если они сохранятъ за собою званіе сельскаго начальника. Издержки на пріобрѣтеніе и обзаведеніе такихъ участковъ г. Нилусъ опредѣляетъ для одной орловской губерніи въ *сорокъ восемь милліоновъ* рублей. У кого уже есть земля, но заложенная въ дворянскомъ банкѣ, тотъ вознаграждается за службу въ званіи земскаго начальника соотвѣтственною скидкою въ банковыхъ платежахъ. Итакъ, громадныя пожертвованія государства въ интересахъ небольшой горсти людей и фактически неограниченная власть этой горсти надъ массой народа—вотъ сущность проекта г. Нилуса, представляющаго собою, собственно, не что иное, какъ новую форму старыхъ вожделѣній. Любопытно видѣть, какъ г. Нилусъ старается оградить себя отъ упрека въ крѣпостничествѣ, неизбѣжно возбуждаемаго его проектомъ, „Этотъ упрекъ“ — восклицаетъ онъ — „могутъ намъ бросить за глаза, за спиной нашей, только враги нашей самобытности, закрѣпощающіе или частью уже закрѣпостившіе трудъ нашъ и нашего рабочаго своимъ капиталомъ, весьма часто иностраннаго, если не еврейскаго происхожденія“. Не слишкомъ ли ужъ сильно г. Нилусъ разсчитываетъ на наивность своихъ слушателей и читателей? Закрѣпощеніе капиталомъ весьма возможно и весьма антипатично, но развѣ оно исключаетъ собою закрѣпощеніе властью? Развѣ оба вида закрѣпощенія не соединяются иногда въ рукахъ помѣщика—работодателя и вмѣстѣ съ тѣмъ начальника?.. Изъ того, что разные виды крѣпостничества вступаютъ иногда въ борьбу между собою, еще не слѣдуетъ, чтобы у нихъ не могло быть общихъ враговъ, преслѣдующихъ принципъ закрѣпощенія, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы предлогомъ онъ ни проявлялся.

Въ одной изъ прошлогоднихъ общественныхъ хроникъ [1]) мы привели, со словъ корреспонденціи изъ богородицкаго уѣзда (тульской губерніи), характерный фактъ административнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь деревни— оштрафованіе земскимъ начальникомъ крестьянъ, не соглашавшихся на передѣлъ надѣльной земли. Мы не назвали при этомъ ни деревни, ни земскаго начальника—но получили, тѣмъ не менѣе, возраженіе, съ которымъ считаемъ долгомъ ознакомить нашихъ читателей. Авторъ возраженія, бывшій земскій начальникъ Бырдинъ, излагаетъ, прежде всего, обстоятельства, въ силу которыхъ передѣлъ земли былъ необходимъ въ интересахъ большинства крестьянъ. Ознакомившись съ этими обстоятельствами, земскій начальникъ предложилъ крестьянамъ, желавшимъ передѣла,

[1]) См. № 11 „Вѣстн. Европы“ за 1902 г., стр. 445.

составить о томъ приговоръ, что̀ и было сдѣлано (*не въ камерѣ* земскаго начальника). При провѣркѣ приговора противники передѣла кричали и шумѣли, увѣряя, вопреки документамъ, что земля принадлежитъ имъ подворно. Они были оштрафованы каждый по пяти рублей „за неприличное поведеніе и за азартное и упорное перетолковываніе положенія, въ противность очевиднымъ доказательствамъ". Имъ не объявляли, что штрафъ будетъ сложенъ съ тѣхъ, кто перемѣнитъ свое мнѣніе, но штрафъ дѣйствительно былъ сложенъ съ одного изъ нихъ, подписавшаго приговоръ и тѣмъ самымъ искупившаго свою вину сознаніемъ своей неправоты. Во всякомъ случаѣ несогласіе 14 крестьянъ изъ 51 не могло послужить препятствіемъ совершенію передѣла. Съ несознавшихъ своей вины было взыскано по двѣ овцы для покрытія штрафа, и не черезъ два дня, какъ сказано въ нашей хроникѣ, а на другой же день. „Съ формальной точки зрѣнія"—пишетъ, далѣе, авторъ возраженія,—„слѣдовало бы выпроводить изъ камеры большинство желающихъ передѣлиться, предоставивъ ихъ въ полное распоряженіе кулаковъ деревни; но каждый человѣкъ, въ томъ числѣ и земскій начальникъ, никогда не можетъ быть юридической машиной и, видя бѣдственное положеніе цѣлой группы людей, обратившихся къ нему за помощью, не можетъ отказаться отъ простого человѣческаго чувства—желанія придти на помощь". Признавая, вмѣстѣ съ нами, что никакая хозяйственная дѣятельность не можетъ быть успѣшна, когда хозяинъ не обезпеченъ отъ давленія на его волю, авторъ возраженія находитъ, что эта мысль непримѣнима къ данному случаю, такъ какъ „вмѣшательство въ административное управленіе всего общества не есть вмѣшательство въ частное хозяйство, и частный хозяинъ будетъ вести свое хозяйство все такъ же, только на бо̀льшемъ или ме́ньшемъ участкѣ земли". „Вѣстникъ Европы" —читаемъ мы дальше, — „осуждая навѣрное канцелярское, мертвое отношеніе къ дѣлу и педантизмъ, здѣсь хватается за нихъ, лишь бы доказать, что ст. 61 Полож. о Земск. начальникахъ не выдерживаетъ критики, какъ дающая широкій просторъ для проявленія власти начальника надъ крестьянами; но это же самое можно доказать и другимъ, болѣе правильнымъ путемъ". Въ заключеніе авторъ возраженія проситъ о перепечаткѣ его въ тѣхъ изданіяхъ, которыя воспроизвели у себя сообщеніе „Вѣстника Европы".

Нетрудно замѣтить, что въ фактическую сторону дѣла, какъ она была изложена нами въ ноябрьской хроникѣ, авторъ возраженія никакихъ существенныхъ поправокъ не вноситъ. Что приговоръ о передѣлѣ былъ подписанъ не въ камерѣ земскаго начальника и что овцы были проданы на другой же день, а не черезъ два дня—это, очевидно, совершенно безразлично. Подтверждается вполнѣ оштрафова-

ніе противниковъ передѣла, не только за неприличное поведеніе, но и за „упорное перетолковываньe“ законовъ и документовъ, т.-е., въ сущности, за *мнѣніе*, быть можетъ неправильное, но во всякомъ случаѣ не составляющее ни проступка, ни противодѣйствія земскому начальнику. Подтверждается сложеніе штрафа съ подчинившагося приговору; подтверждается продажа овецъ у остальныхъ; не опровергается ни отсутствіе провѣрки приговора на мѣстѣ, ни передача обработанной и приготовленной къ посѣву земли, безъ вознагражденія, изъ однѣхъ рукъ въ другія. Остается неразъясненнымъ, почему, при наличности, съ самаго начала, большинства двухъ третей голосовъ, стоявшаго за передѣлъ, принимались экстренныя мѣры къ уменьшенію числа несогласныхъ. Напрасно авторъ возраженія полагаетъ, что съ формальной точки зрѣнія, которой мы, по его мнѣнію, держимся, слѣдовало удалить изъ камеры сторонниковъ передѣла; ни формальныхъ, ни неформальныхъ основаній къ тому не было, потому что, составляя требуемое закономъ большинство, они имѣли полное право приступить къ составленію приговора. Совершенно ошибочно, далѣе, утвержденіе, что вмѣшательство земскаго начальника въ передѣлъ земли есть вмѣшательство въ административное управленіе всего общества, а не въ частное хозяйство. Передѣлъ—вопросъ не административный, а чисто-хозяйственный; касается онъ вовсе не *общества*, какъ административной единицы, а *общины*, какъ единицы хозяйственной (въ отдѣльныхъ случаяхъ общество сливается съ общиной, но и тогда функціи ихъ совершенно различны). Владѣетъ ли крестьянинъ землею на правѣ личной собственности или на правѣ общиннаго владѣнія—во всякомъ случаѣ онъ владѣетъ ею какъ *хозяинъ*. Никакая посторонняя власть не должна диктовать ему рѣшенія, не должна косвенно понуждать его, арестомъ или штрафомъ, къ тому или другому образу дѣйствій относительно его имущества. Согласіе или несогласіе на передѣлъ должно быть свободно, какъ и всякое другое распоряженіе имуществомъ. Принципіальное разногласіе между нами и авторомъ возраженія совершенно ясно: онъ думаетъ, становясь на патріархальную точку зрѣнія, что патріархальная власть, ради хорошей цѣли, можетъ позволить себѣ нѣкоторое насиліе надъ чужою волей—а мы считаемъ такое насиліе во всякомъ случаѣ опаснымъ и вреднымъ. Понятіе о хорошей цѣли очень растяжимо, неправильное примѣненіе его болѣе чѣмъ вѣроятно, а для патріархальныхъ отношеній, какъ и для патріархальной власти, среди условій нашего времени давно уже не остается мѣста.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1903.

Парламентскія пренія въ Германіи.—Инцидентъ съ депутатомъ Фольмаромъ.—Оппозиціонныя рѣчи и отвѣты графа Бюлова.—Рѣчь Бебеля и президентскій кризисъ въ имперскомъ сеймѣ.—Нѣмецкая „міровая“ политика.—Восточно-турецкія дѣла: британская нота о проливахъ и македонскій вопросъ.

Въ Германіи значительная часть общественнаго мнѣнія выражаетъ сильное неудовольствіе по поводу черезчуръ предпріимчивой и дорого стоющей „міровой“ политики имперскаго правительства. Инціатива въ такихъ предпріятіяхъ, какъ экспедиціи противъ Китая и Венецуэлы,—точно также, какъ и въ постоянныхъ требованіяхъ новыхъ кредитовъ на созданіе могущественнаго военнаго флота,—приписывается лично Вильгельму II, который вообще не привыкъ скрывать свои мысли и желанія. Увеличеніе государственныхъ расходовъ при хроническомъ промышленномъ кризисѣ привело къ дефициту въ обоихъ бюджетахъ — имперскомъ и прусскомъ, — на 118 милліоновъ марокъ въ первомъ, и на 72 милліона во второмъ; для покрытія этихъ недочетовъ предположено прибѣгнуть къ займамъ—средству, крайне непопулярному въ Германіи.

Первыя засѣданія имперскаго сейма въ началѣ новаго года отличались поэтому необыкновеннымъ оживленіемъ. Передовыми застрѣльщиками оппозиціи были, конечно, соціаль-демократы; но и представители центра и національ-либералы,—не говоря уже о прогрессистахъ,—высказывались отчасти противъ правительства, причемъ нѣкоторые ораторы подвергали откровенной критикѣ публичныя заявленія и рѣчи самого Вильгельма II. Подобная критика давно уже пріобрѣла право гражданства въ нѣмецкой печати, и она вовсе не считается несовмѣстимою съ исключительнымъ положеніемъ и авторитетомъ императора. Согласно общепринятой конституціонной теоріи, за всѣ политическія дѣйствія и рѣчи монарха отвѣчаютъ министры, и потому въ парламентѣ допускается обсужденіе этихъ дѣйствій и рѣчей только въ формѣ критическаго разбора и оцѣнки министерской политики. Въ засѣданіи 20 января, соціалистъ фонъ-Фольмаръ безпрепятственно говорилъ о телеграммѣ къ баварскому принцу-регенту, имѣвшей всѣ признаки вмѣшательства во внутреннія дѣла союзнаго государства; наканунѣ объ этой же телеграммѣ отзывался въ осудительномъ тонѣ депутатъ центра Шедлеръ. Но когда фонъ-Фольмаръ

коснулся заявленій императора по случаю смерти Круппа, онъ былъ остановленъ президентомъ палаты, графомъ Баллестремомъ, на томъ основаніи, что Круппъ былъ частнымъ человѣкомъ и что выраженія чувствъ по поводу его кончины имѣли приватный характеръ. Фольмаръ объяснилъ, что хочетъ говорить не о Круппѣ, а о двухъ рѣчахъ, опубликованныхъ оффиціально и имѣющихъ самостоятельное политическое значеніе. Президентъ имперскаго сейма остался при своемъ рѣшеніи, несмотря на шумные протесты. „Вы можете, — заявилъ онъ,—обсуждать императорскія рѣчи, касающіяся публичныхъ дѣлъ, но не такія, какъ по поводу Круппа". Фольмаръ отвѣтилъ, что онъ намѣревался упомянуть лишь о той рѣчи, которою „обругана была соціально-демократическая партія"; графъ Баллестремъ продолжалъ отстаивать свою точку зрѣнія, повторяя, что это было частное дѣло, не подлежащее обсужденію парламента. Произошелъ интересный діалогъ, которому сопутствовали громкіе возгласы соціаль-демократовъ: тринадцать разъ депутатъ фонъ-Фольмаръ спокойно подтверждалъ свое право говорить о публичномъ оскорбленіи партіи, представляющей два милліона избирателей, и столько же разъ отвѣчалъ ему президентъ, ссылаясь на свою дискреціонную власть. Фольмару было, однако, предоставлено окончить свою рѣчь, и онъ успѣлъ сказать нѣсколько рѣзкихъ фразъ о тенденціяхъ, противорѣчащихъ общественной морали и ведущихъ прямо къ бонапартизму. Имперскій канцлеръ, графъ Бюловъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы не только опровергнуть предположенія Фольмара и его единомышленниковъ, но и изложить свои общія политическія идеи.

„Попытка представить императора врагомъ рабочаго класса, — сказалъ, между прочимъ, канцлеръ, — неосновательна исторически и психологически. Всѣ мы знаемъ, что соціальное законодательство въ Германіи вызвано къ жизни императоромъ Вильгельмомъ I. Наша монархія сдѣлала для трудящихся классовъ гораздо больше, чѣмъ сдѣлано до сихъ поръ въ пользу рабочихъ въ какой-либо другой странѣ... Императоръ проникнутъ сознаніемъ, что государство должно оказывать поддержку и покровительство хозяйственно-слабымъ элементамъ населенія,—какъ промышленнымъ работникамъ, такъ и земледѣльческимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по убѣжденію императора, монархіи, перешедшія отъ стараго къ новому государственному строю въ началѣ истекшаго столѣтія, достаточно сильны и дальновидны, чтобы смягчить или по возможности устранить темныя стороны и неблагопріятныя явленія, которыя, на ряду со многими свѣтлыми сторонами, порождены современнымъ соціальнымъ развитіемъ. Его величество и союзныя правительства держатся того взгляда, что задача нашего столѣтія—завершеніе соціальнаго законодательства. Императоръ твердо

убѣжденъ, что рабочіе должны быть равноправны съ другими классами и сословіями и что эта равноправность должна получить свое законодательное выраженіе. Если рабочіе чувствуютъ потребность въ какихъ-нибудь заявленіяхъ, то въ моихъ глазахъ только такія заявленія имѣютъ вѣсъ, которыя проистекаютъ изъ свободной воли рабочихъ. Такія заявленія я привѣтствую, какъ доказательство того, что значительная часть рабочихъ предана императору и имперіи; но я не придаю никакого значенія манифестаціямъ, которыя вызываются внѣшнимъ давленіемъ или чужимъ воздѣйствіемъ. Депутатъ фонъ-Фольмаръ говорилъ о бонапартистскихъ тенденціяхъ. Я не знаю ни одного примѣра, гдѣ можно было бы усмотрѣть нарушеніе императоромъ имперской конституціи. Но, оставаясь въ рамкахъ конституціи, онъ имѣетъ не только право, но и обязанность осуществлять въ полномъ объемѣ предоставленныя ему конституціею полномочія. Къ чему всѣ эти толки объ абсолютизмѣ, бонапартизмѣ, цезаризмѣ и т. п.? Слушая темные намеки депутата фонъ-Фольмара, я невольно спрашивалъ себя, не нахожусь ли я — вмѣсто германскаго рейхстага — гдѣ-нибудь въ Марокко или въ Китаѣ? Укажите мнѣ хоть одинъ случай, когда конституціонныя права нѣмецкаго народа были бы въ чемъ-либо затронуты его величествомъ, нѣмецкими государями или министрами. Мнѣ вообще неизвѣстны въ Германіи государи и министры, расположенные къ самовластію. Абсолютизмъ—не нѣмецкое слово и не нѣмецкое понятіе. Это—азіатскій продуктъ, и въ Германіи не будетъ рѣчи объ абсолютизмѣ, пока наши общественныя условія развиваются въ духѣ порядка и законности, съ соблюденіемъ правъ короны, которыя столь же священны, какъ и права гражданъ... Право личной иниціативы императора не можетъ и не должно быть сокращаемо никакимъ имперскимъ канцлеромъ; это не соотвѣтствовало бы понятіямъ и интересамъ нѣмецкаго народа. Нѣмецкій народъ вовсе не хочетъ имѣть только тѣнь императора; нѣмецкій народъ желаетъ императора съ мясомъ и кровью. Что касается канцлера, то если онъ достоинъ этого званія, если онъ вообще человѣкъ, а не старая баба,—онъ не будетъ покрывать собою ничего такого, чего не оправдывалъ бы передъ своею совѣстью по чувству долга. Только исполнительнымъ органомъ, простымъ орудіемъ канцлеръ служить не можетъ,—это было бы несогласно ни съ интересами нѣмецкаго народа, ни съ желаніями его величества императора. Императоръ отлично переноситъ противорѣчія; онъ совсѣмъ не хотѣлъ бы имѣть канцлера, который былъ бы неспособенъ возражать".

Рѣчь графа Бюлова не произвела большого впечатлѣнія, такъ какъ, въ сущности, она не сообщала ничего новаго нѣмецкой публикѣ; притомъ общее вниманіе возбуждено было инцидентомъ съ Фольмаромъ

и обнаруженнымъ въ этомъ случаѣ разладомъ между президентомъ имперскаго сейма и вліятельною частью оппозиціи. Графъ Баллестремъ, силезскій магнатъ, принадлежащій къ партіи католическаго центра, отличался до послѣдняго времени замѣчательнымъ безпристрастіемъ и тактомъ, охраняя права палаты и каждаго изъ ея членовъ съ неизмѣнною энергіею и находчивостью, чѣмъ пріобрѣлъ популярность даже среди непримиримыхъ оппозиціонныхъ группъ; но на этотъ разъ даже умѣренныя берлинскія газеты находили его поведеніе непонятнымъ. Трудно было объяснить себѣ, почему оффиціально обнародованныя рѣчи, направленныя отчасти противъ одной изъ парламентскихъ партій, имѣютъ частный, интимный характеръ и не должны подвергаться критикѣ, тогда какъ телеграмма къ баварскому принцу-регенту, напечатанная не въ „Имперскомъ Указателѣ", а въ бюллетеняхъ частнаго телеграфнаго агентства, могла свободно обсуждаться въ парламентѣ. Образъ дѣйствій президента оказался неожиданнымъ для правительства и не встрѣтилъ поддержки въ консервативномъ лагерѣ. На слѣдующій день, въ засѣданіи 21-го января, извѣстный вождь прогрессистовъ, Евгеній Рихтеръ, послѣ обстоятельнаго и дѣльнаго анализа опасныхъ бюджетныхъ увлеченій, заговорилъ и о политическихъ вопросахъ, затронутыхъ наканунѣ фонъ-Фольмаромъ и графомъ Бюловомъ. „Прежде,—по его словамъ,—запрещалось вообще вносить въ пренія имя императора; но другія времена—другіе нравы. Другіе обычаи навязываются намъ, потому что обстоятельства измѣнились. Если заявленія монарха, сдѣланныя публично и имѣющія самыя чувствительныя послѣдствія, могутъ быть повсюду обсуждаемы, но не въ рейхстагѣ, то это нельзя назвать иначе какъ конституціоннымъ фарсомъ... Имперскій канцлеръ опять читалъ намъ лекцію о формальной и нравственной отвѣтственности. Правда, формальная отвѣтственность мало чѣмъ отличается отъ нравственной, когда нѣтъ возможности примѣнить ее къ дѣлу на практикѣ. Но канцлеръ самъ призналъ себя отвѣтственнымъ; онъ подтвердилъ это тѣмъ, что отвѣчалъ на возраженія. Относительно телеграммы изъ Свинемюнде къ баварскому регенту выяснилось, что канцлеръ ничего о ней не зналъ; еслибы онъ былъ спрошенъ предварительно, то, безъ сомнѣнія, онъ настоятельно отсовѣтовалъ бы дѣлать такой неловкій шагъ. Очень пріятно было слышать,—продолжалъ Рихтеръ,—что императоръ охотно переноситъ противорѣчія. Странно, однако, что все еще возможны публичныя заявленія, о которыхъ не предувѣдомленъ имперскій канцлеръ. Тогда канцлеръ не имѣетъ основанія говорить объ обоюдной доброй волѣ, ибо его воля въ данномъ случаѣ совершенно отсутствовала. Но это несогласно съ конституціею и невозможно даже въ абсолютистскомъ государствѣ; это практика прежнихъ вѣковъ, когда подобные пріемы кабинетнаго

управленія иногда были вполнѣ безвредны. Даже намъ часто становится трудно слѣдить за текущими дѣлами законодательства, а тутъ монархъ долженъ быть компетентнымъ по всѣмъ вопросамъ. Онъ долженъ знать и дѣлать еще многое другое; онъ долженъ, какъ это у насъ уже принято издавна, понимать нѣкоторыя подробности военнаго и морского дѣла; онъ обязанъ заниматься всѣми вообще законодательными вопросами. При такихъ условіяхъ монархъ, при самомъ искреннемъ желаніи, не можетъ настолько углубиться въ какой-нибудь отдѣльный законопроектъ, чтобы въ частностяхъ считать свое мнѣніе болѣе правильнымъ, чѣмъ мнѣніе министровъ и депутатовъ. Къ тому же узкій кругъ, которымъ ограничены личныя сношенія монарховъ, отдаляетъ ихъ отъ широкихъ слоевъ народа. Неудивительно поэтому, что при нѣкоторыхъ публикаціяхъ мы невольно хватаемся за голову и спрашиваемъ себя: какъ это могло случиться? Вѣроятно, никогда еще не было такъ трудно быть министромъ, какъ въ настоящее время; министры у насъ не находятся въ завидномъ положеніи". При этихъ словахъ Рихтера, какъ значится въ парламентскихъ отчетахъ, графъ Бюловъ одобрительно „киваетъ головой". Въ своемъ краткомъ отвѣтѣ имперскій канцлеръ еще сильнѣе прежняго подчеркнулъ своеобразную и выдающуюся политическую роль Вильгельма II. „Государственный человѣкъ въ конституціонномъ государствѣ—сказалъ графъ Бюловъ—обязанъ считаться съ индивидуальностью монарха. Задача отвѣтственнаго министра существенно затрудняется сильною, ярко выраженною индивидуальностью, и потому я выразилъ свое согласіе съ разсужденіями депутата Рихтера. Но такая сильная индивидуальность приноситъ пользу всему государству. За границею жаждутъ появленія крупной индивидуальности. Императоръ свободенъ отъ предразсудковъ. Безъ всякаго византійства утверждаю я, что въ немъ нѣтъ ничего мелочнаго; вы можете приписывать ему что̀ угодно, но филистеромъ нельзя его назвать. Критика должна, однако, направляться не противъ личности императора, а противъ меня. Еслибы существовалъ разладъ, я тотчасъ устранилъ бы его своимъ выходомъ въ отставку. Что касается нашей иностранной политики, то мы никому не навязывали своего союза или дружбы: мы даромъ не дѣлаемъ никакихъ реальныхъ уступокъ. Мы ни у кого не заискиваемъ; мы не больше нуждаемся въ другихъ, чѣмъ другіе въ насъ. Грубость не есть достоинство, и жестокость не есть твердость. Вѣчныя ругательства по адресу чужихъ націй не служатъ еще доказательствомъ вѣрнаго національнаго чувства. Шовинизмъ—не то же самое, что̀ любовь къ отечеству. Мы не должны принимать тонъ высокомѣрія и хвастливости, который мы ставили въ вину другимъ".

Наибольшій интересъ представляло засѣданіе 22 января, когда на

сцену выступилъ лучшій и популярнѣйшій ораторъ современной Германіи, Августъ Бебель. Онъ говорилъ въ теченіе трехъ часовъ, при напряженномъ вниманіи переполненной палаты. Онъ разбиралъ бюджетъ, рѣзко осуждалъ внѣшнюю политику и разныя колоніальныя предпріятія, послѣ чего приступилъ къ защитѣ соціаль-демократіи отъ враждебныхъ публичныхъ отзывовъ императора,—и хотя ораторъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, онъ ни съ чьей стороны не вызвалъ протеста и ни разу не былъ остановленъ президентомъ, графомъ Баллестремомъ. Онъ не былъ остановленъ и тогда, когда указалъ на неправильность запрещенія, выпавшаго на долю Фольмара, и сталъ разсуждать о рѣчахъ по поводу смерти Круппа. „Нападки императора,—по словамъ Бебеля,—приносили только пользу соціаль-демократіи; каждая императорская рѣчь доставляетъ этой партіи лишнюю сотню тысячъ голосовъ". Бебель съ горечью упомянулъ и о словахъ юнаго кронпринца, который въ обращеніи къ явившейся ему депутаціи рабочихъ назвалъ соціаль-демократовъ „презрѣнными". Графъ Баллестремъ какъ будто измѣнилъ свою тактику и предпочелъ молчать до конца. Умѣренный „Berliner Tageblatt" объясняетъ это господствующимъ настроеніемъ имперскаго сейма и всего общественнаго мнѣнія. По существу,—замѣчаетъ газета,—всѣ сознавали въ палатѣ, что Бебель былъ правъ. „Монархъ, который въ столь рѣзкихъ словахъ публично выступаетъ противъ большой политической партіи, какъ это дѣлаетъ императоръ по отношенію къ соціаль-демократіи,—не долженъ удивляться тому, что эта партія защищается соотвѣтственнымъ образомъ. Если императоръ открыто высказываетъ свое мнѣніе, то люди, которыхъ онъ обидѣлъ въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ, проявили бы полное отсутствіе человѣческаго достоинства, еслибы отнеслись къ этому спокойно". Все, что̀ слѣдовало отвѣчать на критику Бебеля, высказано было затѣмъ графомъ Бюловомъ. Канцлеръ заявилъ, что замѣчанія императора противъ соціаль-демократіи составляютъ только отголосокъ обычнаго отношенія соціаль-демократической печати къ императору и что послѣднему приходится лишь обороняться отъ непріязненныхъ выходокъ этой партіи. Графъ Бюловъ не оставилъ безъ разъясненія ни одного изъ существенныхъ пунктовъ рѣчи Бебеля; онъ говорилъ по обыкновенію плавно, иногда красиво и остроумно, но не могъ изгладить эффектъ того природнаго, угловатаго, всегда оригинальнаго и содержательнаго краснорѣчія, которымъ умѣетъ приковать къ себѣ слушателей знаменитый предводитель германской соціаль-демократіи.

Неограниченная свобода рѣчи, въ которой отказано было депутату Фольмару, возстановлена была для Бебеля: разгадка этой странности получилась только на слѣдующій день, при началѣ засѣданія 23 ян-

варя. Графъ Баллестремъ прислалъ письмо, въ которомъ объяснилъ, что не можетъ оставаться президентомъ имперскаго сейма въ виду появленія въ „Крестовой Газетѣ“ статьи, критикующей его способъ руководительства парламентскими преніями. „Такъ какъ нельзя предположить, что эта статья напечатана была безъ вѣдома консервативной партіи (органомъ которой служитъ „Крестовая Газета“), то,—писалъ графъ Баллестремъ, — я долженъ заключить, что въ указанной статьѣ выражено мнѣніе всей партіи; а консервативная партія есть одна изъ тѣхъ большихъ партій, которыя провели мое избраніе на постъ президента рейхстага и которыя до сихъ поръ съ довѣріемъ поддерживали мой способъ предсѣдательствованія; поэтому означенная статья убѣждаетъ меня въ томъ, что я не пользуюсь уже довѣріемъ въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для успѣшнаго веденія дѣлъ имперскаго сейма“. Очевидно, графъ Баллестремъ не могъ откровенно признать, что совершилъ крупную ошибку, и статья „Крестовой Газеты“ появилась для него очень кстати. Можно было только замѣтить, что статья напечатана была въ вечернемъ изданіи 21 января, еще наканунѣ того засѣданія, когда имперскій сеймъ, подъ предсѣдательствомъ графа Баллестрема, внимательно и спокойно слушалъ Бебеля. По прочтеніи приведеннаго письма, удостовѣрено было представителями нѣмецко-консервативной партіи, что статья „Крестовой Газеты“ появилась безъ вѣдома и участія партійной организаціи и что въ собраніяхъ этой партіи никогда не подвергались обсужденію или критикѣ дѣйствія президента рейхстага; съ другой стороны, отъ имени національ-либераловъ высказано было сомнѣніе, можетъ ли статья какой бы то ни было газеты послужить достаточнымъ мотивомъ къ рѣшенію, принятому графомъ Баллестремомъ. Соціаль-демократы, въ свою очередь, напомнили, что „ихъ партія принадлежала къ числу тѣхъ парламентскихъ группъ, которыя избрали и затѣмъ поддерживали графа Баллестрема въ качествѣ президента; въ настоящее же время графъ потерялъ ихъ довѣріе своимъ способомъ предсѣдательствованія при послѣднихъ инцидентахъ“. Извѣстно уже, что графъ Баллестремъ былъ вновь выбранъ президентомъ и что онъ принялъ это избраніе; на этотъ разъ крайняя лѣвая подавала свои голоса противъ него, и его выборъ пріобрѣтаетъ какъ бы значеніе торжественной манифестаціи противъ соціаль-демократической партіи. Въ дѣйствительности, большинство имперскаго сейма едва ли руководствовалось партійными соображеніями при вторичномъ избраніи графа Баллестрема, и сами соціаль-демократы не могли уже ничего имѣть противъ президента, допустившаго свободное произнесеніе рѣчи Бебеля. Фактически такимъ образомъ достигнуто значительное расширеніе свободы парламентской критики въ Германіи, и повидимому это нисколько не озабочиваетъ импе-

ратора Вильгельма II, насколько можно судить по добродушному тону рѣчей его канцлера.

Само собою разумѣется, что парламентское обсужденіе личной дѣятельности Вильгельма II вызывалось не только отдѣльными его рѣчами и телеграммами, о которыхъ говорилось въ имперскомъ сеймѣ, но и особенно его порывами къ предпріимчивой міровой политикѣ, внушающей серьезный страхъ нѣмецкому обществу послѣ недавнихъ опытовъ въ Китаѣ и Венецуэлѣ. Въ этой области почти всѣ германскія партіи солидарны между собою: консерваторы и либералы, какъ и соціаль-демократы, одинаково опасаются политическихъ увлеченій, могущихъ вредно отразиться на общихъ интересахъ страны. Въ короткое время Германія безъ всякой къ тому надобности возбудила противъ себя раздраженіе въ Соединенныхъ-Штатахъ своими неожиданными военными дѣйствіями въ американскихъ водахъ,—послѣ того какъ возстановила противъ себя общественное мнѣніе Англіи своими сложными китайскими комбинаціями. Многихъ пугаетъ стремленіе Вильгельма II къ отдаленнымъ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ и экспедиціямъ, для которыхъ требовались бы все новые расходы на военный флотъ и которыя въ концѣ концовъ могли бы впутать имперію въ конфликтъ съ великою американскою республикою. Венецуэла, конечно, не будетъ для нѣмецкихъ „бонапартистовъ“ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Мексика для Наполеона III, и самая параллель съ бонапартизмомъ совершенно не оправдывается характеромъ высшаго государственнаго управленія въ Германіи. Но при податливомъ и уступчивомъ имперскомъ канцлерѣ внѣшняя политика можетъ легко пріобрѣсть черты, зависящія исключительно отъ „сильной индивидуальности“ и противорѣчащія обычной осторожности и разсчетливости германской націи. Графу Бюлову не удалось успокоить публику своими пространными объяснительными рѣчами; между тѣмъ, съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, берлинская дипломатія вовсе не даетъ матеріала къ упрекамъ въ фантазерствѣ или легкомысліи. Можно сказать наоборотъ, что разсчетливый реализмъ, чуждый всякихъ шаблонныхъ соображеній о дружбѣ и родствѣ, всецѣло лежитъ въ основѣ новѣйшей германской политики и вполнѣ обезпечиваетъ ее отъ ненужныхъ и рискованныхъ замѣшательствъ. Вильгельмъ II обнаруживалъ до сихъ поръ необыкновенное искусство въ сближеніи съ тѣми правительствами и народами, съ которыми необходимо или важно для Германіи поддерживать мирныя и дружественныя связи; достаточно обратить вниманіе на постоянную заботливую предупредительность нѣмецкихъ оффиціальныхъ дѣятелей относительно Франціи и французовъ. Нѣмецкая дипломатія чрезвычайно дорожитъ не только чисто-внѣшнимъ, но и дѣйствительно прочнымъ миромъ съ сосѣдними націями и госу-

дарствами; ради этого она не щадитъ любезностей, которыя ее ни къ чему не обязываютъ, и старается оказывать кому слѣдуетъ тѣ мелкіе знаки вниманія, которые иногда цѣнятся больше, чѣмъ какія-либо политическія уступки. Графъ Бюловъ усвоилъ себѣ въ этомъ отношеніи тактику Вильгельма II; въ послѣднихъ своихъ рѣчахъ онъ отзывался въ весьма сочувственномъ тонѣ о бывшемъ французскомъ министрѣ торговли, соціалистѣ Мильеранѣ, и объ одномъ изъ популярнѣйшихъ французскихъ ораторовъ, соціалистѣ Жоресѣ. Публично восхвалять передовыхъ французскихъ дѣятелей и говорить имъ громкіе комплименты—ничего не стоитъ германскому канцлеру; а эти отзывы, переданные во всѣхъ французскихъ газетахъ, невольно дѣйствуютъ на массу французскихъ читателей въ духѣ примирительномъ и сочувственномъ. Германская дипломатія, руководимая Вильгельмомъ II и его совѣтниками, задается только тѣми цѣлями, которыя ей доступны безъ риска; и если она нерѣдко удивляла иностранцевъ, то только своею замѣчательною ловкостью въ сношеніяхъ съ Англіею. Берлинскому кабинету и именно Вильгельму II удалось совершить нѣчто въ родѣ политическаго чуда: нѣмцы провели англичанъ на дальнемъ востокѣ и ведутъ ихъ за собою на дальній западъ, причемъ „коварный Альбіонъ“ впервые оказался какъ бы пассивнымъ орудіемъ чужой политики. Германское правительство отлично знаетъ, въ какой мѣрѣ можно и слѣдуетъ интересоваться нападеніями англійскихъ и американскихъ газетъ; и оно всегда успѣетъ остановиться, когда появятся признаки нежелательной перемѣны въ международныхъ національныхъ отношеніяхъ. Если на почвѣ китайскихъ дѣлъ Германія не поссорилась съ Англіею, хотя разрушила ея планы на Шанхай и долину Ян-тзе-кіана, то почему нѣмцы должны бояться возможныхъ споровъ и столкновеній въ другихъ мѣстахъ и по другимъ поводамъ? Нѣмецкая дипломатія не только благополучно справилась съ китайскими разсчетами и неудовольствіями Англіи, но еще съумѣла вовлечь ее въ союзъ для совмѣстной экспедиціи противъ Венецуэлы; а пока этотъ союзъ существуетъ, не можетъ быть и рѣчи о серьезномъ политическомъ разладѣ съ Сѣверо-американскими Соединенными штатами. Между тѣмъ для нѣмцевъ открылся бы широкій путь къ активному вмѣшательству въ дѣла южно-американскихъ республикъ при британскомъ содѣйствіи, и доктрина Монроэ, на которую такъ любятъ ссылаться американцы, не помѣшала бы постепенному образованію могущественныхъ европейскихъ колоній въ Южной Америкѣ. Доктрина Монроэ, часто выражаемая формулою: „Америка для американцевъ“, потеряла въ сущности свой прежній смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ сами американцы выступили на поприще міровой имперіалистской политики и приняли дѣятельное участіе въ международныхъ дѣлахъ и пред-

пріятіяхъ другихъ частей свѣта. Завоеваніемъ Филиппинскихъ острововъ и участіемъ въ военной экспедиціи противъ Китая Соединенные штаты лишили себя права возражать противъ иностраннаго вмѣшательства въ дѣла Америки, ибо иначе выходило бы, что американцы имѣютъ въ своемъ распоряженіи всѣ пять частей свѣта, а европейскія державы—только четыре.

Какъ бы то ни было, Германія ничѣмъ не рискуетъ въ Венецуэлѣ, какъ не рисковала и въ Китаѣ, а нѣкоторая доля предпріимчивости безусловно необходима для государства, желающаго играть извѣстную роль въ мірѣ. Германская міровая политика выражается пока въ формахъ военно-морскихъ предпріятій, и это вполнѣ естественно, при господствѣ милитаризма въ Германіи. Нѣмецкіе патріоты убѣждены, что современныя колоссальныя затраты на армію и флотъ должны имѣть по крайней мѣрѣ нѣкоторое подобіе оправданія въ видѣ какихъ-нибудь реальныхъ пріобрѣтеній и успѣховъ въ отдаленныхъ краяхъ; этотъ принципъ, вытекающій изъ соображеній разсчетливости, отчасти объясняетъ неутомимую и плодотворную дѣятельность германской дипломатіи и ея агентовъ въ разныхъ частяхъ свѣта.

Въ концѣ истекшаго года британскій посолъ въ Константинополѣ обратился къ Портѣ съ формальнымъ протестомъ противъ разрѣшеннаго ею пропуска четырехъ русскихъ миноносокъ черезъ Дарданеллы въ Черное море, причемъ предупредилъ, что такое нарушеніе международныхъ трактатовъ даетъ право Англіи „требовать подобной же привилегіи и для своихъ военныхъ судовъ, въ случаѣ надобности". Этотъ протестъ, опирающійся на лондонскую конвенцію 1871 года, не былъ поддержанъ другими великими державами, участвовавшими въ подписаніи этой конвенціи, и, между прочимъ, предложеніе Англіи присоединиться къ протесту было категорически отклонено Германіею, которая мотивировала свой отказъ указаніемъ на то, что поднятый вопросъ находится „внѣ сферы ея политики".

Лондонскій „Times" сообщаетъ объ этомъ фактѣ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ раздраженія. „Мы не должны были, — говоритъ газета, — ожидать другого образа дѣйствій отъ Германіи. Она никогда не пользовалась пріобрѣтеннымъ ею вліяніемъ на Порту для цѣлей, представляющихъ общую важность для Европы (т.-е. для Англіи). Она никогда и ни при какихъ условіяхъ не сдѣлаетъ ничего такого, что можетъ ослабить ея хорошія отношенія съ восточнымъ сосѣдомъ, ради оказанія содѣйствія нашей странѣ. Во всѣхъ спорахъ съ Россіею мы несомнѣнно будемъ имѣть Германію противъ насъ". Другими словами, Германія слѣдуетъ внушеніямъ здраваго смысла и не соглашается

дѣлать непріятности мирнымъ сосѣдямъ только для того, чтобы доставить удовольствіе англичанамъ; она остается вѣрною началамъ реальной политики, совмѣщающей миролюбіе съ разсчетливостью.

Британская точка зрѣнія, выразившаяся въ этомъ международномъ инцидентѣ, кажется съ перваго взгляда неясною или странною. Русскія суда, военныя по типу постройки, но лишенныя всякаго вооруженія, прошли подъ торговымъ флагомъ черезъ Дарданеллы, съ особаго разрѣшенія Порты. Въ силу международной конвенціи 1871 года запрещается военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы во время мира съ Турціею. Можно ли примѣнять это запрещеніе къ судамъ, не имѣющимъ самаго главнаго и существеннаго признака принадлежности къ военному флоту—вооруженія? Такъ какъ безоружные иностранные корабли не могли быть опасны для Порты, то закрывать имъ доступъ къ проливамъ не было повода, и интересы оттоманской имперіи ни въ какомъ случаѣ не требовали распространенія установленнаго правила на суда, могущія только въ будущемъ сдѣлаться военными. Отъ доброй воли Порты зависитъ пропускать или не пропускать такого рода безоружныя суда военнаго типа подъ торговымъ флагомъ, и постороннія державы не имѣютъ основанія вмѣшиваться въ этотъ вопросъ, не предусмотрѣнный лондонской конвенціею 1871 года. Газета „Times“ смѣло отвергаетъ мнимыя русскія претензіи, основанныя, будто бы, на недобросовѣстной казуистикѣ. По мнѣнію газеты, „если военныя суда одной державы получаютъ доступъ къ проливамъ, то подобное же право должно быть предоставлено военнымъ судамъ всѣхъ другихъ державъ“. Это же право выговорилъ для Англіи британскій посланникъ въ Константинополѣ въ своемъ упомянутомъ выше протестѣ. Мы не знаемъ, какой отвѣтъ былъ данъ лондонскому кабинету заинтересованною дипломатіею; но въ сущности нельзя ничего имѣть противъ предоставленія всѣмъ иностраннымъ флотамъ права посылать суда черезъ проливы на такихъ же основаніяхъ, на какихъ пропущены были четыре русскія миноноски, т.-е. безъ всякаго вооруженія и подъ торговымъ флагомъ. Но, спрашивается, зачѣмъ проходили бы эти суда черезъ Дарданеллы, когда имъ нѣтъ вовсе надобности оставаться потомъ въ Черномъ морѣ? „Times“ глубокомысленно замѣчаетъ, что пропускъ безоружныхъ военныхъ судовъ создавалъ бы привилегію для Россіи, которая одна только имѣетъ возможность придавать этимъ судамъ боевой характеръ въ предѣлахъ Чернаго моря; для другихъ же державъ это ограниченное право пропуска было бы совершенно безполезно. Но „привилегія“ Россіи заключается въ томъ, что она владѣетъ значительною частью Чернаго моря и его побережья, и слѣдовательно русскія суда, хотя бы и военныя, могутъ тамъ имѣть свое законное мѣстопребываніе; тогда какъ всякая ино-

земная эскадра могла бы появиться въ Черномъ морѣ только съ цѣлями враждебными Россіи. Удивительно, что англичане не хотятъ понимать это естественное различіе между Россіею и другими державами въ старинномъ вопросѣ о проливахъ, и наша дипломатія какъ будто стѣсняется прямо и точно объяснить свой реальный взглядъ по этому вопросу, для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній. Къ Германіи англичане относятся совсѣмъ иначе, чѣмъ къ Россіи,—и мы на это претендовать не можемъ...

Британская дипломатія занялась ядовитою и безцѣльною полемикою противъ Россіи по поводу Дарданеллъ какъ разъ въ такое время, когда Порта считала долгомъ приступить къ нѣкоторымъ реформамъ въ Македоніи для удовлетворенія великихъ державъ. Назначена была особая высшая комиссія для введенія предположенныхъ преобразованій, и во главѣ ея былъ поставленъ Ферид-паша, котораго газеты заранѣе провозгласили замѣчательно честнымъ, энергичнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Заграничная печать была очень довольна назначеніемъ Ферида-паши и возлагала на него большія надежды,—хотя свѣдущіе люди утверждали, что эти утѣшительныя свѣдѣнія и ожиданія сообщались газетамъ изъ заинтересованныхъ турецкихъ источниковъ; въ дѣйствительности, Ферид-паша возвысился обычными средствами, устроивалъ свои дѣла съ благоразумною осторожностью, выказывалъ патріотическую энергію и честность въ обличеніи своихъ соперниковъ передъ султаномъ и заслужилъ этимъ особенное довѣріе и расположеніе послѣдняго. Султанъ Абдулъ-Гамидъ любитъ окружать себя сановниками, усердно уличающими другъ друга въ разныхъ злоупотребленіяхъ; онъ видитъ въ этомъ надежный способъ ознакомленія съ разнообразными нуждами своей имперіи и съ достоинствами ея администраціи. Онъ часто мѣняетъ своихъ совѣтниковъ и приближенныхъ, для провѣрки получаемыхъ отъ нихъ свѣдѣній; и эта постоянная практика сдѣлалась для него не столько государственнымъ дѣломъ, сколько развлеченіемъ. Многолѣтній опытъ убѣдилъ султана, что никакія бѣдствія не мѣшаютъ процвѣтать его имперіи и что всѣ смѣнявшіеся великіе визири одинаково приходили къ заключенію о безспорномъ благополучіи страны, вопреки скрытымъ кознямъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; благополучіе подтверждалось при всякихъ вообще правительственныхъ перемѣнахъ, такъ что эти перемѣны въ сущности безразличны для Турціи. По мнѣнію Абдулъ-Гамида, царствованіе его было бы однимъ изъ счастливѣйшихъ, еслибы въ его дѣла не вмѣшивались иностранныя державы; только это стѣснительное вмѣшательство заставляетъ его придумывать реформы для измѣнниковъ-христіанъ, мечтающихъ о низверженіи турецкой власти. Сул-

танъ такъ тонко изучилъ нравы и понятія европейскихъ дипломатовъ, что самые трудные политическіе кризисы проходятъ для него безъ опасныхъ послѣдствій; онъ разсчитывалъ успокоить Европу прославленіемъ реформаторской программы Ферида-паши, а когда въ Европѣ повѣрили въ Ферида-пашу, то султанъ назначилъ его великимъ визиремъ вмѣсто уволеннаго Саида-паши. Такимъ образомъ комиссія реформъ для Македоніи лишилась своего президента, и дѣло практическаго проведенія реформъ опять отложено въ долгій ящикъ; а общественное мнѣніе Европы удовлетворено сознаніемъ, что государственными дѣлами Турціи заправляетъ теперь такой честный и передовой дѣятель, какъ Ферид-паша, говорящій на трехъ иностранныхъ языкахъ...

Вотъ ты дуракъ турецкій! Чортъ забралъ тебя!

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1903.

I.

— Н. Коробка. Очерки литературныхъ настроеній. I. Бальмонтъ. II. Апухтинъ. III. М. Горькій. IV. Г. Мережковскій о Достоевскомъ и Толстомъ. Спб. 1903.

Авторъ начинаетъ свою книжку (въ статьѣ, посвященной поэзіи К. Бальмонта) слѣдующими словами, которыя приложимы ко всему ряду литературныхъ явленій, которыя онъ предпринялъ изслѣдовать, именно къ произведеніямъ *конца вѣка*:

„Общественныя явленія, очень сильно дающія себя чувствовать за послѣднее время въ жизни какъ Запада, такъ и Россіи, и окрещиваемыя именемъ „конца вѣка", несмотря на уже вызванную ими цѣлую литературу изслѣдованій, памфлетовъ, эпиграммъ и панегириковъ, до сихъ поръ весьма мало выяснены. Остается нераскрытой самая сущность этихъ явленій, то, что̀ объединяетъ ихъ въ одно цѣлое, несмотря на все ихъ разнообразіе. Что̀ такое „конецъ вѣка", чувствуется, но не выяснена еще причина этой сѣти явленій, ни ихъ глубина, ни общественное значеніе. Между тѣмъ они представляютъ собой весьма замѣтный элементъ современной жизни и, въ качествѣ такового, заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія.

„Конецъ вѣка",—продолжаетъ авторъ,—„проникаетъ повсюду, въ литературу, въ политику (?), въ философію, въ науку (?), въ искусство, всюду вноситъ свою смутность мысли, отсутствіе принциповъ, эгоизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, и дрябло пессимистическое отношеніе къ жизни. Упадочникъ" (такъ авторъ переводитъ терминъ: декадентъ), „въ какой бы сферѣ дѣятельности онъ ни являлся, всюду вноситъ извращеніе, разложеніе и смерть. Отъ твореній упадочниковъ вѣетъ могильнымъ холодомъ, но они иногда такъ красивы (?), что невольно влекутъ къ себѣ, иногда такъ талантливы, что могутъ про-

изводить сильное впечатлѣніе, даже на трезваго человѣка, пока онъ не успѣетъ дать себѣ отчета въ ихъ сущности".

Такимъ образомъ, авторъ не заблуждается относительно общаго значенія декадентства: оно представляется ему извращеніемъ и разложеніемъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ онъ видитъ красоту и талантливость. Такова именно поэзія г. Бальмонта, на которой онъ прежде всего останавливается...

Относительно русскаго декадентства авторъ замѣчаетъ: „Наша русская дѣйствительность представляетъ собой крайне благопріятную почву для развитія упадочничества во всѣхъ его формахъ",— и авторъ полагаетъ, что изученіе даже не особенно крупныхъ проявленій нашего декадентства можетъ пролить свѣтъ „на самую ихъ сущность и на вызвавшія ихъ общественныя условія". Именно это послѣднее и было бы особенно важно.

Г. Бальмонта авторъ считаетъ однимъ изъ „наиболѣе симпатичныхъ" и „несомнѣнно талантливыхъ" поэтовъ конца вѣка. Авторъ старается выяснить себѣ его „міровоззрѣніе" или „настроеніе", — а намъ невольно припоминается сдѣланный недавно однимъ критикомъ подборъ красотъ этой поэзіи, дѣйствительно поражавшій нелѣпостями. Самъ г. Коробка въ своихъ цитатахъ отмѣчаетъ „впечатлѣніе полнаго вздора", „стихотворный абсурдъ" и тому подобное. Мы не понимаемъ, какъ можетъ считаться поэзіей путаная мысль, путаное чувство ради того только, что они одѣты въ изысканныя, искусственныя фразы. Самъ критикъ говоритъ однажды, что „въ стихотвореніяхъ г. Бальмонта скудость содержанія, а подчасъ прямая безсмыслица, маскируется красивой формой"...

По мнѣнію автора, которое кажется намъ правильнымъ, нынѣшніе декаденты имѣли своего предшественника, именно Апухтина. Онъ не имѣлъ этой репутаціи, но авторъ съ одной стороны указываетъ въ немъ общее съ декадентами, а съ другой — связь его съ предшественниками въ старой литературѣ; а именно, на его взглядъ, герои Апухтина, съ которыми самъ поэтъ отождествлялся, имѣютъ дальняго предка въ Онѣгинѣ, а ближайшаго просто—въ Обломовѣ. Въ объясненіе критикъ беретъ признанія въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Апухтина: „Изъ бумагъ прокурора", признанія, которыя считаетъ субъективными, и беретъ героя повѣсти „Изъ дневника Павлика Дольскаго".

Апухтинъ, по словамъ критика, есть типичный поэтъ „праздная человѣчества". Критикъ опредѣляетъ это человѣчество — отчасти по общимъ историческимъ соображеніямъ, отчасти по типическимъ образцамъ—Онѣгину, Печорину, Обломову, Павлику Дольскому.

„Безъ ясныхъ принциповъ, безъ горячей любви къ чему-нибудь,

безъ истинной вѣры во что-нибудь, Павликъ, отъ природы одаренный богато, проводитъ всю свою жизнь какъ пустой фатъ. Въ этомъ трагизмъ его положенія, роднящій его уже не съ Ильей Ильичемъ Обломовымъ, а съ болѣе ранними „обломовцами"—Онѣгинымъ и Печоринымъ. Онѣгинъ, еслибъ мы съ нимъ не разстались по волѣ поэта, въ цвѣтущую пору его жизни, лѣтъ въ 40 былъ бы Павликомъ Дольскимъ. Въ его жизни, какъ въ жизни Павлика Дольскаго, нѣтъ ни цѣли, ни содержанія; они оба не находятъ для себя никакого дѣла по той простой причинѣ, что не знаютъ, во имя чего станутъ они это дѣло дѣлать. Обломовцы—праздные люди, чуждые любви къ человѣчеству; ихъ интересы, какъ праздныхъ людей, расходятся съ интересами человѣчества, они—лишай, чужеядное растеніе, которое живетъ тѣмъ, что лишаетъ человѣчество части его соковъ. Еслибы эти соки нормально утилизировались человѣчествомъ, праздные люди погибли бы; они должны бы либо превратиться въ работниковъ, либо исчезнуть. Праздный человѣкъ можетъ добровольно перестать быть таковымъ, отрѣшиться отъ праздности и слиться съ человѣчествомъ, но на такое превращеніе онъ можетъ пойти только во имя овладѣвшей имъ идеи, принципа, во имя новой религіи, понимая это слово широко. Такое превращеніе для праздного человѣка гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ казаться. Если праздный человѣкъ одаренъ богатою натурой, способной къ такому перерожденію, то для него слишкомъ много дорогого связано съ его праздностью. Не только Онѣгинъ и Печоринъ, но и Павликъ Дольскій любятъ въ праздности не ее самое, но ея свободу, ея красоту—возможность наслажденій, и не только низменныхъ, но и высокихъ, эстетичныхъ. Въ силу того, что праздному человѣчеству всегда были доступнѣе науки и искусства, что праздные люди обладали большимъ досугомъ и средствами, чтобы наслаждаться твореніемъ и творить, многое прекрасное создано либо праздными человѣкомъ, либо для него, и носитъ на себѣ его отпечатокъ. Разстаться со всѣмъ этимъ, разбить все то, чему, хотя бы лѣниво, но все-таки поклонялся, праздный человѣкъ не можетъ, какъ бы ни высока была его натура, если имъ не овладѣла новая идея, новая, болѣе жизненная, страстная вѣра. Не сдѣлавши же этого, праздный человѣкъ всегда будетъ отколотъ отъ человѣчества, будетъ брюзжать на него, и втайнѣ, хотя бы по временамъ, презирать и ненавидѣть его, какъ посягающаго на его кумиры. Праздный человѣкъ говорилъ устами Пушкина, когда онъ обращался къ „черни":

Подите прочь, какое дѣло
Поэтому мирному до васъ"...

Въ общемъ, характеристика праздныхъ людей и генеалогія отъ Онѣгина и Печорина, черезъ Обломова, до Павлика Дольскаго, т.-е. отъ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка до восьмидесятыхъ, и далѣе до нашего времени, т.-е. до декадентства, намъ кажутся очень вѣрными. Еще Добролюбовъ считалъ Печорина только разновидностью Обломова... Само собою разумѣется, что въ разные періоды общественной жизни, популярныхъ понятій, нравовъ, типъ празднаго человѣка окрашивался различно, напр. въ прежнее время въ романтическую разочарованность, въ настоящее время въ ницшеанство и т. п.

Опредѣляя такимъ образомъ общую почву, на которой развивались подобныя извращенія личной жизни праздныхъ людей, проникавшія наконецъ и въ литературу, въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, и наконецъ въ видѣ цѣлаго „ученія“ и поэтической школы, какъ „символизмъ“ и декадентство, авторъ задается вопросомъ—какія условія привели въ наше время къ особенному развитію этихъ явленій упадка, и приходитъ къ слѣдующему объясненію, опять оригинальному и, быть можетъ, не лишенному основанія.

А именно, авторъ думаетъ, что эти литературныя явленія находятся въ связи съ общественнымъ явленіемъ новѣйшаго времени,—съ упадкомъ значенія дворянства какъ сословія. Онъ такъ изображаетъ эту исторію.

„Павликъ Дольскій уже пережитокъ; это — Онѣгинъ, нѣсколько износившійся, одряхлѣвшій, среди пустой жизни забывшій и то, чему онъ учился „по немногу, чему нибудь и какъ нибудь“, а главное дѣло—явившійся въ эпоху, не соотвѣтствующую его организаціи, далеко ушедшую впередъ. Дѣло въ томъ, что слой общества, къ которому принадлежатъ Онѣгинъ и Павликъ, во времена перваго былъ наиболѣе образованнымъ и наиболѣе вліятельнымъ слоемъ. Имъ опредѣлялась тогдашняя русская жизнь съ ея крѣпостнымъ строемъ. Павликъ Дольскій родился при иныхъ условіяхъ. Паденіе интеллектуальнаго уровня нашего высшаго дворянства, паденіе политическаго и экономическаго значенія этого класса съ освобожденіемъ крестьянъ, развитіе совершенно новыхъ формъ жизни,—все это поставило высшее дворянство въ совершенно новыя условія: этотъ классъ какъ бы потерялъ свой raison d'être и началъ атрофироваться. Это одно изъ проявленій современнаго намъ общеевропейскаго упадка („декаданса“) праздная человѣчества.

„Павликъ Дольскій носитъ на себѣ слѣды этой дегенераціи своего общественнаго слоя“... (стр. 41—42).

Авторъ не разъ повторяетъ изложенное здѣсь объясненіе (стр. 25—26, 55—56, 70), приводя новыя черты.

Быть можетъ, рѣшеніе о „паденіи“ нѣсколько преждевременно,

хотя нѣкоторыя черты историческаго явленія опредѣлены вѣрно. Можно замѣтить притомъ, что явленіе декадентства, съ которымъ авторъ связываетъ Апухтина, только одной стороной можетъ примыкать къ генеалогіи Онѣгина, Печорина и Обломова: другая сторона его не имѣетъ ничего общаго съ дегенераціей „слоя", и развилась сама по себѣ. Недавно одинъ изъ защитниковъ „символизма" (весьма параллельнаго съ декадентствомъ), — о которомъ скажемъ въ другой разъ,— въ числѣ причинъ литературнаго поворота, создавшаго символизмъ, указывалъ „безвременье" восьмидесятыхъ годовъ, но указывалъ неясно. Дѣйствительно, въ этомъ недавнемъ историческомъ прошломъ нашей общественности г. Коробка именно нашелъ бы, если бы поискалъ, не мало данныхъ, которыя помогли бы объяснить явленія декадентства, которыя трудно вывести изъ одной „дегенераціи слоя".

Другія статьи книжки г. Коробки также интересны. Онъ даетъ свое объясненіе сочиненіямъ Максима Горькаго, не совсѣмъ согласное со взглядами другихъ критиковъ, и именно находитъ у него чистогуманное стремленіе — раскрыть въ своихъ герояхъ, павшихъ и заброшенныхъ людяхъ, исканіе свѣта и сознанія, „найти въ худшемъ лучшее". Въ статьѣ о книгѣ г. Мережковскаго онъ умѣетъ указать странности его фантастическаго мистицизма, посмѣяться надъ „символическимъ Пушкинымъ", котораго г. Мережковскій разыскиваетъ; не разъ критикъ вынужденъ видѣть въ этихъ фантазіяхъ только—истеричный бредъ.—Д.

II.

—В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. 2-е изд. Спб., 1903.

Движеніе конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ впервые выдвинуло общественное значеніе школы, впервые правильно поставило вопросъ о взаимодѣйствіи школы и общества. Съ самаго начала своего существованія организованная школа была у насъ учрежденіемъ исключительно правительственнымъ, правительственнымъ вдвойнѣ—и по своему происхожденію, и по своему назначенію, какъ справедливо замѣчаетъ П. Милюковъ [1]). Школа была необходима для нуждъ правительства, для приготовленія чиновниковъ, офицеровъ, священниковъ и другихъ дѣятелей государственнаго механизма. Сообразно съ этой основной цѣлью школа и получала свою организацію, проникнутую тѣми же началами, какъ и другія отрасли управленія. Интересы личности и общества, котораго отчасти и не существовало, не могли

[1]) Очерки исторіи русск. культуры, ч. 2.

приниматься во вниманіе, и отдѣльныя попытки, въ силу идеальныхъ стремленій отдѣльныхъ лицъ и представителей власти (Екатерины II и др.), неизбѣжно сталкивались съ цѣлями, поставленными школѣ, при ея исключительно правительственномъ характерѣ.

Эпоха „великихъ реформъ“ естественно должна была бы явиться началомъ новой эры и для школы. Послѣдней поставлена была прежде всего новая грандіозная задача—образованіе народныхъ массъ, только-что освобожденныхъ отъ ига рабства. Одновременно съ этимъ, разрозненные элементы интеллигенціи впервые почувствовали себя общественной силой, „обществомъ“, которое можетъ предъявлять школѣ (средней и высшей) свои запросы, диктуемые самостоятельными интересами и потребностями жизни. Соотвѣтственно этому общественному настроенію дѣйствовало тогда и правительство, поставившее на очередь наряду съ прочими преобразованіями и вопросъ объ учебной реформѣ. Было допущено широкое обсужденіе всѣхъ предположеній министерства народнаго просвѣщенія; общество воспользовалось этимъ, возгорѣлись въ печати жестокіе споры о желательномъ типѣ школы; впервые педагогическіе вопросы стали достояніемъ общественнаго мнѣнія и общественнаго творчества. Эта волна создала русскую педагогію. Пироговъ, Ушинскій, бар. Корфъ, Викторъ Острогорскій, а также В. Я. Стоюнинъ, принадлежатъ всецѣло той эпохѣ. Уже тогда русская педагогія въ лицѣ ея передовыхъ представителей формулировала и развила тѣ основные принципы, которые должны быть проводимы въ организацію школы народной, средней и высшей, для того, чтобы она удовлетворяла потребностямъ новаго періода русской жизни.

Кажется, что ни въ одной области, затронутой реформами 60-хъ годовъ, совпаденіе общественныхъ теченій и правительственныхъ мѣропріятій не было столь кратковременнымъ, какъ въ области народнаго образованія. Особенно это нужно сказать о средней школѣ, которая уже въ 1871 г. получила свой знаменитый уставъ, связанный съ именемъ графа Д. А. Толстого. Все, что было выработано общественной мыслью, было безжалостно отвергнуто; съ ней не считались въ теченіе тридцати лѣтъ. А результаты—извѣстны.

Теперь мы снова стоимъ передъ задачей преобразованія школы; снова общество ждетъ излеченія многихъ общественныхъ недуговъ отъ этого преобразованія. Въ такой моментъ дѣйствительно умѣстно появленіе вновь педагогическихъ сочиненій В. Я. Стоюнина, въ которыхъ затронуты существеннѣйшіе общіе вопросы школьнаго дѣла, въ особенности въ примѣненіи ихъ къ организаціи средней общеобразовательной школы. Знакомясь съ мыслями, высказанными еще въ 60-хъ годахъ представителями нашей педагогіи, прежде всего при-

ходится признать тотъ фактъ, что общія ихъ идеи не только не устарѣли, а какъ будто даже помолодѣли, посвѣжѣли съ теченіемъ времени. Все развитіе нашего школьнаго дѣла за послѣднія 40 лѣтъ ярко освѣтило ихъ правильность и жизненность. Это и не удивительно. Всякая идея, имѣющая характеръ общественной задачи, соотвѣтствующей направленію общественнаго движенія, только тогда можетъ считаться устарѣлой и подлежащей сдачѣ въ архивъ, когда задача выполнена, воплощена въ жизнь. Разъ этого нѣтъ, идеи „отцовъ" могутъ оказаться весьма новыми не только для „дѣтей", но и для внуковъ. Въ области школьнаго дѣла, какъ впрочемъ и во многихъ другихъ, намъ въ смыслѣ общихъ принциповъ не нужно ничего прибавлять къ капиталу, завѣщанному намъ 60-ми годами. На долю дѣтей выпала задача реализовать его, а средства отчасти указаны у „отцовъ", отчасти должны быть найдены и дѣтьми [1]).

Статьи В. Я. Стоюнина, соединенныя въ Сборникѣ (онъ выходитъ уже 2-мъ изданіемъ) изъ разныхъ повременныхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены были,—чрезвычайно цѣнны съ той точки зрѣнія, о которой мы только-что говорили. Все въ нихъ ново, хотя все и старо. Вотъ статья, писанная въ 1860 году—болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, „Мысли о нашихъ гимназіяхъ". Въ ней В. Я. Стоюнинъ уже высказываетъ идею, которая красною нитью проходитъ черезъ всѣ его произведенія, а именно, что школьный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только въ общей связи съ другими; что при подавленіи самодѣятельности общества, при игнорированіи правъ личности во всѣхъ сферахъ общественной жизни, всякіе самые превосходные проекты школьной организаціи не дадутъ никакихъ результатовъ.

Разсматривая недостатки дореформенныхъ гимназій, В. Я. Стоюнинъ доказываетъ, что при общихъ тогдашнихъ условіяхъ „... онѣ (гимназіи) не могутъ дойти до совершенства, какого отъ нихъ требуютъ, если не устранятся препятствія, отъ нихъ не зависящія"...

Прежде чѣмъ спорить о качествахъ, которыя должна дать своимъ питомцамъ гимназія, необходимо, по мнѣнію Стоюнина, дать обществу возможность принять дѣятельное участіе въ выработкѣ желательнаго типа школы. Средствомъ для этого является уничтоженіе путъ, стѣсняющихъ частную иниціативу.

---

[1]) Фактъ, характеризующій, какъ хорошо „дѣти" сознаютъ жизненность идей отцовъ, произошелъ на кончившемся только на дняхъ учительскомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Кто-то предложилъ называть будущіе съѣзды именемъ Ушинскаго. Это предложеніе вызвало всеобщій восторгъ и настолько совпало съ общимъ желаніемъ, что, несмотря на то, что предложеніе не получило никакой санкціи, всѣ послѣдующіе ораторы, какъ бы по безмолвному соглашенію, обозначали собраніе какъ съѣздъ имени Ушинскаго.

„Позволеніе народу заводить у себя школы безъ всякихъ формальностей и оффиціальныхъ испрашиваній въ нашихъ глазахъ фактъ весьма важный. Эти школы быстро будутъ распространяться, но непремѣнно сообразно съ общественными потребностями. Если общество призывается къ дѣятельности и если оно сознало свои недостатки и необходимость идти впередъ, какъ это дѣлается замѣтнымъ въ нашемъ обществѣ, то оно само должно воспитать и образовать себѣ дѣятелей. Принциповъ при воспитаніи можетъ быть много, пусть только будетъ свобода учреждать училища; тѣ, которыя будутъ удовлетворять болѣе общественнымъ потребностямъ, болѣе будутъ и наполняться, и такимъ образомъ выработается у насъ народное воспитаніе".

Эта важность свободы преподаванія для разрѣшенія вопроса о школѣ—моментъ, которому, къ сожалѣнію, слишкомъ мало придается значенія во всѣхъ современныхъ проектахъ,—развивается Стоюнинымъ въ другой статьѣ: „О частной педагогической предпріимчивости", помѣщенной въ 1865 г. въ „Современникѣ". Любопытно, что здѣсь у Стоюнина увѣренность, звучащая въ цитированной выше статьѣ, въ томъ, что правительство съ радостью будетъ привѣтствовать школы, возникшія по частной иниціативѣ, исчезаетъ. Напротивъ, высказывается здѣсь уже опасеніе, что новыя свободныя училища могутъ вызвать подозрѣніе администраціи. „Но что, если явится подозрѣніе на всѣ новыя училища и въ одинъ прекрасный день всѣ они будутъ закрыты; что, если придется въ чужомъ пиру похмелье—потерять капиталъ и трудъ?.. Мы говоримъ только о томъ страхѣ, который уже существуетъ и который сильно мѣшаетъ развитію педагогической предпріимчивости, — и существуетъ по недостатку закона, обезпечивающаго дѣятельность; явится опредѣленный законъ и строгое его исполненіе — уничтожатся и страхъ, и недовѣріе, и затѣмъ открывается широкое поле для дѣятельности".

Въ этихъ строкахъ слышатся отголоски перемѣны административныхъ настроеній въ отношеніи къ школѣ. Перемѣна эта, какъ извѣстно, дала себя знать уже въ началѣ 60-хъ годовъ, между прочимъ закрытіемъ первыхъ воскресныхъ школъ, въ которыхъ принималъ участіе и В. Я. Стоюнинъ.

Дальнѣйшая судьба нашей школы еще болѣе подчеркнула значеніе общихъ условій. Въ эпоху неограниченнаго господства системы гр. Д. А. Толстого всѣ выводы русской педагогіи 60-хъ годовъ были забыты, и человѣку, искренно преданному дѣлу нечего да и въ значительной степени нельзя было и говорить о томъ, что происходило въ душной атмосферѣ школьнаго міра. Въ статьѣ: „Гдѣ же гнѣздилось зло", писанной въ 1875 г. („Вѣстн. Европы", № 10), В. Я. Стоюнинъ, ука-

зывая на полное затишье и безмолвіе въ педагогической сферѣ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, писалъ: „Въ началѣ выказались и силы, раздались-было и голоса, но не надолго; скоро стали они замирать, и теперь въ правѣ спросить каждый: гдѣ же ты, русскій педагогъ, неужели ты не найдешь себѣ дѣла, неужели ты напрасно ищешь его? Неужели ты уступилъ свое мѣсто расплодившимся ремесленникамъ, которые смазываютъ старую машину и по скрипу ея съ радостью заключаютъ, что она не остановилась, а идетъ благополучно? Откликнется ли на это русскій педагогъ? не слишкомъ ли онъ взволновался и изстрадался, глядя на болѣзни вѣка, подъ невзгодами жизни"? И съ грустью Стоюнинъ констатируетъ, что нѣтъ въ окружающемъ благопріятныхъ условій даже для того, чтобы поднимать какіе-нибудь общіе педагогическіе вопросы.

Проблескъ надежды на возможность лучшаго будущаго для школы мелькнулъ-было, когда послѣ гр. Д. А. Толстого министромъ сталъ Сабуровъ, а вслѣдъ за нимъ баронъ Николаи. Къ этому кратковременному періоду (1880—1882 г.г.) относится появленіе превосходной статьи В. Я. Стоюнина: „Замѣтки о русской школѣ", идеи которой заслуживали всегда особаго вниманія. Здѣсь В. Я. Стоюнинъ снова возвращается къ своей часто высказываемой имъ основной мысли, что новое гражданское общество, возникшее послѣ эмансипаціи, требуетъ соотвѣтствующаго типа школы. Основы, изъ которыхъ должно развиваться новое русское общество, сводятся по Стоюнину къ слѣдующимъ: „свободный трудъ, общественное самоуправленіе, наука и гласность. Всѣ эти основы въ такой тѣсной связи между собою, что, подавивъ одну ихъ нихъ, вы непремѣнно сдѣлаете всѣ другія безсильными для правильнаго развитія общественнаго организма, точно такъ, какъ, повредивъ какому-нибудь отправленію животнаго организма, вы обезсилите всѣ другія его отправленія и лишите его здоровой жизни".

„Наша преобразованная школа,—пишетъ далѣе Стоюнинъ,—не стала на надлежащую твердую почву и не вошла въ обновленную русскую жизнь, какъ здоровая дѣятельная сила. Она явилась особнякомъ, какимъ-то оторваннымъ отъ всего учрежденіемъ, точно растеніе, пересаженное въ другой климатъ; могла ли она не зачахнуть, если ей не дали силъ или, лучше сказать, если отъ нея устранили живительныя силы, необходимыя для развитія. Канцелярство придавило ее, какъ имъ же было придавлено и наше крестьянское самоуправленіе и во многомъ было испорчено наше земское дѣло". Только тогда наша средняя да и всѣхъ другихъ видовъ школа получитъ новую жизнь, когда общество приметъ живое участіе въ ней, когда администрація откажется отъ исключительной опеки надъ школой.

Бюрократизмъ убиваетъ живую школу, лишая ее воспитательнаго

значенія. Стремленіе канцеляріи примѣшивать къ педагогическимъ цѣлямъ политическія намѣренія можетъ вносить въ школу только деморализацію какъ педагогическаго персонала, такъ и учащихся. Вырабатывается тогда взглядъ „на дѣтей и юношей не какъ на живыхъ людей, которые могутъ правильно развиваться только по опредѣленнымъ неизмѣннымъ законамъ природы, а какъ на матеріалъ, надъ которымъ можно дѣлать какіе угодно эксперименты. Много ли выходитъ добра изъ этихъ опытовъ, указываетъ намъ исторія".

Правильная организація школы неизмѣнно предполагаетъ и находится въ тѣснѣйшей связи со свободой науки вообще.

„Исторія насъ убѣждаетъ,—говоритъ Стоюнинъ,—что школа застывала и обращалась въ безжизненное учрежденіе тамъ, гдѣ развитію науки ставили преграды. Стѣсненіе науки есть въ то же время стѣсненіе свободнаго умственнаго труда, а свободный трудъ, между прочимъ, легъ у насъ въ основаніе гражданскаго общества и европейской жизни. Учить народъ и стѣснять науку значитъ стоять на колеблющейся почвѣ, на которой нельзя стоять твердо. Гибельныя слѣдствія рано или поздно выкажутся. При опасеніи передъ наукою, самое обученіе народа окажется безжизненнымъ и безполезнымъ. Итакъ, чтобы быть сильнымъ европейскимъ государствомъ, необходимо поднять народное образованіе, а для этого нужно, во-первыхъ, признать науку свободною и, во-вторыхъ, видѣть въ школѣ главное образовательное средство"...

Школѣ необходимы далѣе гарантіи для трудящихся въ ней. „У нея должны быть свои права, которыя бы защищали ее отъ произвола личностей и которыя она сама могла бы защищать на основаніи законовъ, чтобы каждый трудящійся въ ней педагогъ не могъ чувствовать на себѣ посторонннихъ давленій и не вынужденъ былъ подѣлываться подъ нравъ какого-нибудь чиновнаго лица. Школа должна быть ограждена отъ всякихъ такихъ случайностей, и только судъ въ ея стѣнахъ или общій уголовный можетъ удалить изъ нея каждое служащее лицо".

Всѣ эти мысли Стоюнина, высказанныя двадцать лѣтъ тому назадъ, конечно, не только не потеряли своего значенія, а наоборотъ, важность ихъ ярко иллюстрировалась всей послѣдующей жизнью нашей школы и проникла глубоко въ сознаніе широкихъ общественныхъ группъ [1]). Поэтому-то и мы считали нужнымъ болѣе подробно остановиться именно на этихъ воззрѣніяхъ В. Я. Стоюнина.

---

[1]) А болѣе всего въ тѣ слои интеллигенціи, которые принимаютъ участіе въ просвѣтительной дѣятельности земства. Интересны въ этомъ отношеніи работы и резолюціи только-что закончившагося съѣзда учительскихъ обществъ въ Москвѣ.

Интересующіеся дѣломъ народнаго образованія, какъ въ цитированныхъ нами статьяхъ, такъ и въ другихъ, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ („Мысли о нашихъ экзаменахъ"; „Педагогическія задачи Пирогова"; „Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ") найдутъ массу интересныхъ соображеній по общимъ вопросамъ объ отношеніи семьи и школы, о классицизмѣ и реальномъ образованіи, о значеніи разныхъ предметовъ преподаванія и по вопросамъ внутренней жизни школы. Богатыя фактическія данныя содержатся въ работахъ В. Я. Стоюнина о женскомъ образованіи въ его историческихъ изслѣдованіяхъ („Наша семья и ея историческая судьба"; „Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ началѣ XIX вѣка"), посвященныхъ исторіи нашей школы. Вездѣ видно и глубокое знаніе предмета, высокое представленіе о задачахъ школы, о ея общественномъ значеніи, и горячая искренняя любовь къ молодежи, къ ея лучшимъ стремленіямъ.

В. Я. Стоюнинъ если не былъ блестящимъ писателемъ, то тѣмъ не менѣе его умное слово всегда дышетъ силою убѣжденія и нравственнаго чувства, а потому и убѣдительностью. Литературныя его произведенія какъ-то дополняютъ и сливаются съ личностью учителя и человѣка, прекрасный образъ котораго нарисовалъ въ своей вступительной статьѣ г. Сиповскій.

III.

— С. Н. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. Спб., 1903 г.

Авторъ этой книги по основнымъ своимъ воззрѣніямъ принадлежитъ къ той фракціи нашей общественной мысли, которая связана съ именемъ „марксизма". Въ вопросѣ объ артеляхъ и артельныхъ начинаніяхъ фракція эта заняла вполнѣ опредѣленное положеніе: взглядъ на артели, какъ на форму, заключающую въ себѣ не только зародыши высшей формы экономической организаціи, но и дѣйствительное, спеціально Россіи свойственное средство разрѣшенія рабочаго вопроса— подвергается рѣзкой и въ значительной степени основательной критикѣ со стороны представителей этого направленія. Но, въ пылу полемики, *всѣ* кооперативныя начинанія заклеймлены были ими кличкой мелкобуржуазности, справедливыя замѣчанія смѣшались въ безформенную кучу съ полемическими красотами, и произошло смѣшеніе понятій. Книга г. Прокоповича совершенно свободна отъ этихъ аксессуаровъ первыхъ дебютовъ нашего марксизма. Представляя объективное изслѣдованіе явленій, относящихся къ кооперативному движенію, она интересна и цѣнна и съ фактической, а въ особенности съ теоретической стороны,

какъ попытка систематизировать эти явленія и освѣтить условія развитія и соціальное значеніе ихъ.

Основная мысль автора та, что кооперація принимаетъ разнообразныя формы въ зависимости отъ экономической формаціи, свойственной той или иной эпохѣ. Реальное содержаніе въ той или иной формѣ кооперації берется изъ *данныхъ* экономическихъ отношеній, и кооперація сама по себѣ не можетъ служить средствомъ борьбы съ тѣми или иными экономическими категоріями: „она, являясь производнымъ явленіемъ, находится въ полной зависимости отъ производящаго явленія, т.-е. отъ даннаго экономическаго строя".

Русскія артели соотвѣтствуютъ до-капиталистическому строю общества, въ той его стадіи, когда произошло уже сильное развитіе обмѣна. Въ такомъ состояніи общества трудъ является дѣйствительнымъ основаніемъ обмѣна; поэтому-то наши изслѣдователи и сочли трудовое начало специфическимъ признакомъ русской артели; но если произвести болѣе точную классификацію артели, то можно найти четыре типа, въ которыхъ проявленіе этого начала наблюдается въ различной степени: первый типъ—это тотъ, когда заработокъ артели дѣлится ровно между членами соотвѣтственно затраченному каждымъ изъ нихъ труду; при такомъ типѣ обыкновенно цѣнность употребляемыхъ орудій производства совершенно ничтожна. Но въ артеляхъ второго типа орудія производства и средства существованія уже принимаютъ форму капитала, и этому капиталу отдѣляется особая прибыль, не находящая себѣ оправданія въ трудовомъ началѣ. Въ артеляхъ третьяго типа имѣется уже не только капиталъ, но и капиталистъ „хозяинъ". Чаще всего такая артель является, когда хозяинъ, вмѣсто того, чтобы нанимать отдѣльныхъ рабочихъ, нанимаетъ цѣлую группу лицъ и предоставляетъ имъ вмѣсто платы опредѣленную долю изъ продукта промысла. Наконецъ, четвертый типъ артели—это такія, въ которыхъ уже представленъ не только капиталъ, но и наемный трудъ, причемъ нанимателемъ является сама артель. Чистая форма перваго типа артели можетъ существовать только тамъ, гдѣ нѣтъ капиталистическихъ отношеній; чѣмъ больше послѣднія развиваются, тѣмъ артельная организація приближается къ капиталистическимъ предпріятіямъ со всѣми особенностями послѣднихъ. Г. Прокоповичъ не считаетъ въ числѣ признаковъ, характеризующихъ артель, круговую поруку обязательною. Артели,—далѣе, по мнѣнію автора,—и не представляютъ спеціальной особенности русской жизни. Онъ приводитъ рядъ данныхъ, которыя доказываютъ, что аналогичныя явленія существовали и отчасти существуютъ и на Западѣ. Разсматривая возникновеніе артелей, авторъ приходитъ къ заключенію, что народная масса организуетъ артель тамъ, гдѣ это по техническимъ и экономическимъ усло-

віямъ цѣлесообразно; интеллигенція же часто искусственно вводитъ эту форму тамъ, гдѣ она представляется неосуществимою. Вообще, экономическое развитіе при переходѣ изъ натуральной формы въ денежную, неизбѣжно сметаетъ артельную форму кооперації.

Дальнѣйшая форма кооперації, соотвѣтствующая развитому капиталистическому строю, является въ видѣ промысловыхъ товариществъ, въ которыхъ кустари и ремесленники объединяются капиталомъ, трудомъ и торгово-предпринимательской дѣятельностью. Авторъ внимательно разсматриваетъ всѣ организаціи такого рода, существующія въ Россіи, и тоже сводитъ ихъ къ четыремъ типамъ: во-первыхъ, сырьевыя товарищества, занимающіяся оптовой закупкой для своихъ членовъ сырыхъ матеріаловъ, орудій и инструментовъ; во-вторыхъ, складочныя, организующія продажу произведенныхъ членами продуктовъ; въ-третьихъ, подсобныя, цѣль которыхъ состоитъ въ совмѣстномъ пользованіи помѣщеніями или орудіями производства, и въ-четвертыхъ, производительныя, охватывающія процессъ производства въ его цѣломъ. Какъ извѣстно, именно промысловыя товарищества явились формой кооперації, которая пріобрѣла наиболѣе сильныя симпатіи интеллигенціи, и авторъ подробно останавливается на исторіи попытокъ интеллигенціи, часто кончавшихся весьма трагически. Причинами, тормазящими развитіе этого вида кооперації, являются безграмотность, невѣжество населенія и недостатокъ коммерческой опытности. Тѣ же причины тормазятъ развитіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ и потребительной кооперації, для появленія которыхъ экономическую почву составляетъ дальнѣйшее развитіе мѣнового и капиталистическаго хозяйства.

Основной выводъ автора тотъ,—что кооперація, представляя высокой цѣнности культурное явленіе, доступна только хозяйственно крѣпкимъ элементамъ населенія; „крестьянамъ и рабочимъ, опустившимся ниже извѣстнаго уровня, кооперація помочь не можетъ; имъ нужна не самодѣятельность, а государственная помощь и благотворительность“. Въ своихъ итогахъ авторъ подробно останавливается также на правовыхъ и политическихъ условіяхъ развитія нашего кооперативнаго движенія, и находитъ, что нашъ бюрократическій режимъ находится въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ началами коллективнаго самоопредѣленія, частной формой котораго является кооперація. Отсюда цѣлый рядъ препятствій для созданія кооперацій, страшная подозрительность къ нимъ и боязнь, что онѣ могутъ стать опасными организаціями. Но политически правовой моментъ, по мнѣнію автора, не играетъ роли, безусловно уничтожающей возможность кооперації. „Право,—пишетъ авторъ,—не предшествуетъ соціально-политической дѣятельности, а слѣдуетъ за ней. Оно пріобрѣтается какъ слѣдствіе экономическаго

развитія въ извѣстномъ направленіи и практики соціаль-политическихъ организацій. Посредствующимъ звеномъ между экономическими отношеніями и правомъ является соціаль-политическая дѣятельность. Она создаетъ право, а не создается имъ. Поэтому, вполнѣ естественно существованіе соціаль-политическихъ организацій внѣ права или въ непрерывной борьбѣ съ неудовлетворительнымъ правомъ".

Намъ кажется, что авторъ слишкомъ малое значеніе придаетъ этому моменту. Яркіе факты, приводимые имъ изъ исторіи попытокъ нашей интеллигенціи, свидѣтельствуютъ, что наши административныя условія въ значительной степени отстали отъ развитія экономическихъ отношеній, и положеніе автора, будто съ измѣненіемъ условій экономическихъ *неизбѣжно* пріобрѣтеніе новыхъ правъ и усовершенствованіе механизма развитія права,—справедливо, конечно, но съ тѣми оговорками, которыя такъ прекрасно выражены въ словахъ Гёте:

„Es erben sich Gesètz und Rechte,
Wie eine ewige Krankheit fort;
Sie schleppen von Geschlecht sich zum Geschlechte
Und rücken sacht von Ort zu Ort...

а вѣдь такія болѣзни права долго могутъ существовать и отравлять жизнь не одному поколѣнію.

IV.

— Всеобщее образованіе въ Россіи. Сборникъ статей Л. Н. Блинова, Н. П. Боголѣпова, Н. Ѳ. Бунакова, Н. М. Бычкова, В. Я. Муринова, Narrator'a, Ѳ. Ѳ. Ольденбурга, А. И. Шингарева и А. А. Штевенъ, вып. I, подъ редакціей князя Дм. Шаховского. Москва 1892.

„Составители сборника,—читаемъ мы въ предисловіи,—задались цѣлью освѣтить современное положеніе начальнаго образованія и внѣшкольной просвѣтительной дѣятельности въ Россіи, обративъ вниманіе на выясненіе тѣхъ задачъ, какія должны быть намѣчены въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, и на опредѣленіе того участія, какое въ немъ принимаютъ общественныя силы. Настоятельную потребность въ коллективномъ трудѣ подобнаго рода едва ли можно оспаривать"... Дѣйствительно, пора подвести итоги грандіозной работѣ, выполненной земствомъ и интеллигенціей въ дѣлѣ народнаго образованія, пора популяризовать результаты этой работы въ широкихъ читательскихъ кругахъ, выяснить общественное значеніе ея, указать дальнѣйшіе пути и необходимыя условія ея развитія. Поэтому всякій, кому дороги ин-

тересы дѣла народнаго просвѣщенія, долженъ привѣтствовать идею того коллективнаго труда, первый и весьма интересный выпускъ котораго лежитъ передъ нами. Осуществленіе этой идеи для частныхъ лицъ—дѣло, конечно, требующее и громадныхъ усилій, встрѣчающее часто и непреодолимыя препятствія. Тѣмъ болѣе чести тѣмъ дѣятелямъ, которые не останавливаются передъ этимъ. Они не должны смущаться, если первая попытка вышла и не вполнѣ совершенною.

Редакція сборника, по нашему мнѣнію, вполнѣ правильно поступила, привлекши къ участію въ трудѣ преимущественно земскихъ работниковъ; именно они болѣе всего и призваны къ выполненію подобнаго труда, обезпечивая соотвѣтствующій общій идейный духъ, освѣдомленность и практичность. Эти качества чувствуются во всѣхъ статьяхъ перваго выпуска, которыя въ общемъ весьма содержательны. Особенно богатый, прекрасно разработанный фактическій матеріалъ содержитъ статья Н. М. Бычкова: „Расходы городовъ на народное образованіе". Авторъ поставилъ себѣ цѣлью выяснить, какое участіе принимаетъ городское общественное управленіе въ распространеніи народнаго образованія среди городского населенія. Редакція „Сборника" обратилась съ просьбой ко всѣмъ городскимъ управленіямъ доставить нужные матеріалы; на призывъ этотъ откликнулись изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи лишь 163 города. Авторъ прежде всего детально разсматриваетъ цифры смѣтныхъ назначеній городовъ на народное образованіе въ связи съ состояніемъ бюджетовъ. Въ среднемъ на просвѣщеніе города наши тратятъ 75 коп. на душу населенія (въ западной Европѣ есть города, гдѣ величина расхода на школы выражается цифрой четыре рубля на каждаго жителя), причемъ наша средняя цифра колеблется въ предѣлахъ отъ одной копѣйки до трехъ рублей. Число городовъ съ расходомъ ниже средняго доходитъ до $^3/_4$ общаго числа! Авторъ далѣе статистически изслѣдуетъ весьма интересный вопросъ: на какого рода учебныя заведенія и другія образовательныя учрежденія ассигнуются городскія средства; въ какой формѣ наши города участвуютъ въ дѣлѣ народнаго образованія, т.-е. имѣютъ ли города свои училища, или же только отпускаютъ средства постороннимъ вѣдомствамъ; какіе виды училищъ существуютъ въ городахъ, и т. д. Статья, исчерпывающая всѣ стороны вопроса, дополняется рядомъ прекрасно составленныхъ статистическихъ таблицъ.

Важное практическое значеніе имѣетъ статья Н. П. Боголѣпова: „Къ вопросу о составленіи проектовъ нормальной сѣти училищъ", дающая основанія къ разсчету данныхъ, которыя необходимы для рѣшенія вопроса, какъ и сколько нужно открыть въ какомъ-либо районѣ школъ, чтобы школьное обученіе сдѣлать доступнымъ всему населенію. Авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе въ этой статьѣ на вопросахъ о

нормальныхъ школьныхъ разстояніяхъ и о нормальномъ числѣ дѣтей школьнаго возраста, въ общихъ чертахъ даетъ также основанія для разсчета источниковъ средствъ, какія необходимы для осуществленія нормальной сѣти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Положенію учительскаго персонала посвящены двѣ статьи Сборника. Л. Блиновъ въ своей работѣ: „Народный учитель въ Россіи", статистически изучаетъ составъ учительскаго персонала, главнымъ образомъ земскихъ школъ, по возрасту, полу, образовательному цензу, рисуетъ условія умственной жизни начальнаго учителя, его общественное положеніе и матеріальныя условія его вознагражденія. В. Муриновъ даетъ свѣдѣнія о попыткахъ русскихъ учителей улучшить свой бытъ путемъ взаимопомощи—устройствомъ учительскихъ обществъ. Къ сожалѣнію, какъ это видно изъ статьи г. Муринова, административная практика относится крайне неблагопріятно къ возникновенію подобныхъ обществъ, ставитъ имъ препятствія, и въ видѣ постояннаго съуженія дѣятельности существующихъ обществъ, и въ видѣ затрудненій къ учрежденію новыхъ.

Дѣятельность земства тѣсно переплетается со всѣми сторонами школьнаго дѣла. Земская медицина выдвинула вопросъ о школьной санитаріи; во многихъ губерніяхъ произведены были изслѣдованія гигіеническихъ условій школьнаго дѣла и положены основанія санитарнаго надзора какъ за состояніемъ помѣщеній, такъ и за здоровьемъ и заболѣваемостью учащихся. Работы земства въ этомъ направленіи и основные принципы желательной организаціи земскаго санитарнаго школьнаго надзора служатъ содержаніемъ интересной статьи Сборника, принадлежащей перу земскаго врача А. И. Шингарева. Съ другой областью дѣятельности земства въ сферѣ народнаго образованія знакомитъ насъ работа г. Муринова о земскихъ книжныхъ складахъ, которые, все увеличиваясь въ числѣ, начинаютъ вырабатывать такую организацію, при которой одною изъ самыхъ важныхъ задачъ ихъ признается распространеніе среди сельскаго населенія полезныхъ книгъ. Земства, какъ извѣстно, идутъ еще дальше, и въ интересахъ народныхъ массъ принимаются и за издательское дѣло.

Спеціально педагогическихъ вопросовъ касаются статья Н. Ѳ. Бунакова: „О желательныхъ задаткахъ въ современной русской народной школѣ", и статья А. А. Штевенъ: „Чему учить въ народной школѣ". Г. Бунаковъ выступаетъ убѣжденнымъ противникомъ тѣхъ вѣяній, которыя стремятся придавать народной школѣ профессіональный характеръ, которыя стараются путемъ мелочной регламентаціи, пропитанной подозрительностью, по возможности съузить и ограничить общеобразовательное значеніе школы. Народная, какъ и всякая общеобразовательная школа, по мнѣнію почтеннаго педагога, должна

постоянно имѣть въ виду человѣческую личность съ ея достоинствомъ, съ ея общечеловѣческими интересами, правами и обязанностями; по задачамъ такая школа не можетъ имѣть ничего общаго со школой профессіональной. Въ земской школѣ, созданной усиліями и жертвами лучшихъ русскихъ людей, есть задатки общеобразовательнаго характера: ихъ-то необходимо поддержать, упрочить и развить...

Противъ чрезмѣрной регламентаціи, убивающей живое дѣло обученія и сводящей его къ выполненію такъ-называемой „примѣрной", а по существу обязательной программы, высказывается и А. А. Штевенъ.

Въ Сборникѣ помѣщена еще статья Ѳ. Ѳ. Ольденбурга о законодательствѣ и справочныхъ изданіяхъ по начальному народному образованію. Авторъ, разсматривая источники нашего законодательства по учебной части (томъ XI Свода законовъ, всякіе оффиціальные сборники распоряженій и циркуляровъ и частныя руководства), приходитъ къ заключенію, что жизнь требуетъ коренного пересмотра всего этого матеріала. „На очереди стоитъ выработка общаго плана организаціи народнаго образованія, надъ чѣмъ трудились еще въ шестидесятыхъ годахъ и правительственныя учрежденія, и общественная мысль. Вопросъ остается прежній, только кореннымъ образомъ измѣнились условія, при которыхъ приходится давать на него отвѣтъ"...

Мы исчерпаемъ все содержаніе Сборника, если упомянемъ еще о статьѣ г. Narrator'a, заключающей въ себѣ краткій историческій очеркъ плодотворной дѣятельности петербургскаго комитета грамотности, который умеръ въ самомъ разгарѣ кипучей тяжелой просвѣтительной работы. Очеркъ этотъ прочтется съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что большому печатному труду по исторіи комитета (онъ, кажется, былъ составленъ Д. Д. Протопоповымъ) не суждено было совсѣмъ увидѣть свѣта...

При всемъ, однако, интересѣ, который представляютъ отдѣльныя статьи, Сборникъ (I-й выпускъ) оставляетъ впечатлѣніе пестроты, чего-то случайнаго; онъ не даетъ ничего цѣльнаго, не видно въ немъ системы. Для той важной цѣли, которую поставили себѣ составители, необходимо выработать такое расположеніе и группировку матеріала, чтобы получалось, дѣйствительно, освѣщеніе того, что редакція желаетъ освѣтить. Каждый выпускъ долженъ, по нашему мнѣнію, дать рядъ статей по тому или иному основному вопросу народнаго образованія, статей, не случайно разработывающихъ какую-нибудь тему изъ серіи вопроса, а послѣдовательно органически разсматривающихъ вопросъ съ разныхъ сторонъ. Первый выпускъ, при всѣхъ достоинствахъ матеріала, не удовлетворяетъ этому требованію; можетъ быть, это объясняется тѣми обстоятельствами (пропажа части матеріаловъ,

невозможность пріурочить изданіе къ какому-нибудь постоянному литературному предпріятію или учрежденію), о которыхъ говорятъ въ предисловіи составители, сами же и признающіе недостатки своего перваго опыта. Остается только пожелать, чтобы этотъ важный коллективный трудъ, предпринятый земскими людьми, не остановился на этомъ опытѣ, а продолжался бы съ той энергіей и настойчивостью, которыя приходится проявлять всѣмъ нашимъ дѣятелямъ по народному образованію въ борьбѣ со всякаго рода препятствіями...

V.

Волжскій. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1908.

Уяснить общій философскій смыслъ художественнаго творчества Чехова—разсмотрѣть идейное содержаніе его литературной работы подъ однимъ строго опредѣленнымъ угломъ зрѣнія—такую задачу поставилъ себѣ авторъ этой интересно и красиво написанной книжки. Нравственная физіономія Чехова, по мнѣнію г. Волжскаго, складывается изъ двухъ коренныхъ его настроеній: пессимистическаго идеализма, безнадежно протестующаго противъ дѣйствительности, и пантеизма, рабски ей поклоняющагося. Первое—это десница Чехова, второе—его шуйца. Только потому, что въ душѣ Чехова живетъ идеалъ, онъ въ состояніи показать всю пошлость и безцвѣтность жизни, всю страшную власть обыденщины, всю мизерность ея. Но этотъ идеалъ гдѣ-то настолько далекъ, онъ на такой страшной высотѣ, что въ дѣйствительности нѣтъ даже и какихъ-нибудь намековъ на возможность его осуществленія. Этотъ идеалъ подобенъ тѣмъ яркимъ звѣздамъ, которыя загораются надъ нами въ темныя ночи. Свѣтъ ихъ не грѣетъ земли, не разсѣиваетъ царящей кругомъ темной мглы, не приноситъ жизни и силы. „И никогда, никогда эти свѣтящіяся точки не спустятся со своей высоты, не приблизятся къ міру... никогда не сдѣлаютъ его жизни такою же красивой, яркой, сіяющей, какъ онѣ сами... Свѣтящіяся точки навсегда останутся неприступными, никогда не одолѣютъ леденящаго дыханія дѣйствительности“... Такъ характеризуетъ настроеніе пессимистическаго идеализма г. Волжскій, и отраженіе его онъ находитъ въ лучшихъ произведеніяхъ Чехова повсюду, гдѣ мятутся люди, измученные житейскими буднями, житейской пошлостью. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Чеховъ расцѣниваетъ дѣйствительность съ высоты своего идеала, и потому-то она такъ безцвѣтна, сѣра и скучна; онъ не признаетъ этой дѣйствительности, указывая на ея пустоту и ничтожество, онъ борется въ этомъ смыслѣ во имя идеала

съ идоломъ дѣйствительности... Но постоянно сохранять въ себѣ это настроеніе Чеховъ неспособенъ; борьба безъ надежды на побѣду, съ душой, полной сомнѣнія, оказывается ему иногда не подъ силу. Онъ хочетъ забыться; тогда начинаетъ звучать въ его произведеніяхъ настроеніе пантеистическаго оптимизма. „Если въ жизни не торжествуетъ идеалъ, то пусть хоть дѣйствительность будетъ идеаломъ, пусть все, все, даже жизнь сѣренькихъ людей, страданія „трехъ сестеръ“, все „перейдетъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ“, пусть эта тусклая дѣйствительность перейдетъ въ идеалъ, „какъ навозъ въ черноземъ“... Такъ это хочется Чехову, когда его властно захватываетъ настроеніе оптимистическаго пантеизма, стремящагося во что бы то ни стало примириться съ жизнью, съ естественнымъ ходомъ вещей“. Тутъ начинается шуйца Чехова, которая, однако, не опасна потому, что авторскій оптимизмъ безсиленъ передъ той правдой жизни, неизмѣннымъ рыцаремъ которой Чеховъ является вездѣ и всегда.

Такова основная точка зрѣнія г. Волжскаго. Если согласиться, даже принять для обозначенія вполнѣ правильно подмѣченнаго авторомъ общаго настроенія Чехова терминъ „идеализмъ“, то вѣдь это—идеализмъ совершенно своеобразный, по характеристикѣ самого же г. Волжскаго... Онъ не есть идеализмъ борьбы, онъ никого окрылить не можетъ, и мы думаемъ, что глубоко-правдивая картина жизни, нарисованная Чеховымъ, даетъ только мучительное ощущеніе *гнетущей* дѣйствительности, которая и страшна потому, что въ ней мы не чувствуемъ *путеводныхъ* звѣздъ идеала. Намъ кажется поэтому совсѣмъ несоотвѣтствующимъ общему впечатлѣнію отъ Чеховскихъ произведеній то, что̀ имъ въ конечномъ счетѣ приписываетъ г. Волжскій. „Страстное исканіе *другой* жизни „свѣтлой, прекрасной, изящной жизни“, жизни осмысленной, красивой и содержательной, властно возникаетъ въ душѣ. Эта изболѣвшая душа читателя зоветъ въ высь, къ свѣту, на волю, зоветъ подняться высоко надъ плоскимъ міромъ чеховщины... Они (произведенія Чехова) будятъ желаніе лучшаго, жажду борьбы“... говоритъ г. Волжскій. Все это очень хорошо, но, кажется намъ, въ возбужденіи такихъ *чувствъ* самъ талантъ Чехова неповиненъ, какъ художественный талантъ. Этимъ, понятно, не отрицается то, что, какъ удивительно-правдивое изображеніе жизни, продукты творчества могутъ войти во всякія построенія, въ томъ числѣ и идеалистическія. Въ подкрѣпленіе своего взгляда г. Волжскій даетъ во многихъ мѣстахъ весьма интересныя характеристики персонажей Чехова, освѣщаетъ творчество его въ исторической перспективѣ общественнаго настроенія эпохи восьмидесятыхъ годовъ, проводя параллель между Чеховымъ, Гаршинымъ и Надсономъ. — Г—анъ.

VI.

— Россія въ дорожномъ отношеніи. Т. I, II, III. Составилъ инспекторъ по дорожной части при мин. внутр. дѣлъ, В. Ф. Мейенъ. Изданіе хозяйственнаго департамента мин. внутр. дѣлъ. Спб. 1902. Ц. 5 р.

Это обширное (больше 2.000 стр.), роскошное и вмѣстѣ съ тѣмъ относительно дешевое изданіе имѣетъ цѣлью дать практическимъ дѣятелямъ по дорожной части свѣдѣнія о существующихъ у насъ путяхъ сообщеній, о различныхъ условіяхъ, вліяющихъ на ихъ состояніе, о законодательствѣ, ихъ касающемся, и мѣрахъ для поддержанія грунтовыхъ дорогъ въ исправномъ состояніи. По содержанію, книга эта представляетъ какъ бы второе изданіе вышедшаго два года назадъ другого труда автора—„Обзоръ Россіи въ дорожномъ отношеніи". Это второе изданіе, однако, въ четыре—пять разъ больше перваго, и подобное его расширеніе обязано, главнымъ образомъ, включенію въ него свѣдѣній о количествѣ грузовъ вообще и главнѣйшихъ въ частности, получаемыхъ каждой станціей жел. дороги и каждой пристанью и отправляемыхъ станціями и пристанями каждой губерніи по принадлежности. При надлежащемъ его выполненіи, проектъ группировки данныхъ статистики желѣзно-дорожныхъ и водныхъ перевозокъ по губерніямъ, могъ бы имѣть значеніе не только для практическихъ дѣятелей по дорожной части, но и для изслѣдователя-экономиста. На основаніи такой группировки, да еще за цѣлыхъ пять лѣтъ, можно было бы обрисовать каждую губернію со стороны размѣровъ и характера ея грузового оборота, и составить такимъ образомъ извѣстное понятіе о ея производствѣ и потребленіи. „Россія въ дорожномъ отношеніи" могла бы служить, такимъ образомъ, дополненіемъ „Сводной статистики жел.-дор. перевозокъ", изданія департамента жел. дорожныхъ дѣлъ, и „Статист. сб. министерства пут. сообщеній", въ которыхъ пункты отправленія и назначенія грузовъ группируются по желѣзнодорожнымъ линіямъ, прорѣзывающимъ нѣсколько губерній, и этимъ до крайности затрудняется разработка свѣдѣній по привычнымъ для насъ административнымъ и географическимъ районамъ. Къ сожалѣнію, составитель „Россіи въ дорожномъ отношеніи", повидимому, и не подозрѣвалъ существованія „Сводной статистики жел.-дор. перевозокъ", не назвалъ этого изданія въ перечнѣ источниковъ и пользовался для даннаго предмета лишь статистическими изданіями мин. пут. сообщ., въ которыхъ отдѣльно показываются лишь слѣдующіе желѣзно-дорожные грузы: главные хлѣба, соль, нефть и ея продукты, дрова и строительные матеріалы. Благодаря этому обстоятельству, достаточная характеристика грузового оборота дается въ нашемъ изданіи лишь для тѣхъ

станцій, которыя отправляютъ и получаютъ по преимуществу названные грузы, и остаются безъ всякой спеціальной характеристики тѣ многочисленные районы, которые не отправляютъ ни хлѣба, ни нефти, ни соли, ни дерева. Что указанный пробѣлъ въ изданіи имѣетъ въ основѣ недостаточную освѣдомленность объ источникахъ желѣзно-дорожной статистики, а не сознательное устраненіе неупоминаемыхъ въ немъ грузовъ—это видно изъ того, что относительно пристаней приводятся свѣдѣнія и о рудѣ, и о льняномъ сѣмени, и о чугунѣ, и о другихъ грузахъ, которые выдѣляются изъ общей суммы перевозимыхъ товаровъ въ „Стат. сб. мин. пут. сообщ.“.

Недостаточная освѣдомленность составителей въ томъ, что касается статистики желѣзно-дорожныхъ перевозокъ, и недостаточная редакціонная внимательность были причиной и того, что въ общей части изданія сообщаются совершенно неправильныя свѣдѣнія объ итогахъ желѣзно-дорожныхъ перевозокъ. На стр. 91 значится, что по желѣзнымъ дорогамъ „перевезено грузовъ“ въ 1897 г. (беремъ для примѣра этотъ годъ) 6.819 милліоновъ пудовъ, а на стр. 92 сумма отправленныхъ всѣми дорогами грузовъ распредѣляется между пограничными и внутренними пунктами, причемъ на долю первыхъ падаетъ 451,4 милл. пуд., а на долю вторыхъ—2545,9 милл. пуд.; вмѣстѣ же это составитъ 2997,3 милл. пуд., т.-е. слишкомъ вдвое меньше, чѣмъ показано раньше. Это противорѣчіе находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что число 6.819 милл. не выражаетъ количества отправленныхъ или „перевезенныхъ“ грузовъ. Это число получено сложеніемъ суммъ перевозокъ всѣхъ отдѣльныхъ желѣзно-дорожныхъ линій, въ которыя вошли и отправленные дорогою грузы, и товары, прибывшіе на нее съ другихъ дорогъ (т.-е. сосчитанные уже въ суммѣ перевозокъ дороги, отправившей эти грузы), и грузы, прошедшіе по дорогѣ транзитомъ (которые, слѣдовательно, будутъ уже усчитаны и дорогой отправительницей, и дорогой, получившей ихъ). Въ этомъ числѣ, значитъ, одинъ и тотъ же конкретный грузъ сосчитанъ столько разъ, сколько отдѣльныхъ желѣзно-дорожныхъ линій пробѣжалъ онъ отъ мѣста отправленія до мѣста разгрузки. Если завтра одна желѣзно-дорожная линія раздѣлится между двумя новыми обществами, нѣкоторые грузы будутъ въ нашемъ числѣ показаны еще лишній разъ, и сумма перевозокъ какъ бы увеличится. При соединеніи двухъ самостоятельныхъ линій въ одну—послѣдуетъ обратное. Такимъ образомъ, безъ малѣйшаго измѣненія самихъ желѣзно-дорожныхъ перевозокъ, въ силу только нѣкоторыхъ перемѣнъ въ административномъ управленіи дорогъ, будетъ происходить измѣненіе того числа, которое въ разсматриваемомъ изданіи приводится для характеристики размѣровъ желѣзно-дорожнаго движенія товаровъ. Очевидно, что для такой ха-

рактеристики это число не годится. Если имѣется въ виду характеризовать работу желѣзно-дорожныхъ станцій, которая бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на работу подъѣздныхъ грунтовыхъ дорогъ, то слѣдовало привести свѣдѣнія о количествѣ отправляемыхъ всѣми станціями и получаемыхъ ими грузовъ. Если же дѣло идетъ о работѣ самихъ желѣзныхъ дорогъ, то характеризовать ее нужно количествомъ пудоверстъ товарнаго движенія.

Нашей желѣзно-дорожной статистикѣ, несмотря на сравнительную точность ея данныхъ, вообще говоря, не счастливится. Такое же непониманіе ея цифръ, какое мы замѣчаемъ въ разсматриваемомъ изданіи, можно наблюдать, напр., и въ составленной министерствомъ финансовъ для парижской выставки книгѣ: „Россія въ концѣ XIX вѣка". По этому случаю нельзя не высказать удивленія, что оффиціальныя учрежденія, не стѣсненныя въ средствахъ, не могутъ найти, для предпринимаемыхъ ими изслѣдованій и описаній, лицъ, достаточно знакомыхъ съ матеріалами, касающимися даннаго предмета.

VII.

Ѳедоръ Самаринъ. О мірской надѣльной землѣ. Москва. 1902 г. Ц. 60 к.

Названная брошюра г. Самарина заключаетъ разборъ мнѣнія Б. Н. Чичерина о юридической сторонѣ общиннаго землевладѣнія и была первоначально опубликована,—какъ и мнѣніе г. Чичерина,—въ газетѣ „Спб. Вѣдомости". Отдѣльное изданіе разбора вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросъ о нашей поземельной общинѣ живо обсуждается теперь и въ печати, и въ комитетахъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, и что противники названнаго института основываются, между прочимъ, на аргументаціи г. Чичерина. Авторитетность имени этого юриста-историка достаточно оправдываетъ, конечно, появленіе брошюры г. Самарина.

Возможность исключающихъ другъ друга взглядовъ на юридическую сторону вопроса объ общинѣ обусловливается тѣмъ, что Положеніе о крестьянахъ, регулирующее эту форму землевладѣнія, не представляетъ стройнаго законодательнаго акта, осуществляющаго одну опредѣленную идею. Оно не могло имѣть такого характера уже потому, что само было „результатомъ компромисса между различными направленіями и партіями, которыя участвовали въ разработкѣ крестьянскаго вопроса и старались достигнуть практическаго осуществленія своихъ взглядовъ". Въ немъ нашли, поэтому, выраженіе „весьма различные, иногда другъ другу коренным образомъ противорѣчащіе

понятія и взгляды" (Самаринъ, стр. 19). Къ этому мы могли бы еще прибавить всѣмъ извѣстную неточность терминологіи нашего гражданскаго законодательства, примѣры которой встрѣчаются и въ положеніи о крестьянахъ (смѣшеніе терминовъ „общаго" и „общиннаго"), и въ другихъ сборникахъ, въ статьяхъ, касающихся крестьянскаго быта.

Одно изъ противорѣчій Положенія 19 февраля и послужило для г. Чичерина основаніемъ отрицать юридическую, такъ сказать, правомѣрность общиннаго землевладѣнія.

Дѣло въ томъ, что хотя ст. 160 Полож. о выкупѣ категорически утверждается, что выкупленная сельскимъ обществомъ земля „признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки оной между своими членами", и хотя въ Положеніи о государственныхъ крестьянахъ не заключается никакихъ статей, которыя ограничивали бы это право общества въ пользу отдѣльныхъ его членовъ и давали бы послѣднимъ возможность закрѣпить за собой отведенные имъ обществомъ во временное пользованіе участки,—но въ Положеніе 19 февраля попали двѣ статьи, исходящія изъ другого представленія о мірской землѣ: ст. 165 о выкупѣ и ст. 36 Общаго Положенія. Согласно первой статьѣ (нынѣ отмѣненной), каждый домохозяинъ, не спрашивая согласія общества, можетъ внести въ казначейство всю, причитающуюся на его участокъ, выкупную сумму, и потребовать затѣмъ выдѣла выкупленнаго имъ участка въ свое исключительное распоряженіе. На основаніи ст. 36 Общ. Полож. „каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участка въ пріобрѣтеніи сей земли" (въ случаѣ неудобства такого выдѣла обществу предоставляется удовлетворить крестьянина деньгами). Статья эта касается какъ земли, пріобрѣтенной обществомъ путемъ вольной покупки, такъ и угодій, выкупленныхъ имъ на основаніи Положенія о крестьянахъ, а практическое ея примѣненіе сдѣлается возможнымъ по окончаніи выкупа обществомъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ отведенной имъ при освобожденіи земли.

Вотъ эта-то статья и служила г. Чичерину основаніемъ для его сужденія о юридическомъ характерѣ общиннаго землевладѣнія. Статьей этой, по его словамъ, „общинное владѣніе обрекалось на упраздненіе"; явилась же эта статья въ Положеніи 19 февраля не случайно, а какъ логическое заключеніе всей операціи выкупа крестьянами состоявшихъ въ ихъ пользованіи угодій. „Установляя выкупъ надѣловъ,—говоритъ г. Чичеринъ,—Положеніе далеко было отъ чудовищной мысли, что человѣка можно *заставить* (курсивъ нашъ) покупать землю не для себя, а для другихъ. Все право собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

весь гражданскій порядокъ, основанъ на томъ незыблемомъ правилѣ, что то, что̀ человѣкъ покупаетъ, принадлежитъ ему, а не другому. Если покупка совершается нѣсколькими или многими лицами, то каждому принадлежитъ доля, соотвѣтствующая его взносу". Это, будто бы, и выражается ст. 36 Общаго Положенія.

По поводу этого мнѣнія прежде всего замѣтимъ, что самъ г. Чичеринъ не доводитъ его до конца, и вмѣсто предоставленія отдѣльному домохозяину полнаго права собственности на выкупленную имъ землю, онъ находитъ нужнымъ, въ огражденіе его семьи, отчужденіе имъ своего участка поставить въ зависимость отъ согласія уѣздныхъ присутствій. „Въ этомъ предположеніи,—говоритъ г. Самаринъ,—заключается лучшая критика основного взгляда" г. Чичерина. „Одно изъ двухъ: или земельная собственность должна быть основана исключительно на личномъ правѣ, какъ доказываетъ г. Чичеринъ, когда рѣчь идетъ объ общинѣ—въ такомъ случаѣ подворное владѣніе также должно превратиться въ личную (а не семейную) собственность;—или общинное владѣніе имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и подворное" (стр. 49). Но самокритику г. Чичерина можно усмотрѣть и не удаляясь отъ вышеприведенной выдержки изъ его статьи. Если законодатель,—какъ полагаетъ г. Чичеринъ,—смотрѣлъ на выкупную операцію какъ на простую покупку крестьянами помѣщичьихъ земель, и на этомъ основаніи считалъ „чудовищной" мысль „заставить" человѣка покупать не для себя, а для другихъ,—то какъ онъ могъ допустить при этомъ другую *чудовищную* мысль: *заставить* человѣка покупать для себя землю. Заставить человѣка дѣлать что-либо для другихъ несравненно менѣе чудовищно (и постоянно практикуется въ самыхъ благоустроенныхъ обществахъ), чѣмъ заставить его устроивать собственныя хозяйственныя дѣла согласно предположеніямъ законодателя. Если же въ выкупной операціи г. Чичеринъ находитъ элементъ принужденія, то этимъ самымъ—по справедливому замѣчанію г. Самарина—онъ въ корнѣ подрываетъ мысль, „будто крестьяне пріобрѣли свою надѣльную землю путемъ простой покупки" (стр. 12). И дѣйствительно, отведена была крестьянамъ земля въ постоянное пользованіе не по добровольному ихъ соглашенію съ владѣльцами, а на основаніи закона; помѣщикъ могъ потребовать обязательнаго выкупа крестьянами отведенной имъ въ пользованіе земли, а по отношенію къ помѣщичьимъ крестьянамъ западнаго края, по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ и къ крестьянамъ, оставшимся въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ въ 1882 г., обязательный выкупъ земли установленъ закономъ. Если для большей части крестьянъ выкупъ былъ произведенъ съ нарушеніемъ перваго условія простой покупки—свободнаго согласія на нее со стороны покупателей

(и продавцовъ),—то по отношенію ко всему крестьянскому населенію не было осуществлено и другого условія подобныхъ сдѣлокъ: сообразованія покупной цѣны съ дѣйствительной стоимостью покупаемой вещи. Ограничиваясь случаемъ помѣщичьихъ крестьянъ, напомнимъ, что выкупная стоимость надѣла опредѣлялась капитализаціей оброковъ. О несоотвѣтствіи же этихъ послѣднихъ стоимости земли достаточно свидѣтельствуютъ слѣдующія соображенія редакціонныхъ коммиссій. „Если бы было принято за правило—при опредѣленіи будущихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ—доискиваться повсемѣстнаго уравненія цѣнности повинности съ цѣнностью надѣла, то въ иныхъ мѣстностяхъ, конечно ограниченныхъ, довелось бы, можетъ быть, увеличить тягости, лежащія на крестьянахъ; въ большей же части случаевъ, наоборотъ, помѣщики не выдержали бы крупнаго экономическаго кризиса“ (стр. 13). „Все это показываетъ,—заключаетъ г. Самаринъ,—что выкупъ былъ вовсе не покупкою земли, а выкупомъ повинности, отбывавшейся крестьянами *съ земли, но не за землю* (а за освобожденіе отъ обязательной работы на помѣщиковъ или, иначе говоря, въ вознагражденіе послѣднихъ за утрату дарового труда. Такъ было по существу дѣла; по формѣ же, дѣйствительно, выкупной операціи былъ искусственно приданъ характеръ покупки земли“ (стр. 13).

Итакъ,—формулируетъ свою мысль г. Самаринъ,—исходное положеніе г. Чичерина слѣдуетъ считать неправильнымъ: въ основаніи права крестьянъ на ихъ надѣльную землю лежитъ не покупка, а надѣленіе властью государства, и на выкупъ нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія гражданскаго права, какъ на простую сдѣлку купли-продажи. Поэтому, нельзя согласиться и съ выводомъ г. Чичерина, будто бы каждый крестьянинъ имѣетъ личное право собственности на извѣстную долю надѣльной земли“ (стр. 17). Но такой выводъ окажется неправильнымъ, даже если, вмѣстѣ съ г. Чичеринымъ, признать, что основаніемъ права крестьянъ на землю служитъ выкупъ, и приравнять послѣдній къ простой покупкѣ. Право личной собственности на опредѣленную долю земли вытекало бы изъ факта покупки лишь въ томъ случаѣ, если бы община не составляла самостоятельнаго юридическаго лица или лишена была, въ качествѣ такого лица, права владѣть недвижимостью. Собирая разбросанныя тамъ и здѣсь въ Положеніи о крестьянахъ статьи, касающіяся даннаго предмета, г. Самаринъ заключаетъ, что законъ разсматриваетъ общину въ земельныхъ отношеніяхъ не какъ простую совокупность лицъ, а какъ самостоятельную юридическую единицу. Статьей 98 Великорус. Полож. земля отводится „въ пользованіе *сельскаго общества*“; статьей 35 Полож. о выкупѣ при общинномъ землевладѣніи выкупной договоръ заключается

съ *цѣлымъ обществомъ*; статья 160 Полож. о выкупѣ выкупленную обществомъ землю признаетъ „собственностью *всего общества*“, которою оно можетъ распоряжаться по приговорамъ, постановленнымъ большинствомъ голосовъ (а не единичнымъ, какъ это бываетъ въ товариществахъ). Въ общемъ гражданскомъ уложеніи найдутся также статьи, утверждающія за сельскими обществами въ имущественныхъ отношеніяхъ характеръ юридическаго лица. Такова, напр., стр. 414 Св. Зак. т. X, ч. I, относящая имущества сельскихъ обществъ къ одной категоріи съ имуществами земскихъ учрежденій, дворянскихъ и городскихъ обществъ. Эти ссылки автора можно бы пополнить указаніемъ другихъ статей закона, которыми за сельскими обществами признается право на мірскіе капиталы, хлѣбные запасы, выморочныя имущества, право заключенія договоровъ и подрядовъ, право выступать на судѣ и избирать для этого повѣренныхъ и т. д. Словомъ, законодательное признаніе за сельскими обществами характера юридическихъ лицъ стоитъ, повидимому, внѣ сомнѣнія; а въ такомъ случаѣ устраняется логическая необходимость заключенія о томъ, что земля, выкупаемая обществомъ, составляетъ общую (товарищескую), а не общественную или общинную собственность.

Доказывая эту мысль, г. Самаринъ, однако, упустилъ изъ виду случаи, когда община не совпадаетъ съ сельскимъ обществомъ и не подходитъ послѣдовательно къ учрежденію, признаваемому закономъ за юридическое лицо. Такая недомолвка закона была, однако, пополнена сенатскими рѣшеніями, разъяснившими, что подъ выраженіемъ „крестьянскія общества“ (въ статьѣ 24, прим. 1, Общ. Пол.) слѣдуетъ разумѣть также общество крестьянъ отдѣльнаго селенія, имѣющаго особый земельный надѣлъ, хотя бы это селеніе не составляло цѣлаго сельскаго общества [1]).

Вопросу общиннаго землевладѣнія посвящена половина брошюры г. Самарина. Другая его половина разбираетъ положеніе г. Чичерина, что вмѣстѣ съ общиной должна отойти въ вѣчность и надѣльная крестьянская собственность, и по отношенію къ этой послѣдней крестьяне не должны ничѣмъ отличаться отъ частныхъ собственниковъ вообще. Такое заключеніе г. Чичеринъ основываетъ на томъ соображеніи, что надѣленіе крестьянъ землею имѣло, будто бы, исключительной цѣлью обезпечить исправное отбываніе повинностей, лежавшихъ въ прежнія времена на лицѣ, а не на имуществѣ. Г. Самаринъ опровергаетъ этотъ доводъ ссылкою на Положеніе о крестьянахъ, согласно которому земля предоставляется крестьянамъ прежде всего „для обезпеченія ихъ быта“. Но авторъ могъ бы почерпнуть аргументы и изъ прошлой аграрной политики русскаго государства.—В. В.

---

[1]) „Русск. Вѣдом.“ 1902, № 187.

VIII.

— Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Импер. Москов. университетѣ, подъ редакціею В. Харузиной. Выпускъ II. Семья и родъ. Спб. 1903.

Второй выпускъ „Этнографіи" покойнаго московскаго ученаго представляетъ собою вторую часть читаннаго имъ полнаго курса лекцій, первый выпускъ котораго былъ посвященъ введенію общаго свойства и матеріальной культурѣ, а третій и четвертый, приготовляемые къ печати, обнимутъ ученіе о развитіи собственности, первобытнаго государства и вѣрованій. Бѣдная этнографическими трудами общаго характера, русская литература отведетъ, несомнѣнно, видное мѣсто обширной работѣ Н. Н. Харузина, которая и сама по себѣ представляетъ для русскихъ читателей значительный интересъ, какъ строго-научная обработка новѣйшихъ данныхъ, добытыхъ западно-европейской наукой, и талантливая популяризація ихъ въ формѣ простого и яснаго изложенія.

Труды русскихъ ученыхъ дали не мало цѣнныхъ выводовъ для теоретическаго обоснованія науки народовѣдѣнія. Сочиненія М. М. Ковалевскаго, напримѣръ, внесли крупный вкладъ въ европейскую науку, и имя его пользуется общепризнаннымъ авторитетомъ въ указанной области. Вполнѣ понятно поэтому то вліяніе, которое оказываютъ его научные взгляды и методы изслѣдованія на труды молодыхъ ученыхъ, въ особенности русскихъ, пока еще рѣдко выходящихъ изъ границъ описательной этнографіи и становящихся на путь широкихъ этнологическихъ обобщеній. Вліяніе школы Ковалевскаго замѣтно на трудѣ Харузина, но оно умѣряется въ немъ обширной эрудиціей, критическимъ чутьемъ и склонностью автора къ самостоятельнымъ, въ предѣлахъ литературы предмета, обобщеніямъ и выводамъ. Посвящая настоящій выпускъ исторіи развитія семьи и рода, авторъ предпосылаетъ ему главу о литературныхъ теченіяхъ по вопросу о первобытномъ человѣческомъ общежитіи. „Ни въ одной изъ областей, принадлежащихъ вѣдѣнію этнографіи, эта наука не произвела,—говоритъ онъ,—пожалуй, бо́льшаго переворота, чѣмъ въ области изученія законовъ развитія семьи и брака". Поэтому разсмотрѣніе вопроса о семьѣ и родѣ на основаніи данныхъ этнографіи авторъ справедливо считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, рѣшенію котораго посвящали свои силы не только этнографы, но и соціологи, экономисты, философы, юристы. За главой о литературныхъ теченіяхъ идетъ послѣдовательное изложеніе развитія семьи, начиная періодомъ такъ-назыв. promiscuity и кончая исторіей развитія брака.

Редактирована книга опытной рукой извѣстной въ этнографической литературѣ писательницы В. Н. Харузиной; въ концѣ книги приложены указатели: 1) источниковъ, 2) алфавитный—именъ и предметовъ.

IX.

— Новый и традиціонный духовные ораторы о.о. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ (кронштадтскій). Критическій (?) этюдъ. Изданіе второе. Спб. 1902. 22 стр.

Брошюра эта по своимъ литературнымъ достоинствамъ едва ли заслуживала бы того, чтобы на ней останавливаться, еслибы въ ея содержаніи не было нѣсколькихъ чертъ, чрезвычайно характерныхъ для нѣкоторыхъ теченій нашей общественной жизни,—теченій, не всегда поддающихся литературному опредѣленію, но осязательно чувствуемыхъ по своимъ скрытымъ, такъ сказать подпочвеннымъ вліяніямъ. Авторъ, съ похвальной скромностью укрывшій свое имя, сопоставляетъ въ своемъ „этюдѣ“ (будемъ и мы называть его такъ, благо терминъ не заключаетъ намека на характеръ содержанія)—двухъ выдающихся ораторовъ нашего времени и приходитъ къ тому выводу, что о. Петровъ въ своихъ ораторскихъ пріемахъ совершенно противоположенъ о. Сергіеву, и на этомъ основаніи авторъ предъявляетъ къ о. Петрову цѣлый рядъ обвиненій, а именно: въ своихъ рѣчахъ о. Петровъ „игнорируетъ *всякіе* авторитеты христіанской церкви“, не произнося „такихъ, напр., словъ: угодникъ Божій, Пресвятая Богородица, рай, адъ, спасеніе, таинство, благодать и даже слово церковь“... „Собесѣдованія его на нравственныя темы (по крайней мѣрѣ прослушанныя нами),—продолжаетъ авторъ „этюда“,—таковы, что подъ ними безъ всякаго затрудненія могъ бы подписаться любой сектантъ, еретикъ съ раціоналистическимъ направленіемъ, хотя бы даже и самъ графъ Л. Н. Толстой“. Не таковы „традиціонные“ (?) ораторы, бесѣды которыхъ ведутся „въ строго церковномъ духѣ, со ссылками на авторитеты, на отцовъ и учителей церкви“, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что одинъ изъ такихъ ораторовъ, по разсказу автора, „вынужденъ былъ объясняться непосредственно съ градоначальникомъ“, чтобы добиться полицейскаго наряда,—„и тогда наряженъ былъ полицейскій резервъ“,—показатель для успѣха духовной бесѣды весьма убѣдительный!

Обвиненія, предъявленныя къ о. Григорію Петрову, могли бы показаться иному читателю весьма тяжелыми, еслибы онѣ опирались на какія-либо заслуживающія серьезнаго вниманія доказательства. Однако въ этомъ отношеніи названіе „этюда“ критическимъ можетъ быть до-

пущено развѣ въ очень ироническомъ смыслѣ. Критика, прежде всего, предполагаетъ необходимость твердыхъ и убѣдительныхъ основаній для сужденія, а затѣмъ безпристрастное отношеніе къ предмету. Между тѣмъ, основанія, о которыхъ мы говоримъ, болѣе чѣмъ шатки въ разсужденіи автора: онъ самъ сознается, что присутствовалъ не на всѣхъ бесѣдахъ о. Петрова, да и на тѣхъ, на которыхъ присутствовалъ, едва ли, какъ можно предполагать, былъ достаточно внимателенъ. Такое предположеніе читатель имѣетъ право сдѣлать на основаніи собственнаго же признанія автора по поводу впечатлѣнія, произведеннаго на него бесѣдой о. Петрова: „на одной изъ вечернихъ бесѣдъ о. Петрова,—подлинныя слова автора,—мы также (какъ одинъ изъ присутствовавшихъ) почти заснули“... Что же касается авторскаго безпристрастія, то оно какъ нельзя болѣе характеризуется самой постановкой вопроса, какъ его формулируетъ авторъ: „выдающійся ли ораторскій талантъ о. Петровъ, или онъ раздутая рекламою „Кузьмичева трава“?“ Кромѣ высказанныхъ общихъ положеній, авторъ противопоставляетъ нѣкоторымъ толкованіямъ о. Петрова свои собственныя, между прочимъ—объ Іудѣ предателѣ, о томъ, что̀ побудило послѣдняго предать Іисуса. „Ораторъ убѣждалъ слушателей, что не сребролюбіе было мотивомъ для преданія Іисуса, а желаніе Іуды вмѣшаться въ дѣло Божіе“...

Авторъ считаетъ такое объясненіе произвольнымъ, но дѣло не въ этомъ, спеціально богословскомъ, толкованіи, а въ томъ, что мотивы, руководившіе авторомъ „Этюда“, въ высшей степени двусмысленны и точно также могутъ быть истолкованы далеко не въ его пользу.

Анонимный авторъ не можетъ не знать, въ самомъ дѣлѣ, что обвиненіе въ сектантствѣ, предъявленное къ православному священнику, есть весьма тяжкое обвиненіе, которое, не будучи доказано, превращается въ извѣтъ и доносъ. Тяжело наказуемое дѣйствующими законоположеніями, оно требуетъ для своего доказательства особой глубины изслѣдованія и спеціальной эрудиціи, не говоря уже о необходимой добросовѣстности пріемовъ, какъ научной, такъ и нравственной, и вѣрѣ въ правоту предпринятаго дѣла. Предоставляемъ читателямъ судить, насколько отмѣченная брошюрка, вышедшая вторымъ изданіемъ, стало быть—находящая извѣстный кругъ читателей, удовлетворяетъ этимъ требованіямъ и можетъ претендовать сколько нибудь на серьезное значеніе.—Евг. Л.

X.

— Указатель дѣйствующихъ въ Имперіи акціонерныхъ предпріятій. Редакція и изданіе В. А. Дмитріева-Мамонова. Спб. 1903. XXXIX и 2007.

Эта книга, составленная по даннымъ отдѣла торговли, особенной канцеляріи по кредитной части и департамента желѣзно-дорожныхъ дѣлъ, представляетъ двоякій интересъ—и какъ справочная для каждаго имѣющаго отношеніе къ міру акцій, облигацій и учредительства, и для изслѣдователя экономической жизни Россіи. Въ послѣднемъ отношеніи въ ней содержатся чрезвычайно интересные и поучительные матеріалы, языкомъ цифръ говорящіе краснорѣчивѣе всякихъ апріорныхъ положеній и теоретическихъ выводовъ. Такъ, напр., число русскихъ акціонерныхъ предпріятій по времени своего открытія съ 1827 по 1858 г. не превышаетъ, въ среднемъ, двухъ въ годъ,—въ 1858 году, во время общаго подъема силъ въ странѣ, сразу достигаетъ двѣнадцати и, постепенно падая, поднимается снова до этой цифры лишь въ 1870 и 1871 годахъ, и затѣмъ двадцать лѣтъ, то падая до девяти въ годъ, то поднимаясь до 38-ми, съ 1893 г. вдругъ начинаетъ расти, достигая своего апогея въ 1898—1900 гг. (113, 163, 116 предпріятій въ годъ) и быстро падаетъ въ два послѣднихъ года (65 и 54). Рядомъ съ этимъ замѣчается ростъ иностранныхъ предпріятій въ Россіи. Съ 1870 и по 1893 г. такихъ допущено къ дѣятельности въ Россіи—42, а за одно послѣднее десятилѣтіе — 199. Было бы, однако, ошибочно заключать, изъ этой картины роста акціонерныхъ предпріятій, о прочности основаній для дѣятельности ихъ, и о томъ, что существованіе ихъ вызывается реальными потребностями страны, способными быть нечувствительными и къ временнымъ невзгодамъ рынка, и къ впечатлительности биржи. Программа указателя, содержащая въ себѣ для каждаго предпріятія хронологическія, историческія и законодательныя свѣдѣнія, указываетъ, въ семи и восьми графахъ, размѣръ различныхъ капиталовъ предпріятія, номинальную цѣну акцій или паевъ, казенную ихъ оцѣнку, биржевую цѣну и размѣръ дивиденда за послѣднія пять лѣтъ. Цифры эти, во многихъ случаяхъ, показываютъ, какъ много радужныхъ надеждъ, неосновательныхъ ожиданій и совершенно гадательныхъ предположеній сопровождало возникновеніе нѣкоторыхъ изъ предпріятій и какъ многія, весьма солидныя изъ нихъ, должны считаться съ положеніемъ денежнаго рынка и отложить, быть можетъ надолго, чаянія высокихъ дивидендовъ.—Z.

Въ теченіе января мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 10. Спб. 903. Ц. 10 к.

Амфитеатровъ, А.—Сказочныя были. Старое въ новомъ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Андреевъ, Леонидъ.—Баргамотъ и Гараська. Разсказъ. Съ рис. Ц. 15 коп. М. 903.

Беренсъ, В.—Основанія теоретической механики. Кіевъ. 902.

——— Основанія физики. К. 902.

Богословскій, М.—Областная реформа Петра Великаго. Провинція, 1719—27. М. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Брандесъ, Г.—Собраніе сочиненій. Т. X: Молодая Германія. Съ дат., п. р. М. Лучицкой. Кіевъ. 903. 12 томовъ—5 р.

Брешко-Брешковскій, Н. Н.—Въ царствѣ красокъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р.

Бутурлинъ, С. А.—Куликн Россійской Имперіи. Иллюстрированное въ краскахъ руководство для охотниковъ и любителей птицъ. Вып. I. Тифл. 902.

Бѣлоконскій, И. П.—Деревенскія впечатлѣнія. Изъ запис. земскаго статистика. Т. II. Спб. 903. Ц. 80 к.

Вартаньянцъ, В.—Гл. Успенскій и Н. В. Гоголь, и ихъ отношеніе къ крѣпостному праву. Критич. этюдъ. Тифл. 902. Ц. 20 к.

Вересаевъ, В.—Разсказы. Т. III. Спб. 904. Ц. 1 р.

Веселовскій, Алексѣй.—Этюды и характеристики. М. 903. Ц. 2 р. 75 к.

Волжскій.—Очерки о Чеховѣ. Спб. 903. Ц. 80 к.

Гашо, Эд.—Первая кампанія французовъ въ Италіи. 1795—1798 гг. Съ франц. подполк. Н. Платоновъ. Спб. 902. Ц. 2 р.

Гессенъ, Ю. И.—Евреи въ масонствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 903. Ц. 40 к.

Глушкевичъ, М. Ѳ.—Мелодіи. Стихотворенія. Львовъ. 903.

Голубевъ, В. А.—Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Вятка. 901. Ц. 50 к.

Гольденвейзеръ, А. С.—Вопросы вмѣненія и уголовной отвѣтственности въ позитивномъ освѣщеніи. Спб. 902.

Горячиновъ, С. М.—Руководство для консуловъ. Спб. 903. Стр. 791. Ц. 4 р.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. VIII. Начало русскаго государственнаго права, ч. II: Органы управленія. Спб. 903. Ц. 3 рубля. За 9 томовъ по подпискѣ—15 руб.; пересылка по почтовой стоимости.

Грушецкій, А.—Саранча. Ром. Спб. 903. Ц. 80 к.

Девэтъ, Хр.—Воспоминанія бурскаго генерала. Борьба буровъ съ Англіею. Съ голланд. Е. Н. Половцевой, съ введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями голл. пастора Гиллота. Съ 123 илл. и картами. Спб. 903. Ц. 3 р.

Де-Волланъ, Григ.—Въ странѣ восходящаго солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. Съ рис. Спб. 903.

Дмитріевъ-Мамоновъ, В. А.—Указатель дѣйствующихъ въ Имперіи акціонерныхъ предпріятій. Спб. 903.

Домеръ, В.—Геологическія изслѣдованія въ Южной Россіи въ 1881—84 годахъ. Съ картой. Т. № 1. Спб. 902.

Дѣдловъ, В. Л.—Лирическіе разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р.

Ермиловъ, В. Е.—Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію. М. 903. Ц. 15 к.

Жаке, Пьеръ.—Невзгоды и фиксированныя идеи. Съ франц. М. В. Литвинова. Спб. 903. Ц. 3 р.

Жуковъ, Г. А.—Учебный проекціонный фонарь, великій пособникъ ученія въ средней школѣ. Спб. 902.

Зудерманъ.—Да здравствуетъ жизнь! Драма въ 5 акт. Съ нѣм. О. И. П., п. р. А. Волынскаго. Спб. 902.

Зюковъ, П. А.—Товарищъ. Азбука для обученія чтенію и письму. Спб. 903 Ц. 15 к.—Второй годъ обученія. Спб. 903. Ц. 55 к.—Третій годъ обученія. Спб. 903. Ц. 25.—Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Спб. 903. Ц. 25 к.

——— Книга для учителей. Методическія указанія къ учебной книгѣ „Товарищъ. Спб. 902. Ц. 30 к.

Ивановъ, Вячеславъ.—Кормчія звѣзды. Книга Лирики. Спб. 903. Ц. 2 р.

Катаевъ, Николай.—Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. Въ виду недавняго увлеченія утопическимъ фатализмомъ. М. 903. Ц. 80 к.

Ковалевскій, Н. Н.—Возростающее оскудѣніе деревни. Причины этого явленія и мѣры къ его устраненію. Докладъ Харьковскому губернскому Комитету о нуждахъ сельско-хоз. промышленности. Москва. 903. Стр. 85. На правахъ рукописи.

Коркуновъ, Н. М.—Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Изд. 3-ье. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Короленко, Влад.—Безъ языка. Разсказъ. Спб. 903. Ц. 75 к.

——— Очерки и разсказы. Кн. 3. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Косичъ, А. И.—Совѣты земледѣльцу. Каз. 903. Ц. 5 к.

Крестовская, М.—Исповѣдь Мытищева.—Вопль. М. 903. Ц. 1 р.

Ланглуа, Ш. В.—Инквизиція, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Перев. п. р. Н. Сперанскаго. М. 902. Ц. 45 к.

Лацарусъ, М.—Этика юдаизма. Съ нѣм. И. Брусиловскій и Г. Поликовскій, п. р. М. Моргулиса и А. Горнфельда. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Лейденъ, Э., д-ръ.—Какъ предохранить себя отъ чахотки? Од. 903. Ц. 15 к.

Литвиновъ-Фалинскій, В. П.—Организація и практика рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Лоріа, А.—Соціологія, ея задача, направленіе и новѣйшіе успѣхи. Съ нѣм. п. р. Ю. Филиппова. Спб. 903. Ц. 60 к.

Масловъ, Петръ.—Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Опытъ анализа сельско-хозяйственныхъ отношеній: I. Общія условія развитія сельскаго хозяйства. II. Крестьянское хозяйство въ Россіи. Спб. 903. Ц. 2 р. 75 к.

Матвѣевъ, А.—Желѣзное дѣло Россіи въ 1901 году. Годъ 8-й. Спб. 902. Ц. 5 р.

Мигулинъ, П. П.—Русскій сельско-хозяйственный банкъ. Къ вопросу о нуждахъ нашей с.-хоз. промышленности. Харьк. 902. Ц. 50 к.

Нелюбинъ, Г.—*К. Р.* Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ В. Кн. Константина Константиновича и его факсимиле. Спб. 902.

Никитинъ, А.—„Прощенный Демонъ“. Поэма, и другія стихотворенія. М. 902. Ц. 50 к.

Никольскій. М. Э.—Пѣсни страсти Востока. Юмористика, сатира. Спб. 903. Ц. 60 к.

Новомберскій, Н.—Очерки по исторіи аптечнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 903. Ц. 40 к.

Нордау, Максъ.—Собраніе сочиненій. Т. X: Битва трутней. Съ нѣм. п. р. В. Михайлова. Кіевъ, 903. Ц. за 12 том.—5 руб.

Обнинскій, В.—Сказки. Сказки стараго гнома. М. 903. Ц. 75.

Ожешко, Эл.—Собраніе сочиненій. Т. XI: Австраліецъ. Съ польск. п. р. С. Зелинскаго. Кіевъ, 903. 12 томовъ—4 р.

Пановъ, А. В.—Домашнія Библіотеки. Опытъ составленія систематическаго Указателя книгъ для самообразованія. Н.-Н. 903. Ц. 50 к.

Подоба, Ѳ. Г.—„Сердце и Школа". М. 903. Ц. 1 р.

Первовъ, П. Д.—Эпитеты въ русскихъ былинахъ. Ворон. 902.

Перелешинъ, В. А.—О дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка въ воронежской губерніи съ 1885 по 1902 г. Воронежъ, 902.

Першке, П. П.—Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ, служащихъ источникомъ косвенныхъ налоговъ и поступленія акцизнаго по кр.ю дохода за 1901 г. Тифл. 902.

Погорѣловъ, Валерій.—Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг. Съ приложеніемъ 6 фотограф. таблицъ. М. 903.

——— Вѣдомости времени Петра Великаго. Вып. 1-ый: 1703—1707 гг. Въ память 200-лѣтія первой русской газеты. Изд. Москов. Синод. типографіи. М. 903.

Пшибышевскій, Станиславъ. Ром. въ 3 ч. Перев. съ нѣм. М. Н. Семенова. М. 902. Ц. 2 р. 40 к.

Рахмиловичъ, Е. Г.—Краткій курсъ Статистики. Изд. 3-е. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Ренанъ, Эрн.—Собраніе сочиненій. Т. IX: 1) Аверроэсъ и Аверроизмъ. 2) Отрывочныя замѣтки. Кіевъ, 903. 12 том.—5 руб.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсонъ, п. р. Ю. Энгеля. М. 903. Вып. IX.

Ровинскій, К.—Мелкая земская единица. Участковое земство. Очерки и опыты. Спб. 903. Ц. 1 р.

Розеггеръ, П.—Среди народа. Ром. Ц. 40 к. Спб. 903.

Романовичъ-Славатинскій, А. В.—Голосъ стараго профессора по поводу университетскихъ вопросовъ. Вып. II. Кіевъ. 903.

Соловьевъ, А.—Государевъ Печатный дворъ и синодальная типографія въ Москвѣ. Историческая справка. М. 903.

Соловьевъ, М.—Таблицы для опредѣленія минераловъ. Съ 7 рис. Спб. 902.

Субботинъ, А. П.—Основы промышленнаго кредита въ Россіи. Спб. 903. Ц. 80 к.

Сухановъ, Ст.—Символизмъ и Леонидъ Андреевъ, какъ его представитель. Кіевъ. 903. Ц. 20 к.

Фармаковскій, В. И.—Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи. Вып. III: Опытъ сравнительнаго обозрѣнія успѣховъ начальнаго народнаго образованія въ разн. мѣстностяхъ Росс. Имперіи. Съ 10 графич. табл. въ особомъ приложеніи. Спб. 902.

Харузинъ, Н.—Этнографія. Лекціи, читанныя въ Москов. университетѣ. Изд. посмертное. Вып. II: Семья и родъ. Спб. 903. Ц. всего изданія по подпискѣ —5 р., при продажѣ—7 руб.

Чернявскый, Мыкола.—Зори.—Збырникъ поэзій. У Кыиви. 903. Цина 65 к.

Чешихинъ, Всев.—Волчокъ. Разсказъ для дѣтей съ рис. П. Яковлева. М. 903. Ц. 15 к.

Шевченко (Б. Быстровъ). — Святочная христоматія. Литературно-музыкально-этнографическій сборникъ для семьи и школы. Спб. 903. Ц. 1 р. 60 к.

Шевченко, Т. Г.—Катерына. У Кыиви. 902. Цина 2 коп.

Шестовъ, Л.—Достоевскій и Нитше. Философія трагедіи. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Шляпкинъ, П. А.—Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Съ портретомъ и 7 факсимиле. Спб. 903. Ц. 3 р.

Шнитцлеръ, Артуръ.—Полное собраніе сочиненій. Т. I. М. 903. Ц. 1 р.

Штейнгауеръ, И. С.—Общій курсъ Географіи, Ревниовѣдѣніе, Отечествовѣдѣніе, Землевѣдѣніе и Міровѣдѣніе. Для низшихъ учебныхъ заведеній. Спб. 901. Ц. 50 к.

Щербатовъ. кн. М. М.—Сочиненія. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. IV: ч. 1 и 2. П. р. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. 903. Ц. 5 р.

Юмъ, Давидъ:—Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. Съ англ. С. И. Церетели. Спб. 902. Ц. 1 р.

Яцимирскій, А. И.—Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературѣ. I—XX; XXI—XL. Спб. 99 и 902.

Эвиль-Рамовичъ.—Индивидуальность и Прогрессъ. Этюды. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Энгельмейеръ, А.—По Русскому и Скандинавскому сѣверу. Путевыя воспоминанія. Въ 4-хъ частяхъ. М. 902. Ц. 1 р.

Beylié, général, L.—L'Habitation Byzantine. Les anciennes maisons de Constantinople, Par. 903.

— Альманахъ „Шахматнаго Обозрѣнія“ за 1902 г. „Черный Король“. М. 903. Ц. 1 р.

— Двадцать-седьмой отчетъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб. 902.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1900—1901. Изд. Дир. Имп. Театр., п. р. Л. А. Гельмерсена. Спб.

— Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи. Урожай 1902 г. № 10, съ 6 картограм. Полт. 902.

— Изданія Вятскаго Губернскаго Земства: 1) Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова. Ц. 50 к.—2) Избранныя сочиненія Гоголя, т. I—III. Ц. за 3 т.—1 р. 50 к.—3) М. Загоскина, Юрій Милославскій, ром. въ 3 ч. Ц. 40 к.—4) Гоголь, Ревизоръ, ком. Ц. 12 к.—5) Женитьба, ком. Гоголя. Ц. 10 к.—6) Н. В. Гоголь, біограф. очеркъ В. Острогорскаго. Ц. 8 к.—7) Демонъ, поэма Лермонтова. Ц. 4 к.—8) Избранныя сочиненія Лермонтова. Ц. 5 к.—9) Одиссей, разск. В. Водовозова Ц. 5 к. 10) Мцыри, Лермонтова. Ц. 3 к.—11) Бала, разск. Лермонтова. Ц. 5 к.—12) Боярин Орша, поэма Лермонтова. Ц. 4 к. 13) Пѣсня про купца Калашникова, Лермонтова. Ц. 3 к. 14) Е. Некрасовой, Народная книга для чтенія. Ц. 40 к.—15) Сборникъ избранныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Вып. 5: Женская доля. Ц. 10 к.—16) Какъ устроивать праздники древонасажденія въ школахъ сельскихъ, деревенскихъ и городскихъ, А. Меньшикова. Ц. 25 к.—17) О пищѣ, д-ра С. Виттевскаго. Ц. 10 к.—18) Его же, О прилипчивыхъ и заразныхъ болѣзняхъ. Ц. 6 к. Вятка. 901—903 г.

— Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1902 г. Іюнь—августъ. № 9. Полт. 902.

— Каталогъ выставки въ память 200-лѣтія первыхъ русскихъ вѣдомостей. М. 903.

— Къ столѣтію Комитета министровъ. 1802—1902:

I. Наша желѣзнодорожная политика, по документамъ Архива въ Комитетѣ министровъ. Историческій очеркъ, составл. Н. Кислинскимъ и кн. П. Чегодаевымъ, п. главн. р. с.-секр. Куломзина. Т. III и IV. Спб. 902.

II. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Т. III, ч. 1 и 2; т. IV. Состав. С. Середонинъ и И. Тхоржевскій. Спб. 902.

III. Комитетъ министровъ въ первыя восемь лѣтъ царствованія Государя Императора Николая Александровича (1894 г. 21 окт.—1902 г. 8 сент.). Сост. Н. И. Вунчъ, п. гл. р с.-секр. Куломзина. Спб. 902.

— Крестьянскіе промыслы Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Вып. I: Профессіональныя таблицы и описанія отдѣльныхъ промысловъ. Петрозав. 902.

— Литературный Збирныкъ, зложеный на спомынъ Олександра Кониського (1836—1900). У Кыиви. 903. Цина 2 р.

— Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи по закону 8 іюня 1893 года. Херс. 902. Вып. I—V.

— Народная читальня. Январь 1903 года. 12 кн. въ годъ—ц. 2 руб.

— Отчетъ Пермскаго научно-промышленнаго музея за 1901 г. Пермь. 902.

— Отчетъ по лѣсному управленію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ. Спб. 902.

— Современные армянскіе поэты, п. р. Л. Уманца и А. Дервишъ. М. 903. Ц 1 р.

— Статистика по казенной продажѣ питей за 1900 годъ. Спб. 902.

— Статистико-Экономическій обзоръ по Елисаветградскому уѣзду Херсонской губерніи за 1901 годъ. Елисаветгр. 902.

— Статистическій Ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства за 1902 г. Годъ VI. Полт. 902.

— Тысяча-девятьсотъ-второй годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV и V. Спб. 902.

О МЕТОДѢ ИЗЛОЖЕНІЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности. Сообщеніе Н. Никольскаго. Спб. 1902 (изданіе Имп. Общества любителей древней письменности).
— В. М. Истринъ. „Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вѣковъ“ (по поводу книги П. В. Владимірова), Журн. мин. просвѣщенія, 1902, мартъ, августъ.

Для тѣхъ, кому близки вопросы изученія древней русской литературы или „письменности“, будутъ очень интересны двѣ работы, названія которыхъ здѣсь приведены. Оба автора—весьма компетентные изслѣдователи старой русской литературы; г. Истринъ извѣстенъ обстоятельными изслѣдованіями нѣсколькихъ памятниковъ древней литературы; г. Никольскій поставилъ себѣ широкую задачу выяснить, сколько возможно, весь наличный составъ древней литературы по рукописямъ, и особенно привести въ извѣстность тѣ, какія до сихъ поръ скрывались отъ изслѣдованія въ монастырскихъ и иныхъ книгохранилищахъ. Обратимся сначала именно къ его трактату.

Авторъ начинаетъ съ того, что „съ *правильнымъ движеніемъ* научной мысли несовмѣстимы поспѣшныя обобщенія, основанныя на недостаточныхъ и мало изученныхъ первоисточникахъ. Ошибочное наблюденіе, полученное такимъ путемъ, можетъ задержать на продолжительное время поступательный ходъ науки по ея прямому (?) направленію. Строго научная методика требуетъ поэтому, чтобы выводъ не отдѣлялся посредствующими скачками отъ посылокъ, изъ которыхъ онъ выходитъ“... Таковы были,—не говоря о болѣе раннихъ неудачныхъ очеркахъ Греча и Максимовича,—„преждевременныя обобщенія, сдѣланныя еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка“, которыя до сихъ поръ отражаются на исторіографіи древней русской литературы.

Остановимся пока на этихъ общихъ положеніяхъ. Прежде всего намъ думается, что авторъ неточно представляетъ себѣ „правильное движеніе научной мысли“ въ ея дѣйствительномъ историческомъ ходѣ. Въ дѣйствительности, очень трудно сказать, гдѣ начиналась „научная мысль“ объ исторіи русской литературы, и древней, и новой. Извѣстно, что въ самой европейской наукѣ понятіе о „научной“ исторіи литературы развилось въ сущности очень недавно. Первые, нѣсколько опредѣленные въ научномъ смыслѣ опыты „исторіи лите-

ратуры" являются не далѣе какъ въ въ началѣ XIX столѣтія; до тѣхъ поръ эта „наука" заключалась просто въ спискахъ писателей съ указаніемъ сочиненій и съ біографіями, или безъ нихъ; другими словами, это были простые, болѣе или менѣе подробные историческіе словари или каталоги. Мысль о какой-либо исторической послѣдовательности явленій, объ ихъ внутреннемъ смыслѣ и т. п., возникла только позднѣе, подъ разными вліяніями, напр. отъ опытовъ классической филологіи, отъ наблюденій стиля, отъ общей исторической науки, которая внесла понятіе развитія, національной особенности и т. д.,—такъ что въ изученіе „исторіи литературы" вступали наконецъ точки зрѣнія, развившіяся, собственно, внѣ и независимо отъ нея. Не знаемъ, было ли это „правильно" на взглядъ г. Никольскаго, но таковъ былъ фактъ. То, что̀ г. Н. считаетъ „правильнымъ движеніемъ научной мысли", на дѣлѣ не существовало, и „научная мысль" развивалась только медленно и—изъ разныхъ источниковъ. Относительно русской литературы или „письменности" дѣло стояло такъ же. Первымъ проявленіемъ историко-литературнаго интереса былъ простой каталогъ, „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ", составленное ученымъ книжникомъ конца XVII столѣтія; въ началѣ XVIII-го вѣка явилось, ничѣмъ не подготовленное, разысканіе объ одномъ частномъ вопросѣ старой церковной литературы, ученаго нѣмца Коля, на латинскомъ языкѣ; далѣе, опять каталогъ—Дамаскина Семенова-Руднева; затѣмъ, „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ" Новикова; въ концѣ XVIII-го столѣтія, опять независимо отъ какого-нибудь „движенія научной мысли" въ русской литературѣ, начинается ученая дѣятельность знаменитаго Добровскаго и изслѣдованія о начаткахъ церковно-славянской литературы; въ началѣ XIX-го столѣтія, опять „словари" писателей, митр. Евгенія, опять каталогъ, Сопикова, съ выписками изъ старыхъ книгъ... Въ концѣ XVIII-го вѣка начинается изданіе лѣтописей и иныхъ памятниковъ и толкованіе ихъ, не столько въ историко-литературномъ, сколько въ чисто историческомъ отношеніи. Въ то же время, совершенно случайно, отыскиваются памятники литературнаго характера, какъ „Духовная" Владимира Мономаха, какъ самое Слово о полку Игоревѣ. Въ XIX-мъ столѣтіи меценатство гр. Румянцова даетъ новый толчокъ изслѣдованіямъ древней письменности въ интересахъ, такъ сказать, археологическихъ. Дальше, идетъ цѣлый рядъ каталоговъ рукописныхъ собраній, представлявшихъ собою плодъ частнаго любительства, и эти каталоги (собраній гр. Ѳ. А. Толстого, гр. Румянцова, купца Царскаго и др.), составлявшіеся учеными людьми, въ первый разъ открывали составъ древней „письменности". Открывалась, въ первый разъ, такая масса рукописей, что, очевидно, обстоятельное изученіе ихъ должно было потребовать труда нѣсколь-

кихъ ученыхъ поколѣній, и дѣйствительно, оно до сихъ поръ далеко не кончено; притомъ, можно было ожидать, и даже было впередъ извѣстно, что памятники, занесенные въ эти каталоги, далеко не заключаютъ въ себѣ всей массы древней письменности,—и въ самомъ дѣлѣ уже въ новѣйшее время, и почти на нашихъ глазахъ, составлялись такія замѣчательныя собранія какъ „древлехранилище“ Погодина, какъ огромная рукописная библіотека гр. А. С. Уварова, богатое собраніе Общества любителей древней письменности, московскаго Румянцовскаго музея, собранія Хлудова, Вахрамѣева, Титова и т. д. Продолжаютъ являться каталоги этихъ собраній, или даже подробныя, ученымъ образомъ составленныя описанія, первымъ примѣромъ которыхъ было знаменитое описаніе стараго „Румянцовскаго Музеума“, Востокова. Идутъ наконецъ безчисленныя изданія самыхъ памятниковъ“...

Ежели послѣдовать взгляду г. Никольскаго на „правильное движеніе научной мысли“, то не только теперь, но еще долго нечего будетъ и помышлять о составленіи исторіи древней русской письменности,—до тѣхъ поръ, пока всѣ до единой рукописи не будутъ разысканы и обслѣдованы. И опять, на дѣлѣ было совсѣмъ иное. Уже въ началѣ XIX столѣтія, въ эпоху каталоговъ и словарей, когда не было и тѣни современнаго богатства книжной старины, возникаетъ мысль объ „исторіи русской словесности“, въ томъ числѣ и древней. Въ двадцатыхъ годахъ является опытъ такой исторіи, составленный человѣкомъ безъ ученой подготовки, школьнымъ грамотѣемъ, Гречемъ; и позднѣе, другой, составленный бывшимъ ботаникомъ, филологомъ-самоучкой, Максимовичемъ,—пока наконецъ въ пятидесятыхъ годахъ явилась книга Шевырева, оставшаяся неконченной. Тѣ первые опыты г. Никольскій строго осудилъ; осуждалъ, кажется, и нѣкоторые послѣдующіе опыты, какъ не отвѣчающіе „правильному движенію научной мысли“; намъ кажется, однако, что онъ не вникнулъ достаточно въ условія ихъ появленія. Мы думаемъ, напротивъ, что эти опыты совершенно отвѣчали „правильному движенію“.

Дѣло въ слѣдующемъ. Какъ мы замѣтили, въ дѣйствительности развитіе науки у насъ, какъ и вездѣ, вовсе не шло такимъ послѣдовательнымъ путемъ, какъ предполагаетъ г. Никольскій. Вездѣ наука начиналась актомъ простой любознательности, простымъ собираніемъ фактовъ, и только съ теченіемъ времени являлось стремленіе къ объединенію и обобщенію. Въ началѣ, конечно, не могло быть мысли о цѣломъ составѣ науки и тѣхъ требованіяхъ разработки и критики отдѣльныхъ ея вопросовъ,—требованіяхъ, которыя въ болѣе зрѣломъ періодѣ науки вызываются этимъ представленіемъ объ ея цѣломъ. При извѣстномъ накопленіи фактовъ естественно возникаетъ мысль объ

ихъ соединеніи и обобщеніи — хотя бы съ той элементарной цѣлью, чтобы облегчить ихъ усвоеніе для новыхъ начинающихъ ученыхъ или просто для любознательныхъ людей. Факты продолжаютъ собираться и потомъ, и вслѣдствіе того, послѣ каждаго момента объединенія, оно вскорѣ должно оказываться неполнымъ. По взгляду г. Никольскаго будетъ выходить, что это „движеніе научной мысли" будетъ неправильнымъ, — но на дѣлѣ оно будетъ совершенно естественно и правильно, потому что каждому времени естественно желать, чтобы о томъ или другомъ предметѣ науки было собрано все, что сдѣлано въ ней по данную минуту (это необходимо и для школы), а съ другой стороны, самимъ изслѣдователямъ важно осмотрѣться въ наличномъ матеріалѣ науки, чтобы восполнить фактическіе пробѣлы или исправить неточныя объясненія. Что касается „правильнаго движенія", мы видѣли, что въ тѣсномъ смыслѣ оно не бывало „правильнымъ" потому уже, что на постановкѣ „исторіи литературы" не однажды прямо отражались вліянія другихъ отраслей науки, а также и случайныя, т.-е. отъ хода самой науки совсѣмъ независѣвшія, открытія, именно открытія невѣдомыхъ раньше памятниковъ, имѣющихъ, однако, великое историческое значеніе, какъ „Слово о полку Игоревѣ". — Наконецъ, если при недостаточной разработкѣ источниковъ первыя обобщенія пользовались гипотезами, — и въ этомъ не было особенной бѣды. Гипотеза, во-первыхъ, означаетъ то, что въ данную минуту въ наукѣ еще нѣтъ достаточнаго объясненія тѣхъ или другихъ фактовъ, и гипотеза отстранится, когда найдены будутъ эти объясненія; и во-вторыхъ, гипотеза вовсе не противорѣчитъ „правильному движенію научной мысли",—извѣстно, напротивъ, что въ исторіи науки гипотеза нерѣдко имѣла очень важную роль: она или бывала прямо отгадкой вопроса, или приближала его рѣшеніе.

Въ чемъ же авторъ находитъ недостатокъ прежнихъ исторій древней литературы?

Авторъ указываетъ, во-первыхъ, слѣдующее.

Упомянувъ, что исторія новѣйшей, послѣ-Петровской, литературы изучаетъ исключительно свѣтскую словесность, стремящуюся къ художественному дѣйствію, г. Никольскій замѣчаетъ, что „въ предшествующія столѣтія мы почти не встрѣчаемъ ближайшихъ предковъ беллетристики XVIII и XIX вѣковъ",—кромѣ Слова о полку Игоревѣ и нѣсколькихъ сказаній, все остальное принадлежитъ письменности церковной. Эта послѣдняя развивалась и въ послѣ-Петровское время, но изъ общихъ курсовъ литературы обыкновенно исключается. „Получается любопытная странность: къ исторіи изящной словесности за ея два недавнихъ столѣтія прикрѣпляется спереди исторія церковной письменности за семь предшествующихъ вѣковъ, несмотря на то, что

первая *не была связана* съ послѣднею *причинною зависимостью*. Изученіе же исторіи церковной письменности, существовавшей на Руси непрерывно съ XI вѣка до нашихъ дней, *разрубается съ такимъ же непонятнымъ произволомъ:* до-реформенная" (т.-е. до-Петровская) „церковная письменность изучается съ точки зрѣнія историка позднѣйшей литературы, а послѣ-реформенная" (послѣ-Петровская) „выбрасывается изъ области литературнаго изученія".

Въ этой „любопытной странности" заключаются немалыя недоразумѣнія. Въ новѣйшихъ изложеніяхъ исторіи русской литературы отношеніе двухъ ея главныхъ періодовъ болѣе или менѣе ставится уже въ „причинную зависимость", центръ тяжести которой находится въ Петровской реформѣ. Эта реформа—въ общемъ счетѣ—положила рѣзкую грань во всемъ ходѣ русской жизни стараго и новаго періода; естественно, что эта грань отразилась въ характерѣ литературы. Новѣйшія изученія приходятъ, однако, къ весьма прочному убѣжденію, что между двумя періодами русской жизни—„до-реформеннымъ" и „послѣ-реформеннымъ" была именно „причинная зависимость", что реформа была вовсе не однимъ произволомъ Петра, а напротивъ весьма логическимъ результатомъ предшествовавшей исторіи (второй періодъ былъ логическимъ восполненіемъ односторонности перваго); вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣ-реформенная литература, конечно въ болѣе слабыхъ начаткахъ, подготовлялась уже раньше Петра, особенно съ половины семнадцатаго вѣка. Но если, не говоря о новѣйшихъ изученіяхъ, обратиться даже къ болѣе раннимъ изложеніямъ исторіи русской литературы, которыя установились послѣ книги Шевырева и которыя повидимому имѣлъ въ виду г. Никольскій,—то и здѣсь не было никакой особенной „любопытной странности". Къ исторіи новой „изящной словесности" прикрѣплялась „спереди" исторія письменности церковной весьма естественно потому, что она и дѣйствительно стояла „спереди" въ самой исторіи; въ первые вѣка нашей письменности именно и господствовала, почти исключительно, письменность церковная, и историки могли назвать только очень немногое, что можно было причислить къ „изящной" свѣтской литературѣ,—памятники поэтическаго характера, и опять по преимуществу въ церковной окраскѣ, впервые началъ объяснять Буслаевъ. Далѣе, авторъ ставитъ въ вину историкамъ литературы, что до-реформенную письменность они изучали „съ точки зрѣнія историка позднѣйшей литературы",—упрекъ намъ не совсѣмъ понятенъ: каковы бы ни были памятники, точка зрѣнія историка всегда одна—онъ ищетъ памятниковъ литературы, т.-е. умственнаго и поэтическаго творчества, и опредѣляетъ характеръ творчества и отраженіе въ немъ исторической дѣйствительности, или, наконецъ, не находя памятниковъ чисто поэ-

тическихъ, указываетъ, что̀ служило имъ замѣной, въ чемъ сказывались умственные и нравственные интересы. Въ литературѣ послѣреформенной, въ результатѣ бо̀льшаго распространенія образованности, стало именно возростать стремленіе къ „изящному“ творчеству, и историкъ ставитъ его основнымъ предметомъ своихъ изысканій; что при этомъ церковная литература отступала на второй планъ, было естественно,—это была спеціальная область и она имѣла спеціальныхъ историковъ, напр. митр. Евгенія, архіепископа Филарета, и пр. „Непонятнаго произвола“ здѣсь не было, а было два весьма несходныхъ періода всей само̀й литературы.

Вслѣдъ затѣмъ самъ авторъ утверждаетъ это самое: „Церковная письменность до-реформенной эпохи не была связана нераздѣльно съ послѣ-Петровскою изящною словесностью ни по задачамъ, ни по содержанію, ни по формѣ, ни по литературному стилю, ни по своей, такъ сказать, природѣ, и потому должна имѣть въ общей исторіи русской письменности свой отдѣльный кругъ самостоятельныхъ задачъ обработки“. Такъ это и дѣлалось: слѣдовательно, „непонятнаго произвола“ не было. Но авторъ повидимому недоволенъ тѣмъ, какъ эта разработка производилась. Изслѣдователи, по его словамъ, въ своихъ изысканіяхъ о древней письменности дѣлаютъ ту ошибку, что „теряютъ изъ виду составъ и значеніе того матеріала, который *въ настоящее время* мы имѣемъ для изысканій въ области до-Петровской письменности духовной и свѣтской“. А именно, авторъ находитъ, что если мы имѣли въ древнихъ памятникахъ матеріалы для исторіи богослужебныхъ книгъ и проповѣдничества, „это не значитъ, что мы имѣли необходимые источники и для исторіи *всей вообще литературы* и въ правѣ дѣлать выводы о ея развитіи съ точки зрѣнія *позднѣйшаго* понятія о словесности“... Мы уже замѣчали выше неточность и неправильность другого подобнаго выраженія, заключающаго въ себѣ родъ укора: всякая исторія литературы, съ выработаннымъ ею „понятіемъ о словесности“, есть позднѣйшая исторія русской литературы, какъ она создается на научной почвѣ,—она есть „позднѣйшая“ и относительно Луки Жидяты, и относительно Пушкина. Если авторъ хотѣлъ сказать, что исторія литературы должна обращать вниманіе на особенности вѣка, то это есть такое основное, элементарное условіе всякой исторической науки, что выставлять его какъ нѣчто новое совершенно напрасно: можно было бы говорить только о томъ, гдѣ и въ чемъ историки, по мнѣнію автора, ошибались относительно духа вѣка, не умѣли его уловить и опредѣлить... Дальше увидимъ, что новое изслѣдованіе этого вопроса у г. Никольскаго въ существѣ не даетъ почти ничего такого, что̀ бы не было извѣстно и ранѣе.

Вслѣдъ за приведенными словами г. Никольскій говоритъ: ...„Съ

другой стороны, тотъ же матеріалъ еще недостаточенъ для выводовъ объ общемъ движеніи древней литературы, такъ какъ до сихъ поръ не изучено состояніе мѣстнаго просвѣщенія въ отдѣльныхъ средоточіяхъ книжности стараго времени. Между тѣмъ, при отсутствіи книгопечатанія и при разъединенности умственныхъ центровъ, не всѣ литературные факты могли занимать въ дѣйствительности то самое хронологическое мѣсто въ ихъ цѣпи, какое имъ присвоиваютъ историки на основаніи хронологическихъ сопоставленій. Точной исторіи общерусской древней словесности должны предшествовать очерки развитія областной письменности: иначе будетъ устанавливаться преемственная связь между сочиненіями тамъ, гдѣ могло и не быть никакихъ слѣдовъ ея. А такихъ очерковъ мы пока не имѣемъ... Должна быть видоизмѣнена и самая точка зрѣнія на изучаемый матеріалъ".

Нельзя сказать, чтобы историки литературы, даже давніе, не обращали вниманія на эти мѣстныя черты древней письменности; еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ такія мѣстныя черты указывалъ Буслаевъ, противополагая Новгородъ и Москву, отмѣчая мѣстныя легенды; Соловьевъ въ своей „Исторіи" характеризовалъ лѣтопись южную и сѣверную, и т. п. Изложеніе историковъ, которые ставятъ болѣе или менѣе общій, широкій вопросъ, обыкновенно можетъ опираться только на предварительныя частныя изслѣдованія,—а если ихъ не было? Но ихъ не было потому, что вообще чрезвычайно скудны указанія о древнемъ русскомъ просвѣщеніи. Съ другой стороны, несомнѣнны факты, указывающіе, несмотря на „разъединенность умственныхъ центровъ", во-первыхъ большую однородность произведеній, во-вторыхъ — большую степень книжнаго общенія: памятники кіевскіе расходились на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ; лѣтопись Нестора (или ему приписываемая, все равно) проникала и въ другіе пункты древняго лѣтописанія; Кириллъ Туровскій былъ извѣстенъ не только въ Туровѣ; матеріалъ Кіево-Печерскаго Патерика подготовлялся на сѣверо-востокѣ прежними печерскими дѣятелями; древнія легенды, хотя привязанныя къ данному мѣсту, становились обще-русскими и т. д.; подобнымъ образомъ кіевскій богатырскій эпосъ переходилъ на сѣверъ. Вообще произведенія значительнаго содержанія получали обширное распространеніе и, несмотря на „разъединенность умственныхъ центровъ", могли справедливо быть поставляемы историками въ хронологическую цѣпь.

Затѣмъ, отъ вопроса о мѣстныхъ „средоточіяхъ книжности" и о необходимости „измѣнить самую точку зрѣнія" авторъ переходитъ къ самому матеріалу древней письменности. „Всмотримся, какими въ самомъ дѣлѣ источниками располагаемъ мы для исторіи письменности до-Петровскихъ столѣтій или, точнѣе, до половины XVII вѣка?"

Въ данную минуту мы имѣемъ эти источники въ видѣ архивныхъ документовъ и библіотечныхъ рукописей: первые—чисто дѣлового содержанія—къ литературѣ обыкновенно не имѣютъ отношенія; что представляютъ вторыя? „Въ дѣйствительности,—говоритъ г. Никольскій,—и эта часть матеріала недостаточна для наблюденій надъ нашею старинною литературою во всемъ ея объемѣ, такъ какъ въ настоящее время мы располагаемъ только тѣми книжными рукописями, которыя сохранили монастырскія и церковныя библіотеки московской Руси, не допускавшія въ свою среду того, что выходило за предѣлы ихъ прямого назначенія. Если въ настоящее время было бы ошибкою писать обзоръ современной литературы, ограничиваясь тѣмъ, что стоитъ на полкахъ церковныхъ библіотекъ, *точно такъ же* (?) было бы несправедливо предполагать, что древне-русская церковно-монастырская библіотека охватила собою всѣ разряды памятниковъ литературнаго творчества".

Авторъ опять взялъ черезъ край; онъ сравниваетъ вещи несоизмѣримыя, — въ древней Руси существовала почти только монастырская библіотека, собиравшая только церковно-назидательную письменность (элементъ свѣтскій былъ крайне тѣсный); новѣйшая библіотека представляетъ громадное большинство литературы чисто свѣтской, поэтической и научной.

Что же представляла собой старая церковно-монастырская библіотека?

До насъ не дошли въ цѣльномъ видѣ ни одна изъ библіотекъ домонгольскаго періода, объясняетъ г. Никольскій, но мы имѣемъ не мало данныхъ для исторіи библіотекъ на московскомъ сѣверѣ. „Одна изъ характерныхъ *подробностей развитія просвѣщенія* состояла здѣсь въ томъ,—замѣчаетъ авторъ,—что почти каждое культурное явленіе возникало подъ вліяніемъ *насущныхъ потребностей быта*. Монастырскія и церковныя библіотеки *не составляли* въ этомъ отношеніи *исключенія*"... Проще было бы сказать, что это были библіотеки монастырскія и церковныя. И авторъ объясняетъ затѣмъ, что составъ библіотекъ опредѣлялся потребностями церковными и монастырскими. Такимъ образомъ, прежде всего такая библіотека пріобрѣтала книги богослужебныя. Затѣмъ церковные уставы требовали, чтобы въ церквахъ читались назидательныя творенія церковныхъ учителей; отсюда вторая ступень библіотеки—пріобрѣтеніе церковныхъ же, такъ-называемыхъ „четьихъ" книгъ. Наконецъ по монастырскимъ уставамъ предполагался еще третій типъ библіотечныхъ книгъ—келейныя, „служившія цѣлямъ внѣбогослужебнаго назиданія и справочнымъ".

..."Въ древности,—объясняетъ еще разъ г. Никольскій,—существовала опредѣленная *норма*, которою *нивеллировался* обычный со-

ставъ рукописей духовной библіотеки, и эта *норма* заключалась въ богослужебно-назидательномъ и церковно-законодательномъ назначеніи памятника. Очевидно, что рукописи монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ отвѣчали практическимъ потребностямъ мѣстныхъ общинъ, а ничуть не служили зависимымъ (?) отраженіемъ древне-русскаго литературнаго дѣла во всемъ его разностороннемъ объемѣ". Въ старыхъ изложеніяхъ исторіи русской литературы говорилось проще—но *то же самое*,—что древняя письменность была почти исключительно церковная, что горизонтъ старыхъ книжниковъ (отвѣчавшихъ „практическимъ потребностямъ мѣстныхъ общинъ") обыкновенно былъ очень тѣсный и не превышалъ горизонта „мѣстныхъ общинъ"; что въ связи съ этимъ было вообще слабое развитіе школы и науки, а также гоненіе противъ народной поэзіи,—а съ этимъ послѣднимъ связано безъ сомнѣній и слабое развитіе, если не полное отсутствіе, свѣтской поэтической литературы.

Повторяя опять свое мнѣніе о томъ, что „уцѣлѣвшія (въ монастыряхъ) рукописи недостаточны для исторіи древне-русской литературы во всемъ ея объемѣ",—съ чѣмъ никто и не споритъ,—авторъ, на основаніи Слова о полку Игоревѣ, Слова Даніила Заточника и пр., утверждаетъ, что „въ начальные вѣка русской жизни кромѣ церковно-учительной книжности существовала и *развивалась* и свѣтская литература, достигнувшая въ южной Руси значительнаго разцвѣта". Но мы объ этомъ „развитіи" и разцвѣтѣ знаемъ очень мало. „Еслибы Слово о полку Игоревѣ было одиночнымъ для своей эпохи, то оно было бы, конечно, *историческою несообразностью*". Къ сожалѣнію, однако, видъ такой несообразности остался за Словомъ въ теченіе многихъ вѣковъ—до тѣхъ поръ, когда оно было открыто изъ-подъ спуда въ концѣ XVIII вѣка и явилось по крайней мѣрѣ для отдаленнаго потомства отголоскомъ древней жизни и поэзіи...

Сообщивъ затѣмъ нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи монастырскихъ библіотекъ, авторъ дѣлаетъ нѣсколько выводовъ, отчасти повторяющихъ ранѣе сдѣланныя замѣчанія. Напримѣръ: „Источники, которыми пользуется въ настоящее время исторіографія до-Петровской словесности, суть непосредственные источники для исторіи церковно-монастырской библіотечной книжности, развивавшейся не подъ вліяніемъ литературнымъ (?), а подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ условій быта, и до сихъ поръ неоцѣненной правильно ни со стороны своего происхожденія и назначенія, ни со стороны своего состава и судьбы. Когда значеніе этой письменности будетъ достаточно освѣщено съ точки зрѣнія *церковной исторіи*, тогда только можно будетъ мечтать (?) о тѣхъ обобщеніяхъ по исторіи древне-русской свѣтской литературы, которыя должны будутъ занять мѣсто вступительной главы къ исторіи

позднѣйшей изящной словесности",—и затѣмъ авторъ съ сожалѣніемъ говоритъ о недостаточномъ донынѣ изученіи „древне-русскаго библіотечнаго дѣла".

Мы просто не понимаемъ, что̀ хочетъ сказать авторъ. Онъ требуетъ прежде всего освѣщенія древней письменности съ точки зрѣнія *церковной исторіи*; но это освѣщеніе издавна было цѣлью нашихъ церковныхъ историковъ, и никакъ нельзя сказать, чтобы были безуспѣшны труды митр. Евгенія, арх. Филарета, митр. Макарія, Горскаго, г. Голубинскаго и др.,—многіе изъ этихъ трудовъ были по истинѣ монументальные. Между прочимъ, всѣми этими историками церкви сдѣланы были важныя открытія и спеціально въ дѣлѣ старой письменности.

Въ какомъ смыслѣ авторъ старается отгородить „книжность" отъ „литературныхъ вліяній", опять не понимаемъ.

Что нужно докончить изслѣдованіе библіотекъ, разыскать памятники, остающіеся донынѣ неизвѣстными, это не требуетъ доказательствъ. Русская наука увидѣла это съ своихъ первыхъ шаговъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, и работаетъ надъ этимъ и до сихъ поръ. И въ этомъ положеніи находится не одна русская наука. Когда въ наукѣ западно-европейской возникъ вопросъ объ изученіи среднихъ вѣковъ,—точно также приходилось разыскивать старыя рукописи и извлекать изъ нихъ давно забытые памятники, опредѣлять ихъ и т. д. Словомъ, это общій опытъ научныхъ изслѣдователей, приступавшихъ къ изученію старой забытой, а также и много затерявшей литературы.

Наконецъ, авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ разысканіе неизвѣстныхъ ранѣе рукописей заставляетъ измѣнять прежнія мнѣнія объ авторствѣ, времени и т. п. нѣкоторыхъ произведеній старой письменности (именно онъ исправляетъ прежнія мнѣнія о Лукѣ Жидятѣ, мнихѣ Іаковѣ),—и рѣшаетъ: „Итакъ, для составленія научной исторіи древне-русской литературы не наступило еще время. Научное право на существованіе (!) принадлежитъ пока церковно-историческому изученію духовно-учительной книжности въ ея происхожденіи, составѣ и генеалогіи отдѣльныхъ списковъ и произведеній".

Мы замѣчали уже, что не таковъ бываетъ ходъ научнаго изслѣдованія. Кромѣ того, что каждое поколѣніе въ жизни общества имѣетъ право искать сознательнаго представленія объ историческомъ прошломъ своего народа, и человѣкъ науки имѣетъ всякое научное право стремиться удовлетворять этой нравственной потребности знанія прошлаго, *насколько это знаніе достигнуто въ данную минуту*,—это стремленіе къ обобщенію есть необходимое звено въ развитіи самой научной мысли: обобщеніе не только указываетъ достигнутые результаты,

но указываетъ и предстоящія задачи. Страхъ передъ гипотезой вовсе не есть особая научная добродѣтель, а часто только ограниченіе горизонта изслѣдованія. Гипотеза, сопровождаемая аргументами, нерѣдко бываетъ прямо предвосхищеннымъ рѣшеніемъ и только содѣйствуетъ „правильному движенію научной мысли“; или же она освѣщаетъ извѣстную сторону вопроса и требуетъ вниманія къ неяснымъ пунктамъ изслѣдованія.

Что касается послѣднихъ упомянутыхъ историко-литературныхъ указаній г. Никольскаго (о Лукѣ Жидятѣ, мнихѣ Іаковѣ), „совершенно несходныхъ съ выводами современной исторіографіи *такъ называемой* древне-русской литературы“, эти указанія, конечно, будутъ любопытны спеціалистамъ, какъ новая библіографическая подробность: но для „исторіографіи“ древней русской литературы эти указанія будутъ имѣть только второстепенное значеніе. Какъ бы ни назывался писатель, Іаковъ мнихъ или иначе, это не такъ важно, какъ самое произведеніе, за которымъ остается его историко-литературное значеніе. Нѣкогда велись горячіе споры о самомъ Несторѣ, былъ ли онъ авторомъ начальной лѣтописи; большинство ученыхъ отвергли это авторство, но произведеніе „Начальнаго лѣтописца“, какимъ бы именемъ онъ ни назывался, осталось крупнымъ явленіемъ древней письменности—съ тѣмъ же значеніемъ, какое давалось „Нестору“. Г. Никольскій не отличаетъ частныхъ деталей отъ цѣлаго историческаго явленія, и библіографію считаетъ за исторію литературы.

Наконецъ, съ точки зрѣнія „древне-русскаго монастырскаго книжнаго дѣла“, г. Никольскій дѣлаетъ вылазку противъ Петровской реформы. Указавъ тѣ ущербы, какіе понесены были монастырскими библіотеками въ старыя времена отъ нашествій иноплеменныхъ, пожаровъ и т. п., авторъ продолжаетъ: „Но сила стихійныхъ несчастій не была все-таки соединена съ такими крупными послѣдствіями, какія обнаружились въ послѣ-Петровское время неуважительнаго отношенія къ старинѣ. Слишкомъ крутъ былъ переломъ, произведенный западно-европейскою цивилизаціей въ русской жизни, которая стала въ антагонизмъ съ результатами до-Петровской культуры. Заморское (?) образованіе не имѣло связи со старою русскою книжностью и уже потому презрительно обезцѣнивало просвѣтительный смыслъ прежнихъ рукописныхъ собраній. Приростъ ихъ и обогащеніе памятниками прекратились: новый шрифтъ (!) и новое направленіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ потянулись на сторону католической и протестантской науки. Старое уставное чтеніе было замѣщено предиками, составленными по правиламъ католическихъ и протестантскихъ риторикъ. Всѣ эти свято-отеческія творенія, похвальныя слова, греческія и русскія житія, на переписку (!) которыхъ было потрачено столько труда, были

оттѣснены устною проповѣдью, въ которой увидѣли панацею отъ всевозможныхъ (!) пороковъ (?). Такимъ образомъ древне-русская библіотека и книга въ послѣ-Петровскую эпоху отжили свое былое значеніе: рукопись превратилась въ памятникъ археографіи... но утратила свой прежній смыслъ религіозно-воспитательнаго средства"... Очень странно читать все это. Спеціалистъ по древне-русскому книжному дѣлу слишкомъ преувеличилъ свои археографическія пристрастія и къ великому ущербу, даже къ прямому нарушенію, исторической правды. Авторъ съ явною укоризной называетъ новое образованіе „заморскимъ", хотя въ Германію, въ Италію и самую Голландію ѣздили сухимъ путемъ. Новое образованіе было не только послѣ-Петровское, но и до-Петровское, и первой ступенью его былъ Кіевъ и западная Русь. Греческія и русскія житія началъ *печатать* Димитрій Ростовскій по идеѣ, возникшей независимо отъ Петровской реформы, какъ не отъ реформы онъ получилъ свое образованіе. Авторъ дѣлаетъ удареніе на „католической" и „протестантской" наукѣ, но смѣшно придавать эти, опять укоризненные, эпитеты къ тѣмъ наукамъ, какія поощряла реформа—къ „цыфири", физикѣ, геодезіи, географіи, навигацкой наукѣ. И такъ далѣе. Все историческое изложеніе крайне преувеличено и натянуто; подъ стать этому выражается авторъ о *разгромѣ* древне-русскихъ (церковныхъ и монастырскихъ) библіотекъ въ „просвѣщенный періодъ послѣ-Петровской цивилизаціи". „Разгромъ" состоялъ, вѣроятно, въ томъ, что, по собственнымъ словамъ автора, „съ XVIII-го вѣка до-Петровскія библіотеки порвали свою давнишнюю связь съ текущею религіозною жизнью, рукописи оказались для церквей и монастырей излишними вещами. Онѣ отрываются отъ своего мѣста храненія, кочуютъ чрезъ частныя руки до тѣхъ поръ, пока не гибнутъ или находятъ себѣ осѣдлость въ какомъ-либо учено-общественномъ древлехранилищѣ". —„Разгромомъ" называется обыкновенно какое-либо вражеское разграбленіе и истребленіе, и такое дѣяніе, по мнѣнію г. Никольскаго, совершено было надъ древне-русскими библіотеками послѣ-Петровской цивилизаціей, а въ этихъ библіотекахъ заключалось „религіозно-воспитательное средство". Выходитъ нѣчто фатальное,—чего на дѣлѣ, однако, не было. Библіотеки теряли свое значеніе сами собой: рукопись просто замѣнялась печатной церковной книгой, и эти книги всегда печатала (со второй половины XVI вѣка и донынѣ) сама церковная власть. Если книги „отрывались отъ своего мѣста храненія", то въ этомъ прежде всего виноваты были сами церковные и монастырскіе блюстители, ихъ небрежность или невѣжество; извѣстенъ разсказъ митр. Евгенія о томъ, какъ власти одного новгородскаго монастыря для бо̀льшаго „порядка" велѣли убрать изъ библіо-

теки старый хламъ и выбросить въ рѣку: къ счастію, самъ митрополитъ встрѣтился по дорогѣ съ возомъ и въ „хламѣ“ увидѣлъ, и успѣлъ спасти, древнія пергаменныя рукописи! Неужели въ этомъ невѣжествѣ монастырскихъ властей виновата опять „послѣ-Петровская цивилизація“?

Настоящее уваженіе къ этому наслѣдію старины стало оказываться именно съ тѣхъ поръ, какъ „послѣ-Петровская цивилизація“ принесла начатки науки. Въ XVIII вѣкѣ брали изъ монастырей старые лѣтописцы, и въ первый разъ начато было изданіе лѣтописей, которое стало первымъ началомъ нашей научной исторіографіи. Если такъ или иначе монастырскія рукописи попадали въ учено-общественныя книгохранилища, можно было только радоваться: въ прежнихъ хранилищахъ эта старина рисковала окончательно погибнуть отъ невѣжества и небреженіи; здѣсь она сберегалась для научнаго и нравственнаго назиданія потомства...

Статья г. Истрина заключаетъ не мало полезныхъ указаній по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ древней русской литературы; мы остановимся на одномъ общемъ пунктѣ, гдѣ авторъ, оспариваетъ мои слова объ „отсутствіи хронологіи“ въ нашей старой письменности. Въ предисловіи къ своей книгѣ я указывалъ, что изложеніе исторіи нашей старой письменности не можетъ не принять во вниманіе нѣкоторыхъ ея особенностей: такъ, „вслѣдствіе условій, въ которыхъ образовалась наша древняя письменность, она почти не знаетъ хронологіи: большая масса памятниковъ оставалась въ обращеніи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, иногда съ XI—XII-го до XVII-го и даже XIX-го столѣтія; старые памятники не заслонялись новыми, какъ новою ступенью литературнаго развитія,—напротивъ, новые примыкали къ старымъ, какъ ихъ непосредственное продолженіе, и они не разъединялись въ представленіяхъ самихъ книжниковъ“. Фактъ, я думаю, не подлежитъ сомнѣнію; я назвалъ его отсутствіемъ хронологіи,—и не имѣлъ бы ничего противъ, еслибы найдено было другое, болѣе точное опредѣленіе. Г. Истринъ возражаетъ противъ „отсутствія хронологіи“ тѣмъ, что въ самыхъ памятникахъ съ теченіемъ времени совершались перемѣны, указывающія на измѣненіе взглядовъ и настроеній, приводитъ въ примѣръ „Александрію“, гдѣ старая ея форма смѣнилась потомъ сербской редакціей этого памятника съ другимъ характеромъ, и т. д. Но это не измѣняетъ моего положенія, или измѣняетъ его только въ деталяхъ: обѣ редакціи у меня были указаны, но опять нѣсколько вѣковъ господствовала одна редакція, потомъ нѣсколько вѣковъ другая,—но сущность явленія оставалась та же. Разумѣется само собою, что гдѣ есть хронологическія данныя, онѣ

сохраняютъ всю свою важность для историка, и извѣстные факты имѣютъ очевидную хронологію, когда самое содержаніе связано съ эпохой, когда дѣятелемъ литературы является опредѣленное лицо съ исторической біографіей и характеромъ,—является Іосифъ Волоцкій, Нилъ Сорскій, Максимъ Грекъ и т. д. Но для массы литературы учительной, исторической, житійной, паломнической и т. д. остается это отсутствіе хронологіи; оно характерно въ томъ отношеніи, что обозначаетъ недостатокъ литературнаго движенія. Тамъ, гдѣ есть это движеніе, тамъ трудно представить, чтобы извѣстный памятникъ сберегалъ свой интересъ и значеніе въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ; чтобы не смѣнялись ступени вкуса, литературнаго опыта, какія обыкновенно дѣлаютъ предъидущую литературу устарѣлой и удаляютъ ее изъ настоящаго употребленія. Къ этому присоединяется очень распространенная въ старину безъименность, особливо учительныхъ твореній или странные псевдонимы, когда, напр., поученіе очевидно русскаго писателя являлось съ именемъ Златоуста и т. п. Присоединяется наконецъ еще одна распространенная черта старой письменности—неподвижность или малая подвижность стиля, нѣкогда образовавшагося на церковно-учительной литературѣ.

Жизнь древней Руси и послѣ-Петровская общественная жизнь представляютъ множество различій, и такія же различія сказались въ литературѣ двухъ періодовъ. Въ старой „письменности“ отражалось патріархальное настроеніе съ господствующею церковно-учительной книгой, и любители этой старины особенно дорожатъ тѣмъ, что книга была рукописная; наука въ этомъ патріархальномъ настроеніи совсѣмъ отсутствовала. Новый періодъ создавалъ иную литературу; церковное учительство, конечно, продолжалось—по печатнымъ книгамъ (хотя и рукописаніе еще производилось);—но въ цѣломъ произошелъ большой переворотъ. Съ нашей нынѣшней, исторической, точки зрѣнія, успѣхи литературы XVIII вѣка были весьма медленные и умѣренные; они представляются намъ ученическими,—но старый патріархальный періодъ былъ законченъ. У русскаго общества сравнительно съ прежнимъ, вслѣдствіе реформы, чрезвычайно расширился собственный опытъ; возникла любознательность; проникаетъ впервые настоящая, а не только семинарско-схоластическая наука; начинается прямое, а не черезъ польскіе обрывки, знакомство съ европейской литературой,—и начинаются попытки собственной работы въ новомъ направленіи. Черезъ два-три десятилѣтія послѣ реформы развилась дѣятельность Ломоносова. Въ послѣдній годъ XVIII вѣка родился Пушкинъ.

Новая литература не имѣла уже общаго со старой: горизонтъ ея, умственный и поэтическій, былъ несравненно шире и постоянно раз-

вивался въ стремленіи къ общественному и народному сознанію; языкомъ ея былъ уже не школьно-церковническій, а выработавшійся языкъ дѣйствительной жизни.

Новая литература перестала уже быть безличной и безъименной; книжникъ становится писателемъ; письменность — литературой; въ исторіи ея складывались опредѣленные періоды—въ ростѣ содержанія и въ совершенствованіи языка; она пріобрѣтала уже ярко опредѣленную и фактами, и самимъ внутреннимъ смысломъ хронологію.

А. Пыпинъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gerhart Hauptman. Der arme Heinrich. Eine deutsche Sage. Стр. 172. Berlin, 1902 (S. Fischer, Verlag).

Новая драма Гергарта Гауптмана, „Бѣдный Генрихъ", примыкаетъ къ разряду наиболѣе соотвѣтствующихъ его таланту фантастическихъ произведеній. Гауптманъ прежде всего поэтъ, увлекающій художественностью сказочнаго вымысла, нѣжной красотой образовъ и умѣньемъ вкладывать глубокій гуманный смыслъ въ изображеніе простыхъ до наивности чувствъ. Изъ его прежнихъ драмъ наибольшій успѣхъ имѣли „Ганнеле" и „Потонувшій Колоколъ"—сказки, представляющія собой какъ бы апоѳеозъ любви къ людямъ и жалости къ ихъ страданіямъ. Въ двухъ написанныхъ имъ за послѣднее время пьесахъ, „Шлукъ и Яу" и „Красный пѣтухъ", Гауптманъ уклонился въ сторону фарса и бытовой комедіи, и хотя объ эти пьесы талантливы, какъ все, что̀ выходитъ изъ-подъ пера Гауптмана, онѣ все-таки нѣсколько разочаровали почитателей поэта своей поверхностностью и незначительностью. Съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ можно привѣтствовать появленіе новой драмы, въ которой Гауптманъ стоитъ на прежней высотѣ; по художественности о̀бразовъ и языка, также какъ по углубленности содержанія, она не уступаетъ лучшимъ изъ его прежнихъ пьесъ. Гауптманъ очень національненъ въ своемъ творчествѣ, и поэтому ничто ему такъ не удается, какъ проникновеніе въ духъ народныхъ сказаній. Въ „Ганнеле" и въ „Потонувшемъ Колоколѣ" сюжеты созданы имъ самимъ, но такъ близки къ народному духу, что кажутся почерпнутыми изъ старинныхъ сказокъ. Въ „Бѣдномъ Генрихѣ" Гауптманъ разработываетъ старинное нѣмецкое преданіе, и эта связь съ національнымъ прошлымъ придаетъ особую поэтичность его драмѣ.

Сюжетъ „Бѣднаго Генриха" взятъ изъ старой легенды, лучше всего разработанной швабскимъ поэтомъ XII вѣка, Гартманомъ фонъ-Ауэ, въ эпической поэмѣ „Der arme Heinrich". Гартманъ разсказываетъ въ ней о графѣ Генрихѣ фонъ-Ауэ, который заболѣлъ проказой и былъ спасенъ бѣдной дѣвушкой, дочерью своего мызника; она узнаетъ о томъ, что въ Салерно есть врачъ, который можетъ исцѣ-

лить прокаженнаго кровью невинной дѣвушки, и рѣшается пожертвовать своей жизнью для спасенія графа. Исцѣленіе совершается, но безъ кровавой жертвы. Въ тотъ моментъ, когда дѣвушка уже лежитъ, привязанная къ столу оператора, Генрихъ врывается въ комнату, чтобы помѣшать совершенію богопротивнаго дѣла. Онъ понимаетъ въ эту минуту, что болѣзнь была ниспослана ему въ наказаніе за его гордыню, за то, что онъ жаждалъ побѣдъ и докогался власти надъ людьми, забывъ о Богѣ, и что, взявъ еще бо́льшій грѣхъ на душу, онъ не отвратитъ небесной кары, какою считалась проказа въ средніе вѣка. Онъ смиряется въ эту минуту передъ небеснымъ наказаніемъ, и въ этомъ—его спасеніе. Раскаявшійся грѣшникъ исцѣляется, и жертва, которую готова принести дѣвушка, оказываетъ свое спасительное дѣйствіе, прежде чѣмъ она совершена въ дѣйствительности. Поэма заканчивается женитьбой графа на его избавительницѣ. Гауптманъ вноситъ драматическій элементъ въ наивную легенду, изображая борьбу, которая происходитъ въ душѣ Генриха и спасшей его дѣвушки; чудо исцѣленія становится въ драмѣ конечнымъ торжествомъ двухъ людей, познавшихъ величайшіе соблазны и пришедшихъ къ свѣту послѣ тяжелыхъ испытаній. Основная идея драмы—очень человѣчная, примирительная и свѣтлая: графъ Генрихъ, ставшій „бѣднымъ Генрихомъ“, и юная Оттогебе, дочь мызника, разными путями искали побѣды духа: онъ считалъ себя первымъ изъ людей и не смирялся даже передъ Богомъ; она поглощена жаждой безстрастнаго подвига, и не допускаетъ надъ собой власти земныхъ чувствъ. Но оба они въ своей разной гордынѣ пришли къ безднѣ отчаянія, и только тогда, когда въ нихъ торжествуетъ любовь, когда жажда подвига, также какъ соблазнъ себялюбивой гордости и власти, смѣняется страстнымъ желаніемъ не самому восторжествовать, а спасти жизнь другому—только тогда происходитъ чудо, т.-е. оба возрождаются для свѣтлой земной жизни. Гауптманъ проповѣдуетъ въ „Бѣдномъ Генрихѣ“ спасительность живой любви къ человѣку, и показываетъ, что внѣ ея, какъ бы ни были высоки порывы духа, нѣтъ спасенія, а есть только смятеніе, борьба и отчаяніе.

Поэтичное старое преданіе возсоздано съ большой пластичностью и простотой въ драмѣ Гауптмана. Блестящій графъ, Генрихъ фонъ-Ауэ, пріѣзжаетъ неожиданно къ своему фермеру Готфриду и заявляетъ ему, что, можетъ быть, надолго поселится у него. Готфридъ и его жена Бригитта — рады графу, котораго знали и любили, когда онъ былъ еще ребенкомъ, но ихъ безпокоитъ мрачный и больной видъ гостя, его замкнутость и влеченіе къ одиночеству. Они не понимаютъ, почему онъ хочетъ промѣнять блескъ придворной жизни на тишину лѣсовъ. Поселившись на мызѣ, графъ избѣгаетъ даже своихъ хозяевъ,

бродитъ угрюмый по полямъ, и оживляется только въ обществѣ маленькой дочери фермера, съ которой онъ любилъ играть, еще когда она была совсѣмъ ребенкомъ; тогда онъ назвалъ ее въ шутку своей „маленькой супругой“ („Klein Gemahl“). Онъ теперь продолжаетъ звать ее по-прежнему. Оттогебе относится къ Генриху съ наивнымъ обожаніемъ и загорается радостью отъ каждаго его привѣтливаго слова. Въ ней просыпается женщина; она полусознательно старается пріукрасить себя, чтобы понравиться графу, краснѣетъ и убѣгаетъ, когда отецъ обращаетъ вниманіе на необычайную праздничность ея наряда. Оттогебе—странный ребенокъ, пугающій родителей своимъ чрезмѣрно страстнымъ религіознымъ чувствомъ. Съ пріѣздомъ графа Оттогебе становится еще болѣе возбужденною. До нея доходятъ слухи о несчастіи, постигшемъ Генриха, о страшныхъ болѣзняхъ, о проказѣ, карѣ Господней, не минующей и могущественныхъ владыкъ. Она ничего не знаетъ въ точности, но въ душѣ готовится къ невѣдомому подвигу, и жаждетъ отдать жизнь для того, кого полюбила, сама нѐ зная, какою любовью. Бригитту пугаетъ экзальтація дочери; она не понимаетъ ея безсвязныхъ словъ о жертвѣ Исаака, ея разсказовъ о томъ, что, по словамъ одного изъ служащихъ графа, въ Сициліи есть врачъ, который берется вылечить отъ проказы, помазавъ больного кровью чистой дѣвушки. Бригитта совѣтуется съ духовникомъ своей дочери, патеромъ Бенедиктомъ. Онъ говоритъ ей, что Оттогебе кажется ему Божіей избранницей, что нельзя поэтому осуждать ее за ея равнодушіе къ мірскимъ дѣламъ, за ея кажущіяся странности;—нужно примириться съ тѣмъ, что она станетъ Христовой невѣстой. Бригитта согласна и на это,—но душу ея тревожитъ ожиданіе болѣе страшныхъ событій. Она и ея мужъ видятъ, что съ графомъ творится неладное; даже вѣрные слуги покидаютъ его, и онъ самъ говоритъ своимъ хозяевамъ, что скоро уйдетъ отъ нихъ. Къ Генриху пріѣзжаетъ вызванный имъ управитель его замка, Гартманъ фонъ-Ауэ (автора поэмы „Бѣдный Генрихъ“ Гауптанъ вводитъ такимъ образомъ въ свою драму, какъ подданнаго графа Генриха, какимъ онъ въ дѣйствительности и былъ). На разспросы Гартмана и на его уговоры вернуться въ замокъ, гдѣ присутствіе скрывшагося графа стало необходимымъ, Генрихъ объясняетъ своему управителю и другу, что онъ никогда не вернется, что его путешестіе въ Святую землю и его пребываніе при иностранныхъ дворахъ кончилось трагически. Онъ намекаетъ ему о своей болѣзни, не сознаваясь въ винѣ, навлекшей на него кару Господню. Рѣчи его полны гордыни; онъ въ мысляхъ вознесся надъ всѣми людьми и слишкомъ повѣрилъ въ свое могущество, за что теперь и долженъ нести наказаніе, видѣть, какъ всѣ его покидаютъ, какъ онъ становится предметомъ ужаса и

отвращенія. Въ немъ просыпается ненависть къ людямъ и желаніе уйти отъ нихъ въ пустыню, потому что онъ не смогъ подчинить ихъ себѣ. Теперь всѣ уже знаютъ, что онъ сталъ равенъ самымъ жалкимъ нищимъ, и всѣ отворачиваются отъ него. Онъ не смиряется, а говоритъ о своемъ несчастіи съ озлобленной гордостью, и падаетъ въ изнеможеніи отъ охватившаго его отчаянія. Къ нему склоняется Оттогебе, говоря, что она призвана спасти и очистить его.

Графъ Генрихъ превратился въ „бѣднаго Генриха", живетъ въ лѣсу, одичалый и одинокій, и роетъ себѣ могилу. Къ нему приходятъ люди, приходитъ покинувшій его слуга, чтобы узнать о томъ, какъ онъ живетъ, но Генрихъ прогоняетъ его только тѣмъ, что грозитъ дотронуться до него. Съ этого момента начинается параллельная драма въ его душѣ и въ душѣ Оттогебе. Генрихъ все болѣе ожесточается, презираетъ людей, которые хотятъ оказать ему милосердіе, встрѣчаетъ пастора, являющагося къ нему съ пищей и питьемъ, надменными ругательствами. Онъ гордъ своимъ одиночествомъ, считаетъ себя властелиномъ всего пространства, которое можетъ охватить его взоръ, потому что никто не осмѣлится приблизиться къ нему, и всѣ его боятся болѣе, чѣмъ прежде. Онъ говоритъ, что добровольно избралъ свою новую долю: ему надоѣло жить въ пышности и быть рабомъ своихъ слугъ и друзей, не имѣть возможности ничего дѣлать самому, такъ какъ всѣ его желанія предупреждались услужливостью другихъ; ему надоѣло постоянно стоять на вершинѣ и всегда нагибаться, чтобы съ кѣмъ-нибудь говорить. Онъ захотѣлъ свободы; когда рабъ мечтаетъ о свободѣ, его тянетъ вверхъ; когда же господинъ хочетъ свободы и единенія съ вселенной, онъ долженъ опуститься какъ можно ниже—вотъ почему онъ живетъ въ пустынѣ и роетъ себѣ могилу. Въ своемъ дерзновеніи Генрихъ богохульствуетъ и все болѣе питаетъ въ себѣ злобу. Патеръ Бенедиктъ пришелъ къ нему въ сопровожденіи фермера Готфрида, и оба они умоляютъ Генриха помочь имъ спасти Оттогебе, которая обезумѣла отъ желанія принести себя въ жертву и спасти своей кровью больного графа. Пусть онъ вернется на ферму и живетъ тамъ, пусть отговоритъ ее отъ безумной мысли, которую отецъ дѣвушки считаетъ навожденіемъ сатаны. Бенедиктъ останавливаетъ слишкомъ быстрыя заключенія отца. Онъ считаетъ, напротивъ того, что въ душѣ Оттогебе происходитъ святая борьба, которая, быть можетъ, приведетъ къ добру. Генрихъ говоритъ въ отвѣтъ злыя рѣчи. Онъ самъ считаетъ разсказы объ исцѣленіи кровью баснями, и къ тому же объявляетъ себя безгрѣшнымъ и не нуждающимся въ исцѣленіи. Онъ говоритъ, что дѣвушка была у него въ лѣсу, умоляла принять ея жертву, но онъ не поддался искушенію. На него обрушилось самое сильное проклятіе, и онъ все-таки не

поддался ему, не унизился духомъ — такъ ужъ онъ не поддастся и меньшему соблазну, не захочетъ спасенія отъ ребенка. Онъ готовится къ одинокой смерти, силенъ своей злобой, и потому прогоняетъ пришельцевъ, нарушившихъ его одиночество, продолжая рыть свою могилу.

Въ то время какъ „бѣдный Генрихъ" все болѣе приближается къ безднѣ отчаянія, укрѣпляясь въ своей гордынѣ, — въ душѣ Оттогебе происходитъ иная борьба. Она удалилась въ лѣсную часовню, гдѣ живетъ Бенедиктъ, и тамъ истязаетъ себя молитвенными бдѣніями и постомъ, чтобы спастись отъ искушеній сатаны. Ей самой кажется, что въ ней говоритъ грѣшная земная любовь къ Генриху, и что если это такъ, то она не спасетъ ни его души, ни своей. Бенедиктъ уговариваетъ ее не истязать такъ упорно свое тѣло: если она хочетъ посвятить себя Богу, то должна щадить свою жизнь. Но Оттогебе говоритъ, что только среди истязаній она можетъ дышать—такъ велико смятеніе ея души. Ей, однако, путь къ свѣту открывается ранѣе, чѣмъ Генриху. Она чувствуетъ чистоту своихъ помысловъ и разсказываетъ духовнику о видѣніи, которое имѣла ночью; послѣ него она вполнѣ увѣровала въ необходимость и спасительность своей жертвы. Она видѣла себя среди бури, отъ которой нѣтъ спасенія; ея обнаженный трупъ съ торчащимъ въ груди ножомъ влекли за собой демоны; она чувствовала, какъ ею овладѣваетъ соблазнъ грѣха и тянетъ ее въ бездну. Но чистота ея побѣдила въ борьбѣ, адскія видѣнія исчезли, и къ небу медленно поднялись два тихихъ, странныхъ солнца, и, поднимаясь все выше и выше, исчезли въ сіяніи. Она видитъ въ этомъ знакъ побѣды: земная любовь, прошедшая чрезъ искушенія и освященная чистотой помысловъ, торжествуетъ и становится священной и спасительной. Оттогебе готова къ жертвѣ; она знаетъ, что Генрихъ придетъ за ней, и что ей дано будетъ спасти его. Дѣйствительно, Генрихъ является. Его отчаяніе достигло высшихъ предѣловъ; онъ уже не находитъ утѣшенія въ самомъ себѣ, и ищетъ дѣвушку, которую прежде такъ гордо отвергалъ. Онъ бродитъ сначала вокругъ дома фермера, но, узнавъ, что Оттогебе въ лѣсу у патера, приходитъ туда. Онъ входитъ въ часовню не со смиренной молитвой, а съ нечестивыми проклятіями на устахъ. Его обращеніе къ Богу—одно изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ въ драмѣ; это какъ бы моленіе о мракѣ, мучительный вопль къ Богу, просьба о томъ, чтобы Богъ забылъ о немъ, не считалъ его однимъ изъ камней зданія, скрѣпленнаго кровью. Генрихъ не хочетъ спасенія, а только полнаго мрака. Но, все же, въ этой погибающей душѣ есть лучъ свѣта — Генрихъ ищетъ Оттогебе, и вопреки своему отчаянію ждетъ отъ нея спасенія, хотя не вѣритъ въ сказки о сицилійскомъ врачѣ. Узнавъ Генриха въ одичаломъ при-

шельцѣ, патеръ Бенедиктъ убѣждаетъ его смириться и раскаяться; онъ говоритъ, что дѣвушка не у него, что она ушла изъ міра. Генрихъ думаетъ, что она умерла, и отчаяніе его возростаетъ, но въ эту минуту появляется Оттогебе, и видъ ея проливаетъ первый лучъ свѣта въ душу Генриха. Она увлекаетъ его за собой къ спасенію.

Въ послѣднемъ дѣйствіи драмы спасеніе Генриха представлено уже совершившимся. Онъ возвращается, послѣ долгаго отсутствія, въ свой родовой замокъ, созвавъ туда всѣхъ своихъ вѣрныхъ слугъ и приказавъ патеру Бенедикту украсить алтарь въ дворцовой часовнѣ для торжества бракосочетанія. Онъ вернулся съ Оттогебе, и разсказываетъ Гартману и патеру о томъ, какъ совершилось чудо. Его исцѣлила не кровь молодой чистой дѣвушки, а ея чистая любовь. Увидавъ ее въ лѣсной часовнѣ, онъ почувствовалъ первое прикосновеніе благодати, исцѣлился отъ злобы, ненависти къ людямъ, отъ желанія вернуться въ міръ, хотя бы для этого пришлось совершить убійство невинной дѣвушки. Второй лучъ благодати освѣтилъ его, когда, увлекаемый Оттогебе, онъ двинулся съ нею въ путь и полюбилъ ее. Эта любовь еще не исцѣлила его отъ болѣзни, но наполнила его душу смиреніемъ, готовностью перенести кару, ниспосланную ему небомъ; въ его себялюбивой душѣ проснулась безконечная преданность къ другому существу, страстное желаніе жить только для Оттогебе или умереть вмѣстѣ съ нею. Онъ сталъ уговаривать ее отказаться отъ задуманной ею жертвы, принять которую онъ прежде не колебался, ослѣпленный гордыней. Но Оттогебе не внимала его уговорамъ и властно влекла его на югъ, въ Сицилію, къ салернскому врачу. Непоколебимая, блѣдная отъ мукъ и счастья, она казалась ему серафимомъ и наполняла его душу блаженной надеждой. Ее влекло къ смерти, и онъ, покорно слѣдуя за нею, тоже жаждалъ только умереть вмѣстѣ съ нею. Они пришли къ врачу. Изумленный готовностью дѣвушки къ жертвѣ, врачъ сталъ пугать ее, показалъ ей орудія пытки, ожидающей ее; но все это не поколебало ея рѣшенія; и врачъ заперся съ нею въ комнатѣ, чтобы совершить жертвоприношеніе. Тогда, по словамъ Генриха, его коснулся третій лучъ благодати. Въ какомъ-то изступленіи, чувствуя, что душа его въ огнѣ, онъ выломалъ дверь и вошелъ въ комнату, гдѣ увидѣлъ дѣвушку привязанною къ скамьѣ. При видѣ ея, въ душу его влилось могущественное чувство всепобѣдной любви и жалости къ дѣвушкѣ, готовой пролить за него кровь. Въ эту минуту онъ окончательно смирился духомъ—Богъ открылся ему въ силѣ любви. Онъ вырвалъ дѣвушку изъ рукъ палача—и исцѣлился. Свершилось чудо—не матеріальное, не исцѣленіе тѣла цѣной пролитой за него крови, а чудо внутренняго просвѣтленія. Генрихъ возвращается въ свой замокъ во всемъ блескѣ прежняго могущества,

но съ просвѣтленной и смирившейся душою. Онъ привезъ съ собой Оттогебе, чтобы вѣнчать ее какъ свою законную супругу. Но Оттогебе не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что случилось. Душа ея еще полна смятенія. Ей кажется, что она очутилась во власти ада, что Господь не принялъ ея жертвы, и она обвиняетъ себя, думаетъ, что ея побужденія не были достаточно чисты, что не желаніе спасти душу Генриха, а только грѣшная любовь къ нему влекли ее на жертву, и что поэтому ее отвергнулъ Господь. Но понемногу туманъ, окутавшій ея душу, разсѣивается; она засыпаетъ, и во снѣ находитъ на нее просвѣтленіе. Генрихъ собираетъ вокругъ спящей своихъ рыцарей, разсказываетъ о своемъ просвѣтленіи своему другу и вассалу Гартману, и когда пажи вносятъ двѣ короны, онъ одну изъ нихъ надѣваетъ на голову Оттогебе, говоря, что Господь „во снѣ вѣнчаетъ своихъ избранниковъ“. Оттогебе просыпается и смиренно принимаетъ ниспосланное ей Богомъ земное блаженство. Генрихъ говорилъ объ ожидающемъ ихъ въ будущемъ счастьѣ, какъ о возрожденіи послѣ смерти къ лучшей жизни. Теперь онъ снова можетъ быть властелиномъ своихъ земель, не навлекая на себя кары за гордыню, потому что онъ позналъ до дна и горечь паденія, и радость смиренія, и блаженство возрожденія въ любви.

Таково содержаніе драмы, идея которой въ сущности та же, что и въ „Потонувшемъ колоколѣ“. Уже тамъ Гауптманъ говорилъ о „притяженіи земли“, доказывалъ безплодность влеченій къ одинокимъ вершинамъ, такъ какъ нельзя забыть слезъ, проливаемыхъ въ долинахъ, какъ бы высоко ни подниматься изъ желанія забыть о нихъ. Тотъ же протестъ противъ одинокаго подвига и противъ гордыни духа, чуждающагося земныхъ чувствъ, слышится и въ „Бѣдномъ Генрихѣ“. Пока Генрихъ искалъ вершинъ земной власти и не смирялся передъ Богомъ, пока Оттогебе была тоже горда — только въ иномъ смыслѣ, жаждала святости и презирала земныя чувства, т.-е. пока она боялась любить Генриха, оба они терзались и были близки къ отчаянію. Смирившись, познавъ всю полноту любви въ земномъ чувствѣ, они возвысились духомъ. Эта мысль воплощена Гауптманомъ въ обаятельно-прекрасныхъ образахъ старинной легенды. Оттогебе—духовная сестра Ганнеле и Раутенделейнъ, вполнѣ земное существо, но безконечно чистое и пламенное, сильное и нѣжное. Трагическая фигура Генриха, съ его порывами демоническаго дерзновенія, вырисовывается чрезвычайно сильно и жизненно, также какъ и остальныя лица драмы. Художественная красота драмы обусловливается главнымъ образомъ сосредоточенной силой и сжатостью, а также лирическими красотами стиха, сохраняющаго ароматъ старины.

II.

Jean Lombard. Byzance. Paris, 1902, стр. 403. (Librairie Paul Ollendorf).

Въ минувшемъ году, въ Парижѣ вышли въ свѣтъ два историческихъ романа: „Византія“ (Byzance) и „Агонія“ (Agonie). Жана Ломбара, первый съ предисловіемъ Поля Маргерита, второй—съ предисловіемъ Октава Мирбо. Оба эти авторитетные писатели рекомендуютъ романы Ломбара особому вниманію публики; впечатлѣніе, которое получается отъ чтенія романовъ, подтверждаетъ лестные отзывы авторовъ предисловій.

Жанъ Ломбаръ умеръ еще молодымъ, до появленія своихъ историческихъ романовъ, такъ что его имя пріобрѣло извѣстность уже послѣ его смерти. Онъ много писалъ при жизни, но большинство его произведеній, появлявшихся часто подъ псевдонимами, разбросано по разнымъ изданіямъ, а отдѣльныя книги тоже не проникли при жизни автора въ большую публику; только теперь, послѣ смерти Ломбара, его сочиненія изданы снова и даютъ представленіе о его несомнѣнно выдающемся, хотя не всегда ровномъ, художественномъ талантѣ.

Жанъ Ломбаръ—южанинъ, уроженецъ Марселя; прежде чѣмъ стать писателемъ, онъ былъ рабочимъ, ювелирнымъ подмастерьемъ. Въ ранней молодости онъ увлекся политикой, и сталъ однимъ изъ видныхъ представителей рабочей партіи; онъ высказывалъ очень крайніе взгляды на рабочихъ собраніяхъ и въ статьяхъ, которыя писалъ въ разныхъ соціалистическихъ органахъ. Его первая поэма, „Adel, la Revolte future“, проникнута пламеннымъ сочувствіемъ къ страданіямъ пролетаріата, а также мечтами о воцареніи справедливости и счастья на землѣ. Очень энергичный и трудолюбивый, Ломбаръ издавалъ газеты въ Марселѣ, участвовалъ въ существующихъ на югѣ органахъ рабочей партіи, писалъ романы, стихи, историческія и литературныя статьи, неустанно работалъ; въ жизни онъ былъ неудачникомъ и постоянно боролся съ нуждой. Никакого школьнаго образованія Ломбаръ не получилъ, но самъ много работалъ, читалъ и пріобрѣлъ большую историческую эрудицію, сказывающуюся въ особенности въ названныхъ выше двухъ романахъ, „Византія“ и „Агонія“. Странно даже представить себѣ, что ихъ авторъ—простой рабочій, занятый къ тому же практической общественною дѣятельностью;—эти романы предполагаютъ многолѣтнее изученіе исторіи, всѣхъ подробностей древняго быта, знаніе археологіи, искусства, исторіи церкви. Историческимъ романамъ Ломбара предшествовали нѣсколько другихъ книгъ, въ томъ

числѣ біографическій очеркъ жизни генерала Мирёра („Un volontaire de 92“) и романъ „Loïs Majourès“, въ которомъ описываются политическіе нравы южной Франціи, выборы, устройство крестьянской общины. Въ этомъ романѣ сказывается большая наблюдательность и выясняются общественные идеалы автора. Психологія героя, мечтающаго о соціальныхъ реформахъ и нравственномъ перерожденіи общества, переживающаго много разочарованій въ общественной дѣятельности и въ личной жизни, очерчена съ большимъ психологическимъ пониманіемъ. Общій тонъ романа крайне пессимистическій. Поэма „Адель“ напоминаетъ „Laon and Cythna“ Шелли своими пламенными строфами о грядущемъ воцареніи свободы, равенства и братства. Герой поэмы, Адель, призываетъ къ себѣ армію порабощенныхъ капитализмомъ рабочихъ, и при помощи ихъ уничтожаетъ огнемъ „нечестивую Гоморру“, т.-е. существующій общественный строй, чтобы водворить справедливость и счастье на землѣ. Въ этой поэмѣ сказывается основная черта таланта Ломбара—его умѣнье рисовать широкія картины народныхъ массъ въ движеніи. Красочность и богатство образовъ, яркость и разнообразіе формъ составляютъ также главное достоинство двухъ историческихъ романовъ Ломбара. Въ нихъ рѣчь идетъ о далекомъ прошломъ, о времени иконоборчества и объ эпохѣ упадка римской имперіи, но въ изображеніи древняго міра, безумной роскоши и порочности высшихъ классовъ, страданій и нужды народныхъ массъ, чувствуется современный проповѣдникъ общественныхъ идеаловъ, съ особой остротой воспринимающій всякія проявленія жизненнаго зла. Ломбара привлекаютъ въ исторіи періоды смутъ и паденія нравовъ, потому что въ нихъ онъ видитъ какъ бы урокъ обществу, мирящемуся съ несправедливостью и доживающему такимъ образомъ до чудовищнаго паденія, урокъ рабамъ, не умѣющимъ во-время отстоять себя, а также и погибающимъ отъ пресыщенія и пороковъ угнетателямъ народа. Ломбаръ видитъ въ историческомъ прошломъ проявленіе тѣхъ же разрушительныхъ силъ, которыя создаютъ печальныя явленія современной дѣйствительности, и потому далекъ въ своихъ романахъ отъ спокойнаго историческаго тона. Изложеніе событій у него, напротивъ того, очень страстное; онъ сгущаетъ краски, выдвигаетъ съ особой настойчивостью уродливое и чудовищное въ нравахъ изучаемыхъ эпохъ. Стиль его описаній—рѣзкій до крайности; чувствуется даже какъ бы преднамѣренное выискиваніе отталкивающихъ подробностей—въ особенности во второмъ романѣ, „Агонія“. Творческая фантазія Ломбара проявляется наиболѣе ярко въ созиданіи стихійныхъ картинъ. Византія съ ея пестрымъ, полу-азіатскимъ, полу-европейскимъ населеніемъ, въ свѣтлые и спокойные дни, когда народъ толпится на базарахъ, наполняетъ улицы, церкви и цирки, а также видъ ея въ бур-

ные моменты народныхъ смятеній, когда улицы заливаются кровью враждующихъ партій, изображены Ломбаромъ въ рядѣ яркихъ и мощно написанныхъ фресковъ. Мѣняющіяся картины народныхъ волненій, а также лирическія и драматическія сцены, въ которыхъ проявляются сложныя, иногда нѣжныя, иногда дикія страсти восточныхъ людей, получаютъ большую рельефность и яркость на фонѣ пестраго города, съ его безчисленными своеобразными архитектурными памятниками. Ломбаръ ни на минуту не отвлекается отъ декораціи, среди которой происходитъ дѣйствіе его романа, и описаніе событій переплетается съ изображеніями древней Византіи, возсозданной во всемъ блескѣ ея восточнаго колорита, во всей пышности ея природы и красотѣ памятниковъ искусства, церквей, дворцовъ и цирковъ. Ломбаръ—уроженецъ Марселя, и жизнь въ этомъ городѣ, гдѣ непрерывно движется въ гавани пестрая, разноплеменная толпа, гдѣ чувствуется близость Востока, подготовили Ломбара къ пониманію древней Византіи. Умѣніе Ломбара живописать толпу, движеніе и волненія массъ, а также превращать городъ какъ бы въ живое существо, вліяющее на чувства обитателей, отражающее на себѣ ихъ психологію, свидѣтельствуетъ о вліяніи Золà на молодого писателя. Ломбаръ вноситъ его художественные пріемы въ область историческаго романа. Онъ отмѣчаетъ вліяніе среды на событія, накопляетъ фактическія, предметныя подробности, почерпнутыя изъ точнаго, всесторонняго изученія археологическаго матеріала. Только по языку своему Ломбаръ отличается отъ натуралистической прозы Золà, съ ея намѣренной грубостью и безъискусственностью. Ломбаръ, напротивъ того, утонченный стилистъ, и приближается въ этомъ отношеніи къ новѣйшимъ французскимъ писателямъ. При всей своей колоритности, языкъ Ломбара—искусственный, нѣсколько манерный, иногда туманный, вслѣдствіе разныхъ особенностей въ построеніи фразъ. Эта чрезмѣрная оригинальность стиля составляетъ слабую сторону его романовъ, затемняя отчасти изложеніе; но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ описаніяхъ и сценахъ языкъ его достигаетъ большой художественности и поэзіи.

Романъ „Византія“ относится къ VIII-му вѣку, ко времени царствованія Константина V-го, извѣстнаго своимъ иконоборчествомъ. Безпристрастные историки восхваляютъ этого императора, какъ носителя культуры, который боролся противъ чрезмѣрнаго, доходившаго почти до язычества, поклоненія иконамъ; но церковная литература относится къ нему враждебно. Ему присвоено названіе „Копронима“ (нечистаго) за то, что онъ, будто бы, во время крещенія осквернилъ купель нечистотами; его представляютъ тираномъ, мучителемъ и гонителемъ вѣры. Ломбаръ отчасти склоняется къ этому взгляду. Самого Константина онъ не считаетъ безжалостнымъ тираномъ; напро-

тивъ того, въ его романѣ императоръ старается не допускать жестокостей, которыя творятся отъ его имени; онъ чувствуетъ жалость къ своимъ жертвамъ и, по возможности, щадитъ ихъ, тѣмъ болѣе, что предчувствуетъ конечное торжество иконопочитателей. Но, обѣляя до нѣкоторой степени личность императора, Ломбаръ считаетъ его гоненія на иконы величайшимъ насиліемъ надъ чувствами народа. Всѣ совѣтчики Константина, патріархъ, все духовенство св. Софіи и вся дворцовая партія изображены въ романѣ въ чрезвычайно непривлекательномъ видѣ; все это—жестокосердые, корыстные, преслѣдующіе только личные интересы люди. Ломбара не интересуетъ принципіальная сторона вопроса; онъ не разбирается въ томъ, что болѣе соотвѣтствуетъ духу христіанскаго ученія—чрезмѣрное поклоненіе иконамъ или уничтоженіе ихъ. Онъ видитъ только съ одной стороны могущественнаго властителя, который преслѣдуетъ жестокими мѣрами людей, вѣрныхъ своимъ религіознымъ традиціямъ, а съ другой—народъ, гибнущій отъ преслѣдованій и готовый на мученичество во имя вѣры, и его демократическія симпатіи принадлежатъ послѣднему.

Изображая борьбу иконопочитателей съ иконоборцами, Ломбаръ всецѣло склоняется на сторону первыхъ. Центральнымъ событіемъ въ романѣ является заговоръ иконопочитателей противъ Константина, съ цѣлью свергнуть съ престола нечестиваго императора-иконоборца и облечь царской властью найденнаго ими защитника иконъ. Они склоняютъ на свою сторону народную партію „зеленыхъ“ и вступаютъ въ кровопролитную борьбу съ защитниками императора—„синими“. Во главѣ заговора стоитъ священникъ Гибреасъ, проповѣдующій мистическое христіанство. Заговорщики нашли нужнаго имъ кандидата на престолъ въ лицѣ Управды, мальчика славянскаго происхожденія, приходящагося внукомъ Юстиніану. Управда вмѣстѣ со своей сестрой Виглиницей жили раньше въ маленькой деревушкѣ, въ полномъ одиночествѣ и бѣдности. Никто не зналъ о царственномъ происхожденіи Управды, и когда вѣсть объ этомъ дошла до Византіи, иконопочитатели рѣшили привести Управду въ Византію и начать борьбу съ цѣлью возвести его на принадлежащій ему по праву престолъ. „Зеленые“ берутся защищать новаго претендента, и на играхъ въ ипподромѣ одерживаютъ побѣду надъ „синими“, считая этотъ успѣхъ хорошимъ предзнаменованіемъ для затѣяннаго заговора. Управда, восторженный, нѣжный и чуждый властолюбія юноша, съ упоеніемъ внимаетъ поученіямъ Гибреаса, его пророчествамъ о конечномъ торжествѣ добра надъ царящимъ въ мірѣ зломъ и тиранніей, воплощенной, по словамъ проповѣдника, въ лицѣ императора Константина. Но онъ не чувствуетъ призванія къ державной власти, и предпочелъ бы служеніе церкви,—онъ только пассивно покоряется на-

вязываемой ему роли будущаго императора, такъ какъ самъ не питаетъ никакой ненависти противъ императора Константина. Но чуждое ему честолюбіе тѣмъ сильнѣе воплощено въ его сестрѣ Виглиницѣ; она сосредоточиваетъ всю свою энергію на томъ, чтобы доставить престолъ брату, скорбя въ душѣ о его слабости. Чтобы усилить права Управды на престолъ, заговорщики рѣшаютъ женить его на дѣвушкѣ тоже царственнаго происхожденія — на Евстокіи, дочери одного изъ пяти братьевъ, потомковъ Ѳеодосія, ослѣпленныхъ тираномъ Филиппикомъ за то, что они предъявляли притязанія на престолъ. Слѣпые братья живутъ въ своемъ дворцѣ и продолжаютъ считать себя законными претендентами. Узнавъ о заговорѣ, они считаютъ Управду узурпаторомъ и противятся его браку съ Евстокіей. Но ее уводятъ тайкомъ изъ ихъ дворца, и она живетъ съ Виглиницей у приверженцевъ Управды. Ее объявляютъ невѣстой будущаго императора—бракъ ихъ долженъ состояться, когда Управда вступитъ на престолъ. Управдѣ нравится молодая гречанка, тоже мистически настроенная и охотно внимающая словамъ священника, который проповѣдуетъ о грядущемъ царствѣ добра и превозноситъ поклоненіе иконамъ. Но Евстокія все-же болѣе думаетъ о мірской власти, чѣмъ Управда; видя равнодушіе своего жениха къ государственнымъ интересамъ, она надѣется пріобрѣсти вліяніе на него, и въ будущемъ управлять царствомъ отъ его имени, чтобы такимъ образомъ исполнить долгъ, возложенный на нихъ ихъ царственнымъ происхожденіемъ. Сестра Управды, Виглиница, ревниво относится къ невѣстѣ брата, чувствуя въ ней такую же честолюбивую натуру, какъ ея собственная. Она считаетъ, что имѣетъ столько же правъ на престолъ, какъ и братъ, и даже болѣе, потому что онъ слишкомъ слабъ и слишкомъ далекъ отъ земныхъ интересовъ; ей нестерпима мысль, что престолъ перейдетъ къ потомкамъ Евстокіи, и она мечтаетъ найти себѣ достойнаго супруга; будь у нея сынъ—у него было бы, по ея глубокому убѣжденію, больше правъ на престолъ, чѣмъ у сына Управды и Евстокіи. Виглиница ищетъ себѣ избранника среди вождей партіи Управды. Ей приходится по сердцу предводитель партіи „зеленыхъ“, Солибасъ, одержавшій побѣду надъ „синими“ въ ипподромѣ. Но въ уличномъ столкновеніи съ „синими“, послѣ того какъ начинаютъ распространяться слухи о заговорѣ, Солибасъ захваченъ въ плѣнъ дворцовой стражей и подвергнутъ страшной пыткѣ; палачъ отсѣкаетъ ему руку и ногу, выкалываетъ ему глазъ, и въ такомъ видѣ его бросаютъ въ мрачную, сырую темницу. Только черезъ годъ онъ выходитъ оттуда жалкимъ калѣкой, неспособнымъ служить своему дѣлу, т.-е. бороться за воцареніе Управды.

Заговоръ открывается благодаря слѣпымъ братьямъ, настолько

возмущеннымъ появленіемъ Управды, переходомъ на ихъ сторону „зеленыхъ“ и исчезновеніемъ Евстокіи, что они громко говорятъ на улицахъ о новой затѣѣ иконопочитателей и выдаютъ такимъ образомъ тайну заговора соглядатаямъ императора. Ихъ захватываетъ дворцовая стража, и они сами, изъ мести, выдаютъ все, что знаютъ о заговорѣ, начальнику императорскаго дворца. Они терпятъ наказаніе за свое предательство, потому что, съ цѣлью вывѣдать отъ нихъ больше свѣдѣній, ихъ мучатъ въ тюрьмѣ—совершенно напрасно, потому что они не посвящены въ подробности. Самъ императоръ—противъ излишнихъ жестокостей, но его приближенные, въ особенности занимающіе высшія дворцовыя должности евнухи, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы дать волю своимъ жестокимъ инстинктамъ. Братьевъ спасаетъ Евстокія, которая попадаетъ во дворецъ, спасаясь отъ преслѣдованій выслѣживающихъ ее „синихъ“. Она выводитъ слѣпыхъ изъ темницы, и они возвращаются въ свой дворецъ, гдѣ ихъ уже оставляютъ въ покоѣ, такъ какъ они, въ сущности, безвредны. Но существованіе заговора становится извѣстнымъ; патріархъ и все духовенство св. Софіи сильно волнуются и настаиваютъ на крутыхъ мѣрахъ. Устроивается совѣщаніе духовенства съ императоромъ, котораго заставляютъ, противъ его желанія, издать указъ, запрещающій почитаніе иконъ подъ страхомъ жестокихъ наказаній. Всѣ представители иконоборчества, въ особенности патріархъ, изображены въ романѣ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Они—достойные братья дворцовыхъ евнуховъ, жестокіе и раболѣпные люди, находящіе наслажденіе только въ томъ, чтобы творить зло. Ихъ ученіе основано на лицемѣріи, на полномъ отсутствіи любви къ людямъ. Авторъ романа видитъ въ нихъ только притѣснителей и мучителей народа. Нравственная высота христіанства, мистическая жажда добра и живая любовь къ страдающему человѣчеству воплощены въ его романѣ въ представителяхъ иконопочитанія, въ сторонникахъ Управды, защищающихъ интересы народной массы.

Послѣ обнародованія указа начинается мрачное, смутное время; самъ императоръ сдерживаетъ своихъ сторонниковъ, чувствуя, что губитъ интересы своей династіи, выводя изъ терпѣнія народъ. Но его подчиненные не знаютъ мѣры—они хотятъ потушить смуту, уничтожить заговоръ, погубить Управду, не думая о дальнѣйшемъ. Послѣ первоначальныхъ удачъ, „зеленые“ начинаютъ претерпѣвать пораженія. Захвачены главные дѣятели заговора, и тоже подвергаются искалѣчиваніямъ и долгому заточенію въ тюрьмѣ, изъ которой выходятъ обезсиленные, неспособные къ дальнѣйшей борьбѣ. Дворцовой партіи удается схватить и самого Управду. Императоръ не позволяетъ казнить его, а требуетъ только, чтобы его ослѣпили—слѣпого соперника онъ не боится. Послѣ пытки ослѣплен-

наго юношу уносятъ его друзья къ себѣ; за нимъ ухаживаютъ сестра и невѣста; онъ выздоравливаетъ, но чувствуетъ себя безконечно несчастнымъ. Его партія рѣшаетъ немедленно обвѣнчать его съ Евстокіей, для того, чтобы если ему не удастся самому вступить на престолъ, онъ смогъ бы передать свои права своему потомству. Торжественно печальный обрядъ совершается, и жизнь слѣпого юноши озаряется присутствіемъ любящей жены, къ которой онъ привязывается со всей нѣжностью своей измученной молодой души. Виглиница сначала возмущается этимъ бракомъ, въ особенности когда Евстокія готовится стать матерью. Виглиница страстно мечтаетъ сама быть матерью императора, но всѣ тѣ, кого она могла бы избрать себѣ въ супруги, теперь, претерпѣвъ мучительство со стороны императорской партіи, не считаютъ себя достойными ея. Она все-же идетъ на унизительные компромиссы, чтобы достигнуть своей цѣли, и, только потерявъ надежду на материнство, раскаивается въ своихъ интригахъ противъ брата и становится энергичной защитницей его жены и ожидаемаго ребенка. Но всѣ старанія приверженцевъ Управды не могутъ спасти его. Его и его жену скрываютъ въ церкви, считающейся святымъ убѣжищемъ, но разсвирѣпѣвшая императорская партія разрушаетъ всѣ запреты, вламывается въ церковь, и всѣ погибаютъ въ общей рѣзнѣ. Заговоръ уничтоженъ, императорская партія торжествуетъ, и народъ снова во власти произвола. Но Управда умираетъ со словами пламенной вѣры въ грядущее торжество истины и добра.

Таково содержаніе романа, въ которомъ на фонѣ историческихъ событій изображено растлѣніе нравовъ и страданія народа, не умѣющаго отстоять свои права. Романъ проникнутъ крайнимъ демократизмомъ, страстнымъ сочувствіемъ къ страданіямъ народа и ненавистью къ угнетателямъ его. Второй романъ Ломбара, „Агонія“, относящійся ко времени паденія Рима, изображаетъ царствованіе Геліогабала, распространившаго разныя темныя восточныя ученія, которыя способствовали окончательному чудовищному растлѣнію нравовъ. Въ описаніяхъ Рима, погибающаго отъ разнузданности низменныхъ страстей, отъ чудовищныхъ пороковъ, чувствуется горячая любовь къ страдающему человѣчеству, желаніе вдохнуть любовь къ свободѣ и противопоставить здоровую энергію рабочихъ массъ растлѣнію его гонителей, утопающихъ въ роскоши, опьяненныхъ властью и забывшихъ человѣческое достоинство.

III.

E. J. Dillon. Maxim Gorky. Стр. 383. London, 1902 (Isbister a. C°).

Въ концѣ минувшаго года вышла на англійскомъ языкѣ книга, посвященная разбору сочиненій Максима Горькаго; въ нее включены также переводы нѣкоторыхъ характерныхъ разсказовъ Горькаго. Авторъ книги—Э. Диллонъ, извѣстный знатокъ русской жизни, бывшій профессоръ харьковскаго университета, писавшій по-русски научныя статьи и беллетристическіе очерки. Диллонъ—ученый оріенталистъ, авторъ работъ по сравнительному языкознанію, а также талантливый публицистъ. Новая книга его о Горькомъ особенно интересна тѣмъ, что въ ней соединяется столь рѣдкое у иностранцевъ знаніе и пониманіе русской жизни съ безпристрастностью критика, смотрящаго со стороны на изучаемыя имъ явленія. Въ заграничныхъ отзывахъ о прославленномъ на весь міръ русскомъ писателѣ чувствуется большей частью безпочвенность сужденій, увлеченіе его экзотичностью, отсутствіе болѣе глубокаго пониманія и значенія Горькаго, и причинъ его успѣха. Диллонъ въ этомъ отношеніи составляетъ рѣдкое исключеніе; онъ не уступаетъ въ пониманіи условій русской дѣйствительности любому русскому писателю. Но, зная Россію какъ русскій, онъ судитъ о явленіяхъ русской жизни, и въ частности о разбираемомъ имъ русскомъ писателѣ, какъ иностранецъ,—и въ этомъ заключается главный интересъ его книги. Задача Диллона заключается въ томъ, чтобы выяснить англійскимъ читателямъ условія, вліявшія на развитіе Максима Горькаго, на его міросозерцаніе, и тѣмъ самымъ освѣтить художественное значеніе Горькаго, также какъ и слабыя стороны его произведеній.

Значительная часть книги Диллона отведена біографіи Горькаго, потому что, по его словамъ, „популярность этого писателя въ значительной степени обусловливается романтичностью его судьбы". Диллонъ отмѣчаетъ при этомъ фактъ, характерный, по его мнѣнію, для исторіи русской культуры,—онъ говоритъ, что въ Россіи восхожденіе по общественной лѣстницѣ гораздо легче дается талантливымъ натурамъ изъ народа, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ всякій, кто стучится въ двери во имя науки и искусства, встрѣчаетъ въ русскомъ обществѣ самое горячее сочувствіе. Онъ приводитъ въ примѣръ Ломоносова, и наиболѣе яркое доказательство „подвижности общественныхъ перегородокъ" видитъ въ судьбѣ Горькаго, столь быстро занявшаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной русской литературѣ. Намъ кажется, что тутъ дѣло не въ исключительной чуткости

русскаго общества къ талантамъ, а въ томъ, что исключительно одаренныя натуры, въ какой бы средѣ онѣ ни появлялись, всегда пробиваютъ себѣ путь. И англійскій поэтъ Бёрнсъ, и Беранже, и французскій художникъ Миллэ, были выходцами изъ народа; на протяженіи исторіи культурнаго человѣчества можно найти множество примѣровъ побѣды выдающихся натуръ надъ условіями среды. Но Диллонъ несомнѣнно правъ, говоря, что та озлобленность противъ интеллигенціи, которая чувствуется въ произведеніяхъ Горькаго, вызвана обстоятельствами его жизни, мрачными впечатлѣніями дѣтства и юности, проведенной среди обездоленныхъ тружениковъ и погибшихъ людей. Для Диллона темнымъ пунктомъ въ литературной дѣятельности Горькаго является его классовая ненависть, которую, какъ онъ говоритъ, никакъ нельзя оправдать, когда она направлена противъ самой культурной и прогрессивной части общества. Но, признавая талантъ и значеніе Горькаго, онъ задается цѣлью объяснить ненависть его къ интеллигенціи, и съ этой цѣлью очень живо и художественно разсказываетъ судьбу Горькаго, оттѣняя всѣ испытанныя имъ страданія и лишенія; онъ старается возбудить къ нему симпатіи и сочувствіе англійскихъ читателей, чтобы оправдать такимъ образомъ панегириста босячества. Такое отношеніе англійскаго критика къ Горькому очень любопытно. У насъ Горькаго прославляютъ за то, что онъ „открылъ“ новую культурную силу, противопоставивъ идеаламъ интеллигентнаго класса свободолюбіе и нравственное превосходство самобытныхъ натуръ изъ рабочей среды. Англійскій критикъ, напротивъ того, считаетъ этотъ протестъ противъ культуры во имя свободы личности темной стороной дѣятельности даровитаго писателя. Чтобы примирить съ нею культурное человѣчество, онъ ищетъ оправданія Горькому въ его личной судьбѣ, въ томъ, что въ юности ему приходилось сталкиваться только съ такими же пасынками культуры, какъ онъ самъ. Біографію Горькаго Диллонъ разсказываетъ очень обстоятельно, пользуясь всѣми имѣющимися въ русской печати источниками, а также и отмѣчая автобіографическія подробности въ произведеніяхъ Горькаго. Онъ переплетаетъ свой разсказъ съ переводомъ отрывковъ изъ сочиненій Горькаго, и дѣлаетъ это очень искусно, такъ что въ общемъ получается живой и цѣльный образъ писателя. Имѣя въ виду англійскую публику, Диллонъ поясняетъ нѣкоторыя условія русской общественной жизни, обнаруживая всестороннее пониманіе ея. Очень интересна въ его книгѣ глава о причинахъ успѣха Горькаго. Диллонъ приписываетъ этотъ успѣхъ не столько художественному значенію Горькаго, какъ его міросозерцанію, въ которомъ всѣ общественныя партіи находятъ отраженіе своихъ взглядовъ и идеаловъ. Диллонъ очень вѣрно разъясняетъ

отношеніе русскаго интеллигентнаго общества къ литературѣ, въ которой оно ищетъ главнымъ образомъ отвѣта на общественныя злобы дня, гораздо менѣе интересуясь чисто художественнымъ содержаніемъ литературныхъ произведеній. Для западно-европейскихъ читателей, въ особенности для англичанъ, такой взглядъ на литературу кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ; понимая это, Диллонъ старается выяснить причины такого преобладанія общественныхъ запросовъ надъ всѣмъ остальнымъ въ Россіи, и по поводу Горькаго даетъ интересныя характеристики нашихъ идейныхъ и общественныхъ теченій.

Оцѣнивая Горькаго какъ писателя, Диллонъ отдаетъ должное его стихійному таланту, но упрекаетъ его въ излишней субъективности, въ томъ, что всѣ его герои отражаютъ только его собственныя титаническія чувства, его мятежную жажду свободы, и менѣе всего соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Онъ считаетъ Горькаго не реалистомъ, а чистымъ романтикомъ, прославляющимъ красоту необузданныхъ, властныхъ натуръ. Цѣлая глава книги Диллона посвящена выясненію того, что̀ составляетъ характерную черту героевъ Горькаго, т.-е. ихъ тоски, ихъ мистической жажды безпредѣльнаго, стремленія познать цѣль жизни и рѣшать вопросы совѣсти. Эту тоску англійскій критикъ считаетъ особенностью русскаго темперамента, и потому находитъ нужнымъ объяснить ее англійскимъ читателямъ, какъ чуждое и мало понятное имъ явленіе. Диллонъ показываетъ на удачно выбранныхъ примѣрахъ, какъ ярко Горькій воплотилъ это чувство въ своихъ герояхъ, и какое глубокое содержаніе заключается въ недовольствѣ простого русскаго человѣка будничной дѣйствительностью.

Болѣе всего Диллонъ вооружается противъ этики Горькаго; всѣхъ его босяковъ и „бывшихъ людей“ онъ считаетъ безнравственными проповѣдниками эгоистической жестокой морали въ духѣ ницшеанскаго сверхчеловѣка. Онъ не видитъ ничего возвышеннаго въ „сверхъ-босякѣ“ (over-tramp) и тѣмъ болѣе въ погибшихъ людяхъ Горькаго, способныхъ къ безграничной жестокости, обуреваемыхъ только жаждой сильныхъ ощущеній. Диллонъ высоко ставитъ талантъ Горькаго въ изображеніи этихъ оригинальныхъ натуръ, но съ прославленіемъ ихъ онъ не можетъ согласиться; онъ настолько вѣритъ въ любвеобильность славянской натуры, что считаетъ героевъ Горькаго выдуманными, отражающими только чувства и настроенія озлобленнаго писателя. Въ этомъ, по его мнѣнію, коренной недостатокъ Горькаго, представляющаго психологію русскаго народа въ извращенномъ видѣ. „Еслибы,—говоритъ Диллонъ,—Горькій отдѣлался отъ пагубнаго для искусства субъективизма,—а въ послѣднее время онъ какъ будто бы идетъ къ этому,—онъ можетъ быть дѣйствительно сталъ бы законнымъ преемникомъ великаго автора „Анны Карениной““. Изъ этихъ словъ

видно, что англійскій критикъ менѣе всего умаляетъ значеніе Горькаго. Напротивъ того, онъ заходитъ гораздо дальше въ своихъ похвалахъ, чѣмъ это дѣлаютъ русскіе критики, хотя,—говоря съ точки зрѣнія гордаго своей культурой англичанина,—онъ и отвергаетъ то, что въ Россіи болѣе всего прославило Горькаго,—т.-е. его бодрое міросозерцаніе, его протестъ и противъ буржуазной морали, и противъ интеллигенціи. Диллонъ критикуетъ также неровность, отрывочность произведеній Горькаго, отсутствіе цѣльности въ его большихъ повѣстяхъ, какъ напр. въ „Ѳомѣ Гордѣевѣ“ и въ повѣсти „Трое“, т.-е. то, что онъ называетъ крайнимъ импрессіонизмомъ Горькаго. Но онъ отмѣчаетъ блескъ и силу отдѣльныхъ характеристикъ, полныхъ кипучей жизни сценъ, и прославляетъ стихійность писательскаго темперамента Горькаго, покоряющаго своей стремительностью, богатствомъ фантазіи и красокъ, своей безудержностью и широтою.

Въ общемъ книга Диллона даетъ полное и вѣрное представленіе о Горькомъ, и среди всего, что́ о немъ пишется за границей въ такомъ количествѣ, это — рѣдкая, быть можетъ единственная, написанная съ полнымъ пониманіемъ, оцѣнка русскаго писателя иностранцемъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1903.

Московскій съѣздъ учительскихъ обществъ взаимопомощи. — Вереница маленькихъ обвинительныхъ актовъ противъ самоуправленія. — Процессъ кронштадтскаго полиціймейстера.—Рядъ недоразумѣній.—Земство, область Войска донского и не-земскія губерніи —Губернскіе комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Въ Москвѣ происходили, въ концѣ декабря и началѣ января, засѣданія перваго съѣзда представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи. Интересъ, возбужденный имъ въ московскомъ обществѣ, былъ очень великъ; масса слушателей слѣдила съ величайшимъ вниманіемъ за преніями секцій и общаго собранія. Между учащими въ начальныхъ школахъ, составлявшими большинство членовъ съѣзда, оказалось немало талантливыхъ ораторовъ; особенно хорошо говорили, по общему отзыву, многія изъ учительницъ. Само собою разумѣется, что широкое, сравнительно свободное обсужденіе вопросовъ, касающихся начальной школы, положеніе которой слишкомъ тѣсно связано съ положеніемъ учащихъ, чтобы послѣднее могло быть разсматриваемо отдѣльно отъ перваго,—не могло поправиться газетнымъ охранителямъ „тиши и глади“, не умѣющимъ или не желающимъ отличать критику —отъ дерзости, стремленіе къ лучшему—отъ колебанія основъ. „Московскія Вѣдомости“ (№№ 17—20) посвятили съѣзду цѣлый рядъ статей, обвиняя его чуть не въ государственныхъ преступленіяхъ. „Безпорядочная толпа“, въ которой участники съѣзда смѣшивались съ посторонними посѣтителями, оказывается виновной, прежде всего, въ неуваженіи къ попечителю московскаго учебнаго округа. Въ своей заключительной рѣчи г. попечитель упомянулъ, между прочимъ, о „непопулярной, можетъ быть, неблагодарной, но крайне необходимой для обузданія отрицательныхъ элементовъ роли наблюдателей надъ съѣздомъ“. „Насколько наблюденіе было необходимо“,—прибавилъ онъ,— „видно изъ настоящаго отношенія къ моей рѣчи нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ“. Знаки неодобренія, на которые здѣсь намекаетъ г. попечитель, реакціонная печать старается приписать крайнимъ, чуть не революціоннымъ элементамъ, игравшимъ на съѣздѣ, будто бы, господствующую роль. Совершенно другое объясненіе даетъ этому обстоятельству корреспондентъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 9), свободныхъ отъ подозрѣнія въ какихъ бы то ни было *измахъ*. По его сло-

вамъ, *московское общество* (а не съѣхавшіеся отовсюду участники съѣзда), живо интересуясь съѣздомъ, „находило, что учителей слишкомъ третируютъ, хотѣло бы видѣть по отношенію къ нимъ больше человѣчности и деликатности—и вотъ это-то настроеніе публики и проявилось въ торжественномъ (заключительномъ) засѣданіи. Можно ли разсматривать его какъ протестъ *отрицательныхъ элементовъ* противъ правительства? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ: это было неодобреніе *московской знати и консервативнѣйшаго* московскаго общества по отношенію къ *бюрократу* [1]), дѣйствія котораго—худо ли, хорошо ли, —этому самому обществу не понравились". Настаивать на своемъ толкованіи корреспондентъ считаетъ нужнымъ для того, „дабы не могли оказаться въ отвѣтѣ очень маленькіе и очень беззащитные люди". Первый извѣтъ противъ съѣзда падаетъ, такимъ образомъ, самъ собою.

Второй и главный обвинительный пунктъ заключается въ томъ, что съѣздъ, выйдя за предѣлы своей роли, вмѣшался въ область законодательства и управленія и выразилъ, при этомъ, анти-правительственныя чувства. Замѣтимъ, прежде всего, съ помощью какихъ пріемовъ „Московскія Вѣдомости" группируютъ матеріалъ для своихъ обвиненій. Коммиссія, выбранная одною изъ секцій, разсмотрѣла вопросъ о правовомъ положеніи учащихъ и формулировала свое заключеніе въ тридцати-двухъ пунктахъ, изъ которыхъ распорядительнымъ комитетомъ съѣзда допущено было къ обсужденію только четырнадцать; но съѣздъ, находя, что всѣ пункты тѣсно связаны между собою, не призналъ возможнымъ касаться нѣкоторыхъ изъ нихъ отдѣльно отъ другихъ, и заключеніе коммиссіи осталось вовсе неразсмотрѣннымъ [2]). Что же дѣлаетъ авторъ статей о съѣздѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"? Не упоминая ни однимъ словомъ о судьбѣ заключеній коммиссіи, онъ выдергиваетъ изъ нихъ различные пункты, выставляя ихъ то какъ предложенія коммиссіи, то какъ рѣшенія съѣзда. Общее впечатлѣніе—для читателей, незнакомыхъ съ дѣломъ изъ другихъ источниковъ,—получается такое, что рѣчь идетъ, въ концѣ концовъ, о постановленіяхъ съѣзда, тогда какъ ихъ по данной группѣ вопросовъ на самомъ дѣлѣ не состоялось вовсе.

Посмотримъ теперь на нѣкоторыя дѣйствительно состоявшіяся постановленія съѣзда, возбуждающія въ московской газетѣ негодованіе и ужасъ. Совершенно понятно, что съѣздъ, глубоко заинтересованный въ судьбѣ народной школы, не могъ не высказаться за распростра-

[1]) Мы вездѣ сохраняемъ курсивъ подлинника.

[2]) Мы далеки отъ мысли, что въ заключеніяхъ коммиссіи было что-нибудь противозаконное, опасное или вредное; мы не разсматриваемъ ихъ по существу только потому, что они не вошли въ составъ работы, исполненной съѣздомъ.

неніе земскихъ учрежденій, столь много сдѣлавшихъ для начальнаго обученія, за расширеніе источниковъ земскаго обложенія, за мелкую земскую единицу, какъ лучшую рамку для народной школы, за увеличеніе средствъ, предоставляемыхъ государствомъ на нужды народнаго образованія. Непозволительными всѣ эти резолюціи съѣзда,—облеченныя, конечно, въ форму ходатайствъ и состоявшіяся съ вѣдома и безъ противодѣйствія наблюдателей,—могутъ казаться только тѣмъ, по мнѣнію которыхъ права маленькихъ людей исчерпываются формулой: „кланяться и благодарить". По предложенію А. А. Стаховича (елецкаго уѣзднаго предводителя дворянства) была принята слѣдующая резолюція: „съѣздъ изъ работъ своихъ выяснилъ, что Положеніе 1874 г. не соблюдается въ точности, и циркуляры нерѣдко противорѣчатъ этому закону". Эту резолюцію обвинитель-доброволецъ находитъ „весьма похожей на замѣчаніе начальника по адресу подчиненнаго". Ничего подобнаго въ ней нѣтъ; это—просто констатированіе факта (въ подлинныхъ протоколахъ, безъ сомнѣнія, достаточно мотивированное), никому ничего не ставящее въ вину. Несогласіе между закономъ и разъясняющими его инструкціями бываетъ иногда безсознательнымъ, невольнымъ: обнаружить его,—значитъ поддержать авторитетъ закона, а слѣдовательно и авторитетъ руководящейся закономъ власти... На съѣздѣ указаны были случаи запрещенія простыхъ товарищескихъ вечеринокъ, устраивавшихся учителями; „Московскія Вѣдомости" усматриваютъ въ этомъ жалобу подчиненныхъ на начальство, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ рѣчь шла не объ отдѣльныхъ злоупотребленіяхъ, а о предупрежденіи ихъ на будущее время, установленіемъ болѣе точныхъ границъ надзора надъ частною жизнью учащихъ... Анти-правительственныя чувства съѣзда усердная не по разуму газета видитъ въ томъ, что имъ отклонено было предложеніе о дарованіи нѣкоторымъ категоріямъ народныхъ учителей правъ государственной службы. Выраженное при этомъ опасеніе, что мундиръ создастъ искусственную преграду между учителемъ и сельскимъ населеніемъ, возводится „Московскими Вѣдомостями" на степень „отдѣлыванья" государственной службы и оскорбленія чиновъ министерства народнаго просвѣщенія, присутствовавшихъ на съѣздѣ въ установленной форменной одеждѣ. Не проще ли было бы припомнить, что крестьяне несомнѣнно чувствуютъ еще до сихъ поръ страхъ передъ мундиромъ—а источникомъ вліянія народнаго учителя на учащихся и вообще на деревню меньше всего долженъ служить именно страхъ, не располагающій къ довѣрію. Не бѣда, если однажды въ годъ начальную школу посѣтитъ инспекторъ, одѣтый въ вице-мундиръ—но большимъ шагомъ назадъ въ развитіи на-

чальной школы было бы обращеніе народнаго учителя въ чиновника, съ внѣшними аттрибутами этого званія.

Въ передовой статьѣ, посвященной съѣзду, „Московскія Вѣдомости“ вывели изъ его „возмутительной“ дѣятельности слѣдующее практическое заключеніе: въ общества взаимопомощи учащимъ не слѣдуетъ допускать элементъ благотворительности, потому что вмѣстѣ съ нимъ въ составъ обществъ входятъ постороннія лица, смущающія учителей и ведущія ихъ на опасную дорогу. Что одной взаимопомощью нельзя улучшить участь такихъ бѣдняковъ, какъ громадное большинство учащихъ въ начальныхъ школахъ—до этого московской газетѣ, конечно, нѣтъ дѣла: ей нужно только съузить и обезсилить общества, составляемыя учащими и для учащихъ. Въ видахъ соблюденія приличій, устраненіе благотворительности мотивируется, впрочемъ, еще однимъ добавочнымъ аргументомъ: указаніемъ на унизительный характеръ благотворительной помощи. „Какъ ни разсматривать“—читаемъ мы въ № 20 „Московскихъ Вѣдомостей“, — „положеніе учителя начальной школы, какъ просто ли профессіональнаго работника, или какъ—что, конечно, правильнѣе — одного изъ дѣятелей на поприщѣ государственной службы, во всякомъ случаѣ странно учреждать для воспособленія ему благотворительныя общества. Почему не учреждается, напримѣръ, благотворительное общество для воспособленія офицерамъ? Конечно, не только потому, что эта профессія поставлена въ матеріальномъ отношеніи въ лучшія, чѣмъ учителя, условія, но также и потому, что дѣятельность такого общества была бы оскорбительна для достоинства каждаго офицера. Не только государственный служащій, но даже и всякій простой работникъ, не лишенный способности къ труду, не пожелаетъ пользоваться даяніями какихъ бы то ни было благотворителей. Почему же сдѣлано исключеніе для начальныхъ учителей? Почему признается, что оказаніе имъ поддержки отъ щедротъ благотворителей не унижаетъ ихъ человѣческаго достоинства“? Въ основаніи этой тирады лежатъ, прежде всего, фактическія ошибки. Если приравнивать народныхъ учителей къ чиновникамъ (что совершенно неправильно), то слѣдуетъ припомнить, что при министерствѣ юстиціи уже довольно давно существуетъ благотворительное общество судебнаго вѣдомства, помогающее бывшимъ и настоящимъ его труженикамъ. Если приравнивать народныхъ учителей къ профессіональнымъ работникамъ, то необходимо имѣть въ виду, что для самыхъ различныхъ категорій такихъ работниковъ, начиная съ ремесленниковъ и кончая врачами или литераторами, организована, въ разныхъ формахъ, благотворительная помощь. Говоря о литературномъ фондѣ, мы много разъ имѣли случай объяснять, почему такая помощь, если она поставлена правильно, не можетъ считаться унизи-

тельною. Каждый работникъ, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣетъ на нее *нравственное право*; въ основаніи каждаго рѣшенія благотворительнаго общества лежитъ *признаніе этого права*, а вовсе не снисхожденіе, не милость, не капризъ благотворителя. Никакимъ софизмамъ, поэтому, не удастся доказать, что учащимъ должны и могутъ помогать только одни учащіе. Трудъ учащихъ въ начальной школѣ такъ тяжелъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ важенъ, что въ долгу передъ ними состоитъ все русское общество.

Постоянно волнуемая страстною ненавистью ко всему самостоятельному и свободному, московская реакціонная газета открыла у себя, съ конца прошлаго года, особый отдѣлъ, озаглавленный: „Наше общественное управленіе". Почти ежедневно появляется здѣсь перечень прегрѣшеній, совершенныхъ земствами и городами—или, вѣрнѣе, перечень фактовъ, въ которыхъ, подъ вліяніемъ предвзятой мысли, можно усмотрѣть нѣчто похожее на прегрѣшеніе. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ эти факты, если разсматривать ихъ не сквозь очки узкой и злобной тенденціи. Мы имѣли терпѣніе прочесть бо́льшую часть маленькихъ обвинительныхъ актовъ, сооружаемыхъ, очевидно, въ разсчетѣ на то, что—gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo—и пришли къ убѣжденію, что, слабыя сами по себѣ, капли „Московскихъ Вѣдомостей" не становятся болѣе сильными отъ частаго паденія. О томъ, какъ составляются эти капли, можно судить по нѣсколькимъ примѣрамъ. Открытію рѣшительной кампаніи противъ всего земскаго самоуправленія предшествовало авангардное нападеніе на одно изъ земствъ, особенно ненавистныхъ газетнымъ реакціонерамъ—на земство тверское. Появился рядъ статей подъ общимъ именемъ: „*Прогрессивное* земство" („Московскія Вѣдомости" 1902-го года №№ 273, 278, 294). Въ самомъ ихъ началѣ были приведены слѣдующія слова, сказанныя однимъ изъ гласныхъ при обсужденіи вопроса о мелкой земской единицѣ: „чтобы разрушить народную темноту, земство должно отклонить народъ *отъ той колокольни*, отъ того забора, къ которому прикованы его интересы, и показать ему болѣе широкіе горизонты". Поставивъ въ скобкахъ, послѣ подчеркнутыхъ нами словъ, вопросъ: „только ли отъ колокольни"?—благосклонный комментаторъ приписываетъ гласному желаніе „оторвать народъ отъ всего, съ чѣмъ онъ вѣками свыкся, чѣмъ до сихъ поръ была красна его жизнь", т.-е., говоря яснѣе, оторвать его отъ *церкви*, которую (въ силу риторической фигуры: pars pro toto) изображаетъ собою, будто бы, колокольня. Между тѣмъ, въ преніяхъ тверского земства *колокольня* играла совершенно иную роль; выраженіе: „интересы колокольни" употреб-

лялось, по французскому образцу (intérêts du clocher), въ смыслѣ узкомѣстныхъ интересовъ, не идущихъ дальше того пространства, на которомъ видна сельская колокольня. Ничего другого не понималъ подъ „интересами колокольни“ гласный В. Д. Кузьминъ-Караваевъ,— если не ошибаемся, первый, заговорившій о нихъ во время преній о мелкой земской единицѣ; ничего другого, несомнѣнно, не имѣлъ въ виду и тотъ гласный (А. Н. Дьяковъ), слова котораго приведены „Московскими Вѣдомостями“. Чтобы превратить невиннѣйшій оборотъ рѣчи въ посягательство на связь народа съ церковью, нужно, по истинѣ, искусство особаго рода.

Основная нота, сразу взятая въ „Прогрессивномъ земствѣ“, звучитъ во всемъ отдѣлѣ: „Наше общественное самоуправленіе“. Сообщается, напримѣръ, что орловское губернское земское собраніе единогласно постановило ходатайствовать о пріостановкѣ введенія новаго ветеринарнаго закона и о пересмотрѣ его при участіи земскихъ представителей—и тутъ же дѣлается выводъ: „земства, повидимому, все еще не теряютъ надежды играть законодательную роль“. Простая справедливость требовала бы здѣсь, во-первыхъ, указанія на то, что ходатайства, аналогичныя съ орловскимъ, возбуждены и многими другими земствами, и даже сельско-хозяйственными обществами, что̀ невольно наводитъ на мысль о серьезныхъ недостаткахъ новаго закона; во-вторыхъ, напоминанія о томъ, что именно путемъ подобныхъ ходатайствъ было предотвращено, лѣтъ восемь тому назадъ, введеніе въ дѣйствіе новаго устава лечебныхъ заведеній... Московское губернское земство постановило ходатайствовать о передачѣ фабричной медицины въ вѣдѣніе земства, съ замѣной натуральной повинности, которую несутъ фабриканты, денежною. „Московскія Вѣдомости“ возражаютъ, что фабриканты безъ того уже платятъ земскіе налоги, въ огромномъ размѣрѣ (?), и за эти деньги имѣютъ право пользоваться земской медициной. Что̀ это, незнаніе или недобросовѣстность? Обязанность оказывать медицинскую помощь своимъ рабочимъ лежитъ на фабрикантахъ совершенно независимо отъ уплаты земскихъ сборовъ; передача фабричной медицины въ руки земства повлекла бы за собою не установленіе новаго сбора съ фабрикантовъ, а только реорганизацію его на раціональныхъ началахъ. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время больницы и пріемные покои при фабрикахъ существуютъ иногда только на бумагѣ или оставляютъ желать слишкомъ многаго... Моршанское уѣздное земство воспользовалось призывомъ новобранцевъ для производства повѣрочнаго испытанія тѣмъ изъ нихъ, которые окончили курсъ въ начальной школѣ. Никакой другой цѣли оно при этомъ, очевидно, не имѣло, кромѣ удостовѣренія, существуетъ ли, и если существуетъ, то въ какой мѣрѣ, такъ-называемый рецидивъ без-

грамотности; между тѣмъ, „Московскія Вѣдомости“ иронически приписываютъ земству намѣреніе „черезъ годъ или два, въ видахъ контроля надъ дѣйствіями военнаго министерства, произвести испытаніе новобранцевъ въ боевой подготовкѣ“... Въ одномъ изъ отрывковъ обвинительнаго акта приведено нѣсколько неблагопріятныхъ для земства отмѣтокъ, сдѣланныхъ императоромъ Александромъ III-мъ при чтеніи губернаторскихъ отчетовъ—но ни словомъ не упомянуто о томъ, что тѣмъ же государемъ были дѣлаемы отмѣтки и противоположнаго характера (напр. одобреніе дѣятельности тамбовскаго губернскаго земства по охраненію народнаго здоровья)... Значительная часть обвинительныхъ пунктовъ касается такихъ сторонъ дѣятельности земства, которыя заслуживаютъ полнѣйшаго одобренія. Въ пассивъ земскихъ собраній ставятся ходатайства, вполнѣ оправдываемыя обстоятельствами—ставятся только потому, что они идутъ въ разрѣзъ съ обычными стремленіями реакціонной печати. Новгородское губернское земство, напримѣръ, ходатайствуетъ о предоставленіи сельскимъ обществамъ выбирать на волостныхъ сходахъ земскихъ гласныхъ, а не кандидатовъ, часть которыхъ утверждается въ званіи гласныхъ начальникомъ губерніи. „Двойной выборъ крестьянъ и администраціи“—изрекаетъ московская газета—„даетъ земскимъ собраніямъ наилучшихъ представителей интересовъ сельскаго населенія“. Кто сколько-нибудь знакомъ съ дѣятельностью уѣздныхъ земскихъ собраній, для того не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это изреченіе прямо противоположно истинѣ... Но вотъ что особенно важно: между 45 просмотрѣнными нами рубриками отдѣла: „Наше общественное самоуправленіе“ [1]) мы нашли всего 9, относящихся къ *злоупотребленіямъ* (дѣйствительнымъ или мнимымъ—это другой вопросъ) земскаго и городского самоуправленія, причемъ на долю перваго приходится только *два* указанія, на долю второго—*семь*. Небольшой же результатъ дали усилія противниковъ самоуправленія, чуть не съ помощью микроскопа разыскивающихъ въ немъ „черные пункты“! Избытокъ усердія поставилъ ихъ, однажды, въ весьма неловкое положеніе. Съ торжествующимъ видомъ заимствовали они изъ „Черноморскаго Побережья“ извѣстіе о томъ, что гласные темрюкской (Кубанской области) городской думы обратились къ начальнику области, по телеграфу, съ жалобой на „глумленіе и издѣвательства“ городского головы Асмолова. Въ этой жалобѣ усмотрѣнъ былъ фактъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ даже для привыкшихъ къ капризамъ нашихъ самоуправленій“. Что же, однако, оказывается на самомъ дѣлѣ? Г. Асмоловъ

[1]) Въ №№ 354, 355, 357, 358, 359, 360 за 1902 г. и №№ 1, 6, 7, 9, 13, 15, 16, 17, 18 и 20 за 1903 г.

четыре раза былъ забаллотированъ темрюкскою думою и назначенъ на постъ головы областною властью [1])! И это напечатано, повидимому, въ томъ самомъ № „Черноморскаго Побережья“, изъ котораго „Московскія Вѣдомости“ взяли только то, что̀ имъ показалось подходящимъ для ихъ обвинительной фабрики! „Капризами“, въ данномъ случаѣ, занимается лицо, назначенное не только помимо самоуправляющагося учрежденія, но прямо вопреки его неоднократно выраженному взгляду.

Крайняя скудость обвинительнаго матеріала, которымъ орудуютъ наши „земствофобы“, тѣмъ болѣе знаменательна, что ни къ собиранію, ни къ оглашенію обвиненій противъ земства нѣтъ никакихъ внѣшнихъ препятствій. Дѣятельность земскихъ учрежденій происходитъ на виду у всѣхъ и вполнѣ доступна для критики. Не можетъ быть, конечно, чтобы она вездѣ и всегда была свободна отъ недостатковъ; но меньше ли ихъ въ учрежденіяхъ другого рода, не имѣющихъ ничего общаго съ выборнымъ началомъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко, потому что административныя власти дѣйствуютъ, въ большинствѣ случаевъ, подъ охраной тайны, нарушать которую далеко не безопасно. Вѣдь нельзя же представить себѣ, напримѣръ, чтобы какая-нибудь газета, по образцу „Московскихъ Вѣдомостей“, открыла у себя особый отдѣлъ: „Наше мѣстное управленіе“—и наполняла его фактами отрицательнаго свойства, почерпнутыми хотя бы изъ дѣятельности земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ...

Какъ мало гарантій представляетъ *назначеніе* и съ какими затрудненіями сопряжено привлеченіе къ отвѣтственности назначенныхъ должностныхъ лицъ—объ этомъ даетъ наглядное понятіе процессъ кронштадтскаго полиціймейстера Шафрова, къ разсмотрѣнію котораго приступило, 14-го января, особое присутствіе с.-петербургской судебной палаты. Не касаясь, конечно, неразрѣшеннаго еще вопроса о виновности или невиновности подсудимаго въ взводимыхъ на него преступленіяхъ (лихоимствѣ, превышеніи власти и подлогахъ по службѣ), подчеркнемъ только слѣдующіе безспорные факты. Съ 1887 по 1892 г. Шафровъ состоялъ на службѣ въ московской полиціи и оставилъ ее помимо своего желанія. Это не помѣшало опредѣленію его въ штатъ петербургской полиціи, откуда онъ былъ удаленъ въ 1894 г.—и все-таки, въ 1896 г., получилъ мѣсто кронштадтскаго полиціймейстера. Когда, въ концѣ 1899-го года, до прокурорскаго надзора дошли свѣдѣнія о служебныхъ злоупотребленіяхъ Шафрова, прокуроръ спб. судебной палаты обратился къ кронштадтскому военному губернатору съ просьбою распорядиться производствомъ предварительнаго слѣдствія, съ временнымъ устраненіемъ Шафрова отъ долж-

[1]) Смотри № 3 газеты „Право“.

ности полиціймейстера. Губернаторъ отвѣчалъ прокурору, что находитъ обвиненія противъ Шафрова недостаточными, и поручилъ ихъ провѣрку особой административной коммиссіи изъ трехъ членовъ. Убѣдясь, затѣмъ, въ неосновательности обвиненій, губернаторъ окончательно отказался отъ возбужденія преслѣдованія противъ Шафрова. Разногласіе между прокуроромъ и губернаторомъ было внесено на разсмотрѣніе правительствующаго сената, который, признавъ назначеніе административнаго разслѣдованія о дѣйствіяхъ Шафрова неправильнымъ, 22-го мая 1900-го года опредѣлилъ произвести объ этихъ дѣйствіяхъ предварительное слѣдствіе, съ устраненіемъ Шафрова отъ занимаемой имъ должности. Все это—характерная иллюстрація къ любимой темѣ реакціонныхъ газетъ, по мнѣнію которыхъ реально отвѣтственными являются у насъ только должностныя лица, не выбранныя, а назначенныя и состоящія въ строгомъ подчиненіи у своего начальства... Къ существу дѣла Шафрова мы вѣроятно еще возвратимся, когда окончится судебное производство; теперь напомнимъ только, что много аналогичнаго съ этимъ дѣломъ, по способу возбужденія, представляетъ процессъ другого кронштадтскаго полиціймейстера, Головачева, судившагося за преступленія должности семнадцать лѣтъ тому назадъ. Вотъ что̀ мы писали тогда въ нашей общественной хроникѣ (1885 г. № 11, стр. 461): „Гораздо раньше возбужденія предварительнаго слѣдствія надъ Головачевымъ дѣйствія его составляли предметъ многочисленныхъ жалобъ со стороны частныхъ лицъ—но довѣріе начальства къ распорядительному и усердному чиновнику оставалось непоколебимымъ. Оно не пошатнулось даже тогда, когда произведено было первое оффиціальное дознаніе, кое-что обнаружившее и заставившее предполагать еще гораздо бо̀льшее. Начальство Головачева принимаетъ мѣры къ дополненію этого дознанія—и Головачевъ опять оказывается чистымъ и правымъ. Нужно было второе предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ (гр. Игнатьева), чтобы положить начало предварительному слѣдствію—но и послѣ того Головачевъ продолжалъ исправлять должность полиціймейстера, хотя это неизбѣжно должно было затруднять задачу слѣдователя. Рѣшительный поворотъ въ судьбѣ Головачева совершился только тогда, когда разслѣдованіе его дѣйствій перешло въ руки судебнаго вѣдомства“. Сходство обоихъ случаевъ по истинѣ поразительное: для его полноты недостаетъ только вмѣшательства въ дѣло Шафрова со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. На этотъ разъ заслуга направленія дѣла къ судебному разслѣдованію принадлежитъ всецѣло судебному вѣдомству.

Газетныя нападенія на земскія собранія и городскія думы представляютъ собою скорѣе тревожный признакъ времени, чѣмъ реальную опасность. Гораздо серьезнѣе, конечно, недоразумѣнія, возникающія между высшими представителями мѣстной администраціи и органами самоуправленія—недоразумѣнія, усердно раздуваемыя реакціонною печатью. Бессарабское губернское земское собраніе отклонило докладъ объ устройствѣ опытнаго поля, составленный губернскою управою на основаніи записки уполномоченнаго министерства земледѣлія. Если вѣрить корреспонденціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 13), бессарабскій губернаторъ предложилъ губернской управѣ представить этотъ же самый докладъ, для новаго обсужденія, будущему очередному губернскому собранію, „такъ какъ докладъ, въ основу котораго легла записка представителя—безусловно компетентнаго въ возбужденномъ вопросѣ—*не можетъ не быть принятымъ*“. Одинаково спорнымъ кажется намъ и право губернатора требовать отъ губернской управы вторичнаго внесенія доклада, однажды отклоненнаго собраніемъ, и существованіе такихъ докладовъ, которые *не могутъ не быть приняты* (если только они не касаются обязательныхъ для земства расходовъ). Настаивать на принятіи доклада въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ, въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе не было основанія, что собраніе не вовсе отказалось отъ устройства опытныхъ полей, а только намѣтило другой путь для ихъ осуществленія. Неясно для насъ и то, почему уполномоченный министерства земледѣлія признается болѣе компетентнымъ, чѣмъ цѣлое собраніе, т.-е. чѣмъ представители населенія, для котораго и на счетъ котораго проектируется данная мѣра.

Калужскій губернаторъ, въ рѣчи при открытіи губернскаго земскаго собранія, указалъ на неправильность порядка, въ силу котораго самое маловажное хозяйственное распоряженіе по хлюстинскимъ благотворительнымъ заведеніямъ губернскаго земства (напр. устройство форточки) непремѣнно должно быть проведено черезъ губернскую управу. Предсѣдатель губернской управы разъяснилъ собранію, что мелкія подѣлки, въ родѣ упомянутой губернаторомъ, приводятся въ исполненіе по единоличному требованію члена управы, завѣдующаго благотворительными заведеніями; на разрѣшеніе управы въ коллегіальномъ ея составѣ вносятся только вопросы о производствѣ сверхсмѣтныхъ расходовъ—и другой порядокъ въ этомъ отношеніи допущенъ быть не можетъ. Разногласіе между губернаторомъ и управой сводится, такимъ образомъ, къ фактамъ, выясненіе которыхъ легко могло быть достигнуто до открытія собранія.

Таврическій губернаторъ обратился въ симферопольскую городскую

думу съ предложеніемъ, въ которомъ, указавъ на недостатокъ планомѣрности и продуктивности въ дѣятельности городского общественнаго управленія, намѣтилъ рядъ мѣръ, съ помощью которыхъ могли бы быть достигнуты болѣе удовлетворительные результаты: увеличеніе числа членовъ управы, пересмотръ и дополненіе инструкцій, данныхъ исполнительнымъ коммиссіямъ, усиленіе иниціативы и личной роли предсѣдательствующаго, составленіе списка назрѣвшихъ городскихъ нуждъ и, наконецъ, если городская управа признаетъ это нужнымъ, командированіе въ помощь ей при составленіи вышеупомянутыхъ списка и инструкцій непремѣннаго члена губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Разсмотрѣвъ предложеніе губернатора, дума нашла, что избраніе третьяго члена гор. управы уже предрѣшено думой; инструкціи коммиссіямъ пересмотра не требуютъ; власть предсѣдательствующаго опредѣлена закономъ и слишкомъ широкое примѣненіе ея стѣснило бы свободу преній; списокъ городскихъ нуждъ составляется ежегодно; въ привлеченіи посторонняго лица къ работамъ городской управы надобности не предстоитъ. Правильны ли, по существу, заключенія городской думы—этого мы рѣшить не беремся; но едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что они совершенно законны. Губернаторъ ничего не *требовалъ* отъ думы въ силу предоставленной ему закономъ власти, а только давалъ ей совѣты, которые она, конечно, вольна было принять или отклонить. Между тѣмъ, въ газетный списокъ грѣховъ самоуправленія, о которомъ мы говорили выше, внесенъ такой пунктъ („Москов. Вѣд." № 7): „симферопольская дума, желая стать на высоту якобы охраненія идеи самоуправленія, показала себя поборницей *самоуправства*". Съ этой точки зрѣнія отъ упрека въ самоуправствѣ свободенъ только тотъ, для кого желаніе начальства равносильно приказу, совѣтъ, идущій сверху—равносиленъ требованію. Непрошенные сторонники таврическаго губернатора идутъ, въ данномъ случаѣ, дальше чѣмъ онъ самъ: его предложеніе думѣ написано вовсе не въ тонѣ предписанія.

Харьковскій губернаторъ, при открытіи губ. земскаго собранія, произнесъ рѣчь, въ которой, подчеркнувъ разные недочеты земскаго хозяйства, сказалъ, между прочимъ: „*я знаю много земствъ, но такихъ земскихъ учрежденій, какъ у васъ, я не видалъ*". Обсужденіе рѣчи губернатора собраніе поручило коммиссіямъ ревизіонной и редакціонной, вмѣстѣ съ предсѣдателями земскихъ управъ. Соединенныя коммиссіи нашли, что ни по буквѣ, ни по духу законовъ губернатору не предоставлено права высказывать огульное, въ оскорбительной формѣ, осужденіе дѣятельности земства. По поводу этого заключенія возникли бурныя пренія, часть которыхъ, по распоряженію предсѣ-

дателя, происходила при закрытыхъ дверяхъ. Собраніе, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 12, постановило: 1) принести сенату жалобу на то, что губернаторъ рѣзко, оскорбительно для собранія осудилъ земскія учрежденія губерніи, безъ указанія на какіе-нибудь недостатки, которые могли бы быть исправлены губернскимъ земствомъ, и 2) довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, что такія оскорбительныя рѣчи губернатора волнуютъ собраніе и лишаютъ его того спокойствія, которое необходимо при рѣшеніи серьезныхъ дѣлъ, ввѣренныхъ земскимъ учрежденіямъ". Что подчеркнутыя нами слова губернатора могли показаться обидными для собранія—это едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію. Окончательная ихъ оцѣнка принадлежитъ правительствующему сенату, до рѣшенія котораго не должно было бы, повидимому, быть мѣста для повторенія и продолженія оскорбленій. Иначе посмотрѣли на дѣло мѣстныя „Губернскія Вѣдомости". По словамъ оффиціальной газеты, „правда, сказанная г. губернаторомъ харьковскимъ земцамъ, очень горька; но въ ней они могутъ винить только себя. Лично для кн. И. М. Оболенскаго совершенно безразлично, какъ отнеслось губернское собраніе къ сказанной имъ правдѣ; но съ общественной точки зрѣнія постановленіе губ. собранія весьма прискорбно. Земцы не съумѣли спокойно и дѣловито отнестись къ даннымъ имъ отъ губернатора указаніямъ [1])... Неосновательная и чрезмѣрная щепетильность едва ли составляетъ качество достойное похвалы въ серьезныхъ общественныхъ дѣлахъ". Въ лѣтописи земскихъ учрежденій реприманды, объявляемые земству „Губернскими Вѣдомостями", являются чѣмъ-то еще болѣе неслыханнымъ и ненормальнымъ, нежели огульное осужденіе земской дѣятельности въ рѣчи губернатора при открытіи собранія.

Къ великой радости для всѣхъ, высоко цѣнящихъ принципъ самоуправленія, на земскомъ горизонтѣ виднѣются не однѣ только тучи. Чрезвычайно отрадное впечатлѣніе производитъ напечатанное въ „Русскомъ Инвалидѣ" оффиціальное сообщеніе: „Къ вопросу о введеніи земскихъ учрежденій въ Области Войска донского" [2]). Выработанный особой коммиссіей проектъ положенія о донскомъ земскомъ

---

[1]) Развѣ можно назвать *указаніемъ* выраженіе субъективнаго убѣжденія, что харьковское земство хуже многихъ другихъ, и развѣ мыслимо „дѣловитое" отношеніе къ такому „указанію"?

[2]) Подробное изложеніе его см. въ статьѣ проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, напечатанной въ № 4 газеты „Право".

управленіи въ основѣ своей вполнѣ согласенъ съ земскимъ Положеніемъ 1890-го года; измѣненія предположены лишь въ деталяхъ, не измѣняющихъ выборнаго характера земства. Для разсмотрѣнія проекта образовано было особое совѣщаніе при главномъ управленіи казачьихъ войскъ. Засѣданія совѣщанія были отложены, по просьбѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, до окончанія разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ проекта введенія земскихъ учрежденій въ 13 не-земскихъ губерніяхъ. Въ настоящее время, по словамъ сообщенія, признано возможнымъ не откладывать болѣе начало работъ совѣщанія. Это позволяетъ думать, что измѣнился или измѣняется взглядъ на дальнѣйшій ходъ земской реформы. Область Войска донского граничитъ съ двумя изъ числа 13 губерній, въ которыхъ предполагалось ввести земское управленіе, но не земскія учрежденія въ общепринятомъ смыслѣ слова. Эти губерніи—ставропольская и астраханская. Окруженный ими съ двухъ сторонъ, сальскій округъ области Войска донского сходенъ съ ними и по характеру мѣстности (степной, мало пригодной къ хлѣбопашеству), и по составу населенія (много кочевниковъ), и по его занятіямъ (преимущественно скотоводствомъ). Одновременное введеніе въ сальскомъ округѣ настоящаго, въ губерніяхъ ставропольской и астраханской—такъ называемаго земскаго управленія было бы явною аномаліей [1])... Съ другой стороны, все больше и больше слышится компетентныхъ голосовъ, стоящихъ за широкіе распространеніе круга дѣйствій выборныхъ земскихъ учрежденій. Такъ напримѣръ, подольскій губернскій комитетъ *единогласно* призналъ, что какъ бы превосходны ни были мѣропріятія, направленныя къ подъему сельско-хозяйственной промышленности, они не приведутъ къ желательнымъ послѣдствіямъ, если попадутъ въ исключительное вѣдѣніе бюрократическихъ органовъ управленія. Только при условіи самодѣятельности общества и введенія въ юго-западномъ краѣ, наравнѣ со всей Россіей, земскаго самоуправленія по Положенію 1864-го года, возможно, по мнѣнію комитета, наилучшимъ образомъ осуществить и провести въ жизнь выработанныя комитетомъ мѣры.—Такія единогласныя заключенія, подтверждаемыя многими другими, слишкомъ вѣски, чтобы быть оставленными безъ вниманія. Частныя поправки не могутъ устранить коренного недостатка проекта, намѣчающаго для тринадцати не-земскихъ губерній учрежденія, земскія только по имени: они не могутъ вдохнуть въ *управленіе* ту живительную силу, которая свойственна только *самоупра-*

[1]) Припомнимъ, по этому поводу, что при И. Л. Горемыкинѣ предполагалось ввести въ 13 не-земскихъ губерніяхъ земскія учрежденія хотя и значительно отступающія отъ обыкновенныхъ, но основанныя на выборномъ началѣ.

вленію... Весьма характерно, что за введеніе земства высказался и барнаульскій (томской губерніи) уѣздный комитетъ, пришедшій къ заключенію, что въ Сибири имѣются уже на лицо элементы, достаточные для земской дѣятельности. Въ виду того, что подъ словомъ *земство* можно подразумѣвать весьма различныя вещи, подчасъ очень нежелательныя, барнаульскій комитетъ оговорился, что онъ называетъ земствомъ выборное земское самоуправленіе, самооблагающееся, вполнѣ самостоятельно распредѣляющее свои средства и распоряжающееся ими.

О занятіяхъ губернскихъ комитетовъ извѣстно, пока, еще немного. Свою задачу они, повидимому, понимаютъ неодинаково. Нѣкоторые изъ нихъ (напр., саратовскій, самарскій, костромской, смоленскій) входятъ въ разсмотрѣніе всѣхъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ; въ другихъ, предсѣдателемъ (т.-е. губернаторомъ) производится сортировка, и на обсужденіе губернскаго комитета вносятся не всѣ вопросы, поставленные уѣздными комитетами. Мы видѣли уже раньше, что такъ поступилъ лифляндскій губернаторъ; теперь мы узнаемъ, что тамбовскій губернаторъ отказалъ даже въ простомъ оглашеніи нѣкоторыхъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ [1]). Послѣдствіемъ этого отказа было заявленіе шестнадцати членовъ комитета (трехъ уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателя и четырехъ членовъ губ. земской управы, пяти предсѣдателей уѣздныхъ управъ и трехъ губ. гласныхъ), что они не считаютъ возможнымъ принимать дальнѣйшее участіе въ занятіяхъ комитета. „Матеріалъ, предложенный комитету“ —сказано въ заявленіи, — „составляетъ не сводъ мотивированныхъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ, а лишь весьма односторонне и во многихъ случаяхъ невѣрно составленную выборку изъ журналовъ означенныхъ комитетовъ, притомъ большею частью по частнымъ вопросамъ. Въ этой выборкѣ вовсе не упоминается объ условіяхъ жизни мѣстнаго населенія, въ которыхъ уѣздные комитеты усматривали непосредственное вліяніе на современное положеніе сельско-хозяйственной промышленности и которыя они, руководствуясь циркуляромъ предсѣдателя особаго совѣщанія на имя предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, подвергали обстоятельному разсмотрѣнію“. Губернскій предводитель дворянства, кн. Челокаевъ, отдѣльнымъ письмомъ увѣдомилъ предсѣдателя губ. комитета, что онъ считаетъ

---

[1]) См. корреспонденцію изъ Тамбова въ № 17 „Русскихъ Вѣдомостей“.

безполезнымъ принимать участіе въ комитетѣ. Слѣдующее засѣданіе комитета состоялось при участіи только 14 членовъ: одного уѣзднаго предводителя дворянства, двухъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ и 11 чиновниковъ. Нетрудно представить себѣ, въ какія условія была бы поставлена дѣятельность особаго совѣщанія, еслибы примѣру, данному въ Тамбовѣ, послѣдовали предсѣдатели многихъ другихъ губернскихъ комитетовъ...

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ въ геліо-гравюрахъ (на мѣди), съ художественнымъ воспроизведеніемъ картинъ изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III.

Открытыя письма будутъ выходить послѣдовательно серіями по 20 штукъ въ каждой, попеременно копій съ картинъ Музея и Эрмитажа. Цѣна каждой серіи, 20 разныхъ открытыхъ писемъ—2 рубля, или по 10 к. за письмо.

Адресныя стороны открытыхъ писемъ снабжены штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императ. Женск. Патріот. Общ.“, а также украшены художественными виньетками.

Подписка на серіи открытыхъ писемъ принимается у почетнаго старшины Фридриха Борисовича Бернштейна: Спб., Фонтанка, 134, гдѣ и можно получать справки по сему изданію.

Отъ Редакціи.

Въ январьской книгѣ замѣчены нижеслѣдующія опечатки:

Стран.:	*Строч.*	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ*:
230	11 св.	Гримини	Гримани
261	21 сн.	попами	папами
274	9 „	венде-линіи	венде-лики

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь. — Февраль. 1903.

Книга первая. — Январь.

стр.

Римъ и римская „религія“.—Очеркъ.—I-VI.—Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО 5
Законъ жизни.—Повѣсть.—I-X.—П. Д. БОБОРЫКИНА 38
По великой Сибирской желѣзной дорогѣ.—Путевыя замѣтки. — I. Отъ Москвы до Кургана. — II. Отъ Кургана до Омска. — III. Омскъ и Бараба.— IV. Красноярскъ.—ЭД. ЦИММЕРМАНА 107
Моя жизнь и академическая дѣятельность. — 1832-1884 гг. — Воспоминанія и замѣтки.—I-III.—А. В. РОМАНОВИЧА-СЛАВАТИНСКАГО 138
Стихотворенія.—I. При свѣтѣ вечернемъ.—II. *** — А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. 198
Житейскія толчки.—Разсказъ.—НАТ. СТАХЕВИЧЪ. 200
Царица Адріатики. — Изъ путешествія по европейскому югу. — Е. Л. МАРКОВА. 216
Іёрнъ Уль. — Эскизъ. — Jörn Uhl, Rom. v. G. Frenssen. — I-VIII. — Съ нѣм. П—НЫ С—ВОЙ. 276
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Истекшій 1902-ой годъ.—Интересъ въ обществѣ къ работамъ уѣздныхъ комитетовъ. — Первые шаги губернскихъ комитетовъ.—Вопросъ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ.—Мѣры по поводу недорода 1902-го года.—Новый ветеринарный законъ. — Оригинальная промышленная школа. — По вопросу о мелкой земской единицѣ.—Московское губернское земское собраніе 342
Недочеты сословныхъ программъ.—С. С. Бехтѣевъ, Хозяйственные итоги истекшаго сорокалѣтія и мѣры къ хозяйственному подъему. — В. В. . . . 359
Иностранное Обозрѣніе. — Международная политика въ Европѣ за истекшій годъ.—Македонскій вопросъ и „Правительственное сообщеніе“.— Наша дипломатія въ области балканскихъ дѣлъ. — Внутреннія дѣла въ Германіи, Австріи, Англіи и Франціи.—Венецуэльскій конфликтъ 377
Литературное Обозрѣніе.— I. Мелкая земская единица. Сборникъ статей. — II. Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ Германіи, М. Я. Герценштейна. — III. Г. Гауптманъ, Собраніе сочиненій, съ нѣм. пер. К. Бальмонта. — Г—анъ. —IV. Альбомъ выставки 1852—1902 г., въ память Гоголя и Жуковскаго.—Гоголь на родинѣ. — V. Православное духовенство, очерки, повѣсти и разсказы, Н. И. Соловьева.—Д.—VI. Образовательная Библіотека, серія V, 2: Проф. Погодинъ—Религія Зороастра; проф. Джаксонъ—Жизнь Зороастра.—Z.—Новыя книги и брошюры 390
Новости Иностранной Литературы.—Jakob Wassermann. Der Moloch.—З. В. . 414
Изъ Общественной Хроники. — Чествованіе памяти Некрасова.—Своеобразный взглядъ на свободу печати. — Замѣчательныя слова, сохраняющія свое значеніе по прошествіи почти полувѣка. — Преемственность идеализма въ русскихъ университетахъ.—Столѣтіе юрьевскаго (дерптскаго) университета.—Школьный вопросъ въ разныхъ концахъ Россіи.—По поводу проекта Городового Положенія для г. Петербурга 423
Извѣщенія.—Отъ Общества вспоможенія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ Спб. Учебнаго Округа, памяти М. Н. Капустина, бывшаго Попечителя Округа 439
Библіографическій Листокъ.—Шванебахъ, П. Х., Наше податное дѣло.—Кеннингемъ, В., Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія.—Бирюковичъ, В., Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. — Веселовскій, Юр., Друзья и защитники животныхъ въ соврем. франц. беллетристикѣ — Андреевскій, С. А., Литературные очерки.
Объявленія.—IV; I-XVI стр.

Книга вторая. — Февраль.

стр.

Римъ и римская религія.—VII-XII.—Окончаніе.—Ѳ. ЗѢЛИНСКАГО 441
По великой Сибирской желѣзной дорогѣ.—V-IX. —Окончаніе.—ЭД. ЦИММЕРМАНА. 486
На развалинахъ.—Романъ.—Часть первая: I-XIII.—Л. ОБОЛЕНСКАГО. . . 513
Моя жизнь и академическая дѣятельность. — 1832-1884 г.— IV-V.—А. РОМАНОВИЧА-СЛАВАТИНСКАГО 606
Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.—I-V.—А. Ѳ. КОНИ 651
Іернъ Улъ. — Эскизъ по роману Г. Френссена. — IX-XV. — Съ нѣм. П—НЫ С—ВОЙ 690
Научныя иллюзіи.—Туганъ-Барановскій, Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 750
Стихотворенія.—I. Дубъ.—II. Сонъ и пробужденіе.—В. П. МАРКОВА . . . 771
Хроника.—Государственная роспись на 1903-ій годъ.—Л. К. БУХА 775
Внутреннее Обозрѣніе.—Столѣтіе комитета министровъ и министерствъ.—Идея и ея осуществленіе. — Министерства и сенатъ. — Министры первыхъ восьми десятилѣтій XIX-го вѣка.—Средняя продолжительность управленія министерствомъ. — Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ. — Новые проекты реакціонной печати.—Возраженіе изъ богородицкаго уѣзда . . 799
Иностранное Обозрѣніе. — Парламентскія пренія въ Германіи. — Инцидентъ съ депутатомъ Фольмаромъ.—Оппозиціонныя рѣчи и отвѣты графа Бюлова.—Рѣчь Бебеля и президентскій кризисъ въ имперскомъ сеймѣ. — Нѣмецкая „міровая“ политика. — Восточно-турецкія дѣла: британская нота о проливахъ и македонскій вопросъ 814
Литературное Обозрѣніе. — I. Н. Коробка, Очерки литературныхъ настроеній. —Д.—II. В. Я. Стоюнинъ, Педагогическія сочиненія. — III. С. Прокоповичъ, Кооперативное движеніе въ Россіи. — IV. Всеобщее образованіе въ Россіи, сборникъ статей. — V. Волжскій, Очерки о Чеховѣ.—Г-анъ.—VI. В. Мейенъ, Россія въ дорожномъ отношеніи.—VII. Ѳ. Саринъ, О мірской надѣльной землѣ.—В. В.—VIII. Н. Харузинъ, Этнографія.—IX. Новый и традиціонный духовные ораторы, о.о. Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ. — Евг. Л.— X. В. Дмитріевъ-Мамоновъ, Указатель акціонерныхъ предпріятій въ Имперіи.—Z. – Новыя книги и брошюры . 827
О методѣ изложенія исторіи русской литературы.—А. Н. Пыпина 862
Новости Иностранной Литературы. — I. G. Hauptmann, Der arme Heinrich.—II. J. Lombard, Byzance.—III. E. Dillon, Maxime Gorky.—З. В. . . 877
Изъ Общественной Хроники. — Московскій съѣздъ учительскихъ обществъ взаимопомощи.—Вереница маленькихъ обвинительныхъ актовъ противъ самоуправленія. — Процессъ кронштадтскаго полиціймейстера. — Рядъ недоразумѣній. — Земство, область Войска донского и не-земскія губерніи. — Губернскіе комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности 895
Извѣщенія.—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества . . . 910
Библіографическій Листокъ. — „Вѣдомости“ времени Петра Вел., вып. 1.—Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, изд. И. Шляпкина.—Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. IV: ч. 2 и 3.—Учебная книга древней исторіи, Н. Карѣева. — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова. Шекспиръ.
Объявленія. — I-IV; I-XII стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

„Вѣдомости“ времени Петра Великаго. Вып. 1: 1703—1707 г. Подъ редакціею В. Погорѣлова. М. 903. Стр. 406 in 4°.

Въ половинѣ декабря 1702 г., былъ изданъ указъ о печатаніи „Вѣдомостей“, а 2 января 1703 года вышелъ и первый ихъ нумеръ, подъ редакціею самого Петра Великаго. При немъ и послѣ его смерти онѣ издавались то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, до 1727 года, когда были переданы окончательно въ вѣдѣніе Академіи Наукъ, которая продолжаетъ ихъ изданіе и до настоящаго времени подъ именемъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Благодаря превосходному выполненію изданія московскою синодальною типографіею, этотъ интересный памятникъ Петровской эпохи дѣлается въ первый разъ доступенъ публикѣ. Текстъ напечатанъ библейскимъ шрифтомъ оригинала; языкъ „Вѣдомостей“ уже значительно отличается отъ церковно-славянскаго языка, приближаясь къ народному. Содержаніе перваго нумера, какъ и послѣдующихъ, составляетъ рядъ краткихъ извѣстій отовсюду: сначала городскія московскія, а затѣмъ слѣдуютъ иногородныя и иностранныя. За сообщеніемъ о числѣ отлитыхъ въ Москвѣ жёнскихъ „голубицъ“ и „мартировъ“, въ самомъ первомъ нумерѣ, отъ 2 января 1703 г., говорится: „Новѣлѣніемъ его величества московскія школы умножаются и 45 человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику окончили.—Въ математической штурманской школѣ триста человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ.—На Москвѣ, ноября съ 24 числа по 24 декабря, родилося мужеска и женска полу 386 человѣкъ“. Далѣе слѣдуютъ извѣстія изъ Персіи, изъ Китая и иногородныя. „Изъ Олонца пишутъ: города Олонца попъ Иванъ Окуловъ, собравъ охотниковъ нѣшихъ съ тысячу человѣкъ, ходилъ за рубежъ къ свейскую границу и разбилъ свейскія (переименовываются) заставы. А на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число и взялъ рейтарское знамя, барабаны, и шагъ, фузей и лошадей довольно“, и т. д. Реляція кончается приведеніемъ числа убитыхъ у шведовъ и сожженныхъ Окуловымъ мызъ и дворовъ; „а изъ попова войска только ранено солдатъ два человѣка“.

Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Съ портретомъ и 7 факсимиле. Изд. И. А. Шляпкинъ, проф. Спб. унив. Спб. 903. Ц. 3 р.

Изданіе сочиненій Пушкина П. В. Анненковымъ, въ 1855 году, было въ свое время вѣскимъ событіемъ; но въ него вошло далеко еще не все изъ массы бумагъ поэта, которыя находились въ рукахъ Анненкова. Весьма значительное ихъ число продолжало храниться въ особомъ ящикѣ, который, по смерти П. В. Анненкова (1881 г.) и его брата Н. В. (1887 г.), достался въ собственность проф. И. А. Шляпкина, и нынѣ выходятъ въ свѣтъ. Издатель раздѣлилъ этотъ интересный и имѣетъ драгоцѣнный матеріалъ на три отдѣла: къ первый—вошли сохранившіяся въ оригиналахъ самого поэта его стихотворенія, прозаическія статьи и замѣтки, и стихотворенія, уцѣлѣвшія въ копіяхъ Анненкова; во второмъ—помѣщены черновыя письма Пушкина къ разнымъ лицамъ; въ третьемъ—подлинныя письма разныхъ лицъ къ Пушкину, совершенно неизвѣстныя, преимущественно 30-хъ годовъ, всего 96 нижемъ. Въ первомъ отдѣлѣ—программа „Исторіи села Горохина“ впервые является въ печати.

Сочиненія князя М. М. Щербатова. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. IV: ч. 2 и 3. Подъ ред. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Стр. 1039. Спб. 903. Ц. 5 р.

Въ новомъ выпускѣ четвертаго тома вторая его часть содержитъ въ себѣ исторію Россіи отъ начала княженія великаго князя Ивана Васильевича до царствованія царя Іоанна Васильевича, съ приложеніемъ алфавитнаго къ ней указателя и синхроностической таблицы; часть третья содержитъ исключительно выписки изъ древнихъ грамотъ, цитируемыхъ въ четвертомъ томѣ. Обѣ части напечатаны по первому академическому изданію 1783 и 1784 гг.

Учебная книга древней исторіи. Н. Карѣева. Съ историческими картами. Спб. 903. Изд. 2-е. Стр. 307. Ц. 1 р. 20 к.

Учебникъ по древней исторіи составленъ авторомъ на тѣхъ же самыхъ общихъ началахъ, которыя легли въ основаніе его же учебниковъ по средневѣковой и новой исторіи, а потому и здѣсь, кромѣ текста, имѣются приложенія и карты, предназначенныя къ тому, чтобы облегчить трудъ учащихся при усвоеніи ими необходимыхъ подробностей географіи древняго міра. Точно также и въ настоящемъ руководствѣ по древней исторіи составитель его строго раздѣлилъ изложеніе событій внутреннихъ отъ международныхъ.

Библіотека великихъ писателей, подъ редакціею С. А. Венгерова. Шекспиръ. Съ иллюстраціями. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Т. I. Стр. IV+572. Т. II. Стр. 577. Спб. 902.

Послѣ собранія сочиненій Шиллера, законченнаго недавно въ четырехъ томахъ, редакція „Библіотеки великихъ писателей“ приступила къ изданію Шекспира по той же широкой программѣ, въ существующихъ и отчасти въ новыхъ переводахъ, съ объяснительными предисловіями къ каждой пьесѣ и съ историко-литературными примѣчаніями, съ массою иллюстрацій. Въ первомъ томѣ напечатано восемь пьесъ—въ томъ числѣ „Ромео и Джульетта“, въ переводѣ Аполлона Григорьева, „Венеціанскій купецъ“ въ переводѣ П. И. Вейнберга, „Сонъ въ Иванову ночь“ и другія, съ предисловіями проф. Всев. Миллера, О. Ф. Зѣлинскаго, Н. П. Дашкевича, Л. Ю. Шепилевича, Ѳ. Д. Батюшкова, П. О. Морозова и Зин. Венгеровой. Второй томъ заключаетъ въ себѣ пьесы: „Король Джонъ“, „Ричардъ II“ въ новомъ переводѣ Н. А. Холодковскаго (съ предисловіемъ К. К. Арсеньева), „Генрихъ IV“ въ переводѣ Зин. Венгеровой и Н. Минскаго, „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ“, „Много шуму изъ ничего“, „Генрихъ V“ въ переводѣ Анны Ганзенъ, „Виндзорскія проказницы“ и „Двѣнадцатая ночь“. Изъ иллюстрацій помѣщены въ обоихъ томахъ 19 геліогравюръ и фотогравюръ, 20 автотипій на отдѣльныхъ листахъ и 389 рисунковъ въ текстѣ (въ томъ числѣ—старинные орнаменты заглавныхъ страницъ, заставки и т. п.). Изданіе, по своей внѣшности, роскошное.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1903 Г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ;

ВЫХОДИТЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИЖЪ ВЪ ГОДЪ, ОТЪ 28 ДО 30 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННАГО ЖУРНАЛЬНАГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циммерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

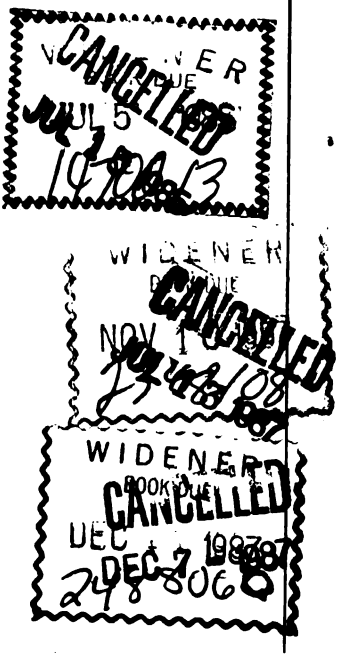
— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ указаніемъ ближайшаго по линіи почтоваго учрежденія, гдѣ (*NB*) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переѣзда въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переѣзда въ городскіе — 40 коп. — 3) Жалобы на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.